
ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV·ANG· SIGILLVM
CHRISTO ECCLESIAE
VE RI TAS

Дозв. ценз. Спб., 21 февраля 1905 г. Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка,

Павелъ Матвѣевичъ

Обуховъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1905.

ІЮЛЬ.—АВГУСТЪ.—СЕНТЯБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

123

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1905.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVI-й. **ІЮЛЬ.** 1905 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Павла Матвѣевича Обухова.**

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1905 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰), Фонтанка, 117.
1905.

Библіографическій листокъ.

Арсеній, епископъ псковскій. Изслѣдованія и монографіи по исторіи молдавской церкви. Части I и II. Съ 8-ю автотипическими портретами. Спб. 1904.

Румыны, число которыхъ по статистикѣ румынскихъ ученыхъ, доходитъ до 13 милліоновъ, а по статистикѣ иностранныхъ—до 10 милліоновъ, живутъ въ нынѣшнемъ королевствѣ Румыніи, русской Бессарабіи, австрійской Буковинѣ, угорской Трансильваніи и Банатѣ, турецкой Македоніи, Өессаліи и Эпирѣ, частью—въ Сербіи, Болгаріи и Греціи. Какъ политическое цѣлое, самостоятельное,—румыны образуютъ королевство Румынію, которая состоитъ изъ двухъ объединенныхъ въ 1862 г. княжествъ—Валахіи и Молдавіи, съ населеніемъ до $5^{1}/_{2}$ милліоновъ.

Вопросъ о происхожденіи румынскаго племени до сихъ поръ не рѣшенъ въ наукѣ вполнѣ точно. Несомнѣннымъ считается одно, а именно, что румыны принадлежатъ къ романской группѣ народовъ и являются потомками римскихъ колонистовъ, переселенныхъ Траяномъ въ завоеванную имъ Дакію, и туземнаго дакійскаго населенія.

Нынѣшняя Румынія, т. е. Валахія и Молдавія вмѣстѣ съ Банатомъ и Трансильваніей, занимаетъ приблизительно пространство Траяновой Дакіи. Покоренная римлянами Дакія недолго наслаждалась спокойствіемъ подъ ихъ владычествомъ. Въ концѣ II и началѣ III вѣка она подвергается нападеніямъ со стороны различныхъ варварскихъ племенъ, отъ опустошительныхъ набѣговъ которыхъ римляне не могли ее защитить вслѣдствіе крайняго упадка и разложенія государственнаго организма имперіи. Послѣ цѣлаго ряда попытокъ къ усмиренію возставшихъ и отраженію нападавшихъ готовъ, римскіе императоры, не разъ предпринимавшіе къ тому кровавое преслѣдованіе христіанъ, вынуждены были въ 274 г. объявить границей имперіи Дунай, уступивъ варварамъ лѣвобережную Дакію, сохранившую за собою названіе Дакіи Траяна. Это случилось при Авреліанѣ. Жителямъ ея было предложено выселиться на правый берегъ Дуная, въ Мизію, т. е. въ такъ называемую Дакію Авреліана. Но выселилось ли отсюда все романизованное населеніе Траяновой Дакіи или же только легіоны Авреліана,—вопросъ открытый. Одни ученые ищутъ родину румынскаго народа въ области Балканъ, т. е. въ Дакіи Авреліана; другіе—въ области Карпатъ, т. е. въ Банатѣ и Трансильваніи. Отсюда и получились двѣ теоріи: „балканская" и „карпатская". Кромѣ того, не всѣ изслѣдователи одинаково датируютъ время обратнаго переселенія румынъ въ придунайскую долину и основанія княжествъ Молдавіи и Валахіи.

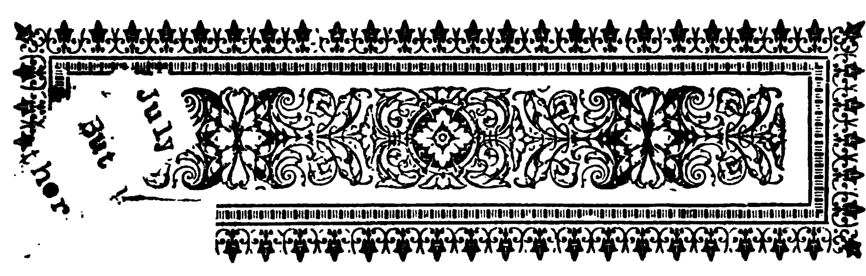
Въ качествѣ самостоятельныхъ государствъ, Валахія и Молдавія появляются поздно: первая въ концѣ XIII, вторая—въ половинѣ XIV вѣка. Но самостоятельность ихъ не продолжалась долго вслѣдствіе политической незрѣлости, выражавшейся во внутреннихъ неурядицахъ, интригахъ и кровавыхъ столкновеніяхъ между ея господарями и боярскими родами, пользовавшимися большимъ вліяніемъ. Этимъ и воспользовались всесильные въ то время турки и въ концѣ XIV вѣка покорили Валахію, а нѣсколько позже, въ половинѣ XV вѣка, и Молдавію. Такое порабощеніе продолжалось до XIX стол., когда княжества постепенно стали освобождаться отъ турецкаго ига, сначала въ 1821 г., затѣмъ въ 1858 и, наконецъ, въ 1878 г., когда объединенная Румынія стала королевствомъ.

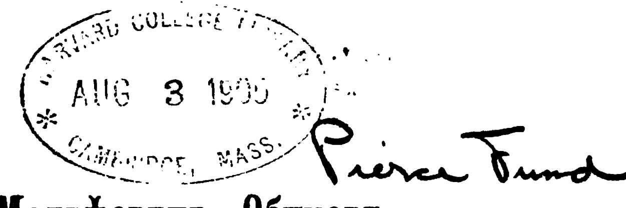
По исповѣданію значительное большинство румынъ королевства принадлежитъ къ православной церкви; къ ней принадлежатъ также румыны, живущіе въ другихъ областяхъ, кромѣ румынъ Угорскихъ областей—Трансильваніи и Баната, въ большинствѣ принадлежащихъ къ католичеству и уніатской церкви уже около 200 лѣтъ. Православіе румынъ—исконная ихъ религія; изъ всѣхъ народовъ, принадлежащихъ къ романской расѣ, одни только румыны исповѣдуютъ православіе, тогда какъ другіе романцы исповѣдуютъ католичество.

Исторія румынской церкви и румынскихъ господарствъ, особенно первоначальная, очень запутана вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствъ того времени, вліявшихъ на церковную жизнь. Цѣльной исторіи румынской церкви до сихъ поръ нѣтъ и на румынскомъ языкѣ. Только въ послѣдніи два десятилѣтія истекшаго вѣка, послѣ того, какъ Румынія стала королевствомъ, явилось у румынъ сильное стремленіе къ изученію судебъ своей родины. Благодаря этому, явилось много монографій по гражданской и церковной исторіи, касающихся или отдѣльныхъ лицъ, или же крупныхъ событій и эпохъ.

Разсматриваемый нами трудъ Арсенія, епископа псковскаго, вмѣщаетъ въ себѣ только часть многочисленныхъ матеріаловъ по исторіи румынской церкви, собиравшихся въ теченіе многихъ лѣтъ. „Изслѣдованія и монографіи", составляющія первый томъ обширнаго изслѣдованія о румынской церкви, раздѣляются на двѣ части.

Первая часть, содержащая шесть главъ, заключаетъ въ себѣ исторію епархій молдавской церкви, существующихъ въ настоящее время и прекратившихся, такъ какъ въ прежнее время, въ зависимости отъ территоріальныхъ измѣненій Молдавіи, а также отъ разныхъ политическихъ, обстоятельствъ,—измѣнялись количество и объемъ епархій. Такъ, съ самаго начала

велъ Матвѣевичъ Обуховъ.

Біографическій очеркъ.

введеніе изготовленія въ Россіи стальныхъ орудій, но
ъбъ полученія необходимой для этого литой стали,
лежать, какъ извѣстно, горному инженеру, Павлу
вичу Обухову.

дня его смерти прошло уже 35 лѣтъ, а между тѣмъ
ъ поръ не было помѣщено въ русскихъ журналахъ
ѣе полной біографіи этого, выдававшагося, въ свое
инженера.

статейки: В. А. Полетики—„Характеристика П. М.
. П. Падучева—„Первыя русскія стальныя пушки",
ервая—въ № 31 „Петербургскихъ Вѣдомостей", за
рая—въ апрѣльской книжкѣ „Историческаго Вѣстника",
даютъ нѣкоторое, далеко не полное понятіе о личности

ся преимущественно того періода жизни Павла
рый онъ зналъ его лично, а этотъ періодъ былъ,
оложителенъ. Падучевъ же изложилъ только нѣко-
зни Обухова и, такъ сказать, оффиціальныя свѣ-
й дѣятельности. Для воспроизведенія же болѣе
нравственнаго облика изобрѣтателя ни у одного
о подъ рукою необходимыхъ данныхъ.
арищъ-однокашникъ по горному корпусу, лично
ды его юности и молодости. Второй же—гораздо
лужбы своей подъ начальствомъ Павла Матвѣе-
ть, на закатѣ служебной дѣятельности послѣдняго

As to the pages 3-40 of
1905 I have to say that they were suppressed by the censorship,
the same article was published later in the No. 11 of 1905. Thus
e is no gap in your copy of July 1905.

"Note from Stavrovič July 3, 1906"

Будучи роднымъ, по матери, племянникомъ Обухова и проведя дѣтство въ Кушвинскомъ заводѣ, гдѣ одновременно съ дядей служилъ и мой отецъ, я помню Павла Матвѣевича съ 1846 года, когда ему было около 25-ти лѣтъ. Затѣмъ, уже по поступленіи моемъ въ горный институтъ, я очень часто видался съ нимъ въ Петербургѣ, гдѣ, по дѣламъ службы, приходилось проживать ему по полугоду и болѣе. Наконецъ, по окончаніи курса, я около года служилъ подъ его начальствомъ въ Златоустовскомъ заводѣ и жилъ съ нимъ все это время, въ его казенной квартирѣ, въ домѣ горнаго начальника.

Не мало вечеромъ скоротали мы вдвоемъ съ дядей и за игрой въ шахматы и въ простой, задушевной бесѣдѣ.

Онъ любилъ вспоминать о давно минувшемъ и незамѣтно, въ живыхъ разсказахъ, познакомилъ меня съ своимъ дѣтствомъ, съ годами ученія въ горномъ корпусѣ, съ жизнью за границей, съ служебной дѣятельностью, съ работами по изобрѣтенію литой стали и вообще по горно-заводскому дѣлу и со многимъ другимъ, касающимся всевозможныхъ сторонъ общественной и частной жизни.

Особенно охотно разсказывалъ дядя о своемъ отцѣ, о моемъ дѣдѣ, о его происхожденіи и о томъ, какъ онъ, не получивъ достаточнаго образованія, но обладая выдающимися способностями и любовью къ заводскому дѣлу, выбился на дорогу и достигъ такого положенія въ горнозаводской іерархіи, о которой не грезилось ему даже въ мечтахъ.

Полагая, что наивозможно подробное жизнеописаніе такой незаурядной личности, какую представлялъ собою Павелъ Матвѣевичъ Обуховъ, можетъ быть небезъинтересно, я, на основаніи его разсказовъ а также личныхъ моихъ воспоминаній и, наконецъ, оффиціальныхъ источниковъ, задумалъ написать настоящій біографическій очеркъ и предложить его благосклонному вниманію читателей.

I.

Происхожденіе Обухова.—Дѣтство.—Вліяніе отца.—Ребяческія забавы.—Посѣщеніе Урала Е. П. Ковалевскимъ.—Неожиданныя послѣдствія этого посѣщенія.—Дѣтскій караванъ.—Поступленіе въ горный корпусъ.

Еще въ царствованіе Елизаветы Петровны, въ числѣ приписныхъ, мастеровыхъ людей, на заводахъ графа Петра Ивановича Шувалова, находился Степанъ Обухъ [1]). Онъ, по сохранившемуся преданію, зналъ грамоту и былъ искусенъ въ какомъ-то ремеслѣ.

Сыновья его, а въ ихъ числѣ и дѣдъ Павла Матвѣевича, назывались уже Обуховыми.

---

[1]) Прапрадѣдъ П. М. Обухова.

На заводахъ Обуховы занимали должности писцовъ, чертежниковъ, надсмотрщиковъ, штейгеровъ, мастеровъ, надзирателей, а слѣдовательно уже нѣсколько выдѣлялись изъ общей массы чернаго, рабочаго люда.

Дѣдъ Павла Матвѣевича Обухова былъ мастеромъ какого-то производства, или цеха, въ Воткинскомъ заводѣ, гдѣ родился и началъ свою службу отецъ Павла Матвѣевича, Матвѣй Ѳедоровичъ Обуховъ.

Получивъ изрядное, по тогдашнему времени, образованіе, въ заводской школѣ, и выдѣляясь, среди другихъ учениковъ, способностями, прилежаніемъ и любовью къ заводскому дѣлу, особенно къ механикѣ, Матвѣй Ѳедоровичъ, уже въ молодыхъ годахъ, занималъ должность заводскаго надзирателя и уставщика, т. е. завѣдывающаго механизмами, ихъ ремонтомъ и наблюденіемъ за ихъ дѣйствіемъ.

Сознавая недостаточность свѣдѣній, вынесенныхъ имъ изъ заводской школы, и страстно полюбя все, относившееся до заводскихъ машинъ, Матвѣй Ѳедоровичъ, всѣ свободные отъ службы часы, всецѣло посвящалъ изученію математики и прикладной механики, доставая у инженеровъ, или выписывая черезъ нихъ необходимыя для того руководства. Такимъ путемъ, постепенно и незамѣтно выработывался изъ него дѣльный и искусный самоучка - механикъ, умѣвшій даже составлять проекты водяныхъ двигателей и строить по нимъ эти послѣдніе.

Обухова любили и цѣнили всѣ заводскіе инженеры, не исключая и непосредственнаго начальника его—Батуева [1]).

Когда послѣдній, по распоряженію начальства, былъ переведенъ изъ Воткинскаго въ Серебрянскій заводъ, Гороблагодатскаго округа, то пригласилъ съ собою и Обухова, имѣвшаго тогда уже первый классный чинъ, обѣщая, при первой же возможности, выхлопотать ему должность смотрителя завода. Матвѣй Ѳедоровичъ съ большою радостью принялъ столь неожиданное и лестное предложеніе Батуева, но къ обѣщанію его отнесся скептически, ибо хорошо зналъ, что, по штату, должность смотрителя предоставлена только спеціалистамъ-инженерамъ, и что ходатайство о назначеніи его, простаго и мелкаго горнаго чиновника, на эту должность едва-ли будетъ уважено.

Такимъ образомъ, въ 1822 году, когда Павлу Матвѣевичу, родившемуся въ 1820 году, не минуло еще и двухъ лѣтъ, отецъ его, съ семьею, переѣхалъ на новое мѣсто жительства—въ Серебрянскій заводъ.

Батуевъ, пріѣхавшій туда нѣсколько ранѣе Обухова и заставшій должность смотрителя вакантной, тотчасъ же сдѣлалъ, по начальству, обстоятельное и достаточно мотивированное представленіе о назначеніи на эту должность Матвѣя Ѳедоровича. Впредь же, до полученія

---

[1]) Фамилія вымышлена. Настоящей фамиліи этого инженера не помню.

отвѣта на представленіе, поручилъ ему временно исправлять эту должность.

Въ прежнее, крѣпостное время, на управителѣ завода лежала масса разнообразныхъ обязанностей. Онъ руководилъ веденіемъ заводскаго производства; наблюдалъ за порядкомъ и предупрежденіемъ и пресѣченіемъ преступленій; велъ слѣдствія и творилъ, въ опредѣленныхъ рамкахъ, судъ и расправу по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ; отвѣчалъ за цѣлость казеннаго имущества и за правильное расходованіе припасовъ и матеріаловъ; части учебная, санитарная и прочія отрасли мѣстнаго управленія, все это было въ непосредственномъ его подчиненіи, и за все это онъ былъ главнымъ, отвѣтственнымъ лицомъ въ заводѣ и во всѣхъ, приписанныхъ къ нему, селеніяхъ.

Поэтому управителю приходилось ежедневно, по нѣсколько часовъ, присутствовать въ конторѣ, что̀ Батуевъ и исполнялъ добросовѣстно; но за то въ заводскія фабрики онъ заглядывалъ, сравнительно рѣдко, раза два—три въ недѣлю, и то на самое короткое время, предоставивъ всю техническую и чисто заводскую часть своему помощнику.

Обуховъ не только не сѣтовалъ за это на Батуева, но былъ, напротивъ, чрезвычайно доволенъ и ежедневно, цѣлые часы, проводилъ въ заводскихъ фабрикахъ, заглядывая въ каждый уголокъ, наблюдая за каждой мелочью, словомъ, способствовалъ, на сколько хватало умѣнья, силъ и энергіи, успѣшному ходу горнозаводскаго дѣла въ Серебрянскомъ заводѣ.

Заботясь объ увеличеніи заводской производительности, Обуховъ увидѣлъ, что водяной силы для этого было недостаточно, а потому обратилъ особое вниманіе на водяные двигатели, которые нашелъ устарѣвшими и рѣшилъ замѣнить ихъ болѣе совершенными.

Составивъ проектъ водянаго колеса новѣйшаго типа, онъ представилъ его Батуеву и просилъ разрѣшенія на постепенную замѣну ими всѣхъ старыхъ колесъ.

Разсмотрѣвъ проектъ, Батуевъ одобрилъ его и разрѣшилъ Обухову построить, въ видѣ опыта, одно такое колесо.

И какъ же огорчонъ былъ Матвѣй Ѳедоровичъ, когда въ часъ, назначенный для пробы перваго, новаго колеса, Батуевъ прислалъ сказать, что не пріѣдетъ въ заводъ и чтобы пробу произвели безъ него.

Батуеву же дѣйствительно было не до пробы. Къ нему наѣхали гости изъ Кушвинскаго завода и уже третій день, почти не вставая изъ-за зеленаго стола, рѣзались въ карты.

Между тѣмъ проба колеса дала весьма удовлетворительные результаты. Постройка его обошлась дешевле, а расходъ воды, на его дѣйствіе, потребовался значительно меньшій.

Батуевъ искренно поблагодарилъ своего помощника за его полезную дѣятельность и тотчасъ же распорядился о постепенной замѣнѣ прежнихъ водяныхъ колесъ—колесами новаго типа.

Горячо принялся Обуховъ за перестройку двигателей и, покончивъ съ нею, добился осуществленія своей цѣли—значительнаго увеличенія заводской производительности.

Прошло пять лѣтъ, а на представленіе Батуева о назначеніи Матвѣя Өедоровича смотрителемъ Серебрянскаго завода, отвѣта отъ горнаго начальника все еще получено не было. Послѣдній не находилъ возможнымъ назначить на эту должность простаго, заводскаго служащаго и, въ угоду Батуеву, медлилъ замѣщеніемъ ея инженеромъ.

Всѣ дѣти болѣе или менѣе переимчивы и охотно подражаютъ родителямъ. Такъ было и съ Павломъ Матвѣевичемъ. Съ шестилѣтняго возраста онъ сталъ интересоваться заводскими фабриками, приглядываться къ нимъ и постепенно вводить ихъ въ кругъ дѣтскихъ игръ. Каждый день, по нѣсколько часовъ, проводилъ онъ на заводскомъ дворѣ и въ фабричныхъ зданіяхъ. Его все тамъ занимало: какъ, на тачкахъ, издѣлія и припасы возятъ; какъ валки вертятся, и сквозь нихъ огненныя ленты ползаютъ; какъ желѣзо, совсѣмъ красное, начнутъ колотить молотками и выдѣлывать изъ него разныя штуки; какъ вода бѣжитъ изъ пруда черезъ прорѣзъ; какъ она, по трубамъ, проходитъ къ колесамъ и заставляетъ ихъ вертѣться.

Вдоволь наглядѣвшись на все это, онъ и самъ сталъ запруживать ручьи, устраивать плотины, фабрики и колеса.

Плотину, изъ камней и битаго кирпича, устроилъ онъ удачно, такъ какъ выше ея образовался небольшой прудокъ. Наладилъ онъ и водопроводныя трубы изъ пикановъ [1]), настроилъ изъ щепъ и колышковъ нѣкоторое подобіе фабричныхъ зданій; но водяныя колеса долго ему не удавались. Тѣмъ не менѣе юный строитель не унывалъ и упорно продолжалъ свои работы. Наконецъ, труды его увѣнчались успѣхомъ, и колеса стали дѣйствовать.

Восторгу ребенка не было границъ. Всѣмъ онъ показывалъ свои сооруженія: и отцу, и кучеру, и стряпкѣ, не говоря уже о сверстникахъ-мальчишкахъ, которые, словно свита, всюду сопутствовали маленькому Обухову. Каждый изъ этой свиты занималъ извѣстную должность въ маленькомъ, дѣтскомъ заводѣ. Тутъ были и надзиратели, и мастера, и работники, конные и пѣшіе. Конные, верхомъ на палочкахъ, подвозили къ мѣсту работъ строительные матеріалы: щепки, камни и т. п., а пѣшіе помогали строителю возводить зданія и прочія заводскія устройства.

---

[1]) Растеніе, имѣющее довольно толстый и пустой внутри стволъ.

Въ семь лѣтъ, Павелъ Матвѣевичъ былъ, сравнительно, высокимъ, плотнымъ и сильнымъ мальчикомъ. Нѣсколько смуглый, краснощекій, съ черными, курчавыми волосами и карими глазами, просто, но опрятно одѣтый, онъ рѣзко выдѣлялся среди своихъ разнокалиберныхъ сверстниковъ, въ числѣ которыхъ попадались босоногіе и чумазые ребятишки, дѣти мастеровыхъ и работниковъ. Кромѣ того онъ превосходилъ ихъ и ростомъ, и силой, и ловкостью. Подвижной, самолюбивый и дѣятельный по натурѣ, онъ ревниво охранялъ свое превосходство и не допускалъ даже мысли, чтобы въ чемъ-нибудь уступить своимъ товарищамъ. Онъ легко взлѣзалъ не только на самое высокое дерево, по его вѣтвямъ, но даже и на совершенно гладкій столбъ; въ шутливой, дѣтской борьбѣ всегда оставался побѣдителемъ. Уже съ этихъ лѣтъ онъ чувствовалъ влеченіе къ охотѣ и недурно стрѣлялъ въ цѣль изъ сдѣланнаго ему кучеромъ самострѣла. А узнавъ, что въ заводѣ есть охотники и одинъ изъ нихъ даже такой, который ходилъ исключительно на медвѣдей и уже не мало десятковъ уложилъ этого звѣря, Павелъ Матвѣевичъ отправился къ нему и убѣдительно просилъ его взять съ собой на охоту. Конечно, охотникъ отказалъ въ просьбѣ и крайне огорчилъ мальчика. Отказавшись поневолѣ отъ возможности побывать на медвѣжьей охотѣ, онъ тѣмъ не менѣе нерѣдко забирался, съ своимъ самострѣломъ, въ ближайшій лѣсокъ; но почти всѣ эти экскурсіи оказывались безрезультатными: охотникъ былъ еще недостаточно умѣлый, да и оружіе оказывалось далеко не подходящимъ. Впрочемъ вскорѣ, когда отецъ его, заинтересовавшись охотничьими стремленіями сына, подарилъ ему хорошо устроенный самострѣлъ и стрѣлы съ желѣзными наконечниками, съ условіемъ употреблять ихъ только въ лѣсу, Павлу Матвѣевичу удавалось иногда подшибить или галку, или сову, или иную болѣе крупную и близко къ себѣ подпускающую птицу.

Все это дѣйствовало обаятельно на товарищей маленькаго Обухова и, такъ сказать, возводило его на извѣстную высоту, съ которой онъ энергично командовалъ своею добровольною дружиной. Послѣдняя обожала своего начальника и повиновалась ему безпрекословно.

Съ шестилѣтняго возраста Павелъ Матвѣевичъ началъ ходить въ заводскую школу. Ученье давалось ему легко, и онъ вскорѣ превзошелъ успѣхами не только сверстниковъ, но и мальчиковъ значительно высшаго возраста.

— Ну, Паша, молодчина! сказалъ ему отецъ, когда, по окончаніи учебнаго года, онъ притащилъ ему похвальный листъ.

— Учись, учись, старайся. Отсюда въ окружное училище попадешь, а тамъ и на службу. Ужь тогда взаправду и колеса и печи разныя строить будешь. Вотъ, если бъ инженеромъ я былъ, то въ

горный корпусъ тебя отдалъ бы. Хорошо бы было... Да только объ этомъ и помышлять нечего: не по чину намъ это.

— А почему не по чину, папенька?—спросилъ Паша:—вѣдь вы же помощникъ управителя...

— Помощникъ, да не инженеръ,—съ горечью возразилъ Матвѣй Ѳедоровичъ:—а въ горный корпусъ принимаютъ только дѣтей инженеровъ и высшихъ горныхъ чиновниковъ. А мы, братъ, хоть и исправляемъ должность смотрителя завода, а все же считаемся мелкою сошкой.

И не думалъ, не гадалъ, говоря это, скромный и дѣльный труженикъ, что то, о чемъ, какъ ему казалось, и помышлять нельзя, сдѣлается само собой, безъ всякихъ хлопотъ и стараній, единственно благодаря слѣпому и счастливому случаю.

Въ этомъ же году, по высочайшему повелѣнію, былъ командированъ на Уралъ, для обозрѣнія казенныхъ и частныхъ заводовъ, членъ ученаго комитета горнаго корпуса, Евграфъ Петровичъ Ковалевскій [1]).

Объѣзжая заводы, Евграфъ Петровичъ, въ концѣ лѣта, посѣтилъ Гороблагодатскій округъ и, въ одинъ прекрасный день, пріѣхалъ и въ Серебрянскій заводъ.

Заинтересованный личностью Обухова, о которомъ, по представленіи его пріѣзжему генералу, съ весьма лестной стороны отозвалось мѣстное, горное начальство, Ковалевскій особенно внимательно отнесся къ обозрѣнію заводскихъ производствъ и водяныхъ двигателей, требуя постоянно подробныхъ объясненій отъ Матвѣя Ѳедоровича. Найдя производства въ полной исправности, а механическія устройства чуть не образцовыми, Евграфъ Петровичъ не только лично и горячо поблагодарилъ Обухова, но и обѣщалъ еще доложить о его особыхъ заслугахъ министру.

При возвращеніи изъ заводскихъ фабрикъ въ квартиру управителя, Ковалевскому, съ окружавшимъ его мѣстнымъ служебнымъ персоналомъ, пришлось проходить мимо того мѣста, гдѣ маленькій Обуховъ устроилъ свой дѣтскій заводъ и гдѣ, въ это время, окруженный своею свитою, поджидалъ возвращенія начальства изъ завода, чтобы взглянуть на рѣдкаго гостя, петербургскаго генерала.

Замѣтивъ дѣтскую затѣю и собравшуюся около нея небольшую кучку мальчиковъ, Евграфъ Петровичъ сказалъ Батуеву:—Что это? Заводъ въ миніатюрѣ. Кто этимъ забавляется?

— Сынъ Обухова. Очень любознательный и бойкій мальчикъ.

Евграфъ Петровичъ остановился и, подозвавъ къ себѣ Павла Матвѣевича, спросилъ его ласково:—Какъ тебя зовутъ?

---

[1]) Впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія.

— Павелъ Обуховъ,—не смущаясь и глядя прямо въ глаза Ковалевскому, отвѣчалъ ребенокъ.

— Это все твоя работа?

— И моя, и они, вотъ, помогали.

И онъ указалъ на мальчиковъ.

— Ты очень любишь заводское дѣло?

— Очень. Да только колеса все не выходятъ, ломаются. Никакъ не могу наладить.

— Немудрено. Вѣдь ихъ не зря дѣлаютъ, а по наукѣ; ну, а этимъ наукамъ здѣсь въ школѣ не обучаютъ?

— Нѣтъ. Насъ учатъ только читать, писать, молитвамъ, да еще ариѳметикѣ.

— А тѣмъ наукамъ, которыя показываютъ намъ, какъ колеса строить, желѣзо дѣлать, обучаютъ въ горномъ корпусѣ. Слыхалъ ты объ этомъ?

— Слыхалъ. Папенька говорилъ.

— Ну, а хотѣлъ бы ты уѣхать отъ папеньки далеко, туда, гдѣ горный корпусъ, и обучаться тамъ горнымъ наукамъ?

— Извѣстно, хотѣлъ бы. Да только нельзя этого...

— Почему нельзя? Кто тебѣ сказалъ?

— Папенька. Онъ говоритъ, не по чину намъ это.

Евграфъ Петровичъ разсмѣялся.

— Не по чину. Да, точно,—проговорилъ онъ: теперь бы тебя не приняли, но со временемъ.—Кто знаетъ—все можетъ случиться. Ну, прощай, милый, учись, старайся. Богъ труды любитъ и вознаградитъ за нихъ.

И, милостиво потрепавъ по щекѣ ребенка, Ковалевскій двинулся дальше и вскорѣ скрылся изъ глазъ маленькаго, заводскаго люда.

Батуевъ, какъ честный, добрый и безпристрастный человѣкъ, не скрылъ отъ Евграфа Петровича, что большая часть улучшеній и усовершенствованій въ заводскомъ производствѣ Серебрянскаго завода сдѣлана Обуховымъ; что этотъ служака, по его мнѣнію, обладаетъ не только недюжинными способностями, но и довольно солидными знаніями и, въ полезной дѣятельности своей, не уступитъ не только посредственному, но и хорошему инженеру; что онъ, Батуевъ, дорожитъ такимъ помощникомъ, который значительно облегчаетъ ему чисто-техническія занятія и позволяетъ удѣлять достаточно времени на другія отрасли управленія, не менѣе необходимыя и обязательныя для управителя.

Евграфъ Петровичъ пробылъ въ Серебрянскомъ заводѣ болѣе сутокъ и, при прощаньи, еще разъ благодарилъ заводское начальство за отличное состояніе завода.

Долго вспоминалось серебрянскими жителями такое рѣдкое, въ то время, событіе, какъ посѣщеніе столичнымъ генераломъ небольшаго, въ глушь Уральскихъ горъ заброшеннаго завода.

Промелькнули лѣто и осень, настала зима, а тамъ незамѣтно подошли и святки. Фабрики закрылись, и весь заводскій людъ, пользуясь отдыхомъ, проводилъ время въ разнообразныхъ, святочныхъ развлеченіяхъ.

Перваго января Батуевъ получилъ, съ нарочнымъ, предписаніе горнаго начальника — немедленно командировать въ Кушвинскій заводъ губернскаго секретаря Обухова, для личныхъ объясненій. Такое экстренное требованіе, особенно въ неурочное, праздничное время, не мало удивило Батуева, и онъ терялся въ догадкахъ о причинахъ вызова Обухова. Онъ тотчасъ же послалъ за Матвѣемъ Ѳедоровичемъ и лично передалъ ему распоряженіе начальства.

Выѣхавъ въ тотъ же день изъ Серебрянскаго завода, на другой день, утромъ, Обуховъ входилъ уже въ кабинетъ начальника.

— А! Здравствуй! Садись! Новость есть для тебя. Хорошая новость. Да что же ты не садишься?—любезно и ласково говорилъ начальникъ, встрѣчая Матвѣя Ѳедоровича.

Послѣдній нѣсколько растерялся отъ такой необычной любезности. До сего времени заводскіе служащіе никогда не удостоивались подобнаго пріема, а держали рѣчи свои съ начальствомъ, стоя на вытяжку, по-военному.

— Ну, какъ ты полагаешь, въ чемъ состоитъ эта хорошая новость?—спросилъ начальникъ, когда послѣ вторичнаго приглашенія, или, вѣрнѣе, приказанія садиться, Обуховъ наконецъ неловко помѣстился на стоявшемъ около письменнаго стола креслѣ.

— Не могу знать, ваше высокородіе.

— Награда тебѣ вышла... Высочайшая награда. Да еще какая. Не догадываешься?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— И я бы не догадался; даже не повѣрилъ бы, если бъ сказали. Ну, а какъ, вотъ тутъ,—ударяя пальцемъ по печатному листу бумаги, говорилъ начальникъ, - ясно сказано, такъ по неволѣ повѣришь. Слушай!

И онъ прочелъ слѣдующее:

„Государь императоръ, вслѣдствіе представленія господина министра финансовъ, въ виду особыхъ заслугъ по горнозаводской части губернскаго секретаря Матвѣя Обухова, всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать его званіемъ горнаго инженера, съ переименованіемъ въ соотвѣтственный горный чинъ“.

— Это великая монаршая милость!—взволнованно сказалъ начальникъ:—радуюсь за тебя и отъ души поздравляю.

Такъ неожиданно свалилась на Обухова эта дѣйствительно безпримѣрная и исключительная, по тому времени, награда, что онъ долго не могъ уяснить себѣ,—сонъ это или дѣйствительность?

— Ужь какъ мнѣ благодарить ваше высокородіе!

— Стой!—перебилъ его начальникъ:—ты теперь такой же инженеръ, какъ и я, такой же мундиръ носить будешь, а потому долженъ называть меня по имени и отечеству. Слышишь?

— Слушаю-съ.

— А благодарить меня не за что. Я тутъ ни при чемъ. Это все Евграфъ Петровичъ оборудовалъ. Его поблагодари. Напиши ему непремѣнно.

— Слушаю-съ.

— А вотъ это, подавая пакетъ,—продолжалъ начальникъ: — отвезешь управителю. Тутъ распоряженіе объ утвержденіи тебя въ должности смотрителя завода. Это тоже награда, хотя и поменьше, но все-таки довольно изрядная.

Пообѣдавъ, первый разъ въ жизни, въ домѣ горнаго начальника, въ обществѣ горныхъ инженеровъ и высшихъ горныхъ чиновниковъ, гдѣ, за его здоровье, пили шампанское, Матвѣй Ѳедоровичъ въ ту же ночь помчался домой.

Пріѣхавъ въ Серебрянскій заводъ рано утромъ, когда сынъ его, Паша, только-что проснулся и еще не вставалъ съ постели, Обуховъ прошелъ прямо къ нему и радостно воскликнулъ:

— Ну, Паша, кричи „ура"! Ты будешь инженеромъ!.. Ты поступишь въ горный корпусъ.

Тутъ онъ и женѣ и всѣмъ своимъ, прибѣжавшимъ встрѣчать его чадамъ и домочадцамъ повѣдалъ о полученной имъ царской милости.

Послѣдніе два года, передъ поступленіемъ Павла Матвѣевича въ горный корпусъ, онъ учился не въ школѣ, а у отца, который заботливо готовилъ его къ предстоящему экзамену.

Прошло пять лѣтъ со времени посѣщенія Серебрянскаго завода Ковалевскимъ. Матвѣй Ѳедоровичъ Обуховъ уже занималъ должность управителя, замѣнивъ Батуева, переведеннаго въ другой округъ.

Въ іюнѣ 1832 года въ серебрянской конторѣ было получено предписаніе главнаго начальника Уральскихъ заводовъ о доставкѣ, къ 1-му іюля, въ г. Екатеринбургъ, сына горнаго инженера Обухова, Павла, для отправленія его, съ дѣтскимъ караваномъ, въ С.-Петербургъ, и опредѣленія тамъ, какъ казеннокоштнаго пансіонера, въ горный корпусъ.

О дѣтскомъ караванѣ, этомъ благодѣтельномъ, во времена нашихъ отцовъ и дѣдовъ, учрежденіи горнаго начальства, нынѣшніе инженеры едва-ли имѣютъ какое-либо понятіе.

Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, весь путь, въ 2.000 слишкомъ верстъ, отъ Екатеринбурга до Петербурга, приходилось совершать на лошадяхъ, ибо пассажирскіе пароходы ни по Волгѣ, ни по Камѣ, еще не ходили, и обѣ столицы наши еще не были соединены желѣзною дорогою. Доставка, при этихъ условіяхъ, въ столичныя учебныя заведенія своихъ дѣтей для нашихъ отцовъ и дѣдовъ была крайне затруднительна и обходилась чрезвычайно дорого. Поэтому на помощь имъ явилось горное начальство, учредивъ такъ называемый дѣтскій караванъ.

Подъ охраной и надзоромъ кого-либо изъ горныхъ чиновниковъ, или инженеровъ, по усмотрѣнію главнаго начальника, всѣ дѣти лицъ, служащихъ на заводахъ и имѣющихъ право опредѣлять ихъ, на казенный счетъ, въ горный корпусъ, отправлялись изъ Екатеринбурга, въ удобныхъ просторныхъ тарантасахъ, по сибирскому тракту, черезъ Пермь, Казань, Нижній и Москву, въ С.-Петербургъ.

Въ помощь начальнику каравана, или караванному, давались либо лѣкарь, либо помощникъ лѣкаря, на случай оказанія врачебнаго пособія заболѣвшему въ пути мальчику. На путевые расходы, т. е. на прогоны, суточныя, для продовольствія дѣтей, ремонтъ экипажей и проч., выдавалась караванному особая сумма, въ видѣ аванса, въ израсходованіи которой онъ обязанъ былъ, по окончаніи командировки, представить полный и подробный отчетъ начальству.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, караванный подавалъ прошенія о пріемѣ привезенныхъ имъ питомцевъ въ учебныя заведенія, доставлялъ ихъ въ послѣднія, въ назначенные дни и часы, для пріемныхъ испытаній и, наконецъ, по совершеніи всѣхъ формальностей, сдавалъ мальчиковъ, съ рукъ на руки, начальству учебнаго заведенія.

Вотъ съ подобнымъ-то дѣтскимъ карáваномъ былъ отправленъ въ С.-Петербургъ и Павелъ Матвѣевичъ Обуховъ.

Болѣе чѣмъ двухтысячеверстный путь, съ ежедневными, въ удобныхъ пунктахъ, ночлегами, представлялъ не мало интереса для любознательнаго и бойкаго мальчика. Все его занимало, о многомъ онъ разспрашивалъ караваннаго, и каждое селеніе, каждый городокъ, гдѣ располагались на ночевку, онъ спѣшилъ осмотрѣть, хотя поверхностно, проходя по улицамъ, набережнымъ, садамъ и бульварамъ. Особенное же вниманіе обращалъ онъ на большія, каменныя зданія съ высокими трубами, напоминавшія ему заводскія фабрики. Не разъ намѣревался онъ пробраться въ эти зданія, но охранявшіе ихъ сторожа его не пропускали, чтò, конечно, сильно огорчало мальчика.

Когда караванъ подъѣзжалъ къ Москвѣ, то на первомъ планѣ, снова появились подобныя же, но еще гораздо большихъ размѣровъ,

съ дымящимися трубами, каменныя зданія. Если только, какъ обѣщалъ караванный, они проживутъ въ древней столицѣ не менѣе трехъ дней, то—рѣшилъ въ умѣ Обуховъ—онъ непремѣнно осмотритъ ихъ и узнаетъ наконецъ,—такія ли, какъ въ Серебрянкѣ, или совсѣмъ другія всѣ эти городскія фабрики.

На другой день, по пріѣздѣ въ Москву, караванный повелъ своихъ маленькихъ спутниковъ въ Кремль и показалъ имъ всѣ его достопримѣчательности, включая сюда и царь-колоколъ и царь-пушку.

На третій же день Обуховъ не пошелъ, вмѣстѣ съ другими мальчиками, для дальнѣйшаго обзора столицы, а отправился одинъ на ея окраины, къ болѣе всего интересовавшимъ его фабричнымъ зданіямъ. Не зная совсѣмъ города, долго онъ блуждалъ по улицамъ, нерѣдко попадая въ тупики, прежде чѣмъ добрался до предмѣстья.

Вотъ, наконецъ, онъ у одной изъ фабрикъ; но, увы, какъ и дорогой, около нея тоже стоялъ церберъ, ни за что не хотѣвшій впустить его внутрь зданія. Какъ ни просилъ, какъ ни умолялъ его Павелъ Матвѣевичъ позволить взглянуть,—какъ и что тамъ работаютъ,—но жестокій и неумолимый церберъ оставался непреклоннымъ.

Къ счастію, въ это время подходилъ къ фабрикѣ какой-то господинъ и, узнавъ,—чего такъ домогался мальчикъ, заинтересовался послѣднимъ и подробно разспросилъ его,—кто онъ, откуда и почему такъ сильно желаетъ попасть на фабрику. Получивъ обстоятельные отвѣты, незнакомецъ взялъ за руку Обухова и прошелъ съ нимъ внутрь зданія.

Это была ситцевая фабрика.

Не мало удивило Павла Матвѣевича, что она совсѣмъ не похожа на серебрянскія. Чугуна и желѣза тутъ не было и въ поминѣ. Но, тѣмъ не менѣе, не безъ любопытства осматривалъ онъ все, что ему показывалъ любезный проводникъ.

По окончаніи осмотра, тепло поблагодаривъ незнакомца, Обуховъ отправился обратно, въ гостиницу, гдѣ остановился караванъ.

Сдѣлавъ пѣшкомъ такой громадный конецъ, какъ отъ Тверской до предмѣстья, Павелъ Матвѣевичъ настолько сильно утомился, что едва дошелъ до перваго городскаго бульвара, какъ бросился на траву и вскорѣ же крѣпко уснулъ. Проснувшись уже въ сумерки и почувствовавъ голодъ, онъ купилъ у сидѣвшей при выходѣ съ бульвара женщины-торговки московскій калачъ и, аппетитно его уплетая, направился къ гостиницѣ. Не зная не только названія послѣдней, но и улицы, на которой она стоитъ, онъ оказался, разумѣется, въ весьма затруднительномъ и непріятномъ положеніи. Пройдя двѣ-три

улицы и какую-то площадь и все не находя искомаго, онъ сталъ, наконецъ, спрашивать у встрѣчныхъ,—какъ пройти къ гостиницѣ? Встрѣчные, съ своей стороны, тоже задавали вопросъ: къ какой? Но на вопросъ этотъ отвѣта у мальчика не находилось.

Между тѣмъ замѣтно темнѣло, и надвигалась ночь. Храбрый отъ природы мальчикъ началъ не на шутку трусить. Къ счастію, на одномъ изъ перекрестковъ, блюститель порядка, замѣтивъ одинокаго и встревоженнаго мальчика и узнавъ изъ разспросовъ, что послѣдній просто на просто заблудился, увелъ его въ участокъ и обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла подробно доложилъ начальству.

Полицейскій приставъ, въ виду поздняго времени, рѣшилъ помѣстить приведеннаго мальчика у себя на квартирѣ, дабы утромъ, по наведеніи справокъ, сдать его съ рукъ на руки караванному.

Въ гостиницѣ же, въ нумерахъ, занимаемыхъ караваннымъ, шелъ изрядный переполохъ: одинъ изъ питомцевъ потерялся. Ждали его къ обѣду, къ вечернему чаю, нѣтъ, не возвращается. Пробило десять, одиннадцать, а о Пашѣ Обуховѣ—ни слуха. Искать его, по городу, ночью, разумѣется, безполезно. Нужно просить содѣйствія полиціи, и завтра же утромъ поѣхать къ полицеймейстеру.

Такъ рѣшилъ караванный.

Но, утромъ, едва онъ проснулся, какъ ему ужъ докладываютъ, что потерявшійся мальчикъ только-что доставленъ въ гостиницу будочникомъ.

Конечно, караванный обрадовался, далъ на чай будочнику, а любознательному путешественнику изрядно намылилъ голову, съ обѣщаніемъ впредь, на каждой стоянкѣ привязывать его на веревочку.

Отъ Москвы до Петербурга караванъ доѣхалъ благополучно и расположился въ одной изъ гостиницъ Васильевскаго Острова.

Вскорѣ же по пріѣздѣ въ столицу, Обуховъ, въ числѣ другихъ мальчиковъ, держалъ экзаменъ и былъ, наконецъ, включенъ въ списокъ воспитанниковъ горнаго корпуса.

II.

Пребываніе въ горномъ корпусѣ.—Офицерскіе классы.—Соперничество изъ-за первенства. — Выпускъ. — Возвращеніе на Уралъ.

Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія горный корпусъ считался однимъ изъ лучшихъ петербургскихъ учебныхъ заведеній. Особенно хорошо было поставлено тамъ общее образованіе, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Кромѣ преподаванія необходимыхъ, на-

учныхъ предметовъ, обучали тамъ и разнымъ искусствамъ: рисованію, музыкѣ, танцамъ и фехтованію. Иностранные языки преподавались не только теоретически, но и практически. Для этой цѣли находились особые гувернеры, которые цѣлые дни, поочередно, проводили среди воспитанниковъ, заставляя ихъ говорить и съ ними и между собою по-французски и по-нѣмецки.

Кромѣ того, введенныя однимъ изъ бывшихъ управляющихъ горнымъ корпусомъ, Е. П. Мечниковымъ, для развлеченія воспитанниковъ, театральныя представленія получили уже, такъ сказать, права гражданства и продолжали свое существованіе почти до послѣдняго преобразованія горнаго института въ высшее, открытое учебное заведеніе.

Все это, вмѣстѣ взятое, сильно содѣйствовало всестороннему развитію воспитанниковъ, постепенно и незамѣтно пріобрѣтавшихъ и хорошія манеры, и свѣтскій лоскъ, и ловкость, и умѣніе свободно говорить по-французски и по-нѣмецки.

Хотя по своимъ лѣтамъ и прекрасной подготовкѣ изъ ариѳметики, географіи, русскаго языка и исторіи, Обухову слѣдовало бы поступить по крайней мѣрѣ во второй приготовительный классъ, но, не будучи совершенно знакомъ съ иностранными языками, для обученія которымъ въ глухомъ уголкѣ Урала не нашлось даже самаго посредственнаго преподавателя, онъ могъ быть принятъ только въ первый классъ.

Весьма способный и крайне самолюбивый, Павелъ Матвѣевичъ вѣроятно вскорѣ же успѣлъ бы болѣе или менѣе основательно изучить и иностранные языки, если бы вскорѣ, по его поступленіи въ корпусъ, послѣдній не былъ значительно преобразованъ и должности гувернеровъ не заняли офицеры.

Въ 1834 году горный корпусъ, переименованный въ Институтъ корпуса горныхъ инженеровъ, состоялъ изъ пяти приготовительныхъ, двухъ кондукторскихъ и двухъ офицерскихъ классовъ. Воспитанники первыхъ назывались кадетами, вторыхъ—кондукторами, а въ послѣднихъ обучались уже офицеры.

Во время пребыванія въ корпусѣ, до перехода въ офицерскіе классы, жизнь Обухова текла ровно и довольно однообразно, подобно жизни большинства воспитанниковъ. Оказывая блестящіе успѣхи по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ иностранныхъ языковъ, которые давались ему не совсѣмъ легко, онъ считался однимъ изъ лучшихъ учениковъ и, при переходѣ изъ класса въ классъ, постоянно получалъ награды.

Тѣмъ не менѣе самолюбіе его страдало. Стремясь быть первымъ, по успѣхамъ, ученикомъ, онъ не могъ достигнуть этого. Неполные

баллы изъ иностранныхъ языковъ, какъ тормазъ, мѣшали ему забраться на верхнюю ступень ученической лѣстницы. А между тѣмъ онъ занимался ими добросовѣстно и усердно. Но бывшіе въ то время учителя иностранныхъ языковъ, французы и нѣмцы, плохо знавшіе русскій языкъ и съ большимъ трудомъ на немъ говорившіе, естественно не имѣли возможности ясно и толково объяснять ученикамъ грамматическія правила, что̀, съ устраненіемъ гувернеровъ, а слѣдовательно и практическихъ уроковъ, не особенно содѣйствовало успѣшному преподаванію иностранныхъ языковъ.

Помимо успѣховъ въ наукахъ, Обуховъ оказывалъ не меньшіе успѣхи въ искусствахъ, гимнастикѣ и фехтованіи.

На корпусныхъ концертахъ онъ выступалъ не только въ хорахъ и оркестрахъ, но и какъ солистъ. У него былъ пріятный и сильный баритонъ, и исполняемые имъ въ концертахъ романсы и аріи доставляли ему не мало громкихъ аплодисментовъ публики [1]). Такія же оваціи вызывала въ слушателяхъ и игра его на віолончели.

Держалъ себя онъ въ корпусѣ спокойно и ровно; къ начальству относился почтительно, но безъ униженія и подобострастія. Съ товарищами былъ простъ, искрененъ и ни съ кѣмъ изъ нихъ ни разу не ссорился. Ближе и короче другихъ сошелся онъ, съ третьяго класса, съ И. А. Штейнманомъ [2]), да въ послѣдніе два года, уже въ офицерскихъ классахъ, съ Я. И. Ламанскимъ [3]). Шумныхъ, дѣтскихъ игръ онъ не любилъ, предпочитая имъ, въ саду — городки и лапту, а въ комнатахъ — шахматы.

Не имѣя родныхъ и близкихъ знакомыхъ въ Петербургѣ, Обуховъ естественно всѣ праздничные дни проводилъ въ стѣнахъ корпуса, лишь изрѣдка и то уже въ позднѣйшіе годы, посѣщая, по приглашенію кого-либо изъ товарищей, ихъ семейства. Но онъ, по его разсказамъ, не скучалъ, проводя праздники въ занятіяхъ музыкой, фехтованіи, игрѣ въ шахматы и преимущественно въ чтеніи книгъ, которыя имѣлись при корпусной библіотекѣ и частью доставлялись ему возвращавшимися изъ отпуска товарищами.

Такъ незамѣтно пролетѣло нѣсколько лѣтъ, и Обуховъ перешелъ въ первый офицерскій классъ.

Съ этихъ поръ образъ жизни его совершенно измѣнился.

---

[1]) Послѣ одного изъ такихъ концертовъ, лицо, власть имущее въ дирекціи Императорскихъ театровъ, будучи восхищено голосомъ Обухова, предложило ему поступить въ русскую оперу, на весьма выгодныхъ условіяхъ. Но предложеніе это было Обуховымъ отклонено.

[2]) Бывшимъ впослѣдствіи управляющимъ горною частью на Кавказѣ и за Кавказомъ.

[3]) Бывшимъ впослѣдствіи директоромъ Технологическаго института.

Пользуясь, сравнительно, гораздо большею свободой, слушатели офицерскихъ классовъ, уже произведенные въ прапорщики и подпоручики, жили въ особомъ помѣщеніи и, въ свободное отъ классныхъ занятій время, имѣли право выходить на прогулку, въ гости, въ театръ, словомъ, всюду, куда имъ вздумается.

Въ офицерскихъ классахъ преподавались уже исключительно спеціальныя, горныя науки.

Особенно основательно старался Павелъ Матвѣевичъ усвоивать тѣ изъ нихъ, которыя непосредственно относились къ заводскому дѣлу, а именно: металлургію, химію и механику. Но, находя одни книжныя, чисто теоретическія знанія недостаточными, онъ усердно посѣщалъ мѣстные заводы и фабрики и внимательно знакомился со всѣмъ тѣмъ, что̀, по его мнѣнію, ему могло быть не безполезно, впослѣдствіи на заводахъ.

Онъ перешелъ уже во второй офицерскій классъ, учился прекрасно и былъ на отличномъ счету у начальства, а между тѣмъ товарищи стали замѣчать въ немъ нѣкоторую перемѣну. Обыкновенно ровный, спокойный и почти всегда веселый, Обуховъ началъ задумываться и обнаруживать порою раздражительность и нетерпѣніе, которыхъ въ немъ до сего времени не замѣчали. Какія-то тяжелыя мысли видимо его угнетали. Но какія именно, никто не догадывался, а разспрашивать его не рѣшались, ибо знали, что этого онъ недолюбливалъ и, не стѣсняясь, довольно рѣзко обрывалъ любопытныхъ.

А было дѣйствительно одно обстоятельство, которое не давало покоя Павлу Матвѣевичу и скверно вліяло на его, почти всегда прекрасное, расположеніе духа.

Обстоятельство это—недостатокъ шансовъ на возможность воспользоваться, по окончаніи курса, заграничною, на казенный счетъ, командировкой.

Въ то время существовало правило: перваго по выпуску изъ корпуса отправлять, на казенный счетъ, на два года, за границу, для болѣе подробнаго ознакомленія, на практикѣ, со всѣми усовершенствованіями и нововведеніями въ горнозаводской техникѣ.

Перейдя во второй офицерскій классъ вторымъ, Обуховъ твердо зналъ, что ему не удастся стать, въ теченіе учебнаго года, а слѣдовательно и окончить курсъ первымъ. Эта высшая ступень классной лѣстницы уже нѣсколько лѣтъ подрядъ твердо занималъ М. П. Даниловъ; это былъ весьма серьезный соперникъ Павла Матвѣевича. Хотя оба они имѣли полные баллы изъ предметовъ, но у Данилова такіе же баллы были и изъ иностранныхъ языковъ, тогда какъ у Обухова изъ послѣднихъ были не полные.

Какъ ни усердно занимался Обуховъ переводами и чтеніемъ, при

помощи лексиконовъ, техническихъ статей иностранныхъ авторовъ. но, къ досадѣ своей, сознавалъ, что все же, въ концѣ концовъ, придется ему уступить первенство Данилову.

Эта-то мысль, со дня перехода въ послѣдній, старшій классъ, назойливо сверля мозгъ, не давала ему покоя и неблагопріятно отражалась на его характерѣ.

Такъ шло время до наступленія Рождественскихъ праздниковъ.

Но, однажды, вскорѣ послѣ новаго года, проведя въ невеселыхъ думахъ длинную, безсонную ночь, Павелъ Матвѣевичъ вдругъ напалъ на одно, самое простое и легко исполнимое средство, и долго мучившій его вопросъ былъ, наконецъ, вырѣшенъ.

Онъ разомъ повеселѣлъ, снова сдѣлался спокойнымъ и ровнымъ въ обращеніи съ товарищами, но, зато, пересталъ заниматься и сталъ чаще уходить изъ офицерской квартиры, что̀, въ свою очередь, тоже не мало дивило его одноклассниковъ. Ламанскій же былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и крайне огорченъ такою небрежностью въ занятіяхъ своего друга и не одинъ разъ говорилъ ему объ этомъ. Но Обуховъ только усмѣхался и замѣчалъ небрежно:

— Еще будетъ время. Успѣю наверстать сторицей.

— Сомнѣваюсь,—возражалъ Ламанскій.—Ты вѣдь ни одной лекціи не прочелъ. Я наблюдалъ, знаю... И, вотъ, погляди, ты не только первымъ, какъ ты мечтаешь, но и вторымъ-то не кончишь. Даже можешь не получить медали.

— И кончу первымъ, и медаль получу, и за границу, на казенный счетъ, поѣду,—увѣренно говорилъ Обуховъ.

— Ничего-то не дѣлая?—съ удивленіемъ воскликнулъ Ламанскій.

— Именно.

— Ну, ужъ это, извини, бахвальство какое-то! Возмутительная самовѣренность!—горячо ратовалъ Яковъ Ивановичъ.

— Хочешь пари?

— Пари? О чемъ?

— О томъ, что я кончу первымъ.

— Что это? Шутка или глумленіе?—обидчиво замѣтилъ Ламанскій.

— Ни то, ни другое. Я говорю серьозно и увѣренъ впередъ, что ты проиграешь. Ну, идетъ, что-ли? спросилъ—Обуховъ.

— На что?

— На бутылку шампанскаго, больше съ тебя, по дружбѣ, взять не желаю.

— Изволь.

И оба пріятеля ударили по рукамъ.

Увѣрившись, что Павелъ Матвѣевичъ не шутитъ, Ламанскій, не столько изъ любопытства, сколько изъ дружескаго участія, сталъ до-

пытываться,—какимъ это образомъ онъ, при настоящихъ, неблагопріятныхъ условіяхъ, надѣется кончить курсъ первымъ.

— Очень просто, тотчасъ же объяснилъ Обуховъ:—съ Даниловымъ соперничать безполезно; онъ въ языкахъ собаку съѣлъ. Ну, а съ Версиловымъ я потягаюсь.

— Съ Версиловымъ? Да вѣдь мы кончаемъ съ нимъ только въ будущемъ году.

— Ну, и я рѣшилъ кончать вмѣстѣ съ вами, ибо останусь, по болѣзни, на второй годъ. Это — единственное средство достигнуть цѣли. Понялъ?

— Да, это... это дѣйствительно,—бормоталъ пораженный Ламанскій.—Изъ всѣхъ насъ, только ты одинъ способенъ выкинуть такую штуку—цѣлый годъ оставаться добровольно въ этихъ стѣнахъ. Это—большое самопожертвованіе.

— Ну, нѣтъ, это—простой разсчетъ. За лишній годъ пребыванія въ корпусѣ я выгадываю два года заграничной командировки.

Передъ наступленіемъ выпускныхъ экзаменовъ, Обуховъ, сказавшись больнымъ, около мѣсяца пробылъ въ лазаретѣ и остался на второй годъ во второмъ офицерскомъ классѣ.

О своемъ рѣшеніи пробыть лишній годъ въ корпусѣ и о причинахъ, побудившихъ принять это рѣшеніе, онъ подробно сообщилъ отцу. Матвѣй Ѳедоровичъ не только вполнѣ одобрилъ дѣйствія сына, но и обѣщалъ ему приготовить, ко времени заграничной командировки, еще небольшую денежную субсидію.

Послѣдній 1842—43-ій учебный годъ, подобно предъидущимъ, прошелъ обычнымъ порядкомъ, и снова настало время экзаменовъ.

Результатъ ихъ былъ вполнѣ благопріятенъ для Обухова: онъ оказался первымъ по выпуску, и фамилія его, по настоящее время, красуется на золотой доскѣ въ конференцъ-залѣ горнаго института.

Окончившіе курсъ инженеры, получивъ каждый служебныя назначенія, скромно отпраздновали и свое вступленіе на арену служебной дѣятельности, и разлуку съ товарищами-однокашниками, прощальнымъ обѣдомъ.

Вскорѣ послѣ него, всѣ они разсѣялись по разнымъ заводамъ и промысламъ, а Обуховъ съ Версиловымъ отправились на Уралъ, въ Гороблагодатскій округъ, куда были назначены, въ распоряженіе горнаго начальника, для практическихъ занятій.

Павелъ Матвѣевичъ поселился въ Кушвинскомъ заводѣ и, все время практическихъ занятій, жилъ въ квартирѣ своего отца, который, въ чинѣ подполковника, занималъ въ то же время должность помощника горнаго начальника.

Старикъ Обуховъ былъ весьма радъ, что могъ жить вмѣстѣ съ

любимымъ сыномъ, тѣмъ болѣе, что, выдавъ трехъ дочерей замужъ, онъ проживалъ, въ довольно большой квартирѣ, только вдвоемъ съ женою.

Одна изъ этихъ трехъ дочерей и была замужемъ за моимъ отцомъ, который занималъ тогда въ Кушвинскомъ заводѣ должность окружнаго лѣсничаго.

Пріятно было видѣть, какъ отецъ съ сыномъ, въ свободные часы, вели горячія бесѣды о горнозаводскихъ дѣлахъ и какъ почтительно, съ какимъ вниманіемъ выслушивалъ Павелъ Матвѣевичъ дѣльные совѣты и указанія опытнаго практика-инженера.

Не разъ, въ позднѣйшее время, съ любовью вспоминалъ онъ объ этихъ бесѣдахъ и всегда прибавлялъ въ заключеніе, что большая часть совѣтовъ и указаній отца не однажды пригодилась впослѣдствіи и послужила ему на большую пользу.

Пробывъ полтора года на практическихъ занятіяхъ, 16-го февраля 1845 года, Павелъ Матвѣевичъ былъ опредѣленъ смотрителемъ, дорогаго ему, по воспоминаніямъ дѣтскихъ лѣтъ, Серебрянскаго завода.

Прибывъ къ мѣсту служенія и обойдя всѣ, такъ хорошо знакомыя ему заводскія зданія, Обуховъ нашелъ ихъ почти въ томъ же видѣ, въ какомъ они находились передъ отправкой его въ горный корпусъ.

Заглянулъ онъ и на мѣсто, близъ заводскаго двора, гдѣ, когда-то, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, устраивалъ, въ компаніи своихъ сверстниковъ, миніатюрныя фабрики и колеса. Но тамъ не нашелъ онъ и слѣда былыхъ дѣтскихъ сооруженій.

Сопровождавшій Обухова надзиратель, оказавшійся однимъ изъ участниковъ въ его дѣтскихъ, горнозаводскихъ забавахъ, почтительно объяснилъ ему, что съ отъѣзда его изъ Серебрянки заводскіе ребятишки постепенно охладѣвали къ этой забавѣ и наконецъ совсѣмъ ее оставили.

Усердно и добросовѣстно принялся Павелъ Матвѣевичъ за исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей. Но въ небольшомъ Серебрянскомъ заводѣ дѣла было не на столько много, чтобы не выдавалось ежедневно нѣсколькихъ свободныхъ часовъ. Часы эти онъ проводилъ, частію, за научными занятіями, пополняя вынесенныя изъ корпуса знанія, частію за игрой на віолончели и гитарѣ, которую полюбилъ уже по выпускѣ изъ корпуса. Сравнительно рѣдко посѣщалъ онъ своихъ сослуживцевъ: управителя, лѣсничаго и врача, ибо не игралъ въ карты, а у нихъ послѣднія считались почти единственнымъ развлеченіемъ.

Еще въ дѣтствѣ мечтая объ охотничьихъ экскурсіяхъ, Павелъ Матвѣевичъ, поселясь въ Серебрянкѣ, окрестности которой изобиловали не только всевозможною дичью, но и звѣремъ, а именно: медвѣдями, лисицами и волками, сдѣлался ярымъ охотникомъ.

Не довольствуясь истребленіемъ лѣсной и болотной дичи, онъ стремился поохотиться за медвѣдями и, съ этой цѣлью, разыскивалъ, среди охотниковъ-мастеровыхъ, опытнаго медвѣжатника.

И какъ же удивился онъ, когда узналъ, что самый опытный и лучшій изъ нихъ—женщина.

Любимая и единственная дочь вдовца мастероваго, завзятаго медвѣжатника, рослая, сильная, но некрасивая, не вышла, по обыкновенію своихъ сверстницъ, замужъ и нерѣдко сопровождала отца въ его охотахъ за медвѣдемъ. Охоты эти были часты, ибо составляли, такъ сказать, ремесло, представлявшее собою единственный источникъ добычи средствъ къ существованію. Охотникъ ходилъ на медвѣдя, безъ ружья, а только съ ножомъ и рогатиной.

Не одинъ десятокъ этого, иногда очень крупнаго, звѣря одолѣлъ храбрый и искусный медвѣжатникъ, но на послѣднемъ не сдобровалъ и, въ свою очередь, былъ смятъ и задранъ лапами громаднаго Мишки.

Дочь его, уже тридцатилѣтняя тогда дѣва, на столько сильно была огорчена смертью отца, что поклялась посвятить свою жизнь мести всѣмъ медвѣдямъ безъ исключенія. И, вотъ, схоронивъ отца, она стала ходить на нихъ, такъ же, какъ хаживалъ и онъ, то есть съ ножомъ и рогатиной и, подобно ему, не одинъ уже десятокъ уложила этого звѣря.

Этого-то охотника-женщину и избралъ Павелъ Матвѣевичъ своимъ компаніономъ, при первой экскурсіи на медвѣжью охоту. Послѣдняя оказалась удачной, и новичекъ-охотникъ вернулся домой, везя съ собою, въ видѣ трофея, прекрасную медвѣжью шкуру.

Сдѣланный изъ нея коверъ хранился, надо полагать, до смерти Обухова, ибо я, лично, видѣлъ его, въ 1863 году, когда служилъ, подъ начальствомъ дяди, въ Златоустовской оружейной и Князе-Михайловской фабрикѣ.

При такомъ образѣ жизни незамѣтно промелькнулъ годъ, а уже въ апрѣлѣ слѣдующаго, 1846-го, года Обуховъ, по высочайшему повелѣнію, былъ командированъ за границу, въ Германію и Бельгію, для усовершенствованія въ горномъ дѣлѣ и предпочтительно для изученія желѣзнаго и мѣднаго производствъ, а такъ же и современныхъ усовершенствованій по механической части.

Въ обезпеченіе же пожертвованій, производимыхъ казною на эту командировку, онъ обязывался, по возвращеніи изъ-за границы, прослужить не менѣе шести лѣтъ въ горнозаводскомъ вѣдомствѣ, въ чемъ была взята отъ него особая подписка.

Черезъ три мѣсяца, по выѣздѣ изъ Петербурга въ Германію, Павелъ Матвѣевичъ получилъ горестное извѣстіе съ Урала — о смерти его

отца—извѣстіе, не мало отравившее первые мѣсяцы жизни его за границей. Но любовь къ избранной имъ спеціальности, усердныя занятія, знакомство съ новыми мѣстами, ихъ жителями, нравами, обычаями, все это помогало ему легче переносить тяжелую утрату.

III.

Заграничная командировка. — Маленькій романъ. — Дуэль. — Возвращеніе на Уралъ.—Назначеніе на должность управителя Кушвинскаго завода.—Переводъ на ту же должность въ Юговской заводъ.—Начало опытовъ надъ полученіемъ литой стали.—Назначеніе управителемъ Златоустовской оружейной фабрики.— Выдѣлка изъ литой стали кирасъ и ружейныхъ стволовъ.

Въ Германіи и Бельгіи Обуховъ прожилъ около двухъ лѣтъ, старательно осматривая и изучая все то, что находилъ тамъ новаго и интереснаго въ горнозаводскомъ дѣлѣ.

Пользуясь случаемъ, не преминулъ онъ побывать и въ Парижѣ, гдѣ, подобно другимъ, не уклонился отъ всевозможныхъ соблазновъ этого современнаго Вавилона. На сколько позволяли довольно скромныя средства, Павелъ Матвѣевичъ воспользовался частію, въ изобиліи предлагавшихся иностранцамъ, удовольствій и развлеченій.

Да и дѣйствительно, послѣ весьма продолжительныхъ и усердныхъ занятій на заграничныхъ заводахъ, онъ чувствовалъ нѣкоторое утомленіе и потребность освѣжиться и нѣсколько разсѣяться. А Парижъ, въ то время и до конца второй имперіи, считался для этого единственнымъ и незамѣнимымъ, во всей Западной Европѣ, горородомъ. Правда, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ служилъ нерѣдко и гибелью для легкомысленныхъ и слабохарактерныхъ личностей; но Обуховъ не принадлежалъ къ ихъ числу и, пользуясь, въ мѣру, удовольствіями, только отдохнулъ отъ усиленныхъ занятій и съ прежнею энергіей приступилъ къ продолженію своихъ занятій на заводахъ.

Въ теченіе двухлѣтняго пребыванія за границей было у Обухова и небольшое приключеніе, па романтической подкладкѣ. Онъ увлекся миловидной и сантиментальной нѣмочкой, дочерью одного изъ профессоровъ, въ домѣ котораго всегда былъ радушно принятъ.

Проводя въ семьѣ профессора свободные вечера, онъ имѣлъ возможность все ближе и ближе сходиться съ предметомъ своего увлеченія. Но какъ семья профессора была довольно многочисленна, и оставаться наединѣ влюбленной парочкѣ приходилось весьма рѣдко, то родители нѣмочки долго не замѣчали взаимной склонности молодыхъ людей. Зато глаза соперника, студента нѣмца, еще ранѣе Обухова влюбившагося въ профессорскую дочку и тайно по ней стра-

давшаго, оказались гораздо зорче и уяснили ему вскорѣ же дѣйствительное положеніе дѣла, т. е. предпочтеніе ему, нѣмцу, русскаго инженера.

Ревность студента разгоралась съ каждымъ днемъ; вражда къ Обухову обнаруживалась каждый разъ, когда только судьба сводила ихъ вмѣстѣ.

Наконецъ, нѣмецъ не выдержалъ и, въ одинъ прекрасный день, придравшись къ какому-то, самому пустому случаю, произнесъ оскорбительную для Павла Матвѣевича фразу, на которую послѣдній отвѣтилъ пощечиной.

Въ тотъ же день студентъ прислалъ Обухову секундантовъ, и дуэль оказалась неизбѣжной.

Считая себя искуснымъ фехтовальщикомъ, юный нѣмчикъ былъ вполнѣ увѣренъ, что одержитъ побѣду надъ русскимъ инженеромъ. Но, на самомъ дѣлѣ, случилось противное. Павелъ Матвѣевичъ оказался искуснѣе своего соперника, и послѣдній получилъ неопасную рану въ лѣвое плечо, тогда какъ Обуховъ вышелъ изъ поединка безъ царапины.

Тѣмъ не менѣе, вызовомъ на дуэль юный нѣмчикъ достигъ своей цѣли.

Профессоръ, узнавшій всѣ обстоятельства этого непріятнаго случая, на другой же день зашелъ къ Павлу Матвѣевичу и имѣлъ съ нимъ довольно продолжительный, секретный разговоръ, послѣ котораго Обуховъ прекратилъ посѣщеніе семьи профессора, а вскорѣ и совсѣмъ уѣхалъ изъ города.

Въ маѣ 1848 года, Павелъ Матвѣевичъ вернулся изъ заграничной командировки въ Петербургъ, гдѣ сперва былъ занятъ составленіемъ о ней отчета, а затѣмъ ему было поручено горнымъ департаментомъ отправиться въ Сестрорѣцкій заводъ, для ознакомленія съ введенными тамъ, иностранцемъ Тальботомъ, способомъ машинной заварки ружейныхъ стволовъ.

Вернувшись изъ Сестрорѣцка и представивъ, по принадлежности, свои отчеты, Павелъ Матвѣевичъ, въ іюлѣ 1848 года, отправился на Уралъ, гдѣ занялъ прежнюю свою должность, смотрителя Серебрянскаго завода.

Но въ этой должности пробылъ онъ только около двухъ мѣсяцевъ и уже 4-го ноября 1848 года, произведенный передъ тѣмъ въ штабсъ-капитаны, получилъ назначеніе исправлять должность управителя Кушвинскаго завода, а въ маѣ 1850 года былъ утвержденъ въ этой должности.

Проживъ довольно долго за границей и ознакомясь тамъ съ комфортабельной, домашней жизнью болѣе или менѣе зажиточныхъ ино-

странцевъ, онъ не могъ не признать, какую замѣтную разницу представляетъ она съ обыденной жизнію заводскихъ служащихъ. Сдѣлавшись управителемъ и занявъ довольно большую, казенную квартиру, онъ, за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ для полной ея меблировки, все же устроилъ и, на заграничный ладъ, по своему вкусу, меблировалъ двѣ пріемныя комнаты.

И какъ же восхищались нѣкоторые изъ его знакомыхъ и сослуживцевъ, съ дѣтства привыкшіе видѣть, во всѣхъ домахъ, однообразную, словно, по разъ на всегда принятому шаблону, устроенную обстановку.

Но не только въ этомъ, а и въ пріемѣ гостей, ихъ угощеніи Обуховымъ, каждый замѣчалъ что-то особенное, не такое, что видѣлъ у другихъ, и говорилъ обыкновенно, что у Павла Матвѣевича дѣлается все по-заграничному. На самомъ же дѣлѣ дѣлалось у него все просто, по-обуховски.

Придумать что-нибудь необычное, чѣмъ-нибудь поразить другихъ— была одна изъ его слабостей, сильнѣе и ярче обнаружившаяся впослѣдствіи, когда онъ располагалъ уже значительными средствами и могъ, безъ стѣсненія, исполнять свои маленькія прихоти и затѣи.

На первыхъ же порахъ при вступленіи въ отправленіе должности управителя Кушвинскаго завода, Павлу Матвѣевичу пришлось проявить на практикѣ свои, почерпнутыя въ корпусѣ и заграничной командировкѣ, свѣдѣнія и знанія.

Старая, заводская плотина оказалась негодною, и ему пришлось работать надъ составленіемъ проекта новой плотины и руководить ея сооруженіемъ.

Квартира, занимаемая моимъ отцомъ, была расположена на берегу пруда и недалеко отъ плотины, и я нерѣдко съ любопытствомъ слѣдилъ, изъ окна, за постройкой временной перемычки.

Мнѣ живо припоминается тотъ день, въ который прорвало эту перемычку, и, хлынувшая черезъ прорѣзъ, вода бѣшено понеслась изъ заводскаго пруда по рѣчкѣ, затопляя прибрежныя и вообще ниже плотины лежащія улицы.

Набатный звонъ, переполохъ жителей, смятеніе, шумъ, все это крѣпко врѣзалось въ моей памяти, и я помню, какъ жадно наблюдалъ за творившимся у перемычки и видѣлъ, какъ Павелъ Матвѣевичъ, озабоченный и взволнованный, появляясь то тутъ, то тамъ, командовалъ толпами рабочихъ и отдавалъ имъ свои распоряженія.

Вскорѣ однако мѣсто прорыва въ перемычкѣ было задѣлано, и грозившее нижнимъ улицамъ затопленіе водою предупреждено.

Должность управителя Кушвинскаго завода Обуховъ исполнялъ, сравнительно, недолго, всего около трехъ лѣтъ, и 10-го августа

1851 года былъ уже переведенъ на такую же должность въ Юговской заводъ, Пермскаго округа. Здѣсь, изъ-за должности управителя, онъ былъ назначенъ еще инспекторомъ школъ; но, черезъ годъ и три мѣсяца, отъ этой должности былъ освобожденъ.

Въ 1852 году Павелъ Матвѣевичъ былъ произведенъ въ капитаны.

Собственно мѣдное производство, которое онъ, между прочимъ, изучалъ за границей, одновременно съ желѣзнымъ, не особенно интересовало Обухова. Шло оно не блестяще, а для болѣе широкаго развитія его въ будущемъ благопріятныхъ, мѣстныхъ условій не было.

Все это, вмѣсто взятое, направило пытливый умъ Павла Матвѣевича на другое, а именно на полученіе литой стали, столь необходимой въ обиходѣ заводскаго дѣла. Для приготовленія большей части инструментовъ, требующихъ особой твердости и прочности, употреблялась на заводахъ англійская сталь, такъ какъ выдѣлываемая нѣкоторыми уральскими заводами, такъ называемая, сырцовая сталь, обладала низкими качествами и для этой цѣли оказывалась непригодной.

Разумѣется, опыты, по изобрѣтенію литой стали, велись Обуховымъ въ маломъ видѣ, такъ сказать, путемъ лабораторнымъ. Для избранія инаго, болѣе широкаго, пути, Юговской заводъ не представлялъ никакихъ подходящихъ средствъ. Поэтому и полученные Обуховымъ результаты опытовъ были, сравнительно, незначительны.

Къ счастію, служба Павла Матвѣевича въ Юговскомъ заводѣ продолжалась не долго.

Въ мартѣ 1854 года, по распоряженію главнаго начальника Уральскихъ заводовъ, онъ былъ опредѣленъ на должность управителя Златоустовской оружейной фабрики, которая, по штатамъ, считалась выше должности управителя Юговскаго завода.

Вскорѣ же по занятіи этой должности, получилъ онъ чинъ подполковника и былъ, кромѣ того, награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й степени.

Въ Златоустѣ арена для дѣятельности Павла Матвѣевича оказалась несравненно болѣе широкой, и опыты его, съ приготовленіемъ литой стали, пошли гораздо успѣшнѣе. Изъ нихъ онъ вывелъ заключеніе, что литую сталь можно получать только посредствомъ сплава въ тигляхъ.

Хотя въ оружейной фабрикѣ небольшіе тигли, для расплавки мѣди, уже выдѣлывались, но они могли выдерживать недостаточно высокую температуру.

Тигли приготовлялись изъ смѣси графита, огнеупорной глины и черепковъ отъ бывшихъ уже въ употребленіи тиглей. Варьируя про-

порціи составныхъ частей тигельной массы, Обуховъ дошелъ постепенно до такого процентнаго отношенія ихъ, что приготовленные тигли стали свободно выдерживать температуру до 3000° по Реомюру.

Затѣмъ пришлось учиться формовкѣ тиглей и способу тщательной и постепенной ихъ просушки. На все это было потрачено Павломъ Матвѣевичемъ не мало времени и труда.

Добившись возможности имѣть прочные, огнеупорные тигли, Обуховъ занялся рядомъ систематическихъ опытовъ надъ полученіемъ состава шихты для литой стали. Матеріаломъ для этого служили: извѣстнаго сорта и качества чугунъ, сырцовая сталь и другія примѣси. Тигли съ такою шихтой нагрѣвались въ особыхъ горнахъ, устроенныхъ по чертежамъ изобрѣтателя, а расплавленный металлъ выливался въ чугунную форму (изложницу), изъ которой, по охлажденіи, въ видѣ болванки, подвергался проковкѣ подъ молотомъ. Этой манипуляціей придавался болванкѣ такой видъ, какой былъ необходимъ для болѣе удобнаго приготовленія изъ нея кирассъ, ружейныхъ стволовъ и инструментовъ.

Варьируя составныя части шихты, Павелъ Матвѣевичъ постепенно достигъ возможности получать инструментальную и кирассную сталь.

Разумѣется, на всѣ эти опыты было затрачено не мало времени и матеріаловъ, прежде чѣмъ удалось получить стальную болванку, вполнѣ пригодную для изготовленія изъ нея кирассъ.

Такимъ образомъ, только въ 1855 году были приготовлены на оружейной фабрикѣ первыя кирассы изъ русской литой стали. Послѣдняя оказалась превосходной и нисколько не уступала подобной же крупповской.

Приготовленныя изъ нея кирассы, какъ значилось въ оффиціальномъ, помѣщенномъ въ „Горномъ журналѣ", отчетѣ, по своей легкости и сопротивленію ударамъ пуль, оказались лучше крупповскихъ.

Что же касается инструментальной стали, то, по произведеннымъ въ оружейной фабрикѣ испытаніямъ струговъ, для строганія кожъ на ножны къ холодному оружію, оказалось, что стругами изъ англійской стали обдѣлывалось только до 80, а стругами, выкованными изъ обуховской, до 2.000 кожъ.

Такіе блестящіе результаты придали еще болѣе энергіи Павлу Матвѣевичу, и онъ, неутомимо продолжая свои опыты, достигъ, наконецъ, возможности полученія пяти сортовъ литой стали, окончательно вытѣснившей изъ оружейной фабрики дорого стоющую, англійскую сталь.

Дѣйствительно, обладая неоцѣненными свойствами—свариваться подобно желѣзу—обуховская сталь, твердая и мягкая, обходилась

фабрикѣ чуть не въ пять разъ дешевле крупповской, которая, въ свою очередь, была значительно дешевле англійской.

Въ 1857 году Обуховъ взялъ десятилѣтнюю привилегію на свое изобрѣтеніе, сдѣлавшее имя его извѣстнымъ не только въ Россіи, но и за границей.

Начало второй половины прошлаго столѣтія до сихъ поръ памятно каждому русскому. Крымская война застала Россію не достаточно подготовленной, въ отношеніи современныхъ вооруженій и устройства интендантской и санитарной частей, что̀, какъ извѣстно, вскорѣ же обнаружилось на дѣлѣ.

Хотя, несмотря на все это, побѣдоносное, русское воинство храбро отражало нападенія военныхъ силъ трехъ союзныхъ націй и покрыло себя неувядаемой славой, тѣмъ не менѣе правительство не могло не убѣдиться въ непригодности нашего вооруженія, состоявшаго изъ чугунныхъ и мѣдныхъ пушекъ и устарѣвшихъ кремневыхъ ружей и, по окончаніи крымской войны, дѣятельно приступило къ замѣнѣ ихъ болѣе совершеннымъ и удовлетворяющимъ своему назначенію оружіемъ.

Эти обстоятельства внушили Обухову мысль немедленно приступить къ полученію особаго сорта мягкой стали, изъ которой можно было бы готовить ружейные стволы, для нарѣзныхъ, дальнобойныхъ штуцеровъ.

Дѣло пошло на ладъ, и вскорѣ же удалось ему получить подходящую сталь. Работы повелись спѣшно и днемъ и ночью. Лично слѣдя за ними, Павелъ Матвѣевичъ торопилъ мастеровъ и токарей, обтачивавшихъ и сверлившихъ стволы, за неимѣніемъ спеціальныхъ для этихъ работъ, станковъ, ручнымъ способомъ.

Едва нѣсколько стволовъ было совсѣмъ готово, Обуховъ тотчасъ же доложилъ о томъ горному начальнику, а послѣдній, для испытанія ихъ, назначилъ особую коммиссію, въ составъ которой вошелъ и одинъ изъ артиллерійскихъ пріемщиковъ.

Вѣсть о предстоящемъ испытаніи стальныхъ, ружейныхъ стволовъ живо облетѣла Златоустъ. Всѣхъ интересовали результаты опытовъ. Въ назначенный день и часъ, мѣсто пробы, было окружено со всѣхъ сторонъ толпами рабочихъ, служащихъ и постороннихъ лицъ.

Рядъ стволовъ, блестѣвшихъ при свѣтѣ солнечнаго дня и укрѣпленныхъ на особыхъ, деревянныхъ обрубкахъ, съ приспособленными, для разбитія пистоновъ, собачками, уже съ утра былъ установленъ на берегу заводскаго пруда. Къ десяти часамъ собрались члены коммиссіи, а ровно въ десять, съ прибытіемъ Обухова съ горнымъ начальникомъ, началась и самая проба.

Она велась въ слѣдующемъ порядкѣ: послѣ извѣстнаго числа выстрѣловъ заряды пороха и пуль постепенно увеличивались.

Выстрѣлъ слѣдовалъ за выстрѣломъ. Толпа зрителей съ интересомъ слѣдила за стрѣльбой. Каждый залпъ сопровождался громкими возгласами и разными замѣчаніями. Тутъ и тамъ раздавались фразы:

— Ишь-ты, какъ палитъ! Словно пушка!

— Порохъ-то казенный, что его жалѣть.

— Мнѣ бы малость отсыпали, чѣмъ задаромъ тратить. Я бы по крайности хоть рябковъ настрѣлялъ,—завистливо говорилъ кто-то изъ мастеровыхъ-охотниковъ.

— И тамотко, слышь, откликается!—замѣчалъ другой, указывая на горы.

И дѣйствительно, каждый залпъ звонкимъ эхо раскатывался по окружавшимъ Златоустъ горамъ и производилъ на толпу какое-то, особенно радостное впечатлѣніе.

Несмотря на все болѣе и болѣе усиленные заряды, стволы выдерживали пробу блистательно. Они лишь нѣсколько разбухали въ мѣстахъ нахожденія заряда, да затравочныя отверстія ихъ, постепенно разгораясь, увеличивались въ діаметрѣ.

Удивляясь необыкновенной прочности стволовъ, артиллерійскій пріемщикъ предложилъ, въ заключеніе, зарядить порохомъ и пулями сплошь, то есть до конца дула.

— Это ужъ, кажется, сверхъ положенія?—замѣтилъ Обуховъ.

— Тѣмъ лучше, если и при этомъ ихъ не разорветъ, отозвался членъ коммиссіи.

Стволы были заряжены согласно предложенія артиллерійскаго офицера, наложены капсюли и спущены собачки.

Но, вмѣсто выстрѣловъ, раздались какіе-то частичные взрывы. Пороховые газы, не будучи въ состояніи вытолкнуть изъ ствола пули, вырвались черезъ казенники стволовъ, при чемъ часть послѣднихъ была попорчена и вырвана.

И никому изъ окружавшей мѣсто пробы толпы, ни даже самимъ членамъ коммиссіи, не приходило мысли, что вскорѣ, вмѣсто ружейной, придется слышать имъ несравненно болѣе громкіе звуки выстрѣловъ изъ стальныхъ орудій. Только въ головѣ Обухова уже назойливо копошилась мысль—отливки изъ стали артиллерійскихъ орудій, мысль, какъ извѣстно, вполнѣ осуществившаяся въ весьма скоромъ, сравнительно, времени и покрывшая новымъ ореоломъ славы имя русскаго изобрѣтателя-инженера.

Составленный коммиссіею актъ о результатахъ испытанія, приготовленныхъ изъ обуховской стали, ружейныхъ стволовъ, былъ доставленъ, между прочимъ, въ 1857 году, и въ военное министерство.

Военный министръ, обративъ серьезное вниманіе на такіе, бле-

*

стящіе результаты опытовъ, счелъ своимъ долгомъ доложить о нихъ покойному императору, Александру II-му.

Оцѣнивъ изобрѣтеніе Обухова, государь всемилостивѣйше повелѣлъ производить въ награду изобрѣтателю по 600 рублей въ годъ, до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ состоять въ горномъ вѣдомствѣ.

Эта высочайшая награда и вниманіе монарха къ трудамъ русскаго инженера, не имѣвшаго никакихъ связей и достигшаго извѣстности только благодаря своей талантливой натурѣ и упорному преслѣдованію разъ намѣченной цѣли, вызвали, къ сожалѣнію, нѣкоторую зависть среди сослуживцевъ Павла Матвѣевича.

Мало того, откуда-то появлялся даже, среди инженеровъ, постыдный и нелѣпый слухъ, что будто бы какой-то горный инженеръ, служившій вмѣстѣ съ Обуховымъ, не то въ Юговскомъ, не то въ Кушвинскомъ заводѣ, намѣренъ предъявить претензію на привилегію, выданную Павлу Матвѣевичу.

Сущность слуха заключалась въ томъ, что будто бы Обуховъ, сойдясь съ этимъ инженеромъ, дѣйствительнымъ обладателемъ секрета изготовленія литой стали, сталъ его систематически спаивать и, доведя такимъ образомъ чуть не до сумасшествія, завладѣлъ всѣми его бумагами и замѣтками, содержавшими въ себѣ разныя соображенія, анализы и шихты для полученія литой стали. Но къ чести большинства нашихъ заводскихъ инженеровъ, такой нелѣпый слухъ не долго держался въ ихъ средѣ и, не успѣвъ появиться, вскорѣ же замолкъ навсегда, какъ будто бы его и не существовало.

IV.

Командировка въ Германію.—Введеніе стале-пушечнаго производства въ Златоустѣ.—Отливка первой стальной пушечной болванки.—Участіе въ общественной жизни завода.—Болѣзнь и причины ея.

Вскорѣ послѣ испытанія ружейныхъ стволовъ, а именно 16-го августа 1857 года, Обуховъ, по высочайшему повелѣнію, былъ командированъ, на шесть мѣсяцевъ, въ Германію, для осмотра и изученія устройствъ, служащихъ къ выдѣлкѣ стали и приготовленію изъ нея орудій.

Въ сентябрѣ того же года онъ былъ всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ, а 31-го октября ему была выдана правительствомъ десятилѣтняя привилегія на изобрѣтенный имъ способъ приготовленія литой стали.

Проѣздомъ за границу и по возвращеніи изъ нея, Павелъ Матвѣе-

вичъ довольно долго прожилъ въ Петербургѣ, гдѣ останавливался у своего товарища по корпусу, Я. И. Ламанскаго.

Я былъ тогда въ пятомъ классѣ Горнаго института и проводилъ у него всѣ праздники.

Въ свободные отъ занятій и визитовъ часы, онъ охотно разсказывалъ про свои работы по стале-литейному дѣлу, результаты опытовъ, заграничныя впечатлѣнія и т. п.

По его словамъ, ему не легко было попасть на заводъ Круппа, но еще труднѣе болѣе или менѣе подробно осмотрѣть всѣ детали производства. Сопровождавшій его заводскій служащій торопливо водилъ Обухова изъ одной фабрики въ другую, не давая возможности внимательно присмотрѣться къ чему-либо, особенно если замѣчалъ, что это интересовало русскаго инженера.

Нѣмцы уже успѣли пронюхать, кто такой этотъ русскій инженеръ, и заботливо охраняли отъ его вниманія всѣ секреты заводскаго производства.

Изъ заграничной командировки Павелъ Матвѣевичъ вернулся въ Златоустъ въ іюлѣ 1858 года.

Представленный начальству, о результатахъ этой командировки, отчетъ заключалъ въ себѣ подробный проектъ изготовленія стальныхъ орудій непосредственно въ Россіи.

Пройдя разныя инстанціи, онъ былъ наконецъ одобренъ, и въ 1859 году Обуховъ получилъ разрѣшеніе приступить къ отливкѣ, въ Златоустовской оружейной фабрикѣ, пробныхъ стальныхъ пушекъ, одновременно же, въ его распоряженіе, было ассигновано, на этотъ предметъ, около ста тысячъ рублей.

Въ сентябрѣ того же года Обуховъ былъ всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Анны 3-ей степени.

Работы по приготовленію пробныхъ орудій, можно сказать, кипѣли и шли успѣшно.

Дѣла было по горло. Никакихъ приспособленій для новаго производства при оружейной фабрикѣ не имѣлось. Пришлось возвести новый корпусъ литейной фабрики, съ необходимымъ количествомъ горновъ; зданіе для проковки орудійныхъ болванокъ, съ 250-тъ пудовымъ молотомъ, и, наконецъ, соорудить, хотя небольшую, механическую мастерскую, и снабдить ее станками для обточки и сверленія болванокъ.

Павелъ Матвѣевичъ, горячо, всею душой, отдавшись излюбленному дѣлу, дѣйствовалъ энергично и неутомимо.

Онъ поспѣвалъ вездѣ. Въ литейной, подъ его руководствомъ и по его указаніямъ, шла кладка горновъ; въ проковочной—сооружался фундаментъ для паровато молота, и производилась сборка составныхъ

частей послѣдняго; въ механической — устанавливались различные станки, паровыя машины, приводы и т. д.

Паровыя машины только съ этихъ поръ появились въ Златоустѣ, несмотря на то, что со дня основанія этого завода протекло цѣлое столѣтіе.

Всѣ станки, машины, словомъ, всѣ предметы оборудованія фабрикъ были выписаны изъ Бельгіи и устанавливались подъ руководствомъ уставщика-бельгійца.

Благодаря умѣлой распорядительности Обухова и замѣчательному усердію его сотрудниковъ, техниковъ, мастеровъ и рабочихъ, уже въ началѣ 1860 года всѣ подготовительныя работы для выдѣлки стальныхъ пушекъ были окончены.

Первая работа закипѣла въ литейной. Одни подвозили къ горнамъ уголь; другіе выбирали изъ сушила готовые тигли и осторожно, въ наглухо закрытыхъ ящикахъ, переносили ихъ въ литейную; третьи, по указанію Павла Матвѣевича, сортировали составныя части шихты, тщательно ихъ взвѣшивали и ссыпали въ тигли.

Когда послѣднее было окончено и тигли помѣстили въ горны, Обуховъ, прямо съ фабрики, отправился къ горному начальнику, генералъ-маіору Лизелю, и доложилъ ему, что все готово и можно приступить къ отливкѣ первыхъ, пушечныхъ болванокъ.

— Когда вы полагаете начать отливки? — спросилъ начальникъ.

— Завтра, въ пять часовъ утра.

— Препятствій не предвидится?

— Думаю, что нѣтъ. Шихта составлена, ссыпана въ тигли. Тигли уже въ горнахъ, и къ пяти часамъ, по моему разсчету, смѣсь должна расплавиться.

— Кому вы норучили ночной надзоръ за работами?

— Никому. Это первая отливка; весь успѣхъ зависитъ отъ нея, и я рѣшилъ наблюдать за всѣмъ непосредственно,—проговорилъ взволнованно Павелъ Матвѣевичъ.

— Это, значитъ, вы намѣрены не спать ночь. Ну, смотрите, вы этимъ себя, пожалуй, совсѣмъ уходите. Хоть теперь-то ступайте, да отдохните до вечера — посовѣтовалъ добродушно Лизель.

— Постараюсь, хотя увѣренъ, что не засну. Прикажете ожидать васъ къ отливкѣ? — спросилъ Обуховъ, вставая и откланиваясь начальнику.

— Да, да, непремѣнно. Дай-те мнѣ знать за полчаса до начала. До свиданья! Желаю полнѣйшаго успѣха.

Въ теченіе вечера, въ присутствіи Обухова, были установлены, въ центрѣ фабрики, въ сдѣланныхъ на полу углубленіяхъ, четыре чугунныя формы, которыя, черезъ нѣсколько часовъ, по расплавкѣ содержимаго тиглей, должны были наполниться литою сталью.

На другой день, чуть свѣтъ, съ четырехъ часовъ утра, стали прибывать въ литейную разные чины горнозаводскаго управленія.

Однихъ влекло любопытство, такъ какъ они слышали, что процессъ отливки представляетъ довольно эффектное зрѣлище; другіе дѣйствительно интересовались новымъ дѣломъ и желали ознакомиться съ нимъ практически. Были и такіе, которыхъ влечетъ вообще все, что только выдается изъ круга заурядной, будничной жизни, и въ чемъ находятъ они нѣчто въ родѣ развлеченія.

Послѣднимъ пріѣхалъ горный начальникъ, и, вскорѣ же по его пріѣздѣ, раздался звонокъ.

Заранѣе сформированная артель литейщиковъ, изъ крѣпкихъ и дюжихъ, съ загорѣлыми отъ огня лицами, рабочихъ размѣстилась на своихъ постахъ, то есть каждая пара—у своего горна.

Главный мастеръ, обойдя горны и убѣдясь, что шихта расплавилась, доложилъ объ этомъ Обухову.

— Второй звонокъ! — крикнулъ Павелъ Матвѣевичъ.

Едва раздался звукъ звонка, какъ каждая пара литейщиковъ, вытащивъ изъ горна, особыми, желѣзными ухватами, до̀-бѣла раскаленные тигли, ставила ихъ на посыпанный пескомъ полъ фабрики; затѣмъ, выломавъ пробки, закрывавшія отверстія тиглей, стали ожидать дальнѣйшей команды.

Внимательно слѣдившій за дѣйствіями рабочихъ, Обуховъ крикнулъ:

— Къ отливкѣ!

Тотчасъ же литейщики, ухвативъ посредствомъ двухручныхъ, желѣзныхъ щипцовъ, тигли, пара за парой, въ стройномъ порядкѣ, стали подходить къ формамъ и выливать въ нихъ содержимое тиглей.

Тонкія, блестящія струи металла полились безъ перерыва, постепенно и равномѣрно наполняя формы.

— Блоки!—скомандовалъ Обуховъ, когда увидѣлъ, что всѣ изложницы уже достаточно наполнились расплавленной массой.

Зазвенѣли цѣпи, скользя по блокамъ; тяжелыя, чугунныя пробки опустились на поверхность жидкаго металла и сжали его до извѣстной степени.

Процессъ отливки окончился.

Вдругъ, неожиданно раздались аплодисменты, и всѣ, наперерывъ, спѣшили къ Павлу Матвѣевичу съ поздравленіями.

Утомленный и вообще замѣтно возбужденный пережитыми часами, Обуховъ смущенно благодарилъ и раскланивался передъ окружавшими его сослуживцами и знакомыми.

Пока происходила эта сцена поздравленій и пожеланій, толпа рабочихъ, прямыхъ участниковъ въ только-что окончившейся работѣ, выстроилась въ двѣ шеренги, съ мастеромъ впереди.

— Павлу Матвѣевичу Обухову ура!—крикнулъ, во всѣ свои легкія, главный мастеръ.

— Урра! Урра!—подхватили его рабочіе, и эти громкіе, вырвавшіеся изъ могучихъ грудей молодцовъ-литейщиковъ, звуки лихо пронеслись подъ желѣзной крышей фабричнаго зданія.

— Первымъ русскимъ стальнымъ пушкамъ ура! — снова прокричалъ мастеръ.

И снова, подхваченное рабочими, раскатисто пронеслось громогласное „ура!" по литейной.

Павелъ Матвѣевичъ вышелъ изъ окружавшей его группы лицъ, снялъ фуражку и низко поклонился рабочимъ.

— Качать! Качать!—закричали послѣдніе и, подхвативъ Обухова, стали подбрасывать его къ верху.

— Браво! Браво!—вторила остальная публика, невольно возбужденная этою сценою.

— Освободить ихъ на два дня отъ работъ,—приказалъ Павелъ Матвѣевичъ надзирателю: — да угостить ихъ, на мой счетъ, хорошенько! Они это вполнѣ заслужили.

Такою неожиданной манифестаціей закончилась отливка первыхъ четырехъ орудійныхъ болванокъ изъ обуховской стали.

Воодушевившись успѣхомъ первыхъ отливокъ, Павелъ Матвѣевичъ еще энергичнѣе принялся за дѣло, спѣша окончательной отдѣлкой пробныхъ пушекъ.

Занятый цѣлые дни и на фабрикѣ и дома, онъ рѣдко показывался въ обществѣ, гдѣ считалъ себя неудобнымъ гостемъ, ибо не танцовалъ и не игралъ въ карты, а послѣднія, увы, довольно сильно процвѣтали и въ частныхъ домахъ и въ клубѣ. Въ послѣдній впрочемъ онъ иногда заѣзжалъ, ради билліардной игры, которую любилъ, и считался однимъ изъ лучшихъ игроковъ клуба.

Но, за то, чтобы нѣсколько разсѣяться и отдохнуть отъ занятій, Павелъ Матвѣевичъ, время отъ времени, устраивалъ у себя на квартирѣ, для златоустовскаго общества, какое-нибудь особенное, имъ придуманное, развлеченіе, и былъ всегда очень доволенъ, когда оно удавалось.

Вскорѣ послѣ Рождественскихъ праздниковъ, Павелъ Матвѣевичъ началъ прихварывать, жалуясь особенно на боли въ ногахъ. Эта болѣзнь, сопровождавшая его вплоть до смерти, обострялась временами на столько сильно, что не позволяла ему выходить изъ дому и носить обычную обувь, которую онъ долженъ былъ замѣнить высокими, выше колѣнъ, пимами.

Явилась она послѣдствіемъ одного романтическаго эпизода.

Какъ холостякъ, но живущій своимъ хозяйствомъ и нерѣдко при-

нимающій у себя гостей, Павелъ Матвѣевичъ держалъ опытную экономку - нѣмку, вдову одного изъ приглашенныхъ въ Златоустъ на службу вестфальскихъ мастеровъ, которые, въ то время, составляли въ заводѣ цѣлую колонію и имѣли даже свой клубъ.

Вдова поступила къ Обухову вмѣстѣ съ подросткомъ - дочерью, Терезой. Черезъ два-три года, этотъ подростокъ превратился въ замѣчательно красивую дѣвушку. Постепенно и незамѣтно она сдѣлалась не только прямой помощницей матери, но и заняла особое, привилегированное положеніе въ квартирѣ своего хозяина, котораго начала обожать еще дѣвочкой.

Страстная, малообразованная, съ упрямымъ и настойчивымъ нравомъ, она боялась за прочность своего положенія и придумывала разные способы,—какъ-бы покрѣпче привязать къ себѣ Павла Матвѣевича. Хотя она съумѣла окружить его всѣми удобствами, устраивать все по его вкусу и желанію, но этого казалось ей далеко недостаточно.

Едва-ли мечтала она о законномъ бракѣ, ибо взгляды на этотъ предметъ Обухова ей были хорошо извѣстны. Да, кромѣ того, она прекрасно знала, что настоящимъ положеніемъ своимъ обязана матери, усердно стремившейся къ этой цѣли и получившей за то весьма щедрую плату. Но боязнь, что Павелъ Матвѣевичъ можетъ къ ней охладѣть, увлечься другой, или, даже, жениться, не давала покоя неугомонному сердцу Терезы.

Услыхавъ случайно, что есть какое-то средство, какой-то приворотный корень, оказывающій чудодѣйственную силу,—прочно и неразрывно привязывать любимаго человѣка,—Тереза стала упорно искать этого средства среди мѣстныхъ знахарокъ и бабушекъ-повитухъ.

Исканія ея увѣнчались успѣхомъ, и, вотъ, началось систематическое подливаніе какого-то настоя къ разному питью, которое употреблялъ, въ обыденной жизни, Павелъ Матвѣевичъ.

Результатомъ этого явилось какое-то особенное, общее недомоганіе, которое вдругъ сталъ ощущать Обуховъ, а главное, временами, у него опухали ноги и ножные мускулы почти не дѣйствовали.

Богъ знаетъ какія бы печальныя послѣдствія принесли эти систематическіе пріемы неизвѣстнаго снадобья, если бы, случайно, кѣмъ-то изъ прислуги не были замѣчены продѣлки Терезы. А вся прислуга любила своего барина и, разумѣется, тотчасъ же довела до его свѣдѣнія о своемъ открытіи.

На другой же день, убѣдившись въ вѣрности сообщенныхъ ему о дѣйствіяхъ Терезы свѣдѣній, Павелъ Матвѣевичъ немедленно отказалъ отъ мѣста экономкѣ, приказавъ ей, сейчасъ же, вмѣстѣ съ дочерью, выѣхать изъ его дома.

Помянутое выше снадобье было изслѣдовано однимъ изъ заводскихъ врачей, который нашелъ, что оно должно было оказать на состояніе здоровья Обухова именно то дѣйствіе, какое оказало, и что, въ виду довольно долгаго пріема его, врядъ-ли болѣзнь ногъ можетъ быть излѣчена радикально.

Заключеніе врача, къ сожалѣнію, вполнѣ подтвердилось впослѣдствіи.

Поступившая къ Обухову новая экономка, тоже изъ нѣмокъ, оказалась образцовой. Помимо всѣхъ качествъ, присущихъ хорошей и опытной экономкѣ, она была одновременно и прекрасной сестрой милосердія, въ разумномъ и внимательномъ уходѣ которой нерѣдко нуждался Павелъ Матвѣевичъ.

Эта экономка прожила у него до конца его жизни и собственноручно закрыла ему глаза.

За такую продолжительную и примѣрную службу она была весьма щедро вознаграждена, оставленнымъ Обуховымъ и хранившимся у петербургскаго нотаріуса, духовнымъ завѣщаніемъ.

V.

Первыя стальныя пушки.—Проба ихъ въ Златоустѣ.—Командировка въ Петербургъ.—Испытаніе пробныхъ орудій на артиллерійскомъ полигонѣ.—Посѣщеніе послѣдняго государемъ.—Блестящіе результаты испытаній.—Награды и лестныя обѣщанія.—Возвращеніе въ Златоустъ.—Назначеніе горнымъ начальникомъ.—Неожиданныя неполадки и ихъ послѣдствія.

Работы по приготовленію пробныхъ пушекъ велись энергично, и три изъ нихъ, къ марту 1860 года, были уже вполнѣ готовы, то есть обточены и высверлены. Четвертую же надлежало отправить въ Петербургъ въ неотдѣланномъ видѣ.

Пушки были сдѣланы по образцу крупповскихъ, такихъ же размѣровъ и такого же діаметра въ каналѣ, ибо испытаніе на артиллерійскомъ полигонѣ, въ Петербургѣ, предполагалось произвести съ цѣлью опредѣленія и сравненія достоинствъ орудій изъ обуховской и крупповской стали.

Предварительно отправки въ столицу, пробныя орудія были подвергнуты испытанію въ Златоустѣ. Полигономъ служила ледяная, покрытая снѣгомъ, довольно обширная площадь заводскаго пруда. Лафеты съ орудіями были установлены на берегу, подъ горою Косатуромъ, недалеко отъ плотины.

Назначенный для испытанія день выдался солнечный и тихій.

Со всѣхъ концовъ завода стекались толпы лицъ, разныхъ сосло-

вій, преимущественно рабочихъ, и располагались, гдѣ кто находилъ удобнѣе. Не только всѣ свободныя мѣста, около орудій, но весь берегъ, часть пруда, у плотины, и даже гора Косатуръ были усѣяны народомъ.

Бравые артиллеристы, подъ командой офицера-пріемщика, суетились около орудій.

Вотъ пошелъ въ ходъ банникъ, заложенъ зарядъ пороха, забитъ пыжъ, и раздалась команда: пли!

Грянулъ первый, холостой выстрѣлъ и гулкимъ эхо прокатился по окружавшимъ ледяное поле горамъ.

Вслѣдъ за этимъ раздалось приказаніе зарядить пушку ядромъ

Ухвативъ изъ ящика гладкую, чугунную бомбу, артиллерійскій солдатикъ вкатилъ ее въ дуло орудія и забилъ зарядъ банникомъ.

Снова раздалась команда: пли! И снова грянулъ болѣе громкій выстрѣлъ, который окружающія толпы зрителей шумно привѣтствовали возгласами одобренія.

Испытаніе продолжалось цѣлый день и, послѣ назначеннаго числа выстрѣловъ, было закончено.

Пушки выдержали пробу.

На другой же день онѣ были уложены въ особыя сани и отправлены гужомъ въ Петербургъ.

По доставкѣ въ столицу, орудія были сданы въ артиллерійскій арсеналъ, гдѣ ихъ нарѣзали. Не вполнѣ же отдѣланная въ Златоустѣ орудійная болванка была тамъ же обточена и высверлена.

Въ августѣ 1860 года, по распоряженію главнаго начальника уральскихъ заводовъ, Обуховъ былъ командированъ въ Петербургъ для присутствованія при отдѣлкѣ и пробѣ отлитыхъ имъ стальныхъ пушекъ.

Начало опытовъ на артиллерійскомъ полигонѣ назначено было 26-го ноября, при чемъ предполагалось произвести изъ орудій по 4.000 выстрѣловъ.

Первая тысяча выстрѣловъ прошла благополучно; никакихъ измѣненій и поврежденій въ каналѣ орудій замѣчено не было. Со второй тысячи зарядъ нѣсколько усилили, добавивъ еще одинъ фунтъ пороха. Но и при этомъ, послѣ трехъ тысячъ выстрѣловъ, правильность полета ядра нисколько не измѣнилась.

Такой блестящій результатъ не могъ не произвести на начальствующихъ лицъ извѣстнаго впечатлѣнія.

Министръ финансовъ, въ вѣдомствѣ котораго служилъ Обуховъ, не желая вторично быть предупрежденнымъ въ ходатайствѣ о награжденіи изобрѣтателя военнымъ министромъ, не замедлилъ доложить государю о результатахъ испытаній пробныхъ орудій и одновременно

представить Павла Матвѣевича къ наградѣ, за полезные труды его по орудійному производству.

И дѣйствительно, какъ изъ рога изобилія, щедро посыпались на Обухова награды.

Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра финансовъ, въ 9-ый день февраля 1861 года, объ особыхъ трудахъ горнаго инженеръ-подполковника Обухова, по изобрѣтенію имъ способа приготовленія литой стали и выдѣлки изъ нея орудій, всемилостивѣйше повелѣлъ, независимо отъ производства его въ полковники, о чемъ объявлено было въ высочайшемъ приказѣ по корпусу, отъ 3-го февраля, пожаловать его кавалеромъ ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-ой степени и производить ему по 50 копѣекъ съ пуда приготовленныхъ къ сдачѣ орудій и по 35 копѣекъ съ пуда глухихъ, орудійныхъ болванокъ и сортовой стали, приготовленныхъ по заказамъ правительства.

Четвертая и послѣдняя тысяча выстрѣловъ изъ пробныхъ орудій производилась уже въ мартѣ 1861 года.

Въ послѣдній день пробы, 8-го марта, покойный императоръ Александръ II удостоилъ полигонъ своимъ присутствіемъ.

Зная лично Обухова, который еще ранѣе былъ представленъ государю въ Зимнемъ дворцѣ, императоръ спросилъ его:

— Увѣренъ ли ты, что твоя пушка выдержитъ?

— Вполнѣ увѣренъ, ваше величество,—отвѣчалъ Обуховъ.

— А чѣмъ ты это докажешь?

— Не побоюсь сѣсть на нее, во время стрѣльбы, если будетъ угодно дозволить вашему величеству.

— Ну, нѣтъ, это ужъ лишнее,—замѣтилъ государь, улыбаясь:—я и такъ со всѣхъ сторонъ слышу, что пушки твои выше похвалъ и безъ сомнѣнія выдержатъ пробу.

По окончаніи испытаній орудій, Павелъ Матвѣевичъ удостоился быть представленнымъ великимъ князьямъ Константину и Михаилу Николаевичамъ, съ глубокимъ чувствомъ отзывался о ихъ сердечномъ и милостивомъ пріемѣ.

Кстати, разскажу о небольшомъ приключеніи, помѣшавшемъ Обухову пріѣхать, для представленія къ великому князю Михаилу Николаевичу, въ назначенный его высочествомъ день.

Это случилось въ воскресенье, и я, по обыкновенію, былъ у дяди.

Въ назначенный часъ, въ полной, парадной формѣ, Павелъ Матвѣевичъ, въ заранѣе нанятой каретѣ, отправился къ великому князю.

Каково же было мое удивленіе, когда, черезъ 10 или 15 минутъ, я вижу быстро входящаго, блѣднаго и съ кровавыми ранами на лицѣ дядю.

— Чортъ знаетъ, что за экипажи!—раздраженно говорилъ онъ, проходя въ уборную.

— Что такое? Что случилось? спрашивалъ я, слѣдуя за нимъ, сильно встревоженный.

— Не доѣзжая до дворца, карету тряхнуло, и лопнувшее стекло изрѣзало мнѣ всю щеку,—объяснялъ онъ, обмывая раны у умывальника.

Покончивъ съ этимъ, Павелъ Матвѣевичъ тотчасъ же далъ знать, кому слѣдуетъ, что, по такой-то, уважительной причинѣ, онъ лишенъ возможности исполнить приказаніе его высочества и представиться ему сегодня.

Великій князь былъ на столько внимателенъ и милостивъ, что въ тотъ же день послалъ къ Обухову своего адъютанта справиться о состояніи его здоровья.

Къ счастію, три небольшія ранки оказались довольно легкими, и черезъ недѣлю, послѣ дня, назначеннаго великимъ княземъ для пріема Обухова, послѣдній имѣлъ возможность представиться его высочеству.

Почти цѣлый годъ провелъ Павелъ Матвѣевичъ въ Петербургѣ и не мало поразсказалъ мнѣ о своихъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ визитахъ, о тѣхъ любезностяхъ и комплиментахъ, которые щедро расточали ему и инженеры, и артиллеристы, и знакомые, и, наконецъ, объ обѣщаніи, данномъ имъ военному министру, непремѣнно приготовить къ будущему году 12-ти фунтовыя орудія.

— Если вы это исполните, то я, въ свою очередь, обѣщаю вамъ исходатайствовать флигель-адъютанскіе аксельбанты,—сказалъ министръ.

— Да, это былъ бы первый примѣръ въ горномъ вѣдомствѣ!—возбужденно говорилъ дядя.—И я постараюсь, приложу всѣ силы... У меня такіе славные помощники. Особенно Николай Васильевичъ Воронцовъ. Способная, энергичная личность. Вотъ, кончишь курсъ, пріѣзжай, самъ увидишь.

И не предчувствовалъ Павелъ Матвѣевичъ, что встрѣтится неожиданное препятствіе, и онъ не сдержитъ даннаго военному министру обѣщанія, а слѣдовательно и не украситъ свой горный мундиръ флигель-адъютантскими аксельбантами. Не предчувствовалъ онъ также, что это препятствіе отразится и на отношеніяхъ его къ Воронцову и послужитъ причиною полнаго между ними разрыва.

Эту бесѣду съ дядей вели мы какъ разъ передъ обѣдомъ, который онъ получалъ изъ ресторана Бореля.

— Кушать подано!—доложилъ Матвѣй, любимый камердинеръ дяди, почти всегда сопутствовавшій ему во всѣхъ его командировкахъ.

Мы усѣлись за столъ и съ аппетитомъ принялись за уничтоженіе прекрасно приготовленныхъ и вкусныхъ блюдъ кухни Бореля.

— А я съ Борелемъ устроилъ, между прочимъ, одно дѣльце,—заговорилъ Павелъ Матвѣевичъ, въ концѣ обѣда.

— Какое?—спросилъ я.

— У меня, въ Златоустѣ, при поварѣ, есть два молодыхъ парня-поваренка, очень способныхъ. Вотъ я ихъ и пристроилъ къ Борелю, который, въ теченіе года, обязался сдѣлать изъ нихъ хорошихъ поваровъ и взялъ за это очень недорого, всего пятьсотъ рублей.

— А вашъ поваръ развѣ не хорошъ?

— Такъ себѣ, да и старъ очень; а замѣнить его тамъ положительно не кѣмъ. Я же, грѣшный человѣкъ, послѣ трудовъ праведныхъ, люблю подкрѣпить силы хорошимъ обѣдомъ. Это одна изъ моихъ слабостей. Теперь же, благодаря щедрости государя, я могу себѣ позволить эту небольшую роскошь.

Дѣйствительно, какъ я потомъ имѣлъ возможность лично убѣдиться, изъ обучавшихся у Бореля двухъ заводскихъ пареньковъ вышли прекрасные повара, которые готовили кушанья поочередно.

Блестящіе результаты испытанія пробныхъ орудій доказали полную возможность имѣть военному вѣдомству свои, русскія, стальныя пушки, не покупая крупповскихъ, которыя, по контракту, стоили по 52 руб. за пудъ, тогда какъ пушки изъ обуховской стали обошлись казнѣ по 16 руб. 50 коп. за пудъ.

Разница весьма чувствительная.

По окончаніи пробы, первая стальная русская пушка была отправлена въ артиллерійскій арсеналъ, а оттуда въ Историческій музей, устроенный въ кронверкѣ Петропавловской крѣпости.

Въ приказѣ по корпусу горныхъ инженеровъ, отъ 12-го мая 1861 г., было изложено распоряженіе его высочества, генералъ-фельдцейхмейстера, о назначеніи Обухова членомъ-корреспондентомъ временнаго ученаго артиллерійскаго комитета.

Успѣшно выдержавшее 4.000 выстрѣловъ 4-хъ фунтовое орудіе, изъ обуховской стали, фигурировало позднѣе на Лондонской всемірной выставкѣ. Тамъ оно обратило на себя всеобщее вниманіе и возбудило не мало толковъ среди заграничныхъ металлурговъ, а Обухову коммиссіей международныхъ экспертовъ выставки была присуждена, за это орудіе, медаль.

Покончивъ со всѣми дѣлами, задержавшими Обухова въ Петербургѣ чуть не цѣлый годъ, онъ отправился, наконецъ, къ мѣсту своего служенія.

Дошедшіе до Златоуста слухи о его успѣхахъ и наградахъ настолько воодушевили его сослуживцевъ и все заводское общество, что

ему, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ завода, была устроена торжественная встрѣча, съ шампанскимъ и тостами. А вскорѣ затѣмъ, въ честь его, былъ устроенъ, въ благородномъ собраніи, блестящій балъ, на которомъ рѣкою лилось шампанское и провозглашались тосты за здравіе государя императора, особъ царствующаго дома и виновника торжества.

На предшествовавшій каждому тосту тушъ оркестра, въ стѣнахъ зданія клуба, отзывались, внѣ его, залпы мѣднаго единорога, который какъ бы привѣтствовалъ появленіе на свѣтъ новаго поколѣнія своихъ собратьевъ—стальныхъ орудій.

Память объ этомъ крайне веселомъ и оживленномъ балѣ на долго сохранилась среди златоустовскаго общества.

По возвращеніи изъ Петербурга, Павелъ Матвѣевичъ немедленно приступилъ къ дальнѣйшему развитію стале-пушечнаго дѣла, на что казною былъ ассигнованъ весьма солидный кредитъ. Предполагалось приготовлять ежегодно не менѣе 500 штукъ стальныхъ орудій, разнаго калибра, начиная съ легкихъ, полевыхъ и кончая тяжелыми, осадными, какъ крѣпостными, такъ и морскими.

Всюду, на заводскомъ дворѣ, кипѣла работа. Воздвигались новыя, болѣе обширныя, фабричныя здаиія механической и проковочной; подвозились изъ Бельгіи станки, паровые котлы, молотъ и другія необходимыя машины.

Въ декабрѣ 1861 года, по высочайшему повеленію. Павелъ Матвѣевичъ былъ назначенъ горнымъ начальникомъ Златоустовскаго округа. Вслѣдъ за этимъ назначеніемъ, сотрудники Обухова, такъ же, въ свою очередь, получили новыя должности: Воронцовъ—упра вителя, Деви—его помощника и мой однокурсникъ, Мирецкій—смотрителя оружейной фабрики.

Все это были люди, искренно преданные дѣлу и дѣйствительно полезные помощники Павла Матвѣевича.

Прогостивъ у дяди зимою 1861 года около мѣсяца, я лично убѣдился въ ихъ добросовѣстной и дружной работѣ на пользу стале-пушечнаго дѣла.

Хотя Павелъ Матвѣевичъ и очень желалъ, чтобы я, по выпускѣ изъ института, тотчасъ же пріѣхалъ въ Златоустъ и началъ службу подъ его начальствомъ, но, вслѣдствіе усиленной просьбы отца, я рѣшилъ первый годъ практическихъ занятій провести въ мѣстѣ его служенія, въ Воткинскомъ заводѣ.

Въ это время Обуховъ составлялъ новый штатъ для фабрики, по которому содержаніе служащихъ предполагалось значительно увеличить.

— Какъ только штатъ будетъ утвержденъ, и тебѣ откроется штатное мѣсто,—говорилъ мнѣ Павелъ Матвѣевичъ.

Я, конечно, былъ очень радъ и съ удоволствіемъ мечталъ о совмѣстныхъ трудахъ съ такими симпатичными и дѣльными инженерами, какихъ я встрѣтилъ въ лицѣ сотрудниковъ Обухова.

Между тѣмъ, вновь строющаяся фабрика, названная, въ честь великаго князя Михаила Николаевича, весьма сочувственно относившагося къ Обухову, стале-пушечной, Князе-Михайловской фабрикой, росла не по днямъ, а по часамъ.

Вскорѣ все было на столько подготовлено, что можно было приступить къ валовой работѣ пушекъ. Ждали только окончательнаго установа поспѣшно сбираемаго пятисотпудоваго пароваго молота.

Вотъ установленъ, наконецъ, и этотъ молотъ, и въ одинъ прекрасный, но печальный по послѣдствіямъ, день была назначена первая проковка подъ нимъ орудійныхъ болванокъ.

Около десяти часовъ утра Воронцовъ отправилъ посланнаго доложить Павлу Матвѣевичу, что въ фабрикѣ все готово и можно приступить къ ковкѣ.

Самъ же онъ съ другими инженерами и техниками ждалъ у воротъ проковочной фабрики пріѣзда начальника.

Лица у всѣхъ были довольныя, радостныя, ибо все поспѣло во̀-время, къ сроку.

Стоятъ, курятъ и весело перебрасываются фразами.

Вдругъ раздается шумъ выпущеннаго пара и какой-то особенный, сильный и рѣзкій стукъ внутри зданія.

Разговоръ разомъ оборвался; всѣ невольно вздрогнули и кинулись поспѣшно въ фабрику.

А тамъ, блѣдный, какъ полотно, помощникъ машиниста, держась за ручку привода, стоитъ, словно статуя, на молотовой площадкѣ и недоумѣло глядитъ на молотъ, паровой цилиндръ котораго и одна изъ станинъ оказались на столько поврежденными, что требовали замѣны ихъ другими, новыми.

— Что здѣсь случилось?—спрашиваетъ тревожно Воронцовъ у помощника машиниста.

Послѣдній, въ отвѣтъ, только шевелитъ губами, не будучи въ силахъ произнести хотя слово отъ страха.

— Несчастье, Николай Васильевичъ,—спѣшитъ доложить подбѣжавшій уставщикъ-бельгіецъ: — цилиндръ и одну станину совсѣмъ испортили, а запасныхъ нѣтъ; не знаю что̀ и дѣлать.

— Кто? Какимъ образомъ?

— Да вотъ онъ, указывая на помощника машиниста, объясняетъ уставщикъ:—хотѣлъ показать свое умѣніе управлять молотомъ, да хватилъ не такъ, не задержалъ пара.

— А какъ же вы-то позволили ему сдѣлать это?

— Да онъ самовольно, безъ спросу.

— Начальникъ ѣдетъ!—крикнулъ кто-то, вбѣгая въ фабрику.

Съ мрачными, вытянутыми лицами вышли Воронцовъ и его помощники навстрѣчу Обухову.

Павелъ Матвѣевичъ тотчасъ же замѣтилъ разстроенныя лица инженеровъ и, торопливо здороваясь, спросилъ:

— Что тутъ у васъ? Все въ порядкѣ?

— Несчастье, Павелъ Матвѣевичъ,—угрюмо отвѣчалъ Воронцовъ: молотъ сломали.

— Какъ? Кто?

— Помощникъ машиниста. Вздумалъ самовольно пробовать.

— Да какъ же допустили это? Гдѣ же у васъ были глаза? Хороши порядки—нечего сказать,—горячась, заговорилъ Обуховъ.

— Никто не допускалъ. И кому бы пришло въ голову, что онъ осмѣлится...

— А нужно, чтобъ приходило. Нужно все предвидѣть. У хорошаго управителя такихъ вещей не должно случаться,—все больше и больше горячась, укорялъ Обуховъ Воронцова.

— Самый лучшій управитель не застрахованъ отъ подобныхъ случайностей,—сдержанно, но тоже далеко не хладнокровно, возражалъ Николай Васильевичъ.

— Вздоръ-съ! Никогда! Вы-съ... вы—отвѣтственное лицо, и вы кругомъ виноваты.

— Прошу извиненія; но я, въ этомъ случаѣ, никакой вины за собой не признаю.

— Не признаете?.. Еще бы!.. Ахъ, вы... дрянной управитель! не сдержался Обуховъ.

— А вы—дрянной начальникъ, съ которымъ я служить не намѣренъ,—кинулъ въ отвѣтъ Воронцовъ и тотчасъ же уѣхалъ изъ завода.

Эта коротенькая, нѣсколько минутъ длившаяся, сценка произвела такое тяжелое впечатлѣніе на присутствующихъ, что всѣ они стояли въ глубокомъ молчаніи и понуривъ головы.

Обведя, не столько гнѣвнымъ, сколько возбужденнымъ взглядомъ собравшихся въ фабрикѣ лицъ, Павелъ Матвѣевичъ вышелъ изъ фабрики и уѣхалъ домой.

— Остановка... и сколько времени... когда-то еще доставятъ изъ Бельгіи... а срокъ пройдетъ... не успѣю, не выполню заказа... Вотъ тебѣ и флигель-адъютантскіе аксельбанты!.. Обидно... Такъ, отрывочно, думалъ Обуховъ на пути къ своей квартирѣ.

Несчастный случай съ молотомъ на столько сильно разстроилъ

Павла Матвѣевича, что онъ весь этотъ день чувствовалъ себя очень не хорошо, былъ крайне разсѣянъ и относился пассивно ко всему, что обыкновенно пользовалось извѣстною долею его вниманія.

На другой день, волей-неволей примирившись съ совершившимся фактомъ, онъ ясно созналъ, что оскорбилъ Воронцова, что послѣдній дѣйствительно былъ ни при чемъ, а виною всему послужила чистая, непредвидѣнная случайность, одна изъ тѣхъ случайностей, которыя тамъ неожиданно разрушаютъ иногда наши намѣренія и предположенія.

Искренно привязавшись къ Николаю Васильевичу и цѣня его энергію и знанія, Обуховъ былъ сильно опечаленъ разыгравшимся инцидентомъ и отъ всей души желалъ примиренія съ Воронцовымъ. И это примиреніе несомнѣнно состоялось бы, такъ какъ и Воронцовъ, въ свою очередь, любилъ и уважалъ Обухова, но нашлись люди, враждебно-настроенные противъ Павла Матвѣевича, и употребили всевозможныя, не особенно чистыя средства, чтобы раздуть еще сильнѣе обострившіяся между начальникомъ и управителемъ отношенія.

Павлу Матвѣевичу, разумѣется подъ секретомъ, передавали разныя нелестныя и оскорбительныя для него выраженія, которыя, будто-бы, позволялъ себѣ употреблять Воронцовъ и въ обществѣ, и въ клубѣ. Воронцову же, въ свою очередь, спѣшили сообщать, — какъ честитъ и чернитъ его Обуховъ.

Обычная и грустная исторія.

Едва Николай Васильевичъ оффиціально отказался отъ должности, какъ и преданный ему и вполнѣ съ нимъ солидарный Мирецкій также отказался отъ своей должности.

Обухову пришлось организовать новый составъ управленія фабрикой.

Управителемъ былъ назначенъ подполковникъ И. Ф. Нейбергъ, помощникомъ его—штабсъ-капитанъ И. К. Чупинъ и смотрителемъ—я.

Деви же замѣстилъ Нейберга, бывшаго до сего управителемъ Саткинскаго завода.

Получивъ распоряженіе о моемъ назначеніи и ничего не зная о томъ, что творилось въ Оружейно и Князе-Михайловской фабрикѣ, я съ радостью спѣшилъ въ Златоустъ, гдѣ мечталъ работать вмѣстѣ съ такими прекрасными и дѣльными сотоварищами, какими считалъ Воронцова, Деви и Мирецкаго. Но каково же было мое разочарованіе, когда, по пріѣздѣ въ Златоустъ, никого изъ нихъ я уже не засталъ на фабрикѣ.

На первыхъ же порахъ вступленія въ отправленіе своихъ обязанностей новаго состава управленія фабрики, стали встрѣчаться коекакія неполадки. А въ обществѣ по этому поводу ходили разные,

иногда совершенно противорѣчивые, слухи; сплетни росли, какъ грибы; нѣкоторыя лица, безъ всякихъ особенныхъ видовъ и разсчетовъ, пользуясь обстоятельствами, сообщали всѣ эти дрязги Обухову, постепенно вооружая его противъ нѣкоторыхъ изъ сослуживцевъ.

Такъ, между прочимъ, незаслуженно очерненъ былъ въ его глазахъ и управитель Златоустовскаго завода, подполковникъ Е. И. Ольховскій.

Но онъ поступилъ и разумно и тактично. Не оправдываясь и не объясняясь, онъ тотчасъ же просилъ объ увольненіи отъ должности и былъ зачисленъ временно, по главному управленію, безъ содержанія отъ казны.

Вмѣсто него, по представленію Обухова, былъ назначенъ молодой инженеръ, штабсъ-капитанъ В. К. Покровскій.

Всѣ подробности вышеприведеннаго инцидента я узналъ тотчасъ же по пріѣздѣ въ Златоустъ, частію отъ дяди и его сторонниковъ, частію же отъ противной партіи. Разнясь нѣсколько въ частностяхъ, въ общемъ подробности эти оказались почти совершенно одинаковыми.

Окончательно разойдясь съ Воронцовымъ, Павелъ Матвѣевичъ тѣмъ не менѣе не хранилъ въ душѣ противъ него ни малѣйшей непріязни и не переставалъ считать его личностью, заслуживающей полнаго уваженія.

Хотя работы въ Князе-Михайловской фабрикѣ и шли обычнымъ порядкомъ, но чувствовалось, что въ нихъ чего-то недостаетъ, какъ будто у нихъ что-то отнято.

Это что-то было недостатокъ опытности, знакомства съ дѣломъ и энергіи въ вновь назначенномъ управителѣ.

Добрый, безусловно честный и работящій, Нейбергъ не обладалъ, къ сожалѣнію, особенными способностями и, при такомъ серьезномъ и совершенно новомъ для него дѣлѣ, какъ стале-пушечное производство, онъ былъ совершенно не на своемъ мѣстѣ.

Поэтому Обухову приходилось еще болѣе удѣлять времени на указанія,—гдѣ, какъ и что именно слѣдуетъ дѣлать; приходилось чаще слѣдить за точнымъ выполненіемъ этихъ указаній. А между тѣмъ прискорбный инцидентъ на столько неблагопріятно отозвался на его здоровьѣ, что онъ, временами, по цѣлымъ днямъ не могъ не только выходить изъ дому, но и ходить по комнатамъ.

Это состояніе здоровья Павла Матвѣевича продолжалось вплоть до отъѣзда его изъ Златоуста и оставленія имъ должности горнаго начальника.

VI.

Посѣщеніе Златоуста главнымъ начальникомъ Уральскихъ заводовъ и артиллерійскимъ генераломъ, О. П. Рѣзвымъ. — Предложеніе капиталистовъ Кудрявцева и Путилова.—Основаніе стале-пушечнаго завода въ Петербургѣ.—Отъѣздъ изъ Златоуста.—Служба въ Петербургѣ.—Поѣздка на югъ, для поправленія здоровья.—Смерть Обухова.—Заключеніе.

Лѣтомъ 1863 года посѣтили Златоустовскій заводъ главный начальникъ Уральскихъ заводовъ, генералъ - лейтенантъ Фелькнеръ и артиллеріи генералъ-лейтенантъ, О. П. Рѣзвый [1]).

Первый пріѣхалъ для обозрѣнія Златоустовскаго округа и, остановясь у Обухова, въ домѣ горнаго начальника, прожилъ въ Златоустѣ не болѣе трехъ-четырехъ дней.

Второй же, командированный по дѣлу стальныхъ орудій, прибылъ изъ Петербурга, вскорѣ послѣ отъѣзда Ф. А. Фелькнера, и прожилъ въ заводѣ около трехъ недѣль. Онъ такъ же останавливался въ квартирѣ Павла Матвѣевича.

Чувствуя себя въ это время не особенно хорошо, дядя нѣсколько дней не покидалъ своей комнаты, а потому просилъ меня позаботиться о петербургскомъ гостѣ, занимать его, угощать, ѣздить съ нимъ на фабрику, доставлять нужныя ему свѣдѣнія и вообще исполнять всѣ обязанности хозяина.

Если бы не милый и симпатичный характеръ, которымъ отличался Орестъ Павловичъ, то порученіе дяди было бы для меня очень тяжело и даже подчасъ затруднительно.

Но петербургскій гость такъ просто держалъ себя, такъ мягко и ласково обходился со мною, что я съ большимъ удовольствіемъ проводилъ съ нимъ нерѣдко по 5—6-ти часовъ ежедневно.

Въ то время Орестъ Павловичъ былъ еще, сравнительно, молодой генералъ, ибо ему было не болѣе 45-ти лѣтъ.

Онъ любилъ поговорить и хорошо покушать. Кухня же у Павла Матвѣевича, какъ я упоминалъ, выше, управлялась учениками Бореля, а потому повседневный столъ состоялъ изъ вкусныхъ и прекрасно приготовленныхъ блюдъ, которымъ пріѣзжій гость отдавалъ должную дань, уничтожая ихъ по мѣрѣ требованій желудка и не уставая хвалить искусство заводскихъ поваровъ.

Изъ трехъ недѣль, проведенныхъ въ Златоустѣ, Орестъ Павловичъ около недѣли находился, если можно такъ выразиться, на моемъ попеченіи.

---

[1]) Скончался въ январѣ 1904 года, въ очень преклонныхъ годахъ, въ чинѣ генерала-отъ-артиллеріи.

Между тѣмъ, дѣла по фабрикѣ шли своимъ, обычнымъ порядкомъ, но шли не такъ успѣшно, какъ желалъ этого Павелъ Матвѣевичъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Златоуста генерала Рѣзваго, Обухову было сдѣлано петербургскими капиталистами, Кудрявцевымъ и Путиловымъ, весьма выгодное предложеніе.

Они предложили Павлу Матвѣевичу уступить имъ привилегію, съ условіемъ, что они, на компанейскомъ началѣ, оснуютъ въ Петербургѣ стале-пушечный заводъ, затративъ на это свои собственные капиталы. Онъ же, Обуховъ, безъ взноса деньгами своей доли, вступитъ въ эту компанію равноправнымъ пайщикомъ и кромѣ того будетъ избранъ начальникомъ вновь устраиваемаго завода, съ приличнымъ, по сей должности, содержаніемъ.

Быстро обсудивъ условія предложенія, Павелъ Матвѣевичъ не замедлилъ принять послѣднее, и новыя перспективы, съ новыми, болѣе широкими планами, зароились въ его воображеніи, подкрѣпили силы и воскресили упадавшую, было, энергію.

Между тѣмъ компаньоны Обухова, оформивъ заключенную съ нимъ сдѣлку, не теряли времени и дѣятельно принялись за хлопоты о разрѣшеніи сооруженія новаго завода и объ уступкѣ для него мѣста бывшей Александровской мануфактуры.

Благодаря содѣйствію великихъ князей, Константина и Михаила Николаевичей, сочувственно отнесшихся къ этому предпріятію, дѣло по основанію въ Петербургѣ стале-пушечнаго завода шло весьма успѣшно, и осенью же 1863 года Павелъ Матвѣевичъ былъ командированъ туда для его устройства.

Зная прекрасно, что, на этотъ разъ, онъ уже не вернется изъ Петербурга и по условію съ компаньонами станетъ тамъ во главѣ вновь устраиваемаго завода, Обуховъ готовился покинуть Златоустъ навсегда.

Знало это и все златоустовское общество и, не задолго до отъѣзда, устроило, въ честь его, прощальный балъ. Вслѣдъ за тѣмъ такой же балъ былъ данъ обществу Павломъ Матвѣевичемъ.

Изъ Златоуста выѣхалъ онъ поздней осенью. Сослуживцы и близкіе знакомые провожали его до первой станціи, гдѣ, съ бокалами въ рукахъ, распростились съ своимъ начальникомъ, искренно желая ему дальнѣйшихъ успѣховъ въ развитіи стале-пушечнаго дѣла на новомъ заводѣ, въ Петербургѣ.

Вскорѣ же, по отъѣздѣ Павла Матвѣевича изъ Златоуста, состоялся высочайшій приказъ объ увольненіи его отъ должности горнаго начальника, а въ началѣ 1864 года онъ былъ назначенъ состоять при управляющемъ морскимъ министерствомъ.

Въ 1863 году Обуховъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени.

Зимою же 1864 года въ Златоустѣ было получено изъ Петербурга оффиціальное предложеніе мастерамъ стале-пушечнаго производства поступить на службу въ новый заводъ, на весьма выгодныхъ условіяхъ. Мастера, не долго раздумывая, тотчасъ же согласились и, на счетъ компаньоновъ, отправились въ Петербургъ.

Такъ началась постепенная убыль Князе-Михайловской фабрики сперва въ мастерахъ, затѣмъ разныхъ станкахъ, паровыхъ молотахъ и другихъ машинахъ, которые потребовались, почти одновременно съ С.-Петербургскимъ, Обуховскимъ, еще вновь на Уралѣ устраиваемому, на берегу рѣки Камы, Пермскому стале-пушечному заводу.

Туда также переселилась изъ Златоуста часть опытныхъ мастеровъ и рабочихъ, и въ немъ не осталось почти слѣда отъ промелькнувшаго, какъ метеоръ, стале-пушечнаго производства.

Въ своей статьѣ, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Историческаго Вѣстника", за 1894 годъ, авторъ говоритъ, между прочимъ, что начальникомъ вновь основаннаго Пермскаго пушечнаго завода былъ назначенъ Н. В. Воронцовъ, по указанію, будто-бы, Обухова.

Это невѣрно.

Проектъ устройства, на берегу Камы, близъ Перми, новаго стале-пушечнаго завода былъ представленъ горному начальству Воронцовымъ, еще въ послѣднее время существованія этого производства въ Златоустѣ. Этотъ проектъ, останься Обуховъ горнымъ начальникомъ въ Златоустѣ, вѣроятно долго бы не осуществился; но съ уходомъ Павла Матвѣевича, препятствій больше не было, и онъ былъ одобренъ и утвержденъ высшей горной инстанціей.

Устройство новаго завода на удобной по мѣстнымъ условіямъ, береговой полосѣ, занимаемой закрытымъ въ 60-хъ годахъ мѣдно-плавильнымъ, Мотовилихинскимъ заводомъ, было поручено составителю проекта, Н. В. Воронцову, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ назначенъ и первымъ его начальникомъ, но не по указанію Обухова, а потому, что, послѣ него, являлся единственнымъ опытнымъ и хорошо знакомымъ съ новымъ дѣломъ инженеромъ.

Послѣ отъѣзда дяди изъ Златоуста, я, отъ времени до времени, получалъ свѣдѣнія о его жизни и дѣятельности въ Петербургѣ.

Постройка и оборудованіе новаго завода, который въ честь Павла Матвѣевича, былъ названъ позднѣе Обуховскимъ, на первыхъ порахъ шли довольно успѣшно.

Одну изъ первыхъ отливокъ стальной, орудійной болванки удостоили своимъ присутствіемъ, какъ я слышалъ, великіе князья Константинъ и Михаилъ Николаевичи.

Она велась подъ непосредственнымъ руководствомъ Обухова. Всѣ рабочіе были одѣты въ темно-синія, съ кожанными кушаками, блузы.

Раскаленные добѣла тигли, обычнымъ порядкомъ, извлекались изъ горновъ и подносились къ изложницѣ.

Жидкія струи расплавленной стали, испуская миріады блестящихъ искръ, выливались изъ тиглей въ форму и наполняли послѣднюю металломъ.

Великіе князья, окруженные свитой, компаньонами и чинами заводскаго управленія, съ интересомъ слѣдили за процессомъ отливки и, по окончаніи ея, выразили свое удовольствіе Павлу Матвѣевичу. Затѣмъ, милостиво принявъ предложенный послѣднимъ завтракъ, ихъ высочества, прямо изъ завода, отправились въ квартиру Обухова.

Въ Петербургѣ Павелъ Матвѣевичъ велъ довольно однообразный и замкнутый образъ жизни.

Еще ранѣе разстроенное здоровье, съ переѣздомъ въ столицу, не улучшилось и не позволяло ему ни принимать у себя знакомыхъ, ни посѣщать ихъ въ свою очередь.

Впрочемъ, у него еще кой-кто иногда собирался и встрѣчалъ, по обыкновенію, самый радушный пріемъ. Но самъ онъ, кромѣ завода, почти никуда не выѣзжалъ.

Единственнымъ развлеченіемъ служила для него опера, которую онъ посѣщалъ, сравнительно, довольно часто, не менѣе раза въ недѣлю.

Большую же часть времени онъ отдавалъ разнообразнымъ дѣламъ и соображеніямъ, относящимся до заводскихъ устройствъ, постепенно возводимыхъ въ новыхъ фабрикахъ.

Но, къ сожалѣнію, несмотря на массу труда, заботъ и хлопотъ, дальнѣйшее развитіе Обуховскаго завода шло весьма медленно, встрѣчая на пути разныя, непредвидѣнныя препятствія.

Да и не мудрено.

Совершенно новое въ Россіи стале-пушечное производство, вводимое не безъ затрудненій на Уралѣ, гдѣ легче найти необходимыхъ для того, опытныхъ и привычныхъ рабочихъ, естественно встрѣтило, на новомъ мѣстѣ, еще болѣе затрудненій и препятствій къ успѣху.

Несмотря на то, что Павелъ Матвѣевичъ энергично и настойчиво преслѣдовалъ свои цѣли, все же рядъ мелкихъ неудачъ и неожиданныхъ тормазовъ замедлялъ ходъ дѣла.

Все это крайне неблагопріятно отзывалось на его здоровьѣ, для поправленія котораго онъ вынужденъ былъ оставить заводъ и уѣхать за границу.

Это было въ 1868 году.

Въ томъ же году, за труды его по стале-пушечному производству, онъ былъ всемилостивѣйше пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

По совѣту врачей, Павелъ Матвѣевичъ отправился на югъ. Но ни южный климатъ, ни предписанныя врачами средства не помогли ему, и, въ мартѣ 1869 года, на пути въ Россію, онъ скончался въ Молдавіи, 48-ми лѣтъ отъ роду.

По желанію покойнаго, тѣло его было перевезено въ Петербургъ и предано землѣ на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Въ заключеніе передаю выдержку изъ некролога, составленнаго К. К. Скальковскимъ и помѣщеннаго въ апрѣльской книжкѣ „Горнаго журнала" 1869 года:

„Именемъ Обухова гордились долго всѣ горные инженеры, слава его отражалась и на всемъ горномъ вѣдомствѣ, потому свѣжая могила покойнаго не позволяетъ еще сдѣлать совершенно безпристрастной оцѣнки его трудовъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что это былъ истинно честный труженикъ, горячо любившій свое дѣло и оказавшій русской горной промышленности огромныя заслуги. Если смерть, прервавшая его дѣятельность такъ рано, не позволила ему пріобрѣсти славы русскаго Круппа, то, по крайней мѣрѣ, онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы въ скоромъ времени у насъ были свои Круппы".

А. Кавадеровъ.

Карлъ-Густавъ Лиліенфельдъ [1]).

I.

Карлъ-Густавъ Лиліенфельдъ, печальная судьба котораго тѣсно связана съ мрачнымъ дѣломъ Лопухиныхъ, былъ типичный представитель сильнаго духомъ гордаго эстляндскаго дворянства, въ которомъ воплотились отличительныя черты характера германской расы.

Высокаго роста, бѣлокурый, съ правильнымъ красивымъ профилемъ и серьезнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько надменнымъ выраженіемъ лица, онъ былъ одаренъ замѣчательной силой воли и настойчивостью, но въ то же время это былъ нѣжный, любящій сынъ.

Лиліенфельдъ родился и выросъ въ имѣніи своего отца, Аддиналь, на берегу Балтійскаго моря. Играя, ребенкомъ, на морскомъ берегу и охотясь, въ юношескомъ возрастѣ въ еловыхъ лѣсахъ роднаго края, онъ росъ въ здоровой, независимой обстановкѣ помѣщичьей жизни, подъ вліяніемъ своей матери (происходившей изъ шведскаго семейства Гилькрона), женщины выдающагося ума и душевныхъ качествъ, которую онъ страстно любилъ; его ожидала, повидимому, спокойная будущность зажиточнаго помѣщика, какимъ былъ его отецъ, посвящавшій все свое время управленію имѣніемъ; но эта тихая, спокойная жизнь не удовлетворяла юношу; въ немъ рано проснулось честолюбіе, жажда болѣе широкой дѣятельности, и онъ, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ, вздумалъ искать счастья при русскомъ дворѣ; этому рѣшительно воспротивилась его мать, и родители Лиліенфельда, желая дать исходъ его стремленію къ дѣятельной жизни, предоставили ему управленіе ихъ имѣніемъ Мойзама, гдѣ онъ провелъ, въ полномъ почти уединеніи три года (съ 1738—1740), лишь изрѣдка посѣщая Аддиналь.

---

[1]) Charles-Gustave de Lilienfeld. Princesse Schahovskoy-Strechneff. La nouvelle Revue. 15 Mars 1905.

Дѣятельно занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, молодой человѣкъ отдыхалъ отъ работъ на маленькой яхтѣ, совершая длинныя прогулки по морю, которое онъ страстно любилъ. Во время долгихъ зимнихъ вечеровъ онъ усердно и много читалъ, пополняя свое образованіе.

Это было затишьемъ передъ бурей. Въ судьбѣ Лиліенфельда произошелъ въ скоромъ времени рѣшительный поворотъ.

Въ 1740 г. скончалась его мать. Вмѣстѣ съ нею исчезла та нравственная сила, которая удерживала его у домашняго очага: жребій былъ брошенъ, стремленіе къ новому, неизвѣданному счастью, заговорило въ его душѣ съ большей силой, чѣмъ прежде, и онъ отправился въ Петербургъ, чтобы окунуться въ ту кипучую жизнь, отъ которой тщетно оберегала его мать, какъ бы предчувствуя, сколько въ ней таилось опаснаго.

Въ то время всесильнымъ правителемъ Россіи былъ герцогъ Курляндскій, несмотря на всеобщую ненависть къ нему русскаго народа; послѣднія слова, сказанныя ему на смертномъ одрѣ императрицей Анной Іоанновной: „тебѣ нечего бояться“, какъ будто оправдывались, ибо все повиновалось ему.

Лиліенфельдъ имѣлъ рекомендательныя письма къ регенту и къ нѣкоторымъ высшимъ сановникамъ нѣмецкаго происхожденія, между прочимъ къ барону Менгдену, президенту коммерцъ-коллегіи, и къ оберъ-гофмаршалу Левенвольде, благодаря содѣйствію котораго, вслѣдъ за представленіемъ Бирону, онъ былъ вскорѣ представленъ ко двору: первый шагъ къ карьерѣ, къ которой влекло его честолюбіе, былъ сдѣланъ.

Несмотря на блестящую жизнь двора, Лиліенфельдъ, также какъ и большинство иностранцевъ, посѣтившихъ Петербургъ въ это переходное время, чувствовалъ, что въ столицѣ творилось что-то неладное; русскіе были возмущены тѣмъ, что они находились подъ игомъ фаворита, набросившаго столь неблаговидную тѣнь на предъидущее царствованіе; гвардія была явно враждебна герцогу Курляндскому, народъ ненавидѣлъ его за несправедливость, постигшую дочь Петра Великаго, любимую имъ цесаревну Елисавету Петровну, и былъ возмущенъ тѣмъ, что власть находилась въ рукахъ нѣмца.

Иностранные посланники доносили своимъ дворамъ, что положеніе регента было ненадежно, и объясняли его упорное желаніе остаться въ Россіи только тѣмъ, что ему было одинаково опасно возвратиться въ Митаву, гдѣ онъ могъ подвергнуться нападкамъ со стороны надменнаго курляндскаго дворянства, которое также ненавидѣло его.

Лиліенфельдъ съ удивительной для его лѣтъ выдержкой и осторожностью выжидалъ, рѣшивъ не принимать никакого мѣста изъ рукъ Бирона. Благодаря рекомендаціи барона Менгдена, двоюроднаго брата

Юліи Менгденъ, имѣвшей неограниченное вліяніе на Анну Леопольдовну, онъ былъ принятъ въ интимномъ кругу августѣйшихъ родителей юнаго императора и понравился кроткой и апатичной правительницѣ и ея робкому супругу, которые отнеслись къ нему весьма милостиво; но этотъ маленькій дворъ, подавленный деспотизмомъ регента и не имѣвшій никакого вліянія, представлялъ мало привлекательнаго для честолюбиваго эстляндскаго дворянина.

Положеніе Брауншвейгской фамиліи казалось Лиліенфельду столь же непрочнымъ, какъ и положеніе регента, и онъ уже подумывалъ объ отъѣздѣ изъ Петербурга, когда герцогъ Курляндскій былъ арестованъ въ ночь съ 8-го на 9-ое ноября 1740 г.

Но это мало измѣнило положеніе дѣлъ. Анна Леопольдовна была слишкомъ добра и гуманна, чтобы карать своихъ враговъ, какъ того требовали интересы ея династіи; вдобавокъ, ея слабохарактерный и недалекій мужъ возставалъ противъ какихъ бы то ни было рѣшительныхъ дѣйствій съ ея стороны; ей очень мѣшали также происки приближенныхъ.

Она жила замкнуто, мало интересуясь дѣлами и избѣгая придворной суеты, одѣтая въ простое платье, повязавъ непричесанную голову бѣлымъ платкомъ, она проводила цѣлые дни во внутреннихъ покояхъ въ обществѣ своей любимицы, допуская къ себѣ лишь немногихъ друзей и родственниковъ своей фрейлины Менгденъ и графа Линара.

Карлъ Лиліенфельдъ, посвященный въ закулисныя тайны двора графомъ Кенигсфельдомъ, адъютантомъ маршала Миниха, съ которымъ онъ близко сошелся, ясно видѣлъ бездну, разверзавшуюся подъ ногами Брауншвейгской фамиліи, и рѣшилъ наконецъ уѣхать изъ Петербурга, написавъ отцу о своемъ намѣреніи заняться снова управленіемъ Мойзама.

Пока онъ выжидалъ отвѣта на это письмо, положеніе дѣлъ въ Петербургѣ ухудшилось. При дворѣ цесаревны Елисаветы Петровны, которая до тѣхъ поръ мало интересовалась дѣлами, замѣчалось необычайное оживленіе; у нея составлялся заговоръ противъ правительницы, душою котораго былъ французскій посланникъ де-ля-Шетарди; весь городъ говорилъ о происходившихъ въ ея дворцѣ тайныхъ совѣщаніяхъ; эти слухи дошли наконецъ до Анны Леопольдовны. Къ несчастію, въ это самое время заболѣлъ Минихъ, и герцогъ Брауншвейгскій, побуждаемый своими приближенными, воспользовался этимъ, чтобы стать во главѣ управленія; это былъ жестокій ударъ, нанесенный престарѣлому воину, который игралъ роль всесильнаго перваго министра.

Въ удаленіи Миниха отъ дѣлъ принималъ видное участіе Остерманъ, который доказывалъ правительницѣ, что военный, хотя бы онъ

и былъ въ высшихъ чинахъ, не можетъ управлять иностранной коллегіей, коей руководилъ въ теченіе двадцати лѣтъ онъ, Остерманъ, и которую онъ желалъ немедленно взять снова въ свои руки.

Справедливо говорятъ, что кого Господь захочетъ наказать, у того онъ отниметъ разумъ. Лишивъ власти самаго преданнаго своего слугу, герцогъ и герцогиня Брауншвейгскіе обрекли себя на неминуемую гибель.

Между тѣмъ, несмотря на политическія осложенія и внутреннее броженіе, жизнь при дворѣ шла своимъ чередомъ, и наканунѣ катастрофы 25-го ноября при дворѣ была еще ассамблея, т. е. большой парадный вечеръ, на которомъ присутствовалъ Лиліенфельдъ. Стоя въ толпѣ царедворцевъ, онъ увидѣлъ подлѣ правительницы молодую дѣвушку, которая своей граціей и красотою привлекала всѣ взоры. Это была вновь пожалованная фрейлина Анны Леопольдовны, Софія Васильевна Одоевская, появившаяся при дворѣ.

Юлія Менгденъ представила ей Лиліенфельда, котораго она окончательно покорила своимъ наивнымъ кокетствомъ, и съ этого вечера онъ уже болѣе не располагалъ собою.

Княжна Одоевская была сирота и наслѣдовала отъ отца значительное состояніе, ея руки добивались знатнѣйшія лица. Лиліенфельдъ понималъ, что ему, скромному нѣмецкому дворянину, было мало надежды удостоиться вниманія молодой дѣвушки, поэтому несмотря на охватившую его страсть онъ не измѣнилъ своего рѣшенія уѣхать въ Эстляндію и удалиться навсегда съ той арены, на которой онъ мечталъ нѣкогда играть видную роль. Но увлеченіе первой любви пересилило вскорѣ доводы разсудка.

Благодаря участію, которое приняла въ немъ Юлія Менгденъ, большая любительница устраивать браки, случилось то, что и слѣдовало ожидать: въ то время какъ молодой Лиліенфельдъ тщетно боролся со своимъ чувствомъ, постоянно откладывая свой отъѣздъ, княжна С. В. Одоевская, благодаря частымъ встрѣчамъ съ молодымъ человѣкомъ, которыя устраивала Менгденъ, въ свою очередь, увлеклась имъ и по своей крайней молодости и живому характеру не умѣла скрыть своихъ чувствъ. Лиліенфельдъ, окончательно покоренный непринужденностью обхожденія молодой княжны, ея рѣзвостью и шаловливымъ кокетствомъ, которыя составляли совершенную противоположность его собственному сдержанному и нѣсколько холодному темпераменту, рѣшилъ остаться въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе, что полученное имъ въ это время званіе камергера поставило его въ независимое положеніе отъ семьи.

Оставшись однажды, благодаря старанію Юліи Менгденъ, съ княжной Одоевской наединѣ, Лиліенфельдъ не могъ долѣе сдержать

себя, и съ его устъ сорвалось признаніе, которое было выслушано со слезами на глазахъ. Лиліенфельдъ, въ свою очередь, чрезвычайно растроганный, сказалъ: „Вы отдаете мнѣ все“ и намекая на ея крупное состояніе, присовокупилъ: „болѣе, нежели я могъ бы желать, но, Богъ дастъ, я отплачу вамъ за все“. Эти слова, оказавшіяся пророческими, не поразили въ тотъ моментъ молодую дѣвушку, которой будущее рисовалось въ самыхъ радужныхъ краскахъ.

Свадьба Карла Лиліенфельда съ княжной Одоевской была отпразднована какъ разъ за недѣлю до достопамятнаго въ русской исторіи дня 25-го ноября 1741 г. Катастрофа, которой всѣ ожидали, была близка; объ ней не подозрѣвали только тѣ, коимъ она угрожала болѣе всего.

Заговоръ, подготовленный французскимъ посланникомъ, созрѣлъ, а близорукая правительница и ея супругъ все болѣе и болѣе ухудшали свое положеніе, дѣлая ошибку за ошибкой; одной изъ главныхъ была снисходительность и вниманіе, которыя они оказывали цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Лиліенфельдъ и его молодая жена, упоенные счастьемъ, не предвидѣли надвигавшейся развязки; связи и богатство новобрачной и блестящая карьера, предстоявшая ея мужу, сулили имъ, повидимому, самое радостное будущее.

Но всѣ эти надежды рушились въ тотъ день, когда бывшая у власти нѣмецкая партія была сметена съ лица земли во время торжественнаго шествія цесаревны Елисаветы Петровны по пустыннымъ улицамъ Петербурга, въ ту морозную зимнюю ночь на 25-ое ноября, когда гренадеры буквально внесли ее на рукахъ въ Зимній дворецъ. Въ числѣ прочихъ лицъ особенно пострадали супруги Менгденъ.

Лиліенфельдъ не занималъ еще достаточно виднаго положенія, чтобы подвергнуться мести тѣхъ лицъ, кои завладѣли властью; въ добавокъ медовый мѣсяцъ служилъ оправданіемъ того, что онъ не принималъ участія въ восторженныхъ оваціяхъ, коими привѣтствовали при дворѣ начало новаго царствованія.

Съ паденіемъ Брауншвейгской фамиліи рушились всѣ честолюбивыя мечты Карла Лиліенфельда, коего личное счастье было такъ велико, что онъ не думалъ о будущемъ. Ему хотѣлось уѣхать съ молодой женою къ себѣ, въ Эстляндію, по крайней мѣрѣ на первое время. Къ несчастію, онъ уступилъ желанію молодой женщины и остался въ Петербургѣ, гдѣ его личное положеніе не было поколеблено, хотя на всѣхъ нѣмцевъ смотрѣли косо.

Софія Лиліенфельдъ вернулась мало по малу къ веселой свѣтской жизни. Она была дружна съ нѣкоторыми изъ приближенныхъ Елисаветы Петровны, между прочимъ съ графинею Анной Гавриловной

Бестужевой-Рюминой, женою оберъ-гофмаршала М. П. Бестужева, братъ котораго Рюминъ, состоявшій въ предъидущее царствованіе во главѣ русской партіи, былъ возвращенъ изъ ссылки и занялъ мѣсто Остермана, не пользовавшагося довѣріемъ новаго правительства.

Съ воцареніемъ Елисаветы Петровны борьба придворныхъ партій возобновилась еще съ большей силой. Вынужденный отъѣздъ маркиза де-ля-Шетарди, игравшаго при переворотѣ слишкомъ видную роль, усилилъ вліяніе лейбъ-медика Лестока, который употреблялъ все свое стараніе къ тому, чтобы сломить вліяніе Бестужева, относившагося враждебно къ Франціи.

Хотя новобрачные Лиліенфельдъ не принимали никакого участія въ этихъ интригахъ, но дружба Софіи Лиліенфельдъ съ графиней Бестужевой имѣла для обоихъ супруговъ самыя роковыя послѣдствія.

Къ числу друзей молодой женщины принадлежала еще одна особа, близость съ которой ея мужъ не могъ одобрить. Это была Наталья Ѳедоровна Лопухина, связь коей съ бывшимъ оберъ-гофмаршаломъ графомъ Левенвольде ни для кого не была тайною.

Лопухина, рожденная Балкъ, статсъ-дама императрицы Анны Іоанновны и правительницы Анны Леопольдовны, была племянницей извѣстной красавицы Анны Монсъ, которую она слегка напоминала наружностью.

Умная, живая, обольстительная, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, страшная кокетка, она не могла быть подходящей компаніей для молодой женщины, но Карлъ Лиліенфельдъ не съумѣлъ или не хотѣлъ прекратить это знакомство, у него была одна дума, одна забота, украсить жизнь своей жены. Строгій къ себѣ и къ другимъ, онъ совершенно преображался, когда дѣло касалось ея, тѣмъ болѣе, что она готовилась быть матерью. Онъ не находилъ въ себѣ силъ осуждать ее за ея болтливость и неосторожное поведеніе, недостатки въ ея лѣта впрочемъ вполнѣ извинительные и которые могли не имѣть никакихъ серьезныхъ послѣдствій.

Разлука съ любимымъ человѣкомъ не мѣшала Н. Ѳ. Лопухиной веселиться и пожинать лавры въ дипломатическихъ салонахъ, гдѣ она появлялась чаще всего. Однимъ изъ ея усердныхъ поклонниковъ состоялъ бывшій австрійскій посланникъ, маркизъ Ботта, блиставшій въ дипломатическомъ мірѣ своимъ умомъ и остроумной бесѣдой; онъ былъ преданъ бывшей правительницѣ, при которой онъ былъ аккредитованъ съ самаго момента ея вступленія на престолъ.

Въ свѣтскомъ кругу, въ которомъ вращался Ботта, первое мѣсто по молодости и красотѣ занимала хорошенькая Софія Лиліенфельдъ, съ которой соперничала княжна Гагарина, падчерица графини Бестужевой. Къ сожалѣнію, эти хорошенькія свѣтскія молоденькія женщины

не довольствовались одной пустой свѣтской болтовнею. Нѣкоторыя изъ нихъ, съ Лопухиной во главѣ, недовольныя тѣмъ, что онѣ не пользовались при дворѣ Елисаветы Петровны прежнимъ положеніемъ, позволяли себѣ критиковать политику новаго правительства, сожалѣли о прошломъ и, что̀ еще хуже, громко порицали частную жизнь императрицы. Въ сущности, это была довольно невинная салонная оппозиція, но то обстоятельство, что къ этому кружку принадлежала невѣстка графа А. П. Бестужева, заставило Лестока, непримиримаго врага канцлера, обратить на него особое вниманіе. Онъ увидѣлъ въ этомъ мнимомъ заговорѣ удобное средство уронить „кредитъ“ Бестужева, въ его головѣ возникъ цѣлый планъ, и въ то время, какъ молодая Лиліенфельдъ, давая волю своему нѣсколько насмѣшливому уму, предавалась въ этомъ интимномъ кружкѣ веселой болтовнѣ, во время которой произносились дерзкіе намеки на императрицу, въ домѣ Лестока сплетались петли той невидимой сѣти, въ которой она должна была роковымъ образомъ запутаться со своими мнимыми сообщниками.

II.

Вечеромъ 17-го іюля 1743 года, сынъ Натальи Ѳедоровны Лопухиной, подполковникъ Иванъ Степановичъ Лопухинъ, кутилъ въ одномъ вольномъ домѣ, любимомъ пріютѣ гвардейской молодежи того времени, со своимъ пріятелемъ, поручикомъ лейбъ-кирасирскаго полка Бергеромъ. Поручикъ собирался въ Соликамскъ, мѣсто ссылки Левенвольде, чтобы передать ему нѣкоторыя бумаги и драгоцѣнныя вещи, которыя не были конфискованы и хранились у Лопухиной.

Молодые люди порядочно выпили, и Лопухинъ, который легко хмѣлѣлъ, болталъ безъ умолку. Бергеръ пилъ меньше, а больше слушалъ несдержанныя рѣчи своего собутыльника о послѣднихъ событіяхъ.

Насидѣвшись вдоволь въ трактирѣ, Лопухинъ пригласилъ Бергера къ себѣ, чтобы поговорить откровеннѣе. Болтая, онъ вспоминалъ о прошломъ, по сравненію съ которымъ настоящее казалось ему мрачнымъ и скучнымъ.

— Какая же причина этой перемѣны?—спросилъ Бергеръ.

— Та и есть,—отвѣчалъ Лопухинъ,—что нынѣ веселье никому на умъ не идетъ. Вотъ хотя на себя укажу. При дворѣ Анны Леопольдовны я былъ камеръ-юнкеромъ, въ рангѣ полковника, а нынѣ опредѣленъ въ подполковники, да и то невѣдомо куда, въ гвардію или армію, тогда какъ мои товарищи получили повышенія. А сказать тебѣ за что? За скверное дѣло... Нынѣ, другъ мой, веселится только наша

государыня, ѣздитъ въ Царское Село со всякими непотребными людьми, аглицкимъ пивомъ напивается, а тѣ...

— Правда,—замѣтилъ Бергеръ,—императрица очень весело проводитъ время.

— Императрица!—усмѣхнулся Лопухинъ,—да знаешь ли ты, что ей и императрицей-то быть не слѣдовало? Незаконная—разъ; другое: фельдмаршалъ князь Долгорукій сказывалъ, что въ тѣ поры, когда императоръ Петръ II скончался, хотя бъ и надлежало Елисавету Петровну къ наслѣдству допустить, да она беременна была. Теперь она Ивана Антоновича и принцессу Анну Леопольдовну, со всѣмъ семействомъ, въ Ригѣ подъ карауломъ держитъ, а того не знаетъ, что рижскій караулъ очень къ принцу и къ принцессѣ склоненъ и съ лейбъ-компаніей потягается. Думаетъ, не сладитъ съ тремя стами канальями? Прежній караулъ и крѣпче былъ, да сдѣлали дѣло. Ежели бы Петру Сем. Салтыкову можно было выйти, то бъ онъ и самъ ударилъ въ барабанъ... За что его и отъ двора удалили, самъ знаетъ! Плохъ подъ бабьимъ правительствомъ.

— Такъ ты думаешь, что принцу Іоанну Антоновичу?

— Самъ увидишь, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ перемѣна. Недавно мой отецъ къ матери писалъ, чтобы я не искалъ никакой милости у государыни. Мать перестала къ двору ѣздить; я былъ на послѣднемъ маскарадѣ и больше не буду [1]).

Пораженный всѣмъ слышаннымъ, Бергеръ отправился къ своему другу, маіору Фалькенбергу, и передалъ ему весь разговоръ. Послѣдующіе дни, съ 15 по 21 іюля, онъ ходилъ за злополучнымъ Лопухинымъ по пятамъ, тщетно стараясь вызвать его снова на откровенный разговоръ; это удалось ему наконецъ 21 числа, когда, проходя вмѣстѣ съ Бергеромъ мимо дома князя Трубецкаго, Лопухинъ произнесъ слѣдующія знаменательныя слова:

„Трубецкой и принцъ Гессенъ-Гомбургскій, сказалъ онъ, дѣйствуютъ сообща". „Князь Долгорукій былъ прежде не добръ къ императрицѣ, а нынѣ доброжелательствуетъ, но у нея такихъ немного; наша знать ее вообще не любитъ,—она же простому народу благоволитъ для того, что сама живетъ просто".

— А принцу Іоанну не долго быть сверженну?

— Не долго.

Послѣ этого разговора Бергеръ вмѣстѣ съ Фалькенбергомъ поспѣшилъ къ Лестоку, который въ тотъ же день далъ имъ возможность представиться императрицѣ.

Первый актъ драмы начался.

---

[1]) Весь разговоръ этотъ изложенъ въ подлинномъ дѣлѣ Лопухиныхъ.

Елисавета Петровна, которая была все время напугана ложными доносами Лестока и обнаруженными незадолго передъ тѣмъ двумя заговорами, очень взволновалась, слушая разсказъ Бергера и Фалькенберга, и подписала немедленно указъ, коимъ повелѣвалось арестовать Ивана Лопухина и начать слѣдствіе, для производства котораго была учреждена секретная коммиссія, въ составъ которой вошли генералъ Ушаковъ, тайный совѣтникъ князь Никита Трубецкой и Лестокъ. Между тѣмъ Бергеръ и Фалькенбергъ постарались вывѣдать у Лопухина еще кое-какія свѣдѣнія о мнимомъ заговорѣ; съ этой цѣлью они подготовили его. Говоря о герцогѣ Брауншвейгскомъ, Лопухинъ назвалъ его величествомъ, присовокупивъ, что король прусскій придетъ на помощь изгнанному императору, когда будетъ нужно; онъ назвалъ также маркиза Ботта, какъ дѣятельнаго сторонника Брауншвейгской династіи. Лестокъ не замедлилъ подтвердить эти показанія своими навѣтами. Слѣдствіе велось людьми безжалостными, привыкшими карать людей безъ пощады. Лопухинъ дрожалъ все время допроса отъ страха и отрицалъ всякую вину со своей стороны; но, будучи поставленъ на очную ставку съ Бергеромъ и Фалькенбергомъ, подтвердилъ ихъ обвиненія. Какъ человѣкъ безхарактерный, безвольный, онъ подъ конецъ совершенно упалъ духомъ и подъ угрозою пытки не остановился ни передъ чѣмъ, выдалъ свою мать, графиню Бестужеву, и Софію Лиліенфельдъ, и показалъ, между прочимъ, что во главѣ заговорщиковъ, все преступленіе коихъ заключалось, въ сущности, въ неосторожныхъ рѣчахъ, стоялъ маркизъ Ботта. Окончивъ допросъ Лопухина, члены слѣдственной коммиссіи: Трубецкой, Ушаковъ и Лестокъ отправились къ Н. Ѳ. Лопухиной на домъ, чтобы произвести ей допросъ и выяснить, съ кѣмъ она имѣла, въ Петербургѣ, разговоры, относительно средствъ, при помощи которыхъ можно было бы вновь посадить на престолъ Анну Леопольдовну и ея сына. На всѣ настойчивые вопросы Лопухина отвѣчала одно: что маркизъ Ботта, преданный правительницѣ, говорилъ о своемъ намѣреніи, при помощи короля прусскаго низвергнуть съ престола императрицу Елисавету Петровну. Но уже тотъ фактъ, что она слушала эти преступныя рѣчи, былъ въ глазахъ слѣдователей преступленіемъ въ оскорбленіи величества, и никакія увѣренія Лопухиной, что она не раздѣляла мыслей Ботта, не послужили ея оправданію.

Когда генералъ Ушаковъ спросилъ, почему она не донесла объ этихъ преступныхъ разговорахъ?

— Я была въ немилости у ея величества, отвѣчала Лопухина, и думала, что не изволитъ повѣрить.

Несчастная женщина старалась всѣми силами оправдать своего

мужа и сына, которые, по ея словамъ, ничего не знали; однако сознавалась, что вела подобные же разговоры съ Анной Бестужевой.

Жена оберъ-гофмаршала была немедленно арестована, на своей дачѣ, гдѣ она жила въ то время, и предстала передъ слѣдственной коммиссіей вмѣстѣ со своей дочерью отъ перваго брака, Анастасіей Ягужинской.

Ягужинская, Бестужева и Лопухина никого не выдали; по ихъ показаніямъ единственнымъ виновнымъ былъ маркизъ Ботта, иностранный подданный; это давало надежду на благополучную развязку дѣла, но онѣ не знали, что слѣдователи хотѣли, во что бы то ни стало, обнаружить заговоръ, хотя бы для этого пришлось подстроить факты.

Иванъ Лопухинъ, къ несчастью, былъ не такъ остороженъ, какъ его мать и Бестужева; будучи арестованъ, онъ давалъ по-прежнему волю своему языку. Приведенный въ застѣнокъ и увидавъ орудія пытки, онъ сказалъ все, что отъ него хотѣли вывѣдать. Уже раздѣтый, дрожа отъ страха, онъ оговорилъ своихъ родителей и назвалъ еще двухъ лицъ, Мошкова и Зыбина, которые выдали, въ свою очередь, еще нѣсколько человѣкъ.

Такимъ образомъ, къ дѣлу привлекалось съ каждымъ днемъ все большее число лицъ, даже вовсе не причастныхъ къ мнимому заговору.

Было ясно, что маркизъ Ботта, располагая огромными средствами, хотѣлъ сдѣлать попытку освободить Брауншвейгскую фамилію, но для этого ему не нужны были ни Лопухины, ни Бестужевы: начатое противъ нихъ преслѣдованіе было дѣломъ происковъ Лестока, который старался запутать въ свои сѣти какъ можно болѣе жертвъ.

Красавица княгиня Гагарина, ея мужъ и многія другія знатныя лица, обвиненные въ соучастіи въ заговорѣ, были спасены только тѣмъ, что они совершенно не знали нѣмецкаго языка, на которомъ, по показанію доносчиковъ, происходили совѣщанія заговорщиковъ съ маркизомъ Боттою.

Допросы и очныя ставки происходили ежедневно. 30-го іюля 1743 г. Иванъ Лопухинъ, подтверждая еще разъ свои показанія, произнесъ новое имя—Софіи Лиліенфельдъ.

Новобрачные Лиліенфельдъ сидѣли за завтракомъ въ тотъ моментъ, когда предъ ними появились посланные генерала Ушакова съ указомъ, коимъ повелѣвалось немедленно арестовать Софію Лиліенфельдъ. Несмотря на ея слезы и отчаяніе, ее вырвали изъ объятій мужа и, посадивъ въ ожидавшій у воротъ экипажъ, помчались съ нею къ дому, гдѣ жила императрица до восшествія своего на престолъ. Несчастной женщинѣ не дали даже переодѣться: она была въ роскошномъ утрен-

немъ свободномъ платьи, которое, ниспадая широкими складками, скрывало полноту ея фигуры; она успѣла только мимоходомъ накинуть на плечи мантилью.

Когда ее привезли въ бывшій домъ цесаревны Елисаветы, гдѣ уже собралась къ тому времени слѣдственная коммиссія, немедленно было приступлено къ допросу. Софія Лиліенфельдъ, подъ угрозою пытки, въ крайнемъ испугѣ созналась во всемъ, безповоротно погубивъ себя и всѣхъ остальныхъ; она показала, что вела съ Натальей Лопухиной и Анной Бестужевой преступныя бесѣды, что онѣ произносили дерзкія рѣчи противъ императрицы, горевали объ участи правительницы Анны Леопольдовны — наконецъ, она показала, что все это говорилось въ присутствіи ея мужа... Продолжительный допросъ совершенно измучилъ молодую женщину, которая нѣсколько разъ падала въ обморокъ; послѣдній былъ такъ продолжителенъ, что несмотря на всѣ старанія ее долго не удалось привести въ чувство и ее считали уже мертвой: это имѣло для нея благопріятное послѣдствіе, что члены слѣдственной коммиссіи при всей своей жестокости сжалились надъ ея страданіями и отпустили ее домой, разрѣшивъ ей, „остаться въ виду ея болѣзненнаго состоянія при мужѣ".

Несмотря на безразсудное показаніе Софіи Лиліенфельдъ, будто ея мужъ присутствовалъ при преступныхъ разговорахъ, тогда какъ этого никогда не было, и на лживыя показанія другихъ лицъ, Карла Лиліенфельда не удалось обвинить ни въ чемъ; онъ держалъ себя во время послѣднихъ событій такъ безупречно, что всѣми было признано единогласно, что, при его честномъ образѣ мыслей, онъ не только не сочувствовалъ тайнымъ проискамъ, но всегда осуждалъ ихъ; къ тому же онъ не былъ близокъ къ маркизу Ботта. Единственною его виною было то, что онъ не съумѣлъ удержать жену отъ неосторожной болтовни въ обществѣ, которой она предавалась съ крайнимъ легкомысліемъ, составлявшимъ полную противоположность сдержанному и осторожному поведенію самого Лиліенфельда.

Между тѣмъ слѣдствіе по дѣлу Лопухиной велось дѣятельно; очныя ставки и одиночные допросы производились ежедневно; была захвачена переписка обвиняемыхъ, и ихъ пытали, если они не давали на допросѣ тѣхъ показаній, какія отъ нихъ хотѣли получить.

Душевная тревога, которую испыталъ въ эти дни Карлъ Лиліенфельдъ, пошатнула его крѣпкое здоровье, и онъ началъ кашлять кровью; онъ страдалъ за жену, которая слегла по возвращеніи домой въ постель и отъ которой онъ старательно скрывалъ ходъ процесса; ей былъ сдѣланъ, 31-го іюля, на дому вторичный допросъ съ соблюденіемъ величайшей осторожности. Она не знала, что уже начался рядъ жестокихъ пытокъ: Наталія Лопухина, графиня Бестужева, графиня

Головкина были подняты на дыбы, но ни Бестужева, ни Лопухина, несмотря на страшнѣйшія мученія, ни однимъ словомъ не выдали своихъ мужей; что касается Ивана Лопухина, то, несмотря на его полное сознаніе, его пытали до такой степени, что онъ едва не испустилъ духъ.

Видя, въ рукахъ какихъ жестокихъ людей находилась участь обвиняемыхъ, Карлъ Лиліенфельдъ имѣлъ полное основаніе опасаться, что и его женѣ предстояли въ скоромъ времени подобныя же мученія. Съ энергіей, которую удвоивало отчаяніе, онъ пустилъ въ ходъ всѣ средства, чтобы спасти ее отъ этого позора: ему помогли отчасти его связи и то вліяніе, какое сохранила еще отчасти нѣмецкая партія, главное,—его безупречное прошлое.

Сидя у изголовья больной жены, Лиліенфельдъ старался своимъ наружнымъ спокойствіемъ утѣшить ее, поддержать въ ней бодрость духа и въ особенности успокоить ея угрызенія совѣсти, которыя доводили ее иногда до умоизступленія. Она не слыхала отъ него ни слова упрека, онъ простилъ ей все—даже ту непонятную слабость, съ какою она взвела на него несправедливое обвиненіе.

Необходимость постоянно сдерживаться, скрывать свои истинныя чувства, такъ какъ онъ не отходилъ ни на шагъ отъ больной женщины, усугубляла его страданія, и они становились невыносимы...

18-го августа Софія Лиліенфельдъ была снова вызвана въ слѣдственную коммиссію для допроса, этотъ разъ въ сопровожденіи своего мужа; подтвердивъ свои первыя показанія, относительно существовавшаго намѣренія вернуть престолъ бывшей правительницѣ, она показала, что „маркизъ Ботта, играя въ карты съ графиней Бестужевой и Лопухиной, говорилъ въ ея присутствіи преступныя рѣчи, хвастая тѣмъ, что, въ случаѣ надобности, ему окажетъ поддержку король прусскій".

Послѣ этого Софіи Лиліенфельдъ была дана очная ставка съ Лопухиной, противъ которой ею было возведено тяжкое обвиненіе на первомъ допросѣ; но это не дало слѣдователямъ никакихъ новыхъ данныхъ для обвиненія.

Всѣ допрашиваемые настаивали на томъ, что они вели одни пустые разговоры, коимъ судьи старались, между тѣмъ, придать значеніе серьезныхъ уликъ; Наталія Өедоровна Лопухина припомнила между прочимъ, что, проходя мимо дворца, она спросила Софію Лиліенфельдъ, слышала ли она, что говорилъ Ботта? На что молодая вѣтренница отвѣчала: „ну его къ чорту"!

Софія Лиліенфельдъ, не отрицая того, что она быть можетъ и говорила это, показала, что она не помнитъ этихъ словъ.

Изъ многочисленныхъ показаній, вынужденныхъ у свидѣтелей са-

мыми страшными физическими и нравственными пытками, нельзя было вывести никакого опредѣленнаго заключенія. Взбалмошныя, болтливыя женщины, которыя считали себя болѣе или менѣе обиженными императрицей Елисаветой, высказывали иностранному посланнику свое неудовольствіе и свои сожалѣнія о прошломъ, о томъ времени, когда онѣ блистали при дворѣ; единственная ихъ вина заключалась въ томъ, что онѣ касались частной жизни императрицы, осуждали нѣкоторыя черты ея характера и ея легкомысленное поведеніе, которое ни для кого, впрочемъ, не было тайною; такъ какъ большинство лицъ, присутствовавшихъ при этихъ разговорахъ, не знали нѣмецкаго языка, на которомъ говорили обвиняемые, то это обстоятельство внесло въ дѣло еще бо́льшую путаницу. Что касается главной заго́ворщицы, Н. Ѳ. Лопухиной, то она не умѣла даже писать по-русски и диктовала свои письма крѣпостному человѣку, который къ удивленію оказался грамотнымъ. Во всей этой запутанной исторіи трудно было найти малѣйшій признакъ опасности, угрожавшей жизни и власти императрицы.

Иначе смотрѣли на дѣло лица, стоявшія у власти. Кромѣ Лестока и его приспѣшниковъ: Остермана, князя Трубецкаго, принца Гессенъ-Гомбурскаго, нашлось не мало людей, которые, будучи обязаны своимъ положеніемъ новому царствованію, горѣли желаніемъ доказать свою преданность Елисаветѣ Петровнѣ, загладить свою прошлую службу правительницѣ, упрочить свое положеніе интригами и разбогатѣть, завладѣвъ богатствомъ намѣченныхъ ими жертвъ, у которыхъ, въ ожиданіи указа о конфискаціи ихъ помѣстій и недвижимаго имущества, отбирали принадлежавшія имъ золотыя вещи и драгоцѣнности.

Вечеромъ 18-го августа императрицею былъ подписанъ указъ о назначеніи генеральнаго суда изъ сенаторовъ, архіепископовъ и генераловъ, подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала принца Гессенъ-Гомбургскаго.

Первое засѣданіе этого судилища происходило въ Сенатѣ 19-го августа 1743 г. Оно началось въ 8 часовъ вечера и окончилось въ ту же ночь, въ 4 часа. Въ протоколѣ засѣданія значилось, что всѣ обвиняемые сознались въ преступленіи; слѣдовательно, оставалось только подыскать подходящія статьи закона, но это заняло весьма мало времени, такъ какъ судьи не особенно стѣснялись юридическими тонкостями; приговоръ былъ произнесенъ единогласно: Наталія Лопухина, Анна Бестужева, Степанъ и Иванъ Лопухины были приговорены къ смертной казни колесованіемъ съ предварительнымъ урѣзаніемъ языка; Машковъ и князь Путятинъ—къ четвертованію, Зыбинъ и Софія Лиліенфельдъ—къ обезглавленію. Нѣсколько часовъ спустя.

приговоръ былъ представленъ на высочайшее утвержденіе или „апробацію“ императрицы.

Десять дней, съ 19-го по 28-е августа 1743 г., прошло, пока Елисавета Петровна подписала этотъ приговоръ. Причиною этого промедленія едва-ли было колебаніе императрицы, а скорѣй ея обычная безпечность.

Елисавета, въ первые два года своего царствованія поражавшая всѣхъ своей дѣятельностью, впадала съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе въ апатію.

29-го августа появился наконецъ манифестъ, коимъ, „по природному великодушію“ императрицы, какъ говорилось въ высочайшей резолюціи, смертная казнь была замѣнена для Лопухиныхъ и графини Бестужевой вѣчной ссылкой съ предварительнымъ наказаніемъ кнутомъ и отрѣзаніемъ языка. Софія Лиліенфельдъ была приговорена къ наказанію плетьми и къ ссылкѣ въ Сибирь; исполненіе этого приговора было отложено до разрѣшенія ея отъ бремени. Прочіе обвиняемые, за исключеніемъ Зыбина, были избавлены отъ всякаго наказанія, только лишились имущества, которое было конфисковано.

Для исполненія приговора былъ назначенъ день 31-го августа. О часѣ и мѣстѣ казни было оповѣщено во всеобщее свѣдѣніе, дабы „всякаго чина люди о томъ вѣдали и для смотрѣнія приходили на оное мѣсто“.

Эшафотъ былъ сооруженъ напротивъ зданія двѣнадцати коллегій (нынѣ С.-Петербургскій университетъ).

На разсвѣтѣ, 31-го августа 1743 г., на мѣстѣ казни собралась несмѣтная толпа. Ей пришлось ждать не долго; вскорѣ появились преступники подъ конвоемъ солдатъ; впереди всѣхъ шла Наталья Ѳедоровна Лопухина, величавая красавица, несмотря на свои сорокъ лѣтъ и перенесенную при допросѣ пытку. Она взошла на эшафотъ твердой поступью; за ней шли прочіе осужденные, и въ числѣ ихъ Софія Лиліенфельдъ, возбуждавшая всеобщее состраданіе своей крайней молодостью, красотою и неописуемымъ ужасомъ, искажавшимъ ея блѣдное лицо. Когда секретарь Сената Замяткинъ началъ громогласно читать приговоръ, въ толпѣ воцарилось гробовое молчаніе. Въ приговорѣ была пространно изложена вина каждаго обвиняемаго, и указана статья, на основаніи которой присуждалось наказаніе.

„Софія Лиліенфельдъ“, читалъ секретарь Сената, „обращалась всегда въ обществѣ вышеуказанныхъ Наталіи Лопухиной и Анны Бестужевой и слышала, не столько отъ нихъ, какъ отъ маркиза Ботты, изъявленія сожалѣнія по поводу паденія правительства правительницы и выраженныя ими желаніе, чтобы настоящая власть была нисправергнута, и сама выражала сожалѣніе по поводу участи правительницы Анны, присовокупляя, что если бы не вліяніе ея фрейлины,

Юліи Менгденъ, то она была бы еще на престолѣ и не совершила бы тѣхъ неосторожныхъ поступковъ, которые погубили ее и ея приверженцевъ. Кромѣ того она (Софія Лиліенфельдъ) слышала отъ Лопухиныхъ и Бестужевыхъ поносительныя слова о высочайшей ея императорскаго величества персонѣ, молчала о томъ „и никому не объвила".

За таковыя „богопротивныя и ея имп. вел. и государству вредительныя злоумышленныя дѣла" ея величество указала: „Степана, Наталью и Ивана Лопухиныхъ, и Анну Бестужеву, вырѣзавъ языки, колесовать; Ивана Машкова, Ивана Путятина и Александра Зыбина обезглавить, Софіи Лиліенфельдъ отсѣчь голову, когда она освободится отъ бремени".

Но „по природному великодушію" и „высочайшей милости" императрицы, имъ была дарована жизнь, и смертная казнь была замѣнена наказаніемъ кнутомъ.

По окончаніи чтенія было приступлено къ казни.

Наталья Лопухина, сохранявшая хладнокровіе во время чтенія приговора, не могла болѣе владѣть собою, когда палачи прикоснулись къ ней; объятая ужасомъ, она оказала имъ отчаянное сопротивленіе; одинъ изъ нихъ сорвалъ съ нея платье, другой схватилъ ее и вскинулъ себѣ на плечи, дрожащую, обезсиленную; въ воздухѣ свистнулъ кнутъ и оставилъ на ея тѣлѣ кровавые рубцы. Напрасно вырывалась несчастная жертва изъ рукъ палача, оглашая площадь своими криками. Наконецъ, изнемогая отъ страданія, она была поставлена на ноги, и тогда началась вторая, еще болѣе ужасная казнь. Сдавивъ ей со всею силою горло, такъ что у нея высунулся языкъ, палачъ отрѣзалъ его почти до самаго корня. Захлебывавшуюся въ крови Лопухину свели съ эшафота, въ то время какъ палачъ показывалъ народу ея отрѣзанный языкъ, крича: „Кто покупаетъ? Дешево продамъ".

Настала очередь Анны Бестужевой; женщина умная, находчивая, осторожная въ своихъ показаніяхъ на допросѣ, терпѣливо перенесшая пытку, она и тутъ не потеряла присутствія духа, и въ тотъ моментъ, когда палачъ снималъ съ нея одежду, успѣла сунуть ему въ руку золотой, осыпанный бриллiантами крестъ, который она носила на шеѣ. Заплечный мастеръ понялъ, что отъ него хотѣли, и со свойственнымъ ему умѣніемъ смягчилъ удары кнута, дѣлая видъ, что онъ бьетъ имъ со всей силой. Также точно онъ отрѣзалъ графинѣ только кончикъ языка.

Послѣ Бестужевой были наказаны Лопухинъ отецъ и сынъ, Машковъ, князь Путятинъ и Зыбинъ.

Софія Лиліенфельдъ, переживъ во время чтенія приговора ужас-

ную душевную муку при мысли, что и ее ожидаетъ такое же истязаніе, не вынесла до конца потрясающаго зрѣлища казни и лишилась чувствъ, въ то время какъ ея мужъ, затерянный въ толпѣ, не будучи въ силахъ помочь страстно любимой имъ женѣ, переживалъ ужасную душевную муку.

На другой день Лиліенфельду было сообщено, что онъ будетъ содержаться до разрѣшенія его жены отъ бремени вмѣстѣ съ нею подъ строгимъ домашнимъ арестомъ съ запрещеніемъ куда бы то ни было выходить и кого бы ни было видѣть. Несмотря на эту, ничѣмъ не заслуженную кару, это было для Лиліенфельда нѣкоторымъ успокоеніемъ. Совершенно измученный, больной, онъ не думалъ о себѣ и только старался успокоить несчастную молодую женщину, столь ужасно наказанную за свое легкомысліе. Окруживъ ее самымъ нѣжнымъ уходомъ, онъ съумѣлъ поддержать въ ней бодрость духа.

Въ то же время онъ хлопоталъ неустанно о томъ, чтобы его жена была избавлена отъ позорнаго наказанія кнутомъ и чтобы, въ въ виду ея болѣзненнаго состоянія, ему было разрѣшено увезти ее въ Эстляндію.

По прошествіи трехъ мѣсяцевъ послѣдовала резолюція императрицы послать Софію Лиліенфельдъ въ ссылку безъ наказанія; ея мужу было даровано разрѣшеніе сопровождать ее въ Сибирь.

Примѣру Лиліенфельда не послѣдовалъ мужъ другой жертвы происковъ Лестока. Бестужевъ не только не выразилъ желанія послѣдовать за женою въ Сибирь, но, боясь быть скомпрометтированнымъ, онъ даже не просилъ о смягченіи ея участи, хотя она, несмотря на сверхчеловѣческія страданія, не произнесла во время слѣдствіи ни слова, которое могло бы погубить его.

Дальнѣйшіе факты и женитьба Бестужева на своей падчерицѣ, Анастасіи Ягужинской, показали еще нагляднѣе огромную разницу, существовавшую между нимъ и Лиліенфельдомъ, который, отказавшись отъ всѣхъ радостей жизни, отъ всѣхъ надеждъ на будущее, просилъ какъ милости позволенія сопровождать жену въ Сибирь, а для себя лично просилъ только объ одномъ: о дозволеніи ему вернуться изъ ссылки въ томъ случаѣ, если бы онъ пережилъ ее.

„Treu bis in den Tod“—вѣрный до гроба, таковъ былъ девизъ, избранный Лиліенфельдомъ передъ отъѣздомъ изъ Эстляндіи, и онъ остался ему вѣренъ до конца. Не такъ отнеслись къ осужденной ея родные, между прочимъ ея родной братъ, князь Иванъ Васильевичъ Одоевскій, который получилъ большую часть ея конфискованнаго имущества. Всѣ они отнеслись къ ея судьбѣ не только равнодушно, но даже жестоко.

Мѣстомъ ссылки Лиліенфельдъ былъ назначенъ Якутскъ. Можно

себѣ представить, какова была ихъ жизнь въ этомъ пустынномъ городѣ, почти круглый годъ погребенномъ подъ снѣжной пеленою, надъ которой простиралось свинцовое, мрачное небо.

Широкія, безлюдныя улицы, съ жалкими крытыми соломой лачугами, обнесенными покосившимися заборами, и нигдѣ ни деревца, ни кустика, ни малѣйшаго признака жизни; таковъ былъ Якутскъ въ половинѣ XVIII вѣка.

Привезенный въ мѣсто ссылки 29-го декабря 1744 г., въ суровый зимній день, когда отъ сильной стужи захватывало дыханіе, Карлъ Лиліенфельдъ содержался какъ преступникъ и, хотя за нимъ не было никакой вины, ему не было позволено выходить изъ дома, который сдѣлался для него тюрьмою, въ коей онъ провелъ 13 лѣтъ безъ воздуха и свѣта.

Софія Лиліенфельдъ пріѣхала въ Якутскъ беременная вторымъ ребенкомъ. Предвидя необходимость медицинской помощи, Лиліенфельдъ обратился въ Сенатъ съ просьбою дозволить его женѣ воспользоваться ею, но вслѣдствіе дальности разстоянія и неизбѣжныхъ проволочекъ, ожидаемое разрѣшеніе пришло слишкомъ поздно и несчастной молодой женщинѣ пришлось обойтись безъ помощи врача и акушерки. Мать и ребенокъ остались живы; но слѣдующія строки, записанныя Лиліенфельдомъ на листкѣ, вложенномъ въ Библію, свидѣтельствуютъ о нравственныхъ страданіяхъ, какія онъ испыталъ, видя мученія жены.

„13-го марта 1745 г. Сегодня въ 3 часа ночи родилась наша дочь Марія. Да благословенъ будетъ Господь, благодарю его на колѣняхъ. Софія страшно мучилась въ теченіе пятнадцати часовъ и была близка къ смерти. Когда начались послѣднія муки, наше страданіе не поддается описанію. Помощи не было ни откуда; подлѣ насъ была только старуха Мароа. Я держалъ оледѣнѣвшія руки моей бѣдной, дорогой страдалицы; она была почти безъ чувствъ, первый крикъ ребенка привелъ ее въ сознаніе“.

Это было только начало безконечныхъ страданій, которыя тянулись долгіе годы. Испытанныя Лиліенфельдомъ душевныя муки, которыя ему приходилось, вдобавокъ, скрывать, расшатали въ конецъ его здоровье, и у него обнаруживались явные признаки чахотки; еще въ Петербургѣ, во время слѣдствія, у него началось кровохарканье, его изнуряла лихорадка, поты и сухой кашель по ночамъ. Всѣ эти симптомы серьезнаго недомоганія не тревожили его, онъ не жаловался и по-прежнему только старался поддерживать бодрость духа своей жены.

Пожалѣлъ ли онъ хоть разъ о принесенной имъ жертвѣ? Это осталось его тайной, онъ никогда не жаловался на свое добровольное

заточеніе, которое свело его преждевременно въ могилу. Сильный, здоровый молодой человѣкъ, привыкшій къ воздуху и движенію, онъ былъ обреченъ жить въ Якутскѣ съ семьей и слугами въ трехъ маленькихъ, низкихъ комнатушкахъ, столь тѣсныхъ и загроможденныхъ, что въ нихъ едва можно было двигаться. Но ему ни разу не пришло на мысль бѣжать изъ этого ада, онъ не измѣнилъ обѣту, данному имъ невѣстѣ въ день ихъ свадьбы, въ Зимнемъ дворцѣ, а несчастную Софію Лиліенфельдъ едва-ли можно винить за то, что она не постаралась вернуть мужу свободу и цѣплялась за него какъ за свою единственную поддержку. Она не была рождена героиней.

Прапорщикъ Шкутинъ, надзору котораго были поручены супруги Лиліенфельдъ, обязанный „денно и нощно слѣдить за ними съ величайшей строгостью", былъ человѣкъ, повидимому, добрый и исполнялъ свою обязанность довольно гуманно. Но эта тяжкая обязанность въ концѣ концовъ до того опротивѣла ему, что онъ просилъ смѣнить его. Съ тѣмъ же курьеромъ, съ которымъ была послана его просьба, было препровождено въ Петербургъ прошеніе Лиліенфельда; заботясь о воспитаніи своихъ двухъ дѣтей, онъ не имѣлъ возможности даже выучить грамотѣ, такъ какъ ему не было дозволено имѣть не только книгъ, но даже чернилъ и бумагу, Лиліенфельдъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы его освободили изъ подъ караула и дозволили ему гдѣ бы то ни было въ Сибири опредѣлиться на службу. Просьба эта осталась безъ отвѣта; передъ отъѣздомъ изъ Сибири, Шкутинъ, котораго смѣнилъ поручикъ Борисъ Москалевъ, довелъ до свѣдѣнія Сената о томъ, что здоровье его узника ухудшалось со дня на день.

„Лиліенфельдъ сильно страдаетъ грудью, писалъ онъ, и кашляетъ кровью. Врачъ, приглашенный изъ Камчатской экспедиціи, Илья Гинтеръ, заявилъ, что онъ гибнетъ изъ-за строгихъ предписаній и что его было бы необходимо выпускать время отъ времени на свѣжій воздухъ".

На это точно также не послѣдовало никакого отвѣта. Всѣ послѣдующія донесенія также остались безъ результата.

Призванный къ Лиліенфельду другой врачъ, Вильгельмъ Стенеръ, констатировалъ, что его здоровье быстро разрушалось. У него начали пухнуть ноги и руки. Свидѣтельство, за подписью двухъ врачей, коимъ больному предписывалось движеніе на вольномъ воздухѣ, было снова послано въ Сенатъ, который отвѣтилъ, наконецъ, повелѣніемъ держать Лиліенфельда, согласно первоначальной инструкціи, въ строгомъ заключеніи. Этимъ былъ подписанъ его смертный приговоръ.

Крѣпкій организмъ боролся съ недугомъ еще три года; временное улучшеніе, наступавшее въ его положеніи, давало женѣ Лиліенфельда

нѣкоторую надежду на его выздоровленіе, но самъ больной не заблуждался на счетъ своего состоянія.

Допивая чашу горести до дна, несчастные страдальцы жили послѣдніе годы какой-то странной жизнью, какъ бы въ тяжеломъ непробудномъ снѣ, еще болѣе дорожа другъ другомъ передъ вѣчною разлукою. Времена года смѣнялись въ стѣнахъ тюрьмы незамѣтно для узниковъ, и блѣдные лучи апрѣльскаго солнца, озарившіе убогую постель, на которой угасалъ несчастный страдалецъ послѣ тринадцати лѣтъ добровольнаго заточенія, не могли влить отраду въ его душу, надъ которой уже витала смерть; умирающаго поддерживала только надежда,—увидѣться по ту сторону гроба съ тѣми, кого онъ такъ любилъ въ этомъ мірѣ. Смерть казалась ему избавленіемъ отъ многолѣтнихъ страданій.

Лиліенфельдъ скончался 12-го апрѣля 1759 г., окруженный плачущими дѣтьми и безутѣшной женою, для которой онъ былъ единственной нравственной поддержкой. Грусть, которая охватываетъ при мысли о безвременной кончинѣ этого самоотверженнаго, любящаго семьянина, усугубляется при мысли, что менѣе чѣмъ три года спустя онъ могъ бы получить свободу, когда преемникъ Елисаветы Петровны помиловалъ всѣхъ осужденныхъ 31-го августа 1743 г.

Софія Лиліенфельдъ пережила глубоко любившаго ее мужа. Она возвратилась въ Россію, въ сопровожденіи своихъ дѣтей, рожденныхъ въ ссылкѣ. Это были блѣдныя, хилыя существа, коимъ также суждено было вскорѣ окончить свое существованіе.

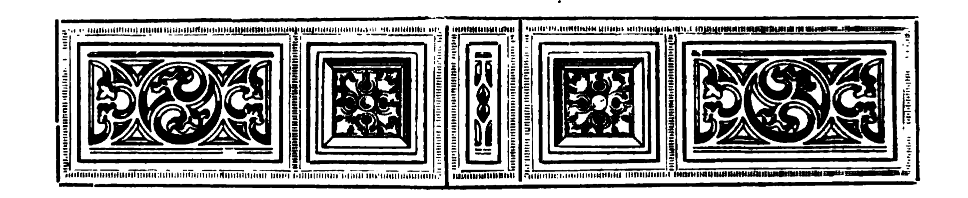
Преждевременно постарѣвшая, утратившая слѣды былой красоты, С В. Лиліенфельдъ чувствовала себя среди прежней обстановки выходцемъ съ того свѣта. Настоящее казалось ей чѣмъ-то призрачнымъ.

Милостивый пріемъ, оказанный ей императрицей Екатериной, не вызвалъ въ ней радости, точно такъ же, какъ свиданіе съ братомъ, который отвернулся отъ нея въ несчастьи и жилъ благополучно.

Единственнымъ желаніемъ истрадавшейся женщины было удалиться въ тѣ мѣста, гдѣ ея мужъ, покоившійся подъ снѣгами Сибири, жилъ такъ спокойно до ихъ злополучной встрѣчи и куда онъ хотѣлъ увезти ее изъ того водоворота интригъ и страстей, въ которомъ они оба погибли.

Ея желаніе исполнилось; разбитая, больная пріѣхала она въ Аддиналь, помѣстье Лиліенфельдовъ на берегу Балтійскаго моря. Подъ кровлей своего мужа, окруженная его родителями и болѣзненными дѣтьми, коихъ онъ ей оставилъ, она доживала свои послѣдніе дни, слѣдя изъ окна своей комнаты за прибоемъ волнъ и за морскимъ просторомъ, который такъ страстно любилъ ея мужъ до своего брака съ нею.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій
подъ Смоленскомъ [1]).

Первая встрѣча московскаго царя съ польскимъ королемъ.

Выдача Шуйскаго съ его братьями гетману Жолкѣвскому.—Доставленіе ихъ подъ Смоленскъ, въ польскій лагерь.—Шуйскіе предъ Сигизмундомъ III.—Объясненіе Жолкѣвскаго съ Филаретомъ Никитичемъ о вывозѣ ихъ къ королю.—Бытъ Шуйскихъ подъ Смоленскомъ и отсылка ихъ въ глубь Польско-литовскаго государства.

Свергнутый съ престола и постриженный въ монашество, Василій Шуйскій возбуждалъ у однихъ—надежду, у другихъ—опасеніе, что онъ можетъ снова воротиться къ власти: низверженіе его было произведено второпяхъ, группой довольно случайной, и сторонники его имѣлись въ разныхъ слояхъ населенія. Подобныя чувства возбуждали также и его братья, исключенные изъ Боярской думы и сидѣвшіе подъ стражей, князья Дмитрій Ивановичъ, женатый на честолюбивой сестрѣ жены Бориса Годунова, бывшій главный воевода московскаго войска, и Иванъ Ивановичъ, бывшій начальникъ стрѣльцовъ. При тогдашней измѣнчивости обстоятельствъ, каждый изъ нихъ могъ послужить предметомъ движенія людей ихъ стороны. Для недруговъ Василія было дѣломъ не одной простой осторожности, чтобы удалить, сдать всѣхъ Шуйскихъ въ такія крѣпкія руки, которыя никоимъ образомъ не выпустили бы ихъ на свободу.

Такимъ лицомъ представлялся тогда стоявшій (съ 24 іюля 1610 г.) подъ Москвой гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій. Вопреки условіямъ

---

[1]) Изъ подготовляемаго нами къ печати обширнаго историческаго изслѣдованія: „Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ". Тамъ будетъ приведена и литература предмета. Документы изданы уже въ приложеніи къ изслѣдованію (томъ II, въ двухъ отдѣльныхъ книгахъ. Варшава, 1901—1902 г.).

своего съ боярами договора (17 авг.) объ избраніи королевича Владислава на царство, онъ старался удалять въ Польшу лицъ, бывшихъ опасными для польскихъ интересовъ. Особенно хотѣлъ онъ этого всей семьѣ Шуйскихъ, добиваясь, чтобы они были выданы ему для Сигизмунда III, который въ свою очередь тайно понуждалъ Жолкѣвскаго поскорѣе захватить Шуйскаго съ братьями и препроводить ихъ въ Польшу.

Противъ выдачи бывшаго государя королю однако рѣшительно стояли патріархъ Гермогенъ и единомышленные съ нимъ бояре. Составъ боярскаго правительства между тѣмъ быстро измѣнялся, пополняясь прежними тушинцами, которые первые бѣжали изъ Тушина къ Сигизмунду на службу и которыхъ онъ теперь изъ-подъ осаждаемаго имъ Смоленска подсылалъ въ Москву въ качествѣ своихъ тайныхъ агентовъ. Боярское правительство дѣлалось уступчивѣе, и Шуйскіе, при порывистой помощи этихъ тушинцевъ, скоро очутились въ рукахъ гетмана, хотя и подъ условіемъ, „чтобы ихъ не вывозить изъ Московскаго царства, только имѣлось въ виду заключить ихъ подъ (польскою) стражей въ какомъ-нибудь укрѣпленіи".

Жолкѣвскій обѣщалъ не вывозить Василія Ивановича изъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, куда отправили его. Монастырь былъ тогда занятъ польскимъ отрядомъ подъ командой Руцкаго. Заключенный царь испытывалъ стѣсненія и получалъ отъ Руцкаго питаніе скудное, едва не умиралъ съ голоду. Князей Дмитрія и Ивана Жолкѣвскій отправилъ въ крѣпость Бѣлую (нынѣ городъ Бѣлый, Смоленской губ.). Бояре настойчиво просили о нихъ, чтобы „они не были допущены къ королю".

Но уже самъ Жолкѣвскій въ своихъ запискахъ такъ характеризовалъ свою московскую политику: „гетманъ, какъ всегда, такъ въ это время, не переставалъ дѣйствовать съ тонкостью, разными уловками". Подъ предлогомъ ускоренія утвержденія Сигизмундомъ договора о Владиславѣ, отъѣзжая къ Смоленску, гетманъ взялъ съ собою много царскихъ сокровищъ. По дорогѣ заѣхалъ онъ въ монастырь Іосифа Волоцкаго, гдѣ томился Василій Ивановичъ. Узникъ былъ въ простомъ черномъ монашескомъ платьѣ; Жолкѣвскій одѣлъ его въ свою одежду „литовскую"; Василій не хотѣлъ этого, но гетманъ поступилъ съ нимъ уже „нравомъ плѣнническаго обычая" и взялъ съ собой. Къ Смоленску доставлялись изъ Бѣлой и князья Дмитрій Ивановичъ съ женой и Иванъ Ивановичъ. Гетману теперь препятствовать тутъ уже никто не могъ [1]).

---

[1]) См. нашу статью „Плѣненіе царя Василія Ивановича Шуйскаго съ братьями", Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1905, майск. кн.; статья эта, съ нѣкоторыми измѣненіями, составитъ первую главу изслѣдованія о Шуйскомъ въ Польшѣ.

Подъ Смоленскомъ, казалось, готовился ему „трудовный вѣнецъ“. У королевскаго лагеря встрѣтили (30 окт.) гетмана полки конные и пѣшіе, во главѣ съ ихъ офицерами и начальниками, сенаторы и чины двора. Отъ имени ихъ всѣхъ привѣтствовалъ его литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга. Съ громкими криками, рукоплесканіями и т. п. выраженіями радости и чествованія блестящая эта толпа проводила Жолкѣвскаго до его ставки. Торжественность и значеніе встрѣчѣ придавало болѣе всего то, что „гетманъ везъ съ собою Василія Шуйскаго, бывшаго монарха всей Московской земли, а теперь плѣннаго“. „Тиранъ“—какъ называлъ Василія папскій нунцій въ Польшѣ—„сидѣлъ въ телѣгѣ, свидѣтельствуя по пути о бѣдствіи, постигшемъ его отечество“.

Шуйскихъ помѣстили въ келіяхъ Троицкаго монастыря, стоявшаго на рѣчкѣ Кловкѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Днѣпръ. Владѣя многими завѣщанными ему вотчинами, монастырь былъ хорошо обстроенъ и былъ извѣстенъ далеко и въ Смоленской землѣ, и въ Литвѣ. При немъ имѣлся Гостинный литовскій дворъ, служившій главнымъ пристанищемъ для литовскихъ купцовъ, привозившихъ сюда свои товары и грузившихъ новые для отправленія къ себѣ. Донынѣ еще видна здѣсь бывшая Кловская пристань для стоянки судовъ, приплывавшихъ по Днѣпру. Во время осады Смоленска Сигизмундомъ, монастырь служилъ для стоянки части польскаго войска. Въ немъ располагался коронный подканцлеръ Щенсный-Крыскій. Вблизи, подъ монастыремъ, находилось московское посольство.

Едва оправился отъ дороги, гетманъ былъ удостоенъ (31 окт.) почетнаго пріема королемъ, въ присутствіи двора, сенаторовъ и воеводъ. Жолкѣвскій краснорѣчиво поздравлялъ Сигизмунда съ трофеями, взятыми въ Московской землѣ, съ лаврами, полученными тамъ; восхваляя доблести войска, онъ поручалъ щедрости короля всѣхъ, кто сопутствовалъ и помогалъ ему въ побѣдахъ. При этомъ, вопреки своему условію съ боярами и вопреки ихъ просьбѣ, онъ представилъ Василія Ивановича съ братьями и передалъ ихъ королю въ качествѣ военно-плѣнныхъ, какъ самый славный трофей.

Въ теченіе своей долгой жизни, полной тревогъ, перемѣнъ и опасностей, Василію много разъ приходилось быть въ необычно трудныхъ положеніяхъ, испытать и ссылку, и заточеніе, не разъ быть и на волосъ отъ смерти. Онъ вынесъ и измѣнчивость счастья и отношеній при Грозномъ и Годуновѣ, и опасныя сцены при Лжедимитріѣ I и въ свое царствованіе. Послѣ своего перваго, неудавшагося заговора свергнуть самозванца, онъ клалъ на плаху свою голову, чтобы мужественно сложить ее передъ народомъ, а затѣмъ, по возвращеніи изъ ссылки, онъ искусно подъ видомъ дружбы провелъ дѣло сверженія и уничтоженія его. Въ свое царствованіе ему случалось уговаривать

разъяренныя группы и толпы, бросаться на силача Ляпунова, требовавшаго отказа отъ престола, или же обращаться чуть не со слезами, чтобы разжалобить бунтующихся. Тонкая хитрость, изворотливость, не всегда дальновидная, то какъ будто женское малодушіе, то порывы отчаяннаго мужества, рѣдкая отвага—все было въ его натурѣ, проявляясь по мѣрѣ различныхъ условій и обстоятельствъ.

Теперь онъ былъ предъ Сигизмундомъ, врагомъ государственнымъ и личнымъ. Въ своей борьбѣ за возстановленіе спокойствія и независимость Московскаго государства и за сохраненіе и упроченіе своего положенія, Василій не могъ держаться той внѣшней системы, какую засталъ при своемъ вступленіи на престолъ. Лжедимитрій, достигшій царства при помощи Польши и Рима, невольно казался подручнымъ сторонникомъ Польши и къ сопернику Сигизмунда, Карлу IX, герцогу зюдерманландскому, занявшему шведскій тронъ, писалъ, чтобы онъ возвратилъ корону Сигизмунду, какъ законному государю Швеціи; Сигизмундъ и во внѣшней политикѣ, и въ личныхъ домогательствахъ слѣпо разсчитывалъ на усердное содѣйствіе Самозванца. Пусть изъ того, что Лжедимитрій наобѣщалъ, многое не могъ, а иное и не хотѣлъ выполнить; но это раскрылось не вдругъ и это не измѣняло сущности положенія. Уничтоженіемъ Лжедимитрія Шуйскій наносилъ рѣзкій ударъ всѣмъ латино-польскимъ мечтамъ и планамъ и силою дальнѣйшихъ обстоятельствъ приводился къ необходимости во взаимной распрѣ дяди и племянника принять сторону перваго, Карла, здѣсь искать себѣ опоры для достиженія своихъ и общегосударственныхъ цѣлей.

Сознавая опасность внѣшнихъ осложненій и еще надѣясь собственными силами справиться съ волненіями и съ непокорными элементами и новыми самозванцами, царь Василій Ивановичъ спачала упорно воздерживался отъ явнаго разрыва съ Сигизмундомъ и отстранялся отъ предложеній Карла, повелѣвая своему воеводѣ сказать бывшимъ уже на границѣ шведскимъ посламъ, что „великому государю нашему помощи никакой ни отъ кого ненадобно, противъ всѣхъ своихъ недруговъ стоять можетъ безъ васъ, и просить помощи ни отъ кого не станетъ, кромѣ Бога". Сигизмундъ, въ свою очередь потерпѣвъ отъ бурнаго движенія („рокоша") противъ него шляхты, во главѣ съ сендомирскимъ воеводой Николаемъ Зебржидовскимъ, Янушемъ Радзивилломъ и др., когда было сомнѣніе, удержится ли за нимъ и польскій престолъ, тоже былъ доволенъ, что дѣло не доходитъ до войны съ Шуйскимъ. Между ними учинилось (25 іюля 1608 г.) почти четырехлѣтнее перемиріе, въ продолженіе котораго они обязались, размѣнявшись плѣнными, не помогать врагамъ одинъ другаго ни людьми, ни деньгами, король обѣщалъ отозвать отъ втораго Лже-

димитрія поляковъ и впредь никакихъ самозванцевъ не поддерживать, отпускаемые Юрій Мнишекъ съ дочерью обязывались—отецъ не называть своимъ зятемъ втораго Лжедимитрія и не выдавать за него своей дочери, Марина—не именоваться московскою царицей.

Условія эти не были выполнены со стороны польской. Выпущенная изъ плѣна, Марина Мнишекъ соединила свою судьбу со вторымъ самозванцемъ, ея отецъ хлопоталъ за нее и въ Тушинѣ, и въ Варшавѣ, польско-литовскіе отряды не только не оставляли Лжедимитрія, но еще увеличивались около него. Войска Шуйскаго, послѣ удачныхъ дѣйствій противъ Болотникова и другихъ, терпѣли уже пораженія. Убѣждаясь въ недостаточности своихъ силъ, Василій послалъ къ королямъ датскому, англійскому и шведскому и къ императору „о обидѣ своей на польскаго короля и на вся измѣнники съ ложнымъ ихъ царемъ, помощи прося". Дѣйствительная подмога не замедлила только отъ непосредственно заинтересованной Швеціи. Обѣ стороны заключили (въ февралѣ 1609 г.) оборонительный союзъ противъ Сигизмунда и его наслѣдниковъ; вспомогательное шведское войско вступало подъ вѣдѣніе Скопина-Шуйскаго. Открывшіяся военныя дѣйствія талантливаго Скопина пошли съ успѣхомъ.

Вмѣсто осуществленія какихъ-либо—религіозныхъ или политическихъ—притязаній на восточной границѣ Сигизмунду сулило это потерей надежды и на шведскую корону и проч. А „въ своей личной шведской политикѣ" и религіозно-католической пропагандѣ онъ, по признанію и польскихъ историковъ, жертвовалъ наиболѣе „жизненными интересами страны", сама „Польша въ рукахъ Сигизмунда III была только удобнымъ орудіемъ для шведско-католической политики". Онъ не замедлилъ двинуться къ Смоленску, ограничившись одобреніемъ его намѣреній частью сенаторовъ и не испросивъ согласія на войну у государственныхъ чиновъ. Чтобы лучше побудить на военныя издержки шляхту, относившуюся подозрительно къ его московскимъ замысламъ, онъ объяснялъ ей въ деклараціи, что „ничто съ этого похода не пойдетъ на пользу королю и его потомству, а все—на пользу государства"; предъ императоромъ и папой выставлялъ цѣлію, помимо расширенія владѣній, умноженіе католической церкви, а осажденныхъ смольнянъ убѣждалъ сдаться, увѣряя, что онъ идетъ для спасенія Московскаго государства и для обороны православной русской вѣры... Папскій нунцій въ Польшѣ завѣрялъ письмомъ въ Римъ (15 окт. 1609 г.), какъ мнѣніе разсудительныхъ людей, что для пріобрѣтенія Московскаго княжества король пришелъ, „имѣя цѣлію славу Божію, увеличеніе значенія католической религіи и общественнаго блага всего католичества", а также, чтобы кто иной изъ стороннихъ не овладѣлъ этимъ государствомъ. Сигизмундъ надѣялся

на скорую сдачу Смоленска, но Смоленскъ, управляемый воеводой Шуйскаго Шеинымъ, съ негодованіемъ отвергъ всѣ предложенія и требованія, замкнулъ ворота и упорно отражалъ осаду (съ половины сентября 1609 г.) цѣлыхъ 20 мѣсяцевъ, удержавъ Сигизмунда отъ дальнѣйшаго движенія во внутрь Россіи.

Когда протянулось почти полгода безуспѣшной осады, изъ Тушина, распадавшагося отъ толчковъ Скопина и отъ опасеній вторженія короля, прибыли къ Сигизмунду отступившіеся отъ Лжедимитрія II бояринъ Михаилъ Салтыковъ и др. съ просьбою дать на царство королевича Владислава. Несмотря на серіозныя ограничительныя условія просьбы, Сигизмундъ довольно скоро заключаетъ (14 февраля 1610 г.) договоръ, соглашаясь, чтобы королевичъ короновался въ Москвѣ „отъ руки патріарха московскаго стародавнымъ обычаемъ" и чтобы православная вѣра „ни въ чемъ не нарушена была". На Жолкѣвскаго возлагалось, двигаясь далѣе съ небольшимъ войскомъ, собрать польско-литовскіе отряды и банды, разсѣвшіеся по Россіи, дать сраженіе Шуйскому, въ случаѣ надобности и Лжедимитрію. Внезапная смерть Скопина, поведшая къ передачѣ главнаго воеводства надъ русско-шведскою ратью нераспорядительному, но надменному князю Дмитрію Шуйскому, и успѣхи Жолкѣвскаго, военныя дарованія котораго прошли чрезъ хорошую школу Баторія, разрушила надежды и царя Василія Ивановича поправить свое положеніе при содѣйствіи шведовъ. Царь по преимуществу олигархической аристократіи, боярства, въ пользу котораго имъ дана была ограничительная запись, онъ, не воплощая въ себѣ царской идеи во всей ея народно-государственной цѣлости, былъ низвергнутъ почти такою же небольшою группой, какъ и возведенъ на престолъ, и постриженный въ монашество тоже особою группою лицъ выдается гетману, который теперь ставитъ его передъ королемъ. Увлеченный успѣхами Жолкѣвскаго, хотя все еще прикованный къ Смоленску, Сигизмундъ не удовлетворяется, что на освободившійся московскій престолъ избираютъ Владислава, хочетъ самъ занять его и по соединеніи подъ своею короною Польши, Литвы и Москвы мечтаетъ общими силами добывать родную ему Швецію.

Предъ Сигизмундомъ Шуйскій стоялъ молча, не давая поклона.

Рюриковичъ, прямой потомокъ Владиміра Святаго, Василій Ивановичъ Шуйскій, происходя отъ старшей линіи владиміро-суздальскихъ князей (отъ князя Андрея, старшаго брата Александра Невскаго), считалъ себя имѣвшимъ родовое преимущество даже предъ царствовавшимъ предъ тѣмъ домомъ московскихъ царей (шедшихъ отъ Даніила, младшаго сына Невскаго). Московскіе же государи, въ собственномъ сознаніи и въ сознаніи далеко не однихъ только своихъ подданныхъ законные наслѣдники всѣхъ бывшихъ владѣній Владиміра

Святаго и Константина Великаго, смотрѣли сверху внизъ на сосѣднихъ государей, шведскаго и литовско-польскаго, не разъ укоряя ихъ, что они не по праву владѣютъ царскою „отчиной и дѣдиной". Московскій царь XVI вѣка считалъ унизительнымъ для себя непосредственно сноситься съ шведскимъ королемъ и „братомъ" не называлъ его, почему договоры съ Швеціей уставлялись въ Новгородѣ новгородскими намѣстниками. Шведскіе Вазы должны были подчиняться сему условію. Даже послы Карла IX къ Шуйскому выслушали, что они напрасно на рубежѣ ждутъ къ себѣ царскихъ пословъ, „государь бы вашъ велѣлъ о посольскомъ съѣздѣ ссылаться съ новгородскими воеводами". Сигизмундъ Ваза, занявшій литовско-польскій престолъ и претендовавшій на утраченный имъ шведскій, не особенно поднялъ себя во мнѣніи московскаго государя. Возможно также, что Шуйскій, видя, что Сигизмундъ принимаетъ его не въ Смоленскѣ, а подъ твердынями города, предполагалъ торжество Сигизмунда еще не обезпеченнымъ и не все еще потеряннымъ для себя.

„Картина позорнаго униженія русскаго царя Василія Шуйскаго, приведеннаго въ Сенатъ Жолкѣвскимъ въ качествѣ плѣнника, одѣтаго въ грубыя одежды, радовала" не однихъ присутствовавшихъ, и учитель Сигизмунда, извѣстный руководитель латино-польскаго движенія іезуитъ Скарга, восторженно изобразилъ ее потомъ, видя въ ней торжество его отчизны и католичества.

Отъ Шуйскаго требуютъ поклониться Сигизмунду. Василій продолжаетъ держать себя съ достоинствомъ, „крѣпко, по выраженію лѣтописи, мужественнымъ своимъ разумомъ напослѣдокъ живота своего даде честь Московскому государству". На требованіе отъ него поклона онъ промолвилъ: „Московскому царю не надлежитъ кланяться королю. То совершилось праведными судьбами Божіими, что приведенъ я въ плѣнъ, но не вашими руками взятъ, а отданъ московскими измѣнниками, своими рабами". Такихъ словъ и отношенія его присутствовавшіе, очевидно, не ожидали. „Король и вся рада-паны удивишася его отвѣту".

Дѣло плѣненія сразу обрисовалось не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ только-что старались выставить его, и торжество должно было, конечно, прекратиться.

По уходѣ всѣхъ, Жолкѣвскій, оставшись одинъ въ частной аудіенціи короля, отдалъ ему отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ въ Московскомъ государствѣ. Щедро оказывая гетману знаки благоволенія при людяхъ, Сигизмундъ не скрылъ теперь своего неудовольствія, что тотъ заключилъ условія объ избраніи Владислава, а не о подчиненіи Москвы прямо ему. Напрасно Жолкѣвскій истощалъ свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить Сигизмунда на сдержанность пока въ требованіяхъ: положеніе и трофеи далеко не такъ блестящи, какъ излагалось въ тор-

жественной рѣчи на представленіи, все очень условно и непрочно, „необходимо завяжется продолжительная война, которой неизвѣстно когда и какой будетъ конецъ“, войско, не получая жалованья, можетъ взбунтоваться и двинуться въ Рѣчь Посполитую „съ требованіемъ отъ нея заслуженной платы“; гетманъ рисовалъ и положительныя, частныя и общія, выгоды, отъ принятія его договора. Но онъ лишь убѣждался, что „уши короля были закрыты для его увѣщаній“.

Чувствительное „огорченіе“ испыталъ онъ и съ другой стороны. Позванный на ближайшее очередное совѣщаніе или конференцію (2-го ноября) Льва Сапѣги съ московскими послами, онъ, согласно съ королевскою волею, сталъ прозрачно поддерживать польскихъ уполномоченныхъ, во многомъ отрекаясь отъ обѣщаній въ своихъ договорныхъ записяхъ. Послы указывали ему на это съ упрекомъ. Онъ не безъ уклончивости изъявлялъ готовность выступить какъ бы въ роли нѣкотораго примирителя, ходатая за нихъ. Послы не скрыли и своего негодованія за его дѣйствія съ Шуйскимъ, особенно митрополитъ Филаретъ Никитичъ, представителъ патріарха Гермогена и вообще церкви.

Желая оправдаться предъ ними, Жолкѣвскій, тотчасъ же по окончаніи конференціи, сказалъ Филарету Никитичу: слышитъ онъ его негодованіе, что бывшаго царя Василія привезъ и что одѣлъ его въ свѣтское платье; взялъ онъ его не по своей волѣ, а по просьбѣ бояръ, чтобы тѣмъ предотвратить смятеніе, которое могло произойти въ народѣ, да и въ Іосифовомъ монастырѣ Василій едва не умиралъ съ голоду; одѣлъ его по-свѣтски потому, что Василій самъ не хотѣлъ быть монахомъ, постригли его неволею, а невольное постриженіе „противно и вашимъ, и нашимъ церковнымъ уставамъ“, это и патріархъ утверждаетъ. Митрополитъ возразилъ: желаніе бояръ было, для отвращенія смятенія, послать Василія за польскою и московскою стражей въ крѣпкіе дальніе монастыри, отосланъ же въ Іосифовъ монастырь по желанію его, гетманову; отвозить въ Польшу не надлежало бы ни Василія, ни его братьевъ, ибо самъ гетманъ далъ слово не вывозить Василія изъ того монастыря и въ договорной записи съ нимъ утверждено, чтобы ни одного человѣка изъ русскихъ людей въ Польшу и Литву не вывозить и не ссылать.

„Ты — укорялъ митрополитъ гетмана—на томъ крестъ цѣловалъ, и то сдѣлалось отъ васъ мимо договора: надобно бояться Бога; разстригать Василія не пригоже, чтобы нашей православной вѣрѣ порухи не было; а если его въ Іосифовомъ монастырѣ, по твоимъ словамъ, не кормили, то въ томъ неправы ваши приставы, что его кормить не велѣли, бояре отдали его на ваши руки“.

Укоры гетману, ни переговоры съ нимъ не могли уже поправить

дѣла Шуйскихъ. Тяжелая дѣйствительность развертывалась относительно ихъ своимъ чередомъ.

Въ день этой конференціи была принята Сигизмундомъ посольская депутація отъ остававшагося въ Москвѣ „рыцарства", пріѣхавшая вмѣстѣ съ Жолкѣвскимъ, чтобы привѣтствовать короля и просить его о милостяхъ и вознагражденіи. Выражая, съ этою цѣлью, отъ имени сего рыцарства вѣрноподданническія королю чувства и желанія дальнѣйшей побѣды надъ „исконными врагами" и обрисовавъ заслуги этой рати на службѣ королю въ побѣдоносной войнѣ, глава депутаціи въ своей рѣчи восклицалъ: „какой гетманъ и какое рыцарство повергали когда-либо подъ ноги королямъ польскимъ, государямъ своимъ, столь цѣнные трофеи своей побѣды? Сдано оружіе, сданы знамена, выданъ гетманъ, выданъ губернаторъ всей земли, отданъ государь со всѣмъ своимъ государствомъ! По истинѣ, первостепенную побѣду даровалъ Господь Богъ нашему народу въ счастливое царствованіе вашего королевскаго величества, нашего милостиваго государя".

Шуйскихъ трактовали уже какъ плѣнныхъ, хотя и почетныхъ, которымъ не обѣщалось ни свободы, ни возврата.

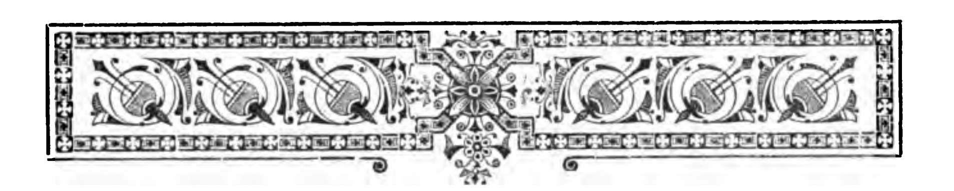
Чтобы наружно оказать бывшему царю вниманіе, ему отъ имени короля переданы были „королевскаго жалованья" небольшая серебряная братина и серебряная ложка. Главный совѣтникъ короля, литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, сосредоточивавшій тогда въ своихъ рукахъ вѣдѣніе московскими дѣлами, „пожаловалъ далъ" Василію серебряный, внутри вызолоченный подстаканникъ и серебряную золоченую ложку; помогавшій Сапѣгѣ, подкоморій панъ Болобанъ далъ тоже ложку серебряную. Могли быть и другіе дары.

Для надсмотра надъ Шуйскими назначили пристава. Это былъ дворцовый чиновникъ Збигневъ Бобровницкій, который потомъ и сопровождалъ ихъ всюду. Своихъ людей—свиты и прислуги—при нихъ имѣлось до 13 человѣкъ. Расходами по содержанію вѣдалъ чиновникъ казны Кожуховскій. Наступило холодное время. Шуйскимъ понакупили сукна, мѣховъ и матерій и разныхъ тканей для стола (всего на 65 рублей) и, снарядивъ, отправили (20-го ноября 1610 г.) ихъ всѣхъ въ Могилевъ, затѣмъ въ Гродно, оттуда повезли въ Варшаву.

Чего-либо отраднаго для себя трудно было ожидать Василію Ивановичу съ братьями въ глуби Литвы и Польши. Сцена выдачи и пребываніе ихъ въ смоленскомъ лагерѣ, повидимому, только еще болѣе усилили непріязнь къ нимъ недалекаго короля. По отправкѣ ихъ изъ-подъ Смоленска, онъ писалъ (10-го декабря), что онъ не долженъ имѣть къ Шуйскому никакого состраданія.

Дм. Цвѣтаевъ.

Записки протоіерея Пѣвницкаго.

I.

Начало священства моего отца.—Отецъ въ качествѣ благочиннаго.—Протоіерей М— ъ и архіепископъ Арсеній. — Мое пребываніе въ семинаріи. — Ректоръ Платонъ.—Іеромонахъ Іеронимъ Геннеръ.

Начну свою біографію ab ovo, что помню, не заботясь о системѣ и украшеніяхъ.

Родился я въ 1831 году 8-го ноября въ селѣ Темиревѣ Елатомскаго уѣзда. О предкахъ своихъ знаю, что въ селѣ Почковѣ Елатомскаго уѣзда жилъ былъ діаконъ Флоръ Семеновъ; у него былъ сынъ Герасимъ, дьячекъ въ томъ селѣ, и отецъ съ сыномъ жили вмѣстѣ. Затѣмъ Герасима поставили въ то же село Почково священникомъ. Герасимъ былъ простой — малограмотный. Будучи дьячкомъ, онъ ничѣмъ не отличался въ жизни отъ мужиковъ. Поэтому, когда повезли его въ Тамбовъ—ставить въ попы, мужики дивились и говорили: „Гараська-то—попомъ у насъ будетъ,—какъ же это мы будемъ у него благословеніе получать"!! Но Гараська пріѣхалъ изъ Тамбова настоящимъ уже отцемъ Герасимомъ и до конца жизни благословлялъ своихъ собратій, и всѣ его любили. Жилъ онъ просто, какъ и мужики, ходилъ лѣтомъ въ рубахѣ, пахалъ самъ землю и все, что нужно по мужицкому быту, исполнялъ самъ.

Случалось такъ, что нужно ему идти въ церковь отслужить вечерню, а онъ съ утра въ полѣ нашетъ и боронуетъ. Оторвется отъ поля, пріѣдетъ вечеркомъ съ сохой или бороной верхомъ на лошади къ церкви, привяжетъ лошадь въ оградѣ церковной, а самъ, въ чемъ былъ и боронилъ—въ храмъ, надѣнетъ ризу церковную и, отслуживъ вечерню, поѣдетъ тутъ же опять въ поле доканчивать свое дѣло. Мѣсто свое онъ при жизни своей уступилъ сыну Матвѣю, а самъ жилъ при сынѣ заштатнымъ священникомъ; сыну своему Матвѣю онъ дѣлалъ одно лишь безпокойство тѣмъ, что любилъ вѣнчать тай-

комъ незаконныя свадьбы. Для этого онъ приходилъ въ избу вечеркомъ, или когда сына не было дома, гдѣ ожидала его брачная пара, которую окружитъ онъ около стола, да благословитъ жить по Божію и дѣлу конецъ. И все это по тогдашней простотѣ сходило съ рукъ и не доходило до начальства. И любили же его за это мужики и бабы.

Матвѣй былъ священникомъ въ селѣ Почковѣ и имѣлъ двухъ дочерей и семь сыновей, изъ которыхъ старшій Георгій былъ мой отецъ. Сыновья всѣ получили образованіе въ Тамбовской семинаріи, учились отлично и были очень даровиты. Старшій изъ нихъ мой отецъ Георгій, кончилъ курсъ семинаріи студентомъ изъ высшихъ по списку и поступилъ въ священники въ село Темирево въ 1828 г. Второй, Адріанъ, по окончаніи семинаріи тоже студентомъ, поступилъ на службу свѣтскую и уѣхалъ съ губернаторомъ Косовичемъ въ Вятку, гдѣ скоро скончался. Много было заботъ и хлопотъ Адріану, чтобы выйти изъ духовнаго сословія. Архіерей Арсеній ни за что не хотѣлъ выпустить его. И только настойчивость Адріана, послѣ многой переписки и при помощи нѣкоторыхъ свѣтскихъ лицъ, напр. доктора Грамбаума, у котораго былъ домашнимъ учителемъ, достигла цѣли къ негодованію Арсенія. Третій, Иванъ, поступилъ въ Московскую академію, какъ первый студентъ Тамбовской семинаріи, и кончилъ тамъ магистромъ, затѣмъ въ 1840 году поступилъ профессоромъ въ Рязанскую семинарію и въ концѣ своей службы на 25-мъ году опредѣленъ инспекторомъ. Всей его службы въ семинаріи было 30 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ пользовался отъ всѣхъ искреннимъ уваженіемъ и любовію, предметъ свой зналъ и преподавалъ прекрасно и въ обращеніи былъ гуманенъ и любвеобиленъ, къ тому же имѣлъ прекрасный даръ слова. Всѣ, кто учился у него или имѣлъ съ нимъ обращеніе и сношеніе, доселѣ помнятъ незабвеннаго Ивана Матвѣевича Сладкопѣвцева. Былъ онъ не карьеристъ, дѣлалъ дѣло и думалъ думу безъ шуму, а потому и прослужилъ скромнымъ труженикомъ 30 лѣтъ, холостякомъ, въ монахи не пошелъ, чтобы быть архіереемъ, изъ духовнаго званія не вышелъ. За то наградъ никакихъ не получилъ отъ начальства: умеръ безъ крестовъ наградныхъ, съ однимъ крестомъ Христовымъ. Подъ конецъ его жизни былъ ревизоръ карьеристъ Сергіевскій въ семинаріи. Не понравился ему Иванъ Матвѣевичъ, какъ человѣкъ самостоятельнаго ума и опыта жизненнаго; и устроилъ ему незаслуженное увольненіе отъ инспекторства къ общему сожалѣнію всѣхъ знавшихъ его рязанцевъ. Ревизоръ Сергіевскій былъ потомъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, Иванъ Матвѣевичъ вскорѣ послѣ отставки умеръ въ 1871 году, не проживъ и 60 лѣтъ при умѣренной и регулярной жизни. Четвертый сынъ, Григорій, дошелъ до

богословскаго класса семинаріи, былъ во всѣхъ классахъ первымъ ученикомъ, назначался какъ лучшій въ академію, но умеръ отъ чахотки. Пятый, Василій, даровитый и атлетическаго здоровья и сложенія, въ философскомъ классѣ заболѣлъ горячкой и сверхъ чаянія умеръ въ семинарской больницѣ отъ отсутствія присмотра за больными. Ночью въ горячечномъ безпамятствѣ Василій имѣлъ полную возможность уйти изъ больницы въ одной рубашкѣ и босой и плутать въ городѣ до утра, пока въ больницѣ о томъ узнали и его разыскали; а дѣло было зимой. Шестой, Петръ, окончилъ курсъ С.-Петербургской академіи магистромъ, служилъ профессоромъ Псковской семинаріи, затѣмъ въ Западномъ краѣ въ одной изъ гимназій учителемъ и теперь въ отставкѣ съ заслуженною пенсіею. Седьмой рано умеръ — это Михаилъ. Предки мои фамиліи не имѣли. Такъ и подписывались, гдѣ подобаетъ, именемъ и отчествомъ только: Флоръ Семеновъ, Герасимъ Флоровъ, Матвѣй Герасимовъ. Когда Матвѣй привезъ сына своего старшаго Георгія въ г. Шацкъ — учиться въ училище, смотритель или, какъ тогда было, ректоръ Агишевскій далъ ему фамилію Грандовъ, съ каковою фамиліею и прошелъ Егоръ училищный курсъ; но при поступленіи въ Тамбовскую семинарію ректоръ, не любившій латинскихъ фамилій, переименовалъ фамилію Егора изъ „Грандова“ въ „Пѣвницкій“, такъ какъ Егоръ имѣлъ хорошій голосъ и былъ пѣвчій. А второму сыну, Адріану, который въ училищѣ прозывался Фортунатовъ, далъ фамилію—„Сладкопѣвцевъ“; эту послѣднюю фамилію усвоили себѣ и всѣ послѣдующіе братья.

Георгій Матвѣевичъ Пѣвницкій прожилъ въ селѣ Темиревѣ около пяти лѣтъ, построилъ порядочный домикъ и устроился во всемъ хорошо. Родилось въ это время у него три сына: старшій Михаилъ, второй я—Викторъ, третій Григорій. Жили мы тихо и благословляли Господа, какъ вдругъ совершенно неожиданно отецъ былъ переведенъ изъ Темирева въ село Трескино Кирсановскаго уѣзда, — болѣе чѣмъ за 200 верстъ. Это роковое извѣстіе, какъ громомъ, поразило насъ. Перебираться изъ родной страны, гдѣ за пять верстъ были Почково— родина отца и село Нестрово — родина матери, и ѣхать въ чужую, далекую, неизвѣстную сторону, съ маленькими дѣтьми, на голое мѣсто, оставивъ благоустроенный домъ и хозяйство,—было страшно тяжело, и тѣмъ болѣе, что ни прогоновъ, ни кормовыхъ и подъемныхъ, при перемѣщеніи, священникамъ не полагалось: переѣзжай на свои послѣдніе гроши, продавай за безцѣнокъ домъ, или такъ оставляй. Въ гнетущей тоскѣ поѣхалъ отецъ въ Тамбовъ—хлопотать объ оставленіи его Темиревѣ, на своей лошаденкѣ съ работникомъ; дорога дальняя—200—300 верстъ. На полпути заболѣла лошадь, поломалась телѣга, и отпустилъ онъ работника съ лошадью назадъ—домой; а самъ

сѣлъ на улицѣ какого-то села на сложенныя бревна, на большой Моршанской дорогѣ, ждать проѣзжихъ въ Тамбовъ и къ нимъ примоститься до Тамбова. Какъ ни хлопоталъ мой отецъ у Тамбовской консисторіи и у архіерея — ничего не выхлопоталъ; пришлось собираться въ дорогу. И какъ ни умолялъ самого владыку — не разорять его съ семействомъ, — грозный Арсеній былъ неумолимъ. Онъ не только не обратилъ никакого вниманія на горькое положеніе; не хотѣлъ помочь тяжелому положенію хоть чѣмъ-либо матеріальнымъ или моральнымъ; онъ строго и непреклонно пригрозилъ даже совершеннымъ лишеніемъ мѣста.

Возвратился отецъ Георгій Матвѣевичъ изъ Тамбова темнѣе ночи, снова всѣ поплакали и слезами облегчили свое горе. Затѣмъ стали собираться въ дальную дорогу — въ terram incognitam. Нѣкоторое утѣшеніе было хоть въ томъ, что на мѣсто Темиревское поступилъ зять, женатый на старшей сестрѣ, который взялъ за себя оставшійся домъ, обѣщаясь за него, что стоитъ, заплатить. Но заплатить ничего не имѣлъ возможности, потому что былъ бѣденъ, это священникъ Марко Васильевъ Добровъ, который впрочемъ скоро и померъ.

Въ селѣ Трескинѣ, куда ѣхалъ отецъ, было нѣсколько семействъ молоканъ; и ему было предписано заняться ихъ обращеніемъ въ православную вѣру. Этою причиною мотивировалъ свое распоряженіе о переводѣ моего отца епископъ Арсеній, который рѣшилъ во что бы то ни стало истребить молоканъ въ епархіи. Молоканъ, конечно, не истребилъ. Они все болѣе размножались и доселѣ процвѣтаютъ въ епархіи.

Пріѣхавъ въ Трескино, отецъ мой помѣщался на квартирѣ у одного крестьянина и жилъ тамъ, пока явилась возможность устроить домъ на своей усадьбѣ. Эту усадьбу долго не очищалъ переведенный въ село Бокино священникъ Егоръ Александровъ Бѣляковъ, человѣкъ пьяный и буйный, который постоянно ругалъ моего отца за то, что пріѣхалъ на его мѣсто, и не хотѣлъ пускать на усадьбу селиться. Этотъ попъ Егоръ стариннаго закала, полуграмотный, изъ дьячковъ, постоянно отравлялъ всякое наше спокойствіе. И ничего съ нимъ нельзя было подѣлать. Братъ его родной былъ священникомъ и благочиннымъ въ томъ же селѣ Трескинѣ, Василій Александровичъ, другой братъ—въ Тамбовѣ священникомъ и членомъ консисторіи, Павелъ Александровичъ Бѣляковы. И вотъ безалаберный попъ Егоръ и свободно безобразничалъ, надѣясь на защиту. Надо было терпѣть и ждать, когда дѣло уладится по доброй воли буяна. Года черезъ два, впрочемъ, такого безпокойства удалось наконецъ устроиться своимъ дешевымъ домишкомъ и вздохнуть свободно на своемъ гнѣздѣ.

Въ новомъ селѣ нужно было начинать снова. Все, что имѣлось

и нажито было въ Темиревѣ, пропало даромъ и ушло на разорительное перемѣщеніе. Семейство стало увеличиваться, и число дѣтей достигло до девяти человѣкъ, которыхъ нужно было воспитывать—кормить и учить. Но Господь былъ видимо милостивъ къ нашему семейству. Оно никогда не оскудѣвало въ средствахъ, и всѣ существенныя нужды удовлетворялись свободно. Жизнь, конечно, была самая скромная, умѣренная, воздержанная отъ всякихъ излишествъ. Мать наша была трудящаяся и экономная хозяйка, все дѣлала въ домѣ своими руками и за всѣмъ слѣдила своими глазами, отъ того все шло въ дѣло и ничто даромъ не пропадало. И прихожане, видя многосемейность отца, не оставляли безъ помощи. Село Трескино въ крѣпостное время отличалось обиліемъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, которые всѣ, при даровомъ крестьянскомъ трудѣ, жили богато и охотно великодушничали. Отецъ мой, имѣя кроткій, миролюбивый и общительный характеръ, былъ ими уважаемъ и любимъ. Они съ удовольствіемъ снабжали его всѣмъ, что нужно было ему въ житейскомъ быту: присылали мужиковъ и бабъ для обработки земли и уборки хлѣба, дровъ изъ своихъ рощъ, всякаго рода зерна изъ своихъ магазиновъ, и плодовъ изъ огородовъ и садовъ. То же дѣлали и нѣкоторые мужики зажиточные, такъ, что у отца въ домѣ было изобиліе. Самъ отецъ хозяйствомъ своимъ мало занимался—все въ домѣ было на рукахъ матери. Да ему и некогда было. Все время его поглощала служба и требы по приходу, который былъ большой и состоялъ изъ многихъ мелкихъ поселковъ и деревень, на порядочномъ другъ отъ друга разстояніи. Бывало—видишь, только-что пріѣхалъ батюшка къ обѣду изъ одной деревни, куда ѣздилъ съ причастіемъ съ утра, какъ является новое требованіе въ другую деревню. Въ 1842 году, по смерти священника сего же села Трескина Василія Александровича Бѣлякова, который былъ благочиннымъ, должность благочиннаго возложена была на моего отца, что̀ еще болѣе отвлекало его отъ дома и хозяйства.

Умершій Бѣляковъ, Василій Александровичъ, былъ авторитетный человѣкъ, но имѣлъ, къ сожалѣнію всѣхъ, тотъ недостатокъ, что пилъ запоемъ, отъ чего и рано умеръ, въ бѣдности оставивъ сиротами жену и дочерей. Незадолго до смерти онъ возведенъ былъ епископомъ Арсеніемъ въ санъ протоіерея, когда еще не имѣлъ никакихъ наградъ, даже набедренника и скуфьи. Это особенно и придавало авторитетности Бѣлякову. Но случилось это такъ: извѣстная помѣщица всему Тамбову Анд—ская, близкая епископу Арсенію и въ него проживавшаяся, устроила новый храмъ въ селѣ Богословкѣ. Освящать храмъ, конечно, пріѣхалъ, нарочно изъ Тамбова самъ Арсеній. Она хотѣла, чтобы при ея церкви въ Богословкѣ священникъ

Іоаннъ Евдокимовичъ Рождественскій былъ непремѣнно протоіерей. Арсеній, конечно, отказать въ этомъ не нашелъ возможности, хоть Рождественскій и былъ къ протоіерейству очень молодъ и не имѣлъ никакихъ наличныхъ правъ, но смущался лишь тѣмъ, что благочинный Бѣляковъ, который и много старше и достойнѣе Рождественскаго; а потому и порѣшилъ убить заразъ двухъ бобровъ. И вотъ при первомъ архіерейскомъ служеніи въ новоосвященномъ храмѣ и посвящены были въ протоіереи юный Рождественскій и мужественный Бѣляковъ, и стали единственными протоіереями среди всего сельскаго духовенства Кирсановскаго уѣзда на диво всѣмъ.

Должность благочиннаго отецъ мой принялъ неохотно. Не разъ намѣревался отказываться. И оставилъ намѣреніе только по уговору другихъ. Опасался онъ частаго непосредственнаго сообщенія и сношенія съ начальствомъ. Онъ хорошо зналъ и чувствовалъ, что чѣмъ дальше отъ начальства, тѣмъ лучше чувствуется. Особенно противна ему была консисторія, гдѣ царило поголовное взяточничество, отъ членовъ и секретаря до послѣдняго сторожа,—взяточничество наглое и дерзкое съ крючкотворствомъ столоначальниковъ и писцовъ и повальнымъ ихъ пьянствомъ. Люди практическіе, искательные и юркіе добивались должности благочиннаго тогда, да и теперь тоже, употребляя для этого всѣ средства, подходящія къ консисторской awклекѣ. Но зато, добившись благочинія, ухитрялись выбирать съ подвѣдомаго духовенства и церквей съ ихъ старостами всѣ свои протори и убытки съ такою лихвою, которая давала имъ полную возможность пріобрѣтать въ консисторіи милыхъ друзей и пріятелей, готовыхъ вытащить ихъ изъ всякаго болота, — жить открыто и хлѣбосольно для всѣхъ нужныхъ имъ людей, — разъѣжать на тройкахъ съ бубенчиками по своимъ округамъ для разнаго сбора и разбора, и получать, не въ примѣръ другимъ, частыя награды за отличія. Такъ славно гремѣли повсюду, какъ мнѣ извѣстно, изъ многихъ благочинные: Акв—новъ, Орловъ и какой-то Авксентій. Сдѣлавшись благочиннымъ, отецъ остался такимъ же скромнымъ и смиреннымъ въ средѣ подвѣдомыхъ ему духовныхъ, какъ прежде; благочиннической отваги и осанки, какую напускали на себя обыкновенно другіе, никто и никогда въ немъ не замѣчалъ. Съ послѣднимъ пономаремъ и церковнымъ сторожемъ онъ всегда по-братски обращался, не говоря уже о священникахъ, которымъ онъ всегда охотно и безкорыстно помогалъ во всѣхъ ихъ затрудненіяхъ и недоумѣніяхъ. Много неумѣлыхъ и неопытныхъ священниковъ пріѣзжало къ нему въ домъ для составленія разныхъ вѣдомостей и отчетовъ по церкви и приходу, и онъ не тяготился учить ихъ и самъ для нихъ считалъ и составлялъ, что нужно и чего они не умѣли. У него они ѣли, пили, ночевали и ничего за это не

платили. Даже положенный издавна взносъ со штата по 12 руб. ассигнаціями благочинному къ новому году для сдачи документовъ въ консисторію не всѣ платили исправно, и онъ стѣснялся имъ объ этомъ напоминать. По своему округу для обозрѣнія церквей онъ проѣзжалъ на подводѣ въ одну лошадь съ телѣгой или санями отъ духовенства по положенію, отъ одного села до другаго перемѣняя подводу, ничѣмъ не стѣсняя въ этомъ духовенство. Тихонько и скромненько пріѣдетъ въ село и, не желая никого безпокоить, остановится въ церковной караулкѣ и займется тутъ дѣломъ, для чего пріѣхалъ. Придетъ священникъ и не скоро уговоритъ его расположиться въ его домѣ. Если же ночью пріѣзжалъ, то въ караулкѣ у сторожа и ночевалъ, приказавъ, чтобы до утра никому о его пріѣздѣ не говорилъ. Самъ живя со всѣми мирно и относясь ко всѣмъ искренне-доброжелательно, онъ старался, чтобы и подвѣдомое ему духовенство жило между собою мирно и не заводило тяжебныхъ дѣлъ въ консисторіи. Самъ примирялъ ссорящихся, самъ разрѣшалъ споры полюбовнымъ соглашеніемъ, вразумляя и убѣждая не доводить дѣло до консисторіи: „тамъ, говорилъ онъ, возьмутъ и съ праваго и съ виноватаго, а дѣла, какъ слѣдуетъ, не разберутъ; вы же останетесь въ одномъ убыткѣ и только накормите сытыхъ пересытыхъ консисторскихъ“. За такой миролюбивый образъ дѣйствій все духовенство его любило. Но консисторія очень недолюбливала. Онъ отбивалъ у нея хлѣбъ, добываемый ею изъ ссоръ, споровъ и кляузныхъ дѣлъ и жалобъ въ духовенствѣ. Поэтому старались держать Трескинскаго благочиннаго въ черномъ тѣлѣ: обхожденіемъ его наградами, порученіемъ ему для разслѣдованія тяжелыхъ и кляузныхъ дѣлъ и многими другими придирками. Отецъ мой не имѣлъ наперснаго креста до 25-ти лѣтъ одной благочиннической службы. Обошли его узаконенною наградою орденомъ св. Анны 3 ст. за 12-ти-лѣтнее благочинническое служеніе по статуту, и дали уже чрезъ нѣсколько лѣтъ позже, и то по особому настоянію протоіерея Москвина, члена консисторіи, академика, который поступилъ въ консисторію изъ законоучителей, и единственный въ консисторіи былъ человѣкъ, не зараженный взяточничествомъ.

Протоіерей Москвинъ былъ въ Тамбовѣ человѣкомъ авторитетнымъ и вліятельнымъ, хотя не по своимъ однимъ достоинствамъ, а болѣе всего потому, что былъ родной и любимый племянникъ епископа Арсенія. При Арсеніи онъ жилъ съ малыхъ лѣтъ, обучался въ Тамбовской семинаріи, учился хорошо и дошелъ до философскаго класса, по окончаніи котораго Арсеній захотѣлъ послать его въ Кіевскую академію, помимо послѣдняго класса семинаріи — богословскаго, для высшаго образованія, и отправилъ его туда съ однимъ изъ лучшихъ студентовъ Тамбовской семинаріи, предназначеннымъ въ академію

семинаріею изъ богословскаго класса. Этому студенту, какъ руководителю, и порученъ былъ Арсеніемъ племянникъ Иванъ Андреевичъ Москвинъ на весь академическій курсъ. Но Иванъ Андреевичъ, какъ не прошедшій въ семинаріи богословскаго класса, оказался незрѣлымъ для усвоенія высшаго академическаго образованія. Но, при помощи дядьки-студента—кажется фамилія его Лысогорскій,—а болѣе всего, конечно, по протекціи дядюшки Арсенія, онъ могъ пройти безпрепятственно академическій курсъ. И снисходительное академическое начальство выпустило его кандидатомъ академіи. Изъ академіи пріѣхалъ онъ въ Тамбовъ подъ крыло своего дядюшки, который опредѣлилъ его учителемъ въ семинарію, женилъ на воспитанницѣ г-жи Анд—ской, обожавшей Арсенія, и поставилъ его въ протоіереи къ церкви Тамбовскаго кадетскаго корпуса, съ порученіемъ ему законоучительства въ этомъ корпусѣ и съ сохраненіемъ при этомъ учительской должности въ семинаріи. Анд—ская дала за своею воспитанницею хорошее приданое; устроила имъ большой домъ въ Тамбовѣ—доходный отъ квартиръ; снабдила ихъ заводскими лошадьми, къ которымъ Иванъ Андреевичъ впослѣдствіи получилъ большое пристрастіе, и завелъ даже у себя маленькій заводъ, ухарски съ дѣтьми разъѣзжалъ по Тамбову на заводскихъ тройкахъ, катаясь для удовольствія. Несчастенъ онъ былъ лишь тѣмъ, что жена у него вскорѣ оказалась больная, не любила никуда выходить изъ дома и о чемъ-то все грустила, и лѣтъ черезъ 15 супружеской жизни умерла въ чахоткѣ, оставивъ мужу на попеченіе дочь и сына. Разсказывали тогда, что воспитанница Анд—ской, выходя замужъ за свѣтскаго Москвина, не думала, что мужъ ея будетъ лицемъ духовнымъ, и когда онъ сталъ лицо духовное, то произошло такое странное явленіе, что Ивана Андреевича вмѣстѣ съ женой никто нигдѣ и никогда не видалъ, и жена стала жить въ домѣ, какъ въ старину, круглый годъ все въ заперти, скучая и грустя. Впрочемъ, такое несчастіе, повидимому, судя по внѣшности, какъ будто не оказывало на Ивана Андреевича никакого сокрушительнаго вліянія. Тѣлесность его была всегда цвѣтущая, здоровая. Лицо было пластической красоты, корпусъ жирный, съ порядочнымъ брюшкомъ. Душою былъ благодушенъ, не вдумчивъ и не задумчивъ. Вообще, былъ человѣкъ благоутробный и ѣлъ аппетитно и спалъ безпробудно; только вина никогда не пилъ, табакъ не курилъ и въ карты не игралъ, и никакихъ компаній, какъ дома, такъ и у другихъ не любилъ. Этому благодушію и благоутробію много способствовало легкое удовлетвореніе его мелкихъ страстишекъ къ лошадямъ, къ деньгамъ и къ почестямъ. Все это доставалось ему безъ труда, безъ заботъ и хлопотъ, какъ бы по волшебному жезлу. Въ семинаріи онъ былъ изъ рукъ вонъ плохимъ учителемъ,

съ самыми жалкими познаніями своего предмета, ученики потѣшались надъ нимъ, хотя и любили его за доброту и простоту обращенія съ ними. Любовь учениковъ ему очень нравилась, и онъ съ удовольствіемъ дозволялъ имъ толпами окружать себя при выходѣ изъ класса и сопровождать себя до дома, со смѣхомъ выслушивая все, что они ему говорили и сплетничали — что знали и слышали, особенно про тогдашнее монашествующее начальство семинаріи.

Въ кадетскомъ корпусѣ онъ былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ: тутъ онъ училъ маленькихъ дѣтей самымъ элементарнымъ познаніямъ и былъ образцовымъ законоучителемъ. Въ Тамбовскомъ корпусѣ учились кадеты только маленькихъ классовъ, приготовительныхъ къ большому корпусу, Воронежскому. Здѣсь Иванъ Андреевичъ прошелъ свою службу съ честью и достоинствомъ, пользуясь уваженіемъ корпуснаго начальства и любовію всѣхъ, и вышелъ оттуда съ полнымъ пенсіономъ, занявъ мѣсто каѳедральнаго протоіерея при соборѣ, по смерти протоіерея Никифора Телятинскаго. Будучи членомъ консисторіи и протоіереемъ собора, онъ былъ еще смотрителемъ духовнаго училища, и, по оставленіи послѣдней должности, сдѣланъ былъ инспекторомъ семинаріи. Награды за отличія онъ получалъ очень быстро; сравнительно молодымъ еще въ средѣ духовенства, онъ, какъ рѣдкое явленіе, имѣлъ орденъ св. Владиміра 3-й степени, который получилъ, прямо, помимо 4-й степени, и, наконецъ, возжелалъ архіерейскаго сана, съ золотою шапкою и панагіею. Для него безпрепятственно и безъ всякой въ томъ нужды было открыто въ Тамбовѣ викаріатство, которое и занялъ Иванъ Андреевичъ Москвинъ, преобразившись предварительно въ архимандрита Іоанникія въ Тамбовѣ, и затѣмъ по поѣздкѣ въ Петербургъ сталъ епископомъ Козловскимъ, викаріемъ Тамбовскимъ. Для жительства въ Тамбовѣ данъ ему домъ, принадлежащій Трегуляеву и Козловскому монастырямъ близъ консисторіи, а въ управленіе и въ пособіе къ содержанію отданъ Троицкій козловскій монастырь. Достигши до апогея величія, онъ мечталъ скоро быть и самостоятельнымъ епископомъ въ Тамбовѣ и даже высказывалъ это по секрету своимъ приближеннымъ. Но homo proponit, sed Deus disponit. И судьбы Божіи неисповѣдимы. Иванъ Андреевичъ былъ человѣкъ, такъ сказать, внѣшній; имѣя много должностей и исполняя тихонько и легконько ихъ требованіе, большею частью, чрезъ руки и головы другихъ, онъ постоянно — каждый день былъ въ пріятномъ развлеченіи и съ удовольствіемъ, послѣ легкихъ трудовъ, пріѣзжалъ домой, съ аппетитомъ кушалъ за обѣдомъ въ часъ или два по полудни и затѣмъ послѣ пріятнаго сна отправлялся кататься на своихъ заводскихъ лошадяхъ.

Сдѣлавшись монахомъ и викарнымъ, онъ принужденъ былъ сидѣть

уже дома, и большею частью безъ дѣла, ибо какое же дѣло можетъ быть у викарнаго епископа въ Тамбовѣ, когда и самостоятельные-то епископы скучаютъ безъ дѣла, которое всегда представляется имъ уже заранѣе обдѣланнымъ, и для развлеченія иные часто принимаются за дѣла безразличныя, а то и вовсе не нужныя. А викарному въ Тамбовѣ и умереть можно отъ скуки и бездѣлья. Быть можетъ, это именно и случилось съ нашимъ викарнымъ Іоанникіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ принялъ онъ великое монашеское постриженіе съ клятвеннымъ отреченіемъ отъ міра и всѣхъ прелестей его, онъ какъ-то вдругъ увялъ, потерялъ цвѣтущій здоровый видъ и полубольной поѣхалъ въ Петербургъ. Тамъ немного поправился и возвратился въ Тамбовъ бодрымъ и веселымъ. Но это продолжалось недолго. Оторванный отъ прежней привычной своей дѣятельности—разнообразной, подвижной и развлекательной, и связанный монашествомъ и архіерействомъ, безъ привычки къ кабинетному дѣлу, и по отсутствію опредѣленнаго ему дѣла, не имѣя возможности покататься открыто, какъ бывало, онъ скоро на первомъ же году архіерейства сильно заскучалъ. „Вотъ оно и архіерейство", часто говаривалъ онъ изъ глубины тоскующаго сердца, „что въ немъ? сиди въ четырехъ стѣнахъ и смотри въ окошко, какъ люди идутъ и гуляютъ, куда хотятъ на просторѣ". Затѣмъ случилась серьезная болѣзнь—карбункулъ, которую такъ лѣчили наши эскулапы, что вмѣсто одного карбункула появилось ихъ на спинѣ больнаго множество. Эта страшная и мучительная болѣзнь и прекратила жизнь Ивана Андреевича Москвина въ 1869 году на 56 году не болѣе. Похоронили его по-архіерейски съ особою торжественностью, при участіи всего духовенства съ епископомъ Ѳеодосіемъ во главѣ въ храмѣ соборномъ въ нижнемъ этажѣ на правой сторонѣ. Много было народа, и много сказано бы рѣчей.

Волшебнымъ жезломъ въ быстромъ возвышеніи и видимомъ благополучіи жизни, такъ печально впрочемъ окончившейся, былъ для Ивана Андреевича во всю его жизнь до смерти дядюшка его епископъ Арсеній. Въ Тамбовѣ онъ его поставилъ и обставилъ съ самаго начала на хорошемъ мѣстѣ весьма прочно, а Иванъ Андреевичъ и самъ имѣлъ великую способность держаться цѣпко и съ тактомъ на прочныхъ мѣстахъ. И хотя Арсеній въ 1841 году и переведенъ былъ въ Каменецъ-Подольскъ, но и оттуда постоянно награждалъ своего племянника богатою милостью, и особенно стали сыпаться эти милости, когда сдѣлался членомъ Св. Синода въ санѣ архіепископа Волынскаго и затѣмъ митрополита Кіевскаго. Ежегодно и не разъ въ годъ присылались на имя Ивана Андреевича отъ Арсенія денежные пакеты всегда въ большой суммѣ — 5 тыс., 10 тыс., 13 тыс., такъ что изъ

этихъ посылокъ однѣхъ составился большой денежный капиталъ. По милости Арсенія никогда не было отказа Ивану Андреевичу ни въ какой наградѣ, и онъ получалъ ихъ быстро и ранѣе всѣхъ. Арсеній сдѣлалъ его и ненужнымъ викаріемъ въ Тамбовѣ, и былъ бы онъ непремѣнно и самостоятельнымъ тамъ епископомъ, если бы смерть подождала хоть одинъ годъ.

По смерти Іоанникія весь огромный капиталъ достался дочери его Надеждѣ Ивановнѣ, какъ единственной наслѣдницѣ, которая, оставшись дѣвицей, жила скромно при своемъ огромномъ богатствѣ, увеличившемся еще нѣкоторою частью наслѣдства изъ оставшагося имущества по смерти дѣда, митрополита Арсенія; она фигурировала въ аристократическомъ обществѣ по части филантропіи. Сынъ, прекрасный молодой человѣкъ, блистательно окончившій семинарію, заболѣлъ чахоткою и умеръ годъ спустя послѣ смерти отца.

Въ консисторіи Иванъ Андреевичъ былъ хоть и малодѣятеленъ и малосвѣдущъ въ дѣлѣ, но и одно то было дорого и полезно, что онъ среди пошлости, грубости, невѣжества и хищничества, хитрости консисторской, свѣтился одинъ, какъ человѣкъ благородный, добрый, безхитростный и совершенно безкорыстный, и этими своими достоинствами стушевывалъ и умѣрялъ рѣзкость консисторскаго безобразія. Онъ, насколько могъ, былъ искреннимъ защитникомъ всѣхъ обиженныхъ и оскорбленныхъ и готовъ былъ сдѣлать всякому добро. Только консисторскіе, пользуясь его добротою и простотою, умѣли его провесть и часто обдѣлывали дѣлишки по-своему. Но все-таки злодѣи въ консисторіи его одного только и побаивались, а добрые на него только надѣялись.

Отецъ мой боялся консисторіи, какъ смертнаго грѣха, и избѣгалъ всячески лично бывать въ ней. Если было какое-либо дѣло до консисторіи, то онъ лучше дойдетъ бывало до дома протоколиста консисторіи, который считался человѣкомъ „сходнымъ", не жаднымъ до большой взятки, дастъ ему два-три рубля, и онъ справится, о чемъ нужно.

Въ началѣ каждаго года неизбѣжно было личное явленіе въ консисторію для сдачи вѣдомостей и отчетности благочиннической. Тутъ приходилось испытать всѣ мытарства: въ архіерейской пріемной у келейниковъ и письмоводителя,—въ канцеляріи у сторожей и писцовъ консисторскихъ. Всѣ эти лица поздравляли отца благочиннаго съ новымъ годомъ и жадно смотрѣли ему въ глаза. Непремѣнно надо всѣмъ давать и давать. Иначе не было ходу впередъ. Отдѣлавшись деньгой по рангу отъ мелкихъ троглодитовъ, нужно было подступать къ крупнымъ. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ, напримѣръ, секретарю, экспедиціонному члену и столоначальнику, отецъ ходилъ

на домъ. Секретарю давалъ золотой, столоначальнику платилъ много болѣе лично, и на весь столъ члену по менѣе всѣхъ. Отецъ платилъ деньгами, гусями, индѣйками и утками, но его дарами довольны не были. Отецъ это видѣлъ, приходилъ домой крайне утомленный и физически и нравственно, но дать больше не могъ, потому что истрачивалъ на эти расходы много своихъ кровныхъ денегъ за недостаткомъ обычныхъ сборовъ на это съ духовенства. „Былъ я у секретаря“, помню—говорилъ онъ намъ, дѣтямъ, „были у него другіе благочинные. Секретарь угощеніе — чай и закуску съ выпивкой устроилъ, всѣ весело провели время. Слышу, другіе благочинные тихо говорятъ между собою, что надо еще дать, хорошо угостилъ. Они уже при приходѣ, какъ и я, дали ему по золотому. Когда стали уходить, дали еще по золотому, но я воздержался“. Секретарь этотъ— Кашкаровъ, жилъ роскошно, гостепріимно и любилъ покушать. Онъ самъ говорилъ, что когда онъ сталъ принимать благочинныхъ на дому и угощать ихъ, доходъ его съ нихъ удвоился — получалъ онъ три тысячи, а теперь шесть... Нельзя было отцу моему быть щедрымъ къ консисторскимъ троглодитамъ и давать лишній золотой секретарю Кашкарову за стаканъ чаю и рюмку вина. Щедрые на это благочинные умѣли свои золотые возвращать съ лихвою изъ своего благочинія, а отецъ мой на это не имѣлъ способности, да и большая семья тому мѣшала.

Между тѣмъ подросли сыновья и ихъ сразу четырехъ приходилось содержать въ Тамбовѣ въ семинаріи и училищѣ. Ученическое содержаніе наше было самое скромное: щи съ мясомъ и каша съ масломъ, постомъ безъ мяса и съ конопляныиъ масломъ; чаю намъ не полагалось, а вмѣсто его краюха чернаго хлѣба. Одежда была: лѣтомъ— халатъ нанковый и для дождя чекмень или чуйка изъ толстаго самодѣльнаго сукна синяго или чернаго; зимой — овчинный тулупъ, нагольный или крытый крашениной изъ холста посконнаго. Обувь — сапоги личные, смазываемые дегтемъ, и валеные сапоги или валенки безъ голенищъ. Въ этой одеждѣ ходили мы въ классы, а дома въ рубашкахъ и портахъ, опоясавшись тоненькимъ поясомъ изъ тесьмы, лѣтомъ ходили босикомъ. Въ старшихъ классахъ ходили мы уже въ сюртукахъ нанковыхъ, или суконныхъ тонкаго хорошаго сукна съ триковыми брюками навыпускъ, въ смазныхъ сапогахъ даже со скрипомъ, въ шинеляхъ и пальто. Дома же одѣвались въ халаты-шлафроки изъ ситца съ цвѣтами. Тогдашнее воспитаніе было суровое. Учили насъ мало, но много мучили, особенно сѣченіемъ розгами, въ которомъ и ставили все свое педагогическое искусство. Особенно глубокую память оставили въ своихъ ученикахъ своимъ артистическимъ сѣченіемъ Николай Надеждинъ, Александръ Ив. Колчевъ и Васи-

лій Ив. Кобяковъ. Способные и прилежные ученики хорошо учились и вели себя и безъ розгъ, но малоспособныхъ и лѣнивыхъ, особенно при отсутствіи толковаго обученія, и при одномъ только задаваніи уроковъ по книжкѣ, отъ сихъ и до сихъ на зубрежку, со стороны учителей не только не побуждали лучше учиться, но еще болѣе отупляли и ожесточали всѣ бывшія въ ходу тогда варварскія наказанія. Трепанье за виски и уши, битье по щекамъ и головѣ ладонью и кулакомъ, удары линейкой по ладонямъ и сѣченіе розгами въ классѣ на полу, — все было въ ходу.

Засѣлъ у меня на памяти одинъ изъ сѣкуторовъ Петръ Колчевъ еще въ первомъ классѣ училища. Засѣлъ потому, что его руками я былъ высѣченъ легонько, потому что Колчевъ имѣлъ ко мнѣ почему-то расположеніе,—это оставило во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе—горькое. Я счелъ его совершенно напраснымъ. И произошло оно какъ-то случайно, неожиданно. Былъ въ училищѣ учитель какой-то родственникъ дальній моего отца, Григорій Семеновичъ Смирновъ. Зашелъ онъ почему-то въ первый классъ, гдѣ я учился. Обратилъ вниманіе на меня какъ родственника, посмотрѣлъ мою тетрадь, по которой я учился писать; нашелъ, что я пишу плохо, и велѣлъ тутъ же меня высѣчь. И, отдавъ мнѣ этотъ родственный долгъ, сейчасъ же и ушелъ, оставивъ меня въ слезахъ и въ большомъ негодованіи. Послѣ никогда не приходилось мнѣ съ нимъ сталкиваться во все мое ученіе, но почему-то доселѣ живетъ во мнѣ къ этому человѣку невольная антипатія. Этотъ Смирновъ былъ священникомъ въ Тамбовскомъ женскомъ монастырѣ, а потомъ архимандритомъ (Геннадій) въ Трегуляевѣ. Все это въ училищѣ, гдѣ я учился старательно, во всѣхъ классахъ, числился въ числѣ лучшихъ учениковъ, и страшно боялся сѣченія, и прошелъ безъ сѣченія весь училищный курсъ, если бы не этотъ проклятый случай.

Ученье въ семинаріи было лучше и жизнь поблагороднѣе; перешедшіе въ нее такъ и говорили про себя тогда, что они уже въ благородномъ классѣ. Перешелъ я въ семинарію изъ училища въ 1846 году и поступилъ въ 3-е отдѣленіе класса реторики.

При поступленіи въ семинарію я очень боялся, какъ-бы не пришлось мнѣ учиться во второмъ отдѣленіи реторики, у знаменитаго въ своемъ родѣ Павла Ивановича Остроумова, бывшаго тогда профессоромъ реторики и секретаремъ семинарскаго правленія. Онъ имѣлъ въ семинаріи большую силу, не безопасную. Человѣкъ былъ умный, но льстиво-хитрый; умѣлъ извлекать особый доходецъ изъ своихъ должностей. При распредѣленіи учениковъ, изъ разныхъ училищъ поступавшихъ въ семинарію, по тремъ отдѣленіямъ реторики, онъ обыкновенно устраивалъ такъ, что большая часть дѣтей протоіерей-

скихъ, благочиннических и всѣхъ болѣе или менѣе зажиточныхъ родителей всегда оказывались въ его второмъ отдѣленіи. И онъ искусно эксплоатировалъ это обстоятельство такъ, что обезпечивалъ себя достаточно въ средствахъ жизни на богатую ногу. Всякій богатый шелопай, учась въ его отдѣленіи, шелъ выше другихъ, и даже тупица и бездарный свободно переходилъ въ высшіе классы, а другіе при другомъ условіи или оставлялись или увольнялись. Многихъ онъ проводилъ цѣлый курсъ семинарскій до благополучнаго окончанія изъ такого сорта учениковъ, которые давно были бы исключены изъ перваго класса семинаріи по своей закоренѣлой лѣности, тупости и безуспѣшности, за это онъ пользовался отъ благодарныхъ отцовъ подобающимъ возмездіемъ и деньгами и натурой. Онъ напр. всегда имѣлъ лошадей, и все даровыхъ. Былъ даже такой случай, что Павелъ Ивановичъ протащилъ весь курсъ одного ученика-бѣдняка, обладавшаго большимъ ростомъ и физическою крѣпкою силою, помѣстивъ его въ своей кухнѣ въ качествѣ дворника, который у него рубилъ дрова, таскалъ воду, топилъ печи и носилъ съ базара на своихъ атлетическихъ плечахъ тяжелые мѣшки съ покупками. Учиться онъ не имѣлъ возможности и даже рѣдко посѣщалъ классы. Окончивъ такими путями курсъ семинарскаго ученія, онъ поступилъ діакономъ въ г. Козловъ, запасшись въ семинаріи только однимъ голосищемъ.

Всѣ профессоры были люди умные и добрые, съ подобающею солидностію внѣшнею и съ великодушіемъ внутреннимъ. Правда, нѣкоторые дозволяли себѣ кутнуть порядочно; но пить-то они пили, да дѣло разумѣли. Всѣ ученики ихъ любили и уважали, за то именно, что они искренно желали и добивались, чтобы ихъ преподаваніе принесло дѣйствительную пользу. Да будетъ вѣчная память этимъ умнымъ и добрымъ наставникамъ! Имъ мы обязаны своимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ и надлежащимъ знаніемъ, тѣмъ болѣе, что тогдашнее монашествующее начальство семинаріи было не на высотѣ своего положенія. Ректоръ хромоногій архимандритъ Адріанъ и инспекторъ архимандритъ Лаврентій до того были скудны и по внутреннему содержанію, и по внѣшнему складу, и образу дѣйствій, что дивиться нужно, какъ попали они на должности, которыя для нихъ совершенно были не по плечу. Надъ малоуміемъ ихъ и странными дѣйствіями ходило много забавныхъ анекдотовъ. Ученики надъ ними смѣялись, а наставники сокрушались. Однакожъ они не мало лѣтъ управляли семинаріею, покуда не надумались убрать ихъ въ свои мѣста—монастыри. Съ уходомъ ихъ управленіе попало въ руки двухъ молодыхъ іеромонаховъ — однокашниковъ по Московской академіи—Макарія и Авраамія. Они были люди добрые и не глупые, особенно первый, который могъ бы быть хорошимъ ректоромъ и пойти

далѣе, но въ монашество они вступили какъ-то безсознательно, будучи еще студентами—учениками академіи, увлекшись одною туманною мыслію о блестящей будущности, не на небѣ конечно, а на землѣ. Изъ академіи тотчасъ же по окончаніи прислали этихъ юношей-монаховъ въ нашу семинарію—Макарія прямо инспекторомъ, а Авраамія профессоромъ. Жили они между собою по-пріятельски и были всегда неразлучны. Какъ люди молодые, съ избыткомъ силъ и здоровья, съ кипучими страстями, которымъ монашество вовсе было не къ лицу, они съ самаго начала зажили не по-монашески, стали покучивать и свое дѣло изъ рукъ упустили. На бѣду семинаріи Макарію, за долгимъ неприбытіемъ новаго ректора, поручена была для исправленія его должность, а Авраамію—должность инспектора. Много было въ это время неладнаго въ семинаріи. Но благодаря хорошимъ профессорамъ учебная часть стояла прочно; управленіе же экономію поддерживали: секретарь Павелъ Ивановичъ Остроумовъ, о которомъ была уже рѣчь впереди, и тоже знаменитый въ своемъ родѣ эксплоататоръ семинарской бурсы, давнишній и много лѣтъ служившій въ семинаріи, экономъ Степанъ Абрамовичъ Березнеговскій. Онъ былъ еще священникомъ при церкви общественной больницы; былъ у него зять въ Тамбовѣ—докторъ Николаевъ. Разсказывали, что какъ только начиналась какая постройка въ семинаріи или ремонтъ, непремѣнно то же происходило и у доктора Николаева, который оставилъ въ Тамбовѣ своему семейству огромные дома на Большой улицѣ... Макарій и Авраамій, какъ вмѣстѣ въ одно время и взяты были изъ семинаріи, и для обновленія и поправленія своего расшатаннаго состоянія, размѣщены врозь и съ повышеніемъ: Макарій въ инспектора Казанской академіи, а Авраамій въ инспектора семинаріи Симбирской. И оба до архіерейства не дошли.

Былъ я въ реторикѣ уже на второмъ годѣ, когда въ нашу семинарію поступилъ ректоромъ архимандритъ Платонъ. На первый разъ, осматривая учениковъ по классамъ, онъ показался намъ величественнымъ и грознымъ. Всѣ ждали, что изъ него выйдетъ. Время показало, что онъ принесъ и оставилъ много добраго и полезнаго въ семинаріи. Человѣкъ онъ былъ умный, ученый и добрый—мягкосердечный, но вспыльчивый. Ученики его боялись, но при этомъ всѣ были къ нему расположены за его серьезное, строгое, но сердечное отношеніе къ нимъ. Управленіе семинаріею онъ крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ, и самъ зорко слѣдилъ за всѣмъ. Это былъ полновластный господинъ и хозяинъ въ семинаріи. Боялись его не одни ученики; побаивались и инспекторъ и всѣ наставники, и держали себя передъ нимъ въ струнку. Ректоръ Платонъ благополучно и съ честію прослужилъ въ Тамбовской семинаріи около семи лѣтъ, достигъ архіерейства и умеръ въ Костромѣ въ санѣ архіепископа костромскаго.

*

Во время Платонова управленія Тамбовской семинаріею поступилъ въ нашу семинарію наставникомъ по церковной исторіи удивительный іеромонахъ Іеронимъ, по фамиліи Гепнеръ, человѣкъ темнаго происхожденія и самъ очень темный въ своей жизни. Учился онъ въ Дерптскомъ университетѣ, зналъ нѣмецкій и французскій языки и хорошо говорилъ на нихъ; похожъ былъ на поляка и выглядѣлъ чистокровнымъ іезуитомъ. По неудачамъ въ жизни свѣтской, онъ задумалъ составить себѣ карьеру въ монашествѣ, благо это тогда и нынѣ было и есть самое удобное. Для этого подбился онъ къ знаменитому Иннокентію архіепископу и при его содѣйствіи окончилъ курсъ богословскій въ Кіевской академіи, принявъ монашеское постриженіе. И вотъ въ такихъ аттрибутахъ и оказался въ нашей семинаріи феноменъ замѣчательной безнравственности. Въ іеромонахѣ Іеронимѣ не только не было ничего священномонашескаго, но не было почти ничего и просто человѣческаго. Онъ былъ: и атеистъ, и матеріалистъ, и индефферентистъ, и грязный циникъ, умѣвшій скрыть эту черноту, гдѣ нужно, іезуитскою маскою, и пустить, гдѣ нужно въ ходъ, съ іезуитскою ловкостію. Начальство не могло скоро его распознать. Онъ лицемѣрилъ и хитрилъ передъ нимъ увлекательно и низкопоклонничалъ ему и лобызалъ руки его обаятельно. Ученики скорѣе всѣхъ его поняли и узнали въ немъ волка въ овечьей шкурѣ. Науку свою—исторію церкви, онъ не преподавалъ, а болталъ разныя побасенки, развращающія понятія учениковъ, и открыто въ классѣ глумился надъ всѣмъ священнымъ, церковнымъ и нравственнымъ, а въ частныхъ сношеніяхъ съ учениками его балагурству и болтовнѣ, всегда антирелигіозной, безнравственной, циничной, не было предѣла и никакого удержу. Службу въ храмѣ совершалъ онъ съ возмутительною театральною позировкою, гнусливымъ голосомъ растягивалъ неестественно возгласы, декламировалъ въ слухъ тайныя молитвы священника, картинно воздѣвалъ руки и распростирался при земныхъ поклонахъ и тѣмъ, особенно сначала, производилъ на всѣхъ учениковъ забавное изумленіе... Въ городѣ въ Тезиковой улицѣ онъ посѣщалъ женщину, которой выстроилъ домикъ, и всѣ въ городѣ и семинаристы такъ и звали ее Іеронимша; и это названіе осталось за ней навсегда... Какъ ни низокъ былъ Іеронимъ, но—удивительное дѣло, ни ректоръ Платонъ, ни вновь поступившій инспекторъ іеромонахъ Димитрій какъ-бы и не замѣчали этой его низости. Думается, что кромѣ іезуитскаго искусства, которымъ Іеронимъ ихъ обвораживалъ, тутъ много значило еще обаяніе Иннокентіевой протекціи къ Іерониму. Платонъ поручилъ даже должность помощника инспектора Іерониму, а Димитрій со временемъ все тѣснѣе и тѣснѣе сближался съ нимъ и сталъ его другомъ и единомышленникомъ. Это сближеніе для

молодаго инспектора Димитрія, прямо изъ-за академической скамейки поступившаго въ блюстители нравственности нашей въ семинаріи, и малозрѣлаго и неопытнаго юноши - монаха, такъ было губительно, что этотъ Димитрій, подъ вліяніемъ злодѣйскаго духа Іеронима, скоро сдѣлался пренегоднымъ инспекторомъ, котораго ненавидѣли всѣ ученики, развратникомъ и пьяницей, отъ чего впослѣдствіи впалъ въ сумасшествіе и умеръ преждевременно еще въ ранней молодости, въ Томскѣ или Тобольскѣ, кажется... Да, достойно особаго замѣчанія то, что злохитрый Іеронимъ сумѣлъ обворожить ректора Платона и развратить молодаго монаха, инспектора Димитрія, но у учениковъ семинаріи, какъ ни добивался ихъ расположенія и нужной ему популярности и близости къ нимъ, ничего не заслужилъ, кромѣ ненависти, презрѣнія и отвращенія. Они скоро своимъ юношески свѣжимъ и чуткимъ сердцемъ проникли въ его злохудожную душу и оцѣнили по достоинству всѣ его откровенныя съ ними слова и бесѣды, проникнутыя грубымъ цинизмомъ и безнравственностію, и поняли весь его іезуитскій образъ дѣйствій. Поэтому Іеронимъ не оказалъ на нихъ никакого развращающаго вліянія. Напротивъ, сталъ даже потѣшнымъ и забавнымъ человѣкомъ, о причудахъ котораго они всѣмъ разсказывали на разные лады, вездѣ протрубили его какъ „притчу во языцехъ", какъ язву семинаріи. Когда Іеронимъ убѣдился въ такомъ отношеніи къ нему семинаристовъ, онъ вдругъ, какъ хамелеонъ, изъ лицемѣрнаго ихъ друга превратился въ злобнаго врага и съ яростію сталъ всячески ихъ преслѣдовать и тѣснить. Особенно разыгралась его злоба, когда онъ сдѣланъ былъ помощникомъ инспектора и забралъ въ свои лапы неопытнаго инспектора, Димитрія. Тутъ онъ пустилъ въ ходъ всѣ свои іезуитскія средства и вмѣстѣ съ переработаннымъ имъ Димитріемъ съ рвеніемъ бросились на ловлю учениковъ, какъ завзятые охотники на охоту, ловили и правыхъ и виноватыхъ и съ наслажденіемъ забирали ихъ въ карцеры, затѣмъ производили надъ ними инквизиціонный, съ подобающими пытками, судъ, на которомъ выпытывали все, что имъ хотѣлось, и что давало имъ поводъ притянуть къ инквизиціи другихъ ими нелюбимыхъ, или въ чемъ-либо подозрѣваемыхъ.

Въ это злосчастное время много пришлось потерпѣть ученикамъ даровитымъ и честнымъ за то только, что они хорошо понимали низкія душенки Іеронима и Дмитрія и никакъ не могли имъ идолопоклонничать. Только въ ректорѣ Платонѣ и находили они свою защиту. Онъ всѣхъ хорошихъ учениковъ бралъ подъ свою защиту отъ этихъ двухъ борзыхъ собакъ и своею властію усмирялъ ихъ ярость звѣрскую. Въ этой надеждѣ на Платона и не боялись много, а иные даже смѣло имъ и противодѣйствовали по возможности. Я и братъ Михаилъ

благополучно дошли до богословскаго класса и въ этомъ классѣ учились богословію у самого Платона. Какъ ученики перваго разряда мы, какъ и другіе, Платоновы ученики, считали себя обезпеченными отъ козней Іеронима, и при встрѣчахъ и обращеніяхъ съ нимъ держали себя свободно, безъ страха, безъ подобрастія. Этого уже было довольно для Ерошки, какъ всѣ начали его тогда звать, чтобы возненавидѣть насъ. На бѣду нашу я и братъ были старшими поуличными, которые, по тогдашнимъ семинарскимъ правиламъ, были ближайшими надзирателями надъ квартирными учениками, обязанными рапортовать ежедневно инспектору, все ли благополучно. Вотъ тутъ-то іезуитскій нюхъ Ерошки и уловилъ насъ, чрезъ своихъ шпіоновъ, въ какихъ-то неисправностяхъ, раздулъ ихъ предъ инспекторомъ и ректоромъ, и насъ лишили старшинства и посадили на ночь въ разные карцеры, куда товарищи, несмотря на запоры, приходили насъ утѣшать и приносили кренделей. Ерошка торжествовалъ и грозилъ, особенно мнѣ, еще бо́льшимъ. Что было дѣлать? Опасно было то, что іезуитъ ухитрится обозлить противъ меня Платона. Вотъ съ помощію Божіею я надумался написать Платону апологію и въ ней изложить чистую правду. Помню—писалъ съ особеннымъ напряженіемъ ума и чувства. Эта-то апологія такъ подѣйствовала на умную и добрую душу Платона, что онъ съ радушіемъ принялъ меня, успокоилъ отъ напраснаго страха и объявилъ мнѣ, что назначаетъ меня въ академію, и для свободной подготовки освободилъ меня отъ хожденія въ классъ на уроки. Это было въ маѣ 1852 года.

II.

Епископъ Николай. — Его поѣздки по епархіи. — Протодіаконъ Савушка.— Ключарь Телятинскій.—Отправленіе въ Казанскую духовную академію.

15-го іюля 1852 года я и братъ окончили семинарскій курсъ; братъ поступилъ священникомъ въ Грачевку, а я прибылъ въ Казанскую духовную академію.

Съ выбытіемъ изъ семинаріи на свои хлѣба трехъ сыновей, отецъ вздохнулъ свободнѣе. Надежда на трехъ сыновей ободряла его. Консисторія за долгое терпѣніе наградила его наконецъ скуфьею, хотя при полученіи ея онъ очень много потратился на консисторію, въ которую нужно было являться лично и одарять деньгами щедрѣе, въ надеждѣ на скорую награду за это въ будущемъ камилавкою. Но щедрая оплата скуфьи не послужила къ скорой наградѣ камилавкою.

Консисторія не давала ему долго, пропустивъ въ многіе сроки, потому что для этого нужно было дѣлать предварительные подходы къ нужнымъ людямъ и дать задатки знаменитому въ то время промышленнику по части наградной Андрею Ивановичу Лебедеву, помощнику секретаря, который, въ случаѣ полученій, держалъ присланныя награды у себя въ столѣ до тѣхъ поръ, пока не явится самъ награжденный за полученіемъ.

Во все время, пока я учился въ Тамбовѣ—въ училищѣ и въ семинаріи, и затѣмъ въ Казани—въ академіи, тамбовскимъ епископомъ былъ Николай. Поступилъ онъ въ Тамбовъ изъ С.-Петербургской академіи, въ которой былъ ректоромъ. Человѣкъ большаго ума и добраго сердца, хотя по виду и былъ невзраченъ, дуренъ лицемъ и малъ ростомъ. Въ первые годы своего служенія онъ былъ дѣятельнымъ по управленію. Хорошо составлялъ и говорилъ часто проповѣди, которыя поражали глубиною содержанія и простотою изложенія. Въ бесѣдахъ и разговорахъ не былъ многорѣчивъ; но говорилъ кратко, отрывочно и всегда мѣтко, логично и остро. Богословскую науку, которую онъ преподавалъ въ академіи, зналъ основательно и былъ по этой части многосвѣдущъ. Когда онъ бывалъ на экзаменахъ въ семинаріи, то своими вопросами и возраженіями часто ставилъ въ тупикъ, не говоря объ ученикахъ, и профессоровъ, и ректора. Задавая вопросъ ученику, онъ непремѣнно для разрѣшенія его втянетъ въ него профессора и ректора, и начнетъ отрывистыми словами, мѣтко и логично обрывать ихъ отвѣты, пока не доведетъ всѣхъ до молчанія. Мы, ученики, смотрѣли на него, какъ на мудреца, и дивились его уму. За умъ прославляло его и все духовенство въ епархіи... Но умъ-то, положимъ, и былъ великъ у епископа Николая, только управленіе его епархіею было неумѣлое, слабое и распущенное; особенно это стало замѣтно и росло далѣе до конца его служенія, года черезъ три-четыре, когда онъ вызванъ былъ на годъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ, куда не хотѣлось ѣхать, и оттуда черезъ годъ возвратился. Провожая въ Петербургъ, его видѣли плачущимъ, и прощальную проповѣдь онъ говорилъ въ храмѣ съ неудержимымъ плачемъ, и по возвращеніи оттуда не видѣли его никогда веселымъ; онъ чѣмъ-то былъ удрученъ и оскорбленъ, и становился далѣе и болѣе въ своей жизни въ Тамбовѣ апатичнымъ. Говорили, что въ Синодѣ онъ имѣлъ столкновеніе со всесильнымъ тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ графомъ Протасовымъ, генераломъ николаевскимъ, который поступалъ со всѣми въ Синодѣ по военной командѣ, и Николай, какъ присутствующій въ Синодѣ, по своей логической прямотѣ, дозволялъ себѣ иногда и обрывать. Ну вотъ и отпустили его изъ Синода ни съ чѣмъ, безъ повышенія и награды, вопреки обычаю, и такъ ничѣмъ и не

награждали его до конца жизни, оставивъ въ невниманіи... Духовенство любило Николая за его великодушіе и непридирчивость къ нему, а особенно за то, что онъ былъ сердоболенъ къ сиротамъ. За сиротами онъ всегда охотно зачислялъ отцовскія и родственниковъ мѣста, и обязывалъ семинаристовъ на сиротахъ-невѣстахъ жениться. Безъ взятія сироты-невѣсты никто почти не получалъ у него мѣста. Особенно сердоболенъ былъ къ своей роднѣ, которая привалила къ нему изъ другихъ губерній въ большомъ количествѣ и надѣлала ему много безпокойства. Персоналъ дѣвичій — разныхъ племянницъ онъ размѣстилъ по священническимъ мѣстамъ, на нѣкоторыя поступали семинаристы и даже академисты, женившись на нихъ обязательно; мѣста эти были всѣ изъ лучшихъ, большею частію въ Тамбовѣ. Прибылъ къ нему и родной отецъ-дьячекъ, котораго онъ помѣстилъ на жительство у себя, въ Казанскомъ монастырѣ при архіерейскомъ домѣ, и чтобы ему не было скучно, сдѣлалъ его протоіереемъ, въ каковомъ санѣ онъ и служилъ съ монахами, торжественно и во главѣ, всенощныя и обѣдни... Отецъ архіерейскій былъ у духовенства persona grata. Къ нему обращались съ разными ходатайствами просители и непремѣнно получали нужныя милости отъ владыки-сына, если только отецъ располагался за нихъ ходатайствовать. Расположеніе же это духовенство умѣло всегда пріобрѣтать хорошимъ предварительнымъ угощеніемъ, такъ какъ отецъ архіерейскій очень неравнодушенъ къ угощеніямъ и мастеръ былъ выпить по-старинному. Было тутъ немало злоупотребленій. Но Николай смотрѣлъ на это сквозь пальцы. Да скоро онъ сталъ смотрѣть такъ и на все, его окружающее, и на всѣхъ, около его дѣйствовавшихъ.

Весь штатный и нештатный персоналъ его обстановки, свиты и управленія, почувствовавъ свободу, пришелъ въ броженіе и пустилъ въ ходъ всѣ свои грубые инстинкты, особенно хищническіе. Консисторія ликовала, деньги валились къ ней со всѣхъ сторонъ въ изобиліи; въ канцеляріи ея съ кругу спились много писцевъ и столоначальниковъ; нѣкоторые только болѣе умѣренные успѣли нажить капитальцы, обстроиться хорошими домами и завесть лошадокъ, на которыхъ и пріѣзжали въ консисторію по-барски. Николай пересталъ заниматься дѣлами самъ и все отдавалъ на волю консисторіи. Резолюціи его на всѣхъ бумагахъ были всегда однѣ и тѣ же самыя лаконическія и механическія: „въ консисторію“, „пусть разсмотритъ консисторія“, „исполнить“, „утверждается“. И полагалъ онъ ихъ на бумагахъ и дѣлахъ, не читая ни бумагъ, ни дѣлъ... Члены консисторіи всѣ были толстые, жирные, съ порядочнымъ брюшкомъ, съ трудомъ и тяжело доходили или доѣзжали до консисторіи, долго отдыхали въ ней отъ одышки, сидя за столомъ, часто и неторопливо по-

нюхивали табачекъ и имъ друга друга угощали; но дѣла не любили и имъ не занимались. Все, и безъ всякаго ихъ участія, обработывалось въ канцеляріи, подъ руководствомъ секретаря, и давалось имъ только подписывать. И подписывали все, почти не читая, развѣ что коротенькое, озабочиваясь только тѣмъ, чтобы подписаться аккуратнѣе, на своемъ мѣстечкѣ и по рангу.

Въ это злосчастное для духовенства время, появился на сценѣ и заигралъ большую роль при архіереѣ его письмоводитель Василій Ивановичъ Челнавскій, самъ по себѣ ничтожный, недоучка, едва прошедшій нѣсколько классовъ училища, и только необыкновенно юркій и способный на всякое шутовство. Примостился онъ къ своему теплому мѣстечку еще въ началѣ службы Николая и цѣпко держался его до самаго увольненія Николая на покой, наживъ на немъ порядочный капиталъ. Онъ изловчился своею юркостію такъ угодить архіерею, что сталъ къ нему ближе всѣхъ и человѣкомъ самымъ нужнымъ. Всякая бумага и всякое консисторское дѣло проходило чрезъ его руки и могло дойти до архіерея только чрезъ него и обратно. На этомъ перепутьи онъ, какъ паукъ, раскинулъ свои сѣти, и такъ устроился въ архіерейской канцеляріи, что всѣ просители и всѣ имѣющіе дѣло до архіерея и въ консисторіи никакъ не могли обойтись безъ Василія Ивановича. Въ дѣлѣ, по существу, онъ никому и ничѣмъ не могъ помочь, потому что ничего не смыслилъ въ немъ. Но мастеръ былъ попрепятствовать всякому дѣлу въ его движеніи на пути къ архіерею, у архіерея и обратно отъ архіерея. Могъ равнымъ образомъ посодѣйствовать и скорости этого движенія. Поэтому всѣ приходящія лица волей-неволей должны были ему платить, иначе бумага или дѣло залеживались и застревали гдѣ-то подолгу, или докладывались не во-время и такъ, что должны быть оставлены безъ дѣйствія. Особенно много значилъ онъ при зачисленіи за просителями мѣстъ и при опредѣленіи ихъ на эти мѣста. Онъ имѣлъ полную возможность безпрепятственно предоставлять лучшія мѣста тѣмъ, съ кого возьметъ побольше. Для лучшаго обдѣлыванія своихъ дѣлишекъ онъ постарался войти въ дружество съ архіерейскимъ отцомъ и съ казначеемъ Казанскаго монастыря Геннадіемъ, любимцемъ епископа Николая, и гдѣ нужно, при посредствѣ ихъ, легко обработывать всякое выгодное ему дѣло у архіерея. Особенно разыгрался Василій Ивановичъ Челнавскій въ то время, когда Николай, по своей апатіи, а говорятъ, и по запою, сталъ вести уединенную жизнь, рѣдко показывался и просителямъ, и доступъ къ нему для всѣхъ былъ крайне затруднителенъ. Тутъ Челнавскій по всей своей волѣ и безъ всякаго стѣсненія орудовалъ именемъ архіерея по всѣмъ частямъ, какъ только было ему выгодно. Купля и продажа

всего, что должно было доходить до архіерея и исходить отъ него, давали ему огромные барыши. Ректоръ Платонъ самъ разсказывалъ въ семинаріи, что онъ даже вынужденъ былъ дать взятку Челнавскому. Никакъ не могъ онъ дождаться исхода какого-то представленія по семинаріи у владыки. Доступа къ нему не было; никого не принималъ. Но какъ-то послалъ Челнавскому золотой, и дѣло вышло на другой же день. Вотъ какую силу составлялъ малограмотный Васька Челнавскій, какъ его стали звать либералы въ духовенствѣ!..

Весьма привольно и хлѣбно жилось при еп. Николаѣ и всей его свитѣ архіерейской, особенно ключарю Никифору Телятинскому и протодіакону Савушкѣ. Хлѣбно было этой свитѣ и всегда, въ обыденное время, отъ службъ архіерейскихъ, съ посвященіемъ разныхъ ставленниковъ, съ которыхъ, какъ съ жертвенныхъ овецъ, всѣ пѣвчіе, иподіаконы и протодіаконъ, безпощадно и съ назойливостію, и дерзостію, набирали много денегъ, не стѣсняясь у иныхъ бѣдняковъ, забитыхъ и запуганныхъ, отбивать и послѣдніе гроши. Но особенно разливанное море наступало для ней тогда, когда наступало время поѣздокъ архіерейскихъ по епархіи. Николай имѣлъ обыкновеніе и любилъ разъѣзжать по епархіи грузно и заживаться тамъ подолгу, со всею своею многочисленною свитою, которую составляли: ключарь, протодіаконъ, три иподіакона, весь въ полномъ составѣ архіерейскій хоръ пѣвчихъ въ 25—30 человѣкъ, два или три келейника, кучеръ и форейторъ, иногда приспособлялся и письмоводитель. Ѣхалъ онъ обыкновенно съ ключаремъ въ своемъ дорожномъ фургонѣ, въ которомъ помѣщались большіе запасы провизіи, закусокъ и винъ; фургонъ везли двѣнадцать обывательскихъ лошадей. Впереди мчались на тройкѣ становой съ благочиннымъ, какъ глашатаи, и заставляли бить въ набатъ на тощихъ колоколахъ убогихъ сельскихъ колоколенъ, вездѣ, гдѣ подобало проѣзжать владыкѣ. Позади, отставъ на большое разстояніе отъ своего владыки, тянулись огромная свита и множество повозокъ, биткомъ набитыхъ живою и неживою поклажей, ядущею и съѣдомою,—разною архіерейскою челядью и разною ея принадлежностію. Кладь давала о себѣ знать своимъ гоготаніемъ, шумомъ, гамомъ, ораніемъ и пѣніемъ на разные лады всякихъ нецензурныхъ пѣсенъ. Всѣмъ было весело до опьяненія. Всю эту жадную орду бѣдное духовенство вездѣ должно было принимать, кормить и поить до пьяна и одарять деньгами, разными вещами, по требованію, терпя при этомъ тьму безпокойствъ, заботъ и хлопотъ, неблагодарностей и даже обидъ, особенно, отъ пьяницъ...

Изъ всей этой орды, болѣе всѣхъ, тревожилъ духовенство протодіаконъ Савушка. Это былъ человѣкъ огромнаго роста и тѣлесной силы,—истый библейскій Голіафъ; имѣлъ сильный громовой голосъ,

выпивалъ по четверти водки въ день и не пьянѣлъ; во хмѣлю былъ безпокойный и надоѣдливый до крайности. Пугались малые ребята и при видѣ его отъ страха плакали, ребята же побольше убѣгали отъ него, какъ отъ страшилища. Въ службѣ съ архіереемъ онъ всѣхъ поражалъ и удивлялъ своимъ голосомъ,—въ этомъ одномъ и состояло все его достоинство, и за это одно еп. Николай все ему прощалъ и былъ къ нему всегда милостивъ. Попалъ онъ въ протодіаконы изъ сельскихъ пономарей, неученый и малограмотный, какъ разсказывали, случайно. Какой-то изъ прежнихъ архіереевъ—Аѳанасій или Евгеній, проѣзжая по своимъ надобностямъ по Елатомскому уѣзду, замѣтилъ большаго роста мужика, пашущаго на тощей лошаденкѣ, которую онъ понукалъ необыкновенно сильнымъ голосомъ, архіерей обратилъ вниманіе и узналъ въ этомъ мужикѣ пономаря Савелія и впослѣдствіи вызвалъ его въ Тамбовъ, гдѣ долго обработывали его неотесанность, чтобы быть ему приличнымъ протодіакономъ. Если бы этому Савушкѣ дано было вò-время хоть маленькое образованіе и воспитаніе и открытъ ходъ подальше, то онъ однимъ голосомъ своимъ, при богатырскихъ силахъ и атлетическомъ сложеніи и ростѣ Голіафа, составилъ бы себѣ славную карьеру, какъ рѣдкій феноменъ природы. А между тѣмъ судьба-мачиха сурово втиснула эту широкую натуру въ тѣсную рамку сельскаго пономаря, и только случайность выдвинула его на постъ тамбовскаго протодіакона, чтобы потрясать своимъ громовымъ голосомъ своды храмовъ при архіерейскомъ служеніи и оглушать всѣхъ, приходившихъ въ храмъ. Мать моя разсказывала намъ, что она перенесла отъ Савушки, когда онъ, въ одну изъ поѣздокъ архіерейскихъ, остановился въ нашемъ домѣ ночевать. Чтобы задобрить его, она его угостила изобильно и чаемъ, водкой и всякимъ кушаньемъ. Повидимому, онъ былъ доволенъ и легъ спать. Но среди ночи всталъ, поднялъ всѣхъ на ноги и сталъ требовать водки. Мать ему не давала водки, онъ шумѣлъ, грозилъ, молилъ Христа ради, дѣтей перепугалъ такъ, что они разбѣжались по разнымъ закоулкамъ, и только крутыя мѣры и угрозы жаловаться архіерею, котораго онъ страшно боялся, могли усмирить его. Денегъ по епархіи Савушка собиралъ много; онъ назойливо требовалъ ихъ у всѣхъ, съ кого можно было взять. Хотя я и лично хорошо зналъ его, но отчество и фамиліи доселѣ не знаю. Его всѣ звали въ глаза отецъ-протодіаконъ, за глаза—Савушка. И нигдѣ не слышалось полнаго его имени-отчества съ фамиліей, и никто этого не считалъ нужнымъ и знать. Всѣ знали только Савушку, и ходили смотрѣть на Савушку, какъ на диво-дивное. Савушка возбуждалъ вниманіе къ себѣ и въ Петербургѣ, куда бралъ его съ собой Николай, въ годовое присутствованіе въ Синодѣ, и много привлекалъ народа на архіерейскую службу Николая.

Въ поѣздкахъ своихъ по епархіи епископъ Николай останавливался большею частію у помѣщиковъ и проживалъ иногда, для отдыха. у нихъ по многу дней, особенно у гостепріимныхъ и ласковыхъ помѣщицъ, свита же, во время его продолжительныхъ отдыховъ, проживала на свободѣ, безъ дѣла, по селамъ или монастырямъ, объѣдала и опивала духовенство безпощадно. Самъ Николай былъ безсребренникъ. Но кругомъ его всѣ были поголовно взяточники, особенно зараженъ былъ сребролюбіемъ ключарь Никифоръ Ивановичъ Телятинскій. Онъ былъ у архіерея въ поѣздкахъ самый близкій его сподручникъ; всѣмъ завѣдывалъ и распоряжался, все свидѣтельствовалъ, осматривалъ и высматривалъ,—былъ однимъ словомъ око архіерейское. Но око это было хищническое, высматривавшее, гдѣ что плохо лежитъ. Бывало такъ: войдетъ архіерей и за нимъ ключарь въ какую-либо церковь для осмотра. Архіерей идетъ въ алтарь, ему поютъ, онъ молится, прикладывается къ престолу, посмотритъ антиминсъ и идетъ назадъ благословлять, подъ Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα народъ. А тѣмъ временемъ, подъ шумокъ и подъ громкимъ пѣніемъ ключарь уже орудуетъ около церковнаго старосты, у денежнаго ящика, повѣряя приходо-расходныя книги и считая наличную церковную сумму. Повѣрка и счетъ, конечно, были только для близиру, фиктивные; да и повѣрять и счетъ соображать ключарь способенъ не былъ и не умѣлъ, какъ человѣкъ малограмотный, стариннаго образованія. Онъ поступалъ тутъ очень просто—безъ затѣй. Перелистывалъ только книги и, доходя до мѣста, гдѣ для него вложены были деньги, охотно бралъ ихъ въ карманъ и съ словомъ „вѣрно все“ складывалъ книги, отдавая старостѣ. Счетъ же наличной суммы производилъ такъ: кучу высыпанныхъ изъ ящиковъ денегъ онъ начиналъ своею жирною рукою, съ видимою нѣжностію и мягкостію, поглаживать и расширять, отдвигая къ сторонкѣ монеты цѣнныя—золотые и цѣлковые, и достаточное количество ихъ преспокойно забиралъ рукой и клалъ въ карманъ, за то ужъ и расхвалитъ за исправность и образцовый порядокъ и старосту, и настоятеля. Такъ обиралъ каждую церковь: бралъ и добровольную дачу, бралъ и своевольно. Отецъ мой Егоръ Матвѣевичъ разсказывалъ такой случай: былъ въ одной изъ церквей его благочинія старостою одинъ честный и богобоязненный крестьянинъ. На должности своей былъ онъ человѣкомъ новымъ—по первому еще выбору; слѣдовательно, былъ еще неопытенъ, не оголтѣлый. Ему и пришлось, въ одну изъ заѣздокъ архіерея въ церковь, увидѣть въ первый разъ оригинальный счетъ церковныхъ денегъ, производимый ключаремъ Телятинскимъ. Староста при этомъ до того растерялся и перепугался, что совершенно безучастно, какъ автоматъ, смотрѣлъ на ключарскія продѣлки. А ключарь, пользуясь перепугомъ и автомат-

ствомъ, преспокойно повыбралъ изъ его кучи всѣ цѣнныя монеты. Когда дѣло кончилось, староста въ „попыхахъ" прибѣгаетъ къ моему отцу, какъ благочинному, и съ ужасомъ разсказывалъ ему, какъ Телятинскій всѣ золотые и цѣлковые поклалъ себѣ въ карманъ. „Молчи, молчи", говорилъ ему отецъ, „иначе накличешь бѣду и себѣ и намъ". И не скоро его уговорилъ успокоиться и молчать пока. Изъ этихъ церковныхъ поборовъ Телятинскій съ теченіемъ времени составилъ себѣ большой капиталъ, накупилъ много земли и слылъ большимъ богачемъ, но жилъ всегда грязно и скаредно. Хотя онъ и стоялъ во главѣ духовенства тамбовскаго, будучи въ послѣднее время каѳедральнымъ протоіереемъ, но честь свою навсегда потерялъ. Въ мнѣніи общественномъ онъ былъ посмѣшищемъ, и называли его не иначе, какъ „Телокъ". Эта кличка осталась и за его сыновьями, которые всѣ были смѣшные, грязные и бездарные.

Для всѣхъ было непонятно и удивительно, какъ это епископъ Николай, съ большими достоинствами, умный, ученый, стоявшій во главѣ академіи, какъ достойный ея профессоръ и ректоръ, голова свѣтлая, съ сердцемъ добрымъ, въ управленіи Тамб. епархіею могъ окружить себя личностями бездарными, съ низкою нравственностію, безъ образованія, жадными и до денегъ и до водки! и быть, повидимому, ими доволенъ, а къ инымъ и чувствовать и оказывать особое расположеніе. Не менѣе было странно и то, что къ умнымъ и ученымъ личностямъ онъ былъ холоденъ и невнимателенъ. Не любилъ онъ ни ректора, ни профессоровъ семинаріи, ни священниковъ академистовъ, и всегда держалъ ихъ отъ себя далеко, въ полномъ невниманіи. Мнѣ думается, и въ этомъ я даже убѣжденъ,—что въ епископѣ Николаѣ глубоко гнѣздился духъ внутренней гордыни, тотъ традиціонный недугъ нашего епископства, о которомъ ап. Павелъ говорилъ ученику своему епископу Тимоѳею въ посланіи. Этотъ недугъ издавна поражаетъ многихъ нашихъ епископовъ, не безъ вліянія, конечно, на это самаго источника этой гордыни—злаго духа, діавола, которому выгодно уязвить перваго пастыря церкви, чтобы удобнѣе затѣмъ вредить пасомымъ. Зараженные этою язвою, иные епископы становятся въ холодное, неприступное, положеніе идоловъ, предъ которыми нужно только благоговѣть, преклоняться и пресмыкаться. Этому идолопоклонническому положенію все благопріятствовало еще отъ глубокой старины. Было крѣпостное рабство, были полновластные господа и безправные рабы. Господа стояли на высотѣ недосягаемой для раба, который со страхомъ поднималъ взоры на высокаго господина. Это крѣпостничество, какъ язвою, заразило все и всѣхъ; съ древнихъ временъ проникло оно и въ духовное званіе и доселѣ дѣйствуетъ въ немъ съ силою, съ ѳдной стороны въ „господинѣ нашемъ" и владыкѣ епископѣ,

съ другой—во всѣхъ священно-церковнослужителяхъ,—рабахъ и нижайшихъ послушникахъ. Епископъ поставленъ на недосягаемой высотѣ для священника, будь онъ и протоіерей,—и всѣмъ обставленъ, какъ полновластный господинъ, а священникъ бьется изъ-за своихъ правъ, какъ рыба объ ледъ, и съ усиліемъ выбиваетъ себѣ даже кусокъ насущнаго хлѣба. При такомъ неравновѣсіи, при такихъ противоположныхъ крайностяхъ, между которыми отсутствуетъ истинное Христово братство, вслѣдствіе того засѣдаетъ на одной сторонѣ властолюбивая гордыня, а на другой осѣдаетъ приниженное рабство, вопреки церковному строю по духу Христа и апостоловъ,—и происходили прежде,—да и теперь ихъ не мало,—такія явленія, что и лучшіе изъ епископовъ болѣе склоняются къ раболѣпной посредственности и бездарности, даже низменной нравственности, своею благосклонностію, чѣмъ къ уму, учености, убѣжденности и стойкой нравственности, не допускающей низкаго раболѣпія, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ подчиненному имъ духовенству, потому что первые аттрибуты пріятно удовлетворяли жажду угнетающаго ихъ недуга, а послѣдніе аттрибуты этой жаждѣ не только нимало не удовлетворяли, а еще злѣе ее растравляли и разжигали. Отъ того и епископъ тамбовскій Николай, страдая традиціоннымъ епископскимъ недугомъ, чувствовалъ себя лучше въ средѣ тѣхъ своихъ подчиненныхъ, которые, по складу и ладу своему, и способны были только на то, чтобы въ глаза ему подобострастно льстить, предъ нимъ раболѣпно преклоняться, и пресмыкаться, и трепетать, и все, что ни прикажетъ, безпрекословно и безъ разсужденій исполнять, а за глаза ухитряться вознаградить себя зато всяческими полученіями и хищеніями, пуская въ ходъ всѣ свои грубые инстинкты. Отъ того не лежала душа его къ людямъ ученымъ, умнымъ, академическаго образованія, имъ не было хода къ виднымъ мѣстамъ и священническимъ въ Тамбовѣ, ихъ не пускали и въ консисторію на дѣятельность, они не имѣли близкаго доступа къ владыкѣ. И все это потому, что они умѣли владыку, какъ слѣдуетъ, понять и оцѣнить, желали бы съ нимъ обо всемъ поразсудить и по-братски-христіански поговорить, но не умѣли раболѣпствовать, пресмыкаться и трепетать. Отъ того все епископское Николаевское управленіе было какое-то ужасно хаотическое. Окружающая его излюбленная среда опутала его сѣтями и образовала кругомъ и около нестерпимо смрадное болото, которое постепенно затягивало его все болѣе, пока не задохнулся. Объ этихъ безобразіяхъ долго не доходило до Синода въ Петербургъ. Не было тогда ни дорогъ желѣзныхъ, ни телеграфовъ. Да и Синодъ, не стоя на высотѣ своего положенія, въ болотахъ провинціальныхъ усматривалъ только т и ш ь и г л а д ь и совершенно былъ покоенъ, находя въ кудрявыхъ отчетахъ епархіальныхъ, что

„все обстоитъ благополучно". Но время свое брало. Николай уединился, заключившись въ кабинетъ, чѣмъ-то заболѣлъ, говорили, что запоемъ. Въ Синодъ отъ обижаемыхъ и притѣсняемыхъ поступило много жалобъ; стали доходить до Петербурга дурныя вѣсти и отъ стороннихъ лицъ, отъ лицъ вліятельныхъ къ вліятельнымъ. На жалобы отъ духовенства на епископа тогда очень мало обращали вниманія и большею частію оставляли подъ сукномъ,—это и теперь дѣлается; если какая жалоба вопіяла уже о правдѣ, то её на разборъ присылали епископу же, по фиктивнымъ требованіямъ свѣдѣній и заключеній, и становился самъ епископъ судьею во своемъ дѣлѣ, и рѣшеніемъ его удовольствовался и Синодъ. Поэтому однѣ жалобы не побудили бы Синодъ обратить побольше вниманія на то, что дѣлается въ епархіи Николая, если бы не было другихъ сильныхъ вліяній. Какъ бы то ни было, впрочемъ просіялъ лучъ наконецъ и въ нашемъ темномъ царствѣ. Духовенство услышало съ радостію, что епископъ Николай увольняется на покой въ Трегуляевъ монастырь, а на его мѣсто назначается ректоръ С.-Петербургской академіи, епископъ винницкій Макарій. Это было въ 1856 или—57-омъ году.

По увольненіи Николай еще года три-четыре проживалъ въ монастырѣ въ болѣзненномъ состояніи, постоянно сидѣлъ или лежалъ въ своей комнатѣ и рѣдко-рѣдко когда выѣдетъ прокатиться по лѣсу трегуляевскому. Постоянно все пухнулъ, сталъ и въ лицѣ и во всемъ корпусѣ одутливымъ и безобразно толстымъ, ноги едва передвигалъ,—было что-то въ родѣ водянки, всецѣло его объявшей. У него проживала постоянно одна женщина подъ именемъ Домны, юркая и бойкая, ходила за нимъ и помогала ему своими услугами въ слабости и болѣзни; и при этомъ много его обирала. По смерти своей онъ ничего почти не оставилъ въ наслѣдство своимъ родственникамъ и въ предсмертной своей запискѣ, завѣщая кое-что оставшееся кому-то изъ родственниковъ или монастырю, написалъ лаконически: „Домну не обижать".

Отецъ мой Егоръ Матвѣичъ продолжалъ быть благочиннымъ, будучи имъ безпрерывно во все 14-ти лѣтнее управленіе Николая. Въ это безурядное время много ему приходилось испытать треволненій и страховъ и отъ консисторіи, и отъ архіерейской челяди. Чтобы не нажить отъ нихъ напрасной бѣды, много нужно было имъ поплачиваться, а производить напрасные расходы было не изъ чего. Случился еще съ нимъ пожаръ, истребившій все имущество въ домѣ и домъ. Нужны были расходы на стройку и устройство. Вотъ и надо было много думать и ухищряться, какъ бы подешевле застраховать себя отъ возможныхъ бѣдъ и напастей со стороны владычней канцеляріи и консисторіи, и обезпечить себѣ хоть маленькую свободу

жить и дышать. Сначала онъ думалъ помочь горю тѣмъ, чтобы какъ можно рѣже бывать въ консисторіи и давать взятку самымъ нужнымъ экземплярамъ. Но это мало помогало. Онъ жилъ все подъ какимъ-то страхомъ, особенно когда доходили до него слухи изъ Тамбова, что консисторія имъ недовольна за то, что онъ ее знать не хочетъ. Эти слухи привозили ему пьяные писцы консисторскіе, которыхъ временемъ и по очереди консисторія имѣла обыкновеніе распускать по епархіи „кормиться". Эти убогіе писцы, какъ Некрасовскіе „калики-перехожіе", всегда пьяные, оборванные и грязные, разъѣзжали на подводахъ отъ духовенства отъ села до села по священникамъ, которые должны были ихъ кормить, поить и деньжонки давать на семейство и бѣдность: у благочиннаго конечно они всего этого получали побольше и заживались подольше. Тяжело было отцу принимать, и терпѣть долго, и угощать этихъ словоохотливыхъ за графиномъ водки компаньоновъ. Но зато услышитъ, бывало, отъ нихъ, и вѣрно, всю подноготную консисторіи и владычнаго двора. Мать, бывало, скажетъ ему: Зачѣмъ ты возишься такъ съ этими стрекулистами? Не принималъ бы, или хоть поскорѣе спровадилъ ихъ, безъ хлопотъ? „Ничего ты не знаешь", скажетъ на это отецъ; „добра-то во всей консисторіи никто тебѣ не сдѣлаетъ, а пакости много сможетъ надѣлать тебѣ и послѣдняя консисторская гнида". Чтобы избавиться отъ консисторскаго страха, отецъ волей-неволей долженъ былъ быть къ консисторіи пощедрѣе. И когда въ нужныхъ случаяхъ приходилось ему пріѣзжать въ Тамбовъ, то онъ уже, съ щедрыми, по его состоянію, подарками обходилъ нужныхъ людей по домамъ и всѣмъ въ консисторіи, до сторожей включительно, непремѣнно уже считалъ нужнымъ дать. Ну, и сталъ жить поспокойнѣе, и даже камилавку отъ консисторіи получилъ, безъ предварительнаго подхода и расхода, поплатившись не мало только при полученіи. Я учился въ это время въ Казанской духовной академіи,—и ученіе мое продолжалось въ ней съ 1852 по 1856 годы.

Казанская академія вызывала изъ Тамбовской семинаріи трехъ лучшихъ студентовъ на VI курсъ. По окончаніи богословскаго класса въ академію избраны были ректоромъ Платономъ трое—Красивскій, Дубровскій и я, Пѣвницкій. При отправленіи семинарія, на казенный счетъ, снабдила насъ деньгами прогонными на двѣ тройки и кормовыми посуточно до Казани, по положенію. Экономъ Степанъ Абрамовъ Березневскій на казенный счетъ построилъ намъ по нѣскольку рубашекъ толстаго полотна. Мы его усердно упрашивали предварительно не давать намъ натурой ни рубахъ, ни картузовъ, потому что все это у насъ свое было въ достаткѣ и въ лучшемъ видѣ; а далъ бы лучше деньгами, чего вещи стоятъ. Но онъ денегъ не далъ, а

навязалъ рубахи и картузы, которые, какъ не подходящіе намъ и ненужные, такъ и пропали даромъ. Это тотъ Степанъ Абрамовичъ, о которомъ сказано назади; недаромъ его семинаристы и другіе ученики не семинаристы называли „стаканъ барабанычъ", что къ нему очень шло. Въ ущербъ намъ еще и Платонъ ректоръ навязалъ намъ на нашъ счетъ изъ прогонныхъ и кормовыхъ денегъ довезти до Казани одного уже проучившагося въ академіи два года пятаго курса и пріѣхавшаго въ Тамбовъ провести каникулы на родинѣ. Этотъ студентъ былъ Яковъ Петровичъ Охотинъ, теперешній епископъ симбирскій Варсонофій. Такъ мы, вопреки своихъ разсчетовъ, и лишились денегъ, сбереженныхъ бы отъ прогоновъ на цѣлую тройку до Казани, разсчитывая было ѣхать безъ Охотина троимъ на одной тройкѣ. Въ первый разъ мы испытали муку ѣзды на тряскихъ почтовыхъ телѣжкахъ въ тройку мчащихся лошадей по скверной дорогѣ цѣлыхъ восемьсотъ верстъ. Но молодость вынослива. И мы пріѣхали въ академію, хоть въ грязи, пыли и порванные, но здоровые къ 15-му августа на пятыя сутки ѣзды. Вскорѣ начались пріемные экзамены по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса, продолжавшіеся цѣлую недѣлю съ лишнимъ. Экзаменовали строго, и спрашивали много. Для оцѣнки сочиненій давали писать два разсужденія по-русски и по-латыни. Но мы, три брата, выдержали экзаменъ безъ препятствій.

III.

Составъ свѣтскихъ профессоровъ въ Казанской академіи.—Профессоры-монахи.—Архимандритъ Ѳеодоръ.—Его плачевная судьба.—Вербовка въ монахи.

Составъ академическихъ профессоровъ въ Казани съ ректоромъ во главѣ былъ въ это время образцовый. Всѣ были люди даровитые, талантливые, преподавали свои предметы и читали лекціи блистательно. Ректоръ, архимандритъ Парѳеній, впослѣдствіи епископъ томскій и архіепископъ иркутскій, особенно заботился объ умственномъ развитіи студентовъ и пріученіи ихъ къ сочинительству. Кромѣ задаваемыхъ профессорами ежемѣсячныхъ сочиненій на темы по своему предмету, за чѣмъ особенно самъ слѣдилъ и побуждалъ непремѣнно написать въ мѣсяцъ и подать въ срокъ, онъ сверхъ того давалъ отъ себя темы для обыденныхъ—скорыхъ и малыхъ сочиненій, желая пріучить студентовъ къ писательству глубокому, основательному и скорому. Кромѣ того въ старшемъ курсѣ студентовъ обязывалъ непремѣнно составить, по всѣмъ правиламъ гомилетическаго искусства,

по нѣсколько проповѣдей въ годъ. Самъ былъ хорошій проповѣдникъ и искусный собесѣдникъ и говорунъ. Онъ любилъ иногда дѣлать въ академіи ученыя собранія профессоровъ со студентами, на которыхъ лучшіе студенты читали свои сочиненія, и по поводу ихъ заводилъ споры и бесѣды со студентами, втягивая въ нихъ и всѣхъ профессоровъ; самъ говорилъ и спорилъ съ воодушевленіемъ, вызывая на то же и другихъ, и искусно все направляя къ выясненію дѣла. Студенты съ интересомъ слѣдили и слушали эти увлекательные споры и бесѣды, а нѣкоторые особенно даровитые принимали въ нихъ активное участіе, какъ Щаповъ, впослѣдствіи извѣстный писатель. Ректора Парѳенія всѣ студенты любили и уважали особенно за то, что онъ человѣкъ открытый, гуманный, искренній, серьезный и благонамѣренный. Не было въ немъ и тѣни чего-либо напускнаго, монашески-фарисейскаго. Съ профессорами онъ жилъ дружески и обращался, какъ равный имъ, для студентовъ былъ добрымъ отцемъ-руководителемъ. Въ академіи онъ прослужилъ не болѣе четырехъ лѣтъ. Вытребовали его въ Петербургъ на чреду. Объ этой чредѣ онъ разсказывалъ, что она для кандидатовъ архіерейства порядочная пытка въ томъ особенно, что много натерпишься отъ лаврскихъ жирныхъ монаховъ, среди которыхъ приходится жить на испытаніи. „Э! новенькаго привезли, говорилъ другимъ нахально одинъ монахъ, указывая пальцемъ на меня, когда я изъ своей лаврской кельи вышелъ въ корридоръ, и высокомѣрно, проходя, озирали меня", разсказывалъ о себѣ Парѳеній на возвратномъ пути изъ Петербурга уже архіереемъ томскимъ, и на пути остановившись въ Казани—въ академіи. Съ грустію простились съ нимъ всѣ и проводили.

На мѣсто его скоро присланъ былъ изъ Костромы Агафангелъ архимандритъ, состоявшій ректоромъ Костромской семинаріи. Это уже не то, что Парѳеній. Это чистая монашеская мумія. Все въ немъ было напускное, искусственное, начиная съ холодной, постной физіономіи до походки, въ которой онъ былъ какъ бы между небомъ и землею, и ходя, гуляя, не обращалъ повидимому никакого вниманія на встрѣчныхъ, кругомъ и около,—эта встрѣчная мелочь какъ бы не существовала для него. Намъ—студентамъ эта отвлеченность ректора была выгодна. Мы въ своевольныхъ своихъ отлучкахъ изъ академіи не боялись встрѣчи съ нимъ и смѣло уходили и приходили, зная, что ему не до насъ, и онъ никогда не остановитъ встрѣчнаго студента съ вопросами: „куда, откуда и зачѣмъ."... Съ профессорами онъ обращался свысока и держалъ ихъ отъ себя на дистанціи. За то предъ архіепископомъ Григоріемъ самъ держался до крайности подобострастно. На экзаменахъ и частныхъ и даже публичныхъ, когда архіеп. Григорій спрашивалъ студентовъ по предмету ректора, сей вознося-

щійся въ средѣ академической Агафангелъ стушевывался въ позѣ униженно-смиренной и стоялъ на ногахъ предъ Григоріемъ все время, пока продолжался экзаменъ, держа себя въ струнку.

Изъ профессоровъ особымъ уваженіемъ пользовались: Димитрій Ѳедотычъ Гусевъ, Нафанаилъ Петровичъ Соколовъ, Григорій Захарычъ Елисеевъ и Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ.

Гусевъ былъ уже старѣйшій заслуженный профессоръ; преподавалъ математику и физику; имѣлъ умъ острый, свободомыслящій и характеръ веселый. Въ преподаваніи своего предмета онъ употреблялъ особые пріемы, только къ нему одному идущіе. Преподаваніе онъ велъ живымъ языкомъ, безъ лекцій, по тетрадкамъ, ходя по аудиторіи съ заложенными назадъ руками, съ улыбающимся всегда лицемъ и изящными гримасами на немъ, онъ искусно и разумно уяснялъ намъ, что нужно, увлекательнымъ и блестящимъ языкомъ. Въ объясненіяхъ своихъ онъ имѣлъ обыкновеніе, часто обращаясь къ студентамъ и упорно смотря имъ въ глаза, говорить: „Такъ-съ, милостивые государи“? И въ рѣчи его постоянно слышались слова къ студентамъ: „ваши блестящія головы“, „вы джентльмены великіе“, а то и „гуси великіе“, смотря по обстоятельствамъ. И все это выходило у него преискусно, и какъ нельзя кстати, и чрезвычайно забавляло студентовъ. Несмотря на то, что математика и физика тогда и въ семинаріи и въ академіи были въ пренебреженіи, и начальство смотрѣло на нихъ, какъ на какія-то низшія науки, которыми можно и не заниматься, и проходить курсъ ученія безъ вреда, но у Дмитрія Ѳедотыча аудиторія была всегда полна, его всѣ съ интересомъ слушали, и всѣ студенты болѣе или менѣе учились, а многіе изучали основательно и съ особымъ прилежаніемъ. Проницательный Гусевъ, какъ надо навѣрное думать, для этого именно и употреблялъ въ преподаваніи свой оригинальный и замѣчательный пріемъ, приводившій дѣло къ успѣху... Гусевъ былъ большой руки острякъ и даже скалозубъ въ частныхъ бесѣдахъ, въ своемъ кружкѣ. Особенно любилъ онъ острить надъ тогдашнимъ ученымъ монашествомъ. Онъ возмущался тѣмъ обстоятельствомъ, что молодые студенты иногда рѣшались поступать въ монашество изъ-за парты,—что монашествующее начальство не только ихъ не удерживало отъ незрѣло-ранняго рѣшенія, но всѣми мѣрами къ тому поощряло и уговаривало,—что студента, сдѣлавшагося монахомъ, даже посредственнаго, несправедливо возвышали въ число лучшихъ, давали оканчивать курсъ магистромъ, и назначали прямо на инспекторское мѣсто въ семинаріи, съ легкимъ ходомъ впередъ къ архіерейству;—что такое монашество плодитъ только карьеристовъ, которые, вѣроломно и клятвопреступно принимая великое постриженіе, имѣютъ въ виду только удобное возвышеніе впередъ—

къ власти, почестямъ и богатству;—что принципъ истиннаго монашества чрезъ это антихристіански извращается, плодя въ ученыхъ, такого карьеристскаго склада и лада, монахахъ только евангельскихъ книжниковъ и фарисеевъ, возсѣдавшихъ на Моисеевомъ сѣдалищѣ, на горе себѣ и другимъ не на радость. Онъ высказывалъ всегда съ сожалѣніемъ, что начальство академіи—ректоры непрестанно и слишкомъ часто мѣняются, чѣмъ много колеблютъ строй академіи и стихійно расшатываютъ въ ней то, что исторически складывалось въ прочное основаніе, дѣйствуя по своему, личному вкусу и тенденціямъ, какъ на перепутьи къ другой высшей карьерѣ. „Охъ, эти наши,—каламбурилъ онъ, монахи,—имена, кончающаяся на ахи. Они въ математикѣ съ физикой находятъ ереси, отвлекающія отъ царства небеснаго". За это очень не любили его начальники—монахи и обходили его наградами. Но наградами онъ и не интересовался, и онѣ для него ничего не значили, передъ ромомъ ямайскимъ, который онъ до страсти любилъ попивать съ чайкомъ, находя въ этомъ утѣшеніе и развлеченіе во всѣхъ напастяхъ.—Дослуживая до пенсіи, онъ часто говаривалъ: „поскорѣе бы дослужить и выйти въ отставку на пенсію, а то, чего добраго, дождешься и того, что и Митька поступитъ въ ректоры академіи". Митька этотъ былъ одинъ студентъ въ академіи, пошлый и тупой, но, поступивъ въ монахи, кончилъ курсъ академіи магистромъ и поступилъ въ инспекторы Тамбовской семинаріи, а затѣмъ былъ ректоромъ семинаріи какой-то Сибирской, спился тамъ съ кругу и умеръ въ сумасшествіи. О немъ сказано выше. Поэтому Димитрію Ѳедотовичу не пришлось дождаться въ академіи ректора—Митьки. Онъ уже безъ опасенія этого и съ спокойною душею вышелъ изъ академіи въ отставку—на пенсію, и умеръ на полной свободѣ, будучи во все время своей жизни холостякомъ.

Нафанаилъ Петровичъ Соколовъ былъ профессоромъ философіи и читалъ намъ свои лекціи съ потрясающимъ паѳосомъ и одушевленіемъ. Онъ былъ не высокаго ума, а срѣдняго, но весьма здраваго и крѣпкаго, зато физически былъ удивителенъ: громаднаго роста и громадныхъ размѣровъ всѣхъ частей тѣла отъ головы до ногъ, и съ громаднымъ голосомъ, которымъ поспорилъ бы съ любымъ протодіакономъ. Смотря на него, я всегда вспоминалъ тамбовскаго протодіакона Савушку, о которомъ я говорилъ выше... Нафанаилъ Петровичъ входилъ медленно, еще медленнѣе раскланивался и усаживался на каѳедрѣ, приготовляясь къ чтенію. Начиналъ чтеніе самою низкою октавой и, постепенно гармонически возвышая голосъ, незамѣтно переходилъ на высокую ноту басовика и держался на этой высотѣ до конца лекціи, или лучше до звонка. Во время этого чтенія и самъ, соотвѣтственно голосу, постепенно входилъ, какъ отъ музыки голоса,

такъ и отъ содержимаго своей лекціи, въ большій и большій паѳосъ, понуждавшій его раскачиваться на каѳедрѣ всѣмъ своимъ громаднымъ корпусомъ, приводить въ движеніе и ноги, и руки, которыми онъ часто хватался за свою голову и поправлялъ на ней свои густые и длинные волосы, и опирался тяжело на каѳедру. И стулъ, на которомъ, онъ сидѣлъ, и столъ, и полъ каѳедры—все подъ нимъ приходило въ движеніе—скрипѣло и трещало. Этотъ паѳосъ отражался и на насъ—студентахъ. Мы весело слушали его и съ особымъ интересомъ всматривались въ его вдохновенное лицо и услаждались эффектною декламаціею его рѣчи съ музыкальнымъ голосомъ. Но при этомъ всегда думали, съ опасеніемъ, какъ бы нашъ Нафанаилъ Петровичъ своею громадою и въ паѳосѣ не разрушилъ всей каѳедры... Въ обыденной своей жизни онъ казался всегда равнодушнымъ, а порой и великодушнымъ; смотрѣлъ на всѣхъ упорно во всѣ свои большущіе глаза, смѣло и насмѣшливо; говорилъ рѣдко и крѣпко. Жилъ кредитно, любилъ денежку и крѣпко ее приберегалъ. „Денежка, говаривалъ онъ, крылышко, куда захотѣлъ, туда и полетѣлъ". Ведя философскую, строго воздержанную жизнь,—отнюдь впрочемъ не скаредную, онъ не отказывалъ себѣ ни въ чемъ необходимомъ и ѣздилъ всегда на своей лошади—буцефалѣ,—онъ съумѣлъ скопить себѣ капиталецъ чистыми деньгами въ 40 тысячъ, который по смерти его и по его завѣщанію поступилъ всецѣло во всѣ четыре академіи по равной части. Всю службу свою онъ провелъ на профессорской должности въ Казани. Былъ всегда и всѣми уважаемъ, какъ достойнѣйшій профессоръ и человѣкъ. Одинъ лишь изъ ректоровъ академіи, уже подъ конецъ его службы, архимандритъ Іоаннъ, впослѣдствіи епископъ смоленскій, человѣкъ прегордый и очень злобный, отнесся къ Нафанаилу Петровичу съ крайнимъ неуваженіемъ и грубостію, и всячески старался вытѣснить его изъ академіи, въ видахъ чего и устроилъ такъ, что Нафанаилу Петровичу неизбѣжно стало перейдти съ каѳедры философіи, на которой провелъ всю свою долгую службу, на новую для него каѳедру церковной исторіи, или выйти совсѣмъ изъ академіи,—одно изъ двухъ. По силѣ своего философскаго характера онъ великодушно принялъ каѳедру церковной исторіи, а изъ академіи въ угоду Іоанна не вышелъ, и, вооружившись нѣмецкими книгами, преспокойно сталъ преподавать, вмѣсто философіи, исторію, и долго еще, по выбытіи Іоанна, преподавалъ на славу. Перевелъ даже съ нѣмецкаго языка на русскій полную церковную исторію Гасса и издалъ ее отъ себя въ печати, сдѣлавъ тѣмъ неоцѣненную услугу всѣмъ преподавателямъ исторіи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Умеръ онъ въ отставкѣ съ пенсіей послѣ сорокалѣтней службы профессорской и похороненъ на своей родинѣ въ Самарѣ, епископомъ Серафимомъ, который былъ

при немъ въ Казанской академіи монахомъ—баккалавромъ и затѣмъ инспекторомъ академіи.

Григорій Захаровичъ Елисеевъ былъ профессоръ по каѳедрѣ исторіи русской церкви. Это человѣкъ высокаго ума и прямаго, честнаго характера, и отличался особенною способностію составлять увлекательныя лекціи, съ дарованіемъ талантливаго писателя, только дикція его была плоха, — читалъ не совсѣмъ ясно. Въ классѣ читалъ онъ свои лекціи съ какою-то осторожностію, держа ихъ въ рукахъ, облокотившись на каѳедру, на которой всегда клалъ печатную книгу, Исторію Филарета Черниговскаго. Въ нихъ онъ излагалъ не внѣшнюю оффиціальную исторію, которая въ книгѣ Филарета, а внутреннюю, которую не найдешь въ книгѣ, несмотря на то, что ее-то больше всего нужно знать, и излагалъ весьма свободно, на чистоту, самымъ честнымъ откровеннымъ порядкомъ. Студенты съ затаеннымъ дыханіемъ вслушивались въ его откровенныя рѣчи и нерѣдко съ оваціями провожали его, по окончаніи, изъ класса. Только не всегда онъ могъ питать насъ такими лекціями, такъ какъ въ тогдашнее время крайне было опасно либеральничать, въ правдѣ,—сейчасъ найдутъ въ умныхъ рѣчахъ всевозможныя ереси,—и васъ осудятъ, проклянутъ, ради собственной выгоды. Да и косо на него смотрѣли монахи академическіе. Онъ имъ сталъ уже казаться опаснымъ и подозрительнымъ,—какимъ-то Мефистофилемъ. По наружности своей онъ держалъ себя скромно, говорилъ мало, и въ разговорахъ его замѣчалась всегда саркастическая улыбка. Такой глубокой и широкой внутренней натурѣ тѣсная рамка профессора духовной академіи была невыносима. Онъ давно уже подумывалъ о выходѣ изъ академіи, и при первомъ открывшемся случаѣ вышелъ съ поспѣшностію, поступивъ въ Сибирскій край въ какіе-то окружные начальники. Но и тамъ немного послужилъ. Пріѣхалъ въ Петербургъ и всею душою отдался свободной журнальной литературѣ, и въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ былъ постояннымъ сотрудникомъ разныхъ журналовъ, особенно „Современника" и „Отечественныхъ записокъ", гдѣ его статьи, и особенно по внутреннимъ обозрѣніямъ, составляли украшеніе журналовъ. Одно время онъ издавалъ и газету—„Русскіе очерки", и былъ редакторомъ „Отечественныхъ записокъ". Статьи свои онъ печаталъ безъ подписи своей, или подъ псевдонимомъ „Грыцко". И только послѣднюю предсмертную статью „Прошлое двухъ академій, по поводу смерти Ивана Яковлевича Порфирьева, профессора Казанской академіи" подписалъ полнымъ именемъ „Григорій Елисеевъ". Замѣчательная статья эта напечатана въ январской книжкѣ „Вѣстника Европы" за 1891 годъ; а самъ онъ умеръ въ февралѣ того же года. Газеты и журналы объявили печальную вѣсть о его смерти всему читающему міру и своими статьями

сдѣлали извѣстнымъ всѣмъ имя такого даровитаго и плодовитаго писателя, статьями котораго зачитывались, не менѣе Салтыкова-Щедрина, всѣ умные люди.

Въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Елисеевымъ состоялъ въ академіи профессоръ словесности Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ, памяти котораго посвящена была послѣдняя и задушевная статья Григорія Захаровича, не забывавшаго своего друга до гроба. Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ былъ человѣкъ необыкновенно мягкаго сердца, съ эстетическимъ вкусомъ; талантливый и до крайности трудолюбивый. Лекціи свои онъ обработывалъ самымъ тщательнымъ образомъ, придавая имъ во всѣхъ отношеніяхъ особое изящество. Читалъ ихъ студентамъ, хоть и тихимъ голосомъ,—онъ былъ слабъ здоровьемъ,—но до того сердечно, что невольно увлекалъ и самаго невнимательнаго студента къ особому вниманію. Особенно увлекательны были его лекціи по предмету эстетики и по критическому разбору поэтовъ и писателей,—особенно Гоголя и Лермонтова, на которыхъ онъ останавливался съ особою любовію. Многіе студенты, благодаря Ивану Яковлевичу, читали усердно всѣ сочиненія Гоголя и Лермонтова, и изучали сами, заучивали наизусть много стихотвореній и постоянно декламировали ихъ по своимъ комнатамъ въ свободное время; Лермонтовское: „Печально я гляжу на наше поколѣнье...“; или „Въ минуту жизни трудную...“ или: „И скучно и грустно и некому руку подать“... или: „Восходитъ чудное свѣтило въ душѣ проснувшейся едва“... вездѣ, въ незанятное время, слышится у того или другаго студента, пробующаго освѣжать и вдохновлять свое юношеское сердце. А Гоголевскія сочиненія читали почасту, вмѣстѣ, собираясь кружками. Ухитрялись добывать и тѣ сочиненія Гоголя, которыя еще не были напечатаны и ходили по рукамъ въ рукописяхъ, слывя запрещенными, и спѣшили читать и въ одиночку по секрету и собираясь въ кагалы. Благодаря Ивану Яковлевичу студенты сами побуждались и располагались добывать и читать иностранныхъ поэтовъ и романы Диккенса, Теккерея, Купера и другихъ... Будучи отъ природы человѣкомъ смирнымъ, кроткимъ и робкимъ, онъ мирился со всѣми невзгодами, которыя вносили въ мирную и тихую академическую жизнь, какъ стихійная сила, иные изъ постоянно мѣнявшихся ректоровъ академіи—монашествующихъ, какъ Іоаннъ, негодовавшій на то, что въ академіи почти нѣтъ монаховъ, а все „попы одни, да женатые“,—и притаившись и живя осторожно, какъ Щедринскій пискарь, тихонько продолжалъ дѣлать дѣло и думать думу безъ шуму. Онъ былъ женатый, и женился по любви на дочери профессора же академіи Саблукова, лингвиста по восточнымъ языкамъ, безъ приданаго, такъ какъ тесть былъ бѣденъ и имѣлъ другую дочь, которую тоже по любви, взялъ

за себя другой профессоръ Гвоздевъ, и тоже безъ приданаго, чѣмъ и выведенъ былъ изъ нужды многосемейный Саблуковъ. Жена наградила Ивана Яковлевича супружескимъ счастіемъ и многочадіемъ. Въ семействѣ только онъ находилъ и утѣшеніе и отраду, и живительный отдыхъ отъ своихъ постоянныхъ оффиціальныхъ и частныхъ занятій, надъ которыми трудился, не покладая рукъ и не жалѣя силъ. И какъ чадолюбивѣйшій отецъ семьи, непрестанно боялся, какъ бы чего худаго не случилось съ нимъ, и не осталась въ горѣ и бѣдности семья. Поспокойнѣе душою онъ сталъ только тогда, когда на должности ректора академіи оказался человѣкъ не кочующій, а устойчивый и осѣдлый, изъ профессоровъ богословія Казанскаго университета, протоіерей Николай Поликарповичъ Владимірскій, солидный, опытный и великодушный, и къ тому же по курсу ученія въ Казанской академіи однокашникъ товарищъ. Съ поступленіемъ въ ректоры этого устойчиваго человѣка, жизнь академіи упрочилась и потекла по своему руслу ровно и солидно, стихійныя невзгоды перестали ее тревожить. Иванъ Яковлевичъ свободно и съ радостію трудился, и работалъ, и много наработалъ и письменной, и печатной работы въ продолженіе сорока лѣтъ служенія академіи. Одна его Исторія Русской литературы отъ древнѣйшихъ временъ, сочиненіе обширное и капитальное, прославила его въ мірѣ ученомъ и приноситъ пользу огромную всѣмъ преподавателямъ словесности и учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ, духовныхъ и свѣтскихъ,—не говоря о другихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ по разнымъ журналамъ. Умеръ онъ на должности, и за работой съ перомъ въ рукѣ; а семейство все-таки оставилъ безъ достаточнаго обезпеченія. Иванъ Яковлевичъ, служа въ академіи, долго не получалъ никакихъ служебныхъ наградъ и отличій, кажется, до своего юбилея. Монашествующее начальство тогда и не считало нужнымъ представлять къ наградамъ людей свѣтскихъ. По скромности своей онъ впрочемъ объ нихъ и никогда не думалъ, и бѣгалъ отъ всякаго его чествованія, какъ отъ язвы. Когда академическая корпорація задумала почесть его двадцатипятилѣтній юбилей, онъ усиленно уговаривалъ всѣхъ не затѣвать для него пустаго дѣла. И когда его чествованіе состоялось, онъ въ скромномъ смущеніи, въ своихъ отвѣтахъ на привѣтственныя рѣчи, почасту употреблялъ такія слова: „не заслужилъ я такого чествованія, и зачѣмъ это? Вѣдь я вовсе не особа“. Но профессоръ Знаменскій, извѣстный по изданію въ печати Исторіи Русской церкви, бывшій его ученикъ, говорилъ ему на это, что „чествуютъ его не какъ особу, но чествуютъ, какъ достойнаго учителя, его благодарные ученики,—а судъ учениковъ самый строгій судъ“... Но, служа долго въ академіи, въ другую половину службы Иванъ Яковлевичъ

дослужился до большихъ чиновъ и наградъ. Къ концу своей жизни онъ имѣлъ уже и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и какую-то звѣзду. Елисеевъ, въ своей послѣдней статьѣ „Вѣстника Европы“ говоритъ, что „въ перепискѣ со мной онъ никогда не упоминалъ объ этомъ и намеками, и когда я самъ узналъ объ этомъ, то Иванъ Яковлевичъ въ письмахъ своихъ всегда требовалъ отъ меня—не величать его превосходительствомъ, а писать просто, какъ всегда было, безъ титуловъ“.

Другіе профессоры были тоже не менѣе достойные люди, болѣе или менѣе уважаемые всѣми, именно: Андрей Игнатьевичъ Беневоленскій, уже дослужившій пенсію, преподавалъ Библейскую исторію. Замѣчательный простотою своей жизни, какъ древній философъ: одѣвался въ такую невзрачную одежду, что нельзя было его—статскаго совѣтника, отличить отъ простаго мѣщанина или портнаго, вставалъ съ ранняго утра—часа въ 4—5; дѣлалъ продолжительныя прогулки по полямъ лѣтомъ для моціона, ѣлъ самую простую пищу, не пилъ ни вина, ни ликера, за то страстный охотникъ до чая, котораго онъ выпивалъ цѣлый большой самоваръ одинъ заразъ, наливая вдругъ цѣлый рядъ чашекъ и выпивая ихъ одну за другой безъ перемежки. Роста былъ удивительно длиннаго и до крайности сухощавъ. Онъ былъ семейный...

Николай Александровичъ Бобровниковъ—предаровитая личность, но лѣнивый и до крайности небрежный. Родомъ сибирякъ, крѣпышъ по сложенію. Отлично зналъ и изучилъ монгольско-калмыцкій языкъ и литературу этого языка. Составилъ монгольско-калмыцкую грамматику—такую, что учеными изслѣдованіями и выводами филологическими по монгольско-калмыцкому языку привелъ въ удивленіе ученыхъ по восточнымъ языкамъ и получилъ за нее большую денежную премію отъ Императорской Академіи Наукъ. Въ академіи онъ служилъ недолго и вышелъ въ какіе-то попечители надъ киргизами.

Семенъ Ивановичъ Гремяченскій преподавалъ естественную исторію. Былъ большой спеціалистъ своего предмета, работая по своему предмету не для академіи, въ которой студенты ею не интересовались и не занимались тогда, а для своей ученой цѣли. Онъ готовился занять каѳедру по этой наукѣ въ Казанскомъ университетѣ, который отправлялъ его для ученаго изслѣдованія за Каспійское море,—для изслѣдованія прикаспійской флоры. На эту тему онъ написалъ ученую диссертацію, которую защищалъ въ Казанскомъ университетѣ на докторскомъ диспутѣ блистательно, и за это удостоенъ былъ ученой степени доктора естественной исторіи. Защиту диссертаціи я слышалъ и видѣлъ лично въ университетѣ, куда допускали и насъ, студентовъ академіи, и мы были отъ нея въ студенческомъ восторгѣ. Въ университетъ профессоромъ скоро и поступилъ, только не въ Казанскій,

а какой-то другой, и къ сожалѣнію скоро стало извѣстнымъ, что онъ умеръ отъ чахотки гдѣ-то за границей.

Иванъ Петровичъ Гвоздевъ преподавалъ гражданскую исторію и состоялъ секретаремъ Правленія. Умный, предобрый; но замѣчательно скромный, конфузливый и стыдливый, какъ красная дѣвица. При всемъ томъ лекціи его по исторіи, надъ составленіемъ которыхъ онъ трудился тщательно, были образецъ совершенства и слушались съ большимъ интересомъ. Онъ изъ иностранныхъ источниковъ выкапывалъ самое интересное для студентовъ и излагалъ это блестящимъ остроумнымъ языкомъ. Но много мѣшала дѣлу при этомъ его внѣшность: вялая и унылая по тону дикція, наклоненная голова съ опущенными внизъ глазами, которыми онъ боялся прямо и открыто смотрѣть на студентовъ. Онъ долго служилъ въ академіи—тихо, смирно, молчаливо, и умеръ въ ней, доживъ до средней старости. Съ Иваномъ Яковлевичемъ Порфирьевымъ были друзья и родственники, какъ женатые на родныхъ сестрахъ.

Михаилъ Михайловичъ Зефировъ преподавалъ Патристику. Онъ былъ еще и священникомъ при Богоявленской приходской церкви въ Казани, и женатъ былъ на дочери своего предмѣстника священника, уже умершаго, съ поступленіемъ на мѣсто священническое. Человѣкъ былъ умный, но съ капризами, или, какъ говорится, съ „душкомъ". Въ наше время, пока мы проходили курсъ академическій, онъ жилъ и дѣйствовалъ успѣшно и благополучно. Но при ректорѣ Іоаннѣ онъ оказался много потерпѣвшимъ и долженъ былъ въ свою защиту отъ гоненій и оскорбленій какъ ректора, такъ и епископа Антонія, обращаться съ протестами въ Синодъ. Затѣмъ былъ онъ ректоромъ семинаріи въ Тамбовѣ и, по оставленіи сей должности, поступилъ въ Казанскій университетъ профессоромъ богословія, и по выходѣ въ отставку на пенсіи умеръ въ 1889 году въ средней старости. О немъ есть особая брошюра-некрологъ, составленный и напечатанный проф. Знаменскимъ въ 1889 году въ Казани.

Всѣ поименованные наставники составляли кадръ академіи, въ составѣ своемъ устойчивый и болѣе или менѣе постоянный. Большинство изъ нихъ долго служило въ академіи, дослуживаясь до пенсіи. Всѣ они почти были во цвѣтѣ лѣтъ—молодые, съ энергическими силами, рвущимися на полезную дѣятельность. Одинъ только Беневоленскій, какъ старѣйшій, дослужившійся до пенсіи, казался уже утомленнымъ, но видимо бодрился, дѣлая для поддержанія бодрости большія дистанціи, въ видахъ моціона. Но Гусевъ, несмотря на свои лѣта, немного меньшія лѣтъ Беневоленскаго, по энергіи и веселости, не уступалъ ни въ чемъ молодымъ. Въ этомъ устойчивомъ кадрѣ и находило все академическое студенчество источникъ для

своего знанія и образованія. Его оно цѣпко держалось, къ нему внимательно прислушивалось, и его образомъ воззрѣній руководилось въ образованіи своихъ настроеній и направленій, понимая и чуя въ томъ живую плодотворную силу.

Кромѣ устойчиваго кадра преподавателей, былъ въ академіи еще элементъ наставническій, — подвижной, кочующій. Это профессоры-монахи, которыхъ, въ нашъ курсъ ученія, было много. Инспекторовъ въ нашъ курсъ было три смѣны. Застали мы при поступленіи въ академію, архимандрита Макарія, бывшаго инспектора Тамбовской семинаріи, о которомъ я упоминалъ выше. Онъ черезъ годъ безслѣдно оставилъ академію и посланъ въ какую-то семинарію. На мѣстѣ его оказался уже служившій въ академіи преподавателемъ Священнаго Писанія, молодой монахъ, и уже архимандритъ, Серафимъ. Въ академію онъ поступилъ баккалавромъ, будучи еще свѣтскимъ, Семеномъ Ивановичемъ Протопоповымъ, элегантнымъ джентльменомъ, умѣвшимъ танцовать и по-французски болтать, и знавшимъ музыку. Онъ былъ сынъ городскаго московскаго священника, умѣвшаго дать сыну хорошее домашнее воспитаніе. Ему поручили преподавать словесность, которую онъ хорошо преподавалъ, особенно эстетику. Зналъ хорошо философію и эстетику Гегеля, и увлекался воззрѣніями этого философа. И этотъ молодой человѣкъ года черезъ два оказался уже монахомъ, съ строгою и постною физіономіею, которую онъ такъ скоро себѣ усвоилъ и умѣлъ всегда носить неизмѣнно. Говорили, что повліялъ на него въ этомъ случаѣ іеромонахъ Антоній—баккалавръ той же академіи, нѣсколько прежде поступившій и въ монашество и въ академію. Съ нимъ Семенъ Ивановичъ прежде всего сошелся и сердечно сблизился. Антоній тоже былъ молодой монахъ, но увлекающійся сердцемъ, и впослѣдствіи не выдержалъ своего поста. Онъ былъ и архіереемъ въ Перми, но, по страсти къ напиткамъ охмѣляющимъ, былъ уволенъ. Но другъ его Серафимъ выдержалъ всѣ монашескіе посты: инспектора въ академіи, ректора въ Тверской семинаріи, епископа викарнаго въ Петербургѣ, самостоятельно—полнаго епископа въ Ригѣ, и еще гдѣ-то, и наконецъ, въ Самарѣ, гдѣ въ 1889 году и умеръ. Инспекторомъ въ академіи онъ былъ съ годъ, и своею безсердечностью, сухостью и тихимъ кошачьимъ обращеніемъ производилъ на всѣхъ студентовъ тяжелое впечатлѣніе, и потому всѣ очень были рады, когда скоро убрали его въ Тверь. На мѣстѣ инспекторскомъ, вмѣсто Серафима, поставили архимандрита Ѳеодора. Онъ былъ сначала баккалавромъ въ Московской академіи, гдѣ поступилъ въ монашество при окончаніи курса. Въ Казанской академіи онъ съ годъ служилъ только однимъ профессоромъ Священнаго Писанія, и съ переводомъ Серефима дали ему и

инспекторскую должность. Инспекторомъ онъ былъ плохимъ — бездѣятельнымъ; для студентовъ это было льготное время: они были весьма довольны безпритязательностію, равнодушіемъ и невмѣшательствомъ въ ихъ жизнь и порядки отца Ѳеодора. Но какъ профессоръ своей науки отецъ Ѳеодоръ былъ образцовый и рѣдкій оригиналъ; по складу своего умственнаго настроенія, это былъ глубокій внутренній созерцатель—аскетъ, искренне-религіознаго духа, во свѣтѣ слова Божія—Христа Богочеловѣка. Его высокое, широкое и глубокое міросозерцаніе основывалось на выработанномъ имъ по слову Божію принципѣ: Богъ вообще по существу своему есть любовь, почивающая въ Сынѣ, въ силѣ Св. Духа; проявляется эта любовь въ отношеніяхъ къ міру черезъ Сына, въ безмѣрномъ обиліи даровъ Св. Духа; это доказано ясно великими дѣлами Божіими: твореніемъ, промышленіемъ и искупленіемъ; Богочеловѣкъ Сынъ Божій, какъ полнота, есть единственный путь, чрезъ который доступна всѣмъ людямъ любовь Отчая и проявляется имъ только этимъ путемъ; — такъ какъ Единородный возлюбленный — сынъ есть полнота отчей любви, „въ немъ все его благоволеніе". Изъ этого принципа выходили всѣ его размышленія, бесѣды и ученыя изслѣдованія въ сочиненіяхъ и лекціяхъ; имъ они одушевлялись и къ нему возвращались. Непрерывнымъ занятіемъ его всегда было чтеніе и размышленіе съ изслѣдованіемъ слова Божія по книгамъ Священнаго Писанія. Свои размышленія и изслѣдованія онъ старался излагать письменно и давать имъ форму того или другаго сочиненія. Писатель онъ былъ плодовитый и глубокій съ сильною логикою. Празднымъ онъ не любилъ быть ни на минуту. Если и одинъ былъ повидимому безъ дѣла, но мысль его непремѣнно работала серьезно надъ обдумываніемъ чего-либо нужнаго для задуманнаго имъ сочиненія, или для бесѣды въ классѣ. Умственная внутренняя работа и писательство придуманнаго и обдуманнаго, или бесѣда объ этомъ въ классѣ со студентами,—вотъ единственное, возлюбленное его дѣло, въ которомъ онъ чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ, какъ птица въ воздухѣ... Онъ написалъ и издалъ въ печати много сочиненій, много осталось въ рукописяхъ ненапечатаннаго. Когда онъ прибылъ въ нашу Казанскую академію изъ Москвы, у него видѣли и читали нѣсколько обширное рукописное толкованіе Апокалипсиса. Сѣтовалъ онъ на митрополита Филарета, что не согласился онъ на отпечатаніе этого сочиненія. Видѣли и читали и другое рукописное сочиненіе, тоже большое—разборъ всѣхъ сочиненій Гоголя съ христіанской точки зрѣнія. Гоголя онъ глубоко уважалъ и имѣлъ съ нимъ, какъ говорили, и переписку... Студентамъ преподавалъ богословіе догматическое по учебнику Макарія. Но методъ изученія Макарьевскій не одобрялъ. „Доказывать и выяснять

догматическія истины не такъ нужно, говорилъ и училъ онъ, какъ у Макарія: приведеніемъ текста Священнаго Писанія и преданія — свидѣтельство отцевъ церкви, и далѣе разумомъ отдѣльно. Разумомъ догматъ не докажешь. Разумъ долженъ соображать по слову Божію и въ его свѣтѣ такъ, чтобы изъ этихъ соображеній ясно становилось и то, почему такъ говоритъ и слово Божіе и преданіе о той истинѣ, какая изложена въ формѣ догмата". Держась слова Божія, онъ въ изслѣдованіяхъ и объясненіяхъ истинъ христіанскихъ давалъ свободный ходъ своимъ соображеніямъ, и своимъ острымъ и логическимъ умомъ любилъ углубляться въ самую сущность предмета. Въ Московской академіи онъ преподавалъ Священное Писаніе, и по свойственной ему привычкѣ трудиться надъ дѣломъ своимъ всѣми силами непрестанно и усердно, онъ изучилъ его еще тамъ основательно, и отдался ему всею душою, не оставляя заниматься имъ никогда. Въ этихъ занятіяхъ онъ находилъ неизсякаемый источникъ для своихъ профессорскихъ познаній и обильный матеріалъ для профессіальныхъ лекцій и бесѣдъ со студентами, и для писательства литературнаго въ печати, къ которому чувствовалъ большое призваніе, и которымъ охотно и съ любовью занимался въ свое свободное отъ оффиціальныхъ занятій время, какъ художникъ-писатель. Въ этихъ только занятіяхъ онъ ставилъ все дѣло своей жизни и находилъ утѣшеніе и отраду во всю свою труженическую и многострадальную жизнь. Дома его всегда найдешь съ книжкою въ рукѣ—если онъ свободенъ отъ дѣлъ, и сидѣлъ или ходилъ по комнатѣ,—и книжка непремѣнно Новый Завѣтъ, въ который онъ постоянно заглядывалъ. Это былъ великій и оригинальный философъ слова Божія, и при этомъ чистокровный монахъ, самаго возвышеннаго достоинства. Онъ жилъ среди людей и вмѣстѣ съ ними работалъ надъ общимъ дѣломъ. Но люди эти, его окружающіе и дѣлающіе съ нимъ общее дѣло, больше дѣла „любили міръ и я же въ мірѣ", и были поэтому людьми мірскими. А отецъ Ѳеодоръ былъ человѣкъ не отъ міра сего, онъ жилъ и дѣйствовалъ въ мірѣ, какъ отрекшійся отъ міра и всего, „еже въ немъ: похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской", и былъ въ полномъ смыслѣ монахъ, занятый только дѣломъ спасенія отъ зла мірскаго, первѣе всего себя, и другихъ—непрестаннымъ и глубокимъ изученіемъ слова Божія, источника „премудрости и разума", и обученіемъ Божіей премудрости и Божіей силы, по этому единственно источнику, и другихъ, просвѣщая всѣхъ и словомъ и дѣломъ, какъ „велій въ царствіи небесномъ". Удаляясь отъ всякой житейской суеты и не интересуясь никакими земными благами, онъ и жилъ идеально-монашески уединенно, келейно-одиноко, и внутренно и внѣшно, какъ истинный μόνος—монахъ, непрестанно помня великую

клятву монашескаго постриженія—свято держать обѣтъ отреченія отъ мірскихъ пристрастій.

При такомъ образѣ жизни и настроеніи онъ не могъ быть въ близкихъ общеніяхъ ни съ кѣмъ изъ своихъ товарищей-профессоровъ. Даже въ средѣ своихъ ближайшихъ собратій по иноческому обѣту, ректора и профессоровъ-монаховъ, чувствовалъ себя одиноко, не находя нужной общности въ интересахъ. И это понятно,—тѣ монахи, среди которыхъ онъ жилъ въ академіи, были люди вполнѣ отъ міра сего. Они и поступили въ монашество для карьеры, для власти, богатства и почестей. И всѣ ихъ интересы большею частію вращались около однихъ этихъ мірскихъ благополучій, къ которымъ стремилась ихъ жаждущая и алчущая душа. И разговоры у нихъ въ частныхъ компаніяхъ были любимые больше о томъ, кого на какое мѣсто переведенъ, кто какую награду получилъ, а кого—этой наградой обошли, кого повысили, кому ходу не даютъ, какой архіерей имѣетъ доходную епархію, гдѣ онъ большіе доходы получаетъ отъ Почаевской лавры или Саровской пустыни и т. п. Всѣмъ этимъ отецъ Ѳеодоръ интересовался, какъ прошлогоднимъ снѣгомъ. Душа его занята была учеными интересами и жаждала одной правды Христовой, о которой онъ желалъ бы съ своими собратіями по душѣ поговорить и съ назидательностію поразсудить, но этой жаждѣ своей не могъ находить удовлетворенія. А потому и былъ большею частію и скученъ, и грустенъ въ кружкѣ и въ компаніи и своихъ собратій ближайшихъ... Грусть, впрочемъ, никогда не оставляла его и всегда свѣтилась въ его глубокихъ умныхъ глазахъ, придавая всей его физіономіи грустно-задумчивое выраженіе, и всей его структурѣ страдальческое положеніе. Онъ былъ невзраченъ собой, малаго роста, худощавый, нервный и вообще слабаго здоровья. Смотря на него, всѣ видѣли, что какая-то глубокая скорбь постоянно давила его сердце, но этой скорби окружающая его товарищеская среда, за небольшими исключеніями, понять не могла и не хотѣла, легкомысленно называя его страннымъ человѣкомъ. И такого-то человѣка, истиннаго монаха, который и монашество принялъ для ученаго подвига,—погруженнаго всѣмъ сердцемъ и всею душою въ свою великую науку, въ которой онъ находилъ все свое утѣшеніе, изучая Божію силу и Божію премудрость Христа—Богочеловѣка, въ Его словѣ и дѣлѣ, захотѣли оторвать отъ профессорской, ученой и учебной службы, на которой онъ, какъ сѣмя на доброй землѣ, и способенъ былъ приносить обильный плодъ и „во сто кратъ“, и уже работалъ съ большимъ успѣхомъ и привычною рукой. И оторвали, чтобы повесть по тѣмъ ступенямъ карьеры, по которымъ, съ легкостію не монашескою, удобно идетъ наше ученое монашество и къ власти и къ почестямъ,

съ прибавкою и богатства. И уже повели, но ведомый, по своей внутренней тяжеловѣсности, на этихъ легкихъ ступеняхъ не могъ держаться съ удобствомъ, скоро споткнулся и наконецъ упалъ роковымъ паденіемъ. Если бы дали этому человѣку всѣ удобства работать въ академіи, тихо, мирно, безъ шума и тревогъ, и съ обезпеченіемъ со стороны матеріальной, житейской, то изъ отца Ѳеодора вышелъ бы великій философъ-богословъ, великій ученый и писатель, знаменитый профессоръ и высокій подвижникъ-монахъ. На все это очевидны были въ немъ большіе задатки и начатки. Но... какая-то стихійная сила повернула дѣло по-своему...

Въ академіи отцу Ѳеодору дали еще должность инспектора, которой онъ и не желалъ, и къ которой былъ и неспособенъ и неудобенъ. Затѣмъ скоро переведенъ былъ въ какую-то семинарію въ ректора, и наконецъ оказался въ Петербургѣ, въ цензурномъ комитетѣ, и проживалъ въ домѣ Невской лавры, на Невскомъ кладбищѣ, гдѣ помѣщался этотъ духовный цензурный стражъ, въ составѣ нѣсколькихъ архимандритовъ ученыхъ, и оказавшихся по чему-либо неудобными идти по лѣстницѣ далѣе къ архіерейству. На этой-то почвѣ сухой, каменистой и тернистой, и засѣлъ отецъ Ѳеодоръ, со всѣми учеными стремленіями и съ молодыми неустанными силами, силами могучими, рвавшимися къ ученой дѣятельности, къ разработкѣ науки, и долженъ былъ, скрѣпя сердце, заняться узенькою и мелочною, кропотливою и суетливою духовною цензурою разныхъ книгъ и книженокъ, процѣживать мутную воду и „оцѣживать комарей“. Но и на такой почвѣ находилъ возможность отдаваться ученымъ трудамъ, и издавалъ ихъ или въ особыхъ изданіяхъ въ печати, или въ статьяхъ по журналамъ. Эти статьи всегда были оригинальны и выдавались изъ ряда другихъ своими, тогда еще новыми и необычайными, воззрѣніями, и ученіемъ о современныхъ духовныхъ потребностяхъ русской мысли и жизни. Онѣ обращали особое вниманіе къ нему и начальства и печати, съ разныхъ точекъ зрѣнія. Но при этомъ, не знаю, какъ и отчего, становилось жить отцу Ѳеодору очень тяжело.

Въ это время свирѣпствовала одна мизерная газетка—не газетка, и журналъ—не журналъ, пресловутая „Домашняя Бесѣда“. Аскоченскаго поддерживали матеріальною помощію и выпискою его изданія всѣ монашествующіе ученые и епископы. Вотъ этотъ-то Аскоченскій въ своей „Домашней Бесѣдѣ“ и принялся обличать Ѳеодора за его сочиненія, взводя на него разныя хулы и клеветы въ неправославіи и ереси. Въ сочиненіяхъ Ѳеодора ничего такого и тѣни нѣтъ, но не прочитавшіе этихъ сочиненій и непонявшіе ихъ какъ слѣдуетъ, и читавшіе кое-какъ,—потому что чтеніе сочиненій Ѳеодора требуетъ особаго вниманія и углубленія по своей тяжеловѣсности внутренней,—

вѣрили Аскоченскому и составляли о немъ неправильное понятіе, и называли его, если не еретикомъ, то мистикомъ. Отецъ Ѳеодоръ съ горечью все это долго переносилъ, и наконецъ волей-неволей вынужденъ былъ войти въ журнальную полемику съ „Домашней Бесѣдой", и мастерски опровергъ всѣ лживыя инсинуаціи Аскоченскаго, доказательно уличивъ его самого въ непониманіи ни православія, ни благочестія, и въ распространеніи своею Бесѣдою въ публикѣ только религіознаго невѣжества и мракобѣсія. Но это не послужило на пользу. На сторонѣ Аскоченскаго была вся внѣшняя сила, и онъ не переставалъ свирѣпствовать, пока не пришелъ смертный часъ его Бесѣдѣ и ему самому. А между тѣмъ отцу Ѳеодору, по какимъ-то еще темнымъ обстоятельствамъ, скоро пришлось оставить мѣсто и въ цензурномъ комитетѣ, и оказаться въ одномъ изъ монастырей, кажется, Тверской епархіи, въ числѣ братства. Говорили, что онъ имѣлъ какія-то неблагопріятныя объясненія съ митрополитомъ Исидоромъ, который Аскоченскаго любилъ и денегъ много давалъ ему на бѣдность, а къ отцу Ѳеодору всегда былъ крайне нерасположенъ. Но что такое было сдѣлано Ѳеодоромъ преступнаго и что такое побудило начальство сослать Ѳеодора, какъ виновника въ чемъ-то важномъ, въ монастырь въ число братства, покрыто мракомъ неизвѣстности. Но чего-либо преступнаго, заслуживающаго такого строгаго наказанія, сдѣлать не могъ Ѳеодоръ—это противно было всей его глубоко-правдивой и честной натурѣ. Скорѣе всего онъ пострадалъ за любимую имъ правду Христову, которую онъ могъ безбоязненно и даже рѣзко высказать митрополиту, особенно когда его нервную натуру уже давно и много раздражали разные наговоры и клеветы, которые митрополитъ могъ довѣрчиво выслушивать отъ разныхъ современныхъ фарисеевъ и Пилатовъ, обыкновенно не терпящихъ всѣхъ искренно-правдивыхъ людей, убѣжденно и безбоязненно говорящихъ правду и поступающихъ по ней. И вотъ архимандритъ Ѳеодоръ, ученый, писатель, въ какомъ-то убогомъ, глухомъ монастырѣ, какъ зауряднѣй монахъ!!

Жизнь архимандрита Ѳеодора, въ числѣ монастырскаго братства, при его безпристрастіи къ житейскимъ благамъ и по привычкѣ своей къ аскетической жизни, къ уединенію отъ шума мірскаго, была бы для него сносною и не тяжелою, если бы онъ нашелъ въ монастырѣ дѣйствительное братство Христово, къ которому всегда стремилась его христіанская душа, и если бы онъ имѣлъ возможность и удобство въ тишинѣ своей кельи отдаться привычнымъ ученымъ трудамъ, писать сочиненія и издавать ихъ въ печати. Но, на бѣду свою, ничего этого въ монастырѣ онъ не нашелъ. Братія монашествующая, съ настоятелемъ во главѣ, приняли его и обращались съ нимъ совсѣмъ не по-братски. Они смотрѣли на него какъ на опальнаго, какъ на опаснаго еретика, и

своими подозрительными взглядами и оскорбительными обращеніями причиняли его чувствительному сердцу глубокое горе. Къ этому горю присоединялся полнѣйшій недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ и горькая бѣдность, при которой нельзя было ему и думать объ ученыхъ занятіяхъ и печати. Не за что было взяться. Да братія монашеская постоянно мѣшала ему и чисто антихристіански не давала ему никакого покоя. Въ этомъ тяжеломъ положеніи кое-чѣмъ помогали ему нѣкоторые изъ знавшихъ его почитателей. Разъ даже митрополитъ московскій Филаретъ прислалъ ему сто рублей. Забылъ я монастырь, гдѣ онъ находился; помнится только, что было это въ Тверской епархіи.

Разсказывали, что горячее участіе въ бѣдственной судьбѣ Ѳеодора въ монастырѣ приняло одно семейство уѣзднаго предводителя дворянства, и особенно сердобольная его дочь, не молодыхъ лѣтъ, которая особенно симпатизировала всему душевному настроенію отца Ѳеодора, и, узнавъ его поближе, горько соболѣзновала о томъ, что не поняли богато одаренную всѣми достойными дарами душу Ѳеодора и совершенно напрасно и несправедливо подвергли его жестокимъ страданіямъ; и готова была всѣмъ жертвовать для облегченія его горя и поддержанія силъ для дѣятельности, и если бы возможно было, въ этихъ видахъ заявляла желаніе выйти за него замужъ, чтобы быть ему во всемъ помощницею, по праву и закону. Великодушіе и искреннее сердечное участіе этой, какъ всѣ говорили, достойной особы до глубины души тронуло отца Ѳеодора, который во всю свою многострадальную жизнь ни въ комъ почти не находилъ родной души, ему сочувствующей, и вездѣ въ окружающихъ его людяхъ встрѣчалъ почти всегда холодность и безучастіе. Эта отрада давала ему съ терпѣніемъ выносить тяжесть своего положенія. Но когда, несмотря на его просьбы и ходатайства другихъ, о томъ, чтобы освободили его изъ заточенія и дали ему возможность добрымъ по апостолу подвигомъ подвизаться, теченіе скончать, вѣру соблюсти, тамъ, — въ тѣхъ ученыхъ трудахъ, гдѣ и къ чему онъ готовился, привыкъ и способенъ и можетъ и вѣру соблюсти и подвиги совершить на пользу и спасеніе себя и другихъ,—всѣ эти его усилія и домогательства остались тщетными, при полномъ холодномъ невниманіи къ нимъ, и участь его въ монастырѣ все болѣе и болѣе ухудшалась и отягощалась; онъ наконецъ не нашелъ возможности болѣе терпѣть, такъ какъ, по его пониманію и религіозному чувству, такое терпѣніе не ведетъ къ спасенію, а ведетъ прямо къ озлобленію и гибели. Чтобы не согрѣшить предъ Господомъ и не оказаться предъ Нимъ вѣроломнымъ нарушителемъ обѣта безусловнаго послушанія, требуемаго монашествомъ, и не погубить себя озлобляющимъ терпѣніемъ, къ которому, по независя-

щимъ отъ него обстоятельствамъ, привело его монашество, онъ, по долгомъ размышленіи, безповоротно рѣшилъ сложить съ себя монашество и высвободить отъ узъ его душу на свободу спасительнаго терпѣнія. И сложилъ съ великимъ терпѣніемъ, и отдался добровольно еще большему терпѣнію, продолжавшемуся до конца его жизни, и отъ эпитимійнаго наказанія за сложеніе, и особенно отъ поношеній и злословій всѣхъ современныхъ фарисеевъ, которые пронесли имя его „яко зло", и усиливались сдѣлать его „притчею во языцѣхъ". Но Александръ Ивановичъ Бухаревъ (по сложеніи монашескаго имени Θеодора) все переносилъ терпѣливо, наконецъ и женился благочестиво. Съ христіанскою любовью вступила съ нимъ въ законный бракъ та сердобольная героиня дѣвица, которая такъ симпатично отнеслась къ невинно страдавшему въ монастырѣ Θеодору, и стала его женою со всѣми достоинствами истинной помощницы мужа, какъ добрая жена библейская, жена христіанка. Съ нею онъ жилъ мирно и скромно много лѣтъ, ни въ чемъ не нуждаясь и имѣя полное удобство въ ученыхъ занятіяхъ. Въ это время онъ успѣлъ написать и издать въ печати много книгъ глубокоумнаго содержанія, напримѣръ, нѣсколько отдѣльныхъ толкованій на двѣнадцать книгъ малыхъ пророковъ ветхозавѣтныхъ, на книгу Іова. Изъ всѣхъ напечатанныхъ книгъ, кромѣ означенныхъ, я знаю нѣсколько: 1) Новый Завѣтъ; 2) О духовныхъ потребностяхъ русской мысли и жизни; 3) О современности въ отношеніи къ православію; 4) Апостолъ Павелъ въ своихъ посланіяхъ; 5) О миротвореніи. — Эти книги я читалъ самъ и имѣю ихъ у себя, и уважаю ихъ и цѣню, какъ книги глубокомысленныя и весьма поучительныя. Не всѣ ихъ съ охотою читаютъ, потому что требуютъ особаго вниманія и углубленія. Но есть и еще книги и въ печати, и въ рукописяхъ, которыя почему-то не выходятъ въ печати. Знаю, что незадолго до смерти своей А. И. Бухаревъ готовился напечатать капитальное и обширное сочиненіе, вполнѣ имъ оконченное, подъ заглавіемъ: „Іисусъ Христосъ въ своемъ словѣ". Покойный, извѣстный Михаилъ Петровичъ Погодинъ, уважавшій архимандрита Θеодора, и А. И. Бухарева, по его смерти заявилъ желаніе издать всѣ ненапечатанныя сочиненія его, но самъ скоро умеръ.

По сложеніи монашескаго сана и женатый, Александръ Ивановичъ Бухаревъ нѣсколько лѣтъ жилъ съ своею женою на собственныя средства весьма скромно, и только не бѣдно. Всѣ знавшіе его люди, его окружающіе, уважали его и посѣщали его почасту для его умныхъ бесѣдъ. Многіе изъ почитателей его присылали ему и денегъ, зная его недостаточныя средства. Однажды одинъ знакомый, зайдя къ нему побесѣдовать, между прочимъ, спросилъ его, отчего это нынѣ чудесъ нѣтъ, какъ въ древнее время. „Какъ нѣтъ?—отвѣтилъ А. И.

Бухаревъ,—есть, и много, близъ и около насъ. Вотъ вамъ мое положеніе, средствъ у меня вовсе нѣтъ, — чтобы жить, какъ я теперь живу — достаточно, а между тѣмъ я уже нѣсколько лѣтъ живу, и средства текутъ ко мнѣ невидимо и даются таинственно рукою Промыслителя. Случалось такъ, что все изсякло — нечѣмъ жить, а тутъ внезапно получаю пакетъ или письмо съ почты — денежныя, и такъ вотъ постоянно и въ нужное время. Не чудо ли?“ Но жить для него было работать, а онъ работалъ надъ сочиненіями своими непрерывно до самой смерти, которая уже стучалась къ нему почасту и давно. Многострадальная его жизнь, при непрерывныхъ трудахъ, поселила въ немъ злую болѣзнь—чахотку, въ которой онъ долго страдалъ и постепенно угасалъ. Во все время его болѣзни жена его ухаживала за нимъ съ удивительнымъ самоотверженіемъ, какъ истинная сестра милосердія; читала ему по его указанію разныя мѣста изъ книгъ и особенно изъ свящ. писанія; когда близка была смерть, онъ непрестанно требовалъ читать псалмы Давида,—тѣ, гдѣ Давидъ сѣтовалъ среди враговъ своихъ и взывалъ къ Богу о помощи, и послѣднія рѣчи Спасителя. И умеръ на рукахъ жены истинно христіанскою кончиною, проживъ не болѣе 50 лѣтъ, если не менѣе...

Тотъ фактъ, что архимандритъ Ѳеодоръ, ученый профессоръ, и уже заслуженный человѣкъ, получившій немало служебныхъ отличій, до ордена св. Анны 2 ст.,—снялъ съ себя монашескій санъ и затѣмъ женился, въ свое время надѣлалъ много шуму, особенно въ средѣ духовной. И писали и говорили о немъ, какъ о скандалѣ въ монашескомъ мірѣ, и позоръ этого скандала, кто по невѣжеству, кто по фарисейской злонамѣренности, возлагали на одну бѣдную голову Бухарева. Фактъ этотъ—одинъ, въ голомъ своемъ видѣ, дѣйствительно и не могъ произвести инаго впечатлѣнія въ поверхностномъ общественномъ мнѣніи; но, взятый въ историческомъ и органическомъ его смыслѣ, фактъ этотъ получалъ иное значеніе и производилъ иное впечатлѣніе. Такъ и приняли его всѣ благонамѣренные люди, болѣе или менѣе знавшіе дѣло въ его сути, и никакъ не могли бросить камня въ достойную личность Бухарева, и придали факту истинное его значеніе, назидательное и вразумительное для всего монашества, а особенно для монашества ученаго, въ отношеніи практическомъ и принципіальномъ.—Для нихъ ясенъ былъ тотъ смыслъ этого факта, что въ средѣ современнаго монашества, и особенно ученаго, такому монаху, какъ Ѳеодору, не могло быть удобнаго мѣста. Онъ смотрѣлъ на монашество идеально и хотѣлъ идти къ его идеалу чистымъ путемъ, и осуществлять въ себѣ по мѣрѣ силъ въ трудѣ аскетическаго ученаго. Практической сноровки въ видахъ дипломатическихъ и карьеристическихъ у него никакой не было, какъ у раба Христова.

Все его внутреннее отражалось и вовнѣ, всегда просто и естественно, безъ всякой двойственности и искусственности. Все въ немъ было убѣжденное, выработанное своимъ глубокимъ размышленіемъ по совѣсти и руководству ученія Христа, о которомъ онъ постоянно размышлялъ, и который у него всегда былъ главнымъ и неистощимымъ предметомъ изученія по всему обширному слову Божію и Ветхаго и Новаго завѣта, особенно Евангелія. И за свои убѣжденія, такъ дорого ему достававшіяся, онъ крѣпко стоялъ и никогда не соглашался на уступки, которыхъ требовали отъ него какія-либо фальсификаціи стороннія изъ видовъ своекорыстныхъ и подъ видомъ мнимаго блага попирающихъ любимую имъ Христову истину. Въ этихъ случаяхъ онъ смѣло готовъ былъ идти на всѣ непріятности отъ всякой сильной лжи, твердо держась и исповѣдуя истину. Во внѣшней жизни онъ тоже аскетъ; для утоленія голода и поддержанія силъ, и въ какомъ-либо кулинарномъ искусствѣ былъ полный профанъ; объ одеждѣ не заботился, довольствуясь самою простою и дешевою, лишь бы не была грязна и худа. Легкую праздную жизнь терпѣть не могъ, и болтать въ компаніяхъ и гостиныхъ „о томъ, о семъ" не любилъ, но въ бесѣдахъ дѣльныхъ былъ неистощимъ и энергиченъ. Вся цѣль его земной жизни клонилась въ своей дѣятельности къ тому, чтобы изучить Христа и воплощать Его въ себѣ, пропагандируя Его слово и дѣло въ другихъ людяхъ. Монашескіе подвиги онъ сосредоточилъ въ этомъ ученомъ и учебномъ трудѣ, къ которому присоединялъ непрестанно и подвигъ молитвы, особенно умной—созерцательной. Вотъ какой истинный монахъ обиталъ въ великой душѣ Ѳеодора! Скажите по совѣсти и откровенно—могъ ли онъ уложиться въ современной монашеской формѣ, и могла ли выйти для него польза, если бы уломали его въ эти узкія рамки!?...

Еще монашествующими наставниками въ академіи, въ продолженіе моего ученія въ ней, были: архимандритъ Паисій, іеромонахъ Веніаминъ, іеромонахъ Григорій и іеромонахъ Діодоръ. Паисій оставилъ память во мнѣ о томъ только, что всегда производилъ забавное впечатлѣніе въ насъ, студентахъ, всѣмъ складомъ своихъ рѣчей и дѣйствій. При видѣ его нельзя не разсмѣяться. Былъ-какой то всклокоченный, какъ будто только всталъ со сна—не успѣлъ хорошенько умыться, причесаться, и наскоро, кое-какъ одѣлся въ первую попавшую подъ руку одежду, съ клобукомъ широкимъ и низкимъ, изъ-подъ котораго въ безпорядкѣ торчали растрепанные волосы, и говорилъ глухимъ басомъ, языкомъ аляповатымъ.

Взглядъ имѣлъ какой-то диковатый и казался какъ бы чѣмъ ошеломленнымъ. Походка развалистая, мужицкая. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ неуменъ. Иногда онъ высказывалъ и высокія мысли. Но

въ мышленіи его не было строя, и много было хаотическаго. И лекціи его были крайне безпорядочны; онъ составлялъ ихъ изъ переводовъ иностранныхъ книгъ, и такъ писалъ, что самъ терялся во множествѣ исписанныхъ имъ листовъ бумаги, которые собирались имъ въ одну безпорядочную кучу, изъ которой онъ, идя въ классъ на лекцію, захватывалъ горстью, что подъ руку попадалось, и читалъ преспокойно по этимъ листамъ, не обращая никакого вниманія и нисколько не интересуясь, слушаютъ его студенты или нѣтъ. Дома въ квартирѣ онъ большею частью сидѣлъ или ходилъ, все о чемъ-то мечтая, и если кто приходилъ къ нему, не скоро могъ обратить на себя его вниманіе и разговориться. Да разговаривать онъ ни о чемъ и не умѣлъ и не хотѣлъ, и если заговаривалъ о чемъ, то это было что-то заоблачное, чего въ толкъ никакъ не возьмешь. Всѣмъ казался чѣмъ-то тронутымъ, въ чемъ-то помѣшаннымъ. И такого человѣка долго терпѣли въ академіи, и послали потомъ въ ректора, кажется Тобольской семинаріи, гдѣ онъ и сталъ неизвѣстенъ въ дальнѣйшей судьбѣ.

Іеромонахъ Веніаминъ долго служилъ въ академіи и поступилъ въ монашество, будучи еще студентомъ той же академіи Казанской. Съ начала былъ баккалавромъ, а къ концу службы профессоромъ въ санѣ архимандрита. Эта личность очень умная и трудолюбивая. Всѣ свои труды и занятія съ усердіемъ отдавалъ на пользу академіи—студентамъ. Онъ постоянно исполнялъ еще обязанности помощника инспектора и имѣлъ ближайшій хлопотливый надзоръ за поведеніемъ студентовъ, такъ что инспекторамъ за нимъ было легко, и нечего было дѣлать. По характеру своему тихій, скромный и аккуратный—онъ тихонько и легонько, вездѣ бывая и все усматривая своими, хоть подслѣповатыми и въ очкахъ, глазами, умѣлъ заставлять всѣхъ студентовъ—и самыхъ рьяныхъ и задорныхъ—вести себя смирно, хотя студенты вообще и недолюбливали его за сованія своего носа всюду, а особенно за преслѣдованіе табакокуренія. Читалъ церковную исторію по Неандеру и лекціи составлялъ тщательно, перерабатывая въ нихъ взгляды нѣмецкаго ученаго на православный тонъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ—около восьми своей службы въ академіи—его перевели въ ректора семинаріи въ Томскъ, затѣмъ былъ викарнымъ селенгинскимъ въ Иркутскѣ, гдѣ оказался дѣятельнымъ на миссіонерскомъ поприщѣ. Потомъ состоялъ архіепископомъ иркутскимъ.

Іеромонахъ Григорій, когда я еще учился въ академіи на старшемъ курсѣ, поступилъ баккалавромъ, принявъ монашество вслѣдъ за окончаніемъ курса. Я его зналъ еще студентомъ, учившимся на старшемъ курсѣ. Учился онъ въ академіи успѣшно, былъ по списку первымъ; считался даровитымъ, но выглядѣлъ какимъ-то бурсакомъ, злаго и задорнаго характера. Звали его: Левъ Петровичъ Полетаевъ.

Соперникомъ ему по ученію былъ Сергѣй Васильевичъ Керскій, имѣвшій виды на первенство и преимущество предъ Полетаевымъ, не менѣе его даровитый и при томъ благовоспитанный и политичный, и за это всегда нравившійся начальству. Керскій могъ бы скорѣе быть оставленъ при академіи баккалавромъ, если бы Полетаевъ, предвидя это, не предупредилъ его принятіемъ монашества. Ну, монаху и сдѣлали предпочтеніе. А Керскій поступилъ въ Лысково смотрителемъ, не желая быть монахомъ, и пошелъ по части чиновнической въ С.-Петербургѣ, состоя теперь помощникомъ директора канцеляріи Синода. Полетаевъ же, въ должности баккалавра, подъ именемъ Григорія, опредѣленъ преподавать Священное Писаніе въ академіи. Преподаваніе его было безцвѣтное и безплодное, по крайней мѣрѣ, въ наше время въ продолженіе двухъ или около того лѣтъ. А послѣ онъ, за переводомъ изъ академіи Веніамина, сдѣланъ былъ еще и помощникомъ инспектора, и на этой должности постоянно былъ въ злобной ссорѣ со студентами и до того имъ насолилъ, что терпѣть его не могли, называя его не иначе, какъ „Гришкой", и нерѣдко возмущались, вызывая вмѣшательство ректора для усмиренія обѣихъ сторонъ. Изъ академіи его скоро постарались сбыть на высшую должность куда-то ректоромъ семинаріи, откуда угодилъ въ монастырь въ число братства, затѣмъ былъ опять въ семинаріи рядовымъ наставникомъ, — и уже въ послѣднее время оказался въ Иркутскѣ въ семинаріи ректоромъ. Ректуру эту выхлопоталъ ему уже протежоръ его Веніаминъ, съ которымъ близокъ былъ еще въ Казанской академіи, когда Веніаминъ сдѣлался архіепископомъ иркутскимъ. Изъ Иркутска онъ оказался въ С.-Петербургѣ членомъ духовно-цензурнаго комитета. И вотъ только нынѣ, въ 1891 году, послѣ тридцатилѣтняго своего мытарства по Россіи и Сибири россійской, въ продолженіе котораго испарились было и всѣ мечты его объ архіерействѣ, удалось ему наконецъ быть епископомъ викарнымъ въ Литвѣ, куда онъ назначенъ отъ 26-го января.

Объ іеромонахѣ Діодорѣ можно сказать только, что онъ „не расцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней". Годъ одинъ пробылъ баккалавромъ въ нашей Казанской академіи и постоянно запивалъ. Присланъ былъ изъ академіи С.-Петербургской прямо со скамейки и уже монахомъ. Человѣкъ—юноша, кровь съ молокомъ, красивый. Запилъ отъ тоски по жизни—живой, взятъ былъ для обновленія опять въ С.-Петербургъ, гдѣ не переставалъ пить, отъ чего и умеръ 25—26 лѣтъ.

Грустное впечатлѣніе производитъ судьба этихъ двухъ молодыхъ монаховъ, которые оказались въ монашествѣ, совершенно къ тому непризванные и увлеченные лишь приманками карьеры. Они не со-

владѣли съ своими натурами и не могли уломать ихъ въ узкія формы ученаго монашества тогдашняго склада. Одинъ Полетаевъ по отсутствію безусловнаго послушанія въ угоду своего начальства,— другой Діодоръ Ильдомскій — по кипучей крови и порывамъ молодости. Тогда существовала и господствовала жалкая система вербовки въ монашество студентовъ по всѣмъ академіямъ. Начальствующее монашество считало, какъ бы, своею непремѣнною обязанностію тѣми или другими способами располагать студентовъ къ монашеству, и успѣхъ въ этомъ ставился ему въ заслугу. И студенчество улавливалось часто легко на пускаемыя для этого разныя приманки, и иныя личности даже въ продолженіе ученія становились монахами-студентами за долго до окончанія курса. Такимъ монахамъ и жилось вольготнѣе, подъ особымъ къ нимъ благоволеніемъ начальства, которое давало имъ удобныя помѣщенія каждому, гдѣ они жили отдѣльнымъ хозяйствомъ, уже не какъ студенты-школьники, а какъ какія должностныя особы, и кушали отдѣльно каждый у себя, и кушанья готовили имъ академическіе повара, принося въ ихъ комнаты. И въ ученьи имъ снисходили и всегда повышали предъ другими лучшими ихъ, и уже непремѣнно, будь они изъ самыхъ посредственныхъ, окончатъ академическій курсъ успѣшнѣе другихъ, и выдутъ всѣ съ высшею ученою степенью магистра, а затѣмъ непремѣнно иные—получше, предпочтительно предъ другими, останутся при академіи баккалаврами; а другіе, не въ примѣръ прочимъ, прямо посылаются инспекторами въ семинаріи, затѣмъ скоро и въ ректоры, а далѣе при небольшой сноровкѣ и искусствѣ терпѣнья не далеко и до вожделѣннаго архіерейства, этого апогея мечтаній и упованій во всю жизнь свою каждаго такого монаха до гробовой доски. Счастливы были, по-своему конечно, тѣ изъ нихъ, которые сильно охватывались мечтою объ отдаленномъ въ перспективѣ архіерействѣ, и тѣмъ могли уламывать всѣ неподобающія имъ стремленія молодаго и развитаго человѣчества къ живой дѣятельности ума и сердца. Они смирно, подобострастно и раболѣпно подвигались ладно и чинно все дальше и добирались благополучно и скоро до предмета своихъ вожделѣній, къ которымъ и направляли всѣ свои тихенькіе подходы. Но что было дѣлать монахамъ — Григорію Полетаеву и Діодору Ильдомскому, и многимъ имъ подобнымъ, въ которыхъ свои натурные идеалы засѣли крѣпко и до того ими овладѣвали, и предъ ними становилась безсильною и умолкала и вожделѣнная мечта объ обаятельной перспективѣ къ архіерейству? Въ разочарованіи, тоскѣ и раздраженіи оставалось влачить свою жизнь. И вотъ одинъ долженъ былъ пройти по всѣмъ мытарствамъ—встрѣчая въ своей жизни до старости всюду одни „тернія и волчцы", и только благодаря своей дубовой натурѣ

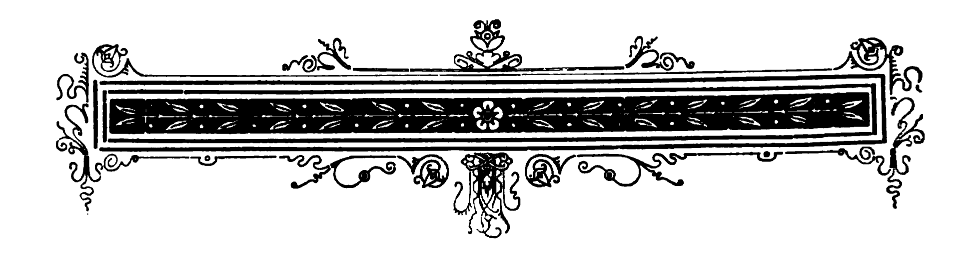
и силѣ твердаго бурсацкаго закала не сломился, и хоть на склонѣ старости, и то при помощи своихъ высокихъ товарищей и однокашниковъ по академіи экзарха Грузіи Палладія и архіепископа иркутскаго Веніамина, добился архіерейства,—маленькаго—викарнаго. Но такимъ натурамъ, какъ Діодоръ — мягкаго сердца, воспитаннаго въ прекрасномъ семействѣ своего отца, извѣстнаго въ Рязани протоіерея и инспектора семинаріи Ильдомскаго, приходилось ломаться и преждевременно умирать отъ тоски запойной.

Участь Діодора напомнила мнѣ и его товарища въ Петербургской академіи—такой же жертвѣ монашескаго увлеченія,—баккалаврѣ этой академіи іеромонахѣ Валеріанѣ, даровитомъ, увлекательнаго дара слова, молодомъ, цвѣтущемъ и красивомъ джентльменѣ. О немъ я слышалъ уже на должности въ семинаріи отъ товарищей по службѣ, воспитанниковъ Петербургской академіи, у него, Валеріана, учившихся. Они разсказывали о немъ съ увлеченіемъ, въ восхищеніи отъ его преподаванія, какъ о рѣдкомъ явленіи со всѣми увлекательными достоинствами. Онъ недолго держался въ узкой по его натурѣ монашеской академической рамѣ—запилъ горькую, будучи уже архимандритомъ, ушелъ изъ академіи, снялъ монашество и погибъ въ бѣдственномъ положеніи. И много такихъ неудачниковъ сгубила эта несчастная вербовка въ монашество, — раннее, незрѣлое. Не приносила она пользы и разнымъ удачникамъ, хоть и доводила ихъ до высшихъ степеней въ видимомъ почетѣ и власти. Она портила ихъ нравственно до того глубоко, что отъ этой порчи и сами они страдали не Христовымъ страданіемъ—не во спасеніе и другимъ причиняли много зла, особенно около стоящимъ и подчиненнымъ. Да и не могло быть иначе. Эти удачники насквозь пропитывались карьеризмомъ. Въ самомъ началѣ карьеры они должны были сдѣлать рискованный скачекъ— своего рода salto mortale, — такое трудное дѣло подвижничества, на которое рѣшаются съ великимъ страхомъ и люди умудренные опытами жизни въ старости,—это принятіе великаго иноческаго постриженія съ клятвеннымъ отреченіемъ отъ мірскихъ благъ и конечно отъ карьеризма. Пройти эту процедуру едва-ли легко и легкомысленному юношеству, какъ бы ни поднимало его разное мечтательное увлеченіе; — и ему при этомъ неизбѣжно приходится много передумать тяжелыхъ думъ и много потрудиться надъ обработкою своей еще свѣжей юношеской совѣсти, чтобы сдѣлать ее покладистою и податливою, способною на всѣ компромиссы выгодные въ удобномъ достиженіи себѣ того, отъ чего отрекался клятвенно при постриженіи. И удачники, повидимому, благополучно все это проходятъ. Но здѣсь уже въ нихъ закладывается прочное и глубокое начало той нравственной язвы, которая, изсушая благотворныя начала христіанской

любви, развивала самолюбіе—эгоизмъ, и благую совѣсть обработывала въ лукавую, доводя часто и до совѣсти сожженной, по выраженіямъ апостольскимъ.

Эта язва, какъ болѣзнь, не могла не производить въ нихъ внутреннихъ страданій, по свойству язвы, каковыя страданія нужно было не во спасеніе терпѣть, а въ карьеристскомъ мечтаніи о благопріятномъ исходѣ къ вожделѣнному. А въ виду благопріятнаго исхода неизбѣжно было проходить тяжелую процедуру всѣхъ видовъ грѣшнаго человѣкоугодія—ухаживанія, низкопоклонства, пресмыкательства, раболѣпства и всяческаго лакейства; и на этомъ грязномъ пути привыкать къ его грязи въ постыдномъ равнодушіи къ добру и злу, но неравнодушіи къ одной своей карьерѣ. Послѣднее злокачество до того бываетъ напряженно, что всякій удачникъ чутко слѣдитъ и зорко сторожитъ за всѣми моментами, гдѣ чуется повышеніе, отличіе, награды, чтобы не прозѣвать, и почасту въ тайнѣ проливаетъ горькія слезы, если обошли, а почти постоянно въ страхѣ, какъ бы чѣмъ не обошли. Находясь въ такой удушливой атмосферѣ и продѣлывая постоянно разную опасную эквилибристику, можно ли не искалѣчиться нравственно, когда удается подняться на высоту и очутиться среди своихъ безотвѣтственныхъ подчиненныхъ, отъ которыхъ пріятно имъ встрѣчать низкопоклонство, раболѣпство. А извѣстно, что нѣтъ хуже господина, ставшаго имъ изъ вчерашняго раба. И если возмутительно рабство передъ властями мірскими, то неизмѣримо возмутительнѣе видѣть рабство передъ владыками духовными.

Сибирскіе скопцы.

(Историко-бытовой очеркъ).

I.

Секта скопцовъ образовалась изъ секты хлыстовъ или богомиловъ (признающихъ до сихъ поръ духовное оскопленіе, т. е. половое воздержаніе) въ позапрошломъ столѣтіи, въ началѣ царствованія Екатерины II. Что дѣйствительно скопчество происходитъ отъ хлыстовщины, видно изъ того, что у обѣихъ этихъ сектъ умерщвленіе плоти и вообще ригоризмъ жизни считается главнымъ принципомъ религіи, съ тою лишь разницей, что скопцы довели этотъ принципъ до крайности. Многіе обряды у скопцовъ тѣ же, что и у хлыстовъ. И что скопцы дѣйствительно позаимствовались у хлыстовъ, а не наоборотъ, указываетъ историческое сопоставленіе тѣхъ и другихъ. Остатки хлыстовской ереси, говоритъ Костомаровъ („Вѣстникъ Европы" 1887 г. № 3), были открыты въ царствованіе Анны Ивановны въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Въ 60-ти верстахъ отъ древней столицы, у строителя Богословской пустыни, въ пустой избѣ, выстроенной въ саду, происходило сборище мужчинъ и женщинъ. На лавкахъ съ одной стороны сидѣли мужчины, съ другой женщины и между ними находилась княжна Дарья Хованская. Всѣ пѣли, призывая имя Іисуса Христа. Потомъ купецъ Иванъ Дмитріевъ затрясся всѣмъ тѣломъ, сталъ вертѣться и кричать: „вѣрьте, что во мнѣ Духъ Святой, и что я говорю, то говорю не отъ своего ума, а отъ Духа Святого". Онъ подходилъ то къ тому, то къ другому и произносилъ такія слова: „Братецъ (или сестрица)! Богъ тебѣ помощь! Какъ ты живешь? Молись Богу, по ночамъ блуда не твори, на свадьбы и крестины не ходи, вина и пива не пей, гдѣ пѣсни поютъ, не слушай, а гдѣ драки

случатся, тутъ не стой". Наконецъ, всѣ взявшись за руки, вертѣлись кругомъ по солонь, подпрыгивая, и при этомъ били другъ друга обухами и ядрами, объясняя, что это значитъ сокрушеніе плоти. Княжна Хованская испугалась и уѣхала, а прочіе продолжали вертѣться, бить другъ друга, и уже на разсвѣтѣ разошлись. Когда началось дѣло объ этихъ сектантахъ, то строитель Богословской пустыни Димитрій сознался, что во время дѣйствій они бились между собою не только обухами, но даже ножами, вставленными въ палки. Еретики учили, что бракъ дѣло противное спасенію души, грѣхъ начавшійся отъ грѣхопаденія Адамова; однако учитель Сапожниковъ жилъ въ связи съ согласницею сборища Өедосьею Яковлевою. Эта Өедосья Яковлева говорила: „слыхала я отъ согласниковъ, что есть у насъ въ Ярославлѣ государь батюшка, крестьянинъ Степанъ Васильевъ, который содержитъ небо и землю и мы его называемъ Христомъ (отсюда и названіе христовщина или хлыстовщина), а жену его Ефросиньею госпожею богородицею, учителемъ же того Степана и жены его былъ крестьянинъ Астафій Онуфріевъ".

Ниже мы увидимъ, что корабельное и другія радѣнія у скопцовъ есть то же самое хлыстовское дѣйствіе, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями. Сами скопцы не отрицаютъ того, что они позаимствовали коечто отъ хлыстовъ, напр. взглядъ па міринъ, какъ на нѣчто поганое, взглядъ на женщину, какъ на грѣховное существо, источникъ грѣха, и что замужняя женщина сектантка не считается женой, а совершенно чуждой прежнему мужу, скаканіе па одной ногѣ и надѣваніе бѣлой рубахи во время радѣнія. Несмотря однако на эти заимствованія и на несомнѣнное свое происхожденіе отъ хлыстовъ, скопцы называютъ послѣднихъ меньшими своими братьями, т. е. въ нѣкоторомъ родѣ заблуждающимися, тогда какъ слѣдовало бы наоборотъ имъ самимъ называться младшими братьями.

На образованіе скопцовъ могла имѣть вліяніе и квакерская ересь, о которой, по словамъ Костомарова (въ той же статьѣ), упоминается въ царствованіе Елизаветы Петровны. Ересь эта, говоритъ Костомаровъ, возникла въ 1734 году. Нѣкоторые изъ упорныхъ послѣдователей ея казнены были смертью, другіе же притворно воспользовались позволеніемъ покаяться. Такихъ было 112 человѣкъ; но въ 1745 году въ Москвѣ открылось существованіе этой секты снова; захватили 416 человѣкъ; они почти всѣ были наказаны кнутомъ и сосланы на работы; 216 человѣкъ оставили до времени на прежнихъ мѣстахъ жительства, а 167 человѣкъ, извѣстныхъ по именамъ, какъ участниковъ, не отысканы. Всякій, поступившій въ эту секту, давалъ клятву не открывать о ней, подъ страхомъ наказанія въ будущей жизни, ни родителямъ, ни роднымъ, ни духовному отцу, ни передъ

судомъ (какъ увидимъ ниже, почти такая же клятва дается и скопцами при пріемѣ въ секту). Сектанты крестились двумя перстами, называли тройственное крестное знаменіе антихристовой печатью, перемѣняли себѣ имена, не возбраняли для вида исповѣдываться и причащаться, но брачное сожительство называли блудомъ, толкуя, что по Апокалипсису только дѣвственники войдутъ въ „царствіе небеснаго агнца".

Что эта секта была видоизмѣненная хлыстовщина, замѣчаетъ Костомаровъ, доказываетъ уже то, что главный учитель ея былъ вышеупомянутый Григорій Сапожниковъ, состоявшій въ сожительствѣ съ Ѳеодосьей Яковлевой, которая и донесла на него и его соучастниковъ. Сенатъ опубликовалъ, чтобы скрывшіеся послѣдователи этой ереси въ теченіе полугода явились съ повинною, иначе съ ними поступятъ какъ съ волшебниками.

Среди сибирскихъ скопцовъ устно циркулируетъ слѣдующая исторія скопчества.

Основателемъ скопчества былъ крестьянинъ Кондратій Селивановъ, извѣстный у скопцовъ подъ именемъ императора Петра III, называемаго искупителемъ, вторымъ сыномъ Божіимъ, рожденнымъ императрицей Елизаветой Петровной отъ Духа Святаго. Родивъ Петра III и удалившись въ монастырь, подъ именемъ Акулины Ивановны, она оставила послѣ себя на престолѣ женщину, похожую на нее, а сама проповѣдывала слово Божіе, подготовляя такимъ образомъ почву для втораго мессіи—сына своего Петра. Послѣдній во время переворота, совершеннаго Екатериною II, не умеръ, какъ утверждаютъ антихристовы историки, въ Ропшинскомъ дворцѣ, но оставилъ на постели своей похожаго на себя гвардейскаго солдата, самъ же выѣхалъ въ телѣгѣ изъ дворца вмѣстѣ съ мусоромъ въ тотъ моментъ, когда дѣятели переворота пришли во дворецъ затѣмъ, чтобы лишить жизни императора и арестовать стражу его. Крестьянинъ, вывозившій мусоръ, чтобы не подать никакого подозрѣнія участникамъ переворота, окружившимъ уже дворецъ и арестовавшимъ часовыхъ Петра, засыпалъ его мусоромъ и благополучно вывезъ изъ дворца. Такимъ образомъ участниками переворота былъ убитъ не Петръ III, а похожій на него солдатъ, Петръ же III—скопецъ отъ природы, за что и не возлюбила его Екатерина II, явился съ проповѣдью сначала въ Орловской губерніи, а потомъ въ Тульской и Тамбовской. Въ Тулѣ онъ привлекъ на свою сторону учителя перекрещенскаго толка (хлыстовщины) Александра Ивановича Шилова, съ которымъ и былъ арестованъ въ городѣ Моршанскѣ, Тамбовской губерніи, въ началѣ 1700-хъ годовъ.

Петръ III, оффиціально извѣстный подъ именемъ крестьянина Орловской губерніи Кондратія Селиванова, какъ очень важный пре-

ступникъ, содержался въ Моршанскомъ острогѣ очень строго. Онъ былъ закованъ въ ручные и ножные кандалы и прикованъ къ стѣнѣ. Въ одно время, когда всѣ спали, за исключеніемъ часовыхъ уланъ, стерегшихъ Селиванова, въ корридоръ тюрьмы явился мужъ въ свѣтлой одеждѣ, ослѣпилъ часовыхъ своимъ свѣтомъ; замки дверей съ камеръ, въ которыхъ спали скопцы, моментально спали, а также и оковы съ рукъ и ногъ Селиванова. Онъ вышелъ въ корридоръ и вошелъ къ перепуганнымъ товарищамъ, ободрилъ ихъ, заказалъ быть твердыми въ своей вѣрѣ и вышелъ на тюремный дворъ, гдѣ у него вступилъ въ единоборство духъ съ тѣломъ. Тѣло говорило духу, что надо воспользоваться свободой, данной Богомъ, т. е. выйти изъ острога и опять проповѣдывать слово Божіе. Духъ возражалъ, что это чудо явлено для испытанія тѣла, которое непремѣнно должно принять предстоящую чашу страданій. Во время этихъ споровъ души съ тѣломъ, стража, замѣтивъ отсутствіе Селиванова изъ камеры, подняла тревогу. Начали искать его по всей тюрьмѣ. Селиванову, слыхавшему поиски, тѣло, пересиливъ духъ, предложило спрятаться подъ корыто, лежавшее на дворѣ. Долго ходили стражники по двору и не могли найти. Наконецъ, поиски увѣнчались успѣхомъ, и тѣло Селиванова было жестоко избито шашкой караульнаго офицера. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ осужденъ моршанскимъ судомъ и привезенъ въ ссылку въ Сибирь, принявъ предварительно 40 плетей. Это относится, какъ говорятъ скопцы, къ 1774 году.

На пути въ Сибирь между Нижнимъ и Казанью Селивановъ встрѣтился съ Пугачевымъ и одно время съ нимъ содержался. Весь путь до Тобольска Селиванова, спеціально прикованнаго къ телѣжкѣ, сопровождали солдаты и крестьяне. Въ Тобольскѣ его приковали одной рукой и ногой къ разбойнику Ивану, который во время пути билъ его, волочилъ по грязи и самымъ грубымъ образомъ издѣвался надъ нимъ. Селивановъ всѣ подобныя издѣвательства и обиды переносилъ терпѣливо, чѣмъ нерѣдко приводилъ Ивана въ изступленіе, и удары сыпались ему еще сильнѣе. Но Селивановъ своею кротостію и увѣщаніями успѣлъ обратить Ивана въ своего послѣдователя. Послѣдователь этотъ былъ никто иной, какъ святитель иркутскій Иннокентій, память котораго чтится скопцами. Поселенный въ Иркутскѣ Селивановъ около 1790-хъ годовъ, въ качествѣ звонаря при одной церкви, попалъ вновь подъ судъ за оскорбленіе кого-то изъ мѣстныхъ жителей, за что Иркутскимъ судомъ приговоренъ на заводы и наказанъ ста ударами плетей.

Императоръ Павелъ I, при восшествіи на престолъ, вспомнилъ томящагося въ ссылкѣ своего родителя и чтобы вернуть его въ Петербургъ, послалъ въ Иркутскъ нарочитаго фельдъегера, который

Селиванова здѣсь уже не засталъ, а нашелъ его на баркасѣ, готовомъ къ отплытію на восточную сторону Байкала. Подъѣхавъ къ партіи арестантовъ, фельдъегеръ спросилъ у нихъ: „кто изъ васъ Селивановъ“? „Я“, отвѣчалъ тотъ. „Пожалуйте, ваше величество, со мной въ Петербургъ, я пріѣхалъ за вами“. Привезенный въ Петербургъ, Селивановъ былъ лично представленъ Павлу I, который при взглядѣ на него спросилъ: „Неужели ты, старикъ, мнѣ отецъ?“ „Я грѣху не отецъ, а пришелъ разорить его въ конецъ“, отвѣчалъ Селивановъ. „За такія рѣчи я прикажу посадить тебя въ каменный мѣшокъ“, сказалъ Павелъ, уходя вонъ изъ комнаты. „Павелъ, Павелъ! воротись, я бы твою жизнь исправилъ“, закричалъ онъ удалявшемуся Павлу. Павелъ велѣлъ его посадить въ съумасшедшій домъ, при Смольномъ монастырѣ.

Въ 1812 году онъ за что-то былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, и, когда Наполеонъ взялъ Москву, то въ это время Александръ I былъ у Селиванова въ крѣпости и, разговаривая съ нимъ, сообщилъ ему объ этомъ. Селивановъ отвѣчалъ, что если Наполеонъ взялъ Москву, то ты возьмешь Парижъ.

Въ 1818 г. Селивановъ, давно уже освобожденный изъ крѣпости и проживая въ Петербургѣ, въ качествѣ петербургскаго мѣщанина, былъ высланъ въ г. Суздаль, гдѣ и умеръ. Но скопцы утверждаютъ, что онъ не умеръ, а вознесся живой на небо, въ царствованіе Николая I, и что онъ скоро придетъ на землю, сядетъ въ Москвѣ на 12 престолахъ и будетъ судить всѣхъ царей земныхъ, которые придутъ, поклонятся ему и увѣруютъ, т. е. оскопятся. Всѣ неувѣровавшіе примутъ наказаніе. Скопцы всѣ будутъ имъ собраны около себя, а особенно онъ приблизитъ къ себѣ пострадавшихъ за вѣру, которые изъ Сибири пріѣдутъ въ Москву на бѣлыхъ коняхъ.

Вторымъ основателемъ скопчества былъ Александръ Ивановичъ Шиловъ, учитель перекрещенскаго толка, который внесъ въ скопчество, что̀ креститься слѣдуетъ двумя руками, а не одной. Поэтому, при входѣ въ соборъ (молельню), или обыкновенный домъ, пришедшій скопецъ, если въ домѣ нѣтъ мірянина, крестится обѣими руками трижды, и дѣлаетъ девять глубокихъ поклоновъ, едва не касаясь земли; потомъ дѣлаетъ оборотъ вокругъ себя по солнцу, стоя въ этотъ моментъ на одной ногѣ, крестится, кланяется, оборачиваясь къ присутствующимъ, въ землю, и говоритъ:

„Здравствуйте, братцы родимые! Съ Отцомъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ, батюшкой Искупителемъ, матушкой Акулиной Ивановной, Мартыномъ Родіоновичемъ (графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ, любимцемъ Петра III), Александромъ Ивановичемъ (Шиловымъ) и со всѣми вѣрными праведными“. Всѣ присутствующіе въ домѣ или соборѣ отвѣ-

чаютъ на такое привѣтствіе земнымъ поклономъ молча. Если вошелъ мужчина, то онъ послѣ этой церемоніи подаетъ всѣмъ руку, кромѣ женщины, которая считается нечистой, грѣхомъ, матерью грѣха, даже оскопленная. Въ силу такого взгляда женщина ѣстъ отдѣльно отъ мужчинъ; при мужчинахъ же она не имѣетъ права даже садиться въ той комнатѣ, гдѣ находятся мужчины.

Шиловъ, арестованный одновременно съ Селивановымъ, былъ сосланъ въ Ригу. Во время первыхъ допросовъ Шилову выкололи глазъ, какъ увѣряютъ скопцы. Живя въ Ригѣ, онъ былъ арестованъ и посаженъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ и умеръ и похороненъ на Преображенскомъ кладбищѣ, противъ собора, куда скопцы ходятъ, разумѣется тайно, кладутъ на могилу баранки и прочее для освященія, и это святое отсылается вѣрующимъ.

Мартынъ Родіоновичъ (Воронцовъ-Дашковъ) былъ убитъ скопцами за то, что во время моленія отдѣлилъ мужчинъ отъ женщинъ, но нововведеніе это, хотя и послѣ смерти его, привилось.

Акулина Ивановна (Елизавета Петровна) жила и умерла, не открытая правительствомъ.

Александръ I, умершій въ 1874 г., подъ именемъ поселенца Кузьмы, въ г. Томскѣ, удостоился тоже пріобщиться къ лику избранныхъ, но ему отводится мѣсто во второстепенныхъ святыхъ.

Таковы у скопцовъ главные святые, изъ коихъ императоръ Петръ III, онъ же крестьянинъ Селивановъ, признается еще Искупителемъ, вторымъ сыномъ божіимъ, а слѣдовательно и богомъ, императрица Елизавета Петровна богородицей, а императоръ Александръ I прямо святымъ. Вотъ почему у нѣкоторыхъ скопцовъ Восточной Сибири имѣются портреты этихъ государей во весь ростъ. Воронцовъ-Дашковъ или Мартынъ Родіоновичъ почитался какъ приближенный и любимецъ Петра III, а Шиловъ высоко чтится, какъ основатель и пропагаторъ скопчества. У Олекминскихъ скопцовъ, по признанію нѣкоторыхъ изъ нихъ, сверхъ того, имѣются посланіе Селиванова и фотографическія карточки какъ его, такъ и нѣкоторыхъ другихъ святыхъ, но до нихъ физически не возможно имѣть доступа. Второму Искупителю въ лицѣ Петра III и богородицѣ Акулинѣ Ивановнѣ, въ лицѣ императрицы Елизаветы Петровны, у скопцовъ, насколько это можно судить по Олекминскимъ скопцамъ, посвященъ цѣлый культъ моленій и обрядовъ.

Почему скопцы обоготворили этихъ двухъ государей, равно возвели въ святые императора Александра I, трудно на это отвѣтить. Ибо изъ исторіи извѣстно, что хотя о Петрѣ III, еще въ то время, когда онъ былъ наслѣдникомъ престола, между раскольниками составились толки, будто великій князь—сторонникъ древняго благочестія, но со вступленіемъ на престолъ, онъ никакого покровительства этому

благочестію, да и вообще раскольникамъ, не оказалъ. Елизавета Петровна, не говоря о томъ, что она вообще сильно покровительствовала развитію у насъ крѣпостнаго права, щедро награждая крѣпостными лейбкампанцевъ, дворянъ и всѣхъ, кто домогался имѣть крѣпостныхъ; раскольники во все ея царствованіе, по словамъ Костомарова (тамъ же) терпѣли жесточайшее гоненіе. Въ XVIII вѣкѣ, говоритъ Костомаровъ, ни одно царствованіе не ознаменовалось такою нетерпимостью къ раскольникамъ, какъ царствованіе Елизаветы Петровны. Религіозное настроеніе императрицы побуждало ее поддаваться извѣстнымъ вліяніямъ, и она дошла въ своей ненависти къ раскольникамъ до полной нетерпимости. Съ своей стороны, гонимые раскольники впали въ такое безумное отчаяніе, что начали возводить самоубійство въ религіозный догматъ. Посылки военныхъ командъ для разоренія раскольничьихъ скитовъ, всевозможныя преслѣдованія довели раскольниковъ до ужаснаго и дикаго явленія—самосожиганія, которое происходило и прежде, но теперь получило, такъ сказать, эпидемическій характеръ... Затѣмъ почтенный историкъ приводитъ факты наиболѣе извѣстныхъ случаевъ замосожженія раскольниковъ, при чемъ фигурируютъ такія даже цифры, какъ 6.000 однажды сжегшихся. И не смотря на все это, нынѣшніе скопцы этой же императрицѣ — Елизаветѣ Петровнѣ, своей гонительницѣ, воздаютъ божескія почести. Наконецъ, императоръ Александръ I, какъ извѣстно, тоже не жаловалъ раскольниковъ, а тѣмъ болѣе скопцовъ, да и Шиловъ, какъ сами они говорятъ, сидѣлъ въ его царствованіе въ Петропавловской крѣпости. Слѣдовательно, понять обоготвореніе скопцами этихъ государей никакой нѣтъ возможности; это тайна скопческой, а пожалуй и вообще русской народной души. Психологія русскаго народа съ этой стороны можетъ представить величайшій интересъ для науки. Народъ нашъ могучій, сильный тѣломъ и духомъ, съ великими умственными задатками, въ то же время отставшій культурно на цѣлые вѣка отъ народовъ западной Европы и выковавшій себѣ тяжелыя цѣпи рабства, которыя не пытается сбросить, не есть ли загадочный сфинксъ? Изувѣрское ученіе скопчества, которое учителями его выводится изъ такой прекрасной книги, какъ Евангеліе, не свидѣтельствуетъ ли также о своебразной логикѣ этого народа, который въ общемъ, можно сказать, страдаетъ недостаткомъ здоровой логики.

Скопчество, главнымъ образомъ, основано на евангельскихъ текстахъ, именно: На 12 стихѣ 19 главы отъ Матвѣя. „Ибо есть скопцы, которые изъ чрева матерняго родились, такъ и есть скопцы, которые оскопились отъ людей; и есть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами для царствія небеснаго. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ“;

На 32 стихѣ 7 главы 1-го посланія апостола Павла къ коринея-

намъ: „Не оженивыйся печется о господнемъ, како угодити Господу, а женивыйся печется о мірскомъ, какъ угодити женѣ“;

На пророчествѣ Іереміи: „Не думай, скопецъ, что древо твое есть сухо; ты еси великъ на небеси“;

На текстѣ: „Аще око твое соблазняетъ, то возьми и изверзи его“.

Берется еще одно мѣсто изъ книги, озаглавленной такъ: „Указаніе пути въ царствіе небесное“ преосвященнаго Иннокентія, митрополита московскаго, гдѣ сказано, что есть въ человѣкѣ такая кора грѣха, онъ такъ грубо вросъ, что излѣчивается только выжиганіемъ или вырѣзываніемъ. Подъ словомъ „кора грѣха“ скопцы разумѣютъ половые органы, отъ которыхъ люди много грѣшатъ и, чтобы избавиться отъ этой коры грѣха, надо вырѣзать ихъ или выжечь. Здѣсь вся суть основы скопческаго ученія.

Признается еще, на словахъ только, нѣкоторыми изъ скопцовъ, но не массой, упоминаемая въ стихахъ 32 и 34 главы IV Дѣяній апостольскихъ евангельская община; но на дѣлѣ она никогда не осуществлялась даже признающими ее, и здѣшніе (въ районѣ г. Олекмы) скопцы ее отрицаютъ, говоря, что такой общины устроить нельзя, и что теперь она была бы противна духу религіи, что она возможна только тогда, когда у людей не будетъ тѣла, а останется только одна душа. Но есть отдѣльныя единицы, которыя пытались на практикѣ осуществить такую общину, и понятно потерпѣли полнѣйшее фіаско, повлекшее за собой даже принятіе православія. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу скопецъ Калина Ампилоговъ.

„Захотѣлъ я, братецъ ты мой, душу свою спасать по-настоящему, взялся за разумъ. Оскопился я, видишь ли ты, маленькимъ, когда мнѣ было 12 лѣтъ. Оскопилъ меня отецъ. Былъ я сынъ очень богатыхъ родителей, жили мы въ деревнѣ Чивичахъ, Самарской губерніи.

Все семейство у насъ было скопческое.

Разъ отецъ и говоритъ мнѣ: хочешь, Калина, ради Царствія Небеснаго и спасенія души оскопиться? Я глупый тогда еще былъ, съ дуру и брякнулъ ему: какъ не хотѣть, хочу, батюшка. Ну, отецъ, не думая долго, взялъ да меня и обрѣзалъ. Мнѣ нравилось тогда, когда взрослые называли меня ангеломъ. Нѣсколько лѣтъ спустя случилось, что все наше семейство забрали въ острогъ, но отецъ откупился, а я съ сестрой пошли въ Сибирь, и денегъ по раздѣлу на мою долю досталось много. Сестра въ Сибири уже оскопилась, здѣсь же я захотѣлъ уже спасать душу по-настоящему, потому что когда пришелъ сюда, то имѣлъ 18 лѣтъ; значитъ, въ разумъ началъ входить. Вотъ думаю, гдѣ спасать душу-то можно, здѣсь, въ Сибири, жить по-евангельски, по-братски. Придетъ бывало ко мнѣ кто изъ братьевъ, я сейчасъ бѣгаю, угощаю, потому помню слово апостоловъ. Кто въ чемъ

нуждался, все даю, потому я такъ понималъ братство, и дошелъ до того, что у самого ничего не осталось, даже хлѣба крошки. Послѣ этого прихожу къ богатому брату и говорю: „братъ, дай мнѣ пудикъ муки, лѣтомъ отработаю“. „Не дамъ, говоритъ братъ, ты все съ братьями бражничаешь, лѣнишься работать, не бережешь копѣйки“. „Не совѣстно ли тебѣ, говорю, братъ, говорить мнѣ такія рѣчи, когда ты знаешь, что я не лѣнивъ работать“. „А если не лѣнивъ, то поруби мнѣ дрова, 30 коп. съ сажени получишь на своихъ харчахъ“, отвѣчалъ братъ. Нечего было дѣлать, надо было согласиться, хотя я зналъ, что братъ другимъ давалъ за рубку по 50 коп. съ сажени. Хлѣбъ о ту пору былъ дорогой, 3 руб. 50 к. за пудъ, и мнѣ хватило 30 коп. только на $2^1/_2$ фун. хлѣба. Бился я, бился съ дровами и наконецъ бросилъ, потому очень отощалъ. Зло меня взяло страшное на скопцовъ. Какое, думаю, это братство, когда у одного амбары отъ хлѣба ломятся, а у другаго нѣтъ ничего. Развѣ такъ жили апостолы? Тутъ уразумѣлъ я, что наши братья скопцы не по-евангельски живутъ. Они говорятъ, что жить такъ, какъ заповѣдалъ Христосъ, могутъ только дураки, но умный человѣкъ такъ жить не будетъ. Они, значитъ, обрѣзались и думаютъ, что все дѣло въ томъ и состоитъ; плоть свою умертвили, а о душѣ не думаютъ; все братство у нихъ на словахъ только, а сути нѣтъ.

Вскорѣ послѣ этого, получивъ деньги изъ дому, я далъ исправнику 100 рублей, и онъ отпустилъ меня на Мечу, на золотые пріиски, куда я нанялся отвозить съѣстные припасы; дѣла мои снова пошли хорошо, ибо я зарабатывалъ по двѣ и по три тысячи рублей, которыя и тратилъ на нужды скопческой бѣдноты: кому денежки раздаю, кому сапоги покупаю, либо корову, кому что требуется. Но однажды въ дорогѣ со мной случилось несчастіе, у меня покрали много товара, и пріисковая контора не только лишила меня подряда, но и отобрала лошадей. Вернулся я домой пѣшкомъ. Многіе скопцы сдѣлались черезъ меня богаты, жить пошли на моихъ глазахъ. И что же, тѣ самые люди, которыхъ я одѣвалъ, обувалъ, когда придешь, бывало, къ нимъ, не только ничего не даютъ, чаемъ даже не напоятъ, да еще посмѣиваются: „Что, говорятъ, Калина Петровичъ, профорсился“. Все это мнѣ было до того обидно и огорчительно, что я хотѣлъ было утопиться или повѣситься; однако Богъ не допустилъ это сдѣлать, и только я пуще прежняго озлился на своихъ братьевъ скопцовъ. Прихожу это разъ въ соборъ (молельню), гдѣ богачи наши первыя мѣста занимаютъ, и говорю: кто здѣсь долженъ быть первымъ? Всѣ молчатъ. Христосъ сказалъ, что легче верблюду пройти сквозь игольное ухо, чѣмъ богатому войти въ Царствіе Небесное. Опять всѣ молчатъ. Вы по богатству между нами первые, думаете и по дѣ-

ломъ первые. Нѣтъ, вы послѣдніе здѣсь, потому богатство-то награбили съ нашего же брата, бѣдняка. Петръ Акимовичъ, говорю, выходи. Выходитъ изъ толпы старичекъ, по правилу жилъ, праведной души человѣкъ былъ; онъ только и зналъ, что душу спасалъ постомъ и молитвою, ничего-то у него не было; офицеръ изъ кантонистовъ онъ былъ, на Кавказѣ до офицера дослужился. Петръ Акимовичъ, говорю, ты здѣсь первый, а не эти чревоугодники и языкоблуды. „Я себѣ не судья, Богъ мнѣ судья; онъ кормилецъ нашъ знаетъ, первый я здѣсь или не первый" отвѣчалъ Петръ Акимовичъ. „Ежели ты людямъ угоденъ, то и Богу угоденъ", сказалъ я: „садись вотъ тутъ". Взялъ его за руку, подвелъ къ тому мѣсту, гдѣ богачи сидѣли, выдернулъ одного изъ нихъ, а старичка посадилъ. „Бунтовать вздумалъ, голоштанникъ, прображничалъ капиталы-то, теперь и идешь противъ Бога и добрыхъ людей!" закричали на меня богачи. Шумъ поднялся, не приведи Богъ какой; за богачами и бѣдняки начали кричать на меня. А я прежде приспособилъ человѣкъ шесть, которые помнили мою хлѣбъ-соль, ребята все здоровые. Всѣ они были здѣсь. Думаю, не выдадутъ, коли ежели что. Сунулись было къ намъ, бить меня хотѣли; ребята мои грудью стали. Ну, значитъ, и получили отпоръ. Хотя ихъ и вдвое больше было, но поняли, что сила на нашей сторонѣ. Воротилы-то наши хотѣли было наказать меня, въ гор. Колыму выслать по приговору; послали ужъ было въ Якутскъ взятку въ 700 рублей. Дѣло у нихъ пошло въ ходъ послѣ этого, но я узналъ про ихніе замыслы, сейчасъ же къ протопопу да и принялъ православіе, прихвативъ съ собою и тѣхъ шестерыхъ. Бумага-то пришла изъ Якутска о выселеніи; хвать, а мы православные; православныхъ же по закону нельзя выселять; духовенство-то насъ и не дало въ обиду. Вѣдь они аспиды, эти наши скопцы, если бы не подкупали начальства, то у нихъ теперь развѣ одна треть осталась бы, а можетъ и того меньше, если бы начальство православныхъ скопцовъ не причисляло къ чорту на кулички. Такъ и меня послѣ этого зачислили въ глухую деревушку за 250 верстъ отсюда, но я тамъ не сталъ жить и ушелъ. Есть между скопцами очень многіе, которые уже спохватились, что не хорошо сдѣлали, когда оскопились; они видятъ, что скопцы не по-божески живутъ, да боятся, потому что начальство у нихъ всегда купленное, и въ Колыму идти не всякому хочется. Такъ, значитъ, по привычкѣ и живутъ между скопцами. Что подѣлаешь, куда дѣнешься? Если оставаться вышедшему изъ скопцовъ между ними, то они сожгутъ такого или убьютъ, и концовъ никогда не найти.

На другой день, продолжалъ разсказчикъ, когда я поссорился въ съ богачами, меня потребовали къ старостѣ, судить вздумали. Я при-

*

шелъ съ своими ребятами и спрашиваю, что надо? А вотъ мы тебя, говоритъ староста, хотимъ березовой кашей поподчивать, потому, что ты нонѣ сталъ ужъ больно высоко носъ заводить. „Кто же будетъ подчивать, ты, что ли, говорю?" „Да, хоть бы и я", отвѣчаетъ староста. „За что?" „А за то, что не порочь честныхъ людей". „Ну, такъ я и сейчасъ буду порочить твоихъ честныхъ людей такъ же, какъ и вчера", и началъ честить ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ. „Вы, говорю, іезуиты, хуже всякихъ жидовъ, обрѣзались и думаете, въ томъ вся суть. Тотъ изъ васъ, у кого осталось мало-мальски отъ струмента, то живетъ съ бабой, лицемѣритъ, вы продались дьяволу, людей и Бога обманываете, вы аспиды, кровопійцы". Въ это время староста меня толкнулъ, а я его въ морду, съ ногъ сшибъ. Распушилъ, распушилъ ихъ и ушелъ. Послѣ принятія православія, пріѣхалъ въ городъ, сталъ по заработкамъ ходить, и хожу вотъ уже четыре года. На душѣ полегче маленько стало. Вотъ ты и посмотри на нашихъ скопцовъ, они всѣ въ неправдѣ живутъ, а какъ разъ наоборотъ". Такъ закончилъ свой разсказъ Ампилоговъ.

У многихъ скопцовъ, грамотныхъ по большей части, вы найдете „Указаніе пути въ Царствіе Небесное" и разныя другія книги, но послѣднія не служатъ никакой основой, понятно, а читаются ради любопытства и препровожденія времени. Мірянину фанатикъ своихъ книгъ никогда не покажетъ. Изъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія они выбираютъ такія мѣста, которыя можно примѣнить къ оправданію скопчества, и толкуютъ они эти мѣста всякій по-своему; но тексты изъ Евангелія и Библіи, упомянутые выше, толкуются и понимаются всѣми одинаково. Многое, что они отрицаютъ въ обыденной жизни, ни на чемъ не основано, напримѣръ, куреніе табаку, употребленіе чая, мяса, чтеніе книгъ свѣтскаго содержанія и прочее.

Приведемъ разговоръ, бывшій у интеллигента Овч—ва съ однимъ изъ пророковъ скопческихъ Петромъ.

— Здравствуй, милый человѣкъ, раздался вдругъ дряблый, женскій голосъ надъ моимъ ухомъ, въ комнатѣ, гдѣ я жилъ. Оборачиваюсь, вижу скопецъ.

— Здравствуй, садись. Что надо? спрашиваю; зачѣмъ пожаловалъ?

— Пришелъ на тебя посмотрѣть, сизый голубь, слышу это я, наши скопцы говорятъ о тебѣ, какъ о праведномъ человѣкѣ, дай, думаю, и я посмотрю.

— Чѣмъ же это праведный?

— Какъ чѣмъ? Да видишь ли, живешь ты въ келійкѣ-то какъ скопецъ, всю-то ее можно въ горсть взять, женщины у тебя нѣтъ, съ мірянами-извергами рода человѣческаго, хлѣба-соли не водишь,

водку не пьешь, вообще жизнь ведешь богоугодную, одно слово, скопецъ, да и только.

— А вотъ и неправда, жизнь я веду не богоугодную, табакъ курю, я не обрѣзанъ, въ гости къ мірянамъ хожу, говорю я.

— Нѣтъ, милый человѣкъ, ужъ мы знаемъ, что живешь ты особенною жизнію.

— Откуда вы все это знаете?

— Слухомъ земля полнится, да и чего нашъ скопецъ не узнаетъ, все узнаетъ. Брось курить-то, почти закричалъ на меня пророкъ, потому что я въ это время закурилъ папироску. Всѣмъ ты хорошъ, однимъ не хорошъ, зачѣмъ куришь, когда грѣхъ.

— Вотъ видишь ли, говорю, по-твоему курить грѣхъ, а по-моему какъ въ куреніи, такъ и въ чаепитіи нѣтъ никакого грѣха. Чѣмъ ты докажешь, что это грѣхъ?

— Писаніемъ докажу тебѣ, милый человѣкъ.

— Это очень интересно будетъ тебя послушать. Ну-ка скажи, гдѣ въ Библіи сказано, что курить и пить чай грѣхъ?

— Въ Библіи, отвѣтилъ мнѣ пророкъ, табакъ не названъ табакомъ, его не знали тогда люди. Поэтому, ни Моисею, ни пророкамъ, ни Христу и апостоламъ незачѣмъ было упоминать о немъ; но табакъ узнали люди недавно, когда они совершенно развратились. Поэтому, Искупитель нашъ батюшка и запретилъ курить табакъ, какъ діавольское, проклятое зелье; подобно вину, отъ котораго много грѣховъ люди дѣлаютъ. Въ винѣ заключается блудъ, убійство и много другихъ грѣховъ.

— Значитъ, вашъ Искупитель запрещаетъ курить табакъ?

— Да.

— А вино пить позволяется церковнымъ уставомъ, т. е. святыми отцами, которые прямо въ нѣкоторые праздники разрѣшаютъ пить вино и елей, да еще не по одной кривулѣ, а по двѣ.

— То вино, но не нашу сивуху, отъ которой человѣкъ дурѣетъ. Но у насъ запрещается и вино пить, потому что виномъ тоже можно напиться допьяна.

— Да и церковный-то вашъ уставъ кто сочинилъ?

— Святые отцы.

— Вотъ, видишь ли, святые отцы, но не первый Искупитель нашъ Іисусъ Христосъ. Ваши православные попы могли все это поддѣлать, т. е. подложно написать. Такъ это и сдѣлали они, должно быть.

— Постой! Въ Библіи упоминается, что Ной послѣ потопа пилъ вино.

— Вотъ, вотъ Ной-то выпилъ вино, и родной сынъ надъ нимъ издѣвался.

— Мясо почему вы не ѣдите?

— Мясо потому не ѣдимъ, что его прежде люди приносили въ жертву идоламъ, да и теперь некрещеные якуты и бурята то же дѣлаютъ. А кромѣ всего этого, если ѣсть мясо, то непремѣнно потянетъ къ грѣху.

— Къ какому это грѣху?

— Ужъ будто не понимаешь къ какому грѣху.

— Не понимаю.

— Да къ женщинѣ, сизый голубь.

— Женщина, значитъ, по-вашему грѣхъ?

— Женщина есть грѣхъ, и къ грѣху прикасаться нельзя. Прикасающійся грѣшитъ, оскверняетъ себя, а это противно Богу. По-нашему, если женщина скопчиха, родная мать вымоетъ рубашку сыну своему, то чтобы передать ее, напр., когда сынъ отправляется въ баню, она должна положить ее на стулъ или столъ, а не передавать ее въ руки, чтобы не осквернить сына. Истинно вѣрующая женщина такъ и сдѣлаетъ.

— Для чего же Богъ сотворилъ Еву? Вѣдь сказалъ Богъ такъ Адаму: я сотворилъ тебѣ помощницу.

— Богъ сотворилъ ее для того, чтобы наказать человѣка и испытать его.

— Почему же Богъ, въ такомъ случаѣ, сказалъ Аврааму: Я умножу сѣмя твое какъ песокъ морской. Что же это значитъ?

— А то и значитъ, отвѣчалъ пророкъ, что все это такъ и было; но Богъ увидѣлъ, что люди стали грѣшить, уподобились звѣрю, утратили подобіе божіе. Поэтому Богъ и послалъ втораго сына своего въ лицѣ Петра Θеодоровича, императора русскаго, какъ вы его называете, съ проповѣдью, чтобы вывести ихъ изъ заблужденія и указать путь для очищенія отъ грѣховъ. Путь этотъ — скопчество. Первый Искупитель Іисусъ Христосъ не все сдѣлалъ, когда приходилъ на землю для спасенія заблудшихъ овецъ. И вотъ явился второй сынъ Божій, Искупитель, во образѣ Петра Θеодоровича, рожденнаго отъ царицы небесной, матушки Елизаветы Петровны. Петръ Θеодоровичъ извѣстенъ у слугъ антихриста подъ именемъ крестьянина Савельева. Вотъ Искупитель и указалъ путь, по которому грѣшные люди должны идти.

— Значитъ, чиновники—слуги антихриста?

— Да.

— Но если вы отрицаете текстъ: повинуйтеся властямъ и покоряйтеся, то почему вы признаете другой текстъ: воздадите убо кесарю? Если вы платите подати, ваши молодые скопцы служатъ въ военной службѣ, то значитъ, что и вы являетесь послѣдователями антихриста?

— Нѣтъ, въ первомъ случаѣ мы во власти видимъ пока неизбѣжное зло, какъ заповѣдалъ намъ второй сынъ Божій. Искупителя-батюшку кормильца привели разъ въ Сенатъ слуги антихриста, когда онъ не возносился еще на небо, и говорятъ ему: „мы твоихъ дѣтушекъ будемъ отдавать въ солдаты". „А я велю служить имъ", отвѣчалъ батюшка. Ну, вотъ, поэтому наши молодчики и служатъ въ солдатахъ.

Война у скопцовъ въ принципѣ отрицается на основаніи словъ евангельскихъ: „не мечъ принесъ я на землю, а миръ" (но въ Евангеліи есть и текстъ съ обратнымъ смысломъ), и на слова шестой заповѣди: Не убей. Императорскую власть они отрицаютъ и называютъ всѣхъ императоровъ антихристами, на основаніи одного мѣста священнаго писанія, гдѣ говорится о числѣ звѣриномъ, именно о числѣ 666. Если слово императоръ написать церковно-славянскими буквами, а потомъ перевести ихъ на римскія, то въ суммѣ получится та же цифра 666. Буква м (40) выбрасывается на томъ основаніи, что будто бы антихристъ скрылъ въ ней свое имя. Поэтому, надо читать не императоръ, а иператоръ. Слово это не русскаго происхожденія и значитъ вольнодумъ. И если слово вольнодумъ написать тоже церковно-славянскими буквами, а потомъ сложить ихъ, переводя на цифры, то получится въ суммѣ то же звѣриное число. Итакъ и = 10 + п = 80 + е = 5 + р = 100 + а = 1 + т = 300 + о = 70 + р = 100, а все это равняется 666.

Церковь, на основаніи Апокалипсиса, скопцы называютъ блудницей вавилонской, сидящей на звѣрѣ багряномъ, держащей чашу съ мерзостями блудодѣяній. На этомъ основаніи всѣ обряды церковные, священники, архіереи и все духовенство православное отрицается. Духовенство, взятое все въ совокупности, представляющее изъ себя церковь, есть дѣва-блудница, а антихристъ со своими слугами и блудодѣйствуетъ съ дѣвой. Въ этомъ отношеніи взгляды скопцовъ сходятся вообще со взглядами раскольниковъ. Отрицательное отношеніе къ церкви православной и ненависть въ особенности къ ея духовенству объясняется тѣмъ гоненіемъ, которому раскольники и особенно скопцы подвергаются отъ духовенства.

Пріемъ въ секту производится такъ. Членъ скопческой организаціи распропагандированнаго міранина, вполнѣ убѣжденнаго, стойкаго въ основныхъ принципахъ скопческаго ученія, приглашаетъ войти въ секту, т. е. сдѣлаться активнымъ ея членомъ. Если онъ изъявитъ на то желаніе, тогда членъ организаціи предварительно извѣщаетъ о томъ своихъ членовъ единовѣрцевъ. Такимъ образомъ, въ заранѣе опредѣленное время, въ соборъ или молельню является членъ съ желающимъ присоединиться для совершенія нѣкоторыхъ обрядовыхъ формальностей. Здѣсь уже собрались всѣ наличные члены организа-

ціи данной мѣстности и приготовились торжественно встрѣтить новаго послѣдователя вмѣстѣ съ членомъ, давшимъ прежде ручательство организаціи въ томъ, что будущій членъ искрененъ, благонамѣренъ, убѣжденъ крѣпко въ основныхъ принципахъ скопческой религіи, и что онъ былъ много времени подъ надзоромъ у рекомендующаго члена, и послѣдній въ немъ не замѣтилъ ничего подозрительнаго, что бы доказывало или бросало тѣнь относительно выдачи членовъ полиціи. Дѣлается это, понятно, въ видахъ охраненія самой организаціи отъ разрушенія ея со стороны власти.

При входѣ члена съ адептомъ въ соборъ, скопцы всѣ стоятъ на ногахъ, образуя полукругъ. По срединѣ стоитъ учитель со свѣчей въ правой рукѣ. При этомъ царствуетъ невозмутимая тишина. Членъ поручитель съ адептомъ подходятъ къ учителю, кланяются оба въ землю, и членъ говоритъ: „Вѣрный, праведный, не оставь насъ грѣшныхъ, прими въ истинное стадо Христово!" Далѣе происходитъ такой разговоръ учителя съ адептомъ, понятно, по заранѣе заученному.

Учитель. Откуда пришли и чего ищете?

Адептъ. Желаю спасать душу и ищу вѣчнаго блаженства.

Въ этотъ моментъ членъ-поручитель дѣлаетъ поклонъ учителю и присоединяется къ прочимъ скопцамъ, а адептъ остается по срединѣ полукруга одинъ противъ учителя.

Учитель. Въ состояніи ли ты идти по тому пути, на который хочешь вступить. Путь этотъ узокъ, тернистъ, ты будешь не любимъ отцомъ, матерью, всѣми друзьями и знакомыми, и это будетъ продолжаться цѣлую жизнь твою, быть можетъ, будешь убитъ.

Адептъ. Все готовъ перенести съ радостію, какъ святыню, готовъ умереть ради души спасенія хоть завтра и принять мученическій вѣнецъ.

Учитель. Клянешься ли, что отрекаешься отъ всѣхъ ближнихъ, отца, матери, братьевъ, друзей и вообще отъ всего, что тебѣ дорого на свѣтѣ, не будешь пить водку, курить табакъ, не имѣть сношенія съ женщиной, сохранять все въ тайнѣ, все, что узнаешь здѣсь, свою принадлежность къ намъ, и вообще, если бы тебя пытали огнемъ и мечомъ?

Адептъ. Отрицаюсь отъ всего и клянусь, что не буду дѣлать всего того, что ты сейчасъ сказалъ. Если даже будутъ пытать и жечь огнемъ, рубить мечомъ, то не открою ввѣренной мнѣ тайны никому.

Учитель. Даю въ поручители Искупителя-батюшку.

Въ поручители даютъ обыкновенно Искупителя-батюшку или кого велитъ заранѣе назвать членъ-поручитель, т. е. Александра Ивановича (Шилова), Мартына Родіоновича или Акулину Ивановну. Это

поручительство, конечно, можетъ имѣть только духовное значеніе, въ родѣ того, какъ у православныхъ, при крещеніи, бываютъ духовные отцы и матери.

Затѣмъ учитель дѣлаетъ торжественно наставленіе, какъ вести себя въ обыденной жизни, напр. избѣгать всякихъ слабостей, могущихъ подать соблазнъ другимъ, не ругаться скверными словами, вести жизнь уединенную, никому никогда не довѣряться изъ мірянъ, не пить водки, не прикасаться къ женщинѣ, не воровать, не убивать и не открывать своей принадлежности къ сектѣ; за открытіе послѣдняго будетъ наказанъ отъ Бога и людей, не страшиться огня и меча, вѣрить второму сыну Божію, второй богородицѣ (Акулинѣ Ивановнѣ). Наставленіе это у скопцовъ извѣстно подъ именемъ заповѣдей. Послѣ этого всѣ поютъ: „Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся“ трижды; изъ чего можно заключить, что вышеизложенный обрядовый актъ у скопцовъ носитъ какъ бы характеръ крещенія у православныхъ. Далѣе учитель вопрошаетъ:

Понялъ ли ты, что это такое?

Адептъ. Понялъ.

Учитель. Хорошо это?

Адептъ. Да.

Учитель. У насъ еще есть тайна, о которой сказано въ писаніи, что Богъ открывается младенцамъ своимъ. Младенцы это—мы. Есть еще больше этой тайна; это—вотъ что: въ писаніи сказано, что ангелы работаютъ передъ престоломъ у Бога. Такъ работаемъ и мы. Мы тебѣ будемъ открывать тайну; поклянись намъ, что не скажешь ее никому,—за что будешь ты спасенъ и взысканъ милостями отъ Бога; въ противномъ случаѣ, будешь наказанъ отъ Бога, а также и отъ людей.

Адептъ. Я никому не открою ввѣренной мнѣ тайны.

Послѣ этого поютъ всѣ:

„Дай намъ, Господи, къ намъ Іисуса Христа, дай намъ сына, государь, божьяго! Помилуй, государь, насъ! Съ нами духъ, государь, святой! Господи помилуй, государь, насъ! Пресвятая государиня, помилуй, государиня, насъ! Мы съ тобою, Пресвятая государиня, спасены будемъ!“

Во время этого пѣнія скопцы зорко слѣдятъ за новымъ своимъ членомъ, какое впечатлѣніе производитъ на него какъ самое монотонное пѣніе, такъ и содержаніе пѣсни. Если будетъ замѣчено, что пѣніе и содержаніе производитъ впечатлѣніе непріятное, то на этомъ на первый разъ и заканчиваютъ церемонію; но если впечатлѣніе произведено пріятное, то послѣ этой молитвы поютъ:

„Ужъ голуби, голуби бѣлые, голуби бѣлые себѣ держатъ свѣтъ;

мы апостолы съ неба сосланы, на сырую землю мы посланы. А мы видѣли тамъ диво-дивное, диво-дивное, чудо-чудное, какъ душа съ тѣломъ разставалася, распрощалася. Я въ тебѣ жила, въ тебѣ не жила; а себѣ душу въ муку сверзила (ввергла); а тебѣ, тѣло, путь показала. Мать сыра земля, гробова доска, злымъ-лютымъ змѣямъ на съѣденіе; а мнѣ, душѣ, на седьмое небо идти; предъ престоломъ стать, Богу отвѣтъ держать. Мимо рая шла, спотыкнулася; я зашла, душа, тамъ нѣтъ ни травы-росы и ни капли воды".

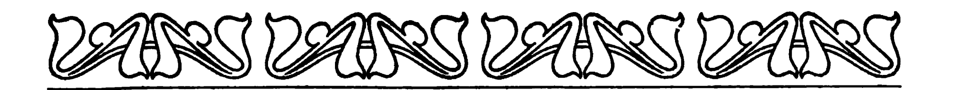
Учитель послѣ этого велитъ адепту выучить на память молитву: „Дай намъ, Господи, Іисуса Христа", говоря, что эта молитва спасаетъ отъ всякихъ недуговъ. Когда плоть будетъ обуревать, то слѣдуетъ пропѣть ее три раза, и плотью овладѣютъ ангелы.

Тотчасъ, по выходѣ изъ собора, за новичкомъ учреждается самый строгій надзоръ, незамѣтный для него. Что бы новичекъ ни дѣлалъ зоркій скопческій глазъ все видитъ, куда бы онъ ни пошелъ, скопецъ неустанно слѣдитъ за нимъ. При малѣйшемъ подозрительномъ шагѣ, всѣ скопцы немедленно уже извѣщаются объ этомъ. Если вновь поступающій не вынесетъ искуса, будетъ предаваться мірскимъ забавамъ, то отъ него всѣ отстраняются, предварительно обсудивъ въ соборѣ всѣ его поступки, какъ легче и удобнѣе безъ вреда устраниться отъ сношеній съ новичкомъ и оттолкнуть его самого. Если неофитъ въ теченіе извѣстнаго времени будетъ вести себя безукоризненно, то его оскопляютъ, смотря по желанію черезъ полгода или черезъ годъ, послѣ введенія въ организацію; но за это время почти каждый изъ скопцовъ непремѣнно испробуетъ его твердость и непоколебимость намѣренія. Иные будутъ приходить къ нему и разъубѣждать, говоря: „хотя я и оскопился, да теперь не радъ сталъ, скопцы народъ нехорошій" и въ этомъ родѣ; а сами въ душѣ бываютъ рады, когда получаютъ въ отвѣтъ настойчивое желаніе оскопиться. Въ иныхъ мѣстахъ испытуемому дается даже дѣвушка или женщина на полгода, и если за всѣмъ тѣмъ получается требованіе оскопить, тогда назначается мѣсто и время, гдѣ слѣдуетъ принять оскопленіе.

На мѣстѣ оскопленія всегда присутствуетъ учитель, который благословляетъ совершить богоугодное дѣло оскопителя и оскопляющагося словами: „Благослови тебя, Господи", и затѣмъ, подавая ножъ, спеціально избранному обрѣзывателю, говоритъ: „вотъ мечъ, чтобы грѣхъ отсѣчь". Тутъ происходитъ уже отсѣченіе грѣха. Оскопленіе, какъ извѣстно, бываетъ полное и неполное.

Въ послѣдующемъ радѣніи новичекъ уже видитъ, какъ совершается часть корабельнаго радѣнія, круговаго, крестоваго и пророчества.

Записки Иркутскаго жителя.

(И. Т. Калашникова).

ПРЕДИСЛОВIЕ.

„Записки Иркутскаго жителя“ сохранились у дочерей их составителя—Ивана Тимоѳеевича Калашникова—Юлiи Ивановны и Наталiи Ивановны Калашниковыхъ, предоставившихъ ихъ въ наше распоряженiе. Предлагая ихъ вниманiю читателей „Русской Старины“ и не распространяясь объ ихъ содержанiи, считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ авторѣ „Записокъ“, въ свое время небезызвѣстномъ писателѣ, несправедливо забытомъ въ изслѣдованiяхъ по исторiи нашей литературы.

И. Т. Калашниковъ былъ сыномъ Иркутскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго, надворнаго совѣтника Тимоѳея Петровича Калашникова, умершаго въ Иркутскѣ 17-го февраля 1828 года; въ Иркутскѣ же и родился Иванъ Тимоѳеевичъ 22-го октября 1797 года. Отецъ его былъ человѣкъ любознательный, не безъ образованiя, прiобрѣтеннаго собственными средствами, легко и охотно писавшiй—о чемъ свидѣтельствуетъ какъ большое количество его писемъ къ сыну, такъ и автобiографическiя записки, носящiя названiе „Жизнь незнаменитаго Т. П. Калашникова, простымъ слогомъ описанная“ [1]). Окончивъ въ числѣ лучшихъ учениковъ курсъ Иркутской гимназiи въ 1808 году (11 лѣтъ), при томъ самомъ академикѣ-директорѣ Ив. Миллерѣ, о которомъ онъ вспоминаетъ въ „Запискахъ“, И. Т. Калашниковъ въ томъ же году поступилъ на службу—подканцеляристомъ въ Иркутскую Казенную Экспедицiю, заставъ еще, такимъ образомъ, до-реформенное время Сибирскаго управленiя, время Трескина и его помощниковъ, а затѣмъ захвативъ кратковременное управленiе Сибирью Сперанскаго и бывъ личнымъ свидѣтелемъ его реформаторской дѣятельности. Въ 1822 году, по предложенiю Сперанскаго, узнавшаго Калашникова черезъ своего стариннаго прiятеля П. А. Словцова, тогда визитатора Сибирскихъ училищъ,—Иванъ Тимоѳеевичъ былъ назначенъ совѣтникомъ Тобольскаго

---

[1]) Онѣ напечатаны нами въ „Русскомъ Архивѣ“ 1904 г., № 10, стр. 145—183.

Губернскаго Правленія и въ томъ же году получилъ, также по представленію Сперанскаго, золотые часы въ награду за усердную службу. Въ 1823 году Калашниковъ покинулъ Сибирь и отправился искать счастья въ Петербургъ; скоро ему удалось получить мѣсто столоначальника въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, и онъ быстро пошелъ по службѣ, послѣдовательно занимая должности: начальника I отдѣленія въ Департаментѣ удѣловъ (1827), правителя Канцеляріи Медицинскаго Департамента (1830), старшаго помощника производителя дѣлъ въ Собственной Е. И. В. Канцеляріи (1836), и. д. производителя дѣлъ въ V Отдѣленіи той же Канцеляріи (1838), директора канцеляріи Предсѣдателя Комитета Государственнаго Коннозаводства (1843) и, наконецъ, члена Комитета Государственнаго Коннозаводства (1850).

Получивъ 1-го января 1859 года чинъ тайнаго совѣтника, Калашниковъ въ томъ же году, 13-го ноября, вышелъ въ отставку, а черезъ четыре года, 8-го сентября 1863 г. скончался въ Петербургѣ; погребенъ онъ вмѣстѣ съ женой, Елизаветой Петровной, рожд. Масальской (ум. въ 1877 г.), дочерью близкаго къ Сперанскому человѣка— Петра Григорьевича Масальскаго и сестрой небезъизвѣстнаго писателя К. П. Масальскаго, на Митрофаніевскомъ кладбищѣ.

Литературная дѣятельность Калашникова началась еще въ бытность его въ Сибири, но тогда она имѣла случайный характеръ; извѣстность же его, какъ писателя, ведетъ свое начало съ появленія въ 1832 году его романа „Дочь купца Жолобова", имѣвшаго настолько большой успѣхъ среди любителей „занимательнаго чтенія", что въ томъ же году потребовалось 2-е изданіе книги, такъ же быстро раскупленное. За „Дочерью купца Жолобова" послѣдовалъ, въ 1833 году, новый романъ изъ Сибирской жизни — „Камчадалка", имѣвшій весьма солидный успѣхъ, а въ 1834 г.—повѣсть „Изгнанники". Эти два романа и повѣсть создали прочную репутацію Калашникову, и имя его сдѣлалось извѣстнымъ въ кругу литераторовъ и, особенно, читающей публики, среди которой названные „сибирскіе" романы пользовались огромною популярностью (въ 1842 г. „Дочь купца Жолобова" вышла 3-мъ, а „Камчадалка" 2-мъ изданіемъ). Однако, отвлекаемый службою и заботами о большомъ семействѣ, заставившими его, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, взять на себя должность учителя русской словесности въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ и наставника-наблюдателя въ Дворянскомъ полку, Калашниковъ долженъ былъ смотрѣть на свою литературную дѣятельность, какъ на побочную, и его опыты въ этомъ направленіи прекратились: появляясь, время отъ времени, въ различныхъ Петербургскихъ журналахъ со стихотвореніями и мелкими разсказами, Иванъ Тимоѳеевичъ только въ 1841 году издалъ еще одинъ романъ (въ 3 ч.) „Автоматъ", но онъ уже не имѣлъ того успѣха,

какъ первыя его произведенія, хотя и обладалъ достоинствами; кромѣ того, Калашникову принадлежитъ еще компилятивная работа „Объ устройствѣ судебно-уголовной власти въ Греціи и Римѣ“ (С.-Пб. 1830) и „Книга для чтенія воспитанниковъ Сельскихъ училищъ“, изданная въ 1847 году.

„Записки Иркутскаго жителя“ [1]) писаны въ 1862 году, слѣдовательно, за годъ до смерти автора. Вторая ихъ часть почти вся посвящена разсказу о Петрѣ Андреевичѣ Словцовѣ, извѣстномъ историкѣ Сибири. Калашниковъ отводитъ ему столько мѣста въ своихъ воспоминаніяхъ какъ изъ желанія сохранить память объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, такъ и изъ чувства вѣчной благодарности къ Словцову, которому онъ былъ многимъ обязанъ, и который руководилъ умственнымъ и нравственнымъ воспитаніемъ талантливаго юноши, замѣченнаго имъ еще въ Иркутскѣ. Цѣльный образъ Словцова весьма рельефно рисуется въ перепискѣ его съ Иваномъ Тимоѳеевичемъ, обнимающей время съ 1823 по 1843 годъ, — годъ его кончины. Мы надѣемся впослѣдствіи обнародовать переписку Словцова съ Калашниковымъ, въ которой не мало любопытныхъ подробностей изъ Сибирской и Петербургской жизни 1820—1840-хъ годовъ.

Б. Модзалевскій.

15 іюня 1905 г. Павловскъ.

„Записки Иркутскаго жителя“, начинаясь первыми годами текущаго столѣтія, оканчиваются 1823 годомъ, въ который выѣхалъ я изъ Сибири.

Первая часть этихъ записокъ содержитъ описаніе внѣшней стороны Иркутской жизни. Сюда отнесено мною и управленіе, также принадлежащее наиболѣе къ внѣшнимъ обстоятельствамъ. Разсказъ мой обнимаетъ самое замѣчательное время: дѣйствія Генералъ-Губернатора Пестеля и Гражданскаго Губернатора Трескина, разрушеніе ихъ владычества и избавленіе Сибири отъ тяжелаго ига, снятаго съ нея Сибирскимъ Генералъ-Губернаторомъ Михаиломъ Михаиловичемъ Сперанскимъ. Въ особенности послѣднее время управленія Трескина представляетъ любопытную и страшную драму, въ которой былъ виденъ перстъ Божій, и которая можетъ служить навсегда поучительнымъ примѣромъ для правителей отдаленныхъ провинцій.

Бывъ многолѣтнимъ и близкимъ очевидцемъ тогдашнихъ происшествій, я желалъ сохранить для исторіи Сибири особенно драгоцѣнныя подробности о пребываніи въ Иркутскѣ Сперанскаго, полагая,

---

[1]) Другой экземпляръ ихъ (подлинная рукопись автора) находится въ Рукописномъ Отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки.

что и малѣйшее обстоятельство, относящееся къ жизни столь замѣчательнаго человѣка, не можетъ не быть интересно для его соотечественниковъ, и есть неотъемлемое достояніе исторіи.

Вторая часть содержитъ внутреннюю сторону Иркутской жизни, степень цивилизаціи жителей и научное ихъ развитіе, на которое имѣло сильное вліяніе управленіе тамошними училищами Петромъ Андреевичемъ Словцовымъ, человѣкомъ необыкновеннаго ума и глубокаго просвѣщенія, котораго также, какъ и Сперанскаго, только буря обстоятельствъ, сдвинувъ съ блестящаго пути, ему открывавшагося, могла занести въ пустыни Сибири. Словцовъ былъ соученикъ и другъ Сперанскаго отъ самыхъ молодыхъ лѣтъ до самой смерти послѣдняго. Оба друга равно испытали невѣрность счастія, оба страдали напрасно; но жизнь Словцова представляетъ еще болѣе превратности и какого-то таинственнаго предопредѣленія, какъ и самъ Сперанскій писалъ къ нему однажды: „Вѣрь, что Провидѣніе ведетъ тебя особенно: ибо человѣческіе способы и усилія, противные твоему влеченію, какъ бреніе сокрушаются“.

Во многихъ журналахъ были напечатаны біографіи Словцова, но краткія и неудовлетворительныя. Бывъ много лѣтъ въ близкихъ сношеніяхъ съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ и получивъ, по смерти его, завѣщанныя имъ мнѣ бумаги [1]), я считалъ бы себя виноватымъ предъ памятію Словцова, если бы оставилъ въ неизвѣстности имѣющіяся у меня свѣдѣнія.

Въ этомъ убѣжденіи все, извѣстное мнѣ о П. А. Словцовѣ, я изложилъ во II-й части настоящихъ записокъ [2]).

Говоря объ управленіи, я старался, сколько было возможно, избѣгать всякаго личнаго упоминанія; но, къ сожалѣнію, происшествія были столь рѣзки, дѣла столь возмутительны, злоупотребленія столь тѣсно соединены съ личностями, что надлежало невольно коснуться многихъ весьма съ неблагопріятной стороны. Что дѣлать? Давно сказано, что исторія злопамятнѣе людей.

Не отрекаюсь, что, можетъ быть, въ какихъ-либо случаяхъ память и измѣнила мнѣ: въ сорокъ и даже въ пятьдесятъ лѣтъ, протекшихъ со времени описываемыхъ мною происшествій, легко можно было позабыть многое. И потому я обращаюсь собственно къ моимъ единоземцамъ словами древняго лѣтописца: „Отцы и братія! ожесь гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или недописалъ, чтите, исправляя Бога для, а не кляните“!

И. К—въ.

---

[1]) Нѣкоторыя бумаги Словцова находятся теперь въ Рукописномъ Отдѣленіи Публичной Библіотеки.

[2]) Эта часть печатается здѣсь въ сокращенномъ видѣ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Городское устройство.—Казенныя зданія и частные дома.—Мѣсто городскихъ гуляній.—Церкви, монастыри Иркутска.—Землетрясенія.

Въ началѣ настоящаго столѣтія Иркутскъ имѣлъ болѣе видъ грязнаго уѣзднаго городка или даже большого села, нежели столицы Сибири, какъ называли его тамошніе жители по пребыванію тамъ Сибирскихъ генералъ-губернаторовъ.

Послѣ проливныхъ дождей, многія изъ Иркутскихъ улицъ были непроходимы; на площадяхъ образовывались безпредѣльныя лужи. Проѣзда по нимъ почти не было; за то какое было наслажденіе для дѣтей! Бывало, ученики народнаго училища, идучи домой послѣ классовъ, поставляли долгомъ снять сапоги и съ неописаннымъ наслажденіемъ брели по водѣ, между тѣмъ какъ въ ихъ дѣтскомъ воображеніи,—лужа представлялась нѣчто въ родѣ океана.

Невысыхаемая грязь не была, однакожъ, единственнымъ достоинствомъ Иркутскихъ улицъ; онѣ были, сверхъ того, косы и кривы, тянулись, какъ имъ было удобнѣе, не удостоивая городской планъ ни малѣйшаго вниманія. Дома то высовывались впередъ, какъ бы желая взглянуть, что дѣлалось на улицахъ, то пятились назадъ, какъ бы стараясь уединиться отъ городского шума; многіе, особенно въ такъ называемыхъ солдатскихъ улицахъ, склонившись долу, послѣ долговременной службы, преспокойно доживали на боку свои послѣдніе дни. Къ довершенію картины, городъ былъ украшенъ тысячами колодезныхъ столбовъ, торчавшихъ изъ каждаго огорода, съ превеликими очепами, или, какъ называли въ Иркутскѣ, журавцами,—словомъ: городъ имѣлъ, какъ сказалъ я выше, видъ большого села, гдѣ на грязныхъ улицахъ гуляли коровы, стадами бѣгали собаки и, по временамъ, плавали утки.

Наконецъ, для этой сельской картины настал черный день. День этотъ былъ пріѣздъ въ Иркутскъ гражданскаго губернатора Николая Ивановича Трескина, въ 1808 году.

Трескинъ неутомимо принялся за благоустройство города. Признаться, пора была! Площади были подняты и осушены; на улицахъ не только главныхъ, но и второстепенныхъ, положены гати. Все это производилось колодниками, или, какъ называютъ въ Сибири, „несчастными“. Инженеровъ путей сообщенія въ то время въ Иркутскѣ еще не было; поэтому работы производились подъ руководствомъ также ссыльнаго, нѣкоего Гущи, который ходилъ въ какомъ-то импровизированномъ имъ самимъ мундирѣ, въ видѣ начальника. Имя Гущи

было извѣстно всѣмъ въ городѣ, съ мала до велика. Рабочихъ, бывшихъ подъ его начальствомъ, иначе не называли, какъ Гущинскою командою. Но кто былъ этотъ великій осушитель улицъ и строитель гатей, откуда, изъ какого званія, для меня было и осталось тайною.

Появленіе Гущинской команды особенно было непріятно для владѣльцевъ тѣхъ домовъ, которые, по вольности дворянства, не уважали городского плана. Трескинъ хлопоталъ не только объ осушеніи улицъ и площадей, но и о томъ, чтобы выпрямить кривизны и косины и дать городу, елико возможно, наружность благоприличную. Спору нѣтъ, что благоприличіе вещь хорошая, но только ужъ слишкомъ нецеремонно поступали съ домами, стоявшими не по плану. Согласіе домовладѣльцевъ тутъ было дѣло излишнее. Бывало, явится Гущинская команда—и домъ, поминай, какъ звали. Если же не весь домъ стоялъ не по плану, а только какая-нибудь особенно смѣлая часть его вылѣзала впередъ, то безъ церемоніи отпилитъ отъ него сколько нужно по линіи улицы, а тамъ и поправляй его, какъ умѣешь. Если хозяину поправить дома было нечѣмъ, то онъ ёжился съ семействомъ въ остальной части, а полураспиленныя комнаты такъ себѣ и стояли на показъ иногда цѣлые годы.

Одинъ купецъ, по прозванію, помнится, Скоробогатой, долго упрямился и не хотѣлъ сломать своего дома. Домикъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ красивенькій и хорошо прибранный,—по изысканному вкусу хозяина, который былъ и самъ человѣкъ щеголеватый и даже нѣсколько щепетильный. Въ одну прекрасную ночь, когда Скоробогатой спалъ спокойнымъ сномъ, какъ человѣкъ вполнѣ довольный своимъ положеніемъ, можетъ быть, предавался сладкому мечтанію, какъ онъ женится и заживетъ весело съ супругою въ своемъ уютномъ и красивенькомъ домикѣ; можетъ быть, мечталъ и о тѣхъ перемѣнахъ, какія предполагалъ въ немъ сдѣлать,—какъ вдругъ раздается на кровлѣ роковой визгъ пилы... Труба Архангела, возвѣщающая кончину міра, едва-ли была бы для него болѣе ужасною! Сколько ни упрашивалъ, сколько ни умолялъ бѣдный купецъ объ отсрочкѣ разрушенія своего маленькаго рая, неумолимый Гуща продолжалъ свое дѣло — и половины дома какъ не бывало.

Долго и домъ моего отца, родное мое пепелище, находился въ опасномъ положеніи, и дѣтское воображеніе уже пугало грозною картиною приближенія Гущинской команды; но туча какъ - то прошла стороною, и нашъ домъ во все губернаторство Трескина простоялъ благополучно.

Каменныхъ домовъ было очень мало; едва-ли насчитывалось десятка три.

Изъ казенныхъ каменныхъ зданій, самое красивое, по странной

гирѣ случая, было — тюрьма, или, какъ называли въ Иркутскѣ, острогъ. На главный фасъ его выходила церковь во имя Св. Бориса и Глѣба, куда заключенные, каждое воскресенье, приходили слушать божественную службу. Острогъ стоялъ за городомъ, въ мѣстоположеніи весьма живописномъ.

Лучшіе деревянные дома, исключая одного, въ которомъ постоянно владычествовалъ откупъ, принадлежали казнѣ, какъ - то: генералъ-губернаторскій, губернаторскіе: зимній и лѣтній, и вице-губернаторскій.

Домъ генералъ-губернатора былъ весьма обширный, имѣлъ до тридцати комнатъ и три или четыре зала. Но во все время генералъ-губернаторства Ивана Борисовича Пестеля онъ стоялъ безъ всякой поправки и гнилъ безъ пользы. Извѣстно, что Пестель, побывавъ разъ въ Иркутскѣ, въ самомъ началѣ своего управленія, потомъ постоянно жилъ въ Петербургѣ, и потому какимъ-то острякомъ тогдашняго времени былъ названъ самымъ дальновиднымъ изъ начальниковъ.

Частные деревянные дома въ городѣ принадлежали большею частію купцамъ и мѣщанамъ; имѣли домы и чиновники, но не большіе и бѣдные. Судя по домамъ, можно думать, что тогдашніе чиновники или жили однимъ жалованьемъ, или, если пользовались отъ трудовъ своихъ, то весьма скудными даяніями.

Вообще дома, какъ деревянные, такъ и каменные, не имѣли подъѣздовъ съ улицы, и крыльца ихъ выходили во дворъ, а чтобы попасть во дворъ, надобно было постучать въ ворота большимъ кольцомъ, для этого повѣшеннымъ на одной изъ двухъ калитокъ.

Постройка домовъ мало улучшилась и въ управленіе Трескина. Бывшій при немъ архитекторъ имѣлъ необыкновенное пристрастіе къ высокимъ крышамъ. Крыши, поставленныя имъ на выстроенныхъ имъ деревянныхъ домахъ, иногда въ полтора раза были выше самыхъ домовъ, и напоминали прежнихъ солдатъ въ безмѣрно высокихъ трехъ-угольныхъ шляпахъ.

При каждомъ домѣ, и богатомъ и бѣдномъ, былъ, какъ непремѣнное условіе жизни, огородъ, а при другихъ и садъ. Огороды были необходимы, потому что мелочныхъ или зеленныхъ лавочекъ не было и въ поминѣ, и каждый домохозяинъ долженъ былъ запасаться зеленью, большею частію, изъ своего огорода.

Лучшіе сады были при домахъ: генералъ-губернаторскомъ, губернаторскихъ и вице-губернаторскомъ. Впрочемъ, сады при лѣтнемъ домѣ губернатора и вице - губернатора не имѣли никакой отдѣлки и были обыкновенныя березовыя рощи. Одно было въ нихъ хорошо, что онѣ находились на берегу Ушаковки. Еще была березовая роща, называвшаяся комендантскою. Долгое время она не была даже и огорожена,

и служила только для игры ребятишекъ. Въ позднѣйшіе годы управленія Трескина ее обнесли заборомъ и сдѣлали въ ней кое-какія бесѣдки, но, по неудобному своему мѣстоположенію для прогулокъ, она по-прежнему оставалась всегда пустою...

Вообще мѣстъ, удобныхъ для публичныхъ гуляній, не было. Трескинъ хотѣлъ было учредить публичное гулянье въ принадлежавшей купцу Портнову сосновой рощѣ, превративъ ее въ садъ и наименовавъ Портновскимъ садомъ. Тамъ былъ выстроенъ для танцевъ особый залъ, или, лучше сказать, сарай и балаганъ, сколоченный изъ досокъ и ни снаружи, ни внутри не окрашенный. Даже были придуманы и фонтаны, для которыхъ была проведена вода изъ Ушаковки. Но ничто не помогло. По отдаленности отъ города, въ Портновскій садъ никто не заглядывалъ изъ жителей, и, наконецъ, онъ былъ брошенъ и запустѣлъ...

Но при недостаткѣ мѣстъ для веселыхъ сборищъ, Иркутскъ могъ похвалиться множествомъ и богатствомъ церквей. Церкви всѣ были каменныя и обширныя, почти всѣ двуэтажныя: нижній этажъ былъ теплый, гдѣ служили зимою, верхній—холодный, куда переходили въ первый день Св. Пасхи и служили лѣтомъ. Всѣ церкви отличались необыкновенно высокими шпицами. Многія изъ нихъ были внутри раскрашены; вообще же всѣ снаружи были выбѣлены, а по угламъ вымазаны черною краскою, чтò придавало имъ траурный видъ; потомъ, не знаю, по чьему настоянію, черныя полосы были забѣлены. Всѣхъ церквей считалось до 13-ти.

Всѣхъ же домовъ, каменныхъ и деревянныхъ, при выѣздѣ моемъ изъ Иркутска, въ 1822 году, насчитывалось до 2.000, а жителей до 15.000 человѣкъ.

При городѣ были два монастыря: Вознесенскій, мужской, основанный въ 1672 году, и Знаменскій, женскій, основанный въ 1693 году. Первый былъ очень богатъ и имѣлъ нѣсколько церквей, изъ которыхъ въ главной почиваютъ мощи Св. Иннокентія, перваго Иркутскаго епископа. Изъ другихъ монастырскихъ церквей особенно замѣчательна деревянная, гдѣ прежде почивалъ Св. Угодникъ. Во время бывшаго въ монастырѣ большого пожара всѣ зданія около нея сгорѣли, а она осталась невредимою, хотя одна стѣна ея совершенно обуглилась.

Въ монастырь Вознесенскій стекались богомольцы со всей Россіи. Кромѣ того, Иркутскіе купцы, въ числѣ которыхъ были и милліонеры (считая деньги на ассигнаціи), весьма усердствовали къ украшенію монастыря. Сборщикомъ подаяній, въ мое время, былъ одинъ изъ несчастныхъ, наказанный кнутомъ. По приводѣ его въ Иркутскъ, онъ бѣжалъ за городъ, отрубилъ себѣ руку, вѣроятно, для того, чтобы

избавиться отъ каторжной работы, но сумѣлъ придать этому религіозной видъ: устроилъ себѣ въ лѣсу, для спасенія своей грѣшной души, недалеко отъ города, келейку, въ которой и былъ вскорѣ пойманъ. Вѣря въ его раскаяніе и въ желаніе посвятить себя Богу, его помѣстили въ монастырскіе служки. Тамъ онъ успѣлъ войти въ довѣренность архимандрита, сдѣлался трапезникомъ и даже нѣчто въ родѣ казначея...

Я помню набожную и постную физіономію этого проходимца. Онъ былъ лѣтъ тридцати; имѣлъ лице сухощавое и видъ болѣзненный; росту—средняго, глаза черные—блестящіе... Онъ ходилъ въ самые лютые морозы изъ монастыря въ городъ и изъ города въ монастырь, отстоявшій верстъ за пять, въ одномъ камлотовомъ подрясникѣ, со скуфейкою на головѣ: какимъ образомъ удавалось ему совершать безвредно эти опасныя прогулки при тридцати и болѣе градусныхъ морозахъ, это была его тайна; но тѣмъ не менѣе онѣ привлекали къ нему общее почтеніе жителей, въ особенности благочестивыхъ купчихъ, которыя считали его едва-едва не святымъ. Звали его Иваномъ, но жители обыкновенно называли его ласковымъ именемъ: Иванушка. Много Иванушка собиралъ подаяній, много содѣйствовалъ къ благолѣпію монастыря; даже сказывали, что на собранныя имъ пожертвованія была выстроена новая церковь...

Нѣсколько лѣтъ продолжалъ Иванушка вести себя такъ, что въ поведеніи его самый строгой взоръ не могъ бы примѣтить ни сучка, ни задоринки; но, наконецъ, врагъ ли рода человѣческаго впутался въ это дѣло, или привычка—вторая натура, взяла таки свою силу,—какъ бы то ни было, только Иванушка весьма скандально закончилъ свою роль. Въ одну прекрасную ночь онъ обокралъ монастырь и даже не устрашился поджечь его... Къ счастію, пожаръ былъ благовременно замѣченъ и потушенъ...

Разсматривая жизнь этого человѣка, нельзя не удивляться то необыкновенной твердости его характера, то его изумительному, обдуманному и выдержанному лицемѣрію, то, наконецъ, отчаянной дерзости, съ какою онъ рѣшился разбить разомъ твореніе многихъ и трудныхъ лѣтъ...

Знаменскій женскій монастырь былъ гораздо бѣднѣе Вознесенскаго. Оба монастыря стоятъ на берегу Ангары: Знаменскій въ предмѣстіи города, а Вознесенскій, какъ выше сказано, верстъ за пять. Проѣхать изъ одного монастыря въ другой нельзя иначе, какъ по рѣкѣ. Однажды игуменья и монахини Знаменскаго монастыря собрались поклониться мощамъ Св. Иннокентія. Онѣ поѣхали въ лодкѣ. Погода была бурная. Ангара, разливающаяся почти на версту, закипѣла бѣлыми волнами. Монахини, однакожъ, продолжали ѣхать. Ло-

дочники, сколько возможно, боролись съ волнами; но наконецъ налетѣлъ сильный шквалъ, лодка опрокинулась—и всѣ монахини потонули. Спасенія ожидать было не отъ кого: берега Ангары, отъ Знаменскаго монастыря до Вознесенскаго—пустынные, а по Ангарѣ и въ хорошую погоду лодокъ ѣздило весьма мало, тѣмъ больше въ бурную. Такимъ образомъ бѣдныя монахини, помнится, человѣкъ до девяти, всѣ погибли жертвою своей набожности.

Въ Знаменскій монастырь, въ день Знаменія Пресвятой Богородицы, 27-го ноября, бывалъ (вѣроятно, и нынѣ бываетъ) крестный ходъ изъ Соборной церкви съ иконою Пресвятой Богородицы, нарицаемою Казанскою. Въ этомъ ходѣ, не смотря на сильной морозъ, тогда бывающій, участвовало почти все народонаселеніе Иркутска, съ мала до велика. Вообще всякая духовная процессія была торжествомъ цѣлаго города. Духъ религіозный проникалъ равно во всѣ сердца. Вольнодумство было чуждо города, весьма съ малымъ исключеніемъ двухъ, трехъ человѣкъ, которыхъ зналъ весь городъ и считалъ за помѣшавшихся.

Съ особеннымъ торжествомъ провожали и встрѣчали Казанскую икону Богоматери, когда 21-го мая ее уносили въ деревню Куду, чтобы оттуда носить по полямъ для испрошенія на нивы Божія благословенія. Погода тогда бываетъ, большею частію, прекрасная; весна въ полномъ разгарѣ; дорога идетъ по полямъ и горамъ, усѣяннымъ множествомъ благоухающихъ цвѣтовъ. Надобно замѣтить, что иркутская флора несравненно богаче бѣдной Петербургской флоры: Иркутскъ южнѣе Петербурга болѣе, нежели на 7-мь градусовъ.

Версты за три отъ города стоялъ среди поля деревянный крестъ, и здѣсь былъ первый отдыхъ процессіи, по отслуженіи молебна. Отсюда большая часть провожавшихъ икону возвращалась домой. Представьте себѣ обширную цвѣтущую долину при подошвѣ высокой горы; вдали свѣтлѣетъ обширная Ангара; жители группами раздѣлились по зелени, въ разноцвѣтныхъ нарядахъ, пѣніе клира, развѣвающіяся хоругви, блестящія на солнцѣ одежды духовенства, набожныя толпы, окружающія икону—все это наполняло душу благоговѣніемъ и умиляло сердце. Въ дѣтствѣ моемъ я всегда участвовалъ въ этой процессіи вмѣстѣ съ однимъ изъ моихъ школьныхъ товарищей. Однажды мы зашли очень далеко отъ города и даже уговаривали бывшую съ нами старушку, бабушку моего товарища, итти до самой Куды.

Иркутскъ стоитъ при подошвѣ Петрушиной горы, на небольшой лощинѣ, обмываемой съ Запада и Сѣвера Ангарою, съ Востока Ушаковкою. За Ангарою опять поднимаются горы, пробиваемыя могучею рѣкою. Горы покрыты хвойными лѣсами; за лѣсами опять горы, за горами опять лѣса: видъ унылый, единообразный, утомительный: какъ

въ колыбельной пѣснѣ: „А за тѣми за лѣсами — лѣсъ да гора, а за тою за горою—горы да лѣса". Вдали виднѣлись: на западъ—двѣ деревушки—„Хомутова и Царь-дѣвица", на сѣверъ—колокольни Вознесенскаго монастыря, на востокъ—огромная Клубничная гора, съ крестомъ на могилѣ одного казненнаго преступника. Вотъ все, на чемъ могъ остановиться взоръ, брошенный изъ Иркутска, съ берега Ангары, на его печальныя окрестности.

Преступникъ, о которомъ упомянулъ я выше, былъ изъ солдатъ, прозывался Хлызовъ. Сосланный на каторгу, онъ бѣжалъ съ Нерчинскихъ заводовъ и пріютился въ домишкѣ своей жены, на концѣ города. Женѣ онъ поручалъ высматривать въ лавкахъ, гдѣ болѣе выручки, гдѣ хранятся деньги, и гдѣ удобнѣе ихъ украсть. Для этого она дѣлала по временамъ свои обсерваціи въ гостинномъ дворѣ и, наконецъ, собравъ удовлетворительныя свѣдѣнія, доставляла ихъ своему почтенному супругу. Такимъ образомъ было указано ею на одну изъ лавокъ, называвшихся Ситниковыми. Хлызовъ туда отправился, запасшись инструментами для пробитія свода, имѣлъ терпѣніе, пробравшись подъ кровлю, нѣсколько дней тихонько пробивать сводъ, и, наконецъ, пробивши отверстіе, спустился въ лавку, взялъ шкатулку съ деньгами, нѣсколько кусковъ лучшихъ матерій и тѣмъ же путемъ возвратился назадъ, не оставя послѣ себя ни малѣйшаго слѣда.

Въ другой разъ Хлызовъ обокралъ Крестовоздвиженскую церковь, бывшую за городомъ, на старомъ Иркутскомъ кладбищѣ. Церковь снаружи была украшена разными узорами, высѣченными изъ кирпича. По этимъ узорамъ, со страшною опасностью, Хлызовъ поднялся на колокольню, оттуда перебрался на хоры и съ хоръ въ церковь. Злодѣй не дрогнулъ взять съ престола Божія чашу, ободрать ризы съ образовъ, обокрасть ризницу, словомъ, святотатственно похитить столько, сколько могъ одинъ утащить... Сдѣлавъ это злодѣйство, онъ опять вышелъ тѣмъ же путемъ изъ церкви, все сбросилъ съ колокольни на землю, а потомъ и самъ спустился. Это происшествіе навело ужасъ на благочестивыхъ жителей Иркутска. Кто же былъ безбожный похититель, слѣдовъ опять никакихъ не было... Кражи начали повторяться, страхъ жителей увеличился; но преступника открыть не могли: полиція пришла въ совершенный тупикъ, и злодѣй еще долго бы торжествовалъ, если бы самъ Богъ не помогъ открыть его.

Живучи въ подпольѣ, Хлызовъ скрывался тамъ днемъ и только ночью выходилъ на преступную работу. Но, однажды, въ какомъ-то самозабвеніи, онъ вздумалъ подышать ли чистымъ воздухомъ, или взглянуть на свѣтъ Божій, и, отворивъ подъемную дверь, или трапъ, высунулъ оттуда голову, не болѣе какъ на мгновеніе, но этого и было достаточно для его гибели. Жены его дома не было, а въ избѣ

сидѣла сосѣдняя дѣвочка. Сколь ни скоро онъ заперъ трапъ, дѣвочка его увидѣла, и, сейчасъ побѣжавъ домой, сказала, что мужъ-то де-Сидоровны или Панкратьевны... возвратился.

— Какъ воротился?— съ удивленіемъ спросили домашніе.

„Да я сейчасъ своими глазами его видѣла...

Немедленно было дано знать полиціи,—и злодѣй былъ схваченъ. Утвари церковныя переломанныя, ризы священническія, товары, накраденные изъ лавокъ, все было спрятано между полами. Узнавъ объ этомъ открытіи, городъ спокойно вздохнулъ. Судъ надъ злодѣемъ былъ непродолжителенъ. Это было во время Трескина: тогда шутить не любили. Хлызовъ былъ приговоренъ къ тяжкому наказанію — и умеръ подъ ударами...

Къ несчастію, Сибирская жизнь полна подобными катастрофами. Собранныя въ одно цѣлое, онѣ представили бы многія любопытныя явленія для исторіи человѣческаго духа.

Воздухъ Иркутска сухой, по причинѣ возвышеннаго положенія; по барометрическимъ наблюденіямъ, онъ выше океана на 195 саженъ. Высшая степень тепла доходитъ до 29°, самый большій морозъ до— 33°. Случается, что и ртуть въ термометрахъ замерзаетъ: впрочемъ, эти казусы бываютъ не каждый годъ. Въ эти дни улицы раскалываются съ трескомъ; бревна въ домахъ съ трескомъ лопаются; воздухъ сгущается и наполняется милліонами блестокъ; побѣлѣвшіе носы, уши и щеки то и дѣло встрѣчаются на улицахъ; жители надѣваютъ, кромѣ шубъ и теплыхъ шапокъ, огромные медвѣжьи сапоги, безъ которыхъ, какъ разъ, распрощаешься съ ногами. Несносное и тяжелое время!

Но и среди самыхъ палящихъ, или, какъ говорили въ Иркутскѣ, хлящихъ морозовъ, въ январѣ и особенно въ февралѣ мѣсяцѣ, вдругъ солнце какъ бы одолѣваетъ усиліе мороза, на кровляхъ снѣгъ начинаетъ таять и наипріятнѣйшая свѣжесть разливается въ атмосферѣ.

Въ отмщеніе за это, лѣтомъ, въ продолженіе жаровъ, вдругъ врывается дыханіе зимы, и одно холодное утро уничтожаетъ труды и надежды земледѣльца.

Сколь ни страшны были при мнѣ грозы и морозы въ Иркутскѣ, но страхъ, наводимый ими, ничто въ сравненіи съ ужасомъ, производимымъ землетрясеніями. Въ бытность мою въ Иркутскѣ, съ начала настоящаго столѣтія по 1823 годъ, были три раза сильнѣйшія землетрясенія, не говоря о незначительныхъ, бывавшихъ почти каждый годъ.

Первое землетрясеніе было въ 1804 году; оно случилось въ ночь на Св. Пасху. Въ эту ночь гарнизонная артиллерія обыкновенно приводила три орудія къ Собору, для обычныхъ сигналовъ. Едва раздался первый выстрѣлъ, какъ страшный ударъ землетрясенія потрясъ

городъ. Дома вздрогнули и закачались; въ нѣкоторыхъ каменныхъ домахъ показались трещины; въ комнатахъ зашевелились и застучали мебели; зазвенѣла посуда, заговорили окна и двери, и въ то же мгновеніе съ соборной колокольни отъ сильнаго качанія слетѣлъ крестъ, и, отброшенный саженъ на десять отъ основанія колокольни, едва не задавилъ артиллеристовъ. Изъ этого можно заключить, какъ сильно было колебаніе.

Многіе камергеры и камеръ-юнкеры, бывшіе въ то время въ Иркутскѣ съ графомъ Головкинымъ, который отправлялся посломъ въ Китай, въ испугѣ прибѣжали прямо съ постели искать спасенія въ домъ губернатора, накинувъ на себя, что попало подъ руку: до нарядовъ ли тутъ, какъ смерть виситъ на носу! Опомнившись отъ страха, гг. придворные увидѣли непристойность своихъ нарядовъ, и много смѣялись: Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas.

Второе землетрясеніе было 14-го февраля 1809 года, въ 3 часа пополуночи. Съ вечера былъ чувствуемъ сильный сѣрный запахъ, обыкновенно предшествующій землетрясенію; воздухъ сдѣлался удушливый; наступила грозная тишина, предвѣстница подземной грозы, и вдругъ раздался сильнѣйшій подземный ударъ, всѣ жители города разомъ проснулись и съ трепетомъ ожидали послѣдствій... Скоро землетрясеніе поколебало городъ, возобновляясь три раза въ теченіе ночи. Бывъ еще ребенкомъ, я проснулся съ ужасомъ, и теперь еще живо въ моемъ воображеніи, какъ трясся и трещалъ домъ, стучали мебель и двери и прыгали окна то вверхъ, то внизъ.

Третье землетрясеніе было при мнѣ въ 1814 году, часа въ два пополудни. О продолженіи его можно судить потому, что я успѣлъ выйти на крыльцо и, помолившись Богу, сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ. Между тѣмъ, всѣ окружающія нашъ домъ строенія трещали и тряслись... Картина страшная и страшнѣе ея едва-ли что можно представить!

Впослѣдствіи были при мнѣ еще нѣсколько землетрясеній, но весьма легкихъ: только пробѣгалъ по городу мгновенный гулъ, какъ бы пролеталъ сильный вихрь...

II.

Происхожденіе жителей.—Купечество.—Самостоятельность и степень образованія купцовъ.—Чиновники.—Загородныя прогулки.—Городскія удовольствія.—Вертепы.—Театры.—Народныя празднества.—Балы и маскарады.—Угощеніе.—Свадьбы.—Капустка.—Музыканты.—Иркутскіе оригиналы. — Пѣвческіе хоры.

Судя по выговору и по самостоятельности характера иркутскихъ старожиловъ, можно полагать, что они происходятъ отъ зашедшихъ

въ Сибирь новогородцевъ, разсѣявшихся послѣ погрома при Грозномъ.

Самостоятельность, въ первомъ десяткѣ настоящаго столѣтія, до пріѣзда губернатора Трескина, особенно проявлялась въ сословіи купцовъ, составлявшихъ аристократію Иркутска. Замѣчательно, что среди нихъ не было ни одного раскольника; всѣ они брили бороды и носили фраки.

Гордость ихъ нерѣдко доходила до дерзости; главнѣйшіе изъ нихъ не ломали, какъ говорится, шапки и предъ главными начальниками.

Не извиняя дерзости, нельзя, однакожъ, не сказать, что самостоятельность купечества имѣла и свою хорошую сторону. Въ городѣ, гдѣ не было дворянства, кромѣ бѣдныхъ и безгласныхъ чиновниковъ, купеческое общество одно составляло нѣкоторый оплотъ самоуправству и беззаконію, столь обыкновенному, въ прежнее время, въ отдаленныхъ провинціяхъ. Если притѣсненія переходили мѣру терпѣнія, купцы приносили жалобу высшему правительству. Жалобы ихъ нерѣдко были признаваемы уважительными. Къ сожалѣнію, не всегда они умѣли пользоваться вниманіемъ правительства: успѣхъ ихъ жалобъ еще болѣе надувалъ купеческую спесь. Даже и въ началѣ управленія Трескина она не хотѣла уняться. Я помню случай, что купецъ, высокаго роста и гордѣйшаго характера, вошедши въ собраніе, гдѣ былъ и Трескинъ, поклонился и, наклонивъ голову, не разгибался, ожидая, пока всѣ станутъ на ноги и ему, въ свой чередъ, поклонятся...

Трескинъ терпѣливо сносилъ подобныя выходки, но между тѣмъ заготовлялъ для купцовъ страшный ударъ, о которомъ я скажу впослѣдствіи.

Богатѣйшими купцами были: Сибиряковъ, Мыльниковъ, Дудоровскій, Сизовъ, Старцовы; потомъ возникли Трапезниковы, Баснины, Медвѣдниковы, Чупаловъ и другіе. Все это были люди достойные, умные, готовые на всякое доброе дѣло. Но особенно титулъ благотворителя пріобрѣлъ Чупаловъ.

Онъ былъ добрый и простой, смиренный старичокъ. Дѣлая много добра, онъ выстроилъ каменный домъ для больницы. Въ день открытія больницы былъ устроенъ крестный ходъ въ нее изъ Соборной церкви. Въ процессіи этой Чупаловъ былъ отличенъ почетнымъ мѣстомъ. Потомъ въ зданіи больницы былъ обѣдъ и къ вечеру балъ. Во время стола пѣвчіе пѣли въ честь губернатора:

Мы тебя любимъ сердечно;
Будь намъ начальникомъ вѣчно!
Наши зажегъ ты сердца:
Мы въ тебѣ видимъ отца!... и проч.

Пѣли также кантату и въ похвалу Чупалова, сочиненную бывшимъ тогда вице-губернаторомъ Николаемъ Васильевичемъ Семивскимъ, любившемъ стихотворство и вообще человѣкомъ хорошо образованнымъ...

Не смотря на фраки и бритые подбородки, въ концѣ минувшаго и въ началѣ настоящаго столѣтія нравы купечества были крайне оригинальны. Сказываютъ, что попойки были господствующимъ увеселеніемъ, и ни одна пирушка не обходилась безъ драки... Впослѣдствіи, когда просвѣщеніе болѣе проникло въ купеческія семейства, подобныя вакханаліи окончились, и среди купеческаго сословія явились молодые люди весьма образованные и жаждущіе науки. Я зналъ одного изъ молодыхъ купцовъ [1]), который любилъ литературу, много читалъ и самъ писалъ весьма искусно и пріятно.

Къ числу Иркутскихъ купцовъ можно отнести и извѣстныхъ даровитыхъ писателей, гг. Полевыхъ. Отецъ ихъ нѣкогда управлялъ питейнымъ откупомъ въ Иркутскѣ и слылъ за человѣка весьма умнаго и честнаго. Дѣтей его я видалъ въ Иркутскѣ, бывъ еще мальчикомъ; и тогда о нихъ говорили съ большою похвалою. Однажды, встрѣтившись въ обществѣ съ ихъ сестрою, я былъ удивленъ ея познаніями. Она прекрасно говорила и вела политическій разговоръ о тогдашнемъ положеніи Европы —о чемъ иркутскія дамы, за немногими исключеніями, и помышлять боялись...

Чиновники Иркутскіе были, большею частію, люди бѣдные и безотвѣтные, загнанные, невольныя орудія самовластія. Жизнь ихъ была самая простая и скудная. Каждый жилъ кое-какъ своимъ домишкомъ, своимъ хозяйствомъ, и искалъ удовольствія только въ своемъ семействѣ. Бывали и исключенія, но весьма немногія. Это продолжалось до пріѣзда Трескина, когда явился въ чиновническомъ мірѣ новый элементъ: земскіе. Подъ этимъ словомъ разумѣлись исправники и засѣдатели земскихъ судовъ. Они начали вести жизнь роскошную, ввели сильную картежную игру и шампанское, до того мало извѣстное Иркутску. Надобно замѣтить, что земскіе были почти всѣ пріѣзжіе, учившіеся въ университетахъ, люди цивилизованные. Они смотрѣли свысока на уроженцевъ иркутскихъ, и тѣ сами чувствовали, что имъ равняться нельзя съ этими великими людьми.

Самое высшее наслажденіе Иркутскихъ уроженцевъ, какъ чиновниковъ, такъ и вообще жителей, было—поѣздка за городъ. Прогуливаться пѣшкомъ было и негдѣ, и считалось, особенно для дамъ, предосудительнымъ; малѣйшее разстояніе требовало дрожекъ и лошади. Дрожки были на деревянныхъ подушкахъ или столбикахъ:

---

[1]) Н. Б. Баснинъ.

рессорные были весьма рѣдки. Кареты имѣли только архіерей, губернаторъ и комендантъ.

Ближайшимъ мѣстомъ загородной прогулки, и при томъ самымъ пріятнымъ, была Ушаковка. Прекрасныя и древнія ивы, раскидывавшія свои густыя вѣтви по берегамъ ея, были центрами, гдѣ собирались гуляющія семейства, пили чай, купались въ цѣлительныхъ водахъ рѣчки, пѣли, играли въ разныя игры; словомъ, веселились какъ умѣли. До пріѣзда Трескина въ окрестностяхъ Иркутска не было безопасно, и потому охотниковъ тамъ гулять было немного. Берегъ Ангары почти подходилъ къ подошвѣ горы, которая возвышается саженъ на сто. Спускъ съ нея былъ крутъ и съ поворотомъ. Здѣсь-то, въ темныхъ лѣсахъ, покрывавшихъ гору и ея подошву, гнѣздились разбойники, нападали на проѣзжихъ, грабили, убивали. Разбои и грабежи были весьма натуральны: въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ города находились три завода,—два винокурныхъ и одинъ соляной— на которыхъ работали каторжные, на каждомъ человѣкъ по 500, тогда какъ команды заводскія состояли изъ какой-нибудь сотни полувооруженныхъ казаковъ или дышущихъ на ладанъ инвалидовъ. На лѣсосѣкъ, напримѣръ, отправлялось человѣкъ двадцать или тридцать каторжныхъ и при нихъ два-три инвалида. Когда каторжнымъ надоѣдало работать, они преспокойно подходили къ инвалидамъ, брали у нихъ ружья и шли, куда имъ заблагоразсудилось. Такимъ образомъ составлялись большія шайки, и любимымъ ихъ притономъ была Верхоленская гора, заросшая дремучимъ лѣсомъ, и недалеко отъ города: два необходимыя условія разбойническаго промысла. Однажды разбойники убили до семи человѣкъ крестьянъ, возвращавшихся изъ города. Бывъ безъ оружія, крестьяне выворнули изъ телѣгъ оглобли и защищались храбро; но разбойники, вооруженные ружьями и ножами, одолѣли и убили всѣхъ до единаго. Страхъ, наведенный этимъ происшествіемъ, надолго останавливалъ поѣздки къ Верхоленской горѣ. Въ управленіе Трескина во всѣхъ подобныхъ мѣстахъ были поставлены казацкіе пикеты. Сверхъ того, разбойники были неутомимо преслѣдуемы земскою полиціею и жестоко наказываемы. Предсѣдатель уголовной палаты—человѣкъ очень строгій, весьма рельефно вычеканивалъ въ приговорахъ толстымъ почеркомъ: 300 ударовъ кнутомъ. Никто не могъ перенести подобнаго истязанія. Однажды, сказывали, было засѣчено разомъ четырнадцать человѣкъ. Разбои прекратились, и во все послѣднее время управленія Трескина о грабительствахъ не было слуху. Заслуга важная въ странѣ, наполненной преступниками!

Царь-дѣвицею именовалась деревушка, изъ двухъ или трехъ домовъ, находившаяся противъ города на горѣ, обмываемой Ангарою.

Мѣсто было самое живописное. Избушки тонули въ зелени рощей; передъ глазами разливалась широкая Ангара; вдали виднѣлся городъ со своими высокими церквами. Не знаю, отъ чего это мѣсто получило странное наименованіе Царь - дѣвицы. Сказывали, что тутъ въ старину дѣйствительно жила какая-то престарѣлая дѣва, которую въ шутку именовали Царь-дѣвицею. Это имя перешло и въ наслѣдство деревушкѣ.

Рядомъ съ Царь-дѣвицею была другая, также небольшая деревня, Кузьмиха, замѣчательная пребываніемъ тамъ поселенца Шубина. Шубинъ былъ изъ богатыхъ дворянъ и служилъ въ военной службѣ. Въ началѣ царствованія императора Александра Павловича, увлеченный честолюбіемъ, онъ впалъ въ преступленіе и былъ сосланъ на поселеніе. Преступленіе его было чисто игра молодой крови [1]). Съ молодостію прошло и ея обаяніе. Я помню его благородную наружность. Одѣвался онъ весьма чисто и даже щеголевато; ему помогала сестра, богатая помѣщица. Много лѣтъ прожилъ онъ въ Кузьмихѣ. Въ той же деревнѣ жилъ казакъ, имѣвшій молодую и хорошенькую дочь. Шубинъ полюбилъ ее, старался ее образовать и, наконецъ, на ней женился. Между тѣмъ, добрая сестра хлопотала о прощеніи брата и о дозволеніи вступить ему снова въ военную службу, чтобы обмыть свое преступленіе кровію. Это было въ 1814 году. Благодушный императоръ Александръ, въ то время увѣнчанный побѣдами, простивъ преступника, согласился на принятіе его въ службу и на возвращеніе ему имѣнія. Тогда Шубинъ, уже богатый помѣщикъ, уѣхалъ изъ Сибири вмѣстѣ съ своей женой — казачкой, отдалъ ее въ пансіонъ для окончанія образованія, а самъ отправился въ армію и получилъ офицерскій чинъ. По окончаніи войны, выйдя въ отставку, онъ пріѣзжалъ въ Иркутскъ и на мѣстѣ своего многолѣтняго страданія и раскаянія построилъ въ Кузьмихѣ церковь, въ благодарность Богу-Спасителю.

Въ бытность мою въ Иркутскѣ было два архіерея: Веніаминъ и Михаилъ.

Веніаминъ, въ свѣтскомъ званіи, имѣлъ фамилію Багрянскій; былъ человѣкъ высокаго образованія и необыкновеннаго ума, нрава строгаго и вспыльчиваго, путешествовалъ по Европѣ и былъ проповѣдникомъ при дворѣ Екатерины II; посвященъ въ санъ епископа въ присутствіи сей государыни въ 1789 году, прибылъ въ Иркутскъ въ

---

[1]) Сказывали, что въ чаяніи награды Шубинъ донесъ, будто бы онъ открылъ заговоръ, и будто бы заговорщики хотѣли его убить; чтобы подкрѣпить свой доносъ, онъ прострѣлилъ себѣ руку. Но, по изслѣдованію, никакого заговора не оказалось, и обманъ его открылся.

1790, скопчался въ 1814 году. Духовенство во многомъ при немъ улучшилось; духовные его уважали и крайне боялись.

По смерти его осталась богатая библіотека, не знаю куда переданная; вѣроятно, въ Иркутскую семинарію.

Епископъ Михаилъ, въ свѣтскомъ званіи Бардуковъ, родомъ изъ Тобольска, былъ ученикъ славившагося въ свое время умомъ и просвѣщеніемъ Словцова, о которомъ я поговорю впослѣдствіи подробнѣе. Преосвященный сохранялъ къ Словцову, бывшему тогда директоромъ Иркутской гимназіи, особенное уваженіе. Онъ былъ посвященъ въ санъ епископа въ 1814 г., прибылъ въ Иркутскъ въ 1815 году; въ 1826 г. получилъ санъ архіепископа; былъ нрава кроткаго; управлялъ паствою съ христіанскою кротостію и смиреніемъ; любилъ просвѣщеніе и, присутствуя на экзаменахъ въ гимназіи, въ 1817 году, даже съ Соборной каѳедры, въ архипастырскомъ поученіи, убѣждалъ жителей отдавать дѣтей въ училища...

Городскія удовольствія Иркутскихъ жителей были весьма не затѣйливы и не многосложны. Нѣкоторыми равно пользовались какъ богачи, такъ и бѣдные. Таковые были, напримѣръ, вертепы. Это были передвижные кукольные театры, украшенные разноцвѣтными бумагами, обыкновенно въ два яруса. Между ярусами находилось пустое пространство на столько, сколько было нужно, чтобы просунуть туда руку для вывода куколъ, утвержденныхъ на палочкѣ. Содержаніе представляемыхъ піесъ было духовное. Въ верхнемъ ярусѣ представляли поклоненіе пастырей и волхвовъ при рождествѣ I. X., бѣгство во Египетъ, крещеніе; въ нижнемъ выводили Ирода, представляли избіеніе младенцовъ, смерть Ирода, похищеніе души его злымъ духомъ въ адъ, представленный въ видѣ змѣиной головы, наконецъ погребеніе тѣла Ирода, потомъ пляска Иродіады, его дочери. Тутъ были придуманы нѣкоторыя сцены, то трогательныя, какъ, напримѣръ, плачъ матерей о своихъ дѣтяхъ, то забавныя, какъ казались, по крайней мѣрѣ, для дѣтей. Представленіе сопровождалось пѣніемъ хора.

При рожденіи Спасителя, когда шли волхвы, имъ предшествовала звѣзда, вырѣзанная изъ вызолоченной бумаги, и хоръ пѣлъ:

„Звѣзда идетъ отъ востока
На рожденнаго пророка“, и проч.

Когда воины избивали младенцевъ и плакали ихъ матери, тогда въ пѣніи слышалось утѣшеніе несчастнымъ матерямъ:

„Не плачь, Рахиль!“— и проч.

Когда приближалась смерть къ Ироду, придворный докладывалъ ему: „Ваше Величество, скоро смерть будетъ!“

Иродъ бѣсился, вскакивалъ съ трона, махалъ во всѣ стороны скипетромъ, но смерть, въ видѣ скелета съ косою, медленно, но неотвратимо приближалась, сопровождаемая пѣніемъ:

„Кто тя можетъ убѣжати, смертный часъ!

Ни цари—монархи,
Ниже патріархи!..
Красоту природну,
Юность благородну—
Все сѣчетъ смерть!"

Наконецъ, смерть приближается, подсѣкаетъ Ирода. Вдругъ адъ растворяется, выскакиваетъ дьяволъ и утаскиваетъ Ирода въ адъ (это значитъ его душу), потомъ еще разъ выскакиваетъ, съ ракетой, прилѣпленной къ животу: вотъ тутъ-то была страшная минута для дѣтей, потому что дьяволенокъ все вертится около свѣчки, наконецъ, ракета загорается и лопается, какъ лопнуло величіе Ирода...

Вслѣдъ за этимъ начинаются его похороны. Является его дочь, окруженная нѣсколькими генералами, въ военныхъ мундирахъ съ голубыми бумажками черезъ плечо. Иродіада, провожая гробъ отца, причитаетъ:

„Поди въ пещеру,
Тамъ царствуй съ миромъ!
Поди поспѣшно,
Тамъ царствуй вѣчно!" и проч.

Но вскорѣ печаль ея проходитъ, и она съ однимъ изъ генераловъ пускается въ пляску, обыкновенно по-русски; хоръ поетъ плясовую русскую пѣсню. Пляской оканчивается представленіе. Иногда съ вертепомъ ходили гарнизонные или казацкіе пѣвчіе. Замѣчательно, что всѣ напѣвы были польскіе: одни на манеръ мазурокъ, другіе—польскихъ. Изъ этого можно заключить, что вертепы заведены изъ Польши, или, еще вѣрнѣе, изъ Кіева.

Послѣ вертепа представляли иногда нѣчто въ родѣ водевилей. Въ особенной модѣ было представленіе Польскаго шляхты и его слуги. Смыслъ этой великой драмы въ томъ состоялъ, что плутъ и наглецъ слуга издѣвался надъ глупымъ и тщеславнымъ шляхтою. Это насмѣшливое направленіе показываетъ, что и сочиненіе шляхта и его слуга также вывезено изъ Кіева или Малороссіи.

Вертепы обыкновенно носили на святкахъ вечеромъ. Въ первый день Р. Х. ходили утромъ по домамъ христославщики изъ малолѣтковъ низшаго круга. Нѣкоторые изъ нихъ, воспитанники младшихъ классовъ семинаріи, славили Христа по-латыни.

Христославленье заключалось въ пѣніи трехъ тропарей: Христосъ

рождается—славите, Рождество Твое Христе Боже нашъ, Дѣва днесь Пресущественнаго рождаетъ.

Въ концѣ обыкновенно прибавлялась слѣдующая кантата:

„Нова радость во всемъ мірѣ
Нынѣ намъ явися:
Богъ - Царь отъ Дѣвы-Маріи
Въ вертепѣ родися!
Тому Ангелы на небѣ
Всѣ зѣло дивятся.
Земнородны человѣцы о томъ веселятся!
Виватъ, виватъ, виватъ, виватъ на многія лѣта!"

Сверхъ этой кантаты, говорили еще рацею (oratio), оканчивающуюся поздравленіемъ хозяина и хозяйки.

Обычай славить Христа и самая окончательная кантата, равно и рацея, кажется, такъ же, какъ и вертепъ, пришли изъ Малороссіи, сложившись подъ вліяніемъ, хотя и отдаленнымъ, католицизма, вѣроятно, потому, что первоначальные наставники Кіевской Академіи получали образованіе въ Лембергѣ или Львовѣ, въ католическихъ училищахъ.

Тяжелая година, давившая много лѣтъ судьбу Иркутска, имѣла сильное вліяніе какъ на дѣтскія, такъ и на общія удовольствія. Все, что выходило изъ рода оффиціальныхъ занятій, какъ-то постепенно чахло и наконецъ замерло. Въ томъ числѣ зачахъ и публичный театръ.

Публичный театръ былъ устроенъ въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Зданіе, въ которомъ онъ помѣщался, не было, признаться сказать, изъ числа великолѣпныхъ: это былъ одноэтажный деревянный домъ, вросшій въ землю. Въ немъ была выкопана глубокая яма, въ которой были устроены сцены, партеръ и ложи, помнится въ три яруса. Все было улажено какъ слѣдуетъ: оркестръ находился передъ сценой, сцена была возвышена и довольно обширна, кулисы и передняя занавѣса были весьма удовлетворительны, декораціи перемѣнялись скоро, машины были довольно исправны. Актеры были выбраны изъ гарнизонныхъ солдатъ; нѣкоторые изъ нихъ играли очень недурно; особенно отличался какой-то Рожкинъ. Актрисы были изъ ссыльныхъ женщинъ, вѣроятно, игравшихъ прежде на театрахъ: по крайней мѣрѣ, игра ихъ очень нравилась.

Лучшая изъ актрисъ, можно сказать, единственная, была, помнится, нѣкая Джимайлова, дочь ссыльной, молодая и прехорошенькая дѣвочка, очень искусно игравшая. Къ сожалѣнію, она имѣла счастіе или несчастіе, сказать трудно, понравиться графу Головкину и была ангажирована на иныя сцены. Отнять ее у иркутскаго театра значило

похитить у нищаго кошель. Пробѣлъ, оставленный ею, былъ невознаградимъ. Но что сдѣлалось потомъ съ самой Джимайловой? Какія роли она занимала? На какихъ сценахъ играла? Дальнѣйшая исторія ея, какъ исторія Вавилонской имперіи, въ Кайдановомъ учебникѣ, темна, баснословна и покрыта мракомъ неизвѣстности.

На Иркутскомъ театрѣ играли комедіи, драмы,—большею частію Коцебу,—водевили, а иногда и волшебныя оперы. Я помню, какъ однажды, въ какой-то волшебной оперѣ подлежало спуститься съ неба генію. Онъ началъ спускаться на облакахъ; вдругъ веревка оборвалась, и бѣдный геній едва не сломилъ себѣ шеи.

Водевилей, въ тогдашнее время, было еще мало. „Мельникъ“ и „Сбитеньщикъ“ были почти единственными. Оба эти водевиля постоянно нравились Иркутской публикѣ; ихъ играли и въ позднѣйшее время на частныхъ театрахъ.

Каковъ бы ни былъ гарнизонный театръ, но онъ составлялъ развлеченіе въ единообразной Иркутской жизни. Наконецъ и его не стало, и только полуразрушенный домъ напоминалъ долго, — говоря классическимъ языкомъ,—о торжествахъ Таліи и Мельпомены, пока не явилась гущинская команда и не наложила на него свою роковую руку... Впослѣдствіи на мѣстѣ театра былъ выстроенъ домъ предсѣдателя гражданской палаты, и тамъ, гдѣ жили музы и граціи, водворилась юстиція. Это было именно въ духѣ времени!

Публичный театръ не возобновлялся во все время управленія Трескина; были только три частные спектакля, въ 1816 году.

Два первые спектакля были въ гимназіи. Въ немъ участвовали учителя; изъ нихъ особенно отличились Н. Г. Новотроицкій и Л. С. Бѣльшевъ.

Первый спектакль былъ 18-го февраля, на масляницѣ. Представляли драму, соч. Коцебу: „Добрый солдатъ“, и водевиль: „Мельникъ“.

Не повторяя содержаніе „Мельника“, болѣе или менѣе извѣстнаго каждому, я разскажу только содержаніе „Добраго солдата“. Вотъ видите, жилъ-былъ помѣщикъ, котораго крестьяне очень любили. Помѣщикъ этотъ, по общему порядку, помѣстье свое заложилъ и просрочилъ, такъ что оно досталось другому господину. Помѣщикъ былъ очень добрый, и потому тоже добрые крестьяне собрали сумму, потребную для выкупа ихъ деревни. Помѣщикъ сначала не хотѣлъ было принять отъ крестьянъ этой суммы, да староста сильно убѣждалъ его— и помѣщикъ согласился. Само собою разумѣется, что хотя крестьяне и собрали сумму добровольно, но этотъ сборъ въ конецъ разорялъ ихъ. Вотъ тутъ-то на выручку добрыхъ крестьянъ является добрый солдатъ, возвратившійся изъ похода. Во время похода онъ гдѣ-то утащилъ ящичекъ съ драгоцѣнностями. Совѣсть ужасно его мучила,

и, чтобы избавиться отъ ея мученій, онъ предлагаетъ помѣщику, въ замѣнъ крестьянскихъ денегъ, свои драгоцѣнности. Помѣщикъ, по добротѣ своей, принялъ этотъ замѣнъ, а доброму солдату, въ награду, позволилъ жениться на своей крѣпостной дѣвушкѣ, которую солдатъ очень любилъ...

И такъ, въ драмѣ было необыкновенное стеченіе добрыхъ людей: добрый баринъ, добрые крестьяне, добрый солдатъ. Трогательнаго и слезнаго было много. Новотроицкій, игравшій роль солдата, исполнилъ ее весьма хорошо: зрители плакали, особенно дамы. Бѣльшевъ, занимавшій роль бурмистра, также игралъ очень искусно, особенно, когда уговаривалъ барина взять крестьянскія деньги, хотя, казалось бы, большого краснорѣчія, въ подобныхъ случаяхъ, не требуется...

Второй гимназическій спектакль былъ на Пасхѣ, 12-го апрѣля. Шли двѣ піесы, также сочиненія Коцебу: драма „Пожертвованіе собою", и комедія: „Несчастные".

Спектакли гимназическіе, послѣ продолжительной театральной паузы возникшіе, возбудили соревнованіе. Вскорѣ послѣ представленій въ гимназіи, и именно 23-го того же апрѣля, играли чиновники съ участіемъ нѣкоторыхъ учителей, Новотроицкаго и Щукина, въ старомъ генералъ-губернаторскомъ домѣ. Давали „Сбитеньщика". Лучше всѣхъ игралъ опять Новотроицкій, представлявшій Сбитеньщика, а изъ чиновниковъ—исполнявшій роль Ѳаддея, совѣтникъ губернскаго правленія Кузнецовъ, къ несчастію, весьма печально кончившій свое служебное амплуа, какъ увидимъ впослѣдствіи. Послѣ спектакля былъ балъ.

Нельзя не упомянуть еще объ одномъ весьма необыкновенномъ спектаклѣ, бывшемъ въ Иркутской семинаріи, помнится, въ 1817 г. Спектакль былъ въ большомъ залѣ, въ которомъ, однакожъ, для зрителей была оставлена весьма небольшая часть, гдѣ стояли въ три ряда деревянныя скамейки, одна выше другой. Вмѣсто занавѣсы висѣла, между зрителями и сценой, огромная холстина. Зрители сидѣли, до поднятія холстины, въ совершенной темнотѣ. Когда открылась сцена, архіерейскіе пѣвчіе запѣли „Громъ побѣды раздавайся". Затѣмъ началось представленіе, играли трагедію: „Димитрій Самозванецъ",—не Сумарокова, но какого-то древняго сочинителя, можетъ быть, сложившаго эту піесу для представленій, бывшихъ нѣкогда въ домѣ боярина Матвѣева. Содержаніе піесы было запутанно и мало понятно. Женскихъ ролей не было. Необыкновенно замѣчательна была костюмировка. Димитрій Самозванецъ, довольно высокій семинаристъ, былъ одѣтъ соотвѣтственно своему высокому сану, въ гарнизонномъ мундирѣ съ голубою лентою черезъ плечо. Въ концѣ піесы было натаскано на сцену съ полдюжины гробовъ, такъ что

сцена превратилась въ совершенное кладбище. Между тѣмъ, піеса тянулась нѣсколько часовъ, и весьма у немногихъ зрителей достало терпѣнія высидѣть до конца.

Спектакли составляли удовольствіе высшихъ сословій города: собственно же парадныхъ увеселеній и пиршествъ, въ бытность мою въ Иркутскѣ, не было, исключая одного, по случаю полученія извѣстія о взятіи Парижа, лѣтомъ 1814 г. Это извѣстіе, полученное въ Петербургѣ 8-го апрѣля, пришло въ Иркутскъ не ранѣе іюня. Не смотря на отдаленность, сердца иркутскія не менѣе забились отъ радости, какъ и въ центрѣ Россіи. Сибирь смотритъ на Россію, какъ на мать свою, и сибирякъ никогда не отдѣлялъ, не отдѣляетъ и не отдѣлитъ себя отъ общей судьбы отечества. Справедливо сказалъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ современниковъ, что Сибирь не есть колонія, но продолженіе Россіи до береговъ Восточнаго океана.

Руководимые этимъ чувствомъ, Иркутскіе жители, по полученіи въ Иркутскѣ манифеста о нашествіи Наполеона, когда началось молебствіе о спасеніи Россіи, — говоря безъ всякаго преувеличенія, — плакали, какъ малые, такъ и большіе... Была также весьма трогательная картина, когда, вскорѣ послѣ того, отправлялся въ дѣйствующую армію изъ Иркутска батальонъ. Слезы, благословенія и молитвы сопровождали защитниковъ отечества. Весь городъ сошелся на берегъ Ангары, чрезъ которую переправлялись воины. Взятіе Москвы произвело такое уныніе, какъ бы умерли родная мать или отецъ... Словомъ: сердца трепетали столь же сильно, какъ бы непріятель былъ на другомъ берегу Ангары!

Въ замѣнъ того, благопріятныя извѣстія, со времени очищенія Москвы, получались съ неменьшею радостію, съ какою печалію получались прежде неблагопріятныя. При полученіи извѣстія о взятіи Парижа восторгъ былъ неописанный. Городъ торжествовалъ это событіе, какъ сказалъ я выше, особеннымъ народнымъ празднествомъ.

Праздникъ начался церковнымъ парадомъ. Шествіе открыли пять или шесть десятковъ инвалидной команды, увѣнчанныхъ, за неимѣніемъ лавровъ, березовыми вѣтвями, потомъ шли казаки, предшествуемые трубачами, которые, бывъ не задолго предъ тѣмъ сформированы, производили на трубахъ невыносимый визгъ и вой. Затѣмъ шелъ гарнизонный полкъ и въ заключеніе четыре пушки гарнизонной артиллеріи. Словомъ: была двинута вся военная сила Иркутска. По окончаніи молебствія производилась пальба изъ ружей и пушекъ. Не смотря на свою оригинальность, парадъ все-таки произвелъ большой эффектъ, потому что сердца зрителей были наэлектризованы радостію совершившагося событія.

Послѣ парада, высшее общество было приглашено на обѣдъ и

балъ, а для народа было выставлено вино. Въ продолженіе попойки много совершилось смѣшныхъ сценъ, и немногіе изъ пирующихъ пришли домой безъ синяковъ и разбитыхъ носовъ.

Обѣдъ и балъ были въ загородномъ губернаторскомъ домѣ. Въ находившемся при немъ саду было гулянье для народа, играла музыка, пѣли пѣсельники. Особенно приводила въ восторгъ пѣсня, только что присланная тогда изъ Петербурга, гдѣ въ шуточномъ и саркастическомъ тонѣ изображались прежнія войны Наполеона, тщеславное нашествіе его на Россію и постыдное бѣгство изъ Москвы.

Имя князя Кутузова для народа было тогда священно. Въ массѣ народа нѣтъ ни лести, ни несправедливости: vox populi — vox Dei. Народъ нельзя ни заставить хвалить недостойное похвалы, ни хулить достойное. Онъ имѣетъ вѣрную и безошибочную ощупь. Сколько бы интрига, слабоуміе или высокомѣрная ученость ни старались унизить имя великаго полководца, оно всегда останется драгоцѣннымъ для истинно русскаго, какъ имя спасителя Отечества...

Подъ конецъ праздника подгулявшій народъ втерся въ танцовальную залу, явились и простонародныя маски: одинъ нарядился великаномъ, надѣвъ длинную женскую рубашку, другой вырядился медвѣдемъ, выворотивъ шубу и т. п. Тѣснота и духота въ залѣ сдѣлались нестерпимы — и балъ долженъ былъ самъ собою окончиться...

Говоря о балахъ иркутскихъ, нельзя не упомянуть о танцовальномъ завтракѣ, которой былъ данъ бывшимъ посланникомъ въ Японіи Николаемъ Петровичемъ Рязановымъ. Этотъ замѣчательный завтракъ, приводившій въ изумленіе весь Иркутскъ, былъ 10-го января 1807 года, въ домѣ гимназіи. Онъ начался въ 11 часовъ утра. Сначала танцовали польской и потомъ сѣли завтракать. Рязановъ очаровывалъ всѣхъ своею любезностью и, угощая, самъ за столъ не садился. Послѣ завтрака, окончившагося въ 4 часа по полудни, опять начались танцы и продолжались до 1-го часа ночи.

На этомъ завтракѣ было замѣчательное лицо—академикъ Адамсъ, привезшій съ береговъ Лены остовъ мамонта. Когда нашли его якуты въ отвалившемся берегу Лены, онъ имѣлъ еще на себѣ мясо и кожу. Якуты, обрадовавшись находкѣ, все мясо и жиръ съ него срѣзали и съѣли!...

Судьба Рязанова извѣстна: послѣ неудачнаго посольства, онъ умеръ, на возвратномъ пути, въ Камчаткѣ.

Bals-masqués, или маскерады почти никогда не давались; по крайней мѣрѣ, я помню только одинъ маскерадъ, бывшій при графѣ Головкинѣ. Всѣ гости были въ характерныхъ костюмахъ; особенно было

много китайцевъ, японцевъ, монголовъ, вообще азіатцевъ. Изъ характерныхъ масокъ наиболѣе поражала фигура съ фонаремъ на головѣ, освѣщеннымъ вставленною внутри его свѣчею...

Еще было нѣчто вродѣ маскерада въ первыхъ годахъ управленія Трескина. Я говорю: нѣчто, потому что въ костюмѣ былъ только одинъ—сосланный князь Г. . . . . Онъ наряжался старухою, сидящею на старикѣ. Эта маска занимала все собраніе, потому что экс-князь былъ человѣкъ весьма остроумный и мастеръ говорить. Онъ жилъ въ деревнѣ и только по временамъ являлся въ Иркутскъ, гдѣ его принимали съ ласкою. Но съ нимъ былъ одинъ случай, приведшій въ негодованіе всѣхъ Иркутскихъ жителей, привыкшихъ смотрѣть на ссыльныхъ не какъ на преступниковъ, но какъ на несчастныхъ... Въ самомъ дѣлѣ, самое величайшее несчастіе есть преступленіе. Г. . . . . у была нанесена жестокая обида Иркутскимъ городничимъ Потемкинымъ (печать должна сохранять подобныя имена, заклейменныя общимъ омерзеніемъ). Экс-князь, не привыкнувъ къ своему безправному положенію, погорячился въ разговорѣ съ городничимъ, и городничій ударилъ его въ лицо: что можетъ быть гнуснѣе и преступнѣе, какъ обидѣть человѣка несчастнаго и безгласнаго?... Ни одинъ Иркутянинъ не могъ долгое время послѣ этого вспомнить безъ отвращенія позорное имя Потемкина...

Изъ сказаннаго о костюмировкѣ Г. . . . . на балѣ можно видѣть, что балы при Трескинѣ имѣли въ себѣ много оригинальнаго. Въ домѣ губернатора они давались разъ въ годъ, въ именины губернаторши, 21-го января. Къ этому дню съѣзжались въ Иркутскъ земскіе почти со всей губерніи; также собирались Бурятскія тайши, или начальники Бурятскихъ родовъ. Богатѣйшій изъ нихъ былъ тайша хоринскаго рода, кочующаго за Байкаломъ.

Балъ открывался польскимъ, гдѣ вмѣстѣ съ музыкою пѣли казацкіе пѣвчіе, обыкновенно: „Громъ побѣды раздавайся“, или: „Польскими летитъ странами“; послѣ польскихъ начинались экоссезы, матрадуры, вальсы; въ позднѣйшіе годы взошли на сцену и кадрили. Танцовали молодые чиновники, преимущественно земскіе, молодыя чиновницы, дочери чиновниковъ и купцовъ... Многія изъ нихъ отличались прекрасною наружностью... Главнѣйшая суть, ядро бала, были не нѣмецкія вывертки, а чистѣйшая Русь во образѣ нѣкоего Ивана, ссыльнаго, кажется, изъ цыганъ, и служанки губернатора, Софьи. Ванька и Сонька, какъ тогда ихъ безъ церемоніи называли, танцовали казачка и русскую. Ванька—мужчина средняго роста, хорошо сложенный и довольно красивый, дѣйствительно очень ловко вымётывалъ ногами и во всѣхъ движеніяхъ показывалъ цыганскую удаль. Сонька также была весьма недурна собою и танцовала съ большой

энергіей. Вообще въ пляскѣ ихъ было много дикаго, вакхическаго, но это и нравилось тогдашней Иркутской публикѣ...

Случалось, что среди бала вдругъ раздавалось удалое пѣніе полицейскихъ пѣсельниковъ, составленныхъ изъ полицейскихъ солдатъ и ссыльныхъ, подъ управленіемъ городничаго Карташева, мастера и охотника пѣть. Полицейскій хоръ пѣлъ весьма складно и живо.

Балъ оканчивался не котильономъ, не мазуркою, а нѣкоею восьмёркою, природнымъ Иркутскимъ танцемъ, въ родѣ деревенскихъ хороводовъ.

Въ торжественные дни и въ именины генералъ-губернатора давались балы городскимъ главою или цѣлымъ купеческимъ обществомъ. Гости приглашались печатными билетами, отличавшимися необыкновеннымъ краснорѣчіемъ. Для образца я приведу одинъ билетъ, которымъ градской глава Медвѣдниковъ приглашалъ на балъ по случаю тезоименитства государя императора Александра Павловича, 30-го августа 1816 года: „Иркутскій градской глава Прокофій Федоровичъ Медвѣдниковъ—сказано въ билетѣ—движимъ будучи вѣрноподданническимъ благоговѣніемъ ко всерадостнѣйшему тезоименитству всемилостивѣйшаго государя и желая ознаменовать торжественный для всѣхъ сыновъ Россіи день сей приличнымъ празднествомъ—дабы, соединя вѣрноподданническія чувствованія, усугубить общую радость—покорнѣйше проситъ пожаловать сего августа 30-го числа 1816 года, по полудни въ 6 часовъ, на балъ въ новую биржевую залу“.

Кромѣ биржевой залы, общественные балы давались иногда въ Портновскомъ саду, а, до устройства его, въ Комендантской рощѣ. Роща эта стояла далеко отъ рѣки, воды въ ней вовсе не было, а между тѣмъ, нельзя же быть саду безъ фонтановъ. Чтобы пособить горю, чей-то геніальный умъ придумалъ поставить за рѣшеткою сада двѣ пожарныя трубы, отъ нихъ рукава провести въ садъ, а наконечники скрыть въ группѣ деревъ, гдѣ держали ихъ полицейскіе солдаты. Когда стали собираться посѣтители, импровизированные фонтаны были пущены и привели неожиданностью своею въ восторгъ зрителей... Но каково было полицейскимъ, цѣлую почти ночь стоявшимъ подъ проливнымъ дождемъ.

По пріѣздѣ въ Иркутскъ генералъ-губернатора М. М. Сперанскаго, Иркутскіе балы совершенно измѣнили свой полуазіатскій характеръ. Для большаго соединенія общества, было положено, въ 1819 году, основаніе Иркутскому благородному собранію. Пріѣхавшіе съ генералъ-губернаторомъ молодые люди внесли въ составъ танцевъ совершенно новые элементы и совсѣмъ стерли съ лица земли несчастную восьмёрку, которая, послѣ того, кое-какъ пріютилась на окраинахъ города, въ солдатскихъ улицахъ, и являлась только украдкою на „ка-

пусткахъ". Здравствуетъ ли она теперь, или же приказала долго жить, мнѣ неизвѣстно.

„Капусткою" назывался сборъ дѣвицъ и женщинъ для рубки капусты общими силами или помощью, какъ говорятъ въ деревняхъ. Это было въ обыкновеніи въ домахъ и богатыхъ, и бѣдныхъ, и чиновническихъ, и купеческихъ,—словомъ, у всѣхъ жителей Иркутска. Старушки обрубали вилки, мальчишки подхватывали и ѣли кочни, а дѣвушки и молоденькія женщины рубили капусту, напѣвая разныя пѣсни. Извѣстно, что русская натура и трудъ, и радость, и горе,—все запѣваетъ пѣснями, отъ которыхъ и трудъ облегчается, и радость оживляется, и горе убаюкивается. Бывало, звонкіе голоса пѣвицъ далеко разливаются по улицамъ и невольно влекутъ прохожихъ въ знакомые имъ дома. По окончаніи рубки всѣхъ гостей угощали обѣдомъ, чаемъ, и потомъ начиналась пляска. Думаю, что теперь и капустки изчезли вмѣстѣ съ восьмеркою. Время измѣняетъ нравы. O tempora! O mores!

Въ самомъ угощеніи прежняго времени были въ Иркутскѣ замѣчательныя особенности. Въ какой часъ дня ни зашли бы вы въ гости, утромъ-ли, въ полдень-ли, вечеромъ-ли, ночью-ли,—вы не избѣгнете, чтобы васъ не угостили чаемъ. Кофе употреблялось только въ богатыхъ домахъ. Въ праздничные дни или въ дни именинъ и т. п., когда собирались гости, обыкновенно накрывали въ гостиной два стола. На одномъ ставили сушеные фрукты: винныя ягоды, изюмъ, черносливъ и проч., также разныя варенья, привозныя и домашнія; на другомъ столѣ стояли: кедровые орѣхи, брусника и къ чаю пирожки съ вареньемъ, по-иркутски: шарки, и сахарники или бисквиты; нѣмецкихъ печеній еще не знали.

Пить чай досыта почиталось невѣжествомъ. Старые люди говорили, что гости должны пить одну чашку, три чашки пьютъ родственники или близкіе знакомые, а двѣ—лакеи.

Подаваемыя сласти брали, но ѣсть ихъ также считалось неучтивостію. Гостья брала ихъ и клала куда-нибудь подлѣ себя. Между тѣмъ мужчинъ угощали домашними наливками; виноградныя вина были дороги и употреблялись мало. Доставка ихъ въ Иркутскъ была крайне затруднительна. Послѣ чаю подавали пуншъ, наиболѣе съ Кизлярской водкой, и только въ самыхъ богатыхъ домахъ подавался пуншъ съ ромомъ.

На богатыхъ свадьбахъ, само собою разумѣется, играла полковая музыка, а на бѣдныхъ (какъ и на вечеринкахъ) игралъ, большею частію, извѣстный тогда всему городу слѣпой скрипачъ, или, какъ называли его въ Иркутскѣ, Митька слѣпой. Митька былъ весьма замѣчательное явленіе. Слѣпой отъ рожденія, онъ не только игралъ

на скрипкѣ разныя пѣсни, танцы и духовные концерты, которые сопровождалъ пѣніемъ, но и дѣлалъ самъ скрипки. Память и слухъ его такъ были изощрены, что онъ изучилъ по слуху цѣлыя каѳизмы наизусть и читалъ ихъ въ церкви, вмѣсто дьячка. Бывшій въ Иркутскѣ комендантъ генералъ Сухотинъ даже сдѣлалъ Митьку слѣпого регентомъ военнаго пѣвческаго хора. Конечно, слѣпой Митька новыхъ піесъ разучивать не могъ; за то разученныя зналъ твердо и всякую фальшь могъ сейчасъ поправить: болѣе ничего отъ него и не требовалось. Словно теперь вижу этого бѣдняка, какъ, бывало, онъ сидѣлъ въ ясные лѣтніе дни и, устремивъ глаза прямо на полуденное солнце, все покачивалъ пальцемъ передъ глазами, и самъ все качался, какъ часовый маятникъ. Вѣрно, сквозь катаракты, покрывавшіе его глаза, онъ видѣлъ нѣсколько свѣтъ солнца и мельканіе пальца. Это крайне мучительное усиліе увидѣть свѣтъ Божій было весьма трогательно. Удивительно, однакожъ, что слѣпой Митрей всегда былъ веселъ и какъ бы не чувствовалъ своего лишенія, конечно, потому, что, родившись слѣпымъ, онъ не могъ представить себѣ окружающаго его міра, и, слѣдовательно, всей великости своей потери.

Въ домахъ болѣе зажиточныхъ на семейные вечера былъ приглашаемъ нѣкій Макаръ или Макарка, какъ преимущественно именовали его, ссыльный скрипачъ. Онъ хорошо зналъ ноты, игралъ вѣрно и довольно пріятно. Въ первомъ десяткѣ настоящаго столѣтія онъ былъ въ Иркутскѣ единственнымъ скрипичнымъ учителемъ. Къ несчастію, напослѣдокъ, съ бѣдности и горя, онъ вдался въ пьянство и оттого умеръ преждевременно...

Мѣсто Макара заступилъ другой скрипачъ, полякъ Савицкій, также ссыльный, осужденный за убійство своей жены; Савицкій былъ приписанъ къ Тельминской фабрикѣ, гдѣ училъ на фортепіано дочь директора. Онъ игралъ на скрипкѣ, какъ виртуозъ, читалъ ноты à livre ouvert, зналъ генералъ-басъ, перекладывалъ піесы на ноты безъ инструмента и умѣлъ играть почти на всѣхъ инструментахъ. Савицкій говорилъ про себя, что былъ капельмейстеромъ у князя Радзивилла. Правда-ли это, неизвѣстно, но можно сказать, что онъ былъ первый настоящій скрипичный учитель въ Иркутскѣ.

Такимъ образомъ Иркутскъ обязанъ былъ своими музыкальными познаніями ссыльнымъ; равно и первый танцовальный учитель въ Иркутской гимназіи былъ также изъ ссыльныхъ. Здѣсь истинно сбылась пословица: „нѣтъ худа безъ добра“.

До Савицкаго Иркутскъ имѣлъ только двухъ хорошихъ скрипачей. Одинъ изъ нихъ былъ чиновникъ Горновскій, весьма умный и хорошо образованный человѣкъ, бывшій нѣкогда въ Иркутскѣ прокуроромъ. Горновскій, по старой методѣ, игралъ короткимъ смычкомъ,

но весьма искусно. Я слышалъ его, когда онъ игралъ довольно мудреный концертъ Роде, но Иркутскъ рѣдко имѣлъ случай слышать Горновскаго. Гонимый начальствомъ, онъ лѣтъ двадцать жилъ въ бѣдности, на своей скудной заимкѣ, верстахъ въ восьми отъ города. Страшась преслѣдованій, никто въ городѣ не смѣлъ дать ему квартиру, кромѣ одного доктора Гриба. Зять Гриба служилъ въ канцеляріи губернатора, который, разсердившись на то, что Горновскій иногда останавливается въ домѣ его тестя, съ гнѣвомъ вскричалъ: „я домъ вашъ раскатаю по бревнамъ".

Другой скрипачъ въ Иркутскѣ былъ комендантъ Сухотинъ, о которомъ я упомянулъ выше. Игра его была весьма бѣглая, искусная и пріятная, но не совсѣмъ ровная.

Фортепіанная игра въ Иркутскѣ почти была неизвѣстна. Едва-ли въ трехъ или четырехъ домахъ были фортепіаны; за то въ большомъ употребленіи были гусли, и двое изъ ссыльныхъ отлично играли на нихъ. Фортепіаннаго учителя не было, кромѣ одного также ссыльнаго, Антона, игравшаго довольно плохо разные танцы. Должно полагать, что это былъ какой-нибудь несчастный тапёръ.

Фортепіано было, между прочимъ, въ домѣ Ланганса, почтеннаго старика, бывшаго нѣкогда директоромъ Иркутскаго народнаго училища. Лангансъ самъ любилъ музыку; дочери его играли на фортепіано, а сыновья на скрипкахъ. Послѣ обѣда они обыкновенно задавали концерты, и это было въ Иркутскѣ явленіе необыкновенное: проходящіе останавливались и слушали съ удовольствіемъ.

Старикъ Лангансъ былъ человѣкъ умный, образованный, но съ нѣкоторыми особенностями. Онъ имѣлъ друга также чиновника, помнится, Горяинова, человѣка столько же оригинальнаго, какъ и самъ Лангансъ. Оба друга, наскучивъ-ли суетою свѣта, хотя въ Иркутскѣ и не было къ тому особаго повода, или по другимъ имъ однимъ извѣстнымъ причинамъ, дали обѣтъ не выходить никуда изъ своего дома и перейти изъ него только въ—могилу! Лангансъ, человѣкъ семейный, по крайней мѣрѣ проводилъ время въ своемъ семействѣ и наслаждался музыкою, а Горяиновъ былъ холостой и скучное время своей единообразной и безотрадной жизни убивалъ въ столярной работѣ, превращая, отъ нечего дѣлать, домъ свой въ лабиринтъ множествомъ перегородокъ, потаенныхъ дверей и другихъ выдумокъ. Въ этомъ лабиринтѣ трудно было отыскать хозяина, который самъ путался въ нихъ, какъ паукъ въ своей паутинѣ.

Между тѣмъ, оба друга, оставаясь нѣсколько десятковъ лѣтъ въ добровольномъ арестѣ, совершенно отстали отъ окружающаго ихъ общества, гдѣ все измѣнилось: нравы, обычаи, костюмы, мебели, экипажи... Одни они были неизмѣнны, какъ египетскіе сфинксы.

Горяиновъ выѣзжалъ, однакожъ, изъ дому разъ въ годъ къ вечернѣ, въ первый день св. Пасхи, и тогда цѣлый городъ сбѣгался смотрѣть на его дрожки на золотыхъ столбикахъ, представляющихъ два кресла, соединенныя боками, со спускомъ въ противоположныя стороны.

Чудаки твердо выдержали свой обѣтъ и перешли изъ временныхъ жилищъ въ вѣчныя, не увидавшись на землѣ другъ съ другомъ. Но встрѣтятся-ли они въ вѣчности — кто знаетъ?

Заговоривъ объ этихъ странныхъ Иркутскихъ личностяхъ, я не могу не присоединить къ нимъ еще третьей: это былъ нѣкто Францъ Ивановичъ Соломони, Совѣтникъ Гражданской Палаты. Онъ былъ человѣкъ весьма образованный, говорилъ на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ, родомъ изъ Сициліи. Какимъ образомъ попалъ онъ въ Россію и, наконецъ, въ Иркутскъ, мнѣ неизвѣстно; но можно было думать, что онъ привезъ съ собою изъ Сициліи огромный запасъ тепла, на всю свою жизнь, потому что въ самые страшные морозы, отъ которыхъ замерзала ртуть, трещали дома и лопалась земля; когда всѣ жители кутались въ шубы, надѣвали теплыя шапки и сапоги, подбитые медвѣжьимъ мѣхомъ, — словомъ, когда никто не смѣлъ выставить на морозъ носа, — Соломони ходилъ и ѣздилъ не только безъ шубы и шапки, но и безъ шинели, въ одномъ мундирѣ или фракѣ, со шляпою на головѣ, должно прибавить еще—лысой. Какъ теперь помню эту огромную фигуру, высокаго роста, тучную, съ полнымъ румянымъ лицомъ, катящуюся въ большихъ розвальняхъ, подпершись голыми руками въ бока... Это было предметомъ удивленія цѣлаго города. Смерть, однако-жъ, нашла дорогу и къ этому, повидимому, крѣпкому и здоровому гиганту. Родиться въ Сициліи и умереть въ Иркутскѣ, на двухъ оконечностяхъ міра—не довольно-ли странный жребій?

Въ параллель Соломони, въ Якутскѣ былъ докторъ Реслейнъ, который также велъ постоянную войну съ морозами, еще лютѣйшими, чѣмъ Иркутскіе, и когда жители не только кутались въ двѣ шубы, въ теплые шапки и сапоги, но надѣвали теплыя панталоны и прикрывали лица мѣховыми масками,—Реслейнъ парадировалъ въ одномъ фракѣ или сюртукѣ. Но онъ не удовольствовался битвою съ морозомъ въ городѣ и вздумалъ сразиться съ нимъ въ чистомъ полѣ, отправясь въ томъ же лѣтнемъ нарядѣ по уѣзду, но тамъ морозъ напалъ на него со всею яростію и одержалъ рѣшительную побѣду: Реслейнъ замерзъ на дорогѣ и былъ привезенъ на станцію уже мертвымъ...

Но виноватъ: воспоминанія объ этихъ оригиналахъ отвлекли меня отъ моего разсказа объ Иркутской музыкѣ.

Съ пріѣздомъ М. М. Сперанскаго явился еще скрипачъ, уже родевской школы, съ длиннымъ смычкомъ, которымъ извлекалъ изъ

своего Страдиваріуса полные, сильные, сладостные звуки. Это былъ чиновникъ Канцеляріи Генералъ-Губернатора, Густавъ Ивановичъ Вильде, человѣкъ весьма образованный, ловкій и талантливый. Сперанскій привезъ его изъ Пензы. По пріѣздѣ въ Петербургъ Вильде участвовалъ въ квартетѣ съ первенствующими музыкантами, играя на альтѣ. Смерть, не щадящая талантовъ, давно положила конецъ его музыкальному поприщу...

Оркестръ, бывшій въ Иркутскѣ въ мое время, былъ оркестръ гарнизоннаго полка, игравшій только марши и танцы; въ старину весьма незатѣйливые и немногосложные; полякъ Савицкій нѣкоторое время дирижировалъ этимъ оркестромъ и подвинулъ его впередъ. Цвѣтущее время его было во время коменданта Ивана Богдановича Цейдлера, который увеличилъ его составъ, прибавилъ новые инструменты, выписалъ новыя ноты, словомъ: сдѣлалъ для оркестра все, что только отъ него зависѣло. Но главное достоинство этого оркестра состояло въ томъ, что онъ былъ въ Иркутскѣ единственнымъ и гремѣлъ,—худо-ли хорошо—на всѣхъ торжественныхъ балахъ и обѣдахъ.

Вокальная музыка имѣла больше представителей. Въ одно время Иркутскъ имѣлъ три хора: Архіерейскій, солдатскій и казацкій.

Хоръ Архіерейскій, при преосвященномъ Веніаминѣ, дошелъ до крайней степени упадка, такъ что въ немъ былъ, наконецъ, только одинъ басъ, да и тотъ пѣлъ пополамъ съ грѣхомъ. При преосвященномъ Михаилѣ хоръ Архіерейскій нѣсколько поправился, но все, однакожъ, уступалъ хору, составленному изъ казаковъ.

Солдатскій хоръ въ началѣ былъ очень неудовлетворительный, но потомъ, подъ руководствомъ слѣпого регента, дошелъ до крайней степени упадка, и никогда уже, въ бытность мою въ Иркутскѣ, не поднимался.

Въ замѣнъ того хоръ казацкій, обучаемый весьма опытнымъ учителемъ, обыкновенно, изъ ссыльныхъ, пѣлъ весьма искусно и прекрасно исполнялъ концерты Бортнянскаго, особенно извѣстную ораторію: „Воспойте, людіе, благолѣпу пѣснь въ Сіонѣ“.

Въ этомъ концертѣ, помнится въ 1814 году, я, въ первый разъ, слышалъ необыкновеннаго баса: это былъ нѣкто Пальмовскій, только что возвратившійся съ миссіею изъ Пекина, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ для изученія китайскаго языка. Обладая сильнѣйшимъ басомъ, онъ имѣлъ, въ то же время, весьма пріятный теноръ: сочетаніе весьма рѣдкое. Онъ пѣлъ многія китайскія пѣсни: напѣвъ ихъ былъ очень унылый. Иногда, по просьбѣ пріятелей, Пальмовскій провозглашалъ: „Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ“!—и голосъ его былъ такъ силенъ, что съ трудомъ можно было его выносить. Какъ человѣкъ, Пальмовскій былъ весьма пріятный, умный и добросердечный. Въ Иркутскѣ онъ прожилъ два или три года, служа въ канцеляріи губернатора,

потомъ уѣхалъ въ Петербургъ и совсѣмъ изчезъ изъ виду: куда дѣвался онъ—узнать я не могъ; всего вѣрнѣе, что умеръ. Много уже знакомыхъ и пріятелей моей молодости сошли со сцены этого міра, и, оглянувшись назадъ, видишь только длинную цѣпь могилъ и крестовъ.

III.

Характеръ тогдашняго управленія. — Самопроизвольное раздѣленіе генералъ-губернаторской власти. — Лица, пострадавшія невинно. — Высылка иркутскихъ купцовъ.—Высылка чиновника Корсакова.—Характеръ и образъ жизни губернатора Трескина и близкіе къ нему люди. — Борьба между губернаторомъ и казенною экспедиціею.—Борьба вице-губернатора и членовъ казенной экспедиціи. — Наружный порядокъ губерніи. — Тиранство исправника Лоскутова.— Оскорбленіе духовенства.—Религіозное дѣло Хоринскаго тайши.—Опредѣленіе генералъ-губернатора Сперанскаго. — Смерть губернаторши. — Смерть Бѣлявскаго.—Арестъ Лоскутова.—Увольненіе Трескина.—Судьба его и Пестеля.— Отъѣздъ Сперанскаго.

Въ „Жизни графа Сперанскаго“ [1]) находится весьма замѣчательное выраженіе графа Уварова, что „исторія Сибири дѣлится на двѣ только эпохи: 1) отъ Ермака до Пестеля и 2) отъ Пестеля до NN“.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ покоренія Сибири Ермакомъ едва-ли было время болѣе замѣчательное, какъ управленіе Пестеля. Званіе сибирскаго генералъ-губернатора почти имъ началось и окончилось, потому что бывшій до него генералъ-губернаторъ Селифонтовъ и послѣ него М. М. Сперанскій были: первый не болѣе двухъ, а послѣдній не болѣе трехъ лѣтъ.

Высочайше утвержденною въ 1803 году инструкціею сибирскимъ генералъ-губернаторамъ была дарована огромная, почти неограниченная власть. Правительство имѣло цѣлію пріучить народъ къ повиновенію, искоренить скопища и комплоты,—откуда истекали непрерывные доносы и ябеды,—и силою полновластія водворить въ Сибири порядокъ и благоустройство. Съ этою цѣлію было предоставлено сибирскимъ генералъ-губернаторамъ людей, какого бы званія ни было, замѣченныхъ въ наклонности къ ябедѣ, ссылать въ отдаленныя мѣста безъ слѣдствія и суда, не говоря уже о томъ, что они имѣли право опредѣлять и отрѣшать большую часть чиновниковъ.

Генералъ-губернаторъ Сперанскій, обозрѣвавшій Сибирь въ 1819 и 1820 годахъ, отозвался въ отчетѣ своемъ о бывшемъ до него управленіи, „что оно было личное, такъ сказать, домашнее, и не имѣло опредѣленныхъ правилъ“. Прекрасно говоритъ далѣе Сперанскій о неудобствахъ, проистекавшихъ изъ этой несчастной системы само-

---

[1]) Соч. бар. М. А. Корфа, томъ II, стр. 237.

управства. „Власть личная, сказано въ отчетѣ его, удобно перерождается въ злоупотребленіе и всегда почти имѣетъ видъ самовластія. Дѣйствуя безъ публичныхъ, законныхъ участниковъ и по причинамъ, ей одной извѣстнымъ, она не можетъ, даже при самой чистотѣ намѣреній, оградить себя отъ подозрѣній. Въ Сибири, гдѣ не было и нѣтъ еще публичнаго мнѣнія, и, гдѣ, по недостатку дворянства, и быть оно долго еще не можетъ, подозрѣнія сіи дѣйствуютъ еще сильнѣе. Самыя разстоянія усиливаютъ ихъ: ибо предполагается, что до высшей власти ничто не доходитъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ не доходитъ многое. По продолжительному навыку къ симъ подозрѣніямъ и по многимъ послѣдствіямъ самовластнаго личнаго распорядка, вообще люди тамъ думаютъ, что зависятъ отъ произвола начальника, и о законности дѣйствій тамъ еще менѣе имѣютъ понятія, нежели въ другихъ мѣстахъ. Одинъ способъ защиты и противодѣйствія былъ въ Сибири до 1819 года: жалобы и доносы... Если бы личная власть, предоставленная бывшимъ въ Сибири главнымъ правителямъ, и ограждалась подробными и самыми вѣрными правилами: то и тогда, бывъ удалена отъ надзора и не имѣя вокругъ себя ни преграды, ни предостереженія, она легко могла бы перейти въ самовластіе..." [1]).

Изъ этого очевидно, что если и ограниченная правилами власть сибирскаго генералъ-губернатора могла бы перейти въ самовластіе, то какова же была она безъ всякихъ правилъ, дѣйствуя по личному произволу и распоряжаясь одною изъ обширнѣйшихъ странъ, какъ говоритъ Сперанскій, домашнимъ образомъ?

Генералъ-губернаторъ Пестель не только самъ управлялъ самовластно, но облекъ такою же властію и иркутское главное начальство, которое, провозглашая данныя ему генералъ-губернаторомъ неограниченныя права, явно и оффиціально требовало себѣ безмолвнаго повиновенія, какъ увидимъ впослѣдствіи.

Такимъ образомъ, вмѣсто одного, явилось два генералъ-губернатора; въ Петербургѣ — Пестель, который жилъ здѣсь постоянно съ 1809 года, наблюдая, въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ, за ходомъ сибирскихъ дѣлъ, и въ Иркутскѣ—Трескинъ, распоряжавшійся самовластно губерніею и въ то же время руководившій дѣйствіями самого Пестеля. Справедливо сказано въ „Жизни графа Сперанскаго", что „Трескинъ, неограниченно господствуя на далекомъ нашемъ востокѣ, и изъ Иркутска владѣлъ Пестелемъ, какъ собственною своею рукою".

Тринадцать лѣтъ, какъ черная туча, висѣло надъ Сибирью управленіе Пестеля, тринадцать лѣтъ—легко сказать!—страдало нѣсколько

---

[1]) Обозрѣніе Глав. основ. мѣстнаго управленія Сибири, стр. 13 и 14.

милліоновъ народа подъ игомъ жесточайшаго самовластія, и когда пріѣхалъ туда Сперанскій, онъ не могъ, конечно, найти уже, по крайней мѣрѣ, двухъ третей преступленій, хотя и найденныхъ имъ было довольно для осужденія виновныхъ: многія жертвы несправедливости и притѣсненія за долго до него окончили свои страдальческіе дни, и понесли жалобы къ престолу Вышняго Судіи.

Печальная исторія генерала Куткина, описанная въ „Жизни графа Сперанскаго“ [1]), не была единственнымъ эпизодомъ управленія Пестеля. Начальникъ Тобольской провіантской коммиссіи, генералъ-маіоръ Куткинъ, арестованный и разоренный, лишенный свиданія съ женою и даже возможности съ нею переписываться, десять лѣтъ (не десять дней!) томился въ заточеніи, бывъ посаженъ—какъ говорили въ Тобольскѣ его современники—въ такую комнату, въ которой, по высокому росту своему, не могъ разогнуться, чтобы встать прямо, и долженъ былъ вѣчно ходить сгорбившись; наконецъ, утомленный нравственными и физическими страданіями, онъ умеръ въ 1817 году... и что же? послѣ смерти своей, въ 1821 году, уже во время Сперанскаго, былъ признанъ — невиннымъ! Сперанскій испросилъ женѣ его вознагражденіе за разореніе, причиненное ея мужу; но кто могъ возвратить жизнь невинному мученику? Кто могъ воскресить эти мучительныя десять лѣтъ, которыя отравили несправедливость и злоба людей?

Въ одно время съ Куткинымъ, былъ также посаженъ подъ арестъ провіантскій коммиссіонеръ полковникъ Денисевскій, единственно для того, чтобы не имѣлъ сношенія съ Куткинымъ, и такимъ образомъ, ни за что, ни про что, просидѣлъ подъ арестомъ—одиннадцать лѣтъ!.. пока не былъ освобожденъ Сперанскимъ.

Наконецъ, по пріятельской связи съ Куткинымъ, пострадалъ еще, также невинный, тобольскій купецъ Полуяновъ. По разнымъ подрядамъ ему слѣдовала изъ казны большая сумма, но, не выдавая ея, требовали, чтобы прежде онъ заплатилъ самой казнѣ слѣдовавшую съ него сумму, несравненно меньшую, вмѣсто того, чтобы замѣнить одну другою. Полуяновъ, находясь въ невозможности исполнить это требованіе, былъ описанъ, разоренъ въ конецъ и доведенъ до нищеты. Дѣло о немъ тянулось во все время Пестеля, и было окончательно разсмотрѣно уже при генералъ-губернаторѣ Западной Сибири Капцевичѣ. Словцовъ писалъ мнѣ изъ Тобольска отъ 2-го февраля 1824 года: „сосѣдъ мой, котораго дѣло было изложено вами, докучаетъ мнѣ, чтобы просить о томъ дѣлѣ, поступившемъ, чрезъ генералъ-губернатора въ 1-й департаментъ Сената. Если это можно сдѣлать, помогите старцу нищему. Истинно нищій!“

---

[1]) Томъ II, стр. 186.

Въ это время, какъ такія дѣла совершались въ Тобольскѣ, на одномъ концѣ Сибири, на другомъ, въ Иркутскѣ, также разыгрывались драмы, не менѣе поразительныя.

Полиціи Иркутской было оффиціально предписано: посредствомъ прислуги и другими всевозможными путями узнавать, не составляется-ли гдѣ комплота противъ начальства и не готовится-ли жалобы высшему начальству.

Иркутскіе купцы, выведенные изъ терпѣнія разными самовластными дѣйствіями губернскаго начальства, рѣшились, по прежнимъ примѣрамъ, принести жалобу. Жалоба была послана съ чиновникомъ Пѣтуховымъ. Полиція, усердно дѣйствовавшая въ исполненіе даннаго ей предписанія, открыла намѣреніе купцовъ. Пестель, извѣщенный о поѣздкѣ Пѣтухова въ Петербургъ, подготовилъ для него пріятный сюрпризъ. Едва только Пѣтуховъ подъѣхалъ къ петербургской заставѣ, какъ былъ схваченъ и отвезенъ въ Архангельскъ, а бумаги его были отобраны и, вѣроятно, переданы въ руки Пестеля...

Между тѣмъ, одинъ изъ купцовъ, именно Киселевъ, человѣкъ весьма бойкій и смышленый, внезапно сошелъ съ ума, былъ запертъ въ больницу умалишенныхъ и тамъ вскорѣ умеръ, какъ говорили, отъ неискуснаго леченія холодною водою... Много толковали въ городѣ объ этомъ происшествіи...

Но вслѣдъ затѣмъ вниманіе жителей было отвлечено другимъ не менѣе разительнымъ событіемъ.

Въ одно прекрасное утро, два главные столпа, на которыхъ опиралось Иркутское купечество, Сибиряковъ и Мыльниковъ, люди пожилые и весьма почтенные, были приглашены въ губернское правительство. Не зная за собой никакой вины, они шли смѣло, въ ожиданіи благопріятныхъ послѣдствій своей жалобы, тѣмъ болѣе, что начальникъ губерніи былъ съ ними весьма учтивъ и даже робокъ... Наконецъ они входятъ въ присутствіе правительства и что же?... Тамъ поражаетъ ихъ, какъ громъ, предписаніе генералъ-губернатора, что они, какъ вредные члены общества и составители комплотовъ противъ начальства, не лишаясь своего званія, ссылаются безъ суда и слѣдствія навсегда — Сибиряковъ въ Нерчинскъ, и Мыльниковъ въ Баргузинъ... Сибиряковъ, человѣкъ желѣзный по своей натурѣ, вынесъ этотъ страшный и неожиданный ударъ, а Мыльникова разбилъ параличъ, и онъ, уже больной, былъ отвезенъ въ мѣсто своего заточенія...

Отъ подобной безсудной высылки не были обезопашены и чиновники, даже принадлежавшіе къ высшему разряду въ губернской администраціи. Такъ, Совѣтникъ Уголовной Палаты Корсаковъ, также заподозрѣнный въ доносахъ, безъ всякой вины, былъ высланъ изъ Иркут-

ской губерніи, съ тѣмъ, чтобы прочіе губернаторы не позволяли ему проживать въ своихъ губерніяхъ ни въ какомъ мѣстѣ болѣе нѣсколькихъ дней, а Пестель не велѣлъ его выпускать изъ Сибири... Такимъ образомъ, Корсаковъ долженъ былъ испытывать судьбу вѣчнаго жида. Гдѣ бы онъ ни остановился, вездѣ слышалъ роковой голосъ: „иди! иди!" Наконецъ Томскій губернаторъ изъ жалости дозволилъ ему остаться въ Томскѣ, гдѣ онъ и жилъ до пріѣзда общаго избавителя Сибири—Сперанскаго, при которомъ онъ возвратился въ Иркутскъ, послѣ многолѣтняго изгнанія [1]).

Послѣ всѣхъ такихъ ударовъ, нанесенныхъ рукою твердою и искусною, Иркутскіе купцы естественно упали духомъ и не могли долго опомниться, а чиновники, и прежде уже совершенно безгласные, не смѣли и подумать о какомъ-либо противодѣйствіи: это было стадо барановъ, гонимыхъ на бойню.

Остановимся здѣсь и посмотримъ ближе на личности, разыгрывавшія всѣ эти великія Иркутскія драмы.

Начнемъ по порядку съ самого Трескина. Не обладая научными познаніями, Трескинъ былъ одаренъ отъ природы необыкновеннымъ умомъ, орлинымъ взглядомъ, быстро обнимающимъ самые многосложные вопросы; дѣятельность его превосходила всякую мѣру: онъ работалъ почти постоянно съ ранняго утра до глубокой ночи; въ 6 часовъ утра уже принималъ доклады; особенно въ дни отправленія Московской почты онъ просиживалъ цѣлый день надъ бумагами, не поднимая головы, въ прямомъ смыслѣ этого слова. Характеръ его былъ мрачный, строгій и крайне раздражительный [2]). Образъ жизни его былъ весьма простъ и единообразенъ. Погруженный вѣчно въ дѣла, онъ не пользовался никакими увеселеніями; даже загородныя прогулки были для него необыкновенными исключеніями. Равно и семейство его мало пользовалось удовольствіями и вело жизнь самую тихую. Два или три бала въ годъ: вотъ все, что составляло его развлеченіе и на нѣсколько часовъ прерывало вѣчную монотонію его жизни. Въ праздничные дни, послѣ обычнаго поздравленія отъ чиновниковъ и купечества, Трескинъ отправлялся къ обѣднѣ. Набожность его была проникнута глубокимъ чувствомъ: пріобщаясь Св. Таинъ, онъ всегда плакалъ... Судъ человѣческій свершился надъ этимъ человѣкомъ, но кто знаетъ судъ Того, предъ Которымъ раскрыты всѣ

---

[1]) Подробнѣе о Корсаковѣ см. у бар. М. А. Корфа—„Жизнь графа Сперанскаго", томъ II, стр. 169.

[2]) Въ обращеніи съ приближенными былъ ласковъ, но не фамиліаренъ: отношенія начальника никогда не оставляли его; съ лицами посторонними былъ всегда гордъ и властолюбивъ.

тайныя помышленія души; и для Котораго одна минута раскаянія изглаживаетъ преступленія цѣлой жизни?

Въ другихъ обстоятельствахъ, въ другой сферѣ, Трескинъ, конечно, былъ бы „славный“ губернаторъ, какъ назвалъ его Словцовъ на одномъ изъ данныхъ ему Трескинымъ предписаній: ума и дѣятельности его достало бы на десять губерній...

Главный помощникъ его былъ нѣкто Бѣлявскій, сперва секретарь его, а потомъ предсѣдатель Гражданской Палаты; человѣкъ умный, обладавшій самымъ искуснымъ перомъ и необыкновеннымъ даромъ діалектики, не только правая рука Трескина, какъ сказано въ „Жизни графа Сперанскаго“ [1]), но и душа всѣхъ дѣлъ его и, между тѣмъ, человѣкъ мрачный, гордый и легко впадавшій въ порывы жестокости. Сказываютъ, что на одномъ публичномъ обѣдѣ, когда губернаторъ выразилъ мысль, что онъ постарается разбить своихъ враговъ, Бѣлявскій вскричалъ съ яростію: „Въ дребезги, ваше превосходительство, въ дребезги!“ Мудрено-ли, что при такомъ поощрителѣ начальникъ его дошелъ до крайнихъ предѣловъ самовластія?... Но охотно выискивая добро въ самомъ злѣ, должно сказать, что Бѣлявскій не чуждъ былъ благородства, чувствовалъ свое нравственное превосходство предъ окружавшею его толпою приближенныхъ губернатору лицъ, не входилъ съ ними ни въ какое сближеніе и имѣлъ совѣсть, которая, наконецъ, страшно проснулась въ немъ...

Прочія лица, окружавшія Трескина, за немногимъ исключеніемъ, не имѣя ума и талантовъ Бѣлявскаго, имѣли одни отрицательныя свойства. Духъ раболѣпства и обогащенія проникалъ весь ихъ составъ. Для нихъ ничего не существовало священнаго, кромѣ воли начальства, какъ бы эта воля ни противорѣчила общей пользѣ и даже постановленіямъ правительства. Словъ: правда и честь не было въ ихъ лексиконѣ. Это была туча саранчи, которая истребляла все достояніе губерніи и, наконецъ, повергла ее въ безнадежность и отчаяніе. Всѣ думали, что не будетъ и конца страданіямъ...

Исключеніе, о которомъ упомянулъ я выше, составлялъ Иркутскій исправникъ Волошиновъ, человѣкъ кроткаго нрава, всегда унылый, какъ бы чувствовавшій неизбѣжныя послѣдствія своего положенія, засѣдатель Романовъ, человѣкъ ловкій, пріятный и съ порывами къ добру; наконецъ, Верхнеудинскій исправникъ Геденштромъ [2]). Всѣ эти люди кружились volens-nolens, хотя и не хотя, въ общемъ

---

[1]) Томъ II, стр. 200.

[2]) Матвѣй Матвѣевичъ Геденштромъ умеръ 20-го сентября 1845 года, 65 лѣтъ, близъ Тобольска, гдѣ былъ почтмейстромъ (см. Геннади, Словарь, т. I, стр. 198). Б. М.

вихрѣ, но выдавались изъ общей массы, и особенно Геденштромъ, своими манерами и своими нравственными качествами.

Геденштромъ былъ человѣкъ весьма образованный, говорилъ на многихъ европейскихъ языкахъ, зналъ очень хорошо естественныя науки, много имѣлъ наглядныхъ свѣдѣній, проведя многіе годы въ путешествіи; по характеру былъ весьма кроткій, мягкій и обязательный, готовый всегда на услугу, но вмѣстѣ весьма смѣтливый и хитрый и, къ несчастію, не имѣвшій въ душѣ никакихъ нравственныхъ основаній, никакой религіи... Невѣріе его распространялось и на близкихъ къ нему людей. Такъ, своякъ его, т. е. мужъ сестры жены Геденштрома, нѣкто Бритюковъ, заразившійся невѣріемъ и матеріализмомъ, въ одинъ праздничный день, когда у Геденштрома были гости, придя въ гостиную съ пистолетомъ въ рукѣ, сказалъ: „Посмотрите, какую штуку я сдѣлаю"—и съ этимъ словомъ выстрѣлилъ себѣ въ ротъ и тутъ же палъ мертвымъ.

Жизнь Геденштрома была исполнена разныхъ переворотовъ. Онъ учился въ Дерптскомъ университетѣ. По вступленіи въ службу, вскорѣ былъ, по Высочайшему повелѣнію, удаленъ на службу въ Сибирь, гдѣ было поручено ему описать берега Ледовитаго океана. Скитавшись нѣсколько лѣтъ по пустыннымъ тундрамъ полярныхъ странъ и льдамъ Сѣвернаго океана, онъ обогатилъ географію открытіемъ Новой Сибири и издалъ весьма любопытное описаніе своего путешествія [1]). Это была одна изъ лучшихъ страницъ его жизни.

По пріѣздѣ въ Иркутскъ, Геденштромъ былъ опредѣленъ Верхнеудинскимъ исправникомъ. Здѣсь онъ женился на прекрасной дѣвушкѣ, разбогатѣлъ, какъ Крезъ, и катался, какъ сыръ въ маслѣ, не зная счету въ деньгахъ, въ прямомъ смыслѣ этого слова. Сказывали, что, принимая въ казначействѣ деньги на покупку хлѣба для запасныхъ магазиновъ, онъ никогда не считалъ ихъ, и что, пользуясь его небрежностію, какой-то благородный казначей не додалъ ему 15 тыс. рублей ассигн.

Другой пришелъ бы отъ этого въ отчаяніе, но Геденштрому, въ тогдашнее время, это ровно ничто не значило. Онъ махнулъ рукой— и оставилъ дѣло безъ всякихъ изысканій. Это время былъ апогей его земного счастія. Молодъ, богатъ, обладающій прекрасной женой— чего было ему желать еще болѣе?

Пріѣздъ Сперанскаго, разрушившій экономію иркутскаго управленія, имѣлъ неблагопріятное вліяніе и на Геденштрома. Нельзя

---

[1]) Онъ издалъ книги: „Отрывки о Сибири", С.-Пб. 1830 г. и Fragmente, oder Etwas über Sibirien", St. Petersb. 1842; статьи его помѣщены также въ „С.-Петерб. Вѣстникѣ" 1822 г. и „Журн. Мин. Вн. Дѣлъ" 1829—1830. Б. М.

не удивляться, что Геденштромъ, какъ видно изъ „Жизни графа Сперанскаго“, былъ одинъ изъ первыхъ доносчиковъ на Трескина и даже невыгодно отзывался о его супругѣ [1]). Геденштромъ всѣхъ менѣе имѣлъ право это сдѣлать, потому что, какъ выше видно, пользовался вполнѣ земными благами подъ покровительствомъ Трескина и потому, что былъ принятъ, какъ родной, и обласканъ его семействомъ, вообще весьма пріятнымъ и добрымъ. Доносъ не избавилъ, однакожъ, Геденштрома отъ общей участи: онъ былъ отрѣшенъ отъ должности и долженъ былъ расплатиться съ обиженными; здѣсь конецъ его благосостоянію.

Въ 1827 году, въ бытность въ Сибири сенаторовъ, Геденштромъ испросилъ себѣ разрѣшеніе возвратиться въ Россію, служилъ въ Петербургѣ, потомъ опять возвратился въ Сибирь и поселился близъ Томска, лишился жены, прожилъ все состояніе, вдался въ низкое пьянство и умеръ въ нищетѣ [2]).

Окруженный подобными поборниками, которые сами погрязли въ темныхъ дѣлахъ и потому не смѣли и не имѣли права оказывать никакого противорѣчія, на чтó не могло рѣшиться губернское начальство, облеченное неограниченною властію? И дѣйствительно, послѣ разгрома купеческаго общества, глубокое и повсемѣстное безмолвіе водворилось въ губерніи: терпѣли и молчали; возвышать голосъ было уже безуміе... Но нашелся одинъ человѣкъ, проникнутый-ли чувствомъ человѣческаго достоинства и правоты, или дѣйствовавшій изъ другихъ, менѣе высокихъ побужденій, какъ бы то ни было, но еще нашелся человѣкъ, который осмѣлился встать за правду: этотъ человѣкъ былъ вице-губернаторъ Левицкій. Борьба съ нимъ губернскаго начальства продолжалась съ 1811 до начала 1814 года.

Но прежде, нежели я разскажу нѣкоторыя подробности этой борьбы, должно сказать, что съ 1805 года Иркутское Губернское правленіе было переименовано въ Губернское правительство, раздѣленное на двѣ экспедиціи: исполнительную, которою назвали прежнее Губернское правленіе, и казенную, въ которую была переименована Казенная палата. Въ первой предсѣдательствовалъ губернаторъ, во второй — вице-губернаторъ.

Причина возставшей, хотя не кровопролитной, но весьма ожесточенной и продолжительной распри между губернаторомъ и казенною экспедиціею, былъ хлѣбъ, предметъ, какъ видите, немаловажный для земнородныхъ; при томъ дѣло шло не о кускѣ хлѣба, но о милліонахъ кусковъ.

---

[1]) Т. II, стр. 168.

[2]) „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 168.

Губернское начальство утверждало, что въ Иркутской губерніи существовалъ нѣсколько лѣтъ сряду неурожай; казенная экспедиція старалась доказать противное: вотъ тема, повидимому, простая, но на которой разыгрывались самыя трудныя и разнообразныя варіаціи. Кто былъ правъ? Кто виноватъ?.. Много горя и страданій влекла за собою эта неровная борьба слабаго противника съ сильнымъ непріятелемъ; но уже полъ-столѣтія протекло съ тѣхъ поръ, и спасибо времени, какъ будто ничего не бывало: люди умерли, вопли ихъ умолкли; остались однѣ безмолвныя бумаги, да и тѣ сгніютъ, наконецъ, въ архивахъ! Всему есть конецъ подъ солнцемъ!

Изъ идеи постояннаго неурожая истекали разнообразныя слѣдствія, изъ коихъ главнѣйшимъ была необходимость заготовленія громадныхъ количествъ хлѣба для городскихъ запасныхъ магазиновъ.

Заготовленіе хлѣба въ запасные магазины производилось черезъ земскихъ чиновниковъ, по возвышеннымъ цѣнамъ, вслѣдствіе той же идеи о неурожаѣ. При покупкѣ хлѣба составлялись общественные приговоры: сколько хлѣба продано и по какой цѣнѣ; но все-ли получали крестьяне, что было означено въ приговорахъ? Это лежало на совѣсти земской полиціи.

Между тѣмъ весьма естественный и важный вопросъ самъ собою кидался въ глаза: если въ губерніи неурожай, то откуда же, въ тѣ же неурожайные годы и въ той же губерніи, являлся хлѣбъ въ запасные магазины, которые въ Иркутскѣ были не только наполнены, но и переполнены, такъ что огромное количество запасного хлѣба надобно было положить въ хлѣбные магазины провіантскаго вѣдомства? Этотъ-то вопросъ казенная экспедиція и старалась выяснить, но голосъ ея пропадалъ въ пустынѣ.

Казенную экспедицію особенно безпокоило то обстоятельство, также вытекавшее изъ идеи неурожая, что остановилось винокуреніе, погибалъ откупъ, оставаясь безъ вина, и несла большіе убытки казна, не получая откупной суммы... Тщетно члены казенной экспедиціи разъѣзжали по деревнямъ для покупки хлѣба на винокуреніе: весь излишекъ хлѣба, остававшійся отъ продовольствія крестьянъ, былъ закупленъ въ провіантскіе и запасные магазины, а если и были остатки, то крестьяне не хотѣли или не смѣли ихъ продавать, такъ что члену стоило величайшихъ усилій купить самое незначительное количество. На откупъ или, сказать правильнѣе, на откупщика, купца Куклина, губернское начальство смотрѣло неблагопріятными глазами. Молва объясняла это по-своему. Какъ бы то ни было—откупъ совершенно разстроился, начались долговременные простои, недоимки откупной суммы возрастали съ каждымъ днемъ, Куклинъ былъ разоренъ къ конецъ и, пробираясь въ Петербургъ искать правосудія,

былъ задержанъ въ Тобольскѣ и—умеръ въ тюрьмѣ! Что можно прибавить еще къ этимъ двумъ страшнымъ словамъ: „умеръ въ тюрьмѣ!“

Между тѣмъ случилось происшестіе, сильно возмутившее губернское начальство.

4-го марта 1813 года члены казенной экспедиціи, пріѣхавъ въ провіантскіе магазины для освидѣтельствованія хлѣба, встрѣтили тамъ крестьянъ, привезшихъ хлѣбъ для запасныхъ магазиновъ, уже въ нихъ, какъ сказано выше, неумѣщавшійся. Крестьяне принесли имъ жалобу на обвѣсъ при пріемѣ отъ нихъ хлѣба. Вице-губернаторъ, выслушавъ эти жалобы (и какъ же было не послушать?), вмѣстѣ съ членами казенной экспедиціи повѣрилъ вѣсы, по которымъ принимался запасной хлѣбъ, съ вѣсами провіантскихъ магазиновъ и нашелъ, что вѣсы запасного хлѣба дѣйствительно весьма невѣрны и, слѣдовательно, жалоба крестьянъ справедлива.

Въ то же время было открыто казенною экспедиціею, что помощникъ смотрителя запасныхъ магазиновъ, дослужившійся до чина губернскаго секретаря, происходилъ изъ ссыльно-каторжныхъ и былъ двукратно наказанъ плетьми за воровство. Справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ случаѣ нельзя похвалить и казенную экспедицію: подыскиваться подъ частнымъ лицомъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть извинительно. Но таковы всегда послѣдствія вражды: всегда она переходитъ за предѣлы благоразумія и приличія.

Былъ еще случай, гдѣ казенная экспедиція или, сказать правильнѣе, вице-губернаторъ Левицкій вступился за пользу крестьянъ.

Въ 1812 году въ Сибири, вмѣсто сбора рекрутъ, по причинѣ ея малаго населенія, было Высочайше повелѣно собрать по 20 руб. съ души. Сборъ этотъ оказался весьма тягостенъ для крестьянъ и потому былъ Всемилостивѣйше отмѣненъ. Между тѣмъ по Иркутской губерніи его было собрано и хранилось въ казначействахъ до 662.000 р. Что подлежало сдѣлать? Отвѣтъ весьма простъ: или раздать крестьянамъ собранную сумму, или замѣнить ее въ подати. Но губернское начальство не только не сдѣлало этого, но еще, вопреки Высочайшей волѣ, приказало продолжать сборъ, а между тѣмъ подати взыскивать своимъ чередомъ. Губернское начальство ссылалось на то, что крестьяне, продавая хлѣбъ по высокимъ цѣнамъ, могутъ имѣть избытокъ для оплаты податей. Ясно, что крестьяне, какъ замѣчала казенная экспедиція, не только могли сами себя продовольствовать, но и продавать излишекъ. Это была обмолвка губернскаго начальства, которую казенная экспедиція не упустила поставить на видъ. Но здѣсь ее безпокоило то, что деньги болѣе десяти мѣсяцевъ хранились въ казначействахъ, безъ выдачи крестьянамъ и безъ замѣны въ подати, о чемъ

крестьяне неоднократно просили ее, по причинѣ крайняго затрудненія въ платежѣ податей; что, къ вящему отягощенію ихъ, отмѣненный Государемъ сборъ, Богъ знаетъ для чего, продолжается; что милость царская встрѣтила какую-то странную преграду въ дѣйствіи мѣстной власти; что, наконецъ, значительныя суммы этого сбора лежали безгласно въ волостныхъ правленіяхъ [1]).

Обязанный заботиться о пользѣ казенныхъ крестьянъ, вице-губернаторъ Левицкій поручилъ одному изъ членовъ казенной экспедиціи, въ проѣздъ его на винокуренные заводы, куда онъ посланъ былъ по особенной казенной надобности, узнать по дорогѣ въ мірскихъ обществахъ: не остаются-ли гдѣ деньги упомянутаго сбора?

Членъ, исполнивъ данное ему вице-губернаторомъ предписаніе, открылъ, что дѣйствительно остаются въ двухъ или трехъ мірскихъ обществахъ, на дорогѣ находящихся, около 14.000 руб. Сверхъ сего, было также открыто имъ, что болѣе 10.000 руб., слѣдовавшихъ за купленный у крестьянъ для заводовъ хлѣбъ, и отпущенныхъ изъ казны въ августѣ 1812 года, не было еще отдано крестьянамъ въ мартѣ 1813 года. Надлежало-ли наградить или наказать за подобное открытіе? Конечно, скажете вы, наградить. Но тогда не такъ дѣлалось. По слѣдамъ члена казенной экспедиціи поѣхалъ чиновникъ земской полиціи и старался его оклеветать, сколько было возможно. Четыре великія преступленія были взведены на несчастнаго члена: 1) разъѣзжалъ по селеніямъ, 2) не доплатилъ прогоновъ 1 р. 25 к. сер., 3) назывался начальникомъ и 4) былъ въ подгулкѣ. Разсмотримъ подробнѣе эти мнимыя преступленія.

1. Разъѣзжалъ по селеніямъ. Членъ былъ, какъ выше видно, командированъ на винокуренные заводы и только по дорогѣ справлялся о крестьянскихъ деньгахъ. Да если бы, и въ самомъ дѣлѣ, онъ разъѣзжалъ съ толь полезною цѣлію для крестьянъ и при томъ не самовольно, а по предписанію своего начальника: то не была-ли бы это скорѣе заслуга, чѣмъ преступленіе?

2. Не доплатилъ прогоновъ 1 р. 25 к. сер. Прогоны выдавались, для расплаты съ ямщиками, обыкновенно, казаку, который всегда посылался съ чиновникомъ для охраненія его въ дорогѣ, не вездѣ безопасной. И кто бы могъ покорыствоваться столь ничтожною суммою, особенно зная, что по слѣдамъ его гонится, какъ гончая за зайцемъ, земская полиція, готовая воспользоваться всякимъ случаемъ къ погубленію своей жертвы?

3. Назывался начальникомъ передъ крестьянами. Надобно сказать, что въ тогдашнее время крестьяне въ Сибири всѣхъ чинов-

[1]) Постановленіе каз. эксп. въ апрѣлѣ 1813 года.

никовъ, безъ разбору, называли общимъ именемъ: начальника. На вопросъ, напримѣръ: „Кто ѣдетъ?“ крестьяне обыкновенно отвѣчали: „Какой-то начальникъ“. Такимъ образомъ въ понятіи ихъ слова: начальникъ и чиновникъ — были синонимы. Изъ этого слѣдуетъ, что если бы членъ казенной экспедиціи и наименовалъ себя передъ крестьянами начальникомъ, то онъ ничего не сказалъ бы для нихъ новаго и нисколько не возвысилъ бы тѣмъ своего сана. Но для чего сталъ бы онъ и возвышать себя передъ крестьянами? Величаются передъ ними только тѣ, которые имѣютъ въ виду собственную выгоду, а членъ дѣйствовалъ, напротивъ, въ видахъ пользы самихъ же крестьянъ; наконецъ, если бы и дѣйствительно членъ казенной экспедиціи, завѣдывавшій тогда, по общему учрежденію о губерніяхъ, крестьянами въ хозяйственномъ отношеніи, назывался начальникомъ: то какой вредъ изъ этого могъ произойти?

4. Былъ въ подгулкѣ. Господи, да кто же, доживъ до сѣдыхъ волосъ, хотя разъ въ жизни не бывалъ въ подгулкѣ? Кто изъ земнородныхъ—спрашиваю я—при первомъ удобномъ случаѣ, на именинахъ или крестинахъ, на свадьбахъ и даже иногда на похоронахъ, на обѣдахъ торжественныхъ, при возглашеніи оффиціальныхъ тостовъ, и въ пріятельскихъ кружкахъ при пѣніи застольныхъ пѣсенъ, на великолѣпныхъ пирахъ и бѣдныхъ пирушкахъ, знатный баринъ и простой поденьщикъ, богачъ и бѣднягъ, ученый мужъ и обыкновенный смертный,—словомъ, кто, повторяю, хотя одинъ разъ въ жизни, не былъ въ подгулкѣ? И между тѣмъ, со временъ Ноя, подгулявшаго на развалинахъ древняго міра, до настоящаго вѣка, столь знаменитаго своими публичными подгулками, никто и нигдѣ не предавался за это суду!.. Но членъ казенной экспедиціи другое дѣло: онъ составлялъ исключеніе изъ всего рода человѣческаго!.. Человѣкъ давно уже съ сѣдыми волосами, извѣстный всему городу своимъ честнымъ и трезвымъ поведеніемъ, исполнившій усердно весьма важное и полезное порученіе, по одиному доносу обличенной имъ въ упущеніи земской полиціи, былъ обвиненъ въ преступленіи новаго рода—подгулкѣ! И смѣшно, и прискорбно!

Ясно, что искали не вины, которой найти было нельзя; искали только случая къ обвиненію. И вотъ, за всѣ эти мнимыя преступленія членъ казенной экспедиціи — въ награду за полезное имъ открытіе—былъ преданъ суду. [1]). Сколько ни оправдывался онъ (хотя и оправдываться было не въ чемъ), сколько ни доказывалъ свою невинность, судъ ничего слушать не хотѣлъ. Та же жестокая рука,

---

[1]) Предложеніе губернатора исполнительной экспедиціи отъ 19-го марта 1813 года.

которая, не дрожа, назначала преступникамъ невыносимое истязаніе, не дрогнула подписать и осужденіе невиннаго. Членъ былъ приговоренъ къ строгому выговору. Служба безпорочная запятнана бытностію подъ судомъ, право на пенсію—потеряно, мщеніе—удовлетворено: чего же болѣе?—Вотъ что значило въ тогдашнее время затрогивать за живое земскую полицію и служить общественному благу!

Но не одинъ этотъ несчастный членъ, вся казенная экспедиція подверглась, въ то же время, сильнѣйшему гоненію.

Исторія двадцати-рублеваго сбора, особенно же ненавистная повѣрка вѣсовъ запаснаго хлѣба и изслѣдованіе происхожденія смотрительскаго помощника окончательно разгнѣвали губернское начальство. И вотъ, прибравъ многіе другіе подобные случаи, губернаторъ провозгласилъ вице-губернатора и его товарищей — отложившимися отъ всякой зависимости и уваженія къ начальнику губерніи, облеченному властію генералъ-губернатора, превзошедшими всю мѣру его терпѣнія, формальными доносчиками, нарушителями порядка, людьми, творящими дѣла необыкновенныя и примѣрныя, — словомъ, явными бунтовщиками и отчаянными революціонерами, вышедшими изъ предѣловъ всякой законности...

Этотъ грозный приговоръ былъ произнесенъ въ предложеніи губернатора, данномъ исполнительной экспедиціи 19-го марта 1813 года.

Ничего лучше не характеризируетъ тогдашнее Иркутское управленіе, какъ это замѣчательное предложеніе, и потому взглянемъ на нѣкоторые его пункты и объясненія казенной экспедиціи [1]).

1. Здѣшняя казенная экспедиція, сказано въ предложеніи, „отложилась отъ всякой зависимости и уваженія къ начальнику губерніи, который, по силѣ 6-й статьи Высочайшей инструкціи, данной Сибирскому генералъ-губернатору, поставленъ здѣсь во власти генералъ-губернатора, на время настоящаго отсутствія его высокопревосходительства“.

Казенная экспедиція объясняла, что она дѣйствовала по точной силѣ законовъ. Относительно же усвоенія губернаторомъ власти генералъ-губернатора, будто бы на основаніи 6-й статьи Высочайшей инструкціи, данной Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, экспедиція съ благородною смѣлостію доказывала, что означенной статьей дозволено только снабжать нѣкоторою властію чиновниковъ, въ отдаленныхъ мѣстахъ находящихся, а именно: въ Нерчинскѣ, Якутскѣ и Камчаткѣ, какъ объяснено въ слѣдующей, 7-й статьѣ той же инструкціи; но чтобы генералъ-губернаторъ — сказано было далѣе въ объясненіи экспедиціи—былъ уполномоченъ передавать ему одному,

---

[1]) Постановленіе казен. экспед. 29-го марта 1813 года.

по Высочайшей волѣ, присвоенныя права, о томъ она никакого Высочайшаго повелѣнія въ виду не имѣетъ.

Итакъ, Иркутское губернское начальство оффиціально и гласно—какъ и выше замѣчено—провозглашало присвоенную имъ власть генералъ-губернатора, не имѣя на то никакого основанія, кромѣ воли самаго генералъ-губернатора, также не имѣвшаго на раздвоеніе своей власти никакого уполномочія. Дать губернатору права генералъ-губернатора не значитъ-ли произвесть его въ генералъ - губернаторы? Кто могъ это сдѣлать безъ Высочайшей власти? И между тѣмъ, это незаконное присвоеніе Иркутскимъ губернаторомъ не принадлежащихъ ему правъ, обременявшее безъ мѣры губернію, существовало во все управленіе Пестеля!

2. Продолжая далѣе упрекать казенную экспедицію, что она, „по мнимой независимости своей отъ начальника губерніи", приняла, съ извѣстнаго времени, за непремѣнное правило прекословить его распоряженіямъ по всѣмъ вообще дѣламъ,—губернаторъ напоминаетъ ей, что ослушаніе ея вынудило уже генералъ-губернатора дать ей предписаніе, въ которомъ, угрожая строгимъ взысканіемъ, особенно съ вице-губернатора, генералъ-губернаторъ сказалъ въ заключеніе, что онъ „будетъ ожидать (отъ казенной экспедиціи) безмолвнаго исполненія распоряженій гражданскаго губернатора"; но что, не смотря на это, казенная экспедиція продолжаетъ упорствовать въ противодѣйствіи его распоряженіямъ, представляя, мимо его и генералъ-губернатора, министру финансовъ, и что, наконецъ, вошла на него, губернатора, съ формальными доносами.

Очевидно, что если бы казенная экспедиція, представляя непосредственно министру финансовъ, дѣйствовала неправильно, то министръ финансовъ и самъ не оставилъ бы ей это замѣтить. Но какое имѣло право низшее, въ отношеніи министерства, начальство запрещать сноситься съ высшимъ и даже ставить это въ вину? Не показывало-ли это одно желаніе, чтобы, кромѣ губернатора, никто не осмѣливался возвышать свой голосъ до Петербурга, и чтобы губернаторъ былъ единственный органъ, чрезъ который бы высшее правительство и видѣло, и слышало?

Но самое замѣчательное въ приведенной выше, въ подлинникѣ весьма длинной, тирадѣ—есть слова: безмолвное повиновеніе, какого требовалъ Пестель распоряженіямъ гражданскаго губернатора. Слѣдовательно, какъ бы распоряженія эти ни противорѣчили закону или предписаніямъ высшаго правительства (а они были даже, какъ видно выше, иногда противорѣчущи и Высочайшимъ повелѣніямъ!), какъ бы они ни были вредны выгодамъ казны или общему народному благу,—надлежало ихъ исполнять, не разсуждая, безмолвно, слѣпо! Такова

была вообще система тогдашняго Сибирскаго управленія: „молчи и повинуйся!“ Не духъ-ли Чингисъ-Хана, нѣкогда кочевавшаго въ Сибири, все еще носился надъ нею и заражалъ умы язвою азіатскаго самовластія?

Казенная экспедиція, съ подобающимъ уваженіемъ, но безъ боязни, отвѣчала, что она всѣ предложенія гражданскаго губернатора, не противорѣчащія указамъ Сената и предписаніямъ министра финансовъ, исполняла и будетъ исполнять безпрекословно; но что если и уклонялась она отъ исполненія нѣкоторыхъ распоряженій губернатора, то дѣйствія ея одобрены Сенатомъ и министромъ финансовъ, а распоряженія губернатора отмѣнены, какъ неумѣстныя и противныя общимъ видамъ правительства; въ заключеніе, казенная экспедиція присовокупляла, что никакихъ доносовъ на губернатора она не дѣлала, а только объясняла высшему правительству тѣ препятствія, какія встрѣчала она въ своихъ дѣйствіяхъ, къ пользѣ казны клонившихся, и оправдывалась иногда въ обвиненіяхъ, какія взводило на нее мѣстное начальство.

Для чего же начальство это старалось обыкновеннымъ служебнымъ представленіямъ присвоить наименованіе доносовъ? Для того, что слово: доносъ было страшнымъ орудіемъ тогдашняго Сибирскаго управленія, какъ нѣкогда ужасное выраженіе: слово и дѣло. Всякое справедливое объясненіе, всякую жалобу на притѣсненіе, всякое представленіе, не нравящееся мѣстному начальству, стоило только заклеймить словомъ: доносъ,—и этого было достаточно, чтобы предать доносителя, правъ-ли онъ или не правъ, всѣмъ карамъ преслѣдованія. Такимъ образомъ, что бы съ тобой ни дѣлали, какъ бы тебя ни притѣсняли, ни обижали, жаловаться не смѣй: тогда запятнаютъ тебя страшнымъ именемъ доносчика, и тебѣ нѣтъ спасенія: тебя или сошлютъ въ отдаленныя мѣста, какъ Сибирякова или Мыльникова, или вышлютъ изъ губерніи и превратятъ въ вѣчнаго жида, какъ было сдѣлано съ Корсаковымъ. Вотъ въ этомъ-то и заключалась тайна того удивительнаго явленія, что въ то время, какъ Россія наслаждалась самымъ кроткимъ и благотворнымъ правленіемъ, каково было царствованіе императора Александра I, одна Сибирь носила на себѣ иго временъ Іоанна Грознаго!

3. Всѣ обвиненія, взводимыя на казенную экспедицію, были прибраны собственно для того, чтобы, какъ и выше замѣчено, аккомпанировать статьѣ, касавшейся самой чувствительной струны губернскаго начальства — хлѣба, составлявшаго главный предметъ •предложенія.

„4-го числа сего марта — сказано въ предложеніи—вице-губернаторъ съ членами казенной экспедиціи, при освидѣтельствованіи

воинскихъ провіантскихъ магазиновъ, дѣлали ревизію надъ хлѣбомъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ, приняли жалобу отъ случившихся тамъ двухъ крестьянъ и четырехъ братскихъ въ обвѣсѣ ихъ, повѣряли вѣсы, нашли какую-то невѣрность съ вѣсами воинскихъ магазиновъ и, не давъ знать о томъ ни ему, губернатору, ни губернскому правленію, донесли министру финансовъ".

Казенная экспедиція, въ оправданіе свое, описала это происшествіе, какъ оно было и какъ описано выше. Очевидно, что мѣстное начальство старалось представить его въ превратномъ видѣ: иное ослабило, другое переиначило. На замѣчаніе же губернатора, что казенная экспедиція донесла объ этомъ происшествіи министру финансовъ, она отвѣчала, что сдѣлала это для своей безопасности, потому что всѣ дѣйствія съ главнымъ губернскимъ начальствомъ подвергаются обвиненію предъ высшимъ правительствомъ.

Но при этомъ случаѣ казенная экспедиція, продолжая постоянно одну и ту же тему о несуществованіи неурожая, замѣтила, что въ то время, какъ гражданскій губернаторъ увѣрялъ о двугодичномъ сряду неурожаѣ — количество хлѣба заготовлено въ тѣхъ же годахъ несравненно большее, чѣмъ въ прежнихъ. Гдѣ же неурожай, когда купленнаго хлѣба уже столько, что и ссыпать его некуда!

4. Продолжая обвиненія казенной экспедиціи, губернаторъ говорилъ: „Сего, однакожъ, недостаточно было (т. е. принятія жалобъ, повѣрки вѣсовъ и проч.): казенная экспедиція, дабы усилить таковые ни съ чѣмъ несообразные подъиски свои, вытребовала изъ губернскаго архива, въ противность всякаго порядка, свѣдѣніе о начальномъ происхожденіи помощника смотрителя запасныхъ магазиновъ, заслужившаго сей чинъ 33-хъ лѣтнею службою, и который отправлялъ при прежнихъ главныхъ начальникахъ интересныя должности, а въ настоящей должности утвержденъ г. Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ".

Казенная экспедиція отвѣчала, что, послѣ увѣренія гражданскаго губернатора о 33-хъ лѣтней безпорочной службѣ помощника смотрителя запасныхъ магазиновъ, она нисколько въ томъ не сомнѣвается; но что онъ, прежде безпорочной службы, за воровство двукратно былъ наказанъ плетьми и присланъ въ Иркутскъ въ числѣ ссыльныхъ, слѣдовавшихъ въ Нерчинскъ въ каторжную работу, въ томъ удостовѣряетъ ее свѣдѣніе, изъ губернскаго архива полученное...

Трудно объяснить, изъ какихъ началъ рождалось столь сильное желаніе скрыть открытый обвѣсъ и выхвалять безпорочную службу человѣка, двукратно наказаннаго тѣлесно за воровство, и который, обвѣшивая крестьянъ, какъ видно, худо раскаявался въ прежнихъ преступленіяхъ?

Между тѣмъ на обвѣсъ жалоба была повсемѣстна, потому что, по

причинѣ малаго привода на рынокъ, жители довольствовались хлѣбомъ изъ казенной лавки; цѣны запаснаго хлѣба назначались по усмотрѣнію начальства, иногда даже выше базарныхъ: слѣдовательно, казенная продажа служила не къ пониженію, а еще къ большему возвышенію цѣнности хлѣба [1]); чиновникамъ хлѣбъ выдавался по билетамъ за подписью губернатора, которые нелегко было выпрашивать какъ особенную милость, — и весь этотъ видъ какого-то голоднаго времени выставлялся въ тѣ годы, въ которые купленный хлѣбъ уже не вмѣщался въ магазинахъ.

Предложеніе губернатора, которымъ осуждались члены казенной экспедиціи, было дано, какъ сказано выше, исполнительной экспедиціи, въ которой онъ былъ самъ предсѣдателемъ, и которая, состоя изъ безгласныхъ лицъ, готова была исполнить всякое его приказаніе. Странно видѣть, что губернаторъ, какъ будто не зная, куда и къ кому онъ пишетъ, говоритъ весьма серьезно въ заключеніи своего предложенія, что онъ „по долгу званія своего и власти, предоставленной ему отъ генералъ-губернатора (т. е. незаконно данной и незаконно присвоенной!) обязаннымъ себя находитъ все сіе (т. е. дѣйствія казенной экспедиціи) сдѣлать извѣстнымъ предъ губернскимъ правительствомъ“ (т. е. передъ самимъ собою и двумя безмолвными и запуганными совѣтниками), считая, „между тѣмъ, мѣру уклончивости, снисхожденія и терпѣнія его исполненною уже (удивительное терпѣніе!) и опасаясь, чтобы дальнѣйшее снисхожденіе его не было причтено ему въ явную слабость, и чтобы самому не подвергнуться законной отвѣтственности“... (Да! опасность была большая!).

Естественно, что исполнительная экспедиція приняла съ жаромъ сторону губернатора—и какъ же могло быть иначе? Въ бумагѣ, присланной ею въ казенную экспедицію, укоризнамъ не было мѣры. Все, что только можно было сказать обиднаго на счетъ членовъ казенной экспедиціи—все было сказано: самоначаліе, отступленіе отъ порядка службы, присвоеніе не принадлежащей власти, неповиновеніе и прекословіе главному мѣстному начальству, доносы, ябеды и проч. и проч. и проч. [2]).

Положеніе членовъ казенной экспедиціи становилось постепенно хуже и хуже; наконецъ, послѣ оскорбленій, нанесенныхъ имъ изложеннымъ выше предложеніемъ, и обидъ со стороны совершенно равнаго казенной экспедиціи мѣста, т. е. исполнительной экспедиціи, составлявшей, какъ выше видно, не болѣе, какъ одну часть того же губернскаго правительства, котораго другую часть составляла экспе-

---

[1]) См. постановленіе казен. экспед. въ апрѣлѣ 1813 года.

[2]) Отношеніе исполн. эксп. 24-го марта 1813 года, № 435.

диція казенная,—страшась дальнѣйшихъ преслѣдованій, члены казенной экспедиціи рѣшились просить высшее правительство о переводѣ ихъ на службу въ другія губерніи [1]). Просьба ихъ была уважена въ томъ только отношеніи, что имъ было дозволено выѣхать изъ Сибири, но никакого назначенія имъ дано не было; даже прогоны были выданы только одному вице-губернатору.

Нельзя не удивляться твердому и смѣлому духу вице-губернатора Левицкаго. Бывъ не болѣе, какъ статскій совѣтникъ, безъ состоянія, безъ связей, безъ покровительства, онъ осмѣлился встать за правду противъ столь сильныхъ людей, каковы были генералъ-губернаторъ Пестель и гражданскій губернаторъ Трескинъ; боролся съ ними нѣсколько лѣтъ и, наконецъ, падши въ неравномъ бою, могъ, не краснѣя, повторить извѣстное выраженіе: „Tout est perdu hormis l'honneur" [2]). Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ жилъ безъ должности, терпѣлъ крайнюю нужду и умеръ въ совершенной бѣдности!

Соратники и сослуживцы его, члены казенной экспедиціи, по выѣздѣ его изъ Иркутска, были обречены на новыя гоненія. Жалованье ихъ было остановлено; на имѣніе наложено запрещеніе на случай могущаго открыться взысканія; самихъ ихъ задержали въ Иркутскѣ для сдачи дѣлъ, которыя сдавать они вовсе не были обязаны. Много они хлопотали, чтобы разорвать наложенныя на нихъ узы. Къ счастію ихъ, состоялся Всемилостивѣйшій манифестъ 30-го августа 1814 года и избавилъ ихъ отъ взысканія. Отъ сдачи дѣлъ освободилъ ихъ Правительствующій Сенатъ. Наконецъ, выбрались они изъ печальнаго Иркутска и потащились, кто какъ могъ, въ далекую Россію искать новаго куска хлѣба!.. Одинъ только изъ нихъ, удрученный лѣтами, болѣзнями и крайнею бѣдностію, принужденъ былъ остаться въ Иркутскѣ и, съ горемъ пополамъ, доживать тамъ свои послѣдніе годы. Давно уже нѣтъ его на свѣтѣ. Это былъ тотъ великій преступникъ, котораго Шемякинъ судъ осудилъ за четыре неслыханныя злодѣянія... Судьба членовъ, выѣхавшихъ изъ Иркутска, мнѣ неизвѣстна. Судя по тогдашнимъ ихъ лѣтамъ, должно полагать, что и ихъ кости отдыхаютъ уже въ могилѣ отъ треволненій жизни. Могу сказать, что всѣ они были люди достойные и честные. Особенно заслуживалъ уваженія Василій Владиміровичъ Бергъ, совершенно обрусѣлый нѣмецъ, хорошо образованный, любившій литературу и человѣкъ кроткаго и нѣжнаго сердца... Миръ праху вашему, бѣдные ревнители правды!

---

[1]) Постановленіе казен. экспед. 29-го марта 1813 года.

[2]) Все потеряно, кромѣ чести.

Оканчивая здѣсь разсказъ мой о подвигахъ и неудачахъ казенной экспедиціи, не могу не упомянуть объ одномъ странномъ случаѣ. Изъ числа членовъ казенной экспедиціи только одинъ совѣтникъ Ш....., при самомъ началѣ распри, отдѣлился отъ своихъ товарищей и принялъ сторону враждебнаго лагеря; поэтому онъ не раздѣлилъ и общей судьбы ихъ: послѣ разгрома казенной экспедиціи, онъ остался на своемъ мѣстѣ. Но что выигралъ?

То же самое начальство, котораго былъ онъ поклонникомъ, впослѣдствіи столкнуло его съ мѣста. Онъ былъ принужденъ оставить Иркутскъ и, живучи въ Томскѣ, съ горя и досады предался пьянству, которое и довело его до могилы. Однажды, въ нетрезвомъ видѣ, варивши спиртъ, онъ пролилъ его на огонь и залилъ имъ себѣ халатъ. Совершенно растерявшись, вмѣсто того, чтобы халатъ тотчасъ съ себя сбросить, онъ выбѣжалъ во дворъ и сталъ кататься по землѣ... Пламя обняло его со всѣхъ сторонъ, загорѣлась рубашка и исподница, и онъ кончилъ жизнь въ жестокихъ страданіяхъ. Не было-ли это наказаніемъ за уклоненіе отъ праваго дѣла?

Между тѣмъ, разрушивъ послѣднюю и единственную оппозицію въ лицѣ вице-губернатора и его сотрудниковъ, губернское начальство, казалось, могло уже спокойно наслаждаться плодами своихъ побѣдъ. Купечество было запугано; чиновники боялись и помыслить о малѣйшемъ противорѣчіи; принципъ: безмолвное повиновеніе распоряженіямъ губернскаго начальства, прямое наслѣдство отъ Чингисъ-Хана, развился во всей обширности. По губерніи распространилась мертвая тишина. „Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?“, когда-то возглашали новогородцы; тотъ же возгласъ, съ небольшими измѣненіями, могло бы повторять и Иркутское начальство.

Но если, съ одной стороны, внутренніе враги, застращенные и забитые, не были уже опасны: то, съ другой, нечего было, равнымъ образомъ, бояться и внѣшняго нашествія. Наружный видъ губерніи былъ отдѣланъ на славу. Дороги, гати, мосты, находились въ отличнѣйшемъ порядкѣ, болота осушены, грязи очищены, пути непроходимые сдѣланы проходимыми; станціонные дома—удобные, просторные, теплые и чистые, лошади—сытыя и добрыя, ямщики—удалые... Грабежи по дорогамъ прекращены. Мѣста, до того пустынныя—оближены новыми водвореніями; поселенія превосходили во многомъ старыя села и деревни; поселенцы изъ бродягъ сдѣлались честными и трудолюбивыми земледѣльцами. Присутственныя мѣста, отъ губернскаго правительства до мірской избы, перестроены или построены вновь и содержались въ строгой опрятности; архивы въ примѣрномъ порядкѣ. Города, по возможности, улучшены, выправлены и очищены. Пожарныя команды, если не въ количествѣ, то въ ка-

чествѣ, мало уступали столичнымъ. Трудно исчислить всѣ наружныя устройства, которыя были совершены въ дѣятельное управленіе Трескина, и которыми весьма справедливо славится его имя. Любому ревизору можно было смѣло сказать: „Милости просимъ! Полюбуйтесь!“

Не доставало, къ сожалѣнію, немногаго, бездѣлицы: „человѣколюбія и справедливости“.

Но если бы было это немногое (что на дѣлѣ и составляетъ все!), то что за чудесное управленіе имѣла бы тогда Иркутская губернія!..

Нельзя, однакожъ, сказать, чтобы главная масса народонаселенія, крестьяне, были слишкомъ разорены. Нѣтъ сомнѣнія, что поборы были немалые; иначе откуда же бы явились богатство и роскошь у земскихъ чиновниковъ, пріѣхавшихъ въ Иркутскъ едва не нищими? Но крестьяне, поддерживаемые покупкою у нихъ огромныхъ количествъ хлѣба, болѣе или менѣе, свое получали; терпѣла только казна, которой, какъ сказалъ Фонъ-Визинъ, положенъ уже такой предѣлъ, его же не прейдешь, или, какъ говоритъ острякъ позднѣйшаго времени:

„У казны не грѣхъ украсть:
Есть кому ее накласть!“

Мѣру казеннаго взысканія генералъ-губернаторъ Сперанскій исчислилъ до 3.000.000 рублей.

Послѣ отъѣзда вице-губернатора Левицкаго, въ 1814 году, губернское начальство три года наслаждалось вожделѣннымъ спокойствіемъ; но вдругъ начала подниматься туча съ такой стороны, откуда всего менѣе можно было ожидать.

Въ Нижне-Удинскомъ уѣздѣ, т. е. на западной границѣ Иркутской губерніи, при самомъ въѣздѣ въ вѣдомство Иркутскаго начальства, былъ посаженъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ исправниковъ, Лоскутовъ, сначала бывшій смотрителемъ Нижне-Удинскихъ поселеній, которыя обязаны ему своимъ первоначальнымъ устройствомъ. Но, пересоздавая ссыльнаго въ поселенца, дѣлая изъ бродяги—трудолюбиваго пахаря, изъ мошенника и вора—честнаго человѣка, изъ развратника и негодяя — добраго семьянина и домохозяина, Лоскутовъ не употреблялъ и не зналъ другого средства, кромѣ жесточайшаго истязанія. Безспорно, что съ ссыльными строгость была необходима, но она перешла у него въ безчеловѣчную, лютую жестокость, которая обратилась въ привычку и даже въ наслажденіе. Лоскутовъ, всегда мрачный и грозный, дѣлался еще мрачнѣе и суровѣе, когда долго не видѣлъ крови, не слыхалъ стоновъ; развеселялся, когда кровавые ручьи и лужи обагряли землю и стоны наполняли воздухъ. Никакая

жалость не проникала въ его желѣзное сердце. Во время сильнѣйшихъ истязаній, которыя едва могла выносить натура человѣческая, онъ кричалъ неистовымъ голосомъ людоѣда: „Катай его, нечестивца!"

Сдѣлавшись исправникомъ, Лоскутовъ распространилъ свой терроризмъ и на мирныхъ старожиловъ Нижне-Удинскаго уѣзда. Окруженный всегда казаками, вродѣ опричниковъ временъ Грознаго, Лоскутовъ возилъ всегда съ собой орудія казни: розги, палки и плети. Пріѣздъ его въ селеніе былъ сигналомъ пролитія крови: тотчасъ начинались истязанія, въ которыхъ онъ доходилъ до адской утонченности [1]). Селеніе, извѣщенное о его прибытіи, благовременно готовило ему жертвы. Толпы обреченныхъ къ наказанію были уже готовы и стояли на улицѣ; пуки розогъ и палокъ были разложены въ великомъ множествѣ. Не было пощады ни полу, ни возрасту, ни состоянію здоровья. Старики и дѣти, дѣвицы и беременныя женщины, больные и хилые... всѣ равно подвергались мученію. Вопли и стоны раздирали душу; кровь лилась потоками... Многіе умирали на мѣстѣ; другіе спустя день, два послѣ мученія!.. Трудно даже повѣрить, что это было въ Россіи, въ XIX столѣтіи, въ царствованіе Александра I-го!

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!".

И какія же были тѣ тяжкія преступленія, за которыя люди такъ безчеловѣчно были истязуемы? Плохо вспахана земля—сѣкли; нечисто во дворѣ или въ избѣ—сѣкли; прорѣха на рубашкѣ или сарафанѣ—сѣкли; сѣкли за все и про все!.. Но, Боже сохрани, если случалась въ деревнѣ покража, особенно, если украли что у проѣзжаго или срѣзали ящикъ или тюкъ въ обозѣ: о! тогда сѣкли, безъ пощады и безъ разбору, все селеніе, съ мала до велика, пока не открывался виновный: это былъ уже великій праздникъ для кровожадной души губителя!

Но, преслѣдуя мелкихъ воровъ, Лоскутовъ былъ-ли самъ чуждъ корысти? Нѣтъ! Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ грабителей губерніи, и, награбивъ огромное имѣніе, сдѣлался изъ нищаго богачемъ... Наконецъ, напыщенный награбленнымъ богатствомъ, отуманенный безграничною властію, одурѣваемый окружающимъ его раболѣпствомъ, ожесточенный и загрубѣлый въ кровопійствѣ, ничего и никого не страшившійся, въ надеждѣ на неизмѣнное покровительство губернскаго начальства, — Лоскутовъ, въ полномъ смыслѣ слова, зазнался и, считая себя, въ своемъ уѣздѣ, полновластнымъ владыкою, не уважалъ болѣе ничьихъ правъ, ни состоянія, ни сана!.. И кто и

---

[1]) Истязанія, употребляемыя Лоскутовымъ, раздѣлялись на два рода: a) обыкновенныя и b) съ пересыпкою. Пересыпка состояла въ томъ, что наказываемаго сперва били по спинѣ палками, а потомъ, по свѣжимъ ранамъ, сѣкли розгами.

кому могъ и смѣлъ на него жаловаться?—Крестьяне? Нѣкоторые изъ нихъ, приведенные въ отчаяніе, рисковали было сунуться въ Иркутскъ съ жалобою, но они скорѣе могли бы найти справедливость въ берлогѣ медвѣдя. Обратно переданные въ руки мучителя, дорого они поплатились за свой рискъ, можетъ быть, самою жизнію... Чиновники? Безгласные; запуганные, они были не болѣе, какъ послушные рабы Лоскутова. Боже сохрани, если кто-нибудь изъ нихъ осмѣлился только пикнуть! Купцы? — Нѣтъ, эти хорошо помнили удары, потрясшіе познатнѣе ихъ купечество, — Иркутское!..

Посреди этой безмолвной и раболѣпной толпы слышался по временамъ только одинъ голосъ, осмѣливавшійся возвышаться и стоять за правду, голосъ нижне-удинскаго протопопа, человѣка почтеннаго и умнаго, котораго, казалось, самый санъ долженъ былъ ограждать отъ дерзости и самоуправства тамошняго деспота. Но случилось, чего нельзя было и помыслить. Лоскутовъ питалъ къ протопопу непримиримую ненависть за его смѣлое правдолюбіе и искалъ случая нанести ему оскорбленіе. Случай не замедлилъ представиться.

Бродячій народъ, Карагасы, къ извѣстному дню, выходятъ изъ лѣсовъ на опредѣленное урочище для уплаты ясака; тамъ, посреди дебрей, въ мѣстѣ пустынномъ и дикомъ, встрѣтившись съ ненавистнымъ протопопомъ, Лоскутовъ, какъ тигръ, обрадовался своей добычѣ и, заведя нарочно съ нимъ ссору, въ пылу злобы и гнѣва, вдругъ велѣлъ казакамъ схватить его и нанесъ ему самое тяжкое, кровавое оскорбленіе [1]).

Губернское начальство, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать преступленіе, чего требовала и собственная его честь и даже безопасность, вздумало, напротивъ, защищать виновнаго! Такъ слѣпо и необъяснимо было пристрастіе его къ Лоскутову, грабителю и кровопійцѣ!.. Правда, было наряжено слѣдствіе; но, въ угожденіе губернской власти, оно производилось съ такимъ пристрастіемъ, что бывшій при немъ депутатъ съ духовной стороны счелъ за лучшее удалиться. Этого было не довольно; открылось по всей губерніи общее преслѣдованіе духовенства! Малѣйшій проступокъ, малѣйшее движеніе, каждое слово духовнаго лица ловила налету городская и земская полиція и доводила до свѣдѣнія губернатора, который немедленно доносилъ о томъ генералъ-губернатору. Цѣль была понятна: доказавъ общій упадокъ духовенства, бросить тѣнь и на протопопа, который былъ оскорбленъ Лоскутовымъ, равно и на самое епархіальное начальство...

---

[1]) Лоскутовъ жестоко сѣкъ протопопа ремнемъ. Протопопъ представилъ архіерею свою окровавленную рубашку, которую архіерей препроводилъ въ Святѣйшій Синодъ (см. „Сѣвер. Пчела“ 1862 года, февраля 12-го, № 42).

Преосвященный Михаилъ, при всей кротости своего характера, при всемъ благодушіи своемъ и нежеланіи вмѣшиваться въ дѣла мірскія, жалуясь на дерзость и безчинство Лоскутова, вынужденъ былъ написать высшему правительству объ общемъ стѣснительномъ положеніи губерніи: „вопль народный, писалъ онъ, проникаетъ сквозь толстыя стѣны архіерейскаго дома [1])".

Идетъ бѣда—отворяй ворота, говорили наши предки, потому что одна бѣда всегда ведетъ за собою другую и третью. Къ дѣлу Лоскутова примѣшалось другое, также касающееся религіи.

Тайша Хоринской орды, человѣкъ еще весьма молодыхъ лѣтъ, задумалъ было принять христіанскую вѣру. Но или намѣренія его были не совсѣмъ чисты, или постороннее вліяніе Верхне-Удинской земской власти, бывшей тогда въ рукахъ невѣрующаго Геденштрома, сбило его съ истиннаго пути, только молодой тайша, вмѣсто принятія христіанской вѣры, перемѣнилъ только свой костюмъ и образъ жизни: надѣлъ фракъ, одѣлъ своихъ женъ въ европейскія платья, пустился въ роскошь и мотовство и возбудилъ противъ себя общее негодованіе Хоринскаго рода. Буряты были близки къ возмущенію. Необходимость требовала дозволить имъ избрать другого тайшу. Такъ и было сдѣлано: новый тайша былъ избранъ и утвержденъ начальствомъ; но прежній жаловался, что ему воспрепятствовали въ его христіанскихъ намѣреніяхъ. Здѣсь опять былъ видъ гоненія на религію.

Между тѣмъ, какъ двѣ эти тучи носились надъ губернскимъ управленіемъ, Горновской, о которомъ я говорилъ выше, не имѣя болѣе терпѣнія жить въ отчужденіи отъ людей, также послѣ многолѣтняго молчанія, отправилъ жалобу. Кажется, и для купцовъ исполнилась мѣра терпѣнія: они тоже принесли жалобу. Жалоба ихъ была отправлена съ мѣщаниномъ Саламатовымъ, человѣкомъ весьма высокаго роста и довольно подозрительной наружности. Сказываютъ, что, притаившись въ какомъ-то публичномъ саду, онъ ожидалъ приближенія одной важной дамы, которой намѣревался вручить жалобу, и когда она подошла, выскочилъ изъ-за дерева и, павъ на колѣна, вскричалъ: „О всепѣтая мати!" Дама испугалась и едва не упала въ обморокъ...

Стеченіе разомъ многихъ возмущающихъ случаевъ и жалобъ совпало съ потерею Пестелемъ расположенія графа Аракчеева, какъ пишетъ баронъ Корфъ [2]), и скала, на которой тринадцать лѣтъ возвышался сибирскій кумиръ, поколебалась: 22-го марта 1819 года

[1]) „Жизнь графа Сперанскаго", т. II, стр. 176.
[2]) „Жизнь графа Сперанскаго", т. II, стр. 173.

послѣдовалъ Высочайшій указъ о назначеніи сибирскимъ генералъ-губернаторомъ Михаила Михаиловича Сперанскаго.

Казалось, Иркутское начальство приняло всѣ мѣры къ обезпеченію своей безопасности. Дѣла губернаторской канцеляріи были чисты, какъ стекло: въ бумагахъ, тамъ писанныхъ, не заключалось иныхъ словъ, кромѣ справедливости, блага народнаго и пользы казны: это была лицевая сторона дѣлъ: изнанка ихъ канцеляріи была неизвѣстна. Тайными бумагами и секретными помыслами продолжалъ завѣдывать Бѣлявскій, не смотря на то, что онъ не былъ уже секретарь губернатора, а предсѣдатель палаты. Вѣроятнѣе же всего, что дѣла, требованія особенной тайны, и вовсе не довѣрялись бумагѣ. Между тѣмъ по губерніи непрерывно разъѣзжали ревизоры и единогласно доносили, что мѣстныя управленія дѣйствовали, какъ слѣдовало по закону, и все было въ наилучшемъ порядкѣ. Ясно, что донесеніями своими несчастные ревизоры, хотя и не хотя, принимали на себя всю отвѣтственность за злоупотребленія и безпорядки и ограждали собою губернское начальство. Наружное устройство губерніи, какъ сказалъ я выше, было доведено до совершенства. На западной границѣ губерніи, откуда можно было ожидать нападенія, стоялъ на стражѣ неусыпный Лоскутовъ. Чего еще желать было болѣе? Чего бояться? Но человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ!..

Въ одинъ прекраснѣйшій лѣтній день, кажется, въ іюнѣ мѣсяцѣ, губернскій стряпчій Лангансъ, только что объѣхавшій всѣхъ бурятскихъ тайшей Иркутскаго уѣзда, дѣлалъ за городомъ, именно на Каѣ, обѣдъ. Губернаторъ съ семействомъ и все близкое къ нему было приглашено туда. Въ этотъ же день пришла московская почта. Извѣстіе, привезенное ею, было, какъ слѣдовало полагать, не весьма благопріятное: на всѣхъ лицахъ людей, близкихъ губернатору, изображалось какое-то безпокойство. Я былъ также приглашенъ на обѣдъ и, не подозрѣвая никакого особеннаго событія, поѣхалъ вмѣстѣ съ другими. Надлежало переѣзжать Ангару. Пока толпились на берегу, въ ожиданіи баркаса, я услышалъ разговоръ. Говорилъ совѣтникъ Кузнецовъ, не задолго передъ тѣмъ ревизовавшій Нижне-Удинскій уѣздъ, и, по общему правилу, донесшій, что все обстоитъ благополучно. Кузнецовъ разсказывалъ, что въ Пензу опредѣленъ губернаторомъ Лубяновскій. Зная, что тамъ былъ губернаторомъ Сперанскій, я спросилъ Кузнецова:

— Куда же опредѣленъ Михаилъ Михаиловичъ?

Когда онъ готовился отвѣчать мнѣ, лицо его поблѣднѣло, вытянулось и приняло такое отчаянное выраженіе, что до сихъ поръ я не могу забыть его. Онъ едва могъ выговорить:

— Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ.

Эта вѣсть произвела во мнѣ живѣйшую радость, которую я едва могъ скрывать, тогда какъ у всѣхъ бесѣдующихъ было написано на лицахъ невыразимое отчаяніе: это была дѣйствительно тризна по бывшемъ управленіи, поминки по его славѣ, силѣ и богатству. Отсюда начинается рядъ испытаній.

Всѣхъ мрачнѣе былъ за столомъ Кузнецовъ; кажется, его ужасно мучила мысль о недавней, произведенной имъ, ревизіи. По возвращеніи въ городъ, проходя по залѣ въ кабинетъ губернатора, я видѣлъ, что Кузнецовъ ходилъ въ темномъ углу, въ глубокомъ раздумьѣ. За ужиномъ у губернатора я узналъ, что Кузнецовъ сдѣлался боленъ. На завтра, по обыкновенію, придя весьма рано въ канцелярію, я отправился съ докладомъ губернатору. Кузнецовъ былъ уже тамъ и ходилъ мрачный, мѣрными шагами, въ концѣ той же залы. Едва возвратился я въ канцелярію, какъ услышалъ ужасный крикъ во дворѣ. Кузнецовъ изъ дома губернатора выбѣжалъ на улицу и опрометью кинулся къ Ангарѣ. Кучера, бывшіе во дворѣ, побѣжали за нимъ и силою притащили назадъ. Блѣдный, съ растрепанными волосами, съ выкатившимися глазами, вырываясь изъ рукъ кучеровъ, несчастный кричалъ въ отчаяніи: „О, ангелъ Господенъ! снизойди ко мнѣ на помощь!" Наконецъ, его успѣли увести въ домъ губернатора. Чрезъ нѣсколько времени губернаторъ посадилъ его съ собою на дрожки, поѣхалъ за городъ, для осмотра тюремнаго замка. По дорогѣ надобно было переѣзжать черезъ мостъ, проходившій надъ шлюзами изъ Ушаковскаго мельничнаго пруда. Но едва только они выѣхали на мостъ, какъ Кузнецовъ соскочилъ съ дрожекъ и бросился въ прудъ. По крику губернатора сбѣжались люди и вытащили утопавшаго, къ счастію, еще живого. Послѣ этой добровольной ванны, больной опомнился, но былъ долго еще боленъ; наконецъ, по пріѣздѣ Сперанскаго, выздоровѣлъ физически, но душевный недугъ его не проходилъ: онъ постоянно былъ молчаливъ и мраченъ, хотя опасенія его были напрасны, и гроза его не коснулась. Вслѣдъ за Сперанскимъ, Кузнецовъ выѣхалъ изъ Иркутска и, томимый необъяснимою тоскою, вскорѣ умеръ...

Спустя недѣлю или двѣ, послѣ извѣстія о назначеніи новаго генералъ-губернатора, помнится, въ воскресенье, было получено новое извѣстіе, страшное и горестное для семейства губернаторскаго. За мѣсяцъ, кажется, передъ тѣмъ, супруга губернатора уѣхала за Байкалъ, на минеральныя воды. На пути, какъ писали сопровождавшіе ее чиновники, лошади понесли ее съ горы, экипажъ опрокинулся, и она была убита... Въ „Жизни графа Сперанскаго" сказано: „Былъ слухъ, что будто бы, узнавъ объ опредѣленіи Сперанскаго, губернаторша сама отравилась, и что сопровождавшіе ее придумали разогнать ло-

шадей и опрокинуть экипажъ уже съ мертвою“ [1]). Слухъ этотъ не имѣетъ никакого основанія. Губернаторша была женщина умная и твердаго характера и при томъ собственно за себя опасаться ей было нечего, особенно въ такой степени, чтобы рѣшиться на самоубійство. Были другіе слухи, можетъ быть, болѣе основательные, но весьма неблагопріятные для ея проводниковъ. Замѣчательно, что одинъ изъ нихъ, спустя нѣсколько годовъ, умирая въ мученіяхъ катался по полу и кричалъ: „Мало мнѣ этого, злодѣю!“ Все это происшествіе покрыто непроницаемою тайною; истина извѣстна одному Богу.

Между тѣмъ, главный наперсникъ и помощникъ губернатора въ продолженіи всего времени управленія Иркутскою губерніею, Бѣлявскій, былъ въ Верхнеудинскѣ. Вѣсть объ опредѣленіи Сперанскаго также была для него вѣстію смерти. Онъ сошелъ съ ума и уже въ помѣшательствѣ былъ привезенъ въ Иркутскъ. Сказываютъ, что сцена свиданія его съ губернаторомъ была поразительна. Ни разу не придя въ себя, онъ умеръ вскорѣ по прибытіи въ Иркутскъ, въ сильныхъ страданіяхъ, доводившихъ его до бѣшенства. Сумасшествіе его было-ли дѣйствіе внезапнаго страха, потрясшаго его организмъ, или слѣдствіе сильно и внезапно пробудившейся совѣсти, объяснить трудно. Можно даже допустить послѣднее: Бѣлявскій, по природѣ своей, былъ человѣкъ благородный, и нравственное его паденіе должно скорѣе приписать несчастнымъ обстоятельствамъ, въ которыя онъ былъ поставленъ судьбою.

Такъ разрушалось зданіе суетнаго величія, а между тѣмъ гроза приближалась: Сперанскій все становился ближе и ближе...

Наконецъ, въ одинъ праздничный день, народъ, выходя изъ собора, стоявшаго на берегу Ангары, увидѣлъ за рѣкой, по Московскому тракту, поднимающуюся пыль и нѣсколько повозокъ, быстро ѣхавшихъ въ городъ. Народъ высыпалъ на набережную, надѣясь встрѣтить нетерпѣливо ожидаемаго генералъ-губернатора, но вдругъ разнеслась вѣсть, что это везутъ заарестованное имущество Лоскутова. Радость народа была выше всякаго описанія; всѣ почувствовали, что, наконецъ, пришелъ день, давно ожидаемый, день спасенія, и наступаетъ новая жизнь Сибири.

---

[1]) Томъ II, стр. 169.

IV.

Встрѣча Сперанскимъ Лоскутова.—Арестъ.—Увольненіе Трескина.—Помощники Сперанскаго.—Его отъѣздъ изъ Сибири.

Генералъ-губернаторъ Сперанскій встрѣтилъ Нижнеудинскаго исправника Лоскутова на берегу рѣки Кана, составлявшаго границу Иркутской губерніи съ Томскою.

Лоскутовъ принялъ всѣ предосторожности, чтобы крестьяне не могли подать жалобъ: отобралъ у нихъ бумагу и чернила и все велѣлъ свезти въ волостныя правленія; самъ же переѣхалъ черезъ Канъ, дабы, встрѣтивъ тамъ генералъ-губернатора, потомъ сопровождать его во время дороги по всему своему уѣзду. Мысль его была понятна: онъ надѣялся, что присутствіе его удержитъ запуганныхъ имъ крестьянъ отъ подачи просьбъ. Но разсчетъ его не оправдался. Два старика крестьянина перебрались за Канъ съ жалобами. Генералъ-губернаторъ, уже имѣвшій прежде положительныя свѣдѣнія о беззаконныхъ дѣйствіяхъ Лоскутова, приказалъ прочитать жалобы крестьянъ въ присутствіи сего послѣдняго и, найдя въ нихъ подтвержденіе того, что было ему извѣстно, тутъ же отрѣшилъ Лоскутова отъ должности, арестовалъ и оставилъ за Каномъ. Говорятъ, что крестьяне, увидя Лоскутова, упали безъ чувствъ и когда опомнились и узнали объ его отрѣшеніи, то схватили Сперанскаго за полу, и въ страшномъ испугѣ шептали: „Батюшка! не было бы тебѣ чего худого: вѣдь это Лоскутовъ". Такъ былъ страшенъ этотъ лютый и кровожадный человѣкъ для своего уѣзда. Спрашивается: каково же было положеніе несчастныхъ крестьянъ, нѣсколько лѣтъ преданныхъ его звѣрству?

Сперанскій, переѣхавъ черезъ Канъ въ Иркутскую губернію, приказалъ немедленно описать въ Бирюсинской волости, гдѣ было постоянное пребываніе Лоскутова, принадлежавшее ему имущество: деньги, серебро, мѣха, всего на 8.000 руб., и отправилъ его въ Иркутскъ, а самъ проѣхалъ въ Нижнеудинскъ, учредилъ тамъ надъ Лоскутовымъ слѣдственную коммиссію и оставался въ Нижнеудинскѣ двѣ недѣли для личнаго надзора за производствомъ первоначальныхъ розысканій.

По произведеніи слѣдствія, Лоскутовъ былъ преданъ суду, но, не дождавшись его окончанія, умеръ отъ злѣйшей чахотки. Мучимый, въ продолженіе ненавистной жизни своей, жаждою крови, ненасытный кровопійца, наконецъ, захлебнулся собственною кровію...

Изъ Нижнеудинска Сперанскій отправился далѣе, въ Иркутскъ.

29-е августа 1819 года былъ тотъ достопамятный въ лѣтописяхъ Иркутска день, когда, предшествуемый славою, какъ человѣкъ великій по всеобъемлющему своему генію, по глубокому просвѣщенію,

по безсмертнымъ заслугамъ отечеству, наконецъ, по самымъ несчастіямъ своимъ Сибирскій генералъ-губернаторъ Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій прибылъ въ Иркутскъ...

Жители уже двое сутки, не сходя съ набережной ни днемъ, ни ночью, ожидали своего избавителя. Наконецъ, въ означенный день, часовъ въ 9-ть вечера, когда начинало уже смеркаться, завиднѣлись вдали за рѣкою экипажи. Общій говоръ пошелъ между народомъ: „Ѣдетъ! ѣдетъ!“ Скоро съ противоположной стороны отвалилъ катеръ—и народъ умолкъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Губернаторъ и другія власти находились на пристани. Скоро катеръ подъѣхалъ къ берегу, и общій взрывъ радости огласилъ воздухъ. Выйдя на берегъ, генералъ-губернаторъ снялъ шляпу и кланялся народу. Городскія ворота и городъ были иллюминованы. Сперанскій сѣлъ въ коляску, и безчисленныя толпы сопровождали экипажъ до назначеннаго генералъ-губернатору дома. Одно непріятное впечатлѣніе пробѣжало въ народѣ, что ему приготовили квартиру въ домѣ откупщика, преданнаго губернскому начальнику, какъ будто не было лучшихъ домовъ въ городѣ. Прозорливые люди угадывали тайное намѣреніе бросить тѣнь на генералъ-губернатора при первомъ вступленіи его на иркутскую почву.

На завтра, 30-го августа, бывшій день тезоименитства государя императора Александра Павловича, Сперанскій былъ у обѣдни въ соборѣ. Народъ тѣснился въ церковь; всякій хотѣлъ взглянуть на новаго начальника и великаго человѣка, всякій благодарилъ Бога и славилъ государя. Живая, непритворная радость была написана на всѣхъ лицахъ. Долго Иркутскъ ожидалъ этого дня; наконецъ, Провидѣніе услышало его молитву. Прекрасная, величественная и вмѣстѣ кроткая наружность Сперанскаго сама по себѣ уже проливала во всѣ сердца надежду и довѣренность.

Жители не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ: притѣснители были удалены отъ должностей; притѣсненные избавлены отъ гоненій и получили должное назначеніе. Особенно трогательно было видѣть радость и торжество старика Горновскаго, тринадцать лѣтъ гонимаго и жившаго, какъ сказалъ я выше, въ изгнаніи и бѣдности, среди дремучихъ лѣсовъ, на скудной своей заимкѣ. Онъ получилъ мѣсто предсѣдателя Гражданской палаты. Но прошедшаго не воротишь: онъ недолго пользовался своею свободою и вскорѣ умеръ...

Въ ноябрѣ 1819 года кончилъ и Николай Ивановичъ Трескинъ свою карьеру...

Уволенный отъ должности, онъ еще нѣсколько мѣсяцевъ оставался въ Иркутскѣ. Наконецъ, Иркутскъ проводилъ его, если не съ сожалѣніемъ, то и не съ укоризною: Сибирь не злопамятна. Напро-

тивъ, дѣла темныя были забыты и свѣтлыя донынѣ воспоминаются съ благодарностью...

Между тѣмъ во всѣхъ центрахъ злоупотребленій были открыты, подобно Нижнеудинску, слѣдственныя коммиссіи. Наблюдая надъ ходомъ ихъ, Сперанскій умѣрялъ ихъ стремленіе, дабы онѣ не превратились въ родъ нѣкоторой инквизиціи. И видя, что злоупотребленія обняли почти всю генерацію чиновниковъ, вошли, такъ сказать, въ ихъ плоть и кровь, Сперанскій, по христіанской мудрости своей, соединяя строгость съ пощадою, придумалъ способъ наказанія хотя весьма дѣйствительный, но не губительный. Исключивъ слово: взятки изъ лексикона ревизіи, дѣла такого рода онъ обратилъ въ гражданскій искъ [1]). Если взятки не подлежали сомнѣнію, виновный долженъ былъ только расплатиться. За всѣмъ тѣмъ оказалось гласно-виновныхъ по всей Сибири болѣе 680 человѣкъ и насчитанное на нихъ взысканіе, какъ сказано въ предыдущей главѣ, простиралось до 3.000.000 руб.

Для окончательнаго рѣшенія Сибирскихъ дѣлъ, по пріѣздѣ Сперанскаго въ Петербургъ, былъ составленъ особый комитетъ, который одобрилъ все имъ сдѣланное. Наконецъ, судьба Пестеля, Трескина и подчиненныхъ имъ чиновниковъ была рѣшена Высочайшимъ указомъ 26-го января 1822 года. Пестель былъ отставленъ отъ службы, Трескинъ преданъ суду, Томскій губернаторъ Илличевскій подвергнутъ отвѣту и разсмотрѣнію въ Сенатѣ; надъ 48 чиновниками повелѣно окончить судъ въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ; изъ прочихъ лицъ 43 человѣка отрѣшены отъ мѣстъ, 13 удалены изъ Сибири и на десять лѣтъ отъ службы, другіе подвергнуты разнымъ административнымъ взысканіямъ, наконецъ, 25 отставлены отъ дѣлъ свободными.

Такъ разсѣялась буря, свирѣпѣвшая надъ Сибирью тридцать тяжелыхъ и страшныхъ годовъ!

Пестель, отставленный отъ службы, жилъ въ своей деревнѣ и умеръ въ глубокой старости, въ 1845 году, претерпѣвъ еще на землѣ страшную божескую кару въ лицѣ своего сына [2]).

Трескинъ долго находился подъ судомъ, наконецъ, былъ лишенъ чиновъ и орденовъ, съ запрещеніемъ въѣзжать въ столицы. Онъ жилъ подлѣ Москвы, сохранилъ бодрость духа и свѣжесть ума и умеръ въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія, также въ глубокой старости.

Изыскивая прямой источникъ дѣйствій Трескина, должно замѣтить, что ни общее мнѣніе, ни оффиціальный судъ не обвиняли его

---

[1]) „Жизнь гр. Сперанскаго“, т. II, стр. 197.

[2]) Декабриста П. И. Пестеля, казненнаго въ 1826 г. Б. М.

въ корыстолюбіи. Послѣ этого, кто имѣетъ право обременять судьбу его, человѣка уже отстрадавшаго за свои вины, новыми недоказанными преступленіями? Но скажутъ: откуда же проистекала эта слѣпая довѣренность, какую питалъ онъ къ людямъ, однажды имъ избраннымъ? Откуда рождалась эта непонятная готовность защищать ихъ дѣла даже съ собственною опасностію? Откуда появилась эта непримиримая ненависть къ людямъ, осмѣливавшимся говорить правду, вопіющая несправедливость и упорство, съ какими предпринимались и защищались самыя беззаконныя мѣры? Всѣ эти недоумѣнія легко разрѣшаются неограниченною гордостію и жаждою властолюбія, одною изъ лютѣйшихъ страстей человѣческихъ. Признаться, что ошибся въ выборѣ людей; что мѣры, предпринятыя имъ, неправильны; что справедливость на сторонѣ его враговъ: нѣтъ, Трескинъ не могъ этого сдѣлать и скорѣе готовъ былъ биться до послѣдняго издыханія, нежели допустить, чтобы враги взяли надъ нимъ верхъ, а врагами его были всѣ осуждающіе его распоряженія. Но, въ одобреніе его, можно по крайней мѣрѣ сказать, что въ дѣйствіяхъ его не было элементовъ пошлости и низости. Властолюбивый Трескинъ не былъ способенъ ни къ какому поступку, на который могъ бы рѣшиться человѣкъ слабый и ничтожный. Даже послѣ суда, лишенный всѣхъ почестей, живучи въ изгнаніи, онъ, какъ падшій духъ, оставался тѣмъ же Трескинымъ—гордымъ, смѣлымъ и непреложнымъ.

Нельзя не пожалѣть искренно, что съ такими достоинствами, какія имѣлъ этотъ человѣкъ, онъ набросилъ такую черную тѣнь на свое имя въ исторіи Сибири и былъ причиною несчастія своего семейства. Онъ имѣлъ четырехъ сыновей и четырехъ дочерей. Сыновей его я зналъ еще дѣтьми: они были очень милые и кроткіе мальчики; дочери—умныя, ласковыя и образованныя дѣвушки. По выѣздѣ ихъ изъ Иркутска судьба ихъ мнѣ не была извѣстна.

Возвращаясь къ дѣйствіямъ Сперанскаго, надлежитъ сказать, что не одно преслѣдованіе преступленій было занятіемъ его дѣятельности. Въ то же время были составлены имъ, по Высочайшему повелѣнію, новое учрежденіе объ управленіи Сибири и многіе уставы и положенія по разнымъ частямъ сибирской администраціи. Государю угодно было, чтобы управленіе Сибирью было сколь возможно умѣреннѣе. Въ этомъ направленіи составленные Сперанскимъ проекты были Высочайше утверждены 22-го іюля 1822 года.

Сибирь была раздѣлена на двѣ половины:

Восточную и западную. Въ восточной былъ опредѣленъ генералъ-губернаторомъ тайный совѣтникъ Лавинской, въ западную—генералъ-лейтенантъ Капцевичъ, въ Иркутскъ губернаторомъ—бывшій тамъ комендантомъ генералъ-маіоръ Цейдлеръ, о которомъ я упомянулъ выше.

Достигло-ли сибирское учрежденіе существеннаго развитія, исполнилось-ли благотворное желаніе государя, приведенъ-ли въ исполненіе во всемъ пространствѣ планъ Сперанскаго? Вотъ вопросы, какіе возбудилъ государственный мужъ, составлявшій біографію графа Сперанскаго [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ позднѣйшіе годы основная мысль сибирскаго учрежденія: устранить самовластіе, водворить законность, исправить судъ, оградить безопасность каждаго, развить торговлю, промышленность и земледѣліе, словомъ, сдѣлать Сибирь страною вполнѣ счастливою,—эта великая мысль, конечно, получила полное развитіе; но въ первые годы введенія означеннаго учрежденія оно не могло еще скоро привиться къ сибирской почвѣ, послѣ многихъ лѣтъ самовластія и рабства. „Толстая книга, писалъ мнѣ Словцовъ въ сентябрѣ 1823 года—составленная для Сибири, лежитъ, а Сибирь еще долго будетъ представлять меланхолическую картину для людей чувствительныхъ".

Въ другомъ письмѣ, отъ 25-го января 1825 г., говорилъ онъ, что „по гражданской службѣ въ Сибири основалось совершенное рабство... Однажды было сказано мнѣ, что надобно во многомъ перечистить учрежденіе. Правда—про себя думалъ я—надобно перечистить тѣ статьи, въ силу которыхъ въ Сибири позволяютъ себѣ грубости даже съ высшими здѣшними чиновниками". Наконецъ, отъ 28-го ноября 1827 года писалъ онъ: „я радуюсь, что вы выѣхали изъ Сибири, гдѣ ничтожныя прихоти дѣлаютъ жизнь наименѣе полезною. Только въ томъ и надежда, что пока не пріѣхалъ начальникъ, ждутъ его, а когда пріѣдетъ и обживется, льстятся скорымъ его отъѣздомъ. Развѣ въ этомъ должно состоять благоденствіе края?"

Изъ этихъ словъ человѣка, по отзыву самого Сперанскаго, единственнаго умнаго во всей Сибири [2]), не зависѣвшаго отъ сибирскихъ властей и, слѣдовательно, бывшаго безпристрастнымъ зрителемъ совершавшихся предъ глазами его событій, изъ этихъ словъ, говорю, можно видѣть, какъ въ странѣ, бывшей столько лѣтъ подъ гнетомъ необузданнаго самовластія и преданной личности злоупотребителей, было трудно водвориться законности и уваженію къ правамъ человѣчества!..

Но пора возвратиться къ прерванной мною нити разсказа.

И такъ, въ теченіе менѣе полуторыхъ лѣтъ пребыванія въ Сибири, окончивъ розысканія по многосложнымъ, многолѣтнимъ и безчисленнымъ преступленіямъ по всѣмъ Сибирскимъ губерніямъ, и на-

---

[1]) „Жизнь гр. Сперанскаго", т. II, стр. 230.

[2]) „Жизнь графа Сперанскаго", т. II, стр. 212.

писавъ также многосложные и огромные проекты, въ числѣ десяти [1]), для будущаго устройства Сибирскаго края, — Сперанскій совершилъ истинное чудо, только одному генію доступное. Все обнялъ быстро и вѣрно своимъ геніальнымъ взглядомъ, всему далъ жизнь и движеніе, вездѣ положилъ твердыя и вѣрныя начала, и когда же! — посреди безпрестанныхъ переѣздовъ, такъ сказать на лету, почти безъ всякой помощи!..

Всѣ почти проекты были писаны собственною рукою Сперанскаго; въ дѣлѣ редакціи одинъ помощникъ его былъ Батенковъ, бывшій инженеръ путей сообщенія, взятый Сперанскимъ изъ Томска, человѣкъ блестящихъ способностей, обладавшій и бойкимъ перомъ, и необыкновеннымъ даромъ слова [2]). Затѣмъ собственно пріѣхавшихъ со Сперанскимъ, кромѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Цейера, человѣка умнаго, благороднаго, но слабаго здоровьемъ, было только четверо молодыхъ людей, изъ которыхъ всѣхъ полезнѣе былъ Кузьма Григорьевичъ Рѣпинскій, только что получившій тогда чинъ коллежскаго регистратора [3]). Сперанскій, хваля скромность и вѣрность Рѣпинскаго, говорилъ однажды Словцову, что отдать переписать бумагу Рѣпинскому, все равно, что запереть ее подъ замокъ.

Не могу не сказать и о себѣ нѣсколько словъ. Я имѣлъ личное порученіе отъ генералъ-губернатора Сперанскаго. Оно заключалось въ историческомъ и статистическомъ описаніи поселеній Иркутской губерніи и составленіи многосложныхъ разсчетовъ относительно издержекъ, употребленныхъ на поселенія, и раскладки податей. Когда я представилъ свой трудъ, Сперанскій, со свойственною ему привѣтливостію, обласкалъ меня, благодарилъ, приглашалъ вступить въ число чиновниковъ его канцеляріи, далъ мнѣ высшее мѣсто и впослѣдствіи испросилъ мнѣ Высочайшую награду. Мои тогда обстоятельства не дозволили мнѣ воспользоваться его лестнымъ предложеніемъ—служить подъ непосредственнымъ его начальствомъ, но его привѣтливость, его ласка, его доброта глубоко врѣзались въ мою память. Часто одно слово, сказанное съ участіемъ, бываетъ дороже награды, съ холодностію назначаемой!

Пребываніе Сперанскаго въ Иркутскѣ было истиннымъ праздни-

---

[1]) 1) Учрежденіе объ управленіи сибирскими губерніями, 2) Уставъ объ управленіи инородцами, 3) Уставъ объ управленіи сибирскими киргизами, 4 и 5) Уставы о ссыльныхъ, 6) Уставъ о сухопутныхъ сообщеніяхъ, 7) Уставъ о сибирскихъ городовыхъ казакахъ, 8) Положеніе о земскихъ повинностяхъ, 9) Положеніе о хлѣбныхъ запасныхъ магазинахъ, 10) Положеніе о долговыхъ обязательствахъ между крестьянами и инородцами.

[2]) Гавр. Степ. Батенковъ, впослѣдствіи декабристъ. Б. М.

[3]) Впослѣдствіи тайный совѣтникъ и сенаторъ.

комъ жителей. Едва могли они опомниться, что тринадцатилѣтняя буря миновалась, и что солнце освобожденія, мира и спокойствія осѣнило ихъ мрачную и унылую жизнь. Всѣ стали дышать свободнѣе, веселиться безъ страха, образовалось, какъ сказалъ я выше, первое благородное собраніе, гдѣ собирались по воскресеньямъ жители Иркутска въ Биржевомъ залѣ, и гдѣ бывалъ почти всякій разъ и самъ генералъ-губернаторъ. „Едва вѣрятъ здѣшніе жители, писалъ Сперанскій къ своей дочери изъ Иркутска, что они имѣютъ нѣкоторую степень свободы и могутъ безъ спроса и дозволенія собираться танцовать или ничего не дѣлать“.

Вмѣстѣ съ предметами общественнаго увеселенія были соединены и дѣла благотворенія и религіи. Было учреждено благотворительное общество и открыто Библейское отдѣленіе.

Надобно сказать, что Сперанскій, пріѣхавъ въ Иркутскъ, имѣлъ отъ роду не болѣе 48-ми лѣтъ, слѣдовательно, былъ еще въ полномъ расцвѣтѣ жизни, не имѣя ни малѣйшаго признака старости; поэтому трудно объяснить, почему приближенные къ нему люди именовали его столь непочтительно, какъ сказано въ книгѣ барона Корфа: „нашъ старикъ“. Отъ того-ли, что, быть можетъ, сами они были слишкомъ молоды и не могли вполнѣ оцѣнить великость этого нашего старика?

Правда, Сперанскій и самъ говорилъ про себя, что онъ старѣетъ [1]; но старѣть и быть старикомъ—двѣ вещи совершенно различныя: несчастія старѣютъ и молодого...

1-го августа 1820 года, черезъ одиннадцать мѣсяцевъ по прибытіи, Сперанскій, которымъ по справедливости могла гордиться Россія,—наконецъ, этотъ великій человѣкъ, котораго только бури государственныя могли забросить въ печальныя пустыни Сибири,—сопровождаемый благословеніями, сожалѣніемъ, слезами и даже страхомъ возвращенія опять прежняго ужаснаго времени, — выѣхалъ изъ Иркутска.

По выслушаніи обѣдни въ соборѣ, онъ шелъ, посреди множества народа, пѣшкомъ до пристани, простился, наконецъ, съ огорченными жителями, сѣлъ въ катеръ—и оставилъ Иркутскъ—навсегда!

Долго еще смотрѣлъ народъ на удаляющійся катеръ, смотрѣлъ, какъ катеръ присталъ къ другому берегу, какъ вышелъ на берегъ отъѣзжающій его благодѣтель, какъ сѣлъ въ коляску, какъ коляска поскакала вдоль дороги и скрылась изъ вида... Народъ все еще толпился и, казалось, еще не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, не хотѣлъ сознать своего сиротства... Наконецъ, толпы стали рѣдѣть и

---

[1]) „Жизнь гр. Сперанскаго“, стр. 205.

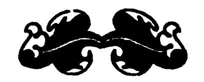
неохотно разошлись, съ сжатымъ сердцемъ отъ горести и тайнаго страха о будущемъ...

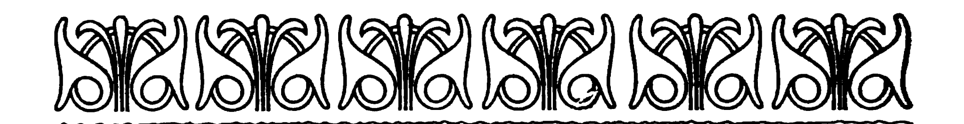
Такъ этотъ великій человѣкъ умѣлъ привязать къ себѣ народъ въ самое краткое время своего пребыванія въ Иркутскѣ!

Купечество и главные чины провожали генералъ-губернатора до первой станціи и тамъ былъ прощальный обѣдъ, данный купеческимъ головою Сибиряковымъ, сыномъ удаленнаго въ Нерчинскъ. Въ 6-ть часовъ вечера пиръ окончился, съ нимъ окончился и одиннадцатимѣсячный праздникъ Иркутска!

Заключимъ эту главу словами товарища и друга Сперанскаго, Словцова, который, посвящая безсмертному имени графа Сперанскаго, послѣ смерти его, II-й томъ „Историческаго обозрѣнія Сибири", говорилъ въ своемъ посвященіи: „Облеченный въ званіе генералъ-губернатора всей Сибири, онъ несъ отъ престола два важныя порученія: а) прекратить неправды, вопіявшія въ странѣ безгласной, б) начертать учрежденія для управленія столь отдаленнымъ краемъ. Въ полтора года пребыванія въ Сибири, онъ исполнилъ первое, какъ ангелъ мира, съ любовію, которая горевала о неправдѣ, радовалась объ истинѣ, и второе, какъ мужъ государственный. Его только генію, легкому и быстро-объемлющему, нетрудно было обхватить всю обширность предметовъ управленія, всю обширность злоупотребленій, ту и другую толь же обширную, какъ Сибирь".

Сколько, между тѣмъ, явилъ онъ дѣлъ снисхожденія, состраданія и вообще любви просвѣщенной къ ближнему! Довольно было бы и однихъ этихъ дѣлъ, чтобы имени такого правителя, каковъ былъ Сперанскій, остаться незабвеннымъ въ Сибири.

Изъ архивныхъ мелочей.

Указы императора Павла I.

С.-Петербургъ, 15-го декабря 1798 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи Беклешовъ. Статскаго совѣтника Бароцци указали мы генералу-отъ-инфантеріи графу Гудовичу отправить къ вамъ, а вы не оставьте употребить его по способностямъ и знаніямъ его въ пограничныхъ дѣлахъ по усмотрѣнію вашему, производя ему изъ доходовъ губерній, вамъ ввѣренныхъ, то же самое содержаніе, каковое получалъ онъ по бытности пограничнымъ коммиссаромъ въ Подольской губерніи. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. „Павелъ".

Помѣта: Полученъ въ Кіевѣ 6-го января 1799 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи и военный губернаторъ Беклешовъ. Корсунь, староство, принадлежащее по смерти Яблоновскаго казнѣ, состоящее во владѣніи Понятовскаго, который продаетъ право свое за пятьсотъ тысячъ злотыхъ, повелѣваемъ купить у него, и означенное имѣнье причислить въ казенное вѣдомство. Впрочемъ пребываемъ вамъ благосклонный. „Павелъ".

Помѣта: Полученъ въ Кіевѣ 7-го января 1799 г.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

существованія молдавской церкви были учреждены три епархіи: молдавская митрополія и двѣ епископіи: Романская и Радоуцкая; затѣмъ, въ концѣ XVI столѣтія, учреждена была и епископія Хушская. Въ половинѣ XVII вѣка, по особымъ обстоятельствамъ, возникла Проилавская епархія, существовавшая съ перерывами до 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія; большая часть ея вошла впослѣдствіи въ Нижне-Дунайскую епархію. Радоуцкая епархія, въ составъ которой входила Буковина, прекратила свое существованіе для молдавской церкви по присоединеніи ея къ Австріи, въ 1777 г. Отъ нея оставался только нынѣшній Хотинскій уѣздъ, Кишиневской епархіи, который составлялъ Хотинскую епархію до 1812 г., когда и послѣдняя прекратила свое существованіе, по присоединеніи Бессарабіи къ Россіи.

Такимъ образомъ, въ первой части помѣщены историческіе очерки слѣдующихъ епархій: Молдавской, Романской, Радоуцкой, Хушской, Проилавской и Нижне-Дунайской. Излагая исторію той или другой епархіи, авторъ представляетъ въ хронологическомъ порядкѣ списокъ святителей ея, при чемъ на болѣе выдающихся останавливается, подробно отмѣчая тѣ или иныя стороны ихъ жизни и дѣятельности, опредѣляя значеніе ихъ для церкви и государства, указывая литературу предмета.

Митрополія въ Молдавіи учреждена въ 1401 г. Первымъ митрополитомъ былъ Іосифъ Мушатъ. Онъ происходилъ изъ знатной фамиліи Мушатовъ, унаслѣдовавшихъ молдавскій престолъ послѣ воеводы Лацка, съ которымъ прекратилась династія Богдановичей (отъ Богдана, основателя Молдавіи). Родоначальникомъ этой фамиліи былъ Константинъ Мушатъ, отъ сына котораго, Петра Мушата, бывшаго на молдавскомъ престолѣ около 16-ти лѣтъ (1373—1389), и происходилъ митрополитъ Іосифъ, вмѣстѣ съ другими братьями, впослѣдствіи молдавскими господарями: Александромъ Добрымъ, Югомъ, Выльчемъ и Ромашкомъ. Матерью его была дочь польскаго короля Владислава Ягелла, который, если принять во вниманіе знатность этой династіи, не выдалъ бы дочь свою за Петра, если бы тотъ происходилъ изъ незнатнаго рода. О дѣтствѣ и юношествѣ Іосифа свѣдѣній не имѣется. Онъ постригся въ монахи въ одномъ изъ молдавскихъ монастырей, проходилъ тамъ монашеское послушаніе и затѣмъ посвященъ въ первыя іераршескія степени, пока не былъ призванъ къ высшему іерархическому служенію. Время занятія Іосифомъ молдавской каѳедры точно неизвѣстно. Какъ сынъ правящаго господаря, онъ, конечно, находился въ благопріятныхъ условіяхъ для успѣшной церковной дѣятельности. Государственная и церковная власть, имѣя представителями своими родныхъ братьевъ, естественно, дѣйствовала въ союзѣ ко благу церкви и государства. Прежде всего, въ цѣляхъ лучшей администраціи, Александръ раздѣлилъ страну на округа. Примѣнительно къ гражданскому устройству, онъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Іосифомъ обратилъ вниманіе и на церковную организацію Молдавіи, хорошо понимая, что гражданское устройство государства не можетъ быть прочнымъ безъ устройства церковнаго. Столицею государства онъ сдѣлалъ Сочаву, которая стала и каѳедрою митрополіи. Затѣмъ, въ 1404 г., соотвѣтственно гражданскому дѣленію, учреждены были два епископства: въ Романѣ и въ Радоуцахъ.

Такъ какъ учрежденныя въ это время епархіи были слишкомъ велики, то въ качествѣ помощниковъ епархіальной власти назначены были протопопы. Эта должность и до тѣхъ поръ существовала, но теперь получила надлежащее устройство. До Александра Добраго былъ одинъ протопопіатъ во главѣ съ протопопомъ Петромъ. По раздѣленіи Молдавіи на епархіи, число протопоповъ увеличилось; ихъ было, по крайней мѣрѣ, по одному на епархію. Обязанности ихъ опредѣлялись епархіальнымъ архіереемъ, довѣреннымъ лицомъ котораго и былъ избранный имъ протопопъ.

Молдавско-валахскіе митрополиты пользовались не только церковною властью, но и свѣтскою. Въ диванахъ они всегда занимали мѣсто предсѣдателя и были главнѣйшими совѣтниками господарей, имѣя огромное вліяніе на политическія, а также и на гражданскія дѣла страны. При рѣшеніи важныхъ судебныхъ или уголовныхъ дѣлъ въ присутствіи самого господаря, митрополитъ занималъ мѣсто между судьями и первый подавалъ свой голосъ о виновности или невиновности судимаго лица, не обращая вниманія на то, согласно ли его мнѣніе съ мнѣніемъ господаря, или нѣтъ.

Съ 1902 г. молдавскимъ митрополитомъ состоитъ преосвященный Парѳеній Клинчанъ, святительствовавшій съ 1886 г. въ Нижне-Дунайской епархіи.

Вторая часть разсматриваемой нами книги— „Главные моменты и важнѣйшіе дѣятели румынской церковной жизни въ XIX вѣкѣ“—распадается также на шесть главъ. Она заключаетъ въ себѣ очерки по новѣйшей исторіи румынской церкви: I. „Положеніе православнаго приходскаго духовенства въ Румыніи въ XIX в.“ II. „Секуляризація монастырскихъ имуществъ“. Остальные четыре очерка посвящены біографіямъ святителей Молдавіи—митрополита Веніамина Костаки, епископовъ Неофита и Филарета Скрибановъ, романскаго епископа Мелхиседека и хушскаго епископа Сильвестра, имѣвшихъ громадное значеніе въ ея исторіи; послѣдніе три—воспитанники Кіевской духовной академіи.

Въ концѣ книги помѣщенъ именной и географическій указатель.

Н. К-ш-ъ.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVI-й. АВГУСТЪ. 1905 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Ивана Ивановича Венедиктова.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1905 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко), Фонтанка, 117.

1905.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1905 года.

Библіографическій листокъ.

С. Кузминъ. Война въ мнѣніяхъ передовыхъ людей. Ц. 2 р. 50 к.

Война,—„эта великая тайна", какъ сказалъ Данилевскій,—съ давнихъ временъ сосредоточивала на себѣ умы передовыхъ людей. Вопросами, что такое война, каково ея мѣсто въ общемъ міровомъ порядкѣ и каково ея значеніе,—въ равной степени интересовались какъ представители войска, такъ и представители духовенства, философы, ученые, юристы, литераторы и др. И нельзя удивляться тому громадному вниманію, которое удѣляется войнѣ, такъ какъ нѣтъ ни одной отрасли человѣческой дѣятельности, которая бы не имѣла соприкосновенія съ этимъ событіемъ, почти нѣтъ государства, которое бы въ своей исторіи не отводило большое мѣсто описанію войнъ.

„Мечемъ,—пишетъ Лассаль,—распространилось христіанство, мечемъ крестилъ Германію Карлъ, понынѣ называемый явни Великимъ. Мечемъ было низвергнуто язычество, мечемъ освобожденъ гробъ Спасителя! Мечемъ изгнанъ былъ изъ Рима Тарквиній, мечемъ удаленъ изъ Эллады Ксерксъ, спасены наука и искусство. Мечемъ сражались Давидъ, Самсонъ, Гедеонъ".

Вотъ почему,—говоритъ авторъ, въ своемъ предисловіи,—мечъ почти съ самаго момента своего рожденія окруженъ ореоломъ славы, вотъ почему первыя лучшія произведенія древнихъ классиковъ посвящены ему—мечу. Но не одна слава вѣнчала мечъ: отчаяніе, стоны, проклятія неслись во слѣдъ его побѣдоноснаго шествія. Но эти стоны, эти проклятія и до сего времени не сняли съ войны лавроваго вѣнка. До сего времени къ войнѣ прибѣгаютъ какъ къ верховному судьѣ, выше котораго нѣтъ ничего кромѣ Бога. Литература о войнѣ поражаетъ своимъ разнообразіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ громаднѣйшимъ количествомъ діаметрально противоположныхъ воззрѣній.

„Сторонники войны закрываютъ глаза на будущее,—и въ этомъ причина ихъ ослѣпленія, ихъ преклоненіе предъ одними совершившимися фактами и ихъ презрѣніе къ мечтамъ о мирѣ. Наоборотъ, сторонники мира отказываются бросить безпристрастный взглядъ на прошедшее, и въ этомъ причина ихъ несправедливаго презрѣнія къ нему, не взирая на его несомнѣнную славу, и ихъ торопливые, необузданные восторги предъ прогрессомъ, который, прежде всего, требуетъ медленной подготовки и дозрѣванія. Одни видятъ только начало вещей, другіе—только конецъ; одни—дѣйствительность прошедшаго и настоящаго, другіе — идеальность будущаго. Воинствующіе живутъ воспоминаніемъ, миротворцы—надеждою; одни боготворятъ то, что было и есть, другіе—то, что будетъ. Обѣ стороны правы и неправы", такъ говоритъ юристъ Мишель Ревонъ.

Противорѣчія въ разсужденіяхъ о войнѣ встрѣчаются не только между представителями различныхъ профессій, но и между представителями одной и той же профессіи; такъ, напр., цѣлый рядъ военныхъ писателей пытаются развѣнчать войну, подчеркнуть ея отрицательныя стороны, въ то время какъ многіе богословы, юристы и экономисты прикрываютъ блестящей мантіей ея зіяющія раны. Мало того, противорѣчіе встрѣчается нерѣдко во взглядахъ одного и того же лица.

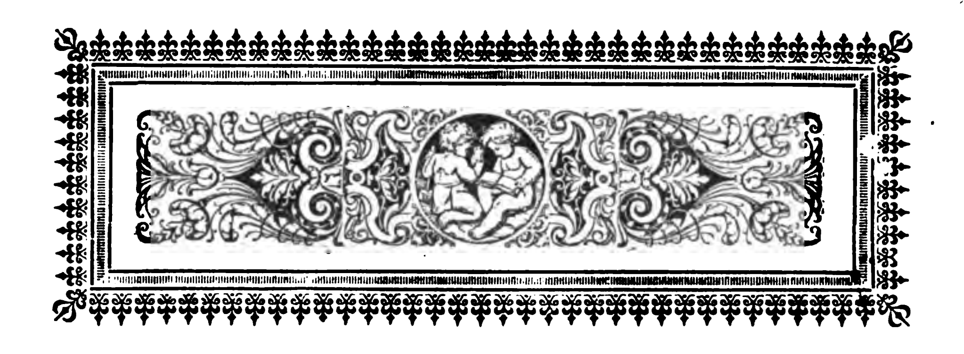
Извѣстный французскій экономистъ Пьеръ-Жозефъ Прудонъ въ первой книгѣ своего сочиненія „Война и миръ" проводитъ слѣдующій взглядъ на войну. По его мнѣнію, война божественна, священна; она—есть высшее откровеніе идеала; война—наша исторія, наша жизнь, наша душа, наше законодательство, политика, государство, отечество, соціальная іерархія, общенародное право, поэзія; война есть форма нашего разума, источникъ нашего существованія. Войну произвела та же совѣсть, которая произвела правосудіе; войною обновляются нравы, возрождаются народы, уравновѣшиваются государства, совершается прогрессъ, обезпечивается свобода. Война—столь существенная часть міропорядка, что, съ уничтоженіемъ ея, уничтожится все прошедшее и настоящее человѣчества, что безъ войны не возможно существованіе религіи, общества, безъ войны цивилизація теряетъ смыслъ, ея предшествующія фазы обращаются въ ничто, ея будущее представляется неизвѣстнымъ, котораго не отыщетъ никакая философія; самый миръ безъ войны не имѣетъ смысла, теряетъ свое положительное, истинное значеніе и превращается въ ничто. Но откройте вторую книгу, и здѣсь вы найдете оговорки, достойныя вниманія. Прудонъ рисуетъ войну такою, какою онъ представляетъ ее себѣ: онъ рисуетъ ее по вдохновенію, по указаніямъ своей фантазіи, но не копируетъ ее на полѣ сраженія. Такою война должна быть, таковъ идеалъ войны, но не такова она въ дѣйствительности. „О, если бы,—говоритъ Прудонъ,—война была тѣмъ, чѣмъ она должна быть, чѣмъ во всѣ времена,—и едва-ли кто болѣе меня готовъ отдать ей эту справедливость,—она стремилась быть обращеніемъ къ силѣ въ вопросѣ о силѣ; если бы по крайней мѣрѣ законники, которымъ тишина кабинета даетъ болѣе возможности сохранить хладнокровіе, чѣмъ битва солдату,—умѣли ясно отличать злоупотребленія въ этой борьбѣ силъ; если бы могли надѣяться на реформу въ этомъ страшномъ употребленіи вооруженной силы, признаюсь, я не только бы не пугался пролитія крови, но въ этой тайнѣ смерти и правосудія видѣлъ бы довершеніе человѣческаго блаженства, обожалъ бы войну, какъ величайшее выраженіе совѣсти, преклонился бы предъ громомъ пушекъ". „Потому ли,—продолжаетъ Прудонъ,—

Дозв. ценз. Спб., 23 іюля 1905 г. Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Иванъ Ивановичъ

Венедиктовъ.

За шестьдесятъ лѣтъ.

Воспоминанія Ив. Ив. Венедиктова.

1820 — 1894.

Дѣдъ мой, Иванъ Ивановичъ Венедиктовъ, оставилъ послѣ себя записки о своей жизни.

Онъ не предназначалъ ихъ для печати, а писалъ, по собственнымъ его словамъ, исключительно для самого себя и даже просилъ сжечь ихъ послѣ своей смерти.

Объясняя эту просьбу исключительно скромностью покойнаго дѣда и, въ то же время, считая за грѣхъ уничтоженіе какихъ-либо документовъ, имѣющихъ хотя бы и не выдающійся историческій интересъ, я позволилъ себѣ поступить вопреки его волѣ и не только не сжегъ записокъ, когда онѣ достались мнѣ, но даже рѣшаюсь ихъ печатать, будучи глубоко убѣжденъ, что никто изъ родныхъ покойнаго не упрекнетъ меня за нарушеніе его воли, когда самъ увидитъ, что „воспоминанія" имѣютъ извѣстную историческую цѣнность. Предварительно сообщаю краткія біографическія данныя объ авторѣ записокъ.

Тайный совѣтникъ Ив. Ив. Венедиктовъ, сынъ очень популярнаго въ свое время въ Москвѣ хирурга, родился 29-го августа 1820 г. По ограниченности средствъ отца, воспитывался въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, потомъ въ Дворянскомъ полку, изъ котораго выпущенъ въ л.-гв. Волынскій полкъ.

Въ 1847 г. вышелъ въ отставку и служилъ послѣдовательно — въ департаментѣ полиціи, въ управленіи путей сообщенія и въ государственномъ контролѣ. Служа въ контролѣ, участвовалъ въ высочайше

учрежденной слѣдственной коммиссіи по повѣркѣ отчетовъ о работахъ подрядчика Гиммельфарба, имя котораго сдѣлалось въ эпоху Севастополя позорно громкимъ. Изъ контроля Ив. Ив. Венедиктовъ перешелъ на службу въ военно-учебное вѣдомство, гдѣ былъ вице-директоромъ военно-учебныхъ заведеній; по упраздненіи этой должности назначенъ былъ членомъ отъ военнаго министерства Казанскаго военно - окружнаго совѣта, въ каковой должности и умеръ 20-го ноября 1894 г.

Влад. Манассеинъ.

I.

Старая Москва.—Мои родители.—Поступленіе въ малолѣтній Московскій корпусъ.—Классныя дамы воспитательницы.—Холера.—Посѣщеніе корпуса великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.—Смерть Демидова.—И. А. Сухозанетъ.

Проѣзжая, какъ-то, черезъ Москву, захотѣлось взглянуть мѣстное гульбище, прославленный Эрмитажъ. Подъѣзжаю — да, да это что-то родное.—На столбахъ рѣшетки вазы съ выпуклыми стеклами. Я ихъ помню. Вѣдь это бывшій въ двадцатыхъ годахъ садъ Корсакова, куда я ходилъ гулять лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ. Садъ былъ отличный. Туда пускали всѣхъ. Въ аллеяхъ стояли бюсты русскихъ царей, отъ Рюрика. Нѣсколько прудовъ. По праздникамъ иллюминаціи и фейерверки, какъ бывало весело. А далѣе институтъ. Видна на горкѣ церковь Ивана-воина, а вправо отъ нея должна быть Божедомка, чуть - ли не мѣсто чумнаго кладбища. На Божедомкѣ былъ нашъ утлый домишко. Такъ живо воскресло въ памяти все давнопрошедшее, что кажется, могъ бы нарисовать всѣ подробности того времени и, подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, рискнулъ попробовать — на сколько можетъ пособить память оживить дорогіе образы черезъ шестьдесятъ лѣтъ,—и взялся за перо, не для другихъ, а вмѣсто карандаша, для себя только.

Мы были бѣдны, очень бѣдны! Жили вмѣстѣ дѣдъ съ бабкою, мать, сестра и я. Жили въ собственномъ, но такомъ домишкѣ, въ какомъ современныя сердобольныя власти, за отсутствіемъ санитарныхъ, гигіеническихъ и разныхъ другихъ условій, вѣроятно теперь жить не позволили бы; но намъ жилось спокойно, и, должно быть, прилично, такъ какъ къ намъ заходили посидѣть запросто и батюшка, и квартальный, а такія лица тогда что-нибудь да значили.

Самъ я въ домѣ пришелся не ко двору. Былъ жидокъ и худъ, а болѣе всего не любила меня дворня, штукъ пять старухъ дѣвокъ,

которыхъ некуда дѣвать было. Уже очень надоѣдали имъ мои проказы! Всѣ онѣ только и молили Бога, чтобы меня отдали куда-нибудь учиться.

Въ особенности недолюбливала меня одна, полуглухая старуха Арина, самая набожная и, при томъ, кажется, за самую невинную продѣлку. Эта Арина, какъ бывало, услышитъ церковный звонъ, все бросаетъ и бѣжитъ въ церковь. Попалась мнѣ гдѣ-то въ сараѣ большая бутыль съ отбитымъ дномъ. Укрѣпилъ я ее горломъ веревкою къ перекладинѣ и привѣсилъ, въ качествѣ языка, палочку. Вышелъ колоколъ хоть куда. Шелъ дождь, а при этомъ въ нашей немощной Божедомкѣ дѣлалась грязь непролазная. Я протянулъ нитку отъ колокола до окошка людской и, вбѣжавъ туда, сталъ подергивать нитку. Эффектъ превзошелъ ожиданія. Старуха накинула платокъ на голову, потомъ какую-то хламиду и маршъ на богомолье, спотыкаясь и шлепая по грязи, покуда—не разувѣрилъ лавочникъ, что звону не было.—Какъ не было, твердила злобно старуха, ворочаясь домой, коли своими ушами слышала, что за грѣхъ такой!

Между тѣмъ другія старухи узнали, откуда дулъ вѣтеръ, и потому встрѣтили Арину смѣхомъ. Озлобилась она еще болѣе. На другой разъ, зазвонили дѣйствительно въ церкви, а я оказался на бѣду, въ сараѣ. Старуха, полагая, что это опять моя работа, осталась дома. Когда же узнала отъ того же лавочника, что была въ самомъ дѣлѣ служба, тогда бросилась прямо въ сарай, разрушила мою колокольню, обрѣзала себѣ руку и наложила на меня клятву именемъ озорника.

По правдѣ сказать, нѣжно любила меня одна мать; она учила меня чему могла, а частью помогали и добрые люди, такъ, по знакомству, шутя: писаніе шло туго, потому что нужно было выжидать прихода сподручнаго гостя, который не отказался бы починить два, бывшіе въ цѣломъ домѣ, гусиныя пера. Эта операція, въ особенности сдѣлать раскепъ, никому не удавалась, а о стальныхъ перьяхъ не было еще и слуху.

Было мнѣ лѣтъ восемь. Дѣдъ что-то задумалъ, и стали мы ходить ежедневно верстъ за пять отъ дома къ церкви Никиты Мученика съ Басманной и здѣсь сидѣть по нѣсколько часовъ на лѣсенкѣ, на самомъ солнопекѣ. Напротивъ стоялъ огромный, тогда зеленоватый домъ съ большими по серединѣ воротами. Какъ только въ этихъ воротахъ показывалась опредѣленная фигура, въ образѣ писаря, дѣдъ во всю старческую прыть направлялся навстрѣчу, подъ ворота. Начинались какіе-то переговоры, дѣдъ лѣзъ въ карманъ, вынималъ кошелекъ, потомъ изъ кошелька и, простившись съ писаремъ рука въ руку, возвращался медленно ко мнѣ, говоря со вздохомъ: пойдемъ домой. Такъ повторялось множество дней; но, однажды, послѣ совѣщанія съ тою

же фигурою, дѣдъ сдѣлалъ мнѣ призывный знакъ рукою. Я подбѣжалъ, и насъ повели по большой, красивой лѣстницѣ. Вошли въ комнату— большая, съ картинами и зеркалами, а у зеркаловъ блестящіе подсвѣчники съ большими гранеными побрякушками изъ стекла, какія много лѣтъ спустя вошли опять въ употребленіе: никогда ничего такого не видывалъ и зазѣвался. Вдругъ отворилась дверь, и вышелъ господинъ Наполеоновской турнюры въ военномъ сюртукѣ съ аксельбантами, невысокій ростомъ, коренастый, довольно плотный, немного сутуловатый, блѣдный, взглядъ пронизывающій, носъ крючкомъ. Волосы на вискахъ приглажены, на лбу торчалъ хохолокъ. Подошелъ онъ ко мнѣ, милостиво ткнулъ пальцемъ въ лобъ, благосклонно улыбнулся на нижайшій, чуть не въ ноги поклонъ дѣда и изволилъ удалиться.

— Пойдемъ домой, сказалъ дѣдъ, но ужъ безъ вздоха. Это путешествіе было послѣднимъ.

Прошло много времени. Разъ какъ-то вся семья сидѣла вокругъ стола, пользуясь всякій по-своему свѣтомъ одной сальной свѣчи. Сестра стала снимать щипцами нагаръ и потушила свѣчку. Кто-то повторилъ общую при такихъ случаяхъ примѣту, что нечаянный гость будетъ. Вдругъ распахнулась дверь въ людскую, и Арина, взволнованнымъ голосомъ, провозгласила, обращаясь къ дѣду: Сударь, солдатъ съ книгою. Всѣ замерли. Такъ тогда было страшно появленіе солдата, да еще съ книгою. Подъ солдатомъ разумѣвалась полиція; а полицію ухъ какъ всѣ боялись. Подали книгу. Въ ней оказался пакетъ. Дѣдъ надѣлъ очки и сталъ читать вынутую бумагу. Всѣ притаились, слѣдя за выраженіемъ лица дѣда, желая предъузнать, въ чемъ дѣло. Дѣдъ всталъ, обратился къ образу, перекрестился и, молча, передалъ бумагу матери. Стала читать и она, но видимо, прежде чѣмъ кончила, не выдержала. Слезы полились ручьями, и она бросилась обнимать меня, едва выговоривъ:—ты кадетъ. Слава Богу, учись только.

Водворилось какое-то грустное ликованіе. Не прошло двухъ минутъ, какъ весь персоналъ дѣвичьей цѣловалъ меня и мои руки съ воемъ и плачемъ. Ужинъ остался никѣмъ не тронутымъ.

На другой день о семейной новости знали уже всѣ знакомые, и началось мое чествованіе, какъ обреченнаго рекрута. Шалости извинялись, мнѣ отдавался лучшій кусочекъ и даже стала часто показываться моя любимая колбаса съ чеснокомъ.

Черезъ нѣсколько времени дѣдъ объявилъ, что уже сдѣланъ вызовъ и назначенъ срокъ предъявленія дѣтей, принятыхъ въ корпусъ. Въ этомъ случаѣ называлось корпусомъ только-что открытое благотворительное малолѣтнее отдѣленіе.

Въ избранный по разнымъ примѣтамъ, какъ счастливый, день 3-го іюля 1830 г. мать сводила меня къ обѣднѣ въ церковь моего патрона

Ивана-воина, отслужила молебенъ, и мы, пообѣдавъ по обыкновенію, въ 12 часовъ, двинулись въ дальній походъ съ Божедомки въ Лефортово, это верстъ девять, пѣшечкомъ. Никита Мученикъ, казавшійся мнѣ такимъ далекимъ отъ дому, составлялъ едва-ли не половину нашего пути. Пришли въ заведеніе. Все залы и все большія. Разнокалиберныхъ мальчугановъ, кто въ чемъ, множество. Шумъ и гамъ страшный. Между ними барыня въ зеленомъ платьѣ, кричитъ что есть духу: „тише!“ и бьетъ объ столъ колокольчикомъ, ничего не помогаетъ. Публика, видимо, расходилась. Увидѣвъ насъ, дама направила шаги въ нашу сторону.

Когда мы шли въ корпусъ, мать моя занималась соображеніями, какъ насъ встрѣтитъ кто-то, поведетъ куда-то, передастъ кому-то, а этотъ велитъ явиться тогда-то; однимъ словомъ, мы дѣлаемъ только репетицію отправленія въ корпусъ и еще успѣемъ сходить къ владыкѣ за благословленіемъ, и закончила свои соображенія однимъ пожеланіемъ, чтобы на обратномъ пути не захватилъ дождикъ.

Мать сказала что-то подошедшей дамѣ. Та позвала писаря, спросила у него списокъ назначенныхъ къ пріему и самымъ казеннымъ тономъ сказала матери, указывая на меня: онъ принятъ. Оставьте его здѣсь.

Какая-то судорожная искра сообщилась мнѣ въ этотъ моментъ черезъ державшую меня за руку матери. Я почувствовалъ въ первый разъ, что люблю ее какъ-то не такъ, какъ любилъ до сихъ поръ. Во мнѣ что-то вдругъ измѣнилось. Холодный приговоръ дамы рѣшилъ въ конецъ нашу участь—матери со мною. Мы разлучены окончательно. Эта минута осталась у меня на всю жизнь въ самой свѣжей памяти, во всей своей картинности и воплощалась очію, всецѣло, передо мною всегда, когда представлялись прискорбные случаи быть свидѣтелемъ объявленія хотя бы самыхъ печальныхъ приговоровъ, какъ напр.—подайте въ отставку или вы оставлены за штатомъ и т. п., не говоря уже о рѣшеніяхъ судебныхъ, съ лишеніемъ и проч. Во всѣхъ такихъ объявленіяхъ мнѣ чудился голосъ зеленой дамы: „оставьте вашего сына“ и чудилось, какъ въ эту минуту какая-то жилка вздрагиваетъ въ томъ, до кого касается исполненіе. Покорность закону и надобность сами по себѣ, а чувство любви къ себѣ и къ близкимъ сами по себѣ. Такая раздѣльность понятій, къ моему великому счастью, меня никогда не оставляла. Спасибо матери, спасибо и дамѣ!

Мать ушла, и я остался. Куча будущихъ однокашниковъ обступила меня со всѣхъ сторонъ, но не совсѣмъ дружественно. Послѣ вопроса о фамиліи, первыми вопросами были: пускаешь кубари? играешь въ бабки? Нѣтъ, не играю. Ну, худо... у насъ тѣхъ, кто въ бабки не играетъ, наказываютъ. Скажи лучше правду, играешь? Нѣтъ, не играю.

Вскорѣ я узналъ, что такіе вопросы предлагаются каждому новичку, и горе тому, который проговаривался, что играетъ. Сейчасъ же получалъ кличку бабочника. Одинъ изъ мальчугановъ взялъ меня за руку, и мы начали ходить. Значило, что уже подружились. Къ вечеру многіе развалились на скамейкахъ и дремали. Другіе, составивъ кружки, разговаривали о страшномъ. Это было любимое развлеченіе. Одинъ разсказывалъ, какъ у нихъ дома мертвый пѣтухъ кричалъ. Другой—какъ онъ самъ ходилъ охотиться на волковъ. Третій—какъ у нихъ на конюшнѣ кучеръ домоваго поймалъ, успѣвъ на него крестъ накинуть.

Скучно было невыносимо, но пришла ночь, безсилье взяло свое. Сонъ помирилъ съ существенностью временно, а потомъ стала брать свое всемогущая привычка.

Настала суббота, отпустили въ отпускъ до 8 часовъ вечера воскресенія. Няня предупредила, что кто приходитъ изъ отпуска, тому ужинать не даютъ.

Прибѣжалъ домой. Комнаты маленькія, грязненькія, а какъ въ нихъ хорошо и уютно. Перина, подушки мягкія, одѣяло красное. Въ углу горитъ лампадка. Такъ тихо. Никто не дразнитъ и не трогаетъ. Всѣ такіе ласковые. Чувствуется, что здѣсь все родное. Даже злющая Арина приготовила нарочно для меня превкусную яичницу. Всю ночь не могъ однако же уснуть отъ волненія. Воскресенье прошло мигомъ. Собрали въ дорогу, снарядили разною ѣдою, и мать пошла сама провожать въ корпусъ. Когда входилъ, звонили въ колокольчикъ, призывавшій къ ужину, и не бывшихъ въ отпуску повели къ столамъ, а насъ, вернувшихся изъ отпуска, оставили въ залѣ.

Передъ вечерней молитвой пришелъ священникъ. Вызвалъ новичковъ, повелъ въ церковь, въ алтарь и надѣлъ на каждаго съ молитвою маленькій серебряный кругленькій крестикъ величиною съ пятачекъ.

При входѣ въ спальню предстояло перемѣнить туалетъ. Слѣдовало надѣть ночную рубашку—узкую и длинную, вершка на четыре ниже пятокъ. Пройти въ этой рубашкѣ нѣсколько шаговъ и не свалиться нужна была особенная сноровка; но мѣра была принята въ видахъ воспитательныхъ и изъ уваженія скромности прекраснаго пола—классныхъ дамъ и нянекъ.

Наконецъ стали поговаривать о началѣ классовъ. Спросили, кто что знаетъ, и раздѣлили на три части, т. е. три класса. Казенными учебными пособіями были: священная исторія и катехизисъ, французскій и нѣмецкій учебники, на нѣсколько человѣкъ по одному экземпляру.

Изъ пяти классныхъ дамъ четыре были старыя дѣвы, а одна вдова, самая добрая. Больше всѣхъ не любили Анну Степановну.

При разборѣ какой-то свалки, въ самую рѣшительную минуту, когда оставалось взволнованной дамѣ только объявить свой грозный приговоръ, вдругъ раздался крикъ: мышь, мышь... Всѣ бросились за мышью—и правые и виноватые, а дама къ своей каѳедрѣ, съ нея—на стулъ, со стула на столъ, да тутъ и окаменѣла, только судорожно дрожащая рука невольно звонитъ въ колокольчикъ. Мышь давно ушла, и тогда только несчастная дама едва могла выговорить:—всѣ и навсегда безъ обѣда.

Ужасная исторія сейчасъ же разнеслась по заведенію. Явилась Анна Степановна успокоить свою подругу. Выслушавъ описаніе опасности, закончила упрекомъ: ну, какъ не стыдно бояться мыши. Что можетъ сдѣлать мышь? Хотя бы ты подумала. А сколько шуму! Вѣдь ты уже не ребенокъ. Этотъ намекъ на возрастъ все дѣло испортилъ. А что можетъ сдѣлать черный тараканъ? спросила дежурная. О! черный тараканъ, это ужасъ, проговорилась Анна Степановна — и этого было довольно.

Къ первому же дежурству Анны Степановны добыли у буфетчика двухъ таракановъ, посадили въ столъ дамы и прикрыли колокольчикомъ. Приходитъ Анна Степановна. Какъ подняла колокольчикъ, да увидала таракановъ, бросилась съ каѳедры и опрометью вонъ изъ залы, а мальчуганы за нею съ крикомъ и гамомъ: „у-у—тараканъ!“ Въ это время, въ противоположную дверь залы входила директрисса. Потребовала Анну Степановну, а та и слова толковаго сказать не можетъ: „мальчишки, негодяи, не могу ихъ видѣть, не хочу дежурить“... Слово за слово, и кончилось тѣмъ, что Анна Степановна улетучилась. На вопросъ родителей, гдѣ Анна Степановна, установили одинаковый отвѣтъ: „вышла за таракана“. Вотъ какъ опасно напоминать лѣта старымъ дѣвамъ и отъ какихъ дурацкихъ причинъ можетъ лопнуть волосокъ, на которомъ держится служба, а съ нею, часто, и кусокъ хлѣба.

Въ одно печальное утро, въ концѣ августа, вошелъ составлявшій сильнѣйшій, повелительный и карательный элементъ заведеній, хотя требовательный и вспыльчивый, но добрѣйшій подполковникъ Григорій Артемьевичъ Дорошинскій и, встряхнувъ, по обыкновенію, эполетами, зычнымъ голосомъ объявилъ во всеуслышаніе, что отпуска прекращаются. Родителей пускать не будутъ. Изъ дома ничего получать нельзя, и классовъ не будетъ, прибавилъ онъ. Кто взревѣлъ, а кто возликовалъ, а корпусъ закрыли. Съ другаго же дня разставили въ дортуарахъ пары табуретокъ — одну на другую и на верхнюю форменную банку съ ужасающею вонью. На всѣ форточки навѣсили утиральники, смоченные тѣмъ же вонючимъ веществомъ, а насъ посадили на супъ, говядину съ краснымъ соусомъ и размазню съ ужа-

сающимъ количествомъ масла и объявили, что такія кушанья будутъ продолжаться не мало. Такъ началась для насъ холера перваго выпуска, т. е. 1830 года.

Такъ шло время до Рождества... Въ одинъ изъ праздничныхъ дней всѣ съ утра закопошились. И полы чистятъ, и смолкою курятъ. У насъ осматриваютъ ногти и уши. Дамы пришли не въ шерстяныхъ, а въ шелковыхъ зеленыхъ платьяхъ, и сама директрисса — то шепчется, то командуетъ. Объявлено, что къ обѣднѣ пріѣдетъ самъ главный директоръ кадетскихъ корпусовъ, его высокопревосходительство, генералъ-отъ-инфантеріи и генералъ-адъютантъ, Николай Ивановичъ Демидовъ. Каждаго изъ насъ, по очереди, переспросили этотъ титулъ.

Чѣмъ ближе подходило время къ обѣднѣ, тѣмъ судорожнѣе становилась вся администрація. Вошелъ полицеймейстеръ, осмотрѣлъ кругомъ и понюхалъ. За полицеймейстеромъ нашъ полковникъ сдѣлалъ то же, хотя какъ-то иначе, коснувшись и кадетъ. Потомъ прибылъ генералъ—директоръ главнаго [1]) корпуса—Петръ Сергѣевичъ Ушаковъ. Вошелъ не скоро, чинно и важно. Ростомъ выше средняго, дряблый, на вискахъ кружки изъ пластыря. Изъ ушей торчитъ вата. Поздоровался съ дамами и съ нами. Вдругъ какъ будто въ воздухѣ пронеслось что-то. Кто-то кашлянулъ. Гдѣ-то засуетились и затѣмъ послышалось: „ѣдетъ“. Куда дѣвалась превосходительская важность и картинная позиція. Генералъ Ушаковъ заковылялъ для встрѣчи на крыльцо.

Показалась, наконецъ, и ожидаемая особа. Смотрю,—да это тотъ самый, къ которому съ такимъ трудомъ мы добирались съ дѣдомъ. Дамы какъ-то скрючились, присѣли, да, кажется, такъ и остались. Не имѣя понятія о такъ называемыхъ книксахъ, я сначала подумалъ, что не слѣдуетъ ли такъ же сдѣлать и намъ, и хотя дамскому примѣру не послѣдовала, но, видя, какъ смѣшно корчатся наши дамы, фыркнулъ, за что и былъ замѣченъ.

Пошли къ обѣднѣ. Когда вернулись въ залъ, Николай Ивановичъ спросилъ: кто можетъ разсказать, какое читалось Евангеліе, тотъ сдѣлай шагъ впередъ. Вышелъ и я. Смотрю, — одинъ я. Подошелъ и разсказалъ. Николай Ивановичъ спросилъ: знаю ли я, кто онъ. Сказалъ: знаю.—Ваше высокопревосходительство живете у Никиты Мученика. Я у васъ былъ и затѣмъ отчеканилъ весь титулъ. Вся эта продѣлка видимо очень понравилась Николаю Ивановичу, онъ меня приласкалъ, долго говорилъ, и съ этого дня я сдѣлался его любимцемъ до самой смерти. Къ вечеру того же дня, адъютантъ Николая Ивановича,

---

[1]) Кадетскій корпусъ.

Багговутъ, привезъ мнѣ въ корпусъ огромный мѣшокъ съ бисквитами. Онъ сталъ брать меня изрѣдка, по праздникамъ, къ себѣ и въ театръ, а въ случаѣ присутствія высочайшихъ особъ, всегда водилъ къ нимъ въ ложу, при чемъ однажды императрица собственноручно дала мнѣ выбранную конфекту, а другой разъ императоръ, выронивъ на стулъ перышко изъ бѣлаго султана, отдалъ его мнѣ, сказавъ: „на память". И то и другое, еще въ 1857 г., хранилось у моей матери подъ образами, какъ семейная святыня.

За первымъ посѣщеніемъ, наша церковь сдѣлалась любимою для Николая Ивановича, и онъ, какъ человѣкъ набожный, началъ ѣздить къ намъ каждый праздникъ, при чемъ къ нему попривыкли, и прежній страхъ прошелъ. Сначала стали менѣе суетиться, а потомъ уже и не кричали: „ѣдетъ, ѣдетъ!".

Но въ одинъ изъ праздниковъ разнесся между кадетами слухъ, что если Николай Ивановичъ и пріѣдетъ, то все-таки ни къ намъ, ни въ церковь не пойдетъ. Слухъ дошелъ и до дамъ. Увидѣли въ окно, что ѣдетъ. Всѣ по обыкновенію выстроились и ждутъ. Проходитъ минута, другая, не идетъ... Загремѣла карета, и Николай Ивановичъ поѣхалъ домой.

Входитъ наше военное начальство, красное отъ гнѣва и зеленое отъ страха. Кто виноватъ?—спрашиваетъ строго. Всѣхъ передеру. Безъ обѣда всѣ до тѣхъ поръ, покуда не скажете, кто виноватъ. Старые (т. е. переведенные изъ главнаго корпуса),—это ваше дѣло. Всѣ впередъ. Начну сѣчь по очереди. Выступали впередъ, перетолкнулись локтями. Взгляды нѣсколькихъ обратились на одного, и этотъ одинъ, подчиняясь вердикту взглядовъ, проговорилъ: „виноватъ" и немедленно же былъ повлеченъ за ухо въ цейхгаузъ, имѣвшій значеніе застѣнка,—послышались вопли.

Оказалось, что этотъ юноша, воспользовавшись недосмотромъ, успѣлъ положить у порога двѣ лучиночки, крестъ на крестъ, а Николай Ивановичъ ихъ замѣтилъ, а что если онъ замѣтитъ крестъ на пути, то не пойдетъ далѣе, гласило преданіе о бывшемъ уже такомъ случаѣ въ главномъ корпусѣ. Самъ Николай Ивановичъ о виновномъ мальчикѣ не освѣдомлялся, но ѣздить къ намъ сталъ рѣже, а пороги стали осматриваться начальствомъ чаще и при томъ и единолично, и въ совокупности.

Между тѣмъ холера стала проходить. Разрѣшили впускъ родственниковъ, а вмѣстѣ съ ними появились и обильные слухи о пережитомъ нами, безъ всякихъ свѣдѣній и опасеній,—страшномъ времени. Начались вечерніе разсказы, какъ ѣздили по Москвѣ черныя кареты, забиравшія насильно больныхъ и здоровыхъ; какъ отбиралось имущество, какое попадало подъ руку, и жглось и исчезало. Какъ вы-

ползали изъ могилъ заживо туда опущенные и какъ, наконецъ, будто бы, по словамъ очевидцевъ, показывалась многимъ сама холера, то въ видѣ бабы, то въ видѣ чорта, и если тѣхъ очевидцевъ не поѣдала, то, по крайней мѣрѣ, грабила.

Съ приближеніемъ масляницы, разрѣшили и отпуски по домамъ, съ однимъ условіемъ—можно ѣхать не иначе, какъ въ крытыхъ экипажахъ: этого условія было достаточно, чтобы холеру не считать оконченною. Дѣти все бѣдныхъ родителей; какіе же тутъ крытые экипажи. И вдругъ новая бѣда. Начальство объявило, что вновь введенныхъ панталонъ изъ сѣраго сукна еще не успѣли построить, а ѣхать въ отпускъ безъ этой формы нельзя, и потому, кто разсчитывалъ ѣхать домой, пусть попросятъ родителей сшить панталоны на свой счетъ. Какъ сообщить домой, да и сошьютъ ли? У многихъ кое-какъ эта статья устраивалась, а для тѣхъ, которымъ не сшили, отыскались казенныя.

Наступилъ, наконецъ, вожделѣнный день перваго послѣ холеры отпуска. Ему предшествовала сугубая суетня и дѣятельность. Мальчуганы носились, какъ голодныя пчелы. Шушуканья и торговля въ полномъ разгарѣ, точно на толкучкѣ. Юношество изощрялось въ соображеніяхъ, какъ бы надуть свое начальство. Было приведено въ извѣстность, что за однимъ, и только за однимъ, пришлютъ экипажъ крытый. Оставалось придумать и согласиться, какъ и на какихъ условіяхъ воспользоваться этимъ экипажемъ наибольшему числу! Сдѣлки установились. Владѣлецъ экипажа частью уже заполучилъ дань за содѣйствіе, а частью собралъ обѣщанія получить поросенка, сотню блиновъ, конфектъ и чуть не ананасы. На обѣщанія никто не скупился.

Въ шесть часовъ вечера раздался голосъ швейцара: „господинъ такой-то! за вами пріѣхали". Надо замѣтить, что хотя пріемная и залъ наполнялись самыми неустанными пѣшеходами, но кричалось всегда, что за такимъ-то пріѣхали, и мальчуганъ, зная хорошо, что за нимъ приплелась старая няня или кухарка на своихъ на двоихъ, и зная также, что ему предстоитъ добираться на другой край города тѣмъ же способомъ, кричалъ, однако же, не вникая въ смыслъ дѣла: „пріѣхали, пріѣхали" и бѣжалъ къ классной дамѣ съ тѣмъ же крикомъ: „за мною пріѣхали. Позвольте въ отпускъ".

Наблюденіе за выѣздомъ въ крытыхъ экипажахъ возложено было на швейцара. И ему посыпались обѣщанія, а кому прислали на извозчика гривенникъ, то и эти гривенники.

— Г. Брендель, за вами пріѣхали, раздался снова вызовъ швейцара. Брендель и былъ тотъ, за которымъ ожидали пріѣзда въ крытомъ экипажѣ. Множество маленькихъ носовъ прильнуло къ стекламъ... На дворѣ оказался огромнѣйшій возокъ.

Въ углу пріемной скопилась кучка уже уволенныхъ. Скрываются они по одиночкѣ въ переднюю и поручаютъ своимъ провожатымъ уходить къ воротамъ. Сами, по нѣсколько вдругъ, лѣзутъ въ возокъ Бренделя и, доѣхавъ до воротъ, вылѣзаютъ и идутъ, а возокъ возвращается за новымъ транспортомъ. Наконецъ, и самъ Брендель одѣлся. Ждать не хочетъ. Тогда смѣльчаки придумали проще. Брендель сидитъ въ возкѣ, а они стали пролѣзать только насквозь. И эта штука удалась. Швейцаръ самъ видѣлъ, какъ влѣзали въ крытый экипажъ, о чемъ и доложилъ начальству.

Начальство успокоилось за здоровье ввѣренныхъ ему дѣтей, а дѣти пріобрѣли опытность, какъ выходить изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, надувая начальство, и, конечно, не разъ благодарили потомъ этотъ, для многихъ, вѣроятно, первый въ жизни поучительный случай.

Всѣ вернулись къ сроку, живы, здоровы и веселы, только одинъ бѣдняга попался. Какая-то нѣжнолюбящая, но недогадливая мамаша, не сообразивъ, что ея осьмилѣтній сынишка носитъ уже военную форму, и убоясь, чтобы онъ не отморозилъ носъ или уши, прикрыла его лицо теплымъ платкомъ, да такъ и ввела въ переднюю. Возмутилось увидавшее такое безобразіе начальство и объявило: „оставить на мѣсяцъ безъ отпуска".

Съ великаго поста начала устанавливаться правильная и форменная жизнь заведенія. Въ семь часовъ утра въ классы до одиннадцати. Потомъ построятъ шеренгами, осмотрятъ руки и платья, придутъ дядьки, отставные гвардейскіе унтеръ-офицеры, и пойдетъ пѣніе: ра-а-азъ, два-а, три и т. д. Это было ученье тихимъ шагомъ, въ три пріема. Въ часъ обѣдъ. Отъ трехъ до шести опять классы, а тамъ—кто во что гораздъ.

Впослѣдствіи, съ назначеніемъ новой директриссы, добрѣйшей и почтеннѣйшей Елизаветы Ивановны, баронессы Корфъ, это время отъ классовъ до ужина сдѣлалось очень пріятнымъ. Елизавета Ивановна допустила порядочнымъ дѣтямъ входить въ ея небольшую, комнатъ изъ четырехъ, квартиру, и тутъ можно было играть въ лото, клеить, вырѣзывать и вообще не стѣсняться. Изрѣдка давали чай и устраивали кадриль и экосесъ. Примѣру директриссы послѣдовали и классныя дамы. Вечера для насъ проходили весело.

Въ классахъ показалось нѣсколько новыхъ учительскихъ физіономій, и въ числѣ ихъ французъ. Его изучили очень скоро. Строгъ ужасно, поминутно хмурится и облизывается, ругается чортомъ порусски и спрашиваетъ тѣхъ, кто не смирно сидитъ.

Разнеслась молва, что въ концѣ учебнаго года будетъ какое-то торжество и будутъ раздавать подарки. Пріѣхалъ высокій старичекъ,

въ коричневомъ фракѣ, на шеѣ крестъ съ бриллiантами. Сидитъ въ классахъ и разнымъ миленькимъ и моншерамъ задаетъ вопросы. То былъ инспекторъ классовъ главнаго корпуса, или, какъ всѣ выражались, большаго корпуса—Степановъ.

Онъ же объявилъ намъ, что насъ будутъ учить танцевать. Привели какого-то господина въ башмакахъ и за нимъ солдатика со скрипкой. Заигралъ онъ нескончаемую музыку, и стали мы выдѣлывать позицiи, присѣдать и, кстати, языки показывать. Самъ инспекторъ поправлялъ неловкости. Перешли и на вальсъ, но тутъ начались споры. Никто не хотѣлъ быть за даму. Названье дѣвчонкою было самою унизительною бранью.

Разъ, послѣ утреннихъ классовъ, вызвали нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и меня, и повели въ большой корпусъ. Вошли мы въ залъ необъятный. Это знаменитый тронный залъ, существующiй понынѣ. На противной входу стѣнѣ огромный портретъ, а по бокамъ его—двѣ пушки. Передъ портретомъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ. На столѣ тетрадка сѣрой бумаги. Съ боку музыканты и множество большихъ кадетъ, и около всего этого суетится тотъ же старичекъ инспекторъ.—Кого буду вызывать, тому слѣдуетъ вотъ что дѣлать, сказалъ онъ и показалъ, чего отъ насъ ожидаетъ. Вытянувшись, подошелъ къ столу, поклонился, протянулъ впередъ обѣ руки и, не опуская ихъ, отступилъ три шага назадъ. Поклонился прямо передъ собою, потомъ въ полъоборота направо, также налѣво, и повернувшись медленно, пошелъ назадъ. Поняли? спросилъ онъ.—Поняли. Это была первая репетицiя раздачи подарковъ. И не будь при этомъ раздачи тетрадокъ, опротивѣла бы она донельзя. По окончанiи этой церемонiи выбрали троихъ: двухъ изъ большаго корпуса и меня изъ малолѣтнихъ и дали намъ исписанные листы, съ приказанiемъ выучить въ два дня, что написано. Это были подготовленныя рѣчи къ предстоявшему акту. На другой день меня позвали къ директриссѣ, гдѣ я нашелъ господина сухощаваго, черноволосаго, съ продолговатымъ лицомъ и очень курносаго. Глаза проницательные. Первое впечатлѣнiе было не симпатично. —Ну, читай свою рѣчь, сказалъ онъ мнѣ.—Оставляя домъ родительскiй, каждый изъ насъ проливалъ горькiя слезы, началъ я и пошелъ, и пошелъ.—Тшъ, тшъ! зашипѣлъ господинъ. Сталъ въ позу и началъ отчеканивать каждое слово съ наивозможными интонацiями. На первый разъ дѣло не сладилось. Я сконфузился и заревѣлъ. Передъ мною былъ авторъ многихъ пiитическихъ страницъ, редакторъ одного изъ первобытнѣйшихъ журналовъ и творецъ моей рѣчи, извѣстный всей Москвѣ, князь Шаликовъ.

Слѣдующiя репетицiи акта были уже съ музыкой. Каждому вызы-

ваемому воспитаннику играли тушъ. Первому разряду три раза. Второму—два раза и третьему одинъ. Наконецъ, убѣдившись, что умѣніе отдавать решпекты и комплименты достигло желаемаго совершенства, назначили генеральную репетицію, а за нею разрѣшено было объявить родителямъ и самый день акта, т. е., раздачи подарковъ.

Торжество, во-первыхъ, обозначилось тѣмъ, что швейцаръ, бывшій до того Гараська, преобразился въ какую-то особу. Мундиръ весь въ галунахъ. Черезъ плечо широкая перевязь съ заткаными орлами. Шпага. На головѣ трехуголка съ галунами. Руки въ перчаткахъ и съ булавою, которою Герасимъ Васильевъ для каждаго порядочнаго гостя откидывалъ какія-то забавныя колѣнца, а гостей повалило видимо, невидимо. Въ пріемной и проходныхъ залахъ безъ устали ходили сторожа, обильно изливавшіе благоухающую жидкость на каленые кирпичи. Насъ одѣли во все новенькое и повели въ церковь. Пѣли кадеты, и отлично. Послѣ обѣдни повели строемъ съ музыкою въ тронный залъ. На мѣстѣ прежняго скромнаго стола стояло что-то торжественное—въ видѣ амвона, въ нѣсколько ступеней, на немъ столъ, все красное съ галунами и бахромами. На столѣ груды книгъ, перевязанныхъ розовыми лентами и нѣсколько блестящихъ паръ рапиръ и эспадроновъ. По бокамъ стола, полуциркулемъ,—кресла, стулья и стулья; а на нихъ шитые мундиры, шляпки, фраки и проч. Орденовъ было видно не много, такъ какъ въ то время ихъ давали съ большимъ трудомъ, чтò значительно измѣнилось послѣ польскаго возстанія, когда, съ присоединеніемъ польскихъ орденовъ, стало не рѣдкость видѣть даже звѣзды, такъ какъ Станиславъ 2-й степени былъ со звѣздою, а давался Станиславъ, не стѣсняясь высокими заслугами.

Когда всѣ усѣлись и вообще залъ успокоился, вошелъ директоръ, въ ботфортахъ. За нимъ батальонный командиръ Викентій Францовичъ Святловскій, дай ему Богъ добрую память, и инспекторъ классовъ, и помѣстились рядомъ за столомъ, а съ боку адъютантъ со спискомъ достойныхъ. Началась выкличка,—подходили, получали подарки, кланялись, какъ было внушено, и уходили на свои мѣста. Мнѣ достались басни Крылова, большаго формата, въ сафьянномъ переплетѣ. Лица присутствующихъ смотрѣли радостно, и мѣстами поднимались платки для воспріятія слезъ умиленія. Сказали рѣчи. Началась фехтовка — за нею роздали почетное оружіе, проиграли гимнъ, и всѣ поднялись.

Пошли въ столовую. По бокамъ все такъ, какъ и всегда бывало, только поопрятнѣе, а по срединѣ, вдоль зала, не въ очередь, особый столъ, убранный цвѣтами. Тутъ же блестятъ историческія, серебряныя, съ одноглавыми орлами огромныя стопы, доставшіяся корпусу

отъ основателя его, графа Зорича, а въ стопахъ медъ. Это все для насъ, получившихъ подарки. И обѣдъ особенный. Накормили отлично и распустили по домамъ. Добрались до дому, тутъ новое кормленіе, уже умилительное, не въ видахъ поощренія, кормленіе не педагогическое, а отъ избытка чувствъ. Арина плакала.

Съ года, слѣдующаго за холерою, сталъ пріѣзжать въ Москву, на лѣто, великій князь Михаилъ Павловичъ. Добрѣйшая душа! Рѣдкою была недѣля, чтобы его высочество не посѣтилъ нашего заведенія, и каждый пріѣздъ его былъ для насъ праздникомъ. Обыкновенно великій князь пріѣзжалъ съ однимъ изъ сенаторовъ — или съ Александромъ Александровичемъ Башиловымъ, построившимъ въ Петровскомъ паркѣ первообразъ минерашекъ, демидрошекъ и т. д., или съ Петромъ Ивановичемъ Озеровымъ, а, иногда, и съ обоими вмѣстѣ, вѣроятно для контраста. Башиловъ, невысокій ростомъ, толстенькій, вертлявый и всегда смѣющійся. Это была жертва кадетъ. Великій князь командовалъ: „а ну его!“ и Башилова просто валили на полъ, щекотали, теребили и обрывали все, что можно. Великій князь хохоталъ, а Башиловъ кряхтѣлъ и утирался платкомъ. Озеровъ же изображалъ надменнаго верблюда. Высокій, сухопарый, шея длинная, носъ кверху и губы какъ-то комично подобраны, до этого не дотрогивались. Случалось не разъ, что великій князь пріѣзжалъ въ самую неожиданную пору, напр., во время уборки комнатъ и заставалъ, что громадные возоподобные умывальники сняты со своихъ постаментовъ, которые имѣли форму круглаго фундамента съ большою дырою на серединѣ. Въ эту дыру его высочество спускалъ ноги и, садясь на плоскость, кричалъ: „давай пару!“—Тогда вся мелюзга лѣзла кругомъ, другъ на друга и покрывали милостиваго гостя съ головою, покуда не раздастся голосъ: „долой, усталъ“.

Въ одинъ изъ первыхъ такихъ пріѣздовъ, Николай Ивановичъ Демидовъ представилъ меня великому князю какъ лучшаго кадета и своего любимца. Этотъ счастливый день не отразился для меня блестящею карьерою въ отдаленной будущности, только по случаю кончины Николая Ивановича; но, во всякомъ случаѣ, былъ началомъ ряда радостныхъ событій тогда и неизгладимо пріятныхъ воспоминаній понынѣ.

Великій князь приблизилъ меня къ себѣ исключительно передъ другими. Пріѣзжая въ корпусъ, ласкалъ меня и, не разъ, приказавъ стать на столъ, сажалъ къ себѣ на плечи и такъ проходилъ по залу. Именно эта отеческая форма ласки имѣла для меня не совсѣмъ благопріятныя послѣдствія, воспоминаніе которыхъ заставляетъ меня теперь отступить отъ хронологическаго изложенія записокъ. Несмотря на извѣстную всѣмъ серьезность и строгость великаго князя въ слу-

жебныхъ отношеніяхъ, когда онъ увидалъ меня первый разъ во фронтѣ, офицеромъ, при томъ очень юнымъ, сказалъ, обратившись къ командиру полка: „ты мнѣ его береги. Видишь, какой жидкій, а все-таки вотъ гдѣ мнѣ мозоли натиралъ“, указавъ на шею. Въ силу этого тотчасъ по отъѣздѣ великаго князя я былъ назначенъ помощникомъ инспектора полковой школы и библіотекаремъ, что̀ освобождало меня отъ казарменныхъ ученій, отъ всякихъ фронтовыхъ занятій и тяжестей лагерной службы.

Такъ я и прослужилъ семь лѣтъ; между тѣмъ, по чину, пришлось принимать роту, къ чему я вовсе не былъ приготовленъ, и потому оказалось необходимымъ, на рискъ, и только съ вѣрою въ счастливую звѣзду и въ русское авось, подать въ отставку, что̀ и исполнилъ. И, благодаря Бога, вѣра моя меня не обманула.

Возвращаюсь къ прежнему порядку. Кромѣ вниманія въ корпусѣ, его высочество бралъ меня къ себѣ обѣдать, иногда одного, а по субботамъ возилъ обѣдать человѣкъ до 30 и болѣе, какъ изъ малолѣтняго отдѣленія, такъ и изъ корпуса. Эта длинная поѣздка, въ каретахъ, черезъ всю Москву, отъ Лефортова до Остоженки, была предметомъ самыхъ пріятныхъ ожиданій, не говоря уже о поощрительномъ ея значеніи и вкусномъ обѣдѣ. Послѣ обѣда всѣ разсыпались по саду, въ которомъ, къ вечеру, нерѣдко зажигали фейерверки, подъ наблюденіемъ суетливаго начальника лабораторіи, полковника гр. Шамборантъ, которому однажды сильно попало на орѣхи за то, что, выравнивая палки, онъ не замѣтилъ, какъ солдатикъ придѣлалъ фонтанъ отверстіемъ внизъ.

Передъ отъѣздомъ собирались въ столовую, въ которой стояли чашки съ чаемъ при разныхъ печеньяхъ, а по срединѣ—вазы съ фруктами и конфектами, а на блюдечкахъ—мороженое. Конфектъ болѣе другихъ выпадало на мою долю. Его высочество приказывалъ разстегнуть верхъ куртки и поднять руки и, взявъ тарелку, сыпать за пазуху и въ рукава, сколько влѣзетъ, и приказывалъ выходить съ такимъ запасомъ.

Какъ-то разъ, когда я былъ привезенъ одинъ послѣ обѣда, его высочество сказалъ мнѣ: „ступай къ женѣ“. Со мной пошелъ лакей и любимая великаго князя собака—Мурза-Мурзичъ. Когда отворилась какая-то дверь, я вошелъ въ полутемную комнату, въ которой на кушеткѣ читала книгу, со свѣчкою, великая княгиня Елена Павловна; одна дѣвочка сидѣла у столика, а двѣ играли на полу, на коврѣ. Ея высочество сказала мнѣ—играй, указавъ на коверъ. Я сѣлъ, но было какъ-то неловко и жутко, что было, вѣроятно, замѣтно; почему меня скоро отпустила.

Въ этотъ же періодъ времени, наслѣдникъ цесаревичъ Але-

ксандръ Николаевичъ прислалъ въ подарокъ нашему заведенію полсотни маленькихъ ружей и два барабана. Лестный подарокъ былъ самъ по себѣ, а барабаны сами по себѣ. Съ полученіемъ ихъ стали насъ будить и созывать уже не по колокольчику, а по барабану, что̀ удовлетворяло нашему желанію быть поскорѣе похожими на большихъ кадетъ.

Время шло незамѣтно, и приближалась пора перевода въ большой корпусъ. Было страшно. Во-первыхъ, сохранялась легенда о бывшемъ кому-то изъ царственныхъ особъ видѣніи въ тронномъ залѣ, кровавой сценѣ, оставившей матеріальные слѣды. Во-вторыхъ, слухъ, что по корпусу ходитъ, умершій во время холеры, капитанъ Грамматинъ. Въ третьихъ, всякаго новичка ожидали разныя пытки, въ родѣ масонскаго посвященія и, въ четвертыхъ, и самое страшное, розги. Одинъ начальникъ, какъ говорили, зажметъ свой большой палецъ въ остальные и поретъ до тѣхъ поръ, покуда палецъ самъ выскочитъ. Другой не даетъ менѣе пятисотъ розогъ, а въ подтвержденіе сохранялись и фамиліи наиболѣе извѣстныхъ страдальцевъ. О нихъ говорили съ удальствомъ и почтеніемъ. Но дѣлать нечего. Какъ-то, въ началѣ августа, вызвали насъ человѣкъ двадцать, постарше лѣтами, и повели въ большой корпусъ. Сейчасъ же сдали въ неранжированную роту и распредѣлили по отдѣленіямъ. Отдѣленіями завѣдывали унтеръ-офицеры и надъ ними фельдфебель. Все лица всемогущія. Скажутъ—безъ обѣда на всегда, такъ и сиди, жалоба никому и въ умъ не приходила, хотя унтеръ-офицеръ, лѣтъ 14-ти, былъ явленіемъ самымъ обыкновеннымъ.

Въ общемъ порядкѣ бывало то же, что потомъ встрѣчалось и на службѣ, и въ жизни. Придетъ въ голову кому-либо власть имѣющему нѣкая новая идея, и съ перваго же дня начинаютъ ее преслѣдовать взапуски—то бакенбарды носить не ниже конца носа, то зачесывать волосы, какъ никто не чешетъ—справа налѣво, и зудятъ такимъ образомъ встрѣчнаго и поперечнаго съ недѣлю, иногда и больше; а потомъ... пойдетъ все по-старому. Такъ бывало и въ корпусѣ. Помню: накупили зубныхъ щетокъ и роговыхъ пластинокъ для чистки языка, на каждаго особо. Сколько было трудовъ, чтобы на каждой щеткѣ и пластинкѣ выцарапать №. Сколько преслѣдованій и взысканій! Кого ловили, что идетъ умываться, не взявъ щетки. Осматривали на полкахъ шкаповъ, у кого лежитъ щетка сухая. Но скоро стали получаться отвѣты, что щетка пропала, пластинка сломалась, а затѣмъ изъ щетокъ гласно стали выстругивать стрѣлы, а изъ пластинокъ разныя штуки. И все смолкло.

Классы начинались въ семь часовъ. Въ особенности зимою это было тяжко, холодно, спать хочется, въ классахъ по столамъ горятъ

сальныя свѣчи. Въ одиннадцать часовъ перемѣна. Все полусонное, и учителя и кадеты одолѣли себя, пора бы и за дѣло.

Вдругъ отворяются двери, и потянулась съ маленькими промежутками, да черезъ всѣ классы, цѣлая вереница солдатъ, въ самыхъ домашнихъ туалетахъ. Каждая пара несетъ на водоносѣ ушатъ съ водою отъ мытья половъ, и изъ ушатовъ торчатъ палки отъ швабръ. Эта церемонія кончалась, прошли—слышится вдали будто какой-то шопотъ. Всѣ начинаютъ разстегиваться и охорашиваться, идетъ дежурный по корпусу. Всѣ встаютъ и здороваются, черезъ нѣсколько времени такой же обходъ инспектора не всегда—полковника, и рѣдко директора.

Тутъ случались презабавныя штуки. Такъ однажды дежурный офицеръ, обходя классы, спросилъ, какъ всегда, кого нѣтъ? Старшій въ классѣ, думая, что вопросъ относится къ непришедшему еще учителю, тогда какъ офицеръ повѣрялъ кадетъ, отвѣтилъ, что нѣтъ Купиба—смѣшной учитель исторіи. Черезъ нѣсколько времени, на обратномъ обходѣ, когда учитель пришелъ уже, тотъ же офицеръ спросилъ своимъ начальственнымъ тономъ: Купиба здѣсь? Учитель, съ раскрытыми отъ удивленія глазами и съ видимымъ сердцемъ, отвѣчаетъ: здѣсь. Офицеръ грозитъ пальцемъ въ неопредѣленномъ направленіи, прибавляя: смотри, негодяй, опоздай еще, на вѣчно безъ обѣда. Классъ какъ будто взорвало. Купиба только успѣлъ вскрикнуть: Господинъ офицеръ! Но отъ офицера уже и слѣдъ простылъ...

Французъ, изъ оставшихся плѣнныхъ двѣнадцатаго года, имѣлъ пристрастіе къ военнымъ эволюціямъ, и если у него случались утренніе уроки, то послѣ класса непремѣнно пристроится къ какой-нибудь ротѣ, чтобы посмотрѣть ученье. Смотры же, парады и разводы были для него сущимъ праздникомъ.

Говоря по правдѣ, немногіе вообще учителя пользовались уваженіемъ воспитанниковъ. Да и требовать чего-нибудь порядочнаго было трудно. Нанимали нѣкоторыхъ бѣднягъ, какъ говорилось чуть не за бутылку моченаго гороху.

Былъ учитель чистописанія, который не церемонился тутъ же въ классѣ дѣлить съ кадетами приносимыя ими булки, и, по поводу его вышла однажды такая штука. Директоръ, при обходѣ роты, замѣтилъ кадетика съ заплаканными глазами.—Ты что? спрашиваетъ его. Офицеръ, уже не вчера поступившій, съ почтительною предупредительностью, перебиваетъ кадетика докладомъ:—Отъ Максимки записанъ, ваше превосходительство. — Отъ кого? спрашиваетъ директоръ.—Отъ Максимки, повторяютъ и офицеръ и кадетъ.—Какая странная фамилія, замѣчаетъ директоръ, обращаясь къ ротному командиру. Тотъ семенитъ на коротенькихъ ножкахъ, не зная, въ какой формѣ представить

благоусмотрѣнію начальства имѣющіяся у него по этому предмету свѣдѣнія. Фамилія учителя чистописанія была Яковлевъ и звали его Максимъ. И этотъ Максимъ настолько твердо, въ теченіе многихъ лѣтъ, преобразился въ Максимку, что не только кадеты, но и многіе изъ начальства не знали ему другой клички.

Впрочемъ однообразіе и правильность жизни заведенія поддерживались наблюденіемъ главнаго центра, который для своего всевѣдѣнія требовалъ частыхъ періодическихъ донесеній, по установленной на каждый предметъ формѣ. Случилось же однако обнаружить въ этомъ центрѣ, что въ одномъ изъ заведеній уже нѣсколько мѣсяцевъ показываютъ по столовымъ вѣдомостямъ одни и тѣ же блюда, каждый день: лапша, битое мясо и пироги. Давай узнавать какъ и почему? Оказалось, что на самомъ дѣлѣ воспитанники кушали столъ разнообразный, сколь это было возможно; но вѣдомости писалъ писарь и ихъ подписывали и отправляли не читая, а въ центрѣ получали и складывали. Таковъ результатъ былъ вѣроятно и множества установленныхъ періодическихъ донесеній. Да не безъ грѣха и теперь конечно тамъ, гдѣ всевѣдѣніе обезпечивается срочными вѣдомостями по установленной формѣ.

Получилось извѣстіе, что Николай Ивановичъ Демидовъ умеръ на Кавказѣ. Тѣло привезли въ Москву въ орѣховомъ, окованномъ мѣдными обручами гробѣ и похоронили на кладбищѣ Андроніевскаго монастыря, со всевозможною помпою. Кадетамъ устроили завтракъ, на манеръ поминокъ. Послѣ его смерти къ заведеніямъ приблизился Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ. Мы знали много о немъ только по слухамъ, но печальный инцидентъ вскорѣ познакомилъ насъ съ нимъ и очію.

Однажды, въ какой-то праздникъ, передъ обѣднею, собрались пѣвчіе для спѣвки, въ столовую залу. Зала эта имѣла окна на обѣ стороны. Одни выходили на дворъ, а другія на галлерею. Къ пѣвчимъ пришелъ дежурный по ближайшей ротѣ штабсъ-капитанъ Соколовскій и, спиною къ окну, открытому на галлерею, опустился на столъ, на оба локтя. Въ это время одинъ изъ самыхъ взрослыхъ кадетовъ Житковъ, безъ шуму, перешагнулъ съ галлереи въ окно и хватилъ Соколовскаго по головѣ тесакомъ, Соколовскій вскрикнулъ и бросился бѣжать черезъ сосѣднюю малую столовую, пріемную, на лѣстницу и къ двери квартиры директора—Карла Павловича Рененкампфа. Тутъ только Житковъ прекратилъ посылаемые въ догонку удары и отдалъ тесакъ директору. Не успѣлъ еще Соколовскій добраться до мѣста своего спасенія, какъ разбѣжавшіеся по ротамъ пѣвчіе разнесли уже ужасную новость по всему корпусу. Переполохъ вышелъ страшный. У начальства вытянулись физіономіи неимовѣрно. Однако кадетъ повели въ церковь, какъ слѣдовало, и послѣ обѣда выпустили гулять

въ дворцовый садъ. Очевидно, начальство убѣдилось, что настоящій случай имѣлъ личную подкладку, а не былъ послѣдствіемъ какого-либо коллективнаго броженія, и потому всѣ, сколько было возможно, успокоились.

Черезъ нѣсколько времени разнесся слухъ, что по этому дѣлу пріѣхалъ Сухозанетъ. Узналъ ли онъ дѣйствительную причину проступка Житкова, для насъ осталось тайною, какъ и все, что происходило между начальствомъ. Большинство приписывало однако же этотъ случай вліянію сердечныхъ отношеній, установившихся между Соколовскимъ и Житковымъ къ особѣ, проживавшей въ одномъ изъ павильоновъ, смежныхъ съ павильономъ, въ которомъ въ лагерное время помѣщался кадетскій лазаретъ, а въ немъ находился Житковъ, постоянно страдавшій золотухою.

Вывели кадетъ на плацъ, передъ корпусомъ и поставили въ каре. Всѣ ждутъ и трепещутъ. Подъѣхала коляска; изъ нея высадили генерала. Передъ нами предсталъ Иванъ Онуфріевичъ—блѣдный до безобразія, хотя съ красивыми чертами лица, съ деревянною ногою на двухъ костыляхъ. Вошелъ въ каре и сѣлъ на уготованное кресло. Слушайте, сказалъ онъ. И мы услышали тотъ необыкновенный тембръ, какой надолго остается въ памяти.

„Учебное заведеніе это есть инструментъ. Ближайшіе ваши начальники—струны. Директоръ артистъ, а ваше образованіе и поведеніе—тѣ звуки, по которымъ оцѣняется весь составъ заведенія. Вы собраны здѣсь, чтобы получать образованіе. Путь къ нему книга. Книга нужнѣе хлѣба. У меня нѣтъ ноги. Я бывалъ въ такихъ походахъ. Нерѣдко у меня не бывало хлѣба, но книга всегда была въ ранцѣ“. А еще что? вдругъ пробѣжало по фронту. Вопросъ относился конечно къ картамъ, до которыхъ Сухозанетъ какъ охотникъ былъ извѣстенъ повсюду. Какъ ни мимолетенъ былъ этотъ шопотъ, однако же, что-то подмѣчено. Рѣчь была непродолжительна, и намъ велѣли идти въ корпусъ.

Только-что кончился обѣдъ, насъ построили тутъ же, въ столовой залѣ, шпалерами, по обѣ стороны залы. Тишина невообразимая, только слышатся вдали мѣрные удары костылей и за ними глухое шлепаніе чуть скользящихъ шаговъ всѣхъ начальниковъ, наставниковъ и всѣхъ пекущихся и допекающихъ насъ.

Вошелъ Иванъ Онуфріевичъ и остановился. Князь Козловскій!—крикнулъ онъ. Вышелъ дѣтина лѣтъ восемнадцати. Скамейку и розогъ!—раздалось приказаніе, которое и было исполнено немедленно. Дать ему триста розогъ, и началась расправа.

Какъ оказалось, время нашего обѣда было посвящено пріему представленій служащихъ, при чемъ учитель нѣмецкаго языка Шенрокъ пустился въ откровенность и имѣлъ честь доложить его высоко-

превосходительству, что въ ученикахъ втораго средняго класса замѣтенъ вообще духъ строптивости; въ подтвержденіе чего привелъ примѣръ, что когда одинъ изъ учениковъ этого класса, князь Козловскій, запирая форточку, сломалъ задвижку, а учитель спросилъ: развѣ можно ломать казенныя вещи, то Козловскій отвѣтилъ: зачѣмъ не можно, если и головы ломаютъ.

За это Козловскому дали публично триста розогъ. Весь второй средній классъ велѣно отдѣлить отъ прочихъ воспитанниковъ и помѣстить въ комнату, отведенную въ подвальномъ этажѣ, а весь корпусъ лишить отпусковъ впредь до особаго распоряженія.

Первое затѣмъ время стало просто наводить ужасъ: фельдфебель Раткевичъ, чего никогда не было, за двусмысленный отвѣтъ офицеру, носившему названіе телятины, былъ разжалованъ въ кадеты и наказанъ публично розгами. Унтеръ-офицера Карпова за присвоенную ему грубую выходку разжаловали и высѣкли публично, а какъ онъ имѣлъ твердость выдержать сто розогъ, не подавъ никакого голоса, то за сей признакъ сугубаго загрубенія нрава одѣть въ сѣрую куртку и посаженъ за особый столъ. На нашу бѣду, случилась еще такая штука. Въ Москвѣ начались частые пожары, которымъ, какъ разсказывали, всегда предшествовали подметныя письма. Вдругъ разнеслась молва, что экономъ нашелъ письмо съ предувѣдомленіемъ, что корпусъ сгоритъ, подписанное—Адамка-мошенникъ. Началось общее ликованіе въ предположеніи, что въ случаѣ пожара классовъ не будетъ, всѣхъ распустятъ по домамъ, а большихъ выпустятъ. Отъ того письма или по другимъ соображеніямъ, въ первый высокоторжественный праздникъ, когда въ городѣ была иллюминація, около корпуса разъѣзжалъ конный патруль. Но вскорѣ насъ собрали въ столовую. Вывели на середину кадета Табаровскаго, лѣтъ тринадцати, и объявили, что сей самый юноша былъ авторомъ подметнаго письма. Начальство выдрало, а кадеты до самаго выпуска Табаровскаго сохранили за нимъ кличку Адамки-мошенника.

Однимъ словомъ, проказы за проказами такъ и сыпались. Директоръ Рененкампфъ получилъ другое назначеніе, и пріѣхалъ новый. Первою новостью было снятіе опалы со втораго средняго класса и открытіе заведенія, т. е. отпуски. Отъ избытка добрыхъ чувствъ не могу не сказать, что это былъ доброй памяти, Александръ Осиповичъ Статковскій—строгій, справедливый и взявшійся за дѣло совсѣмъ иначе, что̀ и отразилось вскорѣ на всѣхъ порядкахъ корпуса.

Началось съ того, что мы лишились удовольствія видѣть проносившіеся по классамъ ушаты и швабры и всякое постороннее шатаніе. Всѣ классы, сплошь, отдѣлили отъ стѣны коридоромъ, а, для удовлетворенія полицейской любознательности начальства, врѣзали въ двери

стекла. Сидишь и не знаешь часа, въ онь же чье око взглянетъ. Нестерпимыя сальныя свѣчи замѣнили висячими лампами. Множество учителей отправили въ прежнія мѣста ихъ жительства, къ исполненію прежнихъ обязанностей, и пригласили новыхъ; въ томъ числѣ, хотя въ качествѣ наблюдателей, и пользовавшихся извѣстностью—Погорѣльскаго, Перевозчикова, Брашмана, Рулье и т. п. Не менѣе этихъ учителей пришлось кадетамъ по вкусу вниманіе и по кулинарной части. Въ росписаніи столовой показались: гусь, потиша, суфле, и еще многое совершенно непонятное до своего появленія.

Все стало устраиваться иначе. Одно еще оставалось долгое время въ прежнемъ порядкѣ—это скудость учебныхъ пособій. Кто теперь повѣритъ, что при обширнѣйшей программѣ того времени, отъ казны, и то по одному экземпляру на нѣсколько человѣкъ, выдавались только тактика Медема, исторія Кайданова и географія Арсеньева, не считая катехизиса и учебниковъ, никому не нужныхъ, по иностраннымъ языкамъ, которые давались каждому, и сверхъ того еще во всѣхъ ротахъ были привинчены къ пюпитрамъ громаднѣйшіе словари Татищева. Для прочихъ предметовъ нужно было составлять записки, а чертежи копировать съ классной доски. Можно ли увидать теперь, какъ классное пособіе, библіографическую рѣдкость, артиллерію Маркевича? Два тома, in quarto, каждый вершка три толщиною, и стоившую сто рублей. Намъ показывали единственный экземпляръ, чуть не сквозь стекла, а между тѣмъ, многое читалось прямо по этой книгѣ и требовалось знать въ долбежку. Одно описаніе параллельнаго бруса, какъ и теперь вспомнишь, такъ находитъ ужасъ. А между тѣмъ, большинство училось хорошо, въ мѣрѣ требованія. День проходилъ въ опредѣленныхъ занятіяхъ. За то, когда лягутъ спать, такъ часовъ съ одиннадцати, въ фельдфебельской комнатѣ зажигались запрещенные огарки, и тутъ-то истинные труженики, несмотря на холодокъ, въ сапогахъ на босую ногу, прикрытые однимъ одѣяломъ, умывшись и помолившись, сходились на тяжкую работу составлять записки. И такъ часовъ до двухъ. Потомъ пріуснутъ, а въ шесть часовъ уже и барабанъ—повѣстка вставать. Ухъ, тяжело вставать бывало! Такъ, мало по малу, соберутся кое-какія записки у одного. У него списываетъ другой, и такая работа шла до самаго экзамена. А какъ подойдетъ экзаменъ, такъ тутъ уже по ночамъ большинство бодрствуетъ. Спятъ одни отпѣтые, которымъ уже предрѣшено, по ихъ убѣжденію, выходить въ юнкера или въ линейку, т. е. бывшіе линейные батальоны.

Самымъ труднымъ дѣломъ было составленіе записокъ по фортификаціи. Руководства никакого, а каковъ былъ преподаватель, притомъ всѣми уважаемый, Иванъ Васильевичъ Кобыляковъ, потруди-

тесь познакомиться съ нимъ сами. Входитъ штабъ-офицеръ незапамятныхъ временъ. Худенькій, маленькій, блѣдненькій, эполеты болтаются на груди, и подергавъ усиками, начинаетъ такъ: вотъ именно, господа!.. Въ прошлый разъ мы говорили о прикрытіяхъ... о прикрытіяхъ, говорю я... Вотъ, именно о прикрытіяхъ... Скажемъ теперь, пѣхота движется... Бряцаніе оружія, блескъ штыковъ... Земля дрожитъ, пыль столбомъ. Трескотня пальбы, дымъ... У страха глаза велики... Брустверъ, скажемъ теперь, высотою около пяти—шести футовъ... Вдругъ какой-нибудь школьникъ, видя, что уже приближается состояніе экстаза, спрашиваетъ, глядя прямо въ глаза учителю: какъ вы изволили сказать, Иванъ Васильевичъ, у страха глаза велики?—пять—шесть футовъ? Не говорите, вотъ именно, отвѣчаетъ покуда еще сдержанно Иванъ Васильевичъ, пять—шесть футовъ, а около, говорю я, пяти... шести футовъ. Весь классъ хохочетъ. Одинъ маіоръ продолжаетъ серьезно свое дѣло... въ это время, говоритъ онъ, показывается дымокъ. Одинъ, другой... и, съ этимъ словомъ Иванъ Васильевичъ въ окончательномъ увлеченіи, ломаетъ мѣлокъ и съ храбростью въ лицѣ начинаетъ метать куски его и въ начертанный на доскѣ брустверъ и въ кого попало, изображая этимъ моментъ кроваваго боя. Начинается шумъ, слышный издали. Въ дверяхъ показывается дежурный офицеръ или инспекторъ. Иванъ Васильевичъ, разсерженный, зачѣмъ ему мѣшаютъ, приказываетъ выучить сказанное, и лекція кончается, а кадеты чувствуютъ обязанность внести лекцію въ записки—и вносили.

Въ этихъ классахъ проходилась уже и риторика по Кошанскому. Кого бы не озадачило теперь услыхать, напр., такое обращеніе учителя къ ученику: скажите—какъ сдѣлаться наилучшимъ ораторомъ или писателемъ? а между тѣмъ, такой вопросъ стоялъ даже на экзаменаціонномъ билетѣ. Кто изъ моихъ однокашниковъ забылъ немногочисленные примѣры разныхъ родовъ краснорѣчія. Боже великій! Что такое умъ человѣческій... или, надежда, кроткая посланница небесъ, тебя хочу воспѣть въ восторгѣ души моей, или отъ топота копытъ пыль по полю летитъ.

Кто повѣритъ, что можно было пройти курсъ математики, въ который входили и коническія сѣченія, и аналитическая геометрія,—не сдѣлавъ ни одной практической задачи даже изъ ариѳметики; а между тѣмъ, все это было и, какъ посмотришь на современныя учебныя средства и методъ преподаванія, куда какъ становится грустно, зачѣмъ не родился позже.

Впрочемъ, вѣроятно большинство, къ которому принадлежу и самъ, говоритъ спасибо и за то, что было. Теплый кровъ, сытный хлѣбъ и пріотворенныя двери къ полученію свѣдѣній по многимъ предме-

тамъ. Была бы охота продолжать. Высокое понятіе о честности, правдѣ и товариществѣ, чѣмъ нашъ корпусъ гордился и славился.

Третій годъ моего пребыванія въ большомъ корпусѣ закончился благополучнымъ экзаменомъ. Меня перевели въ гренадерскую роту.

Отъ бывшихъ въ гренадерской ротѣ уже второй годъ пришлось узнать, что, вѣроятно, при первомъ дежурствѣ по корпусу, командиръ роты будетъ говорить рѣчь и даже какого содержанія, и что прежде всего обругаетъ всѣхъ болванами. Пришло дежурство по корпусу нашего командира Александра Васильевича Жирякова.

Послѣ дѣятельнаго дня и сытаго ужина дремлется, а по кроватямъ не распускаютъ. Входитъ командиръ, маленькій, некрасивенькій, ножки кривенькія. Сталъ по срединѣ залы и руки съ киверомъ сложилъ сзади. Султанъ коснулся пола и образовалась какая-то треногая или мензула или прорицающая пиѳія. Началась рѣчь, какъ всегда начиналась. Предвѣщанія сбылись. Ну, болваны, вы перешли въ мою роту, помнить: послушаніе, прилежаніе, откровенность, опрятность, маршировка, ружейные пріемы; иначе—хлѣбъ и вода и вонъ изъ роты. Повторяю еще разъ. И началось повтореніе всего сказаннаго то съ прибавкою, то съ убавкою и закончилось опять угрозою—хлѣбъ и вода. Такъ и потянулось доброе время.

Не много пришлось мнѣ быть въ этой ротѣ. Однажды подозвалъ меня къ себѣ полковникъ и объявилъ, что я назначенъ унтеръ-офицеромъ въ неранжированную роту. Дѣло было въ лагерѣ, а неранжированная рота оставалась въ городѣ... Доложили, что вечеромъ ѣдетъ въ городъ фурштадская фура или лазаретный фургонъ. Я собрался живо и съ радостью усѣлся на козлы вмѣстѣ съ возницею, распростившись съ лагеремъ, сдѣлавшимся уже невыносимымъ.

На слѣдующій годъ меня сдѣлали фельдфебелемъ. Хотя у насъ не было ни приказовъ о дисциплинарныхъ мѣрахъ, ни судовъ съ ихъ атрибутами, а дисциплина была примѣрная, и фельдфебель въ иныхъ случаяхъ внутренней жизни значилъ въ ротѣ чуть не болѣе ротнаго командира.

Между тѣмъ приближается время производства. Какими душевными треволненіями преисполнялся послѣдній годъ для всѣхъ чаявшихъ право на выпускъ!

Прошелъ послѣдній экзаменъ и выкликнули выпускныхъ. Я оказался первымъ. Объявлено—имя мое вырѣзать на мраморной doскѣ и художнику Икулену заказано срисовать съ меня портретъ, который потомъ долго висѣлъ въ библіотекѣ. Я не шелъ, а летѣлъ домой. Всѣ, со слезами, благодарили Бога за настоящее. У одной матери выпала горькая слезинка. Ей пришла на умъ неизбѣжная, близкая и долгая разлука.

Прошло много лѣтъ. Я—старикъ, но, признаюсь чистосердечно, лучшаго дня я и не испытывалъ въ жизни. Не знаю, почему-то, офицерство меня не радовало. Ни даже гвардія. Все счастье мое заключалось въ настоящемъ и во мнѣ самомъ. Пусть всякій, положивъ руку на сердце, дастъ себѣ отвѣтъ: много ли пережилъ онъ минутъ; минутъ, говорю я, не болѣе, въ которыя могъ бы сказать со всею чистотою помышленій—я никому не завидую и ничего болѣе не желаю. Я имѣлъ счастіе пережить такой день. Мнѣ было хорошо и невыразимо пріятно. Какъ бы ни было незначительно первенство, пріобрѣтенное въ заведеніи, но мнѣ было уже около 18 лѣтъ. Если инстинктъ мѣняется съ лѣтами, то онъ въ 18 лѣтъ все-таки не влечетъ уже къ оловяннымъ солдатикамъ. Благодаря природѣ, въ эту пору сами проскакиваютъ иныя, новыя чувства, и, безъ всякихъ прецедентовъ, лѣзутъ въ голову кое-какія полузрѣлыя соображенія и понятія о собственномъ значеніи... Я получилъ все, что можно было взять и что можно было дать. Это, положимъ, не чудо. Приходилось потомъ видѣть, что берутъ и болѣе, чѣмъ бы, казалось, взять можно; но я получилъ все безъ всякихъ гадостей, безъ происковъ, безъ униженій, безъ покровительства и безъ денегъ. Я трудился, и только, не сознавая и не предчувствуя, что эти первые лавры одного труда будутъ навсегда послѣдними, и что этотъ первый день самоблагодарности и самоуваженія не повторится въ дѣйствительности безъ уступки того, что всецѣло наполняло мою душу—дѣвственно чистой совѣсти.

Потомъ пошли установленные порядки. Насъ, выпускныхъ, отдѣлили въ особое помѣщеніе, вмѣстѣ съ чѣмъ измѣнили и характеръ надзора. Нюханіе табаку и чтеніе стиховъ исключилось изъ криминальныхъ явленій; по крайней мѣрѣ, съ этою цѣлью начальство перестало лазить въ сапоги, выворачивать карманы и разстегивать куртки, но усилило надзоръ въ смыслѣ предупрежденія преступленій. Намъ, какъ чумнымъ, съ трудомъ удавалось входить въ другія роты, а къ намъ изъ тѣхъ ротъ не пускали вовсе. Пошла пригонка платья и, день за день, приготовленіе къ отъѣзду. Наконецъ объявили на завтра. Пошелъ я проститься съ милой своей старухой-матерью, которую уговорилъ братъ, вмѣсто проводовъ, выѣхать въ одинъ часъ со мною, въ противную заставу, на богомолье, въ Сергіевскую лавру. Простился съ дѣдомъ, съ родными, съ Ариною, съ каждымъ уголкомъ нашей невзрачной хаты и, въ послѣдній разъ, вышелъ изъ дому по направленію къ Никитѣ Мученику. Вспомнилъ свое дѣтство. Взглянулъ на ступеньки, на которыхъ сиживалъ, выжидая рѣшенія изъ противоположныхъ воротъ. Вспомнилъ, какъ я входилъ, ведомый трепещущей рукой дѣда въ обитель величія и роскоши.

Вспомнилъ, что все мое настоящее было послѣдствіемъ минуты хорошаго расположенія духа его высопревосходительства—Николая Ивановича; но домъ его уже былъ не зеленый, а желтый. Изъ высокопревосходительства давно уже выросла крапива, и гдѣ онъ ликовалъ и рѣшалъ судьбы, шумно ѣздили взадъ и впередъ прядильные самоходы. Я пошелъ дальше.

На утро, на томъ мѣстѣ, гдѣ мы выстраивались къ смотрамъ, разводамъ и парадамъ, оказался стройный рядъ однообразныхъ, запряженныхъ въ одиночку, телѣгъ съ новыми циновочными кибитками и съ циновками вродѣ полостей. Помолились, позавтракали, простились сердечно и съ начальствомъ, и съ кѣмъ удалось еще, и сѣли попарно въ кибитки. Колеса скрипнули. Екнуло что-то на сердцѣ, и мы выѣхали за ворота по дорогѣ... въ невѣдомую будущность. Это былъ послѣдній выпускъ, который ѣхалъ въ Петербургъ въ кибиткахъ, на долгихъ. Ѣхали 14 дней, но не скучали, несмотря на страшное однообразіе болотъ и перелѣсковъ.

Въ послѣдній день путешествія по московскому шоссе увидали вдали поѣздъ желѣзной дороги. Всѣ вскочили въ кибиткахъ. Это—Царскосельская, сказали намъ. Петербургъ близко. Часовъ въ 7 вечера показались и тріумфальныя ворота, потомъ скучнѣйшій пустырь, хотя и въ чертѣ города. Наконецъ и самый городъ. Улицы, мощеныя деревомъ, множество мостовъ, Исаакій, оплетенный лѣсами, точно паутиною, потомъ опять мосты, опять пустырь, гдѣ теперь Петровскій паркъ и, въ заключеніе, огромныя красныя казармы — знаменитый Дворянскій полкъ. Конечный пунктъ нашего странствованія.

II.

Дворянскій полкъ. — Генералъ Пущинъ. — Петергофскій праздникъ.—Катастрофа.—Атака Золотой горы.—Производство въ офицеры и первый арестъ.

По прибытіи въ Петербургъ насъ встрѣтилъ директоръ Дворянскаго полка Николай Николаевичъ Пущинъ. Какъ ни любезна была встрѣча, но суровый взглядъ и тембръ голоса заставилъ пожелать избѣгать и бояться немилости этого генерала. Только-что успѣлъ онъ поздороваться съ нами, какъ приказалъ ударить тревогу. Не прошло и четверти часа, какъ весь полкъ, два баталіона съ командирствомъ и офицерствомъ былъ уже выстроенъ и выравненъ, въ амуниціи и съ ружьями. Послѣ краткой рекомендаціи насъ, какъ пріѣхавшихъ, приказали было дворянамъ пройти церемоніальнымъ маршемъ. Казалось все гладко, но начальственное око что-то усмотрѣло. Фельдфебеля, на середину!—приказалъ Николай Николаевичъ.

Выбѣжали и выстроились въ рядъ отборные по нашимъ понятіямъ юноши. Ослы!—закричалъ на нихъ Николай Николаевичъ. Послѣ того всеобщаго уваженія, какимъ пользовалось у насъ званіе фельдфебеля, такое отношеніе ко всему составу фельдфебелей, передъ фронтомъ всего полка, насъ и удивило, и еще болѣе устрашило. Экзерциція кончилась. Насъ повели въ уготованное помѣщеніе. Говорятъ, ужинъ готовъ. Дали по кружкѣ сбитню и по пирогу съ манной кашей. Это тоже не по-нашему. Показалось жидко, въ утѣшеніе, намъ сообщили, что такой ужинъ не всегда, и два раза въ недѣлю водятъ даже въ столовую, а тамъ размазня бываетъ. Ну, что же дѣлать: знать правда, что городъ, то норовъ.

Объявили, что на-дняхъ будетъ публичный экзаменъ. Въ своемъ корпусѣ провели послѣ школьной скамейки, безъ занятій недѣль пять, да въ дорогѣ двѣ, да тутъ съ недѣлю, и все въ такую пору, когда въ головѣ совершался кавардакъ невообразимый. Каково же было предстать еще на публичное судилище, въ ожиданіи встрѣтить чужіе уши, глаза и требованія. И самыхъ храбрыхъ страхъ одолѣлъ. Нашъ добрѣйшій инспекторъ, князь Владиміръ Владиміровичъ Львовъ, желая пособить намъ по мѣрѣ силъ, принесъ намъ экзаменные билеты просмотрѣть и по нимъ старое припомнить. Каково же было наше изумленіе, когда мы нашли въ билетахъ, по которымъ насъ будутъ спрашивать, такіе вопросы, о которыхъ никто изъ насъ ничего и не слыхивалъ. Напр., по математикѣ, какія-то системы Фурье, Штурма. Мы къ инспектору. Говоримъ: такъ и такъ, и должны будемъ заявить публично, что объ этихъ системахъ намъ даже не упоминали. Посудилъ онъ, порядилъ, да и объявилъ, что на самомъ дѣлѣ эти системы проходить назначено, почему не включать ихъ въ билеты было нельзя; а такъ какъ билеты внесены уже въ экзаменаціонный комитетъ, то и удалить какіе-либо изъ нихъ невозможно, и затѣмъ осталось одно... авось не вынутся. Между тѣмъ этимъ авось ставилась на карту вся карьера того несчастнаго, которому попадается билетъ. Вотъ какой бывалъ порядокъ!

Пришли въ огромную залу. По срединѣ столъ, покрытый краснымъ сукномъ. На немъ блестящія чернильницы и множество книгъ. За столомъ необозримый рядъ креселъ, а передъ столомъ рядовъ пять казенныхъ скамеекъ,—это нашъ застѣнокъ, мѣсто нашего пытанія... Вошло одно парадное лицо, потомъ другое, еще нѣсколько и повалило, и повалило. Раздался маленькій шорохъ, и въ залу вступилъ бывшій тогда еще Яковъ, а впослѣдствіи Іаковъ Ивановичъ Ростовцевъ.

Власти усѣлись. Откашлялись. Стали вызывать къ столу, а сидящимъ роздали листы бумаги для написанія сочиненій на заданныя темы.

Были само собою кое-какія, даже большія, прорухи; но, слава Богу, первую половину провалили.

Пригласили позавтракать. Славныя кулебяки и еще кое-какія снѣди поддали бодрости и подкрѣпили тѣло. Экзаменующіе тоже подкрѣпились, и вторая половина пошла какъ-то милостивѣе, и притомъ съ маленькою потѣхою. Лицамъ, приглашеннымъ на экзаменъ, въ силу одного приглашенія, не воспрещалось каждому, по своимъ силамъ, попытать экзаменующагося относящимся къ предмету вопросомъ. Воспитанникъ отвѣчалъ на билетъ изъ физики о земномъ магнитизмѣ. Одинъ изъ чужихъ преподавателей, бывшій неподалеку отъ Ростовцева, сдѣлалъ вопросъ: кто открылъ сѣверный магнитный полюсъ?—Воспитанникъ замялся. Ростовцевъ, вполголоса, спросилъ вопрошавшаго—кто?—Оказалось, что тотъ и самъ забылъ въ эту минуту. Невольная улыбка начальствующаго, къ нашему благополучію, придала улыбающійся характеръ всему дѣлу, и экзаменъ кончился.

Черезъ нѣсколько дней начались смотры и потомъ выступили въ лагерь, въ Петергофъ. Насъ включили, какъ составную часть перваго баталіона, въ общій составъ съ Пажескимъ корпусомъ и только-что преобразованною школою гвардейскихъ подпрапорщиковъ, и поставили въ правофланговыхъ палаткахъ лагеря, совершенно отдѣльно отъ Дворянскаго полка, что преисполнило насъ неописанною радостью. Дворянскій полкъ намъ пришелся что-то не по сердцу.

Вступленію въ лагерь предшествовали маневры. Залѣзли ночью куда-то въ овраги, едва выбрались. Увидѣли, какъ по увѣдомленію о приближеніи полковника Свѣтлова, который усиленно преслѣдовалъ всякое отступленіе отъ служебныхъ и воспитательныхъ требованій, орудіе артиллерійскаго училища хватало по указанному направленію, будто-бы огурцами. Все это было для насъ и ново и забавно. Преддверіемъ окончанія похода былъ Петергофскій садъ, показавшійся намъ совершеннымъ Вавилономъ. Чистота, декоративность, фонтаны. Къ тому же въ саду шли приготовленія къ одной изъ тѣхъ сказочныхъ иллюминацій, которыя устраивались ежегодно 1-го іюля. По этому поводу весь садъ былъ оплетенъ стелажами, какъ кружевами, и въ концѣ, ко взморью, грандіозная постройка щита, одиннадцати саженъ высотою.

Лагерь начался при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Готовилась свадьба великой княгини Маріи Николаевны, почти ежедневно пріѣзжала въ лагерь императорская фамилія и за каждымъ посѣщеніемъ слѣдовало разрѣшеніе гулять. Первые дни конечно садъ привлекъ все вниманіе, а потомъ всегда открытыя для кадетъ фабрики писчебумажная и гранильная взяли верхъ. До того насъ поразило и заняло производство бумаги, что многіе не только могли начертить

наизусть обѣ дѣйствовавшія машины, но знали относительное число оборотовъ валовъ и колесъ. А когда добрались до Монплезира, то и прелесть невиданнаго до того моря не осталась безъ вліянія.

Вечеромъ, именно наши, московцы, цѣлыми толпами собирались на привѣтную площадку и могли безъ шуму и говору насыщаться какими-то новыми думами, — и также молча шли оттуда обыкновенно прямо въ лагерь. А подумать было о чемъ! Офицерство приближалось съ каждымъ днемъ и чѣмъ ближе подходилъ ожидаемый срокъ, тѣмъ замѣтнѣе стушевывался на большинствѣ колоритъ ребячества. Ко многому удалось присмотрѣться, многое пришлось повыслушать, и результатомъ всего была общая, невеселая дума. Насмотрѣвшись поближе на то, что называлось офицерствомъ, даже въ то, славное для военнаго званія время, многіе повѣсили носы. Нужда пугать стала.

Въ теченіе лагеря состоялась и та знаменитая иллюминація, которой мы видѣли уже приготовленія. Днемъ праздника, вмѣсто 1-го іюля, дня рожденія императрицы, какъ всегда бывало, назначено было 11-е іюля, день ангела вел. княгини Ольги Николаевны. Мы уже отобѣдали, небо стало хмуриться, поднялся вѣтеръ и за нимъ буря, какая рѣдко бывала. Въ Петербургѣ въ этотъ день потонулъ на перевозѣ отецъ извѣстнаго артистическаго семейства — Самойловъ. На морѣ случилось несчастій множество. Тогда между Петербургомъ и Петергофомъ ходили только два Бердовскіе парохода—„Петръ Великій“ и „Михаилъ“ и ходили они въ одинъ путь, часовъ пять и болѣе, а если бы взглянуть теперь хотя на фотографическій снимокъ съ тѣхъ пароходовъ, то оставалось бы только пожалѣть, зачѣмъ ихъ не сохранили для обузданія претензій тѣхъ, кто недоволенъ настоящимъ. Кто не попалъ на пароходъ, тотъ плылъ на ладьяхъ различныхъ конструкцій, и эта-то несчастная флотилія попалась цѣликомъ въ бурную передрягу.

Но чтобы имѣть понятіе о томъ, какъ достигало Петергофа большинство посѣтителей иллюминаціи, нужно было отправиться на задній плацъ, который отводился для возобновлявшагося ежегодно табора. Представьте себѣ огромнѣйшій лугъ, загроможденный экипажами всѣхъ бывшихъ тогда образцовъ и, въ томъ числѣ, телѣгъ по преимуществу. Между и около снуютъ съ крикомъ всевозможные продавцы, сбитенщики и т. п. Во множествѣ дымятся самовары, и происходятъ разныя семейныя сцены. По наставленію опытныхъ уже и видавшихъ виды, мнѣ удалось, въ числѣ немногихъ, проскользнуть за цѣпь, ограждавшую импровизированный таборъ отъ нашествія кадетъ. Часу въ шестомъ буря стала стихать, и разнеслась молва, что гулянье не отмѣняется. Въ саду уже послышалась музыка. Пріѣз-

жимъ пора собираться; на множествѣ телѣгъ, по угламъ, водружены колья и кругомъ все затянуто простынями, а гдѣ попроще, и рогожками. Такихъ подвижныхъ палатокъ множество; мы направились къ одной, около которой толпилось семейство душъ изъ семи, откуда слѣдовало, что стоявшій около ковчегъ служилъ вмѣстилищемъ для всего семейства; когда мы подошли, господинъ въ содѣйствіи какого-то оборвыша, отжившаго свое время типа—крѣпостнаго, подсаживалъ увѣсистую барыню, которой видимо было трудно и физически и нравственно влѣзать публично чрезъ высочайшія грядки въ глубочайшую телѣгу. Наконецъ, она скрылась за простынями. Барыня оттуда кликнула, а баринъ повелѣлъ лѣзть туда же дѣвкѣ. Эта вскочила быстро. Прошло немного времени, простыни распахнулись, и предъ нами предстала на телѣгѣ та же барыня, но уже барынею въ полномъ смыслѣ, въ шляпкѣ, въ шали и въ чистомъ платьѣ Супругъ и лакей приняли ее. Полѣзла новая замарашка, должно быть, дочка. Рѣшились подождать, какъ подѣйствуетъ на эту купель преобразованія. Вылѣзла вся въ бѣломъ съ розовымъ кушакомъ. Мы ушли.

Гуляющихъ не удаляли насильно изъ саду, и потому одни изъ благоразумной предусмотрительности не найти ночью въ полѣ своего рыдвана, а другіе по извѣстнымъ имъ причинамъ, оставались въ саду до разсвѣта; тѣ же, которые двинулись на задній плацъ отыскивать средствъ къ возвращенію въ городъ, являли собою картину орды, собирающейся на перекочевку.

Послѣ такой ночи, конечно, и утро могло быть чревато происшествіями, но до насъ дошли немногія.

Отъ потрясеній бури свалилось съ лѣсовъ иллюминаціи множество шкаликовъ, которые и разбились. Подрядчикъ ли, матросы ли, наряженные зажигать иллюминацію, но кто-то, собравъ весь этотъ бой, ухнулъ его съ пристани въ море и какъ разъ угодилъ на то, вычищенное какъ бархатъ мѣсто, на которомъ купались кадеты. Въ урочное время привели первую партію и какъ только окунулись первые, поднялся крикъ самый раздирательный. Лѣзутъ вонъ всѣ въ крови, перерѣзались. Множество отправили въ лазаретъ. Государь навѣщалъ каждый день. Несчастныхъ послѣдствій не было.

Другой случай. Трое офицеровъ, путейцевъ, пожелавъ дать отдыхъ своей истрепавшейся плоти и, не зная куда пріютиться, стали спрашивать по домамъ, нѣтъ ли, или гдѣ бы можно найти уголокъ, чтобы преклонить голову до утра. Находчивый дворникъ, или кучеръ, богатаго дома, отрицая успѣшность поисковъ и въ чаяніи щедрой подачки, предложилъ ихъ благородіямъ подняться на сѣнникъ надъ сараемъ. Усталость соблазнила. Утромъ встанутъ поранѣе, никто не узнаетъ, а уснуть удастся и крѣпко хочется. Поднялись по подставленной

снаружи лѣстницѣ, да и заспались. Первый, кто проснулся, и видитъ, что на дворѣ день и должно быть не рано. Толкнулъ другихъ. Взглянули на дворъ, а лѣстницы нѣтъ—засуетились, какъ быть! Дворникъ замѣтилъ и подставилъ лѣстницу. Они къ окну, а прямо передъ ними, на террасѣ, все семейство и со своими гостями кушаютъ кофе. Что дѣлать! Подобрали шпаженки, да и поддерживая шляпенки, по всѣмъ правиламъ господствовавшаго у нихъ танцевальнаго искусства, стали спускаться задкомъ, да гуськомъ, со ступеньки на ступеньку, а потомъ мимо публики бочкомъ, да и въ калитку. Долго о нихъ ходили разсказы.

Вскорѣ за этимъ праздникомъ пошелъ слухъ, что насъ поведутъ на фонтаны. Что это значило, мы не знали, но въ одинъ прекрасный для насъ день отдано было приказаніе—надѣть самое старое платье, до рваныхъ сапоговъ включительно, для чего и вытащено изъ цейхгаузовъ все необходимое. Одѣваться было какъ-то брезгливо и скверно; но одѣлись, выстроились, и насъ повели въ садъ.

Кто бывалъ въ Петергофѣ, тому извѣстны въ группѣ фонтановъ у дворца, въ сторонѣ къ Самсону, ступенчатые каскады. Каждая ступень аршина въ полтора вышиною, такихъ семь или восемь, и когда сверху пущена вода, то она льется каскадами съ одной ступени на другую, толстѣйшимъ слоемъ и съ большою силою. Все это богато и красиво.

Подошли мы къ одной изъ такихъ горъ всей командой. Внизу стоитъ государь. Ну, московцы, маршъ на приступъ!—сказалъ его выличество. Теперь мы поняли, что значитъ ходить на фонтаны. Иному ступень до подмышекъ. Вода хлещетъ и смываетъ. Платье все промокло прежде, чѣмъ добрался до первой ступени. У кого подлиннѣе ноги, да кто побойчѣе, одолѣлъ одну, двѣ ступени впереди другихъ, тому полегче, а остальная куча полощется, кувыркается, захлебывается, а все-таки, въ концѣ концовъ, всѣ до одного доберутся до верху. Тутъ первыхъ трехъ ожидаетъ подарокъ изъ собственныхъ рукъ государыни. Давались работы гранильной фабрики и большею частью кольца изъ яшмы или сердолика.

Такія эволюціи были обязательны для всѣхъ кадетскихъ корпусовъ безразлично.

Потомъ начались смотры; а затѣмъ кончился и лагерь. Перешли въ городъ. На другой день, 8-го августа, пріѣхалъ Яковъ Ивановичъ со множествомъ пакетовъ. Поздоровался и крикнулъ прапорщикъ такой-то, назвавъ мою фамилію и вручая мнѣ пакетъ, поздравилъ офицеромъ. На пакетѣ было написано: прапорщику лейбъ гвардіи Волынскаго полка такому-то, а въ пакетѣ высочайшій приказъ. И такъ я болѣе не кадетъ. Прощай, корпусъ. Кромѣ добра вспомянуть нечѣмъ.

Если бы не попалъ подъ твою кровлю, Богу извѣстно, что бы меня ожидало.

При порядкахъ и строѣ внутренней жизни корпуса, въ описанный мною періодъ, много далъ корпусъ благодарной и полезной молодежи, изъ которой одни покончили свое существованіе быть можетъ и славно, но скромно, а другіе блистали потомъ на высокихъ мѣстахъ государственной администраціи, какъ напр., перечисляя на память, безъ всякаго намѣреннаго порядка—генералы-отъ-инфантеріи: Гедеоновъ, Бруннеръ, Своевъ, Померанцевъ, Джемарджидзе, Кармалинъ. Генералъ-адъютанты: Ванновскій—бывшій военный министръ; Исаковъ—главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній и членъ Государственнаго Совѣта; Мордвиновъ—членъ Военнаго Совѣта. Тайные совѣтники—Апухтинъ и Воронцовъ—попечители учебныхъ округовъ.

Перехожу къ новой жизни. Получивъ приказы изъ рукъ Якова Ивановича, нѣкоторые рѣшились спросить его, можно ли надѣть офицерскую форму? Можно, да осторожно, отвѣтилъ онъ. Лучше пообождать, покуда васъ осмотрятъ. Но для многихъ сказанное можно было болѣе, чѣмъ нужно, и черезъ два часа легко было встрѣтить въ городѣ не одну уже юную офицерскую фигуру, у которыхъ кадетская каша еще на губахъ не обсохла.

Начались примѣрки и осмотры. Построили новое офицерство въ шеренги и велѣли идти рядами съ Петербургской стороны въ дворецъ Михаила Павловича. Выстроили сначала въ манежѣ, еще осмотрѣли и повели въ садъ. Великій князь осмотрѣлъ, что называется во всей подробности, каждаго по одиночкѣ, сдѣлалъ наставленіе, постращалъ, поздравилъ и разрѣшилъ обновить форму. Всякій собрался бѣжать куда глаза глядятъ, но дальнѣйшія соображенія были охлаждены приказаніемъ генерала Пущина явиться всѣмъ въ Дворянскій полкъ не позже 9 часовъ.

Черезъ два дня начали принимать присягу, а наканунѣ репетицію присяги. Я, въ силу званія офицера, считалъ достаточнымъ сказать дежурному офицеру, что ухожу въ городъ, но мнѣ предложили еще разъ, уже послѣдній, получить по прежнему порядку билетъ за подписью ротнаго командира. Долго хранилъ я этотъ билетъ, чисто кадетской формы, въ которомъ значилось, что предъявитель сего, лейбъ-гвардіи Волынскаго полка прапорщикъ NN, уволенъ изъ Дворянскаго полка въ отпускъ до 8 часовъ вечера, сего 12-го августа 1839 г.

Во время пребыванія въ Дворянскомъ полку я не успѣлъ вовсе ознакомиться съ Петербургомъ и, надѣвъ въ первый разъ офицерскую форму, пошелъ къ портному и оттуда куда попало. Къ удивленію встрѣтилъ на одномъ изъ мостовъ единственнаго извѣстнаго мнѣ господина, хорошаго знакомаго моего семейства. Онъ встрѣтилъ меня

очень ласково и пригласилъ ѣхать къ нему обѣдать въ Царское Село, сказавъ, чтобы я шелъ прямо на желѣзную дорогу, а онъ прибудетъ туда же, только съѣздивъ въ лавку. До поѣзда еще полчаса. Я, не зная дороги и боясь опоздать, спросилъ извощика, что возьметъ до вокзала? Назначилъ цѣлковый. Поѣздилъ я по какимъ-то закоулкамъ, торопя извощика и, наконецъ, прибылъ благополучно. На замѣчаніе мое, что извощикъ, кажется, взялъ дорого, мой знакомый расхохотался отъ души. Онъ объяснилъ, что мы встрѣтились на Семеновскомъ мосту и что станція была чуть не за слѣдующимъ домомъ. Извощикъ надулъ: понялъ съ кѣмъ дѣло имѣетъ.

Пріѣхали въ Царское. Ну, пообѣдали, погуляли, такъ, что я, какъ будто по обстоятельствамъ отъ меня не зависѣвшимъ на послѣобѣденный поѣздъ опоздалъ и остался до слѣдующаго. Пріѣзжаю въ Дворянскій полкъ около 9 часовъ, и первый, кого я встрѣтилъ, былъ дежурный по полку, потребовавшій тутъ же мою невинную полусаблю, объявивъ, что за неприбытіе къ назначенному въ билетѣ сроку Николай Николаевичъ, т. е. Пущинъ, приказалъ меня арестовать. Вотъ какъ пришлось обновить свою форму.

На другой день была присяга и актъ. Молодые офицеры выходили и получали подъ музыку, кто книги, кто часы и т. д. Такая роль офицеровъ намъ показалась странною, но здѣсь это было въ обычаѣ.

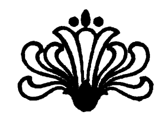
Вечеромъ объявили, что вновь произведенные дня черезъ два начнутъ отправляться изъ Петербурга по мѣстамъ службы. Въ то время объ отпускѣ тотчасъ послѣ производства никто не смѣлъ и думать, хотя другому такой отпускъ могъ быть куда какъ кстати.

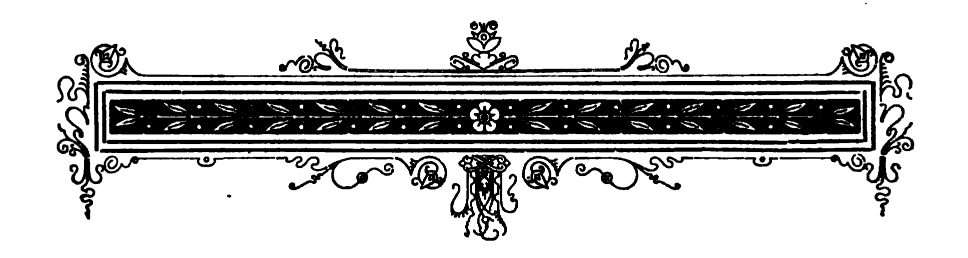
При выпускѣ, офицерамъ гвардіи давалось тройное жалованье на экипировку и, кромѣ того, годовое, въ видѣ пособія, такъ что, за окончаніемъ полнаго обмундированія, оставалось еще достаточно на скромное обзаведеніе кое-какими хозяйственными принадлежностями, а выпускавшимся не въ гвардію давалось только одно третное жалованіе, что̀ на теперешнія деньги составляетъ рублей около пятнадцати, а тогда, на ассигнаціи, составляло около двухсотъ, и на счетъ этой суммы строилась только та форма, какая была необходима, чтобы представиться начальству, т. е. киверъ съ различными украшеніями, фуражка, мундиръ и шинель. Сюртукъ даже не давался, и дорогу на почтовыхъ поѣзжай въ чемъ знаешь. Одна пара сапоговъ и двѣ смѣны бѣлья. Изъ всѣхъ денежныхъ ресурсовъ возлагалась надежда только на экономію отъ прогоновъ—она же должна была служить и источникомъ для пропитанія. Каково вступленіе въ ожидаемую новую жизнь съ офицерскимъ званіемъ, когда до того съ малолѣтства пріучали ходить по вѣчно блестящимъ паркетамъ. Пріучали мѣнять

бѣлье два раза въ недѣлю и не лишали права быть разборчивымъ въ трехъ хорошихъ блюдахъ на обѣдъ и двухъ на ужинъ.

А что еще ожидало впереди! самому себѣ вѣрится съ трудомъ. Жалованье, какъ извѣстно, отпускалось не каждый мѣсяцъ, а по третямъ года, по прошествіи трети, съ тѣмъ чтобы на полученныя деньги умѣть прожить слѣдующіе четыре мѣсяца. Произведенные 8-го августа разсчитывали, по прибытія къ своимъ частямъ, получить, хотя, гроши, но все-таки получить, что причтется съ 8-го августа по конецъ трети, т. е. по 1-го сентября. Всю эту бухгалтерію многіе, по необходимости, очень скоро узнали, но по прибытіи въ свои части, узнали, что прежде всего изъ предстоящихъ денежныхъ выдачъ будетъ удержано мѣсячное жалованье за чинъ, да потомъ еще гдѣ на библіотеку, гдѣ на доктора или на церковь, гдѣ въ офицерскій капиталъ, и, въ концѣ концовъ, всѣ вновь выпущенные, 1-го сентября, могли приложить только руку въ казначейской книгѣ, а какъ жить и пробавляться предстоявшіе четыре мѣсяца, предоставлялось разрѣшать изобрѣтательности каждаго по-своему.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сибирскіе скопцы[1]).

(Историко-бытовой очеркъ).

II.

Радѣнія скопческія заключаются въ пѣніи, сопровождающемся разными тѣлодвиженіями, которыя скорѣе походятъ на танцы, чѣмъ на скромную молитву. Мотивъ пѣсенъ напоминаетъ „По улицѣ мостовой". Пѣсенъ множество, это цѣлая скопческая поэзія, неуклюжая по формѣ и часто безсмысленная по содержанію. Воспѣваются, главнымъ образомъ, Искупитель, второй сынъ Божій, т. е. Петръ III, и богородица, Акулина Ивановна, т. е. императрица Елизавета Петровна. Имя Христа упоминается неопредѣленно, и можно думать, что оно скорѣе относится къ лицу того же Петра III, либо имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ хлыстовщинѣ. Петръ III называется честь-державой, гостемъ богатымъ (скопцы любятъ богатство), также святымъ духомъ, духомъ утѣшителемъ, государемъ-батюшкой, золотымъ орломъ и бѣлымъ орломъ-страдателемъ, россійскимъ соловьемъ и хозяиномъ-корабельщикомъ. Онъ, какъ воплотившійся богъ, изображается частію въ земной своей жизни, какъ страдающій на землѣ, частію въ небесной—сидящимъ на престолѣ, куда скопцы обращаютъ свои моленія и ходатайства. Наступитъ время, когда онъ будетъ судить всѣхъ вѣрныхъ и невѣрныхъ. Скопцы, называемые матросами, пташечками и виноградным садомъ, постоянно чувствуютъ себя виноватыми передъ вторымъ Искупителемъ своимъ, потому, что живутъ не такъ, какъ онъ заповѣдалъ. Главная вина ихъ заключается въ разнузданности плоти и буйствѣ духа. Прося прощенія у Искупителя, они въ то же время просятъ у него заступничества въ претерпѣваемыхъ гоненіяхъ отъ невѣрныхъ іудеевъ, т. е.

[1]) См. „Русская Старина" іюль 1905 г.

правительства. Радѣнія скопческія подраздѣляются на слѣдующіе виды:

А) Корабельное радѣніе, которое состоитъ въ томъ, что всѣ скопцы, одѣтые въ бѣлыя, длинныя рубахи, каждый съ бѣлымъ платкомъ въ рукѣ, одинъ конецъ котораго подается въ руку другаго, рядомъ стоящаго, и такимъ образомъ платки служатъ связующимъ звеномъ между всѣми,—образуютъ кольцо, которое колышется, извиваясь подъ тактъ пѣсни. Каждый какъ будто стремится догнать своего сосѣда и такимъ манеромъ бѣгаютъ одинъ за другимъ. Пѣсни, входящія въ составъ корабельнаго радѣнія, большею частію слѣдующія, и начинается оно всегда однимъ и тѣмъ же распѣвомъ:

1.

Благослови насъ, государь батюшка родной,
Повели намъ, гость богатый, дорогой,
Про твою милость, батюшка, намъ спѣть,
Про твое, государь, сошествіе, про житье,
Что приходитъ на насъ грѣшныхъ забытье.
Забыли всѣ мы разумы—умы,
Мы поставлены на дорожкѣ, на пути,
Обѣщались служить, батюшка, тебѣ;
Мы душами и плотями отдалились,
Сколько силы нашей, государь, мочи есть,
Мы повинны предъ тобой, государь.
Какъ намъ, батюшка, отдать отвѣтъ,
А мы съ батюшкой совѣтовали совѣтъ,
Чтобы батюшка отъ всѣхъ просьбу принялъ,
Духи бурные унялъ.
Чтобы батюшка во всѣхъ грѣхахъ простилъ,
И благовѣстника свята духа спустилъ;
Помиловалъ бы насъ, грѣшныхъ, похранилъ,
Непорочнымъ своимъ даромъ подарилъ,
И небеснымъ своимъ покровомъ покрылъ.
Мы прославимъ своего батюшку отца,
И до вѣку, до конца.
Богу слава, честь, держава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

2.

Искупитель батюшка,
Надежда великая,
Держава крѣпкая.
Держава свѣтъ нашъ батюшка,
Покровы небесные,
Во всѣ сердца вложилъ искру божественную,
А нонче, батюшка, сокровище тайное,
Свѣтъ ты нашъ укрылся,
Крѣпко затворился.
Нигдѣ мы батюшку, нигдѣ не отыщемъ.

Приди къ намъ, батюшка, пастырь пребожественный
Пробуди сердца наши, темнотой сокрытыя
И въ умахъ забытыя.
А нонче, батюшка, пастырь пребожественный,
Свѣтъ ты къ намъ явился,
Слезами залился.
Богу слава, честь, держава и т. д.

Въ этой, какъ и въ другихъ, пѣсняхъ скопцы подъ вліяніемъ экстаза воображаютъ, что ихъ Искупитель батюшка, услышавъ ихъ просьбу низойти къ нимъ, дѣйствительно какъ бы присутствуетъ уже между ними, и бесѣдуетъ съ ними.

3.

Вы избранные мои,
Вамъ показаны раи.
Идете прямо въ рай
И на спасителя взирай!
Смотрите, други мои,
Не оступитеся на край;
Вы живете на землѣ близъ синяго моря,
Не дѣлайте въ будущемъ душамъ своимъ горя.
Не забудьте вы про то,
Кто порукою за васъ
Смотрите, други,
Чтобы свѣтъ въ васъ не угасъ.
Кто безъ свѣта то пойдетъ
Тотъ и самъ въ муку зайдетъ,
А мнѣ это Богу жаль,
Вы достались мнѣ не шаль (не зря).
Какъ во Тулѣ то страдалъ
Обо всѣхъ васъ вспоминалъ,
И оковы то носилъ
Обо всемъ Бога просилъ.
Крестъ распятый претерпѣлъ,
Пташку райскую вамъ пѣлъ,
Глаголовалъ, говорилъ,
Чистоту хранить велѣлъ
Храните вы чистоту,
Не забуду на свѣту.
Богу слава и т. д.

Этотъ распѣвъ поется при приводѣ неофита въ секту, и всегда при одномъ только корабельномъ радѣніи. „Въ Тулѣ страдалъ"— здѣсь скопцы разумѣютъ Искупителя своего. По указанію однихъ Селивановъ въ 1770-хъ годахъ былъ арестованъ первоначально не въ Моршанскѣ, а въ Тулѣ; вообще же исторія скопцовъ не отличается точностію.

4.

Надо, братцы, намъ собраться
Во единый во соборъ,
Крѣпко думушку подумать
Про между самихъ собой.
Горьки слезушки прольемъ,
Съ неба птичку созовемъ
Мы россійскаго соловья,
Чтобъ пропѣлъ намъ всѣ дѣла,
Что садилъ вездѣ сады,
И онъ самъ свѣтъ поливалъ.
Богу слава, честь, держава.

Птица „райскій соловей", какъ было сказано, это—Искупитель, а сады—это скопческіе кружки, организаціи или секціи. „Поливалъ" значитъ, училъ, проповѣдывалъ.

5.

Мы сойдемся, други милы, побесѣдуемъ, любезны,
Про нонѣшни времена, какъ апостолы пророки поднимались въ небеса.
Видно, правдой они жили,
Чистоту дѣвства хранили,
Въ домахъ лести не творили,
Клеветы—лжи не складали,
Только плакали, рыдали,
Своей вѣрой, чистотой
Духовъ злыхъ изгоняли.
Богу слава и т. д.

6.

Запоемъ Христосъ воскресе
Во соборѣ теперь здѣся,
Станемъ просить отъ престола,
Что не даютъ намъ жить въ просторѣ,
Всегда гонятъ, тѣснятъ, бьютъ,
Пущай мучаютъ до смерти,
А мы съ радостью претерпимъ,
Хоть сидимъ теперь въ острогѣ,
Скованы руки у насъ, ноги.
О! Предвѣчный нашъ Судья!
Дай терпѣнія намъ, помочи (силы)
Научи слово сказать,
Какъ тебя намъ величать.
Поютъ предъ нами пророки,
Объявляютъ всѣ пороки.

Зависть нами овладѣла,
Благодати у насъ не стало,
Вселилась гордость въ насъ,
Оборвала со всѣхъ снасть.
Сине море колыхало,
По лѣсамъ вода разлилась,
Корабли всѣ обмелѣли
И матросы разошлися.
А хозяинъ ихъ корабельщикъ
Выступаетъ на корабль,
Выступаетъ правой ногой,
Затрубитъ златой трубой.
Матросы на гласъ сошлися,
Виноватыми нашлися.
А хозяинъ ихъ корабельщикъ
Всѣ вины онъ имъ прощаетъ
И впредь дѣлать запрещаетъ,
Велитъ сильно работать
И веслами выгребать.
Вдругъ веслами гребануть,
Матерь Божью вспомянутъ.
Матерь Божья умилилась,
Въ кораблѣ у насъ явилась.
Хозяинъ ей поклонился
За престоломъ съ ней садился.
Пошла служба, гласъ и пѣнье
Всѣмъ матросамъ на утѣшенье.
Вдругъ матросы закричали:
Мы сердцами теперь здравы!
Выплывать будемъ изъ моря,
Не сдѣлаемъ душамъ горя.
Тяжело якорь закинемъ,
Корабль въ морѣ не покинемъ.
Богу слава, честь, держава!

7.

Благослови тайный синодъ
Своихъ вѣрныхъ сиротъ,
На святомъ Божьемъ пиру
Хвалу Господу воздать,
Намъ свята духа созвать,
Чтобъ онъ нашъ государь
Съ седьмаго неба сошелъ
И по древячкамъ прошелъ.
Никого онъ не просилъ,
И вселился свѣтъ въ него,
Пошелъ глаголъ отъ него.
Идетъ слово отъ пророка:
А еще, мои любезные,

Скажу Божье вамъ слово,
Чтобъ казна была готова,
Неявная, братцы, тайная
Идетъ съ неба, други, манная.
Не откладывайте времена,
Собирать буду сѣмена.
Поставь гдѣ зерцалъ,
А самъ пойду по сердцамъ.
Растворятся узы-двери,
Издивятся архиреи,
Всѣ явные сенаторы
Великимъ его страдамъ.
Нашъ батюшка государь
Онъ послѣдній разъ страдалъ.
Умились, мой Саваоѳъ,
Волю твою творю,
Всѣмъ праведнымъ говорю,
Законъ хранить велю.
Дорогая, братцы, птица
Скоро свѣтъ являетъ.
Богу слава и т. д.

Б) Круговое или кружковое радѣніе, заключающееся въ томъ, что каждый скопецъ, стоя на одной ногѣ, вертится подъ тактъ слѣдующихъ распѣвовъ:

8.

Пойте, пташки, во саду,
Разгуляться къ вамъ иду,
Воспой, молодецъ творецъ,
Чтобъ услышалъ Богъ отецъ,
Послалъ золотой вѣнецъ.
А я, искупитель, прикажу
Вы затеплите сердечную свѣчу.
Поскорѣе убирайтесь во уборъ,
Позову всѣхъ на судъ, будетъ переборъ.
Вѣрныя мои дѣтушки будутъ горевать,
Плакать и рыдать,
Искупителя буду въ сердцахъ часто вспоминать.
Скоро я, дѣтушки, буду у васъ.
Изъ Иркутска, дѣтушки, я прикачу,
Вы затеплите сердечную свѣчу.
Маловѣрныя дѣтушки будутъ горевать,
Плакать и рыдать.
Сквозь Москву надежда прикатитъ,
И въ Москвѣ чудеса онъ сотворитъ.
И безбожнымъ іудеямъ говоритъ:
Не живите вы іудеи со постомъ,
Вы гонители за Іисусомъ Христомъ.

9.

Государь нашъ родимый батюшка
Государыня наша матушка!
Вы задумали, наша матушка,
Изъ дворца укатить.
Онъ и честно, онъ и хвально
Благословилъ его крестомъ,
Моленіемъ и постомъ,
И чувствительнымъ крестомъ.
Здѣсь мы крестъ приподняли,
Своему брату отдали.
Не хочу быть царь-царемъ
И земнымъ я королемъ.
Потому я оставляю
Всю земную суету,
Свою ленту голубую,
Свою шпагу золотую.
Ангелъ божій шпагу взялъ
И на престолъ ее поднялъ,
Честнымъ ангеломъ назвалъ,
Въ небо рученьки поднялъ
И во вторую жизнь подѣялъ,
Во вторую жизнь взялъ,
Во второе перекрестился,
По бѣлу убѣлился.
Богу слава и т. д.

Изъ этой пѣсни видно, что скопцы обрѣзаніе называютъ вторымъ крещеніемъ.

10.

На горѣ-горѣ, на Сіонскіѣ, Преображенскіѣ
Стояла тамъ церковь соборная,
Соборная и богомольная,
Со свѣчами она ерусалимскими,
Со крестами она съ позлащенными,
Со стѣнами она драгоцѣнными,
Драгоцѣнными, безцѣнными.
Съ ними богъ богамъ
И съ ними царь царямъ,
Съ ними вся силушка несчетная,
Они кормщики, корабельщики,
Именитые, знаменитые,
Все скопцы, бѣльцы,
Все страдатели земли греческой (?!)
Они скуплены искупителемъ
И святымъ духомъ утѣшителемъ.
Богу слава, честь, держава.

Въ этой пѣснѣ слова „богъ богамъ“ указываютъ на то, что по представленію скопцовъ богъ не одинъ, а есть какъ бы и другіе боги.

11.

Богъ живой къ намъ безсмертный
Обѣщался къ намъ явиться,
Отъ страдовъ (страданій) освободиться,
Изъ неволи прикатиться.
Поспѣшайте, мои други,
Сердечные храмы строить,
А жива бога спокоить.
Запѣвайте гласы новы,
Что Христосъ у насъ воскресе
И пасха нова наготовѣ.
Со слезами вы примите,
Въ небо руки поднимите,
Жалкій голосъ подавайте,
И ни объ чемъ не унывайте.
Что Христосъ у насъ воскресе
И въ соборѣ съ нами здѣся.
Вы просите, не убойтесь,
Въ моемъ кладезѣ умойтесь;
Тогда будете вы бѣлы,
Поведу васъ въ райски предѣлы.
Увидите тогда сами,
Какъ Господь да будетъ съ вами,
Будетъ съ вами обитать
Во крылахъ будетъ летать.
Богу слава и т. д.

12.

Какъ во нонѣшнее время,
При матушкѣ, при царицѣ
Акулинѣ Ивановнѣ,
Какъ расплакались сироты,
Поклонилися ей въ ноги,
Просили силы и помоги,
Чтобы землю обновить,
Гордость, лѣность истребить.
Богу слава и т. д.

13.

Блаженный, преблаженный,
Блаженная твоя часть
Не могла къ тебѣ прикачнуться (прикоснуться)
Никая больша страсть.
Колесница громомъ гласитъ,
На землѣ жилъ и былъ спасенъ
И засудилъ божіимъ судомъ.
Плоть на части изрывалъ,
Во трудѣ и вѣрѣ пребывалъ,
Плоть слезами обмывалъ
Къ себѣ грѣшныхъ призывалъ.
Богу слава и т. д.

14.

Небесныя райскія пташечки
Во зеленый садъ солетались,
Они жалко сгорьковались (стосковались),
Всѣ батюшки сгоревалися,
Съ бѣлымъ орломъ, со страдателемъ.
Долго агнецъ на страданіи пребывалъ
И пташекъ къ себѣ призывалъ,
Долго пташки не видались,
Съ бѣлымъ орломъ, со страдателемъ.
Негдѣ, агнцы, и гнѣздышка мнѣ свить,
Вездѣ вижу я хищныхъ птицъ,
Не даютъ житья—покоя на землѣ.
Богу слава и т. д.

15.

На востокѣ растетъ садъ,
Расцвѣталъ бѣлъ виноградъ.
Названъ былъ тотъ Питеръ градъ.
Во садочкѣ златъ орелъ,
Безпрестанно жалко пѣлъ,
Райскихъ пташекъ жалѣлъ.
Онъ всегда ихъ утверждалъ,
Подъ деснымъ крыломъ держалъ,
Самъ всегда намъ подтверждалъ:
Вы идите, не убойтесь,
Въ моемъ кладезѣ умойтесь,
Тогда будете вы бѣлы,
Поведу въ райски предѣлы.
Увидите тогда сами,
Что живой богъ будетъ съ вами.
Онъ васъ будетъ подтверждать
И царствіе обѣщать,
Будетъ съ вами обожать,
Въ тайнѣ праздникъ совершать.
Богу слава и т. д.

В) Крестовое радѣніе скопцы становятся въ нѣсколько паръ другъ противъ друга. По формѣ это первая фигура французской кадрили, толька разница въ томъ заключается, что не берутъ другъ друга за руки, а все остальное есть копія съ этой фигуры. Поются распѣвы: „Надо, братцы, намъ собраться“, „Мы сойдемся, други милые“, и затѣмъ продолжаютъ:

16.

На восточной было на сторонушкѣ
При большой, при буйной дороженькѣ,
Выросталъ зеленый виноградъ—садъ.
Среди того садику винограднаго

Выростало древячко кипарисное.
На древячкѣ цвѣтики цвѣты царскіе,
На цвѣтахъ птицы райскія.
Среди того садику винограднаго
Выростало древячко благодатное,
Выростало древячко до седьмыхъ небесъ.
Сотворило древячко много чудесъ.
Расцвѣлъ въ немъ бѣлый цвѣтъ
Во весь бѣлый свѣтъ.
То-то было времячко, золотые года,
Наслаждались пташечки счастливой порой,
Счастливой порой, красной весной.
А царемъ былъ у пташечекъ золотой орелъ,
Воспитывалъ онъ пташечекъ духовной ѣдой,
А поилъ онъ пташечекъ живой водой,
Сберегалъ онъ пташечекъ подъ своимъ крыломъ,
А когда придетъ, други, лѣто теплое
Зайдутъ на васъ тучи грозныя,
Поднимутся воздухъ, вѣтры буйные.
Зашумятъ на васъ, дѣтушки, лѣса темные,
Закричатъ на васъ, дѣтушки, враны черные,
Возьмутъ меня золота орла за оба крыла,
Поведутъ отъ дѣтушекъ, широка двора,
Запрутъ меня золота орла въ тѣсну клѣточку,
Долго не услышите обо мнѣ вѣсточку.
Вѣрны мои дѣтушки будутъ вспоминать,
Будутъ меня вспоминать, плакать и рыдать.
А невѣрны дѣтушки станутъ забывать.
Безъ поры, безъ времячка завянетъ мой садъ,
Многи деревьица отправятся назадъ.
Исполните, дѣтушки, мои словеса,
Сотворю я, дѣтушки, многи чудеса,
Вспомните, дѣтушки, тому дѣлу быть.

17.

Какъ по морю, морю синему,
По синему морю, по житейскому
Плывутъ три корабля,
Да три большіе,
Съ товаромъ благолѣпнымъ и безцѣннымъ.
На немъ кормщики петербургскіе,
Работнички все, московскіе гребцы;
Они такъ плывутъ, что крылами машутъ.
На восточной было на сторонушкѣ.
На восточную на сторонушку
Во тые церковь, во соборную.
И тамъ то вамъ, братцы, переборъ будетъ —
Не беретъ государь золота, серебра,
Только беретъ государь вѣру, радѣнія,

Плачъ, моленія,
Сердечнаго попеченія.
А по сверхъ того любовь Божію
Съ добродѣтелью.
Богу слава, честь, держава.

Скопцы Олекминскаго округа распѣвомъ „По синему морю" отличаются отъ другихъ скопцовъ, у которыхъ слово „синій" замѣняется словомъ „хрустальный". Скопцы, молящіеся „по хрустальному морю", у олекминцевъ носятъ названіе громовъ, иначе „кавказцевъ", которыхъ, впрочемъ, есть извѣстный % и въ г. Олекмѣ; но этотъ процентъ незначительный. На Кавказѣ, по скопческой географіи, есть самая высокая гора въ свѣтѣ — Сіонская. На этой горѣ — большое дерево (дубъ), имѣвшее дупло. Одинъ изъ скопцовъ, разъ пророчествуя въ соборѣ, сказалъ, что Богу будетъ очень пріятно, если въ слѣдующій разъ моленіе будетъ совершено близъ дерева, на горѣ. Въ слѣдующее радѣніе скопцы такъ и сдѣлали. Ловкій пророкъ помѣстилъ въ дупло дерева, имѣвшаго отверстіе, въ которое могъ свободно входить человѣкъ, одного изъ своихъ пріятелей секретно. О пріятелѣ онъ сказалъ всѣмъ прежде, что тотъ боленъ, и явиться на радѣніе не можетъ. Послѣ радѣній, когда опять пророкъ началъ пророчествовать, то вдругъ, къ великому изумленію, слышатъ изъ дупла гласъ трубный въ такомъ родѣ: Братія! Скоро придетъ на землю Искупитель батюшка судить царей земныхъ и невѣрныхъ слугъ, приготовьтесь къ его встрѣчѣ, продайте все имущество и деньги вручите вашему пророку, который сейчасъ пророчествуетъ, а сами въ это время открыто проповѣдуйте слово божіе и успѣвайте какъ можно больше пріобщить въ истинное стадо Христово невѣрныхъ. Ибо часъ пришествія Искупителя близокъ.

Всегда хитрые скопцы на этотъ разъ оказались недалекими, продали все свое имущество и деньги отнесли пророку, который, захвативъ ихъ, вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ, скрылся. Скопцы, въ первое же воскресеніе, собрались около православной церкви толпой; въ церкви совершалось богослуженіе. Когда оно окончилось и народъ сталъ выходить, скопцы, останавливая его, говорили: „братія, покайтесь во грѣхахъ, скоро настанетъ часъ судный". За такую проповѣдь всѣ скопцы были жестоко избиты православными, арестованы и затѣмъ сосланы въ Сибирь, въ Якутскую область.

18.

Царство, ты царство небесное (иногда духовное)
Во тебѣ во царствіи благодать вселилася,
Праведные люди въ тебѣ пребывали.
Они въ тебѣ живутъ, ни о чемъ не унываютъ,

Надежду на Господа всегда сполкладають,
На духа свята крѣпко уповають
Во этомъ во царствіи сады превеликіе и древы плодовитыя.
По этому садику батюшка гуляетъ,
Духъ святой катаетъ,
Съ древъ плодовитыхъ плоды собираетъ,
Во единомъ мѣстечкѣ онъ ихъ сохраняетъ.

Распѣвовъ на этомъ радѣніи поется мало; но на двухъ первыхъ поется очень много; всѣхъ ихъ существуетъ до 200. Послѣ вышеозначенной молитвы поютъ: „Экая радость, экая милость, экой духъ святой" безчисленное множество разъ; чѣмъ это радѣніе и заканчивается.

Иногда бываютъ еще слѣдующія формы моленія:

1) Колесница. Становятся съ одной стороны человѣкъ 10—20 и съ другой тоже, образуя прямую линію, на извѣстномъ разстояніи линія отъ линіи. По рединѣ становится пророкъ или учитель и, послѣ знака, даннаго пророкомъ или учителемъ, одна линія идетъ за другой на небольшомъ разстояніи по солнцу; при этомъ поютъ распѣвы, какіе вздумается.

2) Солнце. Ходятъ по одиночкѣ другъ за другомъ всѣ, образуя кругъ. Потомъ распѣвъ, какой Богъ на душу положитъ.

3) Мѣсяцъ. Изображается кольцо изъ всѣхъ наличныхъ скопцовъ, присутствующихъ на моленіи. Стоя безъ движенія, на одномъ мѣстѣ, поютъ, что вздумается.

4) Звѣзды. Стоятъ всѣ на одномъ мѣстѣ, образуя кольцо. Въ рединѣ стоитъ пророкъ. Когда онъ пропоетъ: „Духъ святой, духъ", и повернется къ солнцу на одной ногѣ, тогда и всѣ, составляющіе кругъ, дѣлаютъ то же и поютъ: Духъ святой, духъ" и проч. Это означаетъ, что какъ звѣзды стоятъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, такъ и скопцы, въ этотъ моментъ, изображая ихъ, должны стоять тоже неподвижно.

Четыре послѣднія формы радѣній бываютъ не всегда, а когда вздумается.

Послѣ окончанія всѣхъ этихъ радѣній или трехъ первыхъ, всегда бываетъ общій судъ, замѣчательный не только тѣмъ, что здѣсь пророкъ разыгрываетъ роль бога, но еще болѣе по своимъ послѣдствіямъ для тѣхъ или другихъ скопцовъ. Учитель, хотя и присутствуетъ на судѣ, но болѣе въ качествѣ зрителя.

Пророкъ выходитъ на средину, крестится по скопческому обряду, т. е. обѣими руками, сложа ихъ на груди, имѣетъ въ правой рукѣ покровъ, зажмуриваетъ глаза. Всѣ скопцы стоятъ въ этотъ моментъ на колѣнахъ, окружая пророка. Ему одному лишь позволяется стоять.

По обряду, затѣмъ, онъ говоритъ: „ну, Христосъ, други, воскресе, самъ батюшка съ вами здѣся (я)". Затѣмъ онъ поетъ: „экая радость, экая милость, экой духъ святой" нѣсколько разъ. Когда это надоѣстъ пророку пѣть, тогда онъ обращается къ тому, кого хочетъ судить, называя по имени, и поетъ:

Выходи-ко, возлюбленная душа,
Ко мнѣ, богу, на лицо.
Вотъ я богъ, да батюшка,
Искупитель твой отецъ,
На тебя да погляжу,
Я тебя да накажу [1]),
Я тебя да награжу [2]),
Снаряжу вотъ я тебя [3]),
Въ постелю уложу [4]),
Золотую трубу съ неба сошлю [5]).

Пророкъ обязанъ непремѣнно говорить экспромптомъ стихи, и въ эти стихи вкладывается все, что Богъ ему на душу положитъ. Съ фанатиками пророкъ иногда поступаетъ такъ. Если онъ скажетъ вызванному на судъ: „ты возлюбленна душа пойдешь скоро въ небеса", то фанатикъ и всѣ скопцы это понимаютъ такъ, что фанатикъ скоро долженъ умереть неестественной смертію. Послѣ этого другіе скопцы зорко слѣдятъ за такимъ и наблюдаютъ, приготовляется ли онъ къ смерти. Приготовленіе заключается въ томъ, что человѣкъ, если онъ совершенно здоровъ, то не ѣстъ и не пьетъ ничего въ теченіе 5—6 сутокъ, именно до тѣхъ поръ, пока не умретъ отъ голода. Если случится радѣніе въ непродолжительномъ времени, то пророкъ, вызывая приговореннаго къ смерти, поетъ, что вѣнецъ уже готовъ и за нимъ (скопцомъ) съ неба ангелы сошли. Скопецъ же фанатикъ усиленно постится и умираетъ отъ голода. Но если будетъ замѣчено, что приговоренный къ смерти слабъ, то его другіе запираютъ куда-либо въ сарай, не давая ему ни пить, ни ѣсть, гдѣ онъ и умираетъ. Умершій отъ голода считается святымъ, и кончину его чтутъ при каждомъ радѣніи. Пророкъ, въ слѣдующій разъ, уже пророчествуя, говоритъ: „помолимся, братіе, за усопшаго святаго Петра или Ивана,

---

[1]) Накажу—это означаетъ, что если пророкъ такъ скажетъ, то богъ прогнѣвался за что-то на скопца и хочетъ наказать его, а чѣмъ,—это зависитъ уже отъ пророка.

[2]) Подразумѣвается „богатствомъ".

[3]) Подразумѣвается „на небеса". Это означаетъ, что надо умереть.

[4]) Это означаетъ, что богъ наказываетъ болѣзнью.

[5]) Золотая труба здѣсь означаетъ какъ бы даръ пророчества. Слѣдовательно, богъ хочетъ, чтобы такой-то былъ пророкомъ.

душенька его воскресла, ликуетъ въ небесахъ, а мощи его нетлѣнны". О кончинѣ такого святаго повсемѣстно не извѣщается, но въ ближайшихъ мѣстностяхъ святой этотъ непремѣнно дѣлается извѣстнымъ, и память его чтится каждогодно, какъ святаго. Такихъ святыхъ у скопцовъ много. Если человѣкъ отказывается отъ голодной смерти и не вѣритъ, что Богъ ждетъ его душеньку въ небесахъ, то въ слѣдующее моленіе ему пророкъ, въ видѣ укоризны, говоритъ: „ты не вѣришь слову божію, живи и наслаждайся".

Послѣ того, какъ пророкъ скажетъ кому такое слово, этотъ человѣкъ имѣетъ уже право на слѣдующемъ радѣніи пророчествовать. Обращеніе „Золотую трубу съ неба сошлю" имѣетъ мѣсто не всегда, впрочемъ, а лишь въ томъ случаѣ, когда самъ пророкъ, по старости или болѣзни, чувствуетъ приближеніе смерти.

У женщинъ какъ радѣнія, такъ и все прочее происходитъ такъ же, какъ и у мужчинъ, съ той лишь разницей, что у мужчинъ пророкомъ и учителемъ можетъ быть и женатый, а у нихъ всегда пророчицей и учительницей должна быть не бывшая въ замужествѣ.

Радѣнія заканчиваются обыкновенно чаепитіемъ, передъ которымъ поютъ:

Явленскія дѣтки за святымъ столомъ сидѣли,
Они пили, они ѣли, наслаждались,
Живымъ богомъ, духомъ утѣшались,
Прикасались за книги, за евангельскія.

Затѣмъ поется „царство ты, царство" и проч.

За исключеніемъ указанныхъ обрядовъ, въ радѣніяхъ скопцовъ, составляющихъ культъ ихъ общественныхъ богомоленій, не существуетъ, кажется, никакихъ другихъ символическихъ выраженій вѣры. Всѣ таинства, какія признаются православной церковію, скопцами отрицаются. Нѣкоторыя изъ этихъ таинствъ, какъ, напр., бракъ, скопцамъ не нужны въ силу того, что скопецъ есть какъ бы вынужденный монахъ. Причащеніе, говорятъ скопцы, не можетъ существовать въ такомъ видѣ и формѣ, какъ у православныхъ, и называютъ его кощунствомъ надъ тѣломъ и кровью Господней. На этомъ основаніи они утверждаютъ, что во время причащенія причащающійся принимаетъ не тѣло и кровь, а простой пшеничный хлѣбъ и виноградное вино, и что никакого причащенія быть не можетъ. Отрицаніе таинствъ имъ заповѣдалъ одинъ изъ видныхъ основателей секты А. И. Шиловъ. Вотъ что говорятъ по этому поводу скопцы.

Шиловъ изъ Риги былъ привезенъ слугами антихриста въ Шлиссельбургскую крѣпость. Сидя въ ней, разъ къ нему зашелъ комендантъ крѣпости и началъ вести религіозные споры и, между про-

чимъ, коснулись и таинства. Шиловъ, понятно, ихъ отрицалъ, говоря, что православный во время причастія принимаетъ не тѣло и кровь, а хлѣбъ и вино. Тогда ему комендантъ сказалъ, что если ты помрешь, то я прикажу тебя похоронить какъ собаку въ болотѣ, а Шиловъ ему на это отвѣтилъ, что если ты это сдѣлаешь, то будешь безъ рукъ и безъ ногъ. Черезъ три года комендантъ такъ и сдѣлалъ. Когда померъ Шиловъ и комендантъ дѣйствительно лишился рукъ и ногъ ровно черезъ три года. Онъ тогда велѣлъ выкопать тѣло Шилова изъ болота, которое за три года нисколько не разложилось и осталось такимъ, какимъ было прежде. Тогда комендантъ увѣровалъ въ святость Шилова, потому что послѣ этого руки и ноги у него сдѣлались нормальными, а Шиловъ похороненъ на Преображенской горѣ, противъ собора, куда скопцы тайно ходятъ и кладутъ на могилу его баранки, булки и прочее. Этотъ хлѣбъ почитается у нихъ за святой и разсылается всюду своей братіи, но это все-таки не есть таинство причащенія.

Относительно загробной жизни скопцы думаютъ, что одного оскопленія мало для того, чтобы войти въ царствіе небесное, а нужно вести себя всю жизнь такъ, какъ предписываетъ законъ скопческій. Отъ скопцовъ можно услышать еще такой разсказъ относительно могущества ихъ спасителя, еще при жизни его, надъ загробной жизнью.

Когда живъ былъ Селивановъ, то померъ какой-то учитель. Приходятъ къ нему скопцы и говорятъ: „Искупитель батюшка, гдѣ находится душенька умершаго?“ „А вы какъ думаете?“ спрашиваетъ искупитель. „Въ раю, говорятъ скопцы, потому что человѣкъ былъ праведной жизни“. „Въ аду, отвѣчаетъ искупитель. Душа его посажена туда Богомъ на одну тысячу лѣтъ“. Скопцы говорятъ: „помилуй, государь батюшка, душеньку“. Тогда искупитель сбавляетъ срокъ на 500 лѣтъ, затѣмъ на 300. Въ концѣ этого торга или переговоровъ искупитель дѣлаетъ руками знакъ, что какъ будто онъ досталъ изъ ада душеньку, поднялъ ее кверху и отправилъ въ небеса. Къ этому скопцы присовокупляютъ, что отпадшій отъ скопчества, прежде чѣмъ войти въ царствіе небесное, долженъ обязательно для очищенія души своей вселиться на извѣстное, опредѣленное Богомъ, время въ какое-либо животное, а затѣмъ уже Богъ введетъ въ царствіе небесное такую душу. Изъ всего этого видно, что скопчество, заключая въ себѣ очень мало христіанскаго, не чуждо, однако, примѣси языческихъ идей, неизвѣстно, откуда скопцами позаимствованныхъ.

Къ обрядовой сторонѣ религіи относятся также и похороны скопцовъ. На умершаго надѣвается чистое, бѣлое бѣлье. Если таковаго нѣтъ, то одѣваютъ во что попало, обмываютъ трупъ, а затѣмъ учитель съ другими поютъ: „Святый Боже, святый крѣпкій“ и проч.

Пророкъ пророчествуетъ, отправляя душу умершаго въ небеса, говоря, что онъ видитъ, какъ ангелы сходятъ съ неба, и беретъ эту душеньку. Скопцы-фанатики увѣрены въ томъ, что пророкъ видитъ ангеловъ. „Вотъ полки полками, говоритъ онъ, понесли душеньку, несутъ ее къ престолу, искупитель батюшка принимаетъ ее за бѣлы рученьки; она уже ликуетъ съ ангелами и архангелами“. Затѣмъ поютъ всѣ хоромъ: „Христосъ воскресе“, и говорятъ между собою, что душа вознеслась на небеса. Эта церемонія бываетъ въ домѣ. Послѣ этого торжественно несутъ покойника съ пѣніемъ „святый Боже“ на кладбище, гдѣ и зарываютъ въ землю.

Скопческія кладбища всегда отдѣлены отъ православныхъ. У женщинъ порядокъ при погребеніи тотъ же, только обмываетъ, понятно, женщину женщина же Если нѣтъ скопчихи, то обмываетъ и одѣваетъ ее міpянка, а хоронятъ уже мужчины. На кладбище ее везутъ на лошади, но не несутъ, какъ мужчину. Въ могилу опускаютъ на веревкѣ.

Скопцы чтутъ слѣдующіе праздники: 29-го іюля—день страданій Искупителя. Въ этотъ день обязательно ничего не ѣдятъ и не пьютъ. Праздникъ продолжается отъ одного до семи дней.

22-го октября—день Елизаветы (Акулины Ивановны).

День Святой Троицы празднуется не два дня, какъ у православныхъ, а три. Первый день празднуется Отцу, второй Сыну и третій Духу святому.

17-го сентября—Вѣры, Надежды и Любви.

Это такъ скопцами и понимается буквально. *Вѣра* значитъ то, что только одни скопцы есть истинно вѣрующіе, *Любовь*, что только у нихъ однихъ и можетъ существовать братская любовь, *Надежда* же означаетъ, что долженъ каждый имѣть вѣру въ третье пришествіе Спасителя-Искупителя, который придетъ и будетъ судить грѣшниковъ, а праведниковъ возьметъ къ себѣ.

День Иннокентія иркутскаго скопцами празднуется, но празднованіе переносится на 24-е іюня, на томъ основаніи, что православные, присвоивъ себѣ этого святаго, неправильно его называютъ Иннокентіемъ, а онъ не Иннокентій, а Иванъ, который шелъ вмѣстѣ съ Искупителемъ отъ Тобольска до Иркутска.

14-го апрѣля скопцы празднуютъ Мартына, т. е. Михаила Родіоновича Воронцова-Дашкова.

30-го августа празднуютъ Александра, т. е. Шилова.

Вообще, всѣ эти дни бываетъ постъ. Память умершихъ голодною смертію, по повелѣнію пророковъ, въ извѣстной мѣстности чтится, но ихъ численность опредѣлить невозможно, такъ какъ о смерти такихъ святыхъ не во всѣ концы вселенной сообщаютъ.

Воровство у скопцовъ въ теоріи также считается тяжкимъ грѣхомъ. Если скопецъ украдетъ что-либо, то на него накладывается учителемъ эпитимія. Укравшій не долженъ ѣсть minimum три дня и maximum семь дней. Тѣмъ не менѣе кражи и присвоенія чужой собственности у нихъ существуютъ не только между собой, но каждый скопецъ не прочь присвоить себѣ что поцѣннѣе и полегче, не говоря уже объ обманахъ. Особенно не церемонятся съ отпадшими, но временно остающимися между ними, членами.

Скопческая мораль, какъ и вообще правила ихъ жизни спеціально выражены въ слѣдующихъ стихахъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Наставленіе душѣ ангеловъ" (т. е. скопцовъ).

Христіанинъ, вѣруй въ Бога,
Богъ все взыщетъ съ тебя строго,
Въ путь спасенія спѣши,
Ты покайся, не грѣши.
Вѣрой, какъ щитомъ защищайся,
Постомъ страсти побѣждай,
И дѣлъ чужихъ не осуждай.
Въ жизни у насъ есть двѣ дороги,
Въ лѣво адъ, на право рай,
Ты любое выбирай.
Я буду тебя хранить,
Благодать съ неба манить.
Я врагу буду говорить:
Отойди, лукавый врагъ,
Огнемъ скоро попалю.
При крещеніи Христа явилась голубица,
Какъ снѣгъ бѣла и чиста.
Въ видѣ того было съ Ноемъ,
Его сдѣлали героемъ.
Возстала убылъ воды,
Избавленіе той бѣды,
То-то былъ потопъ воды.
А теперь возвѣщеніе отъ грѣховной отъ бѣды.
Такъ не славься ты дѣвствомъ,
Одной тѣлесной чистотой.
И не думай получить небесное царствіе съ высотой.
Одно тѣло чистотой ты сохраняешь,
Но духъ помысломъ страшно оскверняешь.
Сохрани же ты душевну и тѣлесну чистоту.
Полетишь какъ голубь бѣлый въ небесну высоту.
Такъ нашъ истинный искупитель
Призывалъ въ вѣчную обитель. Аминь.

Итакъ вѣра въ Бога, постъ, неосужденіе чужихъ дѣлъ, или сохраненіе душевной тѣлесной чистоты, по выраженію пѣсни,—вотъ кодексъ скопческой морали.

Чуждаясь мірскихъ развлеченій, скопцы въ то же время не допускаютъ у себя и мірскихъ развлеченій. У нихъ есть свои пѣсни, которыя поются тогда, когда никто изъ мірянъ ихъ не слышитъ. Пѣсенъ такихъ, впрочемъ, не очень много. Вотъ образчикъ:

На заливѣ было Финскіимъ
На славномъ островѣ Аланскіимъ,
Что не бѣлый снѣгъ бѣлѣется,
Заалѣлися и забѣлѣлися
Удалые добры молодцы,
Добры молодцы, Аланскіе скопцы,
Они плачутъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаютъ, какъ ключи гремятъ,
Ключи гремятъ подземельные.
Глаголовалъ государь батюшка родной:
„Возлюбленные мои душеньки,
Чистые отроки непорочные,
О чемъ же вы слезно плачете,
Я за то васъ награждать буду,
Я конями богатырскими,
И вѣнцами амигранными,
Потерпите время малое,
Время малое и время тяжкое".
„Государь, родной батюшка,
И какъ же намъ слезно не рыдать,
На насъ міръ—народъ ругается,
Тобой господомъ поношается,
Накладутъ на насъ молодцевъ
Тяжелы работы тяжкія,
И дадутъ уроки разные".

Пѣніемъ сопровождается также и возвращеніе въ секту отпадшихъ ея членовъ. Замѣчательно однако же, что условія принятія отпадшихъ членовъ не строги, что̀ указываетъ, какъ скопцы дорожатъ цѣлостію своей организаціи. Если членъ совратится съ пути истиннаго, т. е. отпадетъ отъ секты, а потомъ вернется обратно и будетъ просить прощенія у братства, то въ молебнѣ по этому поводу поютъ:

Воротись ко мнѣ, овечка,
Ожидать буду тебя.
Сотворенная ты мною,
Неужели хочешь позабыть,
Въ неволѣ скучной жить.
Веселитеся, избранные,
Что погибшій сынъ нашелся;
Онъ пришелъ къ отцу домой,
Онъ не смѣлъ сыномъ назваться,
Хоть просилъ рабомъ принять.

Но отецъ это не сдѣлалъ,
Чтобъ рабомъ сына принять,
Миловалъ его любезно,
И велѣлъ всѣмъ ликовать.
Богу слава, честь, держава.

Противъ отступниковъ нераскаянныхъ существуетъ пѣсня, занесенная сюда изъ Россіи лѣтъ 25 тому назадъ. Пѣсня эта начинается такъ:

Ослабѣли бѣлоневецкіе скопцы,
Не тѣмъ стали товаромъ торговать,
Побратались они съ турками (т. е. православными).

Далѣе говорится, что бѣлоневецкіе скопцы водку пьютъ и табакъ курятъ, къ мірянамъ въ гости ходятъ, бѣса тѣшатъ и совершенно позабыли истиннаго Бога, и такъ нравственно упали, что имъ больше уже никогда не подняться на ту высоту, на которой они стояли прежде; они сдѣлались даже хуже бусурманъ, неправды всякія чинятъ, и что когда придетъ сынъ Божій искупитель въ третій разъ, то онъ этихъ заблудшихъ совершенно отвергнетъ, вмѣстѣ съ бусурманами, и пошлетъ въ пекло къ діаволу.

Такимъ образомъ, по признанію самихъ скопцовъ, какъ оно выразилось въ пѣснѣ, нравственный уровень ихъ не находится на должной высотѣ. И дѣйствительно, теоретическая сторона ихъ ученія замерла на одной точкѣ, а нравственность все болѣе и болѣе падаетъ. Поэтому, мало-мальски мыслящіе скопцы, особенно изъ оскопленныхъ насильно, въ дѣтскомъ возрастѣ, обнаруживаютъ сильное стремленіе выйти изъ секты, а если не выходятъ, то для этого существуютъ причины, на которыя невѣрующіе указываютъ какъ на непреоборимыя.

Дѣло въ томъ, что скопчество, какъ въ европейской Россіи, такъ и въ Сибири, организовано очень плотно. Между собой у нихъ происходятъ очень дѣятельныя сношенія. Скопцы при томъ же богаты и, благодаря подкупности мѣстнаго начальства, скопческіе вожаки могутъ запугивать отпадающихъ. Стоитъ только имъ послать въ областное управленіе 300—500 рублей, да исправнику дать 200, и непавистный членъ общества прогуливается изъ г. Олекминска куда-нибудь въ Верхоянскъ (подъ 80 градусомъ сѣв. ш.), гдѣ у нихъ уже есть настоящіе приверженцы—друзья, которые и тамъ такого брата держатъ въ извѣстномъ подчиненіи.

Высланный дѣйствительно запугивается и молчитъ, чтобы съ нимъ не было еще чего хуже. Такъ они всегда расправляются съ тѣми, которыхъ заподозриваютъ въ чемъ-либо. И это очень естественно: дай свободный выходъ изъ секты, у нихъ образуется много внутреннихъ

враговъ, и враговъ очень опасныхъ, могущихъ разоблачить и разрушить всю здѣшнюю организацію. Такой образъ дѣйствія у нихъ оправдывается словами Іисуса Христа: „будьте мудры яко зміи, и незлобивы яко голуби". Этотъ принципъ скопцами усвоенъ очень твердо; онъ всосался у нихъ въ плоть и кровь, и поступать такъ имъ здѣсь очень легко, потому что мѣстная администрація всегда сидитъ у нихъ въ карманѣ. Частыми подачками они пріобрѣли себѣ расположеніе, по традиціи мѣстной администраціи, которая смотрѣла на нихъ какъ на доходную статью. Мѣстная администрація всегда рекомендовала ихъ какъ честныхъ и трудолюбивыхъ, безкорыстныхъ и полезныхъ странѣ жителей, высшая же администрація, понятно, смотрѣла на скопцовъ глазами низшей, не подозрѣвая отрицательныхъ сторонъ, вредныхъ для мѣстнаго населенія. Высшей администраціи трудно слѣдить за дѣйствіями скопцовъ еще потому, что воротилы ихъ всегда суть воротилы тайные, въ общественной жизни незамѣтные, и скопцы всѣ силы напрягаютъ къ тому, чтобы о нихъ вездѣ отзывались только хорошо. И вотъ имъ удалось, такимъ образомъ, всѣ дурныя, антипатичныя стороны скрыть, заручившись даже расположеніемъ всѣхъ слоевъ населенія. Скопцовъ уважаютъ и благорасположены къ нимъ по всей Якутской области. У нихъ и у администраціи всегда оказываются на плохомъ счету принявшіе православіе, хотя люди эти, будучи заурядными сами по себѣ, въ нравственномъ отношеніи стоятъ неизмѣримо выше скопческой массы. Скопцы выдѣлившихся не любятъ и преслѣдуютъ за выдѣленіе, а администрація—за то, что отъ нихъ нѣтъ никакой наживы.

Положеніе такихъ скопцовъ, по истинѣ, не завидное, потому что они почти не пользуются никакими льготами, напр. не увольняются никуда. Отъ проживающихъ въ Сибири, бывшихъ своихъ единовѣрцевъ, они не пользуются ни матеріальной, ни нравственной поддержкой, чего нельзя сказать о неотпавшихъ, пользующихся даже очень часто матеріальной помощью отъ скопцовъ, живущихъ въ Россіи. Вдобавокъ, отпавшаго всегда и вездѣ, при каждомъ случаѣ, преслѣдуетъ мстительный скопецъ, который никогда не можетъ простить отпаденія отъ секты. Изъ личныхъ бесѣдъ съ тѣми или другими скопцами пришлось убѣждаться, что многіе изъ нихъ далеко не скопцы, но не отпадаютъ отъ скопчества потому, что, бросивъ скопчество, надо бросить за безцѣнокъ домъ, пашню и все хозяйство, жить же православному скопцу среди настоящихъ скопцовъ невозможно. Тогда или сожгутъ или убьютъ. Для иллюстраціи приведемъ разговоръ, бывшій у интеллигента Овч—ва съ однимъ молодымъ скопцомъ, оскопленнымъ въ девятилѣтнемъ возрастѣ.

Скопцу этому, надо замѣтить, нечаянно попала въ руки химія

безъ начала и конца, гдѣ онъ прочиталъ о законахъ вѣчности матеріи. Читая, онъ, понятно, не понималъ всего, но кое-что усвоилъ самостоятельно, а затѣмъ при помощи другаго лица ему удалось уразумѣть прочитанное. А когда онъ уразумѣлъ законъ, то сейчасъ же сталъ отрицать загробную жизнь, а затѣмъ и самаго Бога.

— Если вы не вѣрите въ скопчество, сказано было этому скопцу, то что вамъ мѣшаетъ выйти изъ скопческаго общества, принявъ, положимъ, православіе.

— Такой совѣтъ легко дать, но не легко исполнить, отвѣчалъ молодой скопецъ. Если принять православіе, то изъ меня выйдетъ худой православный. Брось я скопчество, я по закону не имѣю права жить въ селѣ, въ которомъ у меня есть хозяйство, и потому пришлось бы лишиться всего, накопленнаго трудами. Вотъ это и заставляетъ, главнымъ образомъ, оставаться между скопцами и надувать ихъ, лицемѣрно выполняя всѣ ихъ причудливыя радѣнія.

Съ этимъ нельзя не согласиться, потому что скопцы закономъ, запрещающимъ проживаніе между ними православныхъ, пользуются очень удобно для выселенія не только православныхъ, но и своихъ единовѣрцевъ, фактически неприсоединенныхъ къ православію. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Россіи подобный недовольный скопецъ нашелъ бы себѣ выходъ, перейдя въ какую-либо секту, или основавъ новую, но здѣсь нѣтъ для этого почвы, благодаря деморализаціи какъ туземнаго, такъ и пришлаго населенія. Ни якутъ, ни крестьянинъ, ни казакъ— здѣшніе, не говоря уже о поселенцахъ, никакими религіозными, какъ и вообще духовными, вопросами не интересуются.

Благодаря подобнымъ условіямъ, крайне затрудняющимъ выходъ изъ секты, число отпадшихъ здѣсь скопцовъ составляетъ совершенно небольшой процентъ. Изъ 370 — 380 человѣкъ въ Олекминскѣ всего отпадшихъ въ то время, къ которому относится это наблюденіе надъ скопцами, было девять человѣкъ, изъ коихъ самому старшему (Бармоту) было 55 лѣтъ, а самому младшему (Шабанову), оскопленному мальчикомъ, было 36 лѣтъ. Всѣ эти лица вышли изъ секты, потому что рамки скопческаго ученія были для нихъ тѣсны, безчеловѣчны и узко-эгоистичны. Другіе не выходятъ изъ секты единственно изъ боязни, потому что прежніе опыты отпаденія показали все неудобство такого дѣйствія. Ясно во всякомъ случаѣ, что не будь правительственныхъ репрессалій, тяготѣющихъ надъ скопцами, скопческая полуразвалившаяся, созданная искусственно община (не евангельская) давно бы уже разрушилась, и всѣ не фанатики, которыхъ не особенно много, давнымъ давно превратились бы въ православныхъ или сектантовъ, не особенно вредныхъ по своимъ взглядамъ человѣчеству.

Благодаря указаннымъ условіямъ скопчества, къ нему не можетъ

бытъ и присоединенія, путемъ напр. пропаганды. Оскопленныхъ изъ мѣстныхъ жителей — сибиряковъ здѣсь очень мало, и то не изъ жителей области, а изъ западной Сибири. Изъ числа 370 — 380 здѣшнихъ скопцовъ было только двое сибирскихъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе въ Олекминскѣ бываютъ довольно частые случаи оскопленія надъ лицами, прибывшими изъ Россіи, подъ именемъ скопцовъ, но не оскопленныхъ. За скопцовъ они попали въ Сибирь, потому что на судебномъ слѣдствіи признали себя членами скопческой организаціи. Особенно такихъ много между женщинами и дѣвушками, у которыхъ констатировать фактъ оскопленія гораздо труднѣе, чѣмъ у мужчинъ, если у нихъ не отрѣзаны груди. Всякое такое оскопленіе дѣлалось прежде съ благословенія мѣстныхъ исправниковъ, которые, понятно, за это получали приличный гонораръ въ нѣсколько сотъ, а иногда и тысячъ рублей. Ублаготворенные скопцами, исправники не возбуждали дѣлъ объ оскопленіи, такъ что въ теченіе 20-лѣтъ здѣсь, кажется, возникло оффиціально только одно дѣло объ оскопленіи четырехъ лицъ, въ 1870 году, въ селѣ Ильгонскомъ. Возбудилъ это дѣло исправникъ Прищепенко, оставившій по себѣ память честнаго человѣка у мѣстныхъ жителей. Въ селѣ Ильгонскомъ скопцовъ въ 1870 г. было 54 мужчинъ и 8 женщинъ. Всѣ эти восемь женщинъ, добровольно пришедшихъ за мужьями въ Сибирь не скопчихами, были оскоплены уже въ Сибири. Ильгонскій скопческій староста принесъ за оскопленіе исправнику Прищепенко нѣсколько тысячъ рублей, но Прищепенко денегъ не взялъ, а оскопителя Богомолова и четырехъ оскопившихся предалъ суду. Судъ выслалъ оскопителя въ Средне-Колымскъ. Тѣмъ дѣло это и кончилось. Въ Якутскомъ же округѣ дѣлъ объ оскопленіи не возникало, хотя, вѣроятно, и тамъ были случаи оскопленія.

Не лишне однако замѣтить, что здѣсь, въ Якутской области, да и вообще въ Сибири, исправники подобные Прищепенко, составляютъ рѣдкое исключеніе, большая же часть изъ нихъ — это безсовѣстные взяточники. Знаніе всѣхъ скопческихъ тайнъ исправникомъ дѣлало его очень беззастѣнчивымъ по отношенію къ скопцамъ. Старый смѣняющійся исправникъ всѣ слабыя стороны скопческихъ продѣлокъ передавалъ своему преемнику. Смотря на скопцовъ какъ на доходную статью, исправники облагали ихъ противозаконными данями, и въ теченіе 6—7 лѣтъ своей службы наживали довольно крупные капиталы. Напр. умершій исправникъ Плетневъ, прибывшій на мѣсто изъ отставки въ такомъ некомфортабельномъ видѣ, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, когда онъ еще только осматривался, съ которой стороны лучше хапать, ему приходилось самому зашивать себѣ рваные сапоги. Это въ памяти у всѣхъ. Но когда Плетневъ умеръ,

то послѣ него осталось 32.000 рублей, несмотря на то, что онъ жилъ по генералъ-губернаторски и задавалъ чуть не ежедневные пиры. Всѣ скопцы говорятъ, что Плетневъ, и тоже умершій исправникъ Шахурдинъ, оставившій послѣ себя 42.000 рублей, били ихъ по карману, какъ ни одинъ изъ слугъ антихриста не билъ и не будетъ бить. Такъ они говорятъ, быть можетъ, потому, что оба эти лица болѣе исправниками никогда уже не будутъ; вообще же отзываться дурно даже о бывшихъ исправникахъ, но могущихъ быть, напр., совѣтниками въ областномъ правленіи, здѣсь не принято. Нравственный цензъ исправника здѣсь всегда узнается вотъ почему: если исправникъ сдѣлаетъ визитъ скопцамъ, по пріѣздѣ, и будетъ ихъ хвалить, то это означаетъ, что онъ будетъ брать взятки, и наоборотъ.

Но если скопчество въ Сибири не увеличивается путемъ пропаганды, то увеличивается посредствомъ прибытія этапнымъ порядкомъ новыхъ членовъ изъ Россіи. Максимумъ въ теченіе года сюда прибываетъ 50 — 60 человѣкъ и минимумъ 20 — 30 человѣкъ. Рѣдко случается, что не каждогодно прибываютъ новые члены. Случается иногда такъ, что цифра вновь прибывшихъ бываетъ очень почтенна, а именно въ 200 человѣкъ, какъ это и случилось въ началѣ 80-хъ годовъ, когда правительствомъ случайно открыта была цѣлая скопческая организація въ Оренбургской губерніи въ концѣ 70-хъ годовъ. Если вѣрить скопцамъ, то по всей Россіи секта ихъ быстро прогрессируетъ, что̀, пожалуй, отчасти и справедливо, если взять во вниманіе усиливающіяся изъ года въ годъ присылки скопцовъ въ Сибирь.

Что касается численности скопцовъ, живущихъ въ Россіи, и за границей, то сами скопцы цифры этой точно не знаютъ, но приблизительно опредѣляютъ ее болѣе, чѣмъ въ 100.000 человѣкъ. Въ Россіи богатые скопцы изъ купцовъ денегъ для пріобрѣтенія новыхъ членовъ не жалѣютъ, хотя у нихъ и нѣтъ для этого правильной кассы.

Прогрессу секты способствуетъ отчасти и то, что въ Олекминскѣ, напр. изъ Якутской области, хотя и рѣдко, но все же дѣлаются побѣги изъ мѣста ссылки. Точно также изъ Олекминскаго округа дѣлаются побѣги въ Россію, какъ напр. убѣжало отсюда лѣтъ 25 тому назадъ 11 человѣкъ, въ 1879 г. 6 человѣкъ, въ 1886 г. изъ Вилюйскаго округа 3 человѣка и въ послѣдующіе годы также были побѣги. Всѣ эти бѣжавшіе, являясь въ Россіи или за границей, преимущественно въ Молдавіи и Валахіи, пользуются тамъ извѣстнымъ вліяніемъ. Въ Россіи такіе скопцы, какъ пострадавшіе, гонимые, уже превращаются въ учителей. Нѣкто Парѳенъ Николаевъ, бывшій казакъ Енисейскаго казачьяго полка, оскопившійся въ Енисейской губерніи, присланный въ Якутскую область въ 1869 г., убѣжалъ въ числѣ прочихъ шести скопцовъ изъ Спасскаго скопческаго селенія въ 1879 г.

Проживъ въ Молдавіи нѣсколько лѣтъ, онъ вернулся въ Россію уже въ качествѣ учителя, и пришелъ сюда этапнымъ порядкомъ въ 1887 г. въ числѣ 20 человѣкъ, уже со своимъ стадомъ, какъ говорятъ скопцы.

Сосчитать всѣхъ скопцовъ, живущихъ въ Олекминскомъ округѣ, нѣтъ физической возможности, потому что цифра ихъ постоянно колеблется: то причисляютъ сюда изъ Вилюйскаго и Якутскаго округовъ, то выселяютъ и высылаютъ обратно куда-либо; но приблизительно ихъ здѣсь теперь около 500 человѣкъ. Во всей Якутской области 2.600 человѣкъ. Въ данномъ случаѣ даже оффиціальной статистикѣ нельзя вѣрить, потому что въ статистикѣ Якутской имѣются капитальные промахи. Изъ молодыхъ, не достигшихъ совершеннолѣтія, (21 года) есть только такіе, которые живутъ со своими отцами-скопцами. Самые старые скопцы имѣютъ 80 лѣтъ; такихъ, впрочемъ, мало. Молодые отъ 17 до 30 лѣтъ, и большинство отъ 40 до 50 лѣтъ.

Скопцы здѣшніе составляютъ плотно организованное цѣлое, какъ мы выше сказали, но учрежденій какихъ-либо замѣчательныхъ у нихъ нѣтъ, благодаря развившемуся среди нихъ индивидуализму. Наставники (учителя) и пророки обязательно существуютъ въ каждомъ скопческомъ селеніи. Въ учителя назначается всякій, кто много присоединилъ къ сектѣ міранъ. Въ пророки назначаются пророки же, т. е. тѣ, которые фактически выступили на пророческое поприще, по указанію и съ согласія уже извѣстнаго пророка. Званіе пророка очень важно, и онъ пользуется между скопцами, какъ мы это отчасти и видѣли, совершенно деспотическою властію. Званіе учителя менѣе почтенно, чѣмъ званіе пророка, хотя и учитель пользуется также громаднымъ вліяніемъ на своихъ овецъ. Жалованія никакого и пророкъ и учитель не получаютъ.

Грамотныхъ между скопцами всего 10%. Развиты всѣ они очень мало, такъ что на 500 человѣкъ скопцовъ, живущихъ въ Олекминскомъ округѣ, имѣется только одинъ человѣкъ, учившійся когда-то въ коммерческомъ училищѣ. Масса скопческая неграмотна. Вслѣдствіе этого начитанными въ скопческой литературѣ, которая, какъ утверждаютъ скопцы, обширна, и которая держится за семью замками отъ міранъ, бываютъ только пророки и учителя. И тѣ и другіе хорошо знакомы также съ Библіей, но дальше буквы въ своемъ пониманіи Библіи они не идутъ и часто въ тексты влагаютъ произвольный смыслъ, толкуя слова или фразы по-своему.

Скопцы, пройдя тяжелый путь всевозможныхъ испытаній, при дальнѣйшемъ съ ними знакомствѣ, производятъ, въ концѣ концовъ, самое тяжелое впечатлѣніе. Они въ высшей степени народъ замкнутый, фразеръ, черствъ, жестокъ и мстителенъ. Скопцы народъ мало развитый, но каждый изъ нихъ іезуитъ, Тартюфъ въ полномъ смыслѣ

этого слова. Этой чертой они и пользуются почетомъ и уваженіемъ среди инородцевъ и русскихъ, не особенно требовательныхъ въ нравственномъ отношеніи людей. И тѣ и другіе, какъ стоящіе очень низко по своему развитію, считаютъ скопца за идеалъ честности, а въ невозможности обмануть его видятъ ума палату, хотя каждый скопецъ завзятый, ехидный кулакъ, значитъ, и человѣкъ въ высшей степени антипатичный. Что они всѣ кулаки, доказываетъ уже то, что они нисколько не стѣсняются эксплоатировать своего же брата бѣдняка скопца, а затѣмъ деньги, высылаемыя изъ Москвы и Петербурга—этихъ двухъ центровъ скопчества, присваиваются богатыми, которые не оказываютъ никакой помощи бѣднякамъ, хотя эти деньги, нерѣдко нѣсколько тысячъ, высылаются собственно для бѣдняковъ. Напр., нѣкто Мигачевъ въ Олекминскѣ, выпрашивая деньги у какого-либо московскаго купца-милліонера, пишетъ, что онъ слѣпой и хромой, и не можетъ работать, а потому ему и помощь нужна. И подобное письмо завѣряется 20—30 подписями другихъ скопцовъ. Такимъ-то образомъ немалыя суммы денегъ стекаются со всей Россіи въ однѣ руки; тамъ онѣ и остаются, а бѣдняки какъ не имѣли ничего, такъ и надолго остаются бѣдняками. Всѣ скопцы, быть можетъ, и были когда-либо симпатичны, но все хорошее стерто у нихъ. Антипатичны они уже тѣмъ, что ничего здороваго въ общественную жизнь не вносили и не вносятъ здѣсь, а вносятъ только деморализацію, что-то больное. Административный гнетъ здѣсь имѣетъ самое вредное вліяніе на скопцовъ, какъ на людей. Духовенство православное относится къ нимъ крайне равнодушно и никакой непріязни не питаетъ.

Было бы однако несправедливо отказать скопцамъ въ нѣкоторыхъ положительныхъ сторонахъ. Многіе изъ нихъ трудолюбивые и умѣлые земледѣльцы, культивирующіе въ суровой климатомъ Якутской области такія даже растенія, какъ пшеница, дыни, арбузы, которыя въ этой странѣ признается невозможнымъ разводить. Скопцы занимаются также и ремеслами. Между ними можно встрѣтить плотниковъ, столяровъ, слесарей, кожевниковъ, кузнецовъ и проч. По иниціативѣ ихъ въ 1863 г. въ городѣ Олекминскѣ были устроены лари, на которыхъ продавался печеный хлѣбъ и разный другой товаръ, потребный человѣку, не имѣющему собственнаго хозяйства. На ларяхъ, впрочемъ, продавалась и водка секретно. Продажа водки скопцами фактъ интересный, такъ какъ они въ теоріи ее отрицаютъ,—фактъ, свидѣтельствующій, что для наживы иногда не грѣшно продавать то, что запрещено Богомъ. Впослѣдствіи лари эти мѣстной администраціей отъ нихъ были переданы якутамъ, у которыхъ и теперь находятся въ самомъ плачевномъ состояніи, потому, что на нихъ, кромѣ хаяка (окисленнаго коровьяго масла) и жалкаго мяса, ничего болѣе не продается.

Духъ торгашества у скопцовъ Олекминскаго округа развитъ очень сильно, хотя торговлей имъ, какъ ссыльнымъ, до которыхъ ни одинъ циркуляръ, ни одинъ манифестъ не касался, воспрещено заниматься. Но законъ этотъ, при извѣстной податливости мѣстной администраціи, всегда обходился, и скопцы въ небольшихъ размѣрахъ ведутъ торговлю. Скопцы, если бы имъ была предоставлена свобода дѣйствія, пожалуй, могли бы представить изъ себя крупную финансовую силу, опасную вообще здѣшнимъ купцамъ, у которыхъ недостаетъ ни скопческой солидарности, ни ума и энергіи. Поэтому легко представить себѣ, что было бы, если бы законъ не стѣснялъ ихъ коммерческихъ и спекуляторскихъ порывовъ.

Въ интересахъ мѣстности была бы даже очень полезна конкурренція скопцовъ здѣшнимъ купцамъ на торговомъ поприщѣ. Дѣло въ томъ, что въ бывающую здѣсь разъ въ году ярмарку иркутскими купцами привозится, между прочимъ, и хлѣбъ, который продается по умѣренной цѣнѣ. Купцы, имѣющіе запасы своего хлѣба, понижаютъ временно цѣны очень низко; тогда всѣ покупатели обращаются за дешевымъ хлѣбомъ, и привознаго хлѣба никто не беретъ, а этого только и нужно мѣстнымъ купцамъ. Иркутскіе купцы, видя застой въ торговлѣ, продаютъ оптомъ весь хлѣбъ по пониженной цѣнѣ мѣстнымъ купцамъ, а тѣ, скупивъ этотъ хлѣбъ, продаютъ его уже по совершенно произвольнымъ цѣнамъ. Такъ что хлѣбъ, напр., продававшійся сегодня вечеромъ въ разновѣсъ, положимъ, по 2 р. 50 к. за пудъ, завтра вдругъ возрастаетъ до 4 и 5 рублей за пудъ [1]).

Единодушіе скопцовъ до извѣстной степени объясняется тѣмъ гнетомъ, который они испытываютъ постоянно отъ администраціи. Напр. имъ не позволяется совершать религіозныхъ обрядовъ, дозволенныхъ вообще раскольникамъ закономъ 3-го мая 1883 года; запрещается открыто вести переписку съ родными и знакомыми, отлучаться безъ особаго разрѣшенія далеко изъ мѣстожительства и проч. Но все это опять таки за взятки обходится. Отъ каждаго скопца въ откровенной бесѣдѣ можно услышать такую рѣчь: „Начальство смотритъ на насъ какъ на дойныхъ коровъ, беретъ съ насъ, когда ему вздумается; насъ, добавляютъ они, не щиплетъ только дуракъ, да лѣнивый".

---

1) Интересно сравнить эту громадную стоимость хлѣба въ Якутской области съ цѣнами его въ другихъ мѣстностяхъ Сибири. Въ Ялуторовскѣ, напр., цѣна ржанаго хлѣба до проведенія жел. дороги стояла не выше 50 коп. за пудъ, а самая лучшая пшеничная мука стоила 90 коп., въ Минусинскѣ же пудъ ржаной муки стоилъ 15—17 коп. и пшеничной 40—50 коп. Въ такой же безобразной пропорціи въ Якутской области, до проведенія желѣзной дороги, стояли цѣны и на мануфактурные товары. Якутская область, по климатическимъ условіямъ, очень мало производитъ хлѣба, а потому для нея желѣзная дорога должна имѣть громадное значеніе.

Скопцы имѣютъ своего выборнаго старшину, выборъ котораго происходитъ непремѣнно въ присутствіи исправника и подъ несомнѣннымъ его давленіемъ. Поэтому, въ качествѣ старшины всегда является лицо, пріятное начальству, но не совсѣмъ пріятное скопцамъ. Старшина, какъ водится, служитъ посредникомъ въ сношеніяхъ между начальствомъ и скопцами, а слѣдовательно черезъ него совершаются всякіе сборы и поборы, часть которыхъ прилипаетъ и къ его рукамъ. Разскажемъ по этому поводу одинъ случай. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Москвы прибылъ въ Якутскую область довольно богатый скопецъ Мишуткинъ, принявшій въ Россіи неполное оскопленіе. Здѣсь, т. е. въ Спасскомъ селеніи, онъ окончательно оскопился. Старшиной было лицо, угодное начальству, нѣкто Мигачевъ, служившій и нашимъ и вашимъ, какъ говоритъ русская пословица. Мигачевъ передалъ исправнику Плетневу (давно умершему) объ оскопленіи Мишуткина и шепнулъ ему на ухо, что тутъ можно погрѣть руки. Послѣ этого тотчасъ же явился исправникъ, въ сопровожденіи старшины, въ домъ, гдѣ лежалъ оскопленный, и поводя носомъ въ воздухѣ, замѣтилъ: „Здѣсь пахнетъ такъ, какъ будто кто-то оскопился". Затѣмъ, приказавъ старшинѣ сейчасъ же зайти къ нему, онъ уѣхалъ. Старшина, возвратясь отъ исправника, говоритъ вновь оскопленному: „Бѣда, узналъ кто-то и донесъ, надо дать", и назначилъ при этомъ цѣну въ 4.000 рублей. Получивъ эту сумму съ Мишуткина, онъ подѣлилъ ее между собой и исправникомъ поровну. Скопцы эти находятся еще въ живыхъ. Долго, такимъ образомъ, старшина имѣлъ двѣ личины, но наконецъ хитрые скопцы узнали всѣ его продѣлки, и Мигачевъ, къ великому неудовольствію начальства, былъ смѣненъ. Какъ бы то ни было, мѣстная полицейская власть старается провести на должность скопческаго старшины или старосты такое лицо, посредствомъ котораго она могла бы узнавать всѣ хитрости скопцовъ и которое служило бы для нея удобнымъ орудіемъ къ ихъ обиранію.

Скопчество является всецѣло порожденіемъ съ одной стороны стремленія народнаго духа къ идеалу лучшей, болѣе праведной жизни на землѣ, которою можно было бы угодить Богу и заслужить рай въ небѣ, и съ другой стороны—народнаго невѣжества, отсутствія въ массахъ просвѣщенія. Въ данномъ случаѣ, скопчество не составляетъ особенности съ нашимъ расколомъ вообще. Исторія скопчества, какъ и раскола вообще, насчитываетъ не одну сотню лѣтъ. Народная мысль, не будучи въ общеніи съ научной мыслію своего вѣка, работала въ религіозномъ направленіи не потому только, что религіозное направленіе есть первобытная стадія мышленія, съ котораго всегда начинается критицизмъ мысли у народовъ, но и потому еще, что народу изъ всѣхъ книгъ могли быть доступны только книги рели-

гіозныя. Еще до сихъ поръ лицами, которыя поставлены на стражѣ просвѣщенія, не преслѣдуется другой задачи, кромѣ той, чтобы не допускать въ массы народа истиннаго просвѣщенія и, слѣдовательно, тѣхъ книгъ, съ помощію которыхъ народъ могъ бы просвѣтиться. Если же мы возьмемъ время отъ насъ отдаленное за сотню-другую лѣтъ, то тогда, какъ мы знаемъ, на просвѣщеніе было еще большее гоненіе, чѣмъ теперь, и хорошая книга была запретнымъ плодомъ даже для такъ называемаго общества, а не только для народа.

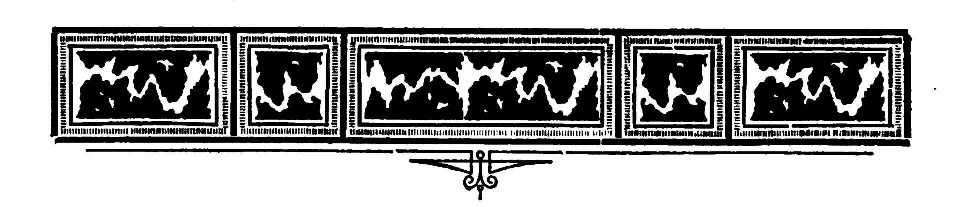
Русская народная мысль, направляясь по самостоятельному руслу, только и могла выразиться у насъ въ видѣ религіознаго раскола. Но если расколъ далъ намъ раціоналистическія секты, то почему онъ не могъ дать акты столь уродливаго характера, какъ скопчество? Какъ бы однако ни было, расколъ у насъ и въ томъ числѣ скопчество давно бы уже исчезли, если бы истинное просвѣщеніе нашло себѣ широкій доступъ въ массы. Изъ всѣхъ религіозныхъ сектъ скопчество, быть можетъ, единственная форма раскола дѣйствительно вредная для общества. Правительство, подвергнувъ гоненію расколъ за то, что имъ наносится ущербъ православію, этой признанной имъ самимъ опорѣ престола, подвергло скопчество особенно жестокимъ репрессаліямъ. Но гоненіемъ убѣжденной мысли нельзя искоренить; напротивъ, люди, гонимые за убѣжденія, за свою вѣру, еще болѣе убѣждаются въ своей правотѣ. Слѣдовательно, правительство, преслѣдуя расколъ, достигало діаметрально противоположныхъ результатовъ; вмѣсто искорененія, оно содѣйствовало его распространенію. Преслѣдованіе идеи, истребленіе людей идейныхъ—это вообще дурная, не только жестокая, но и прямо таки нелѣпая политика, потому что идеи, какъ кто-то давно сказалъ, на штыки не уловляются.

Въ то время какъ вредная форма раскола подвергалась въ Сибири всевозможнымъ стѣсненіямъ, еще болѣе вредная сибирская администрація имѣла полную свободу пользоваться закономъ противъ сектантовъ для своей наживы. Въ Сибири, какъ мы достаточно показали, главной виновницей скопческой солидарности и организаціи служитъ административный произволъ мѣстныхъ чиновниковъ, которые здѣсь всѣ, за немногими исключеніями, точно выхвачены изъ комедіи Грибоѣдова или Гоголя. Чиновники такого сорта, понятное дѣло, кромѣ деморализаціи въ страну не могли ничего болѣе внести.

Съ отмѣной всѣхъ стѣснительныхъ законовъ противъ раскольниковъ, съ воцареніемъ свободы совѣсти и съ проникновеніемъ въ массу народа свѣта знанія скапчество исчезнетъ само собою.

Мих. Вруцевичъ.

Записки протоіерея Пѣвницкаго.

IV [1]).

Жизнь въ Казанской академіи.—Отецъ Веніаминъ.—Архіепископъ Григорій.—Посѣщеніе академіи высокими особами.—Добротворскій и Щаповъ.—Характеристика Щапова.—Моя учительская дѣятельность.—Архимандритъ Евсихій.—Епископъ Варлаамъ.—Врачъ Вишневскій.—Сватовство.—Неудача.

Въ Казанской академіи, самой младшей изъ другихъ академій, въ продолженіе многихъ лѣтъ отъ начала, было очень немного студентовъ—не болѣе 60 на обоихъ курсахъ, по 30 въ каждомъ. Несмотря на это число, почти въ каждый курсъ оказывалось по одному и по два монаха, поступавшихъ въ монашество во время ученія, или вслѣдъ за окончаніемъ его. И всѣ они, за исключеніемъ одного, были тамбовскіе, по мѣсту происхожденія. Это обстоятельство объясняли въ академіи тѣмъ, что у тамбовскихъ студентовъ состоялъ при академіи баккалавръ и помощникъ инспектора землякъ іеромонахъ Веніаминъ, о которомъ была рѣчь выше; къ нему, какъ земляку, тамбовскіе студенты ходили въ гости—пить чай, которымъ онъ радушно ихъ угощалъ, а при этомъ имѣлъ обыкновеніе тонко, своею бесѣдою, располагать ихъ и къ монашеству,—въ этомъ онъ находилъ особое удовольствіе. Благодаря этому вліянію, на тамбовскихъ студентовъ и стали смотрѣть всѣ, какъ на кандидатовъ въ монашество, и поговаривали объ этомъ въ насмѣшливомъ тонѣ,—надо замѣтить, что все тогдашнее академическое монашество не пользовалось репутаціею у корпораціи наставниковъ—не монаховъ. Послѣдніе недружелюбно относились къ своимъ товарищамъ-монахамъ, подозрѣвали ихъ въ лукавствѣ и говорили дурно, мало чѣмъ стѣсняясь. Особенно глумились надъ монашескимъ карьеризмомъ. Это все знали студенты и составляли о монашествѣ всѣ невыгодныя понятія, те-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1905 г.

ряя всякое къ нему расположеніе. Учась на младшемъ курсѣ, я и мой землякъ товарищъ Дубровскій нерѣдко ходили къ Веніамину; жилъ онъ въ одномъ корпусѣ съ студентами въ нижнемъ этажѣ,—и часто слышали отъ него душеспасительныя бесѣды. Но онѣ не производили на насъ ожидаемаго имъ вліянія, и онъ отъ того сталъ становиться менѣе и все менѣе къ намъ расположеннымъ.

Общій антимонашескій духъ, бывшій въ это время уже въ силѣ и у студентовъ, парализовалъ возможныя въ насъ поползновенія къ монашеству, при тонкихъ и искусныхъ склоненіяхъ къ тому. Да и въ натурѣ своей въ насъ не было ничего подходящаго. Оба мы были юноши съ кипучей кровью, помышлявшіе болѣе всего о томъ, какъ бы поскорѣе по окончаніи ученія жениться,—да на хорошенькой,—по любви. При такомъ состояніи намъ крайне досадны были даже подозрѣнія въ склонности къ монашеству отъ студентовъ-товарищей; особенно негодовали мы, когда иные изъ нихъ, видя насъ идущими къ о. Веніамину, прямо съ насмѣшками говорили вслухъ: „вотъ они, будущіе монахи, назидаться идутъ". Это все заставляло насъ ходить и рѣже, и какъ-нибудь незамѣтно отъ другихъ... Но ходить мы не переставали до самаго окончанія курса. О. Веніаминъ былъ человѣкъ достойный и монахъ незаурядный, его доброта и ласка насъ привлекали. Только мы были какіе-то оголтѣлые въ духѣ монашества, и, въ одебелѣломъ сердцѣ, и ушами слушали, но не слышали, и очами смотрѣли, но не видѣли. Такъ къ общему студенческому удовольствію тамбовскіе студенты и не выручили монашество. Съ окончаніемъ нашего курса, въ которомъ ни одного монаха-студента не было, прекратилось на долго дальнѣйшее поступленіе.

Студенческая жизнь въ академіи была во всѣхъ отношеніяхъ достаточная. По крайней мѣрѣ я былъ ею доволенъ, какъ человѣкъ, воспитавшійся въ семинаріи на мѣдныя деньги, въ простой и суровой обстановкѣ. Только трудно было учиться, въ слѣдствіе многихъ недостатковъ семинарскаго образованія въ Тамбовѣ. Тамъ мало до крайности сообщали намъ общихъ свѣдѣній по наукамъ и не давали намъ никакихъ удобствъ къ чтенію нужныхъ книгъ. О многихъ книгахъ мы и не слыхали, между тѣмъ какъ студенты другихъ семинарій ихъ могли знать и читать еще въ семинаріи и отъ того проявляли больше развитія и знанія. Этотъ недостатокъ почувствовалъ я съ большею тяжестью душевною; и долженъ былъ взяться всѣми силами за восполненіе его, чрезъ добываніе нужныхъ книгъ и усиленное ихъ чтеніе, не упуская и прямыхъ студенческихъ занятій. Студенческія занятія трудны были особенно въ томъ отношеніи, что иные профессоры читали свои лекціи въ классѣ и требовали, чтобы студенты для репетицій сами составляли записки о томъ, что

имъ было прочитано,—по слуху, и лекцій отъ себя не сдавали. Другіе сдавали записки передъ экзаменами, и студенты должны были ихъ списывать себѣ; литографированія у насъ не существовало и въ поминѣ; много было думъ, заботъ и труда по составленію сочиненій, которыя задавались ежемѣсячно на темы по изучаемымъ наукамъ, и на которыя обращалось вниманіе,—преимущественно предъ отвѣтами по наукамъ, особое, и по которымъ собственно и оцѣнивался студентъ въ своемъ научномъ достоинствѣ. Дума объ этихъ сочиненіяхъ—и дума тяжелая—занимала студента постоянно, и въ комнатѣ и въ классѣ, и въ церкви, особенно когда до срока не много уже оставалось времени. Тутъ между студентами происходило какое-то пустынное разъединеніе и уединеніе, точно бѣсъ проскочилъ между ними и унесъ у нихъ жизнерадостное общеніе. Одни сидятъ за чтеніемъ книгъ, набираясь свѣдѣніями для заданной темы; другіе съ перомъ въ рукѣ исписываютъ листы бумаги; иные гдѣ - нибудь ходятъ взадъ и впередъ, занятые одною думою; и все это мрачно, серьезно, задумчиво и ужасно сердито; такъ что, смотря на нихъ со стороны, невольно подумаешь, что въ мозги ихъ забито по крѣпкому гвоздю. Эта срочная ежемѣсячная работа ума была для студентовъ своего рода страдною порой. Не менѣе тяжелымъ временемъ была готовка къ экзаменамъ, которыхъ тогда полагалось два въ годъ, передъ Рождествомъ и послѣ Пасхи въ маѣ—іюнѣ, частныхъ, да по одному въ годъ экзаменовъ публичныхъ, послѣ частныхъ. Трудность этого приготовленія возрастала отъ отсутствія печатныхъ учебниковъ и отъ малаго количества сдаваемыхъ профессорами записокъ, которыя списывать студенты не успѣвали каждый для себя, а писали группами. Въ такихъ постоянныхъ трудахъ проходила вся жизнь студента, монотонно, однообразно, сухо и отвлеченно. Никакихъ развлеченій для разнообразія и обновленія не полагалось: не было ни музыки, ни пѣнія, ни гимнастики,—все это считалось пустою забавой, а танцы—малонравственнымъ и предосудительнымъ дѣломъ. Немудрено, что иные студенты не выдерживали такой удручающей жизни и тайкомъ крѣпко запивали, а иные впадали часто въ хандру, отъ которой не скоро отдѣлывались. Заведеніе было закрытое, подъ строгою монашескою опекой; стояло внѣ города на Арскомъ полѣ, почти одиноко; въ городъ ходить далеко, да и мало дозволялось,—надо указать, къ кому и для чего; а было не къ кому. Иные студенты, чтобы походить по городу и развлечься, выдумывали себѣ знакомыхъ и на имя ихъ записывались въ книгѣ для разрѣшенія отлучки отъ начальства. Такъ у насъ, тамбовскихъ, часто фигурировали для отлучки въ городъ фамиліи чиновниковъ—Писарева и Язвинцева, у которыхъ мы, какъ незнакомые, никогда и не бывали, но о

которыхъ знали только, что они наши земляки—тамбовскіе. Нѣкоторое развлеченіе давалъ намъ лѣтомъ маленькій академическій садъ, въ которомъ мы иногда играли въ мячъ и чушки, но этотъ садъ былъ недавно разсаженъ, и въ немъ еще не было тѣни. Еще развлекались мы лѣтомъ въ свободное каникулярное время въ такъ называемой „Швейцаріи“ противъ академіи. Это довольно большая роща, служившая мѣстомъ загороднаго гулянья и маленькою лѣтнею дачею казанскаго губернатора, гдѣ онъ иногда и жилъ въ тиши. Въ ней былъ и ресторанъ и распивныя. Здѣсь можно было съ удовольствіемъ погулять, а иные студенты съ свободными деньженками могли чего-нибудь и распить съ предосторожностью, чтобы не узнали... Въ этой „Швейцаріи“ припомнился мнѣ такой случай: я и одинъ изъ моихъ товарищей Васильковъ, Степанъ Иванычъ, вмѣстѣ шли, какъ-то разъ лѣтомъ, къ рѣкѣ Казанкѣ купаться, проходя чрезъ „Швейцарію по главной ея аллеѣ“. Шли и о чемъ-то философскомъ съ нимъ разсуждали, и въ отвлеченіи и увлеченіи не замѣтили, какъ поравнялся съ нами какой-то старикъ навстрѣчу, прошелъ и, моментально обратившись назадъ, свирѣпо окрикнулъ насъ такими словами: „шапки надо снимать, дураки, когда генералъ идетъ“. Въ испугѣ мы моментально остановились, какъ чѣмъ-то ошеломленные, хватаясь за свои картузы, и едва-едва нашлись сказать: „извините, ваше превосходительство, мы васъ не узнали“. Моментально генералъ поворотилъ назадъ и пошелъ своею дорогою. А мы потащились далѣе своею дорогою, но уже не въ прежней бодрости, а чѣмъ-то подавленные и растерянные. Стали догадываться, кто это такой—грозный генералъ, и, наконецъ догадались, что это самъ губернаторъ—генералъ Баратынскій, котораго мы никогда прежде не видали и не знали; да и при встрѣчѣ съ нимъ мы никакъ не могли узнать и просто генерала въ немъ шедшемъ по-просту съ купанья, и безъ всякой генеральской видимости; мы долго побаивались, какъ-бы этотъ николаевскій генералъ не довелъ до свѣдѣнія нашего начальства о нашемъ преступленіи. Но, вѣроятно, наше ошеломленное состояніе отъ грознаго крика генерала произвело на него пріятное впечатлѣніе, и онъ на немъ съ удовольствіемъ успокоился. Этотъ случай далъ намъ возможность въ первый разъ узнать казанскаго генералъ-губернатора Баратынскаго и никогда его не забывать... Доходили до студентовъ слухи о Казанскомъ театрѣ, въ которомъ давались хорошія представленія. Въ наше время славились, какъ знаменитость, въ театральной труппѣ: Милославскій—трагикъ и драматургъ, Дудкинъ—комикъ, Стрѣлкова, въ балетахъ Шмитгофъ и др. Всѣ студенты рвались хоть разъ побывать для развлеченія. О дозволеніи на то начальства и мыслить было нельзя. Но за невозможностью легальнаго

пути, они ухитрялись проникать въ театръ путемъ нелегальнымъ и дѣлали такъ ловко, что начальство не могло знать объ этомъ. У студентовъ всегда были преданные друзья—два давнишіе служителя академіи—юркій ветеранъ Кирьякычъ, придверникъ, или швейцаръ, и Егоръ Власичъ—студенческій цирюльникъ. Между ними и студентами издавна существовала традиціонная близость и искренняя взаимная любовь. Съ помощію ихъ всегда можно было въ позднее вечернее время уходить и приходить въ театръ и изъ театра самымъ потаеннымъ образомъ,—все гладко и тихо устроятъ и никогда не выдадутъ. На случай предосторожности отъ чуткаго носа и четырехъ глазъ отца Веніамина, помощника инспектора, о которомъ говорено выше, сами уже студенты поступали, въ видахъ выручки, такъ: Веніаминъ, въ цѣляхъ своего надзора, часто приходилъ въ студенческую столовую, когда всѣ обѣдали или ужинали, и въ спальни во время ночи, когда уже всѣ студенты спали; какъ въ столовой по пустымъ мѣстамъ за столомъ, такъ и въ спальняхъ по пустымъ койкамъ, онъ дознавался, кого нѣтъ дома. Студенты въ случаѣ запустѣнія мѣстнаго предварительно уже озабочивались, для выручки своихъ товарищей, такъ размѣститься за столомъ, чтобы нигдѣ не оказывалось пустоты, а въ спальняхъ койки пустыя взбудораживали такъ, что человѣкъ съ нихъ какъ будто только всталъ и вышелъ, а то и чучелу дѣлали, или клали кого-либо изъ служителей. Веніаминъ этого не замѣчалъ, а если что иногда и казалось ему подозрительнымъ, то, по деликатности своей, стыдился далѣе что-либо дознавать. Такимъ-то нелегальнымъ порядкомъ и мнѣ удалось нѣсколько разъ побывать въ Казанскомъ театрѣ.

Въ первый разъ я ушелъ въ театръ изъ больницы, гдѣ находился въ разрядѣ выздоравливавшихъ, и гдѣ Веніаминовскихъ глазъ не боялись, и ушелъ даже съ незажившею мушкой на груди. Но зато пришелъ въ совершенной безопасности и былъ въ такомъ подъемѣ духа, веселомъ и восторженномъ, что едва бы почувствовалъ боль и отъ нарвавшей мушки. Я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ театральныя представленія, и вообще, а тутъ удалось вдругъ видѣть знаменитаго Милославскаго и не менѣе гремѣвшую славой Стрѣлкову въ роляхъ Гамлета и Офеліи, и получить живое понятіе о Шекспировскимъ твореніи. Въ нѣсколькихъ другихъ удобныхъ безопасныхъ случаяхъ мнѣ удалось видѣть представленіе „Фауста,“ „Жизнь игрока,“ русскую оперу „Жизнь за Царя,“ и разные балеты, гдѣ производили фуроръ балерины Шмитгофъ, воспитаницы С.-Петербургскихъ школъ Императорскихъ театровъ, и въ первый еще театръ Казанскій поступившія въ юномъ цвѣтѣ лѣтъ. Эти театральныя развлеченія, хоть и очень рѣдкія, оживляли на долго монотонную, однообразную

и мрачно серьезную студенческую жизнь, и выгоняли изъ нея въѣдавшуюся хандру и тоску. Великими стимулами поднятія духа, оживленія и возбужденнаго настроенія послужили въ академической нашей жизни случившіяся въ то время великія событія—Крымская война, смерть императора Николая и воцареніе Александра II, съ отрадными слухами объ обновленіи Россіи. Живо представляется мнѣ теперь—черезъ 36—37 лѣтъ,—съ какою энергіею студенты добывали газеты и съ какимъ живымъ интересомъ собирались въ кружки, читали передовыя статьи, корресподенціи и разныя реляціи о ходѣ войны, въ которыхъ смѣло заявлялось, что россійской силѣ вся вооруженная Европа не страшна, что мы враговъ своихъ шапками закидаемъ, что наши войска вездѣ — и на сушѣ и на морѣ побѣдоносно бьютъ своихъ враговъ. Отъ такихъ реляцій всѣ приходили въ радостное воодушевленіе и особенно возликовали, когда пришло извѣстіе о пораженіи турецкаго флота при Синопѣ адмираломъ Нахимовымъ. Долго такое восторженное настроеніе занимало насъ, студентовъ. Въ этомъ настроеніи мы выучивали наизусть появлявшіяся въ то время патріотическія стихотворенія, декламировали ихъ и распѣвали. Изъ нихъ особенно часто слышался—и на распѣвъ—и въ рѣчи—мотивъ, всѣмъ даже впослѣдствіи надоѣдавшій: „Вотъ въ воинственномъ азартѣ“ и проч.

Но восторженность студентовъ продолжалась не долго. Она смѣнилась, для разнообразія, инымъ возбужденнымъ состояніемъ. Пришло извѣстіе, что при рѣчкѣ Альмѣ цѣлая армія съ кремневыми плохими ружьями и дырявыми сапогами пала отъ новыхъ и мѣткихъ ружей французовъ и другихъ европейцевъ, и въ бухтѣ Севастопольской Меншиковъ самъ добровольно потопилъ знаменитый уже по Синопу, русскій Черноморскій флотъ; враги разгромили адскимъ огнемъ изъ своихъ невиданныхъ нами пушекъ Севастопольскую крѣпость... Что такое это? Какъ могли допустить такія оплошности? Въ негодующемъ возбужденіи волновалось юношество, въ простотѣ сердца вѣря прежнимъ донесеніямъ газетъ о нашей непобѣдимой силѣ, и еще нисколько не зная, что вся наша сила была фиктивная, въ пустомъ самомнѣніи и самовосхваленіи...

Затѣмъ скоро какъ громомъ поразила всѣхъ внезапная смерть императора Николая... Всѣ мы съ любопытствомъ читали и даже списывали многочисленныя въ газетахъ статьи и корресподенціи иностранныя, въ которыхъ высказывалась похвала рыцарской честности почившаго и великимъ его заслугамъ Россіи, и выражалась глубокая скорбь о тяжелой утратѣ: „Плачь, русская земля, не стало у тебя отца!..“ Напечатанная въ газетахъ рѣчь Глинки читалась и перечитывалась съ неподдѣльною грустію. Всѣ слухи о причинахъ смерти императора

*

Николая ловились нами съ жадностью и перечитывались съ таинственностью. Когда вышла брошюра, подробно излагающая ходъ болѣзни и смерти его, мы всѣ постарались пріобрѣсть каждый себѣ и посылали, какъ дорогую книжку, почтою въ свои родныя захолустья!.. Много занимали насъ въ это время, какъ утѣшеніе въ печальныхъ событіяхъ, ходившія по рукамъ интеллигентнымъ, въ рукописи „письма о восточныхъ и западныхъ славянахъ" М. П. Погодина, который въ славянахъ хотѣлъ найти великую силу для Россіи въ Крымской войнѣ, и будилъ славянъ къ соединенію съ русскими противъ враговъ всего славянства. Эти письма, подъ секретомъ, доставали гдѣ-то — кажется у профессоровъ—юркіе студенты и давали читать другимъ тайкомъ отъ начальства. Многіе студенты успѣли и списать ихъ для себя и какъ запрещенный плодъ сохранять у себя въ секретѣ. Письма эти запрещеннаго и не заключали въ себѣ ничего; въ нихъ Погодинъ выражалъ по большей части свои мечтанія, и о нихъ скоро и забыли, но таково ужъ было время, когда и безопасное могли принять за ужасное... Со смертію Николая и со вступленіемъ на престолъ Александра II тревожное время миновало. Пошли слухи о мирѣ. Въ газетахъ печатались рѣчи императора при представленіи ему дипломатическаго корпуса и переговоры объ условіяхъ примиренія; явился Парижскій трактатъ, который грустное впечатлѣніе произвелъ на насъ. Но послѣдовавшія за тѣмъ извѣстія о твердомъ рѣшеніи новаго императора приступить къ преобразованію внутренняго положенія Россіи наполнили юныя наши сердца радостію. Это все происходило передъ окончаніемъ нами курса академическаго ученія.

Между тѣмъ студенческія наши занятія шли своимъ чередомъ неослабно. На экзамены лѣтомъ пріѣзжалъ къ намъ архіепископъ Григорій, который, будучи постояннымъ членомъ Синода, зиму всю и половину осени проживалъ въ С.-Петербургѣ и на лѣтніе мѣсяцы пріѣзжалъ въ епархію въ Казань. На этихъ экзаменахъ мы имъ были всегда довольны. Онъ былъ очень расположенъ къ студентамъ и академіи и обращался, какъ добрый дѣдушка съ внучатами, оказывая имъ любовь и снисхожденіе. Говорили, что въ семинаріи на экзаменѣ онъ былъ строгъ; его всѣ боялись и трепетали, потому что часто сердился, бранился на семинаристовъ. Но въ академіи я не видѣлъ и не слышалъ ничего подобнаго. Онъ даже самъ помогалъ студенту выйти изъ затрудненія какого-либо въ своихъ отвѣтахъ, не желая ставить его въ тупикъ. На одномъ экзаменѣ по литературѣ мнѣ приходилось передъ нимъ отвѣчать „о вдохновеніи поэтовъ". Много я читалъ заученное и отвѣчалъ на вопросы, даваемые Григоріемъ, но какъ только онъ замѣтилъ, что я сталъ путаться и не зналъ далѣе— что говорить, онъ сейчасъ же добродушнымъ: „Хорошо—довольно"

покончилъ дѣло, сказавъ мнѣ въ шутку: „пусть ихъ ждутъ", отвѣчая этимъ на сказанныя мною слова, что поэты не пишутъ свои произведенія, какъ вздумается, но ждутъ себѣ на это вдохновенія. Архіепископъ Григорій, бывшій впослѣдствіи митрополитомъ с.-петербургскимъ, по смерти Никанора, былъ крѣпкаго ума и очень ученый; съ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ онъ находился въ дружбѣ, и дѣйствовали по Синоду заодно, и прокурора Протасова оба недолюбливали. Ученою спеціальностью его было изученіе русскаго раскола въ его исторіи и лжеученіи. Поэтому имъ издана въ печати большая книга подъ названіемъ: „Истинно древняя и истинно православная церковь—ученіе противъ раскола"; въ рукописи были въ употребленіи у студентовъ составленныя имъ подробныя записки по исторіи раскола. Въ академіи онъ положилъ начало и основаніе миссіонерскому противораскольническому отдѣленію и заставилъ студентовъ, по своему желанію—добровольно, заниматься изученіемъ раскола. Для этого онъ старался снабдить академію всѣми нужными пособіями. Такъ, кромѣ своихъ сочиненій и записокъ по расколу, онъ снабдилъ академію тогда секретными отчетами по своевременному состоянію раскола въ Россіи, особенно въ Нижегородской и Саратовской губерніяхъ, хранившимися въ многихъ томахъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Онъ самъ выхлопоталъ взять изъ секретнаго храненія, и самъ привезъ ихъ съ собою въ Казань; далъ для прочтенія ректору, который черезъ студентовъ всѣ ихъ списалъ для себя, а студенты при этомъ постарались и себѣ списать. Свѣдѣнія въ этихъ отчетахъ были самыя живыя—современныя, никому неизвѣстныя тогда,—свѣдѣнія изъ самаго внутренняго быта раскольниковъ, изъ потайной ихъ жизни и дѣятельности въ дебряхъ своихъ скитовъ. Отчеты были составлены чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, нарочно командированнымъ для изученія раскола на мѣстѣ, извѣстнымъ Мельниковымъ, знаменитымъ писателемъ въ современной литературѣ подъ псевдонимомъ: „Андрей Печерскій". По его же ходатайству поступила во владѣніе академіи обширная библіотека Соловецкаго монастыря, въ которой хранились всѣ раскольническія книги и рукописи рѣдкія и дорогія по цѣнности и древности. Эта Соловецкая библіотека въ академіи послужила богатѣйшимъ источникомъ свѣдѣній по расколу и обильнымъ матеріаломъ для ученыхъ сочиненій по изученію раскола Нашъ курсъ немного изучалъ расколъ, и то въ послѣднее только время. Но нѣкоторые изъ товарищей, какъ Щаповъ и Добротворскій, даровитѣйшіе изъ студентовъ, занимались имъ спеціально и тщательно, и составляли, по выходѣ изъ академіи, въ печати капитальныя сочиненія.

Въ продолженіе всего нашего ученія въ академіи, вѣроятно по

отдаленности ея отъ С.-Петербурга, мы не видали почти никакихъ высокопоставленныхъ лицъ—въ качествѣ грозныхъ ревизоровъ и не ревизоровъ. Разъ только, зачѣмъ не знаю, ректоръ водилъ по нашимъ комнатамъ какого-то ходившаго индѣйскимъ пѣтухомъ петербургскаго чиновника и какъ надо думать вліятельнаго потому, что ректоръ держалъ себя передъ нимъ подобострастно, а онъ обращался къ нему „свысока", да и на насъ смотрѣлъ какъ-то презрительно и свирѣпо, точно мы передъ нимъ не стоящая ничего тварь. И слышали мы отъ него одни слова, сказанныя намъ мимоходомъ въ обращеніи къ ректору: „волосы у нихъ длинны, надо остричь подъ гребенку". До того противенъ намъ показался этотъ разжирѣвшій чиновникъ, надутый, какъ клещъ, своею гордостію, что мы очень рады были, когда онъ ушелъ, и болѣе мы уже никогда его не видали. Послѣ мы узнали, что надутая особа была нечто иное, какъ только директоръ духовно-учебнаго управленія, по фамиліи Карасевскій, имѣвшій тогда, какъ говорили, такую силу у оберъ-прокурора графа Протасова, что въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ дѣйствовалъ какъ полновластный министръ. Впрочемъ, въ духовномъ вѣдомствѣ и вообще, имѣли силу и всѣми и всѣмъ ворочали, какъ хотѣли, и отъ того сильно наживались и другіе канцелярскіе директоры подъ покровомъ всемогущаго Протасова. Этихъ директоровъ страшно боялись даже архіереи; неугодившій имъ архіерей терпѣлъ отъ нихъ большую невзгоду; его лишали наградъ, могли перевести, ни за что ни про что, изъ лучшей епархіи въ худшую, а то и совсѣмъ удалить на покой; зато каждый жившій съ ними въ дружбѣ и ухлеблявшій ихъ и награждался, и благоденствовалъ, и возвышался ни за что, и не въ примѣръ другимъ. Разсказывали тогда, что архіереи, получившіе черезъ нихъ хорошія—доходныя епархіи, обязательно въ продолженіе многихъ лѣтъ платили условленную большую сумму денегъ. Доселѣ еще жива злая память о тогдашнихъ знаменитостяхъ—директорахъ: Карасевскомъ, Гаевскомъ, Войцеховичѣ, Сербиновичѣ, которые оставили въ управляемыхъ ими учрежденіяхъ до того глубоко свои традиціи, что живучесть ихъ не прекращалась и при обновленіи реформами администраціи и суда гражданскаго въ Россіи, съ вѣяніемъ отъ ихъ свѣтлаго духа на судъ и администрацію духовнаго вѣдомства, остающихся доселѣ внѣ нужной реформы; а нынѣ опять возрастающихъ и проявляющихся въ новыхъ фасонахъ директорскихъ...

Пріѣзжалъ разъ въ Казанскій университетъ министръ народнаго просвѣщенія Норовъ, славившійся тогда своими сочиненіями въ печати; суеты было много вездѣ по поводу этого пріѣзда. Нѣсколько дней ждали его и въ нашу академію, которую онъ обѣщался посѣтить, но не дождались, — уѣхалъ и почему-то не хотѣлъ побыть...

Еще помню, проѣзжалъ изъ Сибири въ Ярославль архіепископъ Нилъ чрезъ Казань. Этотъ Нилъ посѣтилъ нашу академію, ласково поговорилъ со студентами во время посѣщенія ихъ въ своихъ комнатахъ и, осматривая все, что было ему видно, сказалъ намъ, что „насъ содержатъ теперь хорошо, и кормятъ, и одѣваютъ, и помѣщаютъ прилично, по-благородному; а въ мое время и въ академіи была чистая бурса". Содержали насъ въ академіи дѣйствительно хорошо, въ сравненіи съ семинарскою бурсою. Были особыя спальни, гдѣ только спали ночью, а днемъ не смѣли быть, — да онѣ на ключъ и запирались до времени сна. Въ комнатахъ для занятій жили по 9—10 человѣкъ въ каждой; комната была большая съ двумя большими диванами и передъ ними большими четвероугольными длинными столами, по стѣнамъ стояло нѣсколько этажерокъ для занятій стоя, а за столами занимались сидя, кто какъ находилъ для себя удобнымъ. Утромъ будили насъ долгимъ звонкомъ, въ который во всю силу и немилосердно отзванивалъ служитель, проходя медленно весь длинный коридоръ, по одну сторону котораго расположены были спальныя комнаты. Этотъ звонъ начинался ровно въ 6 часовъ и своею силою и продолжительностію пробуждалъ всякаго спящаго и мертвымъ сномъ, и скоро приводилъ въ бодрость. Послѣ молитвы отправлялись въ столовую, гдѣ стояли самовары съ кипящею водой и корзинка съ ломтями бѣлаго казеннаго хлѣба. Хлѣбъ брали всѣ и ѣли, а чай садились пить тѣ, которые имѣли его, казеннаго не полагалось.

Въ послѣдній годъ предъ окончаніемъ курса даны были профессорами по своимъ предметамъ темы для курсовыхъ диссертацій. Каждый студентъ обязанъ былъ выбрать изъ множества темъ одну по своему желанію и написать на нее въ продолженіе послѣдняго года ученое сочиненіе на ученую степень кандидата или магистра. Это былъ тяжелый трудъ, для выполненія котораго надобно было предварительно доставать нужные источники—книги и на русскомъ, и на иностранныхъ языкахъ, и читать ихъ много и долго. И затѣмъ обмыслить планъ сочиненія и вкратцѣ написать и показать тому профессору, по предмету котораго избрана тема. Я выбралъ себѣ тему по богословскому предмету, который проповѣдывалъ архимандритъ Θеодоръ Бухаревъ, о которомъ сказано выше. Темою было: „о вѣчномъ мученіи злыхъ духовъ и человѣковъ". Составивъ предварительный планъ будущаго моего сочиненія, я понесъ его показать о. Θеодору. Онъ, просмотрѣвъ планъ, сдѣлалъ мнѣ указанія, какъ войти въ изслѣдованіе предмета поглубже, а не ограничиваться обычными пріемами. Совѣтовалъ мнѣ выяснить, по слову Божію въ свящ. писаніи и свящ. преданіи, основаніе для вѣчнаго мученія злыхъ духовъ и человѣковъ въ самомъ Богѣ, въ природѣ злыхъ

существъ и въ существѣ ихъ грѣха. Надъ этою выработкою и пришлось много думать и соображать—философскимъ путемъ и такъ углубленно, что я не разъ подумывалъ, что лучше и легче было бы сидѣть за какою-либо историческою темою и напрасно ее не взялъ. Такую тяжелую думу задалъ мнѣ этотъ мудреный Өеодоръ. Но взявшись за рало—не возвращайся вспять, вспомнилъ я заповѣдь Спасителя. И, слава Богу, съ Его помощію одолѣлъ свою задачу, хоть и усиленнымъ трудомъ. И благодареніе Богу, я за сочиненіе это главнымъ образомъ и удостоенъ былъ при окончаніи академическаго курса степени магистра.

Въ числѣ студентовъ нашего VI курса было нѣсколько весьма даровитыхъ, изъ которыхъ по окончаніи курса ученія нѣкоторые оставлены были при академіи баккалаврами. Это — Добротворскій и Щаповъ. Добротворскій впослѣдствіи поступилъ профессоромъ въ Казанскій университетъ и по своему уму и преподаванію предмета пользовался особымъ уваженіемъ, онъ и студентомъ по спискамъ всегда былъ первымъ. Университетъ посылалъ за границу, но по возвращеніи онъ скоро умеръ. Говорили, что во время своего путешествія за границей онъ нашелъ одну прекрасную младую гречанку, влюбившись, женился на ней, и она-то, будучи жёной, измотала его жизнь и довела до гроба преждевременно... Щаповъ тоже скоро оставилъ академію и поступилъ въ Казанскій университетъ, гдѣ своими воодушевленными лекціями производилъ фуроръ въ студентахъ, но по своей необузданной увлекательности долженъ былъ оставить и университетъ, надѣлавъ много шуму въ тогдашнее время и въ Казани, и даже въ С.-Петербургѣ своею печальною судьбою. Этотъ человѣкъ былъ преоригинальной натуры. Родомъ сибирякъ изъ Иркутска—чистый сибирскій самородокъ, типа бурятскаго и сложенъ дубнякомъ, большаго роста и съ большою копною курчавыхъ волосъ на большой головѣ, дурнецъ лицомъ; ума обширнаго и заносчиваго, характера необузданнаго и вздорнаго; любилъ заниматься чтеніемъ книгъ самыхъ ученыхъ и самъ до страсти привязанъ былъ къ сочинительству. Въ академіи, будучи студентомъ, онъ постоянно сидѣлъ за сочиненіями, обложенный множествомъ книгъ, и писалъ долго послѣ срока, и сочиненія эти всегда выходили обширныя, авторскаго достоинства и эрудиціи, вполнѣ ученаго характера. Во время сочинительства онъ никого не подпускалъ къ себѣ и рычалъ какъ звѣрь, если кто мѣшалъ ему. Поэтому всѣ и сторонились его, а онъ въ довольствѣ отъ того и проводилъ все свое свободное время среди своихъ книгъ-друзей, какъ отшельникъ. Общеніе съ товарищами онъ имѣлъ только тогда, когда нужно и можно о чемъ-либо поспорить и норазсудить, и въ этомъ случаѣ онъ неистощимъ и надоѣдливъ, при-

ходилъ въ азартъ, когда его оспаривали, и непреклонно стоялъ на своемъ, въ азартѣ забрыжжетъ васъ слюнами и не уступитъ. Товарищи его не любили и почасту даже поддразнивали. Курсовое разсужденіе онъ написалъ обширное по изслѣдованію русскаго раскола и послѣ издалъ его въ печати. Вотъ изъ этого-то студента впослѣдствіи и вышелъ тотъ извѣстный въ ученой литературѣ Аѳанасій Прокофьевичъ Щаповъ, біографію котораго напечаталъ въ журналѣ „Вѣстникѣ Европы" профессоръ университета Н. Я. Аристовъ, бывшій студентъ Казанской академіи VII курса... Еще въ Казани на службѣ университетской А. П. Щаповъ, во время процесса реформы крѣпостнаго быта, — въ это горячее освободительное время, — своими либеральными лекціями и рѣчами студентамъ имѣлъ несчастіе впасть въ подозрѣніе у крѣпостниковъ; его обвинили въ преступной агитаціи—вредномъ возбужденіи умовъ юношества университетскаго, арестовали и подъ арестомъ увезли изъ Казани въ Петербургъ. Ближайшимъ и быстрымъ поводомъ къ тому была отслуженная на кладбищѣ панихида по убіеннымъ крестьянамъ, при усмиреніи въ с. Бездна возмущенія крестьянъ; на этой панихидѣ демонстративно участвовали всѣ студенты со Щаповымъ во главѣ, который говорилъ надъ могилами рѣчи, выставляя убитыхъ мучениками за свободу и правду. Въ Петербургѣ Щаповъ жилъ подъ надзоромъ, и прикомандированъ къ архиву министерства внутр. дѣлъ для разборки архива съ жалованьемъ 50 р. въ мѣсяцъ. Надъ архивомъ онъ работалъ, какъ волъ, неутомимо, и какъ ученый и даровитый изслѣдователь принесъ большую пользу и министерству, и ученому міру; потому что въ это время по матеріаламъ архивнымъ составилъ не мало ученыхъ статей, которыя печаталъ въ современныхъ журналахъ, получая за нихъ хорошую плату. И жилъ такъ долго, не нуждаясь, со славой ученаго писателя, даже женился на одной достойной и образованной дѣвицѣ, дочерисиротѣ умершаго профессора, которая вышла за него, увлекшись лишь его ученою славою и судьбой, почему бракъ для нея не былъ счастливъ. Но по своей широкой и некультивированной сибирской натурѣ не могъ успокоиться на этой укромной жизни. Въ чемъ-то онъ оказался еще опаснымъ въ Петербургѣ и усланъ былъ оттуда на свою родину въ Иркутскъ, гдѣ, пробавляясь мѣстной литературою, немного пожилъ и умеръ въ бѣдности, а прежде его умерла жена, послѣдовавшая добровольно за нимъ въ Иркутскъ изъ С.-Петербурга—мѣста ея родины.

По окончаніи курса ученія въ Казанской академіи въ іюлѣ 1856 г., я получилъ назначеніе въ Пензенскую семинарію—быть тамъ преподавателемъ математическихъ наукъ, съ прибавкою къ нимъ греческаго языка. Но поступить на должность могъ не скоро. Надо было

ждать еще утвержденія въ должности изъ С.-Петербурга — отъ духовно-учебнаго управленія при Синодѣ. Поэтому я и долженъ былъ изъ академіи отправиться на родину—къ отцу, и въ томительномъ ожиданіи безъ дѣла и въ скукѣ, прожилъ тамъ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, пока не получилъ отъ товарищей въ Пензенской семинаріи частнаго письма, извѣщающаго, что утвержденіе въ Пензенской семинаріи уже давно получено, они уже вступили въ ноябрѣ въ должность, и удивляются, отчего меня тамъ доселѣ нѣтъ. По этому-то письму я сталъ поспѣшно собираться въ Пензу и вступилъ въ должность уже 7-го января 1857 года. А оффиціальнаго извѣщенія въ Тамбовѣ такъ и не получилъ. Между тѣмъ въ Тамбовской консисторіи оно получено въ свое время изъ духовно-учебнаго управленія, но, какъ бумага недоходная, лежала себѣ долго безъ движенія, затѣмъ двинулась медленно въ Кирсановское духовное правленіе, чтобы изъ него двинуться къ благочинному въ село Трескино, гдѣ я проживалъ. Идя и сидя на этихъ медленныхъ дистанціяхъ, она такъ и застряла въ Кирсановѣ, не дойдя вò-время до благочиннаго моего отца, и дошла уже и очистилась по-канцелярски тогда, когда я давно уже былъ въ Пензѣ и служилъ, пропустивъ нѣсколько мѣсяцевъ, не получивъ за нихъ жалованье, и проживая безъ пользы на счетъ скудныхъ средствъ отца.

Вступивъ въ должность профессора,—тогда всѣ преподаватели семинаріи носили громкое имя профессора, хотя оффиціально усвоивалось оно только имѣвшимъ ученую степень магистра, которые и подписывались и прописывались вездѣ профессорами, а имѣющіе кандидатскую степень писались учителями. На службѣ въ Пензенской семинаріи я почувствовалъ удовольствіе жизни самостоятельной. Пріятно вспоминалъ, что благополучно пронесъ Господь чрезъ долговременную и трудную духовно-учебную школу, продолжавшуюся цѣлыя шестнадцать лѣтъ. Безъ ломки костей удалось пройти шестилѣтнюю бурсацкую жизнь въ училищѣ, съ его сѣченіемъ и побоями палачей-учителей, затѣмъ шестилѣтнюю жизнь на мѣдныя деньги въ семинаріи, подъ іезуитскимъ надзоромъ и инквизиторскимъ преслѣдованіемъ монаховъ - инспекторовъ, ихъ помощниковъ и четырехлѣтнее наконецъ обученіе въ академіи, хоть и обезпеченное благородствомъ обстановки, но подавляющее тяжелымъ однообразіемъ: все ученья и ученья безъ развлеченья;—удалось все это пройти съ потратою до истощенія силъ и здоровья, но безъ искалѣченія, съ полною возможностію, при помощи молодыхъ силъ, войти въ свою мѣру и въ свою силу на самостоятельной жизни,—и слава Богу,— это все лучшее, чего и можно только получать отъ духовно-учебныхъ школъ; о другомъ чемъ нужномъ старайся уже самъ въ своей само-

стоятельной жизни, а школу не забывай своею благодарностію и за то, что вышелъ изъ нея „по-добру по-здорову",—цѣлъ и невредимъ.

„Корень ученія былъ по истинѣ горекъ". Сладки ли будутъ его плоды? Вотъ вопросъ, который предстояло разрѣшить въ послѣдовавшей самостоятельной жизни.

Въ Пензенской семинаріи я встрѣтилъ товарищескій кружокъ, въ которомъ была искренняя товарищеская связь и дружество. Въ немъ были два мои товарища—сокурсники, Степанъ Васильевичъ Масловскій и Александръ Мануиловичъ Каллистовъ, и курсомъ старшій Василій Михайловичъ Розовъ—всѣ воспитанники одной академіи, и уже не молодой по лѣтамъ, но молодой по духу Семенковскій Николай Ивановичъ. Всѣ мы пятеро были между собою искренны и откровенны; дѣлили пополамъ другъ съ другомъ и радости, и горести, и шалости. Всѣ мы ходили и въ гости къ своимъ сослуживцамъ—семейнымъ, съ которыми жили тоже ладно, и которые принимали и приглашали насъ съ искреннимъ радушіемъ. Здѣсь—въ домахъ семейныхъ, мы пѣли, танцовали съ дамами и барышнями-невѣстами со всѣмъ юношескимъ увлеченіемъ. Танцовать мы принуждены были особо учиться въ Пензѣ, и для этого отыскали себѣ дешеваго танцмейстера, который и обучилъ насъ на скорую руку самому нужному, что было въ ходу въ нашемъ кружкѣ, ибо скоро сознали неловкость своего положенія въ кругу будущихъ невѣстъ. Иногда поигрывали и въ картишки, по самой маленькой, чтобы въ случаѣ несчастія не проиграть болѣе полтинника. При этомъ и выпивали не полной рюмочкой, чтобы только не терять веселаго расположенія. Одинъ только Николай Ивановичъ, какъ старшій насъ на много лѣтъ, по праву выпивалъ полною рюмкою, и почасту отъ того доходилъ до такого благодушнаго смиренія, что съ умильною улыбкою посматривалъ на всѣхъ, чувствуя какую-то неизреченную радость отъ своего присутствія среди друзей. Да ему, по общему признанію, и можно было по всей справедливости выпивать по полной. Танцовать онъ не умѣлъ, и любилъ только весело смотрѣть на танцующихъ. Жениться не располагался, потому что на лѣта свои сталъ смотрѣть, какъ на застраховку отъ невѣстъ. Въ картишки играть тоже былъ не охотникъ, но никогда не отказывался, когда для ералашной партіи недоставало четвертаго партнера, и тутъ-то и была для него самая удобная почва выпивать по полной и почаще. И чѣмъ, отъ того, веселѣе онъ былъ, тѣмъ веселѣе и молчалъ. По природѣ своей вообще онъ былъ человѣкъ смирный, не говорливый и большой добрякъ. Въ этомъ товарищескомъ кругу мы находили всю отраду и утѣшеніе жизни, и отдыхали отъ жизни служебной, которая не давала намъ вкушать сладкихъ плодовъ.

Въ Пензенской семинаріи я преподавалъ алгебру, геометрію и пасхалію въ нижнемъ классѣ, и греческій языкъ въ томъ же классѣ въ послѣобѣденное время. Науки математическія издавна въ семинаріяхъ были въ пренебреженіи и у учениковъ, и у начальства. Для преподавателя это обстоятельство было крайне тяжело. Ученики, въ огромномъ большинствѣ, рѣшительно не хотѣли учиться, и ничѣмъ нельзя было ихъ понудить учиться, потому что они очень хорошо знали, что если они учатся по другимъ, особенно главнымъ предметамъ, то незнаніе математики имъ нисколько не попрепятствуетъ свободно переходить въ высшій классъ, не понижаясь нисколько въ разрядномъ спискѣ. Такъ всегда поступало начальство семинарское. Нужно было самому учителю ухищряться въ преподаваніи такъ, чтобы заохотить учениковъ и имѣть хоть сносное количество занимающихся, и облегчить имъ усвоеніе предмета по тяжелымъ стариннымъ учебникамъ. И вотъ я для пользы учениковъ и для своей рѣшился преподавать имъ какъ можно поупрощеннѣе и нагляднѣе, и принялся за тяжелый трудъ составленія самыхъ простенькихъ записокъ, которыя для нихъ и писалъ, выбирая изъ академическихъ и другихъ подходящихъ руководствъ нужный матеріалъ, и излагая его въ доступной ученикамъ формѣ и складѣ рѣчи. Записки эти и сдавалъ ученикамъ для списыванія. А въ классѣ предварительно уяснялъ и продѣлывалъ на доскѣ то, что они находили въ запискахъ. Этимъ я хоть немного помогъ успѣху дѣла. Я не былъ въ классѣ безъ внимательно слущающихъ учениковъ и отвѣчающихъ съ знаніемъ того, что я имъ преподавалъ. Но это на первыхъ порахъ стоило большаго труда, и мнѣ приходилось сидѣть дома за постоянной письменной работой. А пасхалію я и самъ не зналъ, въ академіи о ней не было и помина. Къ счастію моему въ Пензенской семинаріи по другому отдѣленію низшаго класса былъ отличный пасхалистъ, преподаватель давнишній,—Павелъ Матвѣевичъ Семиліоровъ, который издалъ въ печати, имъ составленную недавно предъ моимъ поступленіемъ, научную книжку „Пасхалія", да такую умную и обстоятельную, что мнѣ безъ труда по ней можно было узнать, что нужно, и преподавать. Эту драгоцѣнную для меня книжку я изучилъ, составилъ по ней коротенькія и простенькія записки, и ученики съ охотой ихъ усвояли. Учениковъ было все-таки мало—меньшинство, а большинство все-таки не училось, или училось кое-какъ. Но слава Богу и это, а то приходилось бы и воду толочь...

Семинарія Пензенская была въ то время тѣсненькая и грязнѣйшая. Зданіе каменное—стариннѣйшей постройки, комнаты классныя низкія—рукой потолки доставались. Ни стѣны, ни полы не были даже обѣлены, смотрѣли мрачными, полы некрашеные, отъ пыли и

грязи всегда черные. Выметали ихъ кое-какъ, перегоняя пыль съ мѣста на мѣсто. Поэтому въ классахъ всегда было душно и тяжко. Ученики сидѣли всѣ, въ чемъ пришли, въ калошахъ, у кого онѣ были, въ тулупахъ, если зимой, и другомъ верхнемъ платьѣ, потому что классы зимой всегда были холодные. Большую часть зданія занимало начальство—ректоръ и инспекторъ; квартиръ для кого-либо изъ наставниковъ ни одной не было; да квартира ректора была тѣсная, а у инспектора и походить было негдѣ. Ректоромъ въ мое время былъ архимандритъ Евпсихій, а инспекторомъ архимандритъ Серафимъ. Евпсихій былъ пренесносный человѣкъ, по своей горделивости и капризному настроенію и по отсутствію всякихъ достоинствъ. Умомъ и знаніемъ былъ до крайности скуденъ, и удивленія было достойно, какъ могъ онъ быть—и долго—ректоромъ при полной своей неспособности. И внѣшность его была самая мизерная: маленькій ростомъ, съ морщенной дурной физіономіей, съ походкой задорнаго пѣтушка. Нельзя было не смѣяться при видѣ этой удивительной карриватурной фигуры. Не даромъ онъ въ свое время фигурировалъ въ сатирическомъ журналѣ „Искра". Говорили, что онъ въ академіи шелъ по третьему разряду, т. е. такой былъ ученикъ, котораго за неспособностію надо было давно уволить, но его терпѣли и провели до конца, только ради одного его монашества. Въ Пензенской семинаріи онъ служилъ очень долго, и къ счастію не пошелъ дальше,— не пустили въ архіереи, а убрали въ какой-то монастырь на подобающее мѣсто... Отъ наставниковъ онъ держалъ себя всегда въ отдаленіи, и по своему мелочному тщеславію желалъ и беззастѣнчиво даже выражалъ, чтобы они, особенно молодые, еще незаслуженные, были къ нему какъ нельзя болѣе почтительнѣе, т. е. когда остапавливалъ онъ ихъ гдѣ въ корридорѣ, или на дворѣ, и что-либо говорилъ имъ,—то они непремѣнно стояли бы безъ шапокъ. Конечно, никто этого передъ нимъ не дѣлалъ, но онъ отъ этого рьяно пѣтушился... Инспекторъ Серафимъ былъ человѣкъ достойный, тихо и кротко держалъ себя вездѣ и во всемъ, но тоска внутренняя его постоянно грызла, и отъ того, какъ говорили, что его слишкомъ долго держатъ на одномъ инспекторскомъ мѣстѣ, и не повышаютъ; забыли почему-то и не во вниманіи былъ онъ у высшаго начальства. Слышно было, что его куда-то двинули впослѣдствіи въ ректоры, но въ архіерействѣ его не оказалось. Епископомъ въ Пензѣ въ мое время былъ Варлаамъ, недавно переведенный сюда изъ Архангельска, на мѣсто умершаго Амвросія Морева, который въ Пензѣ оставилъ память въ духовенствѣ тѣмъ, что всѣхъ своихъ многочисленныхъ племянницъ размѣстилъ по лучшимъ священническимъ мѣстамъ, отдавая ихъ замужъ все за профессоровъ семинаріи, и снабжалъ ихъ богато

имѣніемъ. Сестра Амвросія старушка имѣла въ Пензѣ большой двухъэтажный каменный домъ, купленный ей братомъ; въ домѣ этомъ она жила съ двумя своими зятьями, изъ которыхъ одинъ, Яковъ Петровичъ Бурлуцкій, былъ профессоромъ и экономомъ семинаріи и еще протоіереемъ при городской церкви, самой доходной изъ всѣхъ въ Пензѣ; другой—профессоромъ только одной семинаріи былъ, не успѣвшій получить лучшаго священническаго мѣста за скорою смертію дядюшки, но зато разсчитывавшій одинъ имѣть во владѣніи тещинъ каменный домъ по ея смерти, потому что Яковъ Петровичъ—своякъ его, былъ и слылъ большимъ богачемъ; а онъ, Константинъ Ѳедоровичъ Смирновъ, не успѣлъ получить ожидаемыхъ благъ отъ дядюшки за его смертію.

Епископъ Варлаамъ былъ права крутаго, но прямаго и честнаго. Велъ онъ жизнь простую, безъ всякихъ сибаритскихъ прихотей, и доступенъ былъ для духовенства и другихъ во всякое время. Въ обращеніи былъ грубоватъ и аляповатъ, но это и шло къ его простой, не дипломатичной, а искренней его натурѣ. Роста онъ былъ большущаго, и сложеніе тѣлесное имѣлъ крѣпкое, какъ дубнякъ. Съ удовольствіемъ и пользою ѣлъ простой сухой картофель и капусту кислую, и любилъ гречневую кашу съ медомъ. Обладалъ онъ крѣпкимъ здравымъ смысломъ русскаго стариннаго человѣка и велъ себя и обращался со всѣми по этому своему смыслу, безъ всякаго стѣсненія себя какими-либо тонкостями дипломатическими: вѣжливостію, ласковостію и любезностію, при которыхъ обыкновенно мягко стелятъ, а жестко спать. Духовенство имъ было довольно, потому что онъ не обременялъ его ничѣмъ, и слѣдилъ за консисторіею, на сколько могъ. Въ поѣздкахъ по епархіи ѣздилъ просто—съ малою свитою, и останавливался только у духовенства, которымъ запрещалъ дѣлать угощенія ему, а кормить тѣмъ, что есть, чѣмъ Богъ послалъ, не гнушаясь ночевать и въ бѣдной хижинѣ на убогой постелѣ. Но крѣпостные помѣщики тогдашніе его недолюбливали. Онъ ихъ никогда не ублажалъ и отъ ихъ капризовъ и стѣсненій всегда защищалъ духовенство. Разсказывали тогда, что какой-то помѣщикъ явился къ нему и азартно на словахъ чернилъ своего приходскаго священника, жалуясь на то и другое... Варлаамъ выслушалъ его и, оцѣнивъ своимъ здравымъ умомъ все ему наговоренное, прямо сказалъ такія не дипломатичныя слова этому ярому помѣщику: „Удивляюсь, вы образованный человѣкъ, а являясь къ архіерею, говорите ему безцеремонно такія глупости“. Опеломленный помѣщикъ поспѣшно раскланялся, но въ архіерейской передней не выдержалъ и сказалъ въ азартѣ: „это не архіерей, а сибирскій медвѣдь“. Съ аристократіею и плутократіею онъ не сближался, такъ какъ ничего отъ

нея онъ не любилъ выгадывать, да она отъ него не могла чѣмъ пользоваться въ своихъ прихотяхъ. Онъ любилъ сидѣть дома за постоянными занятіями, которыхъ было очень много по управленію одному, а во всякое дѣло онъ считалъ своею обязанностію входить самому непосредственно. Не чуждъ былъ онъ и чисто ученыхъ занятій. Говорили, что онъ занимался пасхаліею и уже составилъ по этому предмету большое ученое изслѣдованіе и готовилъ его къ печати, но требовалъ при этомъ отъ начальства, чтобы цензура его сочиненія поручена была митрополиту московскому Филарету, котораго онъ особенно уважалъ. И я зналъ, что онъ приглашалъ къ себѣ часто пасхалиста преподавателя семинаріи Павла Семиліорова для разныхъ справокъ, и поручалъ въ семинаріи—не отъищутъ ли гдѣ что-нибудь по вопросу: о dies solis — день солнца у римлянъ, который былъ и днемъ воскреснымъ. Съ духовенствомъ и съ корпораціею семинарскою и со всѣми учеными онъ любилъ сближаться. Во всѣ высокоторжественные праздники и царскіе дни всѣ духовные и учители непремѣнно и обязательно къ нему являлись in corpore для поздравленія. Всѣ очередные проповѣдники съ своими проповѣдями должны были заранѣе лично быть у него. Онъ принималъ каждаго въ своемъ кабинетѣ и заставлялъ свою проповѣдь ему читать, а онъ, садясь, слушалъ, дѣлая по временамъ свои замѣчанія, и затѣмъ на проповѣди своею рукою аляповато писалъ рецензію—чего она стоитъ, и дозволеніе или недозволеніе произнести при архіерейскомъ служеніи. Къ сказыванію проповѣдей очередныхъ привлекались тогда и всѣ наставники не священники. Мнѣ самому лично, тогда въ Пензѣ, пока я тамъ служилъ, пришлось испытать два раза эту коммиссію. Первый разъ я пришелъ къ нему съ проповѣдью на текстъ: „не любите міра, ни яже въ немъ“, назначенною мнѣ въ день препод. Варлаама,— день ангела владыки. Проповѣдь по-моему была приличная дню, и написана съ яснымъ убѣжденіемъ въ тщетѣ мірскихъ благъ, но просто, съ доказательствами изъ наблюденія и опытовъ исторически-житейскихъ. Но когда я прочиталъ ему, онъ взялъ проповѣдь у меня и, ничего говоря, написалъ на ней: „дозволяется сказать, но впередъ ученому человѣку нужно писать проповѣди не историческія, а или догматическія или чисто-нравственныя“. Сказать эту проповѣдь мнѣ не пришлось, потому что Варлаамъ рано утромъ отъ именинъ своихъ внезапно уѣхалъ въ загородный свой домъ архіерейскій и потомъ никого къ себѣ не принималъ.

Въ другой разъ носилъ къ нему проповѣдь въ недѣлю мясопустную и постарался вложить свою ученую мудрость въ проповѣдь, чтобы не получать замѣчанія отъ архіерея въ небреженіи ученымъ рангомъ. Изъ дневнаго евангелія о страшномъ судѣ я взялъ тему о

вѣчномъ мученіи грѣшниковъ и написалъ не проповѣдь, а догматическое разсужденіе, въ которомъ доказывалъ необходимость вѣчнаго мученія по требованію божественной природы Бога въ Его существѣ и троичности, по требованію природы грѣшниковъ и по требованію существа грѣха. Когда я явился къ нему, въ это время былъ у него городской священникъ Секторовъ тоже съ проповѣдью на тотъ же день, и онъ уже свое дѣло окончилъ и готовился уходить. Варлаамъ, увидѣвъ меня, остановилъ Секторова подождать, а меня заставилъ читать. Послушавъ нѣсколько, онъ сказалъ Секторову: „ну, отецъ, иди, эта проповѣдь будетъ получше твоей". Я началъ продолжать чтеніе, которое онъ иногда прерывалъ, и совѣтовалъ, въ какихъ мѣстахъ прибавить: „страшно, страшно, слушатели". Насилу я кончилъ чтеніе, усталъ, запыхался,—проповѣдь была большая, годная только для кабинетнаго чтенія, читалъ предъ нимъ стоя, сажать онъ не имѣлъ обычая. Когда остановился и отдыхать сталъ, онъ сказалъ мнѣ: „что вы взволнованы", не думая, что я усталъ и нужно бы посидѣть, а думая о чемъ-то другомъ. На проповѣди онъ написалъ: „углубленіе въ предметъ очень замѣтно, хотя предметъ все еще не изслѣдованъ. Впрочемъ, благословляется сказать".

Эта проповѣдь сказана мною при архіерейскомъ служеніи въ соборѣ, сказывалъ въ стихарѣ. Это бывало хоть и рѣдко, но крайне тяжело въ нравственномъ отношеніи. Уже давно вышелъ я изъ учениковъ, и ужъ насолило это ученичество въ продолженіе долгой учебной школы, а тутъ еще сумасбродный архіерей Варлаамъ обращается съ тобою и съ твоими проповѣдями по-школярски.

Такъ отводили мы, что называется, душу свою ропотомъ и бранью на Варлаама въ своей компаніи и тихомолкомъ въ другихъ мѣстахъ. Не менѣе тяжелъ былъ Варлаамъ и на экзаменахъ въ семинаріи. Когда пріѣзжалъ на какой-либо предметъ экзамена, непремѣнно должна была собраться вся корпорація наставниковъ, встрѣтить его чуть не за воротами, подобострастно какъ идолу поклоняться,—надо замѣтить, что дома ему кланялись въ ноги; и затѣмъ всѣмъ сидѣть на экзаменѣ до конца. На экзаменѣ онъ уже и ломался во всю свою владычну силу и волю, не экзаменуя, а тѣша лишь себя, чрезъ свою потѣху надъ учениками и надъ ихъ учителями. Безъ возмущенія я не могу вспомнить такой сцены на экзаменѣ, которую владыка продѣлывалъ, какъ комедію. Вотъ вызваны для отвѣтовъ три ученика, съ ними съ боку стоитъ и учитель, какъ лицо тоже отвѣтственное. Ученики робко читаютъ наизусть, что имъ назначено къ отвѣту. Варлаамъ сурово слушаетъ... И вдругъ, останавливая отвѣчающаго, задаетъ на разрѣшеніе свой вопросъ, пришедшій ли ему внезапно, или заранѣе придуманный, на который ученикъ недоумѣваетъ, что

сказать, и боится, какъ бы въ чемъ не попасться. Помолчавъ нѣсколько, Варлаамъ хмуро киваетъ головой въ сторону учителя, говоря: „ну, учитель?“ Учитель начинаетъ говорить, что находитъ нужнымъ. Варлаамъ строго говоритъ: „нѣтъ, не то“, и если учитель боекъ, и говоритъ все—такъ, или иначе, на разные лады,—Варлаамъ постоянно удерживаетъ или осаждаетъ его одними только словами: „все не то, да не то“. Затѣмъ перебираетъ другихъ сидящихъ на виду учителей другихъ предметовъ, и всѣхъ переберетъ, часто до послѣдняго сидящаго. Кого знаетъ, поднимаетъ такъ: „ну-ка, Спасскій протоіерей! Ну-ка, протоіерей Троицкій?“ „Все не то“, говоритъ на слова протоіереевъ мудреный Варлаамъ. „А ну-ка, новенькій“, кивая въ нашу группу, „какъ васъ тамъ учили?“ И новенькимъ скажетъ то же—все не то. Ну-ка, отецъ инспекторъ? Инспекторъ подлимается медленно, съ грустною улыбкою, прижимая къ груди своей архимандричій крестъ, начинаетъ говорить, что думаетъ. Варлаамъ, помахивая своею головой, озадачиваетъ его словами: „эхъ, учитель Израилевъ, сихъ ли не вѣси! Ну, отецъ ректоръ?“ Убогенькій Евпсихій заерзаетъ на своемъ креслѣ около архіерея, и съ подобострастною улыбочкою что-то начнетъ въ уши архіерея тихонько говорить, и тѣмъ легко отъ него отдѣлывался. Ему Варлаамъ ничего бывало не скажетъ почему-то. И наконецъ все Варлаамъ покапчиваетъ такъ: „а мнѣ кажется дѣло-то простое: вотъ что я хотѣлъ слышать,—и скажетъ въ трехъ-четырехъ словахъ уже дотого простое, что всѣ бывало не надивятся, изъ-за чего же и весь „сыръ-боръ загорался?“ Ректоръ Евпсихій дотого юлилъ предъ Варлаамомъ, дотого пресмыкался, умѣя напускать на себя какую-то сіяющую во всей его физіономіи несказанную радость и умиленіе отъ созерцанія владыки, что возмутительно было видѣть его въ этой фальши всякому, но Варлаамъ за одно это конечно,—потому что другаго чего въ ректорѣ не было,—благоволилъ къ нему и любовно былъ снисходительнымъ; а къ инспектору Серафиму, державшему себя солидно, какъ подобаетъ приличному достоинству, видимо для всѣхъ не былъ расположенъ... На экзаменахъ публичныхъ ректоръ всѣ мѣры употреблялъ къ тому, чтобы Варлааму воздать поболѣе, какъ только можно, чести и угожденій,—и заставлялъ заранѣе и учениковъ, кто подаровитѣе, а всего чаще наставниковъ—сочинять въ честь и славу владыки рѣчи, которыя и говорились учениками, изучившими ихъ наизусть, предъ владыкою, когда онъ со всею торжественностію и велелѣпіемъ вступалъ въ экзаменаціонныя комнаты. Эти рѣчи Евпсихій предварительно по-своему изукрашивалъ, вставляя въ нихъ, гдѣ только возможно, цвѣтистыя, льстивыя и кудрявыя слова и выраженія во славу владыки. И отъ этихъ цвѣтистыхъ похвалъ не могла не вскружиться и Варлаама голова.

Въ Пензѣ я прожилъ недолго, не болѣе полутора года. Отрадныя воспоминанія остались у меня отъ дружной товарищеской жизни, при которой мы, въ частыхъ компаніяхъ своихъ у того или другаго товарища семейнаго, находили развлеченіе отъ сутолоки служебной. Не мало развлеченія намъ доставляли общественныя гулянья въ городскомъ скверѣ, предъ губернаторскимъ домомъ, гдѣ часто слышалась даромъ прекрасная музыка губернаторскаго оркестра. Губернаторомъ въ то время былъ Панчулидзевъ, старикъ уже, бѣлый, какъ „лунь", что называется. Онъ давнымъ - давно губернаторствовалъ въ Пензѣ и жилъ всегда въ одно полное свое удовольствіе, какъ истый сибаритъ. Онъ - то и давалъ возможность находить удовольствіе и развлеченіе всѣмъ въ городѣ и даромъ въ скверѣ, который по его старанію давно устроенъ былъ прекрасно, — съ широкими аллеями между деревьями, концентрически проведенными; а въ срединѣ сада площадь, на которой былъ прекрасный фонтанъ, и большая бесѣдка для оркестра.

Дѣлами губернаторъ, какъ говорили, пересталъ заниматься, любилъ, несмотря на старость, только веселиться. У него подъ рукой для всякихъ нужныхъ дѣлъ были преданные и тѣломъ и душой постоянные дѣльцы, составившіе себѣ громкую славу во всей Пензѣ. Это правитель канцеляріи Мѣшковъ и два чиновника особыхъ порученій: кривой на лѣвый глазъ Карауловъ и съ двумя дальнозоркими глазами Кузьминскій. Ходилъ по городу Пензѣ такой про нихъ каламбуръ: „губернаторъ сидитъ въ мѣшкѣ, караулитъ правымъ глазомъ, дабы кого подкузьмить". Былъ и еще загородный садъ или роща, куда мы могли ходить для гулянья на чистомъ легкомъ воздухѣ. Въ рощѣ этой—театръ, куда мы очень рѣдко ходили, потому что на хожденіе нужны лишнія деньги, которыхъ у меня не могло быть.

Матеріальное обезпеченіе по службѣ въ семинаріи было скудное. Я получалъ въ мѣсяцъ не болѣе 21 р. съ копѣйками, а въ годъ двѣсти пятьдесятъ семь руб. Магистерскій окладъ въ 100 руб. въ годъ, я еще не скоро могъ получить — его выслали черезъ годъ. Квартиръ при семинаріи не было. Уроковъ стороннихъ нигдѣ не находилось. Вотъ и ухитряйся жить прилично. Ну, и жилъ, какъ было можно. Семь руб. съ полтиной платилъ за квартиру со столомъ у одного добраго діакона, при Пензенскомъ дворянскомъ институтѣ.

Проживъ въ Пензѣ годъ, я уже сталъ чувствовать, что изъ пензенской семинарской жизни и службы не выжмешь для себя жизненной силы. Бѣдна, грязна и сутолочна она до крайности, и не видно было просвѣта къ лучшему. Вслѣдствіе сего, и по мечтамъ поэтическимъ:—„о родина святая! Кто не умиралъ, тебя благословляя",—я замыслилъ перейти на родину въ Тамбовскую семинарію, и когда

узналъ, что тамъ есть ваканція, немедленно написалъ просительное письмо синодальному оберъ-прокурору о переводѣ меня въ Тамбовъ. Вслѣдствіе этого письма скоро и прислано было на имя епископа Варлаама оффиціальное увѣдомленіе о перемѣщеніи меня согласно просьбѣ. Въ Тамбовъ пріѣхалъ я на свой счетъ и вступилъ въ должность профессора физики и математики 1858 года 6-го іюня; ректоръ семинаріи архимандритъ Ѳеофилактъ, къ которому представился, принялъ меня съ особенною наружною ласковостію, чтò меня не мало удивило, при вспоминаніи объ обращеніи пензенскаго пѣтушка Евпсихія. На другой день повезъ меня на тройкѣ своихъ лошадей къ епископу Макарію, который жилъ въ это время въ загородномъ архіерейскомъ домѣ на хуторѣ. И Макарій своимъ ласковымъ обращеніемъ и деликатностію расположилъ къ себѣ и удивилъ, при невольномъ вспоминаніи о грубомъ и аляповатомъ пензенскомъ Варлаамѣ. Ну, подумалъ я, здѣсь не то, что Пенза. Начальство доброе,—служба будетъ, при его вниманіи и добромъ руководствѣ и поощреніи, не тяжела и не безотрадна. И по возвращеніи чувствовалъ себя въ довольствѣ. При семинаріи для неженатыхъ наставниковъ было нѣсколько казенныхъ квартиръ въ особомъ каменномъ флигелѣ, длинномъ и одноэтажномъ; одна изъ нихъ была свободна, въ ней я и поселился. Во флигелѣ этомъ жили три наставника: В. О. Поспѣловъ и Димитрій Николаевичъ Тростянскій, — уже довольно послужившіе—болѣе 10 лѣтъ, при которыхъ и я еще учился въ семинаріи,—и молодой только-что поступившій изъ С.-Петербургской академіи Николай Михаиловичъ Вирославскій, потомъ протоіерей при С.-Петербургской Владимірской церкви. Они меня приняли радушно,—какъ друга-товарища, и я скоро въ кругу ихъ освоился и оріентировался въ совмѣстномъ житьѣ-бытьѣ. Василій Осиповичъ Поспѣловъ жилъ между нами аристократомъ, — такъ звали его наставники. Ему давно удалось войти въ городѣ въ свѣтскій кружокъ и завести знакомство съ порядочными людьми и довольно высокими аристократами. Чрезъ нихъ онъ имѣлъ частныя должности, дававшія ему значительныя пособія въ матеріальномъ содержаніи, и не мало частныхъ уроковъ съ хорошимъ вознагражденіемъ въ домахъ богатыхъ: Ліона, Арапова, напримѣръ. Все это давало ему возможность жить свободно и въ довольствѣ, ходить въ клубъ и въ театры, и быть общественнымъ свѣтскимъ человѣкомъ, да и казенную квартиру обставить на свой счетъ на хорошій тонъ, съ диванами и мебелью на пружинахъ. Но мы трое ничего такого не имѣли, пробавляясь долго однимъ скуднымъ семинарскимъ жалованьемъ. Квартиры наши были чисто казематы, тѣсныя, грязныя, съ некрашенными полами, съ хромою и ветхою казенною утварью, въ родѣ стариннаго дивана огром-

ной величины и плотничьей подѣлки съ грубой кожанной обивкой, которая отъ древности уже была протерта до хлама внутренняго, и такихъ же стульевъ, которыхъ рукой одной и поднять было нельзя. Все въ нихъ и во всемъ дышало семинарскою пресловутою бурсою. Но на первыхъ порахъ, при скудости средствъ, я довольствовался и тѣмъ, что нашелъ. Одно то уже не мало значило, что квартира даровая, не платить за нее, да при квартирѣ позволено было довольствоваться чернымъ хлѣбомъ изъ семинарской бурсы и солью и дровами для отопленія кухни и комнатъ. Чувствовалось по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ пензенскимъ убожествомъ много лучше и въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи. Комнаты впрочемъ, послѣ усиленныхъ просьбъ у ректора, дешевенькими обоями оклеили, но окраски половъ и поправки старой мебели добиться отъ эконома стариннаго, еще о которомъ я говорилъ выше, протоіерея Степана Березнеговскаго, никакъ не могли. Уперся жидоморъ и никакихъ резоновъ не хотѣлъ слушать. И обоями-то оклеили только потому, что молодой нашъ товарищъ Вирославскій, къ которому епископъ Макарій видимо благоволилъ по землячеству съ нимъ, попугалъ эконома жалобой архіерею. Вирославскій, благодаря этому землячеству, получилъ даже и мебель приличную отъ самого ректора, изъ большаго излишка въ ректорской квартирѣ. А мнѣ, когда я просилъ дать хоть два-три стула изъ излишка, этотъ ректоръ, съ кошачьею ласковостію на словахъ, отказалъ, узнавъ, что я ничѣмъ ему не могу насолить, какъ человѣкъ безъ фавора; и долженъ былъ потратиться на новую, хоть и дешевую, свою мебель, выпроводивъ поскорѣе казенную—клоповую. И странное дѣло! когда, спустя нѣкоторое время, поступилъ въ семинарію въ наставники монахъ Венедиктъ, и монахъ-то убогій нравственно, и пьяница горькій, для него живо отдѣлали и квартиру, и мебелью ее снабдили казенною, и жилъ онъ себѣ вольготно въ милости у ректора и инспектора, безъ стѣсненія припѣвая и попивая, и жилъ долго такъ, пока не убрали его какъ непотребнаго въ Задонскій монастырь на укрощеніе. Какъ бы то ни было, но въ домашнемъ—обиходномъ бытѣ я обезпечивался достаточно и дешево. Прислуга у насъ была общая, платили ей не много, и кормилась она на счетъ бурсы вмѣстѣ съ общею семинарскою прислугой. Въ каникулы и лѣтомъ и зимой я уѣзжалъ на отцовскихъ лошадяхъ въ родительскій домъ, все время проживалъ и отдыхалъ въ кругу родныхъ, сберегая большую часть каникулярнаго жалованья. Отцу я приносилъ маленькую помощь тѣмъ, что учащіеся братья жили нѣсколько времени у меня на казенной квартирѣ и учились подъ моимъ присмотромъ и руководствомъ.

Да и самъ онъ пріободрился въ своемъ смиреніи, имѣя сына въ

Тамбовѣ, профессоромъ семинаріи, а профессоры тогда пользовались въ мірѣ духовномъ и учебномъ особымъ вниманіемъ и почетомъ, ибо академиковъ тогда было крайне мало, какъ много расплодилось ихъ теперь по всѣмъ даже училищамъ. Когда я мало-мальски обжился и сдѣлался извѣстнѣе, — тогда и консисторскіе перестали одолѣвать и тревожить отца, и даже скорѣе пошли ему и заслуженныя заурядныя награды. Это конечно утѣшало меня тѣмъ, что давало мнѣ возможность хоть чѣмъ-либо и такимъ хоть способомъ вознаградить отца за его воспитаніе и содержаніе во время моего ученія... Со временемъ открылась для меня возможность заняться частными уроками и въ домахъ богатыхъ помѣщиковъ: Попова, Арапова, Сатиной и даже въ частномъ пансіонѣ княжны Назаровой. Это давало мнѣ не малое пособіе къ скуднымъ семинарскимъ средствамъ, которыя впрочемъ одни на много больше были пензенскихъ; я получалъ уже не 257 р., а 420 р. при казенной квартирѣ бурсацкой, отъ семинаріи. Семинарія Тамбовская была обширнѣе Пензенской и по числу учениковъ и наставниковъ, и по размѣрамъ зданій. Два корпуса было двухъ-этажныхъ каменныхъ; въ одномъ помѣщались казенные ученики—бурсаки; въ другомъ были классы, церковь, квартира ректора, инспектора и библіотека. Въ классахъ было хоть такъ же грязно и зимой холодно отъ нетопленія по экономіи, какъ и въ Пензѣ, но было попросторнѣе. Зимой сидѣли въ нихъ въ теплой одеждѣ, въ чемъ приходили всѣ— и наставники и ученики. Кромѣ двухъ этихъ корпусовъ было два длинныхъ каменныхъ одноэтажныхъ флигеля, — одинъ для квартиръ неженатыхъ наставниковъ, въ другомъ помѣщались кухни и столовыя учениковъ, тутъ же было помѣщеніе для коммиссара и служителей— поваровъ и хлѣбопековъ. Дворъ семинарскій былъ большой и пустой. На немъ семинаристы во всю бурсацкую ширь и удаль играли въ чижи, чушки и мячъ, или лапту. Въ концѣ двора въ углубленіи стояла деревянная квадратной фигуры семинарская больница, въ которой, съ незапамятныхъ временъ, лѣчилъ и залѣчивалъ больныхъ учениковъ самодѣльными микстурами изъ травъ, собираемыхъ самими учениками, по наряду, въ лугахъ и лѣсахъ весной, „ветхій деньми“ Петръ Степановичъ Вишневскій. О немъ тутъ не могу не замѣтить, что это былъ преоригинальный врачъ и образцовый исполнитель своего врачебнаго долга.

Зная, что семинарская больница содержится на грошевыя средства, онъ никогда не употреблялъ аптечныхъ средствъ, а практиковалъ своими, простыми и ничего не стоющими семинаріи средствами. Всѣ матеріалы для лѣкарствъ доставляли ученики и семинаристы, которыхъ начальство, по его указанію и руководству, по очереди группами командировало для сборки травъ и корней въ лѣса, поля

и луга по окрестностямъ Тамбова весной и лѣтомъ. Изъ учениковъ всегда при больницѣ жилъ одинъ или два старшихъ классовъ ученика въ качествѣ подлѣкарей, которые заранѣе къ этому готовились, и научались, чему нужно, самимъ Вишневскимъ. Эти подлѣкаря съ помощію другихъ дежурныхъ и служителей и приготовляли изъ заготовленнаго матеріала нужныя лѣкарства подъ его руководствомъ и при его указаніи. А пищей больнымъ всегда служила жидкая кашица изъ пшена съ масломъ или овсяный жидкій горячій кисель съ масломъ. Этимъ онъ приносилъ большую пользу семинарской экономіи и не насиловалъ молодыя натуры аптечными снадобьями, предоставляя все натуральной цѣлительной силѣ юности. Самъ онъ, какъ я наблюдалъ и другіе замѣчали, повидимому, вовсе не болѣлъ. Всегда аккуратно, какъ заведенные часы, неопустительно въ опредѣленное имъ время утромъ, и почти всегда й вечеромъ непремѣнно въ больницѣ, долго и внимательно діагнозируя всякаго больнаго и записывая въ скорбный листокъ свои замѣтки. Велъ онъ самую регулярную жизнь и простую, весь погруженъ былъ въ свое дѣло и ходилъ большею частію пѣшкомъ, рѣдко на лошади, развѣ по далекимъ больнымъ; никогда не видали его въ разсѣянности, или въ веселомъ расположеніи, и улыбался онъ рѣдко и говорить не любилъ. По виду казался чистымъ аскетомъ. Прожилъ на свѣтѣ много лѣтъ, болѣе 80-ти, и умеръ на ногахъ, идя зимой изъ семинарской больницы домой, на дорогѣ. Какъ шелъ тихонько, такъ и свалился на дорогу тихо и незамѣтно. Прохожіе случайно набрели на него, узнали и умирающаго донесли до дома, гдѣ онъ тутъ же испустилъ духъ. Дѣтей у него не было, осталась одна жена, которая послѣ него жила долго въ полномъ достаткѣ и любила благотворить изъ своего имущества. Какъ врачъ Вишневскій оставилъ по себѣ память честнаго, трудолюбиваго и безкорыстнаго врача. Кто бы его ни позвалъ къ себѣ, онъ скоро являлся на помощь больному, не разбирая, бѣдный онъ, или богатый, много ему дадутъ, или немного, или вовсе ничего, онъ спѣшилъ помочь больному и не интересовался платой. Въ послѣднее время онъ былъ въ Тамбовѣ врачебнымъ инспекторомъ.

Живя въ Тамбовѣ и устроившись уже въ своей обстановкѣ житейской, я часто вспоминалъ и о Пензѣ, какъ ни скудно было тамъ жить. Оставленное тамъ товарищеское общество, въ которомъ жилось искренно, мирно и дружно, а потому и весело и спокойно, долго не забывалось, тѣмъ болѣе, что въ Тамбовѣ такого товарищества не было. Тутъ жили разъединеннѣе и по интригамъ обособленнѣе. Между нами, живущими въ одномъ мѣстѣ—на казенныхъ квартирахъ, было небольшое товарищеское дружелюбіе, къ намъ примыкали нѣсколько и другихъ, но связь эта поддерживалась болѣе выпивкой, кото-

рой, за отсутствіемъ всякихъ развлеченій, давалось большое употребленіе и свободный ходъ. По этой распивочной части у насъ особенно отличался, жившій съ нами въ одномъ семинарскомъ флигелѣ и старѣйшій холостякъ, Дмитрій Николаевичъ Тростянскій, преподаватель естественной исторіи. Когда я еще учился въ семинаріи, онъ уже былъ въ ней учителемъ и состоялъ помощникомъ инспектора. Помогалъ инспекторамъ въ преслѣдованіи учениковъ онъ въ то время очень рьяно, за что пользовался благоволеніемъ ихъ особымъ, но ученики его не любили и называли его не иначе, какъ „черный марганецъ", или чаще „маргашка", былъ друженъ и съ Іеронимомъ пресловутымъ, о которомъ говорено выше, и совмѣстно съ нимъ дѣлали много зла ученикамъ и многихъ погубили. Въ послѣднее время онъ почему-то перемѣнилъ свой фронтъ, — вѣроятно потому, что, угождая монашествующимъ, онъ чрезъ это ничего отъ нихъ не выгадалъ себѣ, а только опрофанивался самъ,—и изъ угодниковъ имъ сдѣлался ярымъ антагонистомъ. Въ этомъ фазисѣ я его и засталъ, когда поступилъ въ наставники. Отъ природы онъ былъ не рѣчистъ говорилъ больше минами, чѣмъ словами, точно языкъ у него былъ чѣмъ подвязанъ. Онъ хмуро помалчивалъ, или иногда и выкрикивалъ полуфразами что-нибудь въ общемъ разговорѣ въ компаніяхъ. Но какъ только появлялся на столѣ графинъ водки, онъ оживлялся, языкъ его развязывался, и онъ становился находчивымъ въ разговорахъ, свободно—и весело и смѣшно—начиналъ говорить со всѣми, продѣлывая при этомъ энергическія жестикуляціи. Въ этомъ подъемѣ духа онъ становился самъ забавнымъ предметомъ для всѣхъ. Тутъ онъ подъ веселую руку съ откровенностію разсказывалъ свои старыя похожденія по помощничеству разнымъ инспекторамъ, которые все сваливали на его шею, а онъ съ простоты изъ кожи лѣзъ, чтобы имъ угодить; приходилъ въ азартъ и съ озлобленіемъ поносилъ всѣхъ монаховъ съ ректоромъ во главѣ за то, что они не оцѣнили его трудовъ и заплатили ему черною неблагодарностію. Въ послѣднее время по закрытіи въ семинаріи естественныхъ наукъ, онъ вышелъ по необходимости до пенсіи и дослуживалъ оную въ уѣздномъ училищѣ. Предметъ свой зналъ основательно и, состоя членомъ разныхъ обществъ сельско-хозяйственныхъ, пописывалъ разныя статейки, отсылая ихъ въ издаваемые журналы для печатанія. Умеръ въ отставкѣ, наживъ экономіею небольшой капиталецъ, который скопилъ отъ спартанской своей жизни и отъ долгаго преподаванія естественной исторіи въ кадетскомъ корпусѣ.

Другомъ Тростянскаго вообще, а особенно по части выпивки былъ преподаватель логики и психологіи Иванъ Максимовичъ Сладкопѣвцевъ. Человѣкъ умный, но крайне вздорный, а въ нетрезвомъ

видѣ грубо-буйный. Я засталъ его еще холостымъ съ желчною физіономіею. Потомъ онъ женился на дочери кирсановскаго протоіерея, который снабдилъ его всѣми матеріальными благами для достаточной жизни, — купилъ ему домъ въ Тамбовѣ и далъ денегъ на черный день. У протоіерея была единственная дочь — и наслѣдница всего имѣнія стариковъ. Можно было жить, не стѣсняясь. Дома одни безъ дѣла мужъ и жена всегда скучали, а это и побуждало ихъ постоянно и самихъ „въ гости ходить и къ себѣ гостей водить". А въ гостяхъ было одно развлеченіе—празднословить и злословить, а чтобы не было утомленія и истощенія въ разговорѣ, нужно было попивать во главѣ съ добрымъ хозяиномъ. Наша холостая компанія постоянно посѣщала Ивана Максимовича, и онъ и жена всегда рады были дорогимъ гостямъ, которые ходили запросто, какъ въ свой домъ. То же дѣлалъ и онъ намъ въ возмездіе; эти посѣщенія у насъ происходили въ разныхъ серьезныхъ разговорахъ по вопросамъ общественнымъ, политическимъ и литературнымъ; часто мы судили и рядили и о томъ, что дѣлается въ семинаріи по части управленія и экономіи, хулили, бранили, глумились, что не такъ, не по-нашему; особенно пробирали консисторскія безобразія и проказы разныхъ канцелярскихъ дѣятелей и крючковъ. Такого рода разговоры мало по малу начинали входить въ привычку, когда пообжились всѣ молодые въ Тамбовѣ, и они затѣвались вездѣ, гдѣ бы ни были въ гостяхъ. Но и при этихъ разговорахъ всегда бывала большая выпивка, которая иногда заканчивалась и импровизированнымъ пѣніемъ наскоро составившагося изъ насъ веселыхъ—хора. Если бывалъ И. М. Сладкопѣвцевъ въ этихъ компаніяхъ одинъ безъ жены, то всегда доходилъ до послѣдняго же взвода въ панданъ своему другу Тростянскому и нерѣдко производилъ скандалъ. Жена же не допускала его до этого и, замѣтивъ признаки, уводила его изъ гостей поскорѣе домой. Поступивъ въ священники, Сладкопѣвцевъ нѣсколько времени былъ воздержаннаго образа, крѣпился, но обжившись поворотилъ на старое и пріобрѣлъ неукротимую привычку выпивать дома одинъ. По смерти жены своей онъ еще больше сталъ пить, заливая горе водкой, разстроилъ донельзя свое здоровье, впалъ въ алкоголизмъ съ delirium tremens и умеръ въ нервномъ параличѣ... Эти два субъекта, Тростянскій и Сладкопѣвцевъ, съ самаго начала моего поступленія сильно вліяли на товарищескій кружокъ, и немало зла происходило въ нашихъ компаніяхъ отъ увлеченія ихъ заразительною попойкой. Но съ теченіемъ времени это вліяніе стушевалось, и оба эти неугомонные гуляки подпали сами подъ опеку товарищей, которые при всякомъ случаѣ умѣли укрощать ихъ вó-время и не давали въ компаніяхъ доходить имъ до крайностей.

Кругъ молодыхъ и холостыхъ наставниковъ постоянно мѣнялся одни, послуживъ годъ-два, выбывали, кто на родину, кто съ родины въ Питеръ, ища себѣ чего-либо лучшаго. На должность семинарскую смотрѣли мы всѣ, какъ на переходную, какъ на бивуакъ, съ котораго непремѣнно нужно сняться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, иначе замытарѣешь, пропадешь. Все на ней и располагало къ этому: скудное наставническое жалованіе, на которое едва прожить и холостому, а молодежь наша сильно тогда стремилась къ женитьбѣ, боясь оставаться старымъ холостякомъ. Прослужи свѣтскій человѣкъ—не священникъ и не монахъ въ семинаріи хоть весь служебный срокъ, не получить ему никогда никакого креста или награды, развѣ за 35 лѣтъ Владиміра, на смерть. Такая ужъ была неправедная монашеская манера. Обильно и скоро сыпались эти награды только монахамъ, поменьше наставникамъ, священникамъ, а прочимъ полагалось въ царствіи небесномъ.

Не желая идти въ монахи и пользоваться ихъ антимонашескими благами, но желая жениться, чтобы жить въ нормальномъ положеніи солиднаго общественнаго дѣятеля, многіе изъ молодыхъ наставниковъ, чтобы имѣть обезпеченіе для семейной жизни, располагались принимать священническій санъ, становясь приходскими священниками и не оставляя карьеры наставнической. Въ такомъ положеніи былъ и я, перешедшій на родину съ расположеніемъ тутъ упрочиться. Не находя впрочемъ скораго и удобнаго случая для женитьбы и поступленія во священники въ Тамбовѣ, и начиная уже тяготиться неопредѣленностію своего положенія, я началъ предпринимать мѣры стороннія: подавалъ прошенія нѣкоторымъ попечителямъ учебныхъ округовъ по министерству народнаго просвѣщенія, прося ихъ о предоставленіи мнѣ учительскаго мѣста въ гимназіи, писалъ знакомымъ и товарищамъ по этому вѣдомству о содѣйствіи, и получалъ только одно извѣстіе:—будутъ имѣть въ виду, надо подождать. Посылалъ просительное письмо военному главному священнику Василію Борисовичу Бажанову, и отсюда все тоже получалъ увѣдомленіе: имѣть въ виду при открывшейся священнической вакансіи въ Гвардейскомъ или Гренадерскомъ полку, о чемъ я его просилъ. Но нужно все ждать, не зная, дождешься ли. Наконецъ, вздумалъ поѣхать и самъ своею особою—попытать счастія. Товарищъ мой, бывшій наставникомъ вмѣстѣ со мной въ Тамбовѣ и только-что уѣхавшій въ Питеръ для занятія священническаго мѣста тамъ при церкви на Пескахъ, съ женитьбою на дочери своего предмѣстника протоіерея, сдавшаго ему свое мѣсто, Василій Матвѣевичъ Масловъ, написалъ мнѣ письмо о томъ, что есть невѣста и за нею мѣсто священническое при Сампсоніевской церкви, можно не задумываясь ѣхать, тѣмъ болѣе, что

священникъ сампсоніевскій обѣщается заплатить прогоны, если дѣло и не состоится. Пріѣхавъ въ Петербургъ зимой въ январѣ—началѣ 1862 года, я нашелъ тамъ немало товарищей тамбовскихъ, среди которыхъ былъ не одинокъ и чувствовалъ себя всегда весело и бодро. Это были два брата Масловы, изъ которыхъ Василій готовился къ женитьбѣ и познакомилъ меня съ семействомъ песковскаго протоіерея, имѣвшаго въ то время одну дочь—невѣсту Маслова и два сына уже на службѣ; другой кончившій курсъ академіи братъ Иванъ Масловъ, ждавшій назначенія. Еще былъ тутъ Николай Яковлевичъ Аристовъ, мой однокашникъ по академіи, жившій въ Петербургѣ управляющимъ одного частнаго дома и готовившій докторскую диссертацію для занятія профессорской должности въ университетѣ, каковую впослѣдствіи и получилъ, и умеръ недавно на должности профессора и инспектора лицея въ Нѣжинѣ; да въ семинаріи Петербурской учитель Алексѣй Дмитріевичъ Маловъ, товарищъ мнѣ по семинаріи Тамбовской. Большую часть времени я проводилъ въ радушномъ семействѣ невѣсты Маслова, въ церковномъ большомъ домѣ при церкви Христорожденской на Пескахъ. У старца протоіерея было въ Петербургѣ не мало родственниковъ, они часто его навѣщали. Это семейство и показало мнѣ, что нужно наскоро узнать и увидѣть новичку въ Петербургѣ, и давало мнѣ возможность бывать вмѣстѣ съ ними въ ложахъ Петербургскихъ театровъ и видѣть представленія лучшихъ актеровъ и піесъ. Прожилъ я такимъ образомъ въ Петербургѣ болѣе мѣсяца. Нашелъ и еще знакомыхъ и бывалъ у нихъ, наприм. священника Владимірской церкви Николая Вирославскаго, который полгода служилъ вмѣстѣ со мной въ Тамбовѣ, и котораго я нашелъ отъ богатства, повалившаго къ нему отъ самой доходной въ Питерѣ церкви, и отъ бездѣлья уже ожирѣвшимъ до чувственной животности сибаритомъ, и не симпатичнымъ; въ Ораніенбаумѣ нашелъ земляка протоіерея при дворцовой церкви Гаврила Марковича Любимова, который предлагалъ мнѣ жениться на дочери исаакіевскаго ключаря, своей свояченицѣ, обѣщая за ней и мѣсто, но я нецеремонно и даже съ жалкою теперь для меня по воспоминанію несообразительною по глупости юношеской неделикатностію отказался, повѣривъ предварительнымъ ходившимъ слухамъ, и побывать тамъ по его приглашенію; эта неловкость долго меня мучила послѣ—совѣстно было предъ Гавриломъ Марковичемъ, съ радушіемъ относившимся къ своимъ землякамъ. Еще нашелъ я земляка и близкаго по родинѣ чиновника, служившаго въ какомъ-то департаментѣ столоначальника Громова, женатаго; у него былъ раза два и обѣдалъ. Онъ меня разъ повезъ въ итальянскую оперу; я ее никогда не видалъ, пріѣхали мы не рано—даже немножко опоздали, всѣ билеты

на мѣста подешевле были разобраны, оставались дорогіе билеты, а я уже располагался завтра ѣхать изъ Петербурга совсѣмъ; случая видѣть оперу съ знаменитыми итальянскими пѣвцами Тамберликомъ, Кальцолари, не хотѣлось упустить, ну, и убѣдилъ онъ меня не жалѣть—потратиться, и вотъ онъ и я заплатили по 6 руб. за билеты, за то въ высшихъ рядахъ креселъ. Объ этой тратѣ мнѣ приходилось не разъ чувствительно пожалѣть, и только эстетическое удовольствіе, отъ удивительнаго искусства и необыкновенной силы голоса пѣвцовъ, смягчало матеріальную жалость. Дѣла своего, за которымъ собственно и пріѣхалъ въ Петербургъ, я не сдѣлалъ. Не судьба, вѣрно, была мнѣ жить въ немъ. Не по складу моей натуры онъ и приходился мнѣ со всею своею удушливою атмосферою, гдѣ все навытяжку, тонко и дипломатично, все дѣлается по разсчету и ради карьеры, съ оставленіемъ высшихъ душевныхъ побужденій искренняго сердца. Посмотрѣлъ, приглядѣлся и понюхалъ петербургское благовоніе и неблаговоніе, и порѣшилъ оттуда въ свою простую, солидную и живую по нутру своему провинцію уѣхать. Хоть то взять, какъ мои товарищи женились. На мѣстахъ женились, а вовсе не на невѣстахъ. Невѣсты ихъ были и старше ихъ, и чахлыя отъ долгаго невѣстинскаго застоя; зато мѣсто покойное и доходное, живи, ѣшь, пей и жирѣй, если ничего болѣе не требуетъ молодое сердце. Какъ только я пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и немного оглядѣлся, тотчасъ же съ своими товарищами отправился къ Сампсонію, гдѣ указана мнѣ была невѣста; приняты были хлѣбосольно, сидѣли съ батюшкой и бесѣдовали долго одни до самыхъ огней. Невѣста все не показывалась,—слышались изъ отдаленныхъ комнатъ шуршаніе и движеніе отъ уборовъ невѣсты, наконецъ, отворились двери, и выходитъ торжественно въ пухъ и прахъ разодѣтая и распудренная невѣста, большаго роста, далеко не первой молодости. Послѣ взаимныхъ представленій всѣ сѣли и долго другъ друга разсматривали,—невѣста меня и моихъ спутниковъ, а мы ее, и всѣ въ какомъ-то недоумѣніи молчали; особенно я былъ какъ бы чѣмъ ошеломленъ; мнѣ и не воображалось, чтобы такая бабелина могла претендовать на невѣсту юноши, какимъ я былъ. Она казалась пожившею дамою, имѣющею дѣтей моего возраста. Скоро Аристовъ вывелъ всѣхъ изъ молчанія, заговоривъ что-то съ невѣстой, она на его слова что-то сказала съ усмѣшкой. Немного посидѣвъ и поговоривъ за поданной закуской и чаемъ, мы наконецъ возвратились домой. Дома, т. е. въ квартирахъ своихъ въ гостиницѣ, ни они мнѣ, ни я имъ, ничего почему-то, и не говорили о невѣстѣ. Я оставилъ о ней всякія помышленія и, несмотря на зовы побывать еще, я кое-какъ это отклонялъ, а о обѣщанныхъ прогонахъ я, на заявленія о нихъ,

постарался щегольнуть великодушіемъ, что́ дескать я ѣхалъ въ Петербургъ по своимъ другимъ интересамъ и прогоновъ мнѣ и не слѣдуетъ... Оборвавшись на этой невѣстѣ съ мѣстомъ, я чрезъ нѣсколько времени рѣшился лично явиться къ Бажанову, котораго я прежде просилъ о мѣстѣ въ полку, какъ сказано выше, и лично изъ его устъ узнать, что можетъ быть полезнаго для меня отъ него. Думалъ, что не доберешься до него, не скоро пустятъ, онъ и архіереевъ заставлялъ себя подолгу ждать, — человѣкъ близкій государю, какъ духовникъ, и старѣйшій членъ Сѵнода. Но, къ изумленію моему, онъ сію же минуту вышелъ ко мнѣ по докладѣ, въ простомъ домашнемъ подрясникѣ, сѣлъ на стулъ и ласково меня около себя посадилъ, спрашивая, что мнѣ нужно. Ободренный такимъ искреннимъ пріемомъ, я свободно высказалъ ему, что нужно. На это онъ мнѣ просто сказалъ, что свободныхъ вакансій нѣтъ и едва-ли скоро будетъ. Вѣдь и я, какъ въ епархіяхъ архіереи, говорилъ онъ, зачисляю мѣста за сиротами-невѣстами. И тутъ я понялъ, что безъ невѣсты не получу мѣста. Когда я, по возвращеніи, разсказалъ товарищамъ объ этомъ результатѣ у Бажанова, и узнало объ этомъ семейство песковскаго протоіерея, то у него возникла мысль женить меня на одной изъ внучекъ протоіерея, сиротѣ Ольгѣ, которая была уже перешедшею пору невѣсты — давно зрѣлыхъ лѣтъ. Старикъ, дѣдъ ея, ко мнѣ въ это время былъ расположенъ, я съ нимъ почасту умѣлъ бесѣдовать. Онъ высказалъ прямо, что къ Василію Борисовичу самъ пойдетъ, и онъ ему, какъ бывшему товарищу своему, не откажетъ. Пошли въ ходъ старанія о сближеніи меня съ невѣстой, и много случаевъ на это изобрѣтали. Но нужнаго сближенія, при всѣхъ стараніяхъ, какъ-то все не выходило. Между мной и невѣстой не проявлялось и не зарождалось ничего почти симпатическаго. Она не была дурна, но такъ много думала о себѣ и своемъ образованіи, которое она получила въ заведеніяхъ Петербурга и дома,—покойный отецъ ея былъ профессоромъ университета, а также и сама пріумножила практикой учительницы, — что смотрѣла на меня, какъ на низшаго по развитію, и въ разговорѣ со мной высказала мнѣ, что она имѣетъ свои убѣжденія, отъ которыхъ не отстанетъ, напр., она святыхъ не почитаетъ, и имъ не считаетъ нужнымъ молиться; предъ Богомъ не должно быть протекціи святыхъ; прямо Ему Одному и молись, Онъ безъ протекціи услышитъ и дастъ, что нужно; не нравится ей и то, что я разсчитываю получить мѣсто чрезъ протекцію постороннюю, а не по своей силѣ и достоинству только, что было бы лучше; высказала наконецъ то, что она желаетъ выйти замужъ, чтобы любить мужа и уважать его...

Въ это время въ Петербургѣ много говорили о писателяхъ Ща-

повѣ и Помяловскомъ, они своими сочиненіями и особенно громкою ихъ славою, особенно въ томъ кругу, гдѣ она вращалась, давно уже кружили ея голову, и она въ воображеніи своемъ давно уже стала обожать Щапова, какъ героя, не видавъ его лично. Какъ дѣвица ловкая и развитая, что называется бой, она сумѣла хорошо отъ меня отдѣлаться, и родственниковъ не оскорбить за участіе въ ея судьбѣ, и свободно достигнуть намѣченной цѣли. Съ Щаповымъ она впослѣдствіи нашла возможность сблизиться, выйти за него замужъ, хотя и не на радость.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго [1]).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Жена готовилась быть матерью. Положеніе Перепелкина въ матеріальномъ отношеніи было къ этому времени, можно сказать, недурное: кромѣ правильно получаемаго жалованья изъ библіотеки, частенько перепадали хорошіе уроки, да и плата за переводъ получалась уже значительно выше противъ прежняго. Правда, приходилось трудиться много, какъ для насущнаго куска хлѣба, такъ и для пополненія своего образованія. Чай пить садился не иначе, какъ съ раскрытой и положенной возлѣ своего прибора книгой. Но эти труды, несмотря на утомленіе, не такъ тяготили его, какъ мысль о томъ, что всѣ, сдѣланныя имъ попытки втянуть свою молодую жену въ сферу его личныхъ или вообще умственныхъ какихъ-либо интересовъ, оказались совершенно безплодными. Несомнѣнно, что она любила мужа и посвоему была счастлива. Она готова была хоть поминутно цѣловаться съ нимъ, всегда встрѣчала и провожала его съ обычной сердечной лаской и любовью. Но этимъ только и ограничивались всѣ ея интимныя отношенія къ любимому человѣку. Умственная же ея сфера была крайне ограничена.

Однажды Перепелкинъ, проходя въ библіотекѣ чрезъ читальную комнату въ свое отдѣленіе, услышалъ такой разговоръ между читателемъ, сдававшимъ прочитанную книгу, и дежурнымъ чиновникомъ, принимавшимъ ее.

— Да вы ужъ лучше требуйте всѣ части, а то теперь библіотекаря нѣтъ, а другіе могутъ затрудниться подъисканіемъ той части или тома, въ которыхъ помѣщена нужная вамъ статья, говорилъ дежурный читателю.

---

1) См. „Русскую Старину“ февраль 1905 г.

Читатель этотъ былъ худощавый брюнетъ, среднихъ лѣтъ, въ очкахъ, съ серьезнымъ и умнымъ выраженіемъ лица, на которомъ внимательный и опытный наблюдатель не могъ не замѣтить нѣкоторыхъ слѣдовъ бурсацкой типичности.

— Да вамъ что нужно? обратился къ этому господину Перепелкинъ, желая поддержать честь тѣхъ „другихъ", на затрудненіе которыхъ подъискать требуемую статью указывалъ дежурный по библіотекѣ чиновникъ.

— А, вотъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, они знаютъ, обрадовался дежурный.

— Мнѣ нужно,—говорилъ брюнетъ, напрягая черезъ очки зрѣніе, чтобъ разглядѣть новое лицо,—разсужденіе о славянскомъ языкѣ, Востокова.

— Оно помѣщено въ 17-й части „Трудовъ общества любителей россійской словесности" 1820 года, сказалъ Перепелкинъ.

— Такъ, такъ, совершенно такъ! Теперь вспомнилъ, съ улыбкой, протягивая руку Перепелкину, заговорилъ брюнетъ: мнѣ, вѣдь, и нужно его всего на минуту—много на двѣ, для маленькой справки, я его хорошо знаю, но мнѣ нужно замѣтить одно мѣсто въ подлинныхъ словахъ автора.

— Да Востоковъ такъ сжато и своеобразно выражается, замѣтилъ Перепелкинъ, что какъ-то невольно удерживаются въ головѣ подлинныя его слова. Скажите, о чемъ идетъ рѣчь, я можетъ быть и припомню.

Брюнетъ поднялъ голову и воззрился на своего собесѣдника.

— Не удивляйтесь: я съ большимъ усердіемъ штудирую и нѣмецкихъ, и славянскихъ лингвистовъ, и многое у меня теперь въ свѣжей памяти, говорилъ добродушно, всегда готовой къ услугамъ другихъ, Перепелкинъ.

Брюнетъ сообщилъ, что требовалось ему знать въ подлинныхъ словахъ Востокова. Перепелкинъ привелъ ихъ, какъ помнилъ, и оба они пошли въ отдѣленіе, чтобы провѣрить. Оказалось, что Перепелкинымъ вѣрно переданы были собственныя выраженія Востокова. Брюнетъ выразилъ удивленіе, но онъ еще болѣе былъ изумленъ, когда юноша, увлекшись даннымъ вопросомъ, сопоставилъ это мѣсто съ аналогичными указаніями Гумбольдта въ его сочиненіи: „Ueber die Kawisprache auf der Insel java" и Миклошича въ только-что вышедшихъ: „Lautlehre und Formenlehre".

— Да вы учительствуете гдѣ-нибудь? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, только готовлюсь пока.

— Вы сдѣлаете честь любому заведенію, и если не побрезгуете моимъ совѣтомъ, то берите темы на пробныя лекціи въ военныхъ

пансіонахъ, и вы можете всегда разсчитывать на хорошее мѣсто: тамъ теперь очень нуждаются въ людяхъ дѣльныхъ. Я, вѣдь, и самъ тамъ учительствую вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ и нахожу, что здѣсь положеніе учителя, въ денежномъ отношеніи, гораздо выгоднѣе, чѣмъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Моя фамилія Ринарховъ (Веденскій?), можетъ быть, слыхали? Одни меня превозносятъ, другіе на чемъ свѣтъ стоитъ ругаютъ, говорилъ онъ, смѣясь; а есть и такіе подлецы, которые подкапываются подъ меня и рады были бы погубить меня, въ чемъ, конечно, нетрудно было бы имъ и успѣть, если бы только судьба, на этотъ случай, благосклонная ко мнѣ, не соблаговолила расположить въ мою пользу второстепеннаго главу нашихъ учебныхъ заведеній Ростовцева, если слыхали. Всѣ шипѣнія противъ меня прекратились, какъ только заслышали гады, подъ какое покровительство я попалъ. Вотъ узнаете все, когда поступите къ намъ.

Затѣмъ Ринарховъ, разсказавъ Перепелкину подробно всю процедуру „держанія“ въ штабѣ пробныхъ лекцій на данныя темы, простился съ нимъ очень любезно и ушелъ, но черезъ нѣсколько минутъ опять вернулся.

— Знаете, я такъ заинтересовался вами, что хочу возбудить такой же интересъ къ вамъ и въ начальникѣ учебнаго отдѣленія нашего штаба, бывшемъ профессорѣ К., который недавно спрашивалъ у меня, не возьмется ли кто изъ учителей перевести къ будущему засѣданію учебнаго комитета въ $2^1/_2$ печатныхъ листа брошюрку нѣмецкую: „Взглядъ на преподаваніе языковъ“. Я вамъ совѣтую взять на себя этотъ трудъ, и вы отличнѣйшимъ образомъ зарекомендуете себя, да еще рублей полсотни и получите за это. Если желаете, то я вамъ сегодня вечеромъ и пришлю эту брошюру. Она недавно вышла за границей и всего дня три четыре, какъ получена здѣсь. Надѣюсь, вы не задержите и дней черезъ 7 пришлете мнѣ переводъ, а еще лучше будетъ, какъ въ среду на слѣдующей недѣлѣ и сами навѣстите меня. Я васъ познакомлю съ своимъ кружкомъ, который по этимъ днямъ собирается у меня.

Присланную въ тотъ же день брошюрку Перепелкинъ перевелъ въ шесть дней и тотчасъ же отослалъ ее Ринархову, къ которому и самъ отправился на другой день въ 7 часовъ по полудни, предупредивъ Любу, что онъ можетъ тамъ засидѣться и долго.

Перепелкинъ пришелъ рано съ Ринархову, который, представивъ его своей женѣ, подвелъ его къ какому-то господину, сидѣвшему въ кабинетѣ у окна и внимательно читавшему рукопись.

— Переводъ дѣльный, сказалъ этотъ господинъ грубоватымъ голосомъ, крѣпко пожимая руку Перепелкина: но у васъ есть нѣсколько неточныхъ терминовъ, свидѣтельствующихъ, что вы не со всѣми

еще лингвистами ознакомились,—и онъ указалъ, у кого и что надо прочесть.

Этотъ господинъ былъ славянистъ Лярскій, другъ Ринархова. Онъ пришелъ гораздо раньше Перепелкина, увидѣлъ въ кабинетѣ на столѣ съ заманчивымъ для него заглавіемъ рукопись и успѣлъ дочитать ее какъ разъ въ то время, когда Ринарховъ подвелъ къ нему Перепелкина со словами: „а вотъ и переводчикъ".

Два друга представляли изъ себя очень разновидныя и не безъинтересныя типичности. Ринарховъ (Веденскій?) былъ натура живая, подвижная, склонная къ увлеченіямъ, страстнымъ порывамъ, видимо одаренная сильной энергіей ума и воли. Лярскій же казался совершенной флегмой, былъ воловатъ; страстные порывы, навѣрное, были ему чужды, да едва-ли онъ и отдавался какимъ-либо увлеченіямъ, хотя и могъ преслѣдовать свои цѣли, какъ научныя, такъ и житейскія съ удивительною настойчивостію. Ума онъ былъ положительнаго, способнаго къ глубокому анализу. Ринарховъ не чуждъ былъ эффектности, не прочь, при всякомъ случаѣ, блеснуть и новизной мнѣнія, и даромъ слова, дѣйствительно необыкновеннымъ, нисколько, повидимому, не безпокоясь о томъ, что все, сказанное имъ горячо, красиво, съ блескомъ, бывъ переведено на трезвый языкъ, могло оказаться совершенно не стоящимъ такого шумнаго и эффектнаго выраженія. Лярскій говорилъ просто, немногословно и видимо стараясь о точности, иногда тянулъ рѣчь, чтобъ подъискать подходящее выраженіе. Тотчасъ же можно было замѣтить, что первый за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, хотя многія изъ его словъ немедленно по произнесеніи ихъ и забываются, а второй имѣлъ привычку, а можетъ быть и природную надобность часто за ними лазить, но добытыя имъ не безъ труда слова имѣли свойство невольно и надолго западать въ головы слушателей. Ясно было, что онъ немало заботился о томъ, чтобъ и мысль его была дѣльная, да и выразилась бы она какъ можно точнѣе. Все это Перепелкинъ успѣлъ подмѣтить въ продолженіе часоваго разговора съ ними, пока не собрались другіе гости. Тотъ и другой заговарили съ нимъ на темы по излюбленнымъ предметамъ—Ринарховъ по вопросамъ текущей литературы, Лярскій—лингвистики и филологіи.

На другой день, когда Перепелкинъ, побывавъ уже въ двухъ мѣстахъ на урокахъ и сдѣлавъ свое дѣло въ библіотекѣ, возвратился домой, Люба встрѣтила его какъ всегда и вдругъ засуетилась въ поискахъ чего-то. Оказалось, что она наканунѣ получила два письма.

Письма были отъ отца, отъ друзей по академіи изъ К. и по семинаріи изъ Брехова.

Первымъ онъ распечаталъ письмо отъ отца, который все еще сокрушался о томъ, что сынъ пошелъ не по проторенной и самимъ Богомъ указанной дорогѣ, а по новой, невѣдомой ему и приснымъ его. Вторично уже благословлялъ его бракъ, но не могъ не выразить и теперь своего сожалѣнія, что онъ, „вопреки преданіямъ церкви и обычаямъ людей благочестивыхъ“, поспѣшилъ этимъ дѣломъ, не посовѣтовавшись съ отцомъ. „Скорблю и о томъ“, писалъ въ заключеніе старикъ, „что твоя молодая жена ни единой строкой не почтила своего свекра“.

Необходимость заставила Перепелкина поспѣшить требованіемъ темъ изъ штаба на пробныя лекціи, которыя и были высланы ему черезъ недѣлю послѣ подачи имъ прошенія о томъ, а черезъ мѣсяцъ онъ былъ уже вызванъ для чтенія своихъ диссертацій и „защиты„ ихъ, что̀ онъ и исполнилъ съ такимъ успѣхомъ, что вызвалъ общее одобреніе. Здѣсь же ему предложены были два мѣста—одно въ кавалерійскомъ, а другое въ пѣхотномъ заведеніи.

Начальникъ учебнаго отдѣленія въ штабѣ, бывшій профессоръ университета Кавелинъ, посовѣтовалъ ему принять послѣднее, но почему не объяснилъ.

— А потому, сказалъ одинъ изъ учителей, бывшихъ на пробной лекціи Перепелкина, оппонировавшій ему больше другихъ и догнавшій его, по выходѣ изъ штаба, что въ первомъ воспитываются большею частью джентльмены, которые учиться не любятъ, а съ учителями обращаются по-свински. Вы же человѣкъ, какъ видно, съ огонькомъ, и едва-ли бы стали съ ними церемониться, а это повело бы къ столкновеніямъ съ начальствомъ и вы, навѣрное, бросили бы это мѣсто. Недавно тамъ былъ такой случай: только-что приглашенный учитель входитъ въ первый разъ въ классъ. У дверей его встрѣчаются два большихъ воспитанника, изъ которыхъ одинъ тотчасъ пригнулся, а другой верзила вскочилъ ему на спину и, подъѣхавъ на такомъ импровизованномъ конѣ въ упоръ къ учителю, приложилъ руку къ виску и по формѣ отрапортовалъ о наличномъ составѣ класса. Это были князь и графъ, самые безпардонные шалуны.

— Что это всегда такъ дѣлается у васъ? спросилъ озадаченный учитель-новичекъ.

— Нѣтъ, только для почетныхъ гостей, отвѣчалъ развязно князь, галопируя на графѣ.

— Ну, я не изъ тѣхъ, которые любятъ такой почетъ, сказалъ учитель. Повернулся и ушелъ, не давши ни одного урока въ этомъ заведеніи.

— Что имъ за это было? полюбопытствовалъ Перепелкинъ, тоже немало озадаченный разсказомъ.

Разсказчикъ захохоталъ.

— Да развѣ можно тутъ что-нибудь сдѣлать, не рискуя мѣстомъ? Конечно, скрыли отъ начальства, разумѣется, не отъ своего—свое хорошо все знало—а отъ высшаго, потому что кому же охота тягаться съ людьми сильными.

— А это заведеніе, въ которое мнѣ рекомендуютъ поступить, каково?

— Это—такъ себѣ... ничего! Да вотъ увидите сами, какъ поступите. Вообще надо сказать, что это совершенно особенный міръ, который на незнакомаго съ нимъ и въ первый разъ являющагося туда производитъ иногда тягостное впечатлѣніе, особенно на людей съ такимъ, какъ видно, горячимъ темпераментомъ, какъ у васъ. Формализма не оберешься, самаго страшнаго, подавляющаго формализма,—заключилъ недавно бывшій оппонентъ Перепелкина, прощаясь съ нимъ самымъ дружескимъ образомъ.

И на этотъ разъ Перепелкинъ возвратился домой поздно, почти въ часъ ночи.

— Да, это, дѣйствительно, совсѣмъ другой міръ, о которомъ я почти не имѣлъ понятія, думалъ Перепелкинъ черезъ двѣ недѣли послѣ поступленія на службу въ одинъ изъ корпусовъ. Сверхъ ожиданія и вопреки нѣкоторымъ раннимъ предубѣжденіямъ, на первыхъ порахъ получались большею частію благопріятныя впечатлѣнія. Предупрежденіе начальника заведенія, при представленіи ему Перепелкина, что здѣсь требуется деликатное обращеніе съ воспитанниками, а не такое, какое допускается въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно-де въ духовныхъ, очень понравилось новичку-учителю, потому что оно вполнѣ согласовалось съ гуманнымъ настроеніемъ его души. Прочитанныя имъ инструкціи по части воспитанія и образованія молодыхъ людей военнаго типа, въ разное время составленныя и предложенныя для обязательнаго выполненія всѣмъ корпусамъ, очень подкупающе дѣйствовали на впечатлительнаго Перепелкина, такъ какъ онѣ были проникнуты самыми высокими гуманными и христіанскими началами. Самая большая часть служащихъ были люди военные, которые всѣ, за весьма немногими исключеніями, отличались деликатностью, предупредительной вѣжливостью и любезностью. Составъ учителей, на половину военный, на половину гражданскій, въ числѣ которыхъ были три профессора университета, повидимому, былъ хорошъ и заставлялъ думать, что дѣло преподаванія здѣсь поставлено хорошо. Учителя были большею частію люди молодые, поклонники Бѣлинскаго, Гоголя и новѣйшихъ послѣдователей ихъ. Смерть Гоголя и послѣдовавшій въ скоромъ времени арестъ Тургенева вызвали во всѣхъ ихъ искреннее и глубокое сожалѣніе о не-

ожиданной и преждевременной потерѣ перваго, равно какъ исполненный сильнаго негодованія протестъ за втораго.

— Удивительное дѣло, горячился молодой математикъ; изъ царской фамиліи, сколько извѣстно, всѣ читаютъ и почитаютъ Гоголя. Наслѣдникъ престола—тоже всѣмъ извѣстно, не одинъ разъ выручалъ его своими средствами изъ затруднительнаго денежнаго положенія,—и вдругъ арестуютъ написавшаго сочувственную статью о покойномъ.

— Этого мало: самъ государь всегда бралъ его подъ свою защиту отъ цензурныхъ нападокъ и урѣзокъ и вдругъ... заговорилъ какой-то военный, но его перебилъ тотчасъ же молодой и бойкій преподаватель статистики:

— Эка нашли чему удивляться! Никогда у насъ не церемонились съ законами.

Ретивость Перепелкина еще болѣе усилилась, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что уже готовы новыя программы, составленныя, по порученію штаба, лучшими знатоками дѣла по всѣмъ предметамъ, извѣстными спеціалистами, которые и будутъ ихъ объяснять и защищать въ полномъ собраніи учителей изъ всѣхъ военныхъ корпусовъ, по каждому отдѣльному предмету, а затѣмъ, по общемъ одобреніи ихъ, немедленно приступятъ къ составленію капитальныхъ руководствъ какъ для учащихъ, такъ и для учащихся.

По мѣрѣ распространенія слуховъ объ этомъ, репутація и популярность Ростовцева, какъ главнаго виновника затѣянныхъ реформъ для поднятія уровня образованія въ военныхъ заведеніяхъ, росли не по днямъ, а по часамъ, въ интеллигентныхъ кружкахъ столицы, въ сильный ущербъ таковымъ же попечителя учебнаго округа, съ которымъ, по слухамъ, былъ легкій ударъ, когда запрещенная, по его настоянію, статья Тургенева по поводу смерти Гоголя появилась въ Москвѣ и была преподнесена ему другомъ его, княземъ.

— Да, воскликнулъ онъ при этомъ, задыхаясь отъ злобы;—есть враги отечества, которые вотъ такъ и толкаютъ его въ бездну, грозилъ онъ рукой внизъ и тутъ же и самъ повалился. Недѣли двѣ онъ не выѣзжалъ никуда. Инспекторъ студентовъ и помощники его были въ большомъ уныніи и какъ тѣни бродили по корридору, мало занимаясь существенными своими обязанностями, по части наблюденій за волосами, состояніемъ пуговицъ, походкой и улыбками юношей, какъ-будто эти предметы вдругъ сдѣлались почему-то недостойными ихъ вниманія.

Ничто такъ не содѣйствовало развитію и закрѣпленію симпатіи къ Тургеневу и антипатіи къ попечителю и людямъ, подобнымъ ему, какъ фактъ арестованія извѣстнаго писателя за сочувственную статью

о Гоголѣ. И то и другое еще болѣе усилилось, когда сдѣлалось извѣстно, что, вслѣдствіе письма Тургенева къ наслѣднику престола, онъ былъ освобожденъ изъ-подъ ареста: въ этомъ видѣли залогъ хорошаго будущаго. Даже совершенно беззаботные, насчетъ литературныхъ дѣлъ и ихъ представителя, Митрофанушки, попавшіе въ университетъ единственно ради дипломовъ, и тѣ заговорили въ симпатичномъ тонѣ о покойномъ Гоголѣ и Тургеневѣ и хвастались открытымъ проявленіемъ антипатіи къ попечителю, котораго, по выздоровленіи, по словамъ остряковъ, даже швейцаръ университета, почтенный Савельичъ, встрѣтилъ будто-бы не только безъ всякаго подобрастія, но съ какимъ-то серьезнымъ недружелюбнымъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „Эхъ ты, гусь лапчатый, и мертвымъ-то ты не даешь покою!"

Это самые опасные моменты въ жизни учащейся молодежи: малѣйшей искры достаточно, чтобы поднялось зарево вездѣ, вызывая катастрофу за катастрофой. Инстинктивно это чувствовалъ и самъ виновникъ этого настроенія. Онъ какъ-то сильно осунулся, потерялъ всякую эффектирующую сановитость, на холодныя привѣтствія профессоровъ отвѣчалъ вѣжливыми поклонами, тогда какъ прежде отдѣлывался только кивкомъ головы, а студентовъ весьма часто и этого не удостоивалъ, созерцая ихъ только съ высоты величія суровымъ взглядомъ.

Инцидентъ съ Тургеневымъ вызвалъ продолжительные толки въ общественной жизни и рѣзко обозначилъ вкусы, наклонности и стремленія тупыхъ консерваторовъ, не любящихъ новшествъ по глупости, лжепатріотовъ-фарисеевъ, враждебно относившихся къ новому направленію литературы изъ боязни разоблаченія той гнусной фальши, подъ покровомъ которой обдѣлываются ими свои дѣлишки, вродѣ казнокрадства, наполненія казенныхъ учрежденій людьми своими, прижиманія и выживанія людей честныхъ, запугиванія правительства призраками революціи,—и людей, которыхъ, дѣйствительно, можно назвать патріотами, потому что они и желали только того, чтобъ разлилось просвѣщеніе въ Россіи, чтобъ возвысилась нравственность русскихъ людей, чтобъ, наконецъ, водворилась правда въ нашемъ отечествѣ, по крайней мѣрѣ, хоть въ такой степени, чтобъ можно было безъ боязни выражать всякому свое сочувствіе всему честному, разумному и доброму.

— Чортъ разберется въ этомъ ералашѣ, говорили люди послѣдней категоріи.—Какая-нибудь козявка, отъявленный тупица изъ старыхъ солдафоновъ, объявляетъ открытую войну противъ этого направленія.

Люди этой категоріи, въ виду надвигавшейся войны, первые

заговорили, съ сокрушеннымъ духомъ, о томъ, что едва-ли несомнѣнное мужество и самоотверженная стойкость русскаго солдата устоятъ противъ тѣхъ страшныхъ разрушительныхъ силъ, которыя создала наука запада и до которыхъ намъ куда еще какъ далеко, тѣмъ болѣе, что мы, какъ рутинеры, вели все по-старому и не только не думали о такихъ новшествахъ, но даже и не подозрѣвали ихъ у другихъ. Такъ думали тѣ интеллигентные и честные доброжелатели отечества, которыхъ иронически обзывали либералами тупые консерваторы и лжепатріоты-фарисеи, на всѣхъ перекресткахъ бахвалившіеся, что мы-де шапками закидаемъ супостатовъ, въ какихъ бы силахъ они ни сунулись къ намъ.

Перепелкину пріятно было думать, что его поступленіе на службу въ военное заведеніе совпадаетъ съ тѣми мѣропріятіями, которыя значительно могутъ видоизмѣнить типъ прежнихъ питомцевъ этихъ заведеній, сложившійся по старой формаціи и сказавшійся весьма непригляднымии чертами на всѣхъ житейскихъ поприщахъ, доступныхъ военнымъ людямъ. А какія поприща имъ не были доступны, начиная съ скромной должности смотрителя какого-нибудь казеннаго учрежденія до высшаго сановническаго поста въ государствѣ? Даже много потрудившіеся на педагогическомъ поприщѣ, небезъизвѣстные ученые должны были пасовать и съ болью въ сердцахъ уступать имъ, если на давно ожидавшуюся ими вакансію директора заведенія или инспектора студентовъ являлись конкуррентами военные люди, къ которымъ не предъявлялись никакія требованія ни въ научномъ, ни въ нравственномъ отношеніяхъ и которые—не тѣмъ будь помянуты—нерѣдко оставляли за собой слѣды безтолковости, круглаго невѣжества, а еще чаще дикаго произвола и самой беззастѣнчивой и неудержимой наклонности къ эксплоатаціи казны и ближняго.

Наконецъ, новыя программы по всѣмъ предметамъ, съ такимъ нетерпѣніемъ давно ожидаемыя всѣми, были отпечатаны и розданы учителямъ, съ тѣмъ, чтобы они ко дню, назначенному для „защиты и уясненія“ ихъ составителями, хорошо ознакомились съ ними и высказали съ полною откровенностью свои соображенія, въ какой степени онѣ могутъ быть теперь выполнены, принявъ во вниманіе то обстоятельство, что онѣ очень расширены въ сравненіи съ прежними.

Всѣ преподаватели русскаго языка и словесности во всѣхъ военныхъ заведеніяхъ, съ Веденскимъ во главѣ, ясно видѣли, что составители программъ вовсе не были знакомы съ дѣйствительнымъ состояніемъ языкознанія вообще въ военныхъ заведеніяхъ, а русскаго въ частности, а потому включили въ нихъ такія требованія по этимологіи славянскаго и древне-русскаго языка, которыя могли бы

быть подъ силу только въ семинаріяхъ, гдѣ съ ранняго возраста знакомятъ съ подобными вещами. Что касается словесности, какъ по части теоріи прозы и поэзіи, такъ и по исторіи литературы, то и самъ участвовавшій до нѣкоторой степени въ этомъ дѣлѣ, Веденскій, откровенно выразился въ кругу сотоварищей по преподаванію, что „тутъ ужъ составители программъ черезчуръ далеко хватили, имѣя, очевидно, самое преувеличенное понятіе объ умственномъ развитіи питомцевъ военныхъ заведеній".

За исключеніемъ преподавателей математики, на которую очень много времени удѣлялось и знакомство съ которою, болѣе или менѣе твердое, каждый воспитанникъ считалъ для себя неизбѣжно обязательнымъ, такъ какъ начальство слишкомъ внимательно было по этой части и спуска не давало никому,—всѣ учителя по остальнымъ предметамъ общаго образованія говорили единогласно, что программы, вновь составленныя и обсужденіе коихъ предстоитъ въ общемъ собраніи учителей, какъ обширностію своею, такъ и нѣкоторыми отдѣлами, обыкновенно, преподаваемыми въ высшихъ учебныхъ или спеціальныхъ заведеніяхъ, далеко будутъ не по силамъ питомцамъ военныхъ заведеній, и по степени ихъ умственнаго развитія, и по количеству изучаемыхъ ими предметовъ. Все это говорилось долго, въ продолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, и говорилось совершенно открыто, свободно, въ присутствіи своего непосредственнаго начальства, которое и съ своей стороны нерѣдко поддакивало всѣмъ кружкамъ по разнымъ предметамъ, что, дескать, далеко ужъ очень хватили спеціалисты ученые при составленіи программъ для средне-учебныхъ заведеній военнаго типа.

Приближалось время засѣданій для разсмотрѣнія и обсужденія новыхъ программъ, и всѣ учителя готовились высказать откровенно массу заявленій и насчетъ состоянія учебнаго дѣла въ военныхъ заведеніяхъ, и насчетъ растяжимости курсовъ, вслѣдствіе расширенія программъ тѣми отдѣлами, какихъ прежде не было, и какіе, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ могутъ быть и не по силамъ учащихся. Веденскій имѣлъ намѣреніе особенно распространиться о важности задачъ для преподавателей словесности по серьезному и основательному ознакомленію учащихся съ тѣми литературными, какъ русскими, такъ и иностранными, произведеніями, которыя могутъ оказывать наибольшее вліяніе на подъемъ нравственныхъ качествъ человѣка.

Всѣ военные, на плечахъ которыхъ и лежало, главнымъ образомъ, руководительство учебнымъ дѣломъ, внимательно прислушивались къ постояннымъ толкамъ объ этомъ преподавателей, собиравшихся, во время перемѣны уроковъ, въ учительской комнатѣ; и хотя никого къ тому не поощряли, не говорили „ни да, ни нѣтъ", но ласково, даже

любовно посматривали на тѣхъ, которые особенно пѣтушились, грозясь высказаться досконально по всѣмъ пунктамъ возникающихъ недоумѣній, слѣдовательно, какъ-бы вселяли надежду, что всякій смѣльчакъ, рѣшившійся на такую откровенность, въ присутствіи всемогущаго Ростовцева, можетъ разсчитывать не только на ихъ сочувствіе всему тому, что онъ будетъ говорить, въ видахъ пользы заведенію, но, въ случаѣ надобности, даже на ихъ авторитетную поддержку.

Но горько пришлось разочароваться на открывшихся, наконецъ, засѣданіяхъ всѣмъ, кто питалъ такія опрометчивыя надежды. Р—въ, при первомъ взглядѣ на него, возбуждалъ мысль, что это человѣкъ вовсе не изъ тѣхъ, которые могутъ дѣлиться своими прерогативами иначе, какъ дѣлился царь звѣрей, левъ, со своими участниками въ добычѣ. И въ глазахъ, и въ рѣчахъ, и въ манерѣ говорить и держать себя такъ-таки ясно, опредѣленно и выражалось: „а кто до сей части коснется, тотъ съ мѣста живъ не уйдетъ". При всемъ томъ, по природѣ своей, человѣкъ онъ былъ, можно сказать, добрый, а такъ ужъ взросъ и воспитался въ такихъ своеобразныхъ понятіяхъ о власти. Онъ открылъ засѣданіе въ громаднѣйшей залѣ, въ которой свободно могли размѣститься нѣсколько сотъ человѣкъ, но такъ какъ ихъ всего было человѣкъ до полутораста, то всѣ столпились въ одинъ уголъ, усѣвшись полукругомъ предъ большимъ столомъ, за которымъ по рединѣ помѣщался Р—въ, какъ предсѣдатель засѣданія, а по бокамъ, съ одной стороны, извѣстный знатокъ литературныхъ дѣлъ, нарочно пріѣхавшій изъ Москвы (не Буслаевъ ли?) защищать и уяснять составленныя имъ и другимъ московскимъ ученымъ программы по русскому языку и словесности, а съ другой — Веденскій, получившій отъ Р—ва приказаніе быть „адвокатомъ" по этой части со стороны военныхъ заведеній. Сказавъ нѣсколько словъ о цѣли засѣданія, предсѣдательствующій предложилъ ученому составителю программъ выяснить дальнѣйшее и начать чтеніе программъ, указывая на мотивы, вызвавшіе то или другое измѣненіе противъ прежнихъ. Ученый своимъ спичемъ, тянувшимся не мало времени, ни на кого изъ учителей не произвелъ благопріятнаго впечатлѣнія. Самъ онъ былъ на видъ человѣкъ пожилой, сухощавый, всѣмъ существомъ своимъ свидѣтельствовавшій, что это былъ труженикъ великій, честно и неутомимо изслѣдовавшій и перебиравшій всю подноготную, по излюбленному дѣлу, но неотличавшійся особенною талантливостью, и потому его строго логичная, ясная и послѣдовательная рѣчь не заключала въ себѣ ни силы мысли, ни силы слова. Замѣчая на живомъ, подвижномъ лицѣ Р—ва признаки нѣкоторой нетерпѣливости, можно было думать, что и онъ находится подъ вліяніемъ несовсѣмъ благопріятныхъ впечатлѣній.

Когда приступлено было къ чтенію программы по русскому языку то съ перваго же шага и обнаружилось, что здѣсь откровеннымъ разговорамъ насчетъ возможности выполненія ея, особенно по части церковно-славянскаго и древне-русскаго языка, не будетъ дано никакого мѣста. Даже просто, всѣ поняли, что здѣсь совсѣмъ другимъ пахнетъ.

На замѣчаніе стараго умнаго педагога, редактировавшаго превосходно одинъ изъ дѣтскихъ журналовъ, что по церковно-славянскому и древне-русскому языку затронуты вопросы, которые недостаточно выяснились и для извѣстныхъ спеціалистовъ по этой части, такъ какъ они высказывали относительно ихъ только свои догадки, или скромныя предположенія, а не окончательные выводы, за неимѣніемъ которыхъ учителя средне-учебныхъ заведеній могутъ затрудняться способомъ выясненія подобныхъ вещей, — послѣдовалъ со стороны предсѣдателя хотя искусно замаскированный, но тѣмъ не менѣе не двусмысленный отвѣтъ, что затрудняющихся въ чемъ-нибудь по своей части въ дѣлѣ преподаванія никто же и не удерживаетъ въ заведеніи.

Поднявшійся, было, одинъ изъ молодыхъ словесниковъ, чтобы высказаться по поводу какого-то недоразумѣнія, плохо выясненнаго и самимъ составителемъ программы, былъ встрѣченъ со стороны всевластнаго Р—ва такимъ взглядомъ, что непосредственный начальникъ этого педагога, вѣроятно, руководимый опасеніемъ за судьбу смѣльчака, а можетъ быть, и чувствомъ личнаго самосохраненія, дернулъ его за фалду фрака, и тотъ конфузливо опустился на стулъ.

Затѣмъ во все время засѣданій никакихъ серьезныхъ дебатовъ не было, потому что желающихъ оппонировать не оказывалось. Мелочныя замѣтки позволяли себѣ вставлять нѣкоторые преподаватели, и то въ видѣ подтвержденія или дополненія тѣхъ мнѣній, которыя излагалъ составитель программъ.

Одинъ только разъ чуть не завязались было серьезныя пренія по поводу замѣчанія, сдѣланнаго тѣмъ же старымъ умнымъ педагогомъ, редакторомъ превосходнаго дѣтскаго журнала, что „дѣти басенъ не любятъ да и не понимаютъ ихъ, потому-то и не интересуются ими“.

На это съ живостью возразилъ, но неубѣдительно, что-то Веденскій; за нимъ потянулъ длинную и сухую реплику ученый составитель программъ, и старый педагогъ, какъ дѣйствительный знатокъ дѣтской природы, началъ было уже очень вѣскими доводами доказывать свое мнѣніе, но забавное и, какъ можно было думать, не изъ чистыхъ побужденій вытекавшее вмѣшательство Благос—въ въ этотъ диспутъ было причиною, что почтенный и уважаемый всѣми педагогъ совершенно

замолкъ. Да и было отчего. Злой и желчный Бл—овъ, какъ-бы играя въ руку начальства, повидимому, не сочувствовавшаго мнѣнію уважаемаго педагога, выразился приблизительно такъ: „кто въ состояніи думать, что дѣти не интересуются баснями, потому что не понимаютъ ихъ, тотъ, очевидно, не знаетъ дѣтской натуры“. Тихонько выразился ропотъ неудовольствія послѣ такихъ опрометчивыхъ словъ, и кто-то вслухъ, хотя и не громко, замѣтилъ: „странно, кому же, казалось бы и знать хорошо дѣтскую натуру, какъ не лицу, которое нѣсколько лѣтъ уже редактируетъ такъ умно лучшій дѣтскій журналъ!“

Послѣднее засѣданіе заключилось блистательнымъ, бойкимъ спичемъ-панегирикомъ, посвященнымъ корпораціи и руководителямъ военныхъ заведеній и произнесеннымъ Вед—мъ. Онъ говорилъ съ такою увлекательностію, что ораторская его талантливость не подлежала уже никакому сомнѣнію, но въ искренности его чувствъ многіе изъ знавшихъ его хорошо имѣли основаніе усомниться, потому что совсѣмъ не то привыкли обыкновенно слышать отъ него.

Перепелкинъ находился подъ вліяніемъ самыхъ тяжелыхъ впечатлѣній, но не отъ этого спича, а отъ результатовъ всѣхъ засѣданій. Спичъ, самъ по себѣ, былъ нѣчто, далеко выходящее изъ ряда обыкновенныхъ вещей и свидѣтельствовалъ о необыкновенной даровитости оратора, а то обстоятельство, что онъ сильно заволновался, поблѣднѣлъ и на нѣсколько секундъ прервалъ рѣчь, пока не выпилъ предложеннаго ему стакана воды, повидимому, сильно говоритъ противъ сомнѣнія въ искренности его чувствъ. Да иначе и быть не могло. Во-первыхъ, Вед—ій былъ совершенно правъ, указывая на цѣлый рядъ законченныхъ и предпринимаемыхъ мѣръ къ подъему образованія и воспитанія въ военныхъ заведеніяхъ, равно какъ и о тѣхъ учебныхъ силахъ, которыми располагаютъ эти учрежденія въ лицѣ заявившихъ уже свою даровитость педагоговъ, для постепеннаго осуществленія всего задуманнаго; во-вторыхъ, какъ умный человѣкъ, онъ хорошо понималъ, что такія личности, какъ Р—въ, очевидно, властолюбивый, честолюбивый и самолюбивый, какими бы побужденіями ни руководились они въ своихъ намѣреніяхъ послужить пользамъ просвѣщенія, естественно, заслуживаютъ того, чтобы къ ихъ дѣятельности разумно направляемой вызвано было сочувствіе со стороны общества, тѣмъ болѣе, что ретроградныя партіи какъ въ военныхъ, такъ и гражданскихъ кружкахъ, сильно ужъ иронизировали надъ Р—мъ, обзывая его черезчуръ „залиберальничавшимъ генераломъ“. Такимъ образомъ противъ рѣчи Вед—аго, исполненной, правда, нѣкоторыхъ преувеличеній, Перепелкинъ ничего не имѣлъ, и не отъ нея были тяжелыя впечатлѣнія, а отъ того обстоятельства, что разыграно было нѣчто въ родѣ комедіи. Въ самомъ дѣлѣ, думалъ

въ простотѣ сердца неопытный молодой человѣкъ: къ чему эти многолюдныя торжественныя засѣданія были замышлены, когда никому не дозволялось говорить въ тонѣ, сколько-нибудь не согласномъ съ тѣмъ, какой былъ заданъ предсѣдателемъ вскорѣ по открытіи засѣданія. Или почему Вед—ій до засѣданій рекомендовавшій всѣмъ совершенно свободно и откровенно высказываться, и по поводу неудовлетворительнаго состоянія военныхъ заведеній, и по поводу возможности или невозможности выполненія какого-либо отдѣла новой программы, во время засѣданій не только никого не поддержалъ, но, очевидно, старался попадать въ тонъ начальства, развивая только тѣ мысли, какія были угодны послѣднему?

— Да развѣ въ этомъ состояло назначеніе „адвоката" со стороны военныхъ заведеній по дѣламъ выясненія цѣлесообразности новыхъ программъ? обратился Перепелкинъ съ вопросомъ къ офицеру того заведенія, въ которомъ онъ служилъ. Тотъ ничего не отвѣчалъ, но такъ посмотрѣлъ на спрашивавшаго, какъ будто тоже, съ своей стороны, хотѣлъ предложить ему вопросъ: „да, ты, пріятель, не съ луны ли къ намъ спустился?"

„Никогда еще въ жизни я не испытывалъ такихъ горькихъ разочарованій, подъ вліяніемъ какихъ я теперь нахожусь,—писалъ Перепелкинъ другу своему, баккалавру академіи, Ѳаворову,—видно, мораль нравовъ и мораль дѣйствительности — двѣ вещи не только разныя, но, кажется, ничего общаго даже не имѣющія между собою. Я никакъ себѣ и представить не могъ, чтобы горячій и умный пропагандистъ морали могъ иногда самъ лично и уклоняться отъ дѣйствительнаго осуществленія ея въ жизни. Я тебѣ уже писалъ о томъ, что меня особенно завлекало въ военныя заведенія, — это начавшееся тамъ оживленіе въ преподаваніи всѣхъ предметовъ вообще, а въ частности словесности, о чемъ въ городѣ не переставали говорить въ теченіе двухъ лѣтъ. Много толковали, во-первыхъ, о той горячности, какую всемогущій Р—въ проявилъ и не перестаетъ проявлять въ своихъ стремленіяхъ поднять уровень образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитанія въ военныхъ заведеніяхъ, во-вторыхъ, о небывалыхъ успѣхахъ, какіе въ короткое время сдѣлалъ даровитый преподаватель словесности Веденскій, прекрасными своими лекціями возбудившій въ своихъ слушателяхъ такой интересъ и къ наукамъ вообще, и къ литературнымъ произведеніямъ, въ частности, что нѣкоторые военные питомцы, понявъ крайнюю несостоятельность свою по части образованія, принялись не на шутку за дѣло умственнаго своего развитія и наглядно доказали, что личный интересъ къ чему-нибудь есть самый лучшій, энергическій и постоянный двигатель человѣческой дѣятельности". „Вотъ какъ до поступленія моего писали, выпускные

въ офицеры, военные питомцы, говорить мнѣ Веденскій, показывая сочиненіе одного изъ нихъ, которое начиналось такъ: „епосъ пишутъ когда сякнитъ лирика состояніи хаотичиской души и лерисмъ. У насъ после епоза лерисмъ писали Сумороковъ и Ламаносовъ а епосъ Державинъ и Пушкинъ“... и такъ далѣе [1]). На поляхъ противъ этой тирады написано было рукой Веденскаго: „Боги, не судите мнѣ больше видѣть подобное!“ Но и до самаго засѣданія онъ не переставалъ говорить, что въ военныхъ заведеніяхъ общее образованіе получается жалкое и что, за весьма немногими исключеніями, пишутъ безграмотно, безтолково и безъ всякаго пониманія дѣла. Говорилъ, что объ этомъ особенно надобно распространиться въ имѣющихъ быть засѣданіяхъ для обсужденія новыхъ программъ по русскому языку и словесности. Всѣ учителя по этимъ предметамъ приготовили массу заявленій, которыя, бывъ приняты во вниманіе, сразу освѣтили бы печальное положеніе общихъ наукъ, равно какъ и нравственное состояніе учащихся, и гдѣ же было искать лучшаго случая и лучшаго мѣста, какъ не здѣсь, въ полномъ присутствіи всѣхъ учебныхъ и воспитательныхъ силъ заведеній для дружнаго и откровеннаго уясненія мѣръ, которыя помогли бы выйти изъ фальшиваго положенія, дали бы возможность разобраться въ хаосѣ противорѣчивыхъ взглядовъ и недоразумѣній, позволили бы вести дѣло образованія и воспитанія правильнѣе и цѣлесообразнѣе. И что же произошло? Всевластный Р—въ, котораго и друзья и недруги считаютъ самымъ либеральнымъ начальникомъ, сразу поставилъ дѣло такъ, что въ разрѣзъ его мнѣніямъ не то что идти, но даже заикнуться никто не посмѣлъ, особенно, когда замѣтили, что Веденскій, пользующійся безграничнымъ довѣріемъ и расположеніемъ его, не только не станетъ за спиной смѣльчака, чтобы поддержать его, но, видимо, старается попадать въ тонъ начальства и о какихъ-либо недостаткахъ по образовательно-воспитательнымъ дѣламъ не обмолвился ни единымъ словечкомъ. А, вѣдь, это замѣчательно умный человѣкъ, и ему ли не понимать, что „не слова, не пропаганда перерождаютъ людей, а дѣйствительное осуществленіе въ жизни морали“. Такъ вотъ, дружище, отчего я пришелъ въ такое уныніе! Вѣдь, за человѣка страшно: все фальшь, фальшь и фальшь!“.

---

[1]) Какъ современникъ всего происходившаго и самъ, получившій образованіе въ военномъ заведеніи, могу по совѣсти сказать, что все это совершенно несправедливо. Такъ не могли писать даже десятилѣтніе мальчики. Ред.

II.

Шли годы. Семейное положеніе Перепелкина все болѣе и болѣе осложнялось задачами, требовавшими толковаго и безотлагательнаго рѣшенія. Люба по-прежнему была плохой помощницей мужа въ его заботахъ о правильномъ рѣшеніи подобныхъ задачъ. На рукахъ у нея было уже три ребенка, въ которыхъ она души не слышала.

Недовольство самимъ собою чувствовалось, главнымъ образомъ, оттого, что онъ связалъ себя семейными заботами какъ разъ въ то время, когда явилась сильная потребность отдать всѣ силы излюбленному дѣлу, для успѣховъ котораго ему казалось необходимымъ выработать свои цѣлесообразные дидактическіе и педагогическіе пріемы для того, чтобы быть дѣльнымъ и вліятельнымъ преподавателемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитателемъ. Недовольство же службой происходило не отъ недостатка вниманія къ нему со стороны начальства, или отъ неудобныхъ отношеній учащихся и сослуживцевъ, а отъ полнаго сознанія, что всѣ его усилія направить иначе и дѣло умственнаго развитія и дѣло воспитанія, посредствомъ чтенія литературныхъ вещей и уясненія нравственныхъ идеаловъ, ни къ чему въ сущности не приводили и не могли привести, какъ онъ годъ отъ года убѣждался въ этомъ. Знало ли начальство объ этихъ усиліяхъ новаго молодаго преподавателя добиться какихъ-нибудь осязательныхъ результатовъ по этой части, и о томъ, какъ онъ тяготился безплодностію своихъ усилій—ему неизвѣстно, но все-таки онъ не могъ жаловаться, чтобы его не поощряли и увелнченіемъ числа уроковъ, и прибавкой за нихъ большей поурочной платы. Отношенія же его, какъ съ сослуживцами, такъ еще болѣе съ учащимися, всегда были хорошія, дружескія: никакихъ столкновеній въ продолженіе шести лѣтъ его службы въ этомъ заведеніи у него ни съ кѣмъ не было. Неуспѣшность своихъ усилій, какъ въ дѣлѣ умственнаго развитія, такъ и направленія нравственнаго, онъ приписывалъ, главнымъ образомъ, во-первыхъ—многопредметности, не позволявшей ни на одну науку, кромѣ математики, удѣлять достаточно времени для того, чтобы молодой умишко могъ сосредоточиться на какой-нибудь живой мысли изучаемаго предмета, заинтересоваться имъ и чувствовать потребность дальнѣйшаго знакомства съ нимъ, что̀, естественно, и само собою повело бы къ устраненію повальной лѣпи и самыхъ безнравственныхъ пріемовъ, ежедневно изобрѣтаемыхъ для обхода требованій учителя и для самаго безсовѣстнаго надувательства его.

Недостаточность умственнаго развитія питомцевъ, оканчивающихъ курсъ въ военныхъ заведеніяхъ, почувствовало наконецъ и высшее

начальство, и для поправленія этого дѣла прибавило еще одинъ классъ [1]), съ тою цѣлью, чтобы молодые люди, закончивъ общее и спеціальное образованіе, въ этомъ классѣ занялись самостоятельно повтореніемъ и провѣркой знаній по нѣкоторымъ предметамъ, подъ руководствомъ профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Ожидались чудеса отъ этого нововведенія. Каждый Петръ Ивановичъ говорилъ: „вѣдь годъ, цѣлый годъ предоставляется юношамъ, подъ руководствомъ лучшихъ профессоровъ, спокойно и не торопливо разбираться въ массѣ наскоро усвоенныхъ научныхъ понятій—какъ же тутъ не окрѣпнуть мысли и не вынести серьезнаго взгляда на науку, вмѣстѣ съ чувствомъ потребности дальнѣйшаго въ ней развитія собственными усиліями!"

Нѣкоторые такъ и не разубѣдились въ этихъ предположеніяхъ, но другіе скоро разочаровались и не скрывали, что этотъ классъ породилъ только много спѣси въ молодыхъ людяхъ, свысока даже посматривавшихъ на бывшихъ своихъ наставниковъ, но смысла имъ нисколько не прибавилъ. Но разочарованіе преподавателя Тлова [2]), тоже много ожидавшаго отъ этого нововведенія, было горче всѣхъ. Въ преподаваніи словесности онъ задавался слишкомъ широкими цѣлями, знакомя преимущественно съ разными направленіями европейской литературы, а въ манерѣ изложенія онъ слѣдовалъ пріемамъ Веденскаго, который подвергалъ серьезному анализу лучшія произведенія знаменитыхъ писателей всѣхъ временъ и народовъ. Близко ознакомившись съ научными познаніями и умственнымъ развитіемъ воспитанниковъ, Перепелкинъ, въ интимныхъ бесѣдахъ, указывалъ тому и другому на дидактическую несостоятельность подобныхъ пріемовъ въ отношеніи слушателей, совершенно не подготовленныхъ къ пониманію такихъ лекцій. Веденскій вполнѣ соглашался съ этимъ мнѣніемъ и говорилъ, что серьезнаго характера лекціи онъ читаетъ только въ спеціальномъ заведеніи, куда поступаютъ наилучшіе изъ воспитанниковъ, окончившихъ полный курсъ въ корпусѣ, въ послѣднихъ же онъ держится другой методы и ведетъ дѣло проще. Но злой и желчный Благосвѣтловъ выходилъ изъ себя, доказывая, что только такимъ путемъ и можно возбудить въ юношахъ интересъ къ литературѣ и охоту самостоятельно заниматься ею, а никакъ не выясненіемъ элементарныхъ понятій изъ логики и теоріи словесности на разбираемомъ въ классѣ образцѣ. Это уже былъ язвительный намекъ на то, что считалъ необходимымъ дѣлать, въ началѣ курса словесности, Перепелкинъ въ своихъ классахъ. Онъ черпалъ и свое вдохновеніе и цѣлыя тирады для записокъ, литографируемыхъ въ руко-

---

[1]) 3-й спеціальный. Прим. редакціи.

[2]) Благосвѣтлова.

водство воспитанникамъ, изъ только-что вышедшихъ тогда „Matinée littéraires“, пересыпая подобныя извлеченія забористыми фразами, при сопоставленіи произведеній иностранной литературы съ таковыми же русской, и наивно былъ самъ убѣжденъ и даже успѣлъ убѣдить въ томъ не одного Петра Ивановича [1]), что такимъ только способомъ и можно поднять умственное развитіе въ корпусахъ. Каково жъ было его изумленіе, когда, по переходѣ его уже на другой родъ дѣятельности, Перепелкинъ, слишкомъ злопамятный для того, чтобъ не позабыть его похвальбы, преподнесъ ему однажды курьезное сочиненіе одного изъ пансіонеровъ, прошедшихъ школу Благосвѣтлова и пробывшаго годъ въ добавочномъ классѣ для самостоятельнаго пополненія пробѣловъ знаній по нѣкоторымъ предметамъ. Это самостоятельно уже обработавшій себя питомецъ, равно какъ и двое другихъ, совершившихъ то же самое надъ собой и учившихся прежде у Перепелкина, обратились къ послѣднему съ слезными просьбами просмотрѣть и выправить годовыя ихъ сочиненія, написанныя на данныя профессоромъ, руководителемъ ихъ самостоятельныхъ занятій, темы и предназначенныя для чтенія на публичномъ экзаменѣ, въ присутствіи всемогущаго Р—ва. Сочиненія двоихъ послѣднихъ были нелѣпы, но не въ такой степени, чтобъ ужъ никакъ нельзя было сдѣлать ихъ сносными. При нѣкоторыхъ поправкахъ, тотчасъ же сдѣланныхъ Перепелкинымъ, и указаніяхъ, какъ и что должны были передѣлать сами сочинители, затѣмъ послѣ новыхъ поправокъ и дополненій оба вышли настолько сносными, что за одно изъ нихъ дана была лучшая награда. Сочиненіе же питомца Благосвѣтлова представляло наборъ нелѣпѣйшихъ фразъ и такой безпорядочный ералашъ мыслей, что разобраться въ нихъ не представлялось никакой возможности, тѣмъ болѣе, что на всѣ вопросы Перепелкина, что хотѣлъ авторъ выразить тѣмъ-то и тѣмъ-то мѣстомъ, послѣдній только хлопалъ глазами и ничего не могъ сказать. Прочитавъ начало, энергичный и вмѣстѣ съ тѣмъ очень желчный Благосвѣтловъ плюнулъ на рукопись и, выругавшись непечатными словами по адресу бывшагосвоего воспитанника, просилъ Перепелкина передать ему пожеланіе чтобъ ему всю жизнь снились Кальдероны за его варварское сочиненіе.

Знало ли начальство, особенно какой-нибудь Петръ Ивановичъ, какъ лицо, руководящее учебнымъ дѣломъ въ каждомъ заведеніи, или, по меньшей мѣрѣ, догадывались ли, что немногимъ только изъ проведшихъ добавочный учебный годъ, въ самостоятельномъ уясненіи познаній по нѣкоторымъ предметамъ не написаны кѣмъ-либо на сторонѣ, или не поправлены радикально годовыя сочиненія, которыя

[1]) Подъ Петромъ Ивановичемъ авторъ разумѣетъ всякаго офицера военно-учебнаго заведенія, а главное—инспектора.

затѣмъ читались на публичномъ экзаменѣ, въ присутствіи многочисленной интеллигентной публики, и удостоивались цѣнныхъ наградъ, вродѣ золотыхъ часовъ и проч., получаемыхъ изъ собственныхъ рукъ всесильнаго Р—ва,—Перепелкину осталось неизвѣстнымъ. Но онъ не могъ не понять и не убѣдиться изъ многихъ явленій и наблюденій, что въ военныхъ заведеніяхъ показная и существенная сторона дѣла—двѣ вещи совершенно разныя.

— Эка, подумаешь, какое открытіе вы сдѣлали, сказалъ, саркастически улыбаясь, одинъ изъ сотоварищей по преподаванію словесности, когда Перепелкинъ однажды вздумалъ подѣлиться съ нимъ выводами въ этомъ родѣ: вѣдь это только для такихъ неисправимыхъ идеалистовъ, какимъ вы, дѣйствительно оказываетесь, можетъ это представляться новинкой, достойной разговоровъ и размышленій, мы же, старики, присмотрѣлись ко всему этому и очень хорошо понимаемъ, что въ царствѣ бумажномъ всегда все сводится къ письменнымъ отчетамъ, а о существенной провѣркѣ ихъ на дѣлѣ никогда никто и не думалъ.

Дѣйствительно, Крымская война воочію всѣмъ показала, что все терпящая бумага, въ видѣ отчетовъ, рапортовъ, представленій, объявленій, проектовъ и проч. и проч., всегда прикрывала массу лжи, допускаемой или съ цѣлями самаго безобразнаго хищничества, или по трусости, а то такъ по безсилію лица, неспособнаго понять и провѣрять то, что ввѣрено его наблюденію и храненію, или руководительству. Перепелкина особенно удивляло то обстоятельство, что въ столицѣ, резиденціи царя, открыто всѣ говорили о страшныхъ злоупотребленіяхъ, допущенныхъ въ арміи по подрядамъ и поставкамъ, по вооруженію войскъ, ихъ обмундированію, продовольствію, перевозкѣ раненыхъ героевъ, которые, предъ цѣлымъ міромъ засвидѣтельствовавъ необыкновенную храбрость, стойкость и самоотверженность, умирали не отъ ранъ, полученныхъ на полѣ битвы, а отъ нашихъ неурядицъ, прикрываемыхъ всетерпящей бумагой и вводящихъ въ заблужденіе всякую власть, до царя включительно, умирали несчастные герои отъ невообразимыхъ путей сообщенія, отъ недостатка перевязочныхъ средствъ, отъ небрежнаго, дурнаго ухода за ними и, къ стыду человѣчества, отъ голода и холода.

Толки въ этомъ родѣ тяжелымъ камнемъ ложились на душѣ нервнаго Перепелкина.—Боже мой, горячился онъ, искренно страдая за другихъ;—да неужели же подобные слухи не доходятъ куда слѣдуетъ? А какъ же они дойдутъ—получался внутренній отвѣтъ—вѣдь ты же въ засѣданіяхъ, при обсужденіи программъ, въ присутствіи всесильнаго Р—ва, не выскочилъ съ объясненіемъ всѣхъ тѣхъ неурядицъ, которыя подмѣтилъ въ военныхъ заведеніяхъ, и не выскочилъ

во-первыхъ, потому, что сразу понялъ, что здѣсь этого не требуется, совсѣмъ въ томъ не нуждаются; во-вторыхъ, потому, что на поддержку Веденскаго, какъ авторитетнаго лица и любимца Р—ва, по всѣмъ видимостямъ, разсчитывать никоимъ образомъ нельзя было; въ третьихъ потому, что сунувшійся было съ своими возраженіями какой-то словесникъ былъ встрѣченъ со стороны предсѣдателя такимъ взглядомъ, что непосредственный начальникъ этого смѣльчака, напуганный, можетъ быть, не столько за него, сколько за себя, потянулъ его назадъ за фалду фрака—вѣдь, если ты самъ струсилъ, боясь, конечно, рискнуть только-что полученнымъ мѣстомъ, то по какому же праву, или въ силу какой справедливости, ждешь ты подобнаго геройства отъ другихъ?—Да, да! вторилъ внутренній голосъ;—это такъ, не выскочилъ изъ подлой трусости, боясь рискнуть только-что полученнымъ мѣстомъ, а отъ другихъ требуешь геройства! И стыдно и тяжело стало молодому педагогу за такую подлую человѣческую слабость, отъ которой и самъ чувствовалъ себя не отрѣшившимся.

Подъ вліяніемъ мрачныхъ нравоученій, читаемыхъ самому себѣ, онъ пришелъ домой обезкураженнымъ и разстроеннымъ.

— Вотъ ты недавно плакался, что писемъ давно ни отъ кого не получаешь, обратилась къ нему жена, ставя предъ нимъ на письменный столъ стаканъ чая; а посмотри, какое толстенькое пришло.

— Сейчасъ принесли? говорилъ мужъ, пристально всматриваясь въ совершенно незнакомый почеркъ на конвертѣ.

— Нѣтъ, еще вчера, за часъ до твоего прихода съ вечернихъ лекцій, да я забыла о немъ.

Вскрывъ пакетъ, Перепелкинъ такъ углубился въ чтеніе письма, что Люба, предложивъ вопросъ, откуда оно, съ полминуты простояла въ ожиданіи отвѣта, но, не дождавшись его, ушла играть съ дѣтьми и больше не интересовалась имъ, вѣроятно, совершенно позабывъ о немъ. А между тѣмъ этому письму суждено было сдѣлаться роковымъ въ судьбѣ мужа. Писано оно второстепеннымъ начальствомъ одного изъ самыхъ отдаленныхъ отъ столицы военныхъ заведеній, съ согласія и одобренія первостепеннаго, т. е. начальника заведенія, приписавшаго собственноручно отъ себя нѣсколько строкъ въ томъ смыслѣ, что „все-де, написанное Петромъ Ивановичемъ, вполнѣ согласно и съ его мнѣніями и желаніями".

Вотъ это письмо: „Милостивый государь, Савва Саввичъ. Извините, что я, не имѣя чести быть лично знакомымъ съ вами, на первыхъ же порахъ пишу вамъ предлинную и, смѣю увѣрить васъ, совершенно искреннюю и доброжелательную цидулку. Дѣло въ томъ, что нашъ корпусъ нуждается въ дѣльномъ преподавателѣ по русскому

языку и словесности. Напрашивающихся сюда на это мѣсто есть не мало изъ столицъ и изъ ближайшихъ къ намъ губернскихъ гимназій, но всѣ они какъ-то не отвѣчаютъ нашимъ желаніямъ. А между тѣмъ, проѣзжавшій на-дняхъ чрезъ нашу палестину на Дальній Востокъ, полковникъ N, старый мой знакомый, служившій не такъ давно и въ вашемъ заведеніи, по поводу заведеннаго мною разговора съ нимъ на эту тему, охарактеризовалъ васъ въ такихъ чертахъ, которыя какъ нельзя болѣе приходятся намъ, т. е. мнѣ и начальнику заведенія, по вкусу. Онъ именно указалъ на ваше стремленіе быть не только дѣльнымъ преподавателемъ, но и воспитателемъ вмѣстѣ, на ваше недовольство современнымъ состояніемъ умственнаго и нравственнаго состоянія питомцевъ военныхъ пансіоновъ, на ваше колебаніе—оставаться ли на этомъ поприщѣ, въ ожиданіи благопріятныхъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи, или уйти на другое, чтобъ не растрачивать своихъ силъ безъ пользы. Отецъ родной, вѣрьте Богу, что эти стремленія и эти силы ваши намъ и всей нашей палестинѣ куда-какъ были бы дороги! Вѣдь, теперь, когда у васъ тамъ, въ столицѣ, и литература оживляется, и публичныя лекціи читаются, вы у насъ, какъ лицо, пріѣхавшее быть представителемъ этого движенія, могли бы имѣть огромное вліяніе какъ на питомцевъ, такъ и на все наше сонное общество. Тутъ есть надъ чѣмъ поработать мыслящему человѣку: вѣдь, это край исконнаго мрака, невѣжества, край неслыханнаго въ наши времена безправія. Здѣсь ли не развернуться и не найти примѣненія молодымъ силамъ, рвущимся сослужить полезную службу царю и отечеству! Я и самъ забрался сюда, движимый искреннимъ и горячимъ желаніемъ содѣйствовать приведенію заведенія въ такое состояніе, чтобы изъ него выходили на службу краю люди дѣльные и нравственные. Могу безъ хвастовства сказать, что мои усилія въ этомъ направленіи не остаются безъ успѣха, замѣчаемаго даже и мѣстнымъ обществомъ. Вѣдь у насъ—между нами будь сказано—меньше давленія формалистики, чѣмъ въ столицѣ, и разумнымъ, благонамѣреннымъ стремленіямъ, хотя бы требовавшимъ и особыхъ цѣлесообразныхъ мѣропріятій, повѣрьте, никто никакихъ препятствій и преградъ ставить не будетъ. Его превосходительство, начальникъ нашего заведенія, вполнѣ сочувствуетъ (какъ увидите ниже изъ собственноручной его приписки) всѣмъ моимъ стремленіямъ и мѣрамъ, принимаемымъ къ поднятію умственнаго и нравственнаго развитія учащихся въ заведеніи. А вотъ наши условія, если вы пожелаете перейти къ намъ на службу: плата за годовой урокъ у насъ будетъ вамъ въ полтора раза больше, чѣмъ вы получаете въ столицѣ, а уроковъ можете имѣть, сколько пожелаете. Теперь преимущества службы въ нашемъ краю: годовой окладъ жалованья не въ зачетъ,

при отъѣздѣ, двойные прогоны на число лошадей по чину, сокращенный пятью годами срокъ на выслугу пенсіи, кромѣ того черезъ каждыя пять лѣтъ прибавки къ жалованью 1/4 изъ стариннаго учительскаго оклада въ 500 руб. Но прибавки изъ этого оклада мы нашли не соотвѣтствующими ни времени, ни цѣлямъ привлеченія дѣльныхъ людей въ край, лишенный всякихъ удобствъ цивилизованныхъ мѣстностей, и вошли къ высшему начальству съ представленіемъ о выработкѣ новаго положенія, на основаніи котораго каждый учитель могъ бы получать за каждое пятилѣтіе четвертую часть того оклада, какой онъ получалъ по средней сложности за это время. Начальство изъявило полное согласіе на наше представленіе и обѣщаетъ разработать этотъ вопросъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Считаю должнымъ распространиться здѣсь также и о стоимости содержанія въ нашемъ городѣ. Все привозное изъ дальнихъ мѣстъ, разумѣется, здѣсь очень дорого, такъ что иногда выгоднѣе находишь выписывать изъ столицъ нѣкоторые предметы прямо по почтѣ, чѣмъ пріобрѣтать ихъ здѣсь у мѣстныхъ торговцевъ, которые и товаръ держатъ недоброкачественный, и цѣны дерутъ непомѣрно высокія. Но за то все мѣстное баснословно дешево.

„Не подумайте, что я здѣсь кое-что преувеличиваю съ цѣлью только заманить васъ къ себѣ. Возвращающійся на-дняхъ въ Петербургъ, пробывшій здѣсь больше года, И. С. П. имѣетъ отъ меня порученіе побывать у васъ и лично передать вамъ свои впечатлѣнія объ этомъ краѣ вообще и о нашемъ городѣ въ частности, который онъ окрестилъ такими названіями: „безтолочь", „непроницаемая муть", „покладистая блудница", „а-ну-ко попробуй". Уже по однимъ этимъ кличкамъ вы можете судить, какое онъ о немъ понятіе составилъ, но тѣмъ безпристрастнѣе можетъ вамъ представиться мое мнѣніе, раздѣляемое и его превосходительствомъ, начальникомъ заведенія, что такимъ личностямъ, какъ вы, по изображенію общаго нашего знакомаго, здѣсь-то именно и есть настоящее мѣсто: не придется скучать, потому что кругомъ найдется много работы, которая не можетъ быть непроизводительной и навѣрное дастъ хорошіе результаты.

„Подумайте-ка объ этомъ и поспѣшите обрадовать насъ своимъ отвѣтомъ въ положительномъ смыслѣ, а еще лучше бы сдѣлали, если бы при таковомъ приложили и форменное прошеніе на имя начальника заведенія о переводѣ васъ на службу въ наше заведеніе".

Прочитавъ это письмо, Перепелкинъ долго оставался въ глубокомъ размышленіи, изрѣдка развертывая его и вновь перечитывая внимательно нѣкоторыя мѣста. Оно какъ-бы служило отвѣтомъ на тайныя, ничѣмъ не успокаивающіяся желанія его найти родъ дѣятельности,

который бы всецѣло занялъ его умъ и сердце и давалъ бы возможность чувствовать плоды своихъ усилій быть полезнымъ членомъ общества, возбужденіемъ въ другихъ стремленія къ просвѣщенію ума, освобожденію человѣческой природы отъ грубыхъ инстинктовъ, водворенію въ душѣ людей чувства правды, добра, любви ко всему возвышенному и благородному. „Да, разсуждалъ онъ самъ съ собою; здѣсь, въ этомъ, исполненномъ всякаго мрака, краѣ, и помимо мѣста службы есть поприще для дѣятельности людей, намѣтившихъ себѣ такія цѣли. А я даже и не слыхалъ, что и въ такомъ отдаленіи отъ столицы существуютъ корпуса“.

Черезъ два мѣсяца посѣтилъ Перепелкина господинъ, который окрестилъ такими нелестными именами городъ, куда приглашается словесникъ для пропаганды слова правды и любви къ ближнему.

Такъ, такъ, онъ и есть! привѣтствовалъ гость Перепелкина, простирая къ нему обѣ широкія длани; вы не узнаете меня? А помните, лѣтъ пять тому назадъ, мы видѣлись... еще допрашивали васъ насчетъ вашихъ идеаловъ. Я, признаться, забылъ вашу фамилію, да и не зналъ, что вы женаты, но когда при мнѣ, у знакомыхъ тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, зашла какъ-то рѣчь о вызовѣ туда какого-то семейнаго педагога, отличающагося идеальными стремленіями и энергіею, мнѣ вдругъ на умъ почему-то вспало, да не идетъ ли ужъ рѣчь о томъ юномъ горячемъ пропагандистѣ, который тогда въ нашей компаніи грозился жечь глаголами правды сердца всѣхъ смертныхъ, и такъ какъ мнѣ предстоялъ путь сюда, то я и взялся переговорить съ вами и просить васъ пожаловать ко мнѣ черезъ два дня.

Эти два дня, которые нужно было провести въ ожиданіи назначеннаго свиданія, Перепелкину показались чуть не вѣчностью.

— Вотъ черезъ два дня этотъ господинъ, что сейчасъ былъ у насъ, поразскажетъ мнѣ все о томъ краѣ, куда приглашаютъ меня на службу, и тогда можно будетъ окончательно рѣшить, ѣхать или не ѣхать туда, говорилъ онъ Любѣ, стараясь хоть сколько-нибудь заинтересовать ее предполагаемой перемѣной ихъ положенія. Для меня это дѣло представляется чрезвычайно важнымъ, по многимъ причинамъ. И онъ началъ подробно объяснять эти причины.

Онъ поднялъ глаза на жену и, къ изумленію, увидѣлъ, что она вперла глаза въ обои и чрезвычайно внимательно къ чему-то присматривается, не слушая его вовсе.

Какъ съ облаковъ упалъ размечтавшійся было мужъ на тему по излюбленному дѣлу и, уходя, понурый, въ свой кабинетъ, не переставалъ думать: да, сиротство мое, круглое сиротство, совершенно безпомощное!

Но въ этомъ горькомъ чувствѣ круглаго своего сиротства онъ

былъ утѣшенъ въ тотъ же день выраженіемъ самаго искреннаго сожалѣнія почти со стороны всего класса, которому онъ послѣ вечерней лекціи объявилъ о предполагаемомъ имъ переходѣ на службу въ отдаленный край. Больше всѣхъ пораженъ былъ этимъ извѣстіемъ воспитанникъ N., котораго Перепелкинъ, года за два передъ тѣмъ, назвалъ „вянущимъ василькомъ" по вялому, даже чахлому его виду. Теперь онъ выглядѣлъ здоровымъ, краснощекимъ юношей и, зная, кому этимъ обязанъ, онъ всегда выражалъ чувство глубокой признательности къ виновнику этой перемѣны, „доброму своему учителю", какъ онъ называлъ Перепелкина, объяснясь по поводу этого дѣла съ однимъ дежурнымъ офицеромъ. По многимъ признакамъ Перепелкинъ убѣдился, что вялость, сонливость, угрюмость и исхуданіе его и нѣкоторыхъ другихъ происходятъ, главнымъ образомъ, отъ извѣстнаго тайнаго порока, нерѣдкаго и въ другихъ заведеніяхъ, но особенно сильно распространеннаго въ корпусахъ. Встрѣчаясь съ такими питомцами въ корридорахъ, онъ умѣлъ, побуждаемый добрымъ своимъ сердцемъ, войти въ довѣріе къ нимъ по поводу разспросовъ о состояніи ихъ здоровья и, ведя бесѣду наединѣ съ каждымъ отдѣльно, выяснить послѣдствія, къ которымъ можетъ привести этотъ порокъ, если они не употребятъ всѣхъ усилій, чтобы немедленно его оставить. Его искреннее и горячее участіе въ судьбѣ этихъ лицъ, съ которыми онъ входилъ въ объясненія по такимъ щекотливымъ вопросамъ, спасло не одну личность отъ несчастной привычки, и выраженіе признательности онъ встрѣчалъ со стороны многихъ, хотя далеко, впрочемъ, не всѣхъ, но никто не выражалъ ее такъ ясно, открыто, какъ N. „Никогда, говорилъ онъ часто, при встрѣчахъ одинъ на одинъ, я не забуду, какой переворотъ вы произвели во мнѣ своими совѣтами, я не только обязанъ вамъ хорошимъ своимъ здоровьемъ, но и полной перемѣной характера, который, вслѣдствіе несчастной привычки, сдѣлался было страшно отвратительнымъ: я ненавидѣлъ всѣхъ и все, поминутно раздражался, жизнь мнѣ опротивѣла, и я не имѣлъ никакихъ ни надеждъ, ни желаній впереди. Бродила даже мысль въ головѣ броситься съ моста въ воду. Теперь, какъ видите, и цвѣтущъ, и веселъ, и во всю жизнь не забуду, что этимъ обязанъ вамъ, доброму моему учителю."

Но отвратительнѣе и возмутительнѣе всего для Перепелкина были циничныя привычки воспитанниковъ старшихъ классовъ.

Однажды Перепелкинъ шелъ по корридору съ однимъ изъ своихъ сотоварищей по преподаванію. Навстрѣчу имъ попались два верзилы, у которыхъ физіономіи мгновенно исказились, принявъ злой до звѣрства видъ. Перепелкинъ, издали уже замѣтивъ такую метаморфозу, въ ту же минуту обратилъ на нее вниманіе товарища, и на вопросъ его —

вслѣдствіе чего же они такъ свирѣпѣютъ—объснилъ подробно въ чемъ дѣло.

— Ну, вы, батенька, оставьте ихъ въ покоѣ на этотъ счетъ, особенно, джентльменовъ съ особыми нашивками, показывающими, что они закончили уже полное образованіе, проглотивъ всю премудрость, преподаваемую здѣсь, и оставлены на годъ для самостоятельнаго пережевыванія ея въ особо сочиненномъ для этой цѣли классѣ [1]). Повѣрьте мнѣ, какъ человѣку искренно прямодушному, что за самаго послѣдняго изъ нихъ—хотя, между нами будь сказано, они и всѣ-то пріучаются только здѣсь бить баклуши по формѣ,—не постѣснятся пожертвовать любымъ изъ насъ, еслибъ пришлось кому-нибудь изъ насъ считаться обидами съ ними. А вы знаете мнѣніе объ этомъ классѣ Р—ва?—спросилъ товарищъ Перепелкина и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ, что прошедшими послѣднюю школу самостоятельнаго развитія, подъ руководствомъ лучшихъ профессоровъ-спеціалистовъ, надобно будетъ особенно дорожить, такъ какъ несомнѣнно это будутъ люди образцовые, успѣвшіе, такъ сказать, опериться и окрылиться для высшихъ полетовъ, и вотъ вѣрьте мнѣ, что хотя бы это были самые заурядные болваны, но за каждаго изъ нихъ безъ всякаго состраданія выгнали бы любаго изъ насъ, коснись только разбирательства взаимныхъ обидъ между учителемъ и подобнымъ, самостоятельно развивающимся питомцемъ.

— Вотъ ужъ разодолжили меня, говорилъ пріѣзжій изъ Сибири, бросаясь навстрѣчу Перепелкина, цѣлуясь съ нимъ и усаживая его на диванъ рядомъ съ собою.

Перепелкинъ полюбопытствовалъ прежде всего спросить—каково начальство заведенія, куда его приглашаютъ, и дѣйствительно ли тамъ содержаніе такъ дешево, какъ ему пишутъ оттуда, затѣмъ каково общество, каковъ климатъ.

На всѣ эти вопросы получались отвѣты, если и не вполнѣ обстоятельные, то все же свидѣтельствующіе, что разсказчикъ одаренъ наблюдательностію и умѣлъ схватить характерныя черты явленій.

— Начальство отличное во всѣхъ отношеніяхъ, говорилъ сибирякъ, особенно правая рука начальника заведенія, т. е., лицо завѣдующее учебною частью. Онъ въ короткое время успѣлъ многое сдѣлать для заведенія. Самъ начальникъ добрѣйшій и честнѣйшій человѣкъ, но старъ и слишкомъ довѣрчивъ къ людямъ, а потому его кругомъ обманываютъ эти тамъ смотрителя, экономы, завѣдующіе вещевыми заготовленіями и проч. Онъ и самъ это сознаетъ, но, по малодушію, боится круто поступить съ этими людьми, чтобы самого не оплели,

---

[1]) Третій спеціальный.

какъ онъ выражается, и не спихнули съ мѣста. Онъ же пріобрѣлъ въ городѣ такихъ партнеровъ по преферансу, что смерть не хотѣлось бы ему выѣзжать отсюда. Климатъ здоровый, хотя морозы достигаютъ иногда 40 градусовъ.

Что касается общества, мѣстныхъ нравовъ и всякихъ житейскихъ дѣлъ, то это статья обширная, а я теперь, какъ говорится, въ ударѣ и могу наговорить вамъ съ три короба.

Общество... общество въ Сибири состоитъ изъ аборигеновъ и наѣзжаго люда. Аборигены—это косолапые медвѣди, лежатъ въ берлогахъ и сосутъ лапы, но себѣ на умѣ: пальцевъ въ ротъ имъ не клади, откусятъ какъ разъ. Народъ хитрый, продувной! Да и неудивительно, почему онъ таковъ: обитатель этого отдаленнаго обширнаго края несравненно больше, чѣмъ обитатели другихъ мѣстностей Россіи, могъ чувствовать горечь сложившейся на Руси поговорки: до Бога высоко, до царя далеко. Онъ никогда и нигдѣ кругомъ себя не видѣлъ правды и, съ покорностію безсловеснаго животнаго, терпѣливо выносилъ на себѣ всевозможныя обиды, насилія и всяческія несправедливости. Наѣзжіе составляютъ не постоянный и быстро мѣняющійся элементъ. Они бываютъ двухъ, даже трехъ родовъ: люди хорошо образованные, честные, пріѣзжающіе съ цѣлью послужить пользамъ края; но они какъ-то долго здѣсь не уживаются: ихъ либо выкуриваютъ разными способами отсюда, либо они сами утекаютъ почему-то изъ этого края. Затѣмъ люди тоже не безъ образованія, но честности болѣе чѣмъ сомнительной, предъявляющіе большія претензіи на дѣловитость, которая, впрочемъ, вся направлена къ своекорыстнымъ цѣлямъ самаго безшабашнаго эксплоатированія всѣхъ и всего, казны и ближняго. Это самый вліятельный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый зловредный классъ людей, который съ такимъ искусствомъ умѣетъ раскидывать свои сѣти, что даже очень чуткій, осторожный и опытный красный звѣрь неизбѣжно какъ-бы чудомъ какимъ попадаетъ въ нихъ, а разъ попавъ, никоимъ образомъ уже собственными своими усиліями не выпутается изъ нихъ, потому что онѣ сотканы изъ густой и чрезвычайно цѣпкой паутины. Наконецъ, люди безъ всякаго образованія, не предъявлявшіе никогда ни малѣйшихъ притязаній на него, равно какъ на честность, благородство и другія какія-нибудь высшія нравственныя качества. Эти люди составляютъ здѣсь самый давній, такъ сказать, архаическій элементъ, живучесть котораго обусловливается, главнымъ образомъ, его подвижностію, неудержимымъ стремленіемъ къ частымъ, иногда почти безпрерывнымъ перемѣщеніемъ. Сильно проворовавшись, или скомпрометтировавъ себя черезчуръ другимъ путемъ въ одномъ пунктѣ какого-нибудь района обширной территоріи этого отдаленнаго края, они втихомолку спѣшатъ по-добру—по-здорову.

убраться оттуда, не производя ни малѣйшаго шума, и совершают осторожно передвиженія съ Востока на Западъ, или съ Запада на Востокъ, смотря по тому, гдѣ получилась осѣчка, преспокойно устраиваются на новомъ мѣстѣ, впредь до новой неизбѣжной осѣчки, чтобы съ тѣмъ же спокойствіемъ и съ тою же осторожностію учинить дальнѣйшее движеніе по длинному, на нѣсколько тысячъ верстъ змѣйкой тянущемуся пути, въ восточномъ или западномъ направленіи. У иныхъ этихъ перемѣщеній значится въ формулярномъ спискѣ такъ много, что кажется даже невѣроятнымъ, какъ это на нихъ не было обращено вниманія со стороны тѣхъ учрежденій, которымъ надлежитъ это вѣдать. А ужъ какъ тихо, безъ малѣйшей огласки совершаются, какъ бы въ ночномъ мракѣ, эти переселенія! Иной разъ въ клубѣ, или въ другомъ какомъ многолюдномъ обществѣ, кто-нибудь изъ опоздавшихъ во время засѣсть за карточный столъ, подыскивая себѣ партнеровъ, вдругъ крикнетъ: „да гдѣ же это запропастился нашъ Ксаверій Ивановичъ? Неужто все еще разъѣзжаетъ по дѣламъ службы?" „Экъ хватились!" отвѣчаетъ ему какой-нибудь одиночный голосъ;—„Ксаверій Ивановичъ съ мѣсяцъ уже будетъ, какъ откочевалъ отсюда и перевалилъ за ту широту, гдѣ морозы переходятъ за сорокъ градусовъ". И это явленіе такъ обычно, что ни въ комъ изъ жрецовъ Ѳемиды не вызываетъ ни малѣйшаго удивленія, развѣ кто-нибудь дополнитъ это извѣстіе о внезапномъ исчезновеніи Ксаверія Ивановича такимъ замѣчаніемъ: „на Востокъ", молъ, „значитъ, направился". Или съострить кто: „захотѣлось-де къ тюленямъ въ сосѣдство". Эти двѣ категоріи наѣзжаго люда составляютъ страшную сплошную язву на всемъ организмѣ мѣстнаго края. Всѣ чудовищные разсказы о невѣроятныхъ дѣлахъ, совершенныхъ не въ прошломъ столѣтіи, или еще раньше, а въ самое ближайшее къ намъ время, въ родѣ того, напримѣръ, какъ земскіе чины развозили по округамъ отрубленную руку, заставляя цѣлыя волости откупаться отъ подозрѣнія, что она найдена на ихъ территоріи, какъ тѣ же чины облагали всяческими незаконными поборами всѣхъ и все, наживая такимъ способомъ громадныя состоянія, дѣлясь ими съ высшими властями, какъ иниціаторами въ подобныхъ прожектахъ, и разоряя до тла, доводя до полной нищеты, а нерѣдко даже заключая въ тюрьму всѣхъ тѣхъ, которые такъ или иначе осмѣлились протестовать противъ подобныхъ злоупотребленій,—всѣ эти, говорю, акты чудовищнаго насилія составляютъ дѣло рукъ людей этихъ двухъ категорій. Они же развращаютъ и мѣстныхъ жителей, разнуздывая ихъ хищные инстинкты. Отъ чего только нельзя откупиться и выйти сухимъ изъ воды въ этомъ краю! Одинъ, напримѣръ, мелко плавающій коммерсантъ, кажется, изъ бывшихъ волостныхъ писарей, задумалъ попасть въ первостатейные купцы—и что же? Онъ

совершилъ такую метаморфозу скоро, оригинально и съ полнымъ успѣхомъ, такъ сказать, на глазахъ всѣхъ властей и всѣхъ обывателей. Пригласивъ къ себѣ на заимку (это нѣчто въ родѣ хутора) двухъ-трехъ артистовъ, изъ ссыльныхъ, по части дѣланія фальшивыхъ ассигнацій, онъ устроилъ имъ логово и мастерскую въ лѣсу, въ подземельи, снабдилъ ихъ всѣми нужными инструментами и матеріалами, и сбывъ въ нѣсколько мѣсяцевѣ ихъ отчетливыя и великолѣпныя произведенія на Ирбитской и Макарьевской ярмаркахъ, онъ угостилъ виновниковъ своего обогащенія великолѣпнымъ пиромъ тамъ же, въ подземельи, и когда они и нѣсколько ихъ помощниковъ, изъ бродягъ, перепились всѣ до положенія ризъ онъ собственноручно заколотивъ дверь ихъ логовища, поджогъ его со всѣхъ сторонъ и преспокойно уѣхалъ домой, въ городъ, чтобы приступить къ обширнымъ коммерческимъ операціямъ. Заведено было обширное дѣло и по поводу исчезновенія мастеровъ-художниковъ, кости которыхъ были открыты въ подземельи, и по поводу быстраго обогащенія прежде бывшаго мелкаго коммерсанта, пошли разслѣдованія и тайныя и явныя, исписаны стопы бумаги, но крапивное сѣмя, взросшее во всяческихъ правонарушеніяхъ и обходахъ законовъ, умѣло такъ запутать это дѣло и напустить столько тумана во всѣ его части, что бились, бились надъ нимъ разныя учрежденія, да такъ и бросили его, предавъ все волѣ Божіей. Можете себѣ представить, какъ деморализуются нравы мѣстныхъ жителей отъ такихъ непорядковъ?

— Ай да Акимъ Савельевичъ! разсуждаетъ за продолжительнымъ чаепитіемъ какой-нибудь купчина, окруженный сонмомъ взрослыхъ дѣтей, а также приказчиковъ, сидѣльцевъ;—куда какая башковитая голова! Вѣдь, такое обработалъ дѣльцо, что внукамъ и правнукамъ предоставитъ счастье, а себѣ почетъ на всю жисть.

— Такъ-то, такъ, ваше степенство, башка, что и говорить! Да крещеныхъ-то больно ужъ много сгубилъ за одинъ разъ, осмѣливается вставить скромное свое замѣчаніе несовсѣмъ еще очерствѣвшій душой подначальный человѣкъ: вѣдь, сказываютъ, всѣхъ-то этихъ загубленныхъ человѣкъ 6—7 никакъ было.

— Эхъ ты, блажной! закипаетъ негодованіемъ хозяинъ; нешто это люди? Варнаки—вотъ кто это! Мало ли ихъ пристрѣливаютъ по дорогамъ за бродяжество? Опять же и то сказать почто посылаютъ ихъ къ намъ, нешто они намъ нужны? Вѣдь отъ нихъ намъ только одно разоренье. А на счетъ грѣха что жъ? При эфтакомъ капиталѣ отмолить можно какой хошь: примѣрно, колоколъ пудовъ въ тысячу, аль раскошелиться ужъ хоть разъ да гораздъ для Бога и прямо соорудить трехпрестольный храмъ. Вотъ что, дура твоя голова, наставительно заключаетъ скотоподобный брюханъ.

— Что дѣло, то дѣло, Кузьма Селифантіевичъ! спѣшатъ поддакнуть остальные подневольные люди, проникаясь и дѣйствительно такимъ же взглядомъ на вещи.

— Но позвольте же, прерываетъ разсказчика Перепелкинъ, все болѣе и болѣе поражаемый такими неслыханными дѣлами: вѣдь, тамъ же есть высшая власть, облеченная довѣріемъ государя и самыми широкими полномочіями, какъ, же—я не понимаю—въ виду такой власти могутъ быть допускаемы подобныя злодѣянія?

— Эхъ, вы наивный, пренаивный идеалистъ! Да эта власть столько же знаетъ про эти злодѣянія, сколько и выше ея стоящая тамъ, въ Петербургѣ: она никогда и ни отъ кого не слыхивала тамъ истинной правды ни о чемъ. Жандармерія, правда, иногда на кое-что пытается раскрыть ему глаза, но окружающіе эту власть свои чины тотчасъ же и постараются закрыть ихъ хотя на самое вопіющее дѣло: „придираются, молъ, ваше-ство, жандармскіе; отличиться, знать, хотятъ; а дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ, просто кляузничество". И власть эта вполнѣ вѣритъ своимъ, а такъ какъ она, дѣйствительно, сильно полномочная, то она еще даетъ нотаціи жандармскому начальству не раздувать такихъ вздорныхъ вещей къ соблазну народонаселенія.

— Да неужели же тамъ не бываетъ протестующихъ противъ такихъ хитросплетеній?

— Какъ не бывать! Бываютъ. Но маленькому протестанту дадутъ щелчка въ носъ, онъ и замолчитъ, а большаго всенепремѣнно выживутъ, такъ или иначе, а будьте увѣрены—выживутъ непремѣнно. Вотъ еще недавно ловкимъ манеромъ выкурили оттуда одного очень крупнаго протестанта. Онъ былъ тамъ членъ совѣта что-ли по управленію краемъ, не сходился въ мнѣніяхъ съ другими, все, какъ говорили, по-своему оригинально понималъ и дошелъ даже до такой смѣлости, что изготовилъ проектъ, для поднесенія главному начальнику края, объ искорененіи разныхъ злоупотребленій въ сферѣ административной и судебной, путемъ болѣе правильнаго и опредѣленнаго разграниченія правъ и компетентности властей той и другой категоріи и бóльшей отвѣтственности лицъ, допускающихъ правонарушенія въ той или другой области. Когда еще изготовлялся имъ этотъ проектъ, нѣкоторые изъ товарищей подтрунивали надъ нимъ, какъ надъ затѣйникомъ неслыханнаго въ ихъ средѣ дѣла, и дѣлали нешуточныя предостереженія: „какъ-бы, дескать, самъ ты не провалился вмѣстѣ съ этимъ проектомъ". Но когда сдѣлалось извѣстнымъ, что проектъ готовъ и въ скоромъ времени будетъ представленъ главѣ края, составитель его сталъ получать чуть не ежедневно угрожающія письма, изъ которыхъ иныя начинались такъ: „а ну-ка попробуй".

Въ одномъ изъ нихъ красовались эти слова и въ началѣ и въ концѣ письма, въ которое вложена была еще сорванная съ какого-то душеспасительнаго журнала, виньетка, на которой изображенъ паломникъ съ сумкой за плечами и съ посохомъ въ рукахъ, а внизу подъ нимъ напечатанъ текстъ: „не имамы града, гдѣ пребывати, но градущаго взыскуемъ". Грубый намекъ на то, что какъ бы не пришлось смѣлому составителю проекта постранствовать въ поискахъ града, гдѣ бы его приняли на службу. Но честный человѣкъ не испугался этихъ угрозъ и въ одинъ прекрасный день самолично представилъ проектъ генералу, который, не зная еще его содержанія, принялъ автора его весьма любезно и обѣщалъ въ самомъ скоромъ времени основательно ознакомиться съ его произведеніемъ и дать ему дальнѣйшее движеніе въ Петербургъ. Оно, дѣйствительно, такъ бы и было, если бы генералъ, съ самаго же пріѣзда сюда, не очутился въ рукахъ необыкновенно ловкихъ двухъ проходимцевъ, которые, льстя ему самымъ безсовѣстнымъ образомъ, вертѣли имъ по произволу, какъ хотѣли. Старикъ былъ честный и добрый человѣкъ, но слишкомъ покладистый для того, чтобъ люди ловкіе, вкравшись въ его довѣріе, не подчинили его себѣ вполнѣ. Онъ на все смотрѣлъ ихъ глазами, а потому и проектъ, объясненный ими, какъ нѣчто, идущее въ разрѣзъ съ мнѣніями самого генерала, возбудилъ въ немъ большое неудовольствіе, и онъ написалъ на немъ или велѣлъ передать автору его, что онъ можетъ ѣхать съ этимъ своимъ проектомъ въ столицу и больше сюда не возвращаться. Тотъ такъ и сдѣлалъ.

Это, если хотите, страна полнаго безправія, гдѣ сильный безнаказанно можетъ совершать какія угодно дѣла. Да и не сильный, но смѣлый можетъ рискнуть на многое, вовсе не опасаясь запросовъ, на какомъ основаніи онъ дозволяетъ себѣ то и другое. Въ доказательство этого я приведу самъ, какъ самовидецъ, два факта. Одинъ случился въ дорогѣ, когда я еще ѣхалъ только въ этотъ городъ, куда приглашаетесь вы, и которому я послѣднюю кличку далъ: „а ну-ка попробуй", а другой—въ скоромъ времени по прибытіи туда. Надо вамъ сказать, что я ѣхалъ въ собственномъ, довольно большомъ и удобномъ экипажѣ. Въ городѣ К. ко мнѣ напросился въ попутчики отставной подполковникъ П., очень веселаго нрава господинъ, и выпить не дуракъ, но по денежной части очень слабоватъ, какъ оказалось вскорѣ, такъ что мнѣ приходилось почти даромъ везти его, какъ бы въ качествѣ компаньона, который готовъ продѣлывать всяческіе фокусы въ угоду и удовольствіе своего патрона. При въѣздѣ въ одно обширное и очень богатое мѣстечко, уже въ предѣлахъ того края, о которомъ у насъ рѣчь, на мосту намъ попалась навстрѣчу крытая ямщицкая повозка съ двумя сѣдоками въ ней, изъ которыхъ

одинъ былъ татаринъ, а другой костюмированъ такъ странно, что трудно было опредѣлить, къ какому племени онъ принадлежитъ, и если бы не усы и борода, то не узнать бы даже и пола его.

— Стой! громовымъ голосомъ закричалъ мой спутникъ встрѣчному возницѣ.

Тотъ остановился. Сѣдоки растерянно глядѣли на насъ, особенно тотъ, который одѣтъ былъ оригинально. Онъ даже поблѣднѣлъ и, откинувъ голову назадъ кибитки, старался принять такое положеніе, чтобъ не видать было его лица.

— Поворачивай назадъ, властно командуетъ, къ величайшему моему удивленію, мой спутникъ, и поѣзжай за нами на станцію.

Возница задергалъ вожжами, чтобъ поворотить лошадей, но сѣдоки воспротивились этому и онъ поѣхалъ впередъ. Все это происходило въ виду станціи, которая была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ и гдѣ, по случаю праздника, нѣсколько ямщиковъ сидѣли на скамейкѣ у воротъ.

— Сейчасъ на лошадей садись человѣка 2—3, догнать кибитку и воротить ее сюда на станцію, гаркнулъ зычнымъ голосомъ расхрабрившійся воинъ, когда мы подъѣзжали къ крыльцу станціи. Не прошло и 2 минутъ, какъ три всадника вихремъ понеслись, догнали кибитку и повернули ее назадъ. Спутникъ мой принялъ дѣловитый видъ, казался чѣмъ-то озабоченъ и на вопросъ мой—въ чемъ дѣло, ничего не отвѣчалъ, а только покручивалъ усы. Я тотчасъ же подумалъ, что спутникъ мой въ шутку назвался отставнымъ, а что на самомъ дѣлѣ онъ какой-нибудь значительный мѣстный начальникъ, въ чемъ невольно и выдалъ себя. Признаться, я немножко даже заробѣлъ въ виду этого открытія и силился припомнить, не сказалъ ли я во время пути и самъ чего такого, за что могутъ придраться ко мнѣ и держать на примѣтѣ какъ неблагонадежнаго человѣка.

— Ты кто такой, обратился онъ не только съ серьезнымъ, но даже грознымъ видомъ къ татарину, который вмѣстѣ съ одѣтымъ странно товарищемъ ямщиками былъ введенъ къ намъ въ комнату.

— Я, бачка, татаринъ... я... мой... ѣхалъ на ярмарка. А онъ, попутчикъ, лошади пополамъ, сѣлъ съ завода, указывалъ онъ на съежившагося товарища своего, который старался держаться сзади татарина. Это былъ тщедушный человѣчекъ, лѣтъ 30 на видъ, съ небольшими усами и черной, какъ смоль, жиденькой бородкой. Его лукавые, разбѣгающіеся глаза метали искры, но ни на комъ изъ людей не останавливались.

— Ты кто такой? крикнулъ на него мой спутникъ, вытаскивая его своей сильной рукой за воротъ изъ-за татарина и разстегивая его верхній костюмъ, совершенно похожій на женскую кацавейку.

— Я заводскій, ваше скородіе, забасилъ тотъ, не глядя на вопрошающаго.

— Раздѣть его.

Ямщики, несмотря на сопротивленіе, сняли съ него кацавейку. На немъ оказались хорошіе новые плисовые шаровары и широчайшій, длиннѣйшій, очевидно, не на него шитый, черный суконный жилетъ, наглухо застегнутый подъ самую шею.

— Снимай съ него все, раздается команда моего спутника, который вошелъ въ начальственную роль такъ, что у меня ужъ и сомнѣнія не оставалось въ томъ, что онъ вовсе не отставной какой, а лицо, власть имѣющее. Подъ этимъ жилетомъ оказался другой, бархатный, самаго моднаго покроя, какіе въ то время носили только щеголи, далѣе виднѣлась красная канифасовая рубашка, а изъ-подъ нея выглядывали концы рваной, крѣпко заношенной рубахи изъ грубаго холста. Очевидно было, что верхній нарядъ этого человѣчка состоялъ изъ вещей, не ему принадлежавшихъ.

— Гдѣ ты своровалъ эти вещи? грозно пристаетъ къ нему мой спутникъ.

— Я не воровалъ ихъ, а выпросилъ на три дня съѣздить въ Б., невѣсту посмотрѣть.

— Вре-ошь, ска-а-тина! заревѣлъ неистово воинъ и, размахнувшись, далъ такую затрещину этому тщедушному человѣчку, что онъ свалился съ ногъ. Отвести его въ волость, надѣть кандалы и препроводить къ исправнику, отдавалъ онъ приказъ.

Его увели. Мы усѣлись чай пить. Смотритель подалъ мнѣ мою подорожную и доложилъ, что лошади готовы. Несмотря на то, что въ подорожной значится отставной коллежскій секретарь, ѣдущій съ неизвѣстнымъ „будущимъ“, всѣ въ домѣ—смотритель, его жена, староста, ямщики, ходили на цыпочкахъ, очевидно, подавленные страхомъ отъ присутствія грозной, карающей силы въ лицѣ неизвѣстнаго „будущаго“, который теперь пилъ чай и курилъ трубку, имѣя тотъ же озабоченный, дѣловитый видъ, какой онъ принялъ съ самаго пріѣзда сюда. Занятый мыслями печальнаго свойства о разыгравшейся передо мной сценѣ, я ничего не говорилъ, да, видно было, что и спутникъ не расположенъ къ разговорамъ и даже избѣгаетъ ихъ. Не прошло и полчаса, какъ въ комнату къ намъ робко входитъ сельскій старшина, низко кланяется и, откашлявшись въ руку, говоритъ: „Позвольте, господа-чиновники, отпустить на волю „риштанта“. „Повинился, молъ, предъ опчествомъ ведромъ водки“.

— Да ты его знаешь? спрашиваетъ мой спутникъ.

— Какъ не знать! Это Егорка съ завода, а одежину тоже у заводскихъ беретъ—мы это знаемъ—жилетку это, большую, Филатъ

Ивановичъ даютъ, а малую, бархатную сиклитарь ихъ. А шаровары и верхняя одежина—это пивоваровы.

— Ну, чортъ съ нимъ совсѣмъ! отпусти его.

Мы молча уѣхали со станціи. Смотритель, ямщицкій староста и ямщики — кто съ крыльца, а кто отъ воротъ — подобострастно смотрѣли, какъ мы усаживались въ экипажъ. Намъ дали лучшихъ лошадей и кучера одѣли въ форменный кафтанъ и шляпу съ мѣдной бляхой. Я горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣе узнать, по какому праву мой спутникъ такъ самовластно распоряжался тутъ, но, видя его серьезность и очевидное нерасположеніе къ общительной бесѣдѣ, я счелъ за лучшее дождаться, пока онъ самъ заговоритъ. Такой образъ поведенія его окончательно уже утвердилъ меня въ мысляхъ, что онъ лицо оффиціальное, здѣсь извѣстное, а что онъ напросился ко мнѣ въ попутчики, назвавъ себя отставнымъ подполковникомъ, разыгрывалъ роль затрудняющагося въ средствахъ доѣхать до мѣста жительства, не брезгалъ моими подачками, въ видѣ заимообразныхъ одолженій, подлежащихъ возврату, когда представится къ тому полная возможность, а теперь пока оплачивавшихся съ его стороны тѣмъ, что онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы смѣшить, веселить и всячески развлекать меня во всю дорогу, до настоящаго случая, открывшаго его званіе и измѣнившаго его роль, то все это приписывалъ я теперь преднамѣреннымъ его дѣйствіямъ, имѣвшимъ въ основаніи, можетъ быть, цѣли политическія. Эта мысль мучила меня, и я все продолжалъ ломать голову надъ вопросомъ—не обронилъ ли я неосторожно какихъ-нибудь мыслей, которыми можетъ воспользоваться этотъ господинъ, чтобъ скромпрометтировать меня предъ мѣстнымъ начальствомъ. Я посмотрѣлъ на него сбоку и не могъ не удивиться, что онъ не только по-прежнему серьезенъ, но такъ погрузился въ глубокія размышленія, что, положительно, ни на кого и ни на что не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Да, думаю себѣ, выкинетъ же онъ мнѣ штуку, если я чѣмъ-нибудь проговорился. Каково жъ было мое удивленіе, когда на второй станціи, сѣвъ за столъ обѣдать, онъ вдругъ разразился гомерическимъ хохотомъ и, схватываясь за бока, поспѣшилъ хорошенько затворить дверь, въ которую вышла служанка, подавшая обѣдъ.

— А что, искусный я актеръ? обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ, употребляя неимовѣрныя усилія, чтобъ подавить взрывы хохота.

— Какъ, неужели у васъ допускаются такія шутки?

— Что жъ тутъ такое! Я нарочно все это продѣлалъ, чтобъ дать вамъ возможность составить полное понятіе о загнанности здѣшняго люда и о совершенномъ безправіи, царящемъ въ этомъ краѣ повсюду.

— Но били-то вы зачѣмъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка? сказалъ я съ нескрываемымъ негодованіемъ.

— Ну, это, точно, я сдѣлалъ глупость, повинился онъ съ чистосердечнымъ раскаяніемъ; представьте себѣ, что, по наружному виду его, я вполнѣ былъ увѣренъ, что это бродяга, обворовавшій, а можетъ быть и ограбившій кого-нибудь въ дорогѣ. Дѣйствительно, это была глупость, въ которой я и каялся во все это время, какъ сидѣлъ насупившись, не говоря съ вами ни слова. Вѣрите, самому стыдно было за себя: это ужъ у насъ, военныхъ, такая глупая привычка—чуть что,—сейчасъ въ рыло. Скверно, подло! сознаюсь.

Другой случай произошелъ въ скоромъ времени по пріѣздѣ въ городъ, которому я давалъ разныя названія по тѣмъ впечатлѣніямъ, какія оставались у меня отъ всего видѣннаго и слышаннаго тамъ. Я былъ знакомъ съ полицеймейстеромъ и любилъ заходить къ нему въ полицію, побесѣдовать, какъ это дѣлали и многіе другіе. Это былъ человѣкъ небезъинтересный въ томъ отношеніи, что относительно современной политики того края, или, вообще, по текущимъ вопросамъ, отъ него нельзя было добиться никакихъ свѣдѣній, рѣшительно ничего изъ него не выжмешь, сколько бы ни приставалъ къ нему; но по дѣламъ прошедшимъ, которыя онъ зналъ хорошо, какъ человѣкъ, здѣсь проживщій не мало времени, и при томъ бывалый, онъ готовъ былъ удовлетворить всякое любопытство и даже сообщить больше, чѣмъ сколько требовалось. Онъ пользовался расположеніемъ въ высшемъ обществѣ, потому что старался угодить всѣмъ и каждому. Пришлетъ ли кто кучера, лакея, повара, кухарку или горничную къ нему для исправленія, или, какъ обыкновенно выражались въ запискахъ къ нему, для секретныхъ бесѣдъ, онъ отпоретъ на всѣ корки провинившагося и отпуститъ съ нотаціей впредь быть исправнѣе и не попадаться больше въ его руки, „а то закатаю“, кричитъ онъ вслѣдъ уходящаго. Провинившихся же въ другой разъ онъ обыкновенно такъ встрѣчалъ:

— А, Дарья Степановна, или Сампсонъ Сидоровичъ, опять ко мнѣ въ гости? Что жъ, милости просимъ, милости просимъ, и при этомъ захохочетъ такимъ адскимъ смѣхомъ, что несчастныхъ смертельная дрожь пробираетъ и они стоятъ предъ нимъ ни живы, ни мертвы. Сначала потѣшится надъ ними разными издѣвками, припоминая имъ всѣ случаи, когда и въ чемъ они попадались, потомъ велитъ посадить ихъ въ холодную, чтобы они „посокрушались хоть немножко о своихъ грѣхахъ и прегрѣшеніяхъ“, и наконецъ всыплетъ имъ такихъ горячихъ, что тѣмъ „небо съ овчинку покажется“, какъ онъ любилъ выражаться по поводу этихъ истязаній. Никому и въ голову не приходило ставить ему въ упрекъ эти пытки, а напротивъ

всѣ хвалили его за эту строгость къ низшему классу. Особенно дамы были въ восторгѣ отъ его скороспѣлой расправы съ тѣми горничными, которыя не умѣли угодить на нихъ, или, какъ онѣ выражались, „манкировали своими обязанностями". Люди низшаго класса боялись его, какъ огня, но нельзя сказать, чтобъ онъ во всѣхъ возбуждалъ ненависть, за нимъ водились и добрыя свойства: къ бѣднымъ, голоднымъ, безпріютнымъ и даже къ арестантамъ онъ нерѣдко обнаруживалъ сострадание, помогая изъ своихъ средствъ, побуждая и другихъ къ тому, или оффиціальнымъ путемъ изыскивая средства на помощь имъ. Зналъ же онъ въ городѣ и окрестностяхъ всѣхъ и все, и въ чемъ бы вы ни нуждались—въ займѣ ли денегъ за умѣренные проценты, въ удобной квартирѣ, въ сносной, не пьющей прислугѣ, въ пріобрѣтеніи какихъ-либо предметовъ, которые не продаются въ лавкахъ, а сбываются иногда за безцѣнокъ, по случаю отъѣзда, за ненадобностью, или по другимъ причинамъ—на все это ни отъ кого нельзя было получить лучшихъ указаній, какъ отъ этого градоначальника. Такъ вотъ у него-то, въ полиціи, когда я пришелъ за одною справкою въ подобномъ родѣ, при мнѣ произошла такая сцена: только-что я, поздоровавшись, усѣлся противъ него, какъ дверь присутствія распахнулась, и къ намъ быстро вошелъ представительный штабъ-офицеръ.

— А, ваше сіятельство! бросился къ нему навстрѣчу мой собесѣдникъ; какими судьбами пожаловали сюда?

— Представьте себѣ, какой случай! Я только-что собрался ѣхать въ должность, какъ мнѣ докладываютъ, что какой-то отставной военный проситъ на бѣдность. Я вынулъ рубль и велѣлъ слугѣ подать ему, съ извиненіемъ, что больше не могу дать. Слышу, сиплымъ пьянымъ голосомъ бурлитъ попрошайка: „ай да князь! рупь выкинулъ заслуженному воину". Меня взорвало. Отворяю дверь и вижу сомнительную рожу. Велѣлъ подать лошадей, а ему говорю: садитесь-ка со мной, я васъ подвезу къ знакомымъ, гдѣ больше дадутъ. Дорогой онъ смекнулъ, куда везу, и хотѣлъ-было на утекъ, но я попридержалъ и привезъ его къ вамъ, да еще приказалъ тамъ въ передней караулить, чтобъ не ушелъ. Думаю, что какой-нибудь пройдоха - надувало.

— А вотъ увидимъ, говорилъ градоначальникъ, выходя вмѣстѣ съ нами изъ присутствія въ пріемную, куда тотчасъ же скомандовалъ ввести мнимаго отставнаго воина.

Едва только показался послѣдній, какъ съ градоначальникомъ чуть не конвульсіи произошли: лицо его передернуло, въ глазахъ засвѣтился дикій огонь, онъ истерически захохоталъ и, подбѣжавъ къ отставному воину, сталъ причитывать: „Ваничка, другъ мой сердечный!

гдѣ тебя носили такъ долго легкія твои ноги? Вѣдь, я изстрадался по тебѣ, сердце мое все изныло". И вдругъ хвать по физіономіи друга сердечнаго! Ваничка потрясъ головой и, оправляясь, испуганно смотрѣлъ исподлобья на своего палача. Это былъ человѣкъ лѣтъ 45, на видъ невзрачный, но съ выраженіемъ лица интеллигентнымъ. Одѣтъ онъ былъ въ старый сюртукъ, какіе носятъ, обыкновенно, отставные военные офицеры.

— Вѣрите ли, ваше сіятельство? Вы жизнь возвратили мнѣ, умиралъ изъ-за этого человѣка, говорилъ патетически полицеймейстеръ и опять, подскочивъ къ другу, два раза заушилъ его страшными пощечинами. „Ну, теперь мы тебя сбережемъ. Надѣть ему и сюда, и туда", указывалъ онъ рукой на шею, ноги, руки,—„крѣпкія цѣпи съ большими замками, опеленать его кругомъ веригами и сейчасъ же препроводить его за крѣпкимъ карауломъ въ острогъ". Провизжавъ всю эту инструкцію съ дикимъ хохотомъ, онъ опять накинулся на Ваничку и двумя ударами кулакомъ по лицу окровянилъ его. Что-то крайне дикое было въ этой возмутительной сценѣ, сопровождавшейся истерическимъ взвизгиваніемъ и сатанинскимъ хохотомъ. Никогда въ жизни не испытывалъ я такихъ тяжелыхъ впечатлѣній и ощущеній, какъ здѣсь, при этихъ неистовыхъ издѣвательствахъ человѣка надъ человѣкомъ.

— Это важный преступникъ, оговорился полицеймейстеръ, когда увели арестанта, какъ-бы оправдываясь предъ нами; онъ убѣжалъ изъ полиціи при передопросѣ, и, не явись онъ теперь, я навѣрное пострадалъ бы изъ-за него.

Рѣшивъ ѣхать на востокъ, онъ и послалъ туда письмо, но отъ подачи прошенія воздержался, во-первыхъ, потому что и выѣхать раньше лѣтняго времени, до котораго было еще очень далеко, съ маленькими дѣтьми неудобно было, во-вторыхъ, онъ считалъ несогласнымъ съ своими правилами оставлять среди года учебное заведеніе, гдѣ онъ имѣлъ много уроковъ, не доведя дѣла до конца. Онъ находилъ необходимымъ предупредить непосредственно свое начальство, которое говорило ему:

— Все это такъ,—говорило старшее начальство,—но мѣнять извѣстное на неизвѣстное не всегда бываетъ выгодно: здѣсь, при множествѣ учебныхъ заведеній, вы могли разсчитывать и на что-нибудь повыше учительства, а тамъ ужъ прійдется и закончить служебное поприще въ этомъ званіи, потому что на открывающіяся тамъ вакансіи повыше посылаютъ обыкновенно отсюда, а не утверждаютъ представляемыхъ мѣстнымъ начальствомъ.

— Я не изъ честолюбивыхъ,—скромно замѣтилъ Перепелкинъ, учительство я предпочитаю всякимъ другимъ должностямъ.

— Вотъ какъ! удивилось начальство, пристально взглянувъ на собесѣдника.

Младшее начальство выразило удивленіе по поводу такого неожиданнаго замысла со стороны учителя и, выслушавъ побудительныя причины, на которыя указано старшему, посулило прибавку за уроки въ старшихъ классахъ, но въ младшихъ находило невозможнымъ это сдѣлать, въ виду того, что и многіе другіе пожелали бы увеличенія поурочной платы, а между тѣмъ средствъ къ тому не имѣется.

Младшее начальство, съ своей стороны, тоже замѣтило о нѣкоторыхъ неудобствахъ провинціальной службы и любезно предупредило, что если бы Перепелкинъ встрѣтилъ тамъ что-либо не по сердцу себѣ и вздумалъ бы перевестись, то безъ всякаго сомнѣнія могъ бы разсчитывать на переходъ сюда, на мѣсто, насиженное уже.

Когда намѣреніе Перепелкина сдѣлалось извѣстнымъ среди сослуживцевъ, то многіе изъ нихъ, какъ военные, такъ и гражданскіе, выражали удивленіе, что человѣкъ, занимающій полное число уроковъ, пользующійся благоволеніемъ начальства и расположеніемъ учащихся, вдругъ ни съ сего ни съ того задумалъ бросить насиженное мѣсто и забраться съ семействомъ въ такую даль и глушь.

— Неужели это правда? говорилъ пожилой преподаватель, встрѣтясь въ корридорѣ съ Перепелкинымъ, къ которому онъ всегда оказывалъ большое расположеніе, да вы имѣете ли понятіе о службѣ въ провинціи? И, наконецъ, какія такія побудительныя причины могли заставить васъ избрать именно этотъ самый дальній корпусъ, куда и на высшія должности неохотно ѣдутъ люди дѣльные?

Когда Перепелкинъ сообщилъ, что онъ не самъ избралъ корпусъ, а ѣдетъ туда по вызову тамошняго начальства, при чемъ назвалъ фамилію писавшаго къ нему письмо слишкомъ заманчиваго содержанія, то оказалось, что это лицо, служившее прежде въ одномъ изъ здѣшнихъ корпусовъ, извѣстно многимъ, какъ личность, выдающаяся и дарованіемъ, и энергіей, и неподкупной честностію.

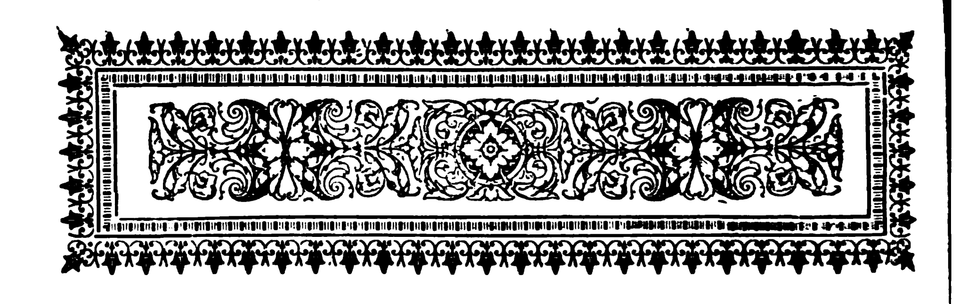
— На этого человѣка, пожалуй, можно положиться, я его хорошо знаю, говорилъ товарищъ; но не забывайте моего замѣчанія, что онъ, при всей своей честности, большой политикъ и способенъ лавировать такъ ловко между всевозможными партіями, что, навѣрное, будетъ пользоваться расположеніемъ всѣхъ ихъ; вы же, какъ человѣкъ прямолинейный, да еще носящійся съ своими идеалами правды, чести и добра, будете имѣть горсть поклонниковъ и сотни враговъ, а это въ провинціи, да еще такой, гдѣ по слухамъ свирѣп-

ствуетъ полное безправіе, можетъ составить такое несчастіе, послѣдствій котораго и не исчислить.

Эти слова глубоко запали въ душу Перепелкина и въ связи съ другими обстоятельствами начали было колебать его намѣреніе. Отъ отца получилось письмо неодобрительнаго свойства: „какъ-де отбиваться отъ родни своей и жениной въ такую страшную даль!“ Несмотря на то Перепелкинъ отправился въ далекій путь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Иркутскаго жителя.

(И. Т. Калашникова).

ЧАСТЬ II[1]).

I.

Образованность Иркутскихъ жителей.—Отсутствіе библіотекъ и книжныхъ лавокъ въ Иркутскѣ.—Образъ жизни обывателей.—Академикъ Миллеръ—директоръ Иркутской гимназіи.—Плачевное состояніе гимназіи.—Словцовъ.—Его служба при Румянцовѣ и его финансовые проекты.—Интрига противъ него.—Удаленіе въ Сибирь.

Начало образованія въ Иркутскѣ относится къ 1781 году, когда была учреждена тамъ первая народная школа, но образованіе долго только мерцало, какъ сумерки, и даже въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія не было еще замѣтно вліянія науки въ общей массѣ народонаселенія, можетъ быть, потому, что образованіе массы зависитъ наиболѣе отъ женщинъ, а для женщинъ въ Иркутскѣ не было никакого училища. Онѣ учились грамотѣ кое-какъ, самоучкою, на мѣдныя деньги, и при томъ не всѣ, а только избраннѣйшія чада фортуны; прочія были, большею частію, безграмотныя или весьма малограмотныя, читали и, особенно, писали пополамъ съ грѣхомъ. Но нѣтъ правила безъ исключенія. Я говорилъ уже въ первой части моихъ записокъ о дочери купца Полевого, удивившей меня своими познаніями. Сверхъ того, я зналъ еще одну даму, также изъ купеческаго сословія, весьма умную, начитанную, которая гордилась тѣмъ, что дважды прочитала нѣсколько томовъ, in quarto, Древней и Римской Исторіи Роллена, въ переводѣ знаменитаго Василія Кирилло-

---

[1]) См. „Русскую Старину" іюль 1905 г.

вича Третьяковскаго: подвигъ, которымъ по справедливости можно было хвалиться. Такимъ образомъ, не смотря на этотъ, однако же, общій недостатокъ образованія, и тогда были уже и между женщинами, тѣмъ болѣе между мужчинами, замѣчательныя личности, ярко выдававшіяся своими достоинствами изъ общей массы населенія. Особенно это слѣдуетъ сказать о второмъ десятилѣтіи. Жажда познаній особенно пробуждалась съ большею энергіею между молодыми чиновниками. Одаренные, большею частію, свѣтлымъ умомъ, они обладали и бо̀льшимъ чувствомъ благородства, чѣмъ многіе изъ пріѣзжихъ авантюристовъ, скакавшихъ въ Сибирь то за чиномъ коллежскаго ассесора, то для наполненія пустыхъ кармановъ. Сказать правду, въ старые годы, людей, пріѣзжавшихъ въ Сибирь исключительно съ цѣлью приносить пользу странѣ, къ сожалѣнію, было весьма не много. Напротивъ, были и такіе, которые, побывавъ разъ въ Сибири, потомъ раскаявались, что мало давали воли рукамъ, и снова возвращаясь туда, чтобы поправить свою ошибку, уже рвали, какъ говорится, съ живого и съ мертваго. Утѣшительно думать, что теперь нѣтъ уже въ Сибири подобныхъ проходимцевъ!

Не смотря, однако же, на столь похвальныя качества пріѣзжихъ чиновниковъ, туземные служаки всѣ оставались, большею частію, въ загонѣ, по извѣстному изреченію: нѣсть пророкъ во отечествіи своемъ. Поэтому изъ уроженцевъ Сибирскихъ многіе должны были искать счастія на чужбинѣ, хотя сибирякъ, какъ швейцарецъ, страстно привязанъ къ своей почвѣ, и тоска по отчизнѣ никогда не замолкаетъ въ его сердцѣ...

Стремленіе молодыхъ чиновниковъ къ просвѣщенію преимущественно проявлялось въ казенной экспедиціи, именно въ то время, когда горѣла самая жаркая битва, въ предъидущей части описанная, между этою экспедиціею и губернаторомъ. Чиновники ея, стремившіеся къ проявленію своихъ духовныхъ силъ, раздѣлялись на два рода: одни устремились къ музыкѣ, другіе—къ наукамъ и въ особенности къ русской литературѣ.

Любители музыки составили пѣвческій хоръ, наняли учителя, квартиру, и собирались туда для пѣнія два или три раза въ недѣлю, наконецъ, разучили нѣсколько концертовъ и пѣли въ церквахъ, иногда одни, иногда въ соединеніи съ пѣвчими казацкими. Многіе изъ нихъ имѣли хорошіе голоса.

Чиновники-литераторы изучали грамматику, риторику и поэзію; писали сочиненія прозой и стихами, не для печати, не для славы, а такъ, con amore, единственно для упражненія, для домашняго обихода: не видна ли здѣсь истинно чистая, безъинтересная любовь къ искусству, о которой недавно такъ много толковали?

Одинъ изъ этихъ чистыхъ любителей искусства, восторгавшись побѣдами нашими въ Отечественную войну, сочинилъ большую торжественную оду на изгнаніе французовъ, подъ названіемъ: „Торжество Россіи". Въ этомъ стихотвореніи не только направленіе было Державинское, но какъ-то проскочили даже цѣликомъ двѣ, три строчки, съ небольшими измѣненіями, ради благопристойности. Можно ли, однако же, не простить этой маленькой слабости Иркутскому поэту столь давняго времени, когда и столичные піиты были не безъ грѣха. И то уже было много, что какой-то огонекъ вспыхивалъ въ такой глуши, въ странѣ такъ нравственно-холодной и пустынной!

Въ одѣ, по тогдашнему обыкновенію, Наполеонъ представленъ былъ въ видѣ чудовища, отъ котораго трепеталъ міръ и дрожала ось земная; прославлялся Кутузовъ, Витгенштейнъ, Платовъ, Багратіонъ, славилась русская армія и воздавалась достойная хвала императору Александру I-му.

Для ознакомленія читателя съ Иркутскою музою тогдашняго времени, я приведу изъ этой пресловутой оды нѣсколько строфъ:

„Летитъ (чудовище, т. е. Наполеонъ) — и скипетромъ желѣзнымъ
Повсюду сѣетъ страхъ и смерть,
Крылами разсѣкаетъ бездны,
На вѣчной оси движетъ твердь;
Народы рабству покоряя,
И въ пепелъ грады превращая,
Колеблетъ троны, силы власть.
Разверзла челюсти геенна,
Объята пламенемъ вселенна
И всюду бѣдствіе, напасть!"

Описавъ полетъ страшнаго чудовища и ужасы, имъ произведенные, поэтъ приступаетъ къ восхваленію русскихъ героевъ, начиная съ князя Кутузова. Потомъ обращается съ хвалебной рѣчью къ русской арміи, и наконецъ заключаетъ прославленіемъ государя:

„Монархъ! О, ангелъ благодатный!
. . . .
Коль шествіе твое красно!
Гдѣ гласъ священный твой внимаютъ,
Изъ пепла грады возникаютъ,
И все тобой оживлено!..
Отъ бѣдъ избавлена вселенна
Къ тебѣ сердецъ склоняетъ взоръ;
Ужъ громомъ гидра пораженна
Въ ущелья скрылась мрачныхъ горъ!
Гряди, Монархъ, снимай оковы:
Тебѣ сердецъ вѣнцы готовы,

Зажженныхъ ревностью къ Тебѣ!
Тобою Россы вознесутся,
Главы чудовища сотрутся,
Гордился врагъ—и се не бѣ!“

Ода эта была сочинена, какъ помнится, въ началѣ 1813 года; слѣдовательно, когда Наполеонъ, хотя и потерпѣлъ пораженіе, однако же, былъ еще въ силѣ, но такъ у всѣхъ была велика увѣренность въ его конечную гибель, что въ одѣ уже пророчески предсказывается его паденіе и общее освобожденіе Европы. Ужъ подлинно: гласъ народа—гласъ Божій!

Вся поэзія, современная Державину, была только отголоскомъ Сибирской лиры. Всѣ старались наперерывъ надуваться, какъ лягушка, желавшая поравняться съ воломъ, подбирали слова самыя высокопарныя и гремѣли, кто во что былъ гораздъ. И въ Иркутскѣ кто не зналъ, кто не имѣлъ стиховъ Державина? Всякій грамотей, часто не знавшій правописанія, поставлялъ непремѣннымъ долгомъ списать нѣсколько одъ великаго поэта, въ особенности: Богъ, На счастье, Вельможа, На взятіе Измаила, На покореніе Варшавы... Многіе помнили ихъ наизусть и любили ихъ цитировать. Чѣмъ стихъ былъ высокопарнѣе и громче, тѣмъ болѣе нравился. Я помню, какъ одинъ изъ тогдашнихъ Иркутскихъ начетчиковъ, кстати и не кстати, любилъ повторять:

„Какъ черна ночь надулась чревомъ;
„Дохнула съ свистомъ, воемъ, ревомъ!..

Картина, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательная! Нельзя не видѣть и здѣсь общаго закона въ умственномъ развитіи, которое всегда и вездѣ начиналось съ поэзіи и при томъ съ поэзіи почти всегда воинственной. Такъ и Россія, гдѣ еще только начиналась заря просвѣщенія, страстно любила слушать и повторять Державина. Когда Наполеонъ бѣжалъ изъ Россіи, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали: скоро ли запоетъ Державинъ? И вотъ раздался его лебединый голосъ, истинно послѣдняя пѣснь лебедя: „Гимнъ лиро-эпическій на изгнаніе Галловъ“. Всѣ были въ восхищеніи. Многіе изъ Иркутскихъ чтецовъ выдолбили весь гимнъ наизусть, съ начала до конца, повторяли стихи изъ него при всякомъ удобномъ случаѣ, а случаевъ тогда было много: всѣ разговоры были наполнены и переполнены событіями войны.

И вдругъ посреди грома и шума Державинскихъ стиховъ раздался мелодическій, нѣжный, чудный и не слыханный дотолѣ голосъ Пѣвца въ станѣ Русскихъ воиновъ. Сначала были этимъ невольно поражены; не могли еще долго разстаться съ громомъ Державина, сильно сроднившимся съ душою; наконецъ, мало по малу, стали прислушиваться

къ музыкѣ Жуковскаго, и чуять, болѣе и болѣе, сладость его стиховъ и, отвыкая отъ Державина, стали дружиться съ Жуковскимъ. Это были два свѣтила: одно закатывающееся, а другое—восходящее. Самъ Державинъ сознавался, что время его уже прошло и талантъ его угасаетъ. Весьма трогательно заключеніе его лиро-эпическаго гимна, гдѣ великій поэтъ, склоняющійся къ закату, говоритъ съ печалію:

„Но солнце, мой вечерній лучъ!
Уже за холмы синихъ тучъ
Склоняешься ты въ темны бездны!..“

И далѣе:

„И мой ужъ гаснетъ жаръ:
Холодна старость—духъ,
У лиры—гласъ отъемлетъ!..“
„Младымъ пѣвцамъ гремѣть
Мои ввѣряю ветхи струны!..“

Такимъ образомъ Державинъ пережилъ самого себя. Вообще нельзя видѣть равнодушно угасаніе таланта, нравственную смерть духа, тѣмъ болѣе такого великаго таланта, каковъ былъ Державинъ!..

Не смотря, однако же, на угасаніе Державина, данное имъ направленіе поэзіи долго еще преобладало надъ умами Иркутскаго большинства, даже и послѣ ознакомленія съ Жуковскимъ... Поэтому приведенная мною выше торжественная ода произвела въ малопишущемъ тогда Иркутскѣ большой фуроръ.

Въ Иркутскѣ не было тогда никакой библіотеки, кромѣ гимназической, подаренной Иркутскому училищу Екатериною II. Въ ней заключались лучшія творенія древнихъ и новѣйшихъ, разумѣется тогдашнихъ, писателей; даже была пресловутая энциклопедія—плодъ философовъ восемнадцатаго вѣка. Гимназія увеличивала ежегодно составъ билліотеки, выписывая новыя книги; но никто изъ жителей Иркутска не имѣлъ права пользоваться ея сокровищами, какъ будто прямое назначеніе ея книгъ было—гнить безъ пользы.

Книжныхъ лавокъ также не было, а выписывать книги изъ Петербурга или Москвы стоило дорого, было хлопотливо и не всегда вѣрно: о дальнихъ подписчикахъ въ тогдашнее время книгопродавцы столичные не слишкомъ много безпокоились. Самые газеты и журналы были довольно рѣдки и выписывались преимущественно присутственными мѣстами и при томъ всего болѣе—однѣ „Московскія Вѣдомости“. Для внутреннихъ и сибирскихъ губерній Москва была какъ-то знакомѣе Петербурга.

Журналовъ тогда выходило немного. Главными представителями

тогдашней журналистики были: „Вѣстникъ Европы“, сильно уже устарѣвшій, подъ редакціею Каченовскаго, и „Сынъ Отечества“, только-что начавшійся въ Отечественную войну, подъ редакціею Н. И. Греча. „Сынъ Отечества“ весьма ловко принаровился къ потребностямъ времени и потому выписывался охотнѣе. Но и его выписывали весьма немногіе изъ жителей Иркутска, хотя всѣ чрезвычайно жаждали новостей.

Выше уже было сказано, съ какимъ горячимъ участіемъ принимали въ Иркутскѣ всѣ отечественныя событія. Въ этомъ расположеніи духа сильнѣйшее впечатлѣніе произвело ненавистное извѣстіе о мнимой измѣнѣ Сперанскаго и о томъ, что этотъ злодѣй (т.-е. мученикъ общественнаго блага!), наконецъ, схваченъ и сосланъ. Даже, помню въ гимназіи ученики, еще мальчики, толковали объ этомъ страшномъ Сперанскомъ и поносили его какъ только могли. Такъ была повсемѣстна ядовитая клевета на этого великаго человѣка!

Между тѣмъ, на небесахъ горѣло великое знаменіе, звѣзда съ хвостомъ, искони признаваемая народами за предвѣстіе бѣдствій [1]). Комета явилась, сколько могу припомнить, осенью 1811 года, горѣла въ продолженіе зимы 1811 — 1812 года на сѣверной части неба и постепенно приближалась къ зениту, наконецъ потонула въ безконечности. Въ ясныя зимнія безлунныя ночи она грозно свѣтилась, какъ мечъ Архангела, и наводила, особенно на дѣтское воображеніе, невольный страхъ. Народъ также смотрѣлъ на нее съ боязнію, ожидая чего-то необыкновеннаго, страшнаго, тѣмъ болѣе, что вѣсть о приближеніи Наполеона къ Россіи съ несмѣтными силами уже ходила въ народѣ. Тогда іезуиты еще не были удалены изъ Россіи. Они забрались и въ Иркутскую губернію; шныряли крѣпко по деревнямъ и старались всячески обезкураживать умы нелѣпыми слухами. Я слышалъ самъ, какъ іезуитъ говорилъ съ увѣренностію: „мы надѣемся, что скоро ваша вѣра соединится съ нашею“.

Напуганный то небесными знаменіями, то неблагопріятною молвою народъ сильно упадалъ духомъ. Думали, что французъ вотъ такъ-таки и пойдетъ по деревнямъ и заберетъ всѣхъ живьемъ... Съ началомъ войны, при непрерывномъ отступленіи нашихъ армій, при сдачѣ города за городомъ, при вторженіи Наполеона далѣе и далѣе внутрь Россіи, страхъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ. Газеты читали на расхватъ; толкамъ и впрямь и вкось не было конца. Въ это время, для успокоенія народа, приходили изъ Москвы рукописныя

---

[1]) Комета имѣла хвостъ 150 м. верстъ; слѣдовательно, болѣе разстоянія земли отъ солнца. Голова ея съ туманною оболочкою имѣла въ діаметрѣ 900.000 верстъ, а самое ядро—4.000 верстъ.

извѣстія, въ которыхъ ложь мѣшалась съ правдою, а иногда была и одна ложь безъ всякой примѣси. Вотъ нѣсколько образчиковъ:

„отъ 9-го августа 1812 г.“.

„Генералъ Остерманъ-Толстой разбилъ 28 т. корпусъ поляковъ и другихъ иностранцевъ подъ командою Понятовскаго“.

„Англичане взяли Данцигъ, и 6.000 человѣкъ прусскаго войска положило оружіе“.

„Англичане при заключеніи мира дали Россіи вспомогательныхъ 800 т. ф. с. золотомъ, и соединивъ свой флотъ съ русскимъ и шведскимъ, сдѣлали дессантъ въ Пруссію“.

„Сейчасъ получено извѣстіе, что происходило главное сраженіе обѣихъ россійскихъ армій съ французскими силами и одержана побѣда надъ оными. 80 т. человѣкъ взято въ плѣнъ, 30 т. положено на мѣстѣ, армія непріятельская на сто верстъ отступила“.

„отъ 29-го августа“.

„26-го августа подъ Можайскомъ происходило кровопролитнѣйшее сраженіе. Самъ главнокомандующій, свѣтлѣйшій князь Кутузовъ увѣряетъ, что съ начала міра не было подобнаго сраженія. 4.000 нашихъ пушекъ было въ дѣйствіи и отъ одного сотрясенія падали лошади; гулъ былъ слышенъ на Поклонной горѣ подъ Москвою, что около ста верстъ отъ сраженія. Французы наступали, какъ бѣшеные, колоннами, но ихъ валили, какъ лѣсъ. 45 т. французовъ убито. Король Неаполитанскій и 5 генераловъ французскихъ убиты, въ томъ числѣ маршалъ Даву. Мы потеряли до 15 т. человѣкъ. Сраженіе кончилось по невозможности драться отъ множества мертвыхъ тѣлъ. У насъ ранены: храбрый генералъ Багратіонъ, генералъ-лейтенантъ Коновницынъ и Лавровъ. Въ плѣнъ взято нами множество и всѣ истреблены. По приказанію Кутузова было наряжено нѣсколько полковъ, и два дня ихъ рѣзали, едва осталось 1.000 человѣкъ и они приведены къ Поклонной горѣ, гдѣ стоятъ въ полѣ босы, наги и безобразны; множество умираетъ ихъ отъ ночного холода. Ожесточеніе нашихъ войскъ чрезвычайно. Московскіе жители не терпятъ даже имени француза или нѣмца, и потому невозможно вести плѣнныхъ въ Москву“.

„Изъ Петербурга“.

„Здѣшняя академія выдумала два шара, изъ коихъ на одномъ 50 т. человѣкъ, а на другомъ 25 т. человѣкъ сядутъ, и, налетя на французскую армію, станутъ лить огонь. Надо сказать, что шаровъ такихъ никогда не было, и огонь льющійся также новый родъ горящей жидкости“.

По сдачѣ Москвы непріятелю, ложь еще разъ попыталась смастерить фальшивое утѣшеніе. Было писано, что „наши туда нарочно пропустили французовъ, и самъ Наполеонъ, ничего не догадываясь, вошелъ въ нее ночью съ 15 т. человѣкъ. Но нашъ хватъ, графъ Ростопчинъ, надѣлалъ въ каждой улицѣ и въ каждомъ домѣ батареи, и какъ только показались головы французскихъ колоннъ, началась ужасная пальба со всѣхъ сторонъ. Бѣдняжка Наполеонъ съ 500 человѣками убѣжалъ къ Тулѣ, но за нимъ послано 20 т. человѣкъ кавалеріи. Курьера объ этомъ не послано потому, что не до того: ожидаютъ совершенной побѣды".

Вотъ какими фокусами мечтали тогда успокоить народъ! Правда, они имѣли моментальное дѣйствіе. Въ Иркутскѣ, конечно, было много людей, которые искренно довѣряли всякой лжи, особенно когда она была согласна съ патріотическими желаніями. Но, между тѣмъ, событія совершались неотразимо; и истина наводила тѣмъ большій страхъ, чѣмъ болѣе было довѣренности въ предшествующую ложь.

Въ протекшія послѣ Отечественной войны пятьдесятъ лѣтъ Россія ушла далеко. Ее уже узнать трудно. Просвѣщеніе, болѣе или менѣе, проникло во всѣ слои общества. Но если и теперь, да въ просвѣщенной Европѣ, вѣрятъ въ верченіе столовъ, въ самописаніе карандашей, въ вызываніе тѣней и т. под., то чего нельзя простить тогдашнему времени, особенно въ такомъ отдаленномъ городѣ, каковъ Иркутскъ?

Жизнь въ Иркутскѣ была исключительно семейная. Никакихъ мѣстъ, гдѣ бы можно было убивать время за картами, или прогуливать иногда послѣднія крохи бѣднаго жалованья, не было вовсе. По пріѣздѣ Сперанскаго было учреждено благородное собраніе, но туда собирались только разъ въ недѣлю. Во всемъ городѣ былъ одинъ трактиръ, да и въ тотъ заходить считалось безчестіемъ: туда заглядывали только отчаянные гуляки, которые составляли весьма малочисленное и рѣзкое исключеніе.

Времяпрепровожденіе было единственно семейственное. Гостепріимство было развито въ высшей степени и при томъ не только въ Иркутскѣ, но и вообще въ губерніи. Никакой крестьянинъ, хотя бы и самый бѣдный, ни за что не взялъ бы съ проѣзжаго за постой, или за тепловое, какъ говорятъ крестьяне въ великороссійскихъ губерніяхъ, и всегда готовъ былъ даромъ накормить и напоить каждаго путешественника. Впрочемъ, многіе крестьяне жили патріархами. Патріархатство ихъ состояло изъ отдѣльной заимки, гдѣ жилъ родоначальникъ большого семейства съ сыновьями, невѣстками, внучатами, правнучатами. Я зналъ такихъ двѣ заимки, изъ которыхъ на одной родоначальникъ имѣлъ болѣе девяноста лѣтъ, но былъ еще свѣжъ и бодръ,

высокаго роста съ бѣлою, какъ лунь, головою и длинною сѣдою бородою. Наружность его возбуждала невольное уваженіе. Онъ имѣлъ семь или восемь сыновей. Старшему было уже лѣтъ за семьдесять; все же семейство состояло человѣкъ изъ тридцати если не болѣе.

Вообще Иркутскія семейства были крѣпки взаимною любовію и уваженіемъ своихъ членовъ. Семейныя распри, въ особенности между братьями и сестрами, было явленіе самое несбыточное. Отцы семейства пользовались глубокою покорностію. Молодое поколѣніе смотрѣло на старшихъ, какъ на опытныхъ путеводителей, и руководствовалось ихъ совѣтами.

Старики наблюдали съ самыхъ раннихъ лѣтъ въ особенности за исполненіемъ религіозныхъ обязанностей со стороны своихъ дѣтей и внуковъ. Сохрани Боже, не идти къ обѣднѣ и даже къ заутренѣ или ко всенощной! Всѣ посты соблюдались со всею строгостію, тѣмъ болѣе великій. Я зналъ одну старушку, которая въ молодости своей во весь великій постъ ѣла только семь разъ, по воскресеньямъ, и даже въ старости передъ принятіемъ Св. Таинъ не пила и не ѣла не менѣе—трехъ дней!

При религіозности чувствъ чистота и цѣломудріе въ семействахъ были наслѣдственны и чтились свято. Не было и помину ни объ одной дѣвицѣ изъ хорошаго семейства, которая бы рисковала своимъ именемъ. То же слѣдуетъ сказать и о дамахъ. Впрочемъ, въ числѣ послѣднихъ скорѣе можно было найти зародыши эмансипаціи, но ихъ было такъ мало и столько были извѣстны подобныя личности, что всякій могъ указать на нихъ пальцемъ.

Позоръ не смѣлъ появляться, какъ говорится, съ непокрытою головою, и прятался отъ общаго суда, какъ злой духъ отъ ладана. Домовъ, гдѣ привилегированный развратъ не стыдится показываться во всей мерзости, въ Иркутскѣ совсѣмъ не было, и если былъ развратъ, то онъ гнѣздился тихомолкомъ на окраинахъ города, въ глуши, въ темнотѣ и не смѣлъ явно показываться на свѣтъ Божій.

Словомъ сказать, Иркутскіе нравы, весьма съ немногими исключеніями, отличались набожностію, чистотою, цѣломудріемъ, добродушіемъ и гостепріимствомъ. Какъ нынче, не знаю. Прошло сорокъ лѣтъ, какъ я оставилъ Иркутскъ. Въ сорокъ лѣтъ много утекло воды изъ Байкала.

Я сказалъ, что основаніе просвѣщенію Иркутска положено въ 1781 году. Это было при губернаторѣ Кличкѣ, который учредилъ тогда первую народную школу, куда поступило до 100 учениковъ, а въ 1789 году открылъ главное народное училище, которому императрица Екатерина II, какъ было также сказано, пожаловала въ даръ

богатую библіотеку. Граждане Иркутскіе подарили училищу большой домъ и обязались ежегодно вносить сумму на его содержаніе.

Первымъ директоромъ народнаго училища былъ тотъ самый Лангансъ домосѣдъ, о которомъ я уже говорилъ. Учителя были присланы изъ Петербурга, люди весьма знающіе и достойные: Ермилъ Васильевичъ Флоринскій, учитель исторіи, географіи и русской словесности; Степанъ Петровичъ Бѣлышевъ, учитель математики, и Александръ Ивановичъ Гапоновъ, учитель первоначальнаго образованія, преподававшій, между прочимъ, весьма замѣчательную книгу, родъ нравственной философіи: „О должности человѣка и гражданина", въ послѣдствіи отмѣненную...

Изъ этихъ преподавателей особенно отличался бойкими способностями и отличными познаніями, какъ по своему предмету, такъ и по другимъ отраслямъ наукъ—Бѣлышевъ.

Въ то время было обыкновеніе, чтобы ученики говорили на экзаменахъ рѣчи, сочиненныя учителемъ. Для этого избирались лучшіе ученики: говорить рѣчь считалось почетомъ. Старшій братъ мой, учившись хорошо и имѣя пріятную наружность, постоянно пользовался этою честію.

Въ 1805 году была открыта въ Иркутскѣ гимназія съ уѣзднымъ и приходскимъ училищами.

Директоромъ Иркутскихъ училищъ былъ опредѣленъ нѣкто Кранцъ. Сначала поступили въ гимназію учителя изъ упраздненнаго главнаго народнаго училища, о которыхъ говорилъ я выше, а потомъ, для занятія учительскихъ должностей, пріѣхали молодые люди изъ Петербургскаго Педагогическаго института. Тогда преподаваніе въ гимназіи обнимало всѣ факультеты наукъ, вмѣщавшіеся въ университетахъ, только въ элементарномъ размѣрѣ. Факультетъ физико-математическихъ наукъ, послѣ Бѣлышева, занялъ Иванъ Григорьевичъ Новотроицкій, тотъ самый, о которомъ говорилъ я въ первой части, упоминая о гимназическихъ спектакляхъ; факультетъ политико-философскихъ и словесныхъ наукъ—Матвѣй Васильевичъ Неждановъ, историко-географическихъ наукъ—Петръ Александровичъ Урусовъ. Сверхъ наукъ преподавались языки:—европейскіе: латинскій, французскій и нѣмецкій и азіятскіе: китайскій и японскій.

Изъ преподавателей языковъ особенно были замѣчательны — нѣмецкаго лютеранскій пасторъ Иванъ Юрьевичъ Беккеръ, и японскаго, Николай Петровичъ Колотыгинъ, природный японецъ.

Пасторъ Беккеръ былъ человѣкъ весьма ученый, но отличавшійся многими странностями. Онъ жилъ болѣе въ мірѣ идей, чѣмъ въ мірѣ дѣйствительномъ. Ученыя занятія были первою потребностію его души и наслажденіемъ. Погрузившись въ науку, онъ забывалъ все его

окружающее. Въ этомъ самозабвеніи случилось съ нимъ, однажды, весьма загадочное происшествіе. Углубленный въ занятія, вдругъ онъ видитъ, что вошелъ къ нему въ кабинетъ и остановился у его стола его отецъ, котораго онъ, много лѣтъ назадъ, оставилъ въ Саксоніи и о которомъ давно не получалъ никакого извѣстія.

Беккеръ съ ужасомъ вскочилъ со стула, но видѣніе печально посмотрѣло на него и исчезло... Впослѣдствіи Беккеръ получилъ письмо, изъ котораго узналъ, что отецъ его умеръ именно въ тотъ день, какъ онъ видѣлъ его... Для объясненія подобныхъ явленій употребляются два обычные способа: или ихъ приписываютъ игрѣ воображенія, или просто не вѣрятъ разсказамъ о нихъ. Послѣдній способъ еще легче и удобнѣе, чѣмъ первый. Я мыслю иначе, но не пускаясь въ неумѣстную здѣсь метафизику, возвращаюсь къ моему главному предмету.

Преподаватель японскаго языка Колотыгинъ былъ изъ Японіи занесенъ бурею въ Камчатку. Бывъ привезенъ потомъ въ Иркутскъ, онъ принялъ православную вѣру и русскую фамилію; выучился по-русски; купилъ домъ, женился на русской и имѣлъ дѣтей, которые учились въ гимназіи, словомъ, былъ счастливый семьянинъ, бывъ весьма хорошимъ человѣкомъ. Такъ иногда случай неожиданно располагаетъ судьбою людей!..

При открытіи гимназіи поступило въ нее 30 учениковъ. Въ первые годы состояніе ея было весьма удовлетворительно, но потомъ, не будучи покровительствуема мѣстнымъ начальствомъ, смотрѣвшимъ на нее, какъ на заведеніе не нашего прихода, гимназія, при плохомъ ближайшемъ управленіи, постепенно клонилась къ упадку, и, наконецъ, при директорѣ Миллерѣ, родомъ нѣмцѣ, пришла въ окончательное разстройство. Членъ Санктъ-Петербургской академіи наукъ, членъ разныхъ ученыхъ обществъ, слѣдовательно, безъ всякаго спора, мужъ ученый, Миллеръ, казалось, былъ не директоръ, а кладъ для Иркутской гимназіи, а вышло наоборотъ!.. Ни прежде, ни послѣ гимназія не страдала такъ ни въ учебномъ, ни въ хозяйственномъ отношеніи, какъ при этомъ многоученомъ мужѣ. Самый домъ гимназическій пришелъ въ разрушеніе; зимнихъ рамъ не вставляли, да и въ лѣтнихъ были многія стекла разбиты и заклеены бумагой, многія изъ дверей выбиты; стулья и столы переломаны. Въ самые лютые морозы, случалось, не топили печей, потому что, вѣроятно, дровяныя деньги употреблялись почтеннымъ директоромъ на другое назначеніе; учителя и ученики въ классахъ сидѣли въ шубахъ. Надобно было много имѣть самоотверженія и любви къ долгу, чтобы исполнять безупречно свою должность при такихъ физическихъ затрудненіяхъ.

Между тѣмъ директоръ Миллеръ ко всѣмъ прочимъ своимъ недостаткамъ присоединялъ еще одно—стремленіе къ пьянству и, сказывали, что, однажды, вечеромъ, съ которымъ-то изъ учителей, осушивъ штофъ сивухи, онъ поднялъ съ нимъ драку. Учитель, само собою разумѣется, уже не церемонился. Въ свалкѣ они погасили свѣчу и ухватили другъ друга за волосы. Потасовка продолжалась долго, покамѣстъ на шумъ не пришли другіе учителя и ихъ не розняли. Естественно, что къ такому прекрасному начальнику немного имѣли уваженія подчиненные, да и самъ Миллеръ уже совѣстился заглядывать въ заведеніе, доведенное имъ до такого совершенства.

Жители потеряли всякую довѣренность къ гимназіи и перестали отдавать туда своихъ дѣтей. Число учениковъ, постепенно уменьшаясь, дошло до жалкаго количества—десяти человѣкъ, такъ что на каждаго учителя приходилось не болѣе двухъ. По причинѣ частаго отсутствія учителей, преподаваніе въ гимназіи почти прекратилось, и ученики большую часть класснаго времени проводили въ разныхъ шалостяхъ. Начитавшись какого-то стариннаго романа, гдѣ героемъ былъ разбойникъ Ринальдо-Ринальдини, они сами вздумали представлять разбойниковъ: гдѣ-то, около города устроили притонъ и шуточнымъ нападеніемъ пугали ѣздившихъ по дорогѣ деревенскихъ женщинъ. Бывали происшествія и романическія. Влюбились они гуртомъ всѣ въ одну какую-то дѣвушку, и писали къ ней общими силами безъименныя письма. Шутка эта, однако же, не обошлась безъ большихъ хлопотъ романическимъ героямъ. Случались, къ несчастію, и такія шалости, которыя уже переходили границы ребячества и имѣли видъ непростительнаго кощунства—слѣдствіе легко вкрадывающагося въ молодые умы невѣрія. Но это было скорѣе молодечество, бравура, чѣмъ отъявленное вольнодумство; и потому-то, когда каждый изъ недорослей-вольнодумцевъ оставался наединѣ, лицомъ къ лицу съ своею совѣстію, невольный страхъ овладѣвалъ его душою. Такъ одинъ изъ нихъ, имѣя сильное и живое воображеніе, вѣроятно, заснувшій подъ вліяніемъ этого невольнаго страха, видѣлъ во снѣ, что какая-то женщина, величественной наружности, озаренная блестящимъ ореоломъ, въ бѣломъ одѣяніи, подошла къ постели его съ Евангеліемъ въ рукахъ и произнесла грознымъ голосомъ: „Да будешь ты проклятъ!“. Съ этимъ словомъ онъ полетѣлъ въ разверзшуюся подъ нимъ пропасть—и проснулся отъ ужаса!.. Я давно потерялъ изъ вида этого человѣка: дай Богъ, чтобы онъ воспользовался даннымъ ему страшнымъ урокомъ...

Между тѣмъ, нельзя не удивляться, что несмотря на многоразличныя шалости, на праздное, большею частію, препровожденіе времени, на плохое ученье, въ молодыхъ умахъ все-таки тлѣлся огонь

науки, и потомъ, при обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ, многіе изъ этихъ подражателей Ринальдо-Ринальдини усовершенствовали свои познанія и сдѣлались замѣчательными или, по крайней мѣрѣ, весьма полезными членами общества [1]). Такимъ образомъ гимназія даже и въ періодъ самаго крайняго своего упадка все-таки приносила пользу самымъ существованіемъ своимъ, даже однимъ своимъ именемъ поддерживая въ молодыхъ умахъ любовь къ наукѣ и вливая въ души своихъ питомцевъ жажду образованія.

Обращаясь къ положенію учителей прежняго времени, нельзя не пожалѣть искренно, что нѣкоторые изъ нихъ въ жалкое управленіе многоученаго Миллера впали въ неизлечимую апатію, въ безнадежность и погибли невозвратно. До сихъ поръ я не могу вспомнить безъ сожалѣнія о двухъ изъ нихъ, о Неждановѣ и Урусовѣ, въ особенности о первомъ.

Неждановъ былъ прекраснѣйшій молодой человѣкъ, образованный, пріятный въ обращеніи, ласковый съ учениками, привѣтливый со всѣми, нрава кроткаго и нѣжнаго сердца. Онъ зналъ хорошо латинскій и нѣмецкій языки и свободно говорилъ по-французски. Сверхъ служебныхъ, невыносимыхъ непріятностей, съ нимъ случилось проис-

---

[1]) Двое изъ нихъ окончили курсъ въ Педагогическомъ институтѣ и возвратились въ Иркутскъ прекрасными и хорошо образованными молодыми людьми. Это были Николай Ѳедоровичъ Кокоринъ и Семенъ Ивановичъ Щукинъ. Сначала они вступили въ званіе старшихъ учителей гимназіи, потомъ первый поступилъ въ гражданскую службу и теперь въ Иркутскѣ занимаетъ весьма почетное мѣсто, а послѣдній былъ директоромъ Иркутской гимназіи и извѣстенъ многими учеными наблюденіями (членъ Сибирскаго Географическаго общества).

Двое другихъ отправились на службу въ Петербургъ въ то время, когда многіе ѣхали изъ Петербурга въ Сибирь за чиномъ коллежскаго ассессора. Сибирскіе выходцы не устрашились, немедленно по пріѣздѣ сюда, держать экзаменъ въ университетъ, и не только выдержали его съ успѣхомъ, но познаніями своими удивили экзаменовавшихъ ихъ профессоровъ и принесли честь Иркутской гимназіи. Изъ этихъ двухъ особенно замѣчателенъ Л. С. Бѣлышевъ, сынъ учителя Бѣлышева. Онъ зналъ весьма основательно математику, читалъ математическія сочиненія, какъ обыкновенныя книги; обладалъ основательнымъ знаніемъ языковъ: латинскаго, нѣмецкаго, французскаго и англійскаго. Двухъ первыхъ языковъ онъ былъ учителемъ въ Иркутской гимназіи. Бывъ еще очень молодымъ человѣкомъ, онъ могъ бы еще принести много пользы обществу, но, къ сожалѣнію, рано умеръ.

Двое сдѣлались извѣстными своими сочиненіями. Изъ нихъ Ник. Сем. Щукинъ написалъ очень любопытную книгу. „Поѣздка въ Якутскъ“, нѣсколько повѣстей и много дѣльныхъ журнальныхъ статей, касающихся Сибири.

Наконецъ, одинъ, сынъ пастора Беккера, В. И. Беккеръ, съ честію служивъ въ Сибири, посвятилъ потомъ любознательную жизнь свою непрерывнымъ путешествіямъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ изъ Иркутска, онъ былъ по-

шествіе, которое окончательно убило его. Неждановъ полюбилъ одну дѣвушку и предложилъ ей свою руку. Отецъ ея, генералъ, командовавшій стоявшимъ тогда въ Селенгинскѣ пѣхотнымъ полкомъ, далъ согласіе на ихъ бракъ. Неждановъ, полный надеждъ на исполненіе его самаго пламеннаго желанія, отправился въ Селенгинскъ, но вдругъ, обнесенный неизвѣстно кѣмъ передъ отцомъ своей невѣсты, получилъ неожиданный отказъ. Чувство собственнаго достоинства, стыдъ, страданіе любви—цѣлая буря забушевала въ его груди... Ничего не видя впереди, кромѣ скуки и безотрадности, отягощаемый бѣдностію, огорчаемый окружающею его холодностію общества, наконецъ обманутый самыми лучшими надеждами своей жизни, Неждановъ впалъ въ жесточайшее нравственное разстройство, предался пьянству и умеръ скоропостижно въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. За часъ до его смерти, я видѣлъ его еще здоровымъ, и вдругъ слышу роковую вѣсть: „Неждановъ умеръ"!

Урусовъ также весьма умный и образованный человѣкъ, но отъ природы весьма серьезный и мрачный, не видя исхода изъ подъ гнетущихъ его обстоятельствъ, началъ сильно задумываться и, наконецъ, помѣшался въ умѣ. Онъ заперся въ своей квартирѣ и рѣшился уморить себя голодомъ. Чтобы спасти его, должно было выломать дверь. Его взяли и отвезли въ больницу. Это было въ послѣдній разъ, что я его видѣлъ, когда его выводили изъ квартиры.

томъ на Кавказѣ, проѣзжалъ неоднократно по Волжскимъ губерніямъ, объѣхалъ губерніи Остзейскія, посѣщалъ много разъ Финляндію, наконецъ путешествовалъ по Европѣ, былъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Ниццѣ, Римѣ, Неаполѣ, всходилъ на Везувій, осматривалъ развалины Помпеи и Геркулана, видѣлъ знаменитѣйшихъ людей Германіи и Франціи, бесѣдовалъ съ Гумбольдтомъ и другими учеными мужами Европы; потомъ, возвратясь въ Петербургъ, снова отправился въ Иркутскъ, былъ на берегахъ Байкала; участвовалъ въ изданіи „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" и хотѣлъ остаться навсегда на своей родинѣ, желая одной ей посвятить свои знанія и способности, но родина, къ сожалѣнію, не умѣла или не хотѣла оцѣнить его. Разочаровавшись окончательно въ Иркутскѣ, Беккеръ опять ринулся въ Петербургъ, еще съѣздилъ два или три раза въ Финляндію, собственно для прогулки, и, наконецъ, поѣхалъ въ Саксонію, отчизну его отца, чтобы тамъ сложить свои кости... Между тѣмъ онъ издалъ весьма интересное описаніе своихъ путешествій по Россіи и нынѣ готовитъ записки о путешествіи своемъ по Европѣ. Много интереснаго можно ожидать отъ этого труда. Беккеръ, человѣкъ очень умный, хорошо образованный, въ особенности подъ руководствомъ своего многознавшаго отца, имѣетъ большія практическія свѣдѣнія, пріобрѣтенныя во время его многолѣтнихъ путешествій; но что главное, человѣкъ честный и благородный. Вотъ его-то, по справедливости, можно назвать: честный нѣмецъ. Еще повторяю, жаль, что Иркутскъ не оцѣнилъ по достоинству этого отличнаго чиновника и прекраснаго человѣка!..

Потомъ, онъ изъ больницы вышелъ и куда дѣвался, никому не было извѣстно; ходили только темные слухи; говорили, что онъ рѣшился идти пѣшкомъ въ Россію и, вѣроятно, погибъ на дорогѣ!..

Въ этомъ несчастномъ состояніи Иркутской гимназіи, когда домъ гимназическій разрушался, учениковъ почти не было, учителя находились въ отчаяніи и гибли, жители смотрѣли на гимназію съ отвращеніемъ, губернское начальство равнодушно взирало, какъ древо познанія сохло и гнило. Въ это несчастное время Иркутскихъ училищъ дѣлается директоромъ ихъ славный своимъ просвѣщеніемъ, умомъ и даже своими несчастіями — Петръ Андреевичъ Словцовъ. Отсюда начинается новая эра Иркутскихъ училищъ.

Но прежде нежели я буду говорить о дѣйствіяхъ Словцова по управленію въ Иркутскѣ учебною частію, я изложу въ слѣдующихъ главахъ всѣ тѣ свѣдѣнія, какія я имѣю о жизни этого замѣчательнаго человѣка, который, какъ сказано мною въ предисловіи къ настоящимъ запискамъ, завѣщалъ мнѣ всѣ свои бумаги, и съ которымъ я былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ двадцать восемь лѣтъ!

Словцовъ былъ изъ тѣхъ сильныхъ духомъ людей, которые своимъ личнымъ достоинствомъ исторгаютъ невольное уваженіе. Въ самомъ изгнаніи, оставаясь безъ связей, безъ состоянія, Словцовъ стоялъ выше окружающей его среды. Все, что было мыслящаго въ Сибири, искало, какъ почета, его знакомства. Генералъ-губернаторы приходили къ нему бесѣдовать, не говоря уже о Сперанскомъ, который посѣщалъ его весьма часто, какъ стараго товарища и друга.

Съ благороднымъ, даже нѣсколько гордымъ и непреклоннымъ характеромъ, Словцовъ соединялъ необыкновенную, почти дѣтскую нѣжность сердца и чувствительность. Иногда одолѣвала его ипохондрія, и тогда онъ изливался въ слезахъ, какъ ребенокъ. Всѣ впечатлѣнія онъ принималъ живо и сильно; душа его была исполнена энергіи и высокихъ стремленій. Ничего низкаго не закрадывалось въ его сердце; никогда лесть и ласкательство не касались его языка. Онъ ни въ комъ никогда не заискивалъ и никогда никого ни о чемъ не просилъ. Судьбу свою онъ совершенно предоставилъ волѣ Провидѣнія. Въ послѣдніе годы былъ преданъ вполнѣ религіи и только въ ней искалъ своего успокоенія...

Словцовъ родился въ 1766 году [1]) на Нижне-Сусанскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ Пермской губерніи, какъ пишетъ онъ въ Историческомъ обозрѣніи Сибири, но самъ лично всегда говорилъ мнѣ, что

[1]) Въ письмѣ ко мнѣ, писанномъ въ 1842 году, онъ называлъ себя старикомъ 76-лѣтнимъ, слѣдовательно, родился въ 1766 году, но въ „Историческомъ обозрѣніи Сибири“ онъ говоритъ, что родился въ 1767 году. Не знаю, который годъ достовѣрнѣе.

онъ родился на берегахъ Нейвы въ Невьянскомъ заводѣ, находящемся въ Ирбитскомъ уѣздѣ, лежащемъ по ту сторону Уральскаго хребта, слѣдовательно, въ Сибири. Словцовъ происходитъ изъ духовнаго званія. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Тобольской семинаріи. Отсюда, какъ лучшій ученикъ, онъ былъ посланъ, для окончательнаго образованія, въ Петербургъ, въ Александро-Невскую семинарію, потомъ преобразованную въ духовную академію. Тамъ онъ встрѣтилъ Сперанскаго, имѣвшаго тогда только еще 19 лѣтъ: это было въ 1789 году. По сходству способностей и направленія они сдружились и дружба ихъ перешла съ ними за гробъ. Словцовъ сказывалъ мнѣ, что, при тогдашнемъ состояніи Александро-Невскаго училища, преподаваніе не удовлетворяло ихъ любознательнымъ умамъ. Потому вмѣстѣ съ Сперанскимъ они сами задавали себѣ программы занятій и исполняли ихъ взаимною помощію. Взаимно раздѣляли они и свои горести и свои недостатки: случалось, что попеременно носили одну рубашку.

По смерти Сперанскаго, Словцовъ, съ горестію воспоминая о покойномъ другѣ своемъ, писалъ ко мнѣ отъ 6-го февраля 1840 года, что „Сперанскій превосходилъ всѣхъ товарищей своихъ успѣхами въ чистой математикѣ, физикѣ и философіи, отличался цѣломудріемъ въ мысляхъ словахъ и чувствахъ. Сердце его, можно сказать, благоухало уже тогда свѣжимъ, чистымъ запахомъ“.

„Въ 1792 году, въ качествѣ студента, Сперанскій говорилъ проповѣдь о страшномъ судѣ въ недѣлю блуднаго сына съ такимъ увлеченіемъ, что убѣжденіе видимымъ образомъ разлилось на лицахъ слушателей. Конечно, такому успѣху содѣйствовали: оживленное лицо юноши, мелодическій голосъ и изливавшееся въ словахъ его помазаніе. Митрополитъ Гавріилъ, присутствовавшій тогда въ церкви, поручилъ ректору убѣждать юнаго проповѣдника вступить въ санъ монашескій и въ надеждѣ на то, по окончаніи курса, поручилъ ему преподавать краснорѣчіе и физику“.

„Въ 1794 году—помнится мнѣ—продолжаетъ Словцовъ—я нашелъ его за Невтономъ. Въ 1795 году онъ сдѣланъ былъ преподавателемъ философіи, и два года провелъ, кромѣ должностного класса, въ критическомъ разсмотрѣніи философскихъ системъ, начиная съ Декарта, Локка, Лейбница и проч. до Кандильяка, тогда славившагося. По временамъ Михайла Михайловичъ читалъ мнѣ свои критическія разсмотрѣнія [1]). Кто знаетъ, говоритъ Словцовъ, менѣе ли добра сдѣлалъ бы графъ Сперанскій на поприщѣ златоустовъ, нежели сколько на поприщѣ людей государственныхъ?“

---

[1]) Выписка изъ этого письма Словцова была сообщена мною барону М. А. Корфу и помѣщена въ біографіи графа Сперанскаго.

По окончаніи ученія въ Александро-Невской семинаріи, Словцовъ былъ посланъ преподавателемъ философіи въ Тобольскую семинарію.

Въ девяностыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія, какъ извѣстно, вулканъ французской революціи былъ въ самомъ разгарѣ. Міръ наполнялся чадомъ разрушительныхъ идей. Изумленныя власти стали на стражѣ алтарей и престоловъ. Строго слѣдили тогда за каждымъ дѣйствіемъ, за каждымъ словомъ.

Въ это тревожное время Словцовъ ораторствовалъ съ соборной каѳедры въ Тобольскѣ, въ присутствіи духовныхъ и свѣтскихъ властей. Мнѣ не случалось читать его проповѣдей и потому не могу сказать о нихъ ничего положительнаго. Но послѣдствіемъ ихъ было самое тяжкое событіе въ жизни Словцова: онъ былъ схваченъ и отвезенъ въ Петербургъ, откуда его сослали въ Валаамскую пустыню. Тамъ содержали его весьма строго, въ темномъ и холодномъ затворѣ, какъ видно изъ посланія его, писаннаго къ Сперанскому. Въ посланіи этомъ Словцовъ описываетъ свою Валаамскую жизнь въ самыхъ горькихъ чертахъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого замѣчательнаго посланія:

Еще съ холоднаго пера текутъ чернила,
Еще кровь дружества при гробѣ не застыла!
Сижу въ стѣнахъ, гдѣ нѣтъ полдневнаго луча,
Гдѣ таетъ вѣчная и тусклая свѣча...

Физическія и нравственныя страданія имѣли разрушительное дѣйствіе на его здоровье.

Я боленъ (говоритъ онъ), весь опухъ и силы ослабѣли...
Сказалъ бы болѣе, да слезы одолѣли!..

Болѣзнь и отчаяніе быстро вели его къ гробу. Увѣренный въ скоромъ приближеніи смерти, страдалецъ продолжаетъ:

Уже плачевну жизнь мою смерть облегчаетъ,
Уже мой трупъ душа стеняща оставляетъ!..
Сокрой его земля отъ плачущихъ друзей!
Увы! Они моихъ не погребутъ костей,
И не узнаютъ, гдѣ лежать мой пепелъ будетъ!..
Забудетъ дружество и свѣтъ меня забудетъ!..

Словцовъ никогда не говорилъ объ этомъ тяжкомъ для него времени: вѣроятно, самое воспоминаніе о немъ было ему мукою и растравляло прежнія раны; но, какъ видно, онъ не считалъ себя виновнымъ; ибо говоритъ въ заключеніе своего посланія:

Скажи родителямъ моимъ, что умеръ я,
Что я родительскихъ по смерть держался правилъ:
Что добродѣтель, честь всего превыше ставилъ!..
Напомни, что здѣсь я невинно былъ гонимъ;
Проси прощенія несчастіямъ моимъ!..

Между тѣмъ, какъ Словцовъ страдалъ, такимъ образомъ, въ затворахъ Валаама, многое измѣнилось: не стало великой Екатерины, взошелъ на престолъ императоръ Павелъ Петровичъ; Сперанскій, вступивъ въ гражданскую службу, пріобрѣлъ расположеніе генералъ-прокурора князя Куракина: тогда одною изъ первыхъ заботъ прекрасной души его было подать руку спасенія своему другу и товарищу. По ходатайству его, Словцовъ былъ вызванъ изъ заточенія и 22-го іюня 1797 года вступилъ въ канцелярію генералъ-прокурора. Служба его пошла весьма удачно: въ томъ же году октября 4-го, Словцовъ былъ произведенъ въ титулярные совѣтники; чрезъ три года онъ былъ уже надворнымъ совѣтникомъ и 30-го іюня 1801 года перемѣщенъ въ канцелярію Государственнаго Совѣта помощникомъ экспедитора.

Отличныя дарованія и обширныя познанія Словцова доставили ему вскорѣ общую извѣстность. Молва о немъ дошла до бывшаго тогда министромъ коммерціи графа Румянцова. Желая окружить себя людьми даровитыми, графъ Румянцовъ обратилъ на Словцова особое вниманіе. Первый дебютъ его по министерству коммерціи былъ—описаніе Черноморской торговли. Порученіе это вполнѣ убѣдило графа Румянцова въ необыкновенныхъ способностяхъ Словцова, къ которому писалъ онъ отъ 23-го декабря 1802 года: „отдавая полную справедливость трудамъ и способностямъ вашимъ... я не могу не изъяснить вамъ, милостивый государь мой, какъ истинному и дѣятельному сотруднику, моего утѣшенія, что сдѣланное вамъ препорученіе обнаруживаетъ извѣстныя познанія ваши и заставляетъ меня искать случая употребить васъ на пользу государственную соразмѣрно достоинствамъ вашимъ".

По окончательномъ исполненіи даннаго Словцову порученія, графъ Румянцовъ испросилъ ему Высочайшій подарокъ и перевелъ его на службу по министерству коммерціи экспедиторомъ, т. е. начальникомъ отдѣленія. Высочайшій указъ о томъ состоялся 20 февраля 1803 года. Извѣщая объ этомъ Словцова, отъ 24 того же февраля, графъ Румянцовъ писалъ: „Отдавая полную справедливость дарованіямъ и способностямъ Вашимъ, пріятно мнѣ увѣдомить Васъ, Милостивый Государь мой, что съ 20 сего мѣсяца послѣдовалъ Правительствующему Сенату Высочайшій указъ, по силѣ котораго Вы опредѣлены въ департаментъ министерства коммерціи экспедиторомъ, и проч.".

Въ слѣдующемъ году, января 29, Словцовъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники: слѣдовательно, не болѣе, какъ чрезъ семь лѣтъ по вступленіи въ гражданскую службу...

Графъ Румянцовъ приблизилъ его къ себѣ. Онъ всталъ выше

всѣхъ своихъ товарищей. Бумаги, имъ писанныя, соперничали въ общемъ мнѣніи съ бумагами Сперанскаго. Представленія графа Румянцова, сочиненныя Словцовымъ, ходили по рукамъ и списывались, какъ образцовыя. Надобно сказать, что самъ Словцовъ никогда мнѣ не говорилъ о своихъ прежнихъ заслугахъ, но мнѣ были переданы нѣкоторыя его должностныя бумаги, въ свое время производившія фуроръ, пріятелемъ его, бывшимъ въ Кяхтѣ директоромъ таможни П. Ф. Голяховскимъ. Въ числѣ этихъ бумагъ было мнѣніе графа Румянцова, писанное Словцовымъ, по поводу проекта, представленнаго министромъ удѣловъ графомъ Гурьевымъ о способахъ возвышенія государственныхъ доходовъ. Я выпишу замѣчательнѣйшія мѣста изъ этого мнѣнія собственно для того, чтобы показать, сколько блестящихъ мыслей, предупреждавшихъ свой вѣкъ, было разлито въ этомъ мнѣніи. Оно касалосъ четырехъ предметовъ: 1) преобразованіе купеческихъ гильдій, 2) цеховыхъ, 3) налога акцизнаго и накладныхъ денегъ и 4) способа возвратиться отъ ассигнацій къ вещественной монетѣ.

1) О преобразованіи гильдій. „Прежде всего я принимаю—говоритъ графъ Румянцовъ—за общее для налоговъ правило, чтобы одною рукою собирая съ людей подать, другою наслажденіе дарить имъ, дабы впечатлѣвалось въ народѣ то спокойное увѣреніе, что доходъ государственный ростетъ не иначе, какъ по мѣрѣ гражданскихъ выгодъ“. Далѣе, послѣ разсужденій: какіе капиталы должно опредѣлить, для предъявленія каждой гильдіи, министръ продолжаетъ:

„При томъ примѣчаю, что предѣлы 2 и 1 гильдіи, недовольно раздѣленные, и въ новомъ проектѣ остались смѣшанными, чрезъ что и отнимается поощреніе переходить въ высшую гильдію. Я желалъ бы, напротивъ, обнародовать такое истолкованіе, что 2-я гильдія, по смыслу законовъ, не можетъ впредь въ пограничныхъ мѣстахъ непосредственно производить ни мѣны, ни продажи, ни покупки съ иностранными купцами и увѣренъ, что такое истолкованіе увеличило бы 1 гильдію“.

„Я согласенъ также на уничтоженіе званія именитыхъ гражданъ, потому что сіе отличіе въ послѣдствіи, въ 3 колѣнѣ, уже перерождаетъ торговую фамилію въ дворянскую и что наравнѣ съ ними, по нѣкоторому странному смѣшенію идей, раздѣляютъ то же имя неимущіе художники, которымъ, по свойству талантовъ, надлежало бы пріискать другую мѣру соревнованія“.

„Я не согласенъ съ мнѣніемъ Дмитрія Александровича (графа Гурьева, министра удѣловъ) въ томъ, чтобы даровать право помѣщичье купцамъ, объявившимъ недвижимаго имѣнія на 150/т. рублей:

ибо какую можно въ Россіи вообразить разницу между помѣщикомъ и дворяниномъ? Преимущество послѣдняго въ томъ и состоитъ, чтобы пріобрѣтать недвижимыя имѣнія съ крестьянами и располагать ими по произволу".

„А посему купецъ, вступивъ въ одни права съ помѣщикомъ или дворяниномъ, вынесетъ, наконецъ, капиталъ свой изъ торговой массы, и торговля будетъ истощаться въ капиталахъ, тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе явится почтенныхъ купцовъ, желающихъ перейти въ классъ помѣщичій".

„А какая прибыль государству умножать дворянскій классъ тѣми людьми, которые для того только и входятъ въ сословіе помѣщиковъ, чтобы съ дворянами раздѣлять печальное преимущество порабощать себѣ народъ".

„Прибавьте къ тому, что непоколебимость государственныхъ положеній надобно считать основаніемъ благоустройства и народной довѣренности къ правительству. Давно ли царствующій императоръ (18 окт. 1804 года) обнародовалъ свою волю, что званію купечества принадлежитъ одно право покупать земли безъ крестьянъ? Я тогда домогался другого у Правительствующаго Сената. Но когда уже рѣшительный жребій палъ отъ престола, послѣ того я, который пять лѣтъ неумолчно повторяю о соблюденіи правилъ, въ долгѣ своемъ считаю теперь ходатайствовать о неприкосновенности того узаконенія".

Нельзя не замѣтить, что, отличаясь здравыми и просвѣщенными идеями, мнѣніе сильно и гласно, вопреки тогдашнему направленію, вооружается противъ крѣпостного владѣнія, которое тогда почиталось священнымъ правомъ дворянства и которое въ мнѣніи безъ обиняковъ именуется печальнымъ преимуществомъ порабощать себѣ народъ.

Сказавши о несообразности присвоенія купцамъ помѣщичьяго права, графъ Румянцовъ предлагаетъ другія преимущества для нихъ, дабы облагородить ихъ званіе, до того времени находившееся въ нѣкоторомъ униженіи. Далѣе разсматривается вопросъ: какимъ образомъ увеличить число вписывающихся въ купечество и умножить торговые капиталы и съ этою цѣлью министръ обращается къ иностраннымъ гостямъ и дворянамъ. Въ отношеніи первыхъ онъ предлагалъ такія правила, которыя устраняли всякую возможность иностранному купечеству дѣйствовать во вредъ русскаго и пресѣкали болѣе или менѣе временное подданство иностранныхъ купцовъ.

„Въ настоящемъ образѣ управленія—говоритъ министръ—обыкновенно встрѣчается, что торговые дома, состоя по большей части изъ участниковъ иностранныхъ и одного записаннаго въ гильдію, поль-

зуются подъ его именемъ внутри Россіи всѣми правами россійскихъ подданныхъ, а въ случаяхъ, гдѣ выгоднѣе имя иностранное, тутъ ссылаются на трактаты и ищутъ защиты у иностранныхъ министровъ и консуловъ". Сдѣлавъ сіе замѣчаніе,—министръ предложилъ—въ отвращеніе этого, разныя положительныя мѣры".

Далѣе, говоря о необходимости допустить дворянъ къ торговлѣ, министръ произноситъ слѣдующія замѣчательныя слова: „о допущеніи дворянъ въ торговлю я давно ходатайствовалъ; только не считаю нужнымъ учреждать особый классъ почетныхъ гостей: ибо тамъ, гдѣ дѣло идетъ о распространеніи промышленности, предпочтенія должны принадлежать однимъ капиталамъ и торговымъ способностямъ, а не лицамъ. Съ одной стороны, давъ мѣсто тщеславію дворянина на торговомъ поприщѣ, не покажется ли, что онъ и тутъ оспариваетъ себѣ преимущество, а съ другой, вводя его въ общій рядъ гильдій, можно преклонить его къ выгодному мнѣнію о купечествѣ. Великій узелъ общества тѣмъ и крѣпится, чтобы государственныя состоянія, различаясь назначеніемъ и долгомъ, связывались единомысліемъ и прихотливыхъ преградъ между собою не полагали".

Вотъ въ чемъ заключается то истинное сліяніе сословій: не въ уравненіи правъ, не согласномъ съ начала монархіи, но именно въ единомысліи и устраненіи всякихъ ненужныхъ, или, какъ выразительно сказано въ мнѣніи, прихотливыхъ различій.

2) О цеховыхъ. Въ отношеніи цеховыхъ, мнѣніе также проникнуто духомъ патріотизма. Министръ не желаетъ стѣснять иностранцевъ, даже облегчаетъ имъ входъ въ Россію, но въ то же время устраняетъ со стороны ихъ всякое стѣсненіе русскихъ ремесленниковъ.

„Слышно—говоритъ онъ, что иностранные цехи, безъ явнаго законнаго права, отдѣляясь отъ россійскихъ, составляютъ здѣсь особую управу и вывели себя изъ общей связи и должнаго отчета городовой думѣ, или магистрату. При дальнѣйшемъ сего разсмотрѣніи надобно поставить ихъ въ одинакую съ россійскими цехами зависимость.

Затѣмъ министръ переходитъ къ чрезвычайно важному замѣчанію на счетъ торговли помѣщичьихъ крестьянъ. Здѣсь, съ благородною смѣлостію, высказывается несообразность рабскаго состоянія съ пользами государства и уже проявляется великая мысль освобожденія. Доказавъ вредныя послѣдствія торговли помѣщичьихъ крестьянъ, торгующихъ подъ чужимъ именемъ, министръ предлагалъ на благоусмотрѣніе комитета: „какимъ бы поощреніемъ, съ согласія помѣщиковъ, вызвать сихъ людей въ состояніе свободы, ни мало не оскорбляя права помѣщиковъ".

3) Объ акцизныхъ и накладныхъ деньгахъ. Графъ

Гурьевъ представлялъ, чтобы сверхъ пограничныхъ пошлинъ учредить внутренніе сборы съ товаровъ, привозимыхъ въ городъ на продажу, не исключая и жизненныхъ припасовъ.

Опровергая это предположеніе, графъ Румянцовъ говоритъ:

„Во всякомъ случаѣ я полагаю за неприличное казнѣ явно корыствоваться съ продажи жизненныхъ припасовъ, служащихъ къ продовольствію числительнѣйшей части народа, почти въ глазахъ его обнаруживая, что и здоровье и малое наслажденіе сему классу, по закону естества не сполна счастливому, даются отъ правительства не даромъ. Какія же тогда впечатлѣнія родятся въ народѣ!"

Припоминая, что слова министра были сказаны болѣе полустолѣтія назадъ, нельзя безъ восхищенія читать, что и тогда уже мудрое правительство наше не считало народъ безгласною толпою рабовъ, но разумною личностью, которой впечатлѣніями оно дорожило, и которой благо признавалось выше выгодъ казны. Сколько просвѣщенія, сколько ума, сколько человѣчности или, говоря нынѣшнимъ языкомъ, гуманности заключается въ приведенныхъ выше словахъ мнѣнія? И какъ они характеризуютъ просвѣщенное царствованіе Александра I, когда гуманныя идеи принимались въ основаніе правленія!

Далѣе министръ говоритъ, что хотя акцизъ съ товаровъ сбирается въ Англіи, но что положеніе Англіи совсѣмъ иное и то, что можетъ быть тамъ допущено, не можетъ быть приложено здѣсь; что впрочемъ и въ самой Англіи онъ несообразенъ ни съ общимъ духомъ англійской конституціи, ни съ гражданскою свободою.

„Извлекая изъ всего—продолжаетъ министръ—что акцизный и накладный сборъ не можетъ не быть не отяготителенъ, и что при всемъ отягощеніи не такъ великъ, чтобы для нѣсколькихъ милліоновъ разстаться съ расположеніемъ народнымъ и замѣнить оное ропотомъ, я заключаю, что будетъ менѣе, нежели выведенъ (въ представленіи графа Гурьева)".

Затѣмъ министръ полагаетъ, что, вмѣсто внутренняго сбора, нужно увеличить сборъ пограничный, т. е. пошлины съ привозимыхъ товаровъ, но какимъ образомъ?

„Четыремъ членамъ—говоритъ онъ—извѣстны правила необходимыя, какія представлялъ я къ облегченію пошлинъ, доказавъ, что одною умѣренностью оныхъ можно обезоружить корысть пользующихся отъ тайнаго водворенія товаровъ. Послѣ того я не знаю, въ какомъ видѣ имъ и мнѣ отступить отъ недавнихъ заключеній, Высочайшими указами въ прошломъ году приведенныхъ въ законное дѣйствіе? Какое заключеніе осталось бы народу, когда бы онъ увидѣлъ, что тѣ же министры, которые ходатайствовали у престола о

сбавкѣ пошлинъ, снова утруждали монарха о удвоеніи и утроеніи оныхъ на тѣ же товары?"

Въ этихъ словахъ всего поразительнѣе та благородная откровенность, съ какою министръ выражается, что онъ дорожитъ судомъ народа. Какое заключеніе сдѣлалъ бы народъ? говоритъ онъ. Какой не достойно славы правительство, такъ мыслящее?..

4) О способѣ возвращенія отъ ассигнацій къ вещественной монетѣ. „Я согласенъ—говоритъ министръ—что выпуску ассигнацій есть мѣры... Но какъ опредѣлить эту мѣру?... Желаемая мѣра бываетъ передвижная и зависящая отъ постороннихъ обстоятельствъ: отъ хода торговли, отъ военныхъ дѣлъ, можетъ быть, отъ довѣренности къ правительственнымъ лицамъ. А посему только темная ощупь можетъ высматривать и угадывать, какая масса ассигнацій, при извѣстныхъ оборотахъ государственнаго движенія, соразмѣрна замѣнить монету вещественную".

Далѣе министръ говоритъ, что ассигнаціи замѣняютъ не только деньги, но векселя; но что, можетъ быть, не далеко то время, когда торговые дома внутри государства будутъ, въ оборотахъ своихъ, дѣйствовать векселями или, какъ сказано въ мнѣніи, слогомъ Словцова, всегда нѣсколько фигуральнымъ, станутъ понимать себя на языкѣ векселей. И потому въ предупрежденіе замѣшательства, могущаго потрясти финансовую систему, министръ предлагаетъ, чтобы ежегодно уничтожать по нѣсколько милліоновъ ассигнацій, пуская въ размѣнъ такую же сумму звонкой монеты. „Продолжая сей размѣнъ—говоритъ министръ—въ 20 или 30 лѣтъ, постепенное уменьшеніе бумаги, не обременяя государственнаго казначейства, удержитъ самую бумагу въ лучшемъ достоинствѣ, пока, наконецъ, само собою окажется, на какую точно сумму можно безъ опасности оставить ассигнацій въ обращеніи или совсѣмъ вывести ихъ изъ хожденія, замѣнивъ бумагами государственнаго купеческаго банка".

Мѣры эти, свѣтлымъ умомъ предначертанныя, не остались втунѣ: впослѣдствіи и ежегодный размѣнъ ассигнацій на звонкую, или, какъ сказано въ мнѣніи, на вещественную монету производился въ значительныхъ размѣрахъ, ассигнаціи уничтожались въ большихъ массахъ и бумаги купеческаго или коммерческаго банка замѣняли прежнюю бумагу; но было уже поздно: ассигнаціи тогда превосходили уже всякую соразмѣрность съ монетою.

Вообще, излагая здѣсь это мнѣніе, составленное Словцовымъ и въ свое время считавшееся образцовымъ, я хотѣлъ показать и обширность ума этого, можно сказать, геніальнаго человѣка, и просвѣщенный образъ его воззрѣнія, и глубокое познаніе государственной экономіи, которое сдѣлало бы честь и нынѣ любому политико-эконо-

мисту. Сколько подобныхъ бумагъ, сколько пользы государству могъ бы принести еще этотъ необыкновенный человѣкъ, если бы судьба не бросила его внезапно за предѣлы мыслящаго міра!

Сверхъ идей просвѣщенныхъ и человѣчныхъ нельзя не обратить вниманія и на самый слогъ мнѣнія. Языкъ въ немъ былъ чистый, свободный, сильный, складъ періодовъ новый, уже не обремененный латинскими Ломоносовскими формами. Но не должно полагать, что это было слѣдствіе Карамзинскаго вліянія; нѣтъ, ни Сперанскій, ни Словцовъ не имѣли нужды въ руководителяхъ; они сами создали свой слогъ: могучій и плавный. И какъ, составляя государственныя бумаги, могли они заимствовать слогъ у автора сантиментальныхъ писемъ русскаго путешественника или бѣдной Лизы и Маронъ Посадницы? Исторіи государства Россійскаго тогда не было еще и въ поминѣ...

Но отдавая справедливость Словцову, какъ творцу мнѣнія, нельзя не отдать достойной похвалы и графу Румянцову, который раздѣлялъ мысли, изложенныя въ мнѣніи, и отъ воли котораго вполнѣ зависѣло—принять ихъ или не принять; тѣмъ болѣе невозможно безъ глубокаго благоговѣнія вспомнить о государѣ, при которомъ министры съ такою откровенностью могли высказывать свой благородный и просвѣщенный образъ мыслей!

Предположенія графа Румянцова относительно преимуществъ купеческаго званія впослѣдствіи были облечены Высочайшимъ манифестомъ 1807 года января 1-го. Составленіе этого знаменитаго манифеста, возвысившаго полезное купеческое сословіе и давшаго новую жизнь русской торговлѣ и промышленности, упрочило славу Словцова среди тогдашняго служебнаго міра. Графъ Румянцовъ испросилъ ему орденъ Владиміра 4-й степени: награда въ тогдашнее время весьма значительная.

Блестящее поприще открывалось для Словцова въ будущемъ. Графъ Румянцовъ, человѣкъ могущественный, былъ отъ него въ восхищеніи, Сперанскій, въ это время уже входившій въ довѣренность государя, былъ его другъ и товарищъ, талантъ и знаніе его доставляли ему огромную извѣстность. О многомъ могъ онъ мечтать, на многое надѣяться... и вдругъ грозный ударъ опять раздался надъ его головою и онъ снова въ изгнаніи!.. Здѣсь невольно вспомнишь стихъ Гейне:

„Отчего подъ ношей крестной,
Весь въ крови, влачится правый?"

При графѣ Румянцовѣ былъ секретаремъ и весьма близкимъ довѣреннымъ лицомъ его нѣкто Панинъ. Естественно, что Словцовъ,

по совмѣстному служенію съ Панинымъ, не чуждался его знакомства. Но Панинъ, съ извѣстною ему одному цѣлію, усильно старался ввести также въ знакомство Словцова нѣкоего Стратиновича, выдавая его за Екатеринославскаго помѣщика, чуждаго всякихъ служебныхъ дѣлъ, и еще другого, своего пріятеля Борисковскаго. Словцовъ, проводя жизнь въ должностныхъ дѣлахъ и наукахъ, и совершенно бывъ чуждъ всѣхъ, такъ сказать, закулисныхъ сплётенъ и отношеній своихъ сослуживцевъ, хотя не совсѣмъ, но попалъ въ разставленныя имъ сѣти. Онъ отвергъ знакомство съ Борисковскимъ, но согласился на знакомство съ Стратиновичемъ. Прикрываясь маскою Екатеринославскаго помѣщика, чуждаго, какъ сказалъ я выше, служебныхъ дѣлъ, но въ сущности составляя, какъ видно, одну шайку съ Борисковскимъ и Панинымъ, Стратиновичъ, вѣроятно, съ цѣлію пріобрѣсть надъ Словцовымъ вліяніе, дѣлалъ ему разныя одолженія, получая, впрочемъ, и самъ отъ Словцова печатныя его сочиненія, которыхъ цѣнность даже превосходила мѣру одолженія Стратиновича. Впрочемъ, и безъ взаимныхъ вознагражденій, отчего между частными людьми не можетъ быть допущено никакихъ пріятельскихъ отношеній, если отношенія эти не касаются дѣлъ службы или какихъ-либо законопротивныхъ цѣлей? Воспрещать подобныя отношенія не значитъ ли разрывать насильственно узелъ общества? Но пойдемъ далѣе.

Словцовъ, получая весьма небольшое жалованіе и бывъ чуждъ всякой незаконной корысти, даже гордясь своимъ безкорыстіемъ, въ которомъ онъ находилъ свою славу,—переносилъ большіе недостатки и крайне нуждался. Панинъ воспользовался его бѣдностію и предложилъ ему отъ себя, какъ пріятеля и сослуживца, въ займы незначительную впрочемъ сумму (по-нынѣшнему до 700 р. серебр.). Словцовъ не видѣлъ причины не воспользоваться этимъ пріятельскимъ предложеніемъ своего сослуживца, не обнаружившаго дотолѣ никакихъ безчестныхъ видовъ и пріобрѣвшаго большую довѣренность общаго ихъ начальника, слѣдовательно, такого человѣка, въ нравственномъ достоинствѣ котораго не было причины сомнѣваться.

Но едва Панинъ успѣлъ сдѣлать это одолженіе Словцову, какъ снялъ съ себя маску и именемъ графа Румянцова, можетъ быть, безъ дозволенія его употребленнымъ, онъ обратился къ Словцову съ ходатайствомъ по просьбѣ, поданной пріятелемъ его, Борисковскимъ, который домогался, чтобы конфискація по Рижской таможнѣ на 30 т. руб. была отдана ему одному цѣликомъ.

Словцовъ нашелъ просьбу Борисковскаго неправильною и не смотря ни на коварныя одолженія Панина, ни на сильное имя министра, тутъ имъ впутанное, раздѣлилъ конфискацію между всѣми чинами, которые участвовали въ открытіи контрабанды — какъ слѣдовало по

точнымъ словамъ закона. Гдѣ же преступленіе?—говоритъ Словцовъ въ оправдательной запискѣ, поданной имъ сенаторамъ, ревизовавшимъ Сибирь: о чемъ будетъ сказано впослѣдствіи.

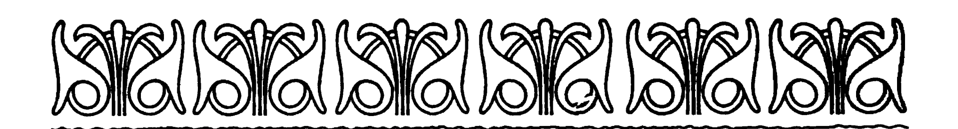
Но въ 1808 году на секретномъ судѣ—принятіе одолженій отъ Стратиновича и заемъ у Панина были сочтены преступленіемъ. Словцовъ былъ лишенъ мѣста по министерству коммерціи и удаленъ на всегда въ Сибирь на службу къ сибирскому генералъ-губернатору.

Ровно двадцать лѣтъ страдалъ онъ въ изгнаніи, неся на себѣ тягость безчестія: никто не зналъ вины; всѣ видѣли виновнаго. Наконецъ уже въ 1828 году онъ былъ освобожденъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Но, между тѣмъ, жизнь уже сгорѣла; годы силы, энергіи и труда пробѣжали невозвратно: при удаленіи въ Сибирь Словцовъ имѣлъ отъ роду 42 года, а когда получилъ разрѣшеніе, ему было уже 62 года—большая разница!

Исторію освобожденія его я разскажу подробнѣе въ слѣдующихъ главахъ, изъ которыхъ можно будетъ видѣть, сколько душевныхъ страданій перенесъ этотъ благородный человѣкъ, какъ долго испытывала судьба его терпѣніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Казнь царевича Алексѣя Петровича.

(Письмо Александра Румянцова къ Титову Дмитрію Ивановичу).

Высокопочтеннѣйшій другъ и благотворитель
Дмитрій Ивановичъ.

Се паки не обинуясь, велѣніе ваше исполняю и пишу сіе, его же не повѣдалъ бы, ни во что вмѣняя всяческія блага и отцу моему мнѣ жизнь даровавшему, понеже бо чту васъ, яко величайшаго моего благотворца и вмѣняю себѣ добро, вашими милостями на меня изліянное, паче того блага, иже жизнію безъ вѣсти порицается. Отъ всего свѣта незнаемый гражданинъ вашими веліими, зельными трудами и старательствами, я грамотѣ обученъ, и на службу отданъ, и ко двору его царскаго величества приписанъ, и нынѣ у всемилостивѣйшаго государя довѣреннымъ человѣкомъ сталъ, и капитаномъ отъ гвардіи рангомъ почтенъ и еще на большее имѣть надежду дерзаю. Довлѣетъ быть камнемъ либо коею иною бездушною вещью тому, кто толикихъ несказанныхъ милостей въ памяти своей отщетился бы и отъ благодарствія во вся дни живота своего отрекся бы. А какъ я человѣкъ живый, имѣющъ сердце и душу, то всего того по вѣкъ не забуду, и благодарствовать вамъ, аще силы дозволятъ, потщуся. Отъ искренности сердца возглаголю, что какъ прочиталъ я посланіе ваше, да узналъ какихъ вѣстей требуете отъ меня, то страхъ и трепетъ объялъ мя, и на душу мою налегли тяжкія помышленія; какъ повѣдую вамъ страшная сія и буду измѣнникъ и предатель всепресвѣтлаго державца моего, но мало затѣмъ подумавъ и приведши въ памятованіе все вышереченное гдѣ о благотвореніяхъ вашихъ, зѣло усумнился кая измѣна жесточаѣ будетъ: аще тайны открою царевы, либо аще скрою оныя отъ васъ, коего неизреченно уважаю и тако вижу довѣріе благотворца моего, и то грѣхъ великій, и сей грѣхъ тяжкій. Обаче помыслы мои лукавы суть и исполненъ всякія лжи

судъ мой; того ради, отложа всякое умствованіе, реку: да судитъ мя милосердный Богъ и помилуетъ предъ праведнымъ судомъ своимъ. И такъ уповая на Его благость неизреченную, потщуся повѣдать вашему любознанію вся бывшая по раду, я же слушая въ малѣ времени предъ очами моими, и молю васъ, дружбы ради, сохраните вся сія глубоко въ сердцѣ своемъ, никому же повѣдая о томъ изъ живущихъ на землѣ.

Въ оные дни, сердцу пресвѣтлаго монарха зѣло тяжкія, егда своевольный царевичъ, по привозѣ изъ Москвы въ заключеніи быше, мы всѣ съ превеликою тоскою зрѣли, какъ печаль его царскаго величества и его царское здравіе корочало; не вѣдя же бо государьскую мѣру съ тѣмъ непокорнымъ содѣяти: даровать ли ему волю, постричь ли въ монашество, или въ вѣчномъ заточеніи оставити. Въ первыхъ бо оказіяхъ вящихъ бѣдъ отъ него ожидалося, а послѣднее зѣло тяжкою для родительскаго сердца быть мнилося. Еще нѣкіе отъ близкихъ царю опаство имѣли, дабы царь старинѣ не препятствовалъ и, улучивъ заточеніе царевича за благую причину войны на насъ поднялъ; обаче вся сія въ единомъ шептаніи говорилося изъ боязни, да его величеству таковые толки не во гнѣвъ будутъ. И такое сіе таилося никому же неизвѣстно, что изъ того выйдетъ, до времени, въ кое у нѣкихъ особъ къ царевичу близкихъ, найдены сверхъ всякаго чаянія разныя зашитыя въ платья письма, новый умыселъ на царя предвѣщающія. Монархъ, самъ въ крайній гнѣвъ приведенный, узрѣлъ себя въ нуждѣ паки оное дѣло возобновить, и того для, велѣлъ царевича изъ дому въ крѣпость подъ крѣпчайшій караулъ пересадить, и лишнихъ людей, кромѣ постельничнаго, да мастеровъ, гардеробнаго и кухоннаго, всѣхъ отобрать, малаго же царевича Петра Алексѣевича и царевну Наталію со всѣми челядинцами ихъ въ царевичевомъ домѣ оставить, и знатнѣйшимъ духовнаго, военнаго и статскаго чина персонамъ въ Петербургъ съѣхаться и повиннаго царевича судить. Затѣмъ царевичевъ обозъ изъ Москвы поспѣлъ и съ нимъ привезена невольница его, царевича, чухонская дѣвка Евфросинія, кая при слѣдствіи не только изъ устъ своихъ показала, но и многія бумаги выдала, писанныя царевичемъ, какъ бы въ бѣгствѣ изъ отечества, а въ тѣхъ бумагахъ были письма къ измѣнникамъ россійскимъ: архіереямъ Крутицкому и Ростовскому, да къ сенаторамъ нѣкіимъ, въ коихъ посланіяхъ извѣствуя о своемъ здоровьи, царевичъ проситъ пособія словомъ и дѣломъ, на случай ежели бы съ войскомъ въ Россію пришелъ и о престолѣ отеческомъ помыслилъ. Всѣ тѣ измѣнники нимало не замедля были привезены и подъ судъ отданы, а дѣвкѣ Евфросиніи за правое сказаніе, по царскому милосердію, животъ дарованъ и въ монастырь на вѣчное покаяніе

отослана. А была та дѣвка росту великаго, собою дюжая, толстогубая, волосомъ рыжая, и всѣ дивилися, какъ пришлось царевичу такую скаредную чухонку любить и такъ постоянно съ нею въ общеніи пребывать. А какъ всѣ знатныя, свѣтскія и духовныя особы, по указу царскому, не замедлили съѣхаться, то его величество предписалъ имъ особыя грамоты, въ коихъ повелѣлъ, дабы виновнаго судили пе яко царскаго сына, а яко подданнаго; и его бы, буде нужно, на испытаніе предъ судъ требовали и приводили. А чтобы о другихъ далѣе рѣчи не было, то разомъ скажу, что многіе по сему дѣлу, и изъ нихъ Авраамъ Лопухинъ и протопопъ Яковъ Игнатьевъ, бывшій царевича духовникъ, были водимы въ застѣнокъ, весь умыселъ высказали, и достойно смертію казнены, ибо послѣдній, какъ ему царевичъ исповѣдался, сказалъ: „винюсь, отче, желаю смерти моему родителю", то онъ на сіе: „желаемъ!" Затѣмъ же царевича св. таинъ причастилъ и съ той поры его любимымъ совѣтникомъ сталъ. Знатные люди, духовнаго и свѣтскаго чина собирались по вся дни во дворецъ, имѣли зѣло правдивое сужденіе о поступкахъ его, царевича, и разслѣдивъ до конца, написали весьма разумныя разсужденія, въ коихъ приводили слова изъ церковныхъ и свѣтскихъ уставовъ и книгъ, яко то: „человѣкъ еже аще злорѣчитъ отцу своему и матери своей, смертью да умретъ" (Левит. Гл. 20). „Иже злословитъ отца или матерь смертью да умретъ" (Матв. Гл. 15). „Злословляя отца или матерь угашаетъ свѣтильникъ свой" (Прит. Сол. Гл. 20). „Князю людей твоихъ перешчи зла" (Исходъ Гл. 20). „Будетъ кто какимъ умышленіямъ учить, мыслить на государское здоровье злое дѣло, и при томъ его злоумышленіе сыщется до пряма, что онъ на царское величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ и такова по съиску казнить смертію" (Улож. Гл. 2).

Таковое разсужденіе представили для ради разсмотрѣнія его царскаго величества, отъ духовныхъ едино и отъ свѣтскихъ едино; а затѣмъ каждый изъ судящихъ призываемъ по одному къ министрамъ и гг. сенаторамъ, да скажетъ судъ свой, и всѣ сказали: „повинный де царевичъ заслужилъ смертную казнь". Тогда, собравшись всѣ во едино, сотворили приговоръ и своеручно подписали, въ коемъ сказано, что хотя бы однакожъ по волѣ его сіе мнѣніе и сужденіе объявляется съ такою чистою и христіанскою совѣстью, какъ предъ страшнымъ праведнымъ и нелицемѣрнымъ судомъ всемогущаго Бога, подвергая впрочемъ оный приговоръ и сужденіе въ самодержавную власть, волю и разсмотрѣніе его царскаго величества, всемилостивѣйшаго государя. А какъ царевичъ въ тѣ поры недомогалъ, то его къ суду для объявки приговора не выслали, а поѣхали къ нему въ крѣпость. Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, да канцлеръ, графъ Гавріилъ Головкинъ,

да тайный совѣтникъ Петръ Толстой, да я, и ему то осужденіе прочитали. Едва же царевичъ о смертной казни услышалъ, то зѣло поблѣднѣлъ и пошатался, такъ что мы съ Толстымъ едва успѣли подъ руки схватить и тѣмъ отъ паденія долу избавить. Уложивъ царевича на кровать и наказавъ охраненіе его слугамъ, да лекарю, мы отъѣхали къ его царскому величеству съ рапортомъ, что царевичъ приговоръ свой выслушалъ, и тутъ же Толстой, я, генералъ - поручикъ Бутурлинъ и лейбъ-гвардіи маіоръ Ушаковъ тайное приказаніе получили, дабы съѣхаться къ его величеству во дворецъ въ 1-мъ часу по полуночи.

Недоумѣвая ради коея вины сіе секретное собраніе будетъ, я прибылъ къ назначенному времени во дворецъ и былъ введенъ отъ дворцоваго камергера во внутренніе упокои и даже увидѣлъ царя сидяща и вельми горююща, а вокругъ его стояли: царица Екатерина Алексѣевна, Троицкій архимандритъ Ѳеодосій отъ Александровскаго монастыря, его же царь зѣло уважая за духовника и добраго совѣтодателя имѣяти, да Толстой, да Ушаковъ, а не было только Бутурлина, но и тотъ пріѣздомъ не замедлилъ. А какъ о нашемъ прибытіи царю оповѣстили, ибо ему за многими слезами, едва-ли видно самому было, то его величество всталъ и, подойдя къ блаженному Ѳеодосію, просилъ у него благословеніе, на что сей рекъ: „царю благій, помысли мало, да не кается будеши". А царь сказалъ: „Злу, отче святый, мѣра грѣховъ его, и всякое милосердіе отъ сего часа въ тяжкій грѣхъ намъ будетъ, и предъ Богомъ, и предъ славнымъ царствомъ нашимъ. Благослови мя, владыко, на указъ зѣло тяжкій моему родительскому сердцу и моли всеблагаго Бога, да проститъ мое окаянство". Тогда Ѳеодосій, воздѣвъ руки, помолился и благословилъ царя, глаголя: „да будетъ воля твоя, пресвѣтлый государь, твори якоже пошлетъ-ти на разумъ сердцевидецъ Богъ". Тогда царь приблизился къ намъ, въ недоумѣніи о волѣ его стоящимъ, и сказалъ: „слуги мои вѣрные, во многихъ обстоятельствахъ испытанные! се часъ наступилъ, да великую мнѣ и государству моему услугу сдѣлать; оный зловредный Алексѣй, его же сыномъ и царевичемъ срамлюся нарицати, презрѣвъ клятву предъ Богомъ данную, скрылъ отъ насъ большую часть своихъ преступленій и общенниковъ, имѣлъ въ умѣ да сіи послѣдніи о другомъ разѣ ему въ скверномъ умыслѣ на престолъ нашъ пригодятся, мы праведно негодуя за таковое нарушеніе клятвы, надъ нимъ судъ нарядили и тамо открыли многія и премногія злодѣянія, о коихъ намъ и въ помышленіе придти не могло. Судъ тотъ, якоже и вы всѣ вѣдаете праведно творя и на многіе законы гражданскіе и отъ св. писанія указуя, его царевича достойно къ понесенію смертныя казни осудилъ. Всѣмъ свѣдомо тер-

пѣніе наше о немъ, послабленіе до нынѣшняго часа, ибо давно уже за свои измѣны казни учинился достоинъ. Яко человѣкъ и отецъ и днесь я болѣзную о немъ сердцемъ, но яко справедливый государь на преступленія клятвы, на новыя измѣны уже нетерпимо и намъ, бо за всякія несчастія отъ моего сердолюбія отвѣтъ строгій дати Богу, на царство мя помазавшему и на престолъ россkія державы всадившему. Того ради, слуги мои вѣрные, спѣшно идите къ одру преступнаго Алексѣя и казните его смертію, якоже подобаетъ казнити измѣнниковъ государю и отечеству. Не хощу поругать царскую кровь всенародною казнію; но да совершится сей предѣлъ тихо и неслышно, якобы его умрети отъ естества предназначеннаго смертію. Идите и исполните, тако бы хощетъ законный вашъ государь и изволяетъ Богъ, въ его же державѣ мы вси есмы"!

Сіе глаголаше, царь новыя тучи исполнился, и аще бы не утѣшенія отъ царицы да не слова въ иноцѣхъ блаженнаго Ѳеодосія, толикѣ яко презельная горесть велій ущербъ его царскому здоровью приключила бы. Не вѣдано въ кое время и коимъ способомъ мы изъ царскаго упокоя къ крѣпостнымъ воротамъ достигли, ибо великость и новизна сего диковиннаго казуса весь умъ мой обуяла и долго бы я оттого въ память не пришелъ, когда бы Толстой напамятованіемъ объ исполненіи царскаго указа меня не возбудилъ. А какъ пришли мы въ великія сѣни, то стоящаго тутъ часоваго опознавши, ему Ушаковъ, яко отъ дежурства начальникъ дворцовыя стражи, отойти къ наружнымъ дверямъ приказалъ, яко бы стукъ оружія недугующему царевичу безпокойство творя, вредоносенъ быть можетъ. Затѣмъ Толстой пошелъ въ упокой, гдѣ спали по царевича постельничій, да гардеробный, да кухарный мастеръ, и тѣхъ онъ снова возбудивъ, велѣлъ немѣшкатно отъ крѣпостнаго караула трехъ солдатъ во дворъ послать и всѣхъ челядинцевъ съ тѣми солдатами яко бы къ допросу въ коллегію отправить, гдѣ тайно повелѣлъ подъ стражею задержать. И такъ во всемъ домѣ осталося лишь насъ четверо да единый царевичъ, и то спящій, ибо все сіе сдѣлалось съ великимъ опасательствомъ, да его безвременно не разбудятъ. Тогда мы елико возможно тихо перешли темные упокои и съ таковымъ же предостереженіемъ дверь опочивальни царевичевой отверзли, яко мало была освѣщена отъ лампады, предъ образомъ горящей, и нашли мы царевича спяща, разметавши одежды якобы отъ нѣкоего соннаго и страшнаго видѣнія, да еще по времена и стонуща. А-бы и вправду недуженъ вельми, такъ что и св. причастія того дня вечеромъ, по выслушаніи приговора, сподобился страхомъ, да не умретъ, не покаявшись во грѣсехъ; съ поры его здравіе далеко лучше стало и по словамъ лекарей къ совершенному выздоровленію надежду крѣпкую

подавалъ. И нехотяще никто изъ насъ его мирно покоя нарушати, промежъ собою судяще, не лучше ли да его во снѣ смерти предать, и тѣмъ отъ лютаго мученія избавити. Обаче совѣсть на душу налегла, да не умретъ безъ молитвы. Сіе помысливъ и укрѣпясь силами, Толстой его царевича тихо толкнулъ, сказавъ: „ваше царское высочество, возстаните!“ онъ же открывъ очеса и недоумѣвая, что сіе есть, сиде на ложницѣ и смотряще на насъ, ничего же отъ замѣшательства вопрошая. Тогда Толстой, приступивъ къ нему поближе, сказалъ: „государь царевичъ, по суду знатнѣйшихъ людей земли русской ты приговоренъ къ смертной казни за многія измѣны государю родителю твоему и отечеству. Се мы, по его царскаго величества указу, пришли къ тебѣ тотъ судъ исполнити, того ради молитвою и покаяніемъ приготовься къ твоему исходу, ибо время жизни твоей близь есть къ концу своему“. Едва царевичъ сіе услышалъ, какъ вопль великій поднялъ, призывая къ себѣ на помощь, но изъ того успѣха не возымѣвъ, началъ горько плакатися и глаголя: „горе мнѣ бѣдному, горе мнѣ, отъ царскія крове рожденному, не лучше ли мнѣ родитися отъ послѣднѣйшаго подданнаго“. Тогда Толстой, утѣшая царевича, сказалъ: „государь, яко отецъ, простилъ тебѣ всѣ прегрѣшенія и будетъ молиться о душѣ твоей, но яко монархъ, онъ измѣнъ твоихъ и клятвъ нарушенія простить не могъ, боясь не кое заключеніе отечество свое повергнетъ чрезъ то, того для отвергни вопли и слезы единыхъ бабъ свойство и пріими удѣлъ свой, якоже подобаетъ мужу царскихъ кровь и сотвори послѣднюю молитву объ отпущеніи грѣховъ своихъ“. Но царевичъ того не слушалъ, а плакалъ и хулилъ его царское величество, нарекалъ дѣтоубійцей. А какъ увидѣли, что царевичъ молиться не хочетъ, то взявъ его подъ руки, поставили на колѣни и одинъ изъ насъ, кто же именно, отъ страха не упомню, говоритъ за нимъ: „Господи! въ руцы твои предаю духъ мой“; онъ же не говори того, руками и ногами прямися и вырваться хотяще. Тогда той же мною яко Бутурлинъ рекъ: „Господи! упокой душу раба твоего Алексѣя въ селеніи праведныхъ, презирая прегрѣшенія его, яко человѣколюбецъ“. И съ симъ словомъ царевича на ложу спиною повалиши, и взявъ отъ возглавія два пуховика, главу его накрыли, пригнетая, дондеже движенія рукъ и ногъ утихли и сердце битеся перестало, что сдѣлалося скоро, ради его тогдашней немощи, и что онъ тогда говорилъ, того никто разбирать не могъ, ибо отъ страха близкія смерти ему разума потрясенія сталося.

А какъ то совершилося, мы паки уложили тѣло царевича якобы спящаго и помоляся Богу о душѣ, тихо вышли. Я съ Ушаковымъ близъ дома остались, да кто-либо изъ стороннихъ туда не войдетъ Бутурлинъ же, да Толстой къ царю съ донесеніемъ о кончинѣ царе-

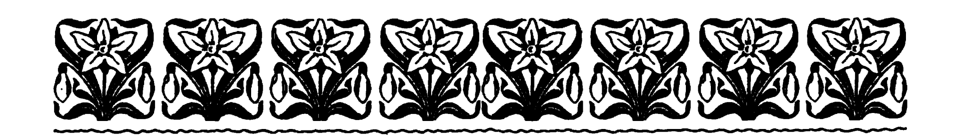
вичевой. поѣхали. Скоро пріѣхали отъ двора г-жа Крамеръ и показавъ намъ Толстого записку, въ крѣпость вошла, и мы съ нею тѣло царевича опрятали и къ погребенію изготовили, обрекли его въ свѣтлыя царскія одежды. А стала смерть царевича гласна около полудня того дня, сіе есть 26-го іюня, якобы отъ кровянаго пострѣла умеръ На третій же того день, тѣло его съ подобающею сыну цареву честію перенесено изъ крѣпости въ Троицкій соборъ, а 30-го числа въ склепъ поставлено въ Петропавловскомъ соборѣ близь тѣла его царевичевой супруги.

И все то дѣлалось уже, погребеніе и перенесеніе, при великомъ стеченіи народа и всякаго чина и званія людей по церемоніаламъ, отъ самого государя апробованнымъ, и было красно и чинно; а настоящей же смерти царевича никто не вѣдалъ. А на похоронахъ царь съ царицею былъ и горько плакалъ, мню, яко не о смертномъ случаѣ, а припамятуя, что изъ того сына своего желалъ добраго наслѣдника престолу сдѣлать, но ради скверныхъ его свойствъ, многія страданія перенесъ и вотще трудъ и желаніе свое погубилъ. Вся сія отъ искренности моея повѣдавъ, паки молю, да тайна отъ васъ пребудетъ, и да не явлюся измѣнникъ моего пресвѣтлаго довѣрителя; въ чемъ несумнѣнъ пребываю, ибо не знавъ васъ, того и подъ страхомъ смерти не написалъ бы вашему сыну, а моему вселюбезнѣйшему благопріятелю Ивану Дмитріевичу мое почтеніе отдайте, а я вамъ нижайшее творя поклоненіе, по гробъ мой пребуду вашимъ вѣрнѣйшимъ услужникомъ.

Іюня 27-го дня 1718 года, изъ С.-Петербурга. Ал. Румянцовъ.

Сообщилъ **А. А. Карасевъ.**

Воспоминанія о Горномъ корпусѣ.

(1853—1861 г.).

Сто тридцать два года прошло уже со дня основанія Горнаго института и чуть не сорокъ лѣтъ со времени преобразованія его изъ закрытаго въ открытое учебное заведеніе. Нынѣшняя внутренняя организація института не имѣетъ почти ничего общаго съ прежнею, и немного найдется лицъ, хорошо знакомыхъ съ прежними порядками и условіями кадетской жизни, заключавшими въ себѣ много хорошаго и еще до сихъ поръ живущими въ воспоминаніяхъ нѣкоторыхъ горныхъ инженеровъ, обязанныхъ своимъ воспитаніемъ старому корпусу. Эти порядки, эта особая, замкнутая на нѣсколько лѣтъ въ стѣнахъ заведенія, жизнь питомцевъ его была на столько своеобразна и отлична отъ нынѣшней, студенческой жизни, что вѣроятно не будетъ лишена нѣкотораго интереса для читателей, тѣмъ болѣе, что кромѣ небольшой статьи Ардальона Иванова: „Мои воспоминанія о Горномъ кадетскомъ корпусѣ, съ 1815 по 1822 годъ“, напечатанной, въ 1859 году, въ „Современникѣ“, не было помѣщено ни одной строки ни въ одномъ журналѣ объ этомъ старѣйшемъ изъ учебныхъ заведеній.

Мои же воспоминанія о Горномъ корпусѣ обнимаютъ періодъ времени съ 1853 по 1861 годъ, сохранившій почти всецѣло всѣ тѣ внутренніе порядки и правила, какіе установлены были еще съ 1847 года и продолжались вплоть до послѣдняго его преобразованія.

Прежде чѣмъ приступить къ воспоминаніямъ, я позволю себѣ познакомить читателей съ краткой исторіей этого высшаго горнаго учебнаго заведенія.

Великая государыня императрица Екатерина II, обращая особенное вниманіе на подземныя богатства нашего отечества и сознавая всю важность добычи и обработки рудъ, основанной на прочныхъ началахъ науки и требующей свѣдущихъ для того дѣятелей, соизво-

лила, 21-го октября 1773 года, основать въ Петербургѣ спеціальное учебное заведеніе, подъ названіемъ Горнаго училища.

На первыхъ порахъ, въ число учениковъ Горнаго училища предполагалось принимать студентовъ Московскаго университета, въ виду того, что они были уже надлежащимъ образомъ подготовлены къ слушанію наукъ, преподаваемыхъ въ вновь учрежденномъ заведеніи. Но такое правило пріема продолжалось не долго. Вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, въ студенты училища стали опредѣлять также дѣтей горныхъ чиновниковъ и вообще лицъ всякаго состоянія, почти совсѣмъ неподготовленныхъ къ слушанію высшихъ наукъ; поэтому, къ курсу спеціальныхъ наукъ вынуждены были присоединить и предметы гимназическаго курса. Слѣдствіемъ такого отступленія отъ первоначальныхъ правилъ было то, что черезъ десять лѣтъ пріемъ въ училище студентовъ Московскаго университета совершенно прекратился. Въ такомъ видѣ Горное училище просуществовало почти безъ всякихъ перемѣнъ до первыхъ лѣтъ царствованія императора Александра I-го.

Съ учрежденіемъ министерствъ, Горное училище было причислено къ министерству финансовъ и довольно быстро стало измѣняться къ лучшему. Во время управленія министерствомъ графа Васильева, былъ выработанъ планъ преобразованія этого учебнаго заведенія и составленъ особый уставъ, удостоившійся Высочайшаго утвержденія 19-го января 1804 года. Горное училище было переименовано въ Горный кадетскій корпусъ; программа его расширилась, а средства къ обученію спеціальнымъ предметамъ значительно улучшились.

Младшіе воспитанники вновь преобразованнаго заведенія назывались кадетами; а старшіе—унтеръ-офицерами. Послѣдніе, съ пріобрѣтеніемъ этого званія, считались уже въ государственной службѣ и приносили на вѣрность въ подданствѣ установленную закономъ присягу.

Большое вліяніе на успѣшную дѣятельность лицъ, прошедшихъ курсъ наукъ въ корпусѣ, имѣли нѣкоторыя статьи устава, а именно: 1) окончившихъ курсъ ученія оставляли въ корпусѣ еще на одинъ годъ, для большаго усовершенствованія въ тѣхъ отрасляхъ познаній, которымъ они себя посвятили; и 2) выпускаемые изъ корпуса воспитанники не опредѣлялись тотчасъ же на службу съ офицерскими чинами, а должны были предварительно, въ теченіе двухъ лѣтъ, въ званіи практикантовъ, осмотрѣть горные заводы и рудники и пріучиться къ служебнымъ порядкамъ. При этомъ практиканты обязывались представить начальству составленныя ими описанія горныхъ и заводскихъ устройствъ и только въ томъ случаѣ производились въ офицерскій чинъ, если описанія эти оказывались удовлетворитель-

ными. Кромѣ того, молодые горные чиновники, для большаго усовершенствованія въ своей спеціальности, командировались за границу и знакомились тамъ съ современнымъ состояніемъ горной и заводской промышленности. До 1811 года Горный корпусъ состоялъ въ вѣдѣніи Бергъ-коллегіи, а съ упраздненіемъ послѣдней, поступилъ въ вѣдѣніе Горнаго департамента, директоръ котораго считался главнымъ начальникомъ этого заведенія.

Въ 1834 году, одновременно съ учрежденіемъ корпуса горныхъ инженеровъ, для завѣдыванія распорядительною и искусственною частями горнаго, монетнаго и солянаго производствъ, Горный кадетскій корпусъ, за годъ передъ тѣмъ переименованный въ Горный институтъ, былъ вновь преобразованъ и получилъ новое устройство. Согласно устава, удостоившагося Высочайшаго утвержденія, Горный институтъ былъ непосредственно подчиненъ начальнику штаба корпуса горныхъ инженеровъ, а ближайшее завѣдываніе имъ было поручено особому директору. Общія правила воспитанія, обученія и управленія въ преобразованномъ заведеніи были заимствованы изъ Высочайше утвержденнаго для военно-учебныхъ заведеній устава.

Институтъ корпуса горныхъ инженеровъ предназначался для образованія свѣдущихъ инженеровъ и чиновниковъ для службы горной. Сообразно съ этою цѣлью, ученіе въ немъ дѣлилось на двѣ части: приготовительную и горную; на каждую изъ нихъ назначалось по четыре класса, а впослѣдствіи на первую былъ прибавленъ еще пятый классъ. Воспитанники четырехъ низшихъ классовъ назывались кадетами, двухъ слѣдующихъ—кондукторами, а въ высшихъ обучались уже офицеры.

Образованіе воспитанниковъ по этому плану продолжалось до 1844 года, когда въ Бозѣ почившій императоръ Николай I соизволилъ поручить главное завѣдываніе горнымъ институтомъ его высочеству, герцогу Максимиліану Евгеніевичу Лейхтенбергскому. По представленію послѣдняго, были вскорѣ же упразднены офицерскіе классы, а оканчивавшіе курсъ въ заведеніи, смотря по степени ихъ успѣховъ, стали выпускаться на службу горными инженеръ-поручиками, подпоручиками, прапорщиками и горными чиновниками 12-го и 14-го классовъ. Общій курсъ ученія продолжался сперва девять, а затѣмъ восемь лѣтъ, изъ которыхъ три года приходилось на спеціальные, горные предметы. Когда я поступилъ въ Горный институтъ, послѣдній состоялъ изъ пяти приготовительныхъ и трехъ спеціальныхъ классовъ. Въ первыхъ преподавались всѣ предметы, входящіе въ составъ гимназическаго курса, за исключеніемъ древнихъ языковъ, а въ послѣднихъ—исключительно высшія горныя науки.

По горному уставу 1847 года, въ Горномъ институтѣ полагалось

125 казеннокоштныхъ и 75 своекоштныхъ пансіонеровъ. Изъ первыхъ двѣ трети замѣщались сыновьями горныхъ инженеровъ, горныхъ чиновниковъ и лѣсничихъ, откомандированныхъ въ распоряженіе горнаго вѣдомства, для завѣдыванія заводскими, лѣсными дачами.

Въ 1867 году горный институтъ подвергся послѣднему, можно сказать, коренному преобразованію и былъ превращенъ изъ закрытаго въ открытое, высшее горное учебное заведеніе, а обучающіеся въ немъ юноши стали называться студентами. Въ настоящее время Горный институтъ состоитъ изъ пяти курсовъ и пополняется преимущественно учениками, окончившими гимназіи и семи-классныя реальныя училища. Выдержавшіе повѣрочныя изъ нѣкоторыхъ предметовъ испытанія, ученики эти принимаются на первый курсъ института по конкурренціи и въ количествѣ, соотвѣтствующемъ числу открывшихся ваканій.

I.

Съ десятилѣтняго возраста я былъ зачисленъ кандидатомъ на одну изъ казенно коштныхъ ваканцій Горнаго корпуса. Учился я, какъ и большинство моихъ сверстниковъ, отцы которыхъ, подобно моему, служили на казенныхъ заводахъ Урала, у одного изъ учителей окружнаго училища. Лица эти, не обладавшія достаточными знаніями, занимались обученіемъ своихъ учениковъ по самому примитивному и простому методу, задавая отъ сихъ и до сихъ и спрашивая уроки по книжкѣ учебника. Понятно, что съ подобнымъ наставникомъ успѣхи мои въ области пріобрѣтенія научныхъ знаній не могли уйти особенно далеко. Въ одиннадцати-лѣтнемъ возрастѣ я, съ грѣхомъ пополамъ, зналъ кое-что изъ краткой священной исторіи ветхаго завѣта, четыре правила ариѳметики и имѣлъ самое смутное понятіе о географіи. Но зато по части чистописанія и даже скорописи я не уступалъ, пожалуй, и любому писцу заводской конторы. Что же касается иностранныхъ языковъ, французскаго и нѣмецкаго, то, благодаря счастливой случайности, мнѣ удалось познакомиться съ ними весьма достаточно, особенно съ первымъ, на которомъ я могъ даже довольно сносно болтать. Языки эти преподавала единственная въ заводѣ гувернантка-француженка, жившая у горнаго начальника, который былъ на столько обязателенъ, что разрѣшилъ ей, одновременно съ его дѣтьми, обучать и другихъ постороннихъ, а въ томъ числѣ и меня.

Сообразуясь съ спискомъ кандидатовъ, отецъ мой разсчиталъ, что

лѣтомъ 1853 года должна наступить моя очередь поступленія въ горный корпусъ. А потому, сознавая, что почерпнутыя мною отъ мѣстнаго наставника познанія далеко не достаточны, онъ уговорилъ одного молодаго горнаго инженера, Николая Александровича Грамматчикова, принять на себя трудъ подготовить меня къ предстоящимъ пріемнымъ испытаніямъ.

Еще недавно, всего года два тому назадъ, окончившій курсъ, Грамматчиковъ охотно и умѣло занялся со мною, обращая особенное вниманіе на ариѳметику и географію, какъ на предметы, изъ которыхъ я зналъ всего менѣе. По окончаніи полутора-часоваго урока, я нерѣдко проводилъ еще часокъ—другой у новаго учителя, жадно внимая его разсказамъ о кадетской жизни, о разныхъ корпусныхъ порядкахъ, разводахъ, парадахъ и т. п. Онъ такъ съумѣлъ заинтересовать меня всѣмъ этимъ, что мнѣ страстно захотѣлось какъ можно скорѣе уѣхать въ Петербургъ и сдѣлаться горнымъ кадетомъ.

Такимъ образомъ, среди уроковъ и интересныхъ разсказовъ, время летѣло быстро, и я почти не замѣтилъ, какъ промелькнула зима и, вслѣдъ за весной, наступило лѣто.

Въ одинъ прекрасный день отецъ получилъ оффиціальное предложеніе приготовить меня къ отправкѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, съ дѣтскимъ караваномъ, въ Петербургъ, для опредѣленія тамъ въ Горный корпусъ.

Нужно замѣтить, что отправка съ уральскихъ заводовъ казеннокоштныхъ кандидатовъ въ столичныя учебныя заведенія производилась за счетъ казны, для чего, подъ управленіемъ особо назначавшагося горнымъ начальствомъ лица, формировались, такъ называемые, дѣтскіе караваны. Формировались они обыкновенно въ Екатеринбургѣ, куда къ 1-му іюля доставлялись родителями всѣ очередные кандидаты и сдавались тамъ, съ рукъ на руки, вмѣстѣ съ необходимыми документами, управляющему караваномъ. Послѣднему выдавались прогонныя деньги, лично ему, по его чину, и на одну лошадь для каждаго кандидата. Кромѣ того, на продовольствіе дѣтей, во время дороги, полагались еще особыя, суточныя деньги.

Въ помощь управляющему, а главное для оказанія медицинской помощи, въ случаѣ заболѣваній дѣтей дорогою, прикомандировывался еще или лекарскій помощникъ, или опытный старшій фельдшеръ изъ заводскаго госпиталя.

Въ распоряженіе управляющаго караваномъ предоставлялось необходимое число довольно удобныхъ казенныхъ тарантасовъ, которые, по минованіи въ нихъ надобности, продавались въ Москвѣ, какъ крайнемъ пунктѣ слѣдованія каравана сухимъ путемъ, на лошадяхъ.

По прибытіи каравана въ Петербургъ, управляющій обязанъ былъ подать, куда слѣдуетъ, установленныя о пріемѣ дѣтей въ учебныя заведенія прошенія, справиться о времени пріемныхъ испытаній, сопровождать кандидатовъ на эти послѣднія и, наконецъ, сдать ихъ, съ рукъ на руки, начальству тѣхъ заведеній, въ которыя они окажутся принятыми.

Въ 1853 году управляющимъ дѣтскимъ караваномъ былъ назначенъ бывшій сослуживецъ и пріятель моего отца, горный начальникъ Гороблагодатскихъ заводовъ, полковникъ Александръ Ильичъ Арсеньевъ.

Воткинскій заводъ, гдѣ служилъ въ это время мой отецъ, находился за четыреста слишкомъ верстъ отъ Екатеринбурга и только въ девятидесяти верстахъ отъ села Сосновскаго, расположеннаго на Казанскомъ трактѣ, какъ разъ на пути слѣдованія каравана. Поэтому, для избѣжанія излишней и напрасной поѣздки въ Екатеринбургъ, Арсеньевъ письменно предложилъ отцу доставить меня въ помянутое село къ 20-му іюля, къ каковому сроку, по его разсчету, онъ долженъ уже прибыть туда съ своимъ караваномъ.

Узнавъ объ этомъ, я не только не горевалъ о предстоящей разлукѣ съ родными, но былъ, напротивъ, очень радъ и съ большимъ нетерпѣніемъ сталъ ожидать дня отъѣзда.

Вотъ, наконецъ, насталъ и этотъ желанный день. Это было 18-го іюля. Послѣ напутственнаго молебна и неизбѣжныхъ, при разставаніи, поцѣлуевъ, слезъ и объятій, мы съ отцомъ и матерью, выѣхали изъ завода и бойко покатили по дорогѣ къ селу Сосновскому.

Пріѣхавъ туда въ тотъ же день, поздно вечеромъ, и остановясь на почтовой станціи, мы еще около двухъ сутокъ должны были ожидать прибытія каравана. Но время это прошло незамѣтно. Погода стояла прекрасная, а окрестности села изобиловали живописными мѣстечками, которыя я съ удовольствіемъ обѣгалъ и осмотрѣлъ; кромѣ того не одинъ часъ просидѣлъ я на берегу протекавшей по близости рѣчки и съ наслажденіемъ отдавался своему любимому спорту—уженію рыбы. Въ станціонномъ домѣ устроились мы не дурно. Дома эти, въ прежніе годы, когда по Волгѣ и Камѣ не существовало еще пароходныхъ сообщеній, представляли собою нѣчто вродѣ небольшихъ гостиницъ, съ двумя - тремя, а въ городахъ и съ бо̀льшимъ числомъ чистыхъ комнатъ. Въ каждомъ изъ нихъ имѣлись буфеты, изъ которыхъ проѣзжающіе могли получать обѣды, ужины, чай и коекакія закуски, иногда даже съ винами и напитками. Теперь же тамъ ничего подобнаго нѣтъ, и если путешественники не запасутся, на дорогу, провизіей, то рискуютъ порядкомъ наголодаться.

Какъ ни занятъ я былъ прогулками и уженіемъ, а все-же чутко

прислушивался къ звуку колокольцевъ подъѣзжавшихъ отъ времени до времени къ почтовой станціи экипажей. Но пока это были не тѣ, которыхъ я ожидалъ. Только въ полдень 21-го іюля, когда мы кончали уже нашъ завтракъ, послышались, наконецъ, звонко заливающіеся вдали колокольцы, а въ слѣдъ затѣмъ показались и несущіеся, по направленію къ станціи, шесть троечныхъ тарантасовъ, составлявшихъ, такъ сказать, поѣздъ дѣтскаго каравана. Въ первомъ изъ нихъ находились Арсеньевъ съ двумя сыновьями, а въ остальныхъ—девять мальчиковъ, въ возрастѣ отъ 11 до 14 лѣтъ, и еще какой-то видный, высокаго роста, брюнетъ, оказавшійся прикомандированнымъ къ каравану помощникомъ лекаря.

Пока перепрягали лошадей, отецъ мой переговорилъ, о чемъ нужно, съ Александромъ Ильичемъ и передалъ ему мои документы. Я же, въ свою очередь, успѣлъ въ это время перезнакомиться съ тѣми изъ будущихъ своихъ товарищей, которыхъ еще не зналъ, а ихъ было большинство.

Но, вотъ, лошади готовы; вотъ еще и въ послѣдній разъ распростился я съ родителями и, усѣвшись въ тарантасъ съ однимъ изъ мальчиковъ и помощникомъ лекаря, помчался туда, на западъ, къ гранитнымъ берегамъ Невы, на которыхъ, во всей своей красѣ, широко раскинулась наша Сѣверная Пальмира.

Погода стояла чудесная, и весь путь до Москвы, благодаря удобнымъ и покойнымъ экипажамъ, мы совершили сравнительно скоро и незамѣтно. Все насъ, дѣтей, занимало дорогой: и встрѣчавшіяся на пути живописныя мѣстности, и убогія деревеньки, и многолюдныя, богатыя села, съ блестящими издали куполами и крестами своихъ церквей, и мощеныя улицы губернскихъ городовъ, съ ихъ красивыми и, сравнительно, большими зданіями и т. д. Но болѣе всего произвели на насъ впечатлѣніе старушка Москва, съ ея безчисленными храмами и многими памятниками старины, и Николаевская желѣзная дорога, о которой, до того времени, мы не имѣли ни малѣйшаго понятія.

Ѣхали мы со всѣми удобствами. Каждый день, благодаря заботливости и предусмотрительности Арсеньева, ночевали или въ чистыхъ комнаткахъ большихъ и удобныхъ, почтовыхъ станцій, или въ лучшихъ нумерахъ городскихъ гостиницъ. По два раза на дню пили чай; вкусно и сытно завтракали и обѣдали.

Но не всѣ кандидаты совершали свое путешествіе въ Петербургъ подобно тому, какъ это привелось намъ. Порой управляющими дѣтскихъ каравановъ назначались лица недостаточныя или слишкомъ разсчетливыя, которыя старались соблюдать въ пути возможную экономію, брали меньше экипажей, тѣснѣе разсаживали въ нихъ своихъ

питомцевъ и не угощали ихъ радушно и сытно ни чаями, ни обѣдами, ни завтраками, а просто на просто выдавали имъ на руки, положенное каждому изъ нихъ, путевое довольствіе, что-то въ родѣ 25-ти или 30-ти копѣекъ въ сутки. Конечно, глупые мальчуганы, при первой же возможности, спѣшили истратить эти деньги на разныя дешевыя лакомства и нерѣдко совершали свой длинный путь съ тощими, или даже разстроенными желудками.

Въ Москвѣ прожили мы около двухъ сутокъ и, въ сопровожденіи помощника лекаря, успѣли осмотрѣть нѣкоторыя изъ ея достопримѣчательностей. Въ Петербургъ мы пріѣхали въ первыхъ числахъ августа и остановились въ одной изъ гостинницъ Васильевскаго острова.

Вскорѣ же по пріѣздѣ нашемъ, были назначены въ Горномъ корпусѣ пріемные экзамены, которые я выдержалъ довольно удовлетворительно и, по лѣтамъ (мнѣ было около 12-ти лѣтъ), поступилъ въ первый приготовительный классъ. Послѣ экзаменовъ, до 25-го августа, всѣхъ принятыхъ въ корпусъ кандидатовъ распустили по домамъ. Меня, въ сопровожденіи помощника лекаря, отправилъ Арсеньевъ къ моей бабушкѣ, матери отца, проживавшей въ то время, съ двумя сыновьями, моими дядями, въ Петербургѣ, въ Коломнѣ, около Покровской церкви. Съ бабушкой я видѣлся въ первый разъ и прожилъ у нея нѣсколько дней, остававшихся до срока явки въ корпусъ. Къ ней же, впослѣдствіи, я ходилъ въ отпускъ по праздникамъ. А какъ до извѣстнаго, а именно 4-го класса, насъ безъ провожатаго домой не отпускали, то за мною, наканунѣ праздниковъ, приходилъ обыкновенно одинъ изъ моихъ дядей.

Но, вотъ, наступилъ день явки въ корпусъ, и Александръ Ильичъ тепло и родственно, словно отецъ, распростившись съ нами, лично, съ рукъ на руки, сдалъ всѣхъ насъ корпусному начальству.

Какъ теперь помню я этотъ первый день, проведенный мною въ стѣнахъ корпуса. Незнакомыя лица начальства, толпы кадетъ разнаго возраста, обступившія новичковъ и по обыкновенію къ нимъ пристававшія, совсѣмъ особые порядки,—все это показалось мнѣ настолько чуждымъ и дикимъ, что я, не выронившій и слезинки при разлукѣ съ родителями, забился куда-то въ уголокъ и горько, прегорько расплакался. Впрочемъ, горе мое было непродолжительно, тѣмъ болѣе, что, среди кадетъ я нашелъ своего кузена Л***, который былъ уже въ четвертомъ классѣ и охотно взялъ на себя трудъ— быть, на первыхъ порахъ, моимъ менторомъ и ознакомить меня съ корпусными порядками.

Благодаря этому обстоятельству, я вскорѣ же сталъ освоиваться съ окружающимъ и незамѣтно и постепенно свыкаться съ обычнымъ строемъ кадетской жизни.

Жизнь эта, совершенно особенная и замкнутая, устроенная на военный ладъ, съ военною дисциплиною, рѣзко отличалась отъ свободной жизни нынѣшнихъ воспитанниковъ Горнаго института. Но, несмотря на это, намъ, бывшимъ кадетамъ, по крайней мѣрѣ въ мое время, жилось несравненно спокойнѣе и удобнѣе, чѣмъ большинству нынѣшнихъ студентовъ. А ужъ про отцовъ нашихъ, состоявшихъ на горной службѣ, я и не говорю. Съ нихъ не только были сняты всѣ заботы по образованію и воспитанію ихъ сыновей, но все это производилось еще за счетъ казны и не стоило имъ почти ни копѣйки. Теперь же, взамѣнъ такой громадной льготы, горнымъ инженерамъ выдается отъ казны на воспитаніе ихъ сыновей лишь по 200 рублей ежегодно и то только въ теченіе пяти лѣтъ. А между тѣмъ образованіе мальчиковъ, общее и высшее, стало требовать, вмѣсто прежнихъ 7—8-ми лѣтъ, уже minimum 12—13 и обходится очень дорого, до 7.500 рублей и даже болѣе. Кромѣ того служащимъ на заводахъ инженерамъ общее образованіе ихъ сыновей доставляетъ еще массу хлопотъ и заботъ, такъ какъ они вынуждены отправлять ихъ въ города, имѣющіе гимназіи или реальныя училища, и пріискивать имъ тамъ приличныя квартиры. А главное они лишены возможности лично слѣдить за ихъ нравственнымъ воспитаніемъ, что, въ дѣтскомъ возрастѣ, крайне важно и необходимо. Всѣ эти заботы и хлопоты далеко не легки и никакой матеріальной оцѣнкѣ не поддаются.

II.

Горный корпусъ, какъ извѣстно, находится на набережной р. Невы, между 20-й и 21-ой линіями Васильевскаго острова. Главное, двухъ-этажное зданіе корпуса, выходящее на Неву, имѣетъ внушительный и красивый видъ. Большой, трехъ-угольный фронтонъ, украшенный двуглавымъ орломъ, поддерживается массивными колоннами. Красивое парадное крыльцо, съ двумя, стоящими по бокамъ его статуями, ведетъ въ обширную швейцарскую.

Къ этому главному зданію по ту и другую сторону его примыкають, подъ прямымъ угломъ, двухъ-этажные же, съ подвальными этажами, каменные пристрои. Кромѣ того, нѣсколько, разной величины, также двухъ-этажныхъ строеній расположено какъ вдоль 21 и 22-й линій острова, такъ и внутри корпусной ограды. Всѣ зданія Горнаго корпуса, вмѣстѣ съ чистыми и черными дворами и большимъ садомъ, занимаютъ цѣлый громадный кварталъ города.

Въ нижнемъ этажѣ главнаго зданія было устроено пять просторныхъ спальныхъ комнатъ, или камеръ, свободно вмѣщавшихъ отъ 25 до 35 воспитанниковъ, двѣ дежурныя и учебныя комнаты, малый рекреаціонный залъ, широкій корридоръ, цейхгаузы и уборныя, а въ томъ же этажѣ боковыхъ пристроевъ—квартиры директора и командира второй роты. Верхній этажъ состоялъ изъ четырехъ спальныхъ камеръ, одной дежурной и одной учебной комнаты, корридора, цейхгауза, уборной, конференцъ-зала, музеума и домовой церкви.

Въ особомъ пристроѣ, соединяющемъ вдающуюся внутрь ограды среднюю часть главнаго зданія съ лѣвымъ крыломъ его, были устроены пріемная для постороннихъ посѣтителей и большой рекреаціонный залъ, изъ котораго вела дверь въ карцеръ.

Въ лѣвомъ пристроѣ и слѣдующемъ, примыкающемъ къ нему, строеніи помѣщались: въ верхнемъ этажѣ—громадный столовый залъ, а въ нижнемъ—классныя комнаты, расположенныя по ту и другую сторону длиннаго корридора, идущаго по всей длинѣ пристроя; за классными комнатами слѣдовали учительская комната, гдѣ хранились въ шкафахъ учебники и письменныя принадлежности, и лазаретъ.

Лабораторія, баня, кухни, а также квартиры низшихъ служащихъ и прислуги находились въ подвальныхъ этажахъ зданій. Остальныя строенія были заняты квартирами разныхъ начальствующихъ лицъ и профессоровъ Горнаго корпуса.

Горный корпусъ, состоявшій подъ непосредственнымъ управленіемъ особаго директора, давалъ своимъ питомцамъ и общее и спеціальное образованіе. Для перваго имѣлось при немъ пять приготовительныхъ, а для послѣдняго—три спеціальныхъ класса.

Всѣхъ воспитанниковъ, или кадетъ, въ 1853 году, было до 250, изъ числа которыхъ около половины насчитывалось казеннокоштныхъ.

Всѣ корпусные офицеры являлись въ корпусъ ежедневно часа на полтора, для обученія воспитанниковъ своихъ отдѣленій фронтовому ученію; но двое изъ нихъ, исполняя суточныя дежурства по ротамъ, проводили по очереди въ стѣнахъ заведенія цѣлыя сутки, т. е. двадцать четыре часа, обѣдая и ужиная одновременно съ кадетами и проводя ночь на диванахъ дежурныхъ комнатъ.

Офицерскій обѣдъ и ужинъ состояли, въ общемъ, изъ тѣхъ же блюдъ, какъ и кадетскія, но только мясныя кушанья приготовлялись гораздо тщательнѣе.

Все внѣклассное время воспитанники проводили въ спальныхъ камерахъ своихъ отдѣленій, а также въ маломъ и большомъ рекреаціонныхъ залахъ.

Всѣ будничные, т. е. учебные дни проходили въ стѣнахъ корпуса всегда въ одномъ и томъ же стройномъ и неизмѣнномъ порядкѣ.

Въ семь часовъ утра, барабанщикъ, расхаживая по корридорамъ около камеръ, билъ повѣстку и, вслѣдъ за нею, утреннюю зарю. Дежурные офицеръ и унтеръ-офицеры обходили отдѣленія и будили воспитанниковъ.

Въ три четверти восьмаго звуки барабана раздавались снова, кадеты строились въ двѣ шеренги, по отдѣленіямъ и, по командѣ своихъ старшихъ, направлялись въ малый рекреаціонный залъ, гдѣ примыкали къ другимъ отдѣленіямъ. Одновременно съ отдѣленіями появлялись въ залѣ командиръ роты и дежурный офицеръ. Изъ малаго рекреаціоннаго зала, по командѣ офицера, кадеты маршировали въ большой рекреаціонный залъ, гдѣ сходились обѣ роты и откуда направлялись уже въ столовую.

По утрамъ, вмѣсто чая, давали намъ по стакану сбитня [1]), съ молокомъ или безъ молока, смотря по тому, какъ кому нравилось, и по круглой трехъ-копѣечной свѣжей булкѣ.

Покончивъ со сбитнемъ, кадеты отправлялись въ роты, расходились по отдѣленіямъ и, усѣвшись передъ своими столами, занимались около часу подготовкой дообѣденныхъ уроковъ.

Около девяти часовъ, тѣмъ же порядкомъ обѣ роты маршировали въ классы.

Въ 12 часовъ дня, вмѣсто завтрака, давали намъ свѣжій, черный хлѣбъ съ солью, который въ корзинахъ разносили по ротами кухонные солдатики.

До часу мы были свободны и проводили время, по своему желанію, или въ камерахъ и залахъ, или въ хорошую погоду въ саду. Съ часу до двухъ начинались военныя ученія, уроки пѣнія, музыки, фехтованія, гимнастики и танцевъ; первые четыре изъ нихъ бывали ежедневно, а послѣдніе—два раза въ недѣлю, по средамъ и пятницамъ. Уроки музыки, фехтованія и пѣнія были не обязательны, и этимъ тремъ искусствамъ обучались только желающіе, а послѣднему еще и всѣ тѣ воспитанники, которые входили въ составъ пѣвческаго хора.

Обученіе новичковъ военной выправкѣ, маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ лежало на обязанности офицеровъ; а болѣе сложныя, военныя ученія, необходимыя для участвующихъ въ парадахъ и разводахъ воспитанниковъ, производились подъ непосредственнымъ руководствомъ баталіоннаго и ротныхъ командировъ.

Въ два съ половиною часа дня воспитанники шли обѣдать. Кормили насъ вообще недурно.

Оба ротные командира неизмѣнно и постоянно присутствовали за

---

[1]) Горячій напитокъ на меду съ разными специями.

обѣдомъ воспитанниковъ, прохаживаясь по столовому залу. Почти ежедневно же бывалъ въ это время въ столовой и баталіонный командиръ.

Послѣ обѣда до вечернихъ классовъ и около часа послѣ послѣднихъ кадеты были свободны и занимались, по своему усмотрѣнію. свойственными ихъ лѣтамъ играми и забавами.

Въ восемь часовъ вечера всѣ воспитанники садились къ своимъ столамъ и приготовляли заданные къ слѣдующему дню уроки; въ $9^1/_2$ часовъ ужинали и въ $10^1/_2$—ложились спать.

Почти каждый день, послѣ ужина, устраивалось въ одной изъ дежурныхъ комнатъ нѣчто въ родѣ домашнихъ, танцовальныхъ и музыкальныхъ вечеринокъ. Кто-нибудь изъ кадетъ или пѣлъ или игралъ на роялѣ; или любители танцевъ весело кружились подъ звуки вальса или польки, извлекаемые своимъ же таперомъ-воспитанникомъ, недостатка въ которыхъ никогда не было.

Такъ, изо дня въ день, постепенно и незамѣтно шла наша кадетская жизнь, шла ровно, спокойно, лишь изрѣдка прерываемая какими-нибудь случайными, жизненными невзгодами и даже подъ часъ довольно чувствительными грозами.

III.

Во время восьмилѣтняго пребыванія моего въ Горномъ институтѣ, директоромъ его былъ генералъ-маіоръ, Сергѣй Ивановичъ Волковъ, который въ семидесятыхъ годахъ, уже въ чинѣ полнаго генерала, занималъ постъ члена военнаго совѣта. Это былъ красивый, видный, почти совсѣмъ сѣдой мужчина, лѣтъ около сорока пяти, прекрасно воспитанный, съ изящными и аристократическими манерами. Онъ почти ежедневно посѣщалъ корпусъ, или во время классовъ, или во время обѣда, или въ другое какое-нибудь время, появляясь среди кадетъ всегда неожиданно. Нѣсколько разъ въ году, по субботамъ, онъ приглашалъ нѣкоторыхъ воспитанниковъ, преимущественно танцоровъ, на дѣтскія танцовальныя вечеринки, которыя устраивалъ для своей старшей дочери, дѣвочки лѣтъ двѣнадцати.

Должность помощника директора и, вмѣстѣ, баталіоннаго командира, занималъ полковникъ Михаилъ Васильевичъ Аврамовъ, произведенный вскорѣ въ генералы. Старый холостякъ, нѣсколько суровый на видъ, строгій, но безпристрастный, и большой фронтовикъ, онъ большую часть времени проводилъ среди кадетъ, появляясь въ

корпусѣ съ 12 часовъ дня, а иногда и ранѣе. Его любимымъ мѣстомъ была площадка, передъ входомъ въ пріемную, гдѣ онъ подолгу простаивалъ, бесѣдуя то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ подходившихъ къ нему сослуживцевъ.

Командирами ротъ были: первой—подполковникъ Жуковскій и второй—полковникъ Валентинъ Платоновичъ Добронизскій. Жуковскаго я зналъ мало, такъ какъ всѣ восемь лѣтъ провелъ во второй ротѣ. По отзывамъ же товарищей, это былъ человѣкъ благовоспитанный, развитой, нѣсколько сдержанный и холодный въ обращеніи, по относившійся къ своимъ обязанностямъ добросовѣстно и пользовавшійся вообще большимъ уваженіемъ подчиненныхъ.

Но, за то, Добронизскаго я зналъ прекрасно и, подобно своимъ товарищамъ, не могъ не оцѣнить по достоинству этого крайне симпатичнаго начальника.

Валентинъ Платоновичъ былъ пожилой, замѣчательно подвижной и въ высшей степени добрый человѣкъ. Ходилъ онъ всегда быстро, частыми и мелкими шажками, и безпрестанно слегка отплевывался, что́ было слѣдствіемъ полученной имъ въ ротъ контузіи во время какой-то войны, въ которой онъ участвовалъ. Онъ всей душой, всѣми своими помыслами отдавался кадетамъ, любилъ ихъ, заботился о нихъ и даже, можно сказать, жилъ съ ними почти неразлучно. Словомъ, въ личности Добронизскаго мы имѣли рѣдкаго и примѣрнаго воспитателя, образъ котораго, какъ свѣтлый лучъ, до конца нашихъ дней будетъ озарять воспоминаніе о долгихъ годахъ, проведенныхъ нами въ корпусѣ.

Чуть, бывало, замѣтитъ онъ въ комъ-нибудь изъ насъ особую вялость или блѣдность лица, какъ уже сей часъ же встревожится и подзоветъ къ себѣ:

— А, тьфу, тьфу, поди-ка сюда! Что ты такъ блѣденъ?.. Нездоровъ? А? И, спрашивая, онъ заботливо оглядываетъ кадета и щупаетъ ему голову.

— Нѣтъ, ничего, полковникъ, я здоровъ, отвѣчаетъ послѣдній, или дѣйствительно чувствующій себя здоровымъ, или не желающій почему-либо идти въ лазаретъ.

— Врешь! Тьфу, тьфу, врешь! вотъ и головка горячая... Маршъ въ лазаретъ! Тьфу, тьфу... Сей часъ же... Слышишь!

Наказывалъ онъ вообще рѣдко и развѣ только самыхъ непослушныхъ и шаловливыхъ мальчиковъ. Непріятнѣе всего бывало ему прибѣгать къ розгамъ, что̀ дѣлалъ онъ всегда видимо неохотно, и сѣкъ обыкновенно слегка: не больно, единственно ради соблюденія формальности.

Вся простая и денежная корреспонденція, адресованная на имя

не ходившихъ въ отпускъ кадетъ, получалось ими черезъ Валентина Платоновича. Деньги на руки, за исключеніемъ кадетъ чиновныхъ, онъ никогда не отдавалъ, а хранилъ у себя, выдавая ихъ, въ извѣстные дни, по мелочамъ. Процедура выдачи совершалась всегда въ дежурной комнатѣ, гдѣ, окруженный кадетами, усаживался Добронизскій за столъ и вынималъ записную книжку.

— А сколько тебѣ? Тьфу, тьфу,—обращался онъ къ вызванному по очереди кадету.

— Полтинникъ, отвѣчалъ тотъ.

— Что? Полтинникъ! Тьфу, тьфу... Ахъ, ты, мотыга!.. Тьфу, тьфу... Будетъ съ тебя и двугривеннаго.

— Нѣтъ, полковникъ, дайте пожалуйста полтинникъ... мнѣ очень нужно, упрашивалъ кадетикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... тьфу, тьфу... И не проси. Больше тридцати копѣекъ не дамъ.

— Ну, хоть сорокъ... Пожалуйста...

И, получивъ свое, кадетикъ удалялся и уступалъ мѣсто слѣдующему.

Такимъ образомъ, почти всегда поторговавшись и выдавая или всю просимую сумму, или убавивъ отъ нея, по своему усмотрѣнію, раздавалъ Валентинъ Платоновичъ своимъ питомцамъ ихъ небольшія, карманныя деньги.

На сколько сильна была привязанность Добронизскаго къ кадетамъ, на сколько глубоко онъ сжился съ заботами и попеченіями о нихъ, можно судить по тому, что, по преобразованіи Горнаго института въ открытое учебное заведеніе, онъ, находясь уже въ отставкѣ, нерѣдко заходилъ въ институтъ, печально обходилъ бывшія роты и отдѣленія и, подолгу останавливаясь на одномъ мѣстѣ, часто и грустно задумывался. Такое душевное состояніе не могло пройти для него безслѣдно. И, дѣйствительно, онъ сталъ замѣтно хилѣть и вскорѣ же затѣмъ скончался. Миръ праху твоему, добрый и честный начальникъ и воспитатель!

Въ должностяхъ корпусныхъ офицеровъ, завѣдующихъ отдѣленіями, состояли разныхъ полковъ военные офицеры. Въ мое время, я помню, были слѣдующіе: капитаны—Грибовскій, Матчинъ, Бѣляевъ; штабсъ-капитаны Спирингъ, Розлачъ и поручики—Сиверсъ, Цитовичъ, Жерве и Даниловъ. Грибовскій, Матчинъ и Спирингъ состояли по корпусу Горныхъ инженеровъ и носили горную, корпусную форму. Остальные сохраняли формы своихъ полковъ, а именно: Бѣляевъ и Розлачъ—Финляндскаго, Сиверсъ и Цитовичъ—Волынскаго, Жерве—Стрѣлковаго баталіона и Даниловъ—Павловскаго.

Всѣ эти офицеры были люди порядочные, но болѣе любимыми

кадетами считались Бѣляевъ и Спирингъ. Меньшимъ расположеніемъ и уваженіемъ пользовался Грибовскій. Не особенно далекій и большой хвастунъ, онъ нерѣдко служилъ мишенью для кадетскихъ шутокъ. Звали мы его, за глаза, Жибуиомъ и Перфиксомъ. Послѣдній эпитетъ онъ получилъ по поводу слѣдующаго случая.

Какъ-то разъ, окруженный кадетами, говорилъ онъ хвастливо, что любитъ все лучшее и дорогое, а потому платье заказываетъ у извѣстныхъ портныхъ, а разныя, необходимыя вещи покупаетъ всегда въ лучшихъ магазинахъ.

— А гдѣ вы покупаете перчатки? спросилъ его одинъ изъ кадетъ.

— На Невскомъ, у Перфикса, отвѣчалъ Грибовскій.

При этомъ отвѣтѣ кадеты сдержанно разсмѣялись, тотчасъ же сообразивъ, что названная Грибовскимъ фамилія перчаточника есть ничто иное, какъ французское названіе крайней цѣны—prix fixe—крупными, золотыми буквами обыкновенно изображаемой на дверныхъ стеклахъ нѣкоторыхъ магазиновъ.

Должность инспектора классовъ занималъ горный инженеръ, подполковникъ, Петръ Алексѣевичъ Олышевъ, а его помощника—молодой инженеръ, поручикъ Павелъ Владиміровичъ Еремѣевъ [1]).

Спеціальныя науки читали профессоры, горные инженеры: Н. А. Ивановъ—аналитическую химію; П. А. Олышевъ—прикладную и Горную механику и Горное и маркейдерское искусство; Г. А. Тиме—теоретическую механику; Н. А. Кулибинъ—металлургію, галлургію и пробирное искусство; П. В. Еремѣевъ—минералогію; В. Г. Ерофѣевъ—палеонтологію; Г. П. Гельмерсенъ—геологію и геогнозію; другихъ вѣдомствъ І. Н. Сомовъ—высшій анализъ; Н. Н. Соколовъ—теоретическую химію и кристаллографію; инженеръ путей сообщенія Соколовъ—строительное искусство.

Общіе предметы преподавали: физику — Сомовъ 2-ой; начертательную геометрію и черченіе Н. И. Ольховскій; ариѳметику, алгебру и геометрію—Ф. А. Дерябинъ; Законъ Божій, древнюю и среднюю исторію—корпусной священникъ, протоіерей и магистръ богословія Рудаковъ; новую исторію и исторію Россіи Смарагдовъ; географію—Гергардъ; зоологію и ботанику—Долоцкій; архитектуру—Свіязевъ; общее законовѣдѣніе—Палибинъ; горные законы—Пригожій; русскій языкъ и словесность—Лебедевъ и Михайловъ; французскій языкъ—Филліонъ и Водаръ; нѣмецкій языкъ—Кизеветтеръ, Мейеръ и Тепферъ; рисованіе—Хруцкій и Семеновъ. Фамиліи остальныхъ преподавателей, къ сожалѣнію, не сохранились въ моей памяти.

---

[1]) Впослѣдствіи академикъ и членъ Горнаго совѣта и Горнаго ученаго комитета.

Всѣ, какъ спеціальныя. такъ и общеобразовательныя науки преподавались вообще довольно удовлетворительно. Менѣе успѣшно шло преподаваніе иностранныхъ языковъ и вѣроятно по той причинѣ, что всѣ преподаватели, за исключеніемъ Кизеветтера, очень плохо объяснялись по-русски, и потому еще, что на практическія занатія этими языками не обращалось должнаго вниманія. Хотя для кадетъ старшихъ классовъ и существовали внѣ-классные уроки практическаго изученія французскаго языка, но уроки эти считались не обязательными и посѣщались, сравнительно, немногими. Что же касается рисованія, то преподаваніе этого искусства оставляло желать многаго. Учителя рисованія, какіе-то свободные художники, относились къ дѣлу небрежно, даже неумѣло, и любившимъ рисованіе кадетамъ положительно никакой пользы не оказывали. Не придерживаясь никакой системы, не ознакомивъ своихъ учениковъ даже съ самыми элементарными понятіями о перспективѣ и строеніи человѣческаго тѣла, они просто на просто заставляли ихъ копировать карандашомъ, съ разныхъ рисунковъ, изображавшихъ людей, животныхъ и всевозможные пейзажи. Поэтому не только большинство кадетъ, но даже и тѣ, немногіе изъ нихъ, которые чувствовали особенное влеченіе къ рисованію и, еще до поступленія въ корпусъ, рисовали весьма недурно, не имѣли ни средствъ, ни возможности развить свои способности, прогрессировать въ любимомъ исскуствѣ и сдѣлаться, быть можетъ современемъ, далеко незаурядными художниками.

Такое небрежное отношеніе къ рисованію казалось и страннымъ, и непонятнымъ, тѣмъ болѣе, что всѣ остальныя искусства, каковы музыка и пѣніе, преподавались и добросовѣстно, и умѣло, и многіе кадеты оказали въ нихъ весьма значительные успѣхи. Причина этому, надо нолагать, крылась въ томъ, что никто изъ начальствующихъ лицъ не чувствовалъ склонности къ живописи и не придавалъ ей поэтому никакого существеннаго значенія.

Почти всѣ профессоры и преподаватели пользовались нашей симпатіей. Исключеніе составляли весьма немногіе и въ числѣ послѣднихъ, особенно Мейеръ. Кадеты не любили его за то, что онъ часто и при томъ изъ-за всякихъ пустяковъ жаловался на нихъ начальству. Мейеръ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, очень худощавый съ большимъ носомъ, высокій, съ непропорціонально длинными ногами и очень плохо говорилъ по-русски. Звали его за глаза цаплей. И дѣйствительно фигура нѣмца, во фракѣ, когда онъ большими шагами ходилъ по классу, ужасно напоминала собою эту долгоногую и долгоносую птицу. Передъ его уроками, на всѣхъ классныхъ доскахъ рисовались обыкновенно цапли; ихъ же ухитрялись кадеты изображать мѣломъ и на фалдахъ его фрака.

Нѣкоторые изъ нашихъ учителей выдѣлялись своими особенностями и привычками. Такъ Водаръ, почтенный уже старичекъ, постоянно во время урока, жевалъ лакрицу. Дерябинъ, котораго за глаза звали Фрицемъ, частенько угощалъ насъ, за ошибки въ цифрахъ и знакахъ, весьма чувствительными щелками. Гергардъ острилъ надъ незнавшими урока и изводилъ ихъ своими жалкими и полными сарказма фразами. Долоцкій, устремивъ взоръ на одну точку, на столько глубоко иногда задумывался, что совсѣмъ не слушалъ урока, который ему отвѣчали, чѣмъ конечно кадеты пользовались и часто, на потѣху товарищей, вмѣсто того, чтобы говорить о какомъ-нибудь млекопитающемъ, разсказывали сказки.

IV.

Провинившіеся въ чемъ-либо кадеты подвергались различнымъ наказаніямъ, сообразно совершенныхъ ими проступковъ.

За проступки крупные, а также за очень дурныя отмѣтки и за куреніе виновные подвергались заключенію въ карцеръ и даже наказанію розгами. Послѣднее производилось обыкновенно въ цейхгаузѣ и, только въ случаяхъ исключительныхъ, за особенно важные проступки, передъ всею ротою и даже передъ всѣмъ корпусомъ, въ маломъ или большомъ рекреаціонномъ залѣ.

Послѣднія два, такъ сказать, публичныя и позорныя наказанія имѣлъ право налагать только педагогическій совѣтъ, состоящій изъ разныхъ начальствующихъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ директора. Но подвергать заключенію въ карцеръ и тѣлесному наказанію въ цейхгаузѣ могли и нѣкоторыя отдѣльныя лица, а именно: директоръ, его помощникъ, инспекторъ и ротные командиры. Что же касается корпусныхъ офицеровъ, фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, то имъ предоставлялось право налагать всѣ остальныя, такъ сказать, болѣе легкія наказанія.

За всѣ восемь лѣтъ пребыванія моего въ корпусѣ было только два случая публичнаго наказанія розгами: одинъ—передъ ротой, за умышленно нанесенный ударъ кулакомъ въ спину дежурнаго офицера, при выходѣ его съ толпой воспитанниковъ изъ класса, по окончаніи уроковъ, и другой—за обозваніе дуракомъ, во время урока, учителя рисованія.

Каждый разъ, когда кадеты бывали въ саду, появился тамъ и постоянный разносчикъ нашъ Гришка, съ неизмѣннымъ лоткомъ и

корзиною, наполненными фруктами, конфектами, пирожнымъ и булочками и тому подобными, вкусными вещами. Все это раскупалось и тутъ же съ аппетитомъ и удовольствіемъ уничтожалось болѣе состоятельными воспитанниками.

Нѣсколько разъ въ году, въ праздничные дни, дозволялось кадетамъ устраивать концерты, которые бывали всегда въ конференцъ-залѣ и на которые собиралось обыкновенно все корпусное начальство съ своими семействами. Концерты эти, по отзывамъ посѣщавшей ихъ публики, сходили всегда прекрасно. Среди кадетъ выдѣлялось нѣсколько весьма недурныхъ исполнителей-солистовъ, какъ пѣвцовъ, такъ и музыкантовъ. Играли на многихъ инструментахъ: и на роялѣ, и на скрипкѣ, и на віолончели; пѣли дуэты, тріо, квартеты. Но особенно хорошо были поставлены хоры, которые, подъ руководствомъ учителя пѣнія, П. В. Падалка, исполняли нерѣдко весьма трудныя піесы, преимущественно изъ современныхъ оперъ. Нечего и говорить, что юные артисты, щедро и по заслугамъ, награждались всегда громкими и дружными аплодисментами публики.

Разъ въ году, обыкновенно зимою, въ заранѣе назначенный начальствомъ день, устраивался въ корпусѣ большой балъ. Въ этотъ день рекреаціонный и конференцъ-залы и пріемная комната красиво декорировались зеленью и ярко освѣщались всевозможными бра, люстрами и лампами; приглашался прекрасный бальный оркестръ; въ антрактахъ, между танцами, разносили чай, дессертъ, фрукты и напитки. Гостей, состоявшихъ, кромѣ своихъ корпусныхъ, изъ семействъ родителей и родственниковъ кадетъ, собиралось на этомъ балу очень много, чуть ли не до тысячи человѣкъ, если еще не болѣе. Каждый кадетъ имѣлъ право пригласить опредѣленное число мужчинъ и дамъ; но нѣкоторые приглашали обыкновенно больше, записывая сверхкомплектныхъ на имя своихъ товарищей, не имѣвшихъ въ Петербургѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ.

Всѣ хорошо танцовавшіе кадеты, которымъ раздавали передъ баломъ бѣлыя, замшевыя перчатки, неутомимо и съ увлеченіемъ носились по залѣ въ вихрѣ вальса, польки или мазурки. Но и неучаствовавшіе въ танцахъ кадеты, особенно младшихъ классовъ, такъ же были довольны и веселы: на ихъ долю перепадали и лишній стаканъ чая, со сливками и вкуснымъ печеніемъ, и кондитерскія конфекты, и фрукты, и другія лакомства.

Балы Горнаго корпуса нравились почему-то посѣщавшимъ ихъ лицамъ болѣе, чѣмъ балы другихъ кадетскихъ корпусовъ. Поэтому многіе, особенно изъ военной молодежи, не имѣвшіе среди горныхъ кадетъ знакомыхъ или родственниковъ, добивались всѣми силами заполучить пригласительные билеты. Для этого они заявлялись въ

корпусъ, вызывали кого-нибудь изъ кадетъ въ пріемную и просили его включить ихъ въ число своихъ родственниковъ; это большею частію имъ и удавалось.

Изрѣдка, не болѣе раза въ теченіе года, устраивались также и домашніе спектакли, при чемъ всѣ роли, а слѣдовательно и женскія, исполнялись исключительно кадетами. Сцена, со всѣми необходимыми декораціями, ставилась обыкновенно въ большомъ рекреаціонномъ залѣ. Въ день спектакля приглашался парикмахеръ, появлявшійся съ цѣлымъ коробомъ париковъ, усовъ, бородъ и другихъ принадлежностей грима; доставались откуда - то всевозможные, какъ мужскіе, такъ и дамскіе костюмы и вообще все, что только требовалось для обстановки сцены и исполненія выбранныхъ къ представленію піесъ. Само собой, что расходы на это относились на счетъ какихъ-то особыхъ суммъ корпуса.

Зрителей, состоявшихъ изъ лицъ корпуснаго начальства, ихъ семействъ, родителей и родственниковъ кадетъ, набиралось такъ много, что большой залъ нашъ бывалъ всегда переполненъ публикою.

Спектакли, какъ и концерты, сходили всегда удачно, а женскія роли исполнялись на столько хорошо и естественно, что многіе зрители, особенно мужчины, не хотѣли вѣрить, что какая-нибудь красивая, стройная и граціозная дѣвушка, кокетливо ведущая свои сцены, дѣйствительно изображалась кадетомъ. И только тогда убѣждался въ этомъ невѣрующій, когда уводили его за кулисы и знакомили съ миловиднымъ артистомъ.

Въ антрактахъ между дѣйствіями или піесами, молодежь обыкновенно усердно и весело отплясывала, подъ звуки довольно порядочнаго корпуснаго оркестра.

Водили также, во время рождественскихъ праздниковъ, остававшихся въ корпусѣ кадетъ въ Александринскій, Большой или Маріинскій театръ. Для этого, за счетъ корпуса, покупалось нѣсколько ложъ, въ которыхъ, съ дежурнымъ офицеромъ, размѣщалось по восьми и болѣе воспитанниковъ. Позволялось ходить въ театръ и на свой счетъ, но только въ праздничные дни и непремѣнно въ ложи и въ сопровожденіи одного изъ корпусныхъ офицеровъ: въ этихъ случаяхъ ложи покупались въ складчину и обходились весьма недорого.

Ежегодно еще, 19-го января, праздновался день основанія Горнаго корпуса. Послѣ обѣдни, въ домовой церкви корпуса, служился молебенъ. Обѣдъ состоялъ изъ нѣсколькихъ вкусныхъ блюдъ; къ чаю подавались лимонъ, сливки и печеніе. Послѣ обѣда раздавались лакомства, а вечеромъ всѣхъ остававшихся на этотъ день въ корпусѣ кадетъ водили въ одинъ изъ театровъ, на драму, балетъ или оперу.

Пожалуй также однимъ изъ развлеченій служило для насъ и

посѣщеніе ежегодной, академической выставки. Въ назначенный для этого день, мы въ классы уже не ходили и все время, съ утра до обѣда, проводили въ громадныхъ залахъ академіи художествъ, съ удовольствіемъ разсматривая прекрасныя произведенія нашихъ русскихъ художниковъ.

Больные кадеты помѣщались въ лазаретѣ, гдѣ пользовались самымъ тщательнымъ уходомъ. Вслѣдствіе этого смертность среди нихъ была, сравнительно, весьма незначительная. За восемь лѣтъ пребыванія моего въ корпусѣ, умерло не болѣе десяти воспитанниковъ.

Прежде чѣмъ закончить главу и перейти къ личнымъ воспоминаніямъ о первыхъ и послѣдующихъ за ними дняхъ, проведенныхъ мною въ корпусѣ, я не могу не сказать нѣсколько словъ о прочно утвердившейся въ этомъ заведеніи мѣновой торговлѣ кадетъ. Возникшая чуть ли не съ первыхъ лѣтъ основанія корпуса, торговля эта, одинаково процвѣтая, продолжалась вплоть до преобразованія его въ открытое заведеніе. Предметами ея служили лакомства, тетради, карандаши, бумага, перья и другія, подобныя вещи, которыя вымѣнивались на булки, пироги или ватрушки, а послѣдніе—одни на другіе, смотря по тому, кто чему отдавалъ предпочтеніе. Существованіе мѣновой торговли было извѣстно корпусному начальству, которымъ она, какъ дѣяніе совершенно невинное, если и не поощрялась, то отнюдь не преслѣдовалась.

V.

Первые дни поступленія моего въ корпусъ ознаменовались весьма непріятнымъ для меня случаемъ. Это было передъ обѣдомъ, въ одинъ изъ теплыхъ и ясныхъ дней послѣднихъ чиселъ августа. Кадеты гуляли по обыкновенію въ саду и забавлялись разными играми. Какъ новичекъ, я еще не принималъ въ нихъ участія и только внимательно присматривался къ тому, что кругомъ меня дѣлалось. Мое вниманіе привлекла между прочимъ кучка кадетъ, собравшаяся на искусственной горѣ, внутри которой устроенъ былъ образцовый рудникъ, съ шахтами и штольнями. Гора эта, крутыми, покрытыми дерномъ, скатами спускалась къ садовой площади и корпуснымъ зданіямъ. Я подошелъ къ кадетамъ и увидѣлъ, что они забавлялись весьма нехитрой игрой, а именно сталкивали другъ друга съ горы. Столкнутые мальчики или скатывались, упавъ, по травѣ или быстро сбѣгали, и чтобы не ушибиться, съ разбѣга, о стѣну зданія, упирались въ нее руками. Глазѣя на эту забаву и недоумѣвая,—что находятъ въ ней интерес-

наго, стоялъ я себѣ смирненько, какъ вдругъ кто-то изъ сзади меня стоявшихъ кадетъ сильно толкнулъ меня въ спину. Внезапно подавшись впередъ, я невольно толкнулъ въ свою очередь, стоявшаго передо мной какого-то тщедушнаго и слабосильнаго новичка. Послѣдній, распустивъ руки, полетѣлъ внизъ, по скату, и не успѣвши опереться о каменную стѣну зданія, ударился о нее и довольно сильно расшибся. Онъ разсѣкъ себѣ щеку, разбилъ носъ и, обливаясь кровью, такъ разревѣлся, что привлекъ къ себѣ вниманіе дежурнаго офицера.

Начались обычные въ такихъ случаяхъ разспросы и допросы. Толкнувшій меня шалунъ-кадетъ, убоясь послѣдствій своего поступка, всю вину свалилъ на меня. Какъ я ни оправдывался, какъ ни старался убѣдить въ своей неповинности, мнѣ не повѣрили и повели меня, раба Божія, къ ротному командиру.

Страшно перепуганный и заплаканный, стоялъ я передъ Добронизскимъ, снова увѣряя, что это сдѣлалъ не я, что меня самого толкнули, но, увы, все было тщетно.

— Ты все врешь! Тьфу, тьфу... Врешь!.. Да! кричалъ на меня Валентинъ Платоновичъ:—ты дрянной мальчикъ, тьфу, тьфу... Дрянной!.. Я тебя высѣку... тьфу, тьфу, больно высѣку... Маршъ за мной! И Добронизскій мелкими и частыми шажками направился къ цейхгаузу.

Я, покорно и полный безъисходнаго отчаянія, шелъ за нимъ, потерявъ всякую надежду на прощеніе и снисхожденіе. Но, не дойдя до цейхгауза, Валентинъ Платоновичъ остановился и, тронутый моимъ отчаяніемъ, ещё разъ чувствительно распушилъ меня и, вмѣсто наказанія розгами, присудилъ стоять, во время обѣда, посреди столоваго зала, на колѣняхъ.

Послѣ распечки Добронизскаго я подвергся еще строгому и рѣзкому выговору баталіоннаго командира и даже самого директора, какъ разъ въ этотъ день заявившагося въ столовую и увидѣвшаго меня стоящимъ на колѣняхъ.

Только-что успѣли мы вернуться съ обѣда въ роту, какъ ко мнѣ подошелъ какой-то кадетъ.

— А ты еще дешево отдѣлался, сказалъ онъ: — я думалъ, что высѣкутъ.

Я молчалъ.

— Ты видѣлъ, кто тебя толкнулъ?

— Нѣтъ.

— А хотѣлъ бы знать?

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Ты могъ бы оправдаться.

— Теперь это безполезно; да и все равно я бы его не выдалъ.

— Молодецъ! Хвалю. Но, все же, я скажу тебѣ по секрету, что тебя толкнулъ я.

— Вы?!

— Да, я. Моя фамилія Кронъ. Ты, я вижу, парень хорошій. Будемъ знакомы и говори мнѣ съ этихъ поръ ты. Согласенъ?

Я конечно охотно согласился и даже считалъ себя нѣсколько польщеннымъ предложеніемъ быть на ты съ третьеклассникомъ.

Но этимъ признаніемъ настоящаго виновника проступка, за который я безвинно перенесъ наказаніе, еще не закончился печальный эпизодъ первыхъ дней пребыванія моего въ корпусѣ.

Въ первую же субботу, переодѣваясь, у своей кровати, чтобы идти въ отпускъ къ бабушкѣ, я весело болталъ съ пришедшимъ за мною дядей. Я уже почти былъ готовъ, какъ вдругъ въ отдѣленіи появился директоръ и подошелъ къ намъ. Я поклонился, а дядя представился генералу.

— Очень радъ и какъ разъ кстати, заговорилъ Волковъ:—Я долженъ вамъ сказать, что племянникъ вашъ дрянной мальчикъ; онъ позволяетъ себѣ непростительныя шалости и если такъ же будетъ продолжать далѣе, то его выключатъ. Имѣйте это въ виду и внушите ему, чтобы онъ постарался исправиться. До свиданья!

Директоръ пошелъ дальше, а я, униженный его словами, стоялъ какъ въ воду опущенный, съ навернувшимися на глазахъ слезами горькой обиды и незаслуженнаго мною обвиненія.

Само собой, что, придя къ бабушкѣ, я чистосердечно разсказалъ ей все, что со мной было, и успѣлъ убѣдить, какъ ее, такъ и дядей въ моей неповинности.

Дома меня, съ тѣхъ поръ, какъ только сталъ я себя помнить, почти никогда не наказывали, особенно такъ позорно и строго, а потому естественно, что это первое, незаслуженно перенесенное мною наказаніе произвело на меня весьма сильное и тяжелое впечатлѣніе. Я сталъ крайне остороженъ и, несмотря на то, что отъ природы былъ бойкимъ и подвижнымъ мальчикомъ, старался избѣгать всѣхъ шумныхъ игръ, а особенно разныхъ дѣтскихъ шалостей, дабы еще разъ не пострадать невинно.

Благодаря подобной тактикѣ, въ продолженіе восьмилѣтняго пребыванія моего въ корпусѣ, я не подвергался уже никакому, даже самому легкому наказанію.

Въ теченіе двухъ-трехъ недѣль я успѣлъ короче познакомиться съ своими одноклассниками и другими кадетами, помѣщавшимися въ одномъ со мною отдѣленіи. Въ моемъ классѣ было около двадцати новичковъ и пять старыхъ воспитанниковъ, оставшихся въ этомъ

классѣ на второй, а двое изъ нихъ—даже на третій годъ. Старшему изъ послѣднихъ было уже 16 лѣтъ. Не обладая способностями и вмѣстѣ съ тѣмъ лѣнивый отъ природы, онъ отличался за то значительною физическою силою и, сравнительно, большимъ ростомъ. Силу эту, при первомъ же съ нимъ знакомствѣ, я испыталъ на себѣ и узналъ, между прочимъ, дорогу въ Москву и другія, подобныя, далеко непріятныя вещи. Закрутивъ мнѣ правую руку на спину и проведя, крѣпко нажимая пальцемъ по коротко остриженнымъ волосамъ, съ низа затылка къ верху, онъ самодовольно изрекъ:

— Вотъ тебѣ и дорога въ Москву. Не хочешь ли проѣхаться вторично?

Я конечно не захотѣлъ и поспѣшилъ удалиться отъ своего тирана-товарища.

Подобныхъ субъектовъ, въ мое время, въ трехъ младшихъ классахъ насчитывалось человѣкъ до пяти. Всѣ они были или малоспособны, или чрезвычайно лѣнивы. Нѣкоторые изъ нихъ, проведя въ корпусѣ четыре-пять лѣтъ, не добирались даже и до третьяго, приготовительнаго класса. По своимъ лѣтамъ и росту, они представляли довольно рѣзкій контрастъ съ своими одноклассниками, большинству которыхъ было не болѣе тринадцати лѣтъ. Встрѣчались, среди нихъ, и на столько уже возмужалые, что имъ приходилось прибѣгать къ бритвѣ, для уничтоженія недозволенной, по правиламъ корпуса, растительности надъ верхней губой, на щекахъ и подбородкѣ.

Эти, страшные, при первомъ знакомствѣ, для новичковъ, старые, засидѣвшіеся въ классахъ кадеты вскорѣ же оказывались не только совершенно безобидными, но даже весьма симпатичными, добрыми и хорошими товарищами. Неисправимые лѣнтяи, какъ чортъ ладона боявшіеся учебниковъ и всевозможныхъ книжекъ, они все свободное и учебное время проводили въ своихъ излюбленныхъ и своеобразныхъ занятіяхъ. Одни собирали насѣкомыхъ, растенія и терпѣливо возились надъ составленіемъ коллекцій; другіе вѣчно копошились надъ изготовленіемъ фонариковъ, коробокъ и другихъ вещей изъ картона и дерева; третьи приручали крысъ и мышей, которыхъ держали въ ящикахъ тумбъ и которыя такъ привыкали къ своимъ хозяевамъ, что не только принимали изъ ихъ рукъ пищу, но преспокойно и безбоязненно разгуливали по ихъ рукамъ и сидѣли на ихъ колѣняхъ.

Подобные старички-кадеты, представлявшіе собою какой-то особый типъ, назывались бурбонами.

Грубоватые по манерамъ, сильные физически, выносливые и считавшіе за стыдъ не только распустить нюни вообще, но даже и подъ ударами розогъ, они обладали и другими, точно имъ однимъ присущими свойствами: ненавидѣли танцы, были нечистоплотны, неряш-

ливы, любили плотно покушать, поспать лишній часокъ подъ партами, во время урока, начинали рано курить, считались лучшими гимнастерами и партнерами въ лапту, городки, свайку и тому подобныя игры, требующія физической силы и ловкости. Жаловаться, или, по-кадетски, фискалить на товарищей и выдавать ихъ, при случаѣ, начальству считалось у бурбоновъ самымъ нечестнымъ и предосудительнымъ поступкомъ.

Кромѣ этого типа, существовалъ еще и другой, прямо противоположный. Принадлежавшіе къ нему кадеты отличались аккуратностью и опрятностью, любили лакомства, старались держаться на виду у начальства и подальше отъ товарищей, особенно во время какой-нибудь затѣваемой имъ недозволенной шалости. Они явно лебезили передъ корпусными офицерами и учителями, заискивали въ нихъ, угождали ими и, при каждомъ удобномъ случаѣ, наушничали на одноклассниковъ, выдавая ихъ съ головою. Блудливые, какъ кошки, блудили они осторожно, потихоньку, чтобы не попасться начальству, ибо трусость имъ была такъ же присуща, какъ и зайцамъ, если еще не болѣе. Избалованные дома, изнѣженные и слабосильные, они избѣгали тѣлесныхъ упражненій, но за то нерѣдко первенствовали въ танцъ-классахъ и на урокахъ музыки и пѣнія. Сознавая себя недолюбливаемыми товарищами, они сторонились ихъ, особенно бурбоновъ, не очень-то съ ними церемонившихся и частенько проявлявшихъ на нихъ свои силы на столько чувствительно, что слѣды этого проявленія только чрезъ нѣсколько дней окончательно сглаживались.

Кадеты этого типа назывались кантонистами. И дорого же платились иногда такіе кантонисты за ихъ далеко небезупречныя и неприглядныя дѣйствія. Случалось, что по цѣлымъ мѣсяцамъ никто изъ товарищей не разговаривалъ съ ними, и они, какъ паріи, оставались совершенно одинокими, подъ гнетомъ общаго, неумолимаго презрѣнія, доводившаго ихъ порою до того, что они нарочно оставались на другой годъ въ томъ же классѣ, чтобъ только избавиться отъ прежнихъ одноклассниковъ и тѣмъ улучшить въ новой средѣ свое положеніе.

Вообще, въ мое время, направленіе, котораго держались кадеты, было, поистинѣ, прекрасное. Все неприглядное, въ нравственномъ отношеніи, какъ-то: заискиваніе, лесть, обманъ, ложь, скупость, попрошайство и вообще всѣ гаденькіе и нечестные поступки строго порицались и клеймились презрѣніемъ большинства. А это несомнѣнно оказывало въ высшей степени благотворное вліяніе на иныхъ, нравственно нечистоплотныхъ воспитанниковъ, особенно если нѣкоторыя дурныя свойства характера еще не успѣли пустить въ нихъ слишкомъ глубокіе корни.

VI.

Недѣли три, или около мѣсяца всѣ новички, пока не научились становиться во фронтъ и отдавать честь офицерамъ, ходили въ отпускъ въ своемъ партикулярномъ платьѣ. Я помню, какъ каждый изъ новичковъ стремился поскорѣй облечься въ форму и старался всѣми силами какъ можно скорѣе изучить не особенно хитрую процедуру отдаванія чести. Еще живѣе припоминается мнѣ та суббота, въ которую я первый разъ облекся въ форменный, кадетскій костюмъ. Онъ настолько занималъ меня, что я, придя къ бабушкѣ, по нѣсколько разъ на дню, разсматривалъ себя, украдкой, въ зеркалѣ и на другой же день заказалъ дагеротипный портретъ съ своей особы и вскорѣ отправилъ его къ родителямъ.

Воспитанники трехъ низшихъ классовъ увольнялись въ отпускъ на праздники только тогда, когда за ними приходили ихъ родители или родственники, или прислуга послѣднихъ. Въ сопровожденіи этихъ же лицъ они обязаны были и возвращаться въ институтъ. Воспитанники же остальныхъ классовъ могли уходить изъ корпуса и возвращаться въ него одни, безъ провожатыхъ.

По росту, я былъ помѣщенъ въ четвертое отдѣленіе второй роты, фельдфебелемъ которой былъ Ф. П. Ивановъ, а старшимъ и младшими унтеръ-офицерами и ефрейторомъ отдѣленія Латынинъ, князь Максутовъ, Вейценбрееръ и Лебедевъ.

Послѣ безвинно понесеннаго наказанія, я сталъ гораздо сдержаннѣе и степеннѣе, а, благодаря недурнымъ способностямъ, ученіе мое шло болѣе чѣмъ успѣшно, несмотря на то, что я не особенно усердствовалъ и старался объ этомъ. По истеченіи второй трети, я былъ уже вторымъ, по успѣхамъ ученикомъ, и фамилія моя красовалась на красной доскѣ класса.

Живо и отчетливо представляется въ моей памяти тотъ день, когда я, какъ и въ первый разъ, собирался идти въ отпускъ, а пришедшій за мною дядя сидѣлъ на моей кровати и дожидался, пока я покончу съ переодѣваніемъ. Вдругъ раздался чей-то возгласъ: „Тише! Директоръ идетъ!“

И, дѣйствительно, обычнымъ мѣрнымъ шагомъ, держа высоко голову, шелъ по отдѣленію Сергѣй Ивановичъ.

Остановившись у моей кровати и отвѣтивъ на поклонъ дяди, онъ обратился къ нему съ рѣчью, совсѣмъ не похожею на ту, которую передъ нимъ же держалъ еще такъ недавно.

— Очень радъ, сказалъ онъ, что могу лично дать вамъ весьма лестный отзывъ о вашемъ племянникѣ. Это—примѣрный мальчикъ, лучшій ученикъ въ классѣ... И учится прекрасно, и ведетъ себя

вполнѣ безукоризненно, можете порадовать его родителей. До свиданья!

И онъ направился далѣе; а я, сіяющій отъ счастія, стоялъ передъ дядей и благодарнымъ взглядомъ провожалъ удаляющагося отъ насъ директора.

Выдающимся событіемъ этого года было посѣщеніе корпуса императоромъ Николаемъ I. Его ожидали заблаговременно и, въ ожиданіи, всюду, куда только могъ заглянуть высокій посѣтитель, чистилось, подновлялось и приводилось въ порядокъ. Кровати покрывались новыми клеенками и одѣялами, комнаты тщательно провѣтривались, кадеты облекались въ новыя куртки, а находившіеся въ лазаретѣ— въ новые халаты и туфли.

Ротные командиры и дежурные офицеры, также въ новенькихъ мундирахъ и свѣжихъ блестящихъ эполетахъ, заботливо расхаживали по отдѣленіямъ и зорко слѣдили, чтобы все было въ должномъ порядкѣ, достойномъ принятія такого рѣдкаго и высокаго гостя.

Вотъ насталъ, наконецъ, давно ожидаемый день пріѣзда государя.

Это было послѣ утреннихъ классовъ.

Старшіе кадеты прохаживались по комнатамъ: младшіе забавлялись разными играми; дежурный офицеръ полуразвалясь на диванѣ, читалъ какую-то газету.

Вдругъ послышался звонкій, кадетскій голосъ; кто-то изъ нихъ съ крикомъ: „ѣдетъ! ѣдетъ!“ пробѣжалъ въ свое отдѣленіе. Всѣ всполошились и спѣшили къ своимъ мѣстамъ. Дежурные офицеры торопливо оправлялись и занимали свои посты у входа въ роты. Кадеты, выстроившись рядами, стояли уже у своихъ кроватей. Директоръ, съ баталіоннымъ и ротными командирами, чуть не бѣглымъ шагомъ стремились къ швейцарской навстрѣчу къ подъѣзжавшему уже къ корпусу государю.

Въ камерахъ наступила тишина; ряды кадетъ какъ-бы замерли на своихъ мѣстахъ; на всѣхъ лицахъ замѣчалось какое-то особенное не поддающееся описанію, выраженіе.

Вотъ государь, сопровождаемый свитою изъ начальствующихъ лицъ корпуса, появляется въ отдѣленіяхъ.

— Здравствуйте, дѣти! громкимъ и звучнымъ голосомъ обращается онъ къ кадетамъ.

— Здравія желаемъ вашему императорскому величеству! дружно отвѣчаютъ кадеты.

Поздоровавшись, государь проходитъ по отдѣленіямъ, изрѣдка останавливаясь и что-то говоря директору.

Обойдя роты, направляется онъ черезъ большой рекреаціонный залъ въ лазаретъ, гдѣ почти всегда удостоиваетъ какимъ-нибудь вопросомъ больныхъ, и тѣмъ же путемъ возвращается обратно.

Толпы кадетъ уже ждутъ его у швейцарской, врываются вслѣдъ за нимъ въ послѣднюю и, съ криками „ура!“ сопровождаютъ его на крыльцо и на набережную.

Государь садится въ сани; окруживъ экипажъ, кадеты застегиваютъ полость, становятся на запятки и бѣгутъ за отъѣзжающимъ императоромъ.

А онъ, съ доброй и привѣтливой улыбкой на устахъ, не только терпѣливо, но съ очевиднымъ удовольствіемъ, принимаетъ эти искреннія дѣтскія оваціи.

— Тише, дѣти, тише! Ступайте домой! Простудитесь! говоритъ онъ бѣгущимъ за нимъ въ однѣхъ курткахъ и безъ фуражекъ кадетамъ.

Но кадеты не слушаются и, не переставая кричать „ура!“, продолжаютъ преслѣдовать обожаемаго монарха, чуть не до слѣдующаго квартала.

Но, вотъ, раскраснѣвшіеся и взволнованные, возвращаются они въ комнаты, а тамъ уже объявляютъ имъ, что государь остался всѣмъ доволенъ и приказалъ на три дня уволить ихъ въ отпускъ.

Въ хорошую погоду, во время экзаменовъ, мы проводили бо̀льшую часть дня въ саду, гдѣ каждый занимался тѣмъ, что ему нравилось или было необходимо.

Съ половины, или конца мая, какъ только вода въ Невѣ достигала 13—14 градусовъ, насъ, ежедневно, водили купаться, въ просторную и прекрасно устроенную корпусную купальню.

Это бывало не каждый годъ, а только въ тѣ года, когда май мѣсяцъ стоялъ особенно теплый и жаркій.

Одновременно съ подготовленіемъ къ экзаменамъ, часть кадетъ, составлявшая роту своднаго баталіона [1]), подготовлялась еще къ майскому параду, который, въ царствованіе императоровъ Николая I-го и Александра II-го, бывалъ ежегодно и всегда на громадномъ плацу Царицына луга.

Успѣшно сдавъ свой первый экзаменъ въ корпусѣ, я спѣшилъ, въ сопровожденіи дяди, домой, къ бабушкѣ, на всѣ лѣтнія вакаціи, т. е. почти на цѣлыхъ три мѣсяца.

Средства бабушки не позволяли нанимать на лѣто дачи, а потому все вакаціонное время я провелъ въ городѣ и провелъ очень пріятно.

Дядя мой былъ страстный любитель уженья, къ которому и я, въ свою очередь, чувствовалъ большое влеченіе и часто развлекался

---

[1]) Сводный баталіонъ состоялъ изъ трехъ ротъ, по одной отъ корпусовъ Горнаго, Лѣснаго и Путей Сообщенія.

имъ на Уралѣ. Поэтому почти ежедневно, въ хорошую погоду, отправлялись мы съ нимъ или на Неву, къ лѣсопильнѣ Берда, или на Черную рѣчку, къ лѣсному двору Скрябина, гдѣ расположенные на водѣ, въ нѣсколько рядовъ, бревенчатые плоты представляли собою весьма удобныя мѣста для нашего любимаго спорта.

Особенно любилъ я ловить рыбу ночью, или, какъ мы называли это, наши ночевки.

Съ девяти часовъ вечера мы съ дядей уже на плотахъ; къ десяти всѣ удочки и подпуски заправлены и разставлены по мѣстамъ. Усѣвшись поудобнѣе на бревнахъ, я, въ ожиданіи клева, съ удовольствіемъ наслаждался прелестью лѣтней, петербургской ночи. Ни малѣйшаго движенія въ воздухѣ. Зеркальная поверхность рѣки, кой-гдѣ пестрящаяся неровными и быстрыми струями, красиво отражаетъ въ себѣ всѣ зданія противоположной набережной и стоящіе вдоль нея, всевозможныхъ конструкцій и размѣровъ, корабли, суда, пароходы и баржи. На оконныхъ стеклахъ домовъ, на шпицахъ и куполахъ зданій, на густомъ и стройномъ лѣсѣ, разной высоты, мачтъ и, наконецъ, на струяхъ быстрой рѣки весело играетъ зеленоватый лучъ луны, медленно плывущей по темно-синему небу. Кругомъ царитъ тишина. Только изрѣдка слышится плескъ веселъ легкаго ялика, отчалившаго отъ устроеннаго близъ плотовъ перевоза; изрѣдка запоздалый прохожій, не заставъ на этомъ берегу перевозчика, выкрикнетъ протяжно-громкое: „Эй! Подавай!“ И снова все смолкнетъ, и снова наступитъ тишина, только слегка, какъ-бы шепотомъ, нарушаемая легкимъ журчаніемъ, пробѣгающей около плотовъ, рѣчной струи.

Въ праздничные дни, по вечерамъ, ходилъ я съ дядей въ Екатерингофъ, гдѣ бывали гулянья и игралъ довольно сносный оркестръ музыки.

Дома же большую часть времени проводилъ за чтеніемъ, жадно, безъ разбора, поглощая всякую книжку, какая только попадется подъ руку. Любилъ я также прочитывать и газеты, особенно тѣ столбцы ихъ, которые заполнялись сообщеніями о военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ. Это было какъ разъ во время Крымской войны, когда и офицеры и солдаты, одинаково отличаясь на полѣ брани, прославляли Россію своими подвигами и чудесами безпримѣрной храбрости. Фамиліи Нахимова, Щеголева и другихъ героевъ этой войны переходили изъ устъ въ уста, а сами герои дѣлались популярными всюду.

Но, какъ всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, такъ пришелъ конецъ и лѣтнимъ вакаціямъ, и я, въ сопровожденіи дяди, не особенно охотно отправился въ корпусъ, гдѣ день за днемъ потекло обычное времяпровожденіе.

VII.

Наступилъ 1855 годъ, въ началѣ котораго, а именно 18 февраля, вся Россія была поражена и опечалена неожиданною смертію императора Николая I. Воспитанники Горнаго корпуса, какъ и воспитанники другихъ военно-учебныхъ заведеній столицы, дежурили при тѣлѣ въ Бозѣ почившаго государя, въ Петропавловскомъ соборѣ, и принимали участіе въ похоронной процессіи, на основаніи Высочайше утвержденнаго церемоніала.

Тотчасъ же по кончинѣ Николая I-го, мы, съ нашимъ начальствомъ во главѣ, были приведены, въ корпусной церкви, къ присягѣ на вѣрность вступившему на престолъ императору Александру II-му. Новый монархъ посѣщалъ Горный корпусъ рѣже своего покойнаго родителя, хотя такъ же, какъ и онъ, относился къ его питомцамъ весьма привѣтливо и милостиво.

Въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ никакихъ, особенно выдававшихся событій, въ нашей, кадетской жизни не было, за исключеніемъ развѣ состоявшагося, въ 1856 году, приказа объ измѣненіи нашей праздничной или парадной формы.

Вмѣсто однобортныхъ мундировъ съ фалдами дали намъ двухъбортные кафтаны, а вмѣсто бѣлой, широкой портупеи, черезъ плечо, узкую и черную, которая, какъ поясъ, носилась на таліи. Прежнія шинели замѣнили однобортными, темно-сѣраго сукна, пальто. Каска съ султаномъ надѣвалась только въ высокоторжественные дни, а въ остальные полагалось носить ее безъ султана.

Новая форма намъ очень понравилась; она, дѣйствительно, была и красивѣе, и удобнѣе старой.

Съ четвертаго класса я сталъ уже принимать участіе въ разводахъ и парадахъ.

Разводы назначались почти каждое воскресенье и происходили, въ присутствіи государя, въ громадномъ зданіи Михайловскаго манежа.

Пользовавшіеся отпускомъ кадеты, по правдѣ говоря, не очень-то долюбливали этихъ разводовъ, отнимавшихъ у нихъ значительную часть свободнаго, праздничнаго времени.

Что же касается парада, то участіе въ немъ было пріятно всѣмъ намъ, безъ исключенія. Хотя подготовительныя, фронтовыя ученія, или, такъ называемыя, репетиціи парада и бывали подъ часъ утомительны, но за то разнообразились тѣмъ, что двѣ или три послѣднія изъ нихъ происходили, совмѣстно съ воспитанниками другихъ военно-учебныхъ заведеній, на громадномъ плацу перваго кадетскаго корпуса.

Съ 1857 года, къ числу развлеченій, прибавилось для меня еще одно, новое, а именно, посѣщеніе, раза два въ теченіе зимы, домашнихъ баловъ женскаго Патріотическаго института. Мы бывали на этихъ балахъ, благодаря тому, что директоръ нашъ состоялъ попечителемъ этого института и, вслѣдствіе неотступныхъ просьбъ питомицъ послѣдняго, отпускалъ къ нимъ человѣкъ тридцать и болѣе изъ лучшихъ воспитанниковъ, преимущественно танцоровъ.

Собираясь на институтскій балъ, мы тщательно умывались, чистились, причесывались, а иные даже подвивали себѣ волосы; обувались въ собственные, отполированные ваксой сапоги; надѣвали новенькіе мундиры и бѣлыя, замшевыя перчатки. Принарядившись, какъ слѣдуетъ, по-бальному, отправлялись мы, въ опредѣленный часъ, въ сопровожденіи одного изъ ротныхъ офицеровъ, въ знакомое зданіе Патріотическаго института.

Хотя, кромѣ насъ, на институтскихъ балахъ бывали еще и другіе кавалеры изъ ближайшихъ родственниковъ институтскаго начальства, но въ крайне ограниченномъ числѣ, не болѣе десяти или двѣнадцати. Поэтому мы, горные кадеты, играли тамъ первенствующую роль и пользовались особымъ вниманіемъ и расположеніемъ институтокъ, которыя, по обыкновенію, насъ обожали. А какъ, сравнительно съ ними, число кадетъ бывало всегда не велико, то на долю каждаго изъ насъ приходилось по нѣсколько обожательницъ.

Едва появлялись мы въ залахъ института, какъ уже намъ предлагались пакетики съ лакомствами, которые, въ дни баловъ, раздавало своимъ питомицамъ ихъ непосредственное начальство. У иныхъ изъ насъ набиралось до шести, семи и болѣе такихъ пакетиковъ, уносившихся нами въ корпусъ, гдѣ мы и поѣдали ихъ содержимое, за здравіе нашихъ юныхъ и милыхъ обожательницъ.

Танцовали мы всегда оживленно и неутомимо, стараясь повертѣть, въ легкихъ танцахъ, какъ можно большее число институтокъ.

Танцовать съ настоящими кавалерами, а не шерочка съ машерочкой, доставляло имъ такое большое удовольствіе, что когда, бывало, подойдешь къ группѣ дѣвочекъ, то явно замѣчаешь на ихъ лицахъ пламенное желаніе быть приглашенной на танецъ, а вслѣдъ затѣмъ — непритворную радость ангажированной и печаль и разочарованіе остальныхъ.

Разскажу, кстати, еще одинъ небольшой эпизодъ изъ моей кадетской жизни, доставившій мнѣ, между прочимъ, личное знакомство съ бывшимъ тогда начальникомъ штаба корпуса горныхъ инженеровъ, генералъ-маіоромъ, Александромъ Абрамовичемъ Перетцъ, котораго, до того времени, я не зналъ даже и въ лицо.

Это было лѣтомъ. Отправившись навѣстить своего одноклассника,

М—цкаго, проводившаго у него, какъ своего дяди по матери, лѣтнія вакаціи, на одной изъ дачъ Крестовскаго острова, принадлежащихъ князю Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, я шелъ, не торопясь, по какой-то улицѣ Петербургской стороны, по направленію къ Крестовскому острову. День стоялъ очень жаркій. Я разстегнулъ пальто, надѣлъ фуражку, а снятую каску несъ въ рукѣ. Уже до Крестовскаго острова оставалось не болѣе сотни шаговъ, какъ вдругъ, сзади меня, послышался стукъ колесъ экипажа. Я оглянулся и увидѣлъ ѣхавшаго въ коляскѣ, въ форменной, горнаго вѣдомства, шинели, какого-то пожилаго мужчину. Не зная, офицеръ ли это, или чиновникъ, а горнымъ чиновникамъ честь мы не отдавали, я продолжалъ идти, отвернувшись лицомъ въ сторону отъ дороги, дѣлая видъ, что не замѣчаю проѣзжающаго.

Но маневръ вышелъ неудачнымъ. Экипажъ, нѣсколько обогнавъ меня, остановился, и сидѣвшій въ немъ господинъ крикнулъ:

— Господинъ кадетъ, пожалуйте сюда!

Я подошелъ и снялъ фуражку.

— Какъ ваша фамилія?

Я сказалъ.

— Стыдитесь! Вы, первый ученикъ въ классѣ, и позволяете себѣ такую невѣжливость, не отдаете чести даже вашему горному генералу.

— Виноватъ, ваше превосходительство. Вы ѣхали въ шинели, и я думалъ, что это могъ быть чиновникъ.

— Даже если бы и такъ. Все же лучше излишняя вѣжливость, чѣмъ недостатокъ ея. Ступайте!

Генералъ помчался далѣе, а я еще нѣсколько секундъ стоялъ все на томъ же мѣстѣ, страшно досадуя и терзаясь мыслію, что, вотъ, генералъ пожалуется директору, и меня навѣрное обойдутъ званіемъ ефрейтора, которое я разсчитывалъ получить послѣ вакацій. А получить это званіе въ пятомъ классѣ было весьма лестно, такъ какъ оно давалось, большею частію, только первому, по успѣхамъ въ наукахъ, ученику.

Но случившагося не вернешь, и я, въ уныломъ настроеніи духа, сталъ продолжать свой путь. Разыскавъ дачу и пройдя въ комнату товарища, я разсказалъ ему о приключившемся со мною казусѣ.

— Кто бы это могъ быть? спросилъ я, кто изъ нашихъ генераловъ живетъ на Крестовскомъ?

М—цкій назвалъ двѣ или три фамиліи.

— Нѣтъ, это не они; этихъ я знаю.

— А на какихъ лошадяхъ онъ ѣхалъ? спросилъ М—цкій.

— Не помню... не замѣтилъ...

— Жаль. Я здѣсь всѣхъ лошадей знаю и по нимъ могъ бы тебѣ сказать, съ кѣмъ ты встрѣтился. Ну, да это все вздоръ, и особенно безпокоиться, право, не стоитъ.

— Какъ не стоитъ? А если онъ пожалуется?

— Едва-ли; да еслибы и пожаловался, ну, сдѣлаютъ замѣчаніе, только и всего.

Въ это время вошла въ комнату какая-то пожилая дама, оказавшаяся теткой М—цкаго, которой послѣдній тотчасъ же меня и представилъ.

— Очень рада познакомиться, сказала она привѣтливо и, обратясь къ племяннику, добавила: —А теперь идемте обѣдать.

И мы, всѣ вмѣстѣ, отправились въ столовую. Каково же было мое удивленіе, когда увидѣлъ я въ ней того самаго генерала, съ которымъ такъ неудачно встрѣтился на улицѣ и который оказался никѣмъ инымъ, какъ Александромъ Абрамовичемъ Перетцъ, хозяиномъ дачи и дядей М—цкаго. Я, разумѣется, растерялся и страшно сконфузился; а онъ не только обошелся со мной радушно и привѣтливо, но и къ самому эпизоду встрѣчи отнесся шутливо и добродушно.

Крайне довольный, что все обошлось благополучно, я вскорѣ же совсѣмъ успокоился и превесело провелъ время на прекрасной дачѣ у гостепріимныхъ и милыхъ ея обитателей.

VIII.

Съ переходомъ изъ пятаго въ шестой, или въ первый спеціальный классъ, я, вмѣстѣ со своими одноклассниками, долженъ былъ около пяти недѣль провести на практическихъ занятіяхъ по геодезической съемкѣ и нивеллировкѣ мѣстностей.

Занятія эти, подъ руководствомъ профессора Г. А. Тиме, происходили въ окрестностяхъ Петербурга, около деревни Паргoлово, гдѣ было нанято нѣсколько дачъ, для размѣщенія въ нихъ на время лѣтнихъ вакацій, всѣхъ воспитанниковъ, не имѣвшихъ возможности воспользоваться отпускомъ.

До сихъ поръ лѣтнія вакаціи я проводилъ въ городѣ, въ квартирѣ бабушки, а потому въ этомъ году мнѣ привелось въ первый разъ ознакомиться съ условіями кадетской жизни на дачѣ.

На другой или на третій день послѣ годичнаго акта, рано утромъ, выстроившись въ двѣ шеренги, вышли мы, въ сопровожденіи

дежурнаго офицера, изъ корпуса и отправились Василеостровской набережной, а затѣмъ по улицамъ Петербургской стороны, по направленію къ деревнѣ Парголово. На половинѣ пути мы остановились для отдыха и съ удовольствіемъ расположились, во всевозможныхъ, удобныхъ позахъ, на мягкой и свѣжей травѣ, почти у самой дороги. Сейчасъ же появились корзины съ провизіей, и мы весело и съ аппетитомъ принялись подкрѣплять свои, нѣсколько утомленныя болѣе чѣмъ пятнадцати-верстнымъ переходомъ силы.

Послѣ довольно продолжительнаго отдыха, мы отправились далѣе и часа черезъ три были уже въ Парголовѣ.

Нѣсколько дачъ, каждая въ три и четыре большихъ комнаты, уже были, къ нашему приходу, совсѣмъ приготовлены и устроены. Въ трехъ изъ нихъ размѣстились кадеты, а въ остальныхъ—ротный командиръ, офицеры, профессоръ Тиме и два преподавателя: французскаго языка—Филліонъ, и русскаго—Михайловъ. Обязанности послѣднихъ двухъ заключались въ полутора или двухъ-часовыхъ занятіяхъ съ кадетами младшихъ классовъ.

Въ нашихъ дачахъ кроватей не было, и матрацы, съ оригинальными между ними промежутками, укладывались прямо на полу, перпендикулярно продольныхъ стѣнъ комнатъ. Въ промежуткахъ же помѣщались сундучки, или шкатулки, заключавшіе въ себѣ личное имущество воспитанниковъ.

Строй дачной кадетской жизни рѣзко отличался отъ городской. Вставали мы часомъ позже, а именно въ восемь часовъ, ложились же спать около одиннадцати и даже позже. Вмѣсто сбитня, утромъ и вечеромъ, пили чай; за обѣдомъ подавалось три, а за ужиномъ—одно блюдо; но блюда эти были несравненно вкуснѣе и разнообразнѣе, чѣмъ подававшіяся въ стѣнахъ корпуса.

За исключеніемъ двухъ-часовыхъ занятій воспитанниковъ младшихъ классовъ и четырехъ—пяти часовъ, ежедневно посвящавшихся кадетами перваго спеціальнаго класса ихъ практическимъ работамъ, все остальное время мы были совершенно свободны и проводили его по своему личному усмотрѣнію. Кто собиралъ цвѣты и травы для гербарія, кто разыскивалъ всевозможныхъ жуковъ, бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ, насаживалъ ихъ на булавки и присоединялъ къ уже ранѣе собраннымъ, въ особыхъ, плоскихъ съ стеклянными крышками ящикахъ; кто кроилъ изъ картона разнообразныхъ формъ фонари, или выдѣлывалъ изъ дерева, съ замысловатыми ручками, трости. Большинство же разгуливало по окрестностямъ, ходило въ ближайшій лѣсъ за ягодами, купалось, удило рыбу, читало, рисовало и забавлялось разными играми. Особенно любили мы гулять въ Шуваловскомъ саду, находившемся не особенно далеко отъ нашихъ дачъ. Дѣйстви-

тельно, этотъ громадный и прихотливо разбитый садъ, съ его горками, мостиками и цвѣтниками, представлялъ столько живописныхъ уголковъ и мѣстечекъ, что невольно, какъ магнитъ, притягивалъ къ себѣ большую часть окрестныхъ дачниковъ. Бывало также, что нѣкоторые кадеты старшихъ классовъ посѣщали, разумѣется тайкомъ отъ начальства, ближайшій къ дачамъ трактиръ, гдѣ съ увлеченіемъ играли на билліардѣ и даже позволяли себѣ пропустить рюмку—другую вина или водки, не столько ради потребности въ этомъ, сколько ради какого-то чисто дѣтскаго удальства. По вечерамъ же, послѣ ужина, обыкновенно составлялся хоръ, и распѣвались на открытомъ воздухѣ всевозможныя кадетскія пѣсни.

А между тѣмъ, шли своимъ чередомъ и наши практическія работы, которыми мы занимались не только добросовѣстно, но даже съ удовольствіемъ. Усердно таскали цѣпи, вбивали колья и устанавливали инструменты. Въ теченіе пяти недѣль мы успѣли снять и нанести на планъ изрядную часть лежащей недалеко отъ Парголова и заранѣе избранной профессоромъ мѣстности.

Нанесеніе съ черновыхъ планшетовъ на большой листъ ватманской бумаги всѣхъ нашихъ работъ было поручено мнѣ, совмѣстно съ однимъ изъ товарищей Т—нымъ. А какъ работа эта требовала лишняго и при томъ довольно продолжительнаго времени, то, по окончаніи практическихъ занятій и по представленіи рабочихъ журналовъ и плана учебному начальству, мы съ товарищемъ были удостоены наградами. Я получилъ изящный, сохранившійся у меня до сихъ поръ, чернаго дерева ящикъ съ акварельными красками и разными принадлежностями для рисованія, а Т—нъ прекрасную готовальню.

Нѣсколько разъ, въ теченіе лѣта, устраивались кадетами домашніе спектакли. Для сцены было приспособлено широкое и глубокое крыльцо одной изъ дачъ, а для зрителей разставлены ряды скамеекъ на просторной противъ крыльца площадкѣ. Костюмы, принадлежности для грима и прочія, необходимыя для спектакля, вещи доставлялись, благодаря добротѣ и заботливости нашего ротнаго командира, В. П. Добронизскаго, изъ города отъ обычнаго кадетскаго поставщика—парикмахера.

Спектакли эти охотно посѣщались семействами корпуснаго начальства и приглашенными заблаговременно окрестными дачниками. Сходили они большею частью весьма удачно и доставляли не мало удовольствія какъ исполнителямъ, такъ равно и всей дачной публикѣ.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней пребыванія на дачѣ устраивался нами обычный прощальный вечеръ, къ которому готовились чуть не съ первыхъ же дней по прибытіи въ Парголово. Въ теченіе этого

вечера игралъ оркестръ корпусной музыки, а дачные дома и садъ были такъ прекрасно иллюминованы, что приводили въ восхищеніе всѣхъ посѣтившихъ этотъ вечеръ дачниковъ. И не мудрено: не говоря уже о художественномъ размѣщеніи цвѣтныхъ гирляндъ изъ фонарей на зданіяхъ, бесѣдкахъ, а также въ аллеяхъ и площадкахъ сада, самые фонари представляли собою нѣчто незаурядное и весьма красивое. Помимо нѣсколькихъ сотъ круглыхъ, цвѣтныхъ фонариковъ, между которыми было до 5% вращающихся, навѣшивалась еще масса, сравнительно, большихъ и самыхъ разнообразныхъ формъ фонарей: въ видѣ вазъ, тюльпановъ, шаровъ и т. п. Въ центрѣ главной площадки висѣлъ фонарь-гигантъ, такой величины, что внутри его могъ свободно помѣститься не только малецъ, но и взрослый, солидный воспитанникъ. Украшавшія его кисти были сдѣланы изъ маленькихъ, круглыхъ фонариковъ. Всѣ эти фонари дѣлались изъ картона, на которомъ вырѣзывались различныя сквозныя фигуры, звѣзды, кружки и всевозможныя арабески, а вырѣзанныя части подклеивались изнутри разноцвѣтною, папиросною бумагою. Въ крупныхъ фигурахъ бумага подклеивалась въ четыре, пять и болѣе рядовъ, съ небольшими другъ отъ друга отступленіями, такъ что при освѣщеніи получалось нѣсколько, одинъ въ другой переходящихъ цвѣтныхъ тоновъ. По этому можно судить, на сколько кропотлива и медленна была такая работа и какъ много времени затрачивалось на нее, если въ теченіе двухъ мѣсяцевъ кадеты успѣвали изготовить такое громадное количество фонарей.

Словомъ, житье-бытье наше на дачѣ можно было назвать и привольнымъ, и чрезвычайно пріятнымъ. Пользуясь значительно большей свободой, не обременяемые уроками и фронтовыми ученіями, находясь постоянно на открытомъ воздухѣ, мы постепенно и незамѣтно укрѣпляли свои, какъ нравственныя, такъ и физическія силы.

Неизмѣнно, каждое лѣто, какъ домашній песъ, слѣдовалъ за нами на дачу и нашъ корпусной разнозчикъ—Гришка, съ своимъ соблазнительнымъ и вкуснымъ, товаромъ и торговалъ тамъ успѣшнѣе и выгоднѣе, нежели въ городѣ.

Но, вотъ, наступило 15-е августа, и кадеты, съ грустью покидая Парголово, уныло маршируютъ по направленію къ городу и неохотно водворяются на своихъ зимнихъ квартирахъ, гдѣ снова потянется однообразная и монотонная жизнь.

Прошелъ еще годъ. Снова наступили экзамены, по окончаніи которыхъ, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, я, по совѣту корпуснаго врача, намѣревался въ первый разъ поѣхать на время лѣтнихъ вакацій на Уралъ, гдѣ въ теченіе шести лѣтъ не былъ еще ни разу. Да и какъ поѣдешь туда, въ такую даль, за 2.000 верстъ, да

еще въ то время, когда желѣзная дорога существовала только до Москвы, а пассажирскіе пароходы по Камѣ еще не ходили. Первые рейсы ихъ начались только съ 1858 года.

Порядочно прихворнувъ послѣ Пасхи, я не имѣлъ возможности подготовиться къ экзамену теоретической химіи. Поэтому я порѣшилъ заняться этимъ предметомъ въ теченіе лѣта и держать изъ него экзаменъ уже осенью. Распорядившись такимъ образомъ и сдавъ послѣдній экзаменъ, я направился въ свое отдѣленіе и сталъ собираться въ дорогу, деньги на которую уже были получены. Какъ разъ въ это время по отдѣленію проходилъ директоръ и, остановясь около меня, спросилъ, что я дѣлаю.

— Собираюсь домой, на Уралъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ я.

— Все это прекрасно, сказалъ Волковъ; но только, милый мой, надо сперва держать экзаменъ изъ химіи.

— Я просилъ уже разрѣшенія держать его послѣ вакацій.

— Этого нельзя. У тебя прекрасные баллы и, откладывая экзаменъ до осени, ты лишишься права на полученіе медали, чего я допустить не могу.

— Но, не подготовившись, я рискую получить дурную отмѣтку.

— Вздоръ, любезный, вздоръ. Этого быть не можетъ. Ты долженъ держать. Экзаменъ назначенъ завтра. А тамъ, съ Богомъ, поѣзжай себѣ на Уралъ.

Съ этими словами директоръ удалился, а я стоялъ у своей кровати, не только недовольный, но и въ большомъ страхѣ за благополучный исходъ экзамена, тѣмъ болѣе, что многое изъ курса было мною уже порядкомъ забыто, а около трети даже ни разу еще не прочитано.

И, вотъ, не угодно ли въ одинъ вечеръ все это проштудировать и получить хорошій баллъ.

Но, дѣлать нечего. Воля начальства—законъ. Скрѣпя сердце, ни разу не заглянувъ въ учебникъ и, находясь въ самомъ дурномъ настроеніи духа, расхаживалъ я, на другой день, по большому рекреаціонному залу и поджидалъ прихода профессора химіи—Соколова. Прекрасно зная его требованія и ту строгость и безпристрастность, съ которыми онъ относился къ своимъ ученикамъ, я мало надѣялся на успѣхъ и горько сѣтовалъ на судьбу, сулившую мнѣ неминуемо и постыдно провалиться. Въ такихъ, далеко нерадостныхъ думахъ, застало меня появленіе въ залѣ профессора.

— Вѣдь вы хотѣли экзаменоваться послѣ вакацій, спросилъ онъ, отвѣтивъ на мое привѣтствіе; почему же вздумали вдругъ измѣнить ваше намѣреніе? Или успѣли уже подготовиться?

— Далеко нѣтъ, отвѣчалъ я; держать экзаменъ сегодня заставляетъ меня директоръ, противъ моего желанія.

— По какой же именно причинѣ?

— Онъ говоритъ, что у меня изъ всѣхъ предметовъ хорошіе баллы, и если я отложу экзаменъ до осени, то не получу медали.

— А вамъ, конечно, получить ее очень желательно? спросилъ профессоръ съ ироніей.

— Совсѣмъ нѣтъ. Это желаніе директора, а меня она не прельщаетъ. Да и могу ли я разсчитывать на медаль, когда не успѣлъ даже подготовиться къ экзамену.

— А какой баллъ требуется вамъ, чтобы не лишиться сей блестящей вещицы?

— Не меньше одиннадцати.

Въ это время къ намъ подошли два другіе члена экзаменаціонной коммиссіи, оба горные инженеры и товарищи по выпуску. Всѣ вмѣстѣ вошли мы въ одну изъ классныхъ комнатъ. Я остановился у доски, а профессоръ съ ассистентами размѣстились за столомъ. Впрочемъ, экзаменовалъ меня одинъ только Соколовъ, такъ какъ оба ассистента горячо продолжали вести какой-то интересный разговоръ, начатый ими ранѣе.

Задавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ и получивъ на одни изъ нихъ очень посредственные, а на другіе—и вовсе неудовлетворительные отвѣты, Соколовъ сказалъ „довольно" и крупною цифрою изобразилъ на экзаменаціонномъ листѣ одиннадцать.

Такимъ образомъ, совершенно неожиданно, я не только получилъ большую серебряную медаль, но и былъ освобожденъ отъ непріятныхъ заботъ—готовиться лѣтомъ къ экзамену.

Нечего и говорить, съ какимъ удовольствіемъ покинулъ я Петербургъ и какъ пріятно и разнообразно, въ кругу близкихъ родныхъ и знакомыхъ, провелъ все время почти трехмѣсячныхъ лѣтнихъ вакацій.

IX.

Съ переходомъ во второй спеціальный классъ приходилось намъ, два раза въ недѣлю, заниматься въ лабораторіи, гдѣ мы, подъ руководствомъ профессора Иванова, производили качественные и количественные анализы.

Занятія эти были очень интересны, и мы охотно и съ большимъ удовольствіемъ проводили за ними не только положенное на нихъ

время, но и всѣ тѣ учебные часы, когда почему-либо не приходили въ классъ наши профессоры.

Въ лабораторіи оба послѣдніе класса работали одновременно, а потому, естественно, что воспитанники этихъ двухъ классовъ всегда бывали почти такъ же близки между собою, какъ и съ своими одноклассниками.

Въ лабораторіи мы пользовались, сравнительно, большей свободой. Тамъ мы, не стѣсняясь и курили, и распивали чаи. Вмѣсто чайниковъ служили намъ стеклянныя колбы, въ которыхъ, въ песчаныхъ баняхъ [1]), кипятили воду и заваривали чай. Чайную посуду замѣняли лабораторные стаканы, а сахаръ, вмѣсто ложекъ, размѣшивался круглыми, стеклянными палочками.

Одновременно съ появленіемъ нашимъ въ лабораторіи, появлялся въ ней и неизмѣнный нашъ разносчикъ Гришка, у котораго закупали мы и булки, и плюшки, и тому подобныя съѣдобныя вещи.

Лабораторія состояла изъ большой и длинной комнаты, раздѣленной, вдоль, колоннами и песчаными банями, на двѣ равныя части. Въ каждой изъ нихъ имѣлись столы съ выдвижными ящиками и шкафы съ полками, въ которыхъ хранились наша лабораторная посуда и прочія, необходимыя, для производства анализовъ, вещи и принадлежности. Въ одной половинѣ комнаты занимались воспитанники втораго, а въ другой — воспитанники третьяго спеціальнаго класса. Комната, гдѣ получался сѣрнистый водородъ, находилась рядомъ съ помѣщеніемъ лабораторіи и отдѣлялась отъ послѣдняго холодными сѣнями. При лабораторіи, кромѣ того, имѣлись кабинеты для профессора и лаборантовъ.

Прежде чѣмъ отправиться въ лабораторію, мы переодѣвались въ старые, отслужившіе свой срокъ, мундиры, дабы не испортить вседневной нашей одежды, при безпрестанной вознѣ со всевозможными кислотами.

Пока процѣживались растворы, или просушивались осадки, мы, покуривая папиросы и прихлебывая чай, вели себѣ, бывало, какой-нибудь разговоръ съ сосѣдями по столамъ, и пять-шесть часовъ лабораторныхъ занятій проходили для насъ и пріятно, и незамѣтно.

Анализы, особенно количественные, при производствѣ которыхъ приходилось опредѣлять не только какія именно тѣла заключаются

---

[1]) Четырехъугольныя, изразцовыя печи, на верхней части которыхъ устроено по четыре квадратныхъ углубленія, нагрѣваемыхъ топкою и наполненныхъ слоемъ мелкаго песка, вершка въ три толщиною. На дно углубленія ставились и зарывались въ песокъ сосуды съ жидкостями, для ихъ испаренія, и стеклянныя воронки съ осадками, для просушки послѣднихъ. Сверху углубленія, для предохраненія отъ пыли, прикрывались легкими деревянными, со стеклами, коробками, около 5-ти вершковъ вышиною.

въ данномъ профессоромъ порошкѣ, но и посколько именно процентовъ содержится ихъ во сто частяхъ его, требовали усидчивости, большаго терпѣнія и чисто нѣмецкой аккуратности. А какъ далеко не всѣ кадеты обладали этими свойствами, то, чтобы не отстать отъ другихъ и представить профессору болѣе или менѣе удовлетворительные результаты работъ, прибѣгали къ весьма удобному и простому пріему.

Разъ въ недѣлю, Назарій Андреевичъ обходилъ своихъ учениковъ и слѣдилъ за успѣшностью ихъ занятій.

— Ну-те-съ, обратится онъ, бывало, къ кому-нибудь изъ нихъ: что вами сдѣлано?

— Да вотъ, Назарій Андреевичъ, я опредѣлилъ уже сюрьму и олово, отвѣчаетъ ему спрошенный.

— А ну-те-съ, сколько же получилось?

— Сюрьмы 11,36, а олова 7,41%.

— Номеръ вашего порошка?

— Двадцать третій.

Ивановъ достаетъ изъ кармана памятную книжку и, заглянувъ въ нее, замѣчаетъ:

— Не вѣрно-съ. Осадокъ сюрьмы плохо просушенъ, а растворъ съ оловомъ вы, вѣроятно, по небрежности, пролили. Надо-съ работать аккуратнѣе.

Проговоривъ это, онъ направляется къ слѣдующему воспитаннику.

А первый, между тѣмъ, уже соображаетъ: не просушенъ осадокъ, значитъ, сюрьмы показано много, а пролитый растворъ указываетъ, наоборотъ, что олова должно заключаться въ порошкѣ значительно болѣе.

И, вотъ, при слѣдующемъ обходѣ профессора, онъ убавляетъ количество первой и увеличиваетъ количество втораго.

Если Ивановъ скажетъ: „Да-съ, довольно близко“, или „очень близко-съ“, кадетъ удовольствуется объявленною имъ цифрою, а если, напротивъ, профессоръ замѣтитъ, что работа ведена неаккуратно, то онъ, къ слѣдующему обходу, или нѣсколько увеличитъ, или уменьшитъ ее, и дѣйствуетъ такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока Назарій Андреевичъ не вымолвитъ: „Очень близко-съ“, или „очень хорошо-съ“.

Къ этому, нехитрому пріему прибѣгали впрочемъ очень не многіе и, благодаря ему, безъ всякаго труда, представляли профессору весьма удовлетворительные результаты анализовъ.

За періодъ 1859—60-го учебнаго года я могу отмѣтить только два, болѣе или менѣе выдававшихся эпизода изъ моей кадетской

жизни, а именно: случайное знакомство съ литераторомъ, И. И. Панаевымъ и поѣздку на практическія занятія въ Финляндію.

Моимъ любимымъ въ свободное время занятіемъ было чтеніе. Уже съ третьяго класса я сталъ жадно поглощать беллетристическія произведенія и критическія статьи современныхъ писателей, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Благодаря одному изъ кадетъ, родственница котораго имѣла большую библіотеку, мнѣ представлялась возможность почти постоянно пользоваться всевозможными книгами и журналами. Кромѣ того, къ моимъ услугамъ была всегда и наша классная библіотека.

Пристрастившись къ чтенію и воспылавъ страстью къ литературѣ, я и самъ сталъ изрѣдка пописывать и прозой, и стихами. Послѣдніе, однако жъ, предпочиталъ первой, вѣроятно потому, что они давались мнѣ, сравнительно, легко. Темы для стихотвореній я бралъ преимущественно изъ кадетской жизни, и всѣ мои стихи нравились товарищамъ и охотно ими прочитывались. Но не считая кадетъ достаточно компетентными судьями и не довольствуясь ихъ отзывами, я порѣшилъ отдать свои риѳмовыя произведенія на судъ какого-либо извѣстнаго литератора. А какъ болѣе другихъ изъ современныхъ писателей, мнѣ нравился Некрасовъ, то я и остановилъ свой выборъ на этомъ симпатичномъ поэтѣ.

Въ одно изъ воскресеній, заручившись предварительно, въ адресномъ столѣ, справкой о мѣстѣ жительства Некрасова и захвативъ съ собой нѣсколько стихотвореній, я направился, около часу дня, къ квартирѣ поэта, жившаго въ то время, вмѣстѣ съ Панаевымъ.

Робко, съ замираніемъ сердца, позвонилъ я у входныхъ дверей и попросилъ отворившаго ихъ лакея доложить обо мнѣ Некрасову.

— Ихъ нѣтъ дома, отвѣчалъ лакей.

Какая досада, подумалъ я, но, вспомнивъ, что онъ живетъ вмѣстѣ съ Панаевымъ, который, какъ извѣстный литераторъ, тоже могъ быть судьей въ моемъ дѣлѣ, я спросилъ:

— А г. Панаевъ дома?

— Они дома.

— Ну, такъ доложите, что я желалъ бы его видѣть.

Лакей ушелъ и, вскорѣ же вернувшись, сказалъ:

— Пожалуйте.

Снявъ пальто, я нерѣшительно и конфузливо вошелъ въ кабинетъ, гдѣ, въ халатѣ, встрѣтилъ меня Панаевъ. Пригласивъ садиться и спросивъ,—въ чемъ дѣло, онъ взялъ у меня рукопись съ стихами и сталъ ихъ прочитывать.

— Изъ того, что вы мнѣ дали, сказалъ онъ по прочтеніи: я могу только заключить, что у васъ есть способность къ стихосложенію.

Но этого мало. Главнѣйшее, что краситъ всякое произведеніе и придаетъ ему извѣстную цѣну, это—его сущность, т. е. мысль, идея. А потому, чтобы быть порядочнымъ литераторомъ или поэтомъ, требуется надлежащая подготовка, солидная эрудиція... нужно ближе ознакомиться съ жизнью, изучить ее во всѣхъ ея проявленіяхъ и брать для своихъ темъ все то, что можетъ благотворно вліять на читателей и способствовать направленію ихъ мыслей ко всему честному и прекрасному, въ широкомъ значеніи этого слова.

Я молча и жадно внималъ рѣчамъ хозяина-литератора и конечно вполнѣ и во всемъ съ нимъ соглашался.

Еще нѣсколько минутъ говорилъ онъ въ этомъ же родѣ и былъ со мною какъ нельзя болѣе любезенъ и внимателенъ. Затѣмъ предложилъ мнѣ кофе и разспрашивалъ меня о нашей кадетской жизни.

Просидѣвъ у Ивана Ивановича болѣе часа, я откланялся и пошелъ домой, чрезвычайно довольный, что удалось познакомиться и поговорить съ однимъ изъ видныхъ современныхъ дѣятелей на литературномъ поприщѣ.

Въ концѣ мая, сдавъ экзамены и перейдя въ послѣдній классъ, мы весело собирались на практическія занятія въ Финляндію.

Для удобства путешествія, нашъ классъ, состоявшій изъ семнадцати человѣкъ, былъ раздѣленъ на двѣ партіи. Одна, съ профессоромъ В. В. Бекомъ во главѣ, отправилась на пароходѣ, внизъ по теченію Невы, и начала обзоръ заводовъ и рудниковъ съ юга Финляндіи. Другая же, подъ руководствомъ помощника инспектора Юргенса, также на пароходѣ, выѣхала вверхъ по Невѣ и приступила къ ознакомленію съ горнымъ дѣломъ этой страны, начиная съ ея сѣверной части.

Въ первыхъ числахъ іюня, въ заранѣе назначенный день, я, съ своей, второй партіей, былъ уже на пароходѣ. Удобно размѣстившись въ каютахъ перваго класса, отчалили мы отъ пристани и понеслись вверхъ по Невѣ. Къ вечеру мы входили уже въ Ладожское озеро. Погода стояла пасмурная, и дулъ довольно чувствительный, сѣверный вѣтеръ, который къ ночи замѣтно усилился. Это было крайне непріятно, такъ какъ хотя и не особенно большія, но рѣзкія волны озера производили весьма ощутительную качку. Непривычное къ послѣдней, большинство изъ насъ испытывало ея послѣдствія. Убаюканный качкою, я рано и крѣпко заснулъ въ своей каютѣ, находившейся на самомъ носу парохода. Между тѣмъ вѣтеръ крѣпчалъ, волны все сильнѣе и сильнѣе хлестали о бока парохода и обдавали меня брызгами, а иногда и цѣлою струею воды, врываясь въ окно каюты, которое или не было совсѣмъ закрыто, или было только слегка притворено. Я ничего не чувствовалъ и продолжалъ спать, какъ убитый, пока не

разбудили меня лихорадочная дрожь и нестерпимый холодъ. Открывъ глаза, я едва могъ подняться съ дивана. Все мое платье и бѣлье были насквозь промочены. Сейчасъ же перемѣнить ихъ не представлялось возможности, такъ какъ запасная одежда, вмѣстѣ съ бѣльемъ, уложенныя въ чемоданѣ, были сданы въ багажъ. Дѣлать нечего, приходилось обсушиваться и обогрѣваться на воздухѣ. Накинувъ пальто, я поспѣшилъ скорѣй на палубу, уже ярко облитую горячими лучами утренняго, лѣтняго солнца. Выбравъ мѣстечко, гдѣ никого не было и гдѣ никто видѣть меня не могъ, я скинулъ съ себя платье и бѣлье, накрылся пальто и съ удовольствіемъ обсушивался и отогрѣвался на солнцѣ. Одновременно просушивались и развѣшенныя мною одежда и бѣлье.

Къ утру погода измѣнилась къ лучшему, вѣтеръ замѣтно утихъ, и все снятое и мокрое, въ какой-нибудь часъ времени, успѣло уже на столько высохнуть, что я могъ одѣться и отправиться въ рубку, куда поспѣлъ какъ разъ къ началу кадетскаго чаепитія. Два, три стакана горячаго чая окончательно меня обогрѣли, и я, позабывъ всѣ непріятности минувшей ночи, съ удовольствіемъ отдался впервые испытываемымъ мною ощущеніямъ этого, почти морскаго, путешествія.

До прибытія къ городу Сердоболю, находящемуся на сѣверномъ берегу Ладожскаго озера, мы посѣтили, по пути, Коневецъ и Валаамъ. Объ этихъ островахъ, съ ихъ живописнымъ мѣстоположеніемъ, монастырскими церквами и зданіями, прекрасно описанныхъ талантливой рукою Немировича-Данченко, я распространяться не буду, а скажу только, что мнѣ они очень понравились, и я любовался ими съ удовольствіемъ.

По прибытіи въ Сердоболь, мы осмотрѣли находящіеся близъ него ломки сѣраго сіенито-гранита, изъ котораго, какъ извѣстно, сдѣланы, между прочимъ, памятникъ императору Николаю I-му и Николаевскій мостъ въ Петербургѣ.

Отъ Сердоболя мы продолжали нашъ путь, сперва на сѣверъ, а затѣмъ на западъ, юго-западъ и югъ Финляндіи, уже на лошадяхъ, въ особыхъ, двухколесныхъ экипажахъ, съ довольно упругими деревянными рессорами. Эти экипажи, или таратайки, какъ мы ихъ называли, представляли собою родъ кабріолета; въ нихъ могли помѣститься два человѣка и чемоданъ. Въ таратайки запрягалось по одной лошади; ямщиковъ къ нимъ не полагалось, а, вмѣсто нихъ, на каждыя двѣ-три таратайки, отпускали со станціи по одному мальчику, который, по-чухонски, назывался пойга. Мальчики эти служили не для управленія лошадьми, чтò дѣлали обыкновенно сами путешественники, а единственно для указанія дороги и доставки экипажей обратно.

Насъ въ партіи было десять человѣкъ, а потому намъ требовалось на каждой станціи по пяти таратаекъ и по два мальчика.

Усѣвшись, съ товарищемъ С—нымъ, въ одну изъ таратаекъ, мы двинулись въ путь къ мѣстечку Питкаранта, гдѣ должны были ознакомиться съ мѣдными рудниками и заводами. Почтовая дорога, какъ и вообще большинство финляндскихъ дорогъ, была хотя и не широкая, но за то ровная и твердая, какъ мостовая. Финскія лошадки вообще бѣгутъ не лѣниво и бойко; только въ гору, хотя бы она была не высокая и пологая, онѣ идутъ медленно, почти шагомъ; но, дойдя до вершины, начинаютъ ускорять шагъ и, не сдерживаясь, несутся съ горы чуть не маршъ-маршемъ. Это, какъ я замѣтилъ, было общее свойство всѣхъ финскихъ лошадей, по крайней мѣрѣ содержавшихся на почтовыхъ трактахъ.

Не знаю, благодаря чему, деревяннымъ ли рессорамъ таратайки, или прекрасному полотну дороги, но только мы почти совсѣмъ не ощущали ни толчковъ, ни тряски и, сдѣлавъ въ день болѣе ста пятидесяти верстъ, достигали мѣста ночлега совершенно бодрыми и очень мало утомленными.

Нельзя не похвалить и станціонныхъ домовъ Финляндіи. Въ каждомъ изъ нихъ мы находили, кромѣ довольно просторной, общей комнаты, еще двѣ или три спальни, съ нѣсколькими кроватями, опрятными матрацами и другими необходимыми принадлежностями. На каждой станціи можно было имѣть хотя простой, но вкусный и сытный обѣдъ, не говоря уже о самоварѣ и чайной посудѣ. Всѣ комнаты содержались чисто и представляли, въ этомъ отношеніи, довольно замѣтный контрастъ съ постоянными дворами и почтовыми станціями различныхъ большихъ и малыхъ трактовъ внутри Россіи.

Въ Питкарантѣ мы прожили болѣе недѣли, изучая и описывая ея мѣдные рудники и заводы. Свободное отъ занятій время мы посвящали прогулкамъ по окрестностямъ, среди которыхъ встрѣчалось не мало мѣстечекъ, отличавшихся красотою и живописностью. Въ тихую погоду катались въ лодкѣ по близъ лежащему озеру; знакомились съ бытомъ мѣстнаго населенія и, заучивъ нѣсколько финскихъ словъ, вступали иногда въ разговоры съ тѣмъ или другимъ изъ встрѣчавшихся финновъ.

Мнѣ очень понравился этотъ трудолюбивый, чистоплотный и замѣчательно честный народъ. Какъ образецъ честности, приведу одинъ случай съ нашимъ руководителемъ практическихъ работъ, Юргенсомъ. На пути изъ Питкаранты въ Гельсингфорсъ, онъ потерялъ бумажникъ, въ которомъ заключалась довольно солидная сумма, отпущенная ему на расходы по нашему путешествію. Потерю бумажника Юргенсъ замѣтилъ только въ Гельсингфорсѣ и считалъ уже

деньги безвозвратно пропавшими; какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, въ гостиницу, гдѣ мы остановились, заявляется какой-то чухонецъ и вручаетъ ему его бумажникъ, который онъ нашелъ случайно на дорогѣ и спѣшилъ возвратить по принадлежности. Нечего и говорить, что Юргенсъ былъ очень доволенъ и щедро наградилъ честнаго чухонца.

X.

Окончивъ свои занятія въ Питкарантѣ, мы послѣдовательно посѣтили Орьерви, Дальсбрукъ, Фискарсъ и другіе рудники и заводы, лежащіе на пути къ Гельсингфорсу.

Въ одномъ изъ этихъ заводовъ, кажется, въ Фискарсѣ, мы удостоились, между прочимъ, приглашенія на обѣдъ къ владѣльцу его, барону Рамзай. Какъ самъ баронъ, такъ его супруга и двѣ взрослыя дочери приняли насъ весьма привѣтливо и радушно. Воздавъ должную честь вкусному обѣду и попробовавъ, въ первый разъ, холоднаго шведскаго пунша, который, скажу кстати, на нѣкоторыхъ изъ насъ оказалъ таки свое дѣйствіе, мы весело и пріятно провели у барона весь день до поздняго вечера. Дочери его оказались любительницами музыки, а среди насъ нашелся недурной пѣвецъ-солистъ, В—евъ, который нерѣдко и съ успѣхомъ пѣвалъ на корпусныхъ концертахъ. И вотъ, благодаря этому, вскорѣ же послѣ обѣда, довольно большой залъ заводовладѣльца огласился дружными звуками фортепіано и молодыхъ, свѣжихъ голосовъ. Одною изъ дочерей Рамзая и В—евымъ было исполнено нѣсколько дуэтовъ, романсовъ и арій.

Послѣ поздняго вечерняго чая, съ буттербродами и легкою, холодною закускою, мы покинули радушныхъ хозяевъ и разошлись по своимъ квартирамъ.

Въ рудникахъ Орьерви въ первый разъ пришлось намъ спускаться на большую, сравнительно, глубину, по простымъ, безъ перилъ, деревяннымъ лѣстницамъ. Такихъ лѣстницъ, начиная отъ устья шахты, было устроено около двадцати. Первая изъ нихъ, будучи укрѣплена, верхнимъ концомъ, въ стѣнку шахты, нижнимъ, почти отвѣсно, устанавливалась на небольшой площадкѣ, или уступѣ, съ котораго, укрѣпленная, подобно первой, шла вторая, а за нею и всѣ слѣдующія лѣстницы. Спускались мы другъ за другомъ, лицомъ къ ступенямъ и держась руками за послѣднія. Для людей непривычныхъ такой спускъ представлялся не безопаснымъ. Стоило только почувствовать головокруженіе, или, поскользнувшись, сорваться съ ступеньки, и вы могли

полетѣть внизъ, на уступъ, а не удержавшись на немъ, свалиться на самое дно шахты. Но если бъ даже это случилось не съ вами, а съ человѣкомъ, надъ вами спускающимся, то и тогда вамъ грозила бы не меньшая опасность, такъ какъ, падая самъ, онъ несомнѣнно весьма легко могъ сбить васъ съ лѣстницы и увлечь вслѣдъ за собою.

Но, благодаря Бога, мы всѣ спустились благополучно и очутились въ громадной, подземной пещерѣ, въ которой, и на днѣ и на бокахъ ея, копошились рабочіе. Каждый изъ нихъ работалъ съ огнемъ, освѣщая фонарикомъ часть пространства, имъ вырабатываемаго, что̀, въ общемъ, представляло весьма оригинальное и эффектное зрѣлище.

Пещера, въ которую мы спустились, сообщалась съ нѣсколькими другими; въ одной изъ нихъ, отъ почвенныхъ водъ, образовалось цѣлое озеро. Малѣйшій стукъ, или шумъ казались тамъ гораздо сильнѣе и повторялись въ отчетливомъ и громкомъ эхо. Особенный эффектъ получался отъ звука ружейныхъ выстрѣловъ.

Внимательно осмотрѣвъ работы по добычѣ руды, мы, тѣмъ же путемъ, по лѣстницамъ, поднялись на верхъ и, порядкомъ утомленные, направились къ своимъ временнымъ квартирамъ.

Покончивъ съ обзоромъ остальныхъ заводовъ, помчались мы, на бойкихъ, финскихъ лошадкахъ, по дорогѣ къ Гельсингфорсу, гдѣ предполагалось провести около двухъ недѣль и употребить ихъ на приведеніе въ порядокъ дорожныхъ замѣтокъ и на составленіе, по нимъ, бѣловыхъ журналовъ.

Выѣхавъ съ одной изъ станцій уже около восьми часовъ вечера и разсчитывая ночевать на слѣдующей, я и мой спутникъ стали замѣчать, что лошадь наша пошла медленнѣе, и мы все болѣе и болѣе отставали отъ ѣхавшихъ впереди насъ товарищей, а слѣдовавшіе за нами успѣли уже насъ обогнать. Между тѣмъ погода, которая и раньше не обѣщала ничего хорошаго, начала замѣтно и быстро портиться. Не сдѣлали мы и пяти верстъ, какъ небо покрылось тучами, поднялся вѣтеръ и сталъ накрапывать дождь. Мы ѣхали безъ проводника — пойги и, несмотря на всѣ наши усилія заставить лошадь бѣжать скорѣе, не только ничего не добились, но, къ нашему несчастію, она пошла еще тише, затѣмъ вскорѣ остановилась и, зашатавшись, грохнулась на землю. Мы выпрыгнули изъ таратайки и начали ее поднимать, но, увы, усилія наши оказались тщетными. Должно быть еще ранѣе чѣмъ-нибудь заболѣвшая лошадь не поднималась, а какъ-то странно хрипѣла и, наконецъ, вскорѣ же издохла. Къ довершенію этой непріятности, поднялась гроза, послышались громовые раскаты, почти совсѣмъ черныя тучи прорѣзывались зигзагами блестящихъ молній, а дождь все усиливался и превратился въ ливень. Положеніе наше оказалось крайне незавиднымъ. Ждать помо-

щи было не откуда, да и некогда, а до станціи оставалось еще около десяти верстъ.

Дѣлать нечего, покинувъ экипажъ и чемоданъ на произволъ судьбы, двинулись мы скорымъ шагомъ впередъ и черезъ три часа, промокшіе насквозь и страшно утомленные, увидѣли, наконецъ, мелькнувшій вдали огонекъ. Ну, вотъ, думаемъ, добрались, слава Богу, до станціи. Но не тутъ-то было. Подойдя ближе, мы очутились у сторожевой избы, стоявшей на берегу рѣки Вуоксы, а желанная станція, увы, хотя и находилась близко, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ насъ, но только на другомъ, противоположномъ берегу, и чтобы попасть въ нее, нужно было переправиться черезъ рѣку на паромѣ, который ночью не дѣйствовалъ. Какъ тутъ быть? Не ночевать же въ самомъ дѣлѣ въ крохотной и жалкой избушкѣ, когда тамъ, напротивъ, такъ привѣтливо мелькаютъ огни станціоннаго дома, гдѣ укрылись уже наши товарищи, и куда съ неудержимою силою влекли насъ и чай, и ужинъ, и чистыя уютныя комнаты, въ которыхъ такъ пріятно было бы поскорѣй освободиться отъ промокшаго платья, обогрѣться и отдохнуть.

Обратились мы къ караульщику-чухонцу съ просьбою переправить насъ на ту сторону въ лодкѣ.

— Нельзя, возразилъ онъ: темно очень, опасно.

— Ну, какъ-нибудь, убѣждали мы; вѣдь ты человѣкъ опытный, а рѣка не широкая.

– Не широка да ужъ больно сердита: ишь какъ ворчитъ.

И точно, въ промежутки, когда вѣтеръ нѣсколько стихалъ, со стороны рѣки, тамъ, гдѣ-то ниже несся какой-то особый гулъ и рокотъ. Эти звуки, какъ оказалось, доносились до насъ отъ находящагося недалеко отъ перевоза водопада Иматры.

Но мы не отставали отъ караульщика съ своими просьбами и, соблазнивъ его предложенною платой, добились, въ концѣ концовъ, его согласія—переправить насъ въ лодкѣ.

Къ нашему благополучію, вѣтеръ нѣсколько утихъ, гроза почти прекратилась и только небольшой дождь продолжалъ еще насъ помачивать. Усѣвшись въ челнъ, отчалили мы отъ берега и были чрезвычайно рады, что наконецъ-то намъ удастся добраться до давно желаннаго ночлега. Но это случилось еще далеко не такъ скоро, какъ мы полагали: страшно быстрая и бурливая, въ этомъ мѣстѣ, рѣка безпрестанно относила нашъ челнъ внизъ по теченію, относила на столько рѣзко и внезапно, что мы, замирая отъ страха, такъ и думали, что перевозчикъ не справится и мы попадемъ въ пороги, предшествовавшіе водопаду. Темнота ночи, рокотъ и гулъ, доносившіеся съ Иматры, и эти сильные, какъ-бы чьей-то невидимой рукой произ-

водимые толчки, отъ которыхъ наша лодка, въ одно мгновеніе, относилась на пять, на шесть саженъ по теченію, все это, вмѣстѣ взятое, заставило насъ пережить минуты, далеко не пріятныя и казавшіеся намъ безконечными.

Но все обошлось благополучно. Управляемый твердою и опытною рукою, небольшой челнъ нашъ, то быстро спускаясь внизъ по рѣкѣ, то медленно по ней поднимаясь, черезъ тридцать пять, или сорокъ минутъ, причалилъ къ берегу, и мы поспѣшили къ станціи.

Нечего и говорить, что нашъ менторъ и товарищи сильно безпокоились о нашемъ отсутствіи и рѣшительно недоумѣвали, чему бы приписать причину послѣдняго. Уже Юргенсъ распорядился, было, отправить за нами посланнаго, какъ мы, страшно уставшіе, промокшіе и перепачканные, появились вдругъ въ станціонной комнатѣ.

Перемѣнивъ бѣлье и платье, мы съ аппетитомъ принялись за чай и ужинъ и, въ оживленной бесѣдѣ о дорожномъ приключеніи, вскорѣ же успѣли позабыть объ испытанныхъ нами непріятностяхъ.

Къ утру посланный со станціи доставилъ намъ и оставленный нами на дорогѣ чемоданъ.

На другой день мы отправились на Иматру. Этотъ, уже много разъ описанный, водопадъ представляетъ собою дѣйствительно эффектное и грандіозное зрѣлище. Каменистое русло Вуоксы, протекающей между высокими, гнейсовыми берегами, понижаясь значительно въ одномъ мѣстѣ, образуетъ крутой уклонъ, въ нѣсколько саженъ длиною. Посреди этого уклона, усѣяннаго разной величины камнями, поднимается чуть не цѣлая скала, около четырехъ саженъ вышиною. Быстрыя воды рѣки, достигнувъ уклона, съ страшнымъ гуломъ и рокотомъ, бурля и пѣнясь, низвергаются внизъ громаднымъ каскадомъ. Ударяясь, на пути, о встрѣчныя, каменныя преграды, водяныя струи быстро поднимаются на значительную высоту, разсыпаются милліонами мелкихъ брызгъ и ярко играютъ, въ солнечныхъ лучахъ, всѣми цвѣтами радуги.

Довольно долго и съ разныхъ пунктовъ любовались мы водопадомъ и живописными берегами Вуоксы. Затѣмъ, пообѣдавъ въ небольшой устроенной близъ него гостиницѣ, вернулись на станцію и въ тотъ же день отправились въ дальнѣйшій путь къ Гельсингфорсу.

Въ Гельсингфорсѣ остановились мы въ одной изъ гостиницъ, гдѣ для насъ, на каждыхъ двухъ человѣкъ, было занято по отдѣльному, весьма приличному нумеру.

Время наше въ этомъ красивомъ и чистенькомъ губернскомъ городѣ проводили мы довольно пріятно и разнообразно. По утрамъ вставали, кто когда хотѣлъ, и пили, по желанію, или чай, или кофе, всегда съ прекрасными сливками и свѣжимъ хлѣбомъ, которые пода-

вала намъ, въ нумеръ, прислуга, состоящая преимущественно изъ женщинъ. Около часу мы завтракали, но уже всѣ вмѣстѣ, собираясь въ общемъ, также занятомъ для насъ Юргенсомъ, столовомъ залѣ. Далѣе, тамъ же въ четыре часа дня обѣдали, въ семь—восемь часовъ вечера пили чай и около одиннадцати ужинали.

Приведеніемъ въ порядокъ черновыхъ и составленіемъ бѣловыхъ рабочихъ журналовъ мы занимались обыкновенно утромъ, до завтрака. Послѣ завтрака, до обѣда, осматривали городъ и его достопримѣчательности. Послѣ обѣда, часа два, отдыхали, т. е. коротали время въ товарищескихъ бесѣдахъ и болтовнѣ, полуразвалясь на кроватяхъ и нещадно дымя папиросами. Передъ вечернимъ чаемъ купались, а вечеромъ, часовъ около девяти, отправлялись въ городской садъ послушать музыку и поглазѣть на гуляющую тамъ мѣстную публику.

Побывали мы также и въ Свеаборгѣ, въ этой, прикрывающей Гельсингфорсъ и устроенной на семи островахъ, старинной крѣпости.

Проживъ около двухъ недѣль въ Гельсингфорсѣ, отправились мы въ обратный путь на пароходѣ. Погода стояла пасмурная. Поднявшійся съ утра вѣтеръ все болѣе крѣпчалъ и усиливался. По заливу заходили крупные валы, которые, вздымаясь и опускаясь, превращались постепенно, на всемъ видимомъ пространствѣ его, въ безчисленные ряды высокихъ и пѣнящихся водяныхъ холмовъ. Пароходъ нашъ такъ сильно качало изъ стороны въ сторону, что все, находившееся на столахъ, стульяхъ, полкахъ, слетало на полъ, а стоять на мѣстѣ, за что-нибудь не удерживаясь, не было никакой возможности. Большинство пассажировъ разошлось по каютамъ и стало испытывать непріятные приступы морской болѣзни.

Насъ буря эта застала за обѣдомъ на палубѣ. Одинъ за другимъ почти всѣ товарищи повышли изъ-за стола и, не окончивъ обѣда, поспѣшили укрыться въ своихъ каютахъ или рубкѣ. Только я съ Б—вымъ досидѣлъ до конца обѣда и, плотно покушавъ, еще долго оставался на палубѣ. Закуривъ папиросы и крѣпко держась за мачту, мы любовались разгулявшейся бурей.

Къ вечеру вѣтеръ утихъ, и мы благополучно добрались до Выборга. Въ этомъ городѣ мы пробыли около сутокъ, осмотрѣли его главныя улицы и особенно полюбовались прекраснымъ садомъ барона Николаи, раскинутымъ на самомъ берегу Финскаго залива.

Но, вотъ, покинувъ Выборгъ и распростившись съ Финляндіей, миновали мы Кронштадтъ, вошли въ устье Невы, поднялись по ней до пароходной пристани и тѣмъ закончили наше продолжительное и пріятное путешествіе.

XI.

По возвращеніи съ практическихъ занятій, я провелъ остальную часть лѣтнихъ вакацій въ Петербургѣ, гдѣ по обыкновенію большую часть времени посвящалъ моему любимому развлеченію — уженью рыбы.

По окончаніи вакацій я явился въ корпусъ съ отрадною мыслію, что только девять мѣсяцевъ придется еще провести мнѣ въ его стѣнахъ, а тамъ всѣ мы, восьми классники, вырвемся наконецъ на свободу.

Эти девять мѣсяцевъ протекли быстро и незамѣтно, тою же ровною и однообразною струею, какъ и всѣ имъ предшествовавшіе. Никакихъ перемѣнъ и особыхъ событій въ нашей кадетской жизни не произошло. Только нѣкоторые изъ насъ, воспитанниковъ третьяго спеціальнаго класса, были пожалованы офицерскими, серебряными темляками и украсили ими свои тесаки.

Настали, наконецъ, и наши послѣдніе экзамены.

— Ахъ, если бъ назначили предсѣдателемъ нашей коммиссіи Грота [1]), авось бы и мнѣ удалось тогда выдержать на поручика, замѣтилъ кто-то изъ кадетъ, во время бесѣды съ товарищами о предстоящихъ экзаменахъ.

— Да, это было бы недурно, подхватилъ другой. Вонъ, въ прошломъ году даже К—въ и Д—въ вышли поручиками.

— А все благодаря Токареву. Онъ живо смекнулъ, что изъ пріема Грота предлагать билеты можно извлечь большую для всѣхъ пользу, добавилъ третій.

А пріемъ этотъ заключался въ слѣдующемъ. Картонные билеты, по числу значащихся въ программѣ вопросовъ, Гротъ раскладывалъ рядами на столъ, за стоявшимъ передъ нимъ письменнымъ приборомъ, въ центрѣ котораго помѣщался довольно большой овальный и блестящій какъ зеркало звонокъ. Всѣ экзаменующіеся вызывались имъ, одинъ за другимъ, одновременно и, взявъ билетъ, не перевертывая и не смотря его, передавали предсѣдателю. Послѣдній, взглянувъ на значащуюся на билетѣ цифру, отмѣчалъ ее въ спискѣ учениковъ, противъ ихъ фамилій. По раздачѣ такимъ образомъ билетовъ, онъ приступалъ къ экзамену, который производился слѣдующимъ порядкомъ: взявшій билетъ съ первымъ нумеромъ вызывался первымъ, за нимъ слѣдовалъ взявшій билетъ съ нумеромъ вторымъ, потомъ съ третьимъ и т. д. до конца.

Отличавшійся вообще большою смѣтливостью Токаревъ въ пер-

---

1) Фамилія вымышлена.

вый же день экзамена уже успѣлъ сообразить, что пріемъ Грота можетъ сослужить ему и его товарищамъ громадную службу.

На другой же день онъ сдѣлалъ опытъ. Усѣвшись на предсѣдательскомъ мѣстѣ и разложивъ за письменнымъ приборомъ билеты, онъ предложилъ товарищамъ брать и передавать ихъ ему, черезъ овалъ звонка и зорко наблюдать отразившуюся въ этомъ овалѣ, какъ въ зеркалѣ, цифру билета.

Опытъ удался какъ нельзя лучше, и каждый, передавая билетъ, легко улавливалъ, отраженный оваломъ звонка, его нумеръ.

Еще разъ повторивъ опытъ, кадеты постановили: во-первыхъ, первые десять нумеровъ программы пройти заблаговременно, и взявшимъ билеты съ этими, а также и болѣе дальными нумерами, присутствовать на экзаменѣ; во-вторыхъ, восемь кадетъ, которымъ достанутся билеты съ слѣдующими, за десятымъ, восемью нумерами, остаются въ учебныхъ комнатахъ своихъ ротъ и тамъ проходятъ свои билеты, а пройдя ихъ, присоединяются къ товарищамъ, находящимся въ конференцъ-залѣ, изъ котораго, въ свою очередь, выйдутъ и удалятся въ учебныя комнаты слѣдующіе восемь человѣкъ и т. д.

Но, увы, предсѣдателемъ экзаменаціонной коммиссіи на этотъ разъ былъ назначенъ не Гротъ, а какой-то другой, горный генералъ, который велъ экзамены обычнымъ порядкомъ, ни въ чемъ не облегчавшимъ экзаменующихся воспитанниковъ.

Тѣмъ не менѣе экзамены для большинства моихъ товарищей сошли весьма успѣшно. Изъ семнадцати человѣкъ нашего класса четырнадцать выдержали на поручика, по одному—на подпоручика и прапорщика, и одинъ былъ выпущенъ съ чиномъ XII-го класса.

Вотъ, наконецъ, вернулся я съ послѣдняго экзамена и, сдавъ по принадлежности всѣ имѣвшіяся у меня казенныя книги и лекціи, отправился въ отпускъ, къ роднымъ. Тамъ меня уже ждало кое-что изъ заказаннаго портному и доставленнаго имъ офицерскаго платья, которое я, съ удовольствіемъ, спѣшилъ поскорѣе примѣрить.

Небольшой, двухъ-недѣльный промежутокъ времени, между послѣднимъ экзаменомъ и производствомъ въ офицеры, прошелъ скоро и незамѣтно въ хлопотахъ по закупкѣ бѣлья, обуви и вообще всѣхъ принадлежностей туалета и формы. А хлопотъ было не мало, ибо приходилось экипировываться съ головы до ногъ. Кромѣ посланной на экипировку отцомъ довольно скромной суммы, я долженъ былъ получить еще и отъ казны, такъ какъ казеннокоштнымъ пансіонерамъ полагалось на этотъ предметъ: поручикамъ—по 150 и подпоручикамъ и прапорщикамъ—по 125 рублей каждому.

Покончивъ съ покупками и заказами, я раза два заходилъ въ штабъ и справлялся тамъ, скоро ли выйдетъ приказъ о нашемъ про-

изводствѣ. Первый разъ мнѣ ничего вѣрнаго не сообщили, такъ какъ государь находился въ отсутствіи, а о времени возвращенія его въ столицу въ штабѣ было еще не извѣстно. Во второй же разъ я узналъ, что государя ждутъ 15-го іюня и что 16-го, по всей вѣроятности, выйдетъ и приказъ о нашемъ производствѣ.

Въ этотъ день, около часу по полудни, я снова отправился въ штабъ, гдѣ въ пріемной засталъ своего товарища, М—цкаго, который сообщилъ, что министръ уѣхалъ съ докладомъ къ государю, и что начальникъ штаба уже у министра и будетъ ожидать тамъ возвращенія послѣдняго. Мы рѣшили дождаться Александра Абрамовича въ пріемной и, усѣвшись въ сторонкѣ, завели бесѣду о предстоявшей намъ новой жизни и службѣ.

Разговаривая и строя всевозможные планы, просидѣли мы въ пріемной почти до четырехъ часовъ, а Перетцъ все еще не возвращался. Онъ пріѣхалъ только около половины пятаго и, проходя черезъ пріемную, сердечно поздравилъ насъ съ производствомъ въ офицеры.

— Черезъ полчаса будутъ готовы приказы; я уже приказалъ ихъ печатать. Можете получить по экземпляру и съ Богомъ отправляться домой, добавилъ онъ и прошелъ въ свой кабинетъ.

М—цкій остался дожидаться приказовъ, а я поспѣшилъ домой, такъ какъ вечеръ этого дня, съ тремя товарищами, О—о, Т—нымъ и В—вымъ, рѣшили мы ознаменовать небольшимъ partie de plaisir, а именно прокатиться въ коляскѣ по островамъ, побывать на представленіи въ Каменно-Островскомъ театрѣ и поужинать въ загородномъ ресторанѣ. Вернувшись домой и переодѣвшись въ новенькое офицерское платье, заѣхалъ я по пути за О—о и, вмѣстѣ съ нимъ, отправился въ корпусъ, гдѣ, за неимѣніемъ въ городѣ родныхъ, въ одномъ изъ отдѣленій второй роты, помѣщались нѣкоторые изъ нашихъ товарищей, а въ томъ числѣ и Т—нъ съ В—вымъ.

Обширное зданіе корпуса въ это время почти совсѣмъ пустовало, такъ какъ кадеты и большинство имѣвшихъ въ немъ квартиры начальствующихъ лицъ уже успѣло разъѣхаться по дачамъ.

Поздравивъ товарищей съ производствомъ въ офицеры и подождавъ переодѣвавшихся Т—на и В—ва, мы, вчетверомъ, вышли на крыльцо и уже спускались по лѣстницѣ, какъ неожиданно появился передъ нами помощникъ директора Аврамовъ.

— Это что?! воскликнулъ онъ: кто вамъ разрѣшилъ надѣвать офицерское платье?

— Сегодня вышелъ приказъ, ваше превосходительство, отвѣтилъ я, а потому мы думали...

— И ничего путнаго не придумали, перебилъ Михаилъ Василье-

вичъ. Это не порядокъ. Вы обязаны были ждать извѣщенія о вашемъ производствѣ чрезъ ваше непосредственное начальство.

— Но мы этого не знали, ваше превосходительство.

— А гдѣ же приказъ?

— У насъ его нѣтъ, отвѣтилъ я, но мы съ М—цкимъ видѣли его въ штабѣ и самъ начальникъ штаба поздравилъ насъ съ производствомъ.

— И все же это не порядокъ, продолжалъ ворчать Аврамовъ. Ну, да ужъ Богъ съ вами. А теперь пойдемте къ товарищамъ.

Съ этими словами, онъ направился въ корпусъ, а мы, конечно, послѣдовали за нимъ.

— Поздравляю васъ, господа, сказалъ онъ, входя въ отдѣленіе и отвѣтивъ на привѣтствіе бывшихъ кадетъ.

— Покорно благодаримъ. Очень благодарны, отвѣчали мы.

— Всѣ вы теперь, господа, на хорошей, прямой дорогѣ, продолжалъ Аврамовъ; идите же по ней съ честью; достойно служите царю и отечеству... Будьте признательны заведенію, гдѣ заботились и пеклись о васъ, по мѣрѣ силъ и умѣнья... гдѣ старались относиться къ вамъ, по возможности, справедливо и безпристрастно... Хотя подъ часъ съ васъ и взыскивали, но дѣлали это, любя, изъ желанія добра... съ цѣлію исправленія вашихъ недостатковъ. Ну, довольно. Желаю вамъ всего хорошаго. Прощайте!

При послѣднихъ словахъ, голосъ Михаила Васильевича слегка дрогнулъ, и онъ, круто повернувшись, быстро вышелъ отъ насъ, замѣтно взволнованный.

Черезъ нѣсколько минутъ довольные, съ сіяющими лицами, усѣлись мы въ коляску и понеслись по направленію къ Каменному острову.

Нужно признаться, что сильно таки занимали насъ и офицерское платье, и полная свобода дѣйствій, и даже возможность курить открыто, безъ опасенія быть за это наказаннымъ. Да и не мудрено. Семь, восемь долгихъ лѣтъ жили мы, можно сказать, взаперти, ежедневно скованные разными корпусными формальностями, подъ неусыпнымъ и бдительнымъ контролемъ начальства, хотя добраго и заботливаго, но, все же, подчасъ, каравшаго насъ и стѣснявшаго нашу свободу. И вдругъ все это кончилось, мы на свободѣ, мы—офицеры. Какъ тутъ не ликовать и не радоваться, особенно, если принять въ соображеніе, что всѣ мы окончили курсъ очень юными: большинству изъ насъ было не болѣе 18—19 лѣтъ; у иныхъ еще не замѣчалось даже признака усовъ, а у другихъ они только-что начинали пробиваться.

Не помню, какая именно шла въ тотъ вечеръ въ Каменно-Остров-

скомъ театрѣ піеса, но помню хорошо, что, какъ піеса эта, такъ самый театръ, игра артистовъ, публика, словомъ, все намъ нравилось и доставляло какое-то особенное удовольствіе. Въ антрактахъ, закуривъ папиросы, расхаживали мы по аллеямъ около зданія театра, весело болтая между собою и разсматривая толпы гуляющихъ.

Помню, какъ кто-то изъ насъ, увидѣвъ шедшаго навстрѣчу намъ военнаго генерала и, позабывъ о своемъ офицерскомъ званіи, быстро потушилъ и бросилъ на песокъ папиросу.

— Ахъ, чортъ возьми! воскликнулъ онъ, отдавъ честь генералу: что это я сдѣлалъ? Вотъ что значитъ привычка курить потихоньку.

Мы дружно разсмѣялись и нѣсколько разъ въ теченіе вечера подтрунивали надъ товарищемъ.

— Офицеръ идетъ! Прячь папироску! говорили мы ему безпрестанно.

По окончаніи спектакля, занявъ отдѣльный кабинетъ въ ресторанѣ, мы весело и съ аппетитомъ поужинали и даже слегка кутнули.

Такимъ образомъ провели мы первый день въ нашемъ новомъ, офицерскомъ званіи, и, право, это былъ едва-ли не самый свѣтлый, счастливый и беззаботный день во всей нашей жизни.

Время, между тѣмъ, шло своимъ чередомъ быстро и незамѣтно. Мы побывали на разныхъ гуляніяхъ: въ Петергофѣ, Павловскѣ, словомъ, всюду, гдѣ только успѣли.

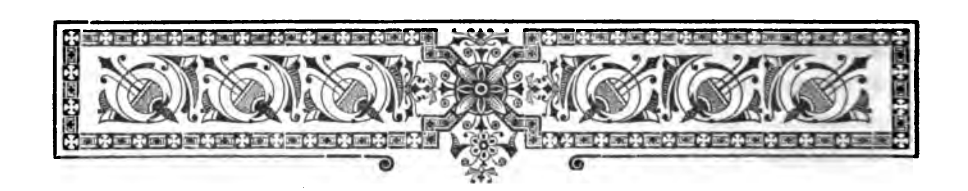
Но, вотъ, состоялся приказъ о назначеніи насъ на службу, и мы вскорѣ должны были покинуть Петербургъ и разбрестись въ разныя стороны.

Прежде чѣмъ разстаться, и разстаться, быть можетъ, на долго съ своими товарищами, мы собрались еще разъ всѣ вмѣстѣ, въ одномъ изъ ресторановъ, гдѣ шумно и весело пообѣдавъ, провели послѣдній вечеръ, до глубокой ночи, въ задушевныхъ бесѣдахъ и мечтахъ о будущемъ.

Давно, очень давно это было, и сколько плановъ осталось неосуществленными, сколько свѣтлыхъ надеждъ и пылкихъ мечтаній рушилось и разбилось о разные подводные камни бурнаго и измѣнчиваго потока жизни.

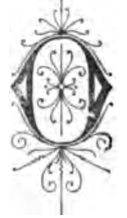
Ал. Кавадеровъ.

Историческіе и бытовые очерки европейской старины.

За кулисами турецкаго двора.

О султанѣ Абдулъ-Гамидѣ, „ханѣ эль-Гази (Побѣдоносный), тѣни Бога на землѣ, калифѣ ислама, и пр., и пр.“ почти все уже сказано. У него нѣтъ ни друзей, ни поклонниковъ, но похвалы расточались ему съ такимъ же правомъ, какъ и проклятія.

Исторія произнесетъ надъ нимъ суровый приговоръ, потому что онъ запятналъ себя кровью, часто невинной, безъ всякой пользы для своей страны и народа; но нужно признать, что у него нѣтъ недостатка ни въ умѣ, ни, особенно, въ коварствѣ. Онъ имѣетъ всѣ пороки своей вырождающейся расы и этой источенной червями Византіи, откуда онъ терроризируетъ народъ, удерживаемый подъ его эфемерной и шаткой властью лишь страхомъ наказанія.

Всѣ боятся и ненавидятъ его, но служатъ ему, потому что онъ сумѣлъ эксплоатировать ихъ страсти и создать особенную, свойственную его царствованію черту въ мусульманской душѣ нѣкогда сильной и честной. Ибо превыше всѣхъ золъ, напущенныхъ имъ на Турцію, должно поставить ему въ вину то, что онъ развратилъ навсегда совѣсть всей націи, чтобы унизить ее подъ своимъ режимомъ.

Главныя орудія этого пагубнаго дѣла нужно искать въ непосредственно окружающей его средѣ, въ Ильдизъ-Кіоскѣ. Послѣ долгаго періода пробъ, ему удалось, наконецъ, найти нужныхъ людей и обдѣлать ихъ по своему образу и подобію. За рѣдкими исключеніями, всѣ они поняли его и служатъ его видамъ съ замѣчательнымъ послушаніемъ, по привычкѣ, изъ боязни, жадности или подлости. Онъ дирижируетъ этой арміей низкихъ страстей, служащей опорой его трона и доставляющей эту относительную безопасность, которою онъ пользуется. Чтобы понять султана, нужно разсмотрѣть ближе людей, которые управляютъ Турціей и насмѣхаются надъ Европой именемъ

Абдулъ-Гамида. Вотъ эти царедворцы, по порядку ихъ вліянія и чина.

Первый секретарь его величества: Тахсинъ-паша, первый секретарь султана, былъ главнымъ секретаремъ каравансарая, называемаго въ Турціи морскимъ министерствомъ, когда падишахъ призвалъ его замѣстить Сюерія-пашу, котораго чашка отравленнаго кофе отправила въ рай Магомета, въ 1894 г.

Робкій писецъ, онъ съ трепетомъ переступилъ порогъ Ильдизъ-Кіоска, откуда выходитъ очень рѣдко. Въ то время, какъ цѣлый сонмъ сановниковъ приходилъ поздравлять и изучать его, или просить у него милостей, онъ тревожно думалъ о грозящихъ ему опасностяхъ. Этотъ страхъ преслѣдуетъ его и теперь еще, несмотря на почести и фаворы, полученные имъ впослѣдствіи. Авторитетъ и вліяніе его очень велики, но онъ рѣдко пользуется ими. Онъ могъ бы имѣть огромное состояніе, такъ какъ въ случаяхъ для наживы недостатка не было, но онъ предпочитаетъ давать обогащаться своимъ подчиненнымъ, которые бросаютъ ему кость глодать, послѣ того, какъ сами наѣдятся до отвалу.

Всякій разъ, когда мнѣ случалось видѣть его въ полуразвалившемся зданіи, гдѣ помѣщается его бюро, онъ внушалъ мнѣ скорѣе жалость. Его измученныя черты и зеленый цвѣтъ лица ясно обнаруживаютъ его душевныя волненія и безсонныя ночи. Ибо султанъ призываетъ его во всякій часъ дня и ночи, чтобы продиктовать ему какой-нибудь приказъ или разбранить его, и не даетъ ему ни минуты покою. Ему нужно спеціальное позволеніе, чтобы повидаться съ женой, которая живетъ у воротъ дворца, и часто онъ не получаетъ такого позволенія.

Однажды, когда я жаловался ему на одного министра, вымогавшаго у меня порядочный кушъ, онъ отвѣтилъ мнѣ съ важнымъ видомъ: „ужъ если этотъ человѣкъ заберетъ себѣ въ голову поживиться въ какомъ-нибудь дѣлѣ, то никто не можетъ воспрепятствовать ему въ этомъ". — И султанъ? спросилъ я. — Его величество не дѣлаетъ затрудненій своимъ министрамъ, сказалъ онъ, и въ заключеніе прибавилъ: „какая страна"!

Вскорѣ послѣ того я узналъ, что этотъ министръ—его протеже и дѣлится съ нимъ получаемыми взятками.

Въ другомъ случаѣ, гдѣ дѣло шло о важномъ сообщеніи, которое одинъ иностранецъ желалъ сдѣлать султану непосредственно, помимо него, онъ сказалъ мнѣ наивно: „напишите моему повелителю по-французски то, что вы хотите ему сообщить, въ запечатанномъ конвертѣ, и будьте увѣрены, что я представлю ваше письмо его величеству". Что удивительно, это то, что онъ сдержалъ слово, и черезъ два часа принесъ намъ отвѣтъ.

Бюро его, черезъ которое ежедневно проходятъ тысячи всякихъ документовъ, всегда завалено газетами и старыми бумагами. Важныя бумаги бросаются имъ подъ столъ, и онъ отлично умѣетъ отыскивать ихъ, когда его призываютъ къ падишаху.

Призывъ этотъ дѣлается очень забавно: камердинеръ султана, въ черномъ сюртукѣ (всѣ турецкіе чиновники должны носить этотъ костюмъ), является въ дверяхъ, отвѣшиваетъ установленный поклонъ и говоритъ вполголоса: „нашъ повелитель проситъ васъ къ себѣ". Тотчасъ же всѣ присутствующіе встаютъ какъ по командѣ, отвѣчаютъ такимъ же поклономъ, и Тахсинъ-паша торопливо бѣжитъ, какъ шавка, за камердинеромъ до аппартаментовъ Абдулъ-Гамида, который часто заставляетъ его позировать по цѣлымъ часамъ.

Въ сущности, Тахсинъ-паша не хуже другихъ, но ограниченность его ума навсегда сохранитъ ему милость султана, который не могъ бы найти перваго секретаря болѣе послушнаго и преданнаго. Онъ щедро награжденъ титулами и орденами, получаетъ хорошее содержаніе, часто получаетъ крупные подарки, и кромѣ того ему попадаютъ кругленькія суммы во всѣхъ дѣлахъ, трактуемыхъ во дворцѣ, такъ какъ онъ представляетъ бумаги на высочайшее утвержденіе.

На его же обязанности лежитъ пріемъ всѣхъ просителей, являющихся во дворецъ ходатайствовать о какой-либо милости или принести какую-либо жалобу, и такъ какъ нравы оттоманскаго двора далеко не дипломатическіе, то мнѣ часто случалось слышать, какъ офицеры осыпали его грубой бранью и грозили разорвать его въ клочки, если онъ не сдѣлаетъ что нужно, чтобы ихъ просьбы были удовлетворены.

Хаджи-Али-паша—первый камергеръ. Это старый турокъ старой школы; онъ проводитъ весь день, сидя по-турецки, т. е. поджавъ подъ себя ноги, въ своемъ креслѣ, передъ столикомъ, на которомъ какъ разъ хватаетъ мѣста только для чернильницы, пепельницы и чашки кофе.

Это одинъ изъ старѣйшихъ слугъ султана; я считаю его скорѣе честнымъ человѣкомъ. Онъ сожалѣетъ о добромъ старомъ времени, когда не было столько интригъ, и когда могущество его не знало соперниковъ.

Находя воротнички и галстуки стѣснительными, онъ предпочитаетъ принимать посѣтителей въ ночной рубашкѣ и безъ башмаковъ. Говоритъ очень мало. На обязанности его лежитъ, между прочимъ, принимать патріарховъ различныхъ религіозныхъ общинъ, и онъ умѣетъ улаживать несогласія между ними.

Старые чиновники предпочитаютъ обращаться къ нему, потому что онъ отличается удивительной памятью. Говоря объ Иззетъ-пашѣ

и Тахсинъ-пашѣ, онъ часто такъ выражается: „да, мы вбили себѣ здоровый гвоздь въ... ногу, рекомендуя султану этихъ интригановъ, уравновѣшивающихъ нашъ авторитетъ".

Мало образованный, онъ протежируетъ преимущественно простымъ людямъ, имѣющимъ чувство признательности.

Несмотря на свою простоту, онъ отлично умѣетъ управлять придворными интригами и беретъ свою долю въ крупныхъ дѣлахъ. У него, говорятъ, порядочное состояніе, которое онъ ежедневно пріумножаетъ. Слово его иногда имѣетъ больше авторитета, чѣмъ слово перваго секретаря, такъ какъ онъ умѣетъ при случаѣ проявить нѣкоторую инициативу.

Иззетъ-паша—второй камергеръ и второй секретарь. Маленькій, невзрачный брюнетъ, съ хитрымъ и фальшивымъ видомъ, онъ представляетъ совершенный типъ сирійца sans foi ni loi, способнаго внушать и исполнять всякія низости. Этотъ человѣкъ есть въ одно и то же время проклятая душа зла и зло безъ души.

Султанъ Абдулъ-Гамидъ и Турція не имѣютъ болѣе жестокаго врага, чѣмъ Иззетъ-паша, ибо онъ мечтаетъ занять мѣсто султана и проглотить Турцію, чтобы утолить свои ненасытные аппетиты. Онъ заставляетъ называть себя „маленькимъ султаномъ" и заслуживаетъ этого претенціознаго титула, такъ какъ ему удается дѣлать все, что онъ захочетъ.

Будучи членомъ смѣшаннаго трибунала, онъ возвелъ подкупность на высоту принципа и открыто продавалъ приговоры. Онъ не задумался осудить свою собственную страну (правда, что, какъ сирійскій арабъ, онъ не имѣетъ отечества) за бакшишъ, который онъ любитъ больше всего на свѣтѣ, и это ему Турція была обязана дѣломъ Тубини. Онъ былъ предсѣдателемъ суда, когда это дѣло разбиралось, и за приличную взятку прехладнокровно приговорилъ султана къ уплатѣ долговъ Мурада II.

Отрѣшенный отъ должности за это дѣло и высланный въ Сирію, онъ собирался тамъ съ силами и выжидалъ событій.

Смуты въ Арменіи доставили ему случай вернуться въ Константинополь. Пробравшись ползкомъ къ двери дворца, онъ подалъ черезъ дежурнаго султану проектъ, который имѣлъ счастіе понравиться Абдулъ-Гамиду и привлекъ къ нему вниманіе. Благодаря своему уму и пронырству, онъ добился того, что султанъ назначилъ его камергеромъ и допустилъ его въ свои совѣты. Иззетъ понялъ своего государя и льстилъ его страстямъ.

Онъ былъ горячимъ подстрекателемъ массовыхъ избіеній и чувствовалъ себя господиномъ положенія, когда христіанская кровь залила равнины Арменіи. Этотъ кровавый періодъ былъ для него золотымъ вѣкомъ.

Я видѣлъ его въ маленькой комнатѣ павильона, который онъ занималъ во внутренней оградѣ дворца, отправляющимъ приказы министрамъ и губернаторамъ, принимающимъ драгомановъ посольствъ, вездѣ поспѣвающимъ совершенно свободно объясняющимся по-французски, по-турецки и по-арабски, въ то время, какъ его профиль хищной птицы оставался безстрастнымъ предъ требованіями и просьбами.

Меня пугала свирѣпость его взгляда и хищность его личины. И въ то время, какъ Турція рисковала своимъ существованіемъ, а негодующая Европа безплодно волновалась, онъ продавалъ все, что проходило черезъ его руки: мѣста, милости, ордена, и нажилъ цѣлое состояніе.

Онъ впалъ, наконецъ, въ немилость, но сохранилъ нажитыя деньги, и такъ хорошо сохранилъ, что вскорѣ опять выплылъ на поверхность, гдѣ и держится до сихъ поръ. Но чтобы оградить себя отъ будущихъ опалъ, онъ помѣщаетъ свои капиталы въ Европѣ и посылаетъ своего сына во Францію съ важными бумагами. Этотъ сынъ, получившій образованіе въ Парижѣ, страшно тяготился жизнью въ Константинополѣ. Отецъ посовѣтовалъ и подготовилъ ему бѣгство; затѣмъ, когда узналъ, что онъ находится въ безопасности, на бортѣ французскаго парохода, бросился въ ноги султану, умоляя его приказать арестовать и привезти обратно бѣглеца.

Абдулъ-Гамидъ понялъ, что его дурачатъ, но ничего не сказалъ. Когда, нѣсколько времени спустя, Иззетъ рискнулъ попросить какую-то милость, онъ отказалъ ему въ просьбѣ.

Сиріецъ надулся, притворился больнымъ и заперся въ своемъ домѣ. Абдулъ-Гамидъ, справедливо не довѣряющій ему, велѣлъ наблюдать за нимъ нѣсколькимъ докторамъ, посланнымъ будто бы для пользованія больнаго, и ждалъ, чтобы жадность заставила гіену выйти изъ своей берлоги.

Султанъ глубоко презираетъ его, но не хочетъ такъ скоро открыть ему двери Магометова рая, такъ какъ это самый умный человѣкъ между окружающими его царедворцами.

Когда Абдулъ-Гамиду пришлось подписать, конечно, противъ воли, ирадэ, улаживавшее инцидентъ Тубини-Лорандо, онъ сказалъ Иззету, который представилъ ему къ подписи эту злополучную бумагу: „да будетъ проклятъ Господомъ тотъ, кто былъ виновникомъ этого дѣла!" Но Иззетъ нисколько не смутился. Онъ даже осмѣлился просить, чтобы ему было поручено управленіе дѣлами военнаго флота, и просьба его была исполнена. Увѣряютъ, что онъ собралъ съ владѣльцевъ кораблестроительныхъ верфей германскихъ, англійскихъ, американскихъ и итальянскихъ 3 или 4 милліона франк. бакшиша.

Теперь онъ стоитъ во главѣ финансовой коммиссіи, которая должна пещись объ интересахъ казны, но онъ печется въ особенности о своихъ интересахъ, и понимаетъ дѣло такъ, что желающіе ссудить деньги Турціи должны начать съ врученія ему надлежащей суммы за посредничество.

Онъ имѣлъ смѣлость отвѣтить парижской группѣ, предлагавшей 100 милліоновъ оттоманскому правительству, что „Турціи нѣтъ болѣе надобности прибѣгать къ услугамъ заграницы, чтобы достать денегъ, и что отнынѣ, по примѣру Россіи, Японіи и Англіи, она будетъ дѣлать внутренніе займы по 4%!“ Это потому, что не позаботились напередъ опредѣлить размѣръ съ куртажа. „Это вампиръ Турціи, говорятъ честные турки, и смерть его избавила бы насъ отъ зловредной гадины“.

Всѣ презираютъ его за его цинизмъ и нечистоплотность. Въ началѣ 1903 г. одинъ членъ парижской прессы, проѣздомъ черезъ Константинополь, отправился къ нему съ визитомъ. Хотя больной, скрученный ревматизмомъ, онъ принялъ его, несмотря на присутствіе докторовъ, въ халатѣ, въ своей спальнѣ, представляющей chef-d'oeuvre мавританскаго стиля. Онъ почти что бросился журналисту на шею, горячо благодарилъ его за посѣщеніе и объявилъ, что питаетъ къ нему огромную симпатію, хотя, надо замѣтить, видѣлъ его первый разъ въ жизни. Затѣмъ, въ теченіе получаса, несмотря на испытываемыя мучительныя боли, излагалъ ему трогательный разсказъ о рѣзнѣ въ Арменіи и Македоніи, чтобы доказать, что виноваты были жертвы. Онъ дотащился до двери, чтобы проводить своего посѣтителя, и просилъ его завернуть къ нему еще какъ-нибудь.

Когда мой пріятель заѣхалъ во второй разъ, Иззетъ чувствовалъ себя лучше и, главное, былъ одинъ. Ловко повернувъ разговоръ, онъ тотчасъ повелъ рѣчь о подаркахъ и сувенирахъ и сдѣлалъ многозначительную гримасу, когда мой пріятель сказалъ ему, что онъ не продается. Тогда онъ опять заговорилъ съ негодованіемъ объ армянахъ и „болгарахъ“, этихъ неблагодарныхъ, которыхъ Турція осыпала милостями, и которые стали бунтовать. Онъ опять проводилъ его до дверей, со всевозможными изъявленіями дружбы, но имѣлъ видъ недоумѣвающій. Этотъ непродажный журналистъ перевернулъ вверхъ дномъ всѣ его понятія.

Когда мой пріятель еще разъ зашелъ къ нему и между прочимъ спросилъ у него, какой докторъ его лѣчитъ, Иззетъ отвѣтилъ: „Армянинъ“!!—А парикмахеръ, ожидающій въ передней, какой національности?—„Болгаринъ“!!! Журналистъ былъ ошеломленъ. Правда, Иззетъ поспѣшилъ прибавить: „этотъ куаферъ былъ въ Парижѣ, когда султанъ сопровождалъ своего дядю Абдулъ-Азиза. Они привезли его съ

собой въ Константинополь, и съ тѣхъ поръ онъ состоитъ придворнымъ парикмахеромъ". Нужно прибавить также, что всѣ посредники Иззета— армяне или сирійцы христіане, выбранные по его образу и подобію.

Можно было бы написать цѣлые томы объ этомъ зловредномъ человѣкѣ, но это было бы много чести ему. Нужно надѣяться, что султанъ сумѣетъ избавиться отъ него, прежде чѣмъ пасть подъ его ударами, и Турція много выиграетъ, освободившись отъ этого спрута. Нѣтъ надобности говорить, что Иззетъ-паша горячій сторонникъ шпіонства и окружаетъ себя соглядатаями.

Рагибъ-паша—второй секретарь и камергеръ. Этотъ человѣкъ настоящій феноменъ. Мы находимъ у него всѣ качества великихъ людей, ибо онъ въ одно и то же время государственный дѣятель, промышленникъ, коммерсантъ и въ особенности патріотъ. Это послѣднее качество, столь рѣдкое у царедворцевъ Ильдизъ-Кіоска, заставляетъ высоко цѣнить нравственную личность Рагибъ-паши, сумѣвшаго его сохранить.

Такъ какъ его братья поселились въ Константинополѣ, то онъ присоединился къ нимъ и поступилъ тамъ на государственную службу. Онъ быстро выдвинулся своими блестящими способностями и былъ призванъ на службу во дворецъ. Назначенный камергеромъ, въ началѣ царствованія султана Абдулъ-Гамида, онъ посвятилъ себя на служеніе ему съ неподкупной преданностью, которую ничто не могло поколебать впослѣдствіи.

Это человѣкъ благородный и вѣрный, на котораго султанъ можетъ разсчитывать во всякихъ обстоятельствахъ: онъ знаетъ это и нисколько не тщеславится этимъ. Онъ отличается рѣзкимъ прямодушіемъ, удивительнымъ въ этой средѣ лживости и лицемѣрія и интригъ, и любитъ людей прямыхъ и честныхъ. Чуждый фанатизма, онъ награждаетъ своимъ довѣріемъ и уваженіемъ людей всякаго вѣроисповѣданія, которые того заслуживаютъ по своимъ нравственнымъ качествамъ. Онъ рѣдко просилъ себѣ милостей, но настойчиво требовалъ то, что считалъ принадлежащимъ ему по праву.

Въ теченіе тридцати лѣтъ онъ довольствовался ничтожнымъ содержаніемъ въ 575 франк. въ мѣсяцъ; если теперь онъ паша, то это потому, что султанъ возвелъ его въ этотъ чинъ по собственному побужденію.

Такъ какъ его братья занимались торговлей, то онъ вступилъ съ ними въ компанію и использовалъ внушаемый имъ страхъ, чтобы доставить успѣхъ и процвѣтаніе ихъ дѣламъ.

У него есть нѣсколько рудниковъ очень богатыхъ, которые онъ разрабатываетъ съ умѣньемъ не меньше, чѣмъ у Сесиля Родса, и которые приносятъ ему отъ 2 до 3 милліоновъ въ годъ. Его блестя-

щія спекуляціи по пріобрѣтенію недвижимостей сдѣлали его владѣльцемъ лучшихъ недвижимыхъ имуществъ Константинополя. Вмѣсто того, чтобы терять время на придворныя интриги, онъ проводитъ дни въ своихъ конторахъ, находящихся въ Перѣ, и занимается своими дѣлами.

Это единственный человѣкъ въ Турціи, понимающій, что туркамъ слѣдуетъ самимъ взяться за торговлю для того, чтобы обогащаться, и обходиться безъ паразитовъ изъ христіанъ, которые ихъ эксплоатируютъ.

Его хромовые рудники, слывущіе богатѣйшими въ свѣтѣ, прекрасно управляются. Онъ въ рѣзкой формѣ объявилъ министру горной промышленности, что не потерпитъ контроля его агентовъ, которыхъ могъ бы подкупить или запугать, и чтобы не подавать этого дурнаго примѣра, онъ попросту прогналъ ихъ.

Во дворцѣ его всѣ боятся, зная, что онъ неустрашимъ и способенъ убить всякаго, кто вздумалъ бы вредить ему. Онъ глубоко презираетъ жадную камарилью, обогащающуюся на счетъ обираемой ею страны. Это ожесточенный врагъ всѣхъ разорительныхъ сдѣлокъ, которыя оттоманское правительство заключило съ оттоманскимъ банкомъ или съ частными капиталистами, благодаря сообщничеству перваго секретаря, Иззетъ-паши съ товарищами, и не стѣсняется говорить это султану.

Къ сожалѣнію, его не всегда слушаютъ. Оттого его соперники принуждены удѣлять ему извѣстный процентъ барышей, въ избѣжаніе его вмѣшательства. Ибо этотъ великій человѣкъ не жаденъ, но любитъ деньги, которыя онъ, впрочемъ, расходуетъ очень разумно. Но онъ не принялъ бы постыдныхъ бакшишей, какіе выклянчиваютъ себѣ Иззетъ и ему подобные. Онъ пойдетъ на крупную сумму, но пренебрегаетъ посредственнымъ могарычемъ, что̀ въ Турціи уже огромное безкорыстіе.

Рагибъ-паша, видя, что работаетъ въ пользу своихъ братьевъ, которые довольствуются тѣмъ, что извлекаютъ выгоду изъ его способности, рѣшилъ въ одинъ прекрасный день расторгнуть свое съ ними товарищество. Онъ сдѣлалъ это со свойственной ему грубой откровенностью. Предвидя затрудненія и опасные споры, онъ выпросилъ у султана опальные приказы для своихъ братьевъ и предложилъ имъ на выборъ: или изгнаніе, или раздѣлъ на опредѣленныхъ основаніяхъ; разумѣется, братья выбрали послѣднее.

Обладая солиднымъ образованіемъ, онъ очень хорошо знаетъ французскій, англійскій, турецкій и греческій языки и пишетъ на нихъ совершенно правильно.

Когда обсуждался вопросъ о передѣлкѣ турецкаго флота, пред-

ложенной Иззетъ-пашой, который долженъ былъ получить крупную сумму за устройство этого дѣла, Рагибъ-паша, противникъ этого маскарада, позволилъ себѣ, въ пылу спора, ударить кулакомъ по столу, передъ которымъ сидѣлъ султанъ.

Этотъ жестъ стоилъ бы жизни всякому другому, но султанъ ограничился тѣмъ, что выгналъ вонъ несдержаннаго камергера... Рагибъ былъ въ восторгѣ, потому что эта минутная немилость позволяла ему посвятить себя всецѣло своимъ дѣламъ.

Это единственный изъ камергеровъ, пользующійся правомъ жить по своему праву, въ Перѣ, заниматься торговлей и дѣлать, что хочетъ.

Во время рамазана, несмотря на предписываемый Кораномъ строгій постъ, онъ позволяетъ себѣ открыто употреблять пищу днемъ, до заката солнца, и насмѣхается надъ шпіонами, слѣдящими за нимъ съ приличнаго разстоянія; двухъ такихъ соглядатаевъ онъ избилъ до смерти среди бѣлаго дня.

Курьезная подробность: онъ всегда носитъ при себѣ подъ жилетомъ цѣлый арсеналъ кинжаловъ и револьверовъ, и не оставляетъ оружіе дома, даже когда отправляется во дворецъ. Для своихъ коллегъ при дворѣ онъ имѣетъ цѣлый словарь отборныхъ ругательствъ, которыя чувство приличія не позволяетъ воспроизвести здѣсь.

Когда султанъ, въ изъявленіе особой милости, хотѣлъ женить его на женщинахъ, прошедшихъ черезъ императорское ложе, Рагибъ-паша ничего не сказалъ, но въ двадцать четыре часа самъ женился и женилъ своихъ братьевъ на молодыхъ дѣвушкахъ одного знакомаго семейства, во избѣжаніе чести, которую хотѣли ему сдѣлать.

Когда король Александръ сербскій пріѣхалъ въ Константинополь, чтобы просить султана распорядиться объ истребованіи отъ пресловутой Артемизы писемъ къ ней короля Милана, дѣло это было поручено Рагибъ-пашѣ. Онъ велѣлъ призвать во дворецъ брата бывшей претендентки въ королевы и предъявилъ ему приказъ о возвращеніи писемъ Милана. Такъ какъ тотъ отказывался подъ разными предлогами, то онъ задалъ ему примѣрную трепку, но потомъ ходатайствовалъ передъ султаномъ о назначеніи его сестрѣ ежемѣсячной пенсіи въ 1.150 франк. Письма были отданы сербскому королю, но за это султанъ платитъ пенсію эксъ-метрессѣ Милана.

Фаикъ-бей—камергеръ. Это сынъ Лутфи-аги, стараго придворнаго служителя, котораго султанъ очень любилъ. Отецъ его былъ грубый мужикъ, но онъ имѣетъ манеры и даже знаетъ французскій языкъ.

Само собой разумѣется, что онъ обязанъ своимъ высокимъ положеніемъ исключительно своему рожденію. Это былъ неоцѣнимый помощникъ своего отца въ важномъ вопросѣ бакшишей, которые старикъ

культивировалъ съ большой любовью. Фаикъ служилъ ему посредникомъ и даже приводилъ ему кліентовъ по части концессій, назначеній на высокія должности, орденовъ и т. п.

Въ то время, когда Фаику вручали условленную сумму, Лутфи-ага стоялъ за портьерой и тщательно считалъ передаваемыя монеты. Часто онъ дергалъ сына за полу сюртука, чтобы заставить его обмѣнить стертую монету, или дать ему замѣтить, что счетъ неточенъ.

По смерти своего отца, онъ унаслѣдовалъ императорскую милость и продолжалъ добрыя традиціи семьи.

Поочередно пріятель, компаньонъ или соперникъ Иззета и Тахсина-пашей въ крупныхъ дѣлахъ, онъ дирижируетъ, какъ и они, весьма важной службой шпіонства и имѣетъ своихъ креатуръ.

Многіе высшіе чиновники обязаны ему своимъ мѣстомъ, или, вѣрнѣе сказать, заплатили ему за свое назначеніе.

За 17.000 турецкихъ лиръ онъ устроилъ назначеніе пресловутаго Селима Мельхаме на постъ министра земледѣлія, рудниковъ и лѣсовъ. Онъ дорого беретъ за хлопоты, но держитъ свои обѣщанія,—оттого у него много друзей.

Арифъ-бей—камергеръ. Это довольно любезный господинъ, говорящій по-французски и пользующійся своимъ положеніемъ, для устройства выгодныхъ дѣлъ. Многіе другіе, менѣе важные, камергеры окружаютъ султана и проводятъ жизнь въ подстереганіи его моментовъ хорошаго расположенія, чтобы получить тѣ или другія милости, которыя они перепродаютъ тому, кто больше дастъ. Весь этотъ придворный міръ интригуетъ другъ противъ друга, къ великому удовольствію султана, который радъ видѣть ихъ пожирающими другъ друга. Онъ охотно возбуждаетъ и поддерживаетъ между ними личную вражду, для того, чтобы они не могли сговориться и низвергнуть его; онъ дуется на нихъ, оскорбляетъ ихъ, ласкаетъ или осыпаетъ ихъ милостями, смотря по обстоятельствамъ, и всегда держитъ ихъ въ напряженномъ состояніи при помощи обѣщаній. Зная жадность всей этой камарильи, онъ отъ времени до времени бросаетъ имъ кость, въ формѣ концессіи, и даетъ надежду на лучшее въ другой разъ.

Всѣ эти люди глубоко ненавидятъ другъ друга и ведутъ между собой ожесточенную войну, но тотчасъ же мирятся, какъ только предвидятъ хорошій бакшишъ. Повидимому, они очень честно дѣлятъ между собой добычу, хотя и честятъ другъ друга ворами, плутами и тому подобными любезными эпитетами.

Вообще лексиконъ сквернословія въ Ильдизѣ-Кіоскѣ очень богатъ. Они имѣютъ формулы вѣжливости только для взаимнаго привѣтствія и быстро переходятъ на ругательства. Одинъ камергеръ говорилъ

*

мнѣ: „Этотъ (такой-сякой) Иззетъ сцапалъ 35.000 турецкихъ лиръ въ такомъ-то дѣлѣ, тогда какъ я получилъ всего только 10.000 лиръ“.

Когда вы попросите ихъ о содѣйствіи въ какомъ-либо дѣлѣ, они прежде всего спрашиваютъ: „сколько дашь?“ Если дѣло въ ихъ компетенціи, они берутъ на себя обязательство провести его, и дѣйствительно проводятъ; иначе посовѣтуютъ вамъ обратиться къ тому изъ ихъ коллегъ, который состоитъ въ фаворѣ, или же скажутъ вамъ: „намъ надо и его подкупить“. Въ дѣйствительности, власть въ ихъ рукахъ, ибо они терроризируютъ министровъ и чиновниковъ, которые рѣдко позволяютъ себѣ не слушаться ихъ. Они пальцемъ или взглядомъ указываютъ этимъ высшимъ чиновникамъ, куда идти, и сообщаютъ имъ свои инструкціи чрезъ посредство своихъ слугъ, словесно.

Почти всѣ они принуждены жить въ ближайшихъ окрестностяхъ дворца. Они не могутъ выходить изъ своего квартала иначе, какъ по приказу султана, который почти никогда не даетъ имъ позволенія съѣздить даже въ деревню, на дачу.

Въ теченіе всего лѣтняго сезона я видѣлъ экипажъ перваго секретаря Тахсина-паши ожидавшимъ его у вокзала или у пристани пароходовъ, ходящихъ на азіатскій берегъ, гдѣ онъ купилъ прекрасное имѣніе, и куда отправилъ свое семейство на дачу. Онъ ни разу не получалъ позволенія съѣздить туда и даже не видѣлъ своего дома.

Правда, что это самый занятой человѣкъ во дворцѣ, но правило почти общее.

Иззету посчастливилось два или три раза провести часъ-другой въ своей виллѣ, купленной имъ на Принцевыхъ островахъ, и другіе камергеры изрѣдка получаютъ такіе же кратковременные отпуски. Само собой разумѣется, что они въ такихъ случаяхъ бываютъ предшествуемы, послѣдуемы и окружаемы шпіонами, которые не покидаютъ ихъ ни на шагъ и доносятъ депешами о малѣйшихъ ихъ жестахъ.

Напротивъ того, султанъ выказываетъ рѣдкую снисходительность къ ихъ воровскимъ продѣлкамъ. Онъ знаетъ изо дня въ день и съ точностью до одной лиры всѣ получаемые ими бакшиши, ибо часто они сами докладываютъ ему объ этомъ, чтобы обвинить своихъ соперниковъ и выпросить себѣ соотвѣтственную компенсацію.

Онъ позволяетъ имъ брать взятки, по разсчету, думая, что они будутъ привязаны къ его особѣ, пока надѣются извлекать выгоды изъ служенія ему.

Одинъ только Иззетъ становится опаснымъ, потому что очень бо-

гать. Теперешнее его состояніе оцѣниваютъ въ 25 милліоновъ франк., да навѣрно онъ прожилъ столько же, ибо эта персона живетъ въ неслыханной роскоши и ни въ чемъ не отказываетъ себѣ.

Однажды онъ при мнѣ сказалъ: „ахъ! если бы я могъ отдохнуть и уѣхать жить спокойно въ какомъ-нибудь уголкѣ Европы!“ Но тотчасъ же поправился, опасаясь, какъ бы слова его не были доведены до свѣдѣнія султана. Если бы онъ могъ, онъ навѣрно бѣжалъ бы съ удовольствіемъ, такъ какъ онъ чувствуетъ, что струна слишкомъ натянута и можетъ лопнуть въ одинъ прекрасный день.

Въ настоящую минуту онъ ведетъ ожесточенную войну съ первымъ секретаремъ, и остальные царедворцы съ нетерпѣніемъ ждутъ исхода борьбы, чтобы подобрать доспѣхи противниковъ.

Султанъ очень хорошо знаетъ, что Тахсинъ-паша нажилъ на его службѣ не болѣе 3 или 4 милліоновъ франк., но не уважаетъ его больше за это.

Тахсину и Иззету обыкновенно поручается навѣщать, отъ имени султана, министровъ или другихъ крупныхъ чиновниковъ, когда они больны. Иззетъ ходитъ по этому порученію, пока больной имѣетъ шансы выздоровѣть; но когда онъ уже при смерти, то навѣстить его отправляется Тахсинъ. Такъ какъ фактъ этого посѣщенія сообщается въ газетахъ, то турки говорятъ: „ну, если первый секретарь ходилъ туда, то это вѣрный признакъ, что бѣдняга скоро умретъ!“

Во время продолжительной болѣзни морскаго министра Гассана-паши, обиравшаго свое министерство въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, султанъ посылалъ Иззета навѣщать его. Гассанъ, давно точившій зубъ противъ этого царедворца, который перебилъ у него одно крупное дѣло, сказалъ ему однажды: „зачѣмъ Аллахъ заставляетъ меня столько страдать, прежде чѣмъ призвать меня къ себѣ. Вѣдь я не такъ ужъ много натворилъ зла въ моей жизни, и если кралъ, то для того, чтобы сдѣлать удовольствіе моему повелителю“, давая этимъ понять, что султанъ приказывалъ ему обкрадывать флотъ, чтобы доставлять его величеству деньги.

Иззетъ ушелъ, сердито хлопнувъ дверью, и донесъ объ этой рѣчи султану, который не посылалъ его больше къ слишкомъ откровенному министру.

Въ заключеніе долженъ сказать, что въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ самые крупные бакшиши были получены Иззетомъ и Тахсиномъ-пашами, и что они имѣютъ большія надежды и въ будущемъ, если... Аллахъ или султанъ продлятъ ихъ жизнь.

Главный евнухъ—Абдулъ-Гани-паша. Останемся еще въ Ильдизъ-Кіоскѣ и поговоримъ о нѣкоторыхъ другихъ царедворцахъ, приближенныхъ султана.

Во главѣ ихъ по праву слѣдуетъ поставить его свѣтлость великаго евнуха, стража у вратъ блаженства. Надо сознаться, что прелести, предлагаемыя имъ своему повелителю, были бы очень не надолго приковывающими къ себѣ для насъ, парижанъ.

Это вообще дѣвушки, набранныя молоденькими въ той красивой черкесской расѣ, которая содержитъ великолѣпные образчики, но онѣ не безъ пороковъ. Если формы, цвѣтъ лица, глаза и волоса безупречны, то ротъ и скулы оставляютъ желать. Затѣмъ, умственность у нихъ такъ низка, что султанъ обреченъ любоваться только тѣломъ безъ малѣйшаго проблеска мысли. Онѣ копошатся сотнями въ безпорядкѣ, царящемъ въ гаремѣ, ведя чисто-животную жизнь, проведя день между гаммамомъ (восточная баня), который разслабляетъ тѣло, и заботами о красотѣ, столь дорогими восточнымъ женщинамъ: лавзонія, коль и другія косметическія снадобья доставляются имъ въ изобиліи. Вообще невѣжественныя, не умѣющія ни читать, ни писать, онѣ проводятъ свое время въ удовлетвореніи повелителя.

За этимъ-то міромъ женщинъ и евнуховъ и поставленъ надзирать его свѣтлость Абдулъ-Гани-ага.

Въ своемъ родѣ онъ не очень дуренъ, и даже слыветъ человѣкомъ интеллигентнымъ и образованнымъ, что̀ уже очень много въ Турціи.

За свою службу онъ вознаграждается по-царски и осыпается подарками, которые по смерти его возвратятся къ султану, законному наслѣднику всѣхъ евнуховъ.

Абдулъ-Гани имѣетъ большое вліяніе, которымъ пользуется вообще для испрошенія милостей тѣмъ, кто кажется ему интереснымъ. У него много протеже, и онъ вмѣшивается почти во всѣ важные вопросы двора, такъ какъ султанъ имѣетъ довѣріе къ нему.

Впрочемъ, главный евнухъ всегда пользовался при дворѣ султановъ значительнымъ вліяніемъ и довѣріемъ. Самъ Абдулъ-Гамидъ, большой вольнодумецъ въ молодости, допустилъ забрать въ руки слишкомъ большую власть нѣкоего Берамъ-агу, который всѣми командовалъ и даже присвоивалъ себѣ право назначать министровъ и маршаловъ. Онъ умеръ жертвой женской интриги. Преемники его не имѣли такой смѣлости, но все-таки сохраняли весь престижъ своей должности.

Всѣ придворные евнухи интригуютъ и шпіонятъ, вмѣшиваются въ дѣла, которыя ихъ не касаются, и вымогаютъ бакшиши, чтобы покупать себѣ лошадей и драгоцѣнности.

Прото-вестарій Исметъ-бей. Это молочный братъ султана. У турокъ молочное родство такъ же важно, какъ и родство по крови; оттого Абдулъ-Гамидъ очень любитъ Исмея-бея. Зато и этотъ послѣдній

только и думаетъ, что о своемъ повелителѣ, слыветъ очень честнымъ, не проситъ ни для себя, ни для другихъ никакихъ милостей. Онъ могъ бы, если бы хотѣлъ, имѣть значительное состояніе, но онъ довольствуется своимъ жалованіемъ и подарками, которые ему дѣлаетъ султанъ. Его дочери, которыхъ я видѣлъ, очень хорошенькія, но у него есть сынъ, который очень часто заставляетъ говорить о себѣ. Имѣя всего только 35 лѣтъ отъ роду, сынъ этотъ, Фехимъ-паша, уже почти маршалъ, хотя никогда не держалъ въ рукахъ ружья; это гроза города. Сопровождаемый арміей сбировъ, которая содержится на средства султана, какъ тайная полиція, онъ вымогаетъ поборы, грабитъ и убиваетъ всякаго, кто имѣетъ несчастіе быть оттоманскимъ подданнымъ. Султанъ не только все прощаетъ ему, но еще даетъ ему денегъ безъ счета.

Фехимъ-паша великій изобрѣтатель заговоровъ: многія высокопоставленныя особы, въ томъ числѣ маршалъ Фуадъ-паша и Кемаледдинъ-паша, зять султана, ему обязаны постигшей ихъ опалой.

Онъ держитъ себя въ высшей степени безцеремонно во всѣхъ министерствахъ, говоритъ повелительно, съ револьверомъ въ рукѣ, даже въ государственномъ совѣтѣ, у котораго исторгаетъ рѣшенія въ свою пользу, мотаетъ пригоршнями золото, доставаемое имъ всякими способами, похищаетъ молодыхъ дѣвушекъ и составляетъ постоянную опасность для общественнаго спокойствія. Когда скандалъ уже очень великъ, султанъ запрещаетъ ему проѣзжать черезъ извѣстные кварталы въ теченіе нѣскольких дней, но сохраняетъ къ нему довѣріе и дружбу, потому что Фехимъ умѣетъ всегда кстати выдумать какой-нибудь мнимый большой заговоръ.

Абдулъ-Гамидъ всегда имѣлъ между своими приближенными людей этого рода, но они обыкновенно погибали случайной и насильственной смертью послѣ пяти или шести лѣтъ лихоимства. Ожидаетъ ли и Фехимъ-пашу та же участь? Въ этомъ случаѣ Абдулъ-Гамиду пришлось бы считаться съ Исметъ-беемъ, который низачто не простилъ бы ему, такъ какъ онъ обожаетъ своего негодяя-сына и всегда заступается за него, когда положеніе становится опаснымъ.

Тахиръ-паша—собственный тѣлохранитель султана. Это церберъ Абдулъ-Гамида. Онъ спитъ въ его комнатѣ и всюду стережетъ его особу. Албанецъ по происхожденію, онъ принадлежитъ къ этой гордой расѣ горцевъ, которые всегда вѣрны своему слову.

Султанъ никогда не выказывалъ къ нему особенной щедрости и очень скупо отмѣриваетъ ему свои милости. Онъ имѣетъ изобильно чѣмъ жить, но ни одного лишняго піастра, чтобы отложить въ сторону. Каждый разъ, когда онъ проситъ о какой-нибудь концессіи, которая могла бы принести ему изрядный доходъ, Абдулъ-Гамидъ не-

измѣнно отказываетъ ему въ просьбѣ, говоря: „если ты разбогатѣешь ты сдѣлаешься моимъ врагомъ, какъ и другіе“.

Шейхъ Эбуль-Худа. Онъ пришелъ пѣшкомъ изъ глубины Месопотаміи странствующимъ дервишемъ, питавшимся подаяніемъ прохожихъ. Не извѣстно, какимъ образомъ онъ проникъ во дворецъ, но онъ быстро пріобрѣлъ огромное вліяніе на султана, которому онъ истолковываетъ сны и предсказываетъ будущее. По всей вѣроятности, онъ халдейскаго происхожденія, такъ какъ основательно знаетъ науку звѣздъ, и его гороскопы радуютъ султана, который придаетъ имъ чрезвычайную важность. Это не мѣшаетъ его величеству выталкивать его за дверь, когда онъ ошибается. Шейхъ Эбуль-Худа—совершенный типъ араба пустыни. Онъ носитъ религіозный костюмъ, и чалма рѣзко отдѣляетъ энергическія черты его бронзоваго лица. Жилище его, находящееся вблизи дворца, служитъ въ то же время монастыремъ, гдѣ совершаются обряды мусульманскаго культа.

Предметъ зависти и жестокой ненависти, онъ умѣетъ разрушать направленные противъ него замыслы враговъ. Онъ дѣятельно занимается политикой, какъ посредникъ между султаномъ и своими братьями пустыни. Хотя менѣе образованный, онъ гораздо болѣе тонкій дипломатъ, чѣмъ Иззетъ-паша, его непримиримый врагъ, которому онъ часто наносилъ страшные удары. Онъ увѣренъ въ прочности своего положенія, ибо никто другой не смогъ бы пріобрѣсти надъ умомъ султана вліяніе, какое онъ имѣетъ, благодаря своимъ тайнымъ наукамъ.

Домъ шейха Эбуль-Худа-эффенди служитъ предметомъ строгаго надзора со стороны тайной полиціи, потому что султанъ, говорятъ, боится его. Полагаю, что онъ не правъ: этотъ человѣкъ обязанъ ему быстрымъ возвышеніемъ и обогащеніемъ, и наврядъ ли нашелъ бы соотвѣтственныя выгоды у своихъ враговъ. Скорѣе слѣдуетъ приписать это недовѣріе султана интригамъ Иззетъ - паши и нѣкоторыхъ другихъ царедворцевъ, которымъ выгодно удалить вліятельнаго шейха отъ двора.

Но Эбуль-Худа, вѣроятно, всегда останется тамъ, такъ какъ должность его наслѣдственная, и у него есть сынъ, способный занять его мѣсто.

У него всегда находишь самый любезный пріемъ, и гостепріимство такъ широко въ его домѣ, что мнѣ случалось видѣть друзей, пріѣхавшихъ къ нему въ гости и остававшихся у него по пяти или шести мѣсяцевъ, вмѣстѣ съ своими женами, дѣтьми и прислугой.

Это уголокъ Месопотаміи въ центрѣ Константинополя, гдѣ всѣ говорятъ по-арабски, и гдѣ встрѣчаешь чистѣйшіе типы бедуиновъ пустыни. Шейхъ привѣтливо обходится со всѣми своими посѣтителями,

даже когда знаетъ, что это несомнѣнные шпіоны, и очень тонко насмѣхается надъ ними.

Черкесъ-Мехмедъ-паша,—собственный адъютантъ султана. Этотъ очень быстро проложилъ себѣ дорогу. Прибывъ въ Константинополь съ Кавказа, съ партіей черкешенокъ, предназначенныхъ для гаремовъ. онъ воспользовался покровительствомъ этихъ же женщинъ, чтобы поступить въ полицію, служба въ которой открываетъ доступъ ко всякимъ должностямъ. Будучи агентомъ 2-го класса во время рѣзни 1896 г., онъ перебилъ столько армянъ, что о немъ заговорили. Султанъ, впрочемъ, и самъ примѣтилъ его во время одного изъ своихъ выѣздовъ въ городъ и угадалъ въ немъ субъекта, способнаго однимъ махомъ охладить человѣка. Видъ у него зловѣщій. Долговязый и нервный, какъ голодный тигръ, онъ имѣетъ свирѣпую физіономію, какъ бы затерянную въ огромной нечесаной бородѣ, обрамляющей его лицо.

Назначенный въ тѣлохранители, съ чиномъ капитана, онъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ отправить на тотъ свѣтъ не одну жертву для того, чтобы черезъ пять лѣтъ сдѣлаться дивизіоннымъ генераломъ и пользоваться полнымъ довѣріемъ султана. Когда онъ былъ еще только бригадиромъ, я видѣлъ его однажды ворвавшимся къ первому секретарю, которому онъ грозно сказалъ, устремивъ на него свирѣпый взоръ и сжимая кулаки: „берегись! я разорву тебя въ клочки, если не получу завтра слѣдуемаго мнѣ ордена“! И, дѣйствительно, онъ на другой же день получилъ этотъ орденъ.

Это, должно быть, самый свирѣпый типъ Ильдизъ-Кіоска, гдѣ, однако, далеки отъ того, чтобы проповѣдывать милосердіе или любовь къ ближнему, и когда между камергерами или адъютантами султана дѣло доходитъ до драки, Черкесъ-Мехмедъ-паша долженъ усмирять ихъ кулаками. Ибо на этомъ скотномъ дворѣ, который называется дворцомъ, куртизаны нерѣдко задаютъ другъ другу гомерическія потасовки. Султанъ, увѣдомленный о дракѣ, сначала смѣется себѣ въ бороду, затѣмъ отдаетъ приказъ разнять дерущихся и утѣшаетъ ихъ кошелькомъ, наполненнымъ золотыми монетами.

Часто эти ссоры и драки происходятъ въ его присутствіи: такова, напримѣръ, ссора между Иззетъ-пашой и Кіазимъ-беемъ, бывшимъ вторымъ секретаремъ султана, нынѣ турецкимъ посланникомъ въ Бухарестѣ. Рѣчь шла объ избіеніяхъ: Изземъ побуждалъ султана дать приказъ начать рѣзню, тогда какъ Кіазимъ-бей, болѣе гуманный и, главное, болѣе патріотъ, старался склонить своего повелителя къ милосердію. Видя, что Иззетъ одерживаетъ верхъ, онъ осыпалъ его самыми отборными ругательствами, самыми обидными эпитетами и бросился на него съ кулаками. Султанъ велѣлъ разнять ихъ, но послалъ честнаго человѣка за границу, а другаго оставилъ при себѣ.

Черкесъ-Мехметъ часто получаетъ порученіе разнять дерущихся. Онъ даетъ каждому изъ нихъ одну или двѣ хорошихъ затрещины именемъ султана и тѣмъ возстановляетъ порядокъ. Имѣя начальствомъ цѣлый штатъ тайной полиціи, онъ выманиваетъ у султана значительныя суммы на ея содержаніе и кромѣ того выпрашиваетъ себѣ всякаго рода концессіи. Рудники и копи его пассія: онъ имѣетъ около полсотни разрѣшеній на развѣдки, но никогда не достигаетъ полученія по этимъ развѣдкамъ окончательной концессіи.

Его можно видѣть каждую пятницу на церемоніи селамлика мѣряющимъ большими шагами террасу, предназначенную для иностранцевъ, и зорко наблюдающимъ за собравшейся тамъ публикой. Султанъ посылаетъ его раздавать подаяніе странникамъ или недовольнымъ войскамъ, которыя онъ всегда заставляетъ кричать: „да здравствуетъ султанъ!“ Чиновники вообще боятся его, такъ какъ приходъ его не предвѣщаетъ ничего хорошаго.

Нишанъ-эффенди—переводчикъ султана и директоръ иностранной печати. Нахожу эту амфибію у дверей дворца, гдѣ онъ проводитъ половину своего дня. Это армянинъ изъ самыхъ двуличныхъ, имѣющій всѣ низости царедворца, шпіона, измѣнника и взяточника. Его единственный титулъ, довольно смѣшной, кажется, даетъ ему, въ глазахъ турокъ, власть надѣвать намордникъ на иностранную прессу такъ же, какъ онъ терроризируетъ мѣстную печать.

Маленькій, съ длинной мордой и лукавымъ взглядомъ, онъ проводитъ почти цѣлые дни въ тщательномъ просматриваніи газетъ французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ, для доклада султану о статьяхъ, направленныхъ противъ его особы или противъ Турціи. Не довольствуясь искаженіемъ текста газетъ, онъ имѣетъ спеціальную службу шпіоновъ, чтобы подсматривать за иностранными корреспондентами, живущими въ Константинополѣ.

Прежде всего онъ пытается привлечь ихъ къ себѣ, чтобы обманывать ихъ, или чтобы вызвать у нихъ обѣщаніе не писать ничего враждебнаго его повелителю. Именемъ султана онъ обѣщаетъ имъ ордена и милости.

„Приходите, говоритъ онъ этимъ корреспондентамъ, ко мнѣ каждый день освѣдомляться о новостяхъ, я буду сообщать вамъ ихъ совершенно искренно. Не вѣрьте ошибочнымъ свѣдѣніямъ, которыя вы могли бы собрать въ городѣ. Если вы хотите знать правду, я вамъ скажу ее всю безъ утайки“ и т. д.

Надо признать, что онъ интересный собесѣдникъ, такъ какъ владѣетъ въ достаточной степени французскимъ, англійскимъ и нѣмецкимъ языками. Онъ разсказываетъ много анекдотовъ изъ исторіи

Турціи. Однажды онъ дошелъ до того, что предложилъ одному изъ моихъ друзей показать ему собственноручное письмо Меттерниха къ тогдашнему великому визирю, въ которомъ австрійскій канцлеръ будто бы совѣтовалъ Турціи „не давать себя захватить западной цивилизаціи, но старательно замыкаться въ традиціяхъ своей исторіи, своей религіи, которая одна можетъ сохранить ея силу". Къ сожалѣнію, я не могъ скопировать этотъ драгоцѣнный документъ, потому что онъ не показалъ его.

Въ другой разъ, во время какъ будто конфиденціальной бесѣды съ тѣмъ же моимъ другомъ, думая, что ему удалось обратить его въ свою вѣру, Нишанъ-эффенди сознался ему, что султанъ спеціально поручилъ ему разыскать французскихъ корреспондентовъ, находящихся безъ его вѣдома въ Константинополѣ и посылающихъ очень тенденціозныя телеграммы о текущихъ событіяхъ. Онъ даже увѣрялъ, что это по приказанію его величества онъ обращается къ нему, и что онъ (т. е. мой другъ) будетъ щедро награжденъ, если укажетъ ему автора извѣстныхъ депешъ. Мой другъ оборвалъ его, сказавъ, что султанъ, если правда то, что онъ, Нишанъ, говоритъ, хорошо знаетъ, что вербовать себѣ шпіоновъ для этого ремесла онъ можетъ только между армянами.

Нишанъ улыбнулся на этотъ оскорбительный намекъ и просилъ моего друга не сердиться, ибо онъ могъ бы заработать большія деньги.

Во время арестованія Фуада-паши, Нишанъ облыжно указалъ, какъ на его сообщника, на одного французскаго корреспондента. Султанъ имѣлъ наивность повѣрить этому и послалъ жалобу французскому послу.

Это одинъ изъ тысячи примѣровъ образа дѣйствій этого главнаго начальника турецкой цензуры.

Онъ указалъ на кодемію „Скупой" Мольера, какъ на пьесу, мѣтящую въ султана, и съ тѣхъ поръ ее не позволяютъ играть. Муне-Сюлли, Сара Бернаръ и всѣ наши великіе артисты, во время своихъ гастролей въ Константинополѣ, имѣли поводы жаловаться на грубый произволъ, съ которымъ онъ искажаетъ тексты классическихъ авторовъ, позволяя себѣ безсмысленныя, подчасъ забавныя купюры.

Этотъ палачъ свободы печати воображаетъ, что совершаетъ священнодѣйствіе, запрещая продажу французскихъ газетъ, мальтретирующихъ Турцію. Оттоманскому посольству въ Парижѣ поручено указывать ему ежедневно, по телеграфу, статьи враждебныя султану. По его приказанію, Блистательная Порта безотлагательно адресуетъ словесную ноту нашему посольству въ Константинополѣ,

прося его велѣть французской почтѣ задержать инкриминируемыя газеты.

Наши послы имѣли неосторожность сдѣлать нѣкоторыя уступки въ этомъ отношеніи, и теперь гражданинъ Нишанъ нахально злоупотребляетъ ихъ податливостью.

Недавно газетѣ „Le Matin“ пришлось страдать отъ его строгостей, такъ какъ ея экземпляры, адресованные иностраннымъ абонентамъ, были возвращены ей почтой, вслѣдствіе одной, нѣсколько суровой статьи. Нишанъ такъ напугалъ султана, что тотъ просилъ Констана, французскаго посла, удовлетворить это ходатайство въ „личное ему одолженіе“. Можно ли отказать въ этихъ условіяхъ?

Нишанъ-эффенди пользуется своимъ положеніемъ, чтобы каждый день быть на виду у падишаха и сдѣлаться необходимымъ. Онъ выпрашиваетъ крупныя суммы на содержаніе своего штата шпіоновъ и, въ особенности, для подкупа европейской прессы, но почти всѣ эти деньги остаются въ его карманѣ.

Онъ соперничаетъ въ хитрости съ первымъ секретаремъ Иззетомъ и другими царедворцами, передъ которыми пресмыкается, но на которыхъ строчитъ доносы всякій разъ, когда къ тому представляется удобный случай. Будучи au courant всѣхъ придворныхъ интригъ, онъ всегда становится на сторону болѣе сильнаго, чтобы оградить себя отъ ударовъ своихъ противниковъ. Болѣе достойный презрѣнія, чѣмъ любопытства, онъ имѣетъ всѣ недостатки своей расы, не искупая ихъ никакимъ хорошимъ качествомъ.

Не понятно, почему Иззетъ, не любящій армянъ, не позаботился объ устраненіи его въ день избіенія его единоплеменниковъ.

Нишану же слѣдуетъ приписать оффиціозныя сообщенія, публикуемыя время отъ времени оттоманскимъ посольствомъ въ Парижѣ. Хорошо освѣдомленные люди увѣряли меня, что онъ часто вдохновляетъ походы прессы противъ султана, когда газеты долго не говорятъ о Турціи.

Прекращаю здѣсь этотъ краткій очеркъ султанскаго двора, очеркъ, который увлекъ бы меня слишкомъ далеко, если бы я захотѣлъ говорить о пяти или шести тысячахъ паразитовъ, обирающихъ Турцію именемъ своего государя.

Если бы понадобилось помѣстить на фронтисписѣ Ильдизъ-Кіоска девизъ, характеризующій душу этой толпы царедворцевъ съ ненасытными аппетитами, полагаю, что слово „жадность“ было бы тутъ самое подходящее.

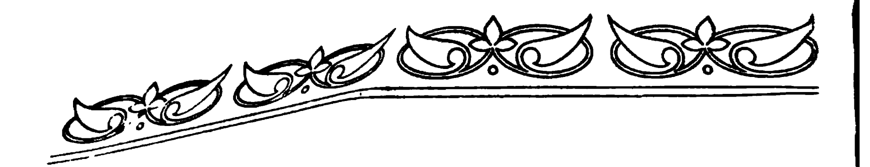
Какъ далеки мы отъ той эпохи, когда посолъ Венеціи, аккредитованный при Портѣ, писалъ своему правительству, въ началѣ XVIII столѣтія: „я только-что бросилъ въ лоно Турціи зерно болѣзни, ко-

торая убьетъ ее!“ потому, что онъ успѣлъ подкупить великаго визиря!

Этотъ зародышъ болѣзни отравилъ весь организмъ націи, и Турція умираетъ отъ „бакшиша“ болѣе, чѣмъ отъ всякаго другаго недуга. Примѣръ двора заразилъ министерства, о чемъ я буду имѣть случай говорить, когда попытаюсь изобразить Блистательную Порту и административныя учрежденія Оттоманской имперіи.

Иркамъ.

Изъ царскихъ резолюцій императоровъ Павла и Александра I.

С.-Петербургъ. 15-го января 1799 г.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Кіевскій генералъ-губернаторъ Беклешовъ. Съ удовольствіемъ усмотрѣвъ изъ донесенія вашего, что вы съ дѣятельностію исполняя волю Нашу, предъуспѣли заключить съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Понятовскимъ условіе, объ обращеніи покупкою въ казну состоящаго въ доживотномъ и емфитеутичномъ владѣніи его староство корсунскаго за предположенную сумму шестьсотъ тысячъ польскихъ злотыхъ, утверждаемъ во всей силѣ сіе условіе ваше, и на основаніи его повелѣваемъ совершить формальную уступную запись, и имѣніе сіе со всѣми принадлежностями его принять въ казенное вѣдомство. Слѣдующую же на платежъ сумму повелѣли уже Мы препроводить къ вамъ изъ кабинета Нашего. Пребываемъ вамъ благосклонны. „Павелъ".

Помѣта: полученъ въ Кіевѣ, 30-го января 1799 г.

С.-Петербургъ. 8-го февраля 1799 г.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Беклешовъ. Въ сходство съ конвенціею между Нами, императоромъ римскимъ и королемъ прусскимъ заключенною о подданныхъ въ бывшей Польшѣ, имѣющихъ собственности въ Нашихъ австрійскихъ и прусскихъ владѣніяхъ, и подъ названіемъ sujets mixtes извѣстныхъ, покуда срокъ въ оной конвенціи для окончанія дѣлъ ихъ положенный окончится; также и для споспѣшествованія торговли взаимныхъ подданныхъ всемилостивѣйше соизволяемъ, чтобъ вы имѣя средства удобнѣе знать о надобностяхъ въ предѣлы Наши въѣхать или изъ оныхъ выѣхать желающихъ по торговымъ промысламъ, или по дѣламъ касательно имѣній своихъ въ смежныхъ владѣніяхъ состоящихъ, давали отъ себя паспорты съ надлежащими предосторожностями, о чемъ можете всегда

когда за нужно признаете, сноситься съ главными пограничными начальниками сосѣдственныхъ державъ. Впрочемъ Мы желаемъ, чтобъ при рапортахъ вашихъ вы доставляли Намъ вѣдомости о всѣхъ таковыхъ паспортахъ вами на основаніи вышесказанномъ выдаваемыхъ. Пребываемъ вамъ благосклонны. „Павелъ".

Помѣта: полученъ съ фельдъегеремъ въ Кіевѣ, 15-го февраля 1799 г.

Г. Павловскъ. 29-го апрѣля 1799 г.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Беклешовъ. Нашедъ ненужнымъ всегдашнее пребываніе папскаго посла при дворѣ Нашемъ, а еще менѣе правленіе его католическою церковью въ имперіи Нашей, разсудили Мы за благо окончивъ нунціатуру архіепископа Фивскаго, повелѣть ему оставить и владѣнія наши, начальство же надъ духовенствомъ католическимъ препоручить митрополиту Сестренчевичу, отъ коего во всѣ епархіи и послано будетъ о семъ извѣщеніе. Вамъ чрезъ сіе предписываемъ впредь имѣть наблюденіе дабы папа, не взирая на изгнаніе его изъ престольнаго града, и странствованіе по разнымъ мѣстамъ, не наслалъ къ епископамъ или и другимъ начальникамъ духовныхъ католическихъ властей въ пріобрѣтенныхъ польскихъ губерніяхъ, булловъ, могущихъ произвесть недоумѣнія и клонящихся на присвоеніе себѣ власти управлять онымъ краемъ. Въ таковыхъ случаяхъ подобныя повелѣнія папскія не допущать и не терпѣть по нихъ никакого исполненія, безъ предварительнаго утвержденія Нашего. Пребываемъ вамъ благосклонны. „Павелъ".

Помѣта: полученъ въ Кіевѣ 13-го мая 1799 г.

Павловскъ. 11-го іюня 1799 г.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи, кіевскій и малороссійскій генералъ-губернаторъ Беклешовъ. Пріемля за благо мнѣніе ваше, посредствомъ государственнаго казначея барона Васильева отъ 16-го мая сего года доставленное, относительно суммъ отпускаемыхъ ежегодно изъ казны на содержаніе въ Кременчугѣ и Кіевѣ чрезъ рѣку Днѣпръ мостовъ и перевозовъ, чтобъ оные съ казеннаго счета перевести на городскіе доходы, обратя показанныя суммы на мѣсто того для необходимо нужныхъ въ Малороссійской губерніи построеній и починокъ присутственныхъ мѣстъ и другихъ казенныхъ зданій, дабы избѣжать чрезъ то новаго на сіи издержки расхода, дозволяемъ Мы учинить вамъ по тому и надлежащее исполненіе. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. „Павелъ".

Полученъ въ Кіевѣ 27-го іюня 1799 г.

С.-Петербургъ. 20-го ноября 1801 г.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Розенбергъ. Бывшимъ Литовскому подскарбію Михайлѣ Огинскому, польскому генералу Михайлѣ Забіело, такожъ польскимъ помѣщикамъ Тадею Визогіерду, Станиславу Мирскому, Карлу Прозору, Антонію Тизенгаузу, Іосифу Коціолу и Юліяну Ніемцевичу, коимъ въѣздъ въ предѣлы россійскіе воспрещенъ былъ. Разрѣшая оный повелѣваю дозволить имъ возвратится въ свои деревни и имѣть свободное пребываніе гдѣ похотятъ наравнѣ съ прочими здѣшними подданными. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный. „Александръ".

С.-Петербургъ. 11-го апрѣля 1801 г.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи кіевскій военный губернаторъ Феншъ. Дѣтей генерала князя Голицына, находящихся при немъ, повелѣваю вамъ по желанію ихъ пропустить въ С.-Петербургъ и считать ихъ отъ всякаго надзора свободными. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный. „Александръ".

Помѣта: полученъ въ Кіевѣ 25-го апрѣля 1801 г.

С.-Петербургъ. 2-го іюля 1801 г.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи и кіевскій военный губернаторъ Феншъ. Дошло до свѣдѣнія моего, что вы производите слѣдствіе о нѣкоторомъ врапьѣ по доносу священника Загурскаго на помѣщичьяго эконома Билецкаго, и хотя я не имѣю отъ васъ еще о семъ донесенія, которое надѣюсь получить вскорѣ, однакожъ предварительно нужнымъ почитаю предписать вамъ, чтобы вы не относили сего дѣла къ большой важности, а принявъ его въ видѣ пустословія и глупой лжи, достойной презрѣнія, произнесшимъ оную сдѣлать увѣщаніе быть впредь воздержными отъ нелѣпыхъ разговоровъ, опасаясь подвергнуть себя законной строгости, и съ таковымъ подтвержденіемъ отпустить ихъ въ ихъ домы; приказавъ только непримѣтный имѣть за ними надзоръ, доколѣ удостовѣритесь въ скромномъ ихъ поведеніи. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный „Алексан; ъ".

Помѣта: полученъ 19-го іюня 1801 г.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

что наша цивилизація, которую мы считаемъ столь старой, еще очень молода и что въ глубинѣ нашего существа мы еще не отрѣшились совсѣмъ отъ дикаго состоянія, или по другой какой причинѣ, но, разсматривая войну въ ея дѣйствіяхъ, она представляется намъ не болѣе какъ истребленіемъ людей и вещей всевозможными средствами насилія и хитрости, усовершенствованной и въ широкихъ размѣрахъ организованной охоты на человѣка, особымъ видомъ каннибализма и человѣческой жертвы. Согласно съ этимъ представленіемъ, война можетъ быть опредѣлена такъ: состояніе, въ которомъ люди, отдавшись своей животной натурѣ, получаютъ право дѣлать другъ другу все зло, которое миръ имѣетъ цѣлью запретить".

Германскій фельдмаршалъ графъ Мольтке, увѣнчанный славою перваго полководца своего времени, былъ нѣкогда сторонникомъ мира. „Мы признаемъ себя открыто сторонниками столь часто осмѣиваемой идеи вѣчнаго европейскаго мира, не въ томъ, конечно, смыслѣ, чтобы должны были прекратиться долгія, кровавыя столкновенія, чтобы арміи были распущены, а пушки расплавлены, нѣтъ; но не являются ли весь ходъ исторіи прогрессомъ, стремящимся къ миру? Возможна ли въ наше время война изъ-за испанскаго наслѣдства, изъ-за beaux yeux de Madame". Такъ писалъ Мольтке въ 1841 г. Прошло тридцать лѣтъ, военныя событія выдвинули Мольтке на передовое мѣсто, окружили его военною славою, и этотъ, нѣкогда сторонникъ мира, затѣмъ могучій представитель германской арміи, съ грустью сообщалъ своимъ бывшимъ товарищамъ, что „миръ есть мечта и отнюдь не пріятная".

„Я не хочу войны говорилъ императоръ Александръ I Коленкуру — мой народъ хоть и оскорбленъ, но такъ же, какъ и я, не желаетъ войны, потому что онъ знакомъ съ ея опасностями". „На зачинающаго Богъ,—неоднократно повторялъ онъ,— Я не начну войны, но не положу оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ Россіи". И въ защиту этой Россіи онъ вооружаетъ весь русскій народъ и ведетъ его въ кровавый бой съ непобѣдимой арміей. Царь мира развѣнчиваетъ царя войны и среди громкихъ побѣдъ и военной славы остается убѣжденнымъ сторонникомъ мира.

Эти примѣры,—какъ вполнѣ вѣрно замѣчаетъ г. Кузминъ,—показываютъ, съ какой осторожностью надо относиться къ тѣмъ ссылкамъ на различные авторитеты, которые встрѣчаются въ нашей литературѣ о войнѣ.

По опредѣленію Жомини, война—это великая драма, въ которой, съ большею или меньшею силою, дѣйствуютъ тысячи нравственныхъ и физическихъ причинъ, и которую невозможно подчинить никакимъ математическимъ расчетамъ. Оукидидъ говоритъ, что война не совершается по строго опредѣленному плану, а состоитъ вся изъ совокупности случайныхъ обстоятельствъ. Тотъ, кто умѣетъ пользоваться и примѣнять эти послѣднія, бываетъ въ выигрышѣ. По мнѣнію Драгомирова, война—явленіе, отъ человѣческой воли не зависящее. Руссо говоритъ: война—это школа возрожденія человѣческихъ добродѣтелей. Императоръ Николай I высказался такъ: война—это жестокая, чудовищная необходимость, возбуждающая отвращеніе. Гр. Д. А. Милютинъ говоритъ: Война есть неизбѣжное зло, которое желательно сдѣлать сколь возможно менѣе жестокимъ для человѣчества, и потому нѣтъ причины вводить такія смертоносныя средства, которыя только увеличиваютъ бѣдствія и страданія людей безъ всякой пользы для прямой цѣли войны. У Эзопа встрѣчается слѣдующее сказаніе: всѣ боги женились на той, которая доставалась по жребію. Послѣднимъ приходилось метать жребій богу Войны. Изъ невѣстъ оставалась лишь одна—богиня Безчинства. Онъ взялъ ее, сочетался съ ней бракомъ и горячо полюбилъ ее. Съ той поры она всюду слѣдуетъ за своимъ супругомъ. По мнѣнію гр. Порталиса, война—это неизбѣжное послѣдствіе игры человѣческихъ страстей въ международныхъ отношеніяхъ. Монтескье говоритъ: цѣль войны—побѣда; цѣль побѣды—завоеваніе; цѣль завоеванія — сохраненіе. По замѣчанію Гумбольдта, война тогда благотворна, когда она ведется во имя высокихъ цѣлей. Гр. Л. Н. Толстой замѣчаетъ: цѣль войны—убійство, орудія войны — шпіонство, измѣна и поощреніе ея, разореніе жителей, ограбленіе ихъ или воровство для продовольствованія арміи; обманъ и ложь, называемые военными хитростями. Французскій экономистъ Пасси говоритъ: пора уже признать, что желѣзо и люди пригодны на что-либо иное, чѣмъ на превращеніе ихъ въ пушки и трупы; что народы отнынѣ намѣрены почитать не того, кто болѣе другихъ опустошаетъ землю, а того, кто ее успѣшнѣе обрабатываетъ. Люди желаютъ жить и развиваться въ мирѣ; они его предпочитаютъ войнѣ, которая лишь увеличиваетъ сумму страданій на землѣ и истребляетъ плоды мира.

Въ книгѣ г. Кузмина приведено очень много мнѣній о войнѣ, и мы намѣрены продолжить ознакомленіе съ ними нашихъ читателей въ одной изъ слѣдующихъ книгъ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1905 г.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1904 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р. съ пересылкою.
Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVI-й. СЕНТЯБРЬ. 1905 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Протоіерея Пѣвницкаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1905 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1905.

IX-я книга „Русской Старины" вышла 1-го сентября 1905 года.

Библіографическій листокъ.

С. Кузминъ. Война въ мнѣніяхъ передовыхъ людей. Ц. 2 р. 50 к.

Въ книгѣ г. Кузмина приведено очень много мнѣній о войнѣ, и мы познакомимъ нашихъ читателей съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Войнѣ даются различныя опредѣленія. Такъ Кантъ сказалъ: „Война есть свойственное естественному состоянію народовъ, обусловливаемое лишь печальною необходимостью, средство—возстановлять свое право при помощи силы; здѣсь ни одна изъ сторонъ не можетъ заранѣе объявляться неправою, а только исходъ войны рѣшаетъ, на какой сторонѣ право.

По мнѣнію Влад. Соловьева, смыслъ войны не исчерпывается ея отрицательнымъ какъ зла и бѣдствія; въ ней есть и нѣчто положительное—не въ томъ смыслѣ, чтобы она была сама по себѣ нормальна, а лишь въ томъ, что она бываетъ реально необходимой при данныхъ условіяхъ.

Прудонъ говоритъ: „война есть существенное условіе нашей человѣчности, она есть нашъ жизненный, нравственный законъ; прогрессъ въ наукахъ и правахъ измѣняетъ только предметъ и форму войны, но она есть настолько же фактъ цивилизаціи, насколько и варварства, и что съ какой бы стороны на нее ни смотрѣли, она есть грандіозное проявленіе нашей индивидуальной и общественной жизни".

Мартенсъ признаетъ, что война страшное зло, которое человѣкъ не можетъ не ненавидѣть всѣмъ существомъ и всею душою. Она является для народовъ какъ средствомъ пріобрѣтенія условій физическаго существованія, такъ и щитомъ ихъ національной чести и славы.

Э. Жирарденъ сказалъ: война есть убійство, война есть грабежъ, которымъ вмѣсто эшафота строятъ тріумфальныя ворота. Война есть легальная непослѣдовательность; она есть такое состояніе, гдѣ общество приказываетъ то, что запрещаетъ, и запрещаетъ то, что приказываетъ; награждаетъ то, что наказываетъ, и наказываетъ то, что награждаетъ; прославляетъ то, что клеймитъ позоромъ, и опозориваетъ то, что прославляетъ; фактъ остается одинъ и тотъ же, только названіе этому факту мѣняется.

Причины возникновенія войнъ и ихъ цѣль опредѣляются различно. Цицеронъ говоритъ: „война несправедлива, если она предпринимается безъ достаточныхъ основаній, не объявляется публично и если ей не предшествовали предварительныя требованія объ удовлетвореніи".

Лееръ замѣчаетъ: борьба лежитъ въ основѣ всего живущаго. Всѣ силы природы находятся въ постоянной борьбѣ между собою, стремясь къ созданію новаго и болѣе совершеннаго путемъ разрушенія стараго и отжившаго. Таковъ основной законъ природы; человѣчество, составляя часть ея, въ своей дѣятельности подчиняется тому же закону. Вотъ почему войны были и будутъ.

Войска терпятъ бѣдствія всякаго рода,—сказалъ Сенека,—питаются дикими деревьями, а часто испытываютъ неописуемый голодъ. И все это лишь для того, чтобы завоевать царство, и при томъ—всего удивительнѣе—чужое царство.

Французскій юристъ Готефель говоритъ, что народъ не можетъ оставить безнаказанныхъ покушеніе на свои права, на свою независимость, на свою честь, не признавъ превосходства надъ собою оскорбителя, не перестая быть ему равнымъ и, слѣдовательно, не лишивъ себя существенныхъ условій національности. Если права одного народа не признаются другимъ, если угрожаютъ независимости народа, оскорбляютъ его честь и онъ не можетъ получить справедливаго удовлетворенія путемъ мирнымъ, то обязанъ прибѣгнуть къ оружію и воевать съ оскорбителемъ.

Вотъ мнѣніе императора Франца-Іосифа: кто въ настоящее время можетъ желать войны,—никто! Не можетъ быть никого, кто бы питалъ столь пагубное желаніе, по крайней мѣрѣ, я не думаю. Не знаю, кѣмъ было сказано, будто войны всегда являлись результатомъ желаній самихъ народовъ, которые навязывали ихъ своимъ миролюбиво настроеннымъ правительствамъ. Такое мнѣніе, очевидно, не согласно съ истиной.

Н. Сухотинъ замѣчаетъ: наша военная исторія свидѣтельствуетъ, что война всегда и во всѣ времена, стихійно и сознательно, почиталась у насъ дѣломъ священнымъ, великимъ и важнымъ актомъ въ жизни государства. Война всегда была у насъ дѣломъ народнымъ: война всегда была войною „за вѣру, царя и отечество" въ широкомъ и глубокомъ значеніи этихъ священныхъ словъ. Въ силу этого, въ нашей исторіи находимъ непреложное свидѣтельство тому, что всякой самостоятельно веденной войнѣ, и въ особенности, въ послѣднія столѣтія, предшествуетъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ усилій и попытокъ добиться удовлетворенія политическихъ интересовъ и требованій, въ данную минуту признающихся насущными для государства, иными, мирными путями; только послѣ того, какъ эти пути оказывались не ведущими къ цѣли, у насъ обращались къ войнѣ. Правда, что иногда эти интересы могли быть ошибочно понимаемы или ихъ насущная потребность неправильно оцѣниваема, но никогда не сказывалось явнаго и сознательнаго пренебреженія собственно интересами народа и государства.

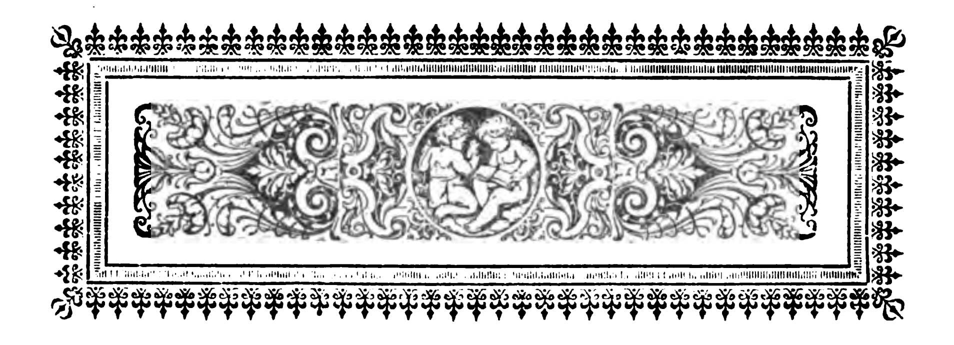
По мнѣнію Прудона, главная, всеобщая, вез-

Дозв. цена. Спб., 22 августа 1905 г. Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Протоіерей

ПѢВНИЦКІЙ.

Обзоръ политическихъ событій съ 28-го декабря 1877 г. по 15-е апрѣля 1878 года.

Начало переговоровъ о перемиріи и мирѣ.—Три различныхъ періода.—Подписаніе перемирія и основныхъ условій мира.—Опасенія за вооруженное вмѣшательство Англіи.—Предположенія о занятіи Царьграда.—Санъ-Стефанскій договоръ и его послѣдствія.

Для удобства изложенія переговоровъ великаго князя главнокомандующаго съ турками, начавшихся 28-го декабря 1877 года, можно раздѣлить ихъ на три періода:

первый періодъ съ 28 декабря 1877 года по 19 января 1878 года;

второй періодъ съ 19 января по 19 февраля того же года и, наконецъ:

третій періодъ съ 19 февраля по 15 апрѣля 1878 года.

Поименованные періоды соотвѣтствуютъ слѣдующему положенію дѣлъ:

Въ первомъ періодѣ, т. е. до 19-го января 1878 г., не встрѣчается препятствій къ занятію проливовъ и Царьграда, но императорскій кабинетъ не желаетъ подобной развязки и не разрѣшаетъ овладѣть проливами, несмотря на положительныя заявленія главнокомандующаго въ пользу этого предпріятія.

Во второмъ періодѣ затрудненія къ занятію проливовъ и Царьграда съ каждымъ днемъ все болѣе возрастаютъ, но императорскій кабинетъ, напротивъ того, начинаетъ обнаруживать склонность къ ихъ захвату.

Въ третьемъ періодѣ, послѣ заключенія С.-Стефанскаго мира, занятіе Босфора представляетъ непреодолимыя затрудненія. Между тѣмъ, государь требуетъ отъ главнокомандующаго осуществленія именно этой, отнынѣ уже невыполнимой, задачи. Это обстоятельство вызываетъ назначеніе новаго главнокомандующаго, генералъ-адъютанта Тотлебена, который, въ свою очередь, прибывъ на мѣсто расположенія арміи, признаетъ предпріятіе противъ Босфора и Константинополя невозможнымъ.

Итакъ по вопросу о занятіи проливовъ и Царьграда можно замѣтить, что до 19-го января оно, по мнѣнію главнокомандующаго, является дѣломъ возможнымъ. До 19-го февраля оно является желательнымъ, но затрудненія къ исполненію возрастаютъ. Наконецъ, послѣ 19-го февраля главнокомандующему предлагается къ исполненію задача, которая успѣла обратиться въ неразрѣшимую.

Первый періодъ съ 28-го декабря 1877 г. по 19-ое января 1878 г.

28-го декабря великій князь, главнокомандующій, находясь въ Ловчѣ, получилъ изъ Константинополя отъ турецкаго военнаго министра Реуфа-паши телеграмму, извѣщавшую его высочество, что Махмету Али-пашѣ высланы полномочія и инструкціи для заключенія перемирія. Появленіе русскихъ войскъ на южномъ склонѣ Балканъ вразумило наконецъ блистательную Порту и склонило ее вступить съ побѣдителемъ въ переговоры. Великій князь отвѣчалъ, что о перемиріи не можетъ быть и рѣчи безъ предварительнаго принятія Портой основаній мира, и просилъ государя императора поспѣшить присылкой инструкціи. Телеграмма великаго князя къ государю императору изъ Ловчи 28-го декабря 1877 г. была слѣдующаго содержанія:

„Сію минуту получилъ открытую телеграмму изъ Константинополя отъ военнаго министра Реуфа-паши отъ вчерашняго 27 числа. Онъ увѣдомляетъ, что румелійскому главнокомандующему Махметъ-Али послано уполномочіе просить у меня перемирія и спрашиваетъ, съ кѣмъ ему вести переговоры. Я отвѣтилъ Реуфъ-пашѣ, какъ съ тобой было условлено, что уполномоченный долженъ быть присланъ ко мнѣ и что не можетъ быть и рѣчи о перемиріи безъ предварительнаго принятія основаній мира. Поэтому убѣдительно прошу о немедленной присылкѣ мнѣ инструкцій по телеграфу“.

Вслѣдъ затѣмъ во всѣ наши отряды начали являться турецкіе парламентеры съ приказаніемъ отъ своего военнаго начальства вступить въ соглашеніе съ нашими властями для приведенія въ дѣйствіе условленнаго, будто-бы, между обоими правительствами перемирія. Между прочимъ въ войскахъ, стоящихъ противъ арміи цесаревича, турки въ теченіе нѣсколькихъ дней отказывались стрѣлять по

нашимъ разъѣздамъ, объявляя, что уже заключенъ миръ. Главнокомандующій не замедлилъ отдать приказаніе вывести турокъ изъ заблужденія и объяснить имъ настоящее положеніе дѣла [1]).

Тѣмъ временемъ 30 декабря великій князь передъ выѣздомъ въ Габрово получилъ отъ Реуфа-паши вторичную телеграмму съ просьбою ускорить отвѣтомъ относительно условій, отъ которыхъ зависитъ заключеніе перемирія. Его высочество отвѣтилъ, что предъявитъ условія лицу, которое будетъ уполномочено Портой принять ихъ и заключить затѣмъ перемиріе.

Въ тотъ же день главнокомандующій получилъ изъ С.-Петербурга нижеслѣдующее высочайшее повелѣніе:

„Если будетъ присланъ уполномоченный для переговоровъ объ основаніяхъ мира, то желательно не торопиться объявленіемъ имъ нашихъ условій, а по возможности протянуть дѣло и между тѣмъ не ослаблять энергіи въ военныхъ дѣйствіяхъ" [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ государь сообщилъ великому князю, что инструкція по поводу предложеній Порты о перемиріи отправлена въ главную квартиру дѣйствующей арміи 21-го декабря [3]).

Сущность предварительныхъ условій мира, препровожденныхъ къ великому князю, заключалась въ слѣдующемъ:

1) Болгарія, въ предѣлахъ опредѣленныхъ большинствомъ (преобладаніе) болгарскаго населенія и которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть менѣе предѣловъ, указанныхъ на константинопольской конференціи, будетъ возведена въ автономное княжество, платящее дань. Оттоманская армія не будетъ болѣе тамъ находиться за исключеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, избранныхъ по взаимному соглашенію.

2) Независимость Черногоріи, съ расширеніемъ границъ, будетъ признана.

3) Независимость Румыніи и Сербіи будетъ признана; при чемъ первой изъ нихъ будетъ назначено достаточное вознагражденіе, а для второй—произведено исправленіе границъ.

4) Босніи и Герцеговинѣ будетъ даровано автономное управленіе. Подобнаго рода реформы будутъ введены въ прочихъ христіанскихъ областяхъ Европейской Турціи.

5) Порта обязуется вознаградить Россію за ея издержки на войну и понесенныя потери (денежно и территоріально).

31-го декабря великій князь переѣхалъ изъ Габрово черезъ Шипкинскій перевалъ въ Казанлыкъ. Наступательныя движенія русскихъ

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе великаго князя изъ Казанлыка 12 января 1878 года.

[2]) Телеграмма 29 декабря 1877 г.

[3]) Фельдъегеръ съ инструкціею прибылъ въ Казанлыкъ 2 января.

войскъ, согласно высочайшей волѣ, энергично продолжались. Здѣсь его высочество получилъ увѣдомленіе о назначеніи уполномоченныхъ Порты Серверъ-паши и Намыкъ-паши, выѣзжающихъ изъ Константинополя 3-го января.

Но султанъ, сознавая грозящую Турецкой имперіи гибель, не довольствовался этимъ изъявленіемъ своихъ миролюбивыхъ намѣреній. Онъ обратился прямо къ государю императору и въ телеграммѣ отъ 1-го января просилъ о перемиріи и о немедленной остановкѣ военныхъ дѣйствій. En déplorant profondement les circonstances malheureuses,—писалъ Абдулъ-Гамидъ,—qui ont amené cette guerre désolante entre les deux Empires, appelés à vivre toujours en bonne harmonie, et désirant ardement voir cesser un moment plus tôt une effusion de sang inutile, qui répugne également aux sentiments d'humanité bien connus de V. M. I. je viens de nommer, conformement à l'entente établie entre mon gouvernement et S. A. I. le Grand Duc Nicolas. Server-Pacha mon ministre des affaires étrangères et Namyk-Pacha, grand diguitaire de l'Empire en qualité de plénipotentiaires, chargés d'arrêter avec S. A. I. le Grand Duc les bases de la paix et les principes de l'armistice. Ces plénipotentiaires partiront après demain, Mardi 15 Janvier pour Kazanlyk. J'espère que V. M. voudra bien en attendant la conclusion de ces negociations, donner les ordres nécessaires pour la cessationdes hostilités sur tout le théatre de guerre [1]).

На это письмо изъ Петербурга 3-го января послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ:

„Comme V. M. je désire la paix et le rétablissement de bonnes rélations. Mais je ne saurais consentir à une suspension d'hostilités que si la Porte accepte préalablement les conditions auxquelles les commandans en chef, d'après les ordres dont ils sont munis doivent subordonner les conclusions d'un armistice [2]).

---

[1]) „Глубоко скорбя о тѣхъ несчастныхъ обстоятельствахъ, которыя вызвали печальную войну между двумя имперіями, призванными жить въ мирѣ и согласіи, и горячо желая прекратить какъ можно скорѣе безполезное кровопролитіе, которое оскорбляетъ ваши человѣколюбивыя чувства, я отправилъ моихъ уполномоченныхъ Серверъ-пашу и Намыкъ-пашу, чтобы они вошли въ сношеніе съ его высочествомъ великимъ княземъ для установленія между ними тѣхъ условій, на основаніи которыхъ могли быть опредѣлены основы мира и условія для заключенія перемирія. Эти уполномоченные послѣ завтра, во вторникъ 15-го января, выѣзжаютъ въ Казанлыкъ.

Я надѣюсь, что ваше величество въ ожиданіи заключенія переговоровъ повелите прекратить военныя дѣйствія на всемъ театрѣ войны".

[2]) „Какъ и ваше величество я желаю мира и возстановленія дружественныхъ отношеній. Но я не могу согласиться на прекращеніе военныхъ дѣйствій, доколѣ Порта предварительно не согласится на тѣ условія, которыя будутъ предложены главнокомандующимъ, имѣющимъ указанія относительно заключенія перемирія".

Въ тотъ же день великій князь получилъ отвѣтъ:

„Вчера вечеромъ я былъ крайне удивленъ полученіемъ прямо отъ султана телеграммы о посылкѣ къ тебѣ въ Казанлыкъ двухъ полномочныхъ для заключенія перемирія и мирныхъ переговоровъ. Я тебѣ сегодня же телеграфировалъ, что всѣ эти заявленія не должны ни въ чемъ измѣнять того образа дѣйствій, который былъ тебѣ предписанъ моей инструкціей, посланной отсюда 21-го декабря, и что пока полномочные турецкіе не примутъ безусловно нашихъ предварительныхъ кондицій для мира, о перемиріи и рѣчи быть не можетъ и военныя дѣйствія должны продолжаться со всевозможною энергіею. Да поможетъ намъ Богъ довершить начатое святое дѣло, какъ мы того желаемъ, для пользы и достоинства Россіи".

5-го января турецкіе уполномоченные прибыли въ Германлы, гдѣ были задержаны генераломъ Скобелевымъ на нѣсколько часовъ до сосредоточенія тамъ всего авангарда генерала Струкова и главныхъ силъ отряда къ Тырнову-Сейменли, съ цѣлью показать уполномоченнымъ всю массу войска въ стройномъ порядкѣ.

7-го января въ 4 часа по полудни турецкіе уполномоченные, Намыкъ и Серверъ-паши, прибыли въ Казанлыкъ съ небольшой лишь свитой и были приняты въ русской главной квартирѣ съ должными почестями.

Въ тотъ же день, 7-го января, великій князь получилъ весьма важную шифрованную телеграмму государственнаго канцлера князя Горчакова (отправлен. изъ Петербурга 5-го января). Императоръ желаетъ, писалъ князь Горчаковъ, что если ваше высочество еще не сообщали туркамъ условія мира, долженствующаго предшествовать заключенію мира, то чтобы вы ихъ спросили: какія предлагаются Портою условія для остановки военныхъ дѣйствій. Когда они вамъ будутъ предъявлены, телеграфируйте въ Петербургъ. Намъ важно выиграть время, чтобы прійти къ соглашенію съ Австріей, которая въ разныхъ пунктахъ съ нами не согласна и, если можно, получить отвѣтъ на собственноручныя письма государя въ Вѣну и Берлинъ, сегодня отправленныя.

Полученіе этого новаго высочайшаго повелѣнія отъ 5-го января поставило великаго князя главнокомандующаго въ крайне затруднительное положеніе относительно турецкихъ уполномоченныхъ, такъ какъ содержаніе его шло въ разрѣзъ съ вышеприведенной телеграммой государя султану и съ высочайшими инструкціями заключавшимися въ письмѣ военнаго министра отъ 20-го декабря. Великій князь, подъ впечатлѣніемъ этихъ противорѣчій, приказалъ прервать телеграфное сообщеніе съ Россіей и сказалъ: „Я рѣшилъ все кончить и ужъ тогда донести".

8-го января въ 11 часовъ великій князь принялъ турецкихъ уполномоченныхъ и, снисходя на ихъ просьбы скорѣе прекратить военныя дѣйствія, приступилъ къ переговорамъ о предварительныхъ основаніяхъ мира.

Согласуясь съ новымъ высочайшимъ повелѣніемъ, великій князь прежде всего старался вызвать турецкихъ уполномоченныхъ на изложеніе ихъ требованій и пригласилъ ихъ сообщить ему приказанія, которыми они были снабжены при выѣздѣ изъ Константинополя.

Они отвѣчали неоднократно, что никакихъ инструкцій на предъявленіе намъ мирныхъ предположеній не получали, но посланы были выслушать сообщенія, которыя будутъ имъ сдѣланы великимъ княземъ. „Мы чувствуемъ себя побѣжденными, говорили они, и султанъ повергаетъ себя на великодушіе государя императора, въ надеждѣ, что условія мира, которыя будутъ ему предписаны, не поколеблятъ достоинства и независимости Порты“.

Это упорство турокъ высказать съ своей стороны какія-либо предположенія вынудило великаго князя сообщить Намыкъ и Серверъ-пашамъ высланныя ему при письмѣ отъ военнаго министра отъ 20-го декабря высочайше утвержденныя условія мира. Во всеподданнѣйшемъ донесеніи великій князь поясняетъ свой образъ дѣйствій еще слѣдующими соображеніями. „Кромѣ практической невозможности отказать турецкимъ уполномоченнымъ въ сообщеніи имъ условій, для подписанія которыхъ они собственно и были вызваны въ главную квартиру, какъ отвѣтомъ Вашего Императорскаго Величества султану, такъ и моей депешей Реуфъ-пашѣ, мнѣ казалось, что и необычайный быстрый ходъ военныхъ событій обязываетъ не затягивать долѣе возможности прекратить военныя дѣйствія. Дальнѣйшее развитіе нашихъ успѣховъ показало на дѣлѣ, что каждая минута совершенно измѣняетъ военное положеніе. Если наступленіе на Константинополь не входило въ наше соображеніе, то оно могло быть предупреждено только скорымъ заключеніемъ перемирія. Искусственная же затяжка переговоровъ могла только возвести на насъ неблаговидное нареканіе, какъ будто бы намѣренно задерживали въ главной квартирѣ турецкихъ уполномоченныхъ, дабы, обольщая Порту надеждою на мирный исходъ, подступить къ самой столицѣ имперіи“.

Итакъ рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ. Главнокомандующій передалъ Намыкъ и Серверъ-пашамъ копіи съ утвержденныхъ государемъ основаній мира. Вмѣстѣ съ тѣмъ великій князь пригласилъ уполномоченныхъ какъ можно скорѣе поспѣшить отвѣтомъ на наши предложенія, выставивъ имъ огромную важность для самой Порты возможно раньше остановить наше наступленіе.

Тѣмъ не менѣе турецкое упорство и ослѣпленіе уполномоченныхъ

замедляли дѣло. Прочитавъ предъявленныя имъ требованія, Намыкъ и Серверъ-паши возразили, что ихъ принятіе повлечетъ за собой окончательное распаденіе Турецкой имперіи.

„Напротивъ того, отвѣчалъ великій князь, немедленное согласіе ваше на наши предложенія представляетъ единственный благопріятный исходъ изъ нынѣшняго затруднительнаго положенія. Государь императоръ не желаетъ разрушенія Оттоманской имперіи. Онъ напротивъ того ищетъ способа возстановить на прочныхъ началахъ дружественныя сношенія съ ней, которыхъ поддержаніе въ выгодахъ обоихъ государствъ".

На вопросъ, сдѣланный пашамъ, могутъ ли они въ случаѣ надобности просить по телеграфу инструкцію изъ Константинополя, великій князь заявилъ имъ, что хотя онъ не препятствуетъ ихъ сношеніямъ съ своимъ правительствомъ, но телеграфное сообщеніе такъ медленно и затруднительно, что до полученія отвѣта пройдетъ непремѣнно 4—5 дней, въ теченіе коихъ положеніе Турціи можетъ еще значительно ухудшиться.

Уполномоченные затѣмъ удалились, обѣщая разсмотрѣть дома предъявленныя имъ основанія мира и какъ можно скорѣе доставить отвѣтъ.

Вечеромъ того же дня (8-го января) великій князь получилъ извѣстіе о бѣгствѣ изъ Адріанополя турецкаго войска и губернатора Джемиль-паши, сына Намыкъ-паши.

На слѣдующій день, 9-го января, уполномоченные просили великаго князя принять ихъ, и его высочество назначилъ имъ вторичное свиданіе въ $12^1/_2$ ч. дня. Паши явились и прочли составленный ими отвѣтъ на наши предложенія, которыхъ большая часть отклонялась, самая малая часть принималась съ оговорками. Но главный пунктъ, касающійся Болгаріи, получалъ вполнѣ неудовлетворительное рѣшеніе, основанное на Лондонскомъ протоколѣ. Записка была возвращена туркамъ въ тотъ же вечеръ съ объясненіемъ, что мы никакихъ измѣненій въ нашихъ требованіяхъ допустить не можемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ великій князь заявилъ уполномоченнымъ Порты, что онъ не можетъ входить ни въ какіе переговоры о мирѣ, а долженъ требовать согласія или несогласія на наши предложенія.

— Мы согласны на всѣ пункты, сказали турки, но возведеніе Болгаріи въ автономную провинцію есть разрушеніе цѣлости имперіи. Послѣ этого власть султана на Босфорѣ не будетъ имѣть причины существованія и намъ останется только уйти въ Азію.

Тщетно его высочество старался убѣдить ихъ въ неизбѣжности послѣ всего совершившагося измѣнить радикально судьбы христіанскаго населенія Турціи.

Наши настаивали на томъ, что не уполномочены на таковую уступку, тѣмъ болѣе, что требованіе нами реформъ для всѣхъ христіанскихъ областей наноситъ мусульманскому владычеству окончательный ударъ.

„Но если вы не согласитесь на наши предложенія, сказалъ великій князь, войска мои будутъ безостановочно идти до Константинополя. Внутреннее движеніе, подобное тому, которое привело насъ безъ выстрѣла къ Адріанополю, можетъ открыть намъ и ворота вашей столицы; власть султана будетъ окончательно поколеблена, имперія будетъ въ опасности“.

— Пусть же она погибнетъ, отвѣчалъ съ отчаяніемъ Намыкъ, лучше намъ умереть отъ насилія, чѣмъ подписывать самимъ наше собственное паденіе.

—Мы не уполномочены согласиться на автономію Болгаріи, прервалъ болѣе спокойный Серверъ, наши инструкціи не предвидѣли подобнаго требованія (значитъ, инструкціи были. А они говорили, что имъ ихъ не давали).

Вслѣдъ за симъ уполномоченные стали просить великаго князя дать имъ срокъ для испрошенія новыхъ инструкцій, присовокупивъ, что если султанъ прикажетъ имъ согласиться на наши требованія, они сейчасъ же ихъ примутъ, но взять на себя этого не могутъ.

Его высочество старался еще убѣдить ихъ, что въ критическія минуты государственный человѣкъ долженъ умѣть взять на себя большую, тяжкую отвѣтственность, если подобный подвигъ гражданскаго мужества можетъ спасти отъ гибели его отечество. На возобновленное затѣмъ требованіе немедленнаго отвѣта, уполномоченные просили дать имъ 2 часа срока на окончательное размышленіе и тщательное изученіе смысла своихъ инструкцій. Въ 4 часа они явились съ отвѣтомъ, что не считаютъ себя въ правѣ принять перваго пункта нашихъ предложеній и должны донести объ этомъ султану, испросивъ его приказаній.

На это, послѣ новыхъ продолжительныхъ увѣщеваній, великій князь вынужденъ былъ объявить уполномоченнымъ, что обязанъ, по военнымъ соображеніямъ, перевести главную квартиру впередъ, и потому считаетъ переговоры на прежнихъ условіяхъ прерванными; о дальнѣйшемъ же рѣшеніи сообщитъ черезъ часъ.

Просмотрѣвъ еще разъ текстъ высочайшей инструкціи, великій князь пришелъ къ заключенію, что при ежечасно мѣняющихся военныхъ событіяхъ, намъ одинаково желательно не прекращать окончательно переговоровъ съ турками и сохранить свободу нашихъ дѣйствій на тотъ случай, если государь изволитъ признать необходимымъ

измѣнить текстъ нашихъ предложеній или принять относительно судьбы Турецкой имперіи другое рѣшеніе.

Руководствуясь этими соображеніями, главнокомандующій послалъ сказать турецкимъ уполномоченнымъ, что, не желая окончательно прерывать переговоры, онъ беретъ на себя разрѣшить имъ донести о совершившемся султану и ожидать его отвѣта въ русской главной квартирѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ великій князь присовокупилъ, что наступательное движеніе войскъ не будетъ остановлено и что онъ принужденъ будетъ представить обо всемъ государю императору и ожидать новыхъ указаній; сверхъ того имъ было заявлено, что если теперь заявленныя нами требованія и были бы приняты Портой, то главнокомандующій не можетъ на нихъ согласиться до полученія новыхъ инструкцій изъ Петербурга.

Намыкъ и Серверъ-паши съ благодарностью приняли эти предложенія, сознавая вполнѣ, что какъ они не считаютъ себя въ правѣ идти дальше указанныхъ имъ предѣловъ, такъ и великій князь былъ обязанъ ожидать для дальнѣйшихъ переговоровъ съ ними новыхъ повелѣній государя.

Дѣйствительно, въ теченіе нѣсколькихъ дней военное и политическое положеніе наше совершенно измѣнилось. Предстоящее занятіе Адріанополя, неописанная паника и бѣгство турецкаго населенія невольно открывали намъ дорогу къ Царьграду. Это обстоятельство побудило великаго князя испросить 9-го января по телеграфу высочайшихъ указаній, какъ поступить въ случаѣ подхода къ Константинополю, а также что дѣлать въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Если англійскій или другіе флоты вступятъ въ Босфоръ.

2) Если будетъ иностранный десантъ въ Константинополѣ.

3) Если будутъ безпорядки, рѣзня христіанъ и просьба о помощи къ намъ и

4) Какъ отнестись къ Галиполи, съ англичанами или безъ англичанъ? [1]).

Получивъ 10-го января извѣстіе о занятіи безъ выстрѣла Андріанополя [2]), великій князь донесъ государю, что надѣется къ 15-му января прибыть въ этотъ городъ; относительно же своихъ будущихъ предположеній сообщилъ по телеграфу слѣдующее: „турецкое населеніе, уничтожая свое имущество, увозитъ семейства, которыя по дорогѣ гибнутъ тысячами. Паника страшная, неописанная, равно и сопровождающія ее потрясающія событія. Въ виду этого долгомъ считаю высказать мое крайнее убѣжденіе, что при настоящихъ об-

---

[1]) Отвѣтъ на эту телеграмму отъ 12-го января былъ полученъ 17 января.

[2]) 8-го января.

стоятельствахъ невозможно уже теперь остановиться и, въ виду отказа турками условій мира, необходимо идти до центра, т. е. до Царьграда и тамъ покончить предпринятое тобой святое дѣло. Сами уполномоченные говорятъ, что ихъ дѣло и существованіе кончены и намъ не остается ничего другаго, какъ занять Константинополь. При этомъ занятіе Галиполи, гдѣ находится турецкій отрядъ, неизбѣжно, чтобы предупредить, если возможно, приходъ англичанъ и при окончательномъ разсчетѣ имѣть въ своихъ рукахъ самыя существенныя гарантіи для разрѣшенія вопроса въ нашихъ интересахъ.

Вслѣдствіе этого не буду порѣшать съ уполномоченными до полученія отвѣта на эту депешу и съ Богомъ иду впередъ [1]).

Во всеподданнѣйшемъ донесеніи 12-го января изъ Казанлыка великій князь снова возвращается къ мысли о необходимости занятія Царьграда и проливовъ.

„Если роковое ослѣпленіе и нерѣшительность Оттоманской Порты привели ее на край погибели и вынуждаютъ насъ нанести ей окончательный ударъ, то можетъ быть при имѣющихъ неизбѣжно возникнуть политическихъ осложненіяхъ намъ будетъ выгодно имѣть въ своихъ рукахъ столь цѣнный залогъ, какъ Константинополь и берега Босфора. Онъ послужитъ намъ и къ огражденію нашей безопасности въ Черномъ морѣ, въ случаѣ могущаго произойти столкновенія съ одной изъ морскихъ державъ. Безъ сомнѣнія, для полнаго обезпеченія нашихъ интересовъ на востокѣ и въ особенности для предупрежденія захвата въ чужія руки необходимаго намъ выхода изъ Чернаго моря въ Средиземное—неизбѣжнымъ дѣлается вмѣстѣ съ движеніемъ на Константинополь и занятіе Галиполи и Дарданеллъ. Мнѣ не безызвѣстно, къ какимъ осложненіямъ можетъ повести направленіе нашихъ силъ на этотъ пунктъ. Но въ виду опасности его перехода во враждебныя руки я считаю себя обязаннымъ сдѣлать съ своей стороны все возможное, чтобы предупредить разрѣшеніе этого вопроса въ неблагопріятномъ для насъ смыслѣ. Отъ воли Вашего Императорскаго Величества будетъ зависѣть, по соображеніи съ неизвѣстными мнѣ политическими обстоятельствами, предписать мнѣ образъ дѣйствія, который вы изволите признать наиболѣе для насъ выгоднымъ".

14-го января великій князь прибылъ въ Адріанополь; христіанское населеніе города встрѣтило главнокомандующаго восторженно. Наши передовыя войска, занявъ Киркилису, Баба-Эски, Хаскіой и Демотику, безостановочно продолжали наступательное движеніе къ Царьграду.

Въ тотъ же день великій князь телеграфировалъ государю: „По

---

[1]) Депеша изъ Казанлыка отъ 10-го января.

теперешнимъ обстоятельствамъ, мнѣ кажется, было бы полезнымъ приготовить къ отправкѣ изъ Севастополя, на судахъ общества пароходства и торговли, одну дивизію 10-го корпуса съ 3-мя 9-ти фунтовыми батареями, съ тѣмъ, чтобы по моему усмотрѣнію можно было высадить ее на томъ мѣстѣ, которое найду необходимымъ и удобнымъ".

Государь императоръ отвѣчалъ 18-го января слѣдующее:

„Приказалъ составить соображеніе о средствахъ для амбаркаціи одной дивизіи въ Севастополѣ; но, признаюсь, не думаю, возможно ли рѣшиться на подобное предпріятіе въ виду турецкаго флота. Притомъ желаю знать цѣль и мѣсто высадки".

Великій князь получилъ эту телеграмму 21-го и отвѣчаетъ:

„13-го января я полагаю посадить на суда и двинуть къ Босфору къ тому времени, когда, въ случаѣ непринятія Портою мирныхъ основаній, военныя дѣйствія привели бы насъ съ сухаго пути къ Царьграду и Босфору. Полагалъ высадить эту дивизію на Малоазіатскій берегъ съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать на Скутари".

Перенесеніе главной квартиры изъ Казанлыка въ Адріанополь и затрудненія, сопряженныя въ едва очищенномъ отъ непріятеля краѣ, съ неисправностью телеграфныхъ и почтовыхъ сообщеній, замедлили нѣсколько ходъ переговоровъ съ турками. Не получая въ теченіе недѣли отвѣта на отправленную ими изъ Казанлыка въ Константинополь телеграмму для испрошенія разрѣшенія принять безусловно предложенныя нами условія мира, турецкіе уполномоченные просили великаго князя по прибытіи въ Адріанополь отправить черезъ наши аванпосты письменный запросъ Портѣ о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. Письмо это было послано 16-го января. На другой день, 17-го января, въ 2 часа по полудни великій князь получилъ отъ государя императора телеграмму отъ 12-го января, которою предписывалось главнокомандующему дать турецкимъ уполномоченнымъ трехдневный срокъ для окончательнаго безусловнаго принятія или непринятія нашихъ предложеній. Въ случаѣ, если наши условія не были бы приняты турками, государь императоръ повелѣлъ: рѣшить вопросъ подъ стѣнами Константинополя. Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій получилъ также отвѣтъ на вопросные пункты, представленные имъ въ телеграммѣ отъ 9-го января [1]).

„Въ разрѣшеніе представленныхъ тобою на этотъ случай 4-хъ вопросовъ, телеграфировалъ государь императоръ, предлагаю тебѣ руководствоваться слѣдующими указаніями:

По 1-му. Въ случаѣ вступленія иностранныхъ флотовъ въ Босфоръ

---

[1]) Телеграмма изъ Петербурга до Адріанополя шла шесть дней.

войти въ дружественныя соглашенія съ начальникомъ эскадры относительно водворенія общими силами порядка въ городѣ.

По 2-му. Въ случаѣ иностраннаго десанта въ Константинополь избѣгать всякаго столкновенія съ нимъ, оставивъ войска наши подъ стѣнами города.

По 3-му. Если сами жители Константинополя или представители другихъ державъ будутъ просить о водвореніи въ городѣ порядка и охраненіи спокойствія, то констатировать этотъ фактъ особымъ актомъ и ввести наши войска. Наконецъ

По 4-му. Ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ сдѣланнаго нами Англіи заявленія, что мы не намѣрены дѣйствовать на Галиполи. Англія съ своей стороны обѣщала намъ ничего не предпринимать для занятія Галипольскаго полуострова, а потому и мы не должны давать ей предлогъ къ вмѣшательству, даже если бы какой-нибудь турецкій отрядъ находился на Галипольскомъ полуостровѣ. Достаточно выдвинуть наблюдательный отрядъ на перешеекъ, отнюдь не подходя къ самому Галиполи".

„Въ виду твоего приближенія къ Царьграду, я призналъ нужнымъ отмѣнить прежнее распоряженіе о съѣздѣ уполномоченныхъ въ Одессѣ, а вмѣсто того приказалъ генералъ-адъютанту графу Игнатьеву немедленно отправиться въ Адріанополь для веденія совмѣстно съ Нелидовымъ предварительныхъ переговоровъ о мирѣ при главной квартирѣ".

Такимъ образомъ высочайше повелѣно главнокомандующему въ Константинополь вступить лишь въ такомъ случаѣ, если объ этомъ будутъ просить сами жители или представители другихъ державъ, Галиполи же не занимать ни въ какомъ случаѣ.

Но обстоятельства не позволяли дѣйствовать согласно высочайшимъ повелѣніямъ, изложеннымъ въ телеграммѣ отъ 12-го января.

Едва великій князь успѣлъ передать турецкимъ уполномоченнымъ требованіе: представить рѣшительный отвѣтъ къ утру 21-го января, какъ они получили наконецъ телеграмму изъ Константинополя отъ 12-го января, вслѣдствіе которой уполномоченные немедленно просили у его высочества свиданія. Великій князь назначилъ аудіенцію въ полдень 18-го января.

На вопросъ великаго князя, при появленіи уполномоченныхъ, какой отвѣтъ принесли они ему, Намыкъ-паша отвѣчалъ взволнованнымъ голосомъ:

Nous avons reçu les instructions de la Porte. Elles peuvent être résumés ainsi: votre armée est victorieuse, votre ambition est satisfaite et la Turquie est déstruite [1]).

[1]) Мы получили инструкціи отъ Порты. Онѣ сводятся къ слѣдующему: ваша армія побѣдоносна; ваше честолюбіе удовлетворено; но Турція погибла. Всеподданнѣйшее донесеніе главнокомандующаго 22-го января.

Великій князь отвѣчалъ ему, что принятіе нашихъ условій напротивъ того спасаетъ Турцію отъ неминуемой гибели, такъ какъ наши аванпосты уже въ виду линій укрѣпленій Константинополя.

Уполномоченные стали просить немедленно остановить дальнѣйшее наступленіе нашихъ войскъ, предлагая подписать какъ можно скорѣе протоколъ о состоявшемся соглашеніи на счетъ основаній мира, и вслѣдъ затѣмъ начали переговоры о перемиріи. Но, исполняя въ точности волю государя, великій князь заявилъ уполномоченнымъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не прекратитъ военныхъ дѣйствіи прежде подписанія условій перемирія. Для скорѣйшаго же приведенія къ окончанію этого дѣла, имъ было предложено приступить немедленно къ составленію конвенціи съ тѣмъ, чтобы она могла быть подписана одновременно съ протоколомъ. Вслѣдъ затѣмъ великій князь назначилъ тотчасъ делегатами съ своей стороны начальника штаба дѣйствующей арміей генерала-адъютанта Непокойчицкаго и помощника его свиты его высочества генералъ-маіора Левицкаго. Со стороны турокъ уполномочены были: дивизіонный генералъ Наджибъ-паша и бригадный генералъ Османъ-паша, пробывшій нѣсколько лѣтъ въ нашемъ учебномъ баталіонѣ, а впослѣдствіи военнымъ агентомъ въ С.-Петербургѣ.

Въ тотъ же день, 18-го января, великій князь получилъ первое увѣдомленіе отъ государственнаго канцлера о вмѣшательствѣ Англіи въ переговоры наши съ Оттоманской Портой и о намѣреніи ея ввести свой флотъ въ Дарданеллы. Горчаковъ телеграфируетъ отъ 14-го января: Schouwalof télégraphie du 12: situation devenus très mauvaise. Il ne s'agit plus seulement d'entrée flotte et de Galipopoli mais de rupture imédiate avec nous [1]).

Вечеромъ 18-го января приступлено было къ составленію проекта перемирія, а равно и протокола объ основаніяхъ мира. Подписаніе обоихъ актовъ было назначено на 19-ое января въ 5 часовъ по полудни.

Повидимому, турецкимъ уполномоченымъ предписано было принять безусловно и безъ замедленія всѣ наши предложенія. Они пытались нѣсколько смягчить или выразить болѣе опредѣленно нѣкоторыя изъ предложенныхъ имъ требованій, но встрѣтили со стороны великаго князя полную рѣшимость строго придерживаться полученнаго изъ Петербурга текста, который введенъ дословно въ протоколъ. Его высочество счелъ нужнымъ только требовать совершеннаго оставленія турецкими войсками Болгаріи, такъ какъ сохраненіе за ними права

[1]) Шуваловъ телеграфируетъ отъ 14 января. положеніе дѣлъ скверно; теперь идетъ рѣчь уже не о флотѣ и Галиполи, но о немедленномъ разрывѣ съ нами.

пребыванія въ нѣсколькихъ пунктахъ постановлено было въ скобкахъ, какъ уступка, которую въ случаѣ надобности можно было бы сдѣлать. Вопросъ этотъ не представилъ особыхъ затрудненій. Турки равнымъ образомъ согласились безъ противорѣчія на очистку Дунайскихъ крѣпостей и Эрзерума. Но опредѣленіе въ конвенціи о перемиріи стратегическихъ пунктовъ, которые въ видѣ гарантіи должны были быть очищены турками и заняты нашими войсками, встрѣтило болѣе препятствій.

Линія Константинопольскихъ укрѣпленій между Деркосомъ и Буюкъ-Чекмедже, составляющая послѣдній оплотъ турецкой столицы, была отстаиваема уполномоченными Порты до крайней степени. Они съ трудомъ могли согласиться на ея очистку и включеніе въ нейтральную полосу, которая должна была быть проведена между обѣими арміями. Уступка намъ Разграда показалась турецкимъ уполномоченнымъ даже слишкомъ тяжкимъ условіемъ; но, въ виду неизбѣжности покориться нашимъ требованіемъ, соглашеніе было установлено по всѣмъ пунктамъ.

19-го января въ 6 часовъ вечера были подписаны въ адріанопольскомъ конакѣ предварительныя условія мира, а часъ спустя заключено было и перемиріе. Въ тотъ же вечеръ великій князь отправилъ ординарцевъ и телеграммы во всѣ отряды для немедленной остановки военныхъ дѣйствій. Генералъ Скобелевъ, передовой отрядъ котораго ближе всѣхъ выдвинулся къ турецкой столицѣ, получилъ извѣщеніе о заключеніи перемирія еще въ тотъ же вечеръ.

Не легко было уполномоченнымъ султана подписать актъ, производящій такой коренной переворотъ въ судьбѣ Турецкой имперіи. Взявъ перо, для подписи протокола, Намыкъ-паша, 76-тилѣтній старикъ, прослезился, и когда великій князь подалъ ему руку, выразивъ надежду, что Россія и Турція навсегда останутся друзьями, онъ долго жалъ ее, не будучи въ состояніи выговорить слово.

Тотчасъ по отъѣздѣ пашей изъ конака, великій князь объявилъ собравшимся здѣсь генераламъ и офицерамъ арміи о заключеніи перемирія. Въ одной изъ залъ конака немедленно отслужили благодарственный молебенъ. На слѣдующій день въ метропольной церкви Адріанополя было совершено духовенствомъ нашихъ полковъ торжественное молебствіе о счастливомъ окончаніи войны.

Телеграммой отъ 19-го января великій князь донесъ государю императору о совершившемся важномъ событіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество, предпринятое вами святое дѣло благополучно приведено къ концу. Основанія мира, предложенныя Вашимъ Величествомъ, приняты Портой, и протоколъ сію

минуту подписанъ мной и уполномоченными султана. Перемиріе заключено и подписано, и приказанія о пріостановленіи военныхъ дѣйствій немедленно отправляются во всѣ отряды и на Кавказъ. Всѣ Дунайскія крѣпости, Разградъ и Эрзерумъ очищаются турецкими войсками".

Государь императоръ получилъ эту телеграмму только 21-го января [1]). До тѣхъ поръ его величество находился въ полной неизвѣстности относительно хода переговоровъ въ Адріанополѣ; это обстоятельство побудило государя отправить главнокомандующему 20-го января слѣдующую телеграмму:

„Послѣднее изъ Константинополя о согласіи Порты на наши условія послано оттуда 12-го января, но до сихъ поръ отъ тебя не имѣю извѣстія, начаты ли переговоры о перемиріи. По общимъ политическимъ соображеніямъ желательно ускорить заключеніе перемирія и не давать предлога къ толкованію, будто бы мы нарочно тянемъ переговоры, чтобы ближе подойти къ Царьграду. Такое желаніе отнюдь не должно входить въ наши виды, коль скоро Порта приняла наши условія".

Между тѣмъ нетерпѣніе турокъ прекратить военныя дѣйствія и остановить наступленіе нашей арміи на Константинополь начинало проявляться все болѣе и болѣе. Не получая извѣстій о заключеніи перемирія, несмотря на посланное для сего разрѣшеніе уполномоченнымъ, Реуфъ-паша рѣшилъ отправить 18-го января черезъ наши аванпосты письмо къ великому князю, которое достаточно свидѣтельствуетъ о желаніи Оттоманской Порты во что бы то ни стало остановить движеніе нашихъ войскъ къ Царьграду.

Тѣмъ временемъ Порта прислала своимъ уполномоченнымъ позднѣйшую телеграмму, извѣщая ихъ объ отданныхъ уже приказаніяхъ для остановки, въ виду предстоящаго заключенія перемирія, всѣхъ военныхъ дѣйствій и немедленнаго возстановленія телеграфныхъ и торговыхъ сообщеній.

„Вся совокупность этихъ фактовъ, пишетъ великій князь въ всеподданнѣйшемъ донесеніи, достаточно свидѣтельствуютъ о полномъ пораженіи, нанесенномъ Турціи славными войсками Вашего Императорскаго Величества, и о необходимости, въ которую султанъ былъ поставленъ предоставить себя вполнѣ на великодушіе русскаго государя".

Второй періодъ отъ 19-го января по 19-ое февраля 1878 года.

Перемиріе, заключенное 19-го января, остановило движеніе нашей арміи къ Царьграду. Затѣмъ во избѣжаніе политическихъ осложненій,

[1]) Увѣдомленіе государя императора о полученіи телеграммы великимъ княземъ получено въ Адріанополѣ только 25 января.

рѣшено было поспѣшить заключеніемъ мира, котораго, какъ о томъ доносилъ 24-го января главнокомандующій государю, турки сами желали, выказывая при этомъ полную готовность и предупредительность. Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій сообщилъ, что Намыкъ и Серверъ-паши уѣхали въ Константинополь за инструкціями. 25-го января великій князь получилъ отъ государя телеграмму отъ 21-го января съ запросомъ, назначенъ ли срокъ перемирію, на что великій князь 25-го отвѣчалъ: „Срокъ не назначенъ. Они просили, но я отклонилъ, потому что нахожу, что выгоды отъ этого не было бы никакой; а выговорено, что перемиріе продолжается до заключенія мира или до перерыва переговоровъ. Такъ что, если увижу, что переговоры будутъ затягиваться, то я всегда воленъ имъ назначить срокъ, и если ихъ не окончатъ къ тому времени, то я буду всегда въ состояніи прервать переговоры“.

Тѣмъ временемъ смѣна верховнаго визиря вызвала со стороны турокъ назначеніе новыхъ уполномоченныхъ Савфетъ-паши и Саадуллахъ-бея. Первоначально вторымъ турецкимъ уполномоченнымъ былъ назначенъ Садыкъ-паша, но черезъ нѣсколько дней замѣненъ Саадуллахъ-беемъ, турецкимъ посломъ въ Берлинѣ. Чтобы предупредить возможное намѣреніе Порты этимъ новымъ назначеніемъ выиграть время, великій князь телеграфировалъ Серверъ-пашѣ, выражая убѣжденіе, что отсутствіе втораго турецкаго уполномоченнаго не замедлитъ хода мирныхъ переговоровъ.

Первый изъ нихъ явился въ Адріанополь 1-го февраля, и съ нимъ вступилъ въ переговоры прибывшій 27-го января въ главную квартиру русскій уполномоченный графъ Игнатьевъ.

Но, несмотря на наше великодушное миролюбіе и нежеланіе распаденія Турціи, казалось, арміи нашей суждено было явиться подъ стѣнами Царьграда. На сей разъ этому способствовалъ воинственный пылъ, овладѣвшій внезапно англичанами. Повидимому, враждебная къ намъ Великобританія должна была употребить возможныя усилія, чтобы удержать насъ въ предѣлахъ демаркаціонной линіи, установленной перемиріемъ 19-го января, въ дѣйствительности же произошло совершенно обратное.

Вечеромъ 29-го января главнокомандующій получилъ отъ оттоманскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Серверъ-паши, изъ Константинополя весьма важное увѣдомленіе, что англійское правительство, для охраны своихъ подданныхъ въ Константинополѣ, приказало части своего флота вступить въ Дарданеллы, и что 6 броненосцевъ уже сдѣлали попытку пройти въ этотъ проливъ. Получивъ, однако, отказъ коменданта въ пропускѣ, англійская флотилія удалилась въ Безикскую бухту. Вслѣдъ затѣмъ было получено извѣстіе отъ оттоман-

скаго посла въ Лондонѣ, что лордъ Дэрби уже объяснилъ въ парламентѣ о приказаніи адмиралу Горнби идти съ 6-ью броненосцами въ Константинополь и что объ этомъ сообщенно какъ Россіи, такъ и прочимъ великимъ державамъ. Серверъ-паша, увѣряя въ полнѣйшей безопасности европейцевъ въ столицѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ Англіи, что блистательная Порта будетъ настаивать, чтобы англійское правительство отмѣнило свое рѣшеніе.

Великій князь отвѣчалъ Серверъ-пашѣ, что одобряетъ рѣшеніе Порты относительно противодѣйствія англійскому вмѣшательству, тѣмъ болѣе, что и самъ увѣренъ въ безопасности христіанъ и русскихъ подданныхъ въ столицѣ; ибо, если бы сомнѣвался въ этомъ, то принялъ бы также соотвѣтствующія мѣры. Но въ виду того давленія, которое можетъ оказать на ходъ мирныхъ переговоровъ появленіе иностранной вооруженной силы по сію сторону Дарданеллъ—онъ сообщаетъ объ этомъ государю императору на тотъ случай, если бъ пришлось принять особыя мѣры для обезпеченія прочности нашего соглашенія съ Портой (J'ai cru devoir le signaler à l'Empereur pour le cas où je me verrais forcer d'assurer la securité de notre entente par une prise de garanties correspondentes).

Ночью съ 29-го на 30-ое января великій князь сообщилъ по телеграфу императору о перепискѣ своей съ Серверъ-пашой.

Такимъ образомъ главнокомандующій предупредилъ безъ замедленія Серверъ-пашу о послѣдствіяхъ, которыя могло бы повлечь за собою вступленіе британскихъ морскихъ силъ въ проливы.

Намекнувъ на возможность занятія нами, въ видѣ гарантіи, высотъ Константинополя (что̀ въ точномъ смыслѣ не могло бы быть сочтено за нарушеніе перемирія, если бъ Англія безъ всякаго разрыва съ Турціей посягнула на огражденную трактатами неприкосновенность проливовъ и тѣмъ подорвала независимость находящейся съ нами въ переговорахъ державы, а слѣдовательно, и самую обязательность заключённыхъ съ нею условій), великій князь тѣмъ самымъ предоставлялъ Портѣ опору и вѣскіе доводы на тотъ случай, если бы она чистосердечно желала остановить движеніе англійскаго флота. Если же турецкіе государственные люди дѣйствовали относительно насъ не искренно и желали только вмѣшать въ нашу распрю англійскій кабинетъ, присовокупляетъ его высочество во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 31-го января, то тѣмъ важнѣе было мнѣ предупредить ихъ о послѣдствіяхъ столь коварной политики (противъ этого мѣста собственной его величества рукой написано: „все это весьма дѣльно и справедливо").

Кромѣ отвѣтной телеграммы Серверъ-пашѣ, великій князь призналъ необходимымъ отправить въ Константинополь, для перегово-

ровъ относительно дружественнаго вступленія нашихъ войскъ въ столицу султана, бывшаго перваго драгомана нашего тамъ посольства статскаго совѣтника Ону, состоявшаго въ Адріанополѣ при графѣ Игнатьевѣ.

Между тѣмъ, государь императоръ получилъ изъ Лондона оффиціальное извѣщеніе, что британскій кабинетъ, узнавъ отъ Лейярда объ опасномъ, будто бы, положеніи христіанъ въ Константинополѣ, далъ приказаніе части своего флота идти въ Царьградъ, для защиты своихъ подданныхъ. Это враждебное намъ вмѣшательство Англіи въ дѣла Востока побудило его величество сообщить великому князю 29 января, по телеграфу, слѣдующее приказаніе:

„Нахожу необходимымъ войти въ соглашеніе съ турецкими уполномоченными о вступленіи и нашихъ войскъ въ Константинополь съ тою же цѣлью. Весьма желательно, чтобы вступленіе это могло исполниться дружественнымъ образомъ; если же уполномоченные воспротивятся, то намъ надо быть готовыми занять Царьградъ даже силой. О назначеніи числа войскъ предоставляю твоему усмотрѣнію, равно какъ и выборъ времени, когда приступить къ исполненію, принявъ въ соображеніе дѣйствительное очищеніе турками Дунайскихъ крѣпостей“.

30 января государь императоръ отправилъ великому князю еще дополнительную телеграмму:

„Вступленіе англійской эскадры въ Босфоръ слагаетъ съ насъ прежнія обязательства, принятыя нами относительно Галиполи и Дарданеллъ [1]). Въ случаѣ, если бы англичане сдѣлали гдѣ-либо высадку, слѣдуетъ немедленно привести въ исполненіе предположенное вступленіе нашихъ войскъ въ Константинополь. Предоставляю тебѣ въ такомъ случаѣ полную свободу дѣйствій на берегахъ Босфора и Дарданеллъ, съ тѣмъ, однако, чтобы избѣжать непосредственныхъ столкновеній съ англичанами, пока они сами не будутъ дѣйствовать враждебно [2])“.

По полученіи приведенныхъ здѣсь высочайшихъ повелѣній великій князь счелъ однако долгомъ довести до свѣдѣнія императора, что положеніе дѣлъ передъ Константинополемъ совершенно измѣнилось со времени заключенія перемирія, и къ тому же не въ нашу пользу. Съ этой цѣлью великій князь сообщилъ въ Петербургъ свои

[1]) Извѣстіе это оказалось преждевременнымъ. Только 3 февраля 4 англійскихъ броненосца бросили якорь у Принцевыхъ острововъ.

[2]) Эта телеграмма отъ 30 января опередила предъидущую, отъ 29 января. Телеграммѣ отъ 29 января государь придавалъ особое значеніе, признавая ее вполнѣ опредѣленной, и впослѣдствіи, несмотря на измѣнившуюся обстановку и иныя событія, признавалъ ее выраженіемъ своей непремѣнной воли.

соображенія въ телеграммѣ, отправленной изъ Адріанополя 4-го февраля (получ. въ СПБ. 6-го февраля).

„Съ каждымъ днемъ, писалъ великій князь, занятіе войсками нашими Константинополя становится затруднительнѣе, въ случаѣ, если Порта добровольно не согласится на наше вступленіе, потому что числительность турецкихъ войскъ увеличивается съ каждымъ днемъ войсками, привезенными изъ оставляемыхъ крѣпостей. Предупреждаю объ этомъ для того, чтобы не считалъ занятіе Царьграда столь же легкимъ и возможнымъ, какъ то было двѣ недѣли тому назадъ. Затрудняетъ переговоры распущенный въ Царьградѣ слухъ о предполагаемой, будто-бы, европейской конференціи, до исхода которой миръ не будетъ считаться окончательнымъ". Тѣмъ временемъ великій князь извѣстилъ государя о дѣйствительномъ появленіи англійскаго флота передъ Константинополемъ, двумя слѣдующими телеграммами: 3-го февраля. „Сейчасъ получилъ извѣщеніе, будто англійская эскадра прошла Дарданеллы, но въ Босфоръ еще не вступила; турецкимъ уполномоченнымъ повторилъ предупрежденіе; они очень взволнованы и опечалены нахальствомъ англичанъ; понимаютъ въ этомъ вопросѣ дружество съ нами; послали объ этомъ извѣстить султана. Переговоры идутъ безостановочно и хорошо. Рущукъ и Силистрія принимаются нашими коммиссарами. Вездѣ учтивы, привѣтливы (эта телеграмма изъ Адріанополя дошла до СПБ. въ 4 ч. 20 минутъ). 4-го февраля. „Сейчасъ получилъ извѣстіе, что четыре англійскихъ броненосца бросили якорь у Принцевыхъ острововъ, въ часъ разстоянія хода отъ Царьграда. Порта дала мнѣ знать, что желаетъ соглашенія съ нами по жгучему вопросу, но формальнаго приглашенія нѣтъ; напротивъ, упрашиваютъ по возможности не входить. Мои войска находятся въ 2-хъ переходахъ отъ Царьграда (эта телеграмма шла $6^1/_2$ часовъ).

Въ это время статскій совѣтникъ Ону доносилъ графу Игнатьеву 3-го февраля изъ Константинополя нижеслѣдующее о ходѣ переговоровъ съ Оттоманской Портой, по поводу дружественнаго вступленія нашихъ войскъ въ Царьградъ:

„Турки приняли меня очень радушно, почти съ восторгомъ; война сильно надоѣла имъ, и они ни въ какомъ случаѣ, кажется, не хотятъ продолжать борьбу. Никакого движенія, никакихъ приготовленій къ защитѣ я не замѣчаю; все мертво. Придетъ наше войско въ Константинополь — его примутъ безъ удовольствія, но хладнокровно. Общественное мнѣніе раздражено противъ англичанъ. Всѣ турецкія газеты (даже на турецкомъ языкѣ) толкуютъ о скоромъ дружественномъ приходѣ нашихъ войскъ въ Константинополь безъ всякаго раздраженія. Сегодня, наконецъ, англійскій флотъ (4 броненосца и 1

*

пароходъ) бросилъ якорь между Принципо и Халки, несмотря на всѣ старанія турокъ отдѣлаться отъ него. Особеннаго волненія въ народонаселеніи не замѣтно; всѣ чувства притупились отъ напряженія этихъ двухъ лѣтъ. Зато министры и султанъ находятся въ тревогѣ; они день и ночь засѣдаютъ въ Ильдизъ-Кіоскѣ, откуда сыплются телеграммы въ С.-Петербургъ, Лондонъ, Адріанополь. Съ трудомъ видѣлся я нѣсколько разъ съ Серверомъ и Ахмедъ-Вефикомъ, съ которыми я имѣлъ интересные разговоры и старался доказать имъ, что единственное спасеніе Турціи состоитъ въ призывѣ русскаго войска. Они начинаютъ ужъ привыкать къ этой мысли, несмотря на то, что ужасно возстаютъ на словахъ противъ этого, увѣряя, что все турецкое населеніе бросится въ Босфоръ отъ испуга. Мы ужъ сегодня какъ бы вскользь называли тѣ казармы, которыя могли бы пріютить нашихъ солдатъ: Даудъ-паша, Рамизъ Чифтликъ на высотахъ Еюба. Одно только надо знать: нѣтъ ли тамъ какой-нибудь заразы. Намыкъ поѣдетъ къ великому князю, чтобъ отклонить его отъ мысли занять Константинополь, но кончится тѣмъ, что поторгуется и подъ конецъ уступитъ".

Но, какъ и слѣдовало ожидать, податливость турокъ была только кажущаяся; они старались, согласно усвоенному ими обычаю, выиграть время. Возвратившійся въ Адріанополь Ону донесъ великому князю, что турецкое правительство, въ особенности самъ султанъ, сильно опасаются послѣдствій занятія нами Константинополя и упрашиваютъ отказаться отъ этой мѣры. Тѣмъ не менѣе, главнокомандующій по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, „счелъ долгомъ настоять на движеніи нашихъ войскъ впередъ съ тѣмъ, чтобы поставить ихъ относительно Царьграда въ тѣ же условія, въ которыхъ находилась англійская эскадра [1])".

Для достиженія этой цѣли великій князь, заявилъ Сафветъ-пашѣ и поручилъ г-ну Ону предложить турецкому правительству въ видѣ крайней уступки лично со стороны главнокомандующаго вывести оттоманскія войска изъ Кучукъ-Чекмедже и ближайшихъ деревень и казармъ, очистивъ для русской главной квартиры С.-Стефано на берегу Мраморнаго моря. Великій князь обязывался, съ своей стороны, перевести пока за демаркаціонную линію не болѣе 10.000 человѣкъ и, принимая во вниманіе затруднительное положеніе султана и его правительства, равно какъ и переполненіе Царьграда бѣжавшими переселенцами и крайнюю болѣзненность въ городѣ, не занимать Константинополя и не позволять ни подъ какимъ видомъ солдатамъ

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе великаго князя изъ С.-Стефано отъ 14-го февраля.

приходить въ турецкую столицу. „Изъ С.-Стефано, составляющаго предмѣстье Константинополя, присовокупилъ великій князь, въ телеграммѣ своей императору отъ 5-го февраля, будетъ мнѣ возможно слѣдить за англійскимъ флотомъ [1])".

Между тѣмъ, султанъ рѣшился опять обратиться лично къ великодушному заступничеству государя и просить его величество отмѣнить требуемое обстоятельствами занятіе Константинополя. Копіи съ телеграммъ, которыми обмѣнивались въ это время султанъ и государь, по этому жгучему вопросу, присылались великому князю съ тѣмъ, чтобы высочайшія телеграммы къ султану служили руководствомъ главнокомандующему. Особеннаго вниманія заслуживаетъ телеграмма къ великому князю отъ 3-го февраля: „въ видѣ послѣдней уступки обѣщаю Англіи, что мы не займемъ Галиполи, если ни одинъ англійскій солдатъ не будетъ высаженъ на берегъ ни европейскій, ни азіатскій". Въ случаѣ же входа англійскихъ судовъ въ Босфоръ, государь предписывалъ великому князю: „стараться занять, если можно съ согласія, нѣкоторыя изъ укрѣпленій европейскаго берега [2]).

Всѣ эти телеграммы получались въ Адріанополѣ довольно поздно, и къ тому же не всегда въ порядкѣ, соотвѣтствовавшемъ времени ихъ отправленія, вслѣдствіе умышленнаго задержанія нѣкоторыхъ изъ нихъ, направляемыхъ въ главную квартиру черезъ Константинополь. Такъ депеша отъ 3-го февраля была задержана турками.

Можно предполагать, что ея содержаніе побудило англійскій флотъ временно удалиться отъ Принцевыхъ острововъ къ малоазіатскому берегу, въ заливъ Муданья. Отъ этого депеши иногда противорѣчили даннымъ ранѣе указаніямъ и нерѣдко затрудняли главнокомандующаго въ его подготовительныхъ распоряженіяхъ о занятіи Царьграда или же его предмѣстья.

Для полноты тогдашней обстановки необходимо сказать, что подобныя же случайности, въ свою очередь, отражались на направленіи дѣлъ изъ Петербурга и неизбѣжно должны были вліять на ихъ устойчивость, опредѣленность и своевременность. Такъ, между прочимъ, весьма важная депеша великому князю, отъ 4-го февраля, въ которой указывается на то, что съ каждымъ днемъ занятіе нашими войсками Константинополя становится затруднительнѣе, получена была государемъ только 6-го. Отвѣтъ же на эту депешу полученъ 9-го февраля. Между тѣмъ, замедленіе въ полученіи этой телеграммы

[1]) На телеграммѣ собственною его величества рукою написано: C'est assez satisfaisant (это удовлетворительно).

[2]) Эта телеграмма отъ 3-го февраля получена въ Адріанополѣ 5-го февраля.

важно въ томъ отношеніи, что въ ней давалось нѣсколько запоздавшее разрѣшеніе дѣйствовать, не ожидая особыхъ высочайшихъ разрѣшеній. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что при этомъ сказались всѣ неудобства, сопряженныя съ телеграфной перепиской по такимъ военнымъ дѣламъ, которыя, по своему характеру, требуютъ неотложнаго исполненія.

Между тѣмъ прошло нѣсколько дней послѣ отправленія генерала Ону въ Константинополь, но отвѣта со стороны оттоманскаго правительства не поступало въ главную квартиру русской арміи. Впослѣдствіи оказалось, что нечаянный или намѣренный перерывъ телеграфной линіи и неправильная передача депешъ замедляли взаимныя сообщенія. Между тѣмъ изъ Европы, Петербурга и Константинополя приходили тревожныя извѣстія. Со всѣхъ сторонъ указывали великому князю па двойственность игры турецкаго перваго министра Ахмеда-Вефвика-паши. Переговоры о мирѣ затягивались. Министръ иностранныхъ дѣлъ Серверъ-паша былъ смѣненъ, вслѣдствіе жалобы англійскаго посла на сдѣланныя Серверъ-пашой заявленія корреспонденту „Daily News“ о своемъ намѣреніи придерживаться сочувственной намъ политики. Въ то же время Порта пыталась, не предупредивъ великаго князя заранѣе, отправить Намыкъ-пашу въ качествѣ чрезвычайнаго посла въ Петербургъ.

Долготерпѣніе главнокомандующаго истощилось, и онъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ угрозѣ. Пригласивъ къ себѣ 9-го февраля утромъ Серверъ-пашу, великій князь объявилъ ему въ рѣзкихъ и точныхъ выраженіяхъ, что не согласенъ терпѣть дальнѣйшей проволочки и, если 11-го февраля къ 6-ти часамъ утра не получитъ приглашенія или согласія Порты для приближенія къ Константинополю и вступленія въ С.-Стефано, то будетъ вынужденъ занять С.-Стефано и всѣ тѣ мѣста и позиціи, которыя признаетъ нужнымъ, и безъ ея согласія, не придавая однако этой мѣрѣ враждебнаго для Турціи характера.

Великій князь выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ Сафветъ-пашѣ свое мнѣніе о неприличности смѣны во время переговоровъ министра, подписавшаго ихъ основанія, и отправленія въ Петербургъ посла, прежде заключенія мира.

Въ тотъ же день, 9-го февраля, послѣ разговора съ Сафветъ-пашой, великій князь получилъ въ 10-ть часовъ утра телеграмму государя отъ 6-го февраля, служащую отвѣтомъ на телеграмму великаго князя отъ 4-го февраля, въ которой его высочество повелѣваетъ ускорить исполненіе сдѣланнаго Портѣ предложенія относительно занятія ближайшихъ къ Константинополю предмѣстій, назначивъ для сего кратчайшій, по возможности, срокъ для полученія согласія султана и приготовивъ

достаточныя силы въ случаѣ его отказа. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь вообще предоставилъ главнокомандующему дѣйствовать, не ожидая особыхъ высочайшихъ разрѣшеній. Такъ какъ эти требованія уже были предъявлены Сафветъ-пашѣ, то великій князь въ дополненіе къ прежде имъ отправленной депешѣ отвѣчалъ государю: „Ты видишь, что я предугадалъ твое приказаніе и дѣйствую согласно твоему желанію".

Рѣшительный тонъ и смыслъ сдѣланныхъ главнокомандующимъ заявленій подѣйствовали на Порту. Она тотчасъ начала склоняться къ требованіямъ великаго князя, но останавливалась на мелочахъ и старалась, по заведенному обычаю, выиграть время.

Въ виду непреклонной рѣшимости главнокомандующаго идти впередъ во что бы то ни стало, первый министръ султана Ахмедъ-Вефикъ-паша поспѣшилъ послать въ Адріанополь предложеніе перенести главную квартиру въ С.-Стефано, обставивъ его, однако, разными условіями и подробностями. Приглашеніе это запоздало прибытіемъ въ Адріанополь, какъ и вся остальная письменная и телеграфная переписка того времени по этому дѣлу. Великій князь, принявъ всѣ распоряженія на случай неблагопріятнаго оборота дѣлъ, выѣхалъ 11-го февраля въ 6-ть часовъ утра по желѣзной дорогѣ изъ Адріанополя. Его высочество взялъ съ собой Сафветъ-пашу и состоящихъ при немъ турецкихъ офицеровъ, чтобы, на случай надобности, отправить ихъ къ командирамъ оттоманскихъ войскъ, для предупрежденія кроваваго столкновенія. Оно дѣйствительно могло легко произойти, потому что приказанія Порты не были получены своевременно; но, благодаря обоюдной осторожности, все обошлось благополучно. Съ другой стороны, генералъ Ону, выѣхавшій къ великому князю навстрѣчу въ С.-Стефано, привезъ съ собой сераскира Реуфъ-пашу, который своевременно взялъ на свою отвѣтственность отдать приказаніе объ отступленіи турецкихъ войскъ.

Послѣ 5-ти часовой задержки на станціи Чаталджи близъ нашей демаркаціонной линіи, великій князь прибылъ только со своимъ штабомъ и нѣсколькими казаками съ ротмистромъ Кулебякинымъ въ 4 часа утра 12-го февраля въ С.-Стефано, гдѣ и былъ принятъ Реуфъ-пашою и Махметъ-али-пашою, которые, идя пѣшкомъ у стремени главнокомандующаго, сопровождали въѣздъ его высочества въ С. - Стефано. Мѣстное греческое духовенство встрѣтило великаго князя на станціи съ крестомъ и водою, а мѣстные жители выказали неподдѣльно радость при видѣ православныхъ войскъ „въ одномъ изъ предмѣстій Константинополя" [1]).

[1]) На всеподданнѣйшемъ донесеніи объ этомъ изъ С.-Стефано 14-го февраля собственною его величества рукою написано: „вполнѣ одобряю всѣ дѣйствія брата".

На слѣдующій день Реуфъ-паша прибылъ, по приглашенію великаго князя, въ С.-Стефано, для болѣе точнаго опредѣленія отношеній обѣихъ армій. Послѣдовало соглашеніе относительно отвода всѣхъ турецкихъ войскъ съ бывшей демаркаціонной линіи къ утру 16-го февраля, послѣ чего генералъ Скобелевъ долженъ былъ перейти со всѣмъ своимъ корпусомъ на линію Перенджикіой до Агача, близъ Чернаго моря. Одновременно съ этимъ распоряженіемъ главнокомандующій заявилъ Сафветъ-пашѣ, что, не теряя изъ виду положеніе султана и его правительства, онъ намѣревается сохранить полную свободу дѣйствій относительно распредѣленія войскъ, сообразно съ текущими обстоятельствами.

„Смѣю надѣяться, заключаетъ великій князь всеподданнѣйшее донесеніе отъ 14-го февраля, что Ваше Императорское Величество изволите одобрить принятыя мною распоряженія, тѣмъ болѣе, что они весьма благопріятно повліяли на ходъ мирныхъ переговоровъ. (Собственной рукой его императорскаго величества написано противъ этого „вполнѣ“). Присутствіе нашихъ войскъ у самыхъ воротъ турецкой столицы передаетъ окончательно въ наши руки судьбу Оттоманской имперіи и подымаетъ въ глазахъ мѣстныхъ христіанъ великое историческое значеніе избавительницы Россіи, призванной Провидѣніемъ къ разрѣшенію сосредоточенныхъ на здѣшней почвѣ вѣковыхъ вопросовъ. Молю Бога, чтобы скорое и безпрепятственное заключеніе выгоднаго мира позволило намъ безъ возобновленія военныхъ дѣйствій довершить въ непродолжительномъ времени великое дѣло, предпринятое Вашимъ Императорскимъ Величествомъ для блага восточныхъ христіанъ и на славу Россіи“ (собственною его императорскаго величества рукой противъ этого написано: „Дай Богъ“)“.

Появленіе русскихъ войскъ передъ Константинополемъ и занятіе С.-Стефано вызвало во всей Европѣ сильнѣйшее безпокойство. Относительно же условій предстоящаго мира распространяли съ самаго начала намѣренно ложные слухи. Лейярдъ сообщилъ своему правительству, что мы въ числѣ мирныхъ условій требуемъ выдачи турецкаго флота и изгнанія всего мусульманскаго населенія. Недоброжелатели наши даже отрицали, что прибытіе великаго князя въ С.-Стефано состоялось съ согласія султана. Великобританскій кабинетъ, сильно этимъ встревоженный, заявилъ, что въ случаѣ насильственнаго вступленія нашего въ Константинополь отзоветъ своего посланника изъ Петербурга. По этому поводу князь Горчаковъ увѣдомилъ 10-го февраля телеграммой графа Шувалова, что хотя подробности мирныхъ переговоровъ еще неизвѣстны, но донесеніе Лейярда о томъ, что мы требуемъ изгнанія изъ Болгаріи всего мусульманскаго населенія— положительно ложно. Дѣло идетъ только объ удаленіи турецкихъ чи-

новниковъ и войскъ. Англійская эскадра прошла Дарданеллы, несмотря на протестъ султана, и въ то же время англійское правительство объявляетъ намъ, что отзоветъ своего посла изъ Петербурга, если часть нашихъ войскъ вступитъ въ Константинополь безъ согласія султана съ тою же цѣлью защиты христіанъ, съ какой явился и англійскій флотъ. „Пусть дѣлаетъ что хочетъ. Исторія, а можетъ быть даже современники произнесутъ свой приговоръ надъ этимъ полнѣйшемъ отсутствіи логики и презрѣніи къ европейскому миру". Таковы были заключительныя слова депеши нашего канцлера. По сообщеніи графомъ Шуваловымъ этой телеграммы лорду Дэрби, онъ просилъ сохранить ее въ тайнѣ; но князь Горчаковъ отвѣтилъ, что, въ виду важнаго значенія телеграммы, содержаніе ея уже извѣстно всѣмъ великимъ державамъ.

Съ своей стороны великій князь телеграфировалъ также графу Шувалову изъ С.-Стефано 12-го февраля, что донесенія Лейярда о нашихъ мирныхъ условіяхъ умышленно ложны (tendencieusement fausse) и что онъ прибылъ въ С.-Стефано съ согласія султана.

14-го февраля великій князь получилъ слѣдующую телеграму государя отъ 13-го числа: „Прошу тебя не терять изъ виду указаній моихъ въ телеграммѣ 3-го февраля относительно мѣръ охраненія Босфора. Соглашеніе по этому предмету съ турецкимъ правительствомъ тѣмъ желательнѣе, что вѣроятно ты затруднился бы вооружить укрѣпленія Босфора нашей артиллеріею соотвѣтствующихъ калибровъ; при томъ же для надежнаго охраненія Босфора желательно занять оба его берега".

Въ письмѣ государя отъ 11-го февраля встрѣчаются и такія указанія: „Намъ необходимо воспользоваться нашимъ настоящимъ преимуществомъ, чтобы занять какъ самый Царьградъ, такъ и выходъ изъ Босфора въ Черное море, дабы не допустить туда безнаказанно англійскую эскадру. Подробности распоряженій предоставляю, разумѣется, тебѣ".

Великій князь отвѣчалъ въ тотъ же день государю:

„Все буду имѣть въ виду, но задача при теперешнихъ обстоятельствахъ весьма трудная, благодаря близкому сроку конференціи, который, съ тѣхъ поръ какъ сталъ туркамъ извѣстенъ, оказываетъ вредное вліяніе на наши переговоры съ ними тѣмъ, что они видимо нарочно стали затягивать дѣло".

Не входя здѣсь въ изложеніе подробностей хода переговоровъ, замѣтимъ только, что великій князь старался, съ своей стороны, помогать по мѣрѣ силъ дѣятельности императорскихъ уполномоченныхъ и вліять на Порту, выставляя передъ глазами нашихъ противниковъ послѣдствія слишкомъ продолжительной затяжки дѣла. Перенесеніе

главной квартиры въ С.-Стефано несомнѣнно способствовало скорѣйшему ходу мирныхъ переговоровъ, какъ близостью къ Константинополю, такъ и постоянной угрозой, какой представлялось для турокъ присутствіе нашихъ войскъ вблизи столицы имперіи. Великому князю приходилось такъ же неоднократно передавать Сафветъ-пашѣ внушенія и совѣты для скорѣйшаго окончанія натянутаго полумирнаго, полувоеннаго положенія.

Между тѣмъ по прибытіи великаго князя въ С.-Стефано изъ Константинополя нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ нему первый министръ султана, Ахметъ-Вефвикъ-паша, съ изъявленіемъ готовности подчиниться предъявленнымъ нами условіямъ, но при этомъ просилъ личнаго ходатайства главнокомандующаго предъ государемъ объ облегченіи слишкомъ тяжкихъ требованій денежныхъ и территоріальныхъ вознагражденій. Великій князь посовѣтовалъ ему какъ можно скорѣе дать уполномоченнымъ нужныя инструкціи для заключенія предварительныхъ условій мира, такъ какъ измѣненіе этихъ условій исключительно зависитъ отъ личной воли государя и можетъ послѣдовать только послѣ непосредственнаго къ его величеству обращенія султана дружественнымъ письмомъ.

Однакожъ, несмотря на положительныя обѣщанія Ахметъ-Вефвика окончательное рѣшеніе Порты замедлялось [1]). Тогда великій князь счелъ полезнымъ лично подѣйствовать на турецкихъ уполномоченныхъ, тѣмъ болѣе, что 16-го февраля имъ была получена телеграмма, въ которой государь, въ виду весьма неудовлетворительныхъ извѣстій изъ Лондона, выразилъ желаніе объ ускореніи заключенія мира. Явившись 18-го февраля съ мѣста засѣданій, великій князь поочереди бесѣдовалъ съ Сафветъ-пашей и Саадулахъ-беемъ и частью увѣщаніями, частью угрозами склонилъ ихъ къ немедленному разрѣшенію послѣднихъ затрудненій въ благопріятномъ для насъ смыслѣ. Полчаса спустя Сафветъ-паша прислалъ заявить, что соглашеніе состоялось по всѣмъ пунктамъ и миръ будетъ подписанъ на другой день, 19-го февраля. „Да благословитъ Господь Богъ обрадовать тебя сегодня чѣмъ-нибудь хорошимъ“, пишетъ великій князь утромъ 19-го февраля, посылая поздравительную телеграмму государю императору.

Подписаніе Санъ-Стефанскаго прелиминарнаго мира состоялось дѣйствительно 19-го февраля въ $4^{1}/_{4}$ часа по полудни.

По случаю высокоторжественнаго дня восшествія его величества на престолъ назначенъ былъ въ 2 часа дня парадъ и молебенъ, для чего къ этому времени и были выстроены войска гвардіи. Но

---

[1]) Въ телеграммѣ государю великій князь жалуется, что переговоры затягиваются вслѣдствіе наущеній Лейярда, котораго поддерживаютъ послы австрійскій и французскій, Зичи и Фурнье.

такъ какъ въ это время переговоры подходили къ концу, то великій князь отложилъ парадъ до подписанія мира. Въ $5^1/_2$ часовъ вечера графъ Игнатьевъ объявилъ его высочеству, что миръ подписанъ. Тотчасъ же главнокомандующій подъѣхалъ къ войскамъ, поздравилъ ихъ съ славнымъ миромъ и благодарилъ ихъ отъ имени государя. Собравъ офицеровъ, главнокомандующій поблагодарилъ ихъ особо.

„Торжественно отслуженный молебенъ въ виду древней Византіи и Св. Софіи, по словамъ главнокомандующаго, воочію указывало всему свѣту на успѣхи, достигнутые Россіей какъ на бранномъ поприщѣ, такъ и на пути политическихъ интересовъ нашихъ“ [1]).

Тотчасъ по подписаніи мира великій князь отправилъ слѣдующую телеграмму: „Счастье имѣю поздравить Ваше Величество съ заключеніемъ мира. Господь сподобилъ васъ окончить великое, вами предпринятое святое дѣло: въ день освобожденія крестьянъ вы освободили христіанъ изъ подъ ига мусульманскаго“.

Тотчасъ по полученіи этой телеграммы государь отвѣчалъ: „Благодарю Бога за заключеніе мира. Спасибо отъ души тебѣ и всѣмъ нашимъ молодцамъ за достигнутый славный результатъ. Лишь бы европейская конференція не испортила то, чего мы достигли нашею кровью“.

Третій періодъ съ 19-го февраля по 15-ое апрѣля 1878 года.

Съ подписаніемъ въ С.-Стефано предварительныхъ условій мира военныя дѣйствія должны были прекратиться, такъ какъ возобновленіе ихъ неизбѣжно повлекло бы къ вооруженному столкновенію съ европейскими державами, оставляющими себѣ право, по прежнимъ трактатамъ, охранять интересы Турціи [2]).

Когда турецкіе уполномоченные прибыли въ русскую главную квартиру въ Казанлыкъ молить о дарованіи имъ мира, полагаясь единственно на наше великодушіе, Россіи предстояло предписать имъ окончательный миръ, если бы мы намѣревались сами рѣшить все дѣло, или же ограничиться заключеніемъ продолжительнаго военнаго перемирія, если желали подвергнуть условія мира обсужденію Европы. Но императорскій кабинетъ остановился на мирѣ прелиминарномъ, который соединялъ въ себѣ всѣ невыгодныя стороны окончательнаго мира и военнаго перемирія, безъ заключающихся въ нихъ выгодъ. Къ тому же эти невыгодныя стороны пріобрѣтали въ данномъ случаѣ особенное значеніе по причинѣ упущенія своевременнаго завладѣнія нами проливовъ.

[1]) Донесеніе отъ 25-го февраля.

[2]) На особомъ совѣщаніи у государя, бывшемъ 1-го марта, С.-Стефанскій договоръ признанъ поспѣшнымъ и скороспѣлымъ.

При военномъ перемиріи ни со стороны Галиполи, ни со стороны Босфора, ни со стороны Константинополя не могло и не должно было быть выкопано ни одного стрѣлковаго ровика, не могло быть возведено ни одного редута, не могло быть даже прибавлено ни одного новаго батальона.

Заключеніе же прелиминарнаго мира уничтожало всѣ выгоды военнаго перемирія, потому что послѣ него Турція вступила во всѣ права, принадлежащія независимому государству.

На всѣ наши представленія, по поводу турецкихъ вооруженій, Оттоманская Порта, послѣ 19-го февраля, могла смѣло утверждать, что возводимыя ею укрѣпленія и сосредоточенныя передъ Константинополемъ войска имѣютъ единственною цѣлью защиту ея нейтралитета или даже подготовленіе для союзнаго съ нами дѣйствія. Главнокомандующій могъ, конечно, тому не вѣрить, прелиминарный миръ лишалъ его уже всякаго легальнаго повода противодѣйствовать этому, и такимъ образомъ результаты блестящихъ побѣдъ постепенно таяли и исчезали на нашихъ глазахъ и на глазахъ нашихъ противниковъ. Они стали отходить въ область прошедшаго.

Если принять во вниманіе, что въ это уже время войска наши, послѣ славныхъ подвиговъ и успѣховъ, далеко превзошедшихъ первоначальныя ожиданія, значительно были утомлены какъ физически, такъ и нравственно, что ихъ комплектованіе и снабженіе всѣмъ необходимымъ находилось въ зависимости отъ подверженныхъ риску сообщеній нашихъ, что, наконецъ, намъ приходилось тогда же заботиться о сосредоточіи вооруженныхъ силъ на нашей западной границѣ, то станетъ понятнымъ, до какой степени намъ слѣдовало быть осторожнымъ въ дѣйствіяхъ собственно на Балканскомъ полуостровѣ, дабы не поставить на карту всего того, чего удалось достигнуть.

Геройскія усилія войскъ, отстоявшихъ Шипку, овладѣвшихъ Плевной и перешедшихъ зимой Балканы, могли, конечно, совершить новые подвиги, но передъ ними можно только благоговѣть, а не основывать на нихъ политическихъ разсчетовъ. То благопріятное для насъ время, когда мы въ январѣ могли сдѣлать все, что хотѣли, прошло безвозвратно. Поэтому на конгрессѣ, о созывѣ котораго въ то время уже усиленно хлопотала дипломатія, Россіи предстояло явиться не въ грозномъ положеніи побѣдительницы, а государства, отъ котораго всѣ требовали уступокъ. Дѣйствительно, политическая обстановка, вызванная прелиминарнымъ миромъ, становилась для насъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе неблагопріятной.

Ратификація С.-Стефанскаго прелиминарнаго мира султаномъ и прибытіе Реуфа-паши съ графомъ Игнатьевымъ въ Петербургъ позволили заняться вопросомъ о постепенномъ отправленіи нѣкоторыхъ

частей дѣйствующей арміи обратно въ Россію. Къ этому побуждала еще начавшаяся развиваться болѣзненность среди войскъ. Поэтому уже 22-го февраля великій князь доносилъ государю: „тифъ не на шутку начинаетъ работать. Крайне необходимо подумать о вывозѣ лишняго числа войскъ“.

24-го февраля военный министръ телеграфировалъ великому князю: „государь императоръ изволитъ предполагать: немедленно по ратификаціи договора съ Портою и полученіи окончательнаго согласія державъ на конгрессъ въ Берлинѣ, перевести моремъ въ Одессу и Николаевъ: всѣ части гвардіи, обѣ гренадерскія дивизіи и нѣкоторыя другія части дѣйствующей арміи. Войска эти, если ко времени возвращенія ихъ въ Россію не будетъ еще полной увѣренности въ мирѣ, расположатся въ Кіевскомъ и Одесскомъ округахъ, дабы въ случаѣ войны поступить въ составъ западныхъ армій. Ввѣренная же великому князю армія, оставаясь въ Забалканскомъ полуостровѣ, должна быть въ готовности захватить Босфоръ, дабы не впускать англійскаго флота въ Черное море“.

25-го февраля великій князь отвѣчалъ, что для предначертанной ему цѣли остающихся въ его распоряженіи войскъ за Балканами слишкомъ мало, а потому просилъ оставить подъ его начальствомъ гренадеръ, а усилить западныя арміи 12-мъ и 11-мъ корпусами и 2-ю пѣхотною дивизіею (14-й корпусъ великій князь полагалъ необходимымъ въ Болгаріи до очищенія турками Шумлы и Варны).

28-го февраля государь разрѣшилъ приступить къ отправкѣ гвардіи приблизительно съ 15-го марта. Въ виду послѣдовавшихъ высочайшихъ повелѣній по отправкѣ частей дѣйствующей арміи великій князь началъ переговоры съ турками о посадкѣ нашихъ войскъ въ Буюкдере.

Вскорѣ по перенесеніи главной квартиры въ С.-Стефано главнокомандующій имѣлъ первое объясненіе съ Реуфъ-пашей о намѣреніи своемъ открыть впослѣдствіи нашимъ войскамъ сообщенія черезъ Буюкдере съ моремъ, а по заключеніи мира избрать этотъ пунктъ для посадки ихъ на суда. Казалось, что это сообщеніе не возбудило никакихъ опасеній со стороны турокъ. Реуфъ-паша изъявилъ даже свое согласіе на это графу Игнатьеву, во время переѣзда до Одессы. Но когда великій князь черезъ посредство г. Ону сталъ просить Порту отдать по этому поводу надлежащія приказанія и согласиться съ нами объ исполненіи задуманной амбаркаціи, турецкіе министры немедленно выразили опасеніе, что приближеніе нашихъ войскъ къ Буюкдере возбудитъ подозрѣніе англичанъ, покажется имъ попыткой съ нашей стороны занять берега Босфора и подастъ имъ поводъ ввести въ этотъ проливъ свои суда. Вслѣдъ затѣмъ первый министръ

султана Ахметъ-Вефвикъ прибылъ въ С.-Стефано 3-го марта для объясненія съ его высочествомъ какъ по поводу визита султана, такъ и относительно предположенной посадки войскъ въ Буюкдере. Стараясь отклонить главнокомандующаго отъ исполненія этого намѣренія, онъ предлагалъ воспользоваться для этой цѣли однимъ изъ портовъ Мраморнаго моря и указывалъ на общую тревогу, могущую возбудиться при нашемъ приближеніи къ Босфору. Великій князь объяснилъ Ахметъ-Вефвику всѣ практическія выгоды, представляемыя посадкой войскъ на суда въ Буюкдере, сравнительно съ открытыми портами Мраморнаго моря, въ которыхъ при малѣйшемъ вѣтрѣ нѣтъ возможности пароходамъ стоять на рейдѣ. Вефвикъ-паша, уѣзжая, оставилъ великаго князя въ убѣжденіи, что дѣло будетъ улажено. Между тѣмъ въ виду приближавшагося срока отправленія войскъ главнокомандующій въ тотъ же день приказалъ заключить условія съ Русскимъ обществомъ пароходства и торговли и отдалъ всѣ надлежащія приказанія. Замѣтимъ здѣсь, что 25-я статья С.-Стефанскаго договора говоритъ: дабы выиграть время и избѣжать продолжительнаго пребыванія русскихъ войскъ въ Турціи и Румыніи, часть императорской арміи можетъ быть направлена къ портамъ Чернаго и Мраморнаго морей (какимъ—не говорится) для посадки на суда, принадлежащія русскому правительству или зафрахтованныя на этотъ случай.

Но на другой день было получено отъ Ону извѣщеніе изъ Константинополя, что Порта рѣшительно противится нашему намѣренію и что самъ султанъ запуганъ сдѣланнымъ ему, будто-бы, со стороны англичанъ заявленіемъ, что въ случаѣ движенія русскихъ войскъ въ Буюкдере британская эскадра вступитъ въ Босфоръ.

5-го марта утромъ Сафветъ-паша явился въ С.-Стефано къ великому князю, чтобы уговорить его высочество отказаться отъ посадки войскъ въ Буюкдере, и предложилъ взамѣнъ того всякія облегченія для отправки ихъ въ Мраморное море. Но когда ему были объявлены всѣ неудобства портовъ этого моря и вмѣстѣ съ тѣмъ заявлено, что войска останавливаться въ Босфорѣ не будутъ, а немедленно, по прибытіи ихъ къ берегу, будутъ садиться на суда, и заявленіе это съ общимъ планомъ движенія было ему передано въ видѣ записки, то турецкій министръ „казался убѣжденнымъ" и обѣщалъ изложить сообщенныя ему соображенія султану. Однако, турки послѣ долгихъ размышленій 6-го марта наотрѣзъ отказали намъ въ посадкѣ войскъ въ Буюкдере, говоря, что они къ этому вынуждены.

Сообщивъ объ этомъ рѣшеніи Порты немедленно государю по телеграфу, великій князь присовокупилъ: „поэтому занятіе Босфора мирнымъ путемъ будетъ почти невозможно. Намъ на содѣйствіе турокъ, въ случаѣ разрыва съ Англіей, разсчитывать нельзя. А при-

ближеніе къ Босфору помимо согласія турокъ повлечетъ за собой неминуемый разрывъ съ Англіею... Въ случаѣ войны съ Англіею, я дѣлаю всѣ распоряженія, дабы во что бы то ни стало занять Босфоръ".

Въ донесеніи отъ того же дня (6-го марта) великій князь останавливается на болѣе подробномъ разборѣ положенія дѣлъ, созданнаго упорствомъ Оттоманской Порты: „если Англія дѣйствительно ищетъ предлога войти въ Босфоръ и вызвать насъ на бой, чтобы удовлетворить своимъ корыстнымъ видамъ на востокѣ, то она безъ сомнѣнія можетъ воспользоваться движеніемъ нашимъ къ проливу, чтобы снова сдѣлать изъ этого casus belli. Но въ такомъ случаѣ и намъ болѣе чѣмъ когда-либо слѣдовало бы искать случая подойти къ важнымъ для насъ стратегическимъ пунктамъ, чтобы препятствовать выходу англійскихъ судовъ въ Черное море. А наилучшимъ средствомъ къ занятію приближенныхъ къ этимъ пунктамъ мѣстностей можетъ служить намъ постепенное направленіе войскъ къ Буюкдере для посадки ихъ тамъ на суда, и при этомъ нечувствительное занятіе Пиргоса и Бѣлграда, соединеннаго съ проливомъ 8-ми верстнымъ шоссе и, кромѣ того, заключающаго въ себѣ всѣ источники и резервуары, изъ коихъ питается водою Царьградъ. Если мы не можемъ достигнуть этого занятія мирнымъ путемъ, то завладѣніе имъ, а слѣдовательно и пунктами на проливѣ день-ото-дня становится затруднительнѣе, потому что силы турокъ постепенно увеличиваются прибывающими изъ очищаемыхъ крѣпостей войсками, коихъ въ настоящую минуту насчитываютъ въ окрестностяхъ столицы уже до 100 тысячъ.

Становясь открыто на сторону англичанъ или даже объявляя себя нейтральною, Порта всегда будетъ въ состояніи съ подобными силами воспрепятствовать принятію нами оборонительныхъ мѣръ, между тѣмъ какъ англійскія суда успѣютъ войти въ Черное море.

Въ заключеніе великій князь высказываетъ мнѣніе, что если бы коварная политика лорда Биконсфильда привела бы насъ къ разрыву съ Англіею, то положеніе ввѣренной ему арміи будетъ здѣсь далеко не благопріятное: „Я считаю священнымъ долгомъ высказать это съ полною откровенностью... Самое сохраненіе нейтралитета Турціею едва-ли будетъ возможнымъ на долгое время. Намъ прежде всего сдѣлается необходимымъ, въ случаѣ разрыва, укрѣпиться на Босфорѣ и захватить Галиполи. Могутъ ли турки допустить это, въ особенности въ послѣднемъ пунктѣ, гдѣ у нихъ также собраны довольно значительныя силы? Но предположивъ даже, что намъ удастся исполнить предположенныя движенія, будетъ ли наше стратегическое положеніе здѣсь достаточно твердымъ и безопаснымъ, чтобы сохранить за собой достигнутые предшествующей кампаніей результаты? Я не

говорю ужъ о томъ случаѣ, когда примѣру Англіи послѣдовали бы Австрія и Румынія и сообщенія наши съ Россіей сдѣлались бы невѣрными“.

6-го же марта въ Петербургѣ рѣшено было отмѣнить отправку войскъ гвардіи. Новыя повелѣнія сообщены были слѣдующей телеграммой государя: „Въ виду явно враждебнаго расположенія Англіи, которая ищетъ предлоговъ къ разрыву, необходимо пріостановить отправленіе гвардіи и гренадеръ и принять рѣшительныя мѣры къ воспрепятствованію прорыва англичанъ черезъ Босфоръ. Прошу тебя, не теряя времени, обдумать во всей подробности и сообщить мнѣ твой планъ дѣйствій. Можно ли надѣяться на содѣйствіе турокъ или исполнить помимо ихъ“ [1]).

Въ письмѣ же государя отъ того же 6-го марта сообщались великому князю еще дополнительныя указанія по этому предмету.

„Опасенія мои, писалъ государь, о коихъ я тебѣ ужъ не разъ заявлялъ, начинаютъ все болѣе и болѣе оправдываться и, какъ ты увидишь изъ сообщаемыхъ тебѣ депешъ, Англія ищетъ только предлога, чтобы объявить намъ войну, и поэтому измышляетъ всякій день проекты, чтобы затруднить собраніе конференціи въ Берлинѣ. Такъ видимо не желаетъ и даже опасается для своего достоинства мирнаго исхода. Угрозы ея Портѣ, чтобы не допустить посадки нашихъ войскъ въ Босфорѣ, ясно изобличаютъ ея намѣреніе ворваться въ Черное море, что, въ случаѣ войны, можетъ имѣть для насъ самыя пагубныя послѣдствія. Вотъ почему я вчера въ шифрованной телеграммѣ повторилъ тебѣ, что считаю необходимымъ намъ занять Босфоръ, если возможно съ согласія Порты, а въ противномъ случаѣ силой“.

Въ телеграммѣ государя 5-го марта сказано только: „теперь главною нашей заботой должно быть сосредоточеніе большихъ силъ въ ближайшемъ къ Константинополю и Галиполи раіонѣ, на случай войны съ Англіей. По той же причинѣ я счелъ нужнымъ пріостановить отправку войскъ въ Россію, чтобы не ослаблять тебя, пока не получимъ увѣренности, что Турція не присоединится къ англичанамъ, а будетъ дѣйствовать заодно съ нами, какъ Реуфъ-паша насъ о томъ завѣрялъ. Послѣдній разговоръ его съ Игнатьевымъ будетъ тебѣ сообщенъ и долженъ оставаться въ твоихъ рукахъ, какъ документъ“.

Въ телеграммѣ отъ 7-го марта: „Надѣюсь вполнѣ, что всѣ мѣры будутъ приготовлены къ быстрому захвату пролива, когда окажется нужнымъ... Образъ дѣйствія турокъ въ этомъ дѣлѣ не согласуется съ завѣреніями здѣсь отъ Реуфа, какъ увидишь изъ посылаемой сегодня записки Игнатьева.

[1]) Писана вѣроятно 5-го вечеромъ, а отправлена 6-го.

„Съ нетерпѣніемъ буду ждать твоихъ соображеній какъ для занятія Босфора, такъ и Галиполи, если оно еще возможно... На счетъ Австріи не могу еще ничего положительнаго сказать, но неоспоримо, что Англія и тамъ сильно возбуждаетъ противъ насъ, и потому мы должны готовиться къ худшему, не скрывая отъ себя всю трудность нашего положенія, если дѣйствительно Австрія объявитъ намъ войну. Въ предвидѣніи этой случайности я желалъ скорѣе воротить гвардію и гренадеръ, равно двѣ дивизіи съ Кавказа, но теперь пришлось ихъ пріостановить, дабы подѣйствовать угрозою на турокъ“.

Объ общемъ политическомъ положеніи дѣлъ государственный канцлеръ увѣдомилъ великаго князя 6-го марта особою телеграммою. Въ ней Горчаковъ сообщаетъ, что 7-го марта посылаетъ посламъ нашимъ при великихъ державахъ текстъ С.-Стефанскаго договора съ приказаніемъ сообщить ихъ подлежащимъ дворамъ. На предстоящемъ Берлинскомъ конгрессѣ условлено сохраненіе полной свободы обсужденія и дѣйствія (liberté d'appréciation et d'action.). Мы не допускаемъ для себя обязательства преклоняться передъ рѣшеніемъ большинства, что̀ было бы противно обычаю, всегда соблюдаемому на конгрессахъ. Хотя графъ Андраши заявляетъ о своемъ миролюбивомъ настроеніи, но, несмотря на это, начатое въ Вѣнѣ соглашеніе трехъ императоровъ не имѣетъ никакого успѣха. Бисмаркъ предлагаетъ прежде созванія конгресса собрать предварительную конференцію въ Берлинѣ, частью изъ вторыхъ уполномоченныхъ, частью изъ пословъ шести великихъ державъ для разработки вопросовъ, подлежащихъ обсужденію конгресса.

Хотя по мнѣнію Горчакова эта конференція лишена практическаго значенія, но государю угодно было на это согласиться, назначивъ въ нее на должность нашего втораго уполномоченнаго Игнатьева. Но Англія отвергаетъ эту предварительную конференцію, какъ безполезную, и настаиваетъ на томъ, чтобы конгрессу было предоставлено право обсуждать всѣ безъ исключенія статьи С.-Стефанскаго прелиминарнаго мира. Германія надѣется, однако, устранить всѣ эти препятствія. Въ заключеніе Горчаковъ сообщилъ, что, согласно только-что полученной телеграммѣ Убри, предварительную конференцію предположено составить только изъ пословъ, ограничивъ ея задачу опредѣленіемъ „détails de forme“, не касаясь въ сущности вопроса. На это послѣдовало согласіе императорскаго кабинета.

Планъ дѣйствій для захвата Босфора, который потребовалъ государь отъ великаго князя, былъ отправленъ изъ С.-Стефано 9-го марта. Для разрѣшенія другаго вопроса, предъявленнаго государемъ, можно ли надѣяться на содѣйствіе турокъ — великому князю предстояло выяснить какое положеніе займетъ Порта въ предстоящемъ единоборствѣ

Англіи съ Россіей. 6-го марта великій князь телеграфировалъ: „Про турокъ ничего положительнаго сказать не могу; скорѣе они будутъ намъ содѣйствовать. Обо всемъ подумаю, узнаю и немедленно сообщу". Для лучшаго достиженія этой цѣли, по мнѣнію великаго князя, необходимо было поспѣшить осуществленіемъ намѣченнаго уже давно личнаго свиданія августѣйшаго главнокомандующаго съ султаномъ.

Еще до заключенія договора 19-го февраля, по перенесеніи главной квартиры въ С.-Стефано, турецкіе министры выражали надежду, что великій князь вступитъ затѣмъ въ личныя сношенія съ султаномъ. Приглашеніе это было повторено по подписаніи предварительныхъ условій мира. Великій князь тотчасъ же изъявилъ готовность сдѣлать визитъ султану въ Ильдизъ-Кіоскѣ. Великій князь полагалъ ѣхать въ экипажѣ до Сладкихъ водъ и потомъ, въ сопровожденіи свиты и собственнаго его высочества конвоя, верхомъ прибыть къ султану, а затѣмъ проѣхать во дворецъ русскаго посольства въ Перу, чтобы принять тамъ, въ свою очередь, посѣщеніе падишаха. Но доктора и министры объявили находившемуся въ Константинополѣ Ону, что здоровье султана не позволяетъ ему принимать нѣсколько лицъ разомъ и что, съ другой стороны, возбужденное состояніе умовъ въ Константинополѣ усложнило бы поѣздку его въ Перу.

Въ виду такого заявленія великій князь приказалъ передать султану, что, не желая обезпокоивать его своимъ посѣщеніемъ, будетъ ожидать для предположеннаго свиданія болѣе благопріятнаго времени.

Наконецъ, почти черезъ мѣсяцъ по заключеніи мира, послѣдовало со стороны султана приглашеніе великаго князя прибыть въ Константинополь 14-го марта.

Въ назначенный для свиданія день великій князь со свитою выѣхалъ изъ С.-Стефано на яхтѣ „Ливадія" въ 10 час. утра, которая направилась къ Константинополю въ сопровожденіи парохода „Великій князь Константинъ".

Съ приближеніемъ яхты къ Золотому Рогу, всѣ станціонеры, въ томъ числѣ и англійскій, подняли русскій военный флагъ, послали людей по вантамъ и кричали „ура!" Команда яхты „Ливадія" отвѣчала тѣмъ же, а музыка играла преображенскій маршъ. На турецкихъ военныхъ судахъ выставлены были караулы и разставлены по борту команды, которыя отдали чести.

Въ $11^1/_4$ часовъ утра яхта „Ливадія", войдя въ Босфоръ, стала на якорь у дворца Долма-Бахча. Султанъ встрѣтилъ великаго князя внизу лѣстницы дворца, окруженный высшими государственными и военными сановниками.

Послѣ бесѣды, продолжавшейся около часу, великій князь переѣхалъ на азіатскій берегъ Босфора въ отведенный въ его распоря-

женіе дворецъ Бейлербей, куда приведенъ былъ почетный караулъ отъ гвардейскаго экипажа. Здѣсь султанъ отдалъ визитъ его высочеству, при чемъ вторичная бесѣда продолжалась около $^1/_2$ часа. Затѣмъ на другой день, 15-го марта, великій князь, получивъ приглашеніе султана къ обѣденному столу, отправился во дворецъ Ильдизъ-Кіоскъ, гдѣ былъ принятъ съ изысканной любезностью. Послѣ обѣда султанъ велъ съ великимъ княземъ дружественную бесѣду наединѣ, продолжавшуюся около 3-хъ часовъ черезъ посредство Ону.

Сущность всѣхъ этихъ бесѣдъ заключалась въ томъ, что султанъ просилъ великаго князя увѣдомить государя въ его преданности, „видя свое спасеніе всецѣло отъ государя императора“. „Я, говорилъ султанъ, уничтоженъ, Турція положительно обезсилена и воевать болѣе не въ состояніи. Моя власть надъ турками потрясена, и я единственно могу опять ее пріобрѣсти, если милость будетъ императора снизойти къ моей нижайшей просьбѣ уступить мнѣ въ нѣкоторыхъ требованіяхъ мирнаго договора. Этимъ государь подыметъ меня въ глазахъ моего народа, и тогда я смѣло и открыто могу сказаться союзникомъ Россіи. Я обѣщаю, и передайте вашему государю, что, въ случаѣ Англія вамъ объявитъ войну, я буду нейтраленъ и буду держать дружественный для Россіи нейтралитетъ“ [1]).

Великій князь всячески старался получить отъ султана объясненіе, что онъ разумѣетъ подъ словомъ: „дружественный нейтралитетъ“, но не могъ добиться положительнаго отвѣта.

„Я боюсь равно Россіи и Англіи, возражалъ Абдулъ-Гамидъ, воевать болѣе не въ силахъ“.

Что же касается до предполагавшейся посадки нашихъ войскъ въ Буюкдере, то султанъ выразилъ сожалѣніе, что долженъ былъ въ томъ отказать великому князю, но утверждалъ, что обстоятельства вынудили его рѣшиться на этотъ отказъ; этому отказу онъ приписывалъ сохраненіе общаго мира.

Свиданіе съ султаномъ привело великаго князя къ слѣдующимъ заключеніямъ, высказаннымъ во всеподданнѣйшемъ донесеніи 16-го марта.

„Трудно представить себѣ всю затруднительность того положенія, въ которое было бы поставлено турецкое правительство вооруженнымъ столкновеніемъ между Россіей и Англіею, вблизи столицы имперіи. Строго соблюдать вооруженный нейтралитетъ, т. е. силою препятствовать проходу англійскихъ судовъ черезъ проливы, значило бы, при данныхъ обстоятельствахъ, открыто стать на нашу сторону и тѣмъ самымъ вызвать месть и враждебныя дѣйствія англичанъ противъ обширныхъ береговъ турецкой территоріи вдоль Средиземнаго моря.

---

[1]) Письмо великаго князя государю 16-го марта, на яхтѣ „Ливадія“.

*

Къ тому же присутствіе англійскихъ броненосцевъ въ Мраморномъ морѣ и нашихъ вблизи Царьграда уже какъ будто исключаютъ возможность подобнаго положенія. Быть же безпристрастнымъ зрителемъ и пропускать безпрепятственно черезъ проливъ британскій флотъ, равносильно явному содѣйствію Англіи противъ насъ. Наконецъ предоставить намъ самимъ принять охранительныя мѣры для обезпеченія нашей безопасности въ Черномъ морѣ значило бы отречься въ глазахъ Турціи и Европы отъ своего владычества на Босфорѣ и негласно дозволить занятіе англичанами береговъ Дарданеллъ, какъ послѣдствія занятія нами береговъ Босфора. Сама столица имперіи была бы этимъ подвержена величайшей опасности и какъ бы предоставлена въ чужія руки, а независимость Турціи окончательно подорвана. Мы не можемъ ожидать, чтобы султанъ согласился на подобную пассивную мѣру, имѣя подъ руками 100-тысячную армію.

„Сопоставляя эти соображенія съ заявленіями, сдѣланными въ Петербургѣ Реуфъ-пашою, и высказанныя въ сообщенной мнѣ запискѣ графа Игнатьева, я долженъ предположить, что турецкій военный министръ, увлеченный желаніемъ соглашенія съ нами, отчасти потерялъ изъ виду настоящее положеніе своего правительства, а можетъ быть и не предполагалъ, что англо-русскій вопросъ приметъ столь острый характеръ. Хотя я лично и не имѣлъ еще подробнаго объясненія съ Реуфомъ-пашой, но изъ разговоровъ его съ Ону явствуетъ, что онъ самъ понимаетъ чрезмѣрность данныхъ имъ обѣщаній, хотя онъ и не вполнѣ еще отказывается отъ возможности склонить султана къ исполненію, хотя отчасти, начертанной въ Петербургѣ программы“.

Въ донесеніи 21-го марта великій князь снова возвращается къ этому предмету:

„Несмотря на найденное имъ измѣненное положеніе дѣлъ въ Константинополѣ, Реуфъ-паша твердо придерживается данныхъ имъ въ Петербургѣ обѣщаній и, дѣйствуя систематически въ ихъ смыслѣ, всѣми силами старается достигнуть исполненія хоть части условленной программы. Такимъ образомъ, если мы отнюдь не можемъ разсчитывать на явное содѣйствіе намъ турокъ въ случаѣ вооруженнаго столкновенія между Англіей и Россіей, то есть надежда, что въ видахъ огражденія собственной безопасности Порта отнесется на первое время нейтрально къ обѣимъ державамъ и можетъ быть не будетъ открыто препятствовать занятію нами стратегическихъ пунктовъ на Босфорѣ, хотя, вѣроятно, и будетъ принуждена протестовать противъ ея нейтралитета.

„Дальнѣйшее развитіе послѣдствій моего свиданія съ Абдулъ-Гамидомъ, въ связи съ общимъ ходомъ политическихъ событій не замедлитъ выяснить наше здѣсь положеніе и указать намъ на тѣ

мѣры, которыя мы принуждены будемъ принять для исполненія воли Вашего Императорскаго Величества.

„Если бы произошелъ между тѣмъ разрывъ съ Англіею и турки добровольно не согласились бы на занятіе нами позицій на Босфорѣ, то я не премину употребить на то силу. Но это будетъ уже нарушеніе трактата и поставитъ насъ въ открыто враждебныя отношенія къ Турціи. А потому осмѣливаюсь испросить на этотъ случай приказаній Вашего Императорскаго Величества [1])“.

15-го марта великій князь получилъ слѣдующую телеграмму:

„Разговоръ твой съ султаномъ ничего хорошаго не обѣщаетъ. Кромѣ того, что было передано Игнатьевымъ Реуфу, мы никакихъ уступокъ дѣлать не можемъ“.

Но затѣмъ 16-го марта Горчаковъ телеграфировалъ великому князю высочайшее повелѣніе настоять, въ виду дружественнаго свиданія (entrevue cordiale) съ султаномъ, чтобы Порта энергически потребовала въ Лондонѣ удаленія эскадры изъ Мраморнаго моря.

„Порта, говорилось въ этой депешѣ, должна понять, какъ важно для нея изгладить впечатлѣніе двусмысленности, производимое ея поведеніемъ, и доказать намъ, что она намѣревается рѣшительно идти съ нами заодно“.

Великій князь немедленно вступилъ по этому предмету въ сношеніе съ Реуфъ-пашой. Не имѣя возможности видѣть въ этотъ день, по случаю пятницы, ни султана, ни сераскира, главнокомандующій передалъ Реуфъ-пашѣ волю государя черезъ посредство Ону.

Прибывъ на другой день, 18-го марта, лично въ Константинополь на яхтѣ „Ливадія“, великій князь имѣлъ тотчасъ же свиданіе съ Реуфъ-пашою и съ Ахметъ-Вефвикъ-пашой, пріѣхавшими одинъ за другимъ къ его высочеству на яхту.

Какъ тотъ, такъ и другой высказали намѣреніе сдѣлать лондонскому кабинету предполагаемое нами приглашеніе, сознавая всю важность для самой Турціи отдалить отъ столицы морскія силы Англіи и этимъ дать возможность въ свою очередь отвести войска и такимъ образомъ избавить Константинополь отъ опасности столкновенія подъ его стѣнами.

Вслѣдъ затѣмъ великій князь принятъ былъ султаномъ того же 18-го марта, во дворцѣ Ильдизъ-Кіоскѣ, и встрѣтилъ съ его стороны сочувственное отношеніе къ новому предложенію, сдѣланному по приказанію государя Портѣ. Абдулъ-Гамидъ просилъ только дать ему возможность заявить лондонскому кабинету, что приступили фактически къ очи-

[1]) Противъ этого собственною его величества рукою написано: „оно уже ему дано“. Эта помѣтка относится къ телеграммѣ, отправленной 18-го марта.

щенію турецкой территоріи и, основываясь на этомъ, требовать выхода англійскаго флота. Султанъ желалъ для этого, чтобы хотя незначительная часть нашихъ войскъ была провезена на судахъ черезъ Босфоръ въ Одессу. Поэтому великій князь рѣшился взять на себя отправить изъ С.-Стефано моремъ въ Одессу Подольскій полкъ съ одной 4-фунтовой батареею.

18-го марта великій князь отправилъ наисекретнѣйшую телеграмму:

„Желаніе твое исполнено. Султанъ, Реуфъ и даже Вефвикъ обѣщаютъ послать англичанамъ приглашеніе выйти изъ Мраморнаго моря, опираясь на то, что и наши войска уходятъ. Но для облегченія возможности этого заявленія, основаннаго на явной отправкѣ моремъ, я рѣшился взять на себя отправить изъ С.-Стефано въ Одессу Подольскій полкъ съ 4-фунтовой батареей. Кромѣ того выведены уже изъ Болгаріи весь 2-й корпусъ, бригада 36-й дивизіи, бригада кавалеріи, и на походѣ бригада саперъ, 1-я кавалерійская дивизія, 1-я донская дивизія и три казачьихъ полка. Для успѣха дѣла султанъ просилъ строжайшаго секрета о вышесказанныхъ соглашеніяхъ. Прошу тебя очень принять мѣры, чтобы слухъ о предстоящемъ заявленіи преждевременно не распространился“.

Между тѣмъ вопросъ о требованіи выхода англійскихъ судовъ изъ Мраморнаго моря долженъ былъ быть разсмотрѣнъ совѣтомъ министровъ. Но затруднительность положенія Порты относительно Англіи остановила турецкихъ министровъ въ немедленномъ принятіи этой мѣры. У нихъ явилась между прочимъ мысль, для избѣжанія прямаго обращенія къ Англіи и тѣмъ возбужденія ея самолюбія, отнестись ко всѣмъ великимъ державамъ съ изложеніемъ затруднительнаго положенія Порты, поставленной въ невозможность защищать свою нейтральность и неприкосновенность своихъ границъ.

Хотя подобное заявленіе не представляло собою ничего противнаго преслѣдуемой нами цѣли, тѣмъ не менѣе великій князь еще разъ просилъ Реуфа-пашу о немедленномъ приведеніи въ дѣйствіе условленнаго плана. Сераскиръ повторилъ увѣренія въ твердой рѣшимости султана дѣйствовать согласно принятому порядку, даже помимо воли министровъ, и просилъ только съ нашей стороны приступить безъ замедленія къ посадкѣ на суда и отправленію части войскъ въ Россію.

По полученіи въ Петербургѣ извѣстія о соглашеніи, состоявшемся между великимъ княземъ и Портою, по поводу удаленія англійской эскадры изъ Мраморнаго моря, государь телеграфировалъ: „Не полагаю, чтобы амбаркація одного полка произвела какое-либо вліяніе на англичанъ. Дальнѣйшую отсылку войскъ отнюдь не допускаю“.

Въ то время, когда завязались вышепоименованные переговоры съ Оттоманской Портой, въ Петербургѣ приняты были новыя важныя рѣшенія. 17-го марта военный министръ телеграфировалъ великому князю:

„Государь императоръ изволитъ находить необходимымъ на случай занятія Босфора перевести изъ Россіи орудія большаго калибра, въ особенности мортиры. Его Величество увѣренъ и надѣется, что будутъ приняты къ тому всѣ необходимыя мѣры“.

Въ тотъ же день государь сообщилъ великому князю:

„Лордъ Дэрби вышелъ изъ министерства, его замѣнилъ Салюсбюри, весьма намъ враждебный“.

18-го марта послана къ великому князю и 19-го въ 2 ч. 40 м. получена имъ слѣдующая телеграмма:

„Соображенія, изложенныя въ твоемъ письмѣ отъ 9-го марта (планъ захвата Босфора), въ общихъ чертахъ одобряю. Разрывъ съ Англіей почти неизбѣженъ. Мы должны неотлагательно все приготовить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и только тогда, когда все будетъ готово, потребовать отъ Порты категорическаго отвѣта: какъ намѣрена она дѣйствовать въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій Англіи. Если заодно съ нами, то немедленно должна передать въ наши руки укрѣпленія Босфора, по крайней мѣрѣ на европейскомъ берегу, и войти съ тобой въ соглашеніе о распредѣленіи ея военныхъ силъ. Если же она считаетъ себя слишкомъ ослабленною для участія въ войнѣ противъ Англіи, то должна сдать намъ означенныя укрѣпленія, прекратить всѣ вооруженія, распустить или удалить войска, затрудняющія наши дѣйствія, разоружить остающіяся на Черномъ морѣ суда и поставить ихъ въ тѣ порты, которые нами будутъ указаны, и воспретить своимъ подданнымъ всякое участіе во враждебныхъ намъ дѣйствіяхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ мы не должны вступать въ Константинополь, но утвердиться только на берегахъ Босфора, занявъ нѣсколько пунктовъ, чтобы эшелонировать загражденія. Начинать рѣшительные переговоры и дѣйствія слѣдуетъ только тогда, когда все будетъ вполнѣ подготовлено, и при томъ отнюдь не слѣдуетъ подвергать предпріятіе какому-либо риску, а для сего желательно заранѣе притянуть ближе къ Босфору наибольшія силы, которыя признаешь возможнымъ“.

Въ дополненіе къ этому великій князь получилъ еще отъ его величества вечеромъ 19-го слѣдующую телеграмму:

„Вчерашняя моя шифрованная телеграмма должна служить тебѣ руководствомъ. Увѣдоми, когда все будетъ готово для дѣйствій. Намъ не слѣдуетъ терять времени, чтобы предупредить прибытіе дессантныхъ англійскихъ войскъ“.

Великій князь донесъ его величеству вечеромъ 19-го, что „телеграмму (1-ю, отъ 18-го марта) получилъ и все будетъ принято къ свѣдѣнію и будетъ дѣйствовать по обстоятельствамъ“. Эта телеграмма отправлена 18-го вечеромъ?.

Относительно распоряженій, касающихся до занятія Босфора, великій князь доносилъ 19-го марта:

„Жду отвѣта турокъ на счетъ сдѣланнаго имъ мною, по твоему приказанію, требованія: объявить англичанамъ о выходѣ флота изъ Дарданеллъ. До полученія отъ нихъ отвѣта, нѣтъ возможности вступить съ турками въ переговоры на счетъ занятія Босфора. Войска же готовы и всѣ распоряженія сдѣланы, чтобы, въ случаѣ приближенія англійской эскадры къ Босфору, немедленно двинуться на Терапію. Объ орудіяхъ большаго калибра распоряженія сдѣланы, но опредѣлить не могу, когда они могутъ быть нагружены и доставить теперь въ Босфоръ невозможно“.

20-го марта получена телеграмма государя въ отвѣтъ на донесеніе великаго князя отъ 19-го числа, въ которой его величество пишетъ:

„Отвѣтъ твой на шифрованную телеграмму мою отъ 18-го марта получилъ вчера вечеромъ во время инвалиднаго концерта. Удивляюсь, что ты принялъ ее только къ свѣдѣнію, а не къ исполненію и руководству, о чемъ подтверждаю тебѣ наистрожайше“ [1]).

Великій князь, будучи крайне огорченъ этою телеграммою, повергнулъ предъ его величествомъ увѣренія въ томъ, что всегда свято исполняетъ высочайшее повелѣніе; но обезоружить 100-ную армію турокъ и флотъ—считаетъ положительно невозможнымъ. Предъявленіе Турціи этого требованія въ ту минуту, когда она объявитъ себя нейтральной, возобновитъ всю ея ненависть къ намъ и неминуемо заставитъ ее перейти на сторону Англіи. Поэтому великій князь и донесъ, что будетъ имѣть вышепомянутое повелѣніе въ виду. „Противъ совѣсти было бы донести государю императору, что будетъ исполнено то, что по ходу дѣлъ невозможно“ (Телеграмма изъ С.-Стефано 20-го марта).

Въ слѣдъ за этимъ объясненіемъ великій князь отправилъ въ дополненіе еще слѣдующую телеграмму:

„Телеграмму твою принялъ пока только къ свѣдѣнію, потому что для точнаго исполненія встрѣчаю огромныя мѣстныя препятствія, изложеніе которыхъ изготовляемъ уже тебѣ письменно. Повторяю высказанное въ донесеніяхъ и телеграммахъ, что на полное содѣй-

---

[1]) Эта телеграмма не была шифрована.

ствіе турокъ надѣяться еще не могу [1]). Въ случаѣ же ихъ нейтралитета, могу ожидать лишь пассивнаго допущенія занять стратегическіе пункты на Босфорѣ, а на обезоруженіе 100-тысячной арміи и сильнаго флота Порта никогда не согласится. Впрочемъ, такъ какъ дальнѣйшія дѣйствія турокъ будутъ зависѣть отъ развитія политическихъ и военныхъ событій, то выраженную тобою волю буду имѣть въ виду для руководства".

20-го марта поздно вечеромъ великій князь получилъ телеграмму государя, въ которой, между прочимъ, его величество предлагалъ слѣдующій вопросъ:

„Скажи откровенно, здоровье твое позволяетъ ли тебѣ продолжать командованіе арміею съ должною энергіею, которая теперь необходимѣе, чѣмъ когда-либо".

Его высочество отвѣтилъ 21-го марта: „Пока силы есть, и я тебѣ нуженъ, то буду работать до послѣдняго издыханія. Желалъ бы только, чтобы силы не измѣнили, и если мало-мальски дѣла поправятся, Богъ дастъ къ лучшему—дозволить мнѣ тогда вернуться, чтобъ отдохнуть".

Въ той же телеграммѣ великій князь сообщалъ еще, что 21-го марта съ фельдъегеремъ посылаетъ записку о положеніи дѣлъ подъ Константинополемъ, разъясняющую, что возможно и чего нельзя сдѣлать въ виду настоящихъ отношеній къ туркамъ. Кромѣ того, по полученіи письма государя отъ 20-го марта, великій князь представилъ еще записку отъ 30-го марта, въ которой объясняетъ обстоятельства, помѣшавшія своевременно занять и укрѣпить Босфоръ, а также соображенія, заставившія его отказаться отъ посадки войскъ въ Буюкдере.

Кромѣ того, великій князь написалъ государю 21-го марта письмо, съ подробнымъ объясненіемъ состоянія своего здоровья, и 26-го командировалъ князя Имеретинскаго въ Петербургъ, для словеснаго доклада о положеніи дѣлъ, и по особому порученію. 27-го марта великій князь по этому поводу доносилъ государю по телеграфу:

„Имеретинскій уѣхалъ вчера. Сегодня мнѣ опять нездоровится. Убѣдительно прошу исполнить то, что я ему передалъ о моемъ здоровьи, которое необходимо требуетъ скорѣйшаго отдыха. Ради этого я вижу, что при всемъ желаніи, въ такомъ положеніи, теперь не могу быть полезнымъ тебѣ слугой. Съ нетерпѣніемъ буду ждать

---

[1]) 21-го марта государь отвѣчалъ великому князю по телеграфу: „На полное содѣйствіе турокъ и я не надѣюсь, но если они пассивно допустятъ насъ занять стратегическіе пункты на Босфорѣ до прихода англійской эскадры въ Черное море—то главный результатъ, котораго желаю, будетъ достигнутъ".

твоего рѣшенія о замѣнѣ меня кѣмъ-либо другимъ и вызова скорѣе отсюда [1])".

Депешей отъ 2-го апрѣля государь, сообщая о прибытіи Имеретинскаго (1-го апрѣля утромъ), увѣдомилъ, что „снисходя на просьбу великаго князя имѣть отдохновеніе, при разстроенномъ здоровьѣ, всемилостивѣйше увольняетъ его отъ командованія арміей и назначаетъ на его мѣсто генералъ-адъютанта Тотлебена, а князя Имеретинскаго начальникомъ штаба арміи. Но прошу тебя держать это въ секретѣ, до ихъ прибытія въ армію".

Въ позднѣйшей телеграммѣ отъ 6-го апрѣля государь повелѣлъ: „Кромѣ Непокойчицкаго, требую, чтобы всѣ чины твоего штаба остались при своихъ должностяхъ, и при новомъ главнокомандующемъ".

Переходимъ къ разсмотрѣнію послѣдовательнаго хода различныхъ переговоровъ съ Портой, которые пришлось еще вести великому князю до прибытія [2]) въ С.-Стефано Тотлебена.

22-го марта великій князь получилъ тревожную телеграмму князя Горчакова о томъ, что „румынское правительство протестуетъ противъ ст. 8-й С.-Стефанскаго договора [3]) и ищетъ поддержки великихъ державъ. Оно не желаетъ допустить сообщеніе нашей оккупаціонной арміи съ Россіей, черезъ Румынію, безъ предварительнаго согласія своего и угрожаетъ сопротивленіемъ. Братьяно поѣхалъ въ Вѣну и Берлинъ. Кагальничано заявляетъ, что, въ случаѣ войны между нами и Англіею, онъ не ручается за сохраненіе мира. Въ заключеніе Горчаковъ сообщалъ, что, по приказанію государя, онъ объявилъ князю Гикѣ, что если румынское правительство не прекратитъ протеста противъ статьи, обезпечивающей наши сообщенія черезъ Румынію, то мы займемъ княжество нашими войсками и потребуемъ обезоруженіе румынской арміи".

Генералъ-адъютантъ Дрентельнъ, находившійся въ это время въ С.-Стефано, по высочайшему повелѣнію немедленно, отправился въ Бухарестъ.

23-го марта получена была телеграмма, по которой государю угодно было знать: какія приняты мѣры для доставки орудій, минъ и другихъ необходимыхъ средствъ, для дѣйствительнаго преграждения прохода черезъ Босфоръ. При этомъ государь замѣтилъ, что не-

---

[1]) Письма государя, вызвавшаго эту записку—нѣтъ.

[2]) 25-го марта.

[3]) Въ статьѣ 8 С.-Стефанскаго договора, между прочимъ, сказано, что русскія войска, которыя будутъ занимать Болгарію, сохранятъ сообщенія съ Россіею не только черезъ Румынію, но и чрезъ черноморскіе порты Варну и Бургасъ.

обходимо приготовить всѣ эти средства поскорѣе, такъ какъ со дня на день можно ожидать попытки покушенія англійскаго флота прорваться въ Черное море. На этотъ случай генералъ-адъютанту Семекѣ приказано принять всѣ предварительныя мѣры къ оборонѣ устьевъ Дуная, а великому князю предписывалось всѣ необходимыя для этого средства предоставить изъ числа имѣющихся въ его распоряженіи на Дунаѣ—генералу Веревкину.

Въ отвѣтъ на это великій князь донесъ, что записка, объясняющая всѣ его распоряженія, послана 21-го марта съ курьеромъ. Мины готовы; однѣ на судахъ, другія везутся сухимъ путемъ. Относительно Босфора великій князь замѣчаетъ, что не можетъ имѣть здѣсь болѣе трехъ военныхъ судовъ. О приготовленіи минъ въ устьяхъ Дуная приказано капитану 1-го ранга Казнакову, который тамъ находится. За орудіями посланы генералъ Моллеръ и капитанъ 1-го ранга Новиковъ.

23-го же марта Горчаковъ сообщилъ великому князю слѣдующія весьма секретныя свѣдѣнія:

„Генералъ Диксонъ телеграфировалъ адмиралу Горнби, что хотя для обороны Булаирскихъ линій (т. е. на Галипольскомъ перешейкѣ) и достаточно расположенныхъ тамъ войскъ, но необходимо прислать офицеровъ и нижнихъ чиновъ британскаго флота, чтобы доказать турецкимъ войскамъ, что Англія дѣйствительно въ союзѣ съ Турціею. Выражая опасенія, какъ бы турецкое правительство совсѣмъ не отказалось отъ обороны этихъ линій, Диксонъ полагаетъ, что тогда англичане должны взять это дѣло въ свои руки, принявъ турецкія войска на англійское жалованье. Горнби донося объ этомъ, съ своей стороны полагаетъ, что въ случаѣ войны съ Россіей, необходимо Англіи заключить формальный союзъ съ Турціей. Въ противномъ случаѣ англійскій флотъ, если ему не будетъ открыто нѣсколько портовъ, можетъ оставаться въ Мраморномъ морѣ и въ Босфорѣ лишь весьма недолго и долженъ будетъ отойти назадъ въ Галиполи или Безику“.

Получивъ 26-го марта письмо государя отъ 20-го марта, великій князь донесъ, что онъ съ будущимъ курьеромъ пришлетъ письменный отвѣтъ. Но въ телеграммѣ, въ отвѣтъ на нѣкоторые вопросы государя, великій князь представилъ слѣдующія объясненія:

„Не пошелъ я на Босфоръ до 19-го февраля, во-первыхъ, потому что у меня не было достаточно силъ на это, а дороги были непроходимы; во-вторыхъ, потому, что приходъ мой на Босфоръ во время перемирія и настаиваніе на отправкѣ войскъ изъ Буюкдере, послѣ заключенія мира—повлекли бы за собой неминуемый разрывъ не только съ Англіею, но и вновь съ Турціею, на что̀ я не могъ рѣ-

шиться, не имѣвъ положительнаго приказанія отъ тебя, какъ поступить мнѣ въ этомъ положительномъ casus belli. Я и теперь могу, если прикажешь, идти на Босфоръ, но такъ какъ у меня изложено въ запискѣ, которую ты долженъ получить сегодня [1]), это движеніе повлечетъ неминуемо къ вступленію англійской эскадры въ Босфоръ и къ разрыву немедленному съ Англіею, а можетъ быть и съ Турціею, которая начала возводить укрѣпленія съ сухопутной стороны Константинополя, на что я немедленно потребовалъ остановки работъ".

Дѣйствительно, турки дѣятельно принялись за постройку укрѣпленій вокругъ Константинополя, съ цѣлью огражденія своего нейтралитета, на случай, если бы мы были вынуждены его нарушить. Великій князь тотчасъ же потребовалъ 27-го марта прекращенія работъ, и когда это дѣло было обѣщано, какъ военнымъ министромъ, такъ и Сафветъ-пашой, то великій князь заявилъ Реуфу о желаніи осмотрѣть эти укрѣпленія, чтобы лично убѣдиться, въ какой видъ они приведены.

27-го марта великій князь телеграфировалъ государю: „Вслѣдствіе моего настоянія, работы на Макрикіой, противъ С.-Стефано, приказано прекратить немедленно. Реуфъ обѣщаетъ устроить, чтобы работы на другихъ пунктахъ не продолжались. На дняхъ объѣду самъ турецкія линіи, Реуфъ-паша отвѣтилъ, что великій князь будетъ встрѣченъ во всякое время съ полнымъ радушіемъ".

29-го марта въ $9^1/_4$ часовъ утра великій князь выѣхалъ верхомъ изъ С.-Стефано, въ сопровожденіи всей своей свиты, высшихъ воинскихъ начальниковъ и взвода собственнаго конвоя. Несмотря на то, что великій князь не предупредилъ объ этомъ турокъ, его тотчасъ, по вступленіи въ черту турецкаго расположенія, встрѣтилъ паша, который чрезвычайно обязательно давалъ всѣ объясненія, какія великій князь пожелалъ получить. Турецкія войска повсюду, при его приближеніи, выстраивались впереди своихъ лагерей и отдавали честь съ музыкой. Наконецъ выѣхалъ навстрѣчу самъ Магометъ-Али-паша съ Штрекеромъ-пашой и взводомъ черкесскаго султанскаго конвоя. Мехметъ-Али разсыпался въ любезностяхъ. Между тѣмъ онъ сказалъ великому князю, что уже отдано приказаніе пропускать нашихъ офицеровъ въ турецкое расположеніе и принимать, какъ представителей дружественной державы; сперва онъ употреблялъ даже слово „союзной", но тотчасъ же поправился.

Великій князь объѣхалъ турецкую позицію отъ Макрикіой до

---

[1]) Записка великаго князя отъ 21-го марта. На ней помѣтка военнаго министра: государь императоръ изволилъ читать. 27-го марта 1878 г.

Кіатъ-хане (сладкія воды) и внимательно осмотрѣлъ всѣ начатыя турками на этомъ пространствѣ работы. Хотя онѣ не были еще доведены до конца, но по отзыву великаго князя то, что было сдѣлано и исполнено, отлично, а главное—мѣста подъ укрѣпленія были выбраны мастерски (донесеніе отъ 30-го марта). Мѣстность, которую турки начали укрѣплять, оказалась сама по себѣ весьма сильной. Это рядъ холмовъ, постепенно повышающихся съ приближеніемъ къ Константинополю. Лощины, по мѣрѣ приближенія къ турецкой столицѣ, становится глубже, обрывистѣе, мѣстами даже скалистыми.

„Этотъ характеръ мѣстности даетъ возможность укрѣпить ее въ нѣсколько линій, примѣрно въ три, при чемъ каждая линія укрѣпленій будетъ значительно командовать впереди лежащею. Такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, подступы съ нашей стороны совершенно открыты, ибо окрестности Константинополя представляютъ почти пустыню,— то очевидно, съ какими трудностями сопряжена была бы атака этихъ укрѣпленій, и какъ дорого обошелся бы намъ каждый шагъ впередъ. Прекращеніе турками работъ теперь представляетъ для насъ лишь весьма небольшую гарантію, ибо, въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, при несомнѣнномъ мастерствѣ турокъ быстро окапываться —имъ достаточно одной ночи, чтобы возвести очень серьезныя преграды.

„Единственный недостатокъ турецкой позиціи—это огромное ея протяженіе: отъ Макрикіой до Буюкдере, т. е. около 50 верстъ. Хотя войска у нихъ собрано и очень достаточно, но обезпечить столь растянутую позицію отъ прорывовъ па всемъ протяженіи—все-таки очень затруднительно".

При объѣздѣ турецкихъ позицій 29-го марта, великій князь не успѣлъ осмотрѣть весь правый флангъ позиціи, простиравшійся отъ Кіатъ-хане до Буюкдере; но по собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что укрѣпленія на этомъ флангѣ подвинуты были значительно болѣе впередъ; что же касается свойствъ мѣстности, то она по пересѣченности своей еще болѣе благопріятствуетъ оборонѣ и затрудняетъ наступательныя дѣйствія. Въ этомъ вполнѣ убѣдился великій князь, когда онъ 1-го апрѣля ѣздилъ на Терапію и Буюкдере. Въ телеграммѣ великаго князя, отъ 2-го апрѣля, говорится: „Вездѣ укрѣпленія съ сухаго пути, но работы пріостановлены, хотя много сдѣлано. Мѣстность ужасно пересѣченная, скалистая и трудно проходимая".

27-го марта Порта въ отвѣтъ на предъявленное ей 18-го марта по высочайшей волѣ требованіе (настаивать самой на удаленіи англійскаго флота) конфиденціально сообщила великому князю слѣдующее: султанъ дружески просилъ королеву отозвать свой флотъ въ виду начавшейся уже отправки войскъ изъ С.-Стефано. Англійское

правительство отвѣтило, что само оно очень желаетъ вывести султана изъ затруднительнаго положенія, что если бы великобританскому кабинету было сдѣлано хотя малѣйшее предложеніе объ одновременномъ отводѣ русской арміи и англійскаго флота на одинаковое разстояніе отъ Босфора, то Англія подвергла бы подобное предложеніе самому серьезному обсужденію. Англія опасается принять на себя въ этомъ дѣлѣ инициативу, чтобы не оскорбить Россію, которая могла бы принять это предложеніе за замаскированное требованіе начать эвакуацію.

Великій князь сообщилъ тотчасъ отвѣтъ султана въ Петербургъ, но вслѣдъ за симъ получилъ слѣдующее сообщеніе отъ князя Горчакова: „Бисмаркъ, предполагая, что ни Россія, ни Англія не хотятъ войны, но опасаясь, чтобы, въ виду настоящаго взаимнаго положенія обѣихъ сторонъ въ проливахъ, случайность не привела бы къ невольному столкновенію, предложилъ свое дружественное посредничество для удаленія англійскаго флота изъ константинопольскихъ водъ и выхода изъ Дарданеллъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскія войска удаляются отъ Босфора на разстояніе, соотвѣтствующее тому времени, которое нужно будетъ англійскому флоту для возвращенія къ занимаемымъ имъ теперь позиціямъ. Онъ начнетъ дѣйствовать только по полученіи на то нашего согласія. Мы отвѣчали, что государь принимаетъ это предложеніе, вполнѣ цѣня какъ его дружественный характеръ, такъ и то высокое значеніе, которое придаетъ ему могущество Германіи“.

По поводу этого сообщенія получена была 28-го марта телеграмма государя: „конфиденція султана объ удаленіи англійскаго флота по ихъ собственному предложенію поясняетъ свѣдѣнія изъ Берлина“.

Великій князь донесъ государю 28-го марта, что если повелѣно будетъ отвести войска на соотвѣтственное разстояніе хода англійскаго флота до Босфора, въ случаѣ его выхода изъ Дарданеллъ, то полагаетъ возможнымъ отвести войска до линіи Чаталджы, откуда до Константинополя не менѣе 3-хъ дней ходу.

На это заявленіе великаго князя послѣдовалъ 29-го марта отвѣтъ государя, въ которомъ повелѣвалось главнокомандующему выяснить, на какомъ разсчетѣ основано соображеніе объ отводѣ нашихъ войскъ до Чаталджы, въ случаѣ выхода англійскаго флота изъ Дарданеллъ, и почему великій князь полагаетъ, что отъ Чаталджы до Босфора трое сутокъ хода? Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно: не отводить войска съ настоящихъ позицій до полученія на то положительныхъ приказаній.

На это великій князь донесъ 30-го марта, что и не предполагаетъ отводить войска безъ положительнаго на то высочайшаго повелѣнія (всепод. записка отъ 30-го марта).

Переговоры, начатые тогда по поводу одновременнаго отхода русскихъ войскъ и англійскаго флота отъ Константинополя, не привели къ желаемому результату, потому что великобританскій кабинетъ согласился отвести свой флотъ въ Безикскую бухту въ такомъ лишь случаѣ, если мы отступимъ на линію Деде-Агачъ—Адріанополь. „Бисмаркъ и мы, телеграфировалъ князь Горчаковъ 2-го марта, нашли невозможнымъ принять эти условія, какъ противныя германскимъ предложеніямъ, основаннымъ на равенствѣ разсчета времени нужнаго для возвращенія на нынѣ занимаемыя позиціи. Тѣмъ не менѣе просили Бисмарка продолжать свое дружеское посредничество“.

Въ заключеніе остается упомянуть о переговорахъ, начатыхъ великимъ княземъ съ Портою, по поводу очищенія турками крѣпостей Шумлы и Варны, равно какъ и Батума.

29-го марта военный министръ обратился къ государю съ всеподданнѣйшей запиской, въ которой испрашивалъ: „не благоугодно ли будетъ его величеству утвердить проектъ телеграммы, относящейся до сдачи этихъ пунктовъ, такъ какъ неоднократныя отъ него напоминанія по тому же предмету не привели ни къ какому результату“.

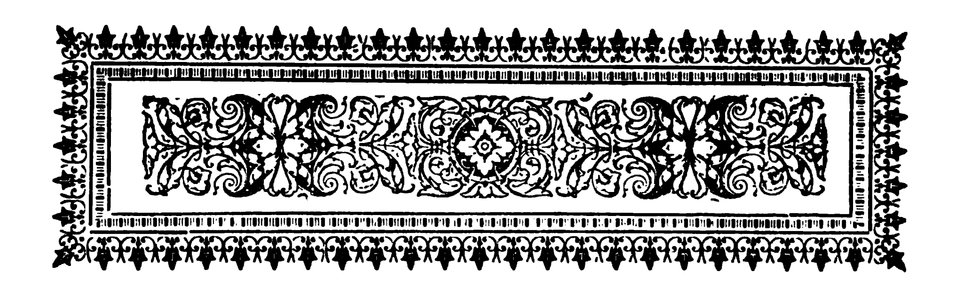
Вслѣдствіе этой записки великій князь 29-го марта получилъ отъ государя нижеслѣдующую телеграмму:

„Почему турки до сихъ поръ не очистили Батума, Варны и Шумлы? Потребуй настоятельно немедленнаго исполненія и назначь срокъ для вступленія нашихъ войскъ въ эти крѣпости. О томъ, какой именно срокъ будетъ назначенъ, телеграфируй мнѣ, дабы дано было соотвѣтствующее приказаніе кавказскимъ войскамъ. Откладывать далѣе невозможно“.

По полученіи этой телеграммы великій князь посѣтилъ 31-го марта султана, чтобы переговорить о скорѣйшей передачѣ крѣпостей. Турки по обыкновенію давали неопредѣленныя обѣщанія. Когда же имъ намекнули, что будетъ назначенъ срокъ для очищенія крѣпостей, они возразили, что въ мирномъ договорѣ ничего не сказано (телегр. великаго князя государю отъ 2-го апрѣля). Дѣйствительно, въ С.-Стефанскомъ договорѣ ничего не упомянуто о срокѣ для перехода въ наши руки Шумлы, Варны и Батума, и благодаря этому обстоятельству Порта могла съ успѣхомъ затянуть окончательное рѣшеніе вопроса до постановленія Берлинскаго конгресса.

15-го апрѣля въ С.-Стефано прибылъ ген.-ад. Тотлебенъ и 15-го же апрѣля государь, уволивъ великаго князя, согласно его желанію, отъ командованія дѣйствующей арміей, всемилостивѣйше соизволилъ произвести его въ генералъ-фельдмаршалы, въ воздаяніе столь славно оконченной кампаніи.

Записки протоіерея Пѣвницкаго.

V [1]).

Мое возвращеніе въ Тамбовъ.—Реформы въ духовномъ вѣдомствѣ.—Архимандритъ Геннадій.—Епископъ Макарій.—Епископъ Ѳеофанъ и консисторскій секретарь Радкевичъ.—Консисторскій тріумвиратъ.—Епископъ Ѳеодосій.—Секретарь Остроумовъ.—Мое назначеніе въ Тамбовскій женскій институтъ.—Епископъ Палладій.—Вопросъ о преобразованіи церковнаго суда.—Лебедевъ и его книга.

После неудачныхъ поисковъ за невѣстой, я разстался съ Петербургомъ охотно и, по возвращеніи въ Тамбовъ, успокоился тѣмъ, что „тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ". И пошла опять семинарская жизнь по своему обычному руслу. Въ это время и надъ семинаріями и надъ всѣмъ вѣдомствомъ повѣяло новымъ духомъ,—духомъ обновленія, того всеобщаго обновленія, которое предпринялъ великій царь освободитель Александръ Николаевичъ своими реформами. Составленъ былъ при Синодѣ комитетъ для выработанія проекта по преобразованію семинарій подъ предсѣдательствомъ Димитрія, архіепископа херсонскаго. Проектъ былъ скоро составленъ и присланъ въ семинарію для разсмотрѣнія и составленія отзывовъ о немъ. Проектъ оказался невозможнымъ практически. Онъ, какъ говорили, скопированъ былъ съ іезуитскихъ школъ и до того проникнутъ іезуитскою религіозно-нравственностію, что по нему семинаріи выходили какими-то уродливыми монастырями, съ спеціальнымъ назначеніемъ изъ дѣтей и юношей выковывать монаховъ высокой нравственности. Съ горячностію раскритиковали мы, наставники,—особенно молодежь, написали свой отзывъ, редакція котораго возложена была на меня, и отдали ректору на дальнѣйшее распоряженіе. Проектъ этотъ провалился, и состав-

---

[1]) См. „Русскую Старину" августъ 1905 г.

ленъ скоро новый комитетъ подъ предсѣдательствомъ, кажется, протоіерея Іосифа Васильевича Васильева, который былъ председателемъ и учебнаго комитета при Синодѣ. Уставъ этого послѣдняго комитета и есть теперешній уставъ преобразованныхъ семинарій, училищъ и академій. Пошли отрадные слухи о преобразованіи быта духовенства, и въ матеріальномъ и юридическомъ отношеніяхъ. Предъ этими преобразованіями много надѣлали шуму въ интеллигентной публикѣ два сочиненія даровитыхъ писателей, появившіяся въ печати; одно Помяловскаго: „Семинарская духовная бурса", въ которомъ талантливо изображена ужасно грязная картина быта и жизни бурсацкой въ своихъ грязныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Все, что написалъ Помяловскій, произвело на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе, которое собственно и побудило энергичнаго и умнаго тогдашняго прокурора Синода Димитрія Андреевича Толстаго поскорѣе взяться за преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній.

Невообразимо тяжелое впечатлѣніе и ужасное даже смущеніе произвело въ обществѣ другое сочиненіе Беллюстина, отпечатанное за границей и распространившееся въ Россіи, по рукамъ всѣхъ интеллигентныхъ людей, контрабандой, подъ названіемъ: „Сельское хозяйство". Въ немъ описано было съ живою дѣйствительностью жалкое положеніе духовенства, стонущаго издавна и совершенно безпомощно подъ игомъ рабства у своихъ всевластныхъ владыкъ-деспотовъ архіереевъ, и отъ всевозможныхъ притѣсненій, поборовъ и обидъ архіерейской свиты, а по выраженію книги—„архіерейской сволочи", и разныхъ канцелярій. Съ такою же дѣйствительностью и реальностью изображено все поведеніе архіереевъ по разнымъ своимъ отношеніямъ, а особенно по отношенію къ подчиненному духовенству. Все униженіе, запуганность, бѣдность и безпомощность и раболѣпность, которыя давили духовенство тяжелымъ гнетомъ, парализируя его жизнь и дѣятельность, авторъ сочиненія приписываетъ собственно и почти исключительно архіереямъ, которые не только ничего не хотѣли дѣлать, чтобы хоть сколько-нибудь вывести духовенство изъ антихристіанской рабской приниженности, но все напротивъ дѣлали такое, что погружало ихъ еще въ бóльшую приниженность и рабство. За это онъ часто называетъ архіереевъ россійской церкви: книжниками и фарисеями, возсѣдающими на Моисеевомъ сѣдалищѣ, а то и макіавелями и сатрапами въ рясахъ, у которыхъ одинъ принципъ: pereat Ecclesia, fiat nostra voluntas.—Припоминается мнѣ изъ этой книги такая картинка съ натуры въ архіерейской пріемной. Собрались просители разнаго духовнаго сана и чина, долго ждутъ владыки, ждутъ до утомленія въ страхѣ и трепетѣ, каждый повторялъ про себя придуманное объясненіе, чтобы не забыть; келейники

архіерейскіе нагло шныряютъ и взадъ и впередъ, разставляя просителей и обирая ихъ, и всѣхъ окидываютъ презрительными взорами. Послѣ долгаго ожиданія и изнеможенія—вдругъ раздается: „преосвященный идетъ!“ Всѣ моментально приходятъ отъ этихъ двухъ словъ въ такое ужасное положеніе, что какъ будто сказали имъ, что надъ ними потолокъ валится. У многихъ выскакиваетъ изъ головы все, что они придумали сказать владыкѣ. А владыка идетъ медленно, передвигая ноги, съ свирѣпымъ видомъ и грозною позитурою. Послѣ земныхъ ему поклоновъ, онъ грубо спрашиваетъ перваго: ты зачѣмъ, нелѣпый? Объясниться съ ваш-мъ; что? вѣрно, кляузы какія, у васъ вѣчно кляузы. А ты что? Тотъ, къ кому былъ этотъ вопросъ, отъ страха забылъ, что хотѣлъ сказать изъ придуманнаго, и началъ что-то бормотать. Ну, такъ, все кляузы. Отобравъ прошенія и ничего не поговоривъ въ утѣшеніе нуждающихся, владыка также грозно повертывалъ назадъ, какъ и впередъ, довольный собой и своей всевластной головой. Многіе современные архіереи увидѣли себя въ этой книгѣ, какъ въ зеркалѣ; напримѣръ, Филаретъ московскій, которому поклонялось духовенство, какъ божеству, трепетало и пресмыкалось подъ его деспотизмомъ. Въ газетной литературѣ возвѣстилъ о появленіи такой книги Муравьевъ, писатель религіозный, давъ о ней отзывъ такого рода, что авторъ взвелъ хулу на русскую церковь, позоря ее въ лицѣ ея іерарховъ - святителей. Но всѣ прочитавшіе эту книгу не нашли въ ней никакой хулы, а нашли только одну колкую и рѣзкую правду о современныхъ и историческихъ—прежнихъ архіереяхъ, которые уклонились отъ своего истиннаго образа великаго архіерея и первосвященника Христа Спасителя, который былъ „кротокъ и смиренъ сердцемъ“, льна курящагося не угасалъ и трости надломленной не ломалъ, который не только никого не заставлялъ предъ нимъ пресмыкаться, но всѣмъ говорилъ и особенно апостоламъ, что онъ пришелъ не для того, чтобы ему служили, но всѣмъ послужить, что князи и вельможи міра сего любятъ господствовать и властвовать, а у меня—въ христіанской церкви—не такъ, а кто первый, да будетъ всѣмъ слуга.

Не нашелъ, какъ говорили тогда, въ этой книгѣ никакой хулы на церковь и великій императоръ Александръ Николаевичъ, когда довели до свѣдѣнія его эту книгу контрабандную и онъ ее прочиталъ. И затѣмъ приказалъ секретнымъ порядкомъ разослать по экземпляру этой книги каждому архіерею съ наказомъ: имѣть ее у себя въ виду, какъ книгу настольную. Какъ громомъ поразила и пришибла всѣхъ тогдашнихъ архіереевъ эта громкая книга, написанная въ горячемъ и возмущенномъ неправдою чистомъ сердцѣ, написанная, можно сказать, безъ преувеличенія, не чернилами, а

кровію. Всѣ интеллигентные люди, и высшіе и средніе, постарались ее достать, имѣть у себя или прочитать, какъ ни трудно было это, такъ такъ книга шла изъ-за границы, тайкомъ, и распространялась въ Россіи секретно. Мнѣ удалось ее прочитать и имѣть въ рукахъ въ селѣ Трескинѣ въ домѣ отца, которому сообщили ее помѣщики Чичерины. Какъ ни хранилось въ тайнѣ имя автора, но архіереи его узнали. Онъ былъ священникъ, образованіе получилъ высшее въ академіи, ученый и талантливый, писатель, могъ бы составить себѣ высшее по службѣ положеніе, но его постарались заключить въ захолустный городъ Калязинъ Тверской губерніи и держали его тамъ въ положеніи священника заурянаго подъ опалой, никогда ничѣмъ его не награждая до самой смерти; умеръ онъ недавно въ старости, не далѣе, кажется, какъ 1890 году. Между тѣмъ оффиціально ничего не числилось за нимъ предосудительнаго по формуляру, и былъ достойнѣйшій и дѣятельный пастырь, пользовавшійся всегда большимъ уваженіемъ во всей окрестности, принималъ участіе горячее и дѣятельное въ земствѣ и городскомъ обществѣ, въ качествѣ гласнаго, и печаталъ по общественнымъ вопросамъ мѣстнымъ въ газетахъ много статей подъ своимъ именемъ. Долго говорили о книгѣ Беллюстина, много было шуму о ней и вверху и внизу,—и этотъ шумъ и говоръ общественный особенно страшилъ архіереевъ, которые, къ утѣшенію духовенства, начинали понемногу сдерживать себя въ проявленіи властолюбивыхъ инстинктовъ и чувствовали себя постоянно въ какомъ-то испугѣ, ожидая себѣ худшаго. Духовенство скоро замѣтило, что архіереи въ обращеніи съ нимъ вдругъ, неожиданно для него, много понизили свой прежній тонъ и съ священниками стали обращаться поласковѣе и повѣжливѣе, перемѣнивъ грубое ты на вы, а манеру напускной грозы и искусственнаго величія на естественный образъ человѣческій, хоть немножко отражающій въ себѣ образъ Божій. Стали даже приглашать иныхъ послуживщихъ въ свои гостиныя, которыхъ прежде никогда не удостоивались, и которыя свободно наполнялись только помѣщиками, чиновниками свѣтскими и богатыми купцами и церковными старостами, если они были богаты и чѣмъ-либо вліятельны,—приглашенные священники получали отъ владыкъ право садиться и даже по-человѣчески съ ними бесѣдовать. Это пониженіе архіерейскаго тона замѣтили, къ облегченію своему, и наставники въ семинаріи на архіерейскихъ экзаменахъ. Прежде архіерей во все время производства экзаменованія учениковъ, будь это время 2—3 часа, никогда не дозволялъ сидѣть наставнику экзаменуемаго предмета, а морилъ его все это время стойкою съ безсердечнымъ равнодушіемъ къ его усталости и даже къ старымъ годамъ и заслуженной чести. А теперь стали сами уже и сажать наставниковъ,

*

хоть и неохотно дѣлая это, что̀ замѣтно было потому, что иные получали право сидѣть съ самаго начала, а другимъ это право давалось послѣ небольшой стойки, но такъ, какъ бы это случилось по забывчивости владыки.

Слава Богу! говорили всѣ,—хоть немножко наши архіереи сдвинулись съ своихъ искусственныхъ ходуль и стали подходить къ естественному своему нормальному положенію. Милостивый и праведный Господь, по молитвамъ униженныхъ и оскорбленныхъ, пошлетъ что-нибудь и большее, ко благу церкви Христовой. Все духовенство стало жить и оживляться надеждою, „посланницей небесъ", и надежда эта не была безплодна. Господь воздвигъ дѣятеля „потребнаго въ свое время", въ лицѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, Димитрія Андреевича Толстаго, избраннаго и утвержденнаго въ этой должности непосредственною волею великаго императора Александра Николаевича, съ совмѣщеніемъ въ одномъ лицѣ и должности министра народнаго просвѣщенія. Новый оберъ-прокуроръ, по мысли государя, со всею свойственною ему энергіею, съ умѣніемъ и твердостію взялся за осуществленіе давно уже назрѣвшей идеи объ улучшеніи быта приниженнаго россійскаго духовенства. Онъ началъ дѣло прежде всего съ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, чтобы вывесть ихъ изъ деморализующаго бурсацизма. Изыскалъ средства для построекъ новыхъ зданій и расширенія и обновленія старыхъ; возвысилъ всѣмъ оклады содержанія и жалованія, исходатайствовавъ предъ государемъ ежегодный отпускъ на это, въ пособіе къ имѣющимся своимъ средствамъ синодальнаго вѣдомства, полтора милліона рублей изъ государственнаго казначейства; далъ наставникамъ права на награды и повышенія по службѣ независимо отъ того, свѣтскіе они или духовные, священники или монахи; уничтожилъ исключительную привилегію монашества быть начальниками заведеній—ректорами и инспекторами, и ввелъ свободный выборъ въ эти должности изъ магистровъ академіи, въ семинаріяхъ ли или въ средѣ духовенства, и выборъ предоставилъ всей корпораціи семинарской. Правленіе семинаріи усилено было нѣсколькими членами отъ духовенства и изъ среды наставниковъ—по выбору; и сверхъ того учрежденъ никогда небывалый въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ педагогическій совѣтъ изъ всѣхъ наставниковъ. Экономъ семинаріи низведенъ на низшее подобающее ему мѣсто, и изъ правленія, гдѣ онъ прежде состоялъ въ числѣ третьяго члена съ инспекторомъ и ректоромъ во главѣ, исключенъ. Словомъ, духовно-учебнымъ заведеніямъ данъ самый жизненный строй, вполнѣ приспособленный къ правильному ходу, росту и развитію учебно-воспитательнаго дѣла во всѣхъ отношеніяхъ. Особенно важно и дорого было въ этомъ пре-

образованіи то, что преобладанію монашества въ управленіи положенъ былъ конецъ, и управленіе сосредоточивалось въ рукахъ цѣлой корпораціи—въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ съ предоставленіемъ достаточной доли самостоятельности. Произволъ и безконтрольность прежнихъ ректоровъ - монаховъ, любившихъ, чтобы ихъ нраву никто не мѣшалъ, сталъ теперь немыслимъ. За это всѣ ревнители блага общаго благодарили Господа и радовались, что то зло, которое видѣли и испытали на себѣ, быть можетъ, не повторится!..

При Св. Синодѣ учрежденъ былъ на новыхъ началахъ, вмѣсто рутиннаго духовно-учебнаго управленія, новый учебный комитетъ, составленный изъ ученыхъ чиновъ; предсѣдательство въ немъ поручено бывшему прежде настоятелю посольской церкви въ Парижѣ протоіерею Іосифу Васильевичу Васильеву, человѣку весьма умному и европейски образованному. Этотъ Васильевъ преданъ былъ всею душою реформѣ учебныхъ заведеній, и благодаря, главнымъ образомъ, ему—они скоро поставлены были на прочной почвѣ, въ прочной организаціи, и улучшенъ ихъ бытъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ этомъ комитетѣ были и особые еще члены ревизоры, которыхъ обязанностію было разъѣзжать по духовно-учебнымъ заведеніямъ, руководить въ веденіи педагогическаго дѣла на новыхъ началахъ, исправлять недостатки, ошибки и разрѣшать недоумѣнія на мѣстахъ. Эти члены облечены были особымъ полномочіемъ, почему ихъ побаивались и архіереи, въ отношеніяхъ своихъ къ учебнымъ заведеніямъ. Много ректоровъ-монаховъ, которые занимали свои мѣста только по одной привилегіи монашеской, устранили отъ должностей и направили на подобающее имъ мѣсто въ монастыри, и содѣйствовали свободному выбору на ихъ мѣста изъ достойныхъ магистровъ академіи въ средѣ наставниковъ и духовенства.

Въ то же время приступлено было и къ преобразованію общему—всего быта россійскаго духовенства. Составленъ былъ комитетъ объ улучшеніи быта духовенства, который долженъ былъ заняться изысканіемъ средствъ обезпеченія матеріальнаго быта и коснуться быта юридическаго. Вопросъ о правахъ дѣтей духовенства рѣшенъ былъ скоро,—всѣ дѣти получали права гражданства и перестали носить званіе духовное, пока не вступали въ должность церковную. Но вопросъ матеріальный тянулся долго и затянулся. Учреждены были съѣзды духовенства, на которыхъ оно чрезъ избранныхъ своихъ депутатовъ получило возможность и право самостоятельно разсуждать о своихъ нуждахъ и дѣлахъ, и придумывать мѣры и изыскивать средства къ удовлетворенію нуждъ и улучшенію дѣла. Стало вводиться выборное начало въ его средѣ, и примѣнилось прежде всего къ избранію на должность благочинныхъ, которые прежде назначались кон-

систоріею по чисто-консисторскимъ мотивамъ хлѣбнаго свойства. И наконецъ приступлено было къ преобразованію суда духовнаго. Все это озарило свѣтомъ туманную атмосферу. Слыша и видя, что на него обращено вниманіе высшаго начальства, признано положеніе его ненормальнымъ и приступлено къ благодѣтельной реформѣ, въ видахъ улучшенія его быта; духовенство оживилось духомъ, стало свѣтлѣе и сознательнѣе смотрѣть на себя и свое дѣло, готовясь и стремясь и самому быть лучшимъ въ улучшенной обстановкѣ своего быта. Смущало его только то, что не пройдетъ эта реформа благополучно до конца, какъ бы слѣдовало, ибо доброму дѣлу всегда какъ-то много встрѣчается препятствій на пути. Все духовенство видѣло и чуяло, кому эта реформа „не-понутру", и чья безконтрольная власть понижалась чрезъ рядовое духовенство. Но пока вѣяло вездѣ новымъ, свѣтлымъ духомъ и реформы зачинались, все духовенство ликовало. Петербургское духовенство даже рѣшилось повергнуть самому государю адресъ благодарственный и изготовило его по общему совѣщанію, по митрополитъ Исидоръ ему строго погрозилъ и всѣ адресныя затѣи разомъ остановилъ.

Пока зачиналась великая духовная реформа, я продолжалъ служить профессоромъ въ Тамбовской семинаріи. Ректоръ Ѳеофилактъ, при которомъ я поступилъ сюда, скоро выбылъ, мнѣ не пришлось служить съ нимъ года. Не ладилъ онъ съ инспекторомъ, бывшимъ въ то время, архимандритомъ Антоніемъ, недавно въ 1890 году въ санѣ пензенскаго епископа. Этотъ Антоній былъ интриганъ; ему хотѣлось поскорѣе быть ректоромъ, именно въ Тамбовской семинаріи, и Ѳеофилакта вытѣснить. Вотъ онъ и началъ про Ѳеофилакта шпіонить епископу Макарію, который почему-то и такъ не благоволилъ къ Ѳеофилакту. Чуя все это, Ѳеофилактъ, чрезъ своего вліятельнаго товарища въ Петербургѣ, и выхлопоталъ себѣ переводъ въ другую семинарію, но проѣздомъ чрезъ Петербургъ съумѣлъ насолить и Антонію тѣмъ, что его, уже давно служащаго, не сдѣлали ректоромъ въ Тамбовѣ, а перевели чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ другую семинарію, а въ Тамбовъ присланъ былъ архимандритъ Серафимъ, впослѣдствіи архіепископъ воронежскій. Инспекторомъ же присланъ изъ какой-то сибирской глуши Сергій, хоть и архимандритъ, но какой-то полуидіотъ, впослѣдствіи совсѣмъ „рехнувшійся", впавъ въ сумасшествіе. Серафимъ былъ ректоромъ не болѣе года и вызванъ былъ въ Петербургъ для епископства; присланный на мѣсто его изъ Кіева архіеп. Ѳеоктистъ, не прослуживъ и года въ Тамбовѣ, переведенъ въ Кіевскую семинарію, потомъ былъ архіепископомъ рязанскимъ. О Серафимѣ можно сказать, что онъ, будучи ректоромъ, чрезвычайно добръ былъ для воспитанниковъ, особенно жившихъ на казенномъ содержаніи.

Заботился объ улучшеніи ихъ пищи и одежды и побуждалъ эконома не скаредничать по экономіи; но самъ въ экономіи ничего не понималъ и ни за чѣмъ не слѣдилъ. Поэтому, въ коротенькое его правленіе, оказались въ семинаріи большія передержки, которыя поставили, при слѣдующихъ ректорахъ, семинарію въ критическое положеніе безденежья и долговъ неоплатныхъ. И только пожертвованія настоятелей тамбовскихъ монастырей, которыхъ нарочно вызывали въ Тамбовъ, умоляли ихъ, ублажали и угощали,—спасли отъ бѣды.

О Θеоктистѣ нельзя сказать ничего—ни добраго, ни худаго. Жилъ онъ совершенно отчужденно отъ всѣхъ въ семинаріи. Человѣкъ молодой, но тучный, плотно сложенный, съ лицомъ одутливымъ и красноватымъ. Догадывались, что любилъ дома, тайкомъ, порядочно выпить. Но видѣть его выпившимъ не приходилось при его рѣдкихъ появленіяхъ.

Послѣ Θеоктиста явился въ семинарію ректоромъ архимандритъ Геннадій. Пріѣхалъ онъ изъ Задонскаго монастыря, въ которомъ проживалъ не у дѣлъ, въ числѣ братства. До Задонска онъ состоялъ ректоромъ Самарской семинаріи не много времени, не угодилъ тамошнему епископу своею самостоятельною жизнію и дѣятельностію, и за то попалъ въ монастырь. Пріѣхалъ довольно уже помятымъ жизнію, но въ помятомъ его образѣ всѣ скоро нашли хромаго человѣка, съ здравымъ умомъ, доброю волею и искреннимъ сердцемъ, съ обращеніемъ по внѣшности прямымъ, простымъ и откровеннымъ. Учебное монашество не успѣло на эти альтруистическія свойства наложить своихъ сухихъ печатей. Онъ не корчилъ изъ себя начальника, а со всѣми сослужащими обращался по товариществу, и всѣ его искренно за это уважали. Двери его всегда для всѣхъ были открыты, во всякое время можно было къ нему идти и говорить, если была нужда, онъ этимъ нисколько не стѣснялся и принималъ сослужащихъ въ этихъ случаяхъ съ радушіемъ. Умѣлъ вести дѣло управленія семинаріи по всѣмъ частямъ въ порядкѣ и цѣлесообразно. Семинарію онъ засталъ по экономіи въ критическомъ положеніи. Предшественники его, ректоры, при непониманіи экономіи и несмотрѣніи, истощили всѣ средства содержанія и ввели семинарію въ долги. Онъ съумѣлъ устроить дѣло такъ, что пришли на помощь монастыри, и настоятели ихъ своими значительными взносами покрыли всѣ долги и затѣмъ обязались ежегодно вносить особую сумму добровольно, въ пособіе къ скудному казенному жалованью наставниковъ семинаріи, такъ что содержаніе наставниковъ чрезъ это значительно возвысилось еще за долго до новыхъ окладовъ по преобразованію. Съ воспитанниками онъ всегда обращался отечески,—былъ къ нимъ всегда близокъ, простъ, и они всѣ любили его и уважали. Онъ умѣлъ и побранить ихъ и

наказать во-время, и пошутить, и повеселить ихъ, и все такъ выходило, что всѣ искренно имъ были довольны. Не чуждался онъ и знакомствъ въ городѣ, но болѣе любилъ компанію въ товарищескомъ кружкѣ семинарскомъ, гдѣ иногда дозволялъ себѣ повеселиться; любилъ приглашать наставниковъ и къ себѣ для компаніи. Въ Тамбовской семинаріи онъ прослужилъ лѣтъ 5—6 благополучно. Во все это время семинарія благоденствовала—все было исправно и жизненно. И Геннадія наконецъ вызвали въ С.-Петербургъ для епископства, котораго онъ скоро и удостоенъ, и былъ въ нѣсколькихъ епархіяхъ епископомъ викарнымъ, а далѣе до самостоятельнаго епископа не дошелъ. Вездѣ, гдѣ онъ ни былъ викарнымъ, не мирно относились къ нему епархіальные епископы и старались выжить его; и загоняли его до того, что онъ былъ на покоѣ въ Тамбовскомъ Козловскомъ монастырѣ, съ званіемъ настоятеля его.

Епископомъ тамбовскимъ, при моемъ поступленіи въ семинарію, какъ я сказалъ выше, былъ Макарій. При мнѣ онъ пребывалъ въ Тамбовѣ менѣе года, а всего пребыванія его не было и двухъ лѣтъ. Прошелъ онъ въ Тамбовѣ какъ блестящій метеоръ, на котораго всѣ съ интересомъ смотрѣли и съ удовольствіемъ дивились. А дамы были отъ него въ восхищеніи. Онъ всѣмъ казался человѣкомъ вполнѣ и истинно образованнымъ. Да таковъ онъ былъ и во всей реальности своей: блестящаго ума и обширной учености, съ даромъ блестящаго ораторскаго слова, съ внѣшностію стройною и красивою, съ манерами благовоспитаннаго аристократа, но въ то же время и архіерей-монахъ, во всемъ его благородномъ и разумномъ человѣческомъ смыслѣ. Величественно и благоговѣйно было служеніе его въ храмѣ, гдѣ мастерски говорилъ свои импровизированныя проповѣди большею частію богословскаго содержанія и ученаго характера. И храмъ въ его служеніе всегда былъ полонъ не простымъ только народомъ, а и высшими лицами, интеллигентными. Съ духовенствомъ онъ всегда былъ вѣжливъ, гуманенъ, говорилъ священникамъ *вы* и приглашалъ въ гостиную послужившихъ. Будучи въ Тамбовѣ, онъ уже былъ давно извѣстенъ, какъ ученый богословъ, и началъ составлять въ Тамбовѣ великую многотомную исторію русской церкви, въ такомъ же характерѣ ученомъ, какъ составлялъ тогда свою русскую исторію профессоръ Соловьевъ. Но въ захолустномъ Тамбовѣ для такого ученаго труда не было никакого удобства, поэтому, какъ говорили, его и скоро, по его желанію, перевели изъ Тамбова въ ученый университетскій городъ Харьковъ. И сильно жалѣли всѣ тамбовцы, что лишились скоро такого высокаго архипастыря, никогда у нихъ такого не бывало прежде, да и нигдѣ ими не видано. Много было при проводахъ и искренно плачущихъ. Утѣшались всѣ понимающіе дѣло

люди только тѣмъ, что этому рѣдкому въ архипастырствѣ архипастырю предстоитъ быть свѣтиломъ русской церкви, свѣтящимся на высотѣ, и принести великую пользу ей во главѣ управленія. Что и оправдалось.

Какъ мѣстный интересъ, занимавшій тогда тамбовское духовенство, припоминается мнѣ изъ времени Макарія слѣдующій: епископъ Макарій, очищая себя и консисторію, понемногу, отъ грязныхъ служащихъ, прежде всего смѣнилъ у себя письмоводителя, выбравъ въ эту должность одного молодаго консисторскаго писца, Преображенскаго, только-что женившагося на дочери одного изъ угодниковъ консисторіи, благочиннаго въ селѣ, Ак—нова. По виду понравился онъ Макарію и сталъ письмоводительствовать такъ, что съумѣлъ войти скоро въ полное довѣріе. Макарій поручалъ ему съ совершенною довѣрчивостію по дѣламъ консисторскимъ многое, что другимъ опасался довѣрять. Поручалъ ему и распродажу, и разсылку своихъ книгъ — богословія—по церквамъ на многія тысячи. Преображенскій все выполнялъ аккуратно и искусно, и Макарій былъ имъ вполнѣ доволенъ. Но при этомъ для всѣхъ было очень замѣтно, какъ этотъ убогенькій консисторскій прежде писецъ вдругъ возросъ во вліятельнаго уже Павла Ѳедоровича, ставшаго уже нужнымъ для всѣхъ духовныхъ; оперился и осанился, и сталъ располагать свободными денежками, и далѣе уже защеголялъ богачемъ. Духовенство знало, что въ этомъ консисторскомъ писцѣ еще въ консисторіи глубоко засѣла взяточная тля, и онъ тамъ еще хорошо изучилъ хитрое ремесло брать и концы хоронить, каковое ремесло и пустилъ въ ходъ на широкомъ полѣ архіерейской сферы, подъ крыломъ владыки, со всѣмъ своимъ плутовскимъ искусствомъ. Но Макарій, какъ видно, ничего этого не зналъ. Онъ даже предложилъ Преображенскому ѣхать съ нимъ въ Харьковъ и быть у него письмоводителемъ тамъ, и увезъ его туда съ собою. Въ Харьковѣ повалило богатство къ Преображенскому еще въ большемъ количествѣ, но благополучіе это какъ чудомъ Божіимъ — карательнымъ, скоро и вдругъ оборвалось трагически. Въ упоительныхъ мечтахъ о себѣ и своемъ растущемъ богатствѣ онъ внезапно впалъ въ сумасшествіе, и безумно сталъ повторять: „я богачъ, я крезъ,—кучи золота вижу, и все мое“; помѣстили его въ сумасшедшій домъ, гдѣ онъ скоро и умеръ. Вдова его, забравъ оставшееся отъ него богатство, пріѣхала на родину въ Тамбовъ и жила тамъ, припѣваючи, у брата своего, соборнаго протоіерея Петра Ак — нова, который для нея построилъ на своемъ дворѣ, но на ея деньги, особый флигель, и оказывалъ ей подобающій ея денежкамъ почетъ и угожденіе въ чаяніи будущихъ матеріальныхъ благъ.

Послѣ знаменитаго Макарія поступилъ въ Тамбовъ епископомъ

Ѳеофанъ. Пріѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ состоялъ ректоромъ духовной академіи годъ, два не болѣе. Послѣ Макарія онъ показался всѣмъ крайне убогимъ, особенно по маленькой фигуркѣ своей съ большой, несообразной съ туловищемъ головой. Человѣкъ впрочемъ очень умный и большой богословской начитанности и знанія, но созерцатель и мистикъ, аскетическаго характера и направленія. Мѣсто его—на поприщѣ ученаго кабинетнаго писателя или ученаго аскета въ монастырѣ, а отнюдь не на административномъ поприщѣ архіерея, на которомъ онъ оказался совершенно не способнымъ, по своему созерцательно-отвлеченному направленію, при отсутствіи реальнаго практицизма. Въ его правленіе консисторія, не много предъ тѣмъ усмиренная, ожила снова во всѣхъ своихъ архаическихъ инстинктахъ плотояднаго свойства и стала смѣло и безбоязненно проявлять ихъ, какъ и во времена Николая. Ѳеофанъ привезъ съ собой изъ Петербурга, неизвѣстно какъ приставшаго къ нему, одного горькаго чиновничка, малограмотнаго впрочемъ, холостаго, и помѣстилъ его у себя въ архіерейскомъ домѣ въ канцеляріи, а затѣмъ сдѣлалъ и своимъ письмоводителемъ. Оный чиновничекъ, убогій и невзрачный по душѣ и тѣлу, сталъ скоро всему духовенству извѣстенъ и величаться Егоромъ Ивановичемъ, фамилія его Корсуновскій. Хитрый и пронырливый, онъ обошелъ витавшаго и парившаго въ идеяхъ и эмпиреяхъ Ѳеофана такъ, что всю практику свою отдалъ ему, и слушалъ, и поступалъ, что внушалъ и искушалъ этотъ Егоръ Ивановичъ; особенно умѣлъ онъ располагать Ѳеофана въ опредѣленія на мѣста духовныя. Тутъ просители давали ему много денегъ,—одни, чтобы не воспрепятствовалъ въ прямомъ правѣ на подходящее мѣсто, другіе, чтобы посодѣйствовалъ получить мѣсто безъ права на это, третьи, чтобы устранилъ болѣе достойныхъ конкуррентовъ. За все это Корсуновскій охотно бралъ, выторговывая предварительно со всѣхъ нужныя ему вознагражденія, и удобно устроялъ дѣло къ выгодѣ себѣ и своимъ паціентамъ, но къ ущербу чести своего патрона. Онъ ухищрялся брать не малую сумму при посвященіи ставлениковъ, пріѣхавшихъ посвящаться. Если кто изъ нихъ ему не далъ положенной суммы, онъ имѣлъ возможность проморить его долго въ ожиданіи своего посвященія; ибо ставленики распредѣлялись по не частымъ архіерейскимъ службамъ.

Еще въ большей силѣ и сферѣ развернулъ свою эксплоататорскую дѣятельность консисторскій секретарь Агафоникъ Радкевичъ. Онъ присланъ въ Тамбовскую консисторію еще при епископѣ Макаріи; но все Макарьевское время жилъ смирно, тихо, не слышно, какъ будто и секретаря въ консисторіи не было. Макарій его совершенно игнорировалъ и къ себѣ не допускалъ, все дѣлая и распоря-

жаясь въ консисторіи чрезъ своего письмоводителя. Нерасположеніе Макарія къ секретарю объясняли тѣмъ, что Макарій, поступивъ въ Тамбовъ, хотѣлъ устроить въ секретарской должности одного изъ профессоровъ семинаріи и уже писалъ объ этомъ въ Петербургъ, откуда и обѣщали исполнить его желаніе. Профессоръ этотъ Павелъ Ивановичъ Остроумовъ, секретарь правленія семинаріи. О немъ много говорено выше. Онъ уже сталъ было готовиться къ новой желанной имъ издавна должности. И вдругъ получается извѣстіе, что въ секретари назначенъ какой-то Радкевичъ. Макарій крайне былъ недоволенъ, хоть и получилъ отъ самаго оберъ-прокурора извинительное письмо, что онъ поступилъ вопреки желанія Макарія, потому что не могъ не исполнить предсмертной просьбы въ это время умершаго, митрополита кіевскаго Филарета о своемъ любимомъ письмоводителѣ Радкевичѣ — опредѣлить его въ Тамбовскую консисторію секретаремъ. Это обстоятельство, а можетъ быть еще и то, что Радкевичъ, какъ кіевскій,—былъ извѣстенъ Макарію, кіевскому воспитаннику, по академіи, какъ взяточникъ темный, какимъ проявилъ себя въ Тамбовѣ въ Ѳеофаново правленіе. Этотъ Радкевичъ, старый, одинокій холостякъ, смотрѣвшій постоянно въ землю, по наружности показывался кроткимъ, благочестивымъ по-монашески, ходилъ усердно въ церковь и молился подолгу на колѣнахъ, въ слухъ вздыхая и охая и громко повторяя молитвы: Господи помилуй, Господи подай!.. Но душа его была чрезвычайно злая и хищная, хитрая и самолюбивая. Онъ пріѣхалъ въ Тамбовъ съ набранными уже, въ достаточномъ количествѣ, деньгами въ Кіевѣ подъ крыломъ старца митрополита Филарета. И, чтобы показать, что пріѣхалъ онъ на секретарское мѣсто, слывшее тогда золотымъ дномъ, не для наживы—у него есть свои средства,—купилъ себѣ, совершенно ненужный ему одинокому, большой домъ, и купилъ за большія деньги у нужнаго для него члена консисторіи, самаго вліятельнаго и перваго въ ней, протоіерея Ивана Андреевича Мос — на, дядя котораго поступилъ митрополитомъ въ Кіевъ, на мѣсто умершаго Филарета,—это Арсеній. Иванъ Андреевичъ Мос — нъ, о которомъ говорилось выше, очень радъ былъ сбыть съ рукъ домъ, уже ветхій, который требовалось поправлять, и при томъ за большую цѣну, которой и никто бы ему не далъ, и продалъ Радкевичу съ такимъ удовольствіемъ, что и Радкевичъ отъ того сталъ ему съ тѣхъ поръ милымъ человѣкомъ, чего Радкевичу и нужно было достичь, въ своихъ видахъ служебной перспективы. Когда для Радкевича страхъ Макарія миновалъ и настало безстрашіе маленькаго Ѳеофана, онъ тихонько и легонько, по немногу и постепенно, но цѣпко и крѣпко идя все впередъ неуклонно, наконецъ забралъ все въ консисторіи въ руки, помимо которыхъ ничто

не могло ни входить, ни исходить изъ консисторіи. Члены консисторіи были совершенно безгласны и безсильны, ходили въ консисторію и сидѣли въ ней за столомъ чистыми автоматами и истуканами, балагуря отъ скуки между собой, разсказывая о новостяхъ и подписывая между разговорцемъ какія-то бумаги, невидимою рукой для нихъ изготовленныя, и затѣмъ преспокойно въ урочный часъ расходились, чтобы опять въ урочный часъ за тѣмъ же и сойтись завтра. А невидимая рука секретаря работала преусердно. Въ канцеляріи онъ всѣхъ держалъ въ струнку, и его боялись писцы и даже столоначальники, какъ строгаго своего начальника. Онъ тамъ постоянно былъ, наблюдалъ, направлялъ, указывалъ и исправлялъ все по-своему, требуя безусловнаго повиновенія.

Въ помощь себѣ какъ вполнѣ подходящаго по всему строю и складу характера, такого же хитраго и хищнаго, злаго и самолюбиваго, но по внѣшности тихаго и молчаливаго на всякую тайну канцелярскую, какъ могила, онъ выбралъ изъ среды канцелярской, оффиціально и числившагося помощникомъ секретаря, прослывшаго впослѣдствіи взяточникомъ по всей епархіи, Андрея Ивановича Ле — ва, поступившаго въ консисторію изъ учителей духовнаго училища. Оба—и секретарь, и его помощникъ—скоро тѣсно сблизились, живя между собою всегда мирно и дружно, и дѣйствуя во всемъ согласно и обоюдно выгодно, такъ что одинъ другому со всѣмъ усердіемъ въ всемъ помогалъ и одинъ другаго съ такимъ усердіемъ ни въ чемъ не выдавалъ. Для большей безопасности и большей крѣпости оба они постарались привлечь къ своему союзу третьяго члена выше означеннаго Егора Ивановича Корсуновскаго, архіерейскаго письмоводителя. Такимъ образомъ и составился въ Тамбовѣ тройственный союзъ — своего рода лига мира, задолго, какъ очевидно, предъуказавшая и предупредившая современную европейскую лигу мира. Эта тройственная лига дѣйствовала искусно и секретно. Главный дирижеръ въ ней—Радкевичъ былъ опытный, стариннаго пошиба, дѣлецъ, умѣвшій искусно составить всякую бумашку такъ точно и чисто— все на законномъ основаніи, что ни къ какой тонко сокрытой въ ней неправдѣ и комаръ носа не подточитъ. Умѣлъ всегда отписаться на всякую жалобу въ Синодъ и выйти сухимъ и чистымъ изъ всякихъ грязныхъ дѣлъ, особенно, если пошлетъ кому изъ нужныхъ лицъ, въ въ синодской канцеляріи, которыхъ всѣхъ хорошо зналъ, чѣмъ кто страдалъ, малую толику изъ своихъ поборовъ. Мастеръ написать крючковатыя бумаги, беззастѣнчиво обращать ложь въ истину, а истину въ ложь чрезъ искусный подборъ и переиначиваніе написаннаго въ сыромъ матеріалѣ, по судебнымъ, особенно, дѣламъ, помощникъ Ле—въ, для котораго ничего не значило за взятыя деньги

представить въ дѣлѣ доклада и въ постановкѣ рѣшенія виновнаго кругомъ—правымъ, невиннаго—виноватымъ, перваго — оправдать, а втораго — наказать; а если оба дали денегъ — то обоихъ оправдать. Члены не способны были проникнуть въ суть дѣла, а иные не хотѣли, получивъ тоже кусокъ, и подписывались подъ всякимъ изготовленнымъ рѣшеніемъ спокойно, надѣясь, что строгій и благочестивый секретарь ихъ не подведетъ. Тамъ, на верху у владыки, дѣйствовалъ самъ Радкевичъ, докладывая суть и ходъ дѣла такъ, какъ хотѣлъ и было ему нужно, и владыка довѣрчиво соглашался, не желая входить въ тяжелую для него сушь и суть дѣлъ, и если что и затѣвалъ по-своему, то къ секретарю приходилъ на помощь письмоводитель, и дѣло устроялось для нихъ благополучно. Ѳеофанъ любилъ и погруженъ былъ въ чтеніе книгъ и духовныхъ журналовъ, любилъ и сочинительствомъ позаняться. Къ дѣламъ епархіальнаго управленія душа его не лежала. Ну, лига мира свободно и работала, наработала много зла епархіи и заработала себѣ большіе капиталы, соотвѣтственно рангу каждаго союзника, пока Господь не убралъ изъ епархіи Ѳеофана и не указалъ ему мѣсто въ монастырѣ — Вышенскомъ, на его душевное спасеніе отъ зла, которое свободно сѣялось врагомъ рода человѣческаго и росло быстро, какъ плевелы, отъ его архіерейской епархіальной бездѣятельности. Съ выбытіемъ изъ Тамбова епископа Ѳеофана распался тріумвиратъ и скоро совсѣмъ улетучился. Одного взялъ съ собою во Владиміръ самъ Ѳеофанъ—это Корсуновскаго, который во Владимірѣ, будучи тѣмъ же письмоводителемъ, при Ѳеофанѣ, до того проворовался, что Синодъ предписалъ удалить его отъ должности, да и самъ Ѳеофанъ устыдился долѣе держаться на владимірской каѳедрѣ и, прослуживъ тамъ всего не болѣе двухъ лѣтъ, самъ наконецъ испросилъ себѣ увольненіе на покой въ Тамбовскую Вышинскую пустынь, гдѣ и пребывалъ, отрѣшившись, по обѣту монашества, вполнѣ отъ міра и его прелестей, и отдавшись всецѣло единому Богу. Другой секретарь, Радкевичъ, собравъ всѣ свои нажитыя въ Тамбовѣ денежки, поспѣшилъ самъ въ слѣдъ за Ѳеофаномъ убраться добровольно изъ Тамбова и уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ поступилъ въ монашество, пріютившись какимъ-то путемъ удобнымъ, говорили чрезъ Мо—на, племянника кіевскаго митрополита, при архіерейскомъ домѣ кіевскаго митрополита Арсенія и былъ потомъ архимандритомъ одного изъ кіевскихъ монастырей.

Забавную исторію разсказывали про Радкевича, случившуюся съ нимъ по отъѣздѣ изъ Тамбова. Когда экономомъ архіерейскаго дома былъ А., архимандритъ В. пустыни, любимый Ѳеофаномъ, который выхлопоталъ ему собственно это мѣсто у Синода, Агафоникъ Радкевичъ былъ съ А. въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ: можно ска-

зать—это были два друга, любящіе одинъ другаго братскою любовію. Квартира Радкевича была около Казанскаго монастыря, — домъ свой Радкевичъ, какъ ненужный, давно продалъ, — и оба постоянно навѣщали другъ друга и весело проводили время. А — ю по экономіи монастырской какъ-то оказалось нужнымъ призанять восемь тысячъ рублей. Онъ и обратился къ Радкевичу одолжить ему на короткое время эту сумму. Зналъ онъ конечно, что у друга его всегда есть въ рукахъ и въ шкатулкѣ дома много наличныхъ денегъ, которыя несли къ нему ежедневно и въ консисторіи, и въ домѣ многочисленный людъ—просители. И, повѣривъ другу, Радкевичъ одолжилъ означенною суммою А—я на честное слово. Вскорѣ А—я опредѣлили на В—у, и онъ уѣхалъ туда съ обѣщаніемъ прислать долгъ оттуда. Затѣмъ скоро уволился и Радкевичъ, и поѣхалъ къ своему другу на В—у за должкомъ, а кстати и проститься. Пожилъ у друга немножко, сталъ собираться въ дорогу и завелъ рѣчь о долгѣ. Но А — й серьезно и прехладнокровно осадилъ одними вопросами: какой долгъ? когда я занималъ? какія это деньги? Агафоникъ Радкевичъ посмотрѣлъ на своего друга, молча всталъ, сухо простился и горько заплакалъ, садясь въ свою повозку. Съ такимъ горемъ и въ Кіевъ пріѣхалъ... Третій союзникъ Ле — въ остался на мѣстѣ и жилъ еще нѣсколько лѣтъ тѣмъ же помощникомъ, но уже скорбно, не отъ того, что доходъ сократился, — онъ уже себя обильно обезпечилъ и на сто лѣтъ не прожить,—а напала на него злая болѣзнь желудка, отъ которой онъ ничего не могъ съ аппетитомъ ѣсть и пить, и постоянно его все тошнило и рвало, мучился онъ долго и постоянно, пока не умеръ, обогативъ наслѣдствомъ сестру и брата послѣ своей смерти. О Корсуновскомъ слышно было, что онъ, по увольненіи отъ должности письмоводителя за проступки, отправился въ Петербургъ, пристроился къ канцеляріи Синода сверхъ штата и, послуживъ тамъ нѣсколько времени безъ жалованья, получилъ высшее прежняго мѣсто—прямо попалъ въ секретари, помнится, Волынской или Подольской консисторіи.

Да! свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! Дивное время и дивные нравы. Тріумвиратъ: двое хохловъ и одинъ тамбовскій, преспокойно цѣлыхъ 4—5 лѣтъ эксплоатировали въ свой карманъ Тамбовскую епархію, заправляли и управляли всѣми ея дѣлами по духовенству, брали нагло за все и со всѣхъ въ свой карманъ, связавъ епископа по рукамъ и ногамъ! И все какъ съ гуся вода. Я вначалѣ съ этимъ тріумвиратомъ былъ не много и лично знакомъ, бывалъ у каждаго изъ нихъ иногда, и они бывали иногда, встрѣчались и въ другихъ мѣстахъ. Но пришлось мнѣ разъ имѣть до нихъ дѣло, которое зависѣло отъ ихъ рукъ,—и я, несмотря на знакомство,

ничего у нихъ не успѣлъ съ однѣми сухими руками и словами. Зятю, который женился на моей сестрѣ, я хлопоталъ найти гдѣ-либо священническое мѣсто. Былъ лично за этимъ у епископа Ѳеофана, который обѣщалъ дать, если найдется свободное мѣсто. Затѣмъ подано было ему и письменное прошеніе о мѣстѣ. Но дѣло не двигалось впередъ. Я упрашивалъ и письмоводителя, и секретаря, и его помощника посодѣйствовать дѣлу. Ничего не выходило, все мѣстъ нѣтъ, говорили. Между тѣмъ являлось въ это время не мало свободныхъ мѣстъ, и тріумвиратъ намѣтилъ открывать еще во многихъ приходахъ, и ждалъ только разрѣшенія Синода, куда уже давно представлено. Но всѣ свободныя мѣста были у нихъ на откупѣ и хранились въ тайнѣ. Вижу я, что мое участіе ничего не поможетъ, послалъ отца своего лично къ секретарю на квартиру, попросить самому о мѣстѣ и положить ему прямо на столъ 100 рублей и уйти: такъ, я слышалъ, поступали просители чего-либо у него. Такъ отецъ мой и поступилъ. Секретарь Радкевичъ сначала отказывался отъ денегъ, говоря, что и такъ сдѣлаетъ, помня просьбу сына вашего Виктора Егоровича, но отецъ безъ церемоніи положилъ деньги на столъ и распрощался. Дѣло было лѣтомъ, и окна въ квартирѣ отворены. Отецъ, проходя мимо оконъ, услышалъ голосъ секретаря, державшаго въ рукахъ деньги: „Отецъ благочинный,—мѣсто у меня вамъ есть на примѣтѣ. Только вы ужъ о деньгахъ-то, пожалуйста, ничего не говорите Виктору Егоровичу“.—Хорошо, только вы-то, Агафоникъ Павловичъ, не оставьте безъ милости, отвѣтилъ отецъ. И что жъ? черезъ три—четыре дня самъ Радкевичъ, встрѣтивъ меня на улицѣ, объявляетъ мнѣ, что владыко далъ мѣсто зятю, и радостно поздравляетъ меня съ этимъ. Мѣсто оказалось изъ плохихъ плохое—вѣроятно по цѣнѣ даннаго задатка въ 100 рублей назначено. Изъ него послѣ пришлось переходить, употребивъ на хлопоты тому же секретарю еще не мало денегъ...

Зная по опыту и наблюденіямъ все, что творилось нашимъ тріумвиратомъ, мы, въ семинаріи служащіе, молодые наставники, чрезвычайно этимъ возмущались, вездѣ, гдѣ бывали, объ этихъ консисторскихъ мерзостяхъ распространяли свѣдѣнія и писали въ своихъ письмахъ и въ Петербургъ—знакомымъ, и всюду, куда можно. Въ это время вѣяло духомъ реформъ, и начинались онѣ и въ духовенствѣ—много матеріаловъ, для свободнаго сужденія и бесѣдъ. Мы возмущены особенно были тѣмъ, что повсюду старое зло — крѣпостное—стало стихать и слабѣть, а у насъ консисторское и архіерейское административное зло, какъ нарочно, вопреки свѣту и разуму, свирѣпствовало съ силою большею. Рабство крестьянъ уничтожается. Старые гражданскіе суды и порядки безпорядочные обновляются;

ужели только духовенство, эта соль земли, будетъ все затаптываться въ грязи и останется и въ бѣдности, и въ рабствѣ у владыкъ и разной консисторской клики? Ужели наша администрація, деморализованная, и наши суды духовные безсудные, сутяжные и хищные останутся нетронутыми? Такія раздавались рѣчи изъ среды образованнаго молодаго персонала профессоровъ семинаріи,—рѣчи открытыя, смѣлыя, искреннія, съ воодушевленіемъ отъ новаго свѣтлаго духа обновленія Россіи, протестующія противъ стариннаго закоренѣлаго зла, безпощадно разъѣдавшаго всю духовную администрацію и судебные безпорядочные порядки. Эти протесты, какъ мы замѣчали, пугливо дѣйствовали и на нашихъ тріумвировъ,—и они, въ своемъ безстрашіи, въ сферѣ консисторской и архіерейской, въ свободѣ своихъ злохитрыхъ и злохищныхъ дѣйствій, стали ощущать внутреннее стѣсненіе. Страшна имъ стала распространившаяся о нихъ повсюду худая молва, и чувствовали они, и видѣли себя въ общественномъ мнѣніи, какъ въ зеркалѣ, ужасными страшилищами. Благодѣтельная гласность, о введеніи которой писали и разсуждали—въ суды гражданскіе, и которой болѣе всего враждебна старинная и злая, какъ язва, господствовавшая канцелярская тайна, и тогда еще проявляла свою силу въ нашей даже темнѣйшей административной средѣ, и не давала покоя даже такимъ оголтѣлымъ и съ сожженною совѣстію дѣятелямъ зла, какъ Радкевичъ, Л—въ и Корсуновскій. Злая память о нихъ долго была жива въ тамбовскомъ духовенствѣ. Но слава Богу,—они, кажется, завершили собою послѣдній рядъ чумазыхъ бичей-эксплоататоровъ тамбовскаго духовенства. Духъ новаго времени живительно освѣжать сталъ и ту смрадную атмосферу, и то грязное болото, гдѣ жилось имъ такъ вольготно и привольно, какъ имъ жилось во все время управленія Тамбовскою епархіею епископа Өеофана...

Въ 1863 году поступилъ въ Тамбовъ епископомъ Өеодосій, прямо изъ ректоровъ Воронежской семинаріи. Онъ оказался пастыремъ добрымъ, „душу свою полагающимъ за овцы, радѣтелемъ ввѣреннаго ему стада, не только не бѣгающимъ отъ грядущаго волка, готоваго расхитить стадо, но идущаго всегда ему навстрѣчу смѣло, чтобы отогнать его и защитить отъ него своихъ овецъ". Человѣкъ онъ былъ невысокаго ума и учености, но обладалъ хорошимъ, здравымъ смысломъ и искренне-добрымъ сердцемъ, и отличался практическимъ направленіемъ своего характера. Велъ образъ жизни простой, скромный, безъ всякихъ сибаритскихъ прихотей, скромно и благоговѣйно служилъ онъ въ храмѣ—и это служеніе его благоговѣйно дѣйствовало на всѣхъ своею величественною простотою небеснаго характера. Попросту и безъ затѣй тщеславныхъ жилъ онъ

и дома, и доступенъ былъ для всякаго во всякое время. Дѣлами по управленію любилъ заниматься самъ непосредственно и знать ихъ не изъ чужихъ устъ и рѣчей. Поэтому у него никакъ не могли быть въ силѣ никакіе секретари и письмоводители. Отъ скромнаго и дѣятельнаго образа его жизни все около него и даже бродящая консисторія стала поскромнѣе и подѣльнѣе. При немъ, и по его ходатайству, опредѣленъ секретаремъ консисторіи Павелъ Ивановичъ Остроумовъ; поступивъ въ консисторію, онъ повелъ себя весьма благоразумно и былъ секретаремъ, особенно въ сравненіи со всѣми предшественниками, превосходнымъ, добросовѣстнымъ и благонамѣреннымъ. Поступивъ уже на старости въ секретари и привыкнувъ довольствоваться скромнымъ содержаніемъ семинарскимъ, онъ доволенъ былъ, какъ богатствомъ, и тѣмъ, что шло ему отъ консисторскаго секретарскаго положенія, само собою, по издавна заведенному порядку, въ помощь скудному жалованью отъ казны. Тогда оплачивалась всякая бумага, всякій документъ и книги, получаемыя отъ консисторіи, плата шла въ львиной долѣ секретарю, плата шла ежегодно отъ благочинныхъ, при отчетахъ, отъ монастырей и ихъ настоятелей и настоятельницъ, которые, т. е. монастыри, служили постояннымъ и обильнымъ источникомъ денежнаго и вещеваго дохода. Со всего этого припаса секретарь свободно, безгрѣшно, какъ говорятъ, могъ получать въ годъ 3—4 тысячи, безъ всякой прижимки и чего-либо похожаго, словомъ, благородно и честно. Такъ благородно и честно въ консисторскомъ смыслѣ и повелъ себя Павелъ Ивановичъ Остроумовъ и старался въ этомъ смыслѣ облагородить и подначальную ему канцелярію—писцовъ съ столоначальниками. Да если бы и захотѣлось ему свой небольшой семинарскій пушокъ на рыльцѣ пустить въ большой ростъ, по соблазнительнымъ примѣрамъ своихъ предшественниковъ, наживавшихъ въ десяткахъ тысячъ капиталы, то въ обстоятельствахъ современныхъ не было уже удобной для этого почвы, и епископъ Ѳеодосій былъ великою преградою для возрастанія и обрастанія всякихъ пушковъ на секретарскихъ и не секретарскихъ рыльцахъ.

При епископѣ Ѳеодосіи мнѣ открылась возможность, состоя на профессорской службѣ, поступить во священника, при приходской Покровской церкви г. Тамбова. Послѣ многихъ своихъ попытокъ найти себѣ мѣсто, болѣе достаточное для жизни, гдѣ-либо внѣ Тамбова, и неудачъ въ этомъ, я наконецъ убѣдился въ путяхъ Промысла Божія, судившаго мнѣ послужить своей именно родинѣ, куда я разъ уже и перешелъ изъ Пензы. Но я еще не былъ женатъ, и этотъ трудный вопросъ предстояло мнѣ рѣшать скоро, такъ какъ Ѳеодосій мѣсто мнѣ назначилъ къ занятію, и оно было никѣмъ не

занято. Господь невидимою рукою указалъ мнѣ эту невѣсту, не въ своей средѣ, гдѣ ихъ было не мало, но въ свѣтской сиротѣ, жившей съ своею матерью на деньги, доставшіяся отъ предковъ. Мать и дочь вели жизнь скромную, трудолюбивую и богобоязненную, и жили въ чистотѣ и опрятности, аккуратно, на приличной квартирѣ, въ достаткѣ, ни въ чемъ не нуждаясь. Невѣста была хорошо воспитана строгою матерью и училась наукамъ дома и въ пансіонѣ. Два брата ея учились въ университетѣ, и одинъ поступилъ въ медики, въ Москвѣ. Случилось съ ней встрѣтиться и нѣсколько разъ быть въ домѣ, гдѣ она бывала въ гостяхъ, сблизиться затѣмъ такъ, что она охотно за меня готова была выйти замужъ, и я охотно готовъ былъ на ней жениться. Симпатія любви живо зародилася и скоро заставила войти въ брачный союзъ. Ей было 20 лѣтъ, мнѣ 30 съ наростомъ; за ней было небольшое приданое—и деньгами, и всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, мнѣ предстояло получать достаточныя средства содержанія для семейнаго положенія—отъ священническаго мѣста и отъ семинаріи. Въ придачу къ невѣстѣ я получилъ и тещу. Хоть тещи и непріятная коммиссія для зятей и иронизируетъ надъ ними даже литература, и въ обществѣ онѣ не цѣнятся дорого, но у меня теща иронизируемыхъ общественныхъ свойствъ не имѣла. Когда я женился и мы трое стали жить вмѣстѣ, она полезна стала въ хозяйствѣ нашемъ,—за всѣмъ слѣдила и все берегла отъ вороватой прислуги, со всею зоркостью и днемъ, и ночью. Жена по матери сдѣлалась тоже бережливою и разсчетливою хозяйкою, а отъ нихъ бережливостью, заразился и я, и у насъ такою одною бережливостью составились средства состроить себѣ большой и удобный домъ, въ которомъ теперь, по милости Божіей, въ довольствѣ и живемъ. Сдѣлавшись приходскимъ священникомъ, я занялся требоисправленіемъ, которое было для меня очень обременительно, особенно потому, что къ Покровской церкви причислены были, въ двухъ верстахъ отъ Тамбова расположенные, такъ называемые, Покровскіе выселки, въ которыхъ жили крестьяне-хлѣбопашцы. Они одолѣвали меня частыми тасканіями къ нимъ безвременно, причащать больныхъ, и ѣхать къ нимъ на ихъ тощихъ лошаденкахъ въ деревенской телѣгѣ или саняхъ въ непогоду; да и въ городѣ много было бѣдноты въ самыхъ захолустныхъ и грязныхъ мѣстахъ по окраинамъ города; по ихъ хижинамъ приходилось ходить пѣшкомъ въ грязь и непогоду. Въ это время я опытно узналъ, какъ тяжела жизнь приходскаго священника въ томъ отношеніи, что своимъ служеніемъ, и въ храмѣ, и по исправленію требъ по приходу, приходится думать о получкѣ за это платы изъ рукъ того, для кого совершаешь службу, ибо все содержаніе священника зависитъ отъ того, дадутъ ли ему и сколько,

или ничего не дадутъ за его священнослуженіе; и можетъ случиться и большой недостатокъ въ его средствахъ отъ случайности платежнаго количества. И какъ тяжело полученіе это въ нравственномъ отношеніи! Особенно нравственно горько приходилось ходить по домамъ въ праздники подъ видомъ славленія Христа и освященія домовъ святою водой, собирать деньги для пропитанія. Къ церкви Покровской принадлежатъ много домовъ дворянъ и чиновниковъ, знатные изъ нихъ, бывало, не принимаютъ, отказывая „дома нѣтъ", или высылаютъ деньги, не пуская въ домъ. Какъ попрошайкамъ ходить такъ—ужасно.

Въ это время рѣшался вопросъ объ улучшеніи быта духовенства. Въ литературѣ, особенно духовной, разсуждали и настойчиво заявляли, что все духовенство непремѣнно нужно освободить отъ унизительной для него платы за требоисправленія, которую онъ получалъ поручно, какъ подаяніе; указывалось много способовъ устроить это такъ, чтобы духовенство имѣло опредѣленное годовое содержаніе въ количествѣ и качествѣ, получаемое изъ опредѣленнаго источника и не зависящее отъ случайностей. Изъ центральнаго комитета въ С.-Петербургѣ объ улучшеніи быта духовенства, подъ предсѣдательствомъ митрополита Исидора, обсужденіе этого дѣла, ближайшее и непосредственное, предварительно отдано было въ епархіи, гдѣ по распоряженію архіереевъ собирались чрезъ благочинныхъ нужныя свѣдѣнія на мѣстѣ; свѣдѣнія эти обсуждались, съ выводами и заключеніями, на мѣстныхъ, въ губерскихъ городахъ, комитетахъ. Комитеты эти изъ мѣстнаго матеріала составляли проекты частные отъ себя, и все со свѣдѣніями отсылалось въ С.-Петербургъ. Въ тамбовскомъ комитетѣ по разбору свѣдѣній объ улучшеніи быта тамбовскаго духовенства, въ числѣ нѣскольких членовъ, состоялъ и я, въ 1866 году. На меня, какъ члена - редактора, и пала вся тяжесть разборки и обработки сыраго матеріала. Одолѣвъ этотъ кропотливый трудъ, я, съ помощью Божіею, составилъ подробную записку, гдѣ проектировано было матеріальное улучшеніе изъ опредѣленно указаннаго источника такъ, чтобы сельскій священникъ получалъ опредѣленнаго ежегоднаго жалованья не менѣе 600 руб., съ оставленіемъ въ его пользованіе церковной земли, и съ обязательствомъ безплатно совершать всѣ необходимыя требы. Записка эта, въ обработанной литературной статьѣ, послѣ отпечатана мною въ „Православномъ обозрѣніи" 1866 года. Время это было горячее, воодушевляло всѣхъ на разговоры, разсужденія и писанія по улучшенію духовнаго быта. Журналы духовные съ жаромъ разрабатывали вопросъ, указывая источники и средства къ успѣшному и практическому его рѣшенію. Особенно радѣлъ объ этомъ вопросѣ, полагая въ немъ всю свою душу,

молодой и новый еженедѣльный журналъ, никогда небывалый въ духовной журналистикѣ, безъ предварительной цензуры, подъ названіемъ: „Церковно-Общественный Вѣстникъ". Этотъ журналъ, свѣтлый, искренній, правдивый, горячо преслѣдовавшій благо россійскаго духовенства, и смѣло указывавшій, и разоблачавшій коренное зло и разныя язвы, изстари разъѣдавшія и подрывавшія все его благосостояніе, оказалъ духовенству неоцѣненную услугу и огромную пользу въ его бытѣ и жизни общественной. Любило его все духовенство читать и зачитывалось имъ; бодрилъ, живилъ и просвѣтлялъ онъ самымъ симпатичнымъ образомъ, особенно сельское духовенство, забитое и приниженное, и мало знающее общественные вопросы и интересы въ ихъ сущности.

Предсѣдатель духовно-учебнаго комитета, протоіерей Іосифъ Васильевичъ Васильевъ, самъ принималъ въ этомъ журналѣ участіе, оказывалъ ему своимъ авторитетомъ нужную поддержку и защиту отъ всѣхъ недоброжелателей. И талантливый редакторъ А. И. Поповицкій, подъ сильною защитою Васильева, котораго любилъ и уважалъ за глубокій умъ и европейскую образованность самъ оберъ-прокуроръ Д. А. Толстой, сумѣлъ какъ нельзя лучше воспользоваться своимъ положеніемъ и со всѣмъ безпристрастіемъ и яркою правдивостью, смѣло и безопасно выяснить всѣ причины униженнаго положенія духовенства, не оставивъ безъ вниманія и тѣхъ, которыя скрывались въ архіереяхъ и прежде всегда замалчивались. Редакторъ смѣло печаталъ всѣ епархіальныя корреспонденціи, въ которыхъ правдиво описывались распоряженія архіереевъ и разныя курьезные поступки съ духовенствомъ, но которые архіереи желали бы держать въ безгласности. Поэтому всѣ архіереи побаивались „Церковно-Общественнаго Вѣстника", и благодаря этому одному, смирнѣе были, но журнала терпѣть не могли, считая его и всѣмъ объявляя зловреднымъ. Но пока живъ былъ знаменитый дѣятель, по вопросу объ улучшеніи быта духовенства, и особенно по заботамъ о преобразованіи способовъ воспитанія и обученія дѣтей духовныхъ, Іосифъ Васильевичъ,—Поповицкій не боялся озлобленія недоброжелателей, и журналъ стоялъ твердо и расходился повсемѣстно въ большомъ количествѣ безпрепятственно. У Васильева онъ служилъ органомъ духовно-учебнаго комитета, по вопросу о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній, въ которомъ печатались и уяснялись улучшенія и распоряженія въ нихъ. Но со смертію Васильева журналъ этотъ скоро забрали въ монашескую цензуру, и сталъ онъ издаваться уже за подписомъ цензора архимандрита Тихона, уже чахлый, и затѣмъ скоро умеръ отъ истощенія.

Въ 1867 году, при Знаменской церкви умеръ протоіерей Бондар-

скій, состоявшій и членомъ консисторіи. Преосвященный Θеодосій предложилъ мнѣ перейти на его мѣсто къ Знаменью, съ занятіемъ и должности члена консисторіи. На это я добровольно согласился, такъ какъ знаменскій приходъ былъ поудобнѣе и подоходнѣе, хоть въ консисторію не желалъ было поступать и сначала отказался, и только убѣжденія и одобренія Θеодосія вселили въ меня рѣшимость. Попробую, сказалъ я себѣ, послужить и въ консисторіи, и опытно узнать, что это за служба. Видѣлъ я, что въ консисторіи и секретарь новый и знакомый по семинарской службѣ, и члены не старинные, прежніе заросшіе консисторскою плѣсенью, а всѣ новые, два изъ академіи, и къ нимъ третій академикъ я. Это успокоило меня, и я вступилъ въ консисторію смѣло, и скоро вошелъ въ свою колею. Въ экспедиціи, которая поручена мнѣ въ завѣдываніе, столоначальникомъ былъ давнишній крючекъ консисторскій, воспитавшійся съ юныхъ лѣтъ въ старой безпардонной школѣ консисторскаго обирательства, Авксентій Розановъ, льстивый плутъ, успѣвшій на своевольной канцелярской службѣ и подслуживаніи нажить большой домъ и изрядный капиталъ. Разъѣзжалъ въ консисторію и по городу на лошадяхъ и жилъ бариномъ. Дѣлами въ столѣ занимался и ихъ обработывалъ, по старой привычкѣ, какъ хотѣлъ по своему вкусу, безконтрольно, и рѣшалъ ихъ самъ по соображенію одной своей выгоды. Писцы были у него покорнѣйшіе рабы, которымъ онъ за работу на него выдавалъ доходную плату, сообразно усердію каждаго въ угожденіе ему, изъ тѣхъ доходовъ, которые текли въ руки столоначальника, по разнымъ дѣламъ и бумагамъ, отъ лицъ, имѣющихъ нужду до консисторіи. Мнѣ, какъ члену и начальнику его, онъ обязанъ былъ докладывать каждую бумагу или дѣло, чтобы по нему постановить и записать въ настольномъ реестрѣ свое рѣшеніе. Прежде онъ не имѣлъ обыкновенія дѣлать обстоятельный докладъ, а диктовалъ члену рѣшеніе, составленное имъ заранѣе, и членъ подъ его диктовку и писалъ. Такъ онъ хотѣлъ по привычкѣ дѣйствовать и у меня, держа меня автоматомъ. Долго я мучился этимъ положеніемъ, какъ новичекъ, не привыкшій обращаться съ подобными наглецами, и деликатно все хотѣлъ въ свое положеніе его поставить, но не успѣвалъ. Мучась его наглымъ присутствіемъ и обращеніемъ со мной, я наконецъ велѣлъ приносить ему въ присутствіе однѣ бумаги, а самому уходить, и сталъ прочитывать ихъ самъ и соображать, что нужно по нимъ сдѣлать, и затѣмъ записывалъ свое рѣшеніе въ книгу. Дѣло это шло у меня по непривычкѣ медленно, и я поэтому часто бралъ дѣла на домъ и разбиралъ ихъ вечеромъ. Трудно мнѣ было, но зато легко чувствовалось въ независимости отъ опаснаго столоначальника, который легко могъ подвести члена, изъ своихъ

выгодъ. Но, слава Богу, этого столоначальника случай благопріятный изъ консисторіи убралъ и безъ хлопотъ. Въ 1868 году вышли новые штаты для консисторій—нѣкотораго рода улучшеніе,—по штатамъ нужно сдѣлать сокращеніе классныхъ чиновниковъ, а оставшимся въ штатѣ увеличено жалованье. Положено было быть 4-мъ членамъ въ присутствіи консисторіи съ жалованьемъ въ 500 руб. каждому. Въ это сокращеніе епископъ Θеодосій и постарался очистить консисторію отъ всѣхъ злыхъ остатковъ темной канцелярской старины; въ ихъ числѣ и попалъ, къ моему спокойствію, и мучившій меня Розановъ. Увеличеніе средствъ консисторскимъ чиновникамъ дало возможность имѣть ихъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи и новыхъ, не пробовавшихъ еще закваски консисторской. Была надежда облагородить и обновить канцелярію. И служить члену являлась возможность дѣятельно и удобно, безъ препятствій, тѣмъ болѣе, что членъ обезпечивался порядочнымъ жалованьемъ въ 500 руб. Такъ сложилась моя служба въ Тамбовѣ. Былъ я приходскимъ священникомъ и членомъ консисторіи, и состоялъ при этомъ профессоромъ семинаріи, гдѣ въ то же время занималъ и должность помощника инспектора. Занятій было много и хлопотъ довольно, но въ средствахъ я отъ этихъ должностей былъ вполнѣ обезпеченъ и, не имѣя дѣтей, обстроивался свободно на осѣдломъ мѣстѣ и обросталъ средствами въ достаткѣ.

Дѣятельность приходскаго священника, впрочемъ, меня сильно тяготила,—и нравственно чрезъ поручное полученіе платы за каждое священнослуженіе, и внѣшне отъ временныхъ и безвременныхъ скитаній по приходу въ непогоду. Случилось оттого сильно заболѣть и проболѣть долго и серьезно, съ опасностью жизни. Послѣ болѣзни, хоть и вылѣчился, но остался на цѣлую жизнь слабымъ, послѣдствія болѣзни,—плеврита, оставили на мнѣ свои неизгладимые слѣды, требовавшіе болѣе спокойной, осторожной и строго-умѣренной жизни и дѣятельности. Приходская дѣятельность стала для меня невозможна, потому что разстраивала мои слабыя силы и грозила худшимъ. И вотъ, когда открылось мѣсто при Александринскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, и преосвященный Θеодосій предложилъ занять его мнѣ,—я перешелъ изъ Знаменской церкви въ институтъ въ 1869 году, занявъ должность священника при институтской церкви и законоучителя. Членомъ консисторіи я остался и при этой новой должности. Но изъ семинаріи, когда въ ней введены были новые штаты, по новому уставу, я черезъ два года вышелъ, прослуживъ въ ней сряду по окончаніи курса академіи 13 лѣтъ. Разставшись съ семинаріею, я очень былъ доволенъ этимъ. Эта неблагодарная служба горько отзывалась въ моемъ сердцѣ. Служи усердно, или кое-какъ,—

одна тебѣ цѣна у начальства,—быть безъ вниманія и поощренія. Во всѣ 13 лѣтъ я не получилъ ни одной награды, не потому, чтобы не заслужилъ, а потому, что былъ только наставникъ. Начальство себя награждало и своихъ монаховъ, а меня и мнѣ подобныхъ и не считало нужнымъ. Однако ректора архимандрита, помнится, наградили Анною 2-й ст. Мы наставники пришли поздравить. И онъ насъ за поздравленіе такъ благодарилъ: „Благодарю васъ, господа, много благодарю,—и желаю вамъ здоровья и всѣхъ васъ поздравляю, вѣдь въ лицѣ моемъ и васъ всѣхъ наградили“. Кажется, это было въ Пензѣ. Такъ насъ и награждали все въ лицѣ другихъ.

Въ институтѣ я встрѣтилъ иную сферу, совсѣмъ не похожую на сферу семинарскую. Все было здѣсь деликатно, тихо, благородно, чисто и опрятно. Эта сфера, послѣ грубой, боевой и шумной семинарщины, подѣйствовала на меня самымъ оживляющимъ образомъ, и слабость моя болѣзненная стала для меня не ощутительна, я душою отдохнулъ. Начальство отнеслось ко мнѣ и всегда относилось вѣжливо, деликатно, съ ласковостью и даже уваженіемъ; воспитанницы всѣ были почтительны, вѣжливы, послушны и услужливы, въ классѣ держали себя тихо, внимательно и съ особымъ усердіемъ учились по преподаваемому мною закону Божію; также вѣжливо и почтительно держали себя внѣ классовъ. Въ храмѣ Божіемъ всѣ держали себя въ такой благоговѣйной тишинѣ и образцовомъ порядкѣ, что служеніе божественное составляло для меня истинную отраду и утѣшеніе. Пѣли въ храмѣ пѣвчія—изъ воспитанницъ, прекрасно обученныя хоровому церковному пѣнію, голосами нѣжными, гармоническими и обработанными искусствомъ. Такъ это продолжается и доселѣ въ неизмѣнномъ строѣ и порядкѣ, и подъ такимъ вѣяніемъ отрадной атмосферы служу я въ институтѣ благопріятно и благополучно сряду теперь двадцать третій годъ.

Освободившись отъ тяжелой службы приходскаго священника и отъ неблагодарной службы семинарской, и состоя на одной тихой и спокойной въ внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи службѣ въ институтѣ, при вполнѣ достаточномъ обезпеченіи отъ него въ матеріальныхъ средствахъ, я могъ свободно и безпрепятственно заняться и по должности въ Тамбовской консисторіи. Освоившись мало-по-малу со всѣми ея порядками и дѣлопроизводствомъ, и ознакомившись со всѣми законоположеніями духовнаго судоустройства, и администраціею по уставу консисторскому и по другимъ сборникамъ распоряженій правительственныхъ, какъ духовныхъ, такъ и по новымъ гражданскимъ законамъ, по уставамъ императора Александра II, только-что изданнымъ, я принялся ревностно за практику консисторскаго члена.

И много положилъ труда на то, чтобы выработать изъ себя члена опытнаго, знающаго свое дѣло основательно, и умѣющаго его дѣлать своими руками и головой, безъ вторженія и вмѣшательства съ своимъ порабощающимъ руководствомъ секретарей и столоначальниковъ. Трудъ, какъ давно извѣстно, все преодолѣваетъ. И я, при помощи Божіей, со временемъ сталъ въ довольно твердое положеніе, при которомъ могъ руководствоваться въ дѣлахъ своего столоначальника, да могъ имѣть вліяніе по дѣламъ и на секретаря, направляя всякое дѣло къ нормальному его ходу и законному исходу. У преосвященнаго Ѳеодосія я находилъ нужную поддержку и руководство. Онъ человѣкъ по дѣламъ управленія былъ добросовѣстный и правдивый, преслѣдовалъ взяточничество, которое по новымъ окладамъ—возвышеннымъ, для секретаря и его канцеляріи, должно было совершенно прекратиться; но въ канцеляріи въѣвшаяся язва старинная была еще въ силѣ, и хоть тайно и боязливо, дѣйствовала по своимъ закоулкамъ. Самъ Ѳеодосій слѣдилъ за всѣмъ, и дѣла консисторскія просматривалъ и разбиралъ внимательно, и отъ членовъ требовалъ дѣятельности зоркой и внимательной. Поэтому при немъ въ консисторіи все шло болѣе или менѣе исправно, и служба дѣятельнаго члена консисторіи была спокойна, солидна и разумно-дѣловаго характера. При всей нелегкости обязанностей члена, я на службѣ консисторской не тяготился,—трудись и дѣлай свое дѣло добросовѣстно, по закону, архіерей это замѣтитъ, и поможетъ въ случившихся препятствіяхъ, и поощритъ. Стало все въ консисторіи устанавливаться въ законную форму и идти, привыкая, по нормальной колеѣ.

По издавна вошедшему обычаю въ нашей высшей церковной администраціи, монахи-архіереи и монахи - не архіереи въ семинаріи не заживаются на своихъ мѣстахъ подолго, а очень часто черезъ самое короткое время мѣняются и передвигаются, кто на высшее, кто на низшее мѣсто, кто на выгодное, кто на менѣе выгодное, кто по видамъ административнымъ переводится изъ отдаленнаго мѣста, напр., Сибири—поближе къ центру Петербургскому, а кто изъ Петербургскаго центра въ отдаленный край Сибири. И на это передвиженіе, постоянно творимое, идетъ, и едва-ли производительно, большая сумма денегъ, особенно по щедро отпускаемымъ деньгамъ для подъемовъ и проѣздовъ на дюжину лошадей архіереямъ. Какъ бы пригодились всѣ эти деньги на вопіющія нужды въ духовномъ вѣдомствѣ! А сколько бываетъ неудобствъ и разстройствъ мѣстныхъ при этой частой смѣнѣ. Одинъ архіерей поработалъ на своей епархіи, завелъ строй и порядокъ, и идетъ дѣло благоустройства въ нужномъ складѣ и направленіи. Другой поступившій, не зная мѣстности, ея склада, и не понимая исторически существующаго, все поверты-

ваетъ по-своему, и выходитъ часто путаница, которую новый поступившій берется распутывать, устанавливая свое безъ всякаго знанія мѣстнаго склада и историческаго сложенія порядковъ и обычаевъ. И такъ епархіальная почва распланировывается то такъ, то иначе, и засѣвается то хлѣбомъ, то травой, то заростаетъ бурьяномъ отъ постояннаго передвиженія и смѣны ея оратаевъ.

Это случайное и неустойчивое обстоятельство внезапно и постигло Θеодосія, когда онъ только-что обжился въ епархіи, устроилъ консисторію, и много другаго завелъ хорошаго и полезнаго, и расположился осѣдло жить и болѣе устроять свою епархію, имѣя для этого и опытное знаніе, и знакомство съ мѣстомъ и его историческимъ складомъ, тѣмъ болѣе, что и лѣта его преклонныя располагали его, и внутреннее его настроеніе скромное и неискательное побуждало окончить и дни свои въ Тамбовѣ, къ которому онъ привыкъ. Но нѣтъ,—свыше почему-то распорядились иначе. Прислали указъ быть ему епископомъ вологодскимъ и устюжскимъ, а на мѣстѣ его въ Тамбовѣ быть епископу вологодскому П—ію, и отпустить тому и другому на перекрестный путь и подъемъ приличную сумму. Съ великою скорбію, и даже поплакавъ, принялъ Θеодосій этотъ переводъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ не повышеніе. Не хотѣлось трясти по дорогѣ свои старыя кости и зябнуть на старости въ холодной и пустынной съ болотами и тундрами Вологодской епархіи. „Да, говорилъ онъ своимъ монахамъ приближеннымъ, вотъ и наградили за то, что я устроилъ вашъ монастырь,—ѣлъ самъ щи и кашу, и скопилъ вамъ въ монастырской экономіи десятки тысячъ. Пріѣдетъ другой—молодой, все это у васъ растратитъ на одинъ свой столъ“.

Но онъ не это одно устроилъ; онъ устроилъ и основалъ для духовенства училище для обученія его дочерей, и употребилъ на него своихъ денегъ до двадцати тысячъ, и заботился о немъ какъ родномъ своемъ дѣтищѣ, а отъ духовенства на устройство и содержаніе училища, пока онъ жилъ въ Тамбовѣ, ничего не потребовалъ. Зачѣмъ и по какой причинѣ его смѣнили, никто не зналъ хорошо. Догадывались только, что вѣроятно въ слѣдствіе незадолго бывшей посылки въ Тамбовъ епископа муромскаго Іакова, въ качествѣ слѣдователя по одному скандальному и тайному доносу на игуменію женскаго монастыря, Іаковъ секретно это разслѣдовалъ и зачѣмъ-то изъ Тамбова былъ потомъ въ Саровской пустыни, что-то дознавалъ; а при этомъ, какъ замѣтно было, дѣйствовалъ недоброжелательно по отношенію къ Θеодосію. И Θеодосій имъ въ чемъ-то былъ недоволенъ, и была молва, что Іаковъ разсчитываетъ быть въ Тамбовѣ на мѣстѣ Θеодосія. Какъ бы то ни было, но Іаковское дознаніе имѣло такое послѣдствіе: изъ Синода игуменію велѣно было отъ мѣста удалить въ другой мона-

стырь въ монахини рядовыя; священника Смирнова изъ монастыря взять и дать мѣсто въ церкви приходской, и впредь въ женскіе монастыри вдовыхъ священниковъ не опредѣлять. Іакову Муромскому, какъ онъ ни интриговалъ, въ Тамбовѣ, какъ онъ ни мечталъ, быть епископомъ не пришлось, а остаться все тѣмъ же викарнымъ, и даже впослѣдствіи сойти на покой въ одинъ монастырь въ Москвѣ; вѣроятно, дошли слухи, ходившіе въ Тамбовѣ, до Петербурга о томъ, какъ въ Саровѣ заставилъ себѣ заплатить за свою поѣздку туда порядочную сумму. Этотъ Іаковъ оказался стариннымъ консисторскимъ членомъ. Онъ, будучи только семинарскаго образованія, въ началѣ служилъ діакономъ при одной изъ московскихъ церквей, потомъ священникомъ и по вдовству поступилъ въ монахи, и былъ въ санѣ архимандрита нѣсколько лѣтъ заядлымъ членомъ консисторіи Московской при митр. Филаретѣ.

Такимъ образомъ и лишились мы добраго, скромнаго, умнаго и трудолюбиваго епископа Ѳеодосія, который неохотно поѣхалъ на старости въ суровую Вологду, а изъ Вологды съ охотою и удалью прибылъ къ намъ епископъ Па—ій, еще молодой. Онъ, несмотря на свою молодость, успѣлъ уже наскоро пройти бытъ викарнаго епископства при митрополитѣ петербургскомъ Исидорѣ, затѣмъ былъ епископомъ въ Олонецкѣ; изъ Олонецка переведенъ въ Вологду, а изъ Вологды въ Тамбовъ, и тутъ оставался осѣдлымъ только три года. Изъ Тамбова перешелъ затѣмъ въ Рязань, далѣе въ Казань, а потомъ въ Тифлисъ. Къ такому быстрому перемѣщенію съ одного мѣста на другое, какъ по лѣстницѣ вверхъ, побуждало Па—дія его неугомонное искательство вслѣдствіе внутренняго его честолюбія, все большаго и лучшаго, и это ему удивительно легко удавалось. Изъ всѣхъ архіереевъ, какихъ я знаю въ своей современности, это удачникъ первой масти. Онъ прозорливо усматривалъ скорѣе всякаго всѣ моменты и шансы, способствовавшіе карьерѣ, ловилъ ихъ во̀-время и ловко ухитрялся поворачивать ихъ въ свою пользу. Еще будучи въ Нижнемъ-Новгородѣ, профессоромъ и священникомъ, онъ съумѣлъ приблизиться къ тамошнему епископу Нектарію, который былъ извѣстенъ въ С.-Петербургѣ и былъ тамъ вліятеленъ, состоялъ даже въ Св. Синодѣ присутствующимъ. Нектарій избралъ его даже въ свои ключари и сдѣлалъ своимъ домашнимъ компаніономъ; по вдовствѣ расположилъ его идти въ монахи, и открылъ удобный путь къ славѣ и почестямъ, чего жаждала душа Па—дія. Затѣмъ посодѣйствовалъ ему перейти въ Петербургъ и сдѣлаться ректоромъ Петербургской семинаріи. Здѣсь, по свойственной своей льстивости предъ вліятельными людьми, и всевозможной угодливости имъ со всею зоркою предупредительностію, онъ съумѣлъ войти въ особое благоволеніе у ми-

трополита Исидора, какъ непосредственнаго своего начальника, который скоро и сдѣлалъ его своимъ викаріемъ, поставивъ во епископа. Въ должности митрополичьяго викарія Па—дій постарался такъ твердо укрѣпить за собою исидоровское благоволеніе, что оно съ тѣхъ поръ никогда не оставляло его и съ силою дѣйствуетъ во всѣхъ путяхъ его жизни и доселѣ... Это обстоятельство и было причиною того, что Па—дій, изъ молодыхъ ранній, опередилъ многихъ старшихъ по лѣстницѣ карьеры, леталъ такъ быстро съ каѳедры на каѳедру, все повышаясь, отъ епископа до архіепископа, отъ архіепископа до экзарха съ однимъ шагомъ до митрополита, и все украшаясь крестами и орденами. Говорятъ, что онъ теперь [1]) всѣ дипломатическія мѣры употребляетъ къ тому, чтобы, помимо старшихъ и болѣе достойныхъ, не въ примѣръ другимъ, занять мѣсто митрополита, ожидаемое быть вакантнымъ, въ виду глубокой старости какъ Исидора, такъ и кіевскаго Платона. Этимъ объясняютъ его лѣтнія поѣздки въ Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ, изъ отдаленнаго своего края. Но будущее извѣстно Богу; и я возвращусь къ прошедшему тамбовскому, что я видѣлъ и знаю по опыту своему.

Пріѣхавъ изъ Вологды въ Тамбовъ, Па—дій, при первомъ представленіи ему тамбовскаго духовенства городскаго, съ особою настойчивостію убѣждалъ его, чтобы жить съ нимъ мирно и жалобъ на него въ Синодъ отнюдь не подавать. Пусть недовольные идутъ ко мнѣ прямо, и я буду стараться уладить дѣло полюбовно, безъ Синода. Когда консисторія представила ему на принятое отъ предшественника его имущество актъ, онъ отнесся къ нему съ грознымъ недовѣріемъ и нарядилъ особую коммиссію для повѣрки всего имущества монастырскаго и архіерейскаго дома, и коммиссія удовлетворила его, нашедши все въ исправности. Долго занимался онъ выборомъ себѣ новаго протодіакона поголосистѣе и новаго ключаря. Послѣ тщетныхъ исканій на сторонѣ, въ протодіаконы онъ взялъ изъ архіерейскаго хора перваго баса-солиста діакона Ле—ва, который составлялъ украшеніе хора и приспособленъ былъ искусно именно къ хоровому пѣнію, и долго въ хорѣ находился. Всѣ въ публикѣ объ этомъ жалѣли, да и діаконъ Ле—въ нехорошо себя чувствовалъ—неловко и тяжело, принужденный свободный—хоровой и музыкальный свой голосъ ломать и неестественно расширять и возвышать, чтобы поэффектнѣе выкрикнуть, съ потрясеніемъ сводовъ церковныхъ, протодіаконскіе возгласы, особенно „Господина нашего“ къ удовольствію владыки; и впослѣдствіи современемъ этимъ надувательскимъ крикомъ искалѣчилъ себя до того, что теперь больной и разбитый. Еще далѣе

---

[1]) Уже скончался.

искалъ себѣ подходящаго ключаря. Ключарь, который служилъ при Ѳеодосіи, былъ человѣкъ солидный, держалъ себя съ подобающимъ достоинствомъ безъ приниженности рабской и угодливости льстивой, и уже почтенныхъ лѣтъ. Этими достойными качествами и не понравился онъ Па—дію. Не находя за нимъ ничего такого, за что бы прямо можно было его отставить, онъ сталъ сторонкой и постепенно его—то тѣмъ, то другимъ—донимать, и если не мытьемъ, такъ катаньемъ довелъ таки до того, что ключарь заболѣлъ и, не отказываясь отъ ключарства, сталъ проситься отъ занимаемой имъ еще должности въ попечительствѣ по слабости. Па—дій этимъ и воспользовался, и написалъ на его прошеніи дипломатически: „по тяжкой болѣзни ключаря, уволить его, согласно прошенію, отъ попечительства и отъ ключарства". Болѣзнь не была тяжкая, и онъ скоро поправился и занималъ протоіерейское мѣсто въ соборѣ. Но мѣсто ключаря стало свободно и ждало достойнаго кандидата. Въ Тамбовѣ достойныхъ не нашлось. Иные не нравились, иные и нравились владыкѣ, но не шли сами въ ключари, видя, чего желаетъ въ ключарѣ себѣ Па—дій, и не находя въ своей совѣсти никакихъ къ тому побужденій. Нужно было искать на сторонѣ. Во время своихъ поѣздокъ по епархіи пришлось ему быть въ глухомъ—захолустномъ городкѣ—Борисоглѣбскѣ. Тамъ прозябалъ на должности соборнаго протоіерея нѣкто Петръ Ак—новъ, поступившій прямо съ парты, по окончаніи курса Казанской академіи, со взятіемъ внучки своего предмѣстника, который и уступилъ ему мѣсто ради внучки, а самъ по старости—въ заштатъ. Этотъ-то ничего не видавшій и не знавшій молодой протоіерей, по неопытности своей благоговѣвшій до идолопоклонства предъ архіереями, и остановилъ на себѣ вниманіе Па—дія,—онъ сразу замѣтилъ въ немъ все нужное и желательное ему для ключаря,—„рыбакъ рыбака видитъ издалека", и „звѣрь на ловца бѣжитъ". Когда Па—дій объявилъ ему о своемъ желаніи сдѣлать его своимъ ключаремъ, въ Ак—новѣ явилась сначала полная готовность, и онъ почувствовалъ въ себѣ пробужденіе всѣхъ инстинктовъ къ устроенію лучшей карьеры. Но послѣ поразмысливъ, встрѣтилъ много препятствій: во-первыхъ, то, что жена его, родившаяся и воспитавшаяся въ Борисоглѣбскѣ, никакъ не хотѣла въ Тамбовъ; во-вторыхъ, мѣсто соборное въ Борисоглѣбскѣ было очень доходное—давало 3 тысячи ежегодно, отъ добра добра не ищутъ; въ третьихъ, и родство все въ Борисоглѣбскѣ; оно и не тянуло его въ Тамбовъ. Несмотря однакожъ на все это, Па—дій умѣлъ чѣмъ-то обольстить Ак—нова, и онъ охотно ушелъ въ ключари, презрѣвъ всѣ препятствія, даже мольбы и слезы жены — не уѣзжать въ Тамбовъ, и равнодушно перенесъ даже послѣдовавшую отъ того смерть своей жены, но ключаремъ сдѣлался и постарался

всѣми трудами и усиліями быть Па—дію вполнѣ подходящимъ, и служилъ ему на удивленіе всего міра тамбовскаго и духовнаго, и не духовнаго, служилъ всею душою и тѣломъ, до забвенія совѣсти и Бога, служилъ, какъ своему божеству. Конечно, тутъ много имѣло силы то, что чрезъ рабское служеніе такому владыкѣ, каковъ Палладій, ключарь пріобрѣталъ себѣ все внѣшнее значеніе и вліяніе въ мірѣ духовномъ, и обильно текли въ его карманы денежныя струйки изъ разныхъ хлябей сферы земной. Но при этой внѣшней выгодѣ пришлось искалѣчить себя нравственно и лишиться истинной чести и достоинства, ставъ предметомъ глумленій и поруганій въ обществѣ; что̀ и случилось впослѣдствіи отъ долговременной его практики въ своемъ направленіи при послѣдующихъ владыкахъ, за которыхъ онъ научился всегда цѣпко держаться и извлекать свою выгоду, несмотря на неодинаковые ихъ нравы. При Па—діи впрочемъ ключарь учился какъ въ школѣ, ключарскому искусству у самого Па—дія, бывшаго въ свое время не мало времени ключаремъ, и чрезъ это открывшаго себѣ путь на широкое поле жизни. И при такомъ опытномъ учителѣ скоро усвоилъ всю нужную премудрость. Па—дій затѣмъ опредѣлилъ своего ключаря и въ члены консисторіи, гдѣ онъ оказался смѣлымъ нарушителемъ порядка и законности, безъ боязни отвѣтственности. Прежній ключарь не состоялъ членомъ консисторіи. Избравшій его епископъ Макарій былъ такого мнѣнія, что ключарямъ никакъ не слѣдуетъ быть въ консисторіи и некогда имъ заниматься консисторскими дѣлами, какъ людямъ разъѣзднымъ и разсыльнымъ по порученіямъ и распоряженіямъ архіерея, и во избѣжаніе разныхъ злоупотребленій и нарушеній нормальности; поэтому и установилось было въ нашей консисторіи благодѣтельное правило—не пускать ключарей въ консисторскіе члены, и продолжалось оно съ очевидною для всѣхъ пользою долгое время, при трехъ архіереяхъ, какъ мудрый завѣтъ великаго святителя русской церкви митрополита московскаго Макарія. Но Па—дій съ одного маху уничтожилъ это благодѣяніе, и пошло съ тѣхъ поръ свободно гулять въ консисторіи ключарское злодѣяніе. Съ поступленіемъ ключаря Ак—ва спокойное и солидное положеніе членовъ консисторіи стало переходить въ тревожное и шатающееся. Обычнаго независимаго и свободнаго обсужденія дѣлъ уже не могло быть. Ключарь становился всѣмъ поперекъ горла и своимъ вліяніемъ у архіерея забиралъ преобладаніе, пользуясь тѣмъ достигать своихъ личныхъ выгодъ. Онъ почасту бѣгалъ изъ консисторіи къ архіерею и шпіонилъ ему все, что считалъ нужнымъ для своихъ цѣлей по разнымъ дѣламъ, и беззастѣнчиво бралъ взятки, обѣщаясь въ консисторіи и у владыки провесть дѣло въ пользу своихъ ухлебителей. Вотъ тутъ-то и началась у меня борьба съ этимъ ключаремъ консисторіи;

борьба эта неослабно продолжалась при Па—діи и другихъ двухъ его преемникахъ и стоила мнѣ много трудовъ, чтобы не давать ходу въ своихъ взяточныхъ замашкахъ, или сократить хоть немного нашего зарвавшагося эксплоататора. Много унесла у меня эта борьба силъ и здоровья, пока стихійная сила не выдвинула меня совсѣмъ изъ консисторіи.

Па—дій въ свое трехлѣтнее пребываніе въ Тамбовѣ не сдѣлалъ ровно ничего жизненнаго и плодотворнаго для епархіи. Любилъ онъ по ней съ помпою, пышно и величественно разъѣзжать для своего развлеченія, а не обозрѣнія. И излюбленный ключарь впереди его вездѣ будировалъ духовенство и народъ устроять ему покудрявѣе встрѣчи при въѣздахъ въ села и входахъ въ церкви. Онъ первый завелъ, — прежде не было и дѣло велось просто, съ апостольскою скромностію,—чтобы изъ церквей вездѣ духовенство выходило къ нему навстрѣчу, въ церковномъ облаченіи и съ множествомъ иконъ и хоругвей, и ждало заранѣе его пріѣзда на площади церковной. Въ поѣздкахъ всегда сопровождала его огромная свита съ пѣвческимъ полнымъ хоромъ, иподіаконами и протодіакономъ. Память о себѣ оставилъ въ Тамбовѣ однѣми постройками, да и то совершенно не нужными и обременившими многихъ понапрасну. Такъ онъ, не довольствуясь давнишнимъ стариннымъ архіерейскимъ домомъ, въ которомъ находили весьма достаточное, покойное и просторное до излишества помѣщеніе всѣ его предшественники, задумалъ, во что бы то ни стало, надстроить на немъ такое же помѣщеніе повыше и ни мало не медля началъ широкую и дорогую постройку каменную. Средства же денежныя велѣлъ собирать по епархіи, и особенно изъ сундуковъ монастырскихъ. И выстроилъ такъ, что на прежнемъ архіерейскомъ домѣ большомъ явился другой домъ, еще большій и помѣстительный, сообщенный съ нижнимъ внутренними ходами и вверхъ и внизъ, и сталъ такимъ образомъ архіерейскій домъ истымъ лабиринтомъ съ несчетнымъ числомъ комнатъ для жилья единаго владыки-монаха. Зачѣмъ и для какихъ цѣлесообразностей совершилось это столпотвореніе,—доселѣ покрыто мракомъ неизвѣстности. Только архіерею нуженъ въ немъ одинъ уголокъ, гдѣ онъ и находитъ уютный покой, а все прочее, какъ пустыня пространная и великая, доселѣ необитаема. А сколько капиталу, труда понапрасну положено — говорили болѣе 100 тысячъ, со всею внутреннею дорогою и роскошною отдѣлкою,—и какія бы вопіющія нужды въ духовенствѣ могъ покрыть этотъ капиталъ,—великаго сожалѣнія достойно! Другое построеніе—тоже затѣянное безъ всякой нужды,—это распространеніе Предтеченской церкви въ монастырѣ. Церковь была достаточно просторная и безъ расширенія занимала много мѣста въ саду монастырскомъ; слу-

жила съ давнишнихъ временъ всегда просторнымъ помѣщеніемъ. Захотѣлось пристроить новый алтарь, удлинивъ на востокъ, и расширить съ боковъ. Чрезъ это опустошено много сада и утѣсненъ просторъ въ немъ. Капиталу употреблено не менѣе дома архіерейскаго. Такъ все время свое въ Тамбовѣ Па—дій и провелъ въ постройкахъ и сборахъ на нихъ съ монастырей, церквей и обывателей денегъ; такъ и уѣхалъ въ Рязань, не достроивъ все задуманное, и оставилъ на монастырѣ много долговъ. Любилъ онъ и пожить въ Тамбовѣ въ свое удовольствіе. Поваръ у него былъ широкой руки, и столъ готовился изысканный и обильный, доставались живыя стерляди и осетры, и подавались лучшія вина, съ шампанскимъ Редереръ. При немъ жилъ родной его братъ іеромонахъ Поликарпъ, котораго поставилъ въ архимандриты, да еще два сына. Весь столъ и все содержаніе оплачивалось на братскій монастырскій счетъ. И все скопленное скромнымъ Ѳеодосіемъ ушло на это благоутробіе.

Недаромъ Ѳеодосій, когда собирался уѣзжать изъ Тамбова, съ сожалѣніемъ и какъ-бы пророчески говорилъ, что вотъ онъ ѣлъ все время щи и кашу по-монашески и постарался скопить на нужды монастырскія порядочный капиталецъ,—экономической суммы монастырской накопилось въ это время болѣе 20 тысячъ, а другой на его мѣстѣ все это въ разъ проживетъ. Дѣйствительно, мало того, что эта сумма была проѣдена, но Па—й, уѣзжая, оставилъ отъ себя неоплаченными много счетовъ по разнымъ колоніальнымъ, съѣстнымъ, виннымъ, закусочнымъ лавкамъ; въ счетахъ этихъ значилось на большія сумму изысканные и дорогіе предметы потребленія, какъ наприм., рейнвейны, токайское, венгерское, клико, зернистая икра, балыки, стерлядь и осетеръ, рябчики даже, и разные фрукты. И все это на тысячи оплатилъ послѣ монастырь... Изъ сборовъ Па—емъ денегъ на постройки припоминается мнѣ живой разсказъ, лично мнѣ изложенный настоятелемъ Санаксарскаго монастыря Иларіемъ, во время бытности его у меня въ домѣ—онъ былъ мнѣ издавна близко знакомый. Во время одной поѣздки по епархіи Па—й со всею своею богохранимою огромною свитою остановился въ Санаксарскомъ монастырѣ; всѣ ѣли, пили и отдыхали тутъ нѣсколько дней. Передъ отъѣздомъ, послѣ обильнаго прощальнаго угощенія преосвященный, говоритъ Иларій, „беретъ меня за руки и дружески идетъ со мной въ мой кабинетъ; усаживаетъ вмѣстѣ съ собой на диванъ и заводитъ рѣчь о наличныхъ теперешнихъ суммахъ монастырскихъ въ экономіи. Я изложилъ ему всѣ средства монастырскаго содержанія, указывая на то, что нашъ монастырь нуждается и только сборомъ по книжкамъ и восполняетъ недостатки. При этомъ откровенно и сказалъ что теперь у насъ деньгами есть пять тысячъ руб., и это пойдетъ на

содержаніе. Сколько же ты можешь пожертвовать мнѣ на постройки? Сотенку—другую, пожалуй, можно, говорю въ отвѣтъ. Нѣтъ, говоритъ, владыка, тутъ не сотнями, а тысячами надо. И подумавъ, и помолчавъ нѣсколько, сказалъ: Вотъ что, отецъ Иларій,—пять тысячъ ты отдавай всѣ; а я тебѣ разрѣшу рубить свой монастырскій лѣсъ, сколько хочешь, продавай его и выручишь поболѣе пяти тысячъ. Да вѣдь законъ запрещаетъ такъ рубить лѣса монастырскіе. Ну какой законъ? Войди ко мнѣ съ представленіемъ о нуждахъ монастырскихъ; консисторія тебѣ дастъ указъ—и вырубай свободно, не боясь..." „Такъ, дружокъ мой, заключилъ грустно свой разсказъ о. Иларій, истинно благочестивый и богобоязненный старецъ, всѣ пять тысячъ—послѣдніе достатки монастырскіе—и отдалъ П—ію,—что подѣлаешь?" А Санаксарскій монастырь самый бѣдный въ епархіи Тамбовской. Когда Па—ій уѣхалъ, не заплативъ сдѣланные имъ долги, многіе кредиторы перепугались, какъ бы не пропали ихъ деньги; ибо заборы были всѣ на имя Казанскаго монастыря. Ко мнѣ, помнится, въ тревогѣ прибѣгаетъ купецъ Вологинъ, со счетомъ изъ своей лавки—на нѣсколько тысячъ, посовѣтоваться, какъ съ членомъ консисторіи, что ему дѣлать,—вѣдь мы отпускали все въ долгъ и долгъ ради владыки, а ну-ка монастырь откажется. Ну, не откажется, не скоро, и понемногу заплатитъ, успокоивалъ я его. Лавка у него была ковровая, обойная, и со всѣми желѣзными и мѣдными товарами. Разсказывали, что по оставленіи Тамбова и будучи въ Рязани П—дій купилъ гдѣ-то для своихъ сыновей много земли, и что одинъ изъ его сыновей отъ преизобильной жизни, да скоро затѣмъ и другой—замотались. Но насколько слухъ этотъ достовѣренъ, я сказать не могу, не знаю.

Все духовенство тамбовское Палладія не любило за то, особенно, что онъ презрительно и свысока съ нимъ обращался, требуя отъ него раболѣпнаго поклоненія себѣ. При представленіяхъ къ нему въ торжественные дни вмѣстѣ съ свѣтскими духовенство держало себя какъ-то сиротливо и обиженно. Архіерей Па—ій, благословляя свѣтскихъ, любезно и съ умильною физіономіею разговаривалъ, или кидалъ сладкія слова тому или другому, но замѣтивъ подходящаго священника къ его благословенію, моментально, хамелеоновски измѣнялся въ суровую начальническую, самобытную, и смотрѣлъ по верхамъ... Зная нерасположеніе къ нему духовенства, Па—ій опасался холодныхъ и сухихъ проводовъ его изъ Тамбова. Но клевретъ его ключарь, изворотливый на все, выручилъ его изъ смущенія. Какими-то путями пріурочили ко времени отъѣзда Па—ія съѣздъ депутатовъ отъ духовенства для какихъ-то своихъ дѣлъ по епархіи, и въ семинаріи состроили прощальный обѣдъ. Ключарь много хлопоталъ о сборѣ денегъ на стипендію въ честь Па—ія въ семинаріи, но съ духовенства

на это ничего не могли собрать, и Па—ій далъ на это своихъ денегъ 2.000 руб., и стипендія на его деньги и устроилась. Но проводы съ очевидностію для всѣхъ все-таки были внушительные для Па—ія, онъ на всѣхъ видѣлъ и въ глазахъ, словахъ и дѣйствіяхъ читалъ, какъ духовенство съ холоднымъ равнодушіемъ къ нему относится, и чрезвычайно радостно разстается съ нимъ, какъ-бы сбрасывая съ себя какое-то несносно-тяжелое бремя. Я лично, служа членомъ въ консисторіи еще задолго до него и все время при немъ, не пользовался его благоволеніемъ именно за то, что не умѣлъ ему, что называется, „потрафлять" въ его желаніяхъ прихотливыхъ, да и нисколько объ этомъ и не думалъ, занимаясь дѣлами консисторіи не въ угоду архіерею, а по убѣжденію своей совѣсти—дѣлать дѣло для дѣла во благо общее,—говорю это по чистому сердцу, не хвалясь. Онъ зналъ это и относился ко мнѣ сначала съ возможною, по его характеру, долею вниманія, какъ къ члену, въ консисторіи смыслящему и трудящемуся. Нерѣдко призывалъ меня къ себѣ для объясненій по дѣламъ и давалъ порученія смотрѣть въ консисторіи, чтобы дѣла шли исправно и не залеживались. Но при этомъ нерѣдко по инымъ дѣламъ, чѣмъ-либо для него интереснымъ, выражалъ настойчивое желаніе, чтобы я обработалъ ихъ именно такъ, какъ-бы ему хотѣлось, но какъ, по моему убѣжденію и рѣшенію, нельзя было устроить законно. Разумѣется, я не брался за это и отстаивалъ свое мнѣніе и рѣшеніе, чтó ему крайне не нравилось. Помню, одно дѣло было о старостѣ церковномъ въ Усмани—купцѣ богатомъ. Обвиняли его священники въ самовольномъ и безконтрольномъ распоряженіи церковными деньгами. Дознаніе дало достаточно доказательствъ виновности старосты. И по разбору дѣла, надъ которымъ я лично трудился, староста, на законномъ основаніи въ составленномъ мною рѣшеніи, подвергался надлежащей отвѣтственности. Такъ нѣтъ. Требуетъ да и только П—ій отъ меня—передѣлать дѣло и выгородить старосту такъ, чтобы онъ былъ безотвѣтственъ. И я, не соглашаясь на это, только тѣмъ его могъ побѣдить, что рѣшеніе противное, съ выгорожденіемъ старосты по дѣлу виновнаго, и богатаго при томъ купца, наглядно и очевидно всѣмъ докажетъ, что тутъ взяли богатую взятку, и дѣло непремѣнно дойдетъ до Синода, и будетъ и вамъ и намъ не хорошо. Надо замѣтить, что Па—ій у насъ во все свое время уважалъ и ублажалъ богатыхъ купцовъ, и изъ нихъ старостъ церковныхъ особенно, такъ что они взяли такой верхъ въ церквахъ, что не хотѣли и знать настоятелей „что намъ настоятель? мы прямо ко владыкѣ", грозили они причту церковному дерзко и нагло. Боялся Па—ій много и заботливо оберегался жалобъ на него въ Синодъ,—онъ зналъ, что въ Синодѣ хорошо смотрятъ на архіерея, если у него

смирно и не тревожать Синодъ жалобами. Поэтому и духовенство, не успѣвая въ чемъ-либо у него, прибѣгало иногда къ заявленію предъ нимъ, что вынуждено будетъ безпокоить жалобой Синодъ, и часто за это одно получало, въ чемъ отказывалось. Этою слабостію пользовались особенно люди бывалые, смѣлые, сутяжные. Впослѣдствіи, когда Па—ій подыскалъ себѣ въ лицѣ Ак—ова ключаря и члена консисторіи, раболѣпнаго во всемъ угодника, я подпалъ его прямому нерасположенію, и въ консисторіи съ Іудою предателемъ становилось служить все тяжелѣе и тяжелѣе, такъ что я и вышелъ бы изъ консисторіи, еслибы не перевели Па—ія, и не стало за тѣмъ благопріятнаго времени для службы нормальной. Особенно нерасположеніе это укрѣпилось, когда въ консисторію поступилъ проектъ преобразованія духовнаго суда изъ С.-Петербурга, и нужно было составлять мнѣніе о немъ, независимо отъ архіерея и отослать затѣмъ въ С.-Петербургъ. Такой же проектъ особо присланъ и архіерею для своего особаго мнѣнія по нему. Въ консисторіи за составленіе мнѣнія взялся я и поработалъ надъ нимъ долго; мнѣніе съ помощію Божіею составилъ такъ, что оно всѣмъ членамъ и секретарю понравилось, всѣ согласно подъ нимъ подписались и отослали въ С.-Петербургъ, не показавъ и даже ничего не сказавъ о его содержаніи Па—ію, какъ онъ ни желалъ этого. Онъ зналъ, что работалъ надъ нимъ я одинъ, и предугадывалъ, въ какомъ духѣ и смыслѣ оно написано, а можетъ быть и зналъ его содержаніе, такъ какъ мнѣніе переписывалось въ канцеляріи открыто, и долгое время прошло въ перепискѣ до отсылки. Сочувственное отношеніе къ проекту и разныя соображенія, высказанныя по поводу разныхъ его параграфовъ, не въ пользу архіерейскаго управленія, и въ устраненіе безсуднаго стараго суда консисторскаго съ произволомъ архіерейской власти, крайне возмущали Па—ія въ нашемъ мнѣніи, которое онъ скоро получилъ изъ Петербурга въ извлеченіи вмѣстѣ со всѣми и другими мнѣніями. Но обстоятельства преобразованія суда церковнаго произвели вездѣ въ обществѣ и литературѣ большой шумъ и движеніе, какъ дѣло громадной важности, какъ преобразованіе капитальное, отъ котораго и общество и духовенство, и вся россійская церковь ожидали съ нетерпѣніемъ и отрадою вожделѣнныхъ плодовъ. Ждали искорененія того зла, которое глубоко гнѣздилось въ административномъ произволѣ и въ безобразныхъ, извращенныхъ, искалѣченныхъ черною неправдою и взяткою судахъ консисторскихъ; ждали твердой юридической почвы для униженнаго и безправнаго духовенства, почвы, на которой оно отыскало бы свои прирожденныя и пріобрѣтенныя права, могло бы за нихъ крѣпко держаться, чтобы по совѣсти, по закону и ученію Христа и Его церкви, по требованію долга и чести своего

внутренняго достоинства и священнаго сана отправлять всѣ возложенныя на него священныя обязанности съ полною возможностью отражать всѣ злыя препятствія къ тому. Ждали сильнаго, разумнаго и обезпеченнаго всѣми гарантіями правды и справедливости суда, который бы свободно и независимо отъ возможныхъ злыхъ вліяній, со всѣмъ безкорыстіемъ и безпристрастіемъ, оберегалъ бы духовенство отъ всякаго произвола властей, отъ всякихъ правонарушеній, и преслѣдовалъ всякіе проступки и преступленія, полагая соотвѣтственныя наказанія, по разборѣ дѣла въ строго законномъ порядкѣ, гласно, скоро, правдиво и милостиво. Всѣ и во всѣхъ слояхъ русскаго понимающаго дѣло общества сочувствовали этому благодѣтельному предпріятію преобразовать на новыхъ лучшихъ началахъ по слову Божію и духу Христовой церкви церковный судъ, давно уже намозолившій глаза всѣмъ своею черною неправдою въ консисторіяхъ и измотавшій духовенство до изнеможенія. Въ одномъ только властномъ монашествѣ таилось и пока опасно молчало глубокое къ тому нерасположеніе. Но судя по началу этого дѣла, его обстановкѣ и успѣшномъ продолженіи, а особенно по тому, что въ общемъ вопросѣ объ улучшеніи быта духовенства, разрабатываемый повсемѣстно, юридическое его улучшеніе составляетъ неизбѣжное слѣдствіе, какъ важная сущность, все духовенство радовалось и твердо надѣялось, что безсильны будутъ всѣ частныя препятствія недоброжелателей, и вопросъ окончится въ своемъ рѣшеніи благополучно къ общему благу духовенства и всей россійской церкви. Въ виду всего этого и поэтому и я въ этой своей запискѣ, какъ нѣкоторымъ образомъ принимавшій оффиціально личное участіе въ сужденіи объ этомъ вопросѣ, и близко къ сердцу принимавшій все, что его касалось, помогало ему, разработывало его и мѣшало, войду въ историческое изложеніе хода этого дѣла со всею обстоятельностію, какую помню, какъ его современникъ.....

Послѣ преобразованія гражданскаго суда и изданія новыхъ уставовъ въ 1864 году, въ духовномъ вѣдомствѣ возникла мысль о преобразованіи суда духовнаго. Правительство и общество сознавало, что въ обновленной Россіи, при учрежденіи новаго судоустройства и судопроизводства на новыхъ началахъ, оставить судъ духовный въ прежнемъ—устарѣвшемъ и деморализованномъ положеніи, особенно, когда шла вездѣ и въ столицѣ и провинціяхъ горячая и энергическая работа по комитетамъ объ улучшеніи быта духовенства, не было возможности, въ виду крайней дисгармоніи его въ общемъ строѣ новыхъ судебныхъ порядковъ гражданскихъ, и того зла, которое творилось въ немъ подъ прикрытіемъ обветшалыхъ началъ.

И вотъ синодальный оберъ-прокуроръ графъ Д. А. Толстой отъ

23-го мая 1869 года вошелъ въ Св. Синодъ съ предложеніемъ, въ которомъ, выяснивъ всю несостоятельность устава духовныхъ консисторій, по которому производится управленіе и судъ духовный въ россійской церкви, и его несоотвѣтствіе и противорѣчіе судопроизводству и судоустройству по гражданскому вѣдомству, подвергнутымъ коренному преобразованію на совершенно новыхъ началахъ, съ рѣшительною настойчивостію заявлялъ о необходимости „нынѣ же приступить къ преобразованію суда духовнаго, съ тѣмъ, чтобы это преобразованіе было произведено на тѣхъ началахъ, на основаніи совершеннаго преобразованія судопроизводства и судоустройства по гражданскому, военному и морскому вѣдомствамъ, въ такой мѣрѣ, въ какой сіи начала окажутся удобопримѣнимыми къ цѣли и потребностямъ суда духовнаго".

Для исполненія сего важнаго дѣла и для всесторонняго его обсужденія оберъ-прокуроръ полагалъ учредить особый комитетъ изъ нѣскольких ученыхъ и изъ нѣскольких практиковъ, подъ предсѣдательствомъ, по назначенію Св. Синода, одного изъ преосвященныхъ, присутствующихъ въ Синодѣ,—и по разсмотрѣніи Св. Синодомъ основныхъ положеній, кои будутъ составлены комитетомъ, поднести оныя на высочайшее его императорскаго величества утвержденіе. На это предложеніе Св. Синодъ выразилъ полное свое согласіе и въ опредѣленіи своемъ заключилъ:

„Раздѣляя вполнѣ предложеніе господина синодальнаго оберъ-прокурора о необходимости преобразованія всей судебной части по духовному вѣдомству, Св. Синодъ опредѣляетъ: 1) предоставить господину синодальному оберъ-прокурору испросить высочайшее его императорскаго величества соизволеніе на учрежденіе при Св. Синодѣ, предсѣдательствомъ присутствующаго въ ономъ преосвященнаго Макарія, архіепископа литовскаго, особаго комитета изъ опытныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ вѣдомства православнаго исповѣданія, министерства народнаго просвѣщенія, министерства юстиціи и 2-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, для изготовленія и внесенія затѣмъ на обсужденіе Св. Синода основныхъ положеній преобразованія судебной части по духовному вѣдомству, сообразно тѣмъ началамъ, на основаніи которыхъ совершено преобразованіе судоустройства и судопроизводства по гражданскому, военному и морскому вѣдомствамъ, по примѣненія сихъ началъ, насколько это окажется полезнымъ и возможнымъ, къ свойству, цѣлямъ и потребностямъ суда духовнаго; и 2) по воспослѣдованіи на учрежденіе таковаго комитета высочайшаго соизволенія, членами онаго назначить: главнаго священника арміи и флотовъ, доктора богословія протоіерея Богословскаго, членовъ духовныхъ консисторій: С.-Петербург-

ской—протоіерея Содальскаго, Московской — протоіерея Рождественскаго, Кіевской—протоіерея Лебединцева, профессора Кіевскаго университета доктора богословія протоіерея Ѳаворова, профессоровъ церковнаго законовѣдѣнія при С.-Петербургской духовной академіи Тимоѳея Барсова, Московской—Лаврова, и юрисконсульта при синодальномъ оберъ-прокурорѣ статскаго совѣтника Степанова; о командированіи въ составъ сего комитета профессоровъ С. - Петербургскаго университета дѣйствительнаго статскаго совѣтника Пахмана и коллежскаго асессора Чебышева - Дмитріева и нѣсколькихъ должностныхъ лицъ министерства юстиціи и 2-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, по ближайшему усмотрѣнію статсъ-секретарей, графа Панина и князя Урусова, предоставить господину синодальному оберъ-прокурору войти съ кѣмъ слѣдуетъ въ надлежащее сношеніе. Дѣлопроизводство по комитету возложить на секретаря С.-Петербургской духовной консисторіи Камчатова".

По исполненіи этого опредѣленія Св. Синода синодальный оберъ-прокуроръ въ своихъ предложеніяхъ Св. Синоду отъ 14-го и 29-го января 1870 года изложилъ, что по всеподданнѣйшемъ докладѣ имъ опредѣленія Св. Синода отъ 10-го декабря 1869 г. объ учрежденіи особаго комитета для составленія основныхъ положеній преобразованія судебной части по духовному вѣдомству, государь императоръ въ 12-й день генваря 1870 года высочайше на сіе соизволилъ, и что о назначеніи въ комитетъ должностныхъ лицъ отъ министерства народнаго просвѣщенія,—юстиціи и 2-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи сдѣлано сношеніе, и эти лица назначены, именно: профессоры университета Пахманъ и Чебышевъ-Дмитріевъ; отъ 2-го отдѣленія его императорскаго величества канцеляріи—тайный совѣтникъ Маркусъ, и тайный совѣтникъ сенаторъ Любимовъ; отъ министерства юстиціи: правитель канцеляріи министерства коллежскій совѣтникъ Бурлаковъ, товарищъ предсѣдателя С.-Петербургскаго окружнаго суда Сабуровъ, члены консультаціи при министерствѣ: прокуроръ С.-Петербурга Баженовъ и предсѣдатель столичнаго мироваго съѣзда Неклюдовъ.

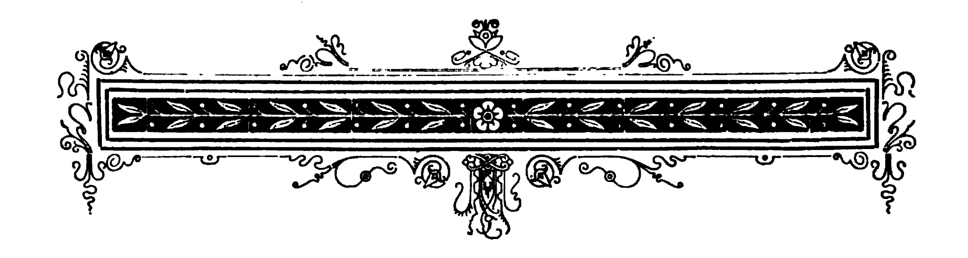
Выслушавъ эти предложенія, Св. Синодъ, по справкѣ, опредѣленіемъ отъ 19-го марта 1870 года постановилъ: „Объ изъясненныхъ въ предложеніяхъ синодальнаго оберъ-прокурора высочайшемъ повелѣніи распоряженіяхъ его—оберъ-прокурора, касательно учрежденія особаго при Св. Синодѣ комитета, для составленія основныхъ положеній преобразованія судебной части по духовному вѣдомству, дать знать, съ прописаніемъ справки изъ опредѣленія Св. Синода отъ 10-го декабря 1869 г., для должнаго въ чемъ слѣдуетъ исполненія, присутствующему въ Св. Синодѣ преосвященнѣйшему Макарію, архіепископу литовскому".

Этотъ комитетъ, учрежденный по опредѣленію Св. Синода и высочайше утвержденный, въ составѣ членовъ отъ вѣдомства православнаго исповѣданія, министерства народнаго просвѣщенія и юстиціи и 2-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Макарія въ количествѣ 17 человѣкъ—мужей ученыхъ и опытныхъ, и открылъ свои занятія 30-го апрѣля 1870 г. и, работая неустанно и энергично въ продолженіе двухъ лѣтъ, выполнилъ высочайше возложенное, по опредѣленію Св. Синода, порученіе блестящимъ образомъ—со всею компетентностью и солидарностію, и составилъ „проектъ основныхъ положеній преобразованія духовно-судебной части", съ обширною объяснительною къ нему запискою. Въ проектѣ основныхъ положеній сдѣлано рѣшительное примѣненіе къ судоустройству и судопроизводству духовному тѣхъ выработанныхъ юридическою наукою главныхъ началъ, которыя были положены въ основу преобразованія судоустройства и судопроизводства гражданскаго, именно: отдѣленіе судебной власти отъ административной, учрежденіе ближайшихъ органовъ правосудія въ лицѣ духовныхъ судей, замѣна закрытаго и письменнаго судопроизводства гласнымъ и устнымъ производствомъ, отмѣна теоріи формальныхъ доказательствъ и предоставленіе судьямъ, при рѣшеніи дѣлъ, права внутренняго убѣжденія. А въ объяснительной запискѣ къ этому проекту обстоятельно и основательно выяснены возможность и польза такого примѣненія означенныхъ началъ къ свойству, цѣлямъ и потребностямъ суда духовнаго, безъ противорѣчія духу и характеру каноновъ церкви.

Проектъ, составленный единогласно и солидарно всѣми мудрыми мужами, членами комитета, съ знаменитымъ своею ученостью и образованіемъ докторомъ богословія, архіепископомъ Макаріемъ во главѣ, представленъ былъ въ Св. Синодъ на его обсужденіе, за подписью всѣхъ, кромѣ одного члена, который остался при своемъ особомъ мнѣніи о преобразованіи духовнаго суда,—мнѣніи совершенно противоположномъ всему дѣлу комитета, признававшемъ самое дѣло преобразованія напрасно затѣяннымъ. Это профессоръ церковнаго законовѣдѣнія въ Московской академіи Лавровъ, человѣкъ неженатый и измлада готовившійся на высшій постъ монашества во власти и почестяхъ антимонашескихъ, чего онъ скоро и достигъ и умеръ въ 1890 году въ санѣ архіепископа литовскаго и съ именемъ Алексѣя. Несмотря на то, что мнѣніе Лаврова было единичное, въ комитетѣ никѣмъ не раздѣляемое, идущее въ упоръ и разрѣзъ дѣлу преобразованія, признанному нужнымъ опредѣленіемъ Св. Синода, утвержденнымъ высочайшею властію, оно — это мнѣніе, впослѣдствіи возросло въ такую внѣшнюю силу, которая, воспользовавшись обстоятельствами

времени, могла остановить дальнѣйшій ходъ дѣла и поставить неодолимую, до поры до времени конечно, преграду къ благополучному исходу и концу. Состоя членомъ комитета, Лавровъ тихо и смирно, но смѣло и энергично обработывалъ свое особое дѣло, совершенно противоположное дѣлу общему въ комитетѣ, и при этомъ очень хорошо зналъ и чувствовалъ, что его смѣлое предпріятіе найдетъ полное сочувствіе во всѣхъ архіереяхъ, которые станутъ за него горой и не только выручатъ изъ всякой напасти, но прославятъ и вознесутъ. Когда Св. Синодъ, прежде обсужденія представленнаго ему комитетскаго проекта, положилъ разослать его въ особыхъ экземплярахъ, напечатанныхъ по числу консисторій и архіереевъ, въ епархіи съ тѣмъ, чтобы какъ архіереи, такъ и консисторіи, отдѣльно и независимо одни отъ другихъ, представили въ Св. Синодъ свои мнѣнія о проектѣ, Лавровъ имѣлъ полную возможность свое мнѣніе пустить въ свѣтъ— въ печать, обработавъ его въ большой книгѣ и издавъ анонимно, съ именемъ только издателя какого-то Елагина, подъ названіемъ „Реформа церковнаго суда". Книга эта оказалась драгоцѣннымъ кладомъ для всѣхъ архіереевъ, которые нашли въ ней все имъ нужное для того, чтобы составить мнѣніе, требуемое Синодомъ, въ рѣшительное ниспроверженіе комитетскаго проекта; но для людей, не зараженныхъ партійными тенденціями, а ищущихъ безпристрастной правды, правды внутренней Христовой, читать эту книгу было возмутительно, какъ книгу казуистическую, наполненную преданіями старцевъ такъ, что изъ-за нихъ, тенденціозно подобранныхъ и перетолкованныхъ, оставлено слово Божіе, въ его духѣ и силѣ. Въ ней преслѣдовалась правда книжниковъ и фарисеевъ, а не та, о которой говорилъ Христосъ: аще не избудетъ правда ваша паче книжниковъ и фарисеевъ, не внидите въ царствіе небесное... Еванг.

За шестьдесятъ лѣтъ.

Воспоминанія Ив. Ив. Венедиктова.

1820 — 1894.

III [1]).

Наемъ квартиры въ Ораніенбаумѣ.—Хозяинъ гернгутеръ.—Представленіе командиру полка Овандеру.—Странности его.—Разныя его изобрѣтенія.—Мой дядька.—Жестокости при обученіи.—Генералъ Трегубовъ.—Экзекуція.

Приспѣло время и мнѣ отправляться на службу—въ Ораніенбаумъ—въ Волынскій полкъ, верстъ тридцать пять отъ Петербурга. По совѣту разсчетливаго товарища, я рискнулъ нанять дрожки, да еще гитару, заплативъ синюю бумажку, т. е. пять рублей на ассигнаціи, около полутора цѣлковыхъ. Собрался выѣхать тотчасъ послѣ обѣда,—положилъ чемоданъ между рессорами, около себя уложилъ наиболѣе по моему мнѣнію необходимое на первыя сутки и двинулся черезъ Нарвскія ворота по Петергофскому тракту. Сначала нравилось, а какъ проѣхалъ часа три, сидя верхомъ, такъ почувствовалъ, что тяжела служба бѣднаго офицера, и чуть было не всплакнулъ съ горя.

Стало темно. На дворѣ зги Божіей не видно. Кое-гдѣ можно просмотрѣть дома, вѣроятно, дачи, но все уже забито наглухо. Ни одного огонька, ни одного голоса. Только съ правой стороны подуваетъ сыростью изъ тьмы кромѣшной—тамъ море, а подъ ногами шуршитъ опавшій листъ. Ну вотъ и огоньки показались. Однако же это былъ еще только Петергофъ, а до Рамбова нужно тащиться еще верстъ девять. Извощикъ покормилъ лошаденку. Покряхтѣлъ, за-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1905 г.

чѣмъ поѣхалъ, и все-таки поѣхалъ далѣе. Спустились подъ какую-то горушку и двинулись лѣсочкомъ или, какъ будто, садами. Тащились утомительно долго, и, наконецъ, увидали опять огни, а передъ ними достаточно представительныя каменныя тріумфальныя ворота и при нихъ гауптвахта и караулъ. Ко мнѣ подошелъ бравый унтеръ-офицеръ съ установленнымъ по формѣ вопросомъ: имѣю честь спросить: кто, откуда и куда изволите ѣхать?—Почувствовало сердце, что передо мною стоялъ членъ будущей моей команды, и я торжественно отвѣтилъ: прапорщикъ №№ изъ Петербурга въ Ораніенбаумъ.—Бомъ высь, скомандовалъ унтеръ-офицеръ. Шлахбаумъ, скрипя, поднялся, и я втащился въ свою новую резиденцію. Но куда преклонить голову?

Неподалеку отъ въѣзда стоялъ домикъ въ три окна. Сквозь стекла виднѣлись двѣ лампы и офицерство съ полками.—Кажись, гостиница, догадался извощикъ. Сюда, что-ли?—Пожалуй.—Вошелъ.—Лица все такія странныя, усталыя, но народъ оказался добрый, одинъ лучше другаго. Меня обласкали, накормили и каждый наперерывъ звалъ къ себѣ ночевать. Въ гостиницѣ остаться не позволили. Тутъ же я узналъ, что старые товарищи по корпусу пріискали мнѣ уже и квартиру. Утромъ пошелъ посмотрѣть на новое жилище. На дворѣ какая-то деревянная башня и въ каждомъ изъ трехъ этажей по отдѣльной квартиркѣ изъ двухъ комнатъ. На мою долю была припасена самая верхняя. Настоящая обсерваторія. Горизонтъ необозримый—и Кронштадтъ и финскій берегъ, все какъ на ладони. Цѣна 12 р. ассигнаціями.—Ну, поселюсь.—А если согласны, то пожалуйте къ хозяину, сказалъ провожавшій меня дворникъ. Въ качествѣ хозяина встрѣтилъ меня господинъ, какихъ прежде случалось видать только на картинкахъ, изображавшихъ нѣмецкія семейства. Довольно высокій, худощавый, очень пожилой, въ халатѣ и въ ермолкѣ, въ родѣ скуфейки. Съ первыхъ же словъ можно было замѣтить, что я встрѣчаюсь съ человѣкомъ, который привыкъ требовать, ничего не уступая и который дорого цѣнитъ и свое время, и каждое свое слово. Это былъ когда-то пользовавшійся хорошею славою педагога и ученаго,—бывшій директоръ Петропавловской школы—Шубертъ. Только-что я вошелъ, онъ спросилъ: говорю ли я по-нѣмецки. На отрицательный отвѣтъ, прибавилъ: цѣну квартиры вы знаете. У меня условія: деньги уплачивать помѣсячно аккуратно. Не возвращаться домой позже 10 часовъ, когда все уже бываетъ заперто. Собакъ не держать, шуму не заводить и тушить огни до полуночи. Поклонился, и мы разстались.

— Ну, вотъ тебѣ и офицерство, подумалъ я, прійдя въ свою вышку. Въ углу лежалъ уже принесенный съ ночевки чемоданъ и коробки. Съ боку пріютился маленькій самоварчикъ, а на окнѣ кусокъ сахару.

Болѣе ровно ничего—ни сѣсть, ни лечь. Другаго помѣщенія нѣтъ, а въ этомъ предвидѣлась такая школа, о какой ни гадалъ, ни думалъ. Черезъ нѣсколько времени раздался звонокъ наружнаго колокольчика и затѣмъ знакомый уже рѣзкій голосъ хозяина: Іаковъ Васильевичъ, кричалъ онъ въ окошко, зовите и приходите. Вскорѣ узналъ я, что мой хозяинъ—гернгутеръ и ввелъ въ своемъ домѣ, въ числѣ многихъ обычаевъ, еще и тотъ, что въ урочный часъ управляющій Яковъ Васильевичъ долженъ былъ собирать всю прислугу и являться съ нею на молитву въ хозяйскія комнаты.

Не зная какъ быть и за что взяться, вынулъ я свою полусаблю и началъ рубить ею по всѣмъ направленіямъ лежавшій на окнѣ кусокъ сахару. Авось, думаю, кто-нибудь и самоваръ справитъ. На такую Донъ-Кихотскую картину вошелъ ко мнѣ пожилой уже капитанъ, однокашникъ, помнившій меня еще ребенкомъ, и судьба улыбнулась. Онъ послалъ къ заставѣ сказать, куда слѣдуетъ направить ожидавшійся мною изъ Петербурга новозаведенный скарбъ,—кровать, комодъ, клеенчатый диванъ, столъ и пара стульевъ. Потомъ прислалъ мнѣ разумнаго стараго солдатика для исполненія моихъ приказаній и пр. Тутъ дѣло пошло иначе. Покуда мы сидѣли на окнахъ, мѣняясь различными свѣдѣніями, въ саду, подъ окнами, раздался новый звонъ, но уже въ другомъ тонѣ. Точно били бутылки. Товарищъ мой пояснилъ, что на всѣхъ фруктовыхъ, т. е. яблочныхъ и рябиновыхъ деревьяхъ развѣшаны, привязанныя къ двумъ, перекинутымъ черезъ сучки концамъ нитокъ битыя стеклышки. Сдѣлано это хозяиномъ съ тою цѣлью, чтобы звономъ отгонять птицъ, покуда рябина и яблоки еще не поспѣли, а когда созрѣютъ, тогда стекла снимаются и плоды оставляются на съѣденіе птичкамъ. Рвать никому не дозволяется.

Къ полудню облекся я въ новую парадную форму и вскорѣ узрѣлъ своего командира—блаженной и, вѣроятно, долгой памяти Василія Яковлевича Овандера. Невысокій ростомъ, полный до нѣкоторой тучности, сутуловатый, съ свѣжимъ лицомъ, очень подвижною физіономіею и головою чистою и гладкою, какъ почтовая бумага. Только на вискахъ, да по окраинамъ головы виднѣлось нѣсколько волосковъ, точно пограничная стража.

Выслушавъ всю тираду, соотвѣтствовавшую представленіямъ начальству, Василій Яковлевичъ сказалъ мнѣ нѣсколько короткихъ, но внушительныхъ нравоученій, обративъ особенное вниманіе, что военная служба требуетъ, главное, точнаго исполненія требованій начальства; съ подробностями же, если вы частно не знакомы, то мы васъ ознакомимъ скоро, сказалъ онъ и, говоря это, указалъ, что у меня на темлякѣ кисточка повернулась въ сторону, прибавивъ, что такъ къ начальству являться не слѣдуетъ, и онъ извиняетъ только на первый

разъ. Опять плохо. Просто, что ни шагъ, то бѣда; и одна другой хуже.

Товарищи мои относительно качествъ отца командира скоро сообщили мнѣ все, что слѣдовало имѣть въ виду и быть исполнительнымъ до послѣдней щепетильности, если не желаю служить враждебно. Многому не вѣрилось, но потомъ повѣрилъ. Такъ наприм. при назначеніи начальствомъ времени, не брезгать буквально ни одною минутою. Дѣло доходило до шутовства. Со мною не случалось, но старые офицеры разсказывали такіе случаи: дано приказаніе прибыть въ $10^1/_4$ часовъ. Офицеръ приходитъ минутъ за шесть ранѣе. Василій Яковлевичъ выходитъ, садится самъ и приглашаетъ садиться пришедшаго. Тогда еще не практиковалось подаванія рукъ. Ну, какъ ваше здоровье? спрашиваетъ... Гдѣ вы вчера провели вечеръ? а самъ смотритъ на часы. Наступаетъ четверть одиннадцатаго, и Василій Яковлевичъ преображается. Вскакиваетъ.—Вы думаете у меня много свободнаго времени для разговоровъ съ вами. Задается нахлобучка и благо, благо, если этимъ оканчивается неточное исполненіе назначенія. Вообще же, придешь ранѣе, хотя минутою, получишь замѣчаніе. Опоздаешь минуту—прождешь часъ и получишь замѣчаніе. За то и самъ Василій Яковлевичъ существовалъ съ аккуратностью солнечныхъ часовъ. Его пунктуальность установила у ближайшихъ къ нему по службѣ лицъ такую манеру: подойдутъ къ двери и поцарапаются; вѣстовой впуститъ. Пришедшій стоитъ въ передней и въ моментъ, когда часы станутъ на опредѣленный начальствомъ пунктъ — дергаетъ колокольчикъ, чтобы начальство слышало прибывшаго. Тогда все хорошо будетъ. Но наблюденіе за исполненіемъ требованій не ограничивалось у Василія Яковлевича только собственными глазами. Онъ самъ говорилъ, что для начальника этого очень мало. Что бы ни дѣлалось между офицерами, онъ все зналъ. Укатитъ офицеръ зимою, безъ спросу, въ Кронштадтъ, того и гляди, что въ свою знаменитую трубу усмотритъ и, конечно, покараетъ. Улизнетъ офицеръ въ Петербургъ, и тутъ какъ тутъ ординарецъ на его квартирѣ, съ приказаніемъ явиться немедленно, ну, и попался. Потомъ лишній караулъ или дежурство не въ очередь. За то и какихъ школьническихъ штукъ не придумывалось, чтобы избѣжать кары, при чемъ случались чисто анекдотическія происшествія.

Нѣкій офицерикъ, прапорщикъ Ермолаевъ, изъ шаловливыхъ и немножко денежный, почему любившій кататься въ Петербургъ, узналъ, что Василій Яковлевичъ самъ ѣдетъ въ Петербургъ, значитъ, и ему можно удрать безъ спросу. Промыслилъ, по счастью, коляску, велѣлъ поднять верхъ, закутался, какъ могъ, и улепетнулъ. Вотъ, наконецъ, и Нарвскія ворота. Конченъ, конченъ дальній путь и благополучно,

казалось. Проѣхалъ Калинкинъ мостъ и уже на проспектѣ; ну, значитъ, дома, кути. Нужно же было двинуться медленнымъ шагомъ передъ самою коляскою Ермолаева, какой-то телѣгѣ, нагруженной всякимъ домашнимъ скарбомъ, къ задку которой привязано, какъ и всегда бываетъ при перевозкѣ мебели, не задорное, но оберегаемое зеркало. Ермолаевъ взглянулъ и вдругъ, въ зеркалѣ, прямо передъ собою, видитъ улыбающійся ликъ Овандера. Обомлѣлъ, но былъ узнанъ, остановленъ и тутъ же получилъ приказаніе повернуть оглобли и отправиться подъ арестъ на трое сутокъ.

Случались проказы и инаго рода,—капитанъ Кунъ остался на время лагерей въ городѣ, по болѣзни. На его бѣду, именно въ это лѣто, стали посѣщать особенно часто лица императорской фамиліи. Бывало, слышно изъ далека, какъ несется во весь духъ четверкой зеленая коляска придворнаго вѣдомства, а въ коляскѣ два человѣка съ красными воротниками въ треуголкахъ; придерживаютъ и раздуваютъ огромный самоваръ. Значитъ, за ними ѣдутъ высочайшія особы кушать чай. Вотъ, въ такое-то лѣто, капитану Куну, страстному охотнику, не усидѣлось въ городѣ. Выѣхалъ въ поле, а тутъ на первыхъ порахъ разорвало ружье и повредило палецъ. Нужно было замаскировать дѣло, т. е. скрыть прогулку на охоту, такъ какъ считавшемуся больнымъ подобало сидѣть дома. Кое-кто зналъ, конечно, сущую правду, а что оторвало палецъ, говорили всѣ. Могло дойти скоро до полковаго командира въ лагерь и до великаго князя въ городѣ. Начали говорить, что палецъ отшибло крышкою большаго сундука, но этотъ слухъ былъ принятъ съ сомнѣніемъ. Такъ какъ эта исторія случилась вскорѣ послѣ печальнаго происшествія въ Петербургѣ, при чемъ рыба сомъ въ неутолимомъ городѣ откусилъ у купавшагося близъ Самсоніевскаго моста важную часть тѣла, то сказали одному офицеру, болтливому и глуповатому, подъ величайшимъ секретомъ, что крышкою сундука только прикрываютъ иной случай, дабы охранить Куна отъ отвѣтственности за то, что онъ выходилъ на взморье купаться, а что, на самомъ дѣлѣ и около нашего берега появился сомъ или, быть можетъ, акула, которая чуть не проглотила и самого капитана. Секретъ этотъ попалъ по назначенію. Къ вечеру, подъ честнымъ словомъ и подъ большимъ секретомъ, новость зналъ уже весь городъ, и разсказъ о довѣрчивомъ болтунѣ стушевалъ настоящую суть.

Не менѣе интересенъ и поучителенъ былъ Василій Яковлевичъ и во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ вообще. Напр., въ его кабинетѣ, котораго боялись какъ инквизиціонной камеры, надъ самымъ письменнымъ столомъ спускались сверху два снурка отъ звонковъ: одинъ къ домашней прислугѣ, а другой къ ординарцу, слѣдовательно, служебный. Одинъ снуръ былъ красный и оканчивался шаромъ, а другой

синій и оканчивался кистью. Все это имѣло цѣлью, чтобы въ случаѣ надобности позвонить можно было не ошибиться, не теряя время подымать голову, чему помогала форма привѣсовъ, а разные цвѣта служили къ тому, чтобы можно было приказать позвонить и другому.

Предусмотрительность Василья Яковлевича доходила до того, что въ домѣ было распредѣлено самымъ тщательнымъ образомъ, кто что долженъ дѣлать, если бы случилось что-нибудь исключительное, напр. пожаръ, какъ днемъ, такъ и ночью, и онъ считалъ нужнымъ, для повѣрки, дѣлать изрѣдка фальшивыя тревоги.

Устроилъ онъ изъ экономическихъ суммъ славную баню, при чемъ его занимало разрѣшеніе нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ. Какъ бы сдѣлать, чтобы солдаты не встрѣчались и не толкались въ дверяхъ, оставляя ихъ открытыми и охлаждая даромъ. Потомъ, какъ бы поставить солдатъ въ необходимость, чтобы на тѣ скамейки, на которыхъ надобно непремѣнно сидѣть, они не лазали съ ногами. Какъ бы устроить, чтобы назначаемые качать воду накачивали ее ни болѣе, ни менѣе того, сколько нужно.

Василій Яковлевичъ разрѣшилъ ихъ всѣхъ, къ общему удовольствію, совершенно удовлетворительно. Онъ устроилъ вездѣ одностворчатыя двери съ пружинами, и при томъ парныя, такъ что каждую можно было отворять только толкая, а съ другой стороны она была гладкою, и солдатики не могли надивиться, какъ они хорошо входятъ и выходятъ, никогда не встрѣчаясь и не мѣшая одинъ другому. Образцовъ такой системы въ то время дѣйствительно еще не было видно.

Надъ интересовавшими его скамейками онъ прибилъ доски на такой высотѣ, что солдатику помѣститься на скамейкѣ съ ногами никакъ нельзя, а нужно непремѣнно сѣсть порядочно. И тутъ солдатики желали здравствовать своему командиру.

Водовмѣщающій чанъ поставили высоко и конецъ качающаго рычага подняли на столько, что, стоя на полу, его нельзя достать руками, а надо встать на устроенную для этой цѣли скамейку, едва вмѣщающую ноги стоящаго. Вотъ солдатикъ, которому велятъ качать, влѣзетъ на эту скамейку и качаетъ, покуда струйка воды не капнетъ ему изъ особаго жолобочка прямо на носъ, а излишекъ сольется въ луночку на подставкѣ. Значитъ, довольно; а если не докачалъ, покажетъ поплавокъ въ стеклянной трубочкѣ.

Бывало, какъ влѣзетъ кому качать, кругомъ толпа соберется, а какъ брызнетъ на носъ, такъ хохотъ слышится чуть не до города. Вотъ такъ Лобандеръ, гогочатъ солдатики, что хошь, все устроитъ.

Одно, если и удавалось Овандеру, то съ большимъ трудомъ; это научить солдатъ выговаривать правильно его фамилію. Встрѣтитъ солдатика — молодецъ - молодцемъ, остановится, сниметъ фуражку—

просто картинка. Поздоровается и непремѣнно спроситъ: кто командиръ полка?—Генералъ-маіоръ Лобандеръ, ваше превосходительство, отвѣчаетъ солдатикъ.

— Дуракъ.—Повторяй, что я буду говорить: О—о ванъ-ванъ деръ-деръ. Ну, теперь повторяй за мною все сразу — О-ван-деръ. Лобандеръ, ваше превосходительство. Большее число сеансовъ оканчивалось такимъ образомъ.

Бывали и съ самимъ Васильемъ Яковлевичемъ непредвидимыя случайности. Надо сказать, что хотя онъ имѣлъ и свои средства, да и командованіе полкомъ было въ то время, въ нѣкоторомъ смыслѣ, не одною нравственною наградою, но былъ разсчетливъ и бережливъ столько же и въ деньгахъ, сколько во времени.

Отдаютъ приказъ, чтобы офицеры такого-то числа выѣхали въ Петербургъ для присутствія во дворцѣ, на выходѣ. Поѣздка эта, при крохотномъ содержаніи, обходилась дорого и отзывалась тяжко, почему бѣдная и безъ того всегда нуждавшаяся молодежь старалась отвиливать всѣми силами. Одинъ изъ такихъ, похрабрѣе, рѣшился отправиться къ Овандеру съ просьбою о разрѣшеніи не ѣхать.—Не могу, и не долженъ слышать никакихъ отговорокъ. Всякій обязанъ считать за особенное счастье быть на выходѣ, и вамъ стыдно уклоняться—извольте ѣхать.

— Не могу, ваше п-во, и нездоровится и, главное, нѣтъ денегъ.

— Въ ваши лѣта, г-нъ поручикъ, не должно быть нездоровья, а что касается денегъ, то вы имѣете товарищей. Взаимопомощь необходима.

— Ни у кого нѣтъ. Не дадите ли вы, ваше п-во? Я въ концѣ мѣсяца справлюсь и возвращу.

— Вы знаете, какъ я живу скромно; изъ дня въ день. Говоря это, Василій Яковлевичъ сталъ торопливо обшаривать свои карманы и, вытащивъ, наконецъ, бумажникъ, раскрылъ его, чтобы показать, что въ немъ всего одна двадцати пяти рублевая бумажка (ассигнаціями).

— Вотъ все, что у меня есть, сказалъ онъ, подымая за уголокъ бумажку, но, какъ товарищъ, готовъ раздѣлить ее съ вами пополамъ. Поручика взорвало. Едва Василій Яковлевичъ кончилъ свою фразу, какъ бойкій юноша уже рванулъ бумажку пополамъ и, раскланиваясь отступилъ, благодаря за пособіе, и Василій Яковлевичъ, какъ обомлѣлъ, такъ и остался.

Само собою, всѣ эти свѣдѣнія и случаи накоплялись въ продолженіе службы, а между тѣмъ я остановился на воспоминаніяхъ объ ея началѣ.

Прибыло изъ Петербурга мое снаряженіе. Установилъ я свою мебель и тутъ только почувствовалъ, что я нѣчто въ родѣ самостоятельнаго гражданина. Мнѣ показалось мое жилище не только удобнымъ

но даже нарядньімъ. Вечеромъ принесли приказъ, въ которомъ объявлялось о моемъ прибытіи, съ указаніемъ роты, въ которую я назначенъ. Съ слѣдующаго утра пошли представленія баталіонному и ротному командирамъ.

Въ ротномъ командирѣ я нашелъ человѣка суетливаго, подвижнаго и крайне сочувственнаго. Жилъ онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, ни въ чемъ на него непохожимъ. Эти двѣ натуры были созданы такимъ образомъ, что только изъ совокупности ихъ выходило что-то среднее, похожее на большинство. Въ мелочахъ родное несходство доходило до смѣшнаго въ своихъ крайностяхъ. Такъ, напримѣръ, при всеобщемъ тогда употребленіи табаку Жукова, эти братья, купивъ по фунту табаку, каждый подвергалъ свой фунтъ особой операціи. Старшій высыпалъ въ деревянный боченочекъ и клалъ туда морковь или картофель, чтобы табакъ былъ всегда не только сыръ, но и влаженъ, а младшій высыпалъ свой фунтъ въ жестянку и ставилъ ее, лѣтомъ на солнце, а зимою на печку, чтобы табакъ хрустѣлъ между пальцами.

Съ полученіемъ права на члена роты, къ утру отъ этой роты явился ко мнѣ рослый, молодцоватый и видимо давно служащій унтеръ-офицеръ. Одна изъ тѣхъ симпатичныхъ личностей типа стараго солдата, которыя имѣли такую громадную цѣну въ глазахъ командировъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Оказалось, что этотъ унтеръ имѣлъ назначеніе служить мнѣ на первое время чѣмъ-то въ родѣ дядьки. Теперь, конечно, показалось бы смѣшнымъ такое явленіе, но я вспоминаю ту патріархальную пору, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ себѣ, съ глубочайшею благодарностью.

Только съ появленіемъ этого дядьки, началъ устанавливаться у меня тотъ порядокъ, до котораго я самъ не скоро бы добрался, будучи совершенно ребенкомъ. При участіи этого дядьки, у меня немедленно явился вѣстовой. Дядька спроситъ—не нужно ли мнѣ что въ городѣ—скажетъ вѣстовому, гдѣ и что лучше достать. Дядька показалъ вѣстовому, какъ нужно сапоги ваксой чистить, какъ на скорую руку самоваръ сапогомъ раздувать и такъ далѣе. Дядька до ученья заранѣе меня разбудитъ, осмотритъ платье, одѣнетъ и опять осмотритъ — все ли по формѣ. Потомъ пожелаетъ счастливаго пути и до мѣста проводитъ, такъ какъ помѣщенія полка были разбросаны.

Начались и для меня ученія, а вмѣстѣ съ ними замѣчанія и взысканія и требованія. Въ числѣ послѣднихъ занимала видное мѣсто обязанность знать солдатъ своей части поименно: Василій Кочерга, Антонъ Сязикъ, Петръ Копыло и такъ далѣе. Вызубрилъ сначала по списку, а потомъ и въ натурѣ. Ну, казалось, это дѣло справилъ. Назначается инспекторскій смотръ. Подхожу къ своей части и, хотя

убейте, ни одного не узнаю. Вчера еще, какъ и прежде, одинъ былъ бѣлый, другой рыжій, а теперь всѣ какъ одинъ. Бакенбарды и усы слѣплены какою-то черною замазкою и причесаны по одному образцу, и самыя лица такъ перемѣнились, какъ будто вылиты въ одну форму. На эту бѣду пришелъ ротный, скомандовалъ смирно. За нимъ баталіонный. Опять смирно; такъ что прорепетировать не успѣлъ, а тутъ и Овандеръ.

Только-что подошелъ ко мнѣ, говоритъ: извольте перекликать вашу часть. Ну, и пошелъ выкликать по списку: Василій Кочерга, Антонъ Сязикъ, и т. д. Одного, какъ будто не разслышавъ, какъ я назвалъ, спросилъ Овандеръ самъ, какъ зовутъ? Солдатикъ повторилъ мои слова, но что-то переврaлъ. Овандеръ кликнулъ изъ задней шеренги десяточнаго унтеръ-офицера, который не слыхалъ разговора, и спросилъ его—оказалась кличка совсѣмъ другая. Я перепуталъ потому, что одинъ изъ бывшихъ въ спискѣ выбылъ изъ строя, а солдатикъ хотѣлъ меня не выдать. Меня на лишнее дежурство, а бѣдному солдатику прописалъ рецептъ. Ротный командиръ, спасибо, смягчилъ наказаніе, да и жалко было, солдатъ хорошій.

Вообще же, нашему брату, субалтернъ-офицеру, нельзя было жаловаться на тягость службы. Офицерскій караулъ былъ одинъ и одно скучное дежурство по госпиталю, которыя доставались рѣдко, а на ученьѣ субалтернъ-офицеры присоединялись къ ротѣ, только когда ей приходилась очередь пользоваться манежемъ, или при ученіи баталіономъ. Въ казармы они не ходили.

Ротные командиры не только не требовали посѣщенія казармъ офицерами, но, видимо, и не желали этого, дабы не было помѣхи совершавшемуся тамъ священнодѣйствію съ кровавыми жертвами, при дрессировкѣ солдатъ, для внушенія имъ тонкостей стойки, маршировки и ружейныхъ пріемовъ. Да и тяжело было бы молодому сердцу чувствовать необходимость усиленно устранять, свойственную счастливымъ лѣтамъ, гуманность и теплыя отношенія къ ближнему. Приходя въ казармы, нужно было бы принимать участіе въ обученіи, а фронтовая педагогія съ перваго дня начиналась тычками, толчками и зуботычинами, и такая система считалась до такой степени легальною, что одинъ изъ старшихъ офицеровъ, правда, переведенныхъ изъ арміи, не стѣсняясь, охотно разсказывалъ исторію разбитаго въ его перстнѣ гербоваго камня, называя негодяемъ того солдата, который въ моментъ направленія удара въ зубы такъ неосторожно осклабился, что камень попалъ именно по зубу и треснулъ.—Ну, уже и задалъ же я ему потомъ, прибавилъ разсказчикъ. Но такая манера обученія не ограничивалась стѣнами казармъ, гдѣ всякій стар-

шій колотилъ младшаго, а и на сводныя ученья, до баталіоннаго включительно, унтеръ-офицеры запасались палками въ стволахъ ружей, на случай требованія начальства, а безъ такого требованія не обходилось ни одного ученья. Откуда слѣдуетъ, что и самые полковники гвардіи не только не устраняли, но и поддерживали жестокую систему, въ которой, какъ указалъ опытъ поздняго времени, не было никакой надобности. Былъ у насъ, напримѣръ, полковникъ Трегубовъ, Богъ знаетъ откуда взявшійся, но ремешокъ завзятый, сохранившій до генеральскаго чина воспоминанія своей юности. Такъ, когда его произвели въ генералы, онъ, охорашиваясь, не разъ отвѣчалъ такимъ манеромъ на поздравленія: „вотъ-съ, не всегда сбываются и родительскія предсказанія. Отецъ мнѣ всегда говорилъ: дуракъ ты, Ѳедька, и никакого проку изъ тебя не будетъ, а вотъ-съ, изволите видѣть, изъ Ѳедьки генералъ вышелъ“. Впрочемъ, оцѣнка отца не совсѣмъ оставалась безслѣдною. Такъ, начальникъ дивизіи, приснопамятный Алексѣй Ѳедоровичъ Арбузовъ, оставшись однажды недовольнымъ смотромъ баталіона Трегубова, обратился къ нему, при всѣхъ, съ такою фразою:—эхъ, полковникъ, да вы... нѣтъ, не вы, а я дуракъ, что далъ вамъ баталіонъ. Ничего,—скушалъ!

Вотъ, у этого самаго Трегубова было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, чуть замѣтитъ, что солдатъ или пошевелился, или штыкъ не вѣрно, или равняется худо—сейчасъ впередъ и затѣмъ приказаніе, смотря по расположенію духа: палокъ, шомполовъ или тесаковъ. Выходитъ солдатъ передъ фронтъ. Велятъ ему облокотиться на ружье. Два унтера поднимаютъ висѣвшую сзади патронную суму, потомъ тесакъ, наконецъ фалды мундира и два другихъ унтера начинаютъ лупить несчастнаго, судя по приказанію: палками, шомполами или тесаками. Это обученіе оффиціальное, но, кромѣ того, стоящіе сзади унтеръ-офицеры ставятъ значки мѣломъ на спинахъ ими замѣченныхъ въ какой-либо погрѣшности солдатъ. Эти получали возмездіе уже дома. Такова была школа.

На одномъ изъ такихъ ученій попался я и самъ, хотя въ комическую, но все-таки непріятную исторію. Прибылъ въ полкъ прапорщикъ, выпущенный изъ Финляндскаго корпуса, милѣйшій юноша, но плохо говорившій по-русски. Съ нимъ мы сошлись очень скоро и полюбили другъ друга. Разъ, какъ-то, зашелъ этотъ офицеръ ко мнѣ съ приглашеніемъ попробовать финляндскіе гостинцы: какія сосисочки, какіе кренделюшки, расхваливалъ онъ. Съ этого дня я прозвалъ его Кренделюшкинымъ. Случилось, что этого офицера назначили въ нашъ баталіонъ, къ Трегубову. Трегубовъ желалъ сдѣлать какое-то замѣчаніе и хватилъ передъ фрономъ: прапорщикъ Кренделюшкинъ, что у васъ тамъ дѣлается? Только-что кончилось

ученье, финляндецъ подошелъ къ Трегубову, для объясненія за новую кличку.—Да я слышалъ, что васъ такъ называли, отвѣчаетъ полковникъ.—Это товарищеская шутка такого-то, назвавъ мою фамилію, объяснилъ офицеръ.—Прапорщикъ такой-то, вызываютъ меня, чтобы вы вашими шутками не подводили начальство, на лишнее дежурство! Ну, и отдежурилъ. Вотъ тебѣ и кренделюшки!

Далѣе пришлось мнѣ сдѣлаться не только свидѣтелемъ, но и участникомъ еще худшей экзекуціи, чѣмъ казарменныя зуботычины и лупка передъ фронтомъ. Читаю поздно вечеромъ приказъ по полку—оказывается, что я назначенъ за баталіоннаго адъютанта при исполненіи на завтра, въ шесть часовъ утра, приговора суда о наказаніи шпицъ-рутеномъ вахтера продовольственнаго магазина, унтеръ-офицера, за оказавшійся недостатокъ, признанный растратою, нѣсколькихъ кулей съ провіантомъ.

Дѣло было осенью. Утро наступило мокрое, сѣрое и холодное. Одной погоды было достаточно для сквернаго начала дня, а тутъ еще слѣдуетъ начинать его въ шестомъ часу.

Слыхалъ я, что шпицъ-рутенъ, по просту—сквозь строй, что-то такое не христіанское, ужасное. Разсказывали, что бывали случаи приговоровъ прогнать чрезъ двѣнадцать тысячъ, т. е. получить двѣнадцать тысячъ ударовъ палками. Въ мое время, въ видахъ, конечно, смягченіе наказанія, существовалъ уже такой порядокъ, что при экзекуціи присутствовалъ докторъ и, если онъ находилъ, что продолженіе наказанія становится опаснымъ для жизни, то наказаніе останавливалось. Полунаказаннаго отправляли въ госпиталь, излѣчивали и потомъ продолжали оканчивать приговоръ. Что было человѣчнѣе, рѣшить не легко. Но самой экзекуціи я еще не имѣлъ прискорбія видѣть.

Облекся я, какъ требовалось, въ форму и пришелъ на поле, гдѣ засталъ опредѣленное начальствомъ число солдатъ, выстроенныхъ фронтомъ, съ барабанщиками на флангѣ. Подалъ мнѣ аудиторъ сентенцію суда, которую я долженъ былъ прочитать. Начальникъ скомандовалъ на караулъ. Вывели на средину обвиненнаго и при немъ вышелъ профосъ—нижній чинъ, на котораго возлагалось исполненіе предшествующихъ наказанію обрядовъ. Я прочиталъ, что такой-то, за то-то, приговоренъ судомъ къ лишенію правъ и служебныхъ знаковъ отличія, наказанію шпицъ-рутеномъ черезъ пятьсотъ человѣкъ. Это, кажется, было наименьшее число ударовъ. Профосъ сорвалъ унтеръ-офицерскіе галуны и медаль. Говорили, что онъ обязывался еще ударить осужденнаго по лицу, но я этого не видѣлъ. Тѣмъ временемъ солдаты образовали двѣ шеренги лицомъ къ лицу, на разстояніи какой-нибудь сажени. У каждаго солдата оказалась въ ру-

кахъ палка, которою онъ махалъ, при чемъ образовалась изъ палокъ въ воздухѣ какая-то ужасающая, смертоносная аллея. Обвиненнаго обнажили до пояса, привязали руки къ прикладу ружья и повели между шеренгами. Барабаны заколотили во всю мочь особо установленный бой. Я только успѣлъ услыхать: помилосердуйте, помилосердуйте, и не прошелъ еще казнимый двухъ—трехъ саженъ, какъ на спинѣ его образовалась сине-багровая рѣшетка, что было далѣе, я не видѣлъ, такъ какъ, рискуя отвѣтственностью, сначала удалился отъ фронта, а потомъ, какъ одурѣлый, побѣжалъ домой. Это былъ день, одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ и незабываемыхъ въ моей жизни, тѣмъ болѣе, что большинство мнѣній считало наказаннаго жертвою, принесенною аудиторомъ, за преступленіе, не имъ совершенное.

IV.

Путешествіе изъ Ораніенбаума въ Петербургъ на Крещенскій парадъ.—Гостиница „Фениксъ".—Проигрышъ въ девяносто девять тысячъ. — Дворцовые выходы.—Мѣна мыла на флейту, а флейты на квартирную обстановку.—Охота на селедокъ.—Аптекарь - кирасиръ.—Моя отставка.

Наступила зима. Получено приказаніе прибыть полку въ Петербургъ на Крещенскій парадъ. Зимній походъ, хотя и недалекій, всего тридцать шесть верстъ, не составлялъ удовольствія; во-первыхъ, какъ поводъ къ экстраординарнымъ расходамъ изъ источниковъ, всегда отсутствовавшихъ, и, во-вторыхъ, могутъ быть въ походѣ морозы. Весь полкъ состоялъ изъ бѣдняковъ, а приходъ въ Петербургъ вызывалъ и многіе соблазны, и надобность жить гостиницѣ. У большинства, въ особенности молодежи, всѣ походные рессурсы ограничивались какими-нибудь пятью-шестью рублями, выпрошенными у казначея впередъ. На большій кредитъ никто и не претендовалъ, такъ какъ все, что можно было взять, бывало забрано, а уплаты изъ постороннихъ источниковъ завѣдомо для казначея не предвидѣлось. Двадцать трехрублевыхъ платинокъ жалованья и пятнадцать рублей квартирныхъ на цѣлые четыре мѣсяца, такъ какъ содержаніе выдавалось по третямъ, почти для всѣхъ, было все.

Любимымъ притономъ нашего полка была, помѣщавшаяся у Александринскаго театра, гостиница „Фениксъ". Благо, не дорогая и близко отъ Михайловскаго манежа, въ которомъ располагался полкъ. Въ „Фениксѣ" насъ уже знали. Въ номеръ, цѣною въ 60 коп., вваливалось человѣкъ по пяти, въ предвидѣніи спать въ повалку, какъ кто самъ устроится. Порція суточныхъ щей—15 коп. и ординарный бифштексъ,

*

въ родѣ подметки, 15 коп., вполнѣ удовлетворяли суточныя требованія, а кто попадалъ къ Излеру, у котораго тогда большинство порцій стоило 30 коп., такъ это была уже чистая гастрономія.

Походную форму для солдата составляла шинель, при томъ хорошаго сукна, надѣтая сверхъ мундира, а для офицера—одинъ сюртукъ. Пальто, какъ извѣстно, дали офицерамъ со времени Крымской кампаніи. Если бы захотѣлось офицеру побаловаться шинелью, то не угодно ли было ее надѣвать, не снимая со спины ранца, что оказывалось почти невозможнымъ.

Башлыковъ также не было, а существовали наушники, для мороза отъ 5 до 10 градусовъ—малые, или бѣлые, и для мороза свыше 10 град. черные, или большіе—это было нѣчто въ родѣ шапки на всю голову, включая затылокъ и шею, съ лопастями черезъ уши, застегивавшіяся подъ подбородкомъ. Головнымъ уборомъ былъ киверъ—это большая, кожанная, обтянутая сукномъ кадушка съ разными металлическими прибавками, всего вѣсомъ въ насколько фунтовъ, и пригонялся онъ на голову вплотную, да еще такъ притягивался къ подбородку, что у другаго глаза выпучивались. При такихъ-то качествахъ кивера, его нужно было обязательно напялить на голову поверхъ надѣтой уже суконной шапки, называвшейся наушниками. Можно себѣ представить муку, какую приходилось испытывать отъ такого вида заботливости о сохраненіи ушей отъ мороза. Ничего, терпѣли.

Походъ изъ Ораніенбаума дѣлался въ два пріема, т. е. по дорогѣ полкъ ночевалъ въ деревняхъ. Пришелъ нашъ баталіонъ къ вечеру въ Лигово, верстахъ въ осьми отъ Петербурга. Большинство офицеровъ скучилось въ одной избѣ, зная, что не надолго—рано вставать надо. Напились чаю и повалились на соломѣ. Двое, Соколовъ и Баталинъ, усѣлись за столомъ поиграть въ карты. Просыпались мы не разъ, а игроки все еще дуются, какъ оказалось, въ штосъ, на заложенный Соколовымъ золотой. Стало свѣтать, ударили фельдъмаршъ. Игроки поспѣшили свести итоги, по которымъ Соколовъ остался въ выигрышѣ, на мѣлокъ, конечно, девяносто девять тысячъ рублей.

Утро было морозное, что и дало случай узнать новый музыкантскій пріемъ. Подошли къ Нарвской заставѣ. Полковой адъютантъ отдаетъ приказаніе музыкантамъ: заморозить маршъ нумеръ такой-то.— Музыканты идутъ на гауптвахту, отогрѣваютъ инструменты и потомъ, приладивъ клапаны какъ нужно для марша, выходятъ на морозъ, давая клапану примерзнуть. Это давало возможность нести инструментъ въ рукавицѣ, сохраняя руки отъ мороза.

Въ Петербургѣ полкъ располагался въ Михайловскомъ манежѣ,

въ лежку, по настланной на землѣ соломѣ. Вотъ мы и пришли. Читаемъ въ приказѣ, что Баталинъ, проигравшій всю ночь въ карты, назначенъ дежурнымъ по баталіону, слѣдовательно, долженъ остаться на цѣлыя сутки въ манежѣ. О крупномъ проигрышѣ знали уже всѣ. На дежурство, тотчасъ же, принесъ денщикъ Баталину—сафьянную подушку, трубку съ кисетомъ и непремѣнную принадлежность каждаго переведеннаго изъ арміи, какимъ былъ Баталинъ, и слѣдовательно побывавшаго въ Польшѣ—коверъ съ тремя сернами, стоившій на мѣстѣ нѣсколько злотыхъ. Соколовъ, увидѣвъ этотъ коверъ, обратился къ Баталину съ такимъ предложеніемъ: слушай, Василій Ивановичъ, отдай ты мнѣ этотъ коверъ, и мы квиты будемъ. Вотъ пустяки, отвѣтилъ Баталинъ, я уплачу тебѣ. Этотъ отвѣтъ разошелся по всему гвардейскому корпусу и далъ случай посмѣяться самому великому князю.

По прибытіи въ полкъ вновь произведеннаго офицера, ему предъявлялись двѣ подписки: одна съ обѣщаніемъ не принадлежать никакимъ ложамъ и тайнымъ обществамъ вообще, а другая—съ вопросомъ, не желаетъ ли имѣть счастіе участвовать въ балахъ при высочайшемъ дворѣ?—При заявленіи послѣдняго желанія, нужно было завести коротенькія, бѣлыя, суконныя принадлежности, шелковые чулки и башмаки. Стоило это не дешево, но, при прежнихъ мундирахъ, въ видѣ фрака, на стройномъ, молодомъ офицерѣ было красиво, а при красныхъ, бальныхъ мундирахъ конно-гвардіи и кавалергардовъ очень нарядно, но въ нашемъ полку былъ записанъ только одинъ, изъ курляндскихъ бароновъ, почему, въ случаѣ бальныхъ дней, гостиница „Фениксъ“ не подвергалась нашему нашествію. За то мы являлись туда партіями при назначеніяхъ для присутствованія на дворцовыхъ выходахъ въ дни высокоторжественныхъ праздниковъ.

Не забывается, какъ приходилось проводить нѣкоторые изъ такихъ праздниковъ. Напримѣръ, первый день Пасхи. Чтобы расходоваться менѣе, каждая пара или тройка офицеровъ, сговорившихся ѣхать вмѣстѣ, старалась въ субботу, пообѣдавъ дома, пріѣзжать въ Петербургъ часамъ къ шести вечера. Требовалось быть во дворцѣ около одиннадцати часовъ. Въ полночь, по третьей пушкѣ съ крѣпости, открывалось высочайшее шествіе въ церковь. Послѣ того наступала сравнительная свобода. Свѣтлая встрѣча съ товарищами, шатанье по заламъ и, наконецъ, появленіе военнаго министра, кн. Чернышева, со множествомъ раздаваемыхъ приказовъ о производствахъ и наградахъ. Не мало ликующихъ физіономій, взаимныя поздравленія и вообще остальное время, до возвращенія изъ церкви, проходило весело. Церемонія оканчивалась часамъ къ двумъ и, затѣмъ, нужно

было переходить на половину наслѣдника цесаревича, для принесенія поздравленія. Покуда всѣ соберутся, откланяются, смотришь, уже и часъ четвертый, а доберешься пѣхтурой до „Феникса", и пятый насталъ, между тѣмъ, къ осьми часамъ нужно быть во дворцѣ Михаила Павловича. Онъ цѣловался по три раза съ каждымъ, отъ перваго до послѣдняго, почему эта церемонія была долгая и изъ дворца можно было выбраться только часовъ около десяти. Въ первое мое участіе при такой церемоніи, вздумалось одному офицеру, при выходѣ изъ дворцовыхъ воротъ, пошкольничать, крикнулъ: извощикъ! бросилось нѣсколько. Въ Энциклопедическій лексиконъ! Въ недоумѣніи, одинъ проситъ рубль, другой полтину и загородили дорогу, а тутъ большому начальству нельзя выѣхать. Ну, и вздули же этого шалуна, да при всѣхъ, публично.

Послѣ великаго князя, нужно было, къ двѣнадцати часамъ, быть у развода, всегда передъ дворцомъ, на площадкѣ. Освободившись часу во второмъ уже и прійдя домой въ третьемъ, слѣдовало собираться въ походъ, чтобы къ четыремъ часамъ попасть въ Зимній дворецъ къ парадной вечернѣ и затѣмъ уже только часамъ къ шести считать себя свободнымъ, снять мундиръ и даже съѣсть какого-нибудь заливнаго поросенка. Общепринятая форма разгавливанія большинствомъ игнорировалась, по независящимъ, какъ видно, обстоятельствамъ.

Право присутствовать при выходѣ къ великой вечернѣ имѣло свой, спеціальный интересъ. По уставу, на выходѣ къ этой вечернѣ, слѣдовало быть не въ полной парадной формѣ, для всѣхъ однообразной, въ мундирахъ, мѣстамъ и званіямъ присвоенныхъ. Государь вышелъ въ полной, существовавшей тогда, формѣ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка. Красавецъ, при его величественной манерѣ держать себя и при его походкѣ, былъ предметомъ невольнаго поклоненія, не только какъ царь, но и какъ совершеннѣйшій человѣкъ. Графъ Бенкендорфъ и Дубельтъ въ синихъ, жандармскихъ мундирахъ, князья—Чернышевъ и Волконскій въ какихъ-то скромненькихъ мундирахъ своихъ армейскихъ полковъ. Всѣ генералы въ мундирахъ своихъ частей. Однимъ словомъ, пестрота невообразимая, а въ общемъ прекрасная, будто шитая бисеромъ картина.

Разводъ на дворцовой площадкѣ въ первый день Пасхи былъ любимымъ разводомъ Николая Павловича. Выходъ его съ Салтыковскаго подъѣзда, встрѣчаемый привѣтствіями десятковъ тысячъ голосовъ, былъ народнымъ поздравленіемъ съ праздникомъ, а затѣмъ, по окончаніи развода, государь публично христосовался съ войскомъ въ лицѣ ординарцевъ и фельдфебелей.

Сохранилось такое легендарное преданіе. Пасха была ранняя,

когда еще не сошелъ снѣгъ. Государь, стоя у окна съ Клейнмихелемъ, бывшимъ тогда, кажется, дежурнымъ генераломъ, высказалъ сожалѣніе, что пожалуй не удастся разводъ сдѣлать. Снѣжно и грязно. Это было въ послѣдніе дни Страстной недѣли.

Клейнмихель, съ первой же ночи, вызвалъ разныя команды на площадку съ лопатами, ушатами, швабрами, мочалами и всякимъ тряпьемъ, до грязнаго бѣлья включительно. Одни скребли и складывали въ ушаты снѣгъ. Другіе собирали мочалами и тряпками и выжимали въ ушаты воду. Ушаты относились въ сторону, а площадка очищалась. Въ день Пасхи площадка была уже суха, посыпана пескомъ, укатана, и разводъ состоялся.

Это былъ не единственный примѣръ распорядительности Клейнмихеля. Конечно, мало уже кто видалъ, а большинство теперь и не знаетъ, что такое было оптическіе телеграфы, до введенія электрическихъ.

Выбирались отдаленные, но видимые другъ отъ друга въ хорошую трубу пункты. Въ такихъ пунктахъ строились высочайшія, многоэтажныя башни. На верху башни устраивалась на горизонтальной оси рѣшетчатая доска. Къ одному концу ея прикрѣплялась еще другая, болѣе короткая доска, поперечно, въ видѣ буквы Т. Доска, механизмомъ въ башнѣ, могла поворачиваться въ разныя стороны, и склоненіе ея въ ту или другую сторону, на разныя, до одной осьмой доли окружности, составляло условные знаки алфавита. На ночь по тремъ концамъ досокъ зажигались фонари. Центральныя станціи въ Петербургѣ были: на Зимнемъ дворцѣ, Горномъ корпусѣ и Технологическомъ институтѣ, для линій—на Кронштадтъ, черезъ Петергофъ, на Москву и Варшаву. Поворотъ доски на начальной станціи повторялся всѣми промежуточными, и такимъ образомъ депеша достигала станціи назначенія. Для частныхъ лицъ этотъ телеграфъ былъ недоступенъ. Несмотря на медленность, съ какою шли депеши, какъ мнѣ говорило лицо, близко стоявшее къ управленію этимъ дѣломъ, изъ Варшавы сообщали ежедневно, для высочайшаго доклада, списокъ пріѣзжавшихъ.

Для устройства этихъ телеграфовъ былъ вызванъ какой-то французъ. Тутъ вышелъ казусъ. Французъ выговорилъ себѣ, въ числѣ другихъ вознагражденій, право на полученіе ордена. Говорили, что имѣлся въ виду орденъ на шею, но ему послали въ петлицу. Французъ озлобился и возвратилъ крестъ. Государю доложить о такой продерзости не рѣшились, а другаго дать не могли, пришили крестъ къ дѣлу, а дѣло сдали въ архивъ.

Желая познакомить государя съ телеграфнымъ алфавитомъ, были приготовлены по приказанію Клейнмихеля, въ видѣ большихъ играль-

ныхъ картъ, особыя для каждаго знака изображенія телеграфныхъ досокъ. Николай Павловичъ, обладая безпримѣрною дальнозоркостью, въ то же время, не различалъ нѣкоторыхъ цвѣтовъ и вблизи видѣлъ неясно. Посмотрѣвъ поднесенные чертежи, похвалилъ, поблагодарилъ, но прибавилъ: жалко, что мелко.

Въ тотъ же день были собраны въ особое мѣсто лучшіе чертежники изъ кондукторской школы, училища гражданскихъ инженеровъ и института путей сообщенія съ приказаніемъ, чтобы къ утру былъ готовъ новый алфавитъ, въ увеличенномъ размѣрѣ. Было все вычерчено, отдѣлано, наклеено и въ новоприготовленный футляръ уложено, а затѣмъ и вновь поднесено на слѣдующее утро.

Ну вотъ и еще подходящій случай. Противъ переднихъ угловъ Александринскаго театра, между нимъ и скверомъ, были устроены двѣ грѣлки для кучеровъ въ морозные дни. По очень большому кругу стояли гранитные барьеры, аршина полтора вышины, съ просвѣтами для входа вовнутрь. Въ срединѣ каждаго круга помѣщался желѣзный цилиндръ съ поддуваломъ—это собственно жаровня, въ которой долженъ раскладываться костеръ, а надъ цилиндромъ, на желѣзныхъ стропилахъ, труба и большой зонтъ. Пріѣхавъ, однажды, въ морозный день въ театръ и не видя желающихъ погрѣться, государь сказалъ, встрѣтившему его у подъѣзда, оберъ-полицеймейстеру Кокошкину, что эти постройки, кажется, лишнія, только разъѣздъ затрудняютъ, а никто не грѣется. Когда государь вышелъ изъ театра, отъ грѣлокъ уже и слѣда не было, и мѣсто, гдѣ онѣ были, даже снѣжкомъ засыпано. Такъ разсказывали.

Возвращаюсь къ воспоминаніямъ нашей, домашней, полковой жизни.

Нашими корпусными воспитателями было усвоено правило примѣнять установившіеся педагогическіе пріемы ко всѣмъ возрастамъ одинаково и безразлично, до требованія уходить въ отпускъ и ходить въ городѣ не иначе, какъ съ провожатымъ, хотя бы это было наканунѣ выпуска и хотя бы такимъ провожатымъ была, какъ у меня, старуха Арина, несмотря на то, что я былъ выпускной фельдфебель. При такихъ воспитательныхъ условіяхъ, не только во время пребыванія въ корпусѣ, но и на молодыхъ офицерахъ долго сохранялся отпечатокъ пріученнаго дѣтства, которое и проявлялось часто въ продѣлкахъ чисто ребяческаго свойства. Вотъ, для примѣра.

У одного офицера лежалъ постоянно на столѣ шарикъ полупрозрачнаго душистаго мыла. Всѣ замѣчали, что это мыло какъ-то особенно притягательно вліяетъ на прапорщика Іонея. Какъ ни придетъ, сейчасъ за мыло. Повертитъ, понюхаетъ, положитъ и опять возьметъ, и т. д. Должно быть, накипѣло, не вытерпѣлъ. Приходитъ къ вла-

дѣльцу мыла съ предложеніемъ, не хочетъ ли онъ промѣнять мыло на флейту? Этотъ согласился.

Въ свою очередь, заполучившій флейту пожелалъ извлечь изъ нея удовольствіе себѣ и другимъ. Нашелъ любителя, который написалъ гамму и показалъ, какъ надо справляться съ флейтою. Неожиданный артистъ скоро добрался до пѣсенки „ѣхалъ казакъ за Дунай" и началъ зудить ее съ утра до ночи. Не только сожителю, но и околодку такъ надоѣла это пѣсенка, что корпоративно стали умолять музыканта смягчить придуманную имъ общественную кару, но тутъ подвернулся счастливый случай въ лицѣ опять того же Іонея. Назначили его въ продолжительную командировку въ Петербургъ. Тогда онъ пришелъ къ владѣтелю флейты съ новымъ предложеніемъ: ты знаешь, началъ онъ, что у меня квартира обставлена прилично, но брать эту обстановку съ собою въ Петербургъ мнѣ не разсчетъ. Помѣстить здѣсь некуда, а, между тѣмъ, я въ Петербургѣ могу найти хорошаго учителя на флейтѣ, которую могу взять съ собою; такъ не хочешь ли отдать мнѣ флейту и взять за нее всю мою мебель. Опять послѣдовало согласіе, а, въ концѣ концовъ, вышло, что бывшій владѣлецъ мыла получилъ за него приличную обстановку цѣлой комнаты! Но не долго пришлось ему любоваться своими обновками—все сгорѣло.

День коронаціи Николая I чествовался 22-го августа. Нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и я, сговорились отпраздновать этотъ день, устроивъ для дачныхъ знакомыхъ маленькій праздникъ съ фейерверкомъ, и отправились цѣлой ватагой за заставу, чтобы выбрать удобное для сходки мѣсто. Возвращаясь уже ночью, вдругъ видимъ пламя изъ-подъ крыши кабака, рядомъ съ моей квартирой и почти противъ деревянныхъ полковыхъ казармъ. Велѣли барабанщику ударить тревогу. Все проснулось, начался переполохъ, крикъ, бѣготня и все какъ слѣдуетъ, а къ утру-то стороны лучшей улицы, на которой начался пожаръ, какъ не бывало. Большинство изъ нашей компаніи и много офицеровъ вообще потеряли кое-что въ пожарѣ. Въ тотъ же день пріѣхалъ адъютантъ великаго князя и объявилъ, что пострадавшимъ офицерамъ, вѣроятно, будетъ оказано пособіе, для чего нужно представить счетъ убытковъ. Начальство, объявивъ это къ исполненію, предупредило, чтобы не увеличивать счетовъ, такъ какъ иначе всего не дадутъ. Такому указанію былъ присвоенъ двоякій смыслъ. Во-первыхъ, что не слѣдуетъ завираться, а, во-вторыхъ, что опасно показать только по совѣсти, такъ какъ всего не дадутъ и окажется въ убыткѣ. Начались сходки и шушуканіе, чтобы включать въ списки погорѣвшаго имущества, вслѣдствіе чего у всѣхъ оказались въ числѣ погорѣвшихъ вещей—шинель съ бобровымъ воротникомъ и такими

же лацканами и бритвенный несессеръ (!), мебель, обмундировка, бѣлье, чайный и столовый приборы, а у нѣкоторыхъ даже кухонная посуда. На верху, вѣроятно, посмѣялись; но все-таки выдали отъ тысячи до тысячи двухъ сотъ рублей на каждаго, конечно, ассигнаціями, т. е. отъ 300 до 350 рублей на серебро, что̀ было, однако же, большими деньгами, такъ какъ выдача составляла почти полуторагодовой окладъ жалованія, въ какой пропорціи получить теперь пособіе не совсѣмъ легко. Многіе изъ насъ привели свое хозяйство въ улучшенный порядокъ.

Вотъ и другой примѣръ продѣлки не совсѣмъ офицерскаго свойства. Былъ образцовый пѣхотный полкъ, которымъ командовалъ генералъ Жирковъ. Гроза безпримѣрная и фронтовикъ безупречный. Богъ знаетъ откуда не высылались въ этотъ полкъ офицеры съ соотвѣтствующимъ числомъ нижнихъ чиновъ. Около моего времени были доставлены шесть человѣкъ, пѣшихъ казаковъ, чуть не изъ Камчатки, не ѣвшихъ никогда ничего, кромѣ рыбы. Говорили, что ни одинъ изъ нихъ не дожилъ до конца срока.

Попасть въ образцовый полкъ было высшимъ желаніемъ армейскаго офицера. Усиленное содержаніе, жизнь въ Царскомъ Селѣ, по окончаніи срока полное обмундированіе на казенный счетъ, лестная репутація—въ родѣ окончанія курса въ военной академіи и даже возможность попасть въ гвардію; но во всякомъ случаѣ, офицеръ, вернувшійся изъ образцоваго полка, былъ уже на виду начальства для будущихъ повышеній. Почему, попавшій въ эту школу старался всѣми силами не вызвать какимъ-либо случаемъ негодованія командира полка, рискуя иначе быть возвращеннымъ со срамомъ до срока или получить неудовлетворительную аттестацію.

Въ деревнѣ, верстахъ въ четырехъ отъ лагеря, помѣщались больные образцоваго полка, и туда назначался ежедневно офицеръ на дежурство. Такъ какъ не ожидалось посѣщенія деревни начальствомъ, то дежурные, обыкновенно, туда не ходили и прятались въ такой день по палаткамъ товарищей, по возможности, внѣ своего полка.

Въ день, о которомъ я вспоминаю, былъ дежурнымъ въ деревнѣ, прикомандированный къ образцовому полку, мой товарищъ по корпусу—Центиловичъ, который сидѣлъ у меня въ палаткѣ. Вдругъ, по распоряженію добраго сослуживца, прибѣгаетъ писарь сказать, что генералу закладываютъ коляску, чтобы ѣхать въ деревню, къ больнымъ. Надѣть тотчасъ принесенный киверъ и шарфъ было дѣломъ одной минуты, но для меня непонятнымъ. Центиловичъ убѣжалъ и, часа черезъ два, вернулся торжествующимъ.—Надулъ, было первымъ его словомъ. Оказалось, что, надѣвъ форму, Центиловичъ скрылся за крайнимъ баракомъ, лежавшимъ на пути Жиркова, и когда задъ экипажа

поравнялся съ баракомъ, Центиловичъ выскочилъ и сѣлъ на запятки экипажа Жиркова. Подъѣзжая къ деревнѣ, соскочилъ, бросился бѣгомъ въ сторону, успѣлъ узнать, гдѣ болѣе скучены больные, сколько ихъ, и съ противоположнаго конца деревни встрѣтилъ запыхавшись генерала, отрапортовалъ какъ слѣдуетъ. Генералъ, видя усталость, милостиво замѣтилъ объ отсутствіи надобности въ излишней торопливости и похвалилъ за исправность. Когда же Жирковъ повернулъ оглобли, то Центиловичъ счелъ за благо возвратиться въ лагерь тѣмъ же способомъ, какъ оттуда уѣхалъ, и такъ попалъ ко мнѣ, выигравъ прочное, хорошее и полезное для будущей службы мнѣніе о себѣ генерала Жиркова. Вотъ что значитъ умѣніе пользоваться обстоятельствами.

Помнится мнѣ и другой случай, при участіи того же Жиркова.

Въ составъ нашего баталіона, своднаго изъ школъ солдатскихъ дѣтей гвардейскихъ полковъ, назначалось по одному офицеру отъ каждой бригады. Тутъ былъ и конно-гвардеецъ князь Щербатовъ, и лейбъ-уланъ — Ралгинъ, Семеновскаго — Корсаковъ, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, Измайловскаго—Эртель, потомъ брандъ-маіоръ петербургскій, Гренадерскаго—Чикмаревъ, получившій публично, на разводѣ, отъ самого государя поздравленіе съ открывшимся въ Лондонѣ фамильнымъ, многомилліоннымъ наслѣдствомъ, конечно, не выданнымъ, по примѣру большинства такихъ наслѣдствъ; Австрійскаго полка, юнѣйшій только-что произведенный изъ юнкеровъ—Бѣлелюбскій съ приставленнымъ къ нему маменькою дядькою, изъ крѣпостныхъ. Дядька этотъ былъ пьяница страшный. Спать ему приходилось на валикѣ, между наружною и внутреннею палатками, при чемъ онъ ухитрялся каждую ночь ложиться такъ, что носъ его попадалъ въ умывальный тазъ съ водою, и, затѣмъ, подъ утро, начиналось, всѣмъ сосѣдямъ извѣстное, сначала чиханіе, потомъ булькание и, наконецъ, воззваніе:—батюшки, тону, помогите, во избѣжаніе чего Бѣлелюбскій будилъ его чубукомъ, черезъ палатку. Утромъ этотъ блюститель благосостоянія барченка входилъ въ палатку съ мокрымъ полотенцемъ и вытиралъ личико и руки своего питомца, покуда его благородіе изволило потягиваться еще въ постелькѣ. Такъ, говорилъ, у насъ было заведено дома.

Лагерь нашего баталіона былъ расположенъ рядомъ съ образцовымъ полкомъ, совсѣмъ крайнимъ, къ Дудергофскому озеру. По берегу озера проходила дорога, на одной сторонѣ которой стоялъ небольшой, чистенькій, одноэтажный домикъ въ четыре окошка, съ дверью по срединѣ, въ сторону озера. Средину домика составляла наибольшая, лучшая комната, въ которой стоялъ столъ, за которымъ диванъ, а со стороны двери у стола два стула. Надобность такихъ топографическихъ подробностей выяснится изъ продолженія разсказа.

Въ этомъ домикѣ помѣщалась кофейная госпожи Кессенихъ. Кессенихъ была въ прусской арміи чѣмъ-то въ родѣ нашей Александровой-Дуровой, которая имѣла офицерскій Георгіевскій крестъ за кампанію 1812 — 1814 гг. и носила его еще въ сороковыхъ годахъ, сохраняя мужскую форму одежды. Кессенихъ имѣла также какой-то знакъ за военныя отличія, въ силу чего была представлена объѣзжавшему лагерь предмѣстнику перваго императора германскаго, королю прусскому, который, удостоивъ госпожу Кессенихъ особымъ вниманіемъ, наградилъ ее, на память... лестною улыбкою.

Эта Кессенихъ, потомъ, открыла, кажется, первый въ Петербургѣ, сохранявшій долго свою славу, танцъ-классъ, служа какъ бы предтечею госпожѣ Гебгардъ, которая, будучи приглашена Излеромъ съ приборомъ туманныхъ картинъ, потомъ тоже устроила танцъ-классъ. Далѣе, пекла публично вафли въ скверѣ Александровскаго театра. Со временемъ вошла въ роль русскаго Барнума, показывая, частью въ Пассажѣ, а частью въ устроенномъ въ концѣ Большой Морской балаганѣ разныя заморскія рѣдкости и безобразія, какъ Юлія Пастрана, которая, показывая себя, сама пѣла: я, Юлія Пастрана, передъ вами стою. Дѣвица-обезьяна, танцую, пою, — кончила устройствомъ нынѣ существующаго Зоологическаго сада, преобразовавшись въ госпожу Ростъ.

Назначили меня завѣдывать лазаретомъ нашего полка, верстахъ въ шести отъ лагеря, въ чухонской деревнѣ—Карвала. Тутъ нужно было уже жить. Полковой докторъ и я, вотъ всѣ обыватели. Отвели избу. Тоска ужасающая. Достать ничего нельзя, даже молока, такъ какъ на просьбу къ хозяйкѣ оставлять мнѣ одну бутылку упрямая чухонка, связывая каждое утро нѣсколько бутылокъ букетомъ, чтобы нести ихъ въ лагерь, всегда отвѣчала одно и то же:—одну бутылку продавать не стоитъ, бери всѣ, а иначе все же нужно остальныя нести въ лагерь,—и, руководствуясь такою логикою, мнѣ молока не продавала, а тащила всѣ бутылки въ лагерь.

Въ лагерѣ же было штукъ шесть своихъ, спеціально офицерскихъ, молочницъ — молоденькихъ, опрятно одѣтыхъ. Онѣ знали поименно, кто какую занимаетъ палатку, и съ утра уже слышались звонкіе голоса: господинъ такой-то, не угодно ли сливочекъ, землянички? При этомъ у каждой была въ одной рукѣ, завязанная въ салфетку, бутылка, а въ другой тарелка съ ягодами; но, въ дѣйствительности, ни того, ни другаго нельзя было купить ни за какія деньги. Этотъ товаръ составлялъ охранительный патентъ на гулянья по всему лагерю. Разсказывали, что, по вечерамъ, эти молочницы, но уже въ городскихъ туалетахъ, показывались не только въ Красномъ Селѣ, но и на музыкѣ въ Павловскѣ, и что одно очень высокое начальство,

обративъ когда-то вниманіе на пару такихъ посѣтительницъ въ Павловскѣ и встрѣтивъ потомъ ихъ въ лагерѣ, къ несчастію для нихъ, съ пустыми бутылками и безъ ягодъ, приказало посадить на барабаны и обрѣзать косы. Съ той поры — сливки и ягоды стали не продажными.

Первая наступившая суббота познакомила меня съ невѣдомыми до того чухонскими обычаями. Вижу, мимо моихъ оконъ двигаются одна за одной множество чухонокъ, въ чемъ мать родила, только на рукахъ рубашки. Это принятый способъ возвращенія изъ бани. Вечеромъ пошелъ по деревнѣ. Въ каждой избѣ семейство сидитъ около стола, и старшій членъ семьи читаетъ священную книгу. Несмотря на странную откровенность чухонокъ, какъ говорили, чистота нравовъ между чухнами царствуетъ безупречная, чему, вѣроятно, способствовало не мало поголовное безобразіе бѣлобрысыхъ чухонокъ и чухонъ отъ мала до велика; но въ числѣ малолѣтокъ нашелся одинъ шустрый, красивый мальчишка, брюнетъ съ бойкими глазенками — Николай. Онъ оказался питомцемъ, взятымъ изъ воспитательнаго дома. Я его полюбилъ, приласкалъ, сталъ поить чаемъ, давать куски сахару и такъ далѣе — за то и онъ привязался ко мнѣ, какъ собаченка.

Сижу я разъ у окна, скучаю и вдругъ вижу, о чудо, идетъ въ городскомъ туалетѣ барынька, хоть куда! Остановилась съ фельдшеромъ, и онъ указываетъ ей на мою избу. Что за благодать. На-скоро оправился, на всякій случай и не напрасно. Скрипнула дверь, и барынька водворилась ко мнѣ, рекомендуясь покровительницею Николая, какъ несчастнаго ребенка умершей пріятельницы, и прибавивъ, что только при содѣйствіи одной очень высокой особы ей удалось выслѣдить перемѣщеніе Николая изъ воспитательнаго дома, объяснила свой визитъ ко мнѣ побужденіемъ отблагодарить за ласки бѣднаго малютки. Барынька не отказалась отъ чаю, потомъ, слово за слово, и темнѣть стало. Возбудила вопросъ—не опасно ли ей одной ѣхать такъ поздно полями, мимо Дудергофа лагеремъ. Я же, хотя и ограждалъ поведеніе солдатъ, но, въ своихъ интересахъ, не отрицалъ осторожности. Экипажъ и извозчика устроили въ лазаретныхъ помѣщеніяхъ, и барынька уѣхала уже утромъ.

Потомъ прибѣжалъ радостный Николай сказать, что мама его обѣщалась скоро опять пріѣхать.

Когда я ходилъ гулять, то бралъ съ собою заряженное дробью ружье, хотя никогда не имѣлъ въ виду употребить его въ дѣло, по непризванію къ смертоубійству, а Николай не отставалъ отъ меня, выжидая съ нетерпѣніемъ случая, не выстрѣлю ли я когда-нибудь, чего ему очень захотѣлось.

Разъ, какъ-то, Николая при мнѣ не оказалось, и я пошелъ одинъ; но неподалеку встрѣтилъ Николая съ большою связкою селедокъ, за которыми его посылали въ лавочку сосѣдней деревни Перякюли. Положи, говорю ему, селедки на камень, я въ нихъ выстрѣлю. Мальчуганъ обрадовался и исполнилъ. Я отошелъ шаговъ двадцать и всадилъ въ селедокъ весь зарядъ дроби. Для чего это было сдѣлано, осталось никому неизвѣстнымъ, и мнѣ тоже. Вернулся къ себѣ и легъ спать. Черезъ нѣсколько времени, слышу стукъ въ окно. Спрашиваю, кто тамъ?—Я, Николай.—Что нужно?—Вставай, бѣда! Наши чухны съ дрекольемъ идутъ въ Перякюли бить лавочника за селедки. Говорятъ, никогда еще не ѣдали стрѣляныхъ селедокъ. Велѣлъ я позвать фельдшера и поручилъ ему разсказать старшинѣ, въ чемъ дѣло, добавивъ, что утромъ имъ будетъ куплено столько же новыхъ селедокъ и полштофа водки. Все уладилось; но старшій докторъ посовѣтовалъ мнѣ не шутить съ чухнами. Народъ угрюмый и злющій.

Мама Николая не даромъ сказала, что ей удалось выслѣдить путешествіе ея протеже изъ воспитательнаго дома, только при содѣйствіи очень высокой особы. Дѣйствительно, только участіе какого-нибудь очень высокаго лица могло измѣнить порядокъ, существовавшій для пріема приносимыхъ дѣтей. Нужно было позвонить у воротъ. Открывается форточка, въ нее принимаютъ ребенка, форточка закрывается, и ребенокъ исчезаетъ, какъ въ могилѣ, за даннымъ ему нумеромъ. По крайней мѣрѣ, впослѣдствіи уже, одинъ изъ старѣйшихъ директоровъ Опекунскаго совѣта, при горячемъ желаніи сообщить нумеръ сданнаго по особому условію ребенка его покровителямъ, ничего не могъ подѣлать; а очень высокая особа могла!

Тутъ-то и приходятъ мнѣ на память нѣкоторые очію извѣстные мнѣ интересные случаи всемогущества очень высокихъ особъ, при вмѣшательствѣ прекраснаго пола.

При Петербургскомъ университетѣ былъ лаборантомъ хорошій нѣмецъ, магистръ фармаціи, кажется, Андерсонъ. Мы съ нимъ встрѣчались очень часто, и онъ каждый разъ высказывалъ свое горе, что, имѣя личное право, преимущественно передъ многими, на содержаніе аптеки, не можетъ добыть на это разрѣшенія, и это портитъ всю его жизнь, такъ какъ при настоящихъ средствахъ трудно содержать своихъ стариковъ и, главное, нельзя жениться на избранницѣ сердца. Прочими аптекарями, говорилъ онъ, возведены около министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго такія барикады, что Перовскій самъ пришелъ къ убѣжденію въ невозможности разрѣшенія новыхъ аптекъ, хотя при одномъ только намекѣ на такое разрѣшеніе можно было бы получить кредитъ, достаточный не только на открытіе аптеки, но и на щедрое, тысячъ до пяти, вознагражденіе тому, кто обору-

довалъ бы это дѣло. Пробовали съ разныхъ сторонъ, но министръ и слушать не хочетъ. Эти разговоры, невольно, остались у меня въ памяти.

Въ то же время былъ въ числѣ моихъ знакомыхъ нѣкто, прослужившій четырнадцать лѣтъ корнетомъ въ уланахъ—Бистромъ. Настоящій уланъ того времени. Отличный товарищъ, балагуръ, безшабашный кутила и виверъ первой степени во всѣхъ отношеніяхъ, но... всегда безъ гроша. Имѣлъ привычку со втораго свиданія сходиться со всѣми на ты. Онъ часто бывалъ въ Ораніенбаумѣ, наѣзжая погостить у полицеймейстера, отставнаго кирасира, тоже отжившаго типа, Константина Петровича Пономарева. Этотъ тоже былъ не промахъ выпить и хлѣбосолъ съ открытыми объятіями для всѣхъ. Стоило сказать ему: а славный былъ вашъ полкъ, Константинъ Петровичъ, и онъ кричалъ уже: Ѳедька, взять шампанскаго у Щукина. За добрую память славнаго Орденскаго кирасирскаго полка! Выпьемъ, и пойдетъ попойка. Бистромъ, какъ ему захочется выпить, сейчасъ похвалитъ Орденскій полкъ, и выпивка готова.

Вообще же, Бистромъ былъ малый безпутный. Разъ, объявилъ, что вспомнилъ важное дѣло, по которому нужно непремѣнно быть завтра въ Петербургѣ.—Дай денегъ, обратился онъ къ Пономареву. Этотъ вынулъ, только-что принесенный ему чиновникомъ, свернутый фунтикъ съ серебряными деньгами, и отдалъ его, не считая Бистрому. По вопросу, встрѣченнаго потомъ, сдавшаго деньги чиновника, сколько было денегъ въ фунтикѣ? онъ отвѣтилъ, что было шестьдесятъ рублей, въ числѣ жалованія квартирной коммиссіи, прибавивъ: —жаль Пономарева, человѣкъ хорошій, а отъ суда не уйдетъ. Что и оправдалось.

Рано утромъ Бистромъ улетучился, но, къ общему удивленію, часамъ къ шести вернулся.—За какимъ чортомъ? спросилъ его Пономаревъ: дай еще цѣлковыхъ пять, отвѣчалъ Бистромъ, нужно быть въ Петербургѣ.

Бистромъ разсказалъ, что онъ, сѣвъ въ Петергофѣ на двѣнадцати-часовой пароходъ, нашелъ, хотя и незнакомую, но милую компанію, со всѣми сошелся. Нѣкоторыхъ пригласилъ позавтракать, а потомъ велѣлъ подавать всѣмъ шампанское. По пріѣздѣ же въ Петербургъ, изъ взятыхъ денегъ у него осталось ровно столько, сколько требовалось для возвращенія въ Ораніенбаумъ; въ Петербургѣ же и поѣсть не на что, почему и вернулся за новою субсидіею.

Въ одну изъ моихъ поѣздокъ въ Петербургъ встрѣчаю на Невскомъ Бистрома. Хватаетъ меня подъ руку и тащитъ насильно въ кондитерскую Лерхе. Садись, говоритъ, и слушай. Знаешь ты басню, какъ пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно и самъ себя спросилъ—къ

чему оно?—Ну, знаю.—Передъ тобою пѣтухъ, который нашелъ жемчужное зерно и хочетъ, чтобы ты сказалъ, къ чему оно? Желаешь служить у Перовскаго, я могу. Вижу, что человѣкъ не выпивши, а несетъ околесную.—Полно тебѣ куралесить, говори толкомъ, просилъ я.—Ты хочешь этого, изволь. Спросили мороженаго. Бистромъ усѣлся какъ-то картинно и началъ.

— Былъ распрелестнѣйшій вечеръ. Всѣ двигаются, видимо, погулять и развлечься, не сидится и мнѣ дома, а пойти некуда, вездѣ пожалуйте за входъ, а тутъ, поискавъ даже въ табачномъ кисетѣ, пененэовъ ни-ни, то-есть нигдѣ ни гроша. О судьба! вспомнилъ, что въ этотъ день гулянье на Смоленскомъ кладбищѣ. Думаю, пойду. Народу много, а пускаютъ даромъ, если тамъ не остаешься, конечно. Пошелъ. Вездѣ кучки. Ѣдятъ, а мѣстами и съ выпивкою; я же гуляю, да перышкомъ въ зубахъ ковыряю. Раздается приглашеніе расходиться. Двинулись массы къ выходу. Смотрю, какая-то премиленькая шляпка затерялась въ толпѣ, видимо стѣснена и не знаетъ, какъ выбраться. Какъ увидѣлъ я, что подъ шляпкою, прямо къ ней. Говорю, сударыня, позвольте быть вашимъ кавалеромъ и предложить мои услуги, чтобы освободить васъ отъ этой давки, только уже позвольте вашу ручку. Подала. И что за ручка! Я съ мѣста полнымъ аллюромъ, по-улански, руби, коли пѣхоту направо и налѣво, и вывелъ. Я ручку не освобождаю, а барынька не отнимаетъ. Такъ и пошли. Сбрехнулъ я что-то по-нѣмецки, она отвѣтила отлично. Сказалъ какую-то французскую пословицу,—говоритъ, какъ парижанка. Заинтересовался сначала я, а потомъ заинтересовались разговоромъ взаимно, и такъ проводилъ я свою сударыню отъ Смоленскаго до Владимірской, то-есть, черезъ весь городъ и наболтались вволю.

— Говорили, конечно, не объ одной политикѣ, въ ея отвлеченномъ смыслѣ, а коснулись и выгоды союзовъ и нарушенія равновѣсія, и когда дошли до дома, я получилъ право надѣяться, что настоящая первая прогулка не будетъ послѣднею. Потомъ, дѣйствительно, встрѣчались. Я не рисовался и занималъ даму откровеннымъ разсказомъ о томъ, что такое есмь азъ. Предки мои были рыцари. Вѣроятно, взятокъ не брали и казну не обкрадывали, но кого можно грабили, и потому послѣ нихъ кое-что осталось, изъ чего и по настоящее время достается на мою долю малая толика; но я не задерживаю денегъ отъ обращенія, и потому большую часть года живу, какъ птица небесная. Мнѣ сдѣлала вопросъ,—почему я не служу? Потому, говорю, что шалопай большой и чувствую себя ни къ какой службѣ неспособнымъ. Сидѣть не терплю, значитъ, и на мѣстѣ не усижу, а бѣгать по приказанію не соглашусь.—Очень жалко, проговорила со вздохомъ барыня. Если бы вы придумали что-нибудь для себя, въ

предѣлахъ возможности, конечно, по министерству Перовскаго, я бы вамъ ручалась за успѣхъ, подумайте!

— Вотъ тебѣ и жемчужное зерно. Ну, говори, не хочешь ли ты чего отъ Перовскаго, или скажи, чего бы мнѣ просить для себя. Барыня что-то значитъ и не вретъ.

Я о гражданскихъ мѣстахъ и должностяхъ никакого понятія не имѣлъ. Для себя ничего придумывать не собирался, да и совѣтовъ дать не могъ, но вспомнилъ при этомъ разговоръ съ Андерсономъ объ аптекѣ.

Разсказалъ все какъ слѣдуетъ. — Отыщи, говорю, Андерсона или другаго нѣмца, выхлопочи разрѣшеніе на аптеку, получи пять тысячъ и тогда выпьемъ.

Прошло много времени. Встрѣчаю Андерсона и, по привычкѣ, спрашиваю: ну, что аптека? Представьте себѣ, говоритъ, вѣдь новую-то аптеку разрѣшили, да еще въ Литейной части. Конечно, много врутъ, но, по слухамъ, выхлопоталъ какой-то уланъ. И что же, получилъ? Здорово получилъ. Бистрома послѣ того я не встрѣчалъ.

Другой случай. Тамъ, гдѣ теперь дворецъ великаго князя Михаила Николаевича, помѣщался департаментъ удѣловъ, а рядомъ съ нимъ былъ домъ Бибикова, передѣланный потомъ для его зятя графа Дм. Ан. Толстаго. Въ этомъ домѣ помѣщалось училище придворныхъ землемѣровъ, начальникомъ котораго былъ мой хорошій знакомый — Булгаковъ. Какъ-то, великимъ постомъ, предложилъ онъ мнѣ, буде пожелаю, полюбоваться духовною интрижкою. Пріѣзжайте, говоритъ, къ обѣднѣ или къ вечернѣ въ нашу удѣльную церковь. Жалѣть не будете. Я пріѣхалъ. По лѣвую сторону, у самаго амвона, стоитъ министръ финансовъ Вронченко, а, по правую сторону, на такомъ же мѣстѣ, высокая, стройная, въ кружевахъ и черномъ бархатномъ платьѣ съ шлейфомъ, что тогда еще не носили, красивѣйшая дама; и видимо стрѣляетъ глазами по направленію министра. Меня заинтересовала эта сцена, какъ новость, и я сталъ посѣщать всѣ службы. Наступила суббота; только-что Вронченко пріобщился, барыня подошла его поздравить первою. Вронченко подалъ ей руку и пошелъ на свое мѣсто, а барыня за нимъ. Завязался разговоръ, и служба кончилась.

Потомъ узнали, что интересная дама полька, жена какого-то чиновника, служащаго въ западномъ краѣ по министерству финансовъ. Черезъ нѣсколько времени, Булгаковъ показалъ мнѣ состоявшееся назначеніе мужа той особы предсѣдателемъ казенной палаты въ одну изъ лучшихъ центральныхъ губерній. Тогда въ казенной палатѣ сосредоточивались дѣла и по виннымъ откупамъ, и по соляной части, и рекрутскія, что, взятое вмѣстѣ, дѣлало полученіе казенной палаты предметомъ искательствъ для многихъ, хотя бы и съ большими жер-

твами... а Ѳедоръ Павловичъ Врониченко сохранилъ за собою историческую репутацію по части охоты на прекрасный полъ.

Возвращаюсь къ себѣ. Возложенное на меня завѣдываніе школою и библіотекою продолжалось нѣсколько лѣтъ, а, между тѣмъ, я, по сроку службы, сталъ приближаться къ старшимъ офицерамъ, съ чѣмъ вмѣстѣ начала обозначаться необходимость получать часто фронтовыя порученія до временнаго командованія ротою, включительно, а самъ я началъ сознавать свое безсиліе сдѣлаться фронтовикомъ; да, къ тому же, сказать по правдѣ, и не чувствовалъ вовсе призванія къ такой службѣ, увлекаясь кое-какими кабинетными занятіями. А тутъ еще подвернулся польстившій такому увлеченію случай. Пріѣхали въ Ораніенбаумъ: адъютантъ герцога Лейхтенбергскаго кн. Багратіонъ и еще инженеры и саперы: Вансовичъ, Васильевъ и Корсаковъ. Послѣдній мой однокашникъ, отыскалъ меня и сообщилъ, что они привезли, для показанія великому князю Михаилу Павловичу, изобрѣтенныя, прославившимъ себя открытіемъ гальванопластики, Якоби, первыя подводныя мины, за что Якоби предполагаетъ получить еще сто тысячъ рублей, какъ получилъ за гальванопластику. Я попросилъ взглянуть опыты. Довѣренныя лица отвѣтили, что я могу придти утромъ на каналъ и видѣть только результаты дѣйствія прибора, а самый приборъ показывать не должны, да и не могутъ, такъ какъ онъ весь затянутъ каучуковою оболочкою. На утро пустили по каналу плотики, и они, достигая значковъ, воткнутыхъ на берегу, противъ опущенныхъ въ воду минъ, по очереди взрывались.

Прійдя домой, мнѣ показалось, что придумана штука не хитрая. Послалъ за жестяныхъ дѣлъ мастеромъ и далъ ему рисунокъ прибора собственнаго измышленія. Къ вечеру, работа, хотя въ самомъ топорномъ видѣ, была готова. На слѣдующее утро пошелъ опять на каналъ, попросилъ заряды и установилъ свой, замаскированный парусиною, приборъ. Подвели плотикъ и его взорвало. Я торжествовалъ, а охранители опытовъ ужаснулись гнѣва Якоби, могущаго обвинить ихъ въ неумѣніи сохранить приборъ отъ посторонняго любопытства.

Вечеромъ, со всею компаніею, посѣтилъ меня самъ, только-что прибывшій, Якоби. Пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ на море закладывать мины, потомъ ужинъ съ тостами за меня. По утру опять на море. Завтракъ, обѣдъ и опять ужинъ. Однимъ словомъ, я не былъ освобожденъ отъ любезностей Якоби ни на одну минуту, до самаго пріѣзда великаго князя. Потомъ мнѣ объяснили, что поводомъ сугубыхъ любезностей было желаніе Якоби не упускать меня изъ виду въ предположеніи, что я могу самъ довести до свѣдѣнія великаго князя способъ взрывовъ и тѣмъ нарушить разсчеты Якоби о вознагра-

жденіи его; хотя мнѣ это и на умъ не приходило; но удача опыта и вниманіе цѣлой компаніи вскружило голову, въ которой еще тверже стало складываться самомнѣніе, что не во фронтѣ нужно мнѣ пролагать себѣ дорогу. Кстати, и вся посѣщавшая меня компанія запѣла въ одинъ голосъ: что вы глохнете здѣсь! Перебирайтесь въ Петербургъ. Тамъ охотнику трудиться работа и хорошій хлѣбъ всегда найдутся, а тутъ еще и Овандеръ получилъ другое назначеніе, и его мѣсто занялъ генералъ Довбышевъ, который, съ наступленіемъ осени, предписалъ мнѣ для завѣдыванія ротою перебраться на всю зиму въ деревню. Невтерпежъ стало. Подалъ рапортъ о болѣзни. Вернулся въ Ораніенбаумъ, да, не спросясь броду, и сунулся въ воду—подалъ въ отставку, рисуя свое будущее въ самомъ розовомъ цвѣтѣ. Ну, гвардейскій офицеръ, конечно, ему вездѣ дадутъ мѣсто, уже, конечно не какого-нибудь столоначальника (другихъ наименованій я не зналъ), а что - нибудь получше, и жалованье, само собою, не такое, какое даютъ теперь.

Приближалась весна. Мнѣ принесли приказъ объ увольненіи меня въ отставку съ чиномъ девятаго класса.

Если бы я, какъ окончившій курсъ первымъ, выходилъ прямо къ статскимъ дѣламъ, то получалъ бы десятый классъ, а теперь, прослуживъ семь лѣтъ, увольняюсь съ выслугой одного чина, тогда какъ въ гражданской службѣ я могъ бы получить въ такое время три чина. Это было первымъ афронтомъ.

Наступилъ вечеръ. Я остался одинъ съ приказомъ передъ глазами, и тутъ только представился мнѣ со всѣми ужасами безотвѣтный вопросъ: что же теперь? Въ Ораніенбаумѣ оставаться не для чего. Нужно военную форму замѣнять статскою. Нужно куда-нибудь пріютиться, пить, ѣсть и искать службы, въ карманѣ ни гроша и въ числѣ знакомыхъ ни одного вліятельнаго лица, которое могло бы помочь моему положенію.

Теперь, когда пишу эти строки, черезъ сорокъ слишкомъ лѣтъ, вспоминаю съ содроганіемъ ту проклятую первую ночь, которую я прошлепалъ, ходя до разсвѣта изъ угла въ уголъ. Что пришлось передумать и перечувствовать въ ту ночь, извѣстно одному Богу, удержавшему меня отъ какого-либо неправильнаго рѣшенія; а черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ того, я былъ въ генеральскомъ рангѣ съ подобающими регаліями, имѣлъ прекрасную казенную квартиру и вполнѣ обезпечивавшее меня содержаніе. Сдѣлалъ то, что называется карьерою, и при томъ безъ малѣйшаго оскорбленія совѣсти и сохранивъ полное самоуваженіе, безъ сожалѣнія и раскаянія въ чемъ бы то ни было.

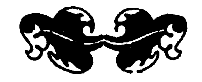
Съ благодареніемъ къ Промыслу, желаю возстановить въ памяти

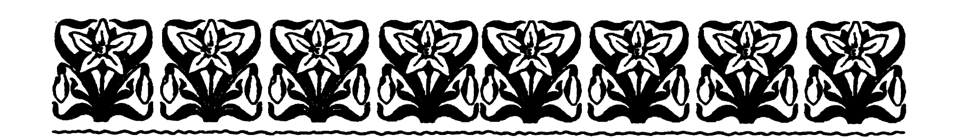
*

тѣ негаданные пути, какіе нежданно вели меня къ непредвидѣннымъ, но благопріятнымъ цѣлямъ, и, не думая прибѣгать къ прикрасамъ по вымыслу, хочу сохранить за моимъ разсказомъ цѣну истинной были, а не сочиненія, дабы представить одинъ изъ примѣровъ, что первый ударъ судьбы, какъ бы тяжелъ ни былъ, не всегда наноситъ смертельное пораженіе всему будущему, и что между бѣдою и отчаяніемъ остается еще мѣсто для утѣшительницы-надежды.

Для продолженія моего разсказа я долженъ снова вернуться къ моему дѣтству.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Иркутскаго жителя.

(И. Т. Калашникова).

II [1]).

Жизнь и дѣятельность Словцова въ Сибири.—Переписка съ Сперанскимъ.—Хлопоты Пестеля о возвращеніи Словцова изъ Сибири.—Путешествія его по Сибири и научные труды.—Словцовъ—директоръ училищъ.

Съ растерзанною душою удаляясь въ Сибирь, теряя лучшія надежды своей жизни, но сокрушаясь не столько о потерянныхъ видахъ честолюбія, сколько о нанесенномъ ему поношеніи, Словцовъ написалъ изъ Казани исполненное горести письмо къ Сперанскому.

Сперанскій, проникнутый, какъ и Словцовъ, духомъ христіанскаго ученія, поспѣшилъ послать къ нему утѣшительное слово, отъ 22 іюня 1808 года.

„Письмо ваше"—писалъ Сперанскій—„любезный Петръ Андреевичъ, изъ Казани, я получилъ. Кто взялъ на себя крестъ и положилъ руку на рало, тотъ не долженъ уже озираться вспять,—и что, впрочемъ, озираясь, онъ увидитъ? Мечты и привидѣнія, все похоть очесъ и гордость житейскую. Великая разность, другъ мой, идти путемъ умозрѣнія и путемъ дѣйствительнаго терпѣнія. Мы умствуемъ, а тебѣ милосердное Провидѣніе назначило дѣйствовать: будь же орудіемъ его вѣрнымъ и не разногласнымъ. Человѣкъ съ той минуты пріобщается точно и истинно сыну Божію, вездѣ присутствующему, вседѣйствующему, и раздѣляетъ честь Божества, когда онъ прилагается волѣ Божіей покорностію своей воли. Въ семъ состоитъ едино на потребу, коего требуетъ любовь и безъ коего не можетъ быть истиннаго соединенія. Впрочемъ царство Божіе близъ есть. Въ милліонѣ вѣковъ, кои намъ прожить остается, дѣйствительно настоящая

---

[1]) См. „Русскую Старину" августъ 1905 г.

жизнь есть мгновеніе: какъ же тутъ различить годы, мѣсяцы и дни? Какъ найти въ сей безднѣ разстояніе Сибири отъ Петербурга? Какъ опредѣлить положеніе и предѣлъ различныхъ мельканій, что мы называемъ участію и происшествіемъ нашей жизни?

„Не соблазняйтесь, однакожъ, другъ мой, приливомъ разныхъ тщетныхъ помысловъ; вспомни слова нашего добраго Ѳомы Кемпійскаго. Сего утра я читаю“:

„Tant que vous vivrez, vous serez sujet au changement, tantôt en paix, tantôt dans le trouble, tantôt devôt, et tantôt dans la tiédeur, tantôt grave et tantôt léger. Mais l'homme sage et bien instruit des choses spirituelles demeure ferme au milieu de tant des changements, ne prenant point garde de quelle coté souffle ce vent de l' instabilité, mais tournant toutes les vues de son esprit vers l'excellente fin à la quelle tout doit tendre“.

„Не удивитесь, что, вмѣсто Петербургскихъ новостей, пишу вамъ вещи, такъ мало къ Петербургу принадлежащія. Сія бесѣда есть единственно для меня и для васъ интересная. Прочее пусть идетъ, какъ можетъ, а съ оси Провидѣнія не спадетъ и съ пути своего не совратится. Впрочемъ Учитель нашъ сказалъ: Царство мое нѣсть отъ міра сего, а слѣдовательно и новости его до насъ не принадлежатъ; вообще сказать, старое идетъ по-старому. Прощайте, мой любезный! душевно васъ обнимаю, Божію благословенію васъ поручаю; не забудьте меня въ вашихъ утреннихъ размышленіяхъ“.

Въ письмѣ этомъ высказалась прекрасная душа Сперанскаго и высокое воззрѣніе его на земныя страданія, какъ необходимый путь къ блаженной вѣчности. Но трудно было успокоить растерзанное печалію сердце Словцова. Мысль возвратиться въ Петербургъ, чтобы сбросить съ себя незаслуженное бремя позора, преслѣдовала его неотступно. Если въ этомъ проявлялась нѣкоторая слабость, то въ оправданіе Словцова можно привести то, что и самъ Сперанскій, поставленный судьбою въ подобное положеніе, также рвался въ Петербургъ, чтобы изгладить пятно, нанесенное имени его клеветою и злобою людей. Далѣе увидимъ, что Сперанскій, какъ бы провидя будущее свое несчастіе, писалъ къ Словцову, что, можетъ быть, въ положеніи Словцова онъ былъ бы еще прискорбнѣе и неутѣшнѣе. Истинно сказано: духъ бодръ, плоть немощна!

По пріѣздѣ въ Тобольскъ, бывшій Сибирскій генералъ-губернаторъ Пестель принялъ его съ большимъ участіемъ, сколько по уваженію къ личнымъ его достоинствамъ, столько же, вѣроятно, и по отношеніямъ его къ Сперанскому. Нѣтъ сомнѣнія, что непритворная и теплая дружба Сперанскаго, въ то время столь близкаго престолу, невидимо поддерживала Словцова и располагала къ нему Пестеля.

Предполагая въ то время отправиться въ С.-Петербургъ, Пестель обѣщалъ Словцову ходатайствовать о возвращеніи его сюда и, не сомнѣваясь въ успѣхѣ своего ходатайства, приказалъ Словцову ѣхать въ Новгородъ [1]), и тамъ оставаться до его прибытія изъ Сибири. Предписаніе объ этомъ дано было генералъ-губернаторомъ 23-го декабря 1808 года.

Извѣстивъ о своемъ возвращеніи Сперанскаго, Словцовъ получилъ отъ него отъ 18-го января 1809 года слѣдующее письмо:

„Письмо ваше, любезный Петръ Андреевичъ, съ извѣстіемъ о возвратѣ вашемъ сюда, много меня обрадовало. Нельзя еще теперь опредѣлить ни надеждъ вашихъ, ни страховъ: ибо все съ вами случающееся не входитъ въ обыкновенные человѣческіе разсчеты. Вашъ путь особенный и Провидѣніе ведетъ васъ совершенно по своему. Съ сей точки зрѣнія вы непрестанно должны смотрѣть на всѣ происшествія вашей жизни: ничего не ожидать положительнаго и на все быть готовымъ. Я желалъ бы, чтобы въ Москвѣ или гдѣ-нибудь дождались вы Ивана Борисовича (Пестеля), чтобъ въ Петербургъ пріѣхать вмѣстѣ. Во всѣхъ случаяхъ на первый разъ вы пристаньте въ старой вашей квартирѣ у Голяховскаго, а тамъ посмотримъ, какъ будетъ вамъ удобнѣе. Прости, мой любезный! Не человѣческой помощи, но Богу единому тебя поручаю“.

Словцовъ, пріѣхавъ въ Новгородъ, ожидалъ, между страхомъ и надеждою, рѣшенія своей участи, между тѣмъ какъ Пестель хлопоталъ о дозволеніи ему пріѣхать въ Петербургъ. Судьба, назначивъ нести ему крестъ, не исполнила его ожиданій. Старанія Пестеля не удались. 31-го января 1809 года онъ прислалъ Словцову собственноручное приказаніе ѣхать въ Москву и, принявъ тамъ часть его канцеляріи, ожидать дальнѣйшихъ распоряженій.

Бывъ почти у воротъ Петербурга, въ предверіи своихъ надеждъ, несчастный странникъ снова долженъ былъ все оставить, отъ всего отказаться и возвратиться назадъ: не значило ли это вытерпѣть второй, едва-ли еще не сильнѣйшій ударъ?

Сперанскій, безъ сомнѣнія, содѣйствовалъ ходатайству Пестеля въ возвращеніи Словцова, хотя въ бумагахъ сего послѣдняго, мнѣ переданныхъ, и не видно никакихъ слѣдовъ его содѣйствія. Бездѣйствіе и равнодушіе Сперанскаго къ судьбѣ его друга и товарища было бы не согласно ни съ его добродѣтельною и религіозною душою, ни съ его высокою и благородною натурою, ни съ любовію, наконецъ, какую онъ выказывалъ Словцову въ своихъ письмахъ.

Послѣ неудачной попытки Пестеля, Сперанскій писалъ Словцову 5-го февраля 1809 года:

---

[1]) См. объ этомъ „Русск. Архивъ“ 1867, ст. 1681—1687.

„Самъ ты видишь, любезный мой страдалецъ, что трудно противъ рожна прати, лучше покориться, бросить всѣ замыслы и ничто не надѣяться, не желать и не мыслить, какъ токмо о единомъ. Вѣрь, что Провидѣніе ведетъ тебя особенно: ибо всѣ человѣческіе способы и усилія, противные твоему влеченію, какъ бреніе, сокрушаются. Въ Москвѣ найдешь мое письмо у Ключарева. Совѣтую тебѣ съ нимъ познакомиться: онъ, можетъ быть, утѣшитъ тебя и нѣсколько подниметъ упадшій твой духъ. Другихъ утѣшеній представить тебѣ не могу: ибо, несмотря на разность положеній, и самъ ихъ не имѣю. Размысли, что ты потерялъ?—Случай къ гордости и пищу самолюбія, а болѣе ничего. Много можешь ты мнѣ сказать въ укоризну сихъ совѣтовъ, но истина не относится къ лицу и я, который тебѣ совѣтую, въ твоемъ положеніи, можетъ быть, былъ еще прискорбнѣе и неутѣшнѣе. Прощай, Богу, вѣрѣ, надеждѣ и любви, единому сущему тебя поручаю!"

Справедливо сказано въ этомъ письмѣ, что Провидѣніе вело Словцова особеннымъ путемъ; видно, было необходимо, чтобы сильная, энергическая и честная его душа была очищена, для неба, тяжкими испытаніями. Но чувствуя себя еще въ силахъ дѣйствовать, быть полезнымъ, быть счастливымъ и—однакожъ,—отъ всего отказаться, ни о чемъ не мечтать, ничего не жалѣть, ни на что не надѣяться, никуда не стремиться... О! это сказать легко, но исполнить трудно, и какъ еще трудно!

Въ 1809 году отъ 12-го февраля генералъ-губернаторъ Пестель предписалъ Словцову, бывшему тогда въ Москвѣ, ѣхать въ Иркутскъ и ждать тамъ его приказаній; но Словцовъ, отъ сильныхъ душевныхъ потрясеній, сдѣлавшись боленъ, не могъ продолжать пути и, доѣхавъ до Тобольска, возвратился въ Екатеринбургъ, откуда по временамъ путешествовалъ по Уральскимъ заводамъ.

Неизвѣстно, въ чемъ заключалось письмо Сперанскаго, которое было послано имъ въ Москву Ключареву для передачи Словцову. Не былъ ли тамъ указанъ какой-либо планъ, составленный Сперанскимъ для спасенія его друга, и не по совѣту ли, можетъ быть, Сперанскаго—чтобы доставить предлогъ съ чего-нибудь начать, Словцовъ, въ 1810 году изъ Екатеринбурга, жалуясь на суровость сибирскаго климата, имѣющаго вредное вліяніе на его здоровье, просилъ управлявшаго тогда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Козодавлева объ исходатайствованіи ему всемилостивѣйшаго дозволенія перемѣститься въ Саратовскую губернію.

Вслѣдствіе этой просьбы Козодавлевъ потребовалъ разныя свѣдѣнія о Словцовѣ отъ генералъ-губернатора Пестеля, который вполнѣ подтвердилъ изъясненія Словцова. „Здоровье Словцова — писалъ онъ отъ

10-го ноября 1810 года, весьма ненадежно: ибо, не говоря о вліяніи на него сибирскаго климата, несчастное положеніе его обстоятельствъ убиваетъ его совершенно, и онъ, имѣя чувствительный характеръ, въ полной мѣрѣ ощущаетъ свои страданія, приводящія силы его въ изнеможеніе. Я самъ очевиднымъ бывалъ сему свидѣтелемъ и не могъ взирать на жребій его безъ крайняго сожалѣнія. Онъ достоинъ быть внятъ и по рѣдкимъ его талантамъ и по благомыслію, съ которымъ ведетъ себя".

Пестель нисколько не увеличивалъ страданія Словцова, которыхъ, какъ говоритъ онъ, самъ былъ свидѣтелемъ. Я сказалъ уже выше, что на него находили сильныя ипохондрическіе припадки и онъ горько и продолжительно плакалъ. Видѣть это, точно, чрезвычайно тяжело было. Болѣе свыкшись съ своимъ положеніемъ, онъ уже рѣже впадалъ въ это болѣзненное раздраженіе нервъ, единожды на всегда потрясенныхъ.

Сдѣлавъ оффиціальный отзывъ Козодавлеву, Пестель, въ то же время писалъ къ Словцову (отъ 11-го ноября 1810 г.): „будучи всегда занятъ положеніемъ вашихъ обстоятельствъ, столь близкихъ моему сердцу, поджидалъ я все благопріятнаго и многожелаемаго для васъ событія. Отдаленіе его отдалило и мое съ вами сношеніе. Но, кажется, что я скоро доставлю вамъ утѣшительное извѣстіе: все къ тому уже подготовлено".

Этимъ вполнѣ подтверждается та догадка, что перемѣщеніе Словцова въ Саратовскую губернію былъ только поводъ къ начатію хлопотъ объ его освобожденіи.

Очевидно, что Пестель намекаетъ именно на полное освобожденіе, потому что одна перемѣна мѣста изгнанія не могла доставить Словцову особеннаго утѣшенія и подготовляться къ ней особенно не было надобности. Заключеніе мое еще сильнѣе подтверждается собственноручнымъ постъ-скриптумомъ Пестеля на томъ же письмѣ: „желаю вамъ – говоритъ онъ—отъ всего сердца всякаго добра. Торжественно увѣряю васъ, что въ пользу вашу никакого случая не упускалъ и сердечно радъ буду видѣть васъ успокоеннымъ въ скоромъ времени". Но Словцовъ, какъ это зналъ Пестель, ничѣмъ не могъ быть успокоенъ, кромѣ дозволенія возвратиться въ Петербургъ.

Къ сожалѣнію, и на сей разъ хлопоты о возвращеніи Словцова не имѣли успѣха. Еще ударъ долженъ перенести нашъ страдалецъ и—перенесъ его въ смиреніи: чрезъ повтореніе сердце дѣлается равнодушнѣе и къ радости и горю. На одной изъ бумагъ объ его возвращеніи Словцовъ написалъ: „пріятели хотѣли мнѣ помочь, но Богу не угодно было ихъ намѣреніе".

Послѣ этой послѣдней неудачи, Словцовъ былъ отправленъ Пе-

стелемъ (28-го февраля 1811 г.) для обозрѣнія таможенъ и таможенныхъ заставъ во всѣхъ трехъ сибирскихъ губерніяхъ, другими словами, Пестель разрѣшилъ ему жить въ Сибири, гдѣ покажется ему лучше. Но Словцовъ по причинѣ болѣзни оставался до 1814 года по-прежнему въ Екатеринбургѣ, продолжая свои поѣздки по Уральскимъ заводамъ.

Между тѣмъ страшная гроза прогремѣла и надъ Сперанскимъ. Облегчая свою горесть заочною бесѣдою съ другомъ и товарищемъ юности, онъ писалъ къ Словцову отъ 6-го августа 1813 года изъ Перми, выражая истинное и высокое самоотверженіе: „Люди и несправедливости ихъ, по благости Божіей, говорилъ онъ, мало-по-малу изъ мыслей моихъ изчезаютъ. Тотъ, кто посредствомъ ихъ исторгнулъ меня изъ бездны страстей, раздиравшихъ мою душу; кто далъ мнѣ потомъ самые вѣрные опыты своего милосердія и, по истинѣ, несказанной благости; кто рѣшилъ однимъ мгновеніемъ всѣ колебанія моей воли и вялымъ, давнишнимъ къ нему моимъ влеченіемъ, далъ постоянное направленіе: тотъ устроитъ все по своему усмотрѣнію и не попуститъ, конечно, чтобъ я еще разъ изъ рукъ его выпалъ“.

Странная судьба этихъ людей! Когда въ 1808 году Словцовъ отправлялся на службу въ Сибирь, могъ ли думать, что чрезъ четыре года и Сперанскій подвергнется также гоненію людей и испытаетъ ту же участь, даже будетъ почти въ одномъ мѣстѣ изгнанія?

Въ 1814 году Словцовъ, оправясь отъ удручавшей его болѣзни и окончательно простившись со всѣми надеждами, поѣхалъ въ Иркутскъ. Здѣсь начинается его странническая жизнь, продолжавшаяся почти до самой его смерти.

Вскорѣ по пріѣздѣ Словцова въ Иркутскъ, губернское начальство поручило ему обозрѣть Забайкальскій край, не исключая и отдаленнаго Нерчинска. Едва онъ возвратился изъ-за Байкала, его послали обозрѣвать не менѣе обширные уѣзды—Иркутскій и Нижнеудинскій. Только-что кончилъ онъ обозрѣніе этихъ обширнѣйшихъ въ цѣлой Россіи уѣздовъ, гдѣ легко могло бы уставиться нѣсколько германскихъ государствъ, если не вся пресловутая Германія, какъ былъ снова посланъ для такого же обозрѣнія въ безпредѣльный, пустынный и холодный Киренско-Якутскій край.

Обозрѣвая эти страшныя пространства, Словцовъ присылалъ не сухія и краткія донесенія, но цѣлыя статьи и книги, которыя могли бы быть украшеніемъ любого журнала, и изъ которыхъ многія дѣйствительно были напечатаны, какъ напримѣръ: Описаніе кяхтинской торговли, Описаніе забайкальскихъ поселеній и другія.

Изображенія разныхъ мѣстностей Иркутской губерніи, сдѣланныя

Словцовымъ, любопытны въ высшей степени; я приведу нѣсколько страницъ изъ описанія поселеній за Яблоновымъ хребтомъ и Нерчинскаго уѣзда.

„Поселенія, мною видѣнныя", говоритъ Словцовъ, „какъ по мѣстоположенію, такъ и по образу постройки домовъ, представляютъ веселыя картины общежитія и на которыхъ глазъ, утомленный пустынею Хоринскою и безобразною дикостію Яблоннаго хребта, успокоивается пріятнѣйшимъ образомъ. Какая разность между поселеніями и деревнями старожиловъ!"

„Поселенцы, судя по ихъ набожности и особенной склонности къ трудолюбію, представляютъ уже не бродягъ, но людей, въ обществѣ живущихъ. Лѣнтяи и негодяи, которыхъ, однакожъ, не такъ много, находятся у нихъ въ пренебреженіи, а это показываетъ уже начало общественности. Большая часть изъ нихъ уже почувствовала нужду въ трудѣ; четвертая часть уже наслаждается плодами его при добромъ поведеніи и 4 изъ 100 человѣкъ могутъ равняться со всякимъ порядочнымъ крестьяниномъ. Таковъ, по многимъ заключеніямъ, прогрессъ наличныхъ поселенцевъ".

„Кто любитъ картины земледѣлія, тотъ можетъ найти ихъ близъ Александровскаго (поселенія). Зеленѣющіе на высотахъ посѣвы доказываютъ, что земледѣлецъ не лѣнится. По Онону, роскошному водами и разливами и котораго берега отъ природы украшены красивымъ шиповникомъ, боярышникомъ, благовоннымъ тополемъ, дикою яблонью и персиковыми деревьями, издали еще веселятъ взоръ разноцвѣтные, шахматные скаты горъ, разцвѣченные распашками и засѣвами Куралжинскаго и Тутхалтуйскаго поселенія. Признаюсь, что, восхищаясь богатствомъ природы въ сихъ мѣстахъ и живого картиннаго трудолюбія, я не могъ не жалѣть, что по Онону мало назначено поселеній. Земля здѣсь, если вѣрить самимъ жителямъ, весьма хлѣбородна, какъ то доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что во всѣ неурожаи прошедшихъ годовъ здѣсь недостатокъ въ продовольствіи наименѣе былъ чувствителенъ и, если бы земледѣліе распространилось, то край сей, при выгодахъ судоходства, составлялъ бы для нуждающихся по низу мѣстъ богатую житницу".

„Одно, къ чему трудно здѣсь привыкнуть и при чемъ нельзя обойтись безъ уѣздной карты, есть варварское наименованіе поселеній. Если правительство имѣло то въ намѣреніи, чтобы разными неприметными пріемами слить разнородныя племена въ одно тѣло, то не легко понять, для чего въ словарѣ губернскомъ удерживаются ордынскія названія?"

Далѣе авторъ замѣчаетъ, что главныя препятствія устройству поселеній есть холостая жизнь и неурожаи. „Я старался, говоритъ

онъ, вездѣ уговаривать поселенцевъ къ женитьбѣ, разсчитывая, что пни въ счетъ нейдутъ и что намѣреніе правительства оправдывается только числомъ новаго поколѣнія".

Неурожаи авторъ, большею частію, приписываетъ неумѣнью поселенцевъ обращаться съ землею и сказываетъ, что онъ совѣтовалъ смотрителю поселеній снабдить хотя каждый участокъ весьма полезнымъ сочинеиіемъ: „Полная система практическаго сельскаго домоводства". „Знающіе грамотѣ поселенцы—говоритъ авторъ—увидѣли бы, какъ должно обращаться съ здѣшнею землею. Одинъ экземпляръ этой книги я отослалъ къ смотрителю".

Далѣе говорится въ описаніи о необходимости разводить въ поселеніяхъ огородныя овощи и для того разсылать по селеніямъ сѣмена; пріучать поселенцевъ къ опрятности; завести къ селеніяхъ ярмарки и проч.

Самыми печальными красками описываетъ Словцовъ состояніе жителей Нерчинскаго уѣзда:

„Ветхое и безобразное строеніе—говоритъ онъ—въ Нерчинскомъ краѣ показываетъ, что духъ трудолюбія и дѣятельности тамъ упалъ или не возвышался никогда. Николаевцы (переселенцы съ Кавказа), перемѣнивъ климатъ и принявъ наконецъ осѣдлость близъ великихъ лѣсовъ, не умѣли вообразить лучше несвязнаго рисунка малороссійскихъ хижинъ, въ которыхъ родились, а потому и видно, что постройки поселенцевъ остаются образцами безъ подражанія".

„На деревенскихъ жителяхъ обоего пола рѣдко видѣлъ я и рубахи. Если же и видѣлъ, то это была, по большей части, ветошь изъ китайскихъ матерій, оставшихся имъ отъ выгодъ прежняго скотоводства".

„О крестьянахъ заводскаго вѣдомства нельзя вспомнить безъ сердечнаго сокрушенія. Дѣти ихъ наги, главные же семьянины или вообще взрослые покрыты гнуснѣйшимъ рубищемъ".

Далѣе авторъ говоритъ, что съ открытіемъ весны жители Нерчинскаго уѣзда питаются разными травами и кореньями, а заводскіе крестьяне и не имѣютъ другого продовольствія; что скотоводство ихъ изчезло; что огородовъ у нихъ нѣтъ; что никакихъ ремеселъ среди нихъ не существуетъ, и что общій упадокъ трудолюбія свидѣтельствуется ничтожностью задѣльной платы: „ибо здѣсь, говоритъ онъ, кажется, не имѣютъ нужды въ рукахъ".

Любопытно бы знать, улучшилось ли съ тѣхъ поръ положеніе несчастныхъ жителей Нерчинскаго края? По крайней мѣрѣ утѣшительно полагать, что счастливое пріобрѣтеніе Амура пробудитъ дремавшихъ лѣностію тамошнихъ жителей и принесетъ имъ лучшую жизнь, потому что край самъ по себѣ щедро одаренъ дарами при-

роды. „Нерчинскій край, говоритъ Словцовъ, такъ обширенъ, силы природы такъ разнообразны, что на одномъ необозримомъ пространствѣ я видѣлъ разные возрасты хлѣба, въ одно время посѣяннаго: здѣсь онъ колосится, въ другомъ мѣстѣ отцвѣтаетъ, тамъ еще выходитъ. Можно сказать, что природа въ изъявленіи силъ своихъ также неправильна, какъ поверхность тамошней земли, изуродованной переворотами“.

Прекращая здѣсь выписки изъ описанія, сдѣланнаго Словцовымъ Забайкальскому краю, должно сказать, что какъ по своимъ живописнымъ и вѣрнымъ изображеніямъ, такъ по дѣльнымъ и просвѣщеннымъ воззрѣніямъ, донесенія Словцова составляли истинное сокровище для губернской власти, которой одинъ только случай могъ доставить столь даровитаго и образованнаго человѣка.

Замѣчательно, что при поѣздкѣ въ Якутскъ и тогдашній иркутскій архіерей Михаилъ, искренно и глубоко уважавшій Словцова, какъ сказалъ я прежде, также далъ ему порученіе—обозрѣть состояніе якутскаго духовенства. „Я полагаюсь совершенно—писалъ преосвященный—на благоразуміе и прозорливость вашу и надѣюсь на васъ болѣе, нежели на себя“.

Обозрѣвая всѣ путешествія Словцова, нельзя не согласиться, что проѣхать изъ Петербурга въ Тобольскъ, потомъ возвратиться въ Новгородъ, затѣмъ опять отправиться назадъ до границъ Сибири, оттуда спуститься въ Иркутскъ, объѣхать Забайкальскій край, обозрѣть отдаленный Нерчинскій уѣздъ, далѣе — объѣхать уѣзды Иркутскій и Нижнеудинскій, наконецъ достичь Киренска, Якутска, почти коснуться предѣловъ полярнаго круга,—по дорогамъ, большею частію, проселочнымъ, едва проходимымъ, со всевозможными лишеніями, при суровости климата, доходившей въ Якутскѣ до 40° мороза, — совершить такія путешествія, при такихъ неудобствахъ — надобно было имѣть болѣе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, нежели сколько могъ тогда имѣть Словцовъ, растерзанный горестію и болѣзнями. Но, видно, Провидѣніе, налагающее крестъ, даетъ и силы страдальцу, чтобы его нести!..

Какое же содержаніе получалъ въ это время нашъ скиталецъ? Какими наградами были заплачены его труды и заслуги? — Содержаніе его не превышало 350 рублей серебромъ, а вся награда состояла въ благодарности губернскаго начальства!.. Но никогда награды и не входили въ его разсчетъ: онъ старался только исполнять свой долгъ и всякое желаніе вознагражденій за свои труды считалъ особеннаго рода корыстолюбіемъ, какъ можно видѣть изъ писемъ его.

Въ 1815 году января 12-го, по представленію губернатора Трескина, Словцовъ былъ опредѣленъ иркутскимъ совѣстнымъ судьею;

но это назначеніе не спасло его отъ новаго странствованія, какъ будто бы губернское начальство поклялось не давать ему покоя.

Въ іюлѣ 1815 года Словцовъ опять былъ посланъ сперва по Якутскому, а потомъ по Нижнеудинскому тракту, отыскивать мѣста для новыхъ поселеній. Тракты эти почти перпендикулярны одинъ къ другому: одинъ идетъ къ Сѣверу, другой на Западъ. Но этого не довольно: въ то же время было велѣно ему осмотрѣть и указать годныя мѣста для поселеній по теченію Ангары. Словомъ: было необходимо опять проѣхать огромныя пространства, частію по столбовымъ, частію по проселочнымъ дорогамъ. Словцовъ безпрекословно исполнилъ и эти порученія и—опять получилъ благодарность губернскаго начальства!

Большую часть своихъ путешествій Словцовъ совершилъ съ казакомъ Кривогорницынымъ. Кривогорницынъ родился на берегахъ Ледовитаго океана, въ заброшенномъ на край свѣта, въ полярныя тундры, удаленномъ на огромныя пространства отъ другихъ человѣческихъ жилищъ,—Нижне-Колымскѣ, но природа тамъ, скупая на прозябанія, видно, не скупится на человѣческія дарованія. Кривогорницынъ былъ человѣкъ весьма умный, ловкій и добраго, даже нѣжнаго сердца. Словцовъ, замѣтивъ въ немъ способности, старался по возможности его образовать. Каждый вечеръ Кривогорницынъ читалъ ему книги преимущественно христіанскаго содержанія. Пользуясь замѣчаніями и наставленіями Словцова, Кривогорницынъ не только полюбилъ чтеніе и, впослѣдствіи, самъ читалъ весьма много, но и писалъ очень умно и складно, настолько чтеніе, а еще болѣе разговоры и самый примѣръ Словцова дѣйствовалъ на него благодѣтельно. Душа его возвысилась и облагородилась, и нельзя было не удивляться, встрѣчая въ простомъ казакѣ, нижне-колымцѣ, столько благородныхъ и высокихъ чувствъ и мыслей. Впослѣдствіи онъ былъ произведенъ въ офицеры, дослужился до штабсъ-офицерскаго чина и занималъ весьма значительное мѣсто... Но предоставляя себѣ поговорить въ своемъ мѣстѣ подробнѣе объ этомъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательномъ человѣкѣ, я возвращаюсь къ Словцову.

Несмотря на паденіе Сперанскаго, генералъ-губернаторъ Пестель, принимавшій, какъ видно, искреннее участіе въ судьбѣ Словцова, не переставалъ заботиться объ улучшеніи его положенія. Вскорѣ по опредѣленіи Словцова въ должность иркутскаго совѣстнаго судьи, описывая министру просвѣщенія князю Голицыну, въ отношеніи отъ 9-го іюня 1815 года неудовлетворительное состояніе учебной части въ Иркутской губерніи и доказывая крайнюю необходимость дать ей, для пользы края, должное устройство, Пестель рекомендовалъ съ сею цѣлію Словцова на имѣвшуюся тогда ваканцію директора иркутскихъ училищъ.

„Въ городѣ семъ (Иркутскѣ) — писалъ Пестель—пребываетъ теперь коллежскій совѣтникъ Словцовъ. Онъ съ 1808 года состоитъ въ единственномъ моемъ распоряженіи по дѣламъ службы, и во все сіе довольно продолжительное время оказывалъ тѣ отличныя дарованія и особенную нравственность, какія только свойственны человѣку просвѣщенному и исполненному любви къ отечеству“. „По моему мнѣнію—продолжалъ Пестель—если человѣкъ съ сими способностями заѣхалъ въ Иркутскъ, нѣтъ большаго удобства занять мѣсто директора училищъ, какъ только опредѣливъ на оное Словцова.

„Изъявивъ на сіе вашу волю, ваше сіятельство изволите тѣмъ доставить учебной части по сей губерніи чиновника съ такими талантами, съ какими едва-ли кто иной туда поѣдетъ“.

Такимъ образомъ вслѣдствіе столь усерднаго ходатайства Пестеля, Словцовъ былъ опредѣленъ директоромъ иркутскихъ училищъ 21-го іюня 1815 года съ сохраненіемъ званія совѣстнаго судьи.

По вступленіи въ должность директора иркутскихъ училищъ, первымъ дѣломъ Словцова было возобновить полуразрушенный домъ гимназіи. Губернаторъ Трескинъ оказалъ въ этомъ случаѣ большое пособіе. Склонивъ городское общество сдѣлать въ пользу гимназіи пожертвованіе, онъ, сверхъ того, прислалъ мастеровыхъ изъ находившагося тогда въ Иркутскѣ рабочаго дома. Исправленіе произведено весьма живо. Перебраны полы, переделаны печи, исправлены двери, ветхія оконныя рамы замѣнены новыми, сдѣланы двойныя рамы для зимы, улучшены учительскія квартиры, перестроена парадная лѣстница, придѣланъ новый портикъ къ дому вмѣсто прежняго, грозившаго паденіемъ; классныя комнаты получили другое болѣе удобное расположеніе, снабжены новою мебелью и необходимыми учебными пособіями: досками, картами и проч.; отдѣленъ залъ для публичныхъ испытаній; музей и библіотека, гдѣ стояли книги не по содержанію, а по формату, приведены въ должное устройство... Словомъ, въ самое короткое время, какъ въ наружномъ, такъ и во внутреннемъ видѣ гимназіи, не осталось и слѣдовъ прежняго запустѣнія и безпорядка!..

Словцовъ ежедневно два раза посѣщалъ гимназію, хотя жилъ отъ нея довольно далеко и не имѣлъ экипажа. Вниманіе его заставило быть внимательнѣе къ своимъ обязанностямъ и преподавателей. Многіе изъ нихъ, какъ уже сказано мною, были люди весьма достойные. Словцовъ старался возвысить ихъ упавшій духъ, но для нѣкоторыхъ это уже было поздно: такъ погибъ невозвратно, какъ сказано выше, благородный и умный Неждановъ. Другіе, изъ низшихъ преподавателей, еще подъ вліяніемъ прежняго неустройства, затѣяли между собою ссору, доходившую до самой крайности, несоотвѣтству-

ющей сословію наставниковъ. При довѣренности, какую имѣлъ Словцовъ у училищнаго начальства, онъ старался окончить это непріятное дѣло безъ особенныхъ послѣдствій для участвовавшихъ въ ономъ лицъ. Главные зачинщики ссоры были переведены, по представленію его, въ другія губерніи. Это была послѣдняя вспышка прежняго духа, затѣмъ наступило время спокойствія и порядка.

На мѣста выбывшихъ старшихъ учителей гимназіи пріѣхали изъ Петербургскаго Педагогическаго института новые учителя (Н. Ѳ. Коноринъ и С. С. Щукинъ), о которыхъ было сказано выше въ примѣчаніи; въ учителя низшихъ училищъ—уѣзднаго и приходскаго, также были избраны достойные молодые люди.

Такимъ образомъ гимназія быстро стирала прежнія пятна и возрождалась изъ праха. Жители въ Иркутскѣ съ удовольствіемъ смотрѣли на ея возрожденіе. Для большаго же ихъ возбужденія—отдавать дѣтей въ гимназію преосвященный Михаилъ, посѣщавшій гимназическіе экзамены, говорилъ увѣщательное слово, въ соборѣ, въ праздничный день. Довѣренность къ гимназіи, давно потерянная, опять возобновилась, и отъ десяти учениковъ, которыхъ застало опредѣленіе Словцова, число ихъ быстро возросло до 40 человѣкъ.

Заботясь сколько объ умственномъ развитіи, столько же и о наружномъ лоскѣ учениковъ, Словцовъ въ число преподаванія ввелъ танцы, которымъ приходили учиться и многіе взрослые посторонніе молодые люди.

Съ цѣлію скорѣйшаго изученія и распространенія грамоты, была введена въ приходское училище, находившееся въ Иркутскѣ, ланкастерская метода. Для преподаванія этой методы были выписаны всѣ принадлежности. Словцовъ лично объяснилъ всѣ пріемы этой методы учителямъ, методы, которая въ развитіи своемъ имѣла большіе успѣхи.

Заботясь объ улучшеніи гимназіи и низшихъ училищъ, находившихся собственно въ Иркутскѣ, Словцовъ не менѣе старался, какъ объ улучшеніи училищъ, существовавшихъ въ уѣздныхъ городахъ, такъ и объ открытіи новыхъ тамъ, гдѣ ихъ не было. Особенною же заслугой его для Иркутской губерніи было открытіе, въ 1815 году, училищъ сельскихъ, еще не существовавшихъ тогда и въ самой Россіи, гдѣ, въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, они были учреждены не ранѣе сороковыхъ годовъ. Для замѣщенія учительскихъ должностей, какъ въ городскихъ, такъ и сельскихъ училищахъ, были испрошены у духовнаго начальства лучшіе изъ учениковъ семинаріи, которые сперва пріучались къ учительской должности въ Иркутскихъ училищахъ подъ личнымъ руководствомъ Словцова. Всего было открыто въ селахъ Иркутскаго и Нижнеудинскаго уѣздовъ—16 приходскихъ училищъ.

Зачинъ или, какъ говорятъ нынѣ, инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала Словцову, но здѣсь было необходимо согласіе губернскаго начальства. Губернаторъ Трескинъ не только изъявилъ согласіе, но и, со свойственною ему энергіею, быстро принялъ всѣ мѣры къ немедленному открытію и устройству училищъ: были тотчасъ выстроены для многихъ изъ нихъ общественные дома, всѣ училища снабжены учебными пособіями; для содержанія ихъ былъ установленъ постоянный сборъ; сверхъ училищнаго начальства, училища были часто посѣщаемы земскими властями, а вниманіе ихъ придавало этимъ заведеніямъ особенное значеніе въ понятіи крестьянъ. Столько благопріятствуемыя обстоятельствами, училища начали развиваться и уже имѣли значительный успѣхъ... Какъ вдругъ холодный вѣтеръ непріязни со стороны губернскаго начальства подулъ на нихъ неожиданно со всею силою!...

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1816 года были открыты сельскія училища, а въ іюлѣ 1817 года губернаторъ Трескинъ, какъ бы испугавшись своего прекраснаго и полезнаго дѣла, предписалъ земской власти остановить постройку училищныхъ домовъ, а выстроенные обратить подъ помѣщеніе волостныхъ правленій; затѣмъ, чрезъ полтора года и совсѣмъ подрылъ главное основаніе училищъ: прекратилъ сборъ на ихъ содержаніе и отнесъ его на добровольное пожертвованіе, т. е. предоставилъ ихъ въ жертву крестьянамъ. Одумавшись мѣсяца черезъ три, губернаторъ опять возобновилъ постоянный сборъ; но сами общества, единожды потрясенныя въ своихъ убѣжденіяхъ, сочли уже этотъ сборъ тягостію и рѣшительно отъ него отказались.

Такимъ образомъ эти полезныя и необходимыя заведенія были уже на концѣ своего существованія, какъ пріѣздъ Сперанскаго, оживившаго все въ Сибири, придалъ и сельскимъ училищамъ новую жизнь. Но, къ сожалѣнію, существованіе ихъ не было, однакожъ, продолжительно. Въ 1825 году, при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири А. С. Лавинскомъ, они потерпѣли новое крушеніе и окончательно закрылись... Для чего и почему?—Мнѣ неизвѣстно.

Сперанскій, ожививъ сельскія училища, въ то же время оказалъ особенное вниманіе и къ гимназіи. Кромѣ частныхъ неоднократныхъ посѣщеній, онъ былъ на публичномъ гимназическомъ экзаменѣ, и самъ дѣлалъ вопросы ученикамъ. При этомъ случаѣ, однимъ изъ учителей была говорена ему привѣтственная рѣчь, сочиненная Словцовымъ.

Встрѣтившись въ моемъ разсказѣ съ личностію Сперанскаго, я не могу не сказать еще нѣсколько словъ о пребываніи его въ Иркутскѣ.

По пріѣздѣ въ Иркутскъ, онъ въ тотъ же часъ пригласилъ къ себѣ Словцова. Свиданіе двухъ друзей, послѣ одиннадцатилѣтней раз-

луки, послѣ несчастій, обоими испытанныхъ,—свиданіе на краю свѣта, куда забросила ихъ судьба,—свиданіе людей съ столь возвышенными мыслями и чувствами было и трогательно, и поразительно!

Сперанскій, несмотря на разность своего положенія, видѣлъ въ Словцовѣ только стараго товарища и просвѣщеннаго собесѣдника. „Здѣсь—писалъ онъ изъ Иркутска къ своей дочери—одинъ умный человѣкъ — Словцовъ". [1]) Часто Сперанскій приходилъ къ нему пѣшкомъ и долго бесѣдовалъ: то вдаваясь въ предметы религіозные, то вспоминая прежнее, то разговаривая о настоящемъ.

— Помнишь ли ты,—говорилъ онъ однажды Словцову—какую проповѣдь сказалъ я о Страшномъ судѣ?

Однажды, на вопросъ Словцова: какъ у него (т. е. у Сперанскаго) достало терпѣнія изучать нѣмецкій языкъ, которому онъ учился уже въ Пензѣ, Сперанскій отвѣчалъ.

„Тутъ двѣ пользы: твердя слова, изучаешь языкъ и въ это время не думаешь ничего худаго".

Такъ этотъ мудрый человѣкъ постоянно старался идти впередъ и во всѣхъ случаяхъ соединялъ просвѣщеніе ума съ обязанностями христіанина.

Разговорившись о пребываніи своемъ въ Перми, Сперанскій сказывалъ, что, предавшись жизни тихой и созерцательной, посвящая дни исключительно благочестивымъ разсужденіямъ и переводу книги: О подражаніи Христу, соч. Ѳомы Кемпійскаго, онъ невольно былъ возмущенъ пріѣздомъ къ нему одного изъ родственниковъ, человѣка вполнѣ житейскаго.

— „Ну, сказалъ я самъ себѣ—говорилъ Сперанскій,—теперь конецъ моему спокойствію!"

Замѣтьте спокойствію, посреди самаго тяжкаго и тревожнаго испытанія. Вотъ какъ этотъ человѣкъ, когда возставало на него все, умѣлъ находить утѣшеніе единственно въ глубинѣ своей великой души!

Чувствуя недостатокъ въ людяхъ, чтобы поднять всю возложенную на него тягость обревизованія и преобразованія Сибири, Сперанскій предлагалъ Словцову помочь ему въ его трудахъ; но Словцовъ, сколько ни сознавалъ погрѣшности прежняго управленія, не рѣшился принять въ дѣйствіяхъ новаго управленія никакого участія, чувствуя себя обязаннымъ Пестелю. Одно только принялъ на себя Словцовъ—составленіе проекта объ устройствѣ въ Сибири университета. Побужденіемъ къ тому служила чрезмѣрная отдаленность отъ Сибири университета Казанскаго, которому были тогда подвѣдом-

---

[1]) См. Жиз. гр. Спер., т. II, стран. 212.

ственны Сибирскія дирекціи училищъ. Чтобы добраться до него, напр., изъ Иркутска надлежитъ проѣхать 4.500 вер., а между тѣмъ Казанскій университетъ есть самый близкій къ Сибири изъ всѣхъ русскихъ университетовъ. Проектъ Сибирскаго университета былъ составленъ Словцовымъ, но былъ ли куда представленъ Сперанскимъ, неизвѣстно.

Предъ отъѣздомъ изъ Иркутска, Сперанскій написалъ Словцову весьма трогательное письмо и подарилъ ему на память Библію и золотые часы. Словцовъ въ посвященіи Сперанскому II тома Историческаго обозрѣнія Сибири, говоритъ объ упомянутомъ письмѣ и подаркѣ слѣдующее: „я не пойду за нимъ (Сперанскимъ) далѣе Сибири, потому что для меня довольно хранить въ душѣ два слова, которыя, въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Иркутскѣ, онъ написалъ при посылкѣ ко мнѣ часовъ и Библіи Треммеліевой: „вотъ тебѣ время и вѣчность!" Созерцательный труженикъ времени!—восклицаетъ Словцовъ—онъ съ юности мыслилъ о вѣчности и жилъ потомъ для вѣчности. Да почіетъ же мужъ незабвенный при благословеніяхъ Сибири любимой имъ безконечности у Христа Бога!"

Во время пребыванія Сперанскаго въ Сибири, попечителемъ Казанскаго университета былъ опредѣленъ Магницкій, принадлежавшій нѣкогда къ малому кружку пріятелей Сперанскаго и Словцова.

Первымъ дѣломъ Магницкаго было испросить Словцову, пятнадцать лѣтъ бывшему въ чинѣ коллежскаго совѣтника, чинъ статскаго совѣтника.

Вслѣдъ затѣмъ Магницкій просилъ Словцова письмомъ отъ 6-го октября 1819 года доставить ему мнѣніе о состояніи учебныхъ заведеній въ Сибири и особенно о духѣ лицъ, ими управляющихъ. „Сдѣлавъ сильный переворотъ въ семъ отношеніи—писалъ Магницкій—въ центрѣ казанскомъ, я бы желалъ знать: не нужно ли и въ губерніяхъ, особенно отдаленныхъ, выгнать нечистый духъ, который четырнадцать лѣтъ распространялся и усиливался".

Въ то же время Магницкій испросилъ чрезъ министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ князя Голицына Высочайшее повелѣніе о порученіи Словцову осмотрѣть состояніе учебныхъ заведеній въ губерніяхъ: Томской, Пермской, Вятской и Казанской и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всемилостивѣйшее разрѣшеніе: употреблять его на службу во всѣхъ губерніяхъ Казанскаго учебнаго округа. Высочайшій указъ объ этомъ состоялся 2-го ноября 1819 года, а увѣдомленіе Магницкаго было получено Словцовымъ 18-го декабря 1819 года.

Такимъ образомъ, чрезъ 11 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ въ первый разъ отворились для Словцова, хотя и не настежь, ворота Сибири, и онъ могъ съ радостію вдохнуть въ себя свободный воздухъ Россіи.

Порадовавъ Словцова мыслію о свободѣ, Магницкій получилъ, между тѣмъ, его замѣчанія о состояніи учебной части въ Сибири, представилъ ихъ князю Голицыну и въ особенности ухватился за мысль Словцова о повсемѣстномъ введеніи Ланкастерской системы. Для обсужденія этого предмета былъ составленъ въ Петербургѣ особый комитетъ. Послѣдствія этого комитета мнѣ неизвѣстны, но нельзя не замѣтить, что если распространеніе грамотности есть великое благо для народа, то иниціатива этого дѣла принадлежитъ Словцову.

Магницкій, столь же скорый на добро, какъ и на зло, хотя, сказать справедливо, и самое зло, имъ сдѣланное, происходило изъ желанія добра, не довольствуясь однимъ испрошеніемъ Словцову дозволенія служить по губерніямъ Казанскаго округа, исходатайствовалъ ему званіе визитатора, или инспектора сибирскихъ училищъ съ 3.000 рублей содержанія въ годъ и съ выдачею, при каждой визитаціи, прогоновъ по чину. Высочайшій указъ объ этомъ состоялся 30-го января 1821 года.

Разставаясь съ дирекціею иркутскихъ училищъ, Словцовъ оставилъ учебную часть Иркутской губерніи, въ сравненіи съ прежнимъ, въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Всѣхъ училищъ считалось тогда: 1 гимназія, 7 уѣздныхъ, 6 городскихъ приходскихъ и 16 сельскихъ— всего 30 училищъ; учениковъ въ училищахъ, находившихся собственно въ Иркутскѣ, болѣе 300 человѣкъ, во всѣхъ прочихъ до 700 человѣкъ, всего же около 1000 человѣкъ; училищныхъ капиталовъ болѣе 120/т. р. Но главное: было дано движеніе, и съ тѣхъ поръ училища, не останавливаясь, пошли впередъ. Можно сказать, по справедливости, что Иркутская губернія въ отношеніи образованія много обязана просвѣщеннымъ и неусыпнымъ трудамъ Словцова.

Пробывъ въ званіи директора училищъ съ 1815 по 1820 годъ, Словцовъ выѣхалъ изъ Иркутска 9-го ноября 1820 года: день весьма памятный въ моей жизни!

III.

Моя поѣздка за Байкалъ.—Визитаторство Словцова.—Его путешествія и окончательное освобожденіе.—Новое назначеніе.—Назначеніе пенсіи.—Характеристика Словцова.—Историческое обозрѣніе Сибири.—Послѣдніе дни Словцова.

По отъѣздѣ изъ Иркутска Словцова, чувствуя грустное сиротство, я имѣлъ единственнымъ моимъ собесѣдникомъ того Кривогорницына, который, бывъ самъ привязанъ къ Словцову, искренно раздѣлялъ со мною мое горе.

Въ это время Кривогорницынъ управлялъ небольшою фабрикою, находившеюся въ окрестностяхъ Иркутска. Рабочіе на фабрикѣ были изъ ссыльно-каторжныхъ, сбродъ съ Камы и Волги, какъ говорили въ Сибири. Много надобно имѣть духу, чтобы сладить съ этими отчаянными людьми, не имѣя никакой команды. Правда, строгая справедливость, кротость и доброта Кривогорницына, соединенныя съ неустрашимостію духа, невольно заставляли рабочихъ его любить и уважать, но можно ли было ручаться за всѣхъ? Самые лучшіе изъ нихъ, въ порывахъ бѣшенства и злости, готовы были все забыть, на все рѣшиться. Случалось ночью, каторжные какъ-нибудь пронесутъ вино, тихомолкомъ напьются и пьяные поднимутъ гвалтъ. Кривогорницынъ, жившій съ ними подъ одною крышею, идетъ въ темнотѣ, ощупью, по каморамъ и тамъ одинъ расправляется съ пьяными каторжниками, изъ которыхъ у каждаго не дрогнула бы рука всадить ему въ бокъ ножъ. Но таково дѣйствіе неустрашимости: эти дикіе звѣри притихнутъ и замолчатъ, какъ агнцы.

Однажды Кривогорницынъ, за какую-то шалость, посадилъ двухъ рабочихъ подъ арестъ, чтобы потомъ ихъ наказать. Пока они сидѣли въ сторожкѣ, туда пришла крестьянская баба и легла отдохнуть. Каторжные, ни съ того ни съ сего, хватили ее полѣномъ по головѣ и разбили ей черепъ. Баба умерла на мѣстѣ, а убійцы спокойно усѣлись и ожидали, когда за ними придутъ. „Нѣтъ! наказывать теперь насъ нельзя—говорили они пришедшимъ за ними—ведите насъ въ суду: мы виновны въ смертоубійствѣ!“ Такимъ образомъ, чтобы избѣгнуть ближайшаго наказанія легкаго, они предпочли тягчайшее, но отдаленное, въ чаяніи побѣга при удобномъ случаѣ, а что касается до религіи, до совѣсти, до человѣчества—это все имъ знакомо не было!

Въ другой разъ, Кривогорницынъ, призвавъ одного каторжно-рабочаго, дѣлалъ ему выговоръ, а между тѣмъ замѣтилъ, что каторжный что-то выпускаетъ помаленьку изъ рукава. Кривогорницынъ схватилъ его за руку и выдернулъ изъ рукава ножъ.—Это что?—спросилъ онъ каторжнаго.

— Это?.. отвѣчалъ преспокойно каторжный—это ножъ... Я пришелъ тебя зарѣзать!

Подобные случаи не пугали, однакожъ, неустрашимаго потомка Хабаровыхъ и Дежневыхъ: вся прислуга его состояла изъ каторжныхъ и самый близкій къ нему человѣкъ, его камердинеръ, былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ отставной-разбойничій атаманъ! Онъ былъ уже старъ и хилъ, но страсть къ лѣсной привольной жизни не могла въ немъ потухнуть. Каждую весну онъ поставлялъ долгомъ убѣгать въ лѣсъ. Но какъ, по старости и по дряхлости, онъ не могъ убѣгать далеко, то, скрываясь гдѣ-нибудь недалеко отъ города, каждую ночь прихо-

дилъ домой и кралъ у Кривогорницына тотъ же самый хлѣбъ, который преспокойно могъ ѣсть безъ всякой кражи. Наконецъ его изловятъ, накажутъ, и онъ цѣлую зиму опять, какъ шелковый.

„Отчего ты бѣгаешь?"—спрашивали его.

„Воля ваша! — отвѣчалъ онъ — не могу! Какъ только подходитъ весна, смертельная тоска начинаетъ давить мнѣ сердце и не даетъ мнѣ покою ни на минуту. Точно кто понуждаетъ меня: „Ступай въ лѣсъ, ступай"! Я крѣплюсь, крѣплюсь, напослѣдокъ не могу самъ себя перемочь—убѣгу"...

Невольно здѣсь приходитъ на умъ извѣстный стихъ Пушкина:

„Мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу"!..

Склонность къ разгульной и привольной жизни и даже къ преступленію обращается, наконецъ, въ неодолимую страсть и даже болѣзнь.

Была одна старушенка, дрянная, дряхлая, но у которой смертоубійство обратилось въ какую то-лютую, непреоборимую привычку. Ею овладѣвала смертельная тоска, если она долго не проливала крови. При всякомъ удобномъ случаѣ, она ткнетъ васъ ножемъ безъ всякой иной цѣли, кромѣ удовлетворенія своей звѣриной страсти. Ее нѣсколько разъ наказывали и, наконецъ, принуждены были посадить на цѣпь, какъ бѣшеную собаку...

Впослѣдствіи Кривогорницынъ завѣдывалъ иркутскимъ рабочимъ домомъ и Тельминскою суконной фабрикой.

Рабочій домъ находился въ предмѣстіи Иркутска. Въ него поступали ссыльные, въ томъ числѣ и каторжные, знавшіе разныя мастерства и ремесла. Это былъ единственный разсадникъ мастерствъ и ремеслъ въ Иркутскѣ: отъ часовъ до кареты — все дѣлалось въ рабочемъ домѣ. Многіе изъ рабочихъ имѣли дома и хозяйство, были женаты и имѣли дѣтей. Дѣти наслѣдовали отцамъ въ ихъ мастерствахъ и, на основаніи положенія о ссыльныхъ, составленнаго Сперанскимъ, могли поступать въ городскіе цехи.

Тельминская фабрика находится за 60 верстъ отъ Иркутска, при устьѣ рѣчки Тельмы, впадающей въ Ангару. Тамъ, въ мое время, выдѣлывали сукна для войска. Число рабочихъ, изъ ссыльно-каторжныхъ, простиралось до 500 человѣкъ. Сукна выдѣлывалось до 75/т. половинокъ. Сверхъ солдатскаго сукна приготовлялось также довольно хорошее сукно, родъ байки, изъ верблюжьей шерсти, и полутонкое сукно, называвшееся поярковымъ. Производство суконъ, до пріѣзда Сперанскаго, было все съ руки. Просвѣщенный взглядъ его имѣлъ и здѣсь полезное вліяніе. Фабрика выписала сукно-дѣльныя машины, посылала одного изъ своихъ чиновниковъ осмотрѣть механизмъ луч-

шихъ суконныхъ фабрикъ въ Россіи и заготовила, съ выписанныхъ образцовъ, достаточное число машинъ собственными мастеровыми.

Въ двадцатыхъ годахъ, кромѣ суконъ, фабрика стала выдѣлывать фламское полотно. Выдѣлка его простиралась до 300/т. арш.

Наконецъ, тамъ же былъ устроенъ стеклянный заводъ. Съ 1822 года заводъ сталъ выдѣлывать довольно чистый хрусталь и пріобрѣлъ искусство гранить, такъ что иныя подѣлки, по красотѣ рисунка и по граненью, не уступали издѣліямъ лучшихъ стеклянныхъ заводовъ [1]).

Многіе изъ рабочихъ обзавелись домами, хозяйствомъ, семействами и жили изобильно. Вообще фабрика представляла родъ маленькаго красиваго города, съ каменной церковію прекрасной архитектуры [2]).

Кривогорницынъ управлялъ Тельминскою фабрикою уже по выѣздѣ моемъ изъ Иркутска. Смерть давно уже подкосила и этого благороднаго человѣка, достойнаго потомка удалыхъ завоевателей Сибири...

Итакъ, повторяю, по отъѣздѣ Словцова, Кривогорницынъ былъ моимъ самымъ частымъ и самымъ пріятнымъ собесѣдникомъ. Мы видѣлись каждый день, но вскорѣ бесѣды наши часто стали прерываться моими поѣздками по службѣ. Наконецъ, въ 1821 году, я былъ командированъ за Байкалъ для описанія Кругоморскихъ поселеній и обревизованія Верхнеудинскаго уѣзда.

1-го октября 1821 года я выѣхалъ изъ Иркутска. Морозъ былъ довольно сильный; земля была покрыта глубокимъ снѣгомъ, и Ангара, чрезъ которую надлежало переѣзжать, дымилась туманомъ. Дорога лежала черезъ горы. Къ утру я пріѣхалъ въ деревню Култукъ, лежащую на западной оконечности Байкала. Здѣсь я открылъ еще слѣды прежней системы земскаго управленія. Дорога до Култука, какъ покрытая глубокимъ снѣгомъ, не требовала ни малѣйшей поправки; но земскій судъ далъ предписаніе, чтобы выслать для поправки дорогъ 150 человѣкъ Тункиненскихъ бурятъ. Спрашивается: для чего?—Для того, что это время есть лучшее, если не единственное, для звѣриныхъ промысловъ. Причина понятная: хочешь идти на промыселъ—откупись!

Въ Култукѣ, за горами, хотя еще и не очень высокими, природа уже начала измѣняться. Снѣгу вовсе не было видно. День былъ прекрасный, довольно теплый: это была свѣтлая и свѣжая погода—чисто осенняя. Имѣя тогда обыкновеніе купаться каждое утро, я съ наслажденіемъ погрузился въ чистыя волны Байкала. Между тѣмъ

---

[1]) См. Письма изъ Сибири, соч. Словцова, стран. 23.

[2]) Въ 1817 году было сдѣлано мною подробное описаніе Тельминской фабрики, напечатанное въ „Казанскихъ извѣстіяхъ" того же года въ № 16 и 17

всходило солнце и по всему протяженію, такъ называемаго Святого моря, нарисовался великолѣпный огненный столпъ. Мысы рядами выдвигались одинъ за другимъ и тонули въ синевѣ отдаленности. Я тогда въ первый разъ видѣлъ море, и представившаяся мнѣ дивная картина донынѣ сохраняется въ моемъ воображеніи...

Горы, которыя я проѣхалъ, показались мнѣ холмами, когда я взглянулъ на тѣхъ гигантовъ, упиравшихся въ облака, которые мнѣ предстояли впереди, по правую сторону Байкала. Въ экипажахъ уже было ѣхать нельзя; нужно было продолжать путешествіе верхомъ на протяженіи 300 верстъ. Весь день почти я поднимался въ гору и, наконецъ, къ вечеру пріѣхалъ къ подошвѣ исполинскаго Хамаръ - Дабана. Видъ его былъ видъ потухшей сопки, какъ обыкновенно называютъ въ Сибири остроконечныя или вулканическія горы [1]). Вершина Хамаръ - Дабана терялась въ синевѣ вечера. Дорога бѣжала въ верхъ зигзагами, лѣпясь къ каменной стѣнѣ на обрубахъ, насыпанныхъ землею. Таскать бревна и землю на страшную высоту была работа истинно гигантская, а между тѣмъ это строилось не инженеромъ, но обыкновеннымъ землемѣромъ. Исторіи не стыдно бы сохранить его имя: это былъ землемѣръ Дѣдовъ.

Пріѣхавъ къ подошвѣ Хамаръ-Дабана, не видишь передъ собою той высоты, съ какою возвышается гора надъ уровнемъ моря, потому что поднимаешься къ ней постепенно; но взглянувши внизъ или, какъ говорятъ въ Сибири, въ падь, едва замѣтишь на днѣ ея растущіе лѣса, покрытые синевою воздуха. — Высоту Хамаръ-Дабана полагаютъ болѣе 2 верстъ.

Далѣе отъ Хамаръ-Дабана начинаются голыя гранитныя скалы или, по тамошнему, гольцы. На нихъ царствуетъ вѣчная зима, и снѣгъ не растаиваетъ въ ущеліяхъ во все лѣто. Во время моего проѣзда снѣгъ на нихъ былъ глубже аршина.

Съѣхавши съ гольцовъ, уже встрѣчаешь температуру воздуха со всѣмъ другую: надлежало снять теплое платье и ѣхать въ одномъ лѣтнемъ. Дорога то поднималась на горы, то спускалась въ пади, то проходила по водѣ вдоль рѣчекъ, дабы огибать утесы. Вообще горы напоминали о бывшемъ тутъ страшномъ переворотѣ. Многіе утесы разрушились, и огромнѣйшіе камни, оторванные отъ нихъ, были брошены на дальное разстояніе...

Наконецъ, горы стали понижаться, расходиться въ стороны, и вдали открылась обширнѣйшая долина, въ то время уже пожелтѣвшая, но еще полная теплоты и благорастворенная воздуха.

Нельзя не быть благодарнымъ попеченіямъ Трескина, что по пу-

---

[1]) Хамаръ-Дабанъ дѣйствительно признаютъ потухшимъ вулканомъ.

стынной и покрытой дремучими лѣсами Кругоморской дорогѣ, были выстроены въ горахъ, въ томъ числѣ и у подошвы Хамаръ-Дабана, для станцій чистыя избы, въ которыхъ полъ постоянно устилался можжевельникомъ. Послѣ продолжительной верховой ѣзды, утомленному путешественнику встрѣтить въ дремучей тайгѣ удобный пріютъ, гдѣ можно согрѣть чайникъ или сварить пельменей, есть райское наслажденіе!

По въѣздѣ въ долину, я нашелъ поселенія: Снѣжное, Аглокъ и Алсакъ. Но кто жъ были поселенцы?—Отставные солдаты, почтенные старики, ходившіе съ Суворовымъ въ Италію! Я смотрѣлъ съ невольнымъ уваженіемъ на этихъ убѣленныхъ лѣтами сотрудниковъ великаго. Не знаю, что была за мысль поселить побѣдителей при Требіи и Нови въ пустыняхъ Байкальскихъ, на почвѣ каменистой и безплодной? Всѣ они жаловались на бѣдность, въ которой оканчивали остатокъ своей геройской жизни. Я писалъ губернатору о переводѣ ихъ на другое мѣсто; губернаторъ благодарилъ меня за мысль, но дѣло тѣмъ и кончилось: старое осталось по-старому.

Пріѣхавъ въ Кяхту, я былъ въ находящемся оттуда не далеко китайскомъ городкѣ, Маймачинѣ, который походилъ болѣе на сплошной большой сарай, чѣмъ на городъ, потому что низенькіе одноэтажные деревянные дома, тѣсно другъ къ другу пристроенные, окнами были обращены во внутрь дворовъ. Окна, вмѣсто стеколъ, были обклеены бумагою. Въ комнатахъ было около стѣнъ возвышеніе въ родѣ наръ, гдѣ на кирпичномъ очагѣ постоянно грѣлся мѣдный чайникъ съ водой для чая. Китайцы заваривали чай въ большихъ чашкахъ съ крышкою и изъ тѣхъ же чашекъ его пили, вмѣсто воды и квасу. За обѣдомъ подавали множество кушаньевъ. Главную роль играла свинина, и каждое кушанье обмакивалось въ уксусъ или истертый чеснокъ. Китайцы сами брали кушанье палочками, и для русскихъ приготовляли обыкновенныя вилки. Ложки были маленькія, фарфоровыя; тарелочки — крошечныя и также фарфоровыя. Въ обхожденіи китайцы были очень ласковы; объяснялись съ купцами на какомъ-то небываломъ языкѣ, гдѣ русскія слова, безъ всякой жалости исковерканныя, и были смѣшиваемы съ китайскими. Замѣчательно, что въ Маймачинъ было запрещено привозить какъ русскихъ, такъ и китайскихъ женщинъ; однакожъ, иногда любопытство нашихъ дамъ брало верхъ передъ закономъ, и онѣ пріѣзжали въ Маймачинъ въ мужскомъ платьѣ... Былъ я и въ китайской кумирнѣ; видѣлъ идоловъ огромныхъ, безобразныхъ, отвратительныхъ. Что они изображали— сами китайцы не могли хорошенько объяснить. Извѣстно, что китайцы не имѣютъ почти никакой религіи; держатся разныхъ философскихъ сектъ и въ образѣ своихъ идоловъ изображаютъ то фило-

софскія идеи, то разныя страсти... Но, заговорившись о видѣнномъ мною въ Маймачинѣ, я упустилъ изъ виду, что теперь Китай уже отперъ свои двери для европейцевъ и пересталъ быть землею неизвѣстною—terra incognita.

Изъ Кяхты я проѣхалъ въ Верхнеудинскъ. Тамъ я нашелъ еще патріархальные нравы, старинное хлѣбосольство и радушіе, но строенія бѣдныя, почти всѣ деревянныя и городъ скорѣе похожій на деревню... Теперь, конечно, уже многое измѣнилось; можетъ быть, нравы стали очищеннѣе и дома лучше.

Изъ Верхнеудинска я ѣхалъ опять кругомъ моря и въ то время, когда въ Иркутскѣ была уже зима въ полной силѣ, по ту сторону горъ, 15-го ноября я еще пилъ чай на открытомъ воздухѣ; солнце свѣтило ярко, день былъ теплый и кругомъ не было видно ни снѣжинки.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Иркутскъ, генералъ-губернаторъ Сперанскій перевелъ меня совѣтникомъ въ Тобольскъ, и 15-го марта 1822 года я простился едва-ли не навсегда со своимъ роднымъ городомъ.

Въ Тобольскѣ мнѣ радостно было опять встрѣтить Словцова. Губернаторомъ былъ А. С. Осиповъ, человѣкъ честный и энергическій,—генералъ-губернаторомъ Западной Сибири опредѣлился Петръ Михайловичъ Капцевичъ, человѣкъ правдивый, но довольно суровый, аракчеевской закалки. Отношенія между ними скоро сдѣлались непріязненны. Я видѣлъ, что Сибирь долго еще не будетъ страною мира, и рѣшился искать счастія далѣе. Словцовъ не только поддержалъ мою мысль, но и помогъ мнѣ отправиться въ Петербургъ. 17-го февраля 1823 г. я выѣхалъ изъ Тобольска; думалъ съѣздить на годъ, на два, но доживаю въ немъ, съ горемъ пополамъ, сороковой годъ!

Зажившись въ Петербургѣ, я уже потерялъ въ Сибири почти всѣхъ близкихъ мнѣ роднымъ и лучшихъ моихъ друзей; потерялъ и благодѣтеля моего—Словцова.

Возвратимся къ продолженію его біографіи.

Объѣхавъ губерніи Томскую, Тобольскую, Пермскую, Вятскую и Казанскую, Словцовъ 30-го января 1821 года былъ Высочайше опредѣленъ визитаторомъ сибирскихъ училищъ. Должность эта требовала вѣчнаго странствованія по пустынямъ Сибири.

Возвратившись изъ Казани въ Тобольскъ, Словцовъ въ 1824 году опять отправился въ Восточную Сибирь, проѣхалъ до Иркутска, ѣздилъ за Байкалъ до Кяхты и, возвратившись въ Иркутскъ, въ 1825 году, посѣтилъ сѣверный край Иркутской губерніи, былъ въ Киренскѣ и Якутскѣ, опять возвратился въ Иркутскъ, оттуда въ 1826 году

снова пустился на западъ, совершилъ поѣздку въ Енисей, проѣхалъ въ Тобольскъ и, наконецъ, въ 1827 году, ѣздилъ въ отдаленный Березовъ.

Между тѣмъ Магницкій, не измѣняя своего расположенія къ Словцову, исходатайствовалъ ему, въ 1824 году, орденъ св. Анны 2-ой степени, черезъ 17 лѣтъ послѣ Владиміра 4-ой степени, и въ 1826 году чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Несмотря, однакожъ, на всѣ эти награды, опала не была еще снята,—и главный вопросъ судьбы Словцова: полная свобода служить и жить въ Россіи безъ всякаго мѣстнаго ограниченія,—оставался неразрѣшеннымъ. Дозволеніе, данное ему, какъ было сказано, распространялось только на губерніи Казанскаго округа.

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири Капцевичъ, питая къ Словцову глубокое уваженіе, принялъ живое участіе въ его судьбѣ и въ 1827 году ходатайствовалъ о его полномъ освобожденіи. Увѣдомляя меня объ этомъ отъ 5-го марта 1827 года, Словцовъ писалъ: „П. М. (Капцевичъ) представилъ обо мнѣ къ министру просвѣщенія, но будетъ ли тутъ что-нибудь? Впрочемъ, приближаясь къ развязкѣ жизни, не могу съ упорствомъ для себя; желать ничего; дай Богъ, чтобы не было хуже мнѣ—вотъ молитва, которую возношу къ Отцу нашему“.

Словцовъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ бы предчувствовалъ непріятныя послѣдствія. Вышло какое-то недоразумѣніе въ изложеніи представленія и не только не послѣдовало ожидаемаго разрѣшенія, но какъ будто положеніе Словцова еще болѣе стѣснилось: ему было велѣно оставаться на прежнемъ мѣстѣ службы, слѣдовательно, опять въ одной Сибири.

Эта новая игра судьбы сильно огорчила и безъ того уже растерзанную душу скитальца.

Спустя мѣсяца три—отъ 7-го октября—Словцовъ писалъ ко мнѣ: „генералъ-губернаторъ Капцевичъ лично сообщилъ мнѣ, что не дано ходу его представленію потому, что не было моей просьбы. Но я, продолжалъ Словцовъ, по нѣкоторомъ размышленіи, рѣшился не посылать ни къ кому и ни о чемъ прошенія, тѣмъ болѣе, что государь, прощающій злодѣевъ, по своему милосердію, вѣрно разрѣшитъ и мнѣ, когда будетъ ему благоугодно, и когда Богу, особенно, будетъ благоугодно. Я по службѣ не сдѣлалъ никакого преступленія, но тѣмъ не менѣе 19-й годъ живу въ Сибири подъ крестомъ и буду жить съ помощію Божіей“.

Терпѣніе и покорность волѣ Божіей была всегда отличительною чертою характера этого необыкновеннаго человѣка. Я сказалъ уже прежде, что онъ никого ни о чемъ не просилъ, ни въ комъ не искалъ: люди сами какъ будто хотѣли загладить свою несправедли-

вость, но судьба не совершила еще тогда вполнѣ своего предопредѣленія.

Наконецъ, въ 1827 году по Высочайшему повелѣнію были посланы для ревизіи Западной Сибири два сенатора: Безродный и князь Куракинъ. Сенаторы также приняли участіе въ судьбѣ Словцова и рѣшились за него ходатайствовать. Но по отъѣздѣ сенаторовъ изъ Тобольска во внутрь Сибири, Словцовъ, едва-ли не въ первый разъ, впалъ въ нѣкотораго рода отчаяніе. „Сенаторы—писалъ онъ мнѣ отъ 13-го ноября 1827 года—обѣщали представить обо мнѣ, да такъ и уѣхали въ даль. Духъ проповѣдуетъ мнѣ, по словамъ Павла, вѣчныя узы, такъ какъ и день моихъ именинъ есть день веригъ“.

Но на сей разъ сомнѣніе Словцова, хотя весьма простительное послѣ многихъ обмановъ надежды, было ошибочно. Сенаторы о немъ ходатайствовали и—столь давно и тщетно желанный имъ день освобожденія наконецъ насталъ: это было 24-го февраля 1828 года, въ который Словцовъ получилъ извѣщеніе о всемилостивѣйшемъ разрѣшеніи ему продолжать службу въ Россіи безъ ограниченія мѣстности.

Князь Куракинъ, сверхъ оффиціальнаго извѣщенія, прислалъ Словцову изъ Омска отъ 21-го февраля 1828 года, весьма привѣтливое письмо, выражавшее его искреннее удовольствіе. „Въ пріятную обязанность вмѣняю себѣ—писалъ онъ—поздравить васъ съ симъ благополучнымъ событіемъ, душевно радуясь, что всеподданнѣйшее представленіе наше о васъ увѣнчалось желаннымъ успѣхомъ и что правосудный монархъ, удостоивъ оное всемилостивѣйшаго воззрѣнія, благоволилъ столь скоро рѣшить вашъ жребій и оказать вамъ справедливость по заслугамъ вашимъ. Отъ искренняго сердца желаю, чтобы настоящее исполненіе столь давняго ожиданія вашего послужило вамъ, милостивый государь, къ забвенію прежнихъ вашихъ горестей и къ совершенному вашему успокоенію на все будущее время жизни вашей“.

Поддерживаемый вожделѣнною мыслію свободы, Словцовъ, въ 1828 году, уже не съ тѣмъ стѣсненнымъ чувствомъ, какъ прежде, еще разъ переѣхалъ чрезъ Уралъ для осмотра, по предписанію Казанскаго университета, училищъ Пермской и Вятской губерній. Объѣздъ этихъ губерній прибавилъ къ прежнему итогу разстоянія, проѣханнаго Словцовымъ, еще по крайней мѣрѣ, 3.000 вер., такимъ образомъ должность визитатора стоила ему проѣзда болѣе 29.000 верстъ, т. е. почти путешествія кругомъ свѣта.

За осмотръ училищъ Пермской и Вятской губерній, по представленію попечителя Казанскаго учебнаго округа Мусина-Пушкина, Словцовъ былъ всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени.

Но вскорѣ за тѣмъ онъ потерпѣлъ новое крушеніе: 8-го декабря 1828 года должность визитатора была упразднена, и Сибирскія училища были подчинены вѣдомству гражданскихъ губернаторовъ. Словцовъ остался безъ содержанія.

Въ этомъ положеніи ему оказалъ большое вниманіе князь Ливенъ, бывшій тогда министръ просвѣщенія. Не желая лишиться въ Словцовѣ достойнаго и полезнаго сотрудника, князь просилъ его, письмомъ отъ 24-го февраля 1829 года, пріѣхать въ Петербургъ, дабы лично познакомиться съ нимъ для назначенія его къ новой должности, и даже сдѣлалъ распоряженіе о выдачѣ ему прогоновъ и на подъемъ 1.000 р. ас.

Но Словцовъ, отказываясь отъ поѣздки въ Петербургъ, писалъ къ князю Ливену, отъ 9-го марта того же года: „по старости и по разстроенному здоровью, къ крайнему моему прискорбію, я не могу оправдать ни милостиваго приглашенія, ни тѣхъ надеждъ, какими вашей свѣтлости благоугодно одобрять меня къ продолженію службы". Въ заключеніе Словцовъ просилъ одной милости: исходатайствовать ему назначеніе пенсіи.

Итакъ, тотъ же самый Словцовъ, который въ 1808 году съ нетерпѣніемъ рвался въ Петербургъ и возвращался изъ Новгорода съ отчаяніемъ, теперь уже самъ отказывался отъ этой милости: вотъ какъ несчастія и лѣта ломаютъ и передѣлываютъ человѣка".

Князь Ливенъ, хотя и обѣщалъ Словцову испросить ему пенсію, но еще разъ изъявилъ желаніе, чтобы онъ продолжалъ службу и, письмомъ отъ 12-го апрѣля 1829 года, предлагалъ мѣсто директора Ришельевскаго лицея. Но Словцовъ не принялъ и этого предложенія и отъ 28-го мая 1829 года вновь просилъ князя Ливена объ исходатайствованіи ему пенсіи.

Наконецъ, въ 24 день сентября 1829 года, всемилостивѣйше былъ обращенъ Словцову въ пенсію полный окладъ визитаторскаго жалованья, т. е. 3.000 р. асс. въ годъ.

Графъ Сперанскій лично говорилъ мнѣ, что онъ усердно содѣйствовалъ къ назначенію этой пенсіи и отъ 3-го октября 1829 года писалъ къ Словцову: „Давно, любезный Петръ Андреевичъ, собирался я къ вамъ писать, но все отлагалъ до того времени, какъ могу вамъ сказать что-нибудь пріятное и рѣшительное. Третьяго дня, наконецъ, князь Ливенъ мнѣ объявилъ, что желаніе ваше и мое сбылось: государь пожаловалъ вамъ полный пенсіонъ. Зная, сколько нужна вамъ сія милость къ устроенію и успокоенію вашему, отъ всего сердца васъ съ нею поздравляю".

„Прослуживъ съ честію и пользою государству, вамъ остается теперь дослуживать одну службу великую, но не тяжкую, нести иго благое и бремя легкое—Господа Спасителя. Сколь часто среди дѣлъ

и суетъ, меня обуревающихъ, наслаждаюсь я мысленно вашимъ положеніемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались въ Иркутскѣ, мысли мои, слава Богу, въ сихъ существенныхъ отношеніяхъ, ни въ чемъ не измѣнились: и мысль, когда прійду и явлюсь лицу Божію—вездѣ и всегда со мною".

„Поручаю себя вашимъ добрымъ воспоминаніямъ и молитвамъ—и точно молитвамъ: ибо я въ глубинѣ души увѣренъ въ дѣйствіи молитвы не токмо за себя, но и за другихъ. Господь да будетъ съ вами".

P. S. Для чего бы вамъ, хотя изрѣдка при большомъ вашемъ досугѣ, не написать ко мнѣ строчку, сказать слово утѣшенія—это была бы сущая милостыня нищему, даръ безкорыстный; ибо отвѣчать вамъ я не въ силахъ, но каждую почту радъ читать ваши письма—не о Сибири и дѣлахъ ея, но о васъ самихъ и дѣлѣ Божіемъ".

Въ то же время и князь Ливенъ, увѣдомляя Словцова о назначеніи ему пенсіи, письмомъ отъ 30-го сентября того же года, поздравлялъ его „съ истиннымъ радушіемъ, съ этою монаршею милостію". Такое вниманіе къ заслугамъ и достоинству подчиненнаго дѣлало большую честь министру!

Такъ окончилась служба Словцова, исполненная переворотовъ, огорченій и странничества—служба человѣка, котораго геніальная способность и глубокія познанія восхваляли всѣ начальники; который могъ бы принести великую пользу отечеству, но который, единожды сдвинутый со своего настоящаго поприща хитростію и злобою, померкъ въ изгнаніи, по словамъ Сперанскаго, какъ огонекъ, иногда только вспыхивающій и опять потухающій [1])!

Знакомство мое съ Словцовымъ началось въ 1815 году и продолжалось до самой его смерти, т. е. до 1843 года, двадцать восемь лѣтъ.

По добротѣ и нѣжности души своей, Словцовъ принималъ во мнѣ самое нѣжное участіе; руководилъ меня въ моихъ учебныхъ занятіяхъ; самъ читалъ мнѣ курсъ философіи; поправлялъ мои сочиненія и переводы. Не переставая заботиться обо мнѣ и по выѣздѣ своемъ изъ Иркутска, присылалъ мнѣ книги, поддерживалъ и руководилъ меня совѣтами, или утѣшалъ въ случавшихся со мной непріятностяхъ; словомъ дѣйствовалъ, какъ лучшій другъ и нѣжный отецъ. Встрѣчу въ жизни моей съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ я всегда считалъ за особенную милость Провидѣнія.

Конечно, ни для кого не могутъ быть интересны мои отношенія къ Словцову, и я никогда не рѣшился бы о нихъ говорить, если бы

---

[1]) Жизнь гр. Сперан., т. II, стр. 212.

они не проявляли нѣжность и доброту его сердца и высокое стремленіе дѣлать добро. Какая ему была надобность заботиться обо мнѣ, человѣкѣ для него совершенно постороннемъ? Служивъ сперва подъ его начальствомъ, я былъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ его подчиненный, а много ли начальниковъ, которые смотрятъ на подчиненныхъ какъ на людей, а не какъ на машины, которыя, когда онѣ испортятся или сдѣлаются ненужными, выкидываютъ вонъ и замѣняютъ другими? Не такъ мыслилъ Словцовъ! Вотъ что писалъ онъ мнѣ отъ 8-го декабря 1823 года, уже въ бытность мою въ Петербургѣ: „читая эту статью (о выдержаніи мною экзамена въ С.-Петербургскомъ университетѣ), я радовался какъ ребенокъ. Какъ ребенокъ—судите, въ какой степени желаю вамъ добра давно, очень давно".

„Я радуюсь—говорилъ онъ въ томъ же письмѣ—что опытъ подтвердилъ мои замѣчанія. Вы современемъ признаетесь, что заготовлялъ васъ на широкомъ планѣ и хотѣлъ въ васъ соединить ученаго, статскаго человѣка, артиста и христіанина, но вы будете тѣмъ, чѣмъ Богу угодно васъ сдѣлать. Планы наши ничто!"

Словцовъ, какъ христіанинъ и философъ, любилъ человѣка, мало связывая со своею любовію отдѣльной личности: онъ дѣлалъ добро для добра, и для него всегда жертвовалъ своими личными чувствами и интересами.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ ко мнѣ, отъ 9-го іюня 1829 года, онъ говорилъ: „Предвидя одинокую и грустную старость, я, бѣдный, думалъ, что современемъ проведу остатокъ жизни до гроба подлѣ вашего дома, а теперь я остаюсь среди волковъ, нападающихъ на меня въ злобѣ и невѣдѣніи. Положеніе сего рода полезно мнѣ только въ томъ, что я долженъ прибѣгать къ живущему тамъ!.. Онъ одинъ нашъ защититель и, если бы сего вѣрованія не имѣлъ я, давно бы жизнь моя изліялась, какъ вода, по словамъ Давида".

Въ одинокой и изолированной жизни, какую проводилъ Словцовъ въ Иркутскѣ до пріѣзда Сперанскаго, онъ имѣлъ во мнѣ одномъ преданнаго ему искренно человѣка: начальство губернское стало смотрѣть на него косо, и всѣ отъ него отшатнулись. Конечно, этому грустному одиночеству должно приписать, что, когда обстоятельства мои заставили меня переѣхать отъ него къ себѣ въ домъ и когда я пришелъ къ нему, онъ встрѣтилъ меня въ величайшей горести, заливаясь слезами. Такъ была велика его нѣжность сердца и такъ была разстроена его душа, впадавшая, какъ говорилъ я прежде, въ припадки сильнѣйшей ипохондріи!

Въ этомъ случаѣ онъ напоминалъ мнѣ въ письмѣ отъ 9-го ноября 1829 года. „Напрасно жалуетесь, что забылъ васъ. Забыть того, о разлукѣ котораго по службѣ, о разлукѣ на три улицы плакалъ я,

какъ ребенокъ, за 13 лѣтъ, можно ли забыть? Брошенный тогда безъ всего, на краю свѣта, въ полную добычу самовластія дерзновеннаго, безъ голоса и безъ эха даже, я бы навѣрное сошелъ съ ума, если бы тогда близъ меня не было васъ"...

Это живое и нѣжное расположеніе, столько свойственное энергической душѣ Словцова, онъ сохранилъ до самой своей смерти. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ, писанномъ ко мнѣ, отъ 1-го декабря 1842 года, за три мѣсяца до его кончины, онъ называетъ меня: „О любезный другъ, единый и послѣдній мой другъ!"...

Но, что бы ни чувствовала его душа, эгоизмъ, какъ я сказалъ выше, никогда не закрадывался въ его разсчеты: чувствованія его были, какъ случайныя волны, всегда разбивавшіяся объ утесъ возвышенной, христіанской любви къ ближнему. Вопреки своихъ чувствованій и намѣреній, Словцовъ не только усердно содѣйствовалъ выѣзду моему изъ Тобольска, но и настоятельно совѣтовалъ оставаться мнѣ въ Петербургѣ. „Прошу васъ—говорилъ онъ въ письмѣ отъ 3-го ноября 1823 года—не строить преждевременно вашихъ плановъ о вашемъ возвращеніи въ Сибирь, а подчинять себя волѣ Божіей со вниманіемъ и простотою; иначе Всевышній посмѣется вашимъ замысламъ. Какъ смѣть съ дерзостію говорить о будущемъ предъ Владыкою времени и вѣчности". Тотъ же совѣтъ повторялъ онъ въ письмахъ отъ 15-го марта 1824 года и 1-го мая 1826 года. „Повѣрьте—говорилъ онъ въ послѣднемъ письмѣ, что лучше служить въ столицѣ, нежели въ той или другой Сибири, куда пріѣзжаютъ чиновники малограмотные и слѣдовательно къ раболѣпству готовые, особливо если попадутъ на добрые пути пріобрѣтенія. Наконецъ, въ письмѣ отъ 2-го іюня 1839 года онъ запрещалъ мнѣ и думать о возвращеніи: „Выбросьте изъ головы — говорилъ онъ—химерическія намѣренія служить въ Сибири".

Обращаясь къ самой причинѣ этихъ неоднократныхъ повтореній одного и того же совѣта, нельзя не видѣть подтвержденія сказаннаго мною въ 1-й части настоящихъ записокъ относительно развитія Сибирскаго учрежденія, Сперанскимъ составленнаго. Несмотря ни на мудрость этого учрежденія, ни на дѣятельность и безкорыстіе новыхъ главныхъ начальниковъ, нечистый духъ, говоря языкомъ Магницкаго, видно, еще долго гнѣздился въ обѣихъ половинахъ Сибири.

Письма Словцова по множеству мѣткихъ и умныхъ замѣчаній, по богатству свѣтлыхъ мыслей и мудрыхъ совѣтовъ, въ нихъ разбросанныхъ, по воззрѣнію на жизнь,—то философскому, то христіанскому—составляютъ, сами по себѣ, лучшее изображеніе его вѣчно мыслившей и глубоко чувствовавшей души.

Ни въ какомъ сочиненіи, написанномъ для печати, не можетъ выразиться человѣкъ такъ, какъ въ своихъ письмахъ. Въ первыхъ онъ болѣе или менѣе замаскировывается, является такъ, какъ онъ хочетъ показаться; въ послѣднихъ (разумѣю въ письмахъ къ своимъ близкимъ) онъ является безъ утайки, высказывается на распашку со всѣми своими достоинствами и недостатками.

Письма Словцова именно имѣютъ это свойство. Въ нихъ видна со всѣми подробностями, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя его жизнь, его убѣжденія, его воззрѣнія и стремленія, его глубокая, вѣчная печаль, его отчаяніе и надежды; въ нихъ обрисовывается душа, исполненная мыслей и чувствованій, его умъ свѣтлый и просвѣщенный, его сердце, проникнутое христіанскою любовію и высокими истинами религіи; его благородный характеръ, ни предъ кѣмъ не изгибавшійся; его твердое самопреданіе волѣ Провидѣнія; словомъ, приведенныя мною письма составляютъ самый вѣрный и самый полный его портретъ, и чѣмъ онъ вѣрнѣе и полнѣе, тѣмъ прискорбнѣе чувства, имъ возбуждаемыя. Горько было видѣть, какъ душа его, вѣчно юная, вѣчно дѣятельная, все стремилась высказать свои силы, а между тѣмъ тѣло дряхлѣло и умирало, или, говоря словами самого Словцова, смерть постепенно завладѣвала аванпостами его жизни; какъ вѣчный страдалецъ боролся съ удручавшими его обстоятельствами и старался торжествовать надъ несчастіями, отыскивая въ глубинѣ души своей то успокоеніе, какого не находилъ въ окружающемъ его мірѣ.

Словцовъ, выброшенный, какъ самъ говорилъ онъ [1]), изъ статской службы непогодою, долго не могъ забыть блестящаго поприща, которое открывалось ему, и по складу своего ума—точнаго, логическаго, любя преимущественно политическія науки, имѣлъ болѣе склонности къ службѣ государственной, чѣмъ къ литературнымъ занятіямъ. Но какъ кипящая мыслями и чувствованіями душа его требовала дѣятельности и труда, онъ посвящалъ время свое разнообразному чтенію и сочиненію. Поэтому сочиненія его не имѣли взаимной систематической связи и состояли изъ разнообразныхъ статей, изъ отрывчатыхъ приливовъ мысли, произведеній случайныхъ, обнимающихъ разнородные предметы. Они скорѣе были бесѣдами умнаго и просвѣщеннаго человѣка, чѣмъ серьезными занятіями ученаго или литератора.

Изъ всѣхъ литературныхъ занятій Словцова составляетъ исключеніе только одно твореніе, начатое и совершенное имъ въ глубокой старости: это „Историческое обозрѣніе Сибири". Оно состоитъ изъ

[1]) Письмо отъ 11-го апрѣля 1821 года.

двухъ огромныхъ томовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ болѣе 500 страницъ. Одно собраніе матеріаловъ со всѣхъ концовъ безпредѣльной Сибири, въ томъ числѣ изъ самой Камчатки, выписка книгъ и извлеченіе разныхъ свѣдѣній изъ Государственнаго архива, наконецъ, подробное изученіе и изображеніе всѣхъ источниковъ, не говоря уже о самомъ изложеніи, требовало величайшаго терпѣнія и труда, и могло бы охладить молодого человѣка, не только старца семидесяти лѣтъ. Но этого мало: Словцовъ былъ вынужденъ даже перебѣливать своею рукою это огромное твореніе, при всей слабости своего зрѣнія [1]). И для чего было принято имъ столько заботъ и трудовъ? Не для славы и не для выгодъ: писалъ онъ и книга его была напечатана въ маломъ числѣ экземпляровъ, и первую часть онъ всю вытребовалъ въ Тобольскъ, не оставивъ въ продажѣ ни одного экземпляра, а вторая печаталась уже послѣ его смерти. „Я не ищу за труды награды, писалъ онъ отъ 23-го февраля 1843 года, и желаю только быть полезнымъ читающей Сибири". Онъ какъ будто считалъ себя въ долгу передъ Сибирью, въ которой родился, страдалъ и умеръ... Но оцѣнила ли Сибирь его даръ? Оцѣненъ ли онъ и другими по достоинству? Мнѣ не случалось читать ни одного подробнаго и основательнаго разбора, какого, по истинѣ, заслуживаетъ это замѣчательное твореніе. Только самые бѣглые отзывы, частію не совсѣмъ даже добросовѣстные, были помѣщены въ нѣкоторыхъ журналахъ.

Сибирь, какъ страна не самобытная, страна, которой разнообразные элементы ничѣмъ не соединены въ одно цѣлое, не можетъ имѣть исторіи общей, какъ самобытное государство. „Исторія, говоритъ Словцовъ, должна быть знаніемъ не обыденныхъ происшествій, а опытовъ извѣданныхъ, опытовъ, выражающихъ истины, раскрытыя среди извѣстной страны [2])". Но какія же общія истины могла представить страна, еще не сложившаяся, по словамъ Словцова, „не имѣвшая общаго цвѣта? [3])". „Въ лютой области полярнаго человѣчества, говоритъ онъ, одна уцѣлѣла истина: шаманское поклоненіе духамъ, откуда бы оно ни зашло туда. Поэтому, продолжаетъ Словцовъ, Сибирь не можетъ имѣть другой исторіи, кромѣ исторіи мѣръ правительственныхъ [4])", имѣвшихъ, по словамъ его, два главныя направленія: „прекращеніе мѣстныхъ злоупотребленій и распространеніе христіанства [5])".

---

[1]) Письмо отъ 8-го декабря 1839 года.
[2]) „Историч. обозрѣн. Сиб.", часть II, стр. III.
[3]) Тамъ же стр. VII.
[4]) Тамъ же стр. IV.
[5]) Тамъ же стр. VII.

Слѣдуя отъ этого начала, Словцовъ исчерпалъ до глубины бывшіе у него источники и изобразилъ полную и вѣрную картину дѣйствій правительства по всѣмъ предметамъ, составляющимъ особенность Сибири.

Но не довольствуясь собственно историческимъ разсказомъ, Словцовъ помѣстилъ въ своемъ Обозрѣніи подробныя географическія и топографическія описанія различныхъ мѣстностей Сибири, изобразивъ ихъ не только съ точностью, но и съ искусствомъ живописи.

Вообще въ книгѣ Словцова столько любопытныхъ мѣстныхъ описаній, столько живописныхъ картинъ величественной, хотя и пустынной Сибири, что я никогда не окончилъ бы своихъ выписокъ, если бы пожелалъ упирать на всѣ замѣчательныя мѣста; и потому я поспѣшаю познакомить читателя съ историческимъ разсказомъ Словцова. Вотъ, напримѣръ, разсказъ о состояніи Сибири въ первые годы царствованія императрицы Елизаветы Петровны:

„Исторія, предварительно возвѣстивъ [1]) судъ, правду, милость, ознаменовавшіе новое царствованіе, теперь съ чувствомъ отрады посвящаетъ перо воспоминаніямъ правленія монархини, которая поняла, что для смягченія нравовъ народа надобно смягчить наказанія, и въ слѣдствіе того возбранила отсѣкать пальцы у тяжкихъ преступниковъ, безобразить лица у преступницъ и въ 1754 году рѣшительно уничтожила казнь смертную“.

„Въ первые годы царствованія Сибирь слышитъ только радостныя вѣсти, видитъ только радостныя лица. Тысячи злополучныхъ, освобожденныхъ отъ ссылки, каторжной работы и отъ правежа мучительнѣйшаго каторги, тысячи возстановленныхъ въ званіяхъ или помилованныхъ, ожили и увеселяются мечтаніями политическаго паки бытія, какъ бы, въ сновидѣніяхъ. Прояснившіеся отъ слезъ глаза ихъ тотчасъ помирились съ мѣстами заточенія, съ юртами инородцевъ, съ деревнями пустынными и малолюдными, съ жителями неговорливыми. Душа, въ отчаяніи обрадованная, внутренно благородѣетъ и сама облагораживаетъ все окружающее. Успокоеніе и довѣренность проникаютъ ее, такъ сказать, радужными лучами. Знакомцы злополучія кажутся близкими къ сердцу и разставанье съ ними—слезы. Слезы при первомъ шагѣ въ Сибирь, и слезы на прощаньѣ! О, гдѣ столько пролито ихъ, какъ на землѣ Сибири, и стала ли она теперь теплѣе и благосклоннѣе? Кажется, такъ,—и это не мечта. Не мечта, повторяемъ, ибо многіе изъ засланныхъ не захотѣли возвратиться въ Россію, потому ли, что не было у нихъ тамъ ни родства, ни имѣнія, или потому, что нашли въ Сибири пріязнь и пріютъ. Сибирскій кре-

[1]) „Истор. об. Сибири“, часть I. Періодъ III.

стьянинъ и горожанинъ, по затверженному навыку къ состраданію, безъ крайности не разспрашиваетъ пришельца, что имъ сдѣлано на родинѣ"...

Не продолжая далѣе выписокъ изъ „Историческаго обозрѣнія Сибири", не могу не сказать, что Словцовъ сдѣлалъ этою книгою не только драгоцѣнный подарокъ Сибири, но и всѣмъ, которые любятъ изучать Россію въ разныхъ ея фазисахъ. Въ то же время не могу не повторить моего сожалѣнія, что столь важная книга прошла почти незамѣченною, тогда какъ эфемерныя произведенія часто оглашали надолго наши прежнія періодическія изданія.

Весьма много сочиненій Словцова было разбросано по разнымъ журналамъ. Занимаясь литературою собственно для занятія своей дѣятельности, а еще болѣе для развлеченія постоянно тяготившей его мысли изгнанія, Словцовъ никогда не заботился собирать ихъ воедино. Такъ была напечатана въ „Вѣстникѣ Европы", помнится, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, „Тѣнь Чингисхана", статья, блещущая историческими свѣдѣніями и весьма остроумными предположеніями. Около того же времени въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" печаталось описаніе путешествія его по Уралу, подъ наименованіемъ „Уральскихъ Записокъ". Въ „Телеграфѣ" въ тридцатыхъ годахъ была напечатана его статья: О великихъ людяхъ. Множество сочиненій, относящихся до Сибири, было помѣщено въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ". Собраніе всѣхъ этихъ отрывковъ составило бы нѣсколько томовъ.

Въ молодыхъ годахъ Словцовъ писалъ и стихи, какъ можно судить по помѣщенному выше (въ главѣ III) его посланію къ Сперанскому съ Валаама. Кромѣ того, въ свое время производили фуроръ, напечатанные въ „Пантеонѣ Русской Словесности", сочиненные имъ стихи: „Китаецъ въ Петербургѣ". Они обратили на себя и вниманіе Державина. Но великій поэтъ, похваливъ молодаго стихотворца, не совѣтовалъ, однакожъ, ему заниматься поэзіей. Слова Державина были тогда слова оракула: Словцовъ болѣе стиховъ не писалъ.

Но какъ жаръ поэзіи не переставалъ горѣть въ энергической душѣ его, то онъ обратился къ роду сочиненій, въ которыхъ тоже истина боролась съ вымысломъ: это были похвальныя слова, которыя теперь вышли изъ моды, но тогда были въ сильномъ ходу. Словцовъ написалъ два похвальныя слова: а) Минину и Пожарскому и б) Іоанну Грозному. Послѣднее издано въ 1807 году. До IX тома исторіи Карамзина память Грознаго все была еще священна и его тиранство прикрывалось высшими государственными видами.

Впрочемъ, нельзя думать, чтобы Словцовъ, при его познаніяхъ и умѣ, не понималъ истиннаго значенія въ нашей исторіи Іоанна IV; но тогда почиталось за славу, съ хоругвіею краснорѣчія, идти на-

перекоръ истинѣ, по примѣру извѣстной выходки Руссо противъ пользы наукъ. Безъ сомнѣнія, въ тѣхъ же видахъ написалъ и Словцовъ свое похвальное слово Грозному, показывая свое остроуміе въ томъ, чтобы придумать законную причину его тиранству и посреди темныхъ дѣлъ отыскать свѣтлую сторону, заслуживающую похвалы.

Разсматривая похвальное слово, сочиненное Словцовымъ, какъ произведеніе литературное, должно сказать, что оно отличается чистотою и силою слога, глубиною мысли и аналитическимъ разборомъ разсматриваемыхъ въ немъ предметовъ. Я беру для образца нѣсколько строкъ на первой раскрытой мною страницѣ. „Недавно—говоритъ Словцовъ—время метафизики и умозрительныхъ наукъ посягало на титло вѣка философскаго; но притязанія пышныя сами собой падутъ, эпохи промысловъ, рукодѣлій и торговли будутъ почтеннѣе въ бытіяхъ царствъ. Умозрѣніе принадлежитъ нѣкоторымъ сословіямъ, а для народнаго просвѣщенія нужно дѣятельное образованіе ума и сердца. Для народа нужно знаніе письменъ [1]). Такъ было говорено за полвѣка: не то же ли и теперь повторяется?"

Позднѣйшія сочиненія Словцова, кромѣ „Историческаго обозрѣнія Сибири" и статей, напечатанныхъ въ журналахъ, суть:

Письма изъ Сибири 1826 года, изданныя въ 1828 году. Въ нихъ описано путешествіе отъ Иркутска до Якутска, потомъ до Тобольска и оттуда до Березова. Многія весьма важныя историческія изслѣдованія вошли въ составъ этихъ писемъ. Въ особенности замѣчательны—критическій разборъ Сибирской лѣтописи, изданной Спасскимъ въ 1821 году, и свѣдѣнія о пребываніи въ Березовѣ знаменитаго сотрудника Петра Великаго—Меншикова.

Прогулки вокругъ Тобольска, изданныя въ 1834 году. Онѣ были предварительно напечатаны въ „Телеграфѣ".

Двое Сципіоновъ африканскихъ. Сочиненіе это было издано сначала въ 1830 году, а потомъ, въ исправленномъ видѣ, въ 1834 году. Въ немъ изображено нѣсколько сценъ изъ жизни сципіоновъ, Перваго и Сципіона-Эмиліана.

По смерти его была напечатана его біографія, хотя и весьма краткая, въ „Москвитянинѣ" (1844 г. № 10). Въ примѣчаніяхъ на эту біографію, бывшій издатель „Сибирскаго Вѣстника", Спасскій отозвался о Словцовѣ, что „онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ современниковъ по дарованіямъ своимъ, обширнымъ свѣдѣніямъ и по превратностямъ „жизни".

Въ 1815 году Словцовъ былъ избранъ въ почетные члены Казанскимъ обществомъ любителей словесности, а въ 1821 году—

[1]) Похв. слово царю Іоанну Васильевичу IV, стран. 64.

С.-Петербургскимъ вольнымъ обществомъ Россійской словесности, котораго тогдашній президентъ, князь Салтыковъ писалъ къ Словцову, отъ 28-го марта 1821 года, что общество избрало его почетнымъ членомъ, „уважая въ полной мѣрѣ отличныя его познанія въ наукахъ и труды, подъятые для пользы отечественной словесности".

Жаль, что никто, человѣкъ съ умомъ и со средствами, не предприметъ собрать и напечатать, въ одномъ изданіи, всѣ сочиненія Словцова, съ которыми такъ мало знакома наша читающая публика и которыя, между тѣмъ, составили бы прекрасный подарокъ Русской литературѣ.

Словцовъ, по пріѣздѣ въ Иркутскъ, жилъ въ домѣ генералъ-губернатора, деревянномъ, огромномъ зданіи, которое кромѣ двухъ комнатъ, занимаемыхъ Словцовымъ, было совершенно пусто. Эта мрачная, полуразвалившаяся руина чрезвычайно гармонировала съ мрачною душою своего единственнаго жильца и наводила на него еще большее уныніе. Часто, по вечерамъ, въ лѣтнюю пору, въ глубокомъ раздумьѣ, ходилъ онъ по длинной галлереѣ, пристроенной къ дому. Ростъ Словцова былъ высокій, около 12 вершковъ; сложеніе крѣпкое отъ природы, но изнуренное обстоятельствами; онъ былъ брюнетъ; глаза у него были каріе, и волосы—черные, при знакомствѣ со мною уже съ огорченія начинали убѣлять его сѣдиною; лицо его было пріятно; выраженіе лица всегда серіозное, задумчивое и печальное; онъ былъ молчаливъ, хотя рѣчь его была плавная, энергическая и много-остроумная. До изгнанія своего—по словамъ Сперанскаго—онъ любилъ блистать своимъ остроуміемъ и отличался веселостію нрава, но несчастія успѣли изломать эту крѣпкую натуру!

По опредѣленіи въ должность директора училищъ, Словцовъ оставилъ генералъ-губернаторскій домъ и жилъ на частныхъ квартирахъ, нанимая не болѣе двухъ или трехъ комнатъ и, по ограниченному своему жалованью, не могъ нанимать болѣе.

Жизнь Словцова была уединенная и единообразная: никого изъ жителей не посѣщалъ, не находя бесѣды, сообразной съ потребностію своего духа, какъ онъ и выразилъ въ одномъ изъ напечатанныхъ имъ писемъ изъ Сибири, гдѣ онъ говоритъ, что, несмотря на всѣ выгоды физической жизни, въ Иркутскѣ онъ не видѣлъ возможности удовлетворять потребностямъ ума, имѣющаго нужду въ бесѣдѣ приличной степени просвѣщенія и сану возраста. „Бесѣдуйте за картами или бесѣдуйте въ мракѣ своего уединенія, вотъ условіе, sine qua non!" [1]).

При охлажденіи и даже при неблаговоленіи мѣстнаго начальства

---

[1]) Письма изъ Сибири, стран. 20.

къ Словцову, какъ говорилъ я выше, всѣ губернскіе чиновники боялись его посѣщать; съ купцами знакомъ онъ не былъ, а потому и самъ онъ ни къ кому не ходилъ. Два только гостя изрѣдка являлись къ нему: небоявшійся сибирскаго мороза сициліанецъ Соломони и скрипачъ—изгнанникъ Горновскій, котораго никто изъ Иркутскихъ жителей не подпускалъ къ себѣ на ружейный выстрѣлъ... Соломони хорошо говорилъ по-французски, любилъ толковать о политикѣ, былъ до крайности разговорчивъ и иногда сильно надоѣдалъ Словцову. Горновскій по уму и познаніямъ нравился ему болѣе, но Словцовъ не любилъ въ немъ чувства непримиримой ненависти и озлобленія, какія онъ питалъ—хотя и не безъ причины—къ губернскому начальству. Словцовъ охотно прощалъ своимъ врагамъ; Горновскій готовъ былъ проглотить ихъ живыми: въ немъ не было любви христіанской.

Такимъ образомъ, большую часть времени Словцовъ проводилъ въ бесѣдѣ или съ книгами, или съ самимъ собою. Вставалъ онъ довольно рано; всякое утро читалъ, на французскомъ языкѣ, нѣсколько главъ и книги: О подражаніи Христу; долго молился и потомъ или ходилъ въ гимназію, или занимался дома иногда чтеніемъ, иногда сочиненіемъ. Послѣ обѣда опять посѣщалъ гимназію и потомъ послѣ чаю прогуливался. Въ первые годы, имѣя лошадей, ѣздилъ весною и лѣтомъ прогуливаться за городъ и часто купался въ Ушаковкѣ, а потомъ, по продажѣ лошадей, прогуливался пѣшкомъ, всего чаще на городское кладбище: мысль о вѣчномъ успокоеніи была его любимою. Въ вечеру ходилъ долго по комнатѣ въ глубокой задумчивости; потомъ заставлялъ читать ему вслухъ книги, большею частію религіозныя. Очищеніе или, какъ онъ самъ выражался, перерожденіе духа было его главнымъ занятіемъ. Съ этою цѣлію книгу: О подражаніи Христу—онъ перевелъ на русскій языкъ; сверхъ того, въ послѣдніе годы началъ, но не кончилъ, переводить другую еще христіанскую книгу: L'âme élevéeà Dieu.

По переѣздѣ Словцова изъ Иркутска въ Тобольскъ, система жизни его нисколько не измѣнилась: то же уединеніе, тѣ же занятія.

При углубленіи въ ученіе христіанское, Словцовъ не переставалъ слѣдить за науками и литературою и постоянно выписывалъ новыя книги. Всѣ новѣйшія сочиненія были ему извѣстны. Все полезное и прекрасное было родное душѣ Словцова. Всякій успѣхъ на поприщѣ наукъ и литературы его радовалъ; и это было единственнымъ источникомъ его земной радости. Съ радостію при преклонныхъ лѣтахъ и слабомъ здоровьѣ, Словцовъ не старѣлъ и не слабѣлъ умомъ. Онъ прочиталъ, какъ можно было видѣть изъ его писемъ, весь Сводъ Законовъ, что, конечно, сдѣлали не многіе изъ тѣхъ самыхъ, которые

занимаются законами по должности. Также въ глубокой старости—какъ выше сказано—онъ предпринялъ и окончилъ громадное твореніе—„Историческое обозрѣніе Сибири". Самыя прогулки его были соединяемы съ научною пользою. Прогуливаясь въ окрестностяхъ Тобольска, когда ему было уже шестьдесятъ лѣтъ, онъ собралъ большой гербаріумъ и принесъ его въ даръ Казанскому университету.

Между тѣмъ, здоровье его разрушалось, зрѣніе тупѣло, такъ что онъ уже не читалъ русскихъ книгъ, и для вечерняго чтенія къ нему приходили нанятые имъ для этого чтецы... Даже за два дня до смерти онъ еще занимался чтеніемъ!

Искренно преданный Словцову инспекторъ Тобольской гимназіи Иванъ Порфиріевичъ Помаскинъ [1]), бывшій при немъ почти безотлучно во время его болѣзни, прислалъ мнѣ описаніе предсмертныхъ его дней.

„16-го января 1843 года въ день своихъ именинъ—пишетъ Помаскинъ — Петръ Андреевичъ подписалъ духовное завѣщаніе о небольшомъ, остававшемся послѣ него движимомъ имуществѣ и, отдавая мнѣ, сказалъ: болѣзнь моя усиливается, но это было послѣднее мое дѣло, которымъ я связывался на землѣ; 2-я книга моя [2]) кончена, слѣдуетъ только отослать. Благодаря Бога за всѣ благодѣнія Его въ жизни моей и молю, да успокоитъ меня, бѣднаго грѣшника. Хотѣлось бы поболѣе заняться разсмотрѣніемъ минувшихъ дней жизни моей и, если сподобитъ Богъ, то намѣренъ 18-го января и пріобщиться св. Таинъ; не знаю, доживу ли еще до поста и буду ли въ состояніи ходить въ церковь. 18-го числа онъ дѣйствительно пріобщился".

„Кашель простудный еще съ начала зимы не позволялъ ему выходить на воздухъ; но занятія его не прекращались, можно сказать, до самой кончины. Медицинскія пособія оказывались мало полезными [3])".

„Замѣтивъ истощеніе силъ его, я рѣшительно каждый день посѣщалъ его и каждый день на вопросъ мой о состояніи здоровья получалъ одинъ отвѣтъ: „худо, братъ, худо здоровье мое". Сколько было можно, я развлекалъ его и разговорами, и чтеніемъ книгъ. Такъ продолжалось до 26-го марта (т. е. за два дня до смерти).

„Тобольскій архипастырь Владиміръ, переведенный изъ Костромы,

---

[1]) Онъ сообщилъ въ „Москвитянинъ" 1844—1845 г. письма М. М. Сперанскаго къ П. А. Словцову, (см. „Русск. Арх", 1867, стр. 1684).

[2]) „Историч. обозр. Сибири".

[3]) П. А. Словцовъ страдалъ каменною болѣзнью, которая окончилась антоновымъ огнемъ.

родственникъ графа М. М. Сперанскаго, со времени прибытія въ Тобольскъ, т. е. съ 15-го января 1843 года, постоянно желалъ познакомиться съ П. А., но болѣзнь не позволяла ему принять преосвященнаго. Наконецъ, настоятельное желаніе его было удовлетворено 25-го марта. П. А. принялъ его, уже лежа въ постелѣ".

„По болѣзненному положенію П. А., преосвященный былъ у него не болѣе двадцати минутъ и при прощаніи, благословляя его, сказалъ: молитесь Всемогущему, да облегчитъ ваши болѣзни, и я надѣюсь вскорѣ съ вами видѣться.—Собравъ силы, П. А. отвѣчалъ: „несомнѣнно вѣрую и надѣюсь на скорое успокоеніе мое. При выходѣ преосвященный сказалъ мнѣ, что должно позаботиться о духовномъ напутствіи души".

„Въ вечеръ того же дня я заходилъ къ П. А. и засталъ у него чтеца, читающаго „Христіанское чтеніе", гдѣ извѣщалось о кончинѣ подольскаго архіерея Кирилла, знакомаго П. А. Когда я изъявилъ сожалѣніе о ранней кончинѣ его, П. А. мнѣ сказалъ: „вотъ вскорѣ и со мною то же послѣдуетъ".

„Надобно сказать здѣсь, что 19-го марта П. А., вставая ночью съ постели, упалъ и, разсказывая мнѣ объ этомъ, прибавилъ: „общая наша мать призываетъ меня въ свои объятія". Послѣ этого случая онъ переходилъ уже изъ комнаты въ комнату съ человѣкомъ, а съ 26-го числа до кончины оставался уже постоянно въ одной комнатѣ".

„26-го числа рано по утру извѣстили меня, что ночь проведена худо; я пришелъ и тотчасъ объявилъ волю преосвященнаго. П. А. принялъ предложеніе его съ любовію и немедленно пожелалъ исполнить".

„27-го марта былъ медицинскій консиліумъ; приняты рѣшительныя мѣры, но не имѣли никакого успѣха".

„28-го числа марта 1843 года, въ воскресенье, въ половинѣ 11 часа, въ самую Достойную—земныя страданія окончились—душа разрѣшилась отъ узъ тѣла!"...

„Я присутствовалъ при кончинѣ П. А. Она была тиха, какъ смерть праведника".

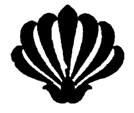
„31-го марта тѣло было предано землѣ. П. А. завѣщалъ на похороны позвать одного священника; гробъ ничѣмъ не околачивать и погрести его со всевозможною простотою. Но преосвященный самъ вызвался отпѣвать его тѣло".

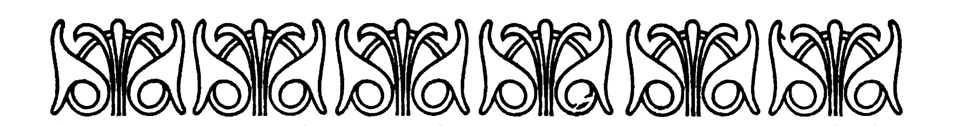
„Дѣлая распоряженія о своемъ погребеніи, П. А. училъ меня не чуждаться смерти и готовымъ быть всегда встрѣтить ее, какъ гостью—давно желанную".

„Преосвященный въ надгробномъ словѣ на текстъ: „Лазарь, другъ

нашъ, умре", между прочимъ, обращаясь къ присутствующимъ, сказалъ: „не думайте, чтобы этотъ почившій мужъ почилъ безъ присныхъ ему: нѣтъ, у него остались двѣ сестры: церковь и отечество!"

Бросая общій взглядъ на жизнь П. А. Словцова, можно сказать, что онъ не прожилъ, а прострадалъ свою жизнь, но, примиряясь со своими страданіями, видѣлъ въ нихъ крестъ, наложенный на него Провидѣніемъ для его же спасенія и, живя тѣломъ во времени, гдѣ все гибнетъ, проходитъ и исчезаетъ, постоянно возносился духомъ въ вѣчное небо, гдѣ все нетлѣнно и безконечно!

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго [1]).

III.

Былъ прекрасный лѣтній день. Пароходъ, на которомъ ѣхалъ въ Сибирь Перепелкинъ съ семействомъ, плылъ свободно, не встрѣчая частыхъ мелей, которыя нерѣдко по нѣсколько часовъ задерживали его въ верховьяхъ рѣки.

— А вотъ, барынька, посмотрите, коноводка идетъ и тянетъ за собой подчалки! Да никакъ и самъ Панфилъ Трохимичъ тута-ка!—тараторила кормилица, уроженка здѣшнихъ мѣстъ, года два назадъ завезенная въ Петербургъ какими-то господами, въ качествѣ кормилицы: онъ же и есть! Вотъ посмотрите, какой толстой!

Пароходъ на близкомъ разстояніи прошелъ мимо коноводки, и Панфилъ Трофимовичъ былъ явственно виденъ со всѣхъ сторонъ. Такого чудища Перепелкину не приходилось еще не только встрѣчать, но и подозрѣвать возможность существованія подобныхъ существъ въ образѣ человѣческомъ. Это было необыкновенно толстое, неуклюжее, почти однихъ размѣровъ въ вышину и ширину, въ видѣ квадратнаго обрубка, животное, съ заплывшимъ отъ жира лицомъ до того, что почти не видать было ни носа, ни глазъ, а только замѣтны были какія-то щелки и наростикъ. Вѣсу въ этомъ чудищѣ могло быть никакъ не меньше 15 пудовъ. О выраженіи лица и спрашивать нечего: скорѣе его найдешь въ свиньѣ.

— Неказистъ, какъ видите, обратился капитанъ парохода къ Перепелкинымъ, видя, что они засмотрѣлись на Панфила Трофимовича: а вѣдь, настоящій князь въ здѣшнихъ мѣстахъ, всѣ и все по стрункѣ предъ нимъ ходитъ, никого и знать не хочетъ, вотъ только жены своей, бывшей у него прежде въ кухаркахъ, при двухъ первыхъ женахъ, боится, какъ огня.

По разсказамъ капитана, кормилицы и нѣкоторыхъ другихъ лицъ,

---

1) „См. Русскую Старину" августъ 1905 г.

хорошо знавшихъ этого закормленнаго кабана, онъ здѣсь въ окрестностяхъ, верстъ на четыреста кругомъ, высосалъ все. Торгуя разными предметами, но преимущественно мукой, закупая все прижимисто и во время крайней нужды продающаго, онъ и здѣсь, при окончательной уплатѣ, непремѣнно надуетъ, непремѣнно обсчитаетъ, и лучше ужъ отступись, а не тягайся съ нимъ по судамъ, разоритъ окончательно, потому что можетъ подкупить какую хочешь власть.

— Да этого мало, что можетъ подкупить всякую власть, послушали бы вы, какъ онъ всенародно отзывается объ этихъ властяхъ и какое наглое презрѣніе выражаетъ къ нимъ, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни присутствіемъ разнородной публики, говорилъ помѣщикъ Д—въ, возвращавшійся изъ столицы въ свое имѣніе: однажды онъ при мнѣ, на пристани, разсчитывался съ большою артелью, которая, на подмогу себѣ, привела земскія власти. Споръ шелъ изъ-за одиннадцати рублей съ копѣйками, которыхъ брюхачъ не хотѣлъ отдавать. Было много посторонняго народа. Всѣ внимательно слѣдили за спорящими.

— Такъ не токма-что одиннадцать рублевъ тридцать коп., а и ничего не отдамъ! зарычалъ Панфилъ, побагровѣвъ отъ злости.

— Лучше отдайте, ваше степенство, совѣтовали смиренно земскія власти.

— На-ко-ся! поднесъ онъ имъ по фигѣ подъ самый носъ.

— Что жъ, робята, загудѣла артель: дойдемъ до суда, аль до губернатора!

— Плевать я хотѣлъ на вашъ судъ и на самого губернатора! заоралъ онъ на всю глотку.

Положимъ, что за эту самодурную храбрость содрали съ него впослѣдствіи высшія власти ни больше, ни меньше какъ десять тысячъ рублей, а все-таки артели и гроша не отдалъ.

— Что жъ, боялись посторонніе показывать противъ него? спросилъ Перепелкинъ...

— Нѣтъ! показанія были даны, собиралъ ихъ самъ исправникъ, въ томъ числѣ и отъ меня—да развѣ это нужно было для того, чтобы судить дерзкаго? Совсѣмъ нѣтъ! Считали нужнымъ заручиться этими показаніями, чтобы сорвать съ него порядочный кушъ, а когда этого достигли, то и дѣлу конецъ. Вопросъ же о томъ, что онъ, изъ-за спорныхъ одиннадцати рублей, не отдалъ артели денегъ, заработанныхъ въ самое жгучее страдное время, никого не заинтересовалъ и такъ и остался безъ всякаго разрѣшенія.

— А почему же это дикое и безсмысленное животное боится своей третьей жены, бывшей прежде у него въ кухаркахъ при первыхъ двухъ женахъ? продолжалъ любопытствовать Перепелкинъ.

— А это статья особая и прелюбопытная, если хотите, заговорили многіе на пароходѣ изъ знавшихъ Панфила.

Изъ разсказовъ выяснилось, что первую свою жену, беременную на 5-й мѣсяцъ послѣ женитьбы, онъ ударилъ, подъ пьяную руку, графиномъ по головѣ, раскроилъ ей черепъ, и она на третій день скончалась въ страшныхъ мукахъ. Всѣмъ это было извѣстно, и никто и пальцемъ не пошевельнулъ, чтобъ огласить это дѣло. Вторую, воспротивившуюся какому-то дикому скотскому его желанію, на третій день послѣ родовъ, онъ заперъ зимой на ночь въ кладовую, въ одномъ бѣльѣ, и она умерла отъ воспаленія брюшины. И это всѣ знали, и никто ни гугу! На кухаркѣ же, бывшей свидѣтельницѣ всѣхъ этихъ событій, неизвѣстно ужъ по какимъ побужденіямъ женился: то ли онъ влюбился въ нее, потому что она очень недурна собой и неглупа, или не подыскалъ такой, которая бы не побоялась выйти за него. Но тутъ нашла коса на камень и получила непоправимый изъянецъ.

— Можете себѣ представить—эта, бывшая кухарка, не только держитъ его въ рукахъ, но, случается, и колотитъ, да еще какъ! Сначала она всячески старалась ему угождать, не прекословила ни въ чемъ, „играла ему пѣсни и танецъ“, какъ онъ любитъ: это надѣнетъ шелковый сарафанъ, кокошникъ „золотой“, „съ брилліантами“, на голову, распуститъ въ рукахъ платочекъ и, поводя глазами и плечами, начнетъ дѣлать плавныя движенія, изгибаясь и распоряжаясь своей пышной турнюрой такъ, что животное приходитъ въ экстазъ и, захлебываясь, рычитъ: „вольнѣй, Мареушка, вольнѣй! шибко разбираетъ“... Но вотъ разъ, за обѣдомъ, она чѣмъ-то не угодила ему. Онъ бросилъ въ нее тарелкой, но не попалъ. Она схватила миску и со всѣмъ содержимымъ ловко тырнула ему въ лицо. Остервенился звѣрь и схватилъ ее за волосы, но ловкая и сильная баба такъ сжала его за горло, что онъ посинѣлъ и сталъ задыхаться. Выпустилъ горло, она свалила его и била до тѣхъ поръ, пока не запросилъ „пардону“. Съ тѣхъ поръ онъ совсѣмъ притихъ предъ ней, тѣмъ болѣе, что она запугала его: „чуть, могъ что, сейчасъ начальству докажу, какъ извелъ первыхъ двухъ женъ“. Эти дикіе люди, съ туго набитой мошной,—продолжалъ словоохотливый помѣщикъ,—никого не боясь, вслѣдствіе своей денежной силы, весьма часто пасуютъ предъ ничтожными личностями, и не только пасуютъ, но совершенно подпадаютъ подъ ихъ деспотическую власть.

— Примѣровъ тому тамъ, дальше на Востокъ, увидите вы много, говорилъ онъ, обращаясь къ Перепелкину: вотъ хоть бы извѣстный богачъ, который, надѣлавъ губернатору дерзостей, еще такъ выразился: „а что ты меня пугаешь „министрой“, я и „министру“, каку хошь, стукну по лбу милліономъ, и всякому дѣлу шабашъ“.

— А вѣдь, имъ помыкалъ, какъ хотѣлъ, одинъ пройдоха, назвавшій себя Божіимъ человѣкомъ и владѣвшій якобы такимъ словомъ, что стоило ему только произнести его, и всякую бѣду накличетъ имъ, на кого хочетъ. Вѣрилъ дикій самодуръ этому человѣку во всемъ, боялся его и исполнялъ всѣ его прихоти и желанія. Мало того, даже обижалъ и разорялъ многихъ только потому, что мнимый Божій человѣкъ (въ сущности страшный развратникъ, пьяница и негодяй) натравлялъ его на нихъ.

— Да, вѣдь, вы сами насмотритесь на этихъ дикихъ людей тамъ подальше и наслушаетесь по дорогѣ разсказовъ про нихъ, какъ эти тучныя скотоподобныя степенства и высокостепенства „протешествуютъ" съ Востока на Западъ тысячеверстными пространствами, буквально поливая путь „шимпанскимъ", встрѣчаемыя и сопровождаемыя земскими властями, которыя нерѣдко, для удовлетворенія ихъ вожделѣній, сгоняютъ имъ на ночлегъ красивыхъ женщинъ и дѣвокъ, какъ потѣшаются эти саврасы надъ бѣдными людьми или надъ алчными властями.

— Хошь, я тебѣ плюну въ харю?—говоритъ дикій человѣкъ, отъ продолжительной дорожной гульбы окончательно уже утратившій человѣческій образъ, обращаясь къ земскому чину, присутствующему при этихъ оргіяхъ, въ ожиданіи подачки за услуги.

— Нельзя-съ, Парамонъ Сильвестричъ, за это отвѣчать будете, потому народъ здѣсь.

— Эти дѣвки-то, что самъ сюда нагналъ? А хошь, губернатору донесу?

— Сами пришли-съ, не я сгонялъ... вотъ что-съ! огрызается чинъ.

— Эва-на! захлебывается отъ смѣха чудище и, понатужившись, заплевываетъ всю физіономію немаленькой земской власти.

Оплеванная власть шумитъ, требуетъ понятыхъ, отдаетъ приказаніе, чтобы ни подъ одинъ экипажъ не давали лошадей впредь до его разрѣшенія. Саврасы начинаютъ волноваться и уламываютъ чудище раскошелиться для мировой.

— Ну, чортъ съ тобой! На тебѣ триста рублевъ, бросая на столъ три сотенныхъ, говоритъ Парамонъ Сильвестричъ.

Но власть, въ ожиданіи понятыхъ, подготовляетъ все необходимое для составленія протокола и, повидимому, не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на слова саврасовъ, запуганныхъ грознымъ распоряженіемъ не давать лошадей.

— Ну, пристегни еще двѣ сотенныхъ! Чего жмешься? усовѣщиваютъ всѣ пьяныя степенства самодура.

Но, видя, что начальство вошло въ свою роль и ужъ начало строчить и допросъ снимать съ бабъ, а тутъ заслышались уже шаги

понятыхъ, всѣ накинулись на Парамона Сильвестрича съ крикомъ и бранью: да выбрось ты ему, чорту, тысчу! Только бъ скандалу не было.

— Ладно, выброшу двѣ тысячи, но съ уговоромъ, чтобы онъ не руками, а ртомъ собралъ бы всѣ двадцать сотенныхъ бумажекъ.

Зная упрямый нравъ самодура, всѣ приступили къ власти съ просьбой сдѣлать эту уступку ради мировой.

Поколебалась оплеванная власть и крикнула въ окно, чтобъ понятые разошлись, а остался бы только писарь. Затѣмъ выложенныя на столъ сторублевки аккуратно были собраны начальническимъ ртомъ, и примиреніе состоялось полное.

— Надо и писарю сторублевку дать, обратилась земская власть къ виновнику ея униженія, и обратилась тономъ серьезнымъ и даже какъ бы суровымъ.

— Что жъ! Дадимъ. Зови.

Явилось низенькое, плюгавенькое, угреватое и сильно плутоватое существо. Оно ухмылялось и съ подобострастіемъ посматривало то на пьяныхъ саврасовъ, то на свое начальство, то на батареи штофовъ, бутылокъ, графиновъ, уже опороженныхъ, или только-что начатыхъ, въ знакъ примиренія.

— Вотъ тебѣ сторублевка, гаркнулъ самодуръ, выбрасывая на полъ, къ столу, бумажку: ползи на корачкахъ и слижи ее языкомъ.

Писарекъ мгновенно бросился на полъ, быстрымъ манеромъ подползъ къ соблазнительному предмету и ловко слизнулъ его, при всеобщемъ гомерическомъ хохотѣ саврасовъ и визгѣ бабъ.

— Лай по-собачьи! командуетъ самодуръ: вотъ тебѣ десятирублевка.

Писарекъ не уронилъ себя и съ этой стороны: раздался собачій лай.

— Мяукай по-кошачьи! кричитъ другой: вотъ тебѣ еще десятирублевка.

И тутъ писарекъ не ударилъ лицомъ въ грязь, замяукавъ совершенно, какъ кошка. Но еще большій талантъ обнаружилъ онъ въ человѣческомъ искусствѣ, когда всѣ саврасы закричали: по пятиткѣ съ каждаго получишь, только валяй трепака и ходи на головѣ.

Пустился писарекъ въ самый неистовый плясъ, выкидывая диковинныя колѣнца и, вдругъ опрокидываясь всѣмъ корпусомъ, становился на голову и, при помощи рукъ, перемѣнялъ положеніе, издавая звуки, похожіе на хрюканье свиньи, что̀ возбуждало необыкновенный хохотъ въ публикѣ.

— Бей себя по щекамъ, вотъ еще тебѣ со всѣхъ насъ по трешницѣ! командовали расходившіеся дикари.

Алчный писарекъ и на пощечины себѣ не поскупился, такъ что заревомъ зардѣлись блѣдныя, обыкновенно, его щеки.

— Такіе же саврасы, проѣзжая однажды чрезъ городъ, гдѣ существуетъ и высшая власть, во время ярмарки, запрягли въ огромныя сани публичныхъ женщинъ, дважды проѣхали по всему городу, никѣмъ не стѣсняемые, но поплатились ли за эту потѣху предъ начальствомъ—мнѣ неизвѣстно, закончилъ Д.

— Господи, все время думалъ Перепелкинъ: это въ христіанскомъ государствѣ, претендующемъ на благочестіе своего народа, особенно не тронутаго европеизмомъ, такъ понимается главная основа ученія Богочеловѣка—любовь къ ближнему! Что жъ вы, пастыри церкви, не вразумите этихъ чудовищъ, что такія надругательства надъ ближнимъ противорѣчатъ духу религіи и не могутъ быть искуплены предъ правосуднымъ Богомъ ни пудовыми свѣчами, ни тысячепудовыми колоколами, ни даже постройками Ему храмовъ, на деньги, высосанныя изъ народа, закабаленнаго капиталомъ и кривосудомъ? Развѣ при этихъ пожертвованіяхъ, которыя ничего имъ не стоятъ, не обязываетесь вы напоминать имъ евангельскія слова: „когда принесешь даръ твой къ алтарю и вспомнишь, что братъ твой имѣетъ нѣчто противъ тебя, оставь даръ твой предъ алтаремъ и ступай прежде къ брату, чтобъ примириться съ нимъ, и тогда уже приноси даръ твой“. Эхъ, вы! до злости горячился расходившійся идеалистъ-педагогъ.

— Боже мой, какой просторъ, какая ширь, какая даль! изумлялся въ глубинѣ души Перепелкинъ, пораженный открывавшимися горизонтами за Ураломъ, когда выѣхалъ на путь, по которому прошла когда-то горсть удалой вольницы, русскаго казачества, съ дерзкою мыслію „поставить подъ руку“ русскаго царя невѣдомыхъ обитателей обширнаго края, богатаго „землей, водой, лѣсомъ, пушниной, рыбой, а и сверхъ того всего сребромъ-златомъ“. Этотъ путь тянется теперь на нѣсколько тысячъ верстъ, обставленный справа и слѣва рѣдкими поселками на немъ, или на недальнемъ разстояніи отъ него, а на далекихъ сопровождаемый такими необъятными пустырями, на которыхъ двойное населеніе Европы могло бы свободно размѣститься. А какіе лѣса, какія степи, горы, рѣки, озера! А сколько въ дремучихъ тайгахъ и горахъ золота и другихъ металловъ и минераловъ, дичи повсемѣстно въ лѣсахъ и степяхъ, рыбы въ озерахъ и рѣкахъ! Но плохо пользуется всѣми этими богатствами здѣшній невѣжественный человѣкъ; вѣчно опекаемый и обираемый властями, лишенный всякой иниціативы, чуждый малѣйшаго научнаго развитія и даже профессіональнаго знанія, онъ преспокойно дремлетъ себѣ, довольный уже и тѣмъ, что здѣсь, при такомъ просторѣ, съ голода не умрешь: „сами галушки въ ротъ валятся“, какъ говорятъ здѣсь поселенцы изъ Малороссіи.

— Вотъ и городъ! указывалъ возница кнутовищемъ на виднѣвшійся

на далекомъ разстояніи большой каменный бѣлый домъ.—Это новый у насъ острогъ, сообщилъ онъ. Посмотримъ, какое впечатлѣніе произведетъ этотъ городъ на первыхъ порахъ, думалъ Перепелкинъ. Оправдаетъ ли онъ знаменательныя клички, которыя надавалъ ему помѣщикъ, проживщій въ немъ не мало времени: „Безтолочь", „непроницаемая муть", „Покладистая блудница", „А-ну-ка-попробуй". „Да это настоящая деревня, говорила кормилица, глядя по сторонамъ первой длинной улицы, въ которую въѣхали. Какъ есть деревня, матушка моя, барыня!" Любу это озадачило и даже, очевидно, привело въ уныніе: ничего подобнаго она не ожидала. „Боже мой, Боже мой! куда мы заѣхали!" Далѣе, впрочемъ, въ другихъ улицахъ, стали попадаться домишки получше, съ нѣкоторыми архитектурными претензіями городскихъ зданій, но все деревянные, а каменные, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ города, всѣ на перечетъ—5—6 не больше—да и тѣ вида казарменнаго, мрачнаго, угрюмаго, такъ что уныніе Любочки, по мѣрѣ того, какъ подвигались далѣе, вмѣсто того, чтобъ ослабѣвать, замѣтнымъ образомъ стало возрастать, тѣмъ болѣе, что и кормилица, не менѣе ея озадаченная, нѣтъ-нѣтъ да и вскрикнетъ: „вотъ вамъ, барыня, и Петербургъ!" Но вскорѣ, къ удовольствію Перепелкина, простота нравовъ чиновныхъ горожанъ привела всю новопріѣхавшую семью въ самое развеселое настроеніе духа. Въ самомъ центрѣ города, на площади, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кадетскаго корпуса, разбросано было до десятка лачужекъ, видомъ еще похуже тѣхъ, что встрѣчались на окраинѣ, при въѣздѣ въ городъ. Здѣсь оборвалась постромка у одной изъ пристяжныхъ лошадей, и пока ямщикъ налаживалъ ее и оправлялъ лошадокъ, семьѣ пришлось поглазѣть на забавную сценку, разсмѣшившую и дѣтей, и большихъ. На нѣкоторыхъ домикахъ были устроены на крышахъ голубятни, и вотъ на одной изъ нихъ показался высокій мужчина, въ растегнутомъ стареньkомъ вицмундиришкѣ съ свѣтлыми пуговицами, безъ шапки, галстуха и жилета, выпустилъ изъ голубятни множество голубей, разогналъ ихъ съ крыши и, взявъ въ руки длинный шестъ съ навязаннымъ на верхушкѣ пучкомъ травы, сталъ помахивать имъ для того, чтобы любимыя, какъ видно, имъ пернатыя вздымались вверхъ повыше, кружились тамъ подолгу, продѣлывая воздушныя эволюціи, сообразно своимъ природнымъ или пріобрѣтеннымъ особенностямъ полета и движенія въ воздухѣ, но не садились бы скоро на крышу. Для предупрежденія такихъ поползновеній, онъ такъ неистово забѣгалъ, что споткнулся, упалъ и растянулся по крышѣ, далеко отбросивъ отъ себя шестъ. Послѣднее обстоятельство разсмѣшило даже флегматичнаго возницу, который, разогнавъ лошадей по направленію къ постоялому двору, часто оборачивался

къ хохотавшимъ безъ умолку своимъ пассажирамъ и, какъ бы для подзадориванія ихъ, со смѣхомъ твердилъ: „вишь, шлепнулся какъ, поди-ка, больно, чать, треснулся... баринъ-отъ!"

Не успѣла еще семья расположиться и осмотрѣться на постоялом дворѣ, какъ полковникъ Ж. П., вызвавшій Перепелкина на службу въ эту глушь, неизвѣстно какими путями узнавшій о прибытіи его, внезапно явился тутъ и горячо привѣтствовалъ всѣхъ пріѣхавшихъ.

— Мы васъ ждали на прошлой недѣлѣ еще и, признаться, я ужъ началъ безпокоиться, не случилось ли чего въ дорогѣ. Вамъ надо будетъ, послѣ представленія директору корпуса, поспѣшить представиться и главному начальнику края, который, зная, какъ нелегко намъ стоило заманить васъ сюда на службу, какъ-то особенно заинтересованъ въ вашемъ пріѣздѣ.

Перепелкинъ горячо благодарилъ полковника за его любезное радушіе къ нему и семейству его.

Относительно представленія главѣ края Перепелкинъ выразилъ затрудненіе въ томъ отношеніи, что у него нѣтъ мундира.

— Да какъ же вы тамъ обходились безъ него, особенно, напр., на публичныхъ экзаменахъ, въ присутствіи І. Р—ва? полюбопытствовалъ полковникъ.

— Тамъ надобности въ немъ не чувствовалось, тѣмъ болѣе, что и на публичныхъ экзаменахъ, въ присутствіи І. Р—ва, большинство учителей являлись въ фракахъ, разумѣется, имѣя на себѣ регаліи, если какія у кого были.

— Нѣтъ,—я вамъ совѣтую—уже лучше не портите впечатлѣнія при представленіи даже начальнику нашего заведенія, а тѣмъ болѣе главѣ края. Я вамъ пришлю сегодня же мундиръ учителя, подходящаго къ вамъ ростомъ и корпусомъ. Это, конечно, пустяки съ точки зрѣнія философской, но съ служебной не всегда и не для всѣхъ это пустяки, а я уже по опыту знаю, что иногда и совершенные пустяки, съ какой угодно точки зрѣнія, разрѣшаются послѣдствіями вовсе непустяшными, а потому я васъ настоятельно прошу принарядиться въ чужой мундиръ при представленіи тому и другому начальству. Это ничего не значитъ, что черезъ нѣсколько дней весь городъ и само начальство будутъ знать, что вы въ чужомъ мундирѣ пощеголяли. Послѣднее еще больше оцѣнитъ вашу щепетильную деликатность.

Перепелкину ничего больше не оставалось, какъ поблагодарить полковника и за эту любезность.

— Пріопоздали, пріопоздали, милостивый государь, добродушно говорилъ начальникъ заведенія представшему предъ нимъ, на другой

день своего пріѣзда, Перепелкину въ мундирѣ съ чужаго плеча еще и не видѣннаго имъ человѣка, новаго товарища по профессіи: вы, вѣдь, много безпокойства замедленіемъ своимъ надѣлали достопочтеннѣйшему нашему Петру Ивановичу, который уши прожужжалъ намъ всѣмъ о васъ, такъ много хорошихъ отзывовъ наслышался онъ о васъ въ Петербургѣ, да и раньше здѣсь отъ одного проѣзжавшаго здѣсь сослуживца вашего, или знавшаго васъ со словъ вашихъ сослуживцевъ.

Указавъ на замедленіе своего прибытія сюда отчасти по причинамъ, не зависѣвшимъ отъ него, Перепелкинъ прибавилъ еще, что и торопиться особенной надобности онъ не видѣлъ, тѣмъ болѣе, что это путешествіе представляло для него столько любопытныхъ явленій.

— Вотъ какъ! не безъ удивленія, смотря пристально въ глаза Перепелкина и бросивъ сумрачно косвенный взглядъ на три личности, очевидно, явившіяся съ утренними докладами, сказалъ генералъ и поспѣшилъ познакомить съ ними новопріѣхавшаго.

Это были: Утягаевъ, Загребаевъ и Такаловъ, личности, фамиліи которыхъ удивительно могли соотвѣтствовать или согласоваться съ тѣми профессіями, которую каждый изъ нихъ отправлялъ по отношенію къ опеканію казеннаго пирога. Подкупающій тонъ, слащавыя манеры и самоотверженная, до уничиженія простирающаяся, предупредительность свидѣтельствовали, что эти лица были большіе и очень опытные практиканты на житейскомъ поприщѣ и хорошо были знакомы со всѣми путями залѣзанія въ душу слабыхъ смертныхъ, какого бы ранга, лѣтъ и положенія послѣдніе ни были.

Явился вѣстовой и доложилъ генералу, что лошадь готова.

— Знаете ли, какой я умыселъ теперь имѣю на васъ? говорилъ генералъ, съ знаменательной улыбкой осматривая мундиръ Перепелкина и какъ-то особенно переглянувшись съ троицей, приставленной къ опеканію казеннаго пирога: чтобъ васъ долго не стѣснять мундирностью, я сейчасъ же хочу везти васъ къ начальнику края для представленія его высокопревосходительству.

— Что жъ, я не прочь, развязно и съ улыбкой говорилъ учитель-новичекъ.

— То-то, то-то! пробурчалъ генералъ, направляясь къ выходу и обмѣнявшись взглядомъ съ сослуживцами, которые весьма сдержанно, но не безъ ехидства, какъ казалось Перепелкину, улыбались. Пока выходили и садились въ экипажъ, Перепелкинъ успѣлъ уже сообразить—правильно или неправильно—Аллахъ вѣдаетъ, что его превосходительству извѣстно уже о позаимствованіи имъ чужаго мундира, и извѣстіе это дошло, навѣрное, чрезъ эту троицу, и что генеральское „то-то, то-то“, сопровождавшееся обмѣномъ знаменательныхъ взгля-

довъ и улыбокъ, естественно, выражало вотъ что: „тумакъ, дескать, ты, тумакъ! шесть лѣтъ состоишь на службѣ и до сихъ поръ не понимаешь, что отвѣчать начальству: „что жъ, я не прочь", вмѣсто: „какъ угодно вашему превосходительству" или еще короче: „слушаюсъ, ваше ство"—свойственно только людямъ застѣнчивымъ до смѣшнаго, или совершенно несообразительнымъ, которые, во всякомъ случаѣ, много отъ того теряютъ. Впечатлѣнія отъ этихъ предположеній и соображеній были таковы, что Перепелкинъ во всю дорогу былъ не въ духѣ. Ему досадно было на себя, главнымъ образомъ, за то, что онъ и не подумалъ до сихъ поръ пріучать себя взвѣшивать выраженія, чтобы никому не подать повода считать его или дерзкимъ, или безтактнымъ. Впрочемъ, дурное расположеніе его духа скоро прошло, когда директоръ представилъ его главѣ края. Это былъ благородный старичекъ, добрый, шустрый и даже пріятный. Онъ, повидимому, обрадовался случаю поболтать съ свѣжимъ человѣкомъ о вещахъ неслужебнаго свойства и потому засыпалъ Перепелкина вопросами, на которые тотъ едва успѣвалъ отвѣчать, но, какъ видно было, вполнѣ удовлетворяя любопытству его высокопревосходительства, который какъ бы совершенно позабылъ, что тутъ же, рядомъ съ Перепелкинымъ, стоитъ непосредственный начальникъ его, никакого участія въ разговорѣ не принимающій, да собрались съ докладами и другіе немаленькіе чиновники, толпясь у дверей той же залы, а онъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, пустился перебирать вопросы литературные и научные, вторгаясь въ область даже юриспруденціи, медицины и богословія, которымъ, по его словамъ, онъ, въ качествѣ волонтера, учился въ заграничныхъ какихъ-то заведеніяхъ (онъ былъ лютеранскаго вѣроисповѣданія). Между тѣмъ чужой мундиръ давалъ себя чувствовать Перепелкину: онъ рѣзалъ подъ мышками и, застегнутый на всѣ пуговицы, порядочно-таки тѣснилъ грудь, а разговоры слушать и вести все время приходилось стоя, такъ какъ его высокопревосходительство и самъ не садился и другимъ не предложилъ сѣсть. Перепелкинъ, видимо, сталъ дѣлаться изъ оживленнаго вялымъ собесѣдникомъ и слушателемъ, и генералъ, смекнувъ, въ чемъ дѣло, какъ-то наскоро закончилъ или почти-что оборвалъ какую-то длинную свою рѣчь. Раскланиваясь, онъ, между прочимъ, сказалъ: „а, вѣдь, отъ васъ ждутъ, что вы и литературный вечерокъ когда-нибудь устроите".

— Что жъ, я не прочь, опять сорвалось у Перепелкина. „Эка, я дубина какой, подумалъ только про себя онъ, но уже не сердился, какъ раньше, потому что едва-ли добродушный генералъ, какъ онъ теперь совершенно основательно думалъ, обратилъ даже вниманіе на такой отвѣтъ.

— Ну, и продержалъ же насъ его высокопревосходительство, говорилъ директоръ. Можете себѣ представить: вѣдь, онъ насъ продержалъ—ни болѣе, ни менѣе,—какъ часъ и сорокъ минутъ! Ищетъ развлеченій, но какія-такія могутъ тутъ быть для него по его лѣтамъ и положенію? Вотъ то, дѣйствительно, будетъ для него большимъ сюрпризомъ, если вы, хоть зимой, удосужитесь литературныя чтенія устроить, взамѣнъ тѣхъ нелѣпыхъ, а иногда и до безчеловѣчности рискованныхъ развлеченій, которымъ подчасъ угощаютъ его приближенныя лица. Недавно, напримѣръ, былъ случай такой: генералъ захандрилъ, да такъ, что даже обычной его привѣтливой улыбки долго не видать было. Вотъ два любимца его, изъ высшихъ чиновъ управленія, задумали чѣмъ-нибудь разсмѣшить и развеселить его. Задумано - сдѣлано. Состоитъ тутъ, при управленіи, крупный чиновникъ отъ какого-то министерства, человѣкъ старый, семейный. Дѣлать ему тутъ по своей должности рѣшительно нечего, а потому, чтобъ онъ не забывалъ, что и онъ состоитъ на службѣ и имѣетъ хоть какія-нибудь обязанности, на него возложили раздачу жалованья чинамъ управленія, и вотъ его превосходительство, крупный чинъ отъ министерства, каждый мѣсяцъ 1-го числа, ровно въ 12 часовъ, является къ его высокопревосходительству съ жалованьемъ и книгой для росписки въ полученіи его. Въ позапрошлый мѣсяцъ съиграли съ нимъ такую штуку: только-что онъ вошелъ въ пріемную и, положивъ на стулъ портфель съ вложеннымъ въ него жалованьемъ, сейчасъ же полученнымъ изъ казначейства для всѣхъ чиновъ управленія, подошелъ къ зеркалу и сталъ причесываться и оправляться, какъ одинъ изъ чиновъ—замѣтьте крупныхъ и старыхъ, — по предварительному соглашенію съ другимъ, сталъ заговаривать его, а тотъ другой вынулъ, незамѣтнымъ образомъ, изъ портфеля всѣ деньги, отнесъ въ кабинетъ генерала и, сообщивъ, въ чемъ состоитъ затѣя, говоритъ: вотъ увидите, ваше высокопревосходительство, какую физіономію сдѣлаетъ министерскій чинъ, когда, послѣ росписки вашей въ книгѣ, хватится доставать вамъ жалованье. Деньги положены были на письменномъ столѣ генерала, едва-едва кое-какъ прикрытыя, и чиновникъ отъ министерства, за неимѣніемъ другихъ обязанностей исполнявшій роль казначея, былъ приглашенъ въ кабинетъ.

— А я, ваше высокопревосходительство, докладывалъ онъ весело и подобострастно, привезъ вамъ жалованье, все новенькими, точно сейчасъ отпечатаны. Онъ засыпалъ пескомъ подпись начальника въ книгѣ и полѣзъ въ портфель за деньгами. Пошаривъ тамъ съ минуту, онъ вдругъ залопоталъ: „а-ва-ва-ва... ше-ше“, поблѣднѣлъ, задрожалъ и если бъ не поддержали, грохнулся бы на полъ. Было не до смѣху. Ему указали на деньги на столѣ и объяснили, что онъ

ихъ, вѣроятно, выронилъ, когда доставалъ изъ портфеля книгу для росписки въ полученіи жалованья. Онъ долго не могъ придти въ себя, трясся всѣмъ тѣломъ и только, поводя глазами то на генерала, то на его любимца-шутника, взволнованнымъ голосомъ приговаривалъ: „вѣдь, сгубилъ бы себя и семейство... сумма большая... все главно-управленское жалованье... какъ Богъ святъ—сгубилъ бы!" Съ нимъ провозились тутъ не мало времени и думали, что старикъ совершенно успокоился, но внезапное потрясеніе было все-таки слишкомъ велико и онъ чуть-ли не мѣсяцъ пролежалъ въ постели.

— Грубые же у васъ здѣсь нравы, сказалъ наставительно новичекъ-учитель, раскланиваясь съ своимъ непосредственнымъ начальствомъ.

По возвращеніи къ семейству, Перепелкинъ засталъ тутъ двоихъ учителей, новыхъ сотоварищей своихъ, которые, не дожидаясь визита со стороны пріѣзжаго, поспѣшили сами сдѣлать ему таковой, побужденные къ тому различными цѣлями, которыя они тутъ же откровенно высказали.

— Я такъ много хорошаго слышалъ о васъ отъ нашего Петра Ивановича, говорилъ одинъ изъ нихъ, что съ нетерпѣніемъ ожидалъ вашего пріѣзда, и первый являюсь къ вамъ, чтобы завязать съ вами дружескія отношенія. Это былъ очень юный преподаватель математики, недавно еще сошедшій съ школьныхъ скамеекъ, не дуренъ собой и привѣтливъ. Другой, довольно уже пожилой человѣкъ, съ лицомъ осмысленнымъ, но вида мрачнаго, угрюмаго и очень несимпатичнаго, искоса и какъ-то недоброжелательно посматривалъ на молодаго математика, когда тотъ рекомендовался Перепелкину. Онъ тоже процѣдилъ сквозь зубы какое-то привѣтствіе Перепелкину, котораго послѣдній не разслышалъ, и, сказавъ, что пришелъ собственно по дѣлу, о которомъ не находитъ удобнымъ говорить при постороннихъ, а сообщитъ ужъ лучше письменно,—ушелъ, простившись съ хозяевами, но на товарища математика даже не взглянулъ.

— Что онъ съ вами не въ ладахъ? полюбопытствовалъ Перепелкинъ.

Юный математикъ махнулъ рукой, добродушно улыбнувшись, но ничего не отвѣчалъ на этотъ вопросъ. Тутъ же математикъ проговорился, что получаемые въ заведеніи журналы и газеты недоступны служащимъ, кромѣ директора и его помощника, между которыми они дѣлятся, а потомъ поступаютъ не въ фундаментальную библіотеку, но къ ихъ знакомымъ, у которыхъ и зачитываются безъ слѣдовъ.

— Въ черномъ же васъ тѣлѣ держатъ, не безъ ироніи замѣтилъ Перепелкинъ. Я на первыхъ же порахъ заявлю начальству о нашихъ правахъ на участіе въ пользованіи журналами и газетами, да и о томъ, что всѣ эти изданія безусловно должны сдаваться въ фунда-

ментальную библіотеку, а, въ случаѣ потери, возмѣщеніе ея должно быть произведено на счетъ виновнаго. Я завтра же переговорю объ этомъ.

Но математикъ уговорилъ его этого не дѣлать.

Переговорить объ этомъ заставилъ Перепелкина и другой матеріалъ, сообщенный въ письмѣ мрачнаго учителя, посѣтившаго Перепелкина одновременно съ В—мъ, молодымъ преподавателемъ математики. „Меня много тѣснило начальство, писалъ, между прочимъ, этотъ господинъ, а теперь совсѣмъ гонитъ, говоритъ, что я вовсе теперь ненуженъ, и настоятельно требуетъ, чтобъ я до начала курса подалъ въ отставку. Но куда мнѣ дѣться? У меня большая семья и до пенсіи осталось менѣе трехъ лѣтъ — не безчеловѣчно ли при такихъ условіяхъ выгонять человѣка, да еще подъ тѣмъ пустымъ предлогомъ, будто бы, съ пріѣздомъ вашимъ, у меня не остается такого числа уроковъ, какое по закону долженъ имѣть штатный преподаватель. Это пустой предлогъ, потому что по тому же закону болѣзненные субъекты могутъ имѣть и на половину меньше. У меня теперь единственная надежда на васъ—не откажетесь ли вы, въ мою пользу, отъ нѣкоторыхъ уроковъ, чтобы отнять у нихъ тотъ нехитрый предлогъ, въ силу котораго хотятъ меня выжить?“

Какъ ни выдержанъ былъ Петръ Ивановичъ и какимъ большимъ спокойствіемъ ни обладалъ онъ, но онъ не могъ скрыть волненія, которое явственно проступило въ его лицѣ, позѣ и движеніяхъ, когда Перепелкинъ въ выраженіяхъ почтительныхъ, но очень вѣскихъ, сообщилъ ему о своемъ желаніи, чтобы журналы и газеты, получаемые въ заведеніи, ходили поочередно по рукамъ служащихъ и потомъ поступали бы въ фундаментальную библіотеку, равно какъ и просьбу о томъ, чтобы увольненіе предмѣстника его, по преподаванію русскаго языка и словесности, было отсрочено, по крайней мѣрѣ, до выслуги имъ полной пенсіи, для чего онъ, Перепелкинъ, охотно уступаетъ ему столько уроковъ, сколько требуется для того, чтобъ онъ могъ остаться штатнымъ преподавателемъ.

— Видите ли, говорилъ съ мрачной серьезностію полковникъ: все это—вещи, которыя полностію принадлежатъ вѣдѣнію и личному непосредственному усмотрѣнію его превосходительства, начальника нашего. Вторгаться въ область чужой компетентности я, лично для себя, считаю не только неумѣстнымъ, но даже просто непозволительнымъ, да если хотите, и небезопаснымъ въ служебномъ отношеніи. Начать же вамъ самимъ первый свой дебютъ ходатайствомъ предъ генераломъ объ этихъ вещахъ значило бы—повѣрьте моей опытности—испортить то обаяніе, которое вы произвели на него въ короткое время представленія вашего ему и главному начальнику края. А въ

какой степени старые люди, высшаго положенія, бываютъ щепетильны въ этомъ отношеніи, я—если только могу вполнѣ положиться на вашу скромность—сейчасъ вамъ сообщу: вчера, послѣ вашихъ представленій по начальству, онъ, то есть нашъ генералъ, при первомъ свиданіи со мной, сказалъ: „ну, вашъ черномазый хохолъ, съ какой стороны ни возьми, молодецъ—молодцомъ, далеко не чета нашимъ. Одно въ немъ—если сказать правду — можетъ не нравиться. и—думаю по себѣ — рѣзать слухъ и глаза, — это, такъ сказать, больши развязность въ рѣчахъ и манерахъ, нежели какая допускается, обыкновенно, оффиціальными отношеніями низшаго къ высшему. Такъ между прочимъ, онъ у меня и у его высокопревосходительства, и сдѣланныя нами предложенія устроить когда-нибудь литературный вечерокъ, отвѣчалъ—какъ бы вы думали? спрашивалъ меня генералъ смотря на меня въ упоръ,—а отвѣчалъ онъ намъ вотъ какъ: „Что жъ я не прочь“! И отвѣчалъ не то, чтобы съ наивностью, а съ такимъ апломбомъ, такъ сказать, что бывшіе у меня, во время его представленія, члены нашего хозяйственнаго комитета не безъ ехидныхъ улыбокъ переглянулись между собой“.

— Я вамъ вотъ, что скажу, многоуважаемый Савва Саввичъ, продолжалъ полковникъ: второй вопросъ мы лучше совсѣмъ оставимъ, потому что вы просите о человѣкѣ вовсе недостойномъ: вотъ онъ гдѣ сидитъ у насъ! показалъ полковникъ рукой на свой затылокъ. А что касается перваго, такъ, вѣдь, его не нужно только возбуждать въ такомъ широкомъ объемѣ, чтобъ онъ лично для васъ разрѣшился самымъ благопріятнымъ образомъ. Короче говоря, мнѣ стоитъ только, даже вовсе не въ видѣ вашего заявленія, намекнуть его превосходительству, что, въ видахъ предохраненія васъ отъ скуки, неизбѣжной здѣсь и сильно чувствуемой послѣ жизни въ столицѣ, равно какъ и устраненія отъ васъ необходимости выписывать на свой счетъ журналы и газеты, не худо было бы сдѣлать васъ соучастникомъ въ пользованіи выписываемыми заведеніемъ періодическими изданіями. И будьте увѣрены, онъ охотно на это согласится, насколько могу я судить по его характеру, а главное, по тому мнѣнію, какое онъ составилъ о васъ.

— Такой привилегіей я ни въ какомъ случаѣ не воспользуюсь, говорилъ рѣшительнымъ тономъ Перепелкинъ. Но совсѣмъ не такъ обстоитъ дѣло по другому вопросу: здѣсь я ни малѣйшей уступки не могу сдѣлать во всемъ томъ, что̀ я вамъ сказалъ, т. е., что я ни за какія блага не соглашусь взять такое количество уроковъ, какое будто бы лишаетъ моего предшественника права оставаться штатнымъ преподавателемъ, по крайней мѣрѣ, три года до выслуги пенсіи. Я скорѣе предпочту возвратиться назадъ или перепроситься

здѣсь на гражданскую службу, чѣмъ допущу даже мысль сдѣлаться невольнымъ виновникомъ чужаго несчастія. Шутка ли сказать: у человѣка большая семья, бѣдность—говорятъ—невообразимая, до пенсіи осталось менѣе трехъ лѣтъ, а тутъ предлагаютъ выйти въ отставку, за неимѣніемъ-де узаконеннаго для штатнаго преподавателя числа уроковъ, по случаю прибытія вновь назначеннаго учителя!

— Это ваше рѣшительное мнѣніе?

— Рѣшительное! Поступиться я здѣсь ничѣмъ не могу, потому что все это несогласно ни съ убѣжденіями, ни съ правилами моими, ни съ характеромъ.

Полковникъ былъ мрачнѣе ночи. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по діагонали комнаты и, видя, что Перепелкинъ берется за шапку, заговорилъ: „наша вина, наша вина!“ Намъ надобно было спустить этого человѣка до пріѣзда вашего. Не пропалъ бы, не бойтесь! Въ засѣдатели пошелъ бы, а, можетъ быть, попалъ бы и въ исправники, что было бы болѣе согласно съ его образомъ жизни. Вѣдь, вы не знаете, за какого человѣка вы распинаетесь! Никто—увѣряю васъ честью—не дѣлалъ ему столько добра, сколько мнѣ пришлось дѣлать, все по тѣмъ же сердечнымъ побужденіямъ, что и у васъ—и чѣмъ же онъ отплатилъ, или, лучше сказать, постоянно отплачивалъ мнѣ? Такимъ свинствомъ, о какомъ я и говорить совѣщусь. Это, съ позволенія сказать, мерзавецъ первой степени.

— Дѣлать, впрочемъ, нечего, и я сегодня же доложу объ этомъ его превосходительству, такъ какъ у насъ составляется уже расписаніе лекцій, заключилъ полковникъ, самымъ дружескимъ образомъ прощаясь съ неуступчивымъ педагогомъ.

На другой день была получена отъ генерала записка съ приглашеніемъ Перепелкина въ квартиру его превосходительства, для объясненій по очень нужному дѣлу, „якобы“ имъ возбужденному. Оффиціальная сухость и нѣкоторая не то суровость, не то надменность тона генеральской эпистолы произвели на Перепелкина такое дурное впечатлѣніе, что онъ начиналъ уже сердиться на себя за то, что позволилъ сманить себя въ такую трущобу, гдѣ, повидимому, и примитивныя понятія о справедливости слабы, и уже задавался серьезнымъ вопросомъ, какъ устроить обратное путешествіе въ столицу, или на какую другую должность проситься здѣсь, если объясненія съ нимъ будутъ вестись въ тонѣ претенціозно-оскорбительномъ. Но ничего подобнаго, вопреки его ожиданіямъ, не произошло, и дѣло устроилось мирно, къ удовольствію Перепелкина. И генералъ, и находившійся тутъ же полковникъ встрѣтили его очень привѣтливо, даже радушно, хотя это и дѣлалось, можетъ быть, скрѣпя сердце, такъ сказать.

— Э, да вы, батенька, не вступивъ еще въ должность, объявили намъ войну! съ веселымъ смѣхомъ обратился къ Перепелкину генералъ.

— Объявившій войну, обыкновенно, наступаетъ, а я, какъ вамъ, вѣроятно, уже доложено, дѣлаю полное отступленіе, говорилъ, также смѣясь, новичокъ учитель.

— Да, отступленіе... имѣя въ перспективѣ неизбѣжность безкровной, такъ сказать, побѣды надъ нами, да еще и съ нанесеніемъ намъ порядочнаго таки... аффронта.

— Ни въ намѣреніяхъ, ни въ желаніяхъ моихъ такихъ предосудительныхъ видовъ на легкія побѣды, да еще съ аффронтомъ для другихъ, у меня не было, да никогда и не могло быть.

— Да, мы порѣшили оба эти вопроса сегодня разомъ и, кажется, вполнѣ удовлетворительно для васъ, т. е., согласно съ вашимъ взглядомъ на нихъ, распространялся генералъ уже совершенно добродушно: журналы и газеты такъ и будутъ ходить по рукамъ служащихъ, а затѣмъ передаваться въ фундаментальную библіотеку, но—прибавимъ отъ себя—подъ контролемъ вашимъ,—иначе будутъ пропадать,—да при томъ еще желали бы возложить на васъ и другой трудъ—заблаговременно указывать намъ періодическія изданія, которыя стоитъ, по вашему мнѣнію, выписывать, да за одно ужъ и попеченіе о томъ, чтобы библіотека наша своевременно пополнялась новыми пріобрѣтеніями, на чтò у насъ имѣются достаточныя средства. А что касается того невыносимаго субъекта, за котораго вы такъ мужественно и горячо вступились, то мы вотъ какую комбинацію придумали: для того, чтобъ у него было требуемое закономъ для штатныхъ преподавателей количество уроковъ, мы дѣлимъ одинъ изъ его классовъ на два отдѣленія—мы имѣемъ на это и право, и средства—чего будемъ держаться и въ слѣдующіе два года, до выслуги имъ полной пенсіи, но съ непремѣннымъ условіемъ, что вы возьмете его подъ свою опеку и не перестанете внушать ему, что если онъ хоть разъ позволитъ себѣ явиться въ классъ въ такомъ видѣ, въ какомъ не разъ приходилось выводить его оттуда, во избѣжаніе или для прекращенія начинавшихся скандаловъ, то его участь въ тотъ же день безповоротно будетъ рѣшена. Вѣдь, это горькій пьяница и человѣкъ совершенно безсердечный: если семьѣ не удастся выманить 1-го числа хоть маленькую часть мѣсячнаго жалованья, то онъ прокутитъ или проиграетъ въ карты все дочиста, ради чего онъ нѣсколько дней сряду ни домой, ни въ классы не покажется ни разу. Послѣднее, конечно, для насъ лучше, чѣмъ приходъ на урокъ въ пьяномъ и растрепанномъ видѣ.

Водворилось на нѣсколько секундъ мертвое молчаніе. Генералъ

внимательно посматривалъ на своего Петра Ивановича, который, потупившись въ землю, повидимому, глубокомысленно что-то соображалъ и вдругъ, почувствовавъ на себѣ взглядъ своего начальника, какъ бы ожидавшаго отъ него чего-то, обратился къ Перепелкину съ серьезнымъ вопросомъ:

— А вы, Савва Саввичъ, беретесь быть опекуномъ этого безпутнаго коллеги, имѣя въ виду, кромѣ извѣстной его слабости, еще то, что онъ грубъ, золъ, лживъ, ни о чести, ни о справедливости, ни о чувствѣ благодарности даже понятія не имѣетъ, кромѣ того мстителенъ и всегда готовъ самъ или черезъ другихъ всевозможныя пакости дѣлать тѣмъ, кого онъ не залюбитъ?

— Да почему жъ не попробовать! съ легкимъ сердцемъ отвѣчалъ Перепелкинъ: я надѣюсь стать въ дружескія съ нимъ отношенія и, изъ состраданія къ его бѣдствующему семейству, всѣми силами буду стараться удерживать его какъ отъ извѣстной слабости, такъ и отъ проявленія этихъ дурныхъ качествъ.

— И вы думаете справиться съ нимъ? почти одновременно спросило старшее и младшее начальство, съ улыбкой переглянувшись между собой.

— Не знаю и не могу увѣрять васъ въ томъ, но и при всемъ томъ почему же не попробовать?

— Да его превосходительство такъ и предоставляетъ вамъ попробовать, но не забывайте, что, дѣлая такой экспериментъ, вы, собственно, ничѣмъ не рискуете, даже въ случаѣ полной неудачи, но какъ бы намъ не пришлось существенно поплатиться за него, если этотъ безпардонный человѣкъ запьетъ до безобразія и начнетъ производить скандалы и въ городѣ, и въ классѣ?

О безпардонности и разныхъ непотребствахъ этого человѣка какъ разъ въ это же время разсказывала моей женѣ жена его, которую Перепелкинъ засталъ еще, по возвращеніи отъ начальства, у себя въ квартирѣ, всю въ слезахъ. Эта была женщина среднихъ лѣтъ, недурна собой, но одинъ видъ которой, даже безъ слезъ, ясно показывалъ, что она пила горькую чашу. Жена всячески старалась ее успокоить, обѣщала отъ себя и отъ имени своего мужа многое сдѣлать въ пользу ея самой и семейства ея, но видно, ужъ очень она настрадалась и сильно наболѣло у ней на душѣ, что она, когда только вошелъ Перепелкинъ и жена стала ему рекомендовать ее, разрыдалась до истерики.

Для успокоенія ея, Перепелкинъ поспѣшилъ сообщить ей о томъ, что происходило сейчасъ у директера, и обѣщалъ ей сблизиться съ ея мужемъ и удерживать его, по возможности, отъ траты денегъ только на себя.

— Пусть онъ даетъ мнѣ въ мѣсяцъ хоть рублей пятнадцать, говорила, всхлипывая, бѣдная женщина, но только аккуратно ежемѣсячно, я и тѣмъ буду довольна, по крайней мѣрѣ, дѣти не будутъ голодать.

Къ вечеру явился онъ и самъ поблагодарить Перепелкина, какъ онъ говоритъ, за участіе въ его несчастной судьбѣ, окончившееся, сверхъ всякаго его ожиданія благопріятнымъ исходомъ, „о чемъ ему“ сейчасъ сообщилъ большой пріятель его Загребаевъ. Перепелкинъ внимательно сталъ всматриваться въ своего протеже. Это былъ высокій, худощавый, хотя и крѣпко сложенный брюнетъ, лѣтъ 48—9, съ чертами лица неблагообразными, но довольно осмысленными. Одѣтъ онъ былъ бѣдно и неряшливо, держалъ голову высоко и, смотря черезъ очки, какъ будто искалъ чего-то, перебѣгая глазами съ предмета на предметъ. Рѣчь его была манерна, искусственна и производила непріятное впечатлѣніе, а угрюмое лицо, освѣщаемое подчасъ какой-то странной, неожиданной и совершенно не идущей къ нему улыбкой, почти что отталкивало отъ него. Онъ уклонился отъ разговора о томъ, какъ онъ велъ дѣло преподаванія въ старшихъ и младшихъ классахъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что словесность и русскій языкъ навязаны ему начальствомъ случайно, вопреки его желанію, что это не его спеціальность и что онъ готовилъ себя къ другимъ вещамъ. О чемъ Перепелкинъ ни заговаривалъ съ нимъ, видно было, что это человѣкъ очень отсталый, мало читавшій, ни за чѣмъ не слѣдившій кромѣ глупѣйшихъ городскихъ дрязгъ, о которыхъ онъ даже съ увлеченіемъ распространялся. Полковника онъ, какъ видно, ненавидѣлъ и потому не жалѣлъ красокъ, чтобы представить его въ самомъ дурномъ свѣтѣ; очень недолюбливалъ и Уклонова, котораго называлъ Виляевымъ, а обоихъ вмѣстѣ—шарлатанами, а когда Перепелкинъ замѣтилъ ему, что тотъ и другой, по здѣшнему мнѣнію, составляютъ силу заведенія, онъ такъ неистово захохоталъ, что Перепелкинъ и жена его вздрогнули. Это взорвало Перепелкина, и онъ не могъ удержаться, чтобы не замѣтить съ негодованіемъ, что тотъ и другой, по его мнѣнію, совершенно нелицепріятному, люди умные, развитые, понимающіе дѣло, за которое взялись, и такого названія никакимъ образомъ не заслуживаютъ.

— Ну, если не шарлатаны, то во всякомъ случаѣ люди дрянные, двуличные, умѣющіе дѣлать подходцы къ людямъ нужнымъ, говорилъ онъ съ злою рѣзкостью, берясь за шапку, чтобы уйти.

Но Перепелкинъ попросилъ его въ кабинетъ, чтобы переговорить съ нимъ наединѣ о нѣкоторыхъ вещахъ. Здѣсь его злой нравъ, жестокосердіе, или совершенное безсердечіе, равно какъ и безцѣльная лживость вполнѣ раскрылись въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ эти свой-

ства представлялись Перепелкину въ домѣ директора корпуса. Когда Перепелкинъ сталъ просить его отъ себя и отъ имени начальства, чтобы онъ, во избѣжаніе соблазна и неблагопріятныхъ для него послѣдствій, позволилъ бы женѣ получать за него жалованье, или, получая самъ, передавалъ бы ей, если и не все, то, по меньшей мѣрѣ, три четверти, онъ вышелъ изъ себя, поблѣднѣлъ и съ неистовствомъ вскрикнулъ: „что жъ эта безсмысленная мерзавка кровь изъ меня хочетъ сосать съ своей нищенской ордой, которой она наплодила въ такомъ изобиліи, такую, можно сказать, гибель?“

Перепелкинъ, выведенный изъ себя, далъ правильную оцѣнку этой безчеловѣчной вспышкѣ лица, сдѣлавшагося для него теперь отвратительнымъ, и не поскупился на рѣзкія выраженія въ характеристикѣ подобныхъ поступковъ,—что̀, къ изумленію хозяина и явившейся сюда встревоженной хозяйки, гость выслушалъ молча и стоя потупившись, но когда, въ заключеніе, Перепелкинъ объявилъ, что отказывается отъ добровольно принятой на себя опеки надъ нимъ, и указалъ на послѣдствія, какія отъ этого могутъ произойти, то свирѣпый мужъ очень струсилъ и сталъ униженно просить Перепелкина не дѣлать этого шага, давая честное слово и поклявшись „всѣмъ священнымъ для него“, что онъ „въ денежныхъ дѣлахъ предоставитъ полную волю женѣ и семейству, и впередъ поведетъ себя такъ, что никакихъ поводовъ не подаетъ начальству къ неудовольствію на него“,

Не вѣрилъ Перепелкинъ этимъ словамъ, ясно понимая, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ низкой души, способнымъ переходить отъ высокомѣрія къ униженію, но радъ былъ заручиться и такимъ ненадежнымъ обѣщаніемъ, дававшимъ, по крайней мѣрѣ, предлогъ къ напоминнанію того, что было посулено подъ клятвой „всѣмъ священнымъ“.

Вотъ, наконецъ, начались и лекціи. Боже мой! Что это за клѣтухи, въ которыхъ помѣщены классы! Это какіе-то проходные сараи, какъ будто предназначенные для какихъ-нибудь провіантскихъ продуктовъ. Ничего подобнаго Перепелкинъ еще не видѣлъ, да и представить себѣ не могъ, чтобы въ заведеніяхъ, располагающихъ такими громадными денежными средствами, отвели, для просвѣщенія юношества, такіе безобразные, неудобные, да еще проходные хлѣвы,—и гдѣ же? въ томъ краю, гдѣ лѣсъ и рабочія руки ни по чемъ, а кирпичъ втрое дешевле, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Любопытно бы знать, думалъ про себя Перепелкинъ, кто составилъ планъ этого чудища и кѣмъ онъ одобренъ былъ тамъ, свыше, въ столицѣ? А чудище это былъ большущій деревянный домина, напоминающій хлѣбные общественные магазины въ деревняхъ многолюдныхъ и бо-

гатыхъ. Домина этотъ дѣлился большими сѣнями на двѣ половины, изъ которыхъ въ каждой было по 6 классовъ. Корридора не существовало, и потому всѣ они были проходные, такъ что нужно было пройти чрезъ всѣ пять комнатъ, чтобы попасть въ послѣднюю. Думалось по неволѣ, не задались строители цѣлью давать учащимся роздыхъ и развлеченіе во время чтенія лекцій, чтобы, Боже храни, не произошло какой бѣды отъ напряженія мозговъ, при сильно сосредоточенномъ вниманіи, и вотъ, какъ-бы въ подтвержденіе такого предположенія, то и дѣло со скрипомъ и трескомъ растворяются и затворяются неуклюжія широкія одностворчатыя двери, проходятъ взадъ и впередъ воспитанники, по естественнымъ надобностямъ отпрашивающіеся выйти, проносится директоръ, здоровающійся съ питомцами и сопровождаемый шумными возгласами: „здравія желаемъ, ваше превосходительство!" Затѣмъ, въ скоромъ времени, обыкновенно, медленно пробирается по классамъ правая рука его, Петръ Ивановичъ, за нимъ, немного погодя, правая рука Петра Ивановича, его помощникъ, затѣмъ дежурный офицеръ, а нерѣдко и писарекъ, съ бумагой въ рукѣ и съ перомъ за ухомъ, который ищетъ кого-то для подписи нужнаго документа. И все это стучитъ, скрипитъ, кашляетъ, такъ что иногда и учитель соблазняется мыслію: „а не пройтись ли и мнѣ, такъ какъ дѣло-то что-то не спорится".

Воспитанники, за немногими исключеніями, выглядѣли сытыми, здоровыми, веселыми. Они встрѣтили Перепелкина сочувственно, даже съ большою пріязнію. Очевидно было, что они ожидали его съ нетерпѣніемъ и, по всей вѣроятности, слышали о немъ отзывы хорошіе.

Перепелкинъ счелъ нужнымъ рекомендовать имъ себя, какъ человѣка, который и самъ не перестаетъ и никогда не перестанетъ стремиться къ самому широкому просвѣщенію себя, и будетъ всѣми силами стараться привить и къ нимъ такое стремленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ развить вкусъ и любовь къ литературѣ, которая-де, въ лицѣ лучшихъ ея представителей, болѣе всего содѣйствуетъ облагороженію и нравственному возвышенію людей. Онъ много и съ увлеченіемъ говорилъ въ старшихъ классахъ о томъ, какъ молодые люди, запасшись познаніями здѣсь и полюбивъ науку настолько, что не перестанутъ и по выходѣ изъ заведенія пополнять пробѣлы знанія путемъ чтенія серьезныхъ сочиненій, могутъ быть полезны преимущественно въ этомъ краю, сдѣлавшись піонерами просвѣщенія въ такихъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества, куда свѣтъ науки не проникалъ еще, но гдѣ, волею судебъ, придется имъ служить.

Хорошо былъ принятъ новый учитель и товарищами своими, когда послѣ двухъ утреннихъ лекцій зашелъ въ учительскую и отрекомендовался имъ. Это были люди добродушные, простые, но за исклю-

ченіемъ 2—3, сильно опустившіеся въ научномъ отношеніи и потому мало или почти вовсе не интересовавшіеся вопросами литературными, политическими, философскими, о которыхъ такъ нерѣдко и охотно велись кружковые, и иногда и общіе разговоры въ учительскихъ столичныхъ корпусовъ, гдѣ подчасъ завязывались такіе дебаты, которые ясно свидѣтельствовали, что диспутанты хорошо слѣдятъ за научнымъ развитіемъ тѣхъ вопросовъ, о которыхъ у нихъ идетъ рѣчь, и до тонкости ихъ понимаютъ. Здѣсь же, просто, занимались переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее, или, еще чаще и охотнѣе, перемываніемъ косточекъ ближняго, впрочемъ, безъ всякой злобы, а такъ, для забавы и препровожденія времени, разсказывая въ анекдотической формѣ разные курьезы, иногда сальныя дрязги изъ домашней жизни туземныхъ обывателей, а то возстановляя въ подробностяхъ, при всеобщемъ напряженномъ вниманіи, остроумную игру въ карты N, который ухитрился остаться, въ преферансѣ съ мизерами, безъ восьми въ червяхъ. Дружный хохотъ, обыкновенно, покрываетъ заключительныя эффектныя слова разсказчика и вызываетъ другихъ къ припоминанію еще бо̀льшихъ курьезовъ. Едва кончитъ одинъ, какъ уже раздается возгласъ другаго: „Нѣтъ, это еще что... вотъ я вамъ скажу, былъ случай"... И еще дружнѣе раздается хохотъ послѣ пикантнаго разсказа, и всѣ остаются довольны, веселы, счастливы.

IV.

Познакомившись ближе съ новыми своими питомцами, Перепелкинъ не могъ не замѣтить, что этотъ провинціальный корпусъ, заброшенный въ такую глушь, благодаря разумной энергичной дѣятельности здѣшняго инспектора, стоитъ не только не ниже столичныхъ по части умственнаго и нравственнаго воспитанія учащихся, но во многихъ отношеніяхъ превосходитъ ихъ. Знаютъ здѣшніе кадеты, положимъ, такъ же мало, какъ и столичные, но знанія ихъ усвоены съ большей сознательностью, съ большей отчетливостью; у нихъ больше любознательности и охоты, кромѣ учебниковъ, прочитывать и то, что каждый учитель рекомендуетъ имъ по своему предмету. Затѣмъ меньше наклонности къ надувательствамъ, какъ по устнымъ, такъ и письменнымъ отвѣтамъ. Ни заносчивости, ни наглости, ни цинизма, какъ въ сношеніяхъ между собою, такъ и со всѣми служащими въ заведеніи, равно какъ и съ людьми посторонними не замѣчалось. Не то, говорятъ, прежде было. Всѣми благопріятными реформами заве-

деніе обязано исключительно разумной дѣятельности здѣшняго инспектора.

Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ онъ имѣлъ одну слабость, о которой Перепелкинъ ни отъ кого не слыхалъ и которую менѣе всего могъ предполагать въ немъ, вообще добромъ, гуманномъ и справедливомъ человѣкѣ. Отъ этой слабосли, съ пріѣздомъ Перепелкина, онъ, какъ послѣ объяснилось, воздерживался нѣкоторое время, но потомъ она таки прорвалась и подала поводъ къ продолжительнымъ препирательствамъ новопріѣзжаго педагога съ начальствомъ, старшимъ и младшимъ.

— Что вы такъ сердито на меня смотрите? спрашиваетъ однажды Перепелкинъ, войдя въ классъ, воспитанника, сидѣвшаго на первой скамейкѣ.

Воспитанникъ замигалъ глазами, готовый расплакаться, но ничего не отвѣчалъ и стоялъ, потупивъ глаза внизъ.

— Что съ нимъ? обратился Перепелкинъ къ классу.

— Да его больно высѣкъ Петръ Ивановичъ за дурной баллъ изъ русскаго языка, который вы ему поставили на прошлой недѣлѣ.

Перепелкинъ едва вѣрилъ ушамъ своимъ. Во-первыхъ, дурной баллъ поставленъ ему только разъ въ три мѣсяца. Затѣмъ можно еще сказать, что мальчикъ вообще недуренъ и особенною лѣностію не выдавался, дарованій же посредственныхъ.

Никакъ не могъ Перепелкинъ переварить въ головѣ той мысли, что какъ это такой разумный и гуманный педагогъ можетъ прибѣгать, помимо тѣхъ хорошихъ мѣръ, о которыхъ онъ еще не такъ давно говорилъ, и къ такимъ неразумнымъ и нечеловѣчнымъ, какъ розги, которыя даже въ жестокихъ бурсахъ, если еще не совсѣмъ оставлены, то употребляются уже только въ крайнихъ случаяхъ.

Между тѣмъ, по разспросамъ оказалось, что не одинъ Петръ Ивановичъ прибѣгаетъ къ такимъ мѣрамъ, что пользуются ими еще чаще и въ большей степени, старшія лица строевыхъ частей. Что порка практиковалась въ столичныхъ корпусахъ и иногда свирѣпая, особенно со стороны строевиковъ, завѣдывавшихъ и воспитательною частью,—это Перепелкинъ зналъ, но заводить съ ними разговоры на эту тему онъ считалъ не только безполезнымъ, но и совершенно неумѣстнымъ, потому что они могли бы только улыбнуться, взглянувъ на него, какъ на человѣка, упавшаго съ другой планеты. Начальники же корпусовъ, равно какъ и ихъ помощники по учебной части, никогда о подобныхъ вещахъ съ учителями не разговаривали и, конечно, были бы не мало удивлены, а пожалуй, даже и обидѣлись бы, принявъ за безтактное посягательство на ихъ прерогативы, если бы какому-нибудь смѣльчаку вздумалось представить на ихъ благоусмо-

трѣніе рядъ своихъ соображеній по такимъ вопросамъ. Но здѣсь, въ этомъ провинціальномъ корпусѣ, совѣмъ другое дѣло. Здѣсь само начальство, какъ старшее, такъ и младшее, предложило Перепелкину присмотрѣться къ заведенію со всѣхъ сторонъ, посравнить его съ столичными и откровенно по всѣмъ частямъ высказать свое мнѣніе.

Глубоко уважая такого усерднаго, дальновиднаго и разумнаго дѣятеля, Перепелкинъ нѣкоторое время колебался, какъ приступить къ объясненіямъ съ нимъ по поводу ненавистной порки, не задѣвая его самолюбія и не давая повода думать, что новопріѣзжій учитель пробуетъ вмѣшиваться въ дѣла, подлежащія исключительно вѣдѣнію начальства. Обнаружившаяся въ это время маленькая холодность въ отношеніяхъ Петра Ивановича къ Перепелкину навела послѣдняго на мысль, что горячо высказанный имъ въ учительской протестъ противъ сѣченія, какъ разъ въ тотъ день, когда оно открылось, навѣрное, кѣмъ-нибудь изъ подслуживающихся былъ переданъ по принадлежности, да еще, можетъ быть, съ нѣкоторыми добавленіями, до которыхъ многіе такіе охотники. Почти убѣжденный, что такъ это и было, Перепелкинъ откровенно сообщилъ Петру Ивановичу о тяжеломъ впечатлѣніи, которое на него произвело случайное открытіе, что розги здѣсь употребляются не рѣже, чѣмъ въ столичныхъ корпусахъ.

— Вотъ видите ли, Савва Саввичъ, съ этого бы вамъ и слѣдовало начать, т. е. съ объясненія со мной, а не съ осужденія моихъ мѣръ въ учительской, гдѣ — откровенно сказать — рѣшительно всѣ равнодушны къ тому, что и какъ дѣлается въ заведеніи, но съ чужаго голоса посудачить не прочь. Къ пересудамъ я совершенно равнодушенъ, но вѣдь то, что творится и говорится между взрослыми, нерѣдко распространяется и между молодежью, а это уже, какъ вы сами можете себѣ представить, не замедлитъ отразиться на понятіяхъ и затѣмъ на отношеніяхъ учащихся къ своему начальству. Вотъ за это, признаться, я немножко посердился на васъ. Но я не поклонникъ розги и не намѣренъ отстаивать ее, если мы сойдемся въ мѣрахъ, которыми можно было бы замѣнить ее въ иныхъ случаяхъ. Но при всемъ нашемъ желаніи отдѣлаться отъ нея разъ навсегда, мы встрѣтимъ немалое сопротивленіе со стороны генерала, а еще большее—да, пожалуй, даже совершенно непреодолимое—со стороны его помощниковъ по части строевой и воспитательной.

Едва окончилъ свою рѣчь Петръ Ивановичъ, какъ въ инспекторскую вошелъ генералъ, и съ перваго же взгляда на него, видно было, что вся эта исторія ему уже извѣстна.

— Какой же вы безпокойный человѣкъ! обратился онъ въ шуточномъ тонѣ, съ благодушной улыбкой, къ Перепелкину: не успѣли

удовлетворить васъ по части періодическихъ изданій,—которыя уже теперь исправно циркулируютъ между всѣми служащими, къ общему ихъ удовольствію,—да успокоить насчетъ „безпардоннаго человѣка", вашего протеже,—который, нѣтъ сомнѣнія, скоро отблагодаритъ васъ за это по-своему,—какъ вы уже затѣяли чуть ли не бунтъ по поводу употребленія у насъ розги. А тамъ, развѣ, не сѣкутъ? подмигнулъ онъ Петру Ивановичу, на лицѣ котораго опять показалась серьезная озабоченность, какъ бы изъ готовящагося препирательства не вышло чего фатальнаго.

— Неужели вы и тамъ... Генералъ, конечно, хотѣлъ сказать: позволяли себѣ вторгаться въ чужія сферы? Но, вспомнимъ, что и вызовъ Перепелкина состоялся на особыхъ условіяхъ, да и самъ онъ уполномочилъ его „присмотрѣться внимательно ко всему, посравнить все со столичнымъ и откровенно высказать свое мнѣніе по всѣмъ частямъ", вдругъ остановился, запнулся и хотѣлъ было свести рѣчь на другое, начавъ съ благодарности Перепелкину за то, что онъ возбудилъ въ воспитанникахъ большую охоту къ чтенію и, руководя этимъ дѣломъ, вмѣстѣ съ тѣмъ контролируетъ его результаты, какъ частыми классными и внѣклассными бесѣдами съ ними по поводу прочитанныхъ вещей, такъ и требованіемъ письменныхъ отчетовъ о нихъ. Но Перепелкинъ поспѣшилъ направить разговоръ на надлежащую тему, о розгахъ.

— И тамъ сѣкли, говорилъ онъ съ свойственною ему выразительностію въ лицѣ, тонѣ и позѣ, но я же тамъ и не остался.

— Ну, въ этомъ мы сойтись можемъ, говорилъ генералъ въ примирительномъ тонѣ: вы укажите намъ, да не на словахъ только, но и на самой практикѣ докажите, что въ учебномъ заведеніи во всякихъ случаяхъ можно обходиться безъ этихъ, какъ вы говорите, не педагогичныхъ мѣръ, не нанося никакого ущерба дѣлу воспитанія и образованія. Вотъ мы вамъ въ теченіе нѣкотораго времени будемъ указывать на неисправимыхъ лѣнтяевъ, отчаянныхъ шалуновъ и другаго рода виртуозовъ, и если вы придумаете другія дѣйствительныя мѣры къ ихъ исправленію, тогда мы и разговаривать не станемъ, а безъ всякихъ колебаній изгонимъ розгу навсегда. Согласны на это?

— Конечно, согласенъ! самоувѣренно отвѣчалъ Перепелкинъ.

— А на комъ же будетъ лежать отвѣтственность въ томъ случаѣ, когда эти, опекаемые вами въ теченіе нѣкотораго времени, безъ нашихъ средствъ, все будутъ опускаться и дойдутъ до того, что имъ и поправиться уже трудно будетъ, даже подъ опасеніемъ примѣненія нашихъ испытанныхъ мѣръ, потому что по наукамъ запущено будетъ много, а по поведенію успѣютъ войти очень во вкусъ запретныхъ вещей, такъ что и розгой ихъ уже не запугаешь?

Рекомендованныхъ опекѣ Перепелкина оказалось нѣсколько человѣкъ, разныхъ классовъ и разнаго возраста, съ подробнымъ указаніемъ ихъ недуговъ и слабостей, исцѣляемыхъ розгами, потасовками и заушеніями. Особенное вниманіе, по предложенію старшаго и младшаго начальства, требовалось обратить на трехъ субъектовъ, изъ которыхъ одинъ, 19 лѣтъ, выпускнаго класса, былъ такъ аттестованъ: изъ смирнаго всегда и вездѣ и внимательнаго въ классѣ за прежнее время, вдругъ, по переходѣ въ старшій, послѣдній классъ, сдѣлался грубъ, дерзокъ, невнимателенъ, разсѣянъ, совсѣмъ пересталъ заниматься однимъ военнымъ предметомъ, преподавателю котораго надѣлалъ дерзостей два раза, за что̀ былъ наказанъ карцеромъ и предупрежденъ, что, въ случаѣ новой жалобы со стороны того преподавателя, будетъ подвергнутъ тѣлесному наказанію. Другой воспитанникъ, 15 лѣтъ, среднихъ классовъ, при хорошихъ способностяхъ, недавно впалъ въ крайне упорную лѣность, уступающую только, до нѣкоторой степени, страху тѣлеснаго наказанія, которому онъ уже два раза въ короткое время подвергался. Третій субъектъ, 12 лѣтъ, втораго класса, замѣчался неоднократно въ кражѣ у товарищей лакомствъ и денегъ; кромѣ того былъ большой шалунъ и надоѣдалъ всѣмъ „приставаньемъ", болтовней и разными „проказами". Былъ нѣсколько разъ подвергаемъ тѣлесному наказанію, преимущественно за первый порокъ.

Перепелкинъ нашелъ возможность тотчасъ же приступить къ ближайшему ознакомленію себя съ этими тремя личностями, а мало по малу, постепенно, перезнакомился и со всѣми остальными, ввѣренными его наблюденію, дружески переговорилъ съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно, вошелъ въ полное довѣріе къ нимъ и не вдолгѣ могъ уже сообщить тому и другому начальству, что оффиціальная точка зрѣнія на эти личности никуда не годится, что большинство изъ нихъ повинны только въ робости и недостаткѣ откровенности, а никакъ не въ упорной лѣности, грубыхъ и дерзкихъ счетахъ съ учителями, или дежурными офицерами, и тому подобныхъ слабостяхъ, слишкомъ строго и опрометчиво взвѣшенныхъ служебнымъ персоналомъ, но за которыя пришлось поплатиться унизительными наказаніями.

Перепелкинъ не могъ не прійти въ изумленіе, когда увидѣлъ, что воспитанникъ выпускнаго класса, характеризовавшійся невнимательнымъ, разсѣяннымъ и дерзкимъ, въ сущности былъ однимъ изъ тишайшихъ и смирнѣйшихъ его учениковъ, слушавшій его лекціи съ такимъ вниманіемъ, что, казалось, какъ-будто онъ хочетъ вскочить въ глаза преподавателя. Стоило только всмотрѣться въ его благодушную физіономію, чтобы сказать положительно, что такого типа

люди на дерзости неспособны. Но что они могутъ отвернуться отъ тѣхъ, кто ихъ вызываетъ на дерзости, мало того даже возненавидѣть ихъ—это другой вопросъ. А въ данномъ случаѣ такъ и было.

— Я удивляюсь, говорилъ ему Перепелкинъ, что вы у меня на лекціяхъ очень внимательны, а у другихъ, говорятъ, напротивъ, очень разсѣянны и совершенно не слушаете, что разсказываетъ преподаватель.

— Это неправда! отвѣчалъ онъ, вспыхнувъ: я только по одному предмету не то что разсѣянъ, а просто не слушаю преподавателя, потому что всегда занятъ одною мысью: за что онъ меня обидѣлъ предъ цѣлымъ классомъ и потомъ каждую лекцію сталъ придираться ко мнѣ. Я все хотѣлъ объясниться насчетъ этого съ Петромъ Ивановичемъ, да смѣлости не хватаетъ: онъ, вѣдь, родня ему. Если будетъ такъ относиться ко мнѣ, выйду изъ заведенія.

— Да вы, можетъ быть, пустое приняли за обиду?

— Я показалъ ему одно мѣсто въ его запискахъ и сказалъ, что не понимаю его, какъ-будто что-то пропущено, какъ-будто смысла недостаетъ, а онъ, презрительно смѣривъ меня глазами съ головы до ногъ, закричалъ: „безсмысленному всегда представляется, что недостаетъ смысла въ томъ, что онъ, по безтолковости своей, не понимаетъ“. Я вспыхнулъ, но ничего не сказалъ, а только отодвинулъ отъ себя записки и сѣлъ. „Встать!“ закричалъ онъ. Я всталъ. „Такихъ тупицъ не слѣдовало бы переводить“, началъ онъ опять, злобно и вызывающе смотря на меня. Ну, я сѣлъ и больше ужъ не всталъ.

Перепелкинъ дружески участливо выяснилъ ему, во-первыхъ, неловкость выраженій, употребленныхъ имъ при указаніи непонятыхъ вещей въ запискахъ преподавателя, за которую и слѣдовало тотчасъ же извиниться, какъ только преподаватель, очевидно, разсерженный ими, „презрительно началъ мѣрять его глазами съ головы до ногъ“, а не дожидаться, пока у него сорвутся оскорбительныя слова, чтобы затѣмъ „отодвинуть“, а можетъ быть правильнѣе—отбросить отъ себя аписки и сѣсть, что уже, естественно, иначе не могло быть принято какъ за дерзость; во-вторыхъ, странное въ 19 лѣтъ, ребяческое недомысліе, выразившееся въ перенесеніи своего негодованія противъ учителя на предметъ его преподаванія, за что неизбѣжно придется поплатиться или оставленіемъ въ классѣ на второй годъ, или же выпускомъ безъ права немедленнаго производства.

Перепелкину удалось урезонить его насчетъ необходимости завяться такъ безцѣльно пренебреженнымъ предметомъ, начавъ съ того, что пропущено имъ; убѣдилъ онъ его, повидимому, и въ безусловной обязанности учащихся подчиняться общимъ трбованіямъ школы и не дозволять себя счетовъ по обидамъ за которыя онъ въ правѣ

жаловаться начальству, но о необходимости примиренія съ учителемъ, хоть въ душѣ, молодой человѣкъ и слышать не хотѣлъ.

— Не только его видъ, но даже голосъ его возбуждаетъ во мнѣ... трудно и выразить, что именно возбуждаетъ, но ужъ, конечно, не то, что ведетъ къ примиренію въ душѣ, говорилъ онъ.

Тѣмъ не менѣе онъ сталъ заниматься предметомъ и успѣвалъ въ немъ, насколько позволяли ему его способности. Но откуда же проистекаетъ его ненависть и такая непримиримая вражда къ преподавателю? думалъ Перепелкинъ: юноша простой, чуждый, повидимому, всякихъ претензій, при томъ же вполнѣ сознающійся, что неловкостью своихъ выраженій самъ подалъ поводъ къ оскорбительнымъ для него словамъ со стороны учителя — и вдругъ такое упорство въ нежеланіи примиренія съ нимъ въ душѣ, хотя наружно онъ сталъ къ нему въ должныя отношенія! Не выяснилось ли для него какимъ-либо путемъ, что затруднявшее его мѣсто въ запискахъ преподавателя, на которое онъ, по неловкости только, указалъ, какъ на не имѣющее смысла, дѣйствительно лишено такого даже и для мудрецовъ, и не чувствуется ли тутъ обида не за себя только, но и за нѣчто другое? Перепелкинъ полюбопытствовалъ прочесть это мѣсто. Да, въ немъ, дѣйствительно, „чего-то недостаетъ въ немъ смысла нѣтъ". Не полѣнился онъ прочесть почти всѣ записки и нашелъ въ нихъ не одно такое мѣсто. Очевидно, онѣ компилированы съ разныхъ руководствъ, но потому стиль ихъ разнохарактерный. Кое-что, повидимому, переведено съ иностранныхъ языковъ и переведено очень дурно. Есть какъ-будто и самостоятельныя вставки, вѣроятно, принадлежащія компилятору, но онѣ-то именно и составляютъ больныя мѣста, по поводу которыхъ можно сказать: „какъ-будто что-то пропущено, какъ-будто смысла нѣтъ". Не довѣряя себѣ, Перепелкинъ попробовалъ, за разъясненіемъ этихъ мѣстъ, обратиться къ спеціалистамъ предмета, прошедшимъ высшую военную школу. Одни изъ нихъ называли такія мѣста просто „ерундою", другіе объясняли, что можно „такъ и этакъ" понимать ихъ, а все-таки того... „какъ-будто чего-то недостаетъ, какъ-будто смысла нѣтъ".

— Такъ зачѣмъ же было кипятиться, думалось Перепелкину, и другимъ волновать кровь, презрительно мѣряя глазами простодушнаго юношу и навязывая ему безсмысліе, въ которомъ онъ совсѣмъ неповиненъ и которымъ корить его, по меньшей мѣрѣ, надо бы было несовѣститься.

Еще болѣе возмущала Перепелкина оффиціальная характеристика пятнадцатилѣтняго кадета среднихъ классовъ, открывшая въ немъ упорную лѣность, уступавшую только предъ страхомъ тѣлеснаго наказанія. А между тѣмъ, на повѣрку вышло, что лѣности-то въ немъ

и не оказалось, а напротивъ было качество какъ разъ противоположное, именно такое прилежаніе, которое приводило въ удивленіе нѣкоторыхъ его товарищей, знавшихъ, какъ прежде ему легко было, при хорошихъ способностяхъ, приготовлять уроки, и какъ безплодны были теперь его усилія достигнуть по нѣкоторымъ предметамъ хоть сколько-нибудь сносныхъ результатовъ. Особенно не давались ему теперь предметы, по которымъ требуется память и за которые въ предыдущихъ классахъ онъ получалъ высокіе баллы. По этому и по нѣкоторымъ другимъ, нагляднымъ признакамъ, Перепелкинъ понялъ, что имѣетъ дѣло съ субъектомъ, преданнымъ тайному пороку, въ чемъ и получилось, послѣ дружеской бесѣды, полное, откровенное признаніе съ его стороны, раскрывшее, между прочимъ, весьма непригляднную картину нравовъ возрастнаго юношества, совершенно ускользавшую отъ вниманія начальства. Выслушавъ не безъ удивленія и страха, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ повести этотъ порокъ, если увлекшійся имъ не найдетъ въ себѣ силъ сразу оставить его, юноша расплакался и побожился, что никогда уже ничего подобнаго больше не будетъ дѣлать. И дѣйствительно онъ сдержалъ слово, равно какъ сдержали и многіе другіе, съ которыми счелъ нужнымъ переговорить по этому предмету Перепелкинъ, по собственнымъ наблюденіямъ, уже не имѣвшій никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что они также преданы этому пороку, бичу юношества.

Двѣнадцатилѣтній мальчикъ, охарактеризованный воромъ, дѣтски искреннимъ и чистосердечнымъ разсказомъ своимъ привелъ къ двумъ открытіямъ: во-первыхъ, что кража лакомствъ, денегъ, а иногда и книгъ для продажи очень распространена въ заведеніи между воспитанниками; во-вторыхъ, что въ послѣдній разъ онъ былъ наказанъ напрасно, такъ какъ „тридцать копѣекъ, пропавшія у одного мальчика, взялъ большой воспитанникъ И., а онъ только пообѣщалъ ему, размѣнявши свой рубль, положить эти деньги на мѣсто, но размѣнять не успѣлъ, какъ хватились денегъ и пристали къ нему, а онъ боялся разсказать все, какъ было, потому что И. больно дерется“.

Этотъ драчливый юноша И. тоже чистосердечно подтвердилъ все то, что разсказалъ маленькій воришка, къ недостаткамъ котораго онъ отнесъ только то, что, по неопытности, какъ новичекъ, онъ не умѣетъ еще запираться и хоронить концы, какъ другіе, а сейчасъ же или сознается или смолчитъ, какъ въ послѣдній разъ, что̀ и было принято за вину его въ кражѣ.

Хорошо перезнакомившись со всѣми воспитанниками заведенія, какъ въ одиночныхъ внѣклассныхъ бесѣдахъ съ ними, такъ и въ общихъ классныхъ по поводу какой-нибудь прочитанной статьи, Пе-

репелкинъ осмотрительно, съ большою осторожностью, но тѣмъ не менѣе и съ большою энергіей повелъ атаку противъ всѣхъ золъ, раскрытыхъ уже и постепенно раскрываемыхъ имъ въ средѣ юношества, и атака эта была до того небезуспѣшна, что результаты ея, кромѣ начальства старшаго и младшаго, постоянно выражавшаго Перепелкину благодарность за это, не могли быть не замѣчены и всѣмъ служебнымъ персоналомъ заведенія, изъ среды котораго многіе стали относиться къ нему съ большимъ уваженіемъ и расположеніемъ, особенно Уклоновъ, часто посѣщавшій его и постоянно выражавшій удивленіе какъ энергичной его дѣятельности, такъ еще болѣе тому оживленію и движенію, которыя внесены имъ въ заведеніе. Заговорили объ этомъ и въ городѣ, что̀ повело къ тому, что къ Перепелкину стали наѣзжать съ визитами лица, съ которыми онъ не могъ состоять ни въ какихъ отношеніяхъ. Начальство откровенно сознaлось, что, повидимому, въ самомъ дѣлѣ можно обходиться безъ розги и даже не прибѣгая ни къ какимъ другимъ манипуляціямъ.

Распространившіеся въ городѣ слухи, что новопріѣзжій учитель умѣетъ выбирать интересныя вещи для чтенія и хорошо читаетъ ихъ въ заведеніи, возбудили въ интеллигентныхъ кружкахъ толки: „почему-де онъ, для развлеченія скучающихъ гражданъ, не прочтетъ чего публично, какъ это, молъ, дѣлается теперь повсюду?“ Объ этихъ толкахъ не переставали сообщать Перепелкину Уклоновъ и Петръ Ивановичъ, а иногда и директоръ, первый даже называлъ множество лицъ, сильно желавшихъ этого и замышлявшихъ уже лично обратиться къ Перепелкину съ просьбой объ удовлетвореніи ихъ желанія, а Петръ Ивановичъ и генералъ напоминали ему при томъ, что онъ-де имъ далъ обѣщаніе начать рядъ чтеній, да и его высокопревосходительству также, который-де тоже ждетъ исполненія этого обѣщанія. Перепелкинъ и самъ не забылъ этого, но еще не имѣлъ достаточно времени обдумать программу, съ чего начать чтенія и какъ вести ихъ.

Но пріѣздъ изъ столицы генерала для инспекціи ускорилъ это дѣло. Перепелкинъ прочелъ стихотвореніе Лермонтова: „И скучно, и грустно, и некому руку подать“ и далъ такое развитіе лежащимъ въ немъ темамъ, что произвелъ сильное впечатлѣніе на аудиторію.

— Здѣсь ли не быть успѣхамъ, говорилъ послѣ лекціи инспектирующій генералъ, когда я и самъ готовъ бы былъ сѣсть на скамейку, чтобы послушать такого „увлекательнаго лектора“.

— Э, да вы, батенька, громъ и молнія! говорилъ директоръ Перепелкину, по уходѣ инспектирующаго, идя вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ къ нему навстрѣчу: признаюсь вамъ откровенно, я такихъ пламенныхъ рѣчей никогда не слыхалъ.

— Эти огневыя рѣчи, сказанныя съ публичной трибуны, несомнѣнно могутъ производить чудеса, продолжалъ онъ, но относительно ихъ дѣйствія на юнцовъ... еще надо подумать, да подумать, насколько онѣ могутъ быть полезны, какъ вызывающія мимолетныя, скоро преходящія чувства. Впрочемъ, Савва Саввичъ, пояснялъ инспекторъ генералу, только въ присутствіи такихъ гостей ударилъ по всѣмъ струнамъ и аккордамъ своего высоко настроеннаго инструмента, а на обыкновенныхъ лекціяхъ, какъ опытный педагогъ, онъ осторожно перебираетъ ихъ. Признться, я за одно боялся, какъ бы въ порывѣ паѳоса не оборвалися у оратора мысль или слова, неудобныя для такой разнохарактерной аудиторіи, но—благодарить Бога—кажется, все обстояло благополучно.

Подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній отъ прочитанной лекціи и вторично выраженныхъ инспектирующимъ удовольствія и благодарности за все найденное, начальство, наговоривъ еще много любезностей и комплиментовъ Перепелкину, посулило ему и существенныя блага, часть которыхъ, зависѣвшихъ, главнымъ образомъ, отъ него, оно въ непродолжительномъ времени и привело въ исполненіе.

Между тѣмъ уѣхавшій генералъ, передачею своихъ впечатлѣній въ нѣкоторыхъ домахъ города, по поводу прочитанной Перепелкинымъ лекціи, успѣлъ такъ поднять репутацію послѣдняго, что къ нему явилась депутація отъ интеллигентныхъ людей, съ просьбой начать рядъ чтеній, съ такимъ нетерпѣніемъ давно ожидаемыхъ публикой, и возобновить въ ихъ памяти лучшія вещи русской литературы.

Перепелкинъ назначилъ день и часъ для перваго чтенія, которое должно было происходить въ библіотечной залѣ корпуса, уставленной по стѣнамъ громадными книжными шкапами.

Перепелкинъ взошелъ на каѳедру, раскланялся передъ публикой, и воцарилось гробовое молчаніе.

„Для сегодняшняго чтенія,—сказалъ онъ смѣло, хотя и раскраснѣвшись,—я выбралъ изъ „Мертвыхъ Душъ“ слѣдующія вещи: балъ у губернатора, пріѣздъ Коробочки въ губернскій городъ и разговоръ двухъ дамъ. Если будетъ угодно публикѣ, то въ слѣдующее чтеніе я буду имѣть честь войти въ подробное объясненіе причинъ, почему именно съ этихъ вещей я счелъ нужнымъ начать рядъ чтеній изъ Гоголя“.

Публика разразилась такими аплодисментами, что Перепелкинъ пришелъ въ крайнее смущеніе и еще пуще раскраснѣлся, особенно, отъ возникшаго вдругъ недоумѣнія, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ—кланяться публикѣ, или нѣтъ. Онъ предпочелъ послѣднее и отыскивалъ въ книгѣ мѣсто, откуда читать.

Чтеніе продолжалось полтора часа и, повидимому, доставляло большое удовольстіе слушателямъ, которые нѣсколько секундъ оглушали лектора рукоплесканіями, а когда глава края, подойдя къ каѳедрѣ и поблагодаривъ его, сказалъ нѣсколько словъ насчетъ его чтенія и вообще педагогическихъ талантовъ, то оваціямъ со стороны многолюдной аудиторіи не было конца.

Приближалось время втораго литературнаго вечера. Онъ назначенъ былъ на другой недѣлѣ въ тотъ же день и часъ, въ которые былъ первый. Въ обществѣ, по словомъ Уклонова и другихъ товарищей, только и толковъ было, что о прекрасно прочитанныхъ отрывкахъ изъ Гоголя, да о предположеніяхъ относительно возможныхъ комментаріевъ къ нимъ, которыхъ ждали съ большимъ нетерпѣніемъ.

Едва Перепелкинъ, предшествуемый Петромъ Ивановичемъ, вынырнулъ изъ плотно запертаго публикой большаго прохода и направился къ каѳедрѣ, какъ раздались такіе оглушительные аплодисменты, что онъ совершенно растерялся, раскраснѣлся, какъ піонъ, и раскланялся съ публикой.

Лекторъ широко раздвинулъ предѣлы подготовленныхъ комментаріевъ къ прочитанному, и, охарактеризовавъ выдающіяся въ отрывкахъ личности, онъ съ большимъ увлеченіемъ распространялся о томъ, что если бы мы сознавали въ себѣ безсмертную природу, то, естественно, и воспитаніе наше состояло бы не въ одномъ только пріобрѣтеніи научныхъ познаній, при чемъ единственнымъ двигателемъ, большею частію, бываетъ одинъ эгоизмъ, но и въ широкомъ развитіи чуткости къ правдѣ, къ добру и красотѣ, послѣдствіемъ чего было бы органически выросшее въ душѣ неодолимое отвращеніе къ безобразіямъ всякого рода и вида. А лучшимъ-де пособіемъ, говорилъ онъ, „для возведенія себя на степень разумнаго человѣка и просвѣтленной личности, служитъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, изученіе основныхъ идей въ истинно художническихъ произведеніяхъ, потому что всѣ эти основныя идеи суть вмѣстѣ съ тѣмъ и отправленія моральнаго міра изъ разбора и усвоенія ихъ мыслію“.

Когда Перепелкинъ окончилъ лекцію, продолжавшуюся болѣе полутора часа и выслушанную публикою съ большимъ вниманіемъ и, повидимому, безъ всякаго утомленія, раздались такіе шумные и дружные аплодисменты, что лектору почувствовалось какъ-то неловко, тѣмъ болѣе, что глава края, кивнулъ ему издали любезно головой, поспѣшно ушелъ, сопровождаемый большой свитой, а обступившія его личности очень ужъ неистово выражали свое сочувствіе всему, сказанному на лекціи.

— Отецъ родной! говорилъ на ухо Перепелкину Петръ Ивано-

вичъ, уводя его къ окну въ сторону: вѣдь, я вамъ, кажется, говорилъ ужъ разъ, что языкъ вашъ—врагъ вашъ. Сколько самолюбій вы сегодня задѣли и сколько вражды къ себѣ—я увѣренъ въ томъ, и самой неумолимой, вы заложили въ души нашихъ Чичиковыхъ, Коробочекъ и другихъ, ловко схваченныхъ и очерченныхъ вами типовъ! Неужели вы думаете, вамъ простятъ это? Скажи вы все это съ меньшей страстностью, безъ огня, и, конечно, бѣды тутъ особенной не было бы: всякій Климычъ, по Крылову, кивалъ бы украдкой на Петра. Но, къ несчастію, у васъ все—голосъ, манера, интонація, лицо, глаза такъ, кажется, и говорятъ каждому: нѣтъ, стой, не уйдешь! Я раскопаю, дескать, въ твоей душонкѣ всю грязь, дамъ тебѣ ее понюхать и преподнесу другимъ для созерцанія. Вотъ въ чемъ бѣда, достоуважаемый Савва Саввичъ.

— Ну, я больше предъ публикой не явлюсь, говорилъ Перепелкинъ, озадаченный перспективой враждебныхъ отношеній ея къ нему.

— Нѣтъ, не то... а нельзя ли побольше самообладанія и спокойствія? Вѣдь, были моменты, когда, по всей вѣроятности, многимъ, подобно мнѣ, такъ и хотѣлось бы броситься къ вамъ и расцѣловать за умныя вещи, выраженныя съ необыкновенной силой, но были и другіе, которые заставляли меня дрожать, какъ бы не сорвалось у кого тяжко-обидное слово для васъ.

Слова Петра Ивановича, сказанныя искренно и задушевно, сильно смутили Перепелкина, даже до того, что онъ постарался незамѣтнымъ образомъ ускользнуть отъ лицъ, очевидно, остававшихся для выраженія ему признательности за доставленное удовольствіе. Но этому смущенію и предѣловъ уже не было, когда, при спускѣ съ лѣстницы, у него вдругъ слетѣлъ съ головы цилиндръ и тутъ же у ногъ очутился камушекъ, оставившій знакъ на шляпѣ.

„Вотъ она—теплая-то проповѣдь! всю дорогу думалъ онъ: вѣдь окалѣчилъ бы, каналья, если бы попалъ въ голову... а то, пожалуй, и убилъ бы... испугъ... сотрясеніе мозга. „Побольше спокойствія и самообладанія“, говоритъ Петръ Ивановичъ. Да гдѣ жъ его взять, когда натура такая! Да едва-ли и возможно такое блаженное спокойствіе для людей, которые говорятъ вещи не изъ головы только, но и отъ сердца“.

— Что ты такой блѣдный? встрѣчала Люба мужа, бросаясь ему на шею и цѣлуя его: я ужъ ждала, ждала тебя. Сейчасъ была здѣсь Серафима Ѳедоровна, съ лекціи твоей заѣхала. „Ну, ужъ, говоритъ, что это за мужъ у васъ такой! Языкъ у него какъ бритва: такъ и рѣжетъ, такъ и рѣжетъ имъ, направо и налѣво, не разбирая, кто правъ, кто виноватъ. Все тарантила тутъ про тебя, я думаю, съ полчаса“.

Учитель исторіи и Перепелкинъ любили свое дѣло, обладали даромъ слова и умѣли пробудить въ питомцахъ такой интересъ къ своимъ предметамъ, что любо было видѣть, съ какимъ нетерпѣніемъ поджидали ихъ въ классѣ всѣ учащіеся.

Начальство, старшее и младшее, цѣнило ихъ дѣятельность. Перепелкину не безъ основанія казалось, что многіе изъ сослуживцевъ его, равно какъ не мало интеллигентыхъ лицъ изъ общества, относились къ нему не только сочувственно, но съ большимъ уваженіемъ и даже расположеніемъ, именно въ силу пользы, приносимой имъ заведенію, и потому его не смущали, а, напротивъ, только смѣшили и подстрекали къ болѣе энергичной дѣятельности на избранномъ пути и въ задуманномъ направленіи тѣ мелкія интрижки, со стороны лицъ, на его взглядъ ничтожныхъ, которыя начались и довольно прозрачно велись противъ него въ самомъ заведеніи, направляемыя искусною рукой его предшественника, подлежавшаго изгнанію изъ заведенія, но по милости Перепелкина оставленнаго въ заведеніи, даже ввѣреннаго его опекѣ, и такимъ образомъ, какъ и предупреждало начальство, отплачивавшаго своему патрону за его неумѣстное великодушіе и принятую на себя, ради его спасенія, опеку. Еще менѣе безпокоили Перепелкина грубыя выходки чиновныхъ граждан, которые сейчасъ же показали, что „рыльцо у нихъ въ пуху", когда, послѣ сдѣланныхъ во вторую лекцію поясненій къ Гоголю, они такъ разозлились на лектора, что не разъ почтили его ругательскими анонимными письмами, которыя, впрочемъ, особенно на первыхъ порахъ, могли только смѣшить, а не сердить адресата.

Было два письма и отъ особъ прекраснаго пола, но оба исполнены доброжелательства къ лектору.

„Многіе разсердились на васъ за выборъ къ чтенію отрывковъ изъ Гоголя", писала одна, „но я нисколько. А все-таки не совѣтовала бы продолжать его, а особенно дѣлать поясненія къ нему, во вредъ себѣ. Гоголя не только здѣсь, но и въ столицахъ не любятъ, даже презираютъ. Да и дѣйствительно, онъ какой-то сумашедшій былъ: ну, кто жъ таки видалъ или слыхалъ когда, чтобъ офицеры на шпагахъ подавали дамамъ тарелки съ кушаньемъ, какъ онъ изображаетъ это за ужиномъ у губернатора. Вотъ вамъ фактъ. А непристойностей сколько! Да вы и сами хорошо это чувствовали, потому что все краснѣли, да краснѣли, во время чтенія. При такомъ прекрасномъ чтеніи вамъ не трудно будетъ заинтересовать всѣхъ и другимъ какимъ писателемъ и доставить каждому изъ слушающихъ истинное удовольствіе".

Другая шла дальше въ совѣтахъ: „Удивительно какъ хорошо вы читаете! Но знаете ли, что я вамъ скажу? Вы Гоголя не читайте

больше, а то повредите себѣ. Вѣдь имъ зачитываются только хохлы, къ которымъ, судя по выговору, вы, кажется, не принадлежите. Да и хохлы не всѣ, особенно съ высшимъ образованіемъ. У насъ тутъ есть два, даже три генерала изъ настоящихъ хохловъ, любителей галушекъ, вареников, пампушекъ и другихъ продуктовъ хохлацкой кухни, но люди очень образованные, солидные и съ большимъ вѣсомъ, такъ тѣ просто удивились вашему выбору: „что это", говорятъ, „человѣкъ какъ-будто и неглупый, а выбралъ такую дребедень для угощенія насъ при первомъ знакомствѣ". Одинъ изъ нихъ былъ даже лично знакомъ съ Гоголемъ, но не хвалитъ его ни за умъ, ни за характеръ. „Это", говоритъ, „былъ ни больше, ни меньше, какъ балагуръ, вродѣ раечниковъ", знаете, которые въ балаганахъ смѣшатъ и потѣшаютъ, кривляньемъ да побасенками, простонародье. Вотъ бы вы разодолжили насъ, если бы выбрали для чтенія что-нибудь чувствительное, напримѣръ, изъ Клятвы при гробѣ Господнемъ, Полеваго или у Вельтмана изъ романа „Каломеросъ". Вы, вѣдь, знаете, какія тутъ есть чудныя вещи въ этомъ родѣ. Но если вы предпочитаете веселое, смѣшное, то, я увѣрена въ томъ,—доставили бы большое удовольствіе публикѣ, прочитавъ изъ „Юрія Милославскаго", Загоскина, ту удивительно смѣшную сцену, гдѣ герой романа, остановившись на постояломъ дворѣ, угощаетъ гусемъ Пана Копичинскаго Эта сцена, особенно при вашемъ чтеніи, я знаю, вызвала бы самый искренній смѣхъ, а не тотъ, который былъ только подражаніемъ другимъ, тоже, я думаю, смѣявшимся притворнымъ, вынужденнымъ смѣхомъ".

Реформы, осуществленія которыхъ можно было уже ожидать со дня на день, дѣйствительно занимали всѣхъ и даже прекрасный полъ. Перепелкинъ, не разъ уже посѣтившій съ Любой мѣстный клубъ, чисто былъ осаждаемъ вопросами, не извѣстно ли ему чего по части предположенныхъ преобразованій. Небывалое оживленіе въ литературѣ, начавшееся именно въ виду задуманныхъ правительствомъ великихъ реформъ, сильно подняло духъ въ людяхъ честныхъ, исполненныхъ истиннаго патріотизма, и сильно смутило, даже, можно сказать, приводило въ страхъ и трепетъ тѣхъ, которые, подобно паразитамъ, привыкли жить насчетъ излюбленнаго отечества, высасывая изъ него соки и ловя въ мутной водѣ рыбешку. Этихъ недоброжелателей тѣмъ труднѣе было узнать Перепелкину, что они въ отношеніи къ нему отличались внимательностію, предупредительностію, любезностію и даже постояннымъ заискиваніемъ его дружбы.

— Будь сдѣлана со стороны новаго вашего учителя маленькая бы уступочка общественнымъ нравамъ и привычкамъ, и его несомнѣнно полюбили бы здѣсь всѣ, потому что у него, по мнѣнію всѣхъ, даже

и недоброжелателей его, есть много симпатичныхъ чертъ, такъ передавалъ однажды отзывъ главнаго начальника края Петръ Ивановичъ Перепелкину, пріѣхавъ очень рано для поздравленія его съ днемъ ангела.

— Первая ваша ошибка, продолжалъ онъ, состояла въ томъ, что вы, кромѣ начальства, никому не сдѣлали визитовъ, а этого вездѣ никому никогда не прощаютъ и не забываютъ. Но самый главный вашъ недостатокъ, возбуждающій многихъ противъ васъ, заключается въ томъ, что вы не настолько владѣете собой, чтобы скрыть, приличныхъ сношеніяхъ, пренебреженіе, которое вы чувствуете къ людямъ дѣйствительно мерзкимъ, а кто же безнаказанно позволитъ себя признавать таковымъ. Наконецъ, вы нигдѣ не бываете, а это невольно охлаждаетъ къ вамъ и тѣхъ, которые несомнѣнно питаютъ къ вамъ глубокое уваженіе и могли бы сдѣлаться вашими искренними друзьями. Все это Перепелкинъ и самъ сознавалъ и хорошо понималъ, но и освободиться отъ этихъ недостатковъ было или не въ его силахъ или не въ его желаніяхъ и намѣреніяхъ.

Непрактичность Перепелкина въ дѣлахъ житейскихъ создала для него, помимо воспитанія дѣтей, и другія заботы, экономическаго свойства.

А между тѣмъ время все идетъ, да идетъ, не исцѣляя идеалиста отъ его утопическихъ мечтаній. Вотъ пронеслись надъ страной, скоро одна за другой, важныя государственныя реформы; но въ этомъ отдаленномъ краѣ, гдѣ онъ задался цѣлію воспитывать юношество на гуманныхъ началахъ, онѣ временно только возбуждали общественное мнѣніе, а потомъ также скоро и забывались, такъ какъ только немногими сторонами касались этого захолустья. Повѣсившіе, было, носы, въ ожиданіи разныхъ реформъ, и приходившіе даже часто въ большое уныніе мужи мрака и всякаго зловреднаго лицедѣйства теперь подняли головы, ожили и загоготали. Они уже даже не скрывали своего отвращенія и полнаго презрѣнія ко всякимъ новшествамъ, указывая на расколъ, происшедшій въ большой прессѣ. Либеральничавшая на англійскій манеръ большая московская газета и сателлитъ ея, журналъ, вдругъ перемѣнили фронтъ и, ставъ въ враждебное отношеніи ко многимъ явленіямъ, вызваннымъ реформами, поставили ихъ за счетъ и вмѣнили въ вину новымъ литературнымъ дѣятелямъ, на которыхъ и стали науськивать всякихъ мракобѣсцевъ. Людей талантливыхъ, имѣвшихъ возвышенное и благородное стремленіе выяснить въ полнотѣ объема значеніе каждой реформы и извлечь изъ нея все добро, какое она только дать можетъ, стали обзывать „разбойниками печати“, „мошенниками пера“, даже просто ворами, способными вытащить изъ кармана носовой платокъ.

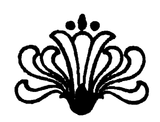
Наконецъ, коснулась реформа, очень важная, много обѣщавшая, тѣхъ учрежденій, гдѣ служилъ Перепелкинъ, и сильно поддержала идеалиста въ его мечтахъ, надеждахъ и ожиданіяхъ.

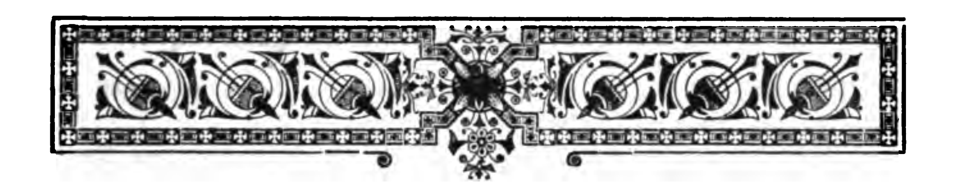
Но, вопреки ожиданіямъ, и реформированіе здѣшняго корпуса слишкомъ запоздало въ сравненіи съ корпусами въ столицахъ и другихъ мѣстностяхъ. Впрочемъ, та осторожность и осмотрительность, съ которыми совершались эти преобразованія, заставляли предполагать, что они задуманы людьми умными и высоко развитыми. Что болѣе всего огорчало Перепелкина, въ виду предстоящей реформы заведенія, такъ это переходъ на службу въ столицу умнаго и энергичнаго Петра Ивановича, умѣло и не безрезультатно направлявшаго педагогическое дѣло къ тѣмъ же цѣлямъ, которыя такъ ярко выступили въ положеніяхъ и инструкціяхъ, сочиненныхъ для реформируемыхъ корпусовъ. Не много позже вышелъ въ отставку и начальникъ заведенія. Перемѣнились, слѣдовательно, главные заправители заведенія, и эта перемѣна сказалась на многомъ, но далеко не въ пользу заведенія. Той крѣпкой, руководящей силы, которая сознательно и разумно давала тонъ и направленіе всѣмъ функціямъ учебнаго и воспитательнаго дѣла въ заведеніи и которую олицетворялъ въ себѣ выбывшій въ столицу Петръ Ивановичъ, уже не чувствовалось никогда послѣ. Новый начальникъ оказался личностью въ высшей степени симпатичною, доброю, гуманною и разумною, но, къ несчастью для него и для заведенія, онъ былъ одержимъ слабостью, отъ которой много гибло хорошихъ людей на Руси. Не то чтобы онъ компрометтировалъ себя, съ этой стороны, въ обществѣ или на службѣ, нѣтъ, онъ всегда и вездѣ держалъ себя съ достоинствомъ, прилично, но горькое чувство въ самомъ себѣ отъ сознанія этой слабости и вѣчная боязнь потерять мѣсто, или нажить себѣ враговъ, дѣйствуя по совѣсти и справедливости, лишали его той энергіи, почина, самостоятельности и вполнѣ осмысленныхъ, раціональныхъ и своевременныхъ мѣропріятій, къ которымъ несомнѣнно онъ былъ очень способенъ. Эту сторону его хорошо понимали люди нечестные всякихъ категорій и эксплоатировали ее какъ нельзя болѣе, но, разумѣется, съ наибольшею удачею, Утягаевы, Загребаевы, Таскаловы, изъ которыхъ, одинъ бросившій жену, прекрасную женщину, и оставившій послѣ своей смерти очень крупный кушъ денегъ своей любовницѣ, равно какъ и домъ, въ которомъ съ нею жилъ, — собственно и былъ виновникомъ преждевременной смерти почтеннаго генерала, какъ это видно будетъ изъ послѣдующаго. Для такой благородной, прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ личности, лишенной только возможности, вслѣдствіе своей мнительности, развернуться по дѣламъ своего управленія во всей широтѣ далеко незаурядныхъ своихъ моральныхъ силъ, ума

и энергіи, полезными помощниками могли быть люди, вродѣ выбывшаго Петра Ивановича, способные къ разумной самостоятельной инидіативѣ, которой генералъ не только не оказалъ бы противодѣйствія, но, напротивъ, всѣми силами поддерживалъ бы ее, какъ нѣчто такое, что идетъ не отъ него, но къ чему обязываетъ долгъ службы, совѣсть и разумъ. Къ несчастію для заведенія помощниками являлись люди совершенно не тѣхъ свойствъ. Одинъ, по умственному развитію, направленію и энергіи, можетъ быть, и не лишенъ былъ способности дѣйствія въ духѣ выбывшаго Петра Ивановича, но былъ одержимъ такимъ непомѣрно свирѣпымъ самолюбіемъ, которое только и заставляло его озираться подозрительно кругомъ, не заслоняетъ ли кто выдающимися способностями и авторитетностью его дѣятельность, совершенно, впрочемъ, пассивную. Даже весьма осторожный въ сношеніяхъ съ начальствомъ и въ проявленіи своей самостоятельности, сдѣлавшійся оффиціальнымъ помощникомъ помощника Уклоновъ, не только не пользовался его расположеніемъ, но просто былъ ненавидимъ и нетерпимъ. Въ отношеніи же Перепелкина, чуждаго свойствъ Уклонова, онъ, этотъ самолюбецъ, держался другой тактики: ставъ, послѣ одной крупной ссоры съ нимъ, въ дружескія, повидимому, даже и очень дружескія отношенія, онъ, какъ впослѣдствіи оказалось, всѣ усилія употреблялъ, чтобъ поколебать и разрушить авторитетъ педагога въ общественномъ мнѣніи. Съ такою же справедливостью отнесся онъ и къ заслугамъ своего предшественника, послѣ отбытія котораго вскорѣ была инспекція заведенія пріѣхавшимъ изъ столицы генераломъ. Послѣдній что-то похвалилъ. „Ахъ, ваше превосходительство, имѣлъ онъ смѣлость сказать: теперь это сносно, а прежде что тутъ было"... и, не докончивъ поясненіемъ, что тутъ было прежде, лукавецъ только рукой махнулъ. Между тѣмъ дѣло касалось какого-то порядка, заведеннаго именно выбывшимъ Петромъ Ивановичемъ, который много разумнаго, цѣлесообразнаго ввелъ въ сложный механизмъ управленія заведеніемъ. Впослѣдствіи оказалось, что своими корреспонденціями въ столицу онъ много горя причинялъ и вносилъ тревоги въ душу и благороднѣйшему начальнику заведенія, которому какъ-будто на роду было написано имѣть помощниками людей, крайне несимпатичныхъ ему, потому что, по переходѣ этого завистливаго самолюбца въ другое заведеніе, явился на смѣну ему человѣкъ съ такимъ недомысліемъ по дѣламъ педагогическимъ, съ такою отчужденностью отъ науки, ея цѣлей и задачъ, съ такою неприкосновенностью къ какимъ бы то ни было идеальнымъ помысламъ, да вдобавокъ еще съ такою алчностью къ деньгамъ, что можно было удивляться, какъ это поспѣлъ и во всеоружіи явился подобный господинъ какъ разъ въ моментъ полнаго переформированія заведенія.

По вступленіи въ должность, онъ немедленно обратилъ вниманіе на ссудо-сберегательную кассу сослуживцевъ, которая, за 6 годовыхъ процентовъ, приносила пользу какъ умѣющимъ сберегать, такъ еще болѣе тѣмъ, которые обзавелись домишками въ долгъ и выплачивали его по частямъ. Желая быть новаторомъ, онъ расширилъ удобства займа, чѣмъ пріобрѣлъ расположеніе всѣхъ, имѣвшихъ наклонность по уши залѣзать въ долги, да не обидѣлъ и сберегателей деньгй, преимущественно въ лицѣ Загребаемыхъ, поднявъ процентъ съ 6 на 9, подъ предлогомъ якобы бо̀льшаго удобства въ разсчетахъ, затѣмъ въ видахъ, дескать, поощренія къ сбереженіямъ,—однихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воздержанія другихъ отъ неумѣренныхъ займовъ, для каковыхъ цѣлей вложилъ въ кассу приличный капиталецъ и пользовался съ процентовъ на него не маленькимъ подспорьемъ къ своему жалованью. Другихъ слѣдовъ его самостоятельности напрасно было бы искать.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Историческіе и бытовые очерки западной старины.

Наполеонъ на борту „Нортумберланда"

(по неизданному документу).

Ласъ-Казесъ, въ своихъ Воспоминаніяхъ о св. Еленѣ, разсказываетъ, что 7-го августа 1815 г., Наполеонъ, взойдя на бортъ „Нортумберланда", имѣлъ „длинный разговоръ, касающійся политики и высшаго управленія съ нѣкіемъ Литльтономъ [1])". Такъ какъ оба собесѣдника находились въ сторонѣ отъ другихъ, то никто изъ постороннихъ не могъ слышать ихъ разговора. Варденъ [2]) тоже указываетъ на этотъ фактъ, не давая никакихъ о немъ подробностей. Лица, наиболѣе освѣдомленныя въ библіографіи Наполеоновской эпохи, равнымъ образомъ ничего не знаютъ о содержаніи этого разговора. Итакъ, до настоящаго времени надо считать еще неопубликованнымъ тотъ архивный документъ, о которомъ идетъ рѣчь.

Этотъ документъ находится въ королевскихъ архивахъ, въ Дрезденѣ и составляетъ часть дѣла г. Жюста (M. Just), бывшаго саксонскаго посланника въ Лондонѣ, въ 1816 году, и озаглавленъ: By Mr Lyttelton, when Bonoparte arrived in England on board of a vessel. Этотъ документъ не сопровождается никакими поясненіями, но можно предположить, что саксонскій посланникъ, зная чувства своего государя, думалъ, что доставитъ ему удовольствіе, если попроситъ Литльтона проредактировать отчетъ того, что онъ видѣлъ и слышалъ 7-го августа 1815 года. Документъ написанъ по-англійски; происходившій же разговоръ приведенъ на французскомъ языкѣ.

---

[1]) Mémorial de Sainte-Hélène. Garnier. Paris. Sans date, стран. 56.

[2]) W. Warden. Letters written on board his Majesty's ship the Northumberland and at Saint Helena. Bruxelles. 1819. стран. 9 и 11.

Литльтонъ (В. Х.) [1]), членъ парламента отъ Ворчестершира, пишетъ слѣдующее:

„Было около часа по полудни 7-го августа 1815 г., когда Наполеонъ вошелъ на бортъ „Нортумберланда", стоявшаго на якорѣ передъ Торбэемъ. Благодаря счастливой случайности и дружбѣ, связывающей меня съ адмираломъ сэромъ Георгіемъ Кокбурномъ, я какъ разъ къ этому часу находился на кораблѣ и могъ выбрать мѣсто, съ котораго я могъ видѣть всѣ подробности описываемой сцены. Я помѣстился такъ, чтобы ничто не мѣшало мнѣ видѣть происходившее, т. е. на той сторонѣ, съ которой прибылъ Бонапартъ на шлюпкѣ. Бонапартъ сидѣлъ такъ, что я отчетливо видѣлъ его профиль. Мое первое впечатлѣніе было, что онъ чрезвычайно похожъ на свои портреты; однако его щека мнѣ показалось болѣе широкой, чѣмъ она изображалась на нихъ. Онъ сидѣлъ влѣво отъ адмирала Кейта и не открывалъ рта. Мое вниманіе было сосредоточено на немъ въ такой степени, что мнѣ невозможно было бы назвать тѣхъ его офицеровъ, которые его сопровождали. Однако я думаю, что Бертранъ былъ изъ ихъ числа, такъ какъ онъ первый вступилъ на бортъ „Нортумберланда". Снявъ шляпу, вытянувшись въ струнку, онъ всталъ справа отъ трапа, возвѣщая этимъ прибытіе его государя. Вскорѣ за нимъ послѣдовалъ Бонапартъ. Слегка приподнявъ шляпу, съ открытымъ и улыбающимся видомъ онъ сказалъ приближающемуся къ нему для пріема Кокбурну:

— Я къ вашимъ услугамъ.

Часовой, стоявшій у трапа, взялъ на караулъ въ тотъ самый моментъ, когда Наполеонъ вступилъ на палубу. Бонапартъ быстро прошелъ впередъ и выразилъ желаніе познакомиться съ капитаномъ Россъ, капитаномъ корабля. Это желаніе было немедленно исполнено. Морскіе солдаты, выстроенные на бакъ-бордѣ, взяли на караулъ, когда онъ проходилъ мимо нихъ. Такъ какъ капитанъ Россъ не зналъ ни одного слова по-французски, то оба удовольствовались молчаливымъ поклономъ, и Бонапартъ прошелъ далѣе, гдѣ его ожидали сэръ Георгій Бингамъ (53-го полка, который отправлялся на св. Елену), лордъ Лаутеръ, Эдмундъ Бингъ и артиллерійскій офицеръ, имени котораго я не знаю. Сэръ Кокбурнъ представилъ ихъ, одного за другимъ, Бонапарту. У Бингама онъ спросилъ, какого онъ полка и гдѣ служитъ. Лорду Лаутеру и Бингу онъ задалъ нѣсколько незначущихъ вопросовъ, напримѣръ, откуда они, вернутся ли они на материкъ и т. д. Артиллерійскому же офицеру онъ сказалъ:

— Я самъ вышелъ изъ артиллеріи.

---

[1]) W. H. Lyttelton умеръ въ Лондонѣ 1-го мая 1837 г.

Я стоялъ такъ, что ни Наполеонъ, ни адмиралъ не могли меня видѣть, а потому я и не былъ представленъ этимъ послѣднимъ.

Во время этой церемоніи Наполеонъ сохранялъ любезный видъ. Склонившись къ тому, съ кѣмъ разговаривалъ, онъ не переставалъ улыбаться, держа свою шляпу въ рукахъ. Благодаря этому я могъ замѣтить, что онъ былъ плѣшивъ, и его темно-красные волосы были длинны, жестки и, да простятъ мнѣ слово, въ безпорядкѣ. Выраженіе его лица дышало скорѣе тонкостью и хитростью, нежели благородствомъ. Въ его взглядѣ проскальзывали огоньки какой-то кровожадности (féroce). Предполагаю, что огонь его взгляда, о которомъ мнѣ такъ много говорили раньше, былъ значительно уже ослабленъ годами и заботами. Что касается до цвѣта его лица, то онъ былъ не только блѣденъ, но еще и болѣзненъ.

Таковы были первыя наблюденія, сдѣланныя мною при видѣ Бонапарта.

Послѣ небольшой задержки при обстоятельствахъ, мною вышеописанныхъ, онъ вышелъ въ заднюю каюту въ сопровожденіи лорда Кейта и сэра Кокбурна. За нимъ послѣдовали офицеры, и я его увидѣлъ снова часа черезъ полтора.

Лордъ Кейтъ и сэръ Кокбурнъ пробыли съ нимъ въ каютѣ всего нѣсколько минутъ. Все, что я узналъ, это то, что Бонапартъ выразилъ желаніе, чтобы ему были представлены всѣ офицеры корабля. Это было сдѣлано немного позднѣе.

Свита Бонапарта состояла изъ слѣдующихъ лицъ, которыя сопровождали его на Св. Елену: генералъ Бертранъ съ женою, графъ и графиня Монтолонъ, графъ Ласъ-Казесъ и генералъ Гурго. Они прибыли на бортъ „Нортумберланда" одновременно со своимъ государемъ, и, какъ только Наполеонъ скрылся съ моихъ глазъ, я обратилъ на нихъ свое вниманіе.

Изъ четырехъ спутниковъ развѣнчаннаго императора, выдѣляющимся былъ только Бертранъ. Ставши знаменитымъ на всю Европу постоянствомъ своей привязанности къ Наполеону, онъ привлекъ на себя все мое любопытство. Однако, онъ обманулъ мои ожиданія.

Ни его взглядъ, ни наружный видъ не обнаруживали, какъ мнѣ показалось, ничего великаго или необычайнаго. Однимъ словомъ, я не обратилъ бы на него вниманія, если бы не зналъ его своеобразную исторію. Монтолонъ, Лазъ-Казезъ и Гурго не заслуживаютъ описанія, и мнѣ кажется, право, что было бы трудно выбрать дѣйствующими лицами въ этотъ моментъ людей менѣе симпатичныхъ и менѣе интересныхъ. Одинъ Бертранъ казался взволнованнымъ, и иногда въ его взорѣ загоралась злоба и гордость. Лица остальныхъ не выдавали самаго обычнаго для данныхъ обстоятельствъ чувства скорби.

*

Сидя за столомъ въ передней каютѣ, всѣ они писали. Вскорѣ къ нимъ присоединились Лалеманъ и другіе офицеры, пожелавшіе проститься съ Наполеономъ и которымъ было разрѣшено оставаться на кораблѣ, сколько они пожелаютъ. Савари уже разстался съ Наполеономъ на „Белерофонтѣ", такъ что я не имѣлъ случая его увидѣть. Между тѣми, кто остался вѣренъ Наполеону до послѣдняго момента, весьма немногіе заслуживаютъ описанія.

Физіономія Лалемана была темна, строга и внушительна. Его фигура дышала благородствомъ. Среди провожающихъ было два польскихъ офицера: одинъ весьма пожилой, а другой—въ цвѣтѣ лѣтъ. Ихъ внѣшность и манеры производили впечатлѣніе. Старшій, маститый старецъ, огромнаго роста поражалъ своимъ видомъ, оригинальнѣе и живописнѣе котораго я никогда не видѣлъ. Нельзя было безъ волненія и уваженія смотрѣть на этого благороднаго ветерана, съ героическимъ взоромъ, въ польскомъ костюмѣ, столь характерномъ и столь хорошо сдѣланномъ, чтобы невольно приходила въ голову грустная участь его раненой на смерть родины. Этотъ великолѣпный старецъ слѣдовалъ за господиномъ своего выбора, и его не страшила перспектива вторичнаго изгнанія.

Его спутникъ, потому ли, что онъ былъ болѣе взволнованъ, потому ли, что менѣе владѣлъ собой, глубоко потрясалъ душу зрителя. Ни его лицо, ни весь онъ—ничего особеннаго сами по себѣ не имѣли. Но та скорбь, та мука, которую онъ переживалъ съ того момента, какъ ему объявили, что онъ долженъ разстаться съ Бонапартомъ, переходили мѣру всѣхъ тѣхъ чувствъ, которымъ я былъ когда-либо свидѣтелемъ. Его видъ вызывалъ непреоборимое сочувствіе.

Оба они умоляли лорда Кейта разрѣшить имъ сопровождать Наполеона на св. Елену. Старецъ изложилъ свою просьбу въ твердыхъ выраженіяхъ, рѣшительнымъ и мужественнымъ голосомъ. Другой повторилъ ее, обливаясь слезами и не впадая въ отчаяніе отъ неудачи, постигшей просьбу его старшаго товарища. Подъ конецъ онъ умолялъ:

— А если я откажусь отъ моего чина?

На отвѣтъ, что число офицеровъ, назначенныхъ для сопровожденія Бонапарта, не можетъ быть измѣнено, онъ спросилъ, не возьмутъ ли его въ качествѣ прислуги. Когда онъ окончательно убѣдился въ невозможности добиться просимаго, онъ впалъ въ состояніе, граничащее, какъ мнѣ показалось, съ сумасшествіемъ. Со щеками, залитыми слезами, конвульсивно сжимая свою польскую шапочку одной рукой, онъ другой не переставалъ тереть глаза. Разговаривая безсвязно самъ съ собой, онъ ходилъ взадъ и впередъ, и лицо его выражало такое безграничное отчаяніе, что я ждалъ съ минуты на минуту, что

онъ бросится въ море. Его звали, какъ кажется, Пинтовскимъ [1]); во всякомъ случаѣ это не былъ Понятовскій. Впослѣдствіи я съ большой радостью узналъ, что наше правительство, въ вознагражденіе за его вѣрную привязанность, разрѣшило ему отправиться на св. Елену съ сэромъ Гудзономъ Лоу.

Что касается госпожъ Бертранъ и Монтолонъ, то трудно было бы отыскать двухъ лицъ болѣе различныхъ тѣлесно и духовно. Первая изъ нихъ, которая на „Белерофонтѣ" дошла до крайности [2]), казалась болѣе обезсиленной, чѣмъ спокойной.

Ея наружность выдавала чрезвычайное волненіе и нетерпѣніе. Изъ себя длинная и худая, съ сильно орлинымъ носомъ, она очень похожа на лэди Диллонъ, которой приходится, если не ошибаюсь, очень близкой родственницей. Госпожа Монтолонъ, наоборотъ, давала примѣръ спокойной покорности, столь подходящей къ ея полу, и нельзя было не чувствовать живѣйшей симпатіи къ тѣмъ страданіямъ, которыя она переносила съ такой самоотверженностью. Она красивая женщина, лицо которой дышетъ мягкостью и умомъ.

Остальныя лица изъ свиты Бонапарта, прибывшія на „Нортумберландъ", чтобы съ нимъ попрощаться, были большею частью молодые офицеры-ординарцы въ разноцвѣтныхъ формахъ. Они не трудились даже представиться огорченными, и я полагаю, что они имѣли очень умѣренную привязанность къ своему господину. Хирурга, (Мэнго), который отказался за нимъ слѣдовать, я вовсе не видѣлъ. Онъ не показывался, когда другіе покидали „Белерофонтъ", и предполагали, что онъ скрытно удалился, чтобы избѣжать тягостныхъ встрѣчъ.

Изъ скромности мы удалились, когда началось прощаніе, и я ничего не слышалъ, что было при этомъ говорено.

Черезъ полчаса послѣ этого,—Бонапартъ имѣлъ, значитъ, время оправиться, еслибы былъ взволнованъ,—я былъ введенъ въ его каюту, и имѣлъ съ нимъ первый разговоръ.

Существенно важно дать нѣкоторыя подробности тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ этотъ разговоръ имѣлъ мѣсто.

Всему міру извѣстно, что капитанъ Метландъ принялъ Наполеона съ почестями, подобающими императору, и уступилъ ему свою каюту. Благодаря этому бывшій государь не былъ потревоженъ никакими нескромными посѣтителями. На „Нортумберландѣ" была принята

---

1) На самомъ дѣлѣ его звали капитанъ Піонтовскій (по Maitland и Warden). Піонтовскій (по O'Meara).

2) Она пыталась даже броситься въ море. (Memorial, стр. 61, Warden стр. 16).

другая система поведенія относительно его. Правда, ему уступили маленькую каюту лично для него, но большая, та, что называютъ задній салонъ (salon d'arrière) и которой онъ располагалъ на „Белерофонтѣ“, была оставлена для адмирала и его друзей.

Такъ какъ я былъ въ числѣ этихъ послѣднихъ, то и имѣлъ право входа въ нее. Тѣмъ болѣе, что желая, чтобы Бонапартъ далъ себѣ сразу въ этомъ отчетъ, сэръ Кокбурнъ ввелъ меня въ каюту съ лордомъ Лоутеромъ и сэромъ Бингамомъ, одновременно съ офицерами, и держалъ при себѣ безъ всякихъ объясненій или другихъ формальностей.

Для точности добавлю, что лордъ Лоутеръ присоединился къ намъ спустя нѣкоторое короткое время.

Представленіе офицеровъ произвело на меня смѣшное впечатлѣніе. Ихъ было восемь человѣкъ, и ни одинъ не зналъ ни слова по-французски. Они выстроились вдоль одной изъ стѣнокъ и въ теченіе около минуты смотрѣли на Бонапарта и улыбались ему. Послѣ чего они поклонились какъ истые моряки и вышли, или, вѣрнѣе, бросились стремглавъ вонъ.

Пригласивъ насъ съ Бингамомъ садиться, Кокбурнъ оставилъ насъ въ tête-à-tête'ѣ съ Бонапартомъ, который меня никогда не видѣлъ и долженъ былъ себя спрашивать: не адмиральскій ли лакей этотъ господинъ въ каштановомъ костюмѣ?

Онъ взглянулъ на меня строгимъ взоромъ.

— Кто вы такой?—спросилъ онъ сухо.

— Генералъ, меня зовутъ Лительтонъ. Я родственникъ и другъ адмирала.

— Вы изъ экипажа?

— Нѣтъ, я не морякъ.

— Вы, значитъ, здѣсь изъ любопытства?

— Да, генералъ, я не знаю ничего столь достойнаго любопытства, какъ то, что привело меня сюда.

— Изъ какого графства?

— Изъ графства Ворчестеръ.

— Гдѣ оно? Далеко отсюда?

— Да, генералъ, въ центрѣ страны.

Если меня не обманываетъ память, я прибавилъ: „Мы надѣемся, что васъ не стѣсняемъ, генералъ“.

Онъ не обратилъ никакого вниманія на то, что я ему сказалъ.

Произошло короткое молчаніе, во время котораго Бонапартъ бросалъ на насъ недобрые взгляды и обнаруживалъ нетерпѣніе, возбуждаемое нашимъ присутствіемъ. Послѣ этого онъ обратился къ сэру Бингаму и задалъ ему нѣсколько незначущихъ вопросовъ. Онъ спро-

силъ число ротъ въ его полку, потомъ онъ пожелалъ узнать, сколько лѣтъ онъ служилъ въ Испаніи.

Такъ какъ Бингамъ отвѣчалъ ему съ трудомъ, на плохомъ французскомъ языкѣ, то онъ обернулся въ мою сторону и спросилъ о вѣтрѣ и свойствахъ корабля. Я ему отвѣчалъ пространно. Въ это время показался лордъ Лоутеръ, и Бонапартъ немедленно обратился къ нему съ обычнымъ вопросомъ:

— Гдѣ ваше помѣстье?

Лордъ Лоутеръ ему отвѣтилъ на невозможномъ французскомъ языкѣ. Тогда Бонапартъ возобновилъ разговоръ со мною. Онъ меня подробно разспрашивалъ объ охотахъ, въ особенности объ охотѣ на лисицъ.

— Вы сразу выпускаете всѣхъ собакъ или держите ихъ на сворѣ?

Я ему отвѣтилъ очень подробно, послѣ чего онъ сказалъ:

— Вы очень хорошо говорите по-французски.

— Я немного напрактиковался говорить по-французски, такъ какъ много путешествовалъ.

— Вы путешествовали во Францію?

— Очень мало, генералъ. Какъ вамъ извѣстно, въ теченіе многихъ лѣтъ не разрѣшалось ни одному англичанину переѣзжать во Францію. Мы были тамъ контрабандою.

Я прибавилъ еще нѣсколько фразъ, но не вижу надобности ихъ здѣсь воспроизводить, такъ какъ онѣ не оживили разговора. Напротивъ, наступило вторичное молчаніе, въ началѣ котораго въ каюту вошелъ Бертранъ. Онъ сталъ за Бонапартомъ, немного сбоку, какъ дежурный лордъ за королемъ, и посмотрѣлъ на насъ сверху внизъ, гордо, какъ будто спрашивая насъ, что мы тутъ дѣлаемъ. Черезъ секунду онъ вышелъ. Бонапартъ повернулся къ намъ спиной, взялъ бинокль и нѣсколько секундъ смотрѣлъ въ окошко. Бингамъ чувствовалъ себя крайне неловко. Наконецъ, онъ дернулъ меня за рукавъ и шепнулъ на ухо:

— Ради Бога, поговорите съ нимъ о чемъ-нибудь, хотя бы о собакѣ или кошкѣ.

Я обѣщалъ исполнить его желаніе, и какъ только Бонапартъ повернулся къ намъ, я его спросилъ, помнитъ ли онъ лорда Эбрингтона, родственника лорда Гренвиля.

— Да, сказалъ онъ, это хорошій человѣкъ.

Я заговорилъ о Вернонѣ. Это имя заставило его содрогнуться.

— Католикъ?

— Сэръ, отвѣчалъ я, вы думаете о Сильвертонѣ.

— Да, сказалъ онъ, смѣясь, но не прибавляя ни слова. Затѣмъ я ему назвалъ Дугласа.

— Это цѣнный человѣкъ, промолвилъ онъ тономъ, который мнѣ показался искреннимъ.

Затѣмъ онъ меня спросилъ, громкое ли это имя Дугласъ. Я отвѣтилъ утвердительно и перечислилъ ему вкратцѣ главъ этой фамиліи. По этому поводу онъ спросилъ меня: тотъ Дугласъ, который былъ ему представленъ, тотъ ли самый Дугласъ, о которомъ я говорилъ. Мы отвѣчали (лордъ Лоутеръ также участвовалъ въ разговорѣ), что онъ ошибается, такъ какъ ни І. Дугласъ, ни никто изъ его однофамильцевъ не играли никакой роли въ нижней палатѣ. (Впослѣдствія Геберъ мнѣ разсказалъ, что Бонапартъ незадолго передъ тѣмъ читалъ англійскія газеты, изъ которыхъ узналъ о рѣчи Дугласа, рекомендующей уничтожить французскій флотъ). По этому случаю лордъ Лоутеръ замѣтилъ ему, что я—членъ парламента, и онъ тотчасъ спросилъ, принадлежу ли я къ оппозиціи.

— Моя совѣсть часто меня заставляетъ давать мой голосъ противъ королевскихъ министровъ, отвѣчалъ я. У насъ — свободны, и надо поступать сообразно тому, что считаешь пользой для родины.

— Вы говорили рѣчи въ парламентѣ?

— Нѣсколько злыхъ рѣчей (harangue).

— Уайтбредъ [1]) умеръ?

— Да, генералъ.

— Что было причиной его смерти?

— Онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ.

— Какъ такъ?

— Онъ былъ ненормаленъ.

— Помѣшанъ?

— Да.

— Это то, что вы называете сплиномъ?

— Уайтбредъ былъ сумасшедшій, онъ воображалъ, что всѣ ему враждебны, смотрѣли на него съ презрѣніемъ, устраивали противъ него заговоры.

— Какъ онъ покончилъ съ собой?

— Онъ перерѣзалъ горло бритвой.

Бонапартъ не сдѣлалъ никакого замѣчанія и не подалъ никакого признака сочувствія. Черезъ секунду онъ меня спросилъ:

— Кто будетъ его преемникомъ въ парламентѣ? Понсонби?

— Нѣтъ, генералъ. Понсонби человѣкъ выдающійся и обладаетъ первоклассными талантами. Но я не думаю, чтобы онъ былъ назна-

---

[1]) Samuel Whitebréad одинъ изъ самыхъ опасныхъ противниковъ Питта, который употребилъ всѣ усилія, чтобы помѣшать войнѣ противъ Франціи, покончилъ самоубійствомъ 6-го іюня 1815 г., 57 лѣтъ отъ роду.

ченъ въ преемники Уайтбреду. Вамъ хорошо извѣстно, что не легко замѣстить великихъ людей.

Мнѣ показалось, что Бонапартъ почувствовалъ мой комплиментъ, и мнѣ почудилось въ его взорѣ выраженіе благодарности. Послѣ короткаго молчанія я заговорилъ снова и заявилъ, что мнѣ кажется, что Бруггамъ былъ бы настоящимъ преемникомъ Уайтбреда, но что ему потребуется время, чтобы добиться такой же большой репутаціи, какова была у его предшественника, и такого же довѣрія народа. По этому поводу Бонапартѣ меня спросилъ, чѣмъ и когда Бруггамъ выдвинулся. Я отвѣчалъ, что онъ особенно выдвинулся во время преній, поднятыхъ рѣшеніемъ тайнаго совѣта [1]).

На вопросъ: — хорошій ли ораторъ Бруггамъ — я старался объяснить характеръ его краснорѣчія. Бонапартъ закончилъ этотъ разговоръ разспросами о родствѣ Уайтбреда съ лордомъ Греемъ и объ ораторскихъ талантахъ этого послѣдняго, но мы не пустились вглубь политической области. Во время этого разговора онъ спросилъ меня также, знаю ли я капитана Ушера—тоже очень хорошаго человѣка—какъ онъ сказалъ. Бертранъ, вмѣшавшійся. въ разговоръ, выразилъ такое же мнѣніе. Я не только отвѣтилъ утвердительно, но и сообщилъ, что я его только-что видѣлъ на островѣ Уайтъ. По этому поводу Бертранъ разсказалъ, что судя по газетамъ Ушеръ „былъ распорядителемъ бала въ Ридѣ (Ryde)". Это заставило улыбнуться ихъ обоихъ, а я возразилъ:

— Капитанъ также пригоденъ, чтобы пуститься въ плясъ, какъ пуститься въ бой.

Въ то же время я замѣтилъ, что Ушеръ всегда отзывался о Бонапартѣ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ и свято хранилъ табакерку, украшенную его портретомъ, которую онъ ему подарилъ.

Больше ничего не произошло, исключая того, что онъ спросилъ, женаты ли мы? Каждый изъ насъ трехъ далъ ему отвѣтъ согласно своему положенію. Къ моему большому удивленію онъ не давалъ никакой оцѣнки тому, что ему говорилось. Чтобы не дать замереть разговору, я почувствовалъ себя принужденнымъ отпустить нѣсколько дурныхъ шутокъ по поводу безбрачія лорда Лоутера.

Этотъ разговоръ длился съ полчаса, и я начиналъ чувствовать угрызенія, считая неудобнымъ дальнѣйшее пребываніе въ каютѣ. Насъ привели сюда, чтобы утвердить право нашего входа туда, но эта цѣль уже была достигнута. Было бы недостойно продлить наше пребываніе, тѣмъ болѣе, что наше присутствіе видимо стѣсняло развѣнчан-

---

[1]) Рѣчь идетъ объ Orders in Council (1807), которые нанесли ударъ тор говлѣ нейтральныхъ.

наго императора. Вслѣдствіе этого я вышелъ и присоединился къ адмиралу, которому и передалъ руководившія мною причины, которыя онъ вполнѣ одобрилъ. Поэтому я вернулся къ лорду Лоутеру и Бингаму и поставилъ ихъ въ извѣстность относительно нашего разговора съ адмираломъ. Затѣмъ, низко раскланявшись съ Бонапартомъ, я вышелъ, сказавъ:

— Генералъ, имѣю честь кланяться.

Онъ отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы, и я вышелъ. Такъ какъ я говорилъ шопотомъ съ моими товарищами, то они меня не поняли и остались сидѣть. Черезъ пять минутъ, по совѣту адмирала, я пошелъ за ними.

Лордъ Лоутеръ мнѣ разсказалъ, что во время моего отсутствія, Бонапартъ, лицо котораго приняло злобное выраженіе, протянулъ руку къ ленточкѣ, которую Бингамъ носилъ въ бутоньеркѣ, и спросилъ его, что она означаетъ. Тотъ отвѣчалъ ему, что это отличіе ему было пожаловано въ вознагражденіе за его службу въ Испаніи. На вопросъ Бонапарта.—„Это за Саламанку?“—Бингамъ ему объяснилъ, что эта лента изображаетъ четыре медали въ воспоминаніе битвъ при Талаверѣ, Витторіи, Пиренеяхъ и Тулузѣ. По этому поводу Бонапартъ сдѣлалъ нѣсколько незначущихъ замѣчаній.

Я воображалъ, что все это уже покончено, такъ какъ мы должны были съѣхать на берегъ, какъ только будутъ изготовлены депеши, которыя долженъ былъ взять съ собою лордъ Лоутеръ. Передъ отъѣздомъ мы пошли въ переднюю каюту. Пока мы сидѣли за столомъ и ѣли холодное мясо, дверь отворилась и вошелъ Бонапартъ, сопровождаемый Бертраномъ.

Какъ только онъ меня замѣтилъ, онъ улыбнулся и сказалъ:

— Ѣдете вы на берегъ?

— Да, отвѣтилъ я. Мы только съѣдимъ кусокъ, раньше чѣмъ уѣхать.

Онъ ничего не прибавилъ и, пройдя мимо насъ, вернулся на мостикъ. Мы поспѣшили закончить нашу закуску, и черезъ секунду лордъ Лоутеръ послѣдовалъ за нимъ. Посмотрѣвъ въ окошко, я замѣтилъ Бонапарта, ходившаго взадъ и впередъ. Онъ изучалъ снаряженіе корабля, иногда останавливался и обмѣнивался любезными фразами съ госпожами Бертранъ и Монтолонъ, сидѣвшими на стульяхъ въ концѣ мостика. Я всталъ около гротъ-мачты и когда обернулся, то замѣтилъ Бонапарта, стоявшаго у задняго мостика (arrière pont) и разговаривающаго съ лордомъ Лоутеромъ, стоявшимъ передъ нимъ безъ головнаго убора. Черезъ секунду они пошли въ нашу сторону, и лордъ Лоутеръ медленно и нерѣшительно накрылся. Подойдя ко мнѣ, Бонапартъ обратился ко мнѣ, принудя меня слѣдовать за нимъ,

и когда мы были въ 3—4 футахъ отъ задняго мостика (arrière pont), онъ завелъ слѣдующій разговоръ:

— Этотъ корабль имѣетъ видъ на спѣхъ снаряженнаго, сказалъ онъ, показывая мнѣ на окраску корабля (окраска была испорченная, а на нѣкоторыхъ мѣстахъ и вовсе отсутствовала).

— Вы правы, генералъ, такъ оно есть на самомъ дѣлѣ, но зато это одинъ изъ лучшихъ нашихъ кораблей; это особенно хорошій парусникъ.

— Могли бы послать другіе корабли, которые были бы въ лучшемъ состояніи. Напримѣръ въ Плимутѣ былъ „Чатамъ“ или „Гремящій“ (Tonnant).

Я на это отвѣтилъ, что состояніе этихъ судовъ мнѣ въ точности неизвѣстно. Они могли бы быть великолѣпны для несенія службы въ Плимутѣ или для крейсерства въ Ламаншѣ, но неспособны вынести плаванія въ открытомъ морѣ. Въ это время взоръ Бонапарта упалъ на офицера, лицо котораго онъ не зналъ, и онъ тотчасъ задалъ вопросъ Бриггаму: кто это? Тотъ отвѣтилъ, что это офицеръ его полка. По этому случаю я пожелалъ узнать, есть ли во французскомъ флотѣ морскіе солдаты. Бонапартъ отвѣтилъ утвердительно. Послѣ этого я завелъ разговоръ о томъ, какъ онъ помѣстился на „Нортумберландѣ“, и пожелалъ, чтобы помѣщеніе пришлось ему по вкусу. Я прибавилъ, что это было бы устроено лучше, если бы имѣлось въ распоряженіи болѣе времени, и что адмиралъ и его офицеры приложатъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать ему пріятнымъ предстоящее путешествіе. Бонапартъ воспользовался этими словами, чтобы излить свои жалобы на наше правительство, сдѣлавшее изъ него плѣнника. Онъ мнѣ сказалъ:

— Вы осквернили вашъ флагъ и національную честь, заточая меня такъ, какъ вы это дѣлаете.

— Относительно васъ не нарушили никакого обѣщанія, и интересъ націи требуетъ, чтобы вы были поставлены въ невозможность вернуться во Францію. И относительно васъ не сдѣлано ни одного стѣсненія, которое не было бы необходимо для выполненія этой цѣли.

— Можетъ быть то, что вы дѣлаете, очень осторожно, но вовсе не великодушно.

— Среди частныхъ лицъ великодушіе умѣстно, но общественный интересъ, генералъ, долженъ руководить поступками нашихъ министровъ, которые отвѣчаютъ передъ націей, требующей вашего помѣщенія въ надежномъ мѣстѣ.

— Вы поступаете, какъ маленькая аристократическая держава, а не какъ свободное большое государство. Я вступилъ на вашу землю, я хотѣлъ жить, какъ простой англійскій гражданинъ.

Я ему возразилъ, что по извѣстіямъ изъ Франціи его партія была еще очень могущественна, и что обстоятельства легко могли повернуться такъ, что его призвали бы снова на тронъ.

— Нѣтъ, моя карьера закончена, возразилъ онъ.

Я напомнилъ ему, что годъ тому назадъ на островѣ Эльба онъ употребилъ то же выраженіе.

— Я былъ тогда государемъ, сказалъ онъ съ живостью.—Я имѣлъ право вести войну. Король Франціи не сдержалъ своихъ обѣщаній.

И весь радостный, покатываясь со смѣху и характерно качая головой, онъ прибавилъ: я воевалъ съ королемъ Франціи, имѣя 600 человѣкъ.

Какъ мы ни удерживались, но мы расхохотались тоже. (Когда я говорю „мы", я имѣю въ виду лорда Лоутера, Бингама и меня). Бингамъ имѣлъ глупость вскорѣ послѣ прибытія Бонапарта на „Нортумберландъ" отправиться на „Гремящаго". Надѣясь, что онъ заговоритъ про Италію, я сказалъ ему, что многіе изъ моихъ соотечественниковъ, узнавъ объ его возвращеніи во Францію, очень удивились, что онъ не высадился въ верхней Италіи.

— Я былъ достаточно хорошо принятъ и во Франціи, отвѣтилъ онъ и сейчасъ же сталъ описывать эту встрѣчу и свое торжественное шествіе, и заключилъ, сказавъ, что четыре милліона крестьянъ встали бы по его призыву. Я ему замѣтилъ, что не оспаривая его обаяніе во Франціи, я думаю, что наборъ не долженъ былъ расположить къ нему крестьянъ.

— Это ваши предразсудки, сказалъ онъ. Франція не истощена.

— Однако законы набора были очень суровы. Вы брали даже единственныхъ сыновей.

— Ахъ, нѣтъ; это ваши предразсудки, химеры!

Затѣмъ онъ возобновилъ жалобы на англійское правительство и сказалъ, что никогда не сдался бы, если бы подозрѣвалъ какъ съ нимъ будутъ обходиться.—Онъ имѣлъ еще много способовъ въ своемъ распоряженіи, прибавилъ онъ, такъ какъ онъ могъ ввѣриться великодушію императора австрійскаго или русскаго императора. Я ему возразилъ:

— Австрія—еще допустимо, но вы позволите мнѣ усумниться въ вашемъ предположеніи объ императорѣ Александрѣ.

Я зналъ, что еще наканунѣ лордъ Кейтъ сообщалъ ему, что было близко къ тому, что Бонапарта выдадутъ русскимъ, на что онъ пожалъ плечами, сказавъ: „Боже сохрани!" Поэтому онъ не очень настаивалъ на своихъ словахъ, объявивъ, если меня не обманываютъ воспоминанія, что императоръ Александръ любитъ французовъ и Францію или что-то въ этомъ родѣ. Онъ добавилъ, что въ случаѣ

чего онъ могъ бы отправиться къ Луарской арміи и въ настоящее время находился бы во главѣ ста тысячъ воиновъ. На мое замѣчаніе, что пруссаки или лордъ Веллингтонъ могли бы его взять въ плѣнъ, онъ сталъ меня убѣждать, что гарнизонъ Рошфора былъ ему вполнѣ преданъ и со слезами на глазахъ предлагалъ его сопровождать въ Бордо, гдѣ онъ нашелъ бы многочисленныя войска, съ помощью которыхъ можно было бы осуществить его планы.

Я не оспаривалъ его положеній и ограничился только замѣчаніемъ, что эта попытка была бы очень рискованной, такъ какъ въ концѣ концовъ союзники имѣли бы численное превосходство. Онъ не возражалъ противъ этого, но утверждалъ, что для конца „было бы съ чѣмъ капитулировать". Я не счелъ нужнымъ оспаривать это положеніе. Затѣмъ Бонапартъ возобновилъ снова свои жалобы на насъ за его плѣненіе, говоря, что это увеличитъ волненіе во Франціи и обезчеститъ насъ въ глазахъ Европы. Въ свою очередь я повторялъ ему основанія, оправдывающія наше поведеніе относительно его. Наконецъ, послѣ увѣренія, что онъ хотѣлъ бы по примѣру братьевъ жить въ дали отъ свѣта, онъ сказалъ:

— Вы не знаете моего характера; вамъ слѣдовало бы довѣриться моему честному слову.

— Посмѣю ли я вамъ сказать всю правду?

— Говорите.

— Ну, такъ надо сказать, что въ Англіи нѣтъ человѣка, который не отнесся бы съ недовѣріемъ къ вамъ и вашимъ обѣщаніямъ, даже самымъ торжественнымъ, со времени захвата вами Испаніи.

— Я былъ позванъ въ Испанію на помощь королю Карлу IV, противъ его сына.

— Мнѣ кажется, это не такъ, а для того, чтобы посадить на тронъ короля Іосифа.

— У меня была своя большая политическая система. Было необходимо устроить противовѣсъ вашему огромному могуществу на морѣ, къ тому же развѣ это не то только, что сдѣлали Бурбоны?

— Но надо сознаться, генералъ, что Франція, какова она была подъ вашей властью, была болѣе грозной, чѣмъ въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV. Къ тому же она и увеличилась.

— Англія тоже сдѣлалась болѣе могущественной (это былъ намекъ на наши колоніи и завоеванія въ восточной Индіи).

— Многіе просвѣщенные люди того мнѣнія, что Англія болѣе теряетъ, чѣмъ пріобрѣтаетъ, владѣя этой отдаленной и чрезмѣрной имперіей.

— Я хотѣлъ омолодить Испанію, сдѣлать многое изъ того, что пытались потомъ сдѣлать кортесы.

Я постарался вернуть его къ существенному вопросу и на-

помнилъ смыслъ трактата, въ силу котораго онъ овладѣлъ Испаніей Совершенно не отвѣчая на мой вопросъ, онъ перешелъ къ другой темѣ, то есть къ протестамъ противъ нашего поведенія относительно его и заключилъ такими словами:

— И такъ, я ошибся. Верните меня въ Рошфоръ. Я не могу точно припомнить, когда именно онъ сказалъ.

— Я хотѣлъ (или я думалъ) приготовить принцу - регенту наиболѣе славную эпоху его царствованія.

Но я ручаюсь за подлинность этого выраженія. Равнымъ образомъ я не знаю точно, когда именно онъ сказалъ:

— Если у васъ было намѣреніе руководствоваться исключительно правилами благоразумія, почему бы вамъ не убить меня? Это было самое вѣрное.

Онъ прервалъ меня, когда я хотѣлъ ему внушить, что наше поведеніе продиктовано политической необходимостью. Какъ скоро я произнесъ послѣднія слова, онъ прибавилъ: „узкая политика". Я ужъ не запомню, сколько разъ онъ повторилъ, что англійское правительство и народъ себя обезчестили. Выраженія: „осквернили свой флагъ, неблагородно имъ воспользовались, относительно меня, потомство васъ осудитъ", были его обычными припѣвами.

Безъ всякаго порядка, такъ какъ они остались въ моей памяти, я приведу здѣсь много интересныхъ мелочей изъ нашего разговора. На мой вопросъ, каково его мнѣніе о Фоксѣ, Бонапартъ отвѣтилъ:

— Я зналъ Фокса; я его видѣлъ въ Тюильри. Онъ не имѣлъ вашихъ предразсудковъ.

— Фоксъ былъ ревностный гражданинъ своей родины, генералъ, но еще онъ былъ всемірнымъ гражданиномъ.

— Онъ былъ искрененъ. Онъ искренно хотѣлъ мира, и я тоже. Его смерть помѣшала заключенію мира. Другіе были неискренны.

Когда заговорили объ императорѣ Александрѣ, онъ неожиданно сказалъ:

— Итакъ въ Англіи не высокаго мнѣнія объ этомъ императорѣ Александрѣ?

Я сказалъ, что это такъ, что это сладенькій человѣкъ, который сумѣлъ польстить и побѣдить нѣсколько тщеславныхъ женщинъ, но что англичане, въ общемъ, не очень его уважали. Я добавилъ, что съ своей стороны не понимаю, какъ можно восторгаться государемъ, который, вопреки столь хваленому великодушію, употребилъ такіе пріемы, чтобъ овладѣть Польшей и Финляндіей. Я не припомню точно, что отвѣчалъ мнѣ на это Бонапартъ.

Чрезъ секунду онъ меня спросилъ, бывалъ ли я въ Петербургѣ когда-нибудь. Я отвѣтилъ, что былъ тамъ прошлую зиму.

— А въ Москвѣ вы были?

— Нѣтъ, генералъ.

Услышавъ это, онъ помолчалъ немного, послѣ чего сказалъ съ замѣтной живостью и суровостью:

— Въ концѣ концовъ не я сжегъ Москву.

Я отвѣтилъ, что никогда не считалъ его способнымъ на такое безуміе, такъ какъ этотъ городъ долженъ былъ служить ему зимними квартирами. Потомъ я снова заговорилъ о Петербургѣ и разсказалъ ему, что многіе обитатели этого города выражались о немъ очень одобрительно, слишкомъ одобрительно, по мнѣнію англичанъ. На это Бонапартъ мнѣ отвѣтилъ:

— А почему же имъ меня ненавидѣть. Я воевалъ съ ними— вотъ и все.

Такъ какъ я ему возражалъ, что по моему мнѣнію онъ началъ войну безъ всякаго вызова, онъ сказалъ:

— Я хотѣлъ возстановить Польшу.

Не начиная объ этомъ спора, я воспользовался случаемъ, чтобы напомнить ему о той привязанности, которую проявили къ нему два поляка. Онъ не потрудился выразить волненія и удовольствовался словами:

— Это славная нація.

По этому поводу я замѣтилъ, что мнѣ очень расхваливали князя Понятовскаго.

Бонапартъ объявилъ, что это была рыцарская душа и прибавилъ.

-- Это былъ настоящій король Польскій.

Я назвалъ затѣмъ О [1]).

— Это измѣнникъ, сказалъ Бонапартъ:

— Вы хотите сказать, онъ былъ и нашимъ и вашимъ? Бонапартъ, не понявъ смысла моихъ словъ, такъ закончилъ свою мысль:

— То есть русской партіи. Это-то мы, поляки, и называемъ измѣнникомъ

Лоутеръ сказалъ Бонапарту, что по поводу Саксоніи я произносилъ рѣчь. Я подтвердилъ это и въ то же время заявилъ, что я не имѣю намѣренія скрывать моего мнѣнія объ этомъ вопросѣ. Я съ давнихъ поръ зналъ привязанность саксонцевъ къ своему королю и считалъ отношеніе къ нимъ союзниковъ тѣмъ болѣе несправедливымъ, что участь Лейпцигской битвы была рѣшена въ ихъ пользу только благодаря разстройству этихъ самыхъ саксонцевъ. Бонапартъ согласился со мной и разсказалъ, что эти 25.000 съ 60-ю или 80-ю пушками,

---

[1]) Рѣчь идетъ, вѣроятно объ Огинскомъ.

повернувшись неожиданно противъ него, не причинили ему никакого вреда въ тотъ день, но на другой день изъ-за этого всѣ планы его рушились и вслѣдствіе этого онъ вынужденъ былъ къ отступленію. Я не припомню, чтобы онъ сказалъ еще что-нибудь о саксонцахъ, но я твердо помню, что въ это время онъ высказалъ такую мысль:

— Это конецъ Баваріи и Рейнскихъ государствъ. Австрія и Пруссія все раздавятъ.

Я отвѣтилъ, что это очень возможно, но что наши выгоды требуютъ увеличенія этихъ двухъ державъ и уничтоженія нѣкоторыхъ другихъ, такъ какъ вліяніе Франціи на маленькія государства было гораздо большее, чѣмъ вліяніе Вѣны или Берлина. Бонапартъ охотно согласился, что наша политика должна имѣть цѣлью уравновѣсить слишкомъ большое значеніе Франціи, и мы должны зорко слѣдить за нею.

Несмотря на всѣ мои усилія Бонапартъ не пожелалъ мнѣ выразить свое мнѣніе о Питтѣ. Онъ сказалъ, что его не знаетъ. Я настаивалъ и спросилъ, что думаетъ онъ о политическихъ принципахъ Питта. Бонапартъ удовольствовался повтореніемъ, что онъ его не знаетъ.

Когда я ему назвалъ Уиндгама, онъ пожелалъ узнать, идетъ ли рѣчь о бывшемъ военномъ министрѣ. Я отвѣчалъ утвердительно, на чтò онъ объявилъ:

— Это человѣкъ большихъ способностей, но одинъ изъ самыхъ неумолимыхъ моихъ враговъ.

-- Это ученикъ Бурке, отвѣчалъ я.

Бонапартъ согласился со мной, и разговоръ замеръ. По поводу Булонской флотиліи Бонапартъ сказалъ, что это была только хитрость, а что онъ думалъ попытать высадку въ Англію съ помощію большихъ судовъ, эскадрами Бреста и Ферроля. Я ужъ не припомню, когда именно онъ высказалъ такую мысль:

— Я не говорю, что мысль погубить Англію никогда не приходила мнѣ въ голову. Въ двадцать-то лѣтъ войны! (говоря это, онъ качалъ головой). Но, спохватившись, онъ прибавилъ:

— То есть погубить—нѣтъ, а ослабить. Я хотѣлъ принудить васъ быть справедливѣе или по крайней мѣрѣ менѣе несправедливыми.

Потомъ онъ защищалъ континентальную систему, говоря, что она была вызвана рѣшеніемъ нашего тайнаго совѣта. Я ему замѣтилъ, что Берлинскій и Миланскій декреты предшествовали ему, но онъ тотчасъ возразилъ, что они были послѣ блокады Эльбы и Везера лордомъ Греемъ.

Я хотѣлъ продолжать споръ, но Бонапартъ далъ другой оборотъ

нашему разговору, замѣтивъ, что все-таки мы одни были причиной, что миръ не былъ заключенъ въ то время, когда лордъ Лаудердаль былъ въ Парижѣ (до боя подъ Іеной). Если бы мы вступили въ это время въ переговоры, то не было бы войны съ Пруссіей и т. д. и т. д.

Я спросилъ Бонапарта его мнѣніе объ адмиралѣ Чичаговѣ. Онъ отвѣтилъ, что это—храбрый солдатъ. Я замѣтилъ, что при Березинѣ этотъ генералъ располагалъ всего 24.000 человѣкъ, изъ которыхъ 8.000 всадниковъ, которыми онъ не могъ воспользоваться. Этого было слишкомъ мало, чтобы его остановить. По этому поводу Бонапартъ углубился въ подробности и техническія объясненія, которыя ускользнули отъ моего пониманія. Чтобы помѣшать ему идти въ этомъ направленіи, въ которомъ я не могъ за нимъ слѣдовать, я поторопился намекнуть, что Кутузовъ совершилъ ошибку, посылая въ ту сторону такъ мало людей, ибо Чичаговъ былъ бы раздавленъ арміею Шварценберга, если бы этотъ послѣдній, по причинамъ извѣстнымъ Наполеону лучше, чѣмъ кому-либо другому—не счелъ бы за лучшее не атаковать Чичагова. Качая головой и улыбаясь, Бонапартъ удовольствовался, сказавъ:

— Они уже были сговорившись.

Мы затронули вопросъ о Бельгіи. Соглашаясь со мной, Бонапартъ заявилъ, что прямой нашъ интересъ былъ укрѣпить эту державу. Сдѣлавъ предположеніе, совершенно произвольное, впрочемъ, что мы, вѣроятно, согласились бы на присоединеніе Бельгіи къ Франціи, при условіи, чтобы Антверпенъ былъ исключенъ, Бонапартъ сказалъ, что этотъ послѣдній былъ наибольшей угрозой для Англіи. Послѣ этого Бонапартъ заявилъ, что теперешнее наше положеніе чрезвычайно сильно, но тѣмъ не менѣе оно представляетъ и извѣстныя невыгоды, „такъ какъ мы были въ первой очереди въ случаѣ войны". Онъ добавилъ, что если съ одной стороны мы имѣемъ преимущественное значеніе во всемъ томъ, что происходитъ въ Европѣ, то съ другой стороны при первомъ ружейномъ выстрѣлѣ мы неизбѣжно должны вмѣшаться въ дѣло.

Такъ какъ Бонапартъ еще разъ сталъ порицать наше поведеніе относительно него, я заговорилъ съ большою осторожностью о битвѣ подъ Ватерлоо и замѣтилъ, что три или четыре раза успѣхъ боя становился сомнительнымъ. Послѣ этого я спросилъ, какого онъ мнѣнія объ англійской пѣхотѣ.

— Англійская пѣхота очень хороша, отвѣтилъ онъ мнѣ тономъ, особенно значительнымъ.

— А относительно французской пѣхоты?

— Французская пѣхота тоже хороша.

— Для штыковаго удара?

— Французская пѣхота хороша и для штыковаго удара. Много зависитъ отъ руководительства.

— А инженерныя войска? А артиллерія?

— Всѣ они хороши, очень хороши.

— Это вамъ, генералъ, мы обязаны нашими успѣхами въ военномъ искусствѣ.

— Нельзя воевать, не становясь воиномъ. Исторія всѣхъ странъ учитъ насъ этому.

Въ началѣ нашего разговора я спросилъ Бонапарта, доволенъ ли онъ тѣмъ, что могъ взять съ собой такое большое число своихъ офицеровъ.

— Три-четыре человѣка! Вы называете это большимъ числомъ?— замѣтилъ онъ, пожимая плечами.

Потомъ онъ заговорилъ о св. Еленѣ: „желѣзный островъ, откуда невозможно бѣжать“, и климатъ котораго изъ самыхъ нездоровыхъ.

Я оспаривалъ, основываясь на прочтенномъ и на разсказахъ многихъ моихъ знакомыхъ, побывавшихъ тамъ,—послѣднее утвержденіе. Переходя къ другой темѣ, Наполеонъ замѣтилъ, что въ настоящее время Франція была въ положеніи, свойственномъ всякой странѣ, которой имѣютъ смѣлость „навязывать короля чужеземной силой“.

— Бурбоны не будутъ пытаться возстановить рабство. Это было бы съ ихъ стороны не только не политично, но и безчеловѣчно.

Я его спросилъ, читалъ ли онъ Сисмонди, но не помню, что онъ мнѣ на это отвѣтилъ.

Наконецъ, нашъ разговоръ коснулся химіи, потому что Бонапартъ упомянулъ, что земледѣліе во Франціи было въ цвѣтущемъ состояніи—что совершенно вѣрно, и промышленность тоже благоденствуетъ. Противъ послѣдняго я сдѣлалъ нѣсколько возраженій, указывая, что мѣстоположеніе Ліона—дурно, но Бонапартъ въ этомъ не признался. Отчасти соглашаясь, онъ сказалъ, что очевидно торговля пострадала. Во всякомъ случаѣ онъ утверждалъ, что внутренніе источники страны были вполнѣ достаточны, что открытія въ области химіи повели къ производству на мѣстѣ многаго изъ того, что составляло предметъ ввоза, примѣръ тому—свекловичный сахаръ. По этому поводу Бонапартъ указалъ, что фунтъ этого сахара стоилъ 15 пенсовъ, т. е. на много дешевле тростниковаго сахара, на который онъ наложилъ необычайно высокія пошлины. Въ силу этого онъ утверждалъ, что имѣетъ двойной выигрышъ, такъ какъ пошлина, оплачиваемая богатыми, предпочитавшими колоніальный сахаръ, приносила значительную сумму государству, а съ другой стороны, это оживило народную промышленность.

Разгорячаясь по мѣрѣ этого разговора, Бонапартъ сказалъ, что въ настоящее время индиго фабрикуется изъ пастели (pastel) и что онъ возобновилъ законъ времени Генриха IV, запрещающій ввозъ индиго.

— Въ Англіи, сказалъ онъ, много занимаются химіей. Эта наука въ почетѣ, въ головахъ, въ институтѣ, но народъ ее не знаетъ и не можетъ воспользоваться ею практически, какъ это дѣлается во Франціи.

Онъ упомянулъ о Гумфри Деви, но не высказалъ о немъ мнѣнія.

Во все время нашего разговора онъ оставался неподвижнымъ близъ задней палубы и, обернувшись туда лицомъ, какъ бы выражалъ этимъ твердое намѣреніе бесѣдовать исключительно съ нами, а не съ многочисленными лицами, собранными на мосту (pont).

Наконецъ, онъ насъ покинулъ въ тотъ моментъ, когда мы этого меньше всего ожидали. Поднявъ глаза къ небу, онъ вдругъ сказалъ:

— Какъ будто свѣжо.

И онъ ушелъ въ каюту на цыпочкахъ маленькими шагами. Сперва мы удивленно переглянулись, а потомъ употребили всѣ усилія, чтобы не прыснуть со смѣху.

Во все время этого разнообразнаго и продолжительнаго разговора,— онъ длился около двухъ часовъ—Бонапартъ сохранялъ полнѣйшее спокойствіе. Онъ не проявилъ ни нетерпѣнія, ни волненія. Выраженія его иногда были рѣзки, но говорилъ онъ спокойно, не возвышая голосъ и не жестикулируя, какъ это обычно дѣлаютъ итальянцы и французы. Однимъ словомъ, онъ держалъ себя такъ, что не выдавалъ ничѣмъ ни волненія, ни угнетенія. Онъ казался вполнѣ владѣющимъ собой.

Что меня болѣе всего поразило, это—твердость его опредѣленій, зачастую тонкихъ и сильныхъ.

Вообще я того мнѣнія, что онъ умѣлый ораторъ гораздо болѣе, чѣмъ основательный аргументаторъ. Это скорѣе ловкій софистъ, чѣмъ хорошій логикъ. Его софизмы ни достаточно глубоки, ни достаточно умно разработаны, чтобы сбить разсудительнаго человѣка. Они имѣютъ нѣчто простонародное, что въ глазахъ его сторонниковъ должно было украшать многіе его поступки. Если мнѣ позволено судить по себѣ, я скажу что у Бонапарта не хватаетъ умѣнія овладѣть довѣріемъ слушателей, потому что они не знаютъ, то ли онъ говоритъ, что думаетъ. Съ своей стороны ни минуты не вѣрилъ въ его искренность.

Даже тогда, когда онъ жаловался на поступки нашего правительства, казалось, онъ говорилъ вовсе не серьезно и не былъ убѣж-

денъ въ правотѣ того, что говорилъ. Онъ боролся только для формы.

Несмотря на это, мнѣ было пріятно видѣть это зрѣлище, и я соглашаюсь, что невозможно не залюбоваться его спокойствіемъ, ловкостью, оригинальностью, самообладаніемъ и въ то же время его умомъ и любезностью. Какъ я ужъ замѣтилъ, онъ не былъ ни грубъ, ни невѣжливъ; но съ другой стороны онъ не соблюдалъ относительно насъ и общепринятыхъ формъ обращенія. Такъ я замѣтилъ, что, разговаривая съ лордомъ Лоутеромъ и со мной, онъ никогда не употребилъ соотвѣтствующаго выраженія „mylord" или „monsieur". Вообще онъ не употребилъ ни одного выраженія, принятаго въ разговорѣ.

Листки изъ воспоминаній баронессы дю Монте[1]).

Баронесса Александрина дю Монте (р. 1785 † 1866) происходила изъ старинной аристократической фамиліи Вандеи. Когда ей было шесть лѣтъ отъ роду, ея родители были вынуждены эмигрировать, и она всегда вспоминала съ грустью о времени, проведенномъ ея семьей въ Германіи, гдѣ эмигрантамъ пришлось испытать всевозможныя преслѣдованія и непріятности.

Она получила воспитаніе въ Вѣнѣ, въ монастырѣ de la Visitation (посѣщеніе Богородицею св. Елисаветы), гдѣ одновременно съ нею воспитывалось много дѣвушекъ изъ высшаго общества, съ которыми у нея завязались тогда же прочныя дружескія отношенія.

Въ 1801 г., когда для эмигрантовъ миновали тяжелые годы, молодая дѣвушка возвратилась со своими родителями во Францію. Земли ихъ были проданы, замокъ сожженъ, тѣмъ не менѣе они были рады вернуться на родину. Девять лѣтъ спустя, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1810 г., Александрина Прево де ла Бутетьеръ де Сенъ Марсъ (Prévost de la Boutetière de Saint Mars) снова отправилась въ Вѣну, гдѣ она была обвѣнчана съ барономъ дю Монте, эмигрантомъ, также какъ и она получившимъ образованіе въ Вѣнѣ, который служилъ офицеромъ въ австрійской арміи, за что онъ, какъ французъ, поступившій на иностранную службу, былъ приговоренъ Наполеономъ къ смерти, вслѣдствіе чего онъ и не могъ пріѣхать за своей невѣстой во Францію.

---

[1]) Souvenirs de la baronne du Montet 1785—1866. Paris. 1904.

По выходѣ замужъ, баронесса дю Монте создала себѣ прочныя связи въ аристократическомъ кругу, къ которому принадлежалъ ея мужъ, бывшій въ то время камергеромъ императора австрійскаго, и ее очень цѣнили при блестящемъ вѣнскомъ дворѣ, гдѣ она встрѣтила всѣхъ своихъ монастырскихъ подругъ; благодаря ея граціи, любезности и безупречной репутаціи, передъ нею открылись всѣ двери. Въ Вѣнѣ прошелъ самый интересный періодъ жизни г-жи дю Монте; на ея глазахъ протекали самые важные эпизоды той богатой событіями и бурной эпохи; будучи участницей всѣхъ празднествъ и великосвѣтскихъ пріемовъ, она видѣла вблизи не мало выдающихся, замѣчательныхъ личностей.

Однако, несмотря на видное положеніе, которое они занимали въ высшемъ вѣнскомъ обществѣ, баронессу дю Монте и ея мужа тянуло во Францію: въ 1824 г. они простились съ Австріей и поселились въ Нанси, на родинѣ барона дю Монте, гдѣ его супруга, овдовѣвшая въ 1841 г., прожила безвыѣздно сорокъ два года, ни разу не пожалѣвъ о шумной свѣтской жизни, къ которой она никогда не чувствовала особеннаго влеченія.

Домъ г-жи дю Монте въ Нанси былъ всегда широко открытъ для ея друзей, которые относились къ ней съ неизмѣннымъ уваженіемъ. Когда кому-либо изъ значительныхъ лицъ приходилось, проѣздомъ, изъ Парижа или Вѣны, быть въ Нанси, то первый визитъ былъ всегда къ баронессѣ дю Монте, которая внимательно слѣдила за всѣмъ и умѣла всякому отдать должное по заслугамъ.

Окруженная друзьями и родными (дѣтей отъ брака съ барономъ дю Монте у нея не было), старушка любила разсказывать, вспоминать прошлое и подъ конецъ жизни, уступая просьбамъ друзей, привела въ порядокъ многочисленныя замѣтки, которыя она набрасывала въ теченіе своей долгой жизни и которыя, составивъ довольно объемистый томъ, были изданы въ прошломъ году въ Парижѣ ея внучатымъ племянникомъ графомъ де ла Бутетьеръ.

Полныя своеобразной прелести, носящія отпечатокъ старины, ея воспоминанія написаны безпритязательно и представляютъ собою не связный разсказъ, а отрывочныя, случайно набросанныя замѣтки, въ которыхъ она то передаетъ случайно заинтересовавшій ее анекдотъ, то набрасываетъ чей-либо портретъ, то заноситъ какой-либо любопытный или лично ее заинтересовавшій эпизодъ изъ своей богатой впечатлѣніями жизни.

I.

Вступленіе въ свѣтъ.—Мистификація.—Наполеонъ въ Дрезденѣ.—Нарбонъ.—Торжественное молебствіе.—Конгрессъ.—Вѣнскія празднества.—Поэтъ Вернаръ.—Вступленіе союзниковъ въ Парижъ.—Письмо в. к. Екатерины Павловны.—Торжественная панихида по Людовикѣ XVI въ 1815 году.—Балъ во время конгресса.—Бѣгство Наполеона съ Эльбы.—Марія-Луиза въ Баденѣ.—Принцесса Уэльская.—Герцогъ Рейхштадтскій.—Бразильская императрица.—Салонъ князя Разумовскаго.—Вечеръ у графини Ржевусской.—Графъ Каподистрія.—Сюрпризъ.—Аврора де Морассе.

Въ то время, какъ я вышла изъ монастыря, въ высшемъ обществѣ придерживались еще многихъ старинныхъ обычаевъ, которые начали, впрочемъ, мало по малу измѣняться; въ прежнее время высшая вѣнская аристократія такъ строго подчинялась самымъ мелочнымъ правиламъ этикета, что для великосвѣтской дамы, какъ говорили въ шутку, весна олицетворялась въ нѣсколькихъ горшкахъ гвоздики, ибо обычай воспрещалъ имъ появляться въ Пратерѣ раньше 1-го мая, да и то онѣ не могли гулять по парку пѣшкомъ. Въ настоящее время все это измѣнилось. Польское общество и нѣсколько блестящихъ французскихъ эмигрантовъ, какъ-то: Ришелье, Ланжеронъ, Роже де Дамасъ, придерживались уже совершенно иныхъ взглядовъ, но въ чисто-нѣмецкихъ домахъ царилъ по-прежнему этикетъ и натянутость.

Я вспоминаю гостепріимный домъ княгини Крозалковичъ, гдѣ насъ принимали съ самой трогательной добротою и любезностью, несмотря на то, что „мы были француженки“: я подчеркиваю эти слова потому, что послѣ революціи, наступившей вслѣдъ за вѣкомъ Людовика XV, отличавшимся крайней распущенностью нравовъ, Франція и французы сдѣлались въ глазахъ нѣмцевъ какимъ-то пугаломъ, внушавшимъ всѣмъ отвращеніе. Домъ княгини Крозалковичъ, рожденной княжны Эстергази, бабушки одной изъ нашихъ монастырскихъ подругъ, велся, какъ въ былыя времена, на большую ногу; когда мои родители, приглашенные къ княгинѣ на обѣдъ, пріѣхали къ ней вмѣстѣ съ нами, то намъ пришлось испытать на себѣ высокомѣрное обращеніе швейцара, который никакъ не рѣшался впустить французовъ въ домъ княгини; но остальная прислуга держала себя очень почтительно, и многочисленные выѣздные и комнатные лакеи и карликъ, столь же неизбѣжный въ то время во всякомъ большомъ домѣ, какъ попугай въ вызолоченной клѣткѣ, низко сгибали передъ нами спину.

Несмотря на то, что въ Германіи относились, въ то время, къ французамъ, какъ я уже сказала, весьма недоброжелательно, единственнымъ языкомъ, принятымъ въ нашемъ обществѣ, былъ французскій, и вѣнская аристократія говорила и писала на немъ такъ сво-

бодно и безукоризненно, какъ рѣдко можно было встрѣтить даже во Франціи.

Графъ Хотекъ, графы Вальдштейнъ, Вальцекъ, князья Штармбергъ, Дитрихштейнъ, Клари, словомъ, всѣ безъ исключенія сановники отличались самыми изысканными манерами; женщины не уступали мужчинамъ; всѣ онѣ были истыя знатныя дамы, гордыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ простыя и благожелательныя въ обхожденіи.

Первымъ по знатности, пышности и аристократичности былъ домъ знаменитаго князя Кауница, министра императрицы Маріи Терезіи и ея сына, императора Іосифа II. Оно и не удивительно; но очень странной должна была показаться всякому постороннему оригинальная забава, которую князь позволялъ себѣ въ тѣ дни, когда у него были приглашены къ столу запросто только одни родные и близкіе: двое изъ его завсегдатаевъ начинали во время обѣда спорить о выдающихся достоинствахъ князя.

— Самое выдающееся качество его сіятельства—это щедрость, говорилъ одинъ.

— Вы ошибаетесь, возражалъ другой, это его храбрость и т. д.

Такимъ образомъ перечислялись всевозможныя крупныя и мелкія добродѣтели, всѣ испытанные или предполагаемые таланты перваго министра; льстецы воодушевлялись, стараясь доказать наперерывъ справедливость своихъ словъ, а князь покатывался со смѣха. Меня увѣряли, что эта странная забава никогда не наскучала ему.

Не помню, когда именно это было, что принцъ де Линь и маркизъ де Бонне вздумали подшутить надъ графиней Потоцкой, супругой великаго короннаго писаря.

Графиня была глубоко предана французской королевской семьѣ, можно сказать, преклонялась передъ ней; въ ея домѣ бывали всѣ знатные эмигранты. За нѣсколько недѣль до дня, назначеннаго для этой скверной шутки, въ обществѣ начали распространять слухъ, будто въ Вѣну ожидаютъ пріѣзда герцога Ангулемскаго; обсуждались всѣ трудности и препятствія, какія могли встрѣтиться ему въ пути, обсуждали предполагаемый его маршрутъ и успѣли убѣдить Потоцкую и ея посѣтителей въ томъ, что герцогъ могъ пріѣхать съ минуты на минуту. И дѣйствительно, въ одинъ прекрасный день маркизъ де Бонне, взволнованный и смущенный, явился къ графинѣ съ извѣстіемъ, что герцогъ Ангулемскій, которому было разрѣшено пробыть въ Вѣнѣ не болѣе сутокъ, будетъ въ тотъ же вечеръ ужинать у нея. Графиня была внѣ себя отъ радости и захотѣла обставить пріемъ возможно торжественнѣе и тѣмъ доказать свое уваженіе къ принцу. У нея была цѣлая толпа слугъ, но ей показалось этого мало; ея родственники и друзья прислали къ ней своихъ слугъ. Сорокъ лакеевъ

съ зажженными факелами были разставлены шпалерами на лѣстницѣ и въ обширныхъ переднихъ; роскошные салоны графини были ярко освѣщены и заставлены цвѣтами; къ тому моменту, когда долженъ былъ появиться мнимый герцогъ Ангулемскій, уже собралось многочисленное и изящное общество. Роль герцога взялъ на себя молоденькій офицеръ изъ полка принца де Линь, Мюссей (Mussey); онъ обладалъ красивой, представительной наружностью; принцъ Лотарингскій одолжилъ ему голубую ленту.

Мюссей предварительно упражнялся, чтобы выполнить свою роль достойнымъ образомъ; онъ вошелъ, какъ подобало принцу, съ большимъ достоинствомъ выслушалъ почтительное и трогательное привѣтствіе графини и ея изъявленіе въ преданности.

Но онъ былъ крайне смущенъ, замѣтивъ въ дверяхъ одной изъ гостиной, чрезъ которую ему приходилось пройти въ зало, гдѣ собралось многочисленное общество, одного эмигранта, съ которымъ онъ былъ хорошо знакомъ и съ которымъ даже недавно имѣлъ ссору; эмигрантъ этотъ, не пользовавшійся особенно хорошей репутаціей, не былъ приглашенъ Потоцкой къ ужину. Узнавъ о пріѣздѣ принца, онъ былъ крайне этимъ недоволенъ, и на его лицѣ ясно отражалась досада по поводу того, что онъ не могъ остаться. Онъ окинулъ де Мюссея пытливымъ взглядомъ; тотъ считалъ себя изобличеннымъ; но, къ величайшему его изумленію, эмигрантъ, поспѣшно прислонившись къ стѣнѣ, отдалъ ему такой почтительный, глубокій и низкій поклонъ, что онъ вполнѣ успокоился.

Войдя въ большое зало, гдѣ всѣ приглашенные окружали его, Мюссей обошелъ зало, сказавъ каждому нѣсколько привѣтливыхъ и благосклонныхъ словъ; въ концѣ-концовъ, какъ онъ самъ говорилъ впослѣдствіи, онъ проникся убѣжденіемъ, что онъ былъ на самомъ дѣлѣ герцогъ.

За ужиномъ, князь С... на колѣняхъ подавалъ пить мнимому герцогу Ангулемскому, который поспѣшилъ поднять его.

Нѣсколько польскихъ магнатовъ бесѣдовали съ нимъ о своихъ планахъ и намѣреніяхъ и выразили ему надежду возвести его со временемъ на польскій престолъ, когда онъ будетъ возстановленъ. Дамы выражали свое умиленіе и восторгъ, магнаты великодушно и съ рыцарской готовностью высказывали герцогу свою готовность служить ему. Словомъ, иллюзія была полная, и никто не обращалъ вниманіе на принца де Линь и маркиза де Бонне, которые, сидя на диванѣ, покатывались со смѣху, видя, какъ удалась ихъ шутка.

Она имѣла для Мюссе самыя печальныя послѣдствія. Эмигрантъ, не приглашенный графиней Потоцкой къ ужину, былъ прихлебателемъ въ домѣ барона Тугута; на другой день послѣ этой сцены онъ

обѣдалъ у него и конечно поспѣшилъ разсказать ему о пріѣздѣ герцога Ангулемскаго. Тугутъ слушалъ его, пожимая плечами. „Вамъ это приснилось, другъ мой“, сказалъ онъ.

— Приснилось, воскликнулъ задѣтый за живое эмигрантъ, въ такомъ случаѣ это приснилось и многимъ другимъ.

Онъ разсказалъ о блестящемъ пріемѣ, устроенномъ герцогу графиней Потоцкой, и передалъ все съ такими подробностями, что министръ не могъ далѣе сомнѣваться въ истинѣ его словъ, тѣмъ болѣе, что эмигрантъ увѣрялъ, что онъ хорошо знаетъ молодаго герцога. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ видѣлъ именно его. Тотчасъ былъ посланъ строжайшій выговоръ министру полиціи и офицеру, который былъ наканунѣ дежурнымъ у городскихъ воротъ. Тугутъ внѣ себя отъ ярости вышелъ изъ-за стола и поспѣшилъ къ императору, чтобы доложить ему о происшедшемъ. Послѣдствіемъ этой глупой шутки было то, что Мюссей былъ строго наказанъ. Тугутъ не любилъ мистификацій, и военная карьера молодаго офицера была окончена.

Сюда пріѣхала графиня Марія Потоцкая, рожденная Ржевусская, и баронъ Фельцъ. Они разсказываютъ, что Наполеонъ встрѣтилъ императора австрійскаго, пріѣхавшаго въ Дрезденъ, на лѣстницѣ, обнялъ его и поцѣловалъ руку своей тещѣ, императрицѣ. Она была очаровательна, какъ всегда (это была третья жена Франца II, принцесса Моденская, Марія Беатриса), Наполеонъ сѣлъ за столъ подлѣ нея; онъ ею очарованъ, Марія-Луиза вовсе не страдаетъ такимъ упадкомъ силъ, какъ говорили; она похудѣла и поэтому очень похорошѣла. Она подарила своей матери серебряный вызолоченный туалетный приборъ и дюжину платьевъ. Подарокъ не особенно царскій. Намъ пишутъ, что Наполеонъ былъ очень не въ духѣ и былъ любезенъ только съ императрицей австрійской, которую онъ находитъ очаровательной.

Поговариваютъ о пріѣздѣ въ Прагу французской императрицы; готовятъ помѣщеніе для двухъ сотъ человѣкъ ея свиты, которая будетъ роскошная.

Вчера мы провели время восхитительно; у насъ были: княгиня Любомірская, Сентъ Пріестъ и мой дядя. Разговоръ былъ оживленный. Я люблю политическую болтовню: Наполеонъ принималъ своего тестя въ Дрезденѣ, благодарилъ г-жу Лазанскую за воспитаніе, данное его супругѣ; посмѣялся, говорятъ, немного надъ графомъ Францомъ Зичи, который отвѣтилъ ему: Oui, Votre Majesté! Императоръ далъ Маріи-Луизѣ полную свободу побесѣдовать съ отцомъ. Ихъ свиданіе было весьма трогательное. Король прусскій также хотѣлъ пріѣхать въ Дрезденъ, но ему сказали, что это „семейное свиданіе“.

Вопросъ о поѣздкѣ Маріи-Луизы въ Прагу окончательно рѣшенъ; ее посѣтятъ тамъ всѣ принцы и принцессы.

Говорятъ о заключеніи мира и о прокламаціи Наполеона къ арміи, въ которой онъ заявляетъ, что 15-го іюля онъ будетъ въ Петербургѣ. Гдѣ онъ положитъ предѣлъ развитію Русской имперіи?

Вчера пріѣхали изъ Дорнбаха на лошадяхъ князь и княгиня Лихновскіе. Князь привезъ съ собою письмо, полученное имъ изъ Дрездена, съ очень любопытными подробностями. Тамъ былъ сожженъ фейерверкъ, посреди котораго сіяло громадное солнце, съ девизомъ: „Онъ (Наполеонъ) великолѣпнѣе и величественнѣе его". Наполеонъ сказалъ вслухъ: „Должно быть, эти люди считаютъ меня очень глупымъ". Король саксонскій далъ великолѣпный обѣдъ; Наполеону наскучило сидѣть дома за столомъ и, не ожидая конца обѣда, онъ попросилъ дессерта. Король сдѣлалъ ему какое-то замѣчаніе, на которое онъ отвѣтилъ, попросивъ кофе. Графу Фр. Зичи, который былъ въ блестящемъ мундирѣ венгерской гвардіи, императоръ сказалъ:

— У васъ великолѣпный мундиръ и при томъ очень удобный, такъ какъ онъ не годится для войска ни въ мирное, ни въ военное время.

Князя Кинскаго онъ спросилъ, откуда его жена родомъ?

— Она родилась въ Имперіи, ваше величество.

— Въ какой имперіи?

— Ея родина Кобленцъ, ваше величество.

— Ну такъ скажите, что она француженка.

Марія-Луиза очень плакала, разставаясь съ Наполеономъ. Въ настоящее время она въ Прагѣ. Она искренно любитъ его. Она очень похорошѣла; ея фигура стала изящна, т. е. неузнаваема. У нея теперь прекрасная талья и очаровательная маленькая ножка. Ея свита роскошна: однихъ камердинеровъ и лакеевъ при ней 150 человѣкъ! У императора австрійскаго ихъ всего два. Австрійская императрица появлялась все время въ венгерскомъ костюмѣ, который ей очень къ лицу; быть можетъ, это дѣлалось съ цѣлью избѣгнуть соперничества въ нарядахъ: венгерскій костюмъ роскошнѣе и изящнѣе современныхъ модъ.

Передаютъ баснословные разсказы о роскоши, какой Марія-Луиза окружена въ Прагѣ. Она холодна, серьезна, говоритъ мало. Но какое у нея помѣщеніе! Какая золотая посуда! Какіе бриллiанты! Какой прекрасный столъ! Какое множество прислуги! Сколько знатныхъ лицъ! Сколько славныхъ именъ! Какая огромная свита!

Императрицу австрійскую всѣ обожаютъ; она держитъ себя очень привѣтливо и съ большимъ достоинствомъ.

Марія-Луиза пріѣхала въ Прагу въ короткой туникѣ, сдѣланной

изъ очень дорогой матеріи, напоминающей тѣ туники, которыя надѣваютъ для путешествій театральныя королевы.

Марія-Луиза показала принцу де-Линь портретъ своего сына; онъ сказалъ ей, у него въ глазахъ есть что-то воинственное.

„Нѣтъ, возразила Марія-Луиза, онъ также миролюбивъ, какъ я". Было бы смѣшно, если бы сынъ Наполеона былъ добрый малый.

Въ Дрезденѣ Наполеонъ обошелся очень рѣзко съ графомъ Зичи, очевидно какъ съ венгерцемъ, такъ какъ онъ былъ тамъ единственный представитель этой націи. Когда Зичи сказалъ, что онъ служилъ въ венгерской инсуррекціонной арміи, то Наполеонъ замѣтилъ съ досадой, что „это войско никогда не видѣло въ глаза непріятеля". Зичи возразилъ, что объ немъ упомянуто въ конституціи, на что императоръ замѣтилъ: „Ваша конституція не соотвѣтствуетъ болѣе ни государственной системѣ, ни современнымъ нравамъ".

Эрцгерцогъ Карлъ, возвратясь въ Прагу, говорилъ, что онъ такъ усталъ въ Дрезденѣ отъ постояннаго ношенія мундира и отъ этикета, который приходилось соблюдать, что онъ скорѣе согласился бы участвовать въ двухъ сраженіяхъ.

Французы и русскіе приписываютъ себѣ побѣду въ сраженіи подъ Люценомъ, 21-го числа. Въ Дрезденѣ и во всей Саксоніи страшный голодъ.

Подробности, которыя передаютъ объ этомъ бѣдствіи, заставляютъ содрагаться. Наполеонъ выписываетъ для своихъ солдатъ по почтѣ хлѣбъ изъ Нюренберга. Казаки изжарили шесть тысячъ чудныхъ королевскихъ барановъ мериносовъ.

Наполеонъ подарилъ графу Бубна табакерку; онъ бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько часовъ и, говоря о русскихъ и прусскихъ солдатахъ, сказалъ: „эти люди дерутся какъ черти; но не умѣютъ маневрировать".

Возможно ли представить себѣ болѣе поразительное событіе, болѣе суровое возмездіе! На той самой площади, гдѣ былъ воздвигнутъ эшафотъ для короля, человѣка самаго добродѣтельнаго и святаго; на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ обезглавленъ Людовикъ XVI, когда французы рѣшили, что король имъ болѣе не нуженъ; на этой маленькой площади, гдѣ стояла гильотина, былъ сооруженъ алтарь изъ трофеевъ, взятыхъ на полѣ битвы, и вокругъ него стояли всѣ монархи Европы. Провидѣніе, великое и грозное въ своей мстительности, дало революціонерамъ страшный урокъ: оно привело европейскихъ монарховъ на мѣсто казни Людовика XVI. И они отслужили благодарственное молебствіе по случаю одержанной ими побѣды и торжества ихъ оружія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ король испустилъ послѣдній вздохъ. Громогласное „ура!", провозглашенное войсками неограниченныхъ монарховъ, огласило площадь, гдѣ раздавался нѣкогда грозный крикъ: „Смерть королю, да здравствуетъ республика!"

Мы повергаемся ницъ передъ велѣніями судьбы, мы оплакиваемъ горькими слезами ужасное прошлое, настоящее искупленіе и грядущія бѣдствія, предстоящія нашей родинѣ. Когда для націи настаетъ часъ искупленія, онъ возвѣщается народу похороннымъ звономъ.

Сегодня въ ночь скончалась въ Гецендорфскомъ замкѣ королева Неаполитанская.

Простой гробъ съ ея останками поставленъ на высокій катафалкъ, вокругъ котораго стоятъ огромныя свѣчи; въ ногахъ у нея лежитъ маленькій ларецъ съ ея внутренностями, а съ правой стороны гроба, на бархатной подушкѣ, орденскіе знаки de la Croix Etoilée, пара бѣлыхъ перчатокъ и вѣеръ: таковъ старинный обычай.

Королева, полагавшая, что она умретъ въ Неаполѣ, приказала повѣсить въ склепѣ Капуцинскаго монастыря, въ Вѣнѣ, свой портретъ съ трогательной надписью, въ которой она выражала свое сожалѣніе по поводу того, что она не будетъ лежать подлѣ своихъ августѣйшихъ родителей. Эта предусмотрительность оказалась излишней; останки королевы погребены въ монастырѣ Капуциновъ.

Королева Неаполитанская уже почти всѣми забыта. Я видѣла вчера адмирала Превилля, состоящаго на неаполитанской службѣ, который былъ искренне преданъ ей и свято чтитъ ея память.

Королеву обвиняли обыкновенно въ томъ, что ужасныя казни, совершенныя въ Неаполѣ въ 1799 г., дѣлались по ея приказанію; по словамъ Превилля, это совершенно ложно. Онѣ совершены по приказанію Актона и Нельсона. Королева по этому поводу даже поссорилась съ королемъ; а вся Европа осуждаетъ ее за чрезмѣрную жестокость. Превилль первый опровергъ эту клевету. Это не царедворецъ, а человѣкъ высоко честный, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Это лѣто императрица Марія-Луиза часто видѣла королеву, свою бабушку, и приводила къ ней своего сына, маленькаго Наполеона. Королева ни разу не назвала его иначе, какъ „mon petit monsieur"[1]). Когда ей стало извѣстно о бракѣ эрцгерцогини съ Наполеономъ, она воскликнула: „Въ довершеніе всѣхъ моихъ бѣдствій мнѣ недоставало только быть бабушкой чорта". Она уже говорила о Наполеонѣ, что „у него въ сердцѣ адъ, а въ головѣ хаосъ".

---

[1]) Это прелестный ребенокъ. Всѣ его игры имѣютъ воинственный характеръ; однажды его посѣтили англійскія дамы въ то время, какъ онъ игралъ въ солдатики; онѣ любезно построились противъ него въ линію, какъ непріятель; онъ сдѣлалъ видъ, что стрѣляетъ; тогда онѣ сдѣлали видъ, что онъ попалъ въ цѣль, и упали; онъ былъ въ восторгѣ. Во время своихъ игръ онъ часто повторяетъ: „закройте ворота!" Это отголосокъ послѣднихъ часовъ, проведенныхъ имъ въ Тюильри.

Монархи съѣзжаются на конгрессъ въ Вѣну, гдѣ сдѣланы обширныя приготовленія для ихъ торжественнаго пріема, который будетъ отмѣченъ невиданной доселѣ роскошью. Я видѣла сегодня въѣздъ русскаго императора и короля прусскаго. Я была у графини Сарры де Брюжъ; ея балконъ выходитъ на улицу, ведущую къ Пратеру. Русскій императоръ и король прусскій вѣроятно были поражены представившимся имъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ: вдоль прекрасныхъ, длинныхъ аллей Пратера были разставлены великолѣпныя войска, одѣтыя съ иголочки. На улицахъ и аллеяхъ стояло шпалерами все населеніе Вѣны, радостно настроенное и разодѣтое по-праздничному; поѣздъ императора австрійскаго представлялъ безподобное зрѣлище, полковая музыка играла безподобно. Яркое солнце придавало зрѣлищу еще болѣе блеска.

Въ четвергъ прибыли короли датскій и виртембергскій. Король датскій такъ спѣшилъ посѣтить императора, который хотѣлъ принять его возможно торжественнѣе, что въ залѣ не успѣли зажечь всѣхъ свѣчей. Императоръ, видя, что слуги, коимъ это было поручено, спѣшили и волновались, хотѣлъ помочь имъ и самъ сталъ зажигать съ ними свѣчи; за этимъ занятіемъ его и засталъ король датскій.

Великая княгиня Екатерина Павловна сказала сегодня одному министру, въ присутствіи герцога Ришелье, который передалъ вечеромъ ея слова моей невѣсткѣ: „я видѣла, какъ лордъ Кэстлери усердно зѣвнулъ вслѣдъ за Меттернихомъ; что это значитъ? Неужели конгрессъ дремлетъ?“ „Въ смыслѣ политическомъ, разумѣется, такъ какъ принцъ де Линь называлъ этотъ конгрессъ „танцующимъ конгрессомъ?“ Дѣйствительно, здѣсь всѣ очень веселятся; можно подумать, что королямъ, подобно дѣтямъ, нужно развлеченіе послѣ нѣсколькихъ минутъ занятій. Это вакаціи королей. Дай Богъ, чтобы ихъ не увлекъ геній зла и честолюбія“.

Здѣсь люди „дѣлаютъ исторію“, разыгрывая шарады въ лицахъ, разодѣтые въ домино и въ розовыя платья, сверкающія блестками. Маски здѣсь въ большомъ ходу. Я была на большомъ публичномъ маскарадѣ вмѣстѣ съ графиней Фюргеймъ. Мы долго интриговали герцога Ришелье. Затѣмъ мы сказали нѣсколько словъ русскому императору; онъ былъ озабоченъ, отвѣчалъ, противъ своего обыкновенія, не любезно; какъ извѣстно, онъ всегда изысканно любезенъ. Графиня, обиженная, сказала ему въ глаза, что онъ избалованъ поклоненіемъ, лестью и женщинами; и, вѣроятно, не отдавая себѣ отчета въ томъ, насколько слово „фатъ“ обидно на французскомъ языкѣ, она назвала его фатомъ. Услыхавъ это ужасное слово, всѣ окружающіе отступили въ страхѣ. Александръ, казалось, былъ очень недоволенъ. Онъ

пошелъ за нами и въ то время, какъ мы разговаривали съ герцогомъ Ришелье, онъ сказалъ ему мимоходомъ: „Вы очень заняты, герцогъ?“ —Да, ваше величество, я бесѣдую съ очень милыми масками.

— Вы счастливѣе меня, такъ какъ онѣ обошлись со мною очень не любезно“.

Я побранила графиню; она была въ то время почти помолвлена съ княземъ Разумовскимъ; ихъ свадьба состоится, вѣроятно, скоро.

Вице-король итальянскій, Евгеній, окруженъ все время хорошенькими масками. Король прусскій очень любезенъ съ маскированными дамами; наслѣдный принцъ виртембергскій также бываетъ любезенъ съ нѣкоторыми, но съ нимъ не церемонятся; прусскій королевскій принцъ человѣкъ въ высшей степени непріятный, во-первыхъ, своею глухотою и заиканіемъ, во-вторыхъ, своимъ грубымъ тономъ. Во время маскарадовъ высказываютъ другъ другу много правды; но всегда бываетъ столько народа, что трудно прослѣдить за какой-нибудь маской. Вѣроятно, тутъ завязывается не мало интригъ, но я думаю, не на одной только любовной почвѣ. Я видѣла сегодня вечеромъ, какъ одна маска подала принцу Евгенію гвоздику, которую онъ поспѣшно спряталъ отъ постороннихъ взоровъ.

Одна изъ моихъ подругъ, графиня Шаффготчъ, бывшая въ Миланѣ въ то время, какъ вице-королемъ былъ принцъ Евгеній, просила меня интриговать его. Это было тѣмъ легче, что одна изъ сестеръ г-жи Шаффготчъ состояла при его супругѣ. Она подсказала мнѣ, что говорить ему, и принцъ Евгеній былъ чрезвычайно заинтересованъ; онъ предложилъ мнѣ руку и старался опредѣлить, какія кольца были у меня надѣты подъ бѣлой перчаткой; онъ сдѣлалъ мнѣ честь, сказавъ, что я очень любезна, и самъ былъ любезенъ и по обыкновенію держалъ себя безупречно. Вдругъ, раздосадованный, онъ воскликнулъ: „удивительно, вы говорите по-нѣмецки съ французскимъ акцентомъ, а по-французски съ нѣмецкимъ акцентомъ“.

Я отвѣтила ему, смѣясь, нѣсколько словъ по-итальянски, все, что я знала, и спросила, не находитъ ли онъ, что говорю по-итальянски съ англійскимъ акцентомъ.

Нельзя сдѣлать здѣсь ни шага, не встрѣтивъ какого-нибудь императора, короля или владѣтельнаго принца; не натолкнувшись на важнаго генерала, знаменитаго дипломата, или извѣстнаго министра. Въ Вѣнѣ огромный съѣздъ, съѣздъ коронованныхъ особъ: тутъ двѣ очаровательныя императрицы (австрійская и русская), одна—очень некрасивая королева, и прелестныя принцессы, которыя будутъ со временемъ королевами. По утру, въ тѣ дни, когда короли не играютъ въ солдатики, они совершаютъ прогулку пѣшкомъ; когда нѣтъ ни большихъ смотровъ, ни охоты, они дѣлаютъ визиты; они живутъ хо-

лостяками. Вечеромъ они одѣваютъ блестящіе мундиры и очаровываютъ всѣхъ на волшебныхъ празднествахъ, которыя даетъ въ честь ихъ императоръ австрійскій; онъ, всегда такой простой и умѣренный, принимаетъ ихъ по-царски. Каждому монарху, каждому владѣтельному или королевскому принцу полагается придворный экипажъ, конвой, великолѣпныя верховыя лошади; всѣ эти кортежи великолѣпны, изящны; все блеститъ, все отдѣлано заново; царскіе экипажи, подъ наблюденіемъ оберъ-шталмейстера графа Траутмансдорфа, снуютъ по всѣмъ направленіямъ, и при этомъ ни разу не произошло никакого столкновенія или несчастія.

Сюда наѣхало много искателей приключеній и царедворцевъ. Монархи ухаживаютъ за хорошенькими и умными женщинами, репутація которыхъ отъ этого однако не страдаетъ, ибо здѣсь существуютъ еще рыцарскія страсти, и пересуды и сплетни носятъ благородный характеръ. Исторія замолкла, монархи веселятся, для нихъ настали вакаціи, коими они пользуются вполнѣ. Въ мірѣ гораздо болѣе элементовъ равенства, нежели думаютъ: принцы ухаживаютъ за артистками; люди талантливые придаютъ себѣ вѣсъ и значеніе и обращаются фамиліарно съ самодержцами. Талейранъ, занимающій несомнѣнно весьма видное положеніе, принимаетъ обыкновенный тонъ дипломата - самодержца; ему льстятъ, онъ царствуетъ; его ума боятся, Европа находится на стражѣ, боясь его острыхъ словцовъ.

При дворѣ и у сановниковъ празднество слѣдуетъ за празднествомъ, безъ перерыва; они не знаютъ, что придумать.

Партія живыхъ шахматъ, устроенная г-жею Зичи, заинтересовала всѣхъ какъ нѣчто оригинальное; это было что-то въ родѣ балета, во время котораго люди, одѣтые офицерами, королями, королевами, ладьями и т. п. исполнили замысловатую партію.

Романсы въ картинахъ, исполненные при дворѣ, были недурны; графиня Софія Зичи и графъ Война пѣли, въ то время какъ сюжетъ каждаго куплета изображался въ видѣ живой картины подъ флеромъ, на подобіе того, какъ въ операхъ изображаютъ сновидѣнія, это было прелестно и фантастично.

Карусель, костюмированный балъ, живыя картины, въ особенности въ домѣ Даріуса (поставленныя Лебреномъ) были такъ великолѣпны, что не поддаются описанію. Никогда, при дневномъ свѣтѣ и при искусственномъ освѣщеніи, не сверкало столько бриліантовъ, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней; никогда не видѣли столько цвѣтовъ, столько блондъ, перьевъ, бархата и атласа, никогда не было такого собранія хорошенькихъ женщинъ, красавицъ и изящныхъ кавалеровъ.

Но, Богъ ты мой! сколько устарѣлыхъ претензій! Вотъ хотя бы

маркизъ Монченю (de Montchenu), несносный болтунъ, самый болтливый изо всѣхъ болтуновъ. Не знаю, на чемъ онъ основываетъ свои претензіи, онъ увѣряетъ, что онѣ существуютъ чуть не съ Семилѣтней войны, ужъ не выдумали ли мы это по злобѣ; или онъ дѣйствительно говорилъ это? Онъ явился на конгрессъ просить о вознагражденіи за фуражъ.

Король датскій, съ лицомъ альбиноса, большой волокита; онъ влюбился въ молодую дѣвушку изъ рабочаго класса, бѣлокурую, краснощекую гризетку. Нѣсколько дней тому назадъ она пожелала нанять роскошную квартиру въ домѣ княгини де Паарь; условилась на счетъ всего, взяла квартиру съ мебелью за баснословную цѣну.

— Позвольте узнать, спросилъ привратникъ, какъ мнѣ доложить княгинѣ, кому имѣлъ честь сдать помѣщеніе?

— Напишите, отвѣчала она величественно, что вы сдали квартиру королевѣ датской!

Швейцаръ былъ въ восторгѣ и поспѣшилъ сообщить княгинѣ великую новость; княгиня была внѣ себя отъ гнѣва и запретила ему заключить условіе. Эта „Датская королева“ очень извѣстна въ Вѣнѣ, это прозвище такъ и осталось за ней. Она совершенно искренно считала себя королевой.

Обѣ сестры императора Александра, великая княгиня Марія Павловна, герцогиня Веймарская, и великая княгиня Екатерина Павловна, вдовствующая герцогиня Ольденбургская, очаровательныя и очень умныя женщины. Онѣ обожаютъ императора, который относится къ нимъ со своей стороны съ величайшей предупредительностью. Онѣ очень веселаго и нѣсколько насмѣшливаго нрава; но императоръ заставляетъ ихъ сдерживаться. Впрочемъ, онѣ держатъ себя безупречно. Ихъ очаровательныя личики, обрамленныя цвѣтами, перьями и роскошными мѣхами, очень привлекательны. Изабэ нарисовалъ съ нихъ прелестные портреты.

Императоръ очень любитъ своихъ сестеръ, но онъ строгъ; онѣ изящны и любезны.

Великая княгиня Екатерина Павловна замѣчательно хорошо образована: она все знаетъ и при томъ превосходно. Можно ли, напримѣръ, повѣрить, что она въ состояніи вести ученый разговоръ о фортификаціи съ выдающимся инженернымъ офицеромъ, что она знаетъ всѣ техническіе термины, даже самые мало употребительные, самые древніе и самыя современные; и при этомъ никогда не ошибается? это повергло генерала В. въ величайшее изумленіе. Вы подумаете, вѣроятно, что великая княгиня подготовилась къ тому разговору въ то утро, — но въ такомъ случаѣ, что это была за подготовка!

Король прусскій не можетъ простить поэту Вернеру того, что онъ отрекся отъ лютеранской вѣры; онъ лишилъ его занимаемыхъ имъ должностей и жалованія.

По какой-то странной причудѣ король потребовалъ, чтобы Вернеръ явился къ нему здѣсь, на одинъ изъ утреннихъ пріемовъ. Вернеръ отправился во дворецъ въ своемъ духовномъ платьѣ; его длинные жирные волосы висѣли по плечамъ. Онъ стоялъ скромно среди прочихъ представлявшихся особъ. Король, проходя мимо него, сказалъ рѣзко:

„Я не люблю людей, которые мѣняютъ вѣру".

— Поэтому-то, в.-в., отвѣчалъ Вернеръ, сдѣлавъ глубокій поклонъ, я и возвратился къ вѣрѣ моихъ предковъ.

Вернеръ вступилъ въ орденъ августиновъ, онъ живетъ въ Вѣнѣ, въ монастырѣ, принадлежащемъ этому ордену, и подчиняется, по мѣрѣ возможности, монастырскимъ правиламъ; но мнѣ кажется, что его пышная фантазія не можетъ подчиниться однообразной педантичной жизни. Его проповѣди пользуются огромнымъ успѣхомъ, въ нихъ невольно сказывается поэтъ. Публики сбирается такое множество, что трудно бываетъ найти мѣсто. Очень любопытно, что авторъ „Лютера" опровергаетъ ложныя доктрины реформатора передъ избраннымъ обществомъ, состоящимъ изъ протестантовъ, лютеранъ и кальвинистовъ, его слушаютъ съ интересомъ, любопытствомъ и усмѣшкой. Да, Вернеръ говоритъ проповѣди, какъ поэтъ, но какъ поэтъ вдохновенный, искренно вѣрующій, чего уже болѣе? Его слова проникнуты горячей вѣрой, кто могъ бы лучше его говорить противъ тѣхъ заблужденій, которыя онъ такъ страстно поддерживалъ и отъ которыхъ отрекся съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ?

Вернеръ ѣздилъ въ Римъ съ цѣлью почерпнуть тамъ доводы противъ католической вѣры, написáть исторію злоупотребленій католической церкви и раскритиковать ея обрядность. Но въ храмѣ св. Петра онъ былъ пораженъ величіемъ этихъ обрядовъ и уѣхалъ изъ Рима католикомъ.

Онъ говорилъ проповѣди съ жаромъ, со страстью. Развѣ не достойно удивленія, что убѣжденный лютеранинъ, поклонникъ Лютера, перешелъ въ католичество, сдѣлался священникомъ и говоритъ съ каѳедры съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ о совершенствѣ Пресвятой Дѣвы, молится Ей въ порывѣ страстной вѣры, экзальтаціи и любви?

Вернеръ скончался въ Вѣнѣ 17-го января 1823 г. въ августинскомъ монастырѣ; его прахъ провожала безчисленная толпа людей всѣхъ званій и состояній. Жители Вѣны глубоко уважали его. Онъ выразилъ желаніе быть погребеннымъ въ деревнѣ Энцерсдорфѣ (Enzersdorff) и просилъ положить въ гробъ портретъ его матери.

Вотъ письмо, которое заставило меня, какъ француженку, страстно страдать отъ оскорбленнаго самолюбія. Я внѣ себя... тѣмъ болѣе, что въ этомъ письмѣ говорится правда, впрочемъ, оно написано французомъ г. де-Лортомъ (de Lort), состоящимъ на австрійской службѣ, товарищемъ и другомъ г. Монте.

„Любезный другъ, каждый день, какъ вы знаете это изъ газетъ, совершается новое чудо; никогда еще перстъ Божій не былъ виденъ яснѣе; мы сдѣлали не мало ошибокъ и все-таки неисповѣдимые пути Провидѣнія свершились. Что скажешь ты о паденіи бывшаго гиганта? Если бы бичъ человѣческаго рода погибъ на одномъ изъ безчисленныхъ полей битвъ, обагренныхъ имъ кровью, то исторія могла бы назвать его героемъ. Пенсія, которую онъ требуетъ и которую онъ соглашается принять, низводитъ его на степень искателя приключеній. Предоставимъ ему ловить устрицы въ его новой имперіи и вводить въ ней континентальную систему, впрочемъ, люди вездѣ люди; они доказали въ настоящую минуту болѣе чѣмъ когда-либо свой эгоизмъ; маршалы, министры, сенаторы—креатуры Наполеона, и его царедворцы спѣшатъ наперерывъ повергнуть своего идола въ прахъ; все ихъ соперничество сводится къ тому, чтобы принести какъ можно скорѣе повинную къ ногамъ законнаго монарха. Всякій спѣшитъ отречься отъ хищнаго орла, чтобы преклониться предъ благодѣтельной лиліей. Все это забавляетъ насъ, жителей столицы, пресыщенныхъ всевозможными удовольствіями; мы смѣемся, потѣшаемся и восторгаемся людьми, которые въ свою очередь обманываютъ насъ и смѣются надъ нами. Никогда еще въ Парижѣ не бросалось столько золота; въ этомъ огромномъ Вавилонѣ переходятъ ежедневно изъ рукъ въ руки цѣлые милліоны дукатовъ; магазины торгуютъ бойко; тутъ 60.000 однѣхъ падшихъ женщинъ, не считая порядочныхъ особъ женскаго пола, женъ чиновниковъ и военныхъ. Наконецъ, нужно сказать, что парижане, имѣющіе всего въ изобиліи, не несутъ никакой повинности натурою, не даютъ солдатамъ продовольствія, ни помѣщенія и не платятъ никакихъ реквизицій. До нихъ едва доносился съ заставъ грохотъ орудійныхъ выстрѣловъ; они очень рады случаю обобрать съѣхавшихся къ нимъ иностранцевъ и собрать съ нихъ огромную контрибуцію за свои устрицы, конфекты и за своихъ кокотокъ.

„Въ первый день Пасхи, 10-го апрѣля, мы были свидѣтелями единственнаго въ своемъ родѣ зрѣлища; сорокъ тысячъ человѣкъ прекрасно обмундированной пѣхоты, двадцать тысячъ кавалеріи, подобной которой не найдешь болѣе нигдѣ въ Европѣ, были выстроены въ боевомъ порядкѣ на бульварахъ и на площади Людовика XV, гдѣ былъ сооруженъ алтарь, монархи съ ихъ свитами, французскіе мар-

шалы и множество военныхъ всѣхъ націй производили смотръ войскамъ, окруженные толпою въ 60.000 ротозѣевъ, которые въ свою очередь осматривали ихъ до мельчайшей подробности, крича что есть мочи: „Да здравствуетъ непріятель! да здравствуютъ союзники! да здравствуютъ Бурбоны!“ Торжественное молебствіе было отслужено на пятнадцати языкахъ, послѣ чего былъ данъ залпъ изъ 130 орудій: союзные монархи возносили къ Господу мольбы и славословили Его, благодаря за одержанную ими побѣду; французскіе маршалы и сенатъ благодарили его за то, что они были побѣждены; крики, слезы, восторженные возгласы и всеобщее радостное настроеніе заглушали вздохи нѣкоторыхъ приближенныхъ Наполеона и приспѣшниковъ Савари: женщины, въ упоеніи чувствъ и радостнаго настроенія наэлектризовывали умы, выражая страстную преданность королю. Императоръ Александръ братски обнималъ маршаловъ, сенаторовъ и всѣхъ окружающихъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ обезглавленъ добродѣтельный Людовикъ XVI.

„При видѣ всего этого, невольно чувствуешь нѣкоторое презрѣніе къ людямъ; тѣмъ не менѣе все это очень забавно и заставляетъ отчасти смотрѣть съ презрѣніемъ на г.г. сенаторовъ, которые такъ отечески обезпечили, по новой конституціи, судьбу своихъ дорогихъ преемниковъ, за счетъ другихъ лицъ“.

Иногда бываютъ весьма странныя приключенія. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ, или поступковъ, который можно назвать благороднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне смѣшнымъ, щекотливымъ и на взглядъ неприличнымъ.

Всѣ увѣряютъ, что эрцгерцогъ Карлъ влюбленъ въ великую княгиню Екатерину Павловну, вдовствующую герцогиню Ольденбургскую, и хотѣлъ на ней жениться; но она отдавала предпочтеніе наслѣдному принцу Виртембергскому, который, новидимому, также сильно увлеченъ ею, весьма вѣроятно, что этотъ бракъ состоится.

Между тѣмъ, на одномъ изъ блестящихъ маскарадовъ, во время конгресса, генералъ графъ Генрихъ Гардегъ нашелъ на полу письмо, безъ адреса и подписи, очевидно, выпавшее изъ конверта. Въ этомъ письмѣ, написанномъ очень умно и ядовито, критиковались высокопоставленныя лица и осмѣивался эрцгерцогъ съ его любовными признаніями. Графу Гардегу показалось, что это письмо могло быть написано никѣмъ инымъ, какъ великой княгиней, и адресовано принцу Виртембергскому. Въ первый моментъ онъ рѣшилъ сжечь его, но затѣмъ подумалъ, что великая княгиня будетъ тревожиться по поводу того, куда дѣвалось ея письмо и въ какія руки оно попало. Обсудивъ этотъ вопросъ, онъ счелъ благоразумнѣе передать его самой великой княгинѣ и просилъ ее назначить ему частную аудіенцію; но, опасаясь

*

потерять драгоцѣнное письмо, онъ спряталъ его на груди, плотно застегнувъ мундиръ, не думая о томъ, какъ онъ достанетъ письмо. Въ назначенный часъ онъ явился на аудіенцію и былъ тотчасъ введенъ въ зало, гдѣ великая княгиня сидѣла одна. Почтительно привѣтствовавъ ее, графъ высказалъ ей, въ какомъ онъ находился затрудненіи; но великая княгиня гордо остановила его, отрицая, чтобы какое-либо изъ ея писемъ могло быть потеряно или могло заключать что-либо, чего она не могла бы повторить во всеуслышаніе. Генералъ былъ весьма смущенъ этимъ отвѣтомъ. Но, извиняясь за свою ошибку, онъ сказалъ въ свое оправданіе нѣсколько словъ, изъ которыхъ великая княгиня поняла, о какомъ письмѣ шла рѣчь; она поблѣднѣла и повелительно приказала ему показать ей письмо. Графъ хотѣлъ достать его, но такъ какъ его мундиръ былъ туго застегнутъ и увѣшанъ орденами, то это оказалось не такъ легко; бросивъ на полъ свои лосиныя перчатки и генеральскую шляпу, которыя мѣшали ему, Гардегъ пытался достать злополучную бумажку; и ему казалось, что онъ уже схватилъ ее, какъ вдругъ всѣ пуговицы его мундира разстегнулись и бумажка скользнула подъ поясъ или шарфъ, который ему пришлось разстегнуть. Смущенный и взволнованный этимъ, онъ подалъ наконецъ письмо великой княгинѣ, которая тотчасъ узнала свой почеркъ и выразила графу свою живѣйшую благодарность, а затѣмъ страшно расхохоталась, такъ какъ запыхавшійся и вспотѣвшій генералъ никакъ не могъ поладить съ своими пуговицами и когда ему удавалось застегнуть одну, то несмотря на всѣ его усилія, разстегивалась другая.

Въ этотъ критическій моментъ дверь въ зало съ шумомъ распахнулась, и вошелъ императоръ Александръ! До крайности изумленный, онъ остановился; его лицо приняло грозное выраженіе; онъ смотрѣлъ то на генерала, смущеніе котораго все возростало, то на свою сестру, веселость которой очень удивляла его. Дѣйствительно, красавецъ графъ Гардегъ стоялъ передъ великой княгиней въ самомъ непостижимомъ безпорядкѣ; его перчатки и шляпа валялись на полу, мундиръ былъ растегнутъ. „Графъ Гардегъ!" воскликнулъ императоръ взволнованнымъ голосомъ. Великая княгиня продолжала хохотать; наконецъ, она была въ состояніи говорить и объяснила императору происшедшее.

— Графъ Гардегъ поступилъ, какъ рыцарь, сказала она.

Во время этого объясненія, генералъ, чрезвычайно смущенный, возился со своими непокорными пуговицами, которыя ему удалось наконецъ застегнуть. Онъ былъ довольно полный, а мундиры дѣлались въ то время на волосѣ и плотно облегали фигуру.

Великой княгинѣ досталось, вѣроятно, отъ императора Александра,

которому было важно сохранить добрыя отношенія къ австрійскому императору, и который относился съ особымъ почтеніемъ къ эрцгерцогу Карлу.

Она просила генерала не разглашать случившагося, и онъ свято хранилъ ея тайну до самой смерти великой княгини, впослѣдствіи королевы Виртембергской, скончавшейся внезапно въ 1819 г. Тогда только графъ разсказалъ этотъ случай своей кузинѣ, графинѣ Юліи Колловратъ, которая была одною изъ моихъ подругъ по монастырю. Графу Гардегу было во время конгресса 37 лѣтъ; онъ былъ красавецъ собой и вполнѣ заслуженно пользовался репутаціей человѣка высшей степени достойнаго.

Великолѣпный королевскій катафалкъ, поставленный посреди церкви, возвышался до самаго свода; убранство собора было величественное и великолѣпное. На клиросѣ стояли высокопоставленныя дамы въ длинныхъ, черныхъ вуаляхъ, спускавшихся съ головы до ногъ; въ нарочно устроенныхъ для этого случая трибунахъ сидѣли монархи въ трауре; принцы, генералы, министры, цвѣтъ европейской знати присутствовали при этомъ искупительномъ богослуженіи, которое будетъ памятно во вѣки. Прекраснымъ и, какъ надо было, печальнымъ хоромъ, дирижировалъ Сальери, но надгробное слово, по случаю кончины короля-мученика, по какой-то роковой случайности, поручено было произнести передъ собравшимися коронованными особами аббату Зайгнелинсу, эльзасцу, который говоритъ одинаково плохо по-французски и по-нѣмецки и произноситъ по-французски съ отвратительнымъ акцентомъ. Графъ Алексѣй де Ноаль и г. Франше, которому мы высказали свои опасенія по поводу краснорѣчія оратора, были вынуждены передѣлать его рѣчь цѣликомъ въ 24 часа, такъ какъ „слово“ бѣднаго аббата, которое они намъ прочли, оказалось совершенно недостойнымъ сюжета и высокихъ слушателей (Бѣдняшка аббатъ особенно распространялся въ немъ о способности Людовика XVI къ слесарному мастерству). Въ проповѣди, составленной де Ноалемъ и Франше, которая болѣе походила на политическую рѣчь, нежели на слово, были краснорѣчивыя мѣста и сильныя наставленія королямъ. Я обратила вниманіе на одну прекрасную и правдивую реторическую фигуру: „Европа возстала какъ одинъ человѣкъ“. Да, но по правдѣ сказать, какъ человѣкъ, который очень медленно поднимается съ мѣста.

На клиросѣ напротивъ трибуны монарховъ было сооружено что-то вродѣ продолговатой и узкой каѳедры, очень смѣшной формы. Эта каѳедра, или, лучше сказать, этотъ футляръ былъ задрапированъ чернымъ сукномъ, безъ всякихъ украшеній; вдобавокъ каѳедра нѣсколько покачивалась. Аббатъ прочелъ слово монотоннымъ, едва слыш-

нымъ голосомъ, нѣсколько въ носъ; почти никто ничего не понялъ. Русскіе офицеры, стоявшіе позади меня, фыркали со смѣха, и одинъ изъ нихъ, пораженный видомъ каѳедры и наружностью проповѣдника, забылся до того, что сказалъ вслухъ, что онъ похожъ на китайца, сидящаго на чернильницѣ; это была правда. За произнесенную проповѣдь аббатъ получилъ отъ французскаго короля пенсію и ленту. Король Баварскій пожаловалъ ему баронскій титулъ.

Это было нѣчто великолѣпное,—это былъ водоворотъ, въ которомъ мелькали короны, королевы, хорошенькія женщины; сверкали брилліанты, ордена, кресты, мундиры, пестрѣли ленты, расхаживали знаменитости, цѣлая толпа знаменитостей и кокетливыхъ женщинъ. Хотя всѣ эти знаменитости быстро померкнутъ и красавицы состарѣются,—не бѣда, все же онѣ возбуждаютъ любопытство и восхищеніе, все это очень забавно. Я вернулась домой въ половинѣ третьяго. Русскій императоръ почти все время танцовалъ, т. е. ходилъ полонезы, благородно, величественно, и чаще всего очень сентиментально съ юной княжной Ауерспергъ: онъ все еще увлеченъ ею. Она скромная, хорошенькая, бѣленькая, съ прекрасными шелковистыми бѣлокурыми волосами, которые обрамляютъ мягкими и густыми кудрями ея спокойное, кроткое лицо. Король Датскій такъ веселъ, какъ будто ему возвратили Норвегію. Онъ танцуетъ со всѣми самыми юными и розовенькими молодыми дѣвушками. Король Пруссіи преважно водитъ въ полонезѣ красавицу и добродѣтельную графиню Юлію Зичи, въ которую онъ яко-бы страстно влюбленъ.

Я танцовала или, лучше сказать, шла въ парѣ съ г. Бомбелемъ; передъ нами шла г-жа Сидней-Смитъ; она увидѣла Ѳ. П. Уварова и сдѣлала передъ нимъ ни съ того, ни съ сего глубокій реверансъ до земли; это было бы комично, но мнѣ было не столько смѣшно, сколько обидно за нее.

Я разговаривала на этомъ балу съ княгиней Луизой Клари (рожденной графиней Хотекъ), которая знаетъ Сиднея-Смита; онъ подошелъ къ намъ, и я имѣла возможность хорошо разсмотрѣть его лицо; я слушала его съ большимъ вниманіемъ и смотрѣла на него такъ, какъ разглядываютъ рѣдкую вещицу; между прочимъ, я внимательно разсмотрѣла ковчежецъ съ мощами, который онъ носилъ на шеѣ; это вещь крайне интересная. Я подержала его въ рукахъ и осмотрѣла со всѣхъ сторонъ съ большимъ благоговѣніемъ.

Онъ принадлежалъ Ричарду Львиное Сердце. На немъ видны дырки отъ винтовъ, коими онъ былъ прикрѣпленъ къ его щиту. Король Ричардъ подарилъ его архіепископу Тирскому (или Птолемаидскому); его хранили какъ драгоцѣнность нѣсколько сотъ лѣтъ; наконецъ, онъ очутился на шеѣ у Сиднея-Смита; это похоже на знакъ

ордена, коего онъ является учредителемъ и единственнымъ кавалеромъ. Лицо Сидней-Смита не соотвѣтствуетъ его репутаціи; оно очень ординарно. Его семья также мало интересна. Онъ женатъ на нѣкоей вдовѣ Гумбольдтъ, самаго скромнаго происхожденія. У нея есть дочь отъ перваго брака, которую считаютъ здѣсь красавицей. Эти дамы держатъ себя очень свободно, но въ общемъ довольно вульгарны. Карета Сидней-Смита также представляетъ своего рода рѣдкость; врядъ ли карета самого Ричарда, если онъ таковую имѣлъ, была бы покрыта бо́льшимъ количествомъ изреченій, гербовъ и героическихъ эмблемъ. Англичане не только самый гордый, но и самый тщеславный народъ въ мірѣ. Англійскія дамы отличаются здѣсь своими смѣшными нарядами; онѣ сочли бы унизительнымъ для своего національнаго достоинства слѣдовать модѣ той страны, гдѣ онѣ находятся. На балу у князя Меттерниха лэди Кэстлери имѣла на головѣ брилліантовые знаки, ордена Подвязки своего мужа. Всѣ удивлялись этому оригинальному убору; удивлялись также неприличному покрою ихъ платьевъ; ихъ юбки, или, лучше сказать, чахлы юбокъ такъ узки, что всѣ формы ясно обрисовываются; вырѣзъ лифа доходитъ до живота.

Лордъ Кастлери танцуетъ каждый вечеръ часа два со своей женой или сестрой, если у него нѣтъ инаго партнера; онъ говоритъ, что это упражненіе для него положительно необходимо въ видѣ отдыха, когда онъ работаетъ цѣлый день головой; когда эти дамы отсутствуютъ, то онъ разставляетъ стулья и пресерьезно танцуетъ съ этими оригинальными партнерами.

Ужасное извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона приводитъ всѣхъ въ крайнее смущеніе; всѣ спѣшатъ, останавливаются, задаютъ другъ другу вопросы; на всѣхъ улицахъ стоятъ группы бесѣдующихъ. Г-жа Лидкеркъ (Liedkerque), дочь de la Tour du Pris, полномочнаго посланника на конгрессѣ, остановила сегодня моего мужа на улицѣ три раза, чтобы узнать отъ него новости. Имъ скорѣе полагалось бы знать ихъ!

На спектаклѣ при дворцѣ царствовало страшное уныніе.

Мы были приглашены на этотъ спектакль, но не могли собраться съ духомъ поѣхать туда. На спектаклѣ не было ни Талейрана, ни Перигора. Принцъ Евгеній былъ крайне смущенъ; онъ не зналъ, какъ держать себя. Мой мужъ былъ у князя Талейрана, который полагаетъ, что Бонапарту не удастся доѣхать до Парижа. „Это человѣкъ, одержимый органическимъ помѣшательствомъ“, сказалъ онъ. Сегодня были получены очень успокоительныя вѣсти (оказавшіяся впослѣдствіи ложными), съ которыми его поздравляли. Министръ ошибся, въ этомъ поступкѣ Бонапарта очевидно болѣе смѣлости, нежели безумія.

Изъ Парижа то и дѣло прибываютъ эмигранты. На-дняхъ у меня

былъ аббатъ Бомбель; у меня собралось въ тотъ день много гостей; его просили разсказать объ этихъ печальныхъ событіяхъ. Онъ имѣлъ въ Страстбургѣ удивительный разговоръ съ маршаломъ Сюше. Сколько измѣнниковъ! Но со временемъ ихъ будетъ навѣрное еще больше.

Франше, состоящій при де Ноальи, французскомъ посланникѣ на конгрессѣ, сообщилъ намъ самое радостное извѣстіе, но оно оказалось впослѣдствіи ложнымъ. Я читала въ моей маленькой гостиной; было около 12 часовъ ночи; мой мужъ уже легъ спать и уснулъ, какъ вдругъ раздался звонокъ. Такъ поздно могъ явиться кто-нибудь только съ очень радостной вѣстью! Дѣйствительно, Франше, сіяя отъ радости, сообщилъ мнѣ, что Массена арестовалъ Бонапарта и что императоръ былъ убитъ, храбро защищая свою жизнь: это былъ бы хорошій конецъ для него и для Франціи. Мужъ проснулся и въ одномъ бѣльѣ бросился на шею доброму Франше, котораго онъ едва не задушилъ въ своихъ объятіяхъ.

Я въ Баденѣ. Здѣсь находится императрица Марія-Луиза съ своимъ сыномъ. Ея новая оберъ-гофмейстерина, маркиза Скарампи, воспитывалась вмѣстѣ со мною въ монастырѣ. Я отправилась однажды къ ней завтракать вмѣстѣ съ миссъ Эрнестиной Фразеръ. Мы встрѣтили по пути барона Бенклера и графа Пальфи, которые сообщили намъ, что Наполеонъ арестованъ: только-что прибылъ курьеръ съ этимъ извѣстіемъ. Мы колебались идти къ г-жѣ Скарампи, полагая, что она занята и утѣшаетъ императрицу. Но любопытство взяло верхъ надъ нашимъ соображеніемъ. Мы нашли, принимая во вниманіе занимаемое ею мѣсто, что Лиза встрѣтила насъ со слишкомъ громкими изъявленіями радости. Прислуга Наполеона, подававшая намъ завтракъ съ самымъ грустнымъ лицомъ, ни мало не смущала ее. Она прыгала, смѣялась и танцовала по комнатѣ, радуясь пріятной вѣсти! Когда она немного успокоилась, мы спросили, знаетъ ли Марія-Луиза о случившемся. „Я сейчасъ предупрежду ее письменно“, отвѣчала она; „императрица никого не принимаетъ до одиннадцати часовъ“. Она присѣла къ письменному столу и написала императрицѣ нѣсколько словъ. Мы ожидали ея отвѣта съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ и любопытствомъ; вотъ онъ слово въ слово: „Благодарю васъ, то, что вы сообщаете, мнѣ уже извѣстно. Мнѣ хотѣлось бы прокатиться верхомъ въ Меркенштейнъ; какъ вы полагаете, благопріятствуетъ ли этому погода“?

Меня поразилъ безчувственный тонъ записки, или удивительное умѣнье императрицы скрывать свои чувства. Мнѣ хотѣлось сохранить ее, какъ доказательство величайшаго хладнокровія; но миссъ Фразеръ взяла половину письма, а я получила другую, которую я буду всегда хранить.

Лиза еще не привыкла къ той сдержанности, которая необходима на ея мѣстѣ: быть можетъ, она никогда этому не научится. Благодаря ея болтливости и откровенности я узнала много странныхъ анекдотовъ, такъ какъ Марія-Луиза оказывается довѣрчива не менѣе своей оберъ-гофмейстерины.

Вотъ образъ жизни, который ведетъ императрица въ этомъ году въ Баденѣ. Она звонитъ своихъ, такъ называемыхъ амарантовыхъ горничныхъ (онѣ называются по цвѣту платья), въ седьмомъ часу утра. Онѣ подаютъ ей письменныя принадлежности, и она пишетъ въ постели до десяти часовъ утра. Затѣмъ она встаетъ; ея утренній туалетъ, тотъ же точно, какъ и вечерній, прелестенъ: объ этомъ особенно заботятся ея камеристки. Въ одиннадцать часовъ къ императрицѣ является оберъ-гофмейстерина и всѣ состоящія при ней значительныя особы. Въ это время подается прекрасный холодный завтракъ. Она работаетъ, рисуетъ и играетъ, какъ ангелъ; всѣмъ этимъ она занимается обыкновенно со своимъ оберъ-гофмейстеромъ, генераломъ графомъ Нейпергомъ; онъ отличный музыкантъ. Марія-Луиза ничего не дѣлаетъ и не говоритъ, не посовѣтовавшись съ этимъ генераломъ. „Какъ вы думаете, генералъ? что вы на это скажете, генералъ?“ таковъ ея вѣчный припѣвъ.

Императрица Марія-Луиза восхитительно ѣздитъ верхомъ; она несется въ галопъ по самымъ опаснымъ дорогамъ, не заботясь о томъ, можетъ ли поспѣть за ней Лиза, которая начала ѣздить недавно; тѣмъ не менѣе она очень добра и великодушна.

Вотъ нѣкоторые примѣры ея удивительнаго хладнокровія. Она находилась въ Шенбрунѣ въ то время, когда было получено извѣстіе о сраженіи при Ватерлоо; послѣ обѣда она совершила большую прогулку верхомъ, не выказавъ ни малѣйшаго волненія. Мужъ Лизы состоитъ при посольствѣ, и Лиза боялась, что исполняя какое-то порученіе, возложенное на него, онъ не поспѣлъ во-время къ сраженію при Ватерлоо. Не обдумавъ своихъ словъ, она выразила свои опасенія Маріи-Луизѣ, которая долго слушала ее съ величайшимъ терпѣніемъ, и въ концѣ концовъ холодно замѣтила: „вы, кажется, не въ умѣ?“ Императрица сказала однажды Лизѣ, что Наполеонъ сердился на нее только одинъ разъ въ жизни и сказалъ ей: „Вы маленькая дурашка, я отошлю васъ къ вашему отцу“, на что она отвѣчала, величественно обернувшись къ нему: „я только этого и желаю“. Онъ тотчасъ попросилъ у нея извиненія. „Я знаю, сказала она, говорятъ, будто мой сынъ не принадлежитъ мнѣ, но онъ дѣйствительно мой“.

Лиза, въ порывѣ благодарности за какую-то любезность, оказанную ей императрицей, схватила ея руку и, забывшись, отъ избытка чувствъ, такъ сильно сжала ее, что одно изъ колецъ императрицы впилось ей

въ палецъ. „Вы сдѣлали мнѣ больно", кротко сказала ей Марія-Луиза, повернувъ кольцо въ другую сторону.

Марія-Луиза хороша собой, свѣжа, какъ роза, и очень стройна. Здѣсь удивляются этой перемѣнѣ, такъ какъ, уѣзжая изъ Вѣны, она была довольно неуклюжа, ходила и держала себя очень неловко. Всѣ служащіе обожаютъ ее. Лиза говорила мнѣ, что всѣ слуги Наполеона, послѣдовавшіе за императрицей, до фанатизма преданы императору; постигшія его неудачи приводятъ ихъ въ отчаяніе. Это вполнѣ понятно и очень похвально, если только на это не вліяютъ личные разсчеты. Одна изъ „амарантовыхъ", жена врача, пользующагося особымъ довѣріемъ Бонапарта, говоритъ о немъ не иначе, какъ со слезами на глазахъ; она видѣла на-дняхъ маленькаго принца, который баловалъ и рѣзвился, и воскликнула: „какая жалость! изъ него сдѣлаютъ капуцина".

Трудно представить себѣ болѣе преданныхъ и исполнительныхъ слугъ, нежели французскіе слуги Маріи-Луизы; но они будутъ вскорѣ отосланы во Францію и замѣнены австрійцами. Маркизъ де Боссе, ея оберъ-гофмейстеръ, уѣзжаетъ на-дняхъ; онъ держитъ себя здѣсь съ большимъ тактомъ. Судя по вещамъ, которыя Марія-Луиза увезла съ собою изъ Франціи, трудно допустить, что она уѣхала внезапно: она ничего не позабыла. Гардеробъ императрицы огромный. Множество чемодановъ наполнены великолѣпнѣйшими матеріями, кружевами, которыя даже не были еще развернуты. Ея служанки показываютъ съ гордостью эту роскошь императорскаго дома.

Императрица жаловалась на любопытные вопросы, которые предлагала ей великая княгиня Екатерина Павловна относительно ея интимныхъ отношеній къ Наполеону. Между прочимъ она спросила ее, исповѣдывалась ли она во Франціи, и у кого именно? Говоря о г. Нейпергѣ, великая княгиня не называла его иначе, какъ „вашъ генералъ", а говоря о генералѣ Коллерѣ говорила: „мой генералъ". Великая княгиня хотѣла во что бы то ни стало вызвать Марію-Луизу на откровенность.

Императрица показала однажды Лизѣ письмо, полученное ею отъ г-жи Монтебелло: „Остерегайтесь, писала ей герцогиня, оправдать вашимъ поведеніемъ всеобщее мнѣніе о вашемъ легкомысліи и слабости характера".

— Посмотрите, сказала императрица, что мнѣ пишетъ Монтебелло!

Этотъ намекъ относился вѣроятно къ генералу Нейпергъ.

Марія-Луиза разсказывала Лизѣ, что въ тотъ день, когда она видѣла Наполеона впервые, она никакъ не ожидала, что онъ такъ далеко выѣдетъ ей навстрѣчу. Она ѣхала въ каретѣ съ королевой

Неаполитанской, г-жею Мюратъ, и такъ какъ было жарко, то онѣ сняли шляпы и повязали на голову батистовые платки; вдругъ, онѣ завидѣли вдали столбъ пыли, и почти въ ту же минуту карета остановилась, дверца отворилась, подножка у кареты была спущена, и раздался крикъ: „Да здравствуетъ императоръ!" Г-жа Мюратъ вскрикнула отъ удивленія и испуга; Бонапартъ схватилъ Марію-Луизу за голову и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее.

Въ тотъ же день вечеромъ, за ужиномъ, кажется въ Компьенѣ, гдѣ всѣ родные Наполеона были въ сборѣ, Марія-Луиза приняла кусокъ льда, завернутый въ бумагу, за конфекту; ледъ раскололся, бумажка упала на тарелку и на салфетку принцессы, которая была возмущена тѣмъ, что члены императорской фамиліи при этомъ громко расхохотались. Она разсказывала объ этомъ Лизѣ нѣсколько разъ съ величайшей досадою.

Сюда пріѣхала неожиданно принцесса Уэльская [1]). Англійскій посланникъ, лордъ Стюартъ, тотчасъ уѣхалъ со всѣми чинами посольства, до послѣдняго секретаря. Принцесса помѣстилась въ отелѣ „Императрица Австрійская". Должность ея камергера исполняетъ конюхъ, по имени Бергами; ея оберъ-гофмейстерина особа извѣстная своимъ дурнымъ поведеніемъ; принцесса появилась вчера въ театрѣ въ бѣлыхъ атласныхъ шароварахъ, поверхъ которыхъ была надѣта коротенькая юбочка; волосы ея были всклокочены, и на этой изумительной прическѣ торчали бриллiанты. Она очень сердита на лорда Стюарта и на императора, хотя на время ея пребыванія здѣсь назначенъ состоять при ней графъ О'Доннелль. Свита этой знаменитой и сумасбродной особы такъ же оригинальна, какъ и она сама; между прочимъ, при ней находится восьмилѣтній мальчикъ, котораго она всюду водитъ съ собою, и котораго она повидимому страстно любитъ. Мнѣ захотѣлось видѣть эту принцессу, и я отправилась съ этой цѣлью къ ея дому. Она подошла къ окну. Мы долго смотрѣли. У нея очень красный цвѣтъ лица; она была въ зеленомъ суконномъ лифѣ со множествомъ петличекъ, а на головѣ у нея былъ надѣтъ какой-то чепчикъ или шапочка, отороченная мѣхомъ; остальнаго мы не могли видѣть. Ея женская свита была въ подобномъ же нарядѣ. Она имѣетъ видъ смѣлый и злой; въ ея манерахъ и костюмѣ нѣтъ ничего женственнаго.

Графъ Маврикій Дитрихштейнъ, братъ графини Мерфельдтъ, нашей сосѣдки по дачѣ, привелъ къ намъ въ садъ своего воспитан-

---

[1]) Каролина, дочь герцога Брауншвейгскаго, вышедшая въ 1795 г. замужъ за принца Уэльскаго (впослѣдствіи Георгъ IV), развелась съ нимъ на слѣдующій годъ и съ 1814 г. путешествовала на континентѣ.

ника, сына Наполеона I. Сынъ г-жи Мерфельдтъ приблизительно однихъ лѣтъ съ маленькимъ принцемъ. Они скоро познакомились. Всѣ жесты принца и его манера держать себя напоминаютъ отца; это удивительно, такъ какъ онъ не могъ перенять ихъ у Наполеона, почти никогда не видавъ его, тѣмъ болѣе, что его здѣшніе воспитатели старались исправить его манеры. Онъ держитъ постоянно руки за спиною. Онъ имѣетъ такъ же точно, какъ императоръ Наполеонъ, обыкновеніе выставлять впередъ ногу. Его длинные бѣлокурые волосы, которые завиваютъ по вечерамъ на четыре папильотки, придаютъ ему очаровательный видъ; но онъ не терпитъ завивки и постоянно проситъ остричь ему волосы, какъ у другихъ дѣтей. Глазами, цвѣтомъ лица и прелестными бѣлокурыми волосами онъ напоминаетъ дѣтей Маріи-Терезы, но ротъ и осанка напоминаютъ отца. Мальчики рѣзвятся, играютъ въ прятки; Рудольфъ, догоняя маленькаго принца, всегда успѣваетъ словить его; онъ не привыкъ такъ много бѣгать.

На террасѣ, среди цвѣтовъ было подано закусить; тѣмъ временемъ Рудольфъ сбѣгалъ къ своей матери (они живутъ рядомъ съ нами) за игрушками, и вернулся нагруженный маленькими ружьями, саблями, копьями, лукомъ и стрѣлами. Очаровательный маленькій принцъ кушалъ съ аппетитомъ; но, увидавъ Рудольфа, покраснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ, и стремительно кинулся къ оружію; схвативъ ружье, сталъ по-нѣмецки командовать; Рудольфъ тотчасъ подчинился ему. Мы были всѣ крайне изумлены бойкой командой принца и полнымъ подчиненіемъ ему товарища. Въ выраженіи, съ какимъ маленькій Наполеонъ произносилъ слова marrrrr schiren, было, въ особенности, что-то грозное, много обѣщавшее въ будущемъ. Г-жа Мерфельдтъ, задѣтая за живое послушаніемъ Рудольфа, велѣла ему командовать въ свою очередь.

Маленькій принцъ справился съ командованіемъ какъ нельзя лучше, а между тѣмъ его никогда этому не учили, но онъ прекрасно запоминалъ и повторялъ все имъ видѣнное.

Вотъ еще одинъ странный случай изъ жизни Наполеона I. Послѣ сраженія при Регенсбургѣ, онъ призвалъ къ себѣ нѣсколько плѣнныхъ австрійскихъ офицеровъ, говорилъ съ ними очень повелительно и, не обращая вниманія на ихъ прискорбное положеніе, сказалъ имъ: „Вашъ императоръ уже не царствуетъ болѣе“. Въ числѣ этихъ офицеровъ находились маркизъ Скарампи, нынѣ оберъ-шталмейстеръ Маріи-Луизы въ Пармѣ, и Форести, нынѣ помощникъ воспитателя маленькаго герцога Рейхштадтскаго, отъ котораго я и слышала этотъ разсказъ.

Этотъ ребенокъ безспорно очень уменъ. Онъ до страсти любитъ

исторію. Онъ робокъ, и прежде, нежели что-либо сдѣлать или взять то, что ему даютъ, онъ всегда смотритъ вопросительно на своего воспитателя, графа Дитрихштейна. Онъ почти разучился говорить по-французски; по-нѣмецки же онъ говоритъ очень чисто и изящно.

Гадерсдорфъ, іюль 1817 г.

Маленькій Наполеонъ—чрезвычайно красивый ребенокъ; къ сожалѣнію, зубы у него черные и отвратительные. Онъ часто краснѣетъ. Моя невѣстка, входя вмѣстѣ съ нимъ въ садъ, хотѣла пропустить его впередъ. „Я хорошо знаю, что я долженъ быть вѣжливъ съ дамами", любезно сказалъ онъ, пропуская ее. Онъ очень набожевъ и молится послѣ того, какъ задернутъ занавѣси у его кровати.

На-дняхъ за нимъ гнался у насъ въ саду его маленькій другъ, Рудольфъ Мерфельдтъ; онъ почти настигъ его, какъ вдругъ принцъ спрятался въ кустъ лилій, растущій посреди луга, крикнувъ: „я дома". Рудольфъ остановился; мы всѣ переглянулись. Зрѣлище было очаровательное, но очень странное. Сынъ Наполеона, спрятавшійся наполовину въ кустѣ лилій! Изъ-за цвѣтовъ видна была только одна его голова.

Одна изъ моихъ монастырскихъ подругъ, г-жа Кюенбургъ (Kuenburg), рожденная Кюффштейнъ, была назначена сопровождать въ Бразилію эрцгерцогиню Леопольдину, которая отправилась 13-го августа 1817 года, къ своему августѣйшему и сумасбродному супругу, императору дону Педро I, съ которымъ она была обвѣнчана заочно въ Вѣнѣ въ маѣ мѣсяцѣ того же года. Графиня Кюенбургъ разсказывала по возвращеніи много любопытнаго, хотя ей мало удалось видѣть новаго, такъ какъ этикетъ, соблюдаемый при дворѣ въ Ріо-де-Жанейро, не позволилъ австрійскимъ дамамъ изъ свиты императрицы разъѣзжать по городу и его окрестностямъ, о чемъ онѣ чрезвычайно сожалѣли и чѣмъ были весьма не довольны! Досадно быть въ Бразиліи и ничего не видѣть, кромѣ туалетовъ тамошнихъ придворныхъ дамъ, напоминающихъ опереніе попугаевъ: онѣ носятъ, напримѣръ, голубую юбку съ краснымъ шлейфомъ, или зеленую юбку съ желтымъ шлейфомъ. Графиня не получила отъ императора въ подарокъ ни одного брилліанта!

Это также не согласовалось съ этикетомъ. Оберъ-гофмейстеру молодой императрицы, графу Эльтцу (Eltz) не пришлось раскупорить ящики съ роскошнымъ фарфоровымъ сервизомъ, привезеннымъ изъ Вѣны, для парадныхъ обѣдовъ и пріемовъ, которые онъ предполагалъ дать въ Ріо-Жанейро во время своего пребыванія и празднества бракосочетанія. Мы видѣли этотъ великолѣпный сервизъ, который былъ выставленъ для осмотра публики передъ его отъѣздомъ; и были также свидѣтелями, какъ его возвратили на фарфоровый за-

водъ, по обратномъ пріѣздѣ въ Вѣну графа Эльтца. Журналъ графини Кюенбургъ заполненъ описаніями грозившихъ ей опасностей, утомленія, вызваннаго столь продолжительнымъ путешествіемъ и всѣми испытанными ею разочарованіями. Попугай, подаренный ей очаровательной инфантой Изабеллой, и пучки морскихъ травъ, собранныхъ во время переѣзда моремъ—вотъ почти всѣ привезенныя ею достопримѣчательности, если не считать нѣсколько бездѣлушекъ, которыя австрійскимъ дамамъ очень хотѣлось самимъ выбрать въ магазинахъ, но это оказалось также несогласнымъ съ этикетомъ, и имъ пришлось удовольствоваться тѣмъ, что купцы принесли имъ на домъ.

— Угадайте, говорила намъ графиня шутя, что прежде всего поразило меня по пріѣздѣ въ Бразилію, которая такъ возбуждала мое любопытство?

— Это былъ Делортъ, который предложилъ мнѣ руку, чтобы сойти съ парохода, какъ онъ сдѣлалъ бы это въ Грабенѣ или въ Пратерѣ, и съ которымъ мы бесѣдовали о Вѣнѣ, какъ будто мы покинули ее только вчера.

Что касается путешествія, и въ особенности такого далекаго, то люди воображаютъ обыкновенно, что, по возвращеніи на родину, они будутъ предметомъ всеобщаго вниманія; но лица, возвратившіяся изъ Бразиліи, не произвели въ Вѣнѣ никакой сенсаціи; жителей Вѣны трудно чѣмъ-нибудь удивить и привести въ восторгъ.

Однажды я сидѣла преспокойно за книгой въ моемъ маленькомъ залѣ, въ Вѣнѣ, когда вошелъ Генрихъ Бомбель, онъ направился, какъ два года передъ тѣмъ, прямо къ зеркалу, оправилъ волосы и поздоровавшись, наконецъ, со мною, очень весело сказалъ:

— „Какъ, я пріѣхалъ изъ Лиссабона, и это не производитъ на васъ ровно никакого впечатлѣнія!“

Мы отъ души расхохотались, и я отвѣчала:

„Вы сами виноваты, что я не издала радостнаго восклицанія; вы подошли къ зеркалу такъ точно, какъ наканунѣ вашего отъѣзда въ Лиссабонъ, и мнѣ показалось, что это было вчера“.

Когда въ Вѣнѣ было объявлено о бракосочетаніи эрцгерцогини Леопольдины съ императоромъ донъ Педро [1]), въ первый моментъ

---

[1]) Я присутствовала при церемоніи бракосочетанія въ Вѣнѣ, въ церкви августинскаго монастыря, которая считается придворной приходской церковью; замѣстителемъ донъ Педро былъ эрцгерцогъ Карлъ, дядя молодой эрцгерцогини. Дворъ сверкалъ нарядами, мундирами и брилліантами. Императоръ зѣвалъ во время всей церемоніи; августѣйшая новобрачная казалась вполнѣ спокойной. По окончаніи обряда бракосочетанія при дворѣ былъ большой пріемъ. Англійскій посланникъ, лордъ Стюартъ, появился въ бѣлыхъ канифасовыхъ брюкахъ, въ которыхъ онъ все послѣобѣденное время бѣгалъ въ запуски; поверхъ этого запыленнаго костюма былъ надѣтъ его пунцовый мундиръ со всѣми знаками отличія.

всѣ очень сожалѣли юную принцессу, которой приходилось жить такъ далеко отъ родины и семьи. Но отъ ея приближенныхъ вскорѣ узнали, что принцесса была въ восторгѣ; она была очень образована, страстно любила ботанику; ей хотѣлось видѣть новый міръ и природу, столь отличную отъ европейской; они говорили даже, что увидѣть Америку было послѣдніе годы ея мечтою. Она уѣхала безъ сожалѣній, не боясь опасности, сопряженной съ такимъ дальнимъ путешествіемъ; она не страдала отъ морской болѣзни; вообще, принцессы бываютъ зачастую очень счастливо одарены отъ природы и страдаютъ отъ неудобствъ во время путешествій гораздо менѣе, нежели окружающіе. На кораблѣ, на которомъ она ѣхала, для нея было приготовлено прелестное помѣщеніе, и находилось также три гроба, на случай ея кончины во время переѣзда. Она не скучала; она играла, изучала португальскій языкъ; въ хорошую погоду выходила на палубу и высказывала капитану свое живѣйшее желаніе прибыть въ Ріо-Жанейро къ дню своего ангела или ко дню рожденія донъ Педро.

Она не была счастлива, она умерла молодой и имѣла вполнѣ основательныя причины ревновать своего супруга. Одна изъ придворныхъ дамъ была любовницей императора,—по приказанію котораго солдаты дѣлали на караулъ, когда она выѣзжала изъ дворца или возвращалась домой. Народныя волненія нарушали спокойствіе императрицы въ Ріо-Жанейро, куда она ѣхала съ такими свѣтлыми надеждами. Жизнь ея дочери, Маріи, нынѣ королевы португальской, была также полна треволненій.

Эрцгерцогиня Леопольдина была не особенно красива: небольшаго роста, очень бѣленькая, она имѣла бѣлокурые, безцвѣтные волосы; у нея не было ни граціи, ни осанки, такъ какъ она ненавидѣла корсетъ и пояса; ея талья походила на обрубокъ; у нея были характерныя, рѣзко очерченныя губы, какъ у всѣхъ принцевъ австрійскаго дома, довольно красивые голубые глаза и очень серьезное и не особенно любезное выраженіе лица. Она была очень прилежна.

Вчера завтракала у меня въ Гадерсдорфѣ супруга князя Константина Разумовскаго со своими сестрами. Мнѣ хотѣлось повидать ихъ еще разъ передъ ихъ отъѣздомъ въ Россію, куда онѣ уѣзжаютъ на-дняхъ. Я нашла, что князь постарѣлъ и былъ грустенъ; его разорила безумная роскошь; онъ выстроилъ на Вѣнскомъ предмѣстьи дворецъ, чуть не цѣлый городокъ, такъ какъ онъ не хотѣлъ видѣть около себя постороннихъ домовъ. Императоръ австрійскій, говоря на конгрессѣ съ Александромъ I о Разумовскомъ, называлъ его „королемъ одного изъ своихъ предмѣстьевъ“. Тщеславіе, доведенное до крайнихъ предѣловъ, граничитъ со смѣшнымъ, а гордость возбуждаетъ ненависть: Разумовскій избѣгнулъ, какимъ-то чудомъ, этихъ недо-

статковъ, это—аристократъ, весьма представительной наружности, умѣющій быть любезнымъ; его осанка надменна; взглядъ высокомѣренъ: онъ гордится всѣмъ: своимъ происхожденіемъ, положеніемъ въ свѣтѣ, своей наружностью, словомъ, въ немъ все дышетъ гордостью, и онъ живетъ съ роскошью аристократа и азіата.

Его природныя качества, высокое происхожденіе и счастье сдѣлали его человѣкомъ, во всѣхъ отношеніяхъ выдающимся. Иногда онъ бываетъ очень высокомѣренъ, это нехорошо, такъ какъ гордость унижаетъ, а не возвеличиваетъ человѣка, подобно тому, какъ несоразмѣрный пьедесталъ портитъ статую [1]).

Мы сидѣли въ моемъ прекрасномъ залѣ, двери были открыты, и мы любовались видомъ на Пратеръ и на Дунай. Графиня Врбна (Wrbna), только-что пріѣхавшая изъ Рима, разсказывала, какъ странно одѣваются въ Италіи англичанки: онѣ украшаютъ себя фазаньими перьями и вышивками въ видѣ крыльевъ мухъ; носятъ обыкновенно ярко-красныя платья, какъ кардиналы; но одна полька, графиня Потоцкая, превзошла всѣхъ своею оригинальностью: она носила постоянно на груди большой медальонъ съ изображеніемъ папы, молящагося въ своей молельнѣ.

Лордъ Байронъ, этотъ ловеласъ въ политикѣ, въ поэзіи и бракѣ, не можетъ ѣздить въ Венеціи иначе, какъ верхомъ. Удачный выборъ мѣста для кавалькадъ!

Записать на память какой-нибудь фактъ равносильно тому, какъ бы остановить стрѣлку часовъ. Черезъ годъ я навѣрное позабыла бы, что я была сегодня у графини Розаліи Ржевусской. У нея ожидали съ нетерпѣніемъ княгиню Волконскую, въ надеждѣ, что она будетъ пѣть и декламировать. Здѣсь существуетъ удивительный обычай эксплоатировать таланты путешественниковъ; ихъ приглашаютъ изъ дома въ домъ, подобно фокусникамъ или обезьянамъ.

Вчера былъ большой вечеръ у г. де Караманъ, гдѣ должна была пѣть княгиня Волконская, но она не пожелала ни пѣть, ни декламировать, къ великому разочарованію собравшихся, которые предвкушали это удовольствіе; вслѣдствіе чего, вечеръ прошелъ самымъ скучнымъ и томительнымъ образомъ. Не знаю, будутъ ли вечера графини Ржевусской удачнѣе, я уѣхала отъ нея, когда этотъ великій вопросъ еще не былъ рѣшенъ. Княгиня Волконская очень некрасива, блѣдна, какъ смерть, но умъ и талантъ конечно украшаютъ всякаго.

---

[1]) Гордый, великолѣпный, высокомѣрный русскій вельможа сдѣлался за нѣсколько лѣтъ до смерти немощенъ физически и умственно. Но въ то время, какъ онъ перешелъ въ католичество, его блестящія умственныя способности были еще въ полной силѣ. Его обращенію въ католичество много способствовалъ герцогъ Рагузскій. Какъ это ни странно, но это такъ. Князь часто видѣлся съ маршаломъ во время своей ссылки.

Однимъ изъ самыхъ любопытныхъ эпизодовъ этой зимы былъ пріѣздъ Персидскаго посольства, для котораго было отведено помѣщеніе въ великолѣпномъ домѣ барона Беснера, называемымъ Kaiserhaus; онъ былъ нанятъ дворомъ за 180 дукатовъ въ мѣсяцъ. Это не особенно дорого за два флигеля, которые занимало посольство. Персы находили, что ихъ помѣщеніе отдѣлано весьма скромно, хотя въ этотъ прекрасный домъ, гдѣ жила Марія-Терезія послѣ своего замужества, отчего онъ и получилъ названіе Kaiserhaus, были перенесены, по повелѣнію двора, диваны, ковры и все восточное убранство. Персы называютъ предмѣстье, въ которомъ они живутъ: „грязнымъ предмѣстьемъ" (Вѣнскія предмѣстья еще не были вымощены въ то время). Трудно найти человѣка болѣе вздорнаго и придирчиваго, нежели Мирза-Абдулъ-Гассанъ-ханъ; онъ придирается ко всему, требуя соблюденія этикета; онъ скупъ, но очень уменъ, хитеръ и прекрасно знаетъ европейскіе обычаи, такъ какъ онъ провелъ три года въ Петербургѣ и четыре года въ Лондонѣ. Онъ понимаетъ по-французски и говоритъ очень хорошо по-англійски. Въ рѣчи, произнесенной имъ на аудіенціи, онъ назвалъ императрицу „начальницей сераля", а она была окружена въ день его пріема какъ разъ самыми почтенными придворными дамами, старыми и некрасивыми; наши щеголи очень потѣшались надъ этими курьезными иностранцами, но персы, кажется, находятъ, что мы болѣе варвары, нежели они. Наши костюмы, вальсы, декольтированныя дамы, наше свободное обращеніе съ ними кажутся имъ верхомъ распущенности. По правдѣ сказать, на балу у Карамана ихъ лорнировали, окружали и толкали до того, что они едва не задохнулись. Молодыя дѣвушки, считая ихъ вѣроятно людьми неважными, дергали ихъ за рукава, за одежду, чтобы лучше разсмотрѣть матерію, изъ коей она сдѣлана, и тронуть великолѣпную рукоятку кинжала Мирзы-Абдулъ-Гассанъ-хана. Среди этихъ свѣженькихъ, хорошенькихъ, бѣленькихъ дѣвушекъ и молоденькихъ дамъ, персы съ ихъ смуглыми лицами, густыми бородами, оригинальнымъ костюмомъ и ихъ нѣсколько „султанскими" взглядами, производили странное впечатлѣніе, красивѣе всѣхъ былъ самъ посланникъ, у него очень величественная осанка, и онъ стоитъ нравственно и физически гораздо выше прочихъ членовъ посольства.

Графиня Софія З. большая кокетка; ее очень забавляетъ страсть, которой пылаетъ къ ней секретарь Мирзы-Абдулъ-Гассанъ-хана. Это образованный персъ, поэтъ; къ его поясу привѣшана чернильница— знакъ его учености и обязанности, которую онъ несетъ при посланникѣ. Онъ бросаетъ томные взгляды на графиню, которой густыя черныя брови и красивый, но смуглый цвѣтъ лица придаютъ сходство съ красавицами черкешенками.

Графиня Софія просила его написать ей что-нибудь въ альбомъ на персидскомъ языкѣ; онъ воспользовался случаемъ, чтобы восхвалить ея красоту, сравнимъ ея талью съ вѣтвью гіацинта и т. п...

Я отправилась вмѣстѣ съ г-жами Хотенъ и Колловратъ, чтобы взглянуть на знаменитую красавицу черкешенку, любимую невольницу Мирзы-Абдулъ-Гассанъ-хана. Приставленные къ ней негры съ большимъ трудомъ допустили насъ къ ней. Наконецъ, двери предъ нами распахнулись, и мы увидѣли, къ величайшему нашему изумленію, некрасивую женщину, невысокаго роста, довольно худощавую, очень смуглолицую, съ черными бровями и рѣсницами, прекрасными большими черными глазами, черными неопрятными волосами, на которые она накинула какія-то тряпки съ старыми выцвѣтшими искусственными цвѣтами, очевидно для того, чтобы казаться наряднѣе. Она была одѣта по-европейски, въ скверномъ сильно поношенномъ платьѣ изъ желтой кисеи. Въ общемъ, она походила на странствующую комедіантку; но выраженіе ея лица было грустное и кроткое. При ней находилась, для ея развлеченія, одна изъ маленькихъ воспитанницъ театра—г-жи Видеръ, дѣвочка лѣтъ 5—6, и она охотно забавлялась съ нею. Молодая невольница смотрѣла съ видимымъ удовольствіемъ и завистью на наши утренніе туалеты, на наши бархатныя шубы, опушенныя мѣхомъ, на наши кашемировыя шали и искусственные цвѣты, приколотые къ волосамъ. Но вдругъ, черные невольники поспѣшно увели насъ; по саду быстро катилась карета Мирзы, возвращавшагося съ своей первой торжественной аудіенціи. Мы остались въ одной изъ залъ, чтобы посмотрѣть на него. На немъ былъ великолѣпный костюмъ, но онъ былъ страшно разгнѣванъ. Переводчикъ, Гаммеръ, задержавъ его, чтобы онъ не повернулся, уходя, къ императору спиною, сломалъ, по его словамъ, одно изъ звеньевъ цѣпи, на которой висѣлъ орденъ Льва и Солнца. Онъ былъ видимо внѣ себя отъ гнѣва и показывалъ сломанную цѣпь стоявшимъ вокругъ него безмолвно персамъ. Его успокоили, обѣщавъ ему, что цѣпочка будетъ починена до обѣда. Главное онъ былъ страшно раздраженъ по поводу правилъ этикета, которыя ему пришлось соблюдать; его пришлось принудить къ этому чуть не силою.

Графиня Ржевусская, рожденная княжна Любомірская, принимаетъ каждый вечеръ. Въ этомъ году у нея очень скверная маленькая квартира, въ которой задыхаешься; у нея бываетъ множество народа, въ особенности знатныхъ путешественниковъ. Я была у нея вчера. Мнѣ пришлось сидѣть подлѣ одного человѣка съ замѣчательной наружностью: его огненный, проницательный и въ то же время меланхоличный взглядъ какъ будто заглядываетъ въ будущее; у него прекрасный греческій профиль; онъ веселый собесѣдникъ, заразительно смѣется (что встрѣчается рѣдко), остроуменъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вы-

раженіе лица у него очень доброе. Это былъ графъ Каподистрія, другъ и довѣренное лицо императора Александра. Онъ утверждалъ, что вѣритъ въ сны и въ привидѣнія; быть можетъ, это была только шутка.

Виртембергскій посланникъ, графъ Винцингероде, занималъ общество прескучнѣйшимъ и безконечнымъ пересказомъ одного романа. Хотя иностранные сановники, въ общемъ, говорятъ хорошо по-французски, но они не достаточно хорошо знаютъ тонкости французскаго языка, чтобы избѣгнуть всего, что могло бы оскорбить слушателей или показаться вульгарнымъ; противъ него сидѣла сама графиня Розалія Ржевусская; ея ироническій и высокомѣрный взглядъ смущалъ разсказчика, который потерялъ наконецъ всякое самообладаніе; потъ струился съ его лба, и онъ едва докончилъ свой разсказъ. Это былъ сокращенный пересказъ романа въ 3-хъ частяхъ г-жи Пихлеръ, который всякій могъ прочесть уже два года тому назадъ. Между тѣмъ графъ Винцингероде человѣкъ несомнѣнно умый; но умъ бываетъ подчасъ столь тяжеловѣсенъ, что для салонной бесѣды, право, было бы не дурно, если бы онъ былъ менѣе глубокомысленъ. Взглядъ графини Ржевусской напоминаетъ взглядъ змѣи, когда она гипнотизируетъ птицу; онъ полонъ ироніи и презрѣнія. Отъ него не скроешься, онъ жалитъ и проникаетъ до глубины души. Графиня никогда, никогда не можетъ внушить любви. Есть ли у нея другъ среди женщинъ?

Я вошла, однажды, неожиданно къ одной дамѣ, пользовавшейся славой добродѣтельной женщины; она была уже не молода, но когда-то была красавицей. Двери были открыты; въ передней не было лакеевъ. Я была поражена и покраснѣла до корня волосъ, увидавъ ее въ самомъ утреннемъ небрежномъ нарядѣ, который можно было объяснить только большой жарою, сидящей на колѣняхъ у графа С., обвивъ руками его шею. Онъ давалъ ей урокъ англійскаго языка; они вмѣстѣ придерживали книгу; ихъ головы соприкасались. Не знаю, позабыли ли они объ этой минутѣ; что касается меня, то я была до того смущена, что никогда этого не забуду. Я строго хранила все видѣнное въ тайнѣ; никогда не проронила объ этомъ ни слова, но, по правдѣ сказать, это навело меня на весьма печальныя размышленія относительно добродѣтельныхъ репутацій. Это была замужняя дама, но она давно уже разошлась со своимъ мужемъ и сыномъ, коихъ обвиняли во всемъ, а ее считали жертвою!

Жизнь нѣкоторыхъ особъ высшаго круга складывается очень странно. Инымъ людямъ такъ же трудно бываетъ потерять добрую славу, какъ другимъ сохранить ее, такимъ феноменомъ была очаровательная красавица Аврора де Марассе, эмигрантка безъ всякихъ средствъ, безъ поддержки, при томъ поступавшая всегда крайне неосторожно. Очутившись въ Вѣнѣ, не знаю, какимъ образомъ, въ числѣ лицъ, сопро-

*

вождавшихъ генерала Дюмурье, она быстро составила себѣ прочное положеніе въ обществѣ. Сдѣлавшись канониссой почетнаго капитула г. Брюнна, она была представлена ко двору и ее принимали съ распростертыми объятіями въ самыхъ аристократическихъ салонахъ; она была близка съ самыми высокопоставленными лицами, и въ то же время считала въ числѣ своихъ друзей женщинъ самаго легкаго поведенія и мужчинъ, коихъ знакомство считалось предосудительнымъ для репутаціи хорошенькой женщины, каковы князь Меттернихъ, князь Дитрихштейнъ и въ особенности де-Лосъ-Ріосъ, смѣлый ловеласъ, веселый, беззаботный и порядочный негодяй.

Странную роль играла среди дипломатовъ г-жа де Марассе (какъ канониссу ее называли Madame), жившая въ мансардѣ дома князя Сольмскаго; бывшая одно время компаньонкой княгини Багратіонъ, гувернанткой или чѣмъ-то въ родѣ при маленькой Клементинѣ (дочери князя Меттерниха и княгини Багратіонъ), она принимала въ своей мансардѣ, нерѣдко не вставая даже съ постели, посланниковъ, министровъ и уполномоченныхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ; принимала слугъ, лишившихся мѣстъ, которые просили ея покровительства и радовалась, когда она могла помочь имъ, дѣлая это безъ малѣйшаго вознагражденія. Покровительствуя однимъ, она пользовалась, въ свою очередь, покровительствомъ высокопоставленныхъ лицъ, но нерѣдко буквально умирала отъ голода, платья ея были въ заплатахъ, но она носила на головѣ роскошную діадему изъ брилліантовъ, получала цѣнные подарки отъ высокопоставленныхъ лицъ, пользовалась ихъ экипажемъ, слугами, нерѣдко даже безъ ихъ вѣдома; появлялась вездѣ; больная, обезсиленная, она все еще была хороша собою, несмотря на то, что она была блѣдна, желта и ходила сгорбившись.

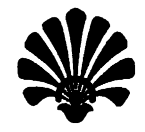
Она обращалась запросто съ сановниками, отвѣчала на ихъ двусмысленныя шутки съ достоинствомъ и апломбомъ, но не была злопамятна.

Она была извѣстна въ высшемъ обществѣ подъ именемъ Авроры. Монархи, съѣхавшіеся на конгрессъ, здоровались съ нею за руку. Въ ея мансардѣ нерѣдко собирались дипломаты, когда они хотѣли избѣжать надзора. Разумѣется, въ ея жизни, было не мало огорченій, но клевета и сплетни ея не коснулись. У Авроры не было ни гроша, это было всѣмъ извѣстно; никто не могъ понять, какъ она жила, когда ея покровительницы, герцогини Курляндскія, у которыхъ она имѣла столъ, уѣзжали изъ Вѣны; какъ сейчасъ помню, она пришла однажды утромъ ко мнѣ, блѣдная, измученная, обезсиленная, прося меня Бога ради дать ей поскорѣе чашку бульона, такъ какъ она ничего не ѣла съ самаго отъѣзда герцогини Саганъ, уѣхавшей сутки тому назадъ. Я поспѣшила исполнить ея просьбу; она плакала и говорила съ от-

чаяніемъ о своей горькой долѣ. Въ тотъ же вечеръ я видѣла ее, живую и веселую, на большомъ раутѣ у князя Разумовскаго.

Когда наслѣдный герцогъ Кобургскій женился на герцогинѣ Саксенъ-Кобургъ-Готской, ея друзьямъ удалось доставить ей мѣсто оберъ-гофмейстерины при самой принцессѣ. Герцогъ обѣщалъ ей нѣкогда это мѣсто шутя, въ то время, когда онъ ухаживалъ за княгиней Багратіонъ, но она, со свойственнымъ ей умомъ, сдѣлала видъ, что приняла эту шутку серьезно; впрочемъ, ревнивая и взбалмошная молодая герцогиня держала ее при себѣ недолго. Оставивъ этотъ маленькій, но бурный дворъ, Аврора де Марассе отправилась на воды въ Эксъ, въ Савойю, гдѣ она встрѣтилась съ графомъ де Венансонъ, сардинскимъ дворяниномъ, за котораго и вышла замужъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1905 г.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

Портреты.

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. Матеріалы и замѣтки.

Библіографическій листокъ.

1. **Арсеній, епископъ псковскій.** Изслѣдованія и монографіи по исторіимолдавской церкви. Части I и II. Съ 8-ю автотипическими портретами. Спб. 1904 г.—Н. И. Кашкадамова (на обверткѣ іюльской книги).

2. **С. Кузьминъ.** Война во мнѣніяхъ передовыхъ людей. Ц. 2 р. 50 к.— Н. И. Кашкадамова (на оберткахъ августовской и сентябрьской книгахъ).

мѣнная и самая настоятельная причина каждой войны, какимъ бы образомъ и по какому бы случаю война ни возникала, есть нарушеніе экономическаго равновѣсія.

Цѣль войны бываетъ двоякая,— говоритъ Кунъ,—политическая или военная. Политическая цѣль состоитъ въ осуществленіи посредствомъ войны извѣстныхъ намѣреній, обусловливаемыхъ различными причинами. Военная цѣль или цѣль самой войны состоитъ въ пораженіи или такомъ уничтоженіи противника силою оружія, что послѣдній долженъ сдаться,— такимъ образомъ она ведетъ и къ достиженію политической цѣли. Поэтому война есть только орудіе политики и, какъ таковое, подчинено ей.

Мильтонъ замѣчаетъ: стыдъ и позоръ роду человѣческому! Даже демоны стараются сплотиться въ одну семью и жить въ полномъ согласіи, а люди,—и изъ всѣхъ разумныхъ созданій только одни они, хотя имъ и дана надежда на Божью благодать и на прощеніе грѣховъ,—не могутъ уживаться въ мирѣ другъ съ другомъ. Господь предписываетъ жить въ мирѣ, въ согласіи и въ любви, а люди между тѣмъ ненавидятъ другъ друга, ссорятся и безъ конца враждуютъ между собою. Они ведутъ ожесточенныя кровопролитныя войны и, желая истребить одинъ другаго, опустошаютъ цѣлыя страны, какъ будто у людей,—и это, кажется, должно бы образумить ихъ,—мало враговъ въ подземномъ царствѣ, которые день и ночь только о томъ и думаютъ, какъ бы вѣрнѣе ихъ погубить.

Пасси говоритъ: пора признать, что желѣзо и люди пригодны на что-либо иное, чѣмъ на превращеніе ихъ въ пушки и трупы; что народы отнынѣ намѣрены почитать не того, кто болѣе другихъ опустошаетъ землю, а того, кто ее успѣшнѣе обрабатываетъ. Люди желаютъ жить и развиваться въ мирѣ; они его предпочитаютъ войнѣ, которая лишь увеличиваетъ сумму страданій на землѣ и истребляетъ плоды мира.

По мнѣнію Гегеля, война необходима для нравственнаго развитія. Она возвышаетъ наше человѣческое достоинство; въ ней высшее проявленіе нашей доблести; она воскрешаетъ мужество въ народахъ, изнѣженныхъ миромъ, упрочиваетъ существованіе государствъ, династій, служитъ пробнымъ камнемъ для народовъ, раздаетъ власть достойнѣйшимъ, сообщаетъ всему въ обществѣ движеніе, жизнь.

Прусскій генералъ А. Богуславскій говоритъ: безъ войны не могла бы существовать на землѣ военная доблесть, а между тѣмъ—это одно изъ наиболѣе высокихъ проявленій человѣческой жизни и одинъ изъ богатѣйшихъ источниковъ поэзіи. А военный духъ храбрости, чести, дисциплины, преданности отечеству, самопожертвованія, презрѣнія, ради интересовъ родины, своими выгодами и самою жизнью,—развѣ всѣ эти качества не дѣлаютъ народъ болѣе способнымъ для мирнаго труда и преуспѣянія въ прогрессѣ цивилизаціи? Кн. Бисмаркъ сравниваетъ войны съ бурями или лихорадками, послѣ которыхъ, будь то въ воздушныхъ струяхъ, или человѣческомъ организмѣ, возстановляется нарушенное равновѣсіе. Съ этой точки зрѣнія можно только прославлять войну, которая ломаетъ желѣзныя оковы привычекъ повседневной жизни, даетъ случай развернуться талантамъ и высокимъ добродѣтелямъ, и ставитъ каждаго на подобающее ему, по его способностямъ, мѣсто.

Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Будущая война" Бліохъ говоритъ: не можетъ подлежать сомнѣнію, что самое впечатлѣніе битвы на войска, при нынѣшней силѣ оружія, будетъ несравненно значительнѣе, чѣмъ прежде, а бездымность пороха измѣнитъ и характеръ этого впечатлѣнія. Пѣхотный огонь и пальба орудій пріобрѣли небывалую силу, а оказаніе помощи раненымъ затруднилось самой дальнобойностью ружей и орудій. И пороховой дымъ уже не будетъ скрывать отъ остающихся въ рядахъ ужасныя послѣдствія боя; идти впередъ надо будетъ видя съ полной ясностью все дѣйствіе истребленія.

Англійскій писатель Дэймондъ замѣчаетъ: мы не находимъ словъ для выраженія своего негодованія, сожалѣнія, ужаса, когда узнаемъ въ газетѣ о какомъ-нибудь злодѣйскомъ убійствѣ, и съ улыбкою удовольствія читаемъ слѣдующія же строки этой самой газеты съ извѣстіемъ о томъ, что мы выиграли такое-то сраженіе, и что на полѣ битвы пало 850 враговъ. Хотя по здравому разсужденію послѣднее извѣстіе въ 850 разъ печальнѣе перваго, однако первое служитъ для насъ предметомъ печали, второе—радости.

Въ бою, съ перваго же дня,—говоритъ Чичаговъ,—нервы грубѣютъ, притупляются, и глазъ равнодушно смотритъ на обезображенные трупы. Въ пылу сраженія забывается все прошлое, близкое сердцу и, лишь по окончаніи его, являются минуты сознанія и горя.

Императоръ Александръ I вполнѣ справедливо замѣтилъ: когда исходъ войны не былъ благопріятенъ для государства, то подымались клики противъ правительства, утверждавшіе, что оно могло бы избѣжать войны, что война велась дурно, выборъ генераловъ былъ плохой и т. д.

Вполнѣ справедливы также слова Жирардена: да, война, это кровавое слово, которое невозможно произнести безъ того, чтобы не явилось сомнѣніе даже въ прогрессѣ цивилизаціи, слово война волнуетъ теперь всѣхъ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1905 г.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1904 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ**.

MAR 9 '61 H